

Ф. В. Булгарин

Воспоминания 1

РОССИЯ В
МУЗЕЯХ

Воспоминания Мемуарные очерки Том 1 //Новое литературное обозрение,
Москва, 2021
ISBN: 978-5-4448-1524-3
FB2: , 28.06.2021, version 1
UUID: ae829707-e5fd-11eb-bbe4-0cc47a5f137d
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Фаддей Венедиктович Булгарин

Воспоминания. Мемуарные очерки. Том 1

(Россия в мемуарах)

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) – одна из ключевых фигур русской литературы первой половины XIX века. Ожесточенная полемика с А. С. Пушкиным и действия в качестве агента Третьего отделения способствовали ухудшению его репутации, но не следует забывать, что он был одним из самых читаемых авторов своего времени, крупным издателем и редактором – в частности, первым сумел «провести в печать» фрагменты «Горя от ума» А. С. Грибоедова и ввел в русскую литературу ряд жанров. Занявшись публикацией своих мемуаров, Булгарин совершил беспрецедентный поступок: впервые в России мемуарист при жизни издал автобиографию. «Воспоминания», вошедшие в первый том этого издания, повествуют о начальном этапе бурной жизни автора, достойной плутовского романа: детстве в польской семье в Белоруссии, обучении в кадетском корпусе в Петербурге, участии в войнах с Францией и Швецией, службе в Кронштадте, петербургском быте и развлечениях начала XIX века, встречах с известными людьми и любовных

увлечениях. Более поздний этап жизненного пути Булгарина отражен в мемуарных очерках, составляющих второй том книги. Они посвящены Наполеону, Карамзину, Аракчееву, Крылову, Грибоедову и др. В качестве приложения публикуются письма Булгарина цензорам «Воспоминаний», донос М. А. Корфа на мнение писателя о М. М. Сперанском, отклики Н. А. Полевого и Я. К. Грота на «Воспоминания» и ответы им автора.

Содержание

БУЛГАРИН КАК МЕМУАРИСТ	0006
ВОСПОМИНАНИЯ Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни	0087
#1	0087
#2	0087
БОЛЕЕ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНИЕ ИЛИ ПРЕДИСЛОВИЕ	0088
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0102
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	0349
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	0613
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	0914
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	1200
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	1453
КОММЕНТАРИИ	1685

Ф. В. Булгарин
Воспоминания Мемуарные
очерки Том 1

БУЛГАРИН КАК МЕМУАРИСТ

1

7 декабря 1845 г. в книжные магазины М. Д. Ольхина в Петербурге и Москве поступила в продажу первая часть «Воспоминаний» Ф. В. Булгарина. На следующий день объявление об этом появилось в «Северной пчеле», где сам автор в очередном субботнем фельетоне сообщал: «Вчера вышла в свет книга под названием “Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни”. Господа журналисты, устройвайте свои батареи, окопы и подкопы, вывозите орудия и высылайте застрельщиков. Вот он! *Воспоминания из жизни* – то же, что жизнь; итак, жизнь его в ваших руках! Бей наповал, жалеть нечего! Опасности для критиков нет никакой, потому что ответа не будет, а когда нет опасности, тогда все храбры. Людям, находящимся вне критического поприща, скажем иное. <...> Теперь вышла в свет *первая* часть, а *вторая* часть печатается и выйдет к Новому году. Будет ли более частей или нет, сам автор не знает и ничего не

обещает»[1]. Через день вышел в свет декабрьский номер журнала «Библиотека для чтения» с журнальным вариантом, а в начале января – вторая часть «Воспоминаний». При этом Булгарин, по своему обыкновению опережая критику, вызывал огонь на себя: «Журналы еще до сих пор не разобрали “Воспоминаний Фаддея Булгарина”! Остряты штыки и заряжают орудия <...>. Чего ждать... стреляйте!»[2]

Так началась растянувшаяся на несколько лет публикация многотомного жизнеописания популярного писателя и журналиста Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859). Все свидетельствовало о хорошо продуманной маркетинговой стратегии: выход в свет накануне нового года, одновременный выход из печати отдельного и журнального изданий. Однако литературный проект, на который Булгарин возлагал большие надежды, вызвал предсказуемую негативную реакцию литературного сообщества. В результате издание было прекращено в 1849 г. после выхода шестой части, хотя ранее редакция «Библиотеки для чтения» сообщала, что приобрела «от знаме-

нитого автора» все десять частей его «Воспоминаний»[3].

Тем не менее в истории отечественной литературы этот факт беспрецедентен: впервые в России известный писатель при жизни опубликовал воспоминания о себе. С одной стороны, «Воспоминания» явились закономерным итогом литературной деятельности Булгарина, «последней апелляцией к публике»[4], попыткой откорректировать сложившуюся к этому времени репутацию. С другой – Булгарин как всегда чутко угадал современные литературные тенденции и читательские запросы.

Во-первых, к 1840-м гг. интерес широкого читателя сместился от активно развивавшейся в отечественной словесности в предшествующее десятилетие исторической беллетристики к мемуарам. К этому времени завершил свои воспоминания И. И. Дмитриев, появились мемуарные очерки С. Н. Глинки и Н. И. Греча, приступил к работе над мемуарами Ф. Ф. Вигель. Однако, даже будучи ориентированы на публику, в отличие от записок для себя и узкого круга читателей (о чем свиде-

тельствует публикация в периодике), в виде авторского жизнеописания, выпущенного отдельным изданием, в соответствии с литературно-этическими понятиями эпохи и нормами книгоиздательского дела, эти мемуары увидели свет лишь после смерти их авторов [5].

Во-вторых, появился культурный запрос на писательскую биографию, свидетельствующий о закреплении особого общественного статуса писателя. Булгарин полагал, что в начале 1830-х гг. А. Ф. Смирдин положил «первое основание новому сословию – сословию литераторов» [6]. Среди событий, легитимирующих новое сословие в общественном сознании, – первое празднование в феврале 1838 г. писательского юбилея (пятидесятилетия литературной деятельности И. А. Крылова), открытие памятников Г. Р. Державину в Казани и Н. М. Карамзину в Симбирске. Булгарин высоко оценивал заслуги Карамзина и причислял себя к писательскому поколению, созданному им.

Среди причин, вызвавших к жизни булгаринские мемуары, нельзя сбрасывать со сче-

тов и изменившуюся общественную атмосферу, сопровождавшуюся усилением цензурного гнета: начало 1840-х гг. отмечено резкими конфликтами Булгарина с цензурой [7], осложнением отношений с властными структурами. Так, в период хлопот (которые велись через графа А. Ф. Орлова) о разрешении печатать в «Северной пчеле» частные объявления Булгарин писал Н. И. Гречу 15 июня 1844 г.: «...я ни за какие блага в мире не пойду к графу О[рлову]. <...> Граф О[рлов] – быть может, человек прекраснейший, но я его вовсе не знаю, и чужд ему. Полагаю даже, что он из числа тех русаков, которые вменяют мне в *преступление* мою наполеоновскую службу <...>. Зачем же мне унижать седую голову мою, склоняя ее перед человеком, который не хочет или не умеет постигнуть тогдашнего моего положения?» [8] Близко по духу и булгаринское письмо к Л. В. Дубельту от 21 ноября того же года [9]. Сложившиеся обстоятельства могли спровоцировать желание завершить «Воспоминаниями» литературную карьеру и окончательно осесть в своем прибалтийском имении Карлово под Дерптом.

Нельзя исключать и влияние на Булгарина его ближайшего соратника Н. И. Греча, опубликовавшего в 1830-х гг. несколько мемуарных очерков, в которых тот утверждал память как единственную оставшуюся творческую силу: «А мы, запоздалые, что создадим в камере-обскуре, действительно темной хранилище нашего воображения? <...> Все, что я ни делаю, о чем ни помышляю, сбивается у меня на воспоминания»[10]. Наконец, немаловажным биографическим моментом, инициирующим подведение итогов, мог быть пятидесятилетний юбилей Булгарина, пришедшийся на 1839 г.

К началу работы над «Воспоминаниями» Булгарин не был новичком в мемуаристике. В какой-то мере своеобразной подготовкой к ней стала его деятельность как автора некрологов, печатавшихся на страницах «Северного архива», «Литературных листков» и «Северной пчелы», в этом качестве он был хорошо известен читателю. Обращаясь в апреле 1845 г. к Л. В. Дубельту за материалами для биографии недавно умершего Н. С. Мордвинова, Булгарин, явно преувеличивая количество своих

статей-некрологов, писал: «Судьба предоставила мне печальную обязанность быть биографом почти всех замечательных лиц, скончавшихся в России, в течение 26 лет»[11]. Некоторые статьи, посвященные знакомым Булгарину лицам, перерастали формальное жанровое задание, включая мемуарный элемент[12]. В периодике не раз появлялись мемуарные сочинения Булгарина, представлявшие собой по преимуществу очерки-портреты исторических лиц, помещенные в картины быта и нравов эпохи[13]. По свидетельствам современников, ему удалось живо и точно запечатлеть характерные черты Карамзина, Грибоедова, Крылова. Вместе с тем его мемуарные очерки о выдающихся людях эпохи в силу своей жанровой природы предполагали открыто выраженное личностное начало, организующее воспоминание как текст, в итоге – отблеск славы и величия замечательных современников падал на Булгарина, вызывая негодование литературных противников и провоцируя многочисленные эпиграммы, вроде саркастических строк Вяземского: «К усопшим льнет, как червь, Фиг-

лярин неотвязный...» (1845)[14]. Однако даже самым непримиримым критикам Булгарина нечего было противопоставить ему как мемуаристу – зачастую он оказывался единственным запечатлевшим облик ушедшего незаурядного человека. Такова была ситуация с возмущившим пушкинское окружение (и вызвавшим у Пушкина желание ответить) мемуарным очерком о Карамзине, названным В. Э. Вацуро «лучшим из современных рассказов об историографе»[15].

Неизвестно точно, когда Булгарин начал работу над «Воспоминаниями». Возможно, что записки дневникового или мемуарного характера он вел и раньше, по крайней мере, об этом свидетельствуют описания событий многолетней давности и появившиеся на раннем этапе его литературной деятельности подзаголовки военных рассказов «из записок» или «из воспоминаний»[16], но лишь в статье «Театральные воспоминания моей юности»[17] можно увидеть предвестие будущего автобиографического проекта. Начало 1840 г. и границу нового десятилетия Булгарин отметил редакционной статьей о своем

поколении как свидетеле знаменательной исторической эпохи: «Еще пролетит столько же времени, и на земном шаре останется едва несколько человек встречавших уже в зрелом возрасте Новый год нового века! Очевидное свидетельство превратится в предание, и в конце текущего века едва будут верить тому, что мы видели в первой его половине. <...> Мы не догадывались, что вступаем в век чудес и славы, когда детскою рукою писали впервые на школьной доске 1800 год!»[18] Этот пассаж отзовется во Вступлении к «Воспоминаниям», мотивируя их задание: «Жил я в чудную эпоху, видел вблизи вековых героев, знал много людей необыкновенных...». Из переписки Булгарина достоверно известно, что в 1843 г. работа над мемуарами уже велась[19].

Работал Булгарин быстро, интенсивность его литературного труда поразительна. Достаточно напомнить, что в те же самые годы, когда пишутся первые части «Воспоминаний», он издает «Северную пчелу», регулярно помещает в периодике свои статьи, совместно с Н. А. Полевым пишет для «Библиотеки для чте-

ния» роман-фельетон «Счастье лучше богатства».

2

Приступая к «Воспоминаниям», Булгарин, безусловно, осознавал новизну и нетривиальность предпринимаемого им литературного шага. Архаичность поэтики – общее место при оценке болгаринского литературного наследия, однако нельзя не заметить, что и литературные новации он считывал едва ли не быстрее других, небезуспешно осваивая их. Наследник риторической эпохи, он чрезвычайно чуток к жанровым характеристикам произведений. В этом отношении принципиально уточняющее название, данное им своим мемуарам: «Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни». Такая форма позволяла избежать окончательных оценок героя, его жизненного пути и места в истории, а главное, давала возможность свободы как в отборе событий, так и в принципах организации повествования. Не случайно он согласился с определением своей мемуарной манеры как импровизационной[20]. Впервые за долгий литературный путь Булгарин де-

кларифицирует независимость от публики, претендуя на некоторую творческую свободу: «...не принимаю никакой обязанности перед публикою» (с. 50). Традиционная для него просветительская интенция – стремление сочетать добро, истину и пользу («излить чувства моей благодарности», «высказать несколько полезных истин», «представить подлинную характеристику моего времени») неожиданно корректируется субъективной установкой, коренящейся в самой психологии мемуарного творчества, открывающей новую грань авторской личности: «При воспоминании прошлого кажется мне, будто жизнь моя расширяется и увеличивается и будто я молодею! <...> Пишу с удовольствием, потому что это занимает меня...» (с. 49).

Избранная жанровая форма не освобождала, однако, от поисков начала, придающего цельность биографическому нарративу, которым предсказуемо оказывалась личность автобиографического героя, что предполагало внимание к «природе человеческой» и к социальной сущности человека. Первая, по мнению Булгарина, дает о себе знать в дет-

ские годы, а вторая принадлежит эпохе зрелости человека, его вступления в гражданское общество, следовательно, полагает он, принципы повествования не могут не учитывать этой разницы в частях, посвященных разным этапам становления героя. Иногда эти аспекты постижения личности остаются лишь декларированными, но именно они призваны собрать «отрывки» в единый текст. Необходимо было найти тот биографический сюжет, который восстановил бы целостность личности мемуарного героя, утраченную в глазах русского читателя Булгариным-литератором: широкая публика знала его как популярного писателя, в прошлом опытного военного, а для писательского литературного сообщества он давно стал репрезентантом петербургской торговой словесности, воплощением продажного журналиста. Выразительная деталь – летом 1840 г. на петербургской сцене шла пьеса Н. А. Полевого «Солдатское сердце», посвященная подвигу милосердия и терпимости, совершенному уланским офицером Булгаровым, прототипом которого послужил Булгарин, а осенью того же года публика смеялась

над водевилем Ф. А. Кони «Петербургские квартиры»[21], где в продажном журналисте Задарине столичному зрителю легко было узнать редактора «Северной пчелы».

Читатель был отчасти знаком с болгаринской биографией и благодаря его военным рассказам, не случайно Булгарин напомнил об этом во Введении. Предупреждая о характере повествования, он по сути назвал типы исторического повествования, освоенные им в жанрах исторической прозы (документально-исторические очерки, военные рассказы как вид исторической беллетристики и отделяемую от них собственно мемуаристику – «повести, основанные на истинных событиях»), и заверил: «Вообще, в моих “Воспоминаниях” нет и не будет ничего *выдуманного мною*» (с. 50).

Беллетристический и мемуарный модусы изображения осознаются Булгариным как принципиально различные. При этом напряжение возникает именно в восприятии границы фикционального и мемуарного, от которого ожидалась историческая достоверность. Уже на раннем этапе своей литератур-

ной деятельности он считал необходимым пояснить жанровую природу военного рассказа, обратившись к читателю в специальном объявлении: «Один из отличных литераторов сделал мне вопрос: все ли приключения, описанные в статье под заглавием “Военная жизнь”, случились именно со мною? <...> в сей статье собраны различные приключения, *виденные* и слышанные, для составления, так сказать, панорамы военной жизни. Различные случаи относятся к одному лицу, единственно в той цели, чтобы соблюсти план сочинения, не разрывать повествования отступлениями. Одним словом, “Военная жизнь” есть *сочинение* для изображения того, что представляется офицеру перед фронтом во время сражения и что может с ним случиться в кампании. Но главные анекдоты основаны на истине»[22].

Для адекватного воплощения замысла Булгарин попытался совместить уже освоенные им литературные практики с новыми. Обещанное в подзаголовках военных рассказов «воспоминание» наконец обрело жанровое воплощение. Новизна установки маркирует-

ся в тексте: «Иное дело литературная статья, иное дело рассказ очевидца или действовавшего лица, пишущего историю или правдивые записки. Расскажу теперь с исторической точностью то, что уже рассказано было с примесью литературных цветов» (с. 491). В мемуарах Булгарин «дебеллетризует» истории, знакомые читателям его рассказов. Наиболее известная – из эпохи Финляндской кампании, когда посланный арестовать шведского пастора девятнадцатилетний корнет Булгарин (в «Воспоминаниях» он добавил себе два года) из сострадания нарушил приказ, – подверглась двойной художественной перекодировке: положенная в основу военного рассказа «Прав или виноват?», она стала основой упоминавшейся пьесы Полевого «Солдатское сердце»[23], Булгарин же поместил вставной эпизод с тем же названием (в память о Полевом) в свои «Воспоминания», очистив его от «беллетристических цветов». Главными принципами создания мемуарного текста, таким образом, провозглашаются историческая достоверность и точность.

Однако проблемой стало как художествен-

ное воплощение этих принципов, так и обоснование самого права на подобное воплощение. Понимая, что делает предметом внимания читателей и критики свою частную жизнь, обстоятельства которой не раз являлись предметом эпиграмматических и памфлетных интерпретаций, Булгарин обосновывает свое право при жизни печатать подобное жизнеописание публичностью жизни литератора и опытностью бывшего военного: «Почти двадцать пять лет сряду прожил я, так сказать, всенародно, говоря с публикою ежедневно о всем близком ей; десять лет без малого не сходил с коня, в битвах и бивачном дыму пройдя с оружием в руках всю Европу <...>. Вот права мои говорить публично о виденном, слышанном и испытанном в жизни» (с. 45).

Мемуарный сюжет должны были составить четыре тематических узла биографического повествования, восходящие к основным социальным ролям героя: польский шляхтич, боевой русский офицер, капитан французской службы, русский литератор. Из них, как известно, описаны были лишь первые два –

сюжетная линия, посвященная службе под наполеоновскими знаменами, отсутствовала в связи с прекращением издания, соответственно повествование не было доведено, несмотря на обещания, до эпохи литературной деятельности героя. Однако присутствие этого последнего, чрезвычайно значимого для биографии звена и связанной с ним творческой интенции весьма ощутимо. Можно без преувеличения сказать, что мотив вражды и зависти литературных конкурентов и противников, которому противопоставлено славное военное прошлое мемуариста, в значительной мере инициирует мемуарное повествование, построенное на столкновении двух основных поприщ героя – литератора и военного, с их отчетливой иерархией и оценочной окраской. Среди причин, побудивших приняться за мемуары, Булгарин, как и следовало ожидать, указал на толки вокруг его имени, порожденные борьбой литературных партий и интересов, обещая восстановить истину ссылками на очевидцев и письменные документы.

Уже в первом приложенном к основному

тексту пояснения он привел документальные свидетельства о своем благородном происхождении из польского шляхетского рода Скандербеков, мотивируя это документальное включение литературно-полемическим контекстом, в котором создавалась его литературная репутация. Происхождение Булгарина было предметом иронии в эпиграммах, памфлетах и переписке пушкинского круга. Так, барон Е. Ф. Розен писал С. П. Шевыреву 16 декабря 1832 г.: «Сказывал ли вам Пушкин, что Булгарин домогается княжеского достоинства? Он утверждает, что он князь Скандербег-Булгарин!»[24] Полемика десятилетней давности между «литературными аристократами» и «торговой словесностью», в которой с «переходом на личности» публично выступили Булгарин и Пушкин, в 1840-е гг. приобрела иной характер и новых участников. Публичные критические выступления сменились непосредственной апелляцией к властям, при этом аргументация враждующих сторон, несмотря на некоторое стилистическое различие, оказывалась близкой. Темпераментный Булгарин, не стесняясь в выраже-

ниях, просил защиты от новоявленной аристократии «Отечественных записок» и «умолял о правосудии» председателя Петербургского цензурного комитета князя М. А. Дондукова-Корсакова: «Никто более меня не уважает аристократии, потому что я сам рожден в ней и повит голубыми лентами, и я не виновен, что вековые аристократии разрушаются с падением государств и лишаются влияния в отечестве победителей! Но, воля ваша, я не могу признать аристократами шайки, издающей “Отечественные записки”, которая только изменяясь в лицах, всегда действует в одном духе, чтоб овладеть *кассой* русской литературы. <...> и кто же причисляет меня к плебеям? Краевский, Кони, Белинский. – Увы!»

[25] В свою очередь, князь В. Ф. Одоевский в 1844 г. обращался с письмом к министру просвещения С. С. Уварову «не как к министру, но как к русскому литератору и дворянину». Опасаясь неопытности цензоров и нападков Булгарина, Греча и Сенковского, он просил «принять под особое покровительство» свои сочинения «честного человека и дворянина», на которого особые обязанности налагает но-

симое им имя: «Я должен предохранить его от поругания всеми зависящими от меня средствами – оно принадлежит не мне одному, но всем членам моего семейства и, смею сказать, истории нашего отечества. Это имя я отдаю под вашу боярскую защиту, в полной уверенности, что моя просьба не будет напрасна перед вами, древним русским боярином»[26]. Уваров учтиво отказал и успокоил, что цензоры опытные: «Давать наперед официальные предписания насчет будущих разборов сочинений одного отдельного писателя было бы неудобно и даже неблагоприятно для самого сочинителя...»[27].

«Воспоминания» давали Булгарину возможность публично обосновать свою принадлежность к древнему дворянскому роду, отвести упреки в плебействе. Своим предком он считал легендарного героя албанского антиосманского освободительного движения Георгия Кастриоти, или Скандербега (1405–1468), о котором еще в 1822 г. поместил в издаваемом им «Северном архиве» историческую статью[28]. Возможно, что эта версия является мистификацией. Ян Тадеуш

Кшиштоф (Фаддей – его русифицированное имя) Булгарин действительно принадлежал по линии отца и матери, урожденной Бучинской, к старинным шляхетским фамилиям, владевшим поместьями в Великом княжестве Литовском и (по материнской линии) в коронной Польше. Среди предков Булгарина были известные, состоятельные представители рода и менее обеспеченная, но владевшая поместьями, как его родители, шляхта.

Вопрос о происхождении имел и другую, более сложную и проблемную сторону, связанную с национальной принадлежностью. В работе, посвященной теме польского происхождения Булгарина, А. И. Рейтблат отмечает, что в сформировавшейся к 1840-м гг. репутации Булгарина, обреченного балансировать «между двумя народами, полуполяком-полурусским, оставаясь чужим и тем и другим», закрепились характерные черты: среди поляков – «рenegата и предателя польских интересов, а среди русских – проводника польского влияния или в лучшем случае человека, не знающего и не любящего Россию» [29]. Попытка научно осмыслить эволюцию многосостав-

ной (польско-литвинской и российско-имперской) идентичности Булгарина предпринята в работах белорусского исследователя А. И. Федуты и польского историка П. Глушковского[30], которые убедительно показали, что взгляды Булгарина на положение Польши и роль поляков в российской империи были устойчивы; будучи литвином, а не «короняжем» по своей идентичности, Булгарин «боролся за Польшу во время наполеоновских войн, популяризировал польскую культуру в России и даже пытался жить “по-польски” в своем лифляндском имении. Однако его польскость не исключала других идентичностей. С детства он был подданным Российской империи, которую также считал своим отечеством»[31].

Симптоматично, что, начав работу над «Воспоминаниями», Булгарин посчитал необходимым обосновать свою идентичность публично. В статье под названием «Русские письма» он предложил свой взгляд на славянское племя «русь, или русины», потомком которого себя считал[32]. Указав, что принадлежит к одной из древнейших («боярских») фамилий

литовско-белорусского дворянства, которое до XVII в. «до такой степени привязано было к своей православной вере и к своему языку *руському*, что никоим образом не хотело смешиваться с поляками, и польское правительство в публичных актах называло всегда тамошнее дворянство не иначе, как *русская шляхта*», он представил в доказательство два фамильных документа XVI в. из Литовской метрики. Эта точка зрения на историю Великого княжества Литовского была для Булгарина принципиальной. Государство, жители которого «называли себя *русинами* и страну свою *Русью*», как полагал Булгарин, «всегда имело противоположное с Польшею политическое стремление». Реализацией таких же стремлений представляется ему создание централизованного Московского государства: «Иоанн III предупредил то, что противу Восточной России замышляли литовские князья: уничтожил все уделы в Великой России, свергнул татарское иго и основал *Русское Царство* из областей *Великой России*, оставив своим потомкам права на присоединение *Малой России* к основанному им Царству, что и ис-

полнилось постепенно. Нынешняя Малая Россия присоединена к Великой России в XVII веке, а Русь *Литовская* в исходе XVIII века»[33]. Вот почему тогда же Булгарин писал о Суворове, разгромившем польских повстанцев, что ему «принадлежит вся честь и слава этой войны, вследствие которой присоединено к России ее древнее достояние – Белоруссия!» [34]

Таковы были к моменту создания «Воспоминаний» публично декларируемые взгляды Булгарина на свою идентичность в большом историческом времени, положенные им в основание мемуаров.

3

Очевидное для мемуариста стремление запечатлеть уходящую эпоху, вписав себя в нее не только как свидетеля, но и как участника событий, потребовало от Булгарина решения сложной художественной задачи, осваиваемой тогда русской литературой, – сопряжения в повествовании биографического и исторического начал. Эта цель дает о себе знать в компоновке материала, сочетающего мемуарное повествование, основанное на личном

опыте, с очерково-историческим, и в композиционном членении – четком соотнесении этапов личной судьбы с историческими веками. Год рождения героя «ознаменован началом переворота, ниспровергнувшего древнюю французскую монархию <...> изменившего вид и внутреннее устройство не только Европы, но и Америки» (с. 51), первая часть завершается превращением Тадеуша в кадета Фаддея и смертью императора Павла I; в финале второй Россия вступает в войну в составе очередной антинаполеоновской коалиции, и герой, ставший уланским офицером, отправляется в свой первый военный поход; манифестом, объявляющим войну Швеции, заканчивается третья часть, и Финляндская кампания, в которой участвует Булгарин, становится содержанием следующих частей. Любопытно, что крушению военной карьеры героя в последней части предшествует глава, рассказывающая о реформах в России и деятельности М. М. Сперанского, пережившего несправедливые гонения, композиционно рифмуя испытания, выпавшие на долю мемуариста и государственного деятеля.

Художественную целостность первым двум частям «Воспоминаний» придает сюжет, в основе которого становление личности ребенка, вырванного вихрем исторических событий из счастливой семейной обстановки, привычной религиозной и национальной среды. Обычно русские мемуаристы, предшественники Булгарина, не уделяли серьезного внимания детству и юности, игнорируя их роль в формировании личности[35]. Детский наивный взгляд, сквозь призму которого показана жизнь героя, все время корректируется позицией объективно-очеркового повествования, создающей исторический фон происходящего, углубляя и делая более многомерной картину жизни мемуариста. В то же время организующая текст авторская точка зрения задает рамки, ограничивающие собственно историческое повествование: вводя его лишь в той мере, в какой исторические события соотносимы с жизнью повествователя.

В результате Булгарину удалось воссоздать живые и полнокровные картины жизни белорусской провинции, входившей в Великое

княжество Литовское, в период исторических потрясений, органично соединив исторический очерк и описание национальных нравов и характеров с интимно окрашенными воспоминаниями о матери, сестрах, погибшем в вихре политических событий прямодушном и вспыльчивом отце (отметим, что восходящая к воспоминаниям Греча версия о том, что отец Булгарина «убил (не в сражении) русского генерала Воронова и был сослан на жительство в Сибирь»[36], не находит подтверждения[37]). Рассказывая о бедствии, постигшем его семью, распавшуюся после ареста отца, Булгарин указывает на биографические истоки той философии опытности и благоразумия, которую он выстрадал, но которой не следовали ни его отец, ни он сам в юности. Запечатленный в мемуарах опыт сиротства, завязывающий главные узлы жизненного сюжета, перекликается с опытом романтических героев Булгарина – Ивана Выжигина и Александра Опенкова.

Судьба рода Булгариных вписана в историческое повествование о причинах падения Польши. Гроза, разразившаяся над семей-

ством, после чего оно «разбредлось навсегда», совпадает со сменой эпох государственного правления – началом павловского времени. Восстановление справедливости после двенадцатилетнего процесса, в результате которого было отменено решение, приведшее к изгнанию семьи из родового имения Маковищи, предстает как свидетельство возможности правосудия в составе империи, ставшей единственным гарантом прав и собственности для присоединенных западных областей.

Одна из важнейших сюжетных сцен первой части – спасение беззащитных женщин и ребенка русским капитаном Палицыным (любопытно, что Палицын – капитан Фанагорийского гренадерского полка, бывшего в самом центре кровавых событий при взятии Праги, предместья Варшавы, менее чем за год до происходящего), в ней – предвестие русской судьбы мемуариста, позволяющее снять заведомо негативные коннотации с его «отступничества». Уважение к польским обычаям, языку, быту – все это олицетворяет Палицын, заслуживший благодарность гордого отца. Отношения польско-белорусского семейства с

русским офицером и его гренадерами предстают, таким образом, в трактовке Булгарина аналогом отношений Польши и России: добро, заступничество, опека и помощь сильных способны привязать гордые сердца. Малолетний герой, готовый по приказу Костюшки рубить врагов, признается, что «полюбил лихих русских солдат», те же в свою очередь пророчат: «Этот будет наш!» По сути, своеобразное «крещение» в «свои» уже состоялось, однако действительность потребует повторного прохождения обряда и все новых подтверждений верности: «Крестить Костюшку в русскую веру!» – кричат кадеты, бросая в снег маленького Фаддея (с. 125).

Вместе с тем отношение Булгарина к потере Польшей государственности в «Воспоминаниях» предстает не столь однозначным, как это декларировалось им в текстах иной жанровой природы (газетных статьях, записках в III отделение). С одной стороны, он признавал историческую неизбежность этого процесса, считая, что поляки «проболтали Польшу», что истинно благородные и мужественные из них «пламенно желали перерождения своего

несчастливого отечества и утверждения в нем порядка на основании прочных законов и наследственной монархической власти» (с. 55–56). С другой – в рассказе (с сочувствием к полякам) очевидца польского восстания генерала фон Клугена, бравшего Прагу, передал ужас от резни и гибели мирных жителей. Композиционное решение «Воспоминаний» таково, что, несмотря на авторские заверения о тщетности усилий («сила солому ломит»), нельзя не посочувствовать полякам. Тема судьбы Польши и польской идентичности героя, с колоритным описанием прежней жизни польских магнатов, историй графа Валицкого и Карла Радзивилла, польского Петербурга, проходит через все повествование, а в последней, шестой части она обретает особую значимость, заставляя героя сделать выбор, определивший его судьбу.

Повествование о годах военной молодости усложняет задачу мемуариста, поскольку, в отличие от детских лет, этот период его жизни должен быть осмыслен как принадлежащий общественному движению эпохи. По мере развития мемуарного сюжета расширяется

исторический фон повествования, усиливается внимание к внешнеполитическим обстоятельствам, причинам наполеоновских войн, участником которых суждено было стать молодому офицеру Булгарину. Основной принцип, избранный автором, довольно прост — чередование эпизодов «исторических» и «частных». Подробное описание военных событий, политических реалий с опорой на авторитетные для того времени исторические источники сменяется эпизодами, описывающими те сражения, участником и очевидцем которых он был, живо и достоверно передающими атмосферу войны: остроту ощущений от первого боя, первой увиденной рядом смерти, первого ордена, а затем переход от ярких, оставшихся в памяти боевых событий к военным будням. В историю жизни повествователя вписаны очерки-портреты примечательных личностей Александровской эпохи: тех, кто создавал ее дух, и тех, кто сыграл значительную роль в жизни повествователя. «Воспоминания» богаты вставными новеллами, автора заботит не столько достоверность рассказанного, сколько стремление передать

атмосферу времени, толки, идеи и увлечения, которыми жило общество. «Справедливо ли это происшествие или нет – не мое дело. Так рассказывали тогда» (с. 377), – характерная мотивировка для введения очередной истории. Умение передать атмосферу времени, представить «предметы с точки зрения, с которой тогда на них смотрели» (с. 259), и составляет, по мнению Булгарина, истинное достоинство мемуаров. В этом он близок и своему постоянному оппоненту П. А. Вяземскому, в поисках «живых отражений» эпохи, как полагала Л. Я. Гинзбург, культивировавшему «сплетню, как особо острый и личный материал»[38], и Ап. Григорьеву, который ввел в оборот понятие «веяний» времени. Таким образом, правда в мемуарном повествовании принципиально осознается как исторически ограниченный, принадлежащий описываемой эпохе угол зрения. За этой позицией – признание неповторимости каждой эпохи и самоценности жизненного пути отдельной человеческой личности, заслуживающей жизнеописания.

Вопреки представлению о Булгарине как о

«большом сочинителе» (как иронически именовал его Греч)[39], он вряд ли грешит неточностями более других мемуаристов. Достаточно сравнить болгаринскую характеристику Ф. Толстого-Американца с посвященным ему фрагментом в мемуарах А. И. Герцена («Былое и думы», ч. 2, гл. XIV). Герцен к тому же приводит историю, поразительно напоминающую характером событий, участников и деталей болгаринское «Солдатское сердце»: у Герцена действие приурочено к событиям польского восстания 1831 г., соответственно, герои – молодой русский жандармский офицер и жена польского помещика-повстанца с ребенком («Былое и думы», ч. 2, гл. XI). Вряд ли стоит задаваться вопросом о заимствовании – мемуаристика часто «кодирует» жизнь при помощи готовых беллетристических сюжетов. Особенность болгаринского таланта «бытописателя» в этом и заключалась: повседневно-эмпирическое оборачивалось художественным (по крайней мере считывалось широким читателем как таковое) благодаря сюжетному узнаванию, не нуждаясь в сложных трансформациях и смысловых приращениях. Возможно,

здесь берет начало эффект многочисленных зеркальных отражений. Н. Л. Вершинина обратила внимание на связь болгаринской мемуаристики с традицией литературного анекдота, близкого жанрам «справедливой» и «полусправедливой» повести[40]. «Правдивые» истории отражались в текстах не только Булгарина или Полевого, но и Герцена, оставаясь в своей основе анекдотом о «чувствительном солдате», изменившем приказу из милосердия и из♦за прекрасных женских глаз.

Судя по всему, Булгарин обладал незаурядной памятью, об этом свидетельствуют и характер ошибок при цитировании, и отзывы современников, и полемика с Полевым по поводу упоминания в «Воспоминаниях» синодского объявления о Наполеоне: Булгарин передал характер и стиль этого объявления, но не его «букву», Полевой же всячески намекал, что он искажил суть этого документа, перепутав с афишками Ростопчина, которых не мог знать, не побывав в занятой французами Москве[41]. В надежде на память многие фрагменты Булгарин писал, как признавался В. А. Ушакову, «сплеча», «прямо набело»[42],

иногда не утруждая себя проверкой цитат. Так, он приписывает карамзинские строки «Гони натуру в дверь, она влетит в окно!» И. И. Дмитриеву, стихи В. К. Тредиаковского «Плюнь на суку / Морску скуку!» – своему знакомому по Кронштадту, бывшему моряку и литератору А. Ф. Кропотову. Вместе с тем было бы неверным вполне согласиться с Гречем, который, характеризуя эту манеру Булгарина, резюмировал: «Он писал с большою легкостью, что называется сплеча, но легкомыслие его было еще больше. Никогда, бывало, не справится с источником или действительностью какого-либо случая, а пишет как в голову придет»[43]. Сохранившиеся письма Булгарина к разным лицам хранят многочисленные просьбы отыскать те или иные сведения для его «Воспоминаний». Так, с помощью сотрудника Публичной библиотеки и «Северной пчелы» И. П. Быстрова он пытался установить точный источник эпиграфа, который взял у Греча в его «Истории русской литературы»: «Помнится мне, что впервые употребил это изречение покойный А. Н. Оленин в своем разыскании о Тмутараканском камне», – пи-

сал он из Карлова и просил уточнить, начал или кончал этим изречением свое сочинение Оленин[44]; к А. В. Висковатову обращался за биографическими справками о Л. Л. Беннигсене и Ф. Ф. Буксгевдене и консультировался по вопросам военной истории[45].

После появившихся критических откликов на первые две части Булгарин сделал принцип свободного обращения с эмпирическим жизненным материалом демонстративным. Приведя ходившие в Петербурге в 1805 г. стихи в честь Багратиона, он заметил: «Не помню, были ли эти стихи напечатаны, и не хочу справляться. Я удержал их в памяти и привожу не в истории, а в своих собственных “Воспоминаниях”» (с. 270). Критические замечания Н. А. Полевого были восприняты им болезненно: какая разница, полагал он, убит ли был во время сражения герцог Брауншвейгский или смертельно ранен и умер через несколько дней, и каковы точный маршрут и хронология передвижений Хвостова и Давыдова? Главное, казалось ему, – мемуарам удалось передать дух времени и непосредственное восприятие исторической эпохи.

Этой задаче служила и система авторских примечаний, включающих как постраничные сноски, так и пояснения, и приложения. Приложения к первой части, представляющие собой переработанные газетные тексты XVIII века, воссоздавали атмосферу Екатерининской эпохи, среди приложений ко второй Булгарин поместил письма В. М. Головнина к П. И. Рикорду из японского плена – уникальные документы, опубликованные полностью лишь в 2016 г. Очевидна и другая их функция: документальные свидетельства делали Булгарина не только очевидцем, но и активным участником истории, легитимируя его в этом качестве. С этой целью были помещены письмо от адъютанта витебского генерал-губернатора князя Н. Н. Хованского с высокой оценкой великим князем Константином Павловичем сочинений Булгарина, ноты «Марша русской гвардии 1807 года», записанные, как утверждал Булгарин, с его голоса, приложена составленная им карта Финляндской кампании. Опыт издателя и журналиста позволил Булгарину, используя многосоставность текста, с включением в качестве приложений до-

кументов эпохи, создать новаторское для своего времени мемуарное повествование.

Как опытный журналист, он умел не только сопрягать различные жанровые установки, объединенные личностью повествователя, но и включать уже написанное и опубликованное в мемуарное целое, избегая автоповторов. Достаточно сравнить упоминавшиеся «Театральные воспоминания моей юности» и мемуарный фрагмент той же тематики во второй части «Воспоминаний», чтобы увидеть, как театральный очерк, включающий скудные сведения о драматурге В. А. Озере и трагическом актере А. С. Яковлеве, развернут в обширный мемуарный сюжет. В составе «Воспоминаний» этот сюжет, посвященный русской сцене и русскому театру периода его становления и увлечения им мемуариста и всего русского общества, корреспондирует с набирающим силу мотивом большого «европейского театра», режиссируемого Наполеоном и Александром I, в котором предстоит стать участником мемуаристу. Театральность предстает неким началом, раскрывающим суть эпохи наполеоновских войн: ей отвеча-

ют и описания боев, и описания характеров, и портреты героев. Участниками большой театрально-исторической игры оказываются не только Наполеон и Александр, колоритные Кульнев или Казачковский, легендарные друзья-моряки Хвостов и Давыдов, но и товарищи Булгарина, уланские корнеты, а те, кому отказано в выходе на историческую сцену, превращаются, как А. С. Яковлев и Г. И. Жебелев, из скромных гостинодворских сидельцев в знаменитых театральных актеров, потрясающих сердца публики.

Театрально-живописный принцип, безусловно, не мог не заявить о себе в наиболее традиционной в этом отношении области поэтики: при создании картин сражений и портретов полководцев и военачальников. Таково риторически избыточное описание начала Фридландского сражения. Вместе с тем Булгарину удается преодолеть риторическую заданность благодаря точному воспроизведению событий этого боя с точки зрения непосредственного участника, неопытного корнета: «Мы пошли вперед, обогнули лес и увидели сильную пыль. Это были свежие вой-

ска, шедшие к маршалу Мортье. Кавалерия прикрывала их движение и стояла, спешившись, перед деревнею. Лишь только мы показались на опушке леса, во французской кавалерии затрубили тревогу, и она двинулась шагом. Противу нас были драгуны и знаменитые кирасиры. Здесь мы впервые встретились с ними. Надобно сказать правду, что вид этих кирасиров, на огромных лошадях, в блестящих латах, с развевающимися по ветру конскими хвостами на шишаках, производил впечатление. Но мы так быстро ударили на них, что не дали им опомниться и прогнали их за деревню. В погоне наши уланы многих кирасиров и драгунов ссадили с лошадей пиками. Я также был в атаке с своею пикой <...>. Но когда мы, прогнав французов за деревню, остановились, я был так измучен, что едва мог держать пику в руках. Отломив острие, я спрятал его в чемодан, на память, и бросил древко. Пика была не по моим силам и утруждала меня». Выразительная деталь, придающая особую достоверность изображению, — опека молодого корнета опытными уланами, повторяющими: «Не горячитесь, ваше благо-

родие! Берегитесь, чтоб лошадь не занесла вас в середину французов! Не выскакивайте вперед!»» (с. 328).

«Истина страстей, правдоподобие чувствований» (Пушкин) на исторической сцене, засвидетельствованные участником действия, обретают, по мнению Булгарина, свою несомненную ценность. Отвечая на критические упреки, он уточнил свое мемуарное кредо в Предисловии к третьей части: «Может быть, иное и было не так, как я рассказываю, но по составленному мною плану это вовсе не мешает делу, потому что, желая представить верный очерк прошлого времени, я говорю так, как мы думали тогда, как верили тогда, и представляю предметы с той точки зрения, с которой тогда на них смотрели» (с. 259). Подтверждение верности избранного мемуарного принципа, не искажающего исторической достоверности, он увидел в совпадении собственного взгляда на исторические события с их трактовкой у А. И. Михайловского-Данилевского, автора только что вышедшего «Описания второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах» (СПб.,

1846).

Кроме того, что видел сам, он умел, как профессиональный журналист, опираясь лишь на источники и воображение, восстановить картину, свидетелем которой не был. Некоторые детали из описания воссозданного Булгариным в мемуарах (с опорой на рассказ Михайловского-Данилевского[46] и французские источники) Аустерлицкого сражения, в котором он не участвовал: обращение к уланам перед атакой шефа полка великого князя Константина Павловича («Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!»), пленение Е. И. Меллера-Закомельского («Пуля ударила ему в грудь и скользнула по Владимирскому кресту. Удар лишил его дыхания, и в это время на него наскочили французские гусары и стали рубить»), огромные шляпы русских офицеров, служившие противнику мишенью («французские офицеры кричали своим застрельщикам: “<...> стреляй в шляпы!”» (с. 211, 212)) – были высоко оценены современниками[47] и вошли в исторические работы как свидетельства очевидца[48].

Иногда такая повествовательная стратегия

(прежде всего в беллетристике) оказывалась художественно неубедительной и вызывала справедливую критику[49]. Вместе с тем она была не лишена определенного эффекта, заставляя читателей и по сей день считать, что Булгарин участвовал в описанных им осаде Сарагосы и переходе через Кваркен или побывал с наполеоновскими войсками в Москве, превращая его тексты в источники биографических реконструкций. Парадоксально, но именно наличие «чужого» взгляда, в чем упрекают Булгарина, дает эффект подлинности, достоверности описанного. Во всяком случае, в верности избранного подхода Булгарин не раз убеждался благодаря отзывам ветеранов наполеоновских войн. Так, однопольчанин Т. Л. Старжинский, поблагодарив его за «Воспоминания», особо подчеркивал их правдивость: «Фаддей Венедиктович достиг, однако, своей цели. Его строки напомнили мне нашу молодость. Я с моим взглядом вторгнулся в город Фридланд»[50].

Несмотря на провозглашенный отказ от вымысла, движение мемуарного сюжета Булгарин, несомненно, строит как опытный бел-

летрист. Эквивалентом беллетристическому является не только отказ от близкого к дневниковому изложения событий, но и их специфический, преследующий определенную цель отбор, позволяющий сделать повествование увлекательным. Отсюда пуантировка каждой части при помощи вводных историй, носящих характер анекдота, военного рассказа на бивуаке, необыкновенного или фантастического происшествия. Булгарин не скрывает своей профессиональной способности в любом измерении жизни обнаружить ее беллетристический потенциал, превратить жизненную эмпирику в литературу.

Так, очевиден романический модус рассказа о старой родственнице пани Онюховской, видевшей Карла XII и Петра I: «...и если б Литва имела своего Вальтера Скотта, то Русиничи и вотчинница этого имения непременно играли бы роли в историческом романе» (с. 99), – замечает автор, к этому времени приобретший славу «русского Вальтера Скотта». Рассказ – необходимый пуант, перебивающий повествование о военных событиях: «В армии носилось множество на этот счет анекдотов.

Расскажу один, за достоверность которого не ручаюсь, но которому мы тогда верили» (с. 306). Эту функцию выполняли приключения самого корнета Булгарина, известные читателю по его военным рассказам. В третьей части военные события обрамляются анекдотами из жизни князя К. Радзивилла, шпионской историей с баронессой Шарлоттой Р., приключением в маскараде с маской-мертвецом, основанным на приеме разоблаченной фантастики. Арсеналом воспоминаний становятся умело используемые тексты эпохи: устные истории, слухи, произведения других авторов. Однако в подобной установке крылась угроза превращения мемуаров в разновидность хорошо известной читателю болгаринской фельетонистики, что подметил и саркастически обыграл в рецензии на шестую часть «Воспоминаний» рецензент «Библиотеки для чтения». Остроумно пересказав историю о диком французе и совместных приключениях с ним «почтеннейшего Фаддея Венедиктовича», он сделал убийственный вывод: «Из “Воспоминаний” Фаддея Венедиктовича о России в этом томе история супругов Кабри –

самый любопытный “отрывок виденного, слышанного и испытанного в жизни”»[51].

Создается впечатление, что Булгарин в своих во многом новаторских художественных поисках как будто останавливался перед неким пределом, преодоление которого, возможно, привело бы к подлинным открытиям. Его мемуары при внимательном чтении обнажают механизм памяти, отбирающей мемуарные факты по особым законам. Так, вспоминая Петербург своей юности, он не только включает в описание известные и характерные архитектурные приметы, но и упоминает дома, с которыми его связывает особенный характер воспоминаний: к примеру, дом Меншиковых, известный салоном Жуковского и Воейковых (к хозяйке салона Александре Воейковой («Светлане») Булгарин, по свидетельствам современников, испытывал нежные чувства)[52]. Однако наметившийся принцип сюжетного повествования, следующего за тем, что отбирает память, и связанная с этим рефлексия не получают развития. Повествование остается в тесных границах и в запоминающейся истории об убийстве воспитате-

лем своего воспитанника и осужденных за это убийство невинных людях, которая словно намечает тему «Достоевский и Булгарин»: дворник умер в каторге, сын хозяина – под розгами, а возвращенный через многие годы после открывшейся правды отец попросил для компенсации очередной чин.

Подлинный психологизм, глубокое постижение человеческого характера остались вне творческих возможностей Булгарина даже на уровне портрета, тяготеющего к превосходным степеням и штампам: обычно глаза его героев блестят как алмазы или пылают как уголья, а все женские персонажи оказываются необычайными красавицами. Я. К. Грот предлагал при переиздании булгаринских «Воспоминаний» сопроводить их «галереей прекрасных женщин», встреченных автором [53]. Было бы преувеличением вслед за некоторыми рецензентами, современниками Булгарина, говорить о вкладе его мемуаров в движение русской прозы к психологизму [54], трудно представить, что его мемуары создавались в те же годы, что и первый роман Достоевского.

Особое место в воспоминаниях Булгарина занимает непопулярная у современников Русско-шведская война 1808–1809 гг., получившая название Финляндской кампании. Это вызвано, с одной стороны, отсутствием внимания к войне, заслоненной 1812 годом, с другой – чрезвычайно значимым опытом личного присутствия. Специалист по истории Финляндии генерал М. М. Бородкин считал, что в своих мемуарах Булгарин одним из первых попытался «вызвать эту войну к бессмертию» [55]. Еще в 1823 г. он опубликовал военный рассказ, посвященный одному из ее драматических эпизодов [56], позднее как рецензент высоко оценил статью «Извлечение из записок генерал-майора Д. В. Давыдова. Финляндская кампания 1808 года» [57], напечатал в «Северном архиве» анонимный «Отрывок из журнала похода в Финляндии 1808 года» [58]. О Финляндской кампании Булгарин рассказывал в своих исторических очерках «Переход русских через Кваркен в 1809 году» [59] и «Завоевание Финляндии корпусом графа Николая Михайловича Каменского в 1808 году»

Очерк «Завоевание Финляндии...», вошедший позднее в четвертую часть «Воспоминаний», был первым развернутым повествованием на русском языке о присоединении Финляндии к России, при этом Булгарин указал, что в описании хода событий опирался на первую историю войны, вышедшую в 1827 г. на французском языке, принадлежавшую П. П. Сухтелену. Среди других источников Булгарин назвал материалы, полученные от А. А. Закревского[61], бывшего адъютанта командующего корпусом графа Н. М. Каменского, и переписку главнокомандующего графа Ф. Ф. Буксгевдена времен Финляндской кампании 1808 г., хранившуюся в болгаринском архиве (скорее всего, также полученную через Закревского).

На характер изложения военных событий, сопряжения общих сведений и личного взгляда оказала влияние высоко оцененная Булгариным военная проза Д. В. Давыдова. Авторская установка Давыдова в его очерке «Воспоминание о Кульневе в Финляндии»: «Я пишу не историю, следовательно не беру на себя обя-

занности вызывать эту войну к бессмертию. Писатель-наездник, я и тем буду доволен, если записки мои напомнят товарищам моим очаровательные минуты нашей юности и мечты, и надежды честолюбия, и опасности, на которые мы бросались, и кочевья, и беседы оссиановские у пылающих пней, под пасмурным небом»[62], – безусловно, близка Булгарину, он воспользовался аргументами Давыдова.

Наконец, ко времени работы Булгарина над «Воспоминаниями» вышла история Финляндской войны, принадлежащая А. И. Михайловскому-Данилевскому[63], что дало возможность периодически отсылать читателя к этому труду и соотносить собственное повествование с официальной военной историей. Однако, даже следуя за Михайловским-Данилевским, Булгарин в то же время корректировал его трактовку сведениями из других источников и собственными воспоминаниями.

Так, он оказался более точен в описании событий августа 1808 г. при Алаво, несколько раз в течение лета взятого русскими: сначала отрядом Н. Н. Раевского, затем отрядом пол-

ковника И. М. Эриксона, выбитым шведами, и после этого 13 (25) августа корпусом Н. М. Каменского. Будучи вместе со своим эскадроном участником этого броска на Алаво отряда под началом Каменского, Булгарин точно указал последовательность событий. Михайловский-Данилевский, в свою очередь, учитывал мемуарные свидетельства Булгарина как участника войны. К примеру, в описании поведения графа Каменского во время битвы при Оровайсе 2 (14) сентября 1808 г., приведя его обращение к уставшим бойцам после боя [64], Михайловский-Данилевский явно следовал за упоминавшимся очерком Булгарина «Завоевание Финляндии...», который первым описал это сражение, причисленное им «к знаменитейшим подвигам русского оружия в XIX столетии» (с. 484–485).

Булгарин, как участник похода, рассказал о сложнейших географических условиях, в которых осуществлялась кампания, приложив к четвертой части карту Финляндии периода войны. Не мог он скрыть и случаев ожесточения с обеих сторон. Ему довелось стать свидетелем жестокости местных жите-

лей, но рассказал он и об ответных действиях со стороны русских: во время высадки шведов под Вазой, когда жители города поддержали шведов, русские солдаты расправились с ними и «подняли город на царя» (с. 418).

Позиция очевидца давала иногда образцы энергичной, глагольной, «пушкинской» прозы: «Мы въехали на рысях во двор. Ворота были отперты: пастух выгонял стадо в поле. В одну минуту дом был окружен. Спешившиеся уланы стали со стороны сада. Что никто не выйдет из дома, в том я был уверен, потому что ставни и двери тогда только растворились, когда часовые уже были расставлены. Я вошел в дом. В зале встретил меня довольно пожилой человек почтенного вида в утреннем сюртуке» (с. 449).

Описание военных эпизодов, не попавших в труды современных ему военных историков и не отраженных другими мемуаристами, придает дополнительную ценность болгаринским мемуарам. К их числу относится рассказ о сложнейшем походе объединенного отряда под командованием полковника И. В. Сабанева, в состав которого входили и два эскадро-

на улан. Отряд выступил из Куопио 8 (20) июля 1808 г. для подкрепления корпуса Н. М. Каменского и соединения с полковником Е. И. Властовым, составлявшим авангард бывшего отряда Н. Н. Раевского, положение которого к этому времени было критическим из-за развернувшегося в Финляндии партизанского движения. По охваченному партизанской войной, зачастую непроходимому для кавалерии краю и был совершен этот бросок: «Когда мы вышли за город, Иван Васильевич Сабанев перекрестился и сказал: “С нами Бог!” <...> Чем далее мы шли вперед, тем более встречали ненависти к нам <...>» (с. 436, 454). «Воспоминания» воссоздают масштабную картину партизанской войны, существенно уточняя сведения о размахе партизанского движения в Финляндии[65]. При этом болгаринские мемуары, содержащие выразительные примеры нравственной стойкости и благородства финнов, остаются редким свидетельством симпатии и уважения и к завоеванным финнам, и к храбро сражавшимся шведам.

Современными авторами наиболее востребованы болгаринские мемуарные портреты

командиров и офицеров[66], среди которых М. Б. Барклай-де-Толли, Н. М. Каменский, А. И. Гудович, А. А. Закревский, Я. П. Кульнев, А. И. Лорер, Ф. О. Паулуччи, И. В. Сабанеев. Особое внимание Булгарин уделил Барклаю-де-Толли, включив в книгу посвященный ему обширный биографический очерк и рассказав о любви к генералу-остзейцу простых солдат, — для Булгарина принципиально, что России служили не только коренные русские[67]. Другой важнейшей фигурой этой войны для него, безусловно, является граф Н. М. Каменский, которому, по словам Булгарина, «принадлежит вся слава покорения Финляндии» (с. 465). В «Воспоминаниях» Булгарин повторил приведенную в его очерке «Завоевание Финляндии...» характеристику знаменитого полковника Гродненского гусарского полка Я. П. Кульнева, утверждая, что «Кульнев был правою рукою и глазом графа Каменского в Финляндскую войну» (с. 474). К воспоминаниям о Кульневе он обращался и в путевом очерке, содержавшем портрет Кульнева: «Он носил длинную гусарскую куртку, с черными шнурами и широкие казацкие шаровары.

На плечах у него была бурка, а на голове вместо фуражки красный шерстяной колпак, какие носят финские крестьяне»[68]. Скорее всего, этот болгаринский очерк послужил поводом к публикации Д. В. Давыдовым, близко знавшим Кульнева, упоминавшегося выше очерка «Воспоминание о Кульневе в Финляндии», в котором Давыдов возразил некоему мемуаристу (не называя его по имени), что Кульнев не носил казацких шаровар, а носил одежду форменную, но не офицерскую, а рядового гусара, однако на голове любил носить что-нибудь странное: финский колпак, сукфью, ермолку и т. п.[69]

Не всегда сверявшийся с необходимыми источниками Булгарин порой допускал ошибки, в особенности когда писал об участниках событий, с которыми не был знаком. Так, он перепутал погибшего под Иденсальми князя М. П. Долгорукова с его старшим братом – Петром Петровичем, участником переговоров с Наполеоном накануне Аустерлицкого сражения, смешав в своем рассказе обоих братьев [70]. Что, собственно, и не мудрено: главы, посвященные Финляндской войне, содержат

около 180 имен участников этой кампании. Нельзя не поразиться цепкой памяти Булгарина и не быть благодарным ему за сохраненные в мемуарах имена участников войны и малоизвестные обстоятельства их гибели, как это происходит, например, в рассказе о погибших вместе друзьях – прапорщиках Егерского полка Павле Вильбоа и Антоне фон Штакельберге. Как нельзя проигнорировать и весьма своеобразный мемуарный пласт, представленный слухами того времени; кроме того, что они передают неповторимый «воздух» эпохи, за ними угадывается реальный фон событий этой войны. К примеру, слухи, ходившие в лагерях обоих противников, о «золотой бомбе», взорвавшей неприступный Свеаборг, намекавшие на подкуп и измену коменданта крепости вице-адмирала К. Кронштедта, или история о дуэли со смертельным исходом Ф. И. Толстого-«американца» с прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка А. И. Нарышкиным. В этот контекст вписываются и упоминавшиеся вставные новеллы о приключениях корнета Булгарина, в которых беллетристические сюжеты как бы «возвращены» авто-

ром военно-исторической реальности.

Любопытно, что неправдоподобные приключения мемуариста нередко оказывались правдой. Такова, казалось бы, совершенно «литературная» история о знакомстве во время кампании с пасторским сыном и неожиданной встрече с ним спустя долгое время в 1838 г. Ко времени своего путешествия по местам, где ему довелось воевать в молодости, Булгарин был уже хорошо известен как писатель в Финляндии и Швеции, в переводе на шведский язык вышли не только его популярные романы, но и очерки, посвященные событиям Финляндской кампании, на страницах периодики печатались «Опасная ночь в лесу», «Смерть Лопатинского», «Переход русской армии через Кваркен в 1809 г.», вызвавшие отклики читателей, поэтому финская общественность в Гельсингфорсе дала обед в честь посетившего Финляндию Булгарина. Пасторский же сын стал к этому времени известным профессором-историком А. И. Арвидссоном, о теплой встрече с ним при посещении шведской Королевской библиотеки Булгарин рассказал в книге путевых очерков

[71].

Булгарин, на протяжении долгих лет на страницах «Северной пчелы» учивший русских любви к отечеству, чем вызывал негодование своих оппонентов, конечно же, не избежал в своих мемуарах исторической оценки событий. Причины войны, по его мнению, были вызваны необходимостью расширения границ, «довершением великого подвига бессмертного Петра». Отметим, что Булгарин задолго до К. Ф. Ордина, автора труда «Покорение Финляндии» (СПб., 1889), размышлял именно о покорении Финляндии[72]. Иллюстрацией служит приведенный им анекдот о П. К. Сухтеленe и императоре Александре I перед картой Европы, на которой Сухтелен прочертил желательную границу России со Швецией – «от Торнео к Северному океану». Этот анекдот позволяет Булгарину высказать мнение, «что еще перед Тильзитским миром император Александр уже помышлял об утверждении русской границы на большем расстоянии от Петербурга. Тильзитский мир представил случай к довершению начатого Петром Великим, и император Александр должен

был воспользоваться сим единственным случаем» (с. 390). Для обоснования своей позиции Булгарин включил в повествование обширный исторический очерк Финляндии и ее взаимоотношений со Швецией, в котором утверждал, что у завоеванной Финляндии благодаря широкой внутренней автономии открываются новые возможности в составе Российской империи. Будучи участником наполеоновских войн в Испании, он указал на разницу двух завоевательных войн и счел нужным рассказать о терпимом отношении некоторых финнов к завоеванию русскими, объяснив их позицию стремлением сохранить главное – веру и обычаи. Имплицитная отсылка к историческому опыту поляков в этом случае очевидна. Теперь он сам принимал участие в аннексии чужой территории и не мог не испытывать потребность оправдать эти действия какими-то разумными доводами исторического или политического характера. Это своеобразное сверхзадание обнаруживает себя на разных уровнях текста: не только в апелляции к историческому контексту, размышлениях мемуариста, но и в сю-

жетных ситуациях – таков собственно рассказ о символическом соперничестве с Арвидссоном.

Имперская позиция Булгарина-мемуариста резко выделялась на фоне распространенной точки зрения, выраженной Н. М. Карамзиным, считавшим, что завоеванием Финляндии Россия пожертвовала «честью, справедливостью» и «нравственным достоинством великой империи», «заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов», и Ф. Ф. Вигелем: «В первый раз еще, может быть, с тех пор как Россия существует, наступательная война против старинных ее врагов была всеми русскими громко осуждаема, и успехи наших войск почитаемы бесславием»; «русские видели в новом завоевании своем одно только незаконное, постыдное насилие»[73]. Для Булгарина, пережившего трагедию раздела Польши, завоевывавшего для России Финляндию, для наполеоновской Франции Испанию, воевавшего под знаменами Наполеона за независимость Польши, присоединение Финляндии виделось не таким драматичным. Не скрывая трагедии войны, он тем не менее

разделял, а, скорее, в годы работы над мемуарами и не мог не разделять официальный имперский пафос.

Ценность мемуарных свидетельств Булгарина о Финляндской кампании безусловна, поскольку позволяет уточнить представления не только об исторических реалиях этой войны, но и о реакциях на нее общественного мнения, более сложных, нежели это представляется на первый взгляд. Тем более что «Воспоминания» отличает весьма редкое сочетание официальной имперской идеологии с подлинной и искренней авторской толерантностью, отмеченной современниками и сохраняющей свое значение: недаром в конце XX в. финны издали книгу сочинений Булгарина под названием «Солдатское сердце», в которую вошли его воспоминания о Финской войне (снабдив их картой, указывающей маршруты болгаринских военных походов) и очерки о посещении мест боевой молодости [74]. «Книга понравилась читателям, и финское консульство, пока находилось в Тарту, даже взяло на себя расходы по уходу за могилой ее автора» [75].

Финляндская кампания для Булгарина – это эпоха не только славы русского оружия, но и его собственной воинской славы, дающей право быть русским журналистом и писателем, несмотря на сложившуюся отрицательную литературную репутацию. Военный опыт для него, как и для других литераторов, призванных в литературу после эпохи наполеоновских войн, оказывался опытом причастности к большой истории и давал право на биографию. В последнее десятилетие своей жизни Булгарин все более позиционирует себя как старый воин на покое – сложившейся литературной репутации он мог противопоставить только репутацию ветерана минувшей военной эпохи.

5

Неизвестно, что послужило причиной прекращения работы над воспоминаниями, тем более что Булгарин не исключал возможности продолжения[76]. Наиболее вероятна версия, что он решил оставить мемуары после строгого выговора императора за напечатанную в 1848 г. в июньском номере «Библиотеки для чтения» главу, включающую биогра-

фию и характеристику М. М. Сперанского [77], которого Булгарин считал редким примером образцового государственного деятеля в России и к которому относился с неизменными уважением и восхищением. В «Воспоминаниях» Сперанский представлен «истинным европейцем», идеальной личностью, способной сочетать любовь к отечеству и глубокую религиозность с подлинной толерантностью: «Россию Сперанский любил выше всего в мире, и только человечество ставил выше отечества <...>. Он был вовсе чужд предрассудка, который порождает ненависть или недоброжелательство к иноплеменникам или чужезычным племенам» (с. 597–598). Дело было не в том, насколько точен мемуарист и насколько доверял ему Сперанский (сомнения в этом высказала дочь Сперанского, с опровержением достоверности воспоминаний о Сперанском вскоре выступил М. А. Корф [78]) – суть возмущения Николая I состояла в том, что Булгарин судил о том, о чем не имел права судить. В нескольких пунктах выговора настойчиво подчеркивалась недопустимость и неуместность воспоминаний и суждений

частного лица о событиях и действиях государственного уровня: «Может ли частный человек распределять за эпоху столь еще к нам близкую и таким диктаторским тоном славу государственных подвигов между монархом и его подданными», – негодовал император [79]. Возможно, высочайшим читателем был понят и намек Булгарина, отсылающий к истории взаимоотношений Сперанского и Александра I: Булгарин в мемуарах сравнил Сперанского с Агриколой, описанным Тацитом, который, рассказывая о последних днях несправедливо подвергшегося гонению Агриколы, осудил лицемерие и притворство принцепса Домициана.

Выговор императора заставлял быть осторожнее в отборе и оценке лиц и событий, тем более что дальнейшие тома «Воспоминаний» предполагали воспроизведение и оценку еще более близкой эпохи, события которой были к тому же связаны с участием Булгарина в военных действиях в составе наполеоновской армии – в новых условиях, на фоне прокатившейся в 1848 г. волны европейских восстаний подобные воспоминания были неуместны,

поэтому Булгарин счел за благо прервать публикацию после шестой части, завершившейся прибытием героя в Париж[80]. Можно предположить, что мысль о продолжении мемуаров не оставляла его. По крайней мере, в 1854 г. он обещал рассказать о литературном быте 1820-х гг. и своих взаимоотношениях с русскими литераторами, «если Господу Богу угодно будет продлить жизнь мою до тома моих *Воспоминаний*, в котором будут изложены литературные мои отношения»[81].

Возникли и проблемы иного порядка, связанные с конфликтностью стратегий, направленных на создание образа мемуарного героя. В стремлении запечатлеть отношения личности и истории, деятельного субъекта и обстоятельств «Воспоминания» обнажили конфликт верноподданнической идеологической интенции и зачастую противоречащего ей жизненного сюжета. Искренность интонации не могла преодолеть осторожности в отборе биографического материала, явных умолчаний и ретуши в изображении некоторых событий, желания укрыться за официальными реляциями или авторитетными мнениями. «Совре-

менник» справедливо отмечал, что в шестой части «Воспоминаний» пропадает сюжетная связь, «все делается как бы по щучьему велению», читатель остается в недоумении, каким образом мемуарист «очутился в Кронштадте после службы своей в уланском полку», «по какой причине он оставил Кронштадт, куда переселился», почему «прожил почти год в Лифляндии и Эстляндии»[82]. Столкновение автобиографического героя с враждебными обстоятельствами в шестой части мемуаров кодировалось через призму оптимистического авантюрно-приключенческого сюжета, с привычной сменой ролей: «сиротка» – храбрый корнет – молодой человек, подверженный страстям и заблуждениям. Такое эклектическое соединение различных авторских позиций – беллетриста и историка, Вальтера Скотта и очевидца – «не сплеталось» в целостный сюжет судьбы, который не давался Булгарину. Это особенно заметно в последней части, где начинает отчетливо звучать тема карточной игры и сопряженных с ней фортуны, случая, увлекающих героя. Булгарин отводит себе в этой игре роль «роман-

тического игрока-понтера», умеющего держать удары судьбы, подниматься и вновь идти ей навстречу. Уже в подзаголовке его мемуаров была намечена отсылка к жизненной философии, прочитывающей жизненный путь как вращение колеса Фортуны, цепь случайностей, связанных с чередованием удач и неудач, при этом провоцирующих активность человека (согласно пословице «всяк своего счастья кузнец»). Сказав «с этого времени начинаются мои странствования», Булгарин «перешел Рубикон», поскольку нельзя было не заметить, что мемуарно-биографическая история сбивается на похождения его знаменитого героя Ивана Выжигина[83]. Круг замкнулся: Пушкин в памфлете «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» уже написал «ядовитый» конспективный сюжет «Настоящего Выжигина»; для того чтобы сделать его «настоящим», оспорив Пушкина, нужна была гениальность – Булгарин предпочел замолчать.

Оценка этого, возможно, наиболее интересного болгаринского сочинения его современниками заслуживает специального вни-

мания.

Отклики на первые две части «Воспоминаний» в большинстве были отрицательны. Так, «Современник» не нашел «ничего <...> нового в книге как явлении художественном и даже как явлении литературном»[84]. В рецензиях преобладали ирония в адрес Булгарина, дерзнувшего сделать свою «сомнительную» в нравственном отношении личность предметом прижизненного жизнеописания, и стремление уличить его в фактических и исторических неточностях. Особенно усердствовал в «Литературной газете» периодический его то союзник, то враг Н. А. Полевой[85], чью рецензию подробно пересказали «Отечественные записки»[86]. Похвала польским главам у критически настроенных рецензентов была призвана подчеркнуть поляцизм автора, оттенить беспомощность Булгарина в описании русских реалий и лишить его права на воспоминание о русской истории и русских страницах его жизни.

Первым высоко оценил выход «Воспоминаний» своего товарища Н. И. Греч, вписав их в европейскую и слабо формирующуюся оте-

чественную мемуарную традицию, представленную в основном рукописями (записки Я. П. Шаховского, С. А. Порошина, И. В. Лопухина). Сверх «интереса исторического и литературного» отметив в болгаринских воспоминаниях «интерес психологический», Греч справедливо указал: «В этой разнообразной и подвижной картине всего примечательнее характеристика лиц, с которыми автор был в сношениях или которых знал по современной наслышке»[87].

Самый резкий отзыв принадлежал В. Г. Белинскому, автору «злого и увлекательного», по словам Н. А. Некрасова, памфлета, написанного для апрельского номера «Отечественных записок» (1846). Без обиняков намекнув на то, что причиной публикации мемуаров при жизни может быть только корыстный интерес, Белинский далее всей своей статьей постарался развенчать «правдолюбие» Булгарина, скомпрометировать его в глазах публики, повторив слухи о плагиате и компиляциях, собрав многочисленные примеры фактических ошибок болгаринских изданий и процитировав большинство неблагоприятных

отзывов о Булгарине. Этой же цели служил и довольно краткий в сравнении с объемом всей статьи разбор «Воспоминаний», призванный доказать, что весь образ жизни семьи Булгариных, все обстоятельства детства и юности мемуариста способны были сформировать характер человека, лишенного чести и чувства собственного достоинства; при этом критик допустил неуместный выпад по поводу родовитости Булгарина и недостойные намеки в адрес его матери. Характер этой рецензии повлек за собой ее цензурный запрет[88] и появление без подписи в майском номере «Отечественных записок» переработанного варианта[89], отредактированного с учетом требования цензуры. Однако и в этой редакции рецензия сохранила заданный ей Белинским характер, оставшись образцом того, что называли тогда «литературной тактикой». Рецензии «Отечественных записок» на последующие части болгаринских мемуаров после ухода из журнала Белинского сохранили избранную тактику[90] и приобрели характер, сблизивший их с худшими образцами болгаринской «доносительной» журналисти-

ки: Булгарина упрекали в незнании русской жизни, критическом отношении к «нашей православной Руси, которая, вопреки всем неверным описаниям, как незаходящее солнце блистает между европейскими державами»[91], и к русским полководцам.

В развернувшейся полемике вокруг «Воспоминаний» обратили внимание и на их литературные достоинства. «Москвитянин» вынужден был признать, что мемуары Булгарина – «книга занимательная и хорошо написанная», и отдавал ей предпочтение «перед всеми французскими произведениями, наводящими нашу литературу»[92]. Затем появилась рецензия в «Сыне отечества», редактируемом К. П. Масальским[93], в которой «Воспоминания» Булгарина рассматривалась как проявление обострившегося интереса к человеческой индивидуальности, закономерное стремление современного человека «создать» свою биографию. Автор рецензии Е. Ф. Розен полагал, что даже противники Булгарина не могут отказать мемуарам в увлекательности, необычайной живости характеров, психологизме в передаче детских впечатле-

ний и редкой толерантности авторской позиции. Прочитировав сцену приезда молодого офицера после первых военных походов в родной дом, начавшуюся с посещения им семьи еврея-корчмаря, когда-то спасшего семью Булгарина (ради чего герой надевает парадную форму), рецензент заключал: «Эти сцены заставляют звучать самые тонкие и глубокие струны сердца <...> здесь мы не хвалим автора – мы его благодарим»[94].

Пожалуй, больше других из всех разделов болгаринского жизнеописания повезло мемуарам о Финляндской кампании. «Воспоминания» стали источником многочисленных ссылок на Булгарина-мемуариста военных историков, обращавшихся к истории Русско-шведской войны 1808–1809 гг. и Уланского его императорского высочества цесаревича Константина Павловича полка. Для этой группы читателей Булгарин был прежде всего опытным военным, прошедшим несколько войн, а не «продажным журналистом», чья репутация сложилась в литературной полемике эпохи. Со многими офицерами, бывшими участниками наполеоновских войн, у Булгарина

сохранялись добрые отношения, лишь некоторые из них разделяли позицию, характерную преимущественно для литераторов. Дружеские отношения связывали его не только с сослуживцами по Финляндской кампании, но и с воевавшими в Отечественную войну, среди которых были и литераторы: Ф. Н. Глинка, Р. М. Зотов, В. А. Ушаков. Любопытная деталь: бывший участник Отечественной войны, член партизанского отряда под началом знаменитого А. С. Фигнера К. А. Бискупский, приславший в конце 1840-х гг. редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому свои воспоминания о партизанской войне, предлагал использовать свои заметки как материал для истории партизанского движения, поручив их «ученым военным» – Ф. Глинке или Ф. Булгарину: «...они бы сумели сделать интересное, любопытное и дельное родное, русское, а не переводное издание...», – писал он[95]. Не случайно, что от упреков в искажении военных событий, неверном изображении характера Баркляя-де-Толли и оскорблении русских, предъявленных «Отечественными записками»[96], Булгарина защитил «Военный

журнал», писавший о достойном изображении офицеров и полководцев, в особенности Барклая, в сочинении, «написанном во славу России и русского оружия» и по самому содержанию своему «близком русскому сердцу»[97].

Среди положительных откликов самой неожиданной оказалась сдержанная и снисходительная похвала, появившаяся на страницах недавно перешедшего в руки И. И. Панаева и Н. А. Некрасова «Современника». Отказываясь от прежних принципов литературной борьбы, редакция журнала продемонстрировала новую, лишенную групповых интересов позицию. Указывая на бедность русской литературы мемуарами, «Современник» утверждал, что любое произведение, сохранившее черты прошедшего времени, достойно внимания, поэтому мемуары Булгарина теперь виделись «довольно приятным явлением в нашей литературе», незаслуженно подвергнутым критике, не заметившей достоинств этого сочинения, проявившихся в изображении характеров («Один портрет полковника Пурпура, сохраненный для потомства г. Булгари-

ным, чего стоит!»), «подробностей частной жизни белорусских поляков», исчезнувших черт ушедшего времени, в «дельных взглядах на дела и людей минувших лет»[98]. Тактический характер этой статьи «Современника» не был ни для кого секретом: разногласия его редакции с «Отечественными записками» Краевского получили публичную огласку.

У перегруппировки литературных сил была скрытая сторона, свидетельством чему и стала история, связанная с рецензией обновленного «Современника» на мемуары Булгарина. После смерти Белинского и обнаружения рукописи его рецензии опубликованный вариант был назван Н. Х. Кетчером (редактором посмертного издания «Сочинений» Белинского) «какой-то странной переделкой» [99]. Дело в том, что написанная Белинским рецензия значительно отличалась от ее печатного варианта и содержала не снисходительную, а действительно высокую оценку болгаринских «Воспоминаний». Белинский, противореча своему первоначальному отзыву, выступил против нападок критиков на мемуары Булгарина, объясняя их «личным оже-

сточением против автора этой книги», в то время как в ней «гораздо больше достоинств, нежели недостатков»[100]. Среди этих достоинств он отметил мастерство в создании характеров, живые исторические подробности, талантливое изображение нравов старой Польши, заключив: «Ничего подобного нельзя найти ни в какой другой книге, по крайней мере, до сих пор»[101]. П. В. Анненков полагал, что рецензия Белинского отражала резкую перемену в умонастроении критика в последние два года его жизни и была отредактирована в неприемлемом для него направлении В. П. Боткиным[102]. Б. В. Мельгунов показал, что жесткая редакторская правка принадлежала Некрасову[103]. Возможно, что на переоценку болгаринских мемуаров смертельно больным Белинским повлияла та роль, которую сыграл Булгарин в заботе о семье и памяти недавно умершего Полевого, о чем вскоре стало известно в литературных кругах: «На этот раз никто не укорял Булгарина за его мнимую близость к шефу жандармов», – вспоминал П. П. Каратыгин[104]. Реальная помощь Булгарина заставила по-ино-

му посмотреть на его далеко не одномерную личность, разрушая привычные стереотипы.

Этот эпизод обнажает драматизм совмещения журналистом выстраданных личных убеждений с литературной тактикой репрезентируемых им периодических изданий. Анненков писал о предпринятой редакцией правке статьи Белинского: «Редакция имела некоторое моральное право желать такой переделки. Во-первых, никто не был приготовлен к подобному нарушению всех традиций либеральной журналистики, связывавшей с некоторыми литературными именами множество вопросов, которые только *полемиически* (курсив Анненкова. – Н. А.) и могли быть поднимаемы в печати и которые давали этим именам значение *символов* (курсив мой. – Н. А.), для всех понятных и не требовавших дальнейших разъяснений...»[105]. Единственный пример высокой оценки лучшего из болгарских сочинений авторитетным критиком не стал фактом литературной жизни, а значит, и литературной репутации Булгарина, переместившись в область историко-литературных реалий, доступных лишь исследо-

вателю. Символический характер этой репутации не могли поколебать никакие вновь публикуемые документы[106]. К концу 1850-х гг., в условиях общественного подъема, имя Булгарина в литературном мире «стали употреблять в замену бранного слова, в смысле нарицательном или, правильнее, порицательном»[107]. Смерть Булгарина в сентябре 1859 г. прошла незамеченной.

6

В любом случае, несмотря на незавершенность мемуарного замысла, Булгарин сделал, казалось бы, беспроигрышный ход: он вписал свою личность в живую ткань эпохи, воссоздав в мемуарном повествовании ее подвижную, ускользающую и уже ушедшую в небытие атмосферу. Его воспоминания сохранили для истории не только интереснейшие страницы знаменитых военных кампаний и военных будней, но и имена участников этих событий (достаточно взглянуть на именной указатель настоящего издания). «Самая занимательная вещь в каждом месте – люди», – полагал Булгарин[108]. Польские магнаты и шляхтичи, боевые русские генералы и без-

вестные сослуживцы – мемуары запечатлели облик этих людей, обстоятельства их жизни и гибели в сражениях. Некоторые страницы болгаринских мемуаров кажутся знакомыми, поскольку давно уже разошлись в многочисленных работах по военной истории, истории Петербурга, культуры и быта начала XIX в. [109], причем не всегда с указанием источника: нередко при цитировании Булгарина в положительном контексте вместо его имени указывалось «один современник» или «публицист Николаевской эпохи» [110].

В истории восприятия личности Булгарина русской культурой отчетливо прослеживается действие культурных механизмов, игнорирующих неоднозначность и индивидуальные особенности его литературной фигуры, факты, которые не укладываются в сложившийся биографический стереотип. Символизация репутации Булгарина происходит в период, когда поиски национальной идентичности сопровождались отчетливо осознаваемой потребностью в национальной идеологии, национальном искусстве и национальной мифологии. При этом культура испыты-

вает потребность в обозначении противоположных ценностных полюсов. В период начавшегося глубинного постижения значения Пушкина для русской культуры, сопровождавшегося своеобразной сакрализацией его имени и превращением в культурного героя, Булгарин – иноплеменник, иноверец, нравственно сомнительная личность, пушкинский зоил – как нельзя лучше подошел на роль его антагониста, культурного антигероя (трудно представить, что это о нем писал современник: «Живость характера, французское остроумие, ловкое и приятное обхождение, благородное открытое и выразительное лицо, военная точность...»[111]). Возникновение пушкинского мифа в русской культуре неизбежно предполагало усиление негативной символизации литературной репутации Булгарина.

Настоящее издание впервые включает полный текст «Воспоминаний» Булгарина и его мемуарные очерки. Поскольку их автор был лишен в истории литературы права на мемуарную презумпцию невиновности, априори обвинен в искажении фактов, воспомин-

нения Булгарина потребовали обширного комментария, в котором необходимо было, кроме прочего, верифицировать сведения, сопровождающиеся сложившимся за долгие годы конвоем оценок. Научное издание воспоминаний Булгарина даст почву для более обоснованных суждений об этой неоднозначной личности, занимавшей значительное место в истории русской литературы.

За помощь в подготовке текста «Воспоминаний» сердечно благодарю А. С. Степанову.

Н. Н. Акимова

ВОСПОМИНАНИЯ

Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в ЖИЗНИ

*Отцы и братие! еже ся где описал,
или переписал, или недописал, чтите,
исправлявая Бога для, а не кляните!*
Послесловие в летописи Нестора

Посвящаю доброй жене моей, милым
детям моим и друзьям

БОЛЕЕ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНИЕ ИЛИ ПРЕДИСЛОВИЕ[112]

Что это значит, что вы вздумали *при жизни* печатать ваши ВОСПОМИНАНИЯ о современности?[113]

Вы об этом спрашиваете меня? – Отвечаю.

С тех пор как я начал мыслить и рассуждать, я мыслю *вслух* и готов был бы всегда печатать во всеуслышание все мои мысли и рассуждения. Душа моя покрыта *прозрачною оболочкою*, чрез которую каждый может легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожил в *стеклянном доме*, без занавесей... Понимаете ли вы, что это значит?

Оттого-то вы всегда имели так много врагов!..

И пламенных друзей, из которых один стоил более ста тысяч врагов!..[114]

Почти двадцать пять лет сряду прожил я, так сказать, всенародно[115], говоря с публикою ежедневно о всем близком ей; десять лет без малого не сходил с коня, в битвах и бивачном дыму пройдя с оружием в руках всю Европу, от Торнео до Лиссабона[116], проводя

дни и ночи под открытым небом, в тридцать градусов стужи или зноя, и отдыхая в палатах вельмож, в домах граждан и в убогих хижинах. Жил я в чудную эпоху, видел вблизи вековых героев, знал много людей необыкновенных, присматривался к кипению различных страстей... и, кажется... узнал людей! Много испытал я горя, и только под моим семейным кровом находил истинную радость и счастье, и наконец дожил до того, что могу сказать в глаза зависти и литературной вражде, что все грамотные люди в России знают о моем существовании! Много сказано – но это сущая правда! Вот права мои говорить публично о виденном, слышанном и испытанном в жизни.

В целом мире, где только есть литература, там есть литературные партии, литературные вражды, литературная борьба. Иначе быть не может, по натуре вещей. Союз, дружба, согласие литераторов – несбыточные мечты! Где в игре человеческое самолюбие, там не может быть ни дружбы, ни согласия. *Страсти* – пороховая камера[117], а *самолюбие* – искра. Невозможно, чтоб не было вражды

между людьми, имеющими притязания на ум, на славу или, по крайней мере, на известность и на все сопряженные с ними житейские выгоды, и разумеется, что, кто заграждает нам путь к избранной нами цели, издали столь блистательной и заманчивой, тот враг наш. А кто же может более заграждать этот путь, как не журналист, непреклонный, неумолимый, отстраняющийся от всех партий, на которого не действуют ни связи, ни светские отношения, ни даже собственные его выгоды и который, так сказать, очертя голову говорит все то, что ему кажется справедливым и что только можно высказать. Это настоящий *Змей Горынич*, которого не может тронуть даже и *Душенька!* [118]

Пересмотрите «Северный архив»[119] с 1822 года: там вы найдете начало той борьбы и следствий ее, литературной вражды, которая продолжается до сих пор и перейдет за пределы моей могилы. Критика на «Историю государства Российского», сочинения знаменитого нашего историографа Н. М. Карамзина [120], не возбудила ненависти в благородном сердце автора[121], который даже внес ссыл-

ки на «Северный архив» в примечания к своей истории[122]; но на каждом великом муже, как на вековом кедре, гнездятся мелкие насекомые, питающиеся его славой, и они подняли писк и визг противу смельчака, дерзнувшего очищать вековой кедр от сухих листьев и гнилых ветвей![123] В «Литературных листках» (приложении к «Северному архиву») защищен знаменитый Крылов от нападков приверженцев И. И. Дмитриева[124] – и тут наступил всеми видимый и явный взрыв литературной вражды... Признавая всегда гениальность Пушкина и необыкновенный талант В. А. Жуковского, в «Литературных листках» и в родившейся от них «Северной пчеле» говорено было смело и откровенно о их произведениях[125], с указанием на слабое для возвышения превосходного, – и это был уже последний удар, *coup de grâse*[126]. Зашумели и загудели журналы, завопила золотая посредственность, и пошла потеха! «Северная пчела»[127], однако ж, все шла и идет своим путем, ни на что не оглядываясь, не стесняясь в своих суждениях никакими посторонними видами, отдавая полную справедливость и

дань хвалы жесточайшим противникам, когда они напишут что-нибудь хорошее, и порицая искреннейших друзей своих, когда они споткнутся[128]. Замечательно, и весьма, что вся вражда падала на меня одного и каждое неблагоприятное суждение для автора приписывалось *мне*, а за похвалу никто не сказал мне спасибо! Напротив, похвалы породили более врагов, нежели порицания. Удивительно, а правда! Иные стали моими врагами после похвалы, чтоб доказать, что они не напращивались на нее; другие вооружились за то, зачем я хвалил людей, в которых *они* не видят хорошего!..

Еще весьма замечательно, что все журналы, сколько их ни было в течение двадцати пяти лет (исключая «Соревнователя просвещения и благотворения»[129], который издавался литературным обществом, и нынешней «Библиотеки для чтения»[130]), начинали свое поприще, продолжали и кончали его жестокою бранью против моих литературных произведений. Все мои сочинения и издания были всегда разруганы, и ни одно из них до сих пор не разобрано критически, по прави-

лам науки. Нигде еще не представлено доказательств, почему такое-то из моих сочинений дурно, чего я должен избегать и остерегаться. О хорошей стороне – ни помина! Какая бы нелепость ни вышла из печати, господа журналисты всегда утверждают, что все же она *лучше*, нежели мои сочинения[131]. Вот все существо их критики моих сочинений! Один из новых журналов простер до такой степени свою храбрость, что даже поставил меня *ниже* известного московского писака Александра Орлова![132] Вы думаете, что я гневался или гневаюсь на журналы за эти поступки со мною? Уверяю честью – нет! Если б они были посмышленнее, то действовали бы иначе. Думая унизить меня, они возвысили, – и сочинения мои, благодаря Бога, разошлись по России в числе многих тысяч экземпляров, многие из них переведены на языки: французский, немецкий, английский, шведский, итальянский, польский и богемский[133], и «Северная пчела» благоденствует!

Но литературная вражда, не пробив стрелами критики моего литературного панциря, принялась за средство, которое дон Базилио

советует доктору Бартоло употребить противу графа Альмавивы в опере Россини «Севильский цирюльник». С величайшим наслаждением слушаю я всегда арию «La calunnia» [134]! У меня собран целый том сатир и эпиграмм...

Будь я в сотую долю такой литератор, каким стараются изобразить меня мои благоприятели, то достоин был бы... чего?.. самого ужасного: быть на них похожим. А как не послушать, когда рассказывают о сочинениях человека, который в течение двадцати пяти лет ежедневно припоминает [135] печатно о своем существовании! Ведь не о каждом можно сказать что взбредет на ум, а тут обширное поле для выдумок. А печатные намеки? Ведь без означения имени вы можете что угодно сказать и напечатать о журналисте, историке, романисте, статистике, сельском хозяине, проживающем в Париже или в Китае!!! Напечатав, вы можете сказать в обществе: это Булгарин! «Неужели он таков?» – спросят вас. «Во сто раз хуже!» – и из двадцати человек десять поверят. Худому верится как-то легче, нежели хорошему; а кому какая нужда заглядывать в

стеклянный дом, в котором я живу!

Все это меня нисколько не трогает, и стоит взглянуть на меня, чтоб увериться, что желчь во мне имеет самое правильное отправление и что я не высох с горя[136]. Вы думаете, что я питаю в сердце моем ненависть или злобу к моим врагам. Ей-богу, нет! Как можно в сердце хранить гнусные страсти, отравляющие все существование! Посердишься и забудешь. Только на одно обстоятельство я должен обратить внимание моих читателей, потому что оно имеет неразрывную связь с теперешним моим сочинением.

По долгу журналиста, литератора и современника я подвержен горькой обязанности говорить о смерти людей, снискавших уважение или любовь и благодарность соотечественников своими заслугами или литературными трудами. По моему положению в свете я знал и знаю лично бóльшую часть замечательных лиц в России и, кого знал, о тех говорю от своего лица, приводя иногда речи или необыкновенные случаи из их жизни, мною от них слышанные. Из этого мои благоприятели, мои любезные дон Базилии, умели вы-

ковать металл и вылить из него противу меня пули, которые, однако ж, не попадают в цель. Некоторые очень искусно дают знать, особенно по случаю моей биографической статьи об И. А. Крылове[137], что будто я *хвастаю дружбою* с знаменитостями после их смерти[138], когда эти знаменитости меня и знать не хотели!!! Ловко, да не умно и не удачно! Мы живем посреди современных свидетелей, и к следующим томам моих «Воспоминаний» я приложу *снимки* с писем ко мне многих знаменитостей для доказательства, в каких я находился с ними сношениях[139]. Предварительно скажу, что я никогда не *хвастал* ничьєю дружбой и никакими связями, никогда этим *не гордился* и не буду хвастать и гордиться. Никогда в жизни я ничего не искал, никому и никогда не навязывался, не обивал ничьих порогов и не задыхался в атмосфере передних. Почитаю себя счастливым и радуюсь в глубине души, что многие значительные люди оказывали и оказывают ко мне благосклонное внимание, и за это питаю к ним искреннюю, сердечную благодарность; но чтоб я хвастал или гордился знакомством

или связью с каким-нибудь, хотя самым даровитым, русским писателем, этого не бывало и не будет! В столкновении и в связи я был со всеми ими как литератор и журналист, но в дружбе был только с двумя, и то не как с литераторами, а как с людьми, – именно: с покойным А. С. Грибоедовым, бессмертным творцом «Горя от ума», и с Н. И. Гречем[140]. Я столько же любил бы и уважал их, если б они вовсе не были писателями. Талант без сердца – машина! Дружбою с покойным И. А. Крыловым я не хвастал, потому что никогда даже не искал этой дружбы, а был с ним хорошо знаком и прежде часто видывал его. Как журналисту, не принадлежащему ни к какой партии, мне даже невозможно было искать дружбы литераторов, а что многим из них я был нужен, это не подлежит ни малейшему сомнению и ясно по ходу дела. Были литераторы, искренно мне преданные, но они уже в могиле... и я не трону их и не вспомню о их ко мне приверженности! Есть, может быть, и теперь литераторы, которые *знают* меня... и я больше не требую. Но чтоб я *хвастал* дружбою Крылова, Пушкина или кого бы то ни бы-

ло!!! Ах, боже мой, как вы мало знаете меня, любезные мои дон Базилии, если в самом деле верите этому, а не выдумываете! Я горжусь только одним в свете, а именно моими врагами. Если б они не были моими литературными врагами, я бы умер от чахотки или сошел с ума!

Итак, почтенные мои читатели, верьте мне, что все сказанное в моих «Воспоминаниях» – сущая истина. Никто еще не уличил меня во лжи[141], и я ненавижу ложь, как чуму, а лжецов избегаю, как зачумленных. Всему, о чем я говорю в «Воспоминаниях», *есть живые свидетели*, мои современники, совоспитанники и сослуживцы, или есть документы. Пусть современники уличат меня во лжи! Ошибиться я мог в числах, в именах, в порядке происшествий, потому что пишу не из книг, а из памяти, – но в существе все правда. Где нельзя сказать правды, там я молчу, но не лгу [142]. В том, близок ли я был к некоторым знаменитостям, представляю *письменные доказательства* или сошлюсь на *живых свидетелей*.

Но я вам еще не отвечал, почему я издаю мои «Воспоминания» при жизни...

Ведь это только *отрывки!*..

При воспоминании *прошлого* кажется мне, будто жизнь моя расширяется и увеличивается и будто я молодею! Нынешнее единообразие жизни исчезает – и я смешиваюсь с оживленными событиями прошлого времени, вижу перед собою людей замечательных или для меня драгоценных, наслаждаюсь прежними радостями и веселюсь минувшими опасностями, прежним горем и нуждою. Пишу с удовольствием, потому что это занимает меня и доставляет случай излить чувства моей благодарности к людям, сделавшим мне добро, отдать справедливость многим забытым людям, достойным памяти, высказать несколько полезных истин, представить подлинную характеристику моего времени. Найдется много кое-чего любопытного и даже поучительного! Я прочел написанное несколькими искренними приятелям...

«Печатайте!» – сказали они в один голос.

«Печатай, печатай!» – повторили в семье...
Явился мой добрый М. Д. Ольхин[143] и решил: *печатать*...

Печатаю!

Пойдут многочисленные подражания[144], как после всего, что только я ни вздумал печатать, и журналам будет случай бранить меня и т. п. Все это даст некоторое движение умам, разбудит их, а при общем умственном застое и это хорошо!

А сколько вы издадите томов ваших «Воспоминаний»?

Не знаю! Сколько напишется. Быть может, кончу на этих двух томах, быть может, буду продолжать[145]. Не принимаю никакой обязанности пред публикою. Все зависит от досуга и от охоты.

Вспоминая о моих детских летах, я излагал события почти в хронологическом порядке и часто должен был говорить о себе. Со второй части форма сочинения, по самому существу вещей, должна измениться. Детство и великих, и малых людей принадлежит более *природе человеческой, нежели истории*, и наблюдение за развитием *каждого человека* любопытно для любознательного ума, особенно если развитие совершилось среди необыкновенных событий и необычного хода дел. Так точно мы с некоторым любопытством смот-

рим даже на обломки корабля, разбитого бурей, потому что эти щепы возбуждают в нас идеи! Дитя может смело и откровенно говорить о себе, потому что оно, так сказать, не составляет индивидуума, или отдельного лица в гражданском обществе, но принадлежит к массе человечества.

Со времени, когда я вступил на поприще гражданской жизни, я буду рассказывать как очевидец малоизвестные обстоятельства и замечательные случаи в современных событиях, или вовсе не замеченные историею, или вскользь упомянутые, и частные происшествия и приключения, достойные внимания или любопытные своею необыкновенностью, а о себе буду упоминать тогда только, когда невозможно будет этого избежать и когда надобно будет изложить мое собственное мнение. Рассказы мои будут или от третьего лица, или от имени товарищей, по большей части эпизодами или отдельными статьями. Эти эпизоды будут *исторические* и *частные*. Первые будут иметь форму или обыкновенную историческую, или *созданного мною* рода в русской литературе, под названием *воен-*

ные рассказы[146]; вторые будут в виде повестей, или повествований, основанных на истинных событиях. Вообще, в моих «Воспоминаниях» нет и не будет ничего выдуманного мною. Все здесь справедливо. Я должен иногда пропускать многое, повествуя о современности, но не обязан прибавлять или искажать истины. Это мое неотъемлемое право. Слово подлежит обстоятельствам; мысль и совесть – моя собственность!

Фаддей Булгарин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Первые воспоминания детства. – Разбойники и освободители. – Верный очерк тогдашних польских нравов. – Первое знакомство с русскими воинами

Приятно вспоминать первые годы детства! Человеку в годах они кажутся заманчивым сновидением. Вообще, все связное или важное, из детских лет остающееся в памяти, почерпнуто из рассказов родителей или других свидетелей нашего младенчества, слы-

шанных после. Но и детские воспоминания, и слышанное наконец сливается в одно и составляет общую картину, в которой впоследствии трудно отделить свое от чужого. Редкий человек не припоминал своего детства, особенно в кругу своего семейства, помышляя о будущей участи своих детей! Мои детские лета протекли среди необыкновенных событий, входящих в состав истории, и мне суждено было, как малой капле вод, волноваться вместе с огромными валами в разъяренном море, пока брызгами не выбросило меня на берег. Много необыкновенного видел я в жизни, много испытал и хорошего и дурного, знал много великих и гениальных мужей и много пустоцветов – и намерен, не трогая никого, рассказать кое-что из виденного, слышанного и испытанного.

Родился я в бывшем Минском воеводстве [147] бывшего Великого княжества Литовского [148] (в котором предки мои издревле были княжескими боярами [149], имевшими одно значение с древними боярами русскими)⁽¹⁾ [150], в именье Перышеве [151], принадлежавшем матери моей, урожденной Бучинской

(герба Стремя)⁽²⁾. Год моего рождения (1789) ознаменован началом переворота, ниспровергнувшего древнюю французскую монархию[152] и, подобно землетрясению и вулканическим взрывам, изменившего вид и внутреннее устройство не только Европы, но и Америки. Искры Французской революции попали в Польшу, как в пороховой магазин[153]. Умы холодные, утомленные польским безначалием, и умы пламенные, жаждущие новостей, эгоизм и патриотизм равно воспламенились и вспыхнули[154], одни из собственных выгод, другие в надежде исцелить недужное отечество, не веря, в простоте души своей, чтоб оно было неисцелимо, и не догадываясь, что уже антонов огонь[155] проник до его сердца! Пишу я не историю падения Польши, следовательно, не обязан рассказывать всех происшествий до разбития Костюшки под Мацеювицами[156] и взятия штурмом Праги Суворовым[157]. Припоминаю о тогдашних польских событиях настолько, насколько они входят в состав рассказа о моем детстве. В это время мать моя[158] уже продала имение свое Перышево и, намереваясь очистить от долгов

имение отца моего Грицевичи⁽³⁾ [159], в Минской губернии, в Слуцком уезде, и поселиться в нем, отдала предварительно капитал свой помещику Дашкевичу, под залог и в уплату процентов (по тогдашнему польскому обычаю) имения Маковиц[160], в нынешнем Бобруйском уезде, верстах в пяти от местечка Глуска[161]. Костюшко уже был взят в плен; большая часть Войска польского уже положила оружие, но восстание в Литве еще не прекратилось. Мы жили тогда в Маковищах. Однажды утром, весною 1795 года, приказчик прибежал в комнаты с гумна и сказал матушке, что слышал пушечные выстрелы. Мать моя, две старшие сестры[162] и я с нянькою побежали на гумно по совету приказчика, прилегли на току, приложив ухо к земле. Вдали точно раздавались удары и глухой подземный гул. После узнал я, что это были остатки отряда генерала Грабовского, разбитого прошлою осенью князем Цициановым под Любаром[163]. Некоторые отчаянные патриоты, собрав рассеянных солдат и присоединив к ним вооруженную шляхту, намеревались снова возмутить край и объявили конфедерацию

[164]. Отряд русских войск при первой встрече разгромил их картечью, и тем все кончилось. Это было, кажется, последнее сражение на землях бывшей Польши в эту войну и происходило верстах в двадцати от нашего тогдашнего местопребывания. Отца моего не было дома; он по обязанности своей находился тогда или в Слуцке, или в Несвиже⁽⁴⁾, и матушка моя чрезвычайно испугалась близости войны. Решено было всему семейству, с драгоценнейшими вещами, спрятаться в лесу, угнать туда же домашний скот и лошадей и послать немедленно нарочного к отцу, чтоб он приехал поскорее домой и привез с собою, если возможно, *залогу* и *охранительный лист* от русского генерала, из Несвижа⁽⁵⁾. Тотчас начали укладываться и суетиться; не обошлось при этом без слез, и я, видя общую суматоху и слезы, слыша беспрестанные повторения *«пропали мы, погибли»*, сам заплакал громче всех, воображая, что пропадут и погибнут все мои игрушки, сад, в котором я играл, и вообще все, что утешало и забавляло меня. Наконец нагрузили несколько телег лучшими вещами и съестными припасами, и матушка,

две сестры мои, панна Клара⁽⁶⁾, несколько служанок, лакеев и стрельцов с ружьями пошли пешком в лес, почти примыкающий ко двору. На одной телеге, нагруженной пуховиками и подушками, поехал я с моею нянькою, обложенный моими игрушками. Отец мой был большой охотник и имел несколько отличнейших стрельцов, которые знали все тайники в обширных лесах, покрывавших в то время весь этот край от Глуска до границы Волынской губернии, отчего и страна называлась *Полесьем*. Пройдя лесом с час времени, наш обоз должен был остановиться, потому что телег нельзя было провезти в чаще. Мы оставили телеги, навьючили кое-как всю поклажу на людей и лошадей и пошли далее. Меня несли на руках попеременно любимые стрельцы отца моего, Семен и Кондратий, а нянька должна была нести мои игрушки и постель. При этом должно заметить, что я был последнее, любимое и балованное дитя у моих родителей⁽⁷⁾. Не знаю, долго ли мы шли и далеко ли ушли, потому что я заснул на руках у моих носильщиков, но, когда проснулся, было уже утро, и я увидел, что мы находимся

на поляне, среди леса, возле небольшого ручья. Люди наши рубили сучья и поправляли шалаши, сделанные, видно, с вечера на скорую руку, и строили новые шалаши. В одном только месте горел огонь, в яме. На поляне паслись лошади и несколько коров. Повар разбирал кастрюли и ошипывал живность; служанка варила кофе, и мне все это показалось так хорошо и так весело, что я прыгал от радости. Это был настоящий бивак! Матушка сказывала мне после, что она всю ночь не могла уснуть, хотя в шалаше разостланы были пуховики, и что она еще до зари послала домой человека узнать, что там делается. После обеда, когда солнце начало уже прятаться за высокими деревьями, возвратился посланный с корчмарем нашим, евреем Йоселем, который за свою исправность и услужливость был в большой милости у матушки. Йосель приехал верхом и привез полный мешок припасов, сахару, зеленого чаю (без которого моя матушка не могла обойтись), булок, свежего мяса и, как всегда, для меня гостинца – на этот раз пряников. Йосель успел побывать в Глуске, куда перевез всех женщин и детей

своего семейства, и узнал от губернатора замка⁽⁸⁾, что русских ждут к вечеру или на другое утро в Глуск и надеются, что, вследствие покорности губернатора и усиленной его просьбы, город не будет разграблен и жители не подвергнутся обидам и притеснениям. Но, по словам Иоселя, предстояла всем большая беда, потому что при общем недостатке в съестных припасах трудно будет прокормить солдат, если весь русский отряд остановится в городе, и что непременно потребуют помощи в съестных припасах от помещиков, а денег, как водится, от евреев. Иосель, при сих словах покачав головою, завопил: «Ой вей мир, ой вей мир»[165] – и стал утирать слезы рукавом. Матушка и сестры также заплакали – не о съестных припасах и не о деньгах, а о своем положении. Я опять заревел громче всех, смотря на плачущих. На вопрос матушки, не слышно ли чего об отце моем, Иосель отвечал, что губернатор замка послал за ним четырех гонцов, в четыре разные стороны, чтоб просить его прибыть как можно скорее для необходимых распоряжений в этой крайности. Иосель пробыл у нас до ночи и поехал об-

ратно, обещая дать знать, что делается у нас дома и в окрестностях, и уведомить немедленно отца моего о нашем положении.

Прошли двое суток, и мы не получали никакого известия. На третий день, в полдень, пришла в наш бивак крестьянка из чужого имения, у которой мать моя вылечила ребенка, и, бросаясь в ноги, рассказала, что она слышала, что соседние мужики собираются убить всех нас в лесу, чтоб завладеть нашим добром, предполагая, что маменька имеет при себе много денег и всяких дорогих вещей. Можно себе представить положение моей матери, сестер и всей нашей прислуги! Я хотя не постигал всей опасности, но знал хорошо, что значит *убить* и *умереть*, слыша часто о битвах и о смерти наших знакомых, и, видя общее беспокойство, был в страхе, однако же просил, чтоб мне дали ружье для защиты матушки. Она улыбалась сквозь слезы, прижимая меня к сердцу. Наконец матушка собрала на совет всю нашу прислугу мужеского пола и спросила, намерены ли они защищать господ своих. «До последней капли крови!» – отвечали все единогласно и бросились цело-

вать руки и ноги маменьки и сестер. Стрелец Семен взял меня на руки и сказал, что не выдаст меня, хотя бы его растерзали на части. С нами было всего девять человек сильных молодых людей, искусных стрелков. Нет сомнения, что и двойное число разбойников не одолело бы их. Некоторые из наших людей изъявляли даже желание встретиться с разбойниками, чтоб проучить их порядком.

Матушка наградила добрую женщину, известившую нас об угрожавшей опасности, обещая на всю жизнь призреть ее семейство, и поручила ей отдать нашему приказчику записку, написанную карандашом (помню, потому что *моим*), в которой матушка требовала, чтоб он немедленно поспешил на помощь с верными крестьянами, оставив дом на произвол судьбы.

В юности нашей, начитавшись о римской и греческой республиках, о людях, иногда самых мелочных умом и душою, но наделавших шуму своею дерзостью и пылкими речами и за то произведенных в великие мужи красноречивыми писателями, мы часто предаемся мечтам и желаем переворотов, потря-

сений, бредим о вольности и равенстве (которые, сказать мимоходом, никогда не существовали в мире и не будут никогда существовать для массы народа) и завидуем так называемым героям народным!.. Школьничество — и только! Эти народные герои, вообще, или простаки, увлеченные мечтами воображения, порожденными впечатлениями юности, или хитрецы и честолюбцы, т. е. или тетерева, или лисицы. Лучше спустить с цепи голодного тигра или гиену, чем снять с народа узду повиновения властям и законам. Нет зверя свирепее разъяренной черни! Все усилия образованного сословия должны клониться к просвещению народа насчет его обязанности к Богу, к законным властям и законам, к водворению в сердцах человеколюбия, к искоренению врожденного человеку звериного эгоизма, а не к возбуждению страстей, не к порождению несбыточных надежд. Кто действует иначе, тот преступник пред законами человечества. Видевший народное восстание знает, что это значит! Наполеон заслуживает вечную благодарность всех благородных сердец за то, что никогда не хотел действовать

мятежом противу своих неприятелей, когда имел полную власть в своих руках. В Италии он должен был повиноваться Директории [166].

В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми на деле не пользовался никто. Только богатые паны были совершенно независимы от всех властей, но это была не вольность, а *своеволие*. Даже порядочная и достаточная шляхта⁽⁹⁾ должна была придерживаться какой-нибудь партии, т. е. быть под властью какого-нибудь беспокойного магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвещенная, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил ее, и даже поступала в самые низкие должности у панов и богатой шляхты и терпеливо переносила побои с тем условием, чтоб быть битым не на голой земле, а на ковре, презирая, однако ж, из глупой гордости занятие торговлею и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белоруссии положение их было гораздо хуже негров. Когда в последнее время (т. е. с 1791 года) Польшу возмутили мечтами

о вольности, равенстве и политической независимости, были в ней люди истинно благородные, даже с большими дарованиями и героическим мужеством, которые пламенно желали перерождения своего несчастного отечества и утверждения в нем порядка на основании прочных законов и наследственной монархической власти. Но эти желания и усилия благородных людей не могли увенчаться успехом, потому что в Польше не было для этого никаких стихий. Все было в расстройстве: правительство без всякой силы, народ без единоподушия. Магнаты враждовали между собою и беспокоили соседние державы просьбами о покровительстве своей партии. Все партии ненавидели короля и не имели к нему ни малейшей доверенности, испытав его малодушие и вероломство[167]. Порядочное дворянство приставало к различным партиям, но вообще действовало более словами, нежели делом, а мелкая шляхта вооружалась насчет панов, бушевала, пьянствовала, грабила и обращалась в бегство при встрече с неприятелем. Над этим восстанием мелкой шляхты все благоразумные люди шутили и

насмехались, утверждая, будто при встрече с неприятелем они говорят: «В лес, господа! Это не шутки – стреляют пулями!» Сами поляки подучали русских мародеров к грабежу, разделяя с ними добычу, и, донося ложно на своих соотчичей русским начальникам, соблазняли некоторых пользоваться обстоятельствами. Иные из мелкой шляхты грабили даже или похищали общественную казну[168]. Регулярного войска было чрезвычайно мало, едва ли 25 000 человек в целом королевстве, и это войско, сперва упавшее духом, потом воспламененное Костюшкою, могло только со славою умереть. Поселяне в коренной Польше, особенно краковяки[169], приняли сильное участие в восстании, обнадеженные Костюшкой в улучшении своей участи; но крестьяне в Литве, в Волынии и Подолии, если не были принуждены силою к вооружению, оставались равнодушными зрителями происшествий и большею частию даже желали успеха русским[170], из ненависти к своим панам, чуждым им по языку и по вере. Вообще, в так называемое костюшковское восстание шуму, разглагольствия, похвальбы, при-

готовлений было слишком много, но дела было чрезвычайно мало: вся деятельность сосредоточена была в Варшаве и Вильне, а провинции были оставлены на произвол судьбы! Негодяи пользовались расстройством края, наезжали на дворы, грабили и даже убивали, хотя редко, безвинных, провозглашая их изменниками. Никто не слушал властей, не имеющих силы. Русские в насмешку говорили, что поляки *проспали Польшу!* Это несправедливо: не проспали, а *проболтали!* Ораторов было множество, а не было воинов, и бодрствовали не для дела, а для интриг и собственных выгод.

При самом начале переворота в Польше (с 1791 года), когда варшавские дельцы стали провозглашать правила французского Конвента[171] (*la Convention*), объявили Польшу вольным пристанищем для всех беглецов из соседних государств, стали порицать узаконения своих соседей и форму их правления, даже провозглашать личности противу государей и возбуждать соседние народы к восстанию для шествования к одной цели с Польшею, – тогда соседние государства, по предло-

женному сперва плану Фридрихом Великим, решились на крайнее средство, как бывает при пожарах, т. е. вознамерились разобрать дом, угрожающий зажечь соседние дома. Последний порыв героизма, возбужденный Костюшкою, не спас Польши, которую уже отравили велеречивые теоретики и гнусные эгоисты. Я застал, так сказать, последний вздох умирающей Польши...

Обращаюсь к повествованию.

За несколько месяцев пред сим отец мой выгнал из службы помощника нашего приказчика, за дурное поведение и, кажется, за воровство. Он был шляхтич и, оставшись без места, оседлал своего коня и определился в так называемую *рухавку* (конную милицию из шляхты), формировавшуюся в Новогрудке. Был ли он на войне или нет, не знаю, но после пленения Костюшки он возвратился на родину с деньгами, начал мотать по корчмам с подобными ему негодьями и грозил заочно местью моему отцу, что было уже нам известно. Этот-то человек, узнав, что наше семейство прячется в лесу, вознамерился нас ограбить и, вероятно, всех перебить, чтоб при-

крыть следы злодейства, и, таскаясь по корчам, подговорил на этот подвиг несколько пьяных шляхтичей и десятка два самых развратных мужиков, уверяя, что русские, заняв край, не станут разыскивать об убийстве или грабеже панов, с которыми они воюют. В тот же день, как злодей с шайкою своею отправился в лес нас отыскивать, не со стороны нашей усадьбы, к которой он не смел приблизиться, но издалека, чрез болото, крестьянка, благодарная моей матери, узнав об этом от соседки, которой муж принадлежал к шайке, побежала в Маковици и, боясь сказать об этом приказчику, не доверяя ему, расспросила у коровницы, каким путем пошло наше семейство в лес, и по следам нашим нашла нас. Этой женщине матушка дала лошадь, чтоб она скорее поспела в наш дом, и наши люди стали приготовляться к защите от разбойников.

Семен, не любивший корчмаря Йоселя за то, что он по приказанию отца моего не давал ему в долг водки и, пользуясь милостью господ, иногда грубо обходился с дворнею, сказал, что он подозревает Йоселя в измене. Это

мнение разделяла вся наша прислуга, по врожденной ненависти своей к жидам, – и Семен клялся, что при первой встрече убьет его, как зайца. В нашем лагере раздались проклятия и угрозы противу Иоселя, которого защищала одна моя матушка. Вскоре увидим, какое участие принимал он в этом деле.

Кондратий, бывший с моим отцом в походе, имел первенство в совете, он предлагал составить род укрепления из земли и сучьев и засесть в нем, закрыв сверх того от пуль матушку, сестер и меня пуховиками. Другие советовали возвратиться домой как можно скорее, что и матушке казалось лучше, но страх от встречи с русскими удерживал ее... Бог весть, что тогда рассказывали о русских, хотя в самом деле война ведена была в то время не так, как теперь. Победители почитали врагом каждого жителя неприятельской страны, не различая ни возраста, ни пола. Подвиги Девича[172] и других были в свежей памяти: Прага еще дымилась, и от одного имени Суворова бросало в лихорадку! Я спал спокойно, но никто в нашем лагере не смыкал глаз всю ночь; огней не разводили, и два стрель-

ца, с заряженными ружьями, расхаживали вокруг поляны. На рассвете матушка велела вьючить лошадей, и мы отправились в обратный путь. Матушка хотя и не решалась возвратиться домой, но вознамерилась приблизиться к опушке леса. Мы шли в тишине около двух часов времени, как внезапно впереди, шагах в двухстах, в авангарде, составленном из Семена и Кондратия, послышался шум и говор. Матушка сказывала мне после, что ноги у нее подкосились, в глазах потемнело, и она сперва присела на сломанное дерево, а потом лишилась чувств. Она боялась более за детей своих! Меня отнесли в сторону, а сестры, сами чуть живые, бросились с служанками помогать матушке. Панна Клара от страха почти лишилась ума и кричала изо всей силы. Вдруг раздался громкий и внятный голос Семена: «Не бойтесь! это хорошие люди!» Сквозь чащу леса, однако ж, нельзя было ничего и никого видеть. Матушку привели в чувство, но она была так слаба, что не могла привстать с места. Слова Семена оживили всех, но ненадолго... Вдруг из-за кустов и между деревьями мелькнули русские грена-

дерские шапки и светлые мундиры. Все женщины, как курицы при появлении коршуна, немедленно сбились в кучу и бросились на колени вокруг матушки, сидевшей на обрушенном дереве, склоняясь на руки моей няньки. Я сидел у ног матушки. Женщины не сме- ли поднять глаз и были как полумертвые, и только одна панна Клара продолжала вопить: «О Боже мой, умиლოსердись!» – и потом начи- нала громко пересчитывать всех святых, ко- торые приходили ей на память... Минута бы- ла решительная и ужасная, и в самое это вре- мя на тропинке показался наш корчмарь Иосель, а с ним Семен и Кондратий. «Не бой- тесь, не бойтесь, пани! – кричал Иосель, ма- хая руками. – Ничего не будет худого; это доб- рые москали – я сам привел их сюда, чтоб спа- сти вас!.. Не бойтесь – и пана ожидают сего- дня в Глуस्क; он верно к вечеру будет дома!..» Мать моя ожила, а с нею все другие. Сестры мои от радости стали обнимать и целовать Иоселя; у матушки слезы полились градом, а у панны Клары сделались страшные спазмы: она смеялась и плакала вместе и валялась по земле. Иосель, поцеловав руку сперва у ма-

тушки, а потом у меня и вынул из кармана пряник, подал мне, как бывало в прежнее время. У матушки брызнули из глаз слезы. «Иосель! – сказала она. – Этого пряника я всю жизнь не забуду!»

Дело объяснилось. Иосель, узнав от приятеля своего, корчмаря, что толпа негодяев вознамерилась перебить всех нас, чтоб завладеть нашими вещами, решился просить помощи у русского капитана, пришедшего накануне на квартиры в Маковищи, и капитан немедленно отправился к нам, с пятидесятью гренадерами, взяв с собою Иоселя для указания дороги и чтоб повесить его на первом дереве, если б он обманул его и ввел в какую-нибудь засаду. Жида вели связанного и развязали только при встрече с нашими людьми.

Едва Иосель успел кончить свой рассказ, явился капитан, молодой человек, весьма красивый собою, в светло-зеленом мундире с красными отворотами, в красных панталонах, в щегольской гренадерской шапке. Никогда я не забуду ни лица его, ни голоса, ни имени. Это был капитан Палицын, Фанагорийско-

го гренадерского (если не ошибаюсь) полка [173]. Он подошел к моей матушке, успокоил ее, изъявил сожаление, что она из опасения его земляков подвергнулась такой опасности; уверил, что никому, даже последнему мужику, солдаты его не сделают ни малейшей обиды; потом, обратясь к сестрам, сказал с улыбкою, что он сберег их ноты, фортепиано и гитары и оставил их комнаты незанятыми, и наконец, увидев меня уже на коленях у матушки, взял на руки, поцеловал и спросил, хочу ли я с ним подружиться. Видя, что появление его всех успокоило, я крепко обнял его за шею и сердечно расцеловал, отвечая, что хочу быть его другом, если он не убьет никого из нас. «Я, дружок, тогда только убиваю, когда на меня нападают, и защищаю тех, кому нужна моя помощь». Это сказано было не для меня, а для всех. «До дому еще далеко, – сказал капитан дамам, – и вы не дойдете пешком. Прошу покорно подождать, я помогу делу...» И капитан, посадив меня на колени матушки, удалился, оставив всех в удивлении и недоумении. Тогда так боялись русских, что матушка моя не верила, чтоб капитан был при-

родный русский, и сказала: «На счастье наше, это или поляк, или лифляндец, или курляндец!» (albo Polak, albo Liflandczyk, albo Kurlandczyk). Впрочем, капитан Палицын весьма недурно говорил по-польски; он провел долгое время в Польше и, как после сказывал, имел искренних приятелей между поляками. Еще бы такому человеку не иметь приятелей! Да он нашел бы их и между ирокойцами[174]!

Через полчаса возвратился капитан. За ним шестнадцать гренадер несли четыре носилки, наскоро сделанные из сучьев. Я не спускал глаз с солдат. Они имели ружье за плечом, на ремне, по-охотничьи. Капитан просил дам (в том числе и панну Клару, которая была больна от испуга) сесть на носилки. Сперва матушка и сестры противились и отговаривались, но наконец согласились. Положили на носилки подушки, дамы сели; меня взял на руки саженный гренадер с предлинными усами, и по команде капитана «вперед!» шествие двинулось. Шагах в пятидесяти, на небольшой площадке, стоял отряд. «Песенники вперед!» – сказал капитан, и часть солдат отдели-

лась. Остальные солдаты по одному шли за нашим обозом, и мы весело пошли вперед под звуки русских песен. Впервые услышал я тогда русские песни и солдатский хор; некоторые из тогдашних песен я после часто слышал, и они остались у меня в памяти.

Прибыв домой, матушка чрезвычайно удивилась, что капитан с поручиком заняли комнаты в гостинном флигеле, не сдвинув даже стула с места в нашем доме. Явился наш управитель и объявил, что по приказанию капитана он пригнал во двор скот и привел лошадей и что капитан приказал только кормить солдат в деревне и давать им винную порцию, обещая, что все будет смирно и тихо, как в мирное время. Приказчик примолвил, что он сам хотел ехать за нами, с известием, что в москалях Бог послал нам таких добрых людей, когда Иосель явился к капитану с известием о разбойниках, и капитан в ту же минуту собрал команду и отправился...

Матушка испросила у капитана позволение дать каждому солдату по рублю серебром и угостить на другой день всю роту во дворе, примолвив, что она надеется, что избавитель

ее и всего нашего семейства не откажется разделять с нами стол и все, чем только она может с ним поделиться. Капитан согласился быть нашим гостем и во все время своего квартирования в Маковицах проводил целый день в нашем семействе. Это был милый, образованный и добрый человек. Солдаты обожали его.

Хотя Иосель сказал, что отец мой приедет скоро домой, но он возвратился чрез неделю, к самому обеду, и, зная уже все случившееся, бросился в объятия капитана, со слезами благодарил его за благородное обхождение, покровительство и избавление нас от величайшей опасности. Отец любил жить весело: он тотчас послал приглашение к соседям, прося их приехать на несколько дней с семействами повеселиться пред отъездом всего нашего семейства в Несвиж. В этом городе велено ему было проживать по его должности, и он не хотел расставаться с своим семейством, чтоб не подвергать нас снова подобным приключениям. Наехало гостей множество, и как погода была теплая, то дамы поместились в комнатах, а мужчины вместе с моим отцом

устроили себе жилище на гумне. Привезли из Глуска музыку[175] графа Юдицкого. Капитан Палицын по просьбе отца моего пригласил приятелей своих офицеров – и пошла пируха! Каждый день прогулки, большой обед, танцы, ужин, музыка, пение – и так пропировали целую неделю. Тут я увидел в первый раз так называемую *лодку*, представляемую русскими песенниками[176], увидел русскую пляску и так полюбил лихих русских солдат, что не отходил от них, носил им водку, виноградное вино, булки, пироги и давал даже деньги, выпрашивая у родителей. За то и солдаты полюбили меня и говорили пророчески: «Этот будет *наш!*» Я бросил все мои игрушки и играл штыками и тесаками. В карманах у меня были пули, через плечо золотой шарф капитана Палицына. Чрез неделю он, после бала, продолжавшегося до утра, выступил с ротою в поход, в Слуцк, провожаемый с музыкою всем обществом верст за пятнадцать, где приготовлен был завтрак на прощанье, а после него, на третий день, выехали мы в Несвиж. Перед выездом недосчитались панны Клары. Она примкнула к Фанагорийскому гренадерскому

полку, но только не под покровительство доброго Палицына – и без него нашелся другой охотник до этой дичи!

II

Старинный польский дорожный поезд. – Победитель Костюшки граф Ферзен. – Первое собственное оружие. – Жизнь русских офицеров в Польше. – Польки. – Испуг

Удивительно, как все изменилось в короткое время! В Польше было тогда какое-то молодечество, от которого никто не смел уклониться. Подраться на саблях значило почти то же, что чокнуться стаканами. Каждый мужчина долженствовал быть отличным ездоком и стрелком из ружья и пистолета. Погасить свечу пулею, попасть в туза или убить на лету, пулею, ласточку – ныне причисляемое к редкостям – почиталось тогда делом обыкновенным. Мужчина не смел ездить в карете или в коляске: это предоставлялось больным и женщинам. Семидесятилетние старики ездили верхом в дальний путь, например с берегов Березины в Варшаву. Только некоторые богатые модники, возвратясь

из изнеженного Парижа, презирали старинные обычаи; но таких людей было весьма немного, и их преследовали сатирою и насмешками. Таким образом, как наше семейство ехало в Несвиж, езжали тогда все порядочные шляхетские фамилии. Роскошь магнатов, особенно многочисленность их прислуги и лошадей, превосходила всякое вероятие. Например, князь Карл Радзивилл выезжал иногда в тысячу коней!..

Маршрут наш назначен был предварительно, и бричка, в четыре лошади, с кухонными снарядами, с поваром и поваренками, шла впереди, шестью часами перед главным поездом. На назначенных местах повар готовил обед и ужин. Завтрак и полдник везли с собою. Матушка с сестрами и со мною ехала в четвероместной огромной карете, на *пасах* (т. е. на ремнях, потому что рессоры тогда мало употреблялись), запряженной цугом, в шесть сивых лошадей, без форейтора[177]. Кучер правил с лошади, а не с козел. Перед каретою и за нею ехали верхом четыре стрельца с ружьями наперевес, с кортиками и с охотничьими рогами; на запятках стояли два огром-

ные лакея, одетые по-венгерски, с высокими волчьими шапками. Эти лакеи назывались *гайдуками*. За каретою шла коляска, запряженная цугом четырьмя карими жеребцами, и кучер также правил с лошади, без форейтора. Сбруя была краковская, т. е. высокие хомуты с бубенчиками; но в городе употребляли английские шоры с серебром. В коляске сидел камердинер батюшки, а на запятках казачок, бандурист. Потом ехал пикер (по-польски *до-езжачий*) и его помощник, ведя гончих и борзых собак на сворах. Несколько брик[178] (кажется три), каждая в четыре лошади, также цугом, с постелями, туалетом, столовым сервизом и разными вещами, шли за коляскою. В бричках сидели служанки и так называемые *покоевцы*, т. е. комнатная прислуга, из молодых и красивых людей. При бричках ехали, также верхом, официант, носивший в Польше название *маршалка*, и конюший. Первый был то же, что в Испании *majordome* [179], т. е. заведовал кухней, буфетом и прислугой, а второй управлял конюшнею и охотою. За бричкой ездовой, верхом, вел парадную верховую лошадь батюшки, под богатою

попоною с гербами, а в замке тянулись крестьянские подводы с съестными припасами, мукою, крупю, разным копченым мясом, водками, ликерами, вареньями, сырами и т. п. Отец мой ехал верхом на сером жеребце, а за ним ездовой (по-польски *люозак*, *lozak*) в куртке с галунами, в шишаке с перьями, с кортиком; он вез длинный турецкий чубук и весь трубочный припас. Весь поезд ехал обыкновенно шагом или, по хорошей дороге (что тогда была редкость), малою рысцою. Без этой свиты не мог выехать порядочный человек, шляхтич, *bene natus et possessionatus*[180]! Подъезжая к усадьбе или местечку, кучера хлопали бичами, ездовые трубили в рога и стреляли на воздух из ружей и пистолетов, чтоб дать знать, что едет *пан*.

Все польские власти были тогда в разброде; страну управляли русские генералы и поставленные ими офицеры. Начальники были рады-радешеньки, если могли ухватиться за кого-либо из туземцев, и отец мой, в звании народного гражданско-военного комиссара[181], должен был поневоле исправлять обязанности маршала (предводителя дворян-

ства), судьи и всех полицейских властей. Не знаю, на какое пространство простиралась эта принужденная власть его, но официально он был комиссаром воеводства Новогрудского.

Польша издревле славилась беспорядками всякого рода, особенно дурными дорогами и мостами. На этот счет существует даже насмешливая пословица[182]. Верстах в двадцати от Несвижа надлежало проезжать чрез ручей, который в полную воду был довольно широк и быстр. Осмотрев мост, люди наши уверились, что он не поднимет кареты, а потому стали искать брода. Отец мой первый проехал в броде, но не остался на другом берегу, а воротился, чтоб распорядиться при спуске кареты. Карета прошла чрез воду благополучно, но при подъеме передние лошади стали путаться, и карета нагнулась на сторону. Сестры от испуга закричали, и отец мой, ехавший возле кареты, дал шпоры лошади: она рванулась на берег и, не знаю как оступившись или завязнув в грязи, упала на бок. Отец попал под лошадь и, ударившись о камень, переломил ногу. Мы все выскочили из каре-

ты и с криком и плачем подняли его; стрельцы перевязали ногу между двумя досками, положили в коляску и поскакали во весь дух в Несвиж. Мы также поехали во всю рысь...

Дом для нас был приготовлен магистратом [183]. Когда мы приехали, отец мой был уже перевязан искусным доктором и лежал в постели. Доктор успокоил матушку и уверил, что чрез шесть недель отец мой будет совершенно здоров и встанет с постели и что не предвидится ни малейшей опасности.

В Несвиже была тогда временная главная квартира генерала графа Ферзена, который победою, одержанною над Костюшкою, и взятием его в плен стяжал себе всемирную славу. В это время он наслаждался ею в полной мере, награжден был щедро императрицею Екатериною II [184] и союзными дворами и пользовался особенным уважением всей русской знати.

Некоторые из польских офицеров, бывших в сражении под Мациевицами, приписывают, однако ж, победу генералу Денисову, впрочем весьма несправедливо, на том основании, что в начале сражения поляки одержали верх в

центре, где начальствовал сам генерал Ферзен, который уже начал ретироваться, оставив на месте несколько пушек; но генерал Денисов, стремительно бросившись с своею кавалериею на левый фланг польский, смял его, обратил в бегство и этим внезапным ударом привел весь корпус Костюшки в расстройство. Тогда уже генерал Ферзен стал громить центр польский своею артиллериею и ударил в штыки. Как бы то ни было, но слава победы принадлежит всегда главнокомандующему. Очевидцы и иностранные писатели должны вспомнить, что без счастливого движения генерала Десе (Desaix) Наполеон не одержал бы победы при Маренго[185], однако ж слава принадлежит Наполеону. Ведь и Костюшку взял в плен не сам Ферзен, а мы должны говорить и писать, что Костюшко взят Ферзенем.

Разумеется, в общем расстройстве страны, при непрерывных переходах войск, продовольствие его было сопряжено с величайшими затруднениями. Брали, где могли взять, и наконец выбрали все, что было на виду, а между тем большая часть запасов сохранялась помещиками и крестьянами в ямах, в ле-

сах, между неприступными болотами. Надлежало иметь человека, который бы знал местность и средства каждого поместья и умел распределить так называемую реквизицию (контрибуцию провиантом и фуражом) справедливо, без излишнего отягощения жителей и сообразно состоянию каждого помещика. Для этого Ферзен вытребовал отца моего в Несвиж и весьма был огорчен случившимся с ним несчастием, которое замедляло предложенное учреждение Временной провиантской комиссии.

Лишь только язвенная горячка (Wundfieber) у отца моего миновалась, граф Ферзен навестил его, присылая прежде ежедневно адъютанта осведомляться о его здоровье. В эту самую пору у отца моего был доктор, и потому матушка приняла графа в гостиной и, по польскому обычаю, представила ему все наше семейство. Граф Ферзен после первых вежливостей сказал матушке, что она, будучи матерью русского воина[186], как русская, имеет полное право на покровительство русского правительства, и просил ее, чтоб она избрала его в предстатели пред тро-

ном великой монархини. Матушка, разумеется, приняла это за комплимент, однако ж все наше семейство было обворожено ласковостью, хорошим тоном и добродушием графа Ферзена. Заметив привязанность матушки ко мне, державшей меня на коленях, граф Ферзен обратился ко мне, а матушка велела мне подойти к графу и приветствовать его. Граф поцеловал меня в лоб и обещал принести конфетов и игрушек. Я столько наслышался в доме нашем о графе Ферзене, о Костюшке (которого обожали в нашем семействе), что с недоверчивостью слушал графа и с величайшим любопытством рассматривал его. Граф Ферзен был уже стар, лет шестьдесят, но по лицу казался еще старее. Он был сухощавый, весь в морщинах и согнутый; щурил глаза и закрывал их рукою от света. Особенно помню, что он весьма бело был напудрен и имел трость с набалдашником, осыпанным драгоценными камнями. Посидев с дамами с полчаса, граф пошел в комнату отца, где пробыл долго, и с другого же дня в спальне отца моего начал собираться ежедневно комитет, составленный из нескольких помещиков и

русских штаб-офицеров, для учреждения земской полиции и установления правильного продовольствия войска.

Граф Ферзен занимал весь замок, или дворец (pałac), князя Радзивилла, властителя Несвижа, жил роскошно, по-царски, разумеется, по тогдашнему обычаю, на счет города и помещика, который был за границую. Вся оставшаяся в доме прислуга княжеская и все, что оставалось в целости, — домашние снаряды, сервизы, лошади и экипажи, — находились в распоряжении графа Ферзена. Дня чрез два после своего посещения граф Ферзен снова приехал к нам просить матушку с сестрами на вечер: на концерт, бал и ужин. Матушка отговаривалась всячески и наконец должна была обещать, что будет, если какие особенные обстоятельства не помешают.

После узнал я причину, по которой матушка не хотела ехать на вечер к такому важному человеку. Граф Ферзен, невзирая на преклонные свои лета и хилость, был страстным обожателем прекрасного пола и имел при себе трех юных собеседниц, полек. Тогда был иной век, и русские вельможи, а за ними и их

подчиненные не скрывали того, что в наше время если и делается, то лишь тайно и с некоторыми приличиями. Русская знать все еще жила в веке Лудовика XV[187]. Все богатые и достаточные люди в России держали явно любовниц, хвастали ими, как ныне хвастают мебелью или лошадьми, и никто не обращал на это внимания. Некоторые богачи, поселившись в деревне, имели целые хоры певиц, танцовщиц или целый завод кружевниц, и все это было в порядке вещей. В Польше, где все дворянство, исключая должностных при дворе, проживало большую часть года в своих поместьях, в семейном кругу, между родными, соблюдалось более приличий в этом отношении. Любовные интриги хотя и существовали, но тайно и благопристойнее, и, невзирая на вольное обращение между полами, никто не дерзал похвастать тем, что имеет любовницу. Женщина подозрительного поведения не смела даже показаться в люди. Русские офицеры, *особенно пожилые*, вели себя непринужденно, разобрали по рукам всех хорошеньких служанок из шляхтянок, всех пригожих дочерей экономов и даже жен

многих шляхтичей – словом, всех легкомысленных девушек и женщин, получивших некоторую наружную образованность в господских домах и умевших искусно подражать всем манерам своих прежних барынь и барышень, и жили с ними явно, как с женами. Надобно сознаться, что польки соблазнительны! Один польский поэт сравнивает их по грациозности с *молодыми кошечками*[188]! Польки ловки, любезны, кокетки от природы и умеют принимать на себя все оттенки различных характеров, сообразно нраву того, кому хотят нравиться. Трудно противостать их искушению, в чем сознался и великий Суворов[189]! В противоположность этому женская ловкость, развязность и любезность сосредоточивались тогда в России только в высшем обществе, а в обыкновенном дворянском кругу женщины были манерны, застенчивы, неловки и старались казаться в высшей степени чинными и степенными. Приманка в Польше была слишком велика, и покорители Польши щедро вознаграждали себя за понесенные труды и за скуку с русскими женщинами и жили в Польше, как в Магометовом раю[190],

с тою разницею, что в польско-магометовом раю было сверх всех благ венгерское вино [191]! Многие любовницы совершенно овладели своими обожателями, и они, повинувшись их воле, вводили своих любовниц в порядочный круг, возили на балы, приглашали к себе гостей – словом, ввели их во все права законных жен. Пока кипела война и каждый вооруженный человек был страшен, тогда все терпели и даже искали покровительства любовниц; но когда громы войны замолкли и императрица Екатерина II решила присоединить к России Литву, то с мирными и покорными жителями велела поступать снисходительно и ласково – и они ободрились. К тому же многие поляки уже находились при дворе Российском и обещали землякам своим защиту и покровительство. Итак, хотя страх русского имени еще не исчез вовсе в Польше, но уже значительнейшие из жителей заняли прежние места свои в обществе и не покорялись слепо воле каждого, носившего русский мундир. Многие дамы не ездили даже в церковь, чтоб не встречаться с русскими собеседницами, щеголявшими нарядами и экипажами.

Эти собеседницы русских воинов приводили в соблазн своею роскошью и не появлялись в люди иначе, как осыпанные алмазами и жемчугом. Итак, матушка моя боялась унизиться или, как говорится, скомпрометироваться, попав в общество этих собеседниц, тем более что слышно было, будто и наша панна Клара разъезжает по городу в богатом экипаже какого-то майора. Матушка созналась в этом доктору, лечившему отца моего, а как этот доктор, земляк графа Ферзена, был с ним фамильярен и пересказал ему справедливые опасения матушки, то граф Ферзен был так деликатен, что в тот же день прислал матушке список всех званых гостей. Разумеется, что матушка после этого поехала с сестрами на вечер, на котором младшая сестра, Антонина, приобрела общие похвалы за отличное свое пение и ловкость в танцах.

Поляки, подобно богемцам, народ музыкальный, и богемцы потому только превосходят в музыке все славянские племена, что имеют в Праге консерваторию, распространяющую вкус и образующую учителей. В Польше также в каждом шляхетском доме занима-

ются музыкою. Почти каждая бедная шляхтяночка играла в то время на польской гитаре (с семью железными струнами), и во всех помещичьих домах все дамы играли на фортепиане, на арфе и даже на гусях, которые тогда были в большом употреблении. Все польки учились пению в женских монастырях. Младшая сестра моя, Антонина, были одарена необыкновенным талантом к музыке, имела прелестный голос, пела с удивительным чувством и выражением и играла отлично на фортепиане, на арфе, на гитаре и на гусях. Старшая сестра, Елисавета, воспитанная, как и младшая, по тогдашнему обыкновению, в монастыре сестер бенедиктинок, в Минске [192], где наша родственница была настоятельницею, Елисавета, по странному вкусу, избрала для себя кларнет и играла на нем очень хорошо, участвовав прежде в монастырском музыкальном хоре. Дом наш сделался местом собраний всех русских офицеров и всех семейств, съехавшихся в Несвиж для избежания опасностей от мародеров, и почти каждый вечер у нас занимались музыкою и танцами и играли в карты. Страшно

вспомнить об этой игре! Червонцы ставили на карту не счетом, а *мерою* – стаканами! В офицерских квартирах, как рассказывал отец мой, играли также на вещи: на жемчуг, алмазы, серебряную и золотую посуду, часы, перстни, серьги, драгоценное оружие и конскую сбрую. Шайки варшавских и виленских шулеров разъезжали из одного штаба русских войск в другой штаб и прибирали к рукам добычу. Многие игроки сделались богачами, хотя и с переломанными костями, без глаза или без зубов; некоторые лишились жизни за карточным столом. Тогда на все смотрели сквозь пальцы! Благоразумнее всех поступали русские офицеры из немцев: они отправили свои сокровища домой, потом накупили мыз в Лифляндии и Эстляндии и, вошед бедняками в службу, оставили детям богатое наследство. Большая часть русских что нажили в Польше, то в ней и прожили. Славянская кровь! Почти то же было и с поляками в России во время Самозванцев[193], с тою разницею, что поляки проигрывали своим и чужеплеменникам.

Граф Ферзен был ежедневным нашим гостем и полюбил искренно наше семейство. Я

был его любимцем, ходил к нему почти каждое утро завтракать, бегал по комнатам, играл с его попугаями, моськами и с его оружием и весьма часто оставался обедать. В шутку называл он меня своим полуадъютантом и посылал чрез меня бумаги к моему отцу. И он сам, и собеседницы его, и адъютанты, и даже прислуга забавлялись мною, потому что я был резв, смел, всегда весел, разговорчив и заставлял их часто хохотать моими детскими речами и простодушием. Однажды, когда граф Ферзен был в самом веселом расположении духа, а я дразнил его попугая, грозя ему маленьким ятаганом, который был у меня в руках, граф спросил: «Что ты хочешь, чтоб я подарил тебе: попугая или эту саблю?» Попугай мне чрезвычайно нравился, но я, взглянув на него и на ятаган, сказал: «Дай саблю!» – «Зачем тебе она?» – примолвил граф. «Бить всех, кого дядя Костюшко прикажет!» – отвечал я. Разумеется, что я говорил точно так, как попугай, с которым я играл, т. е. повторял то, чего наслушался дома, а в то время только и толков было что о беспредельном повиновении избранному вождю и непови-

новении королю. «А разве ты не знаешь, что у тебя есть король и что ты должен слушать его, а не Костюшку?» – примолвил граф. Я отвечал затверженною мною и тогда общею поговоркою: «Король Понятовский, дурак по Божьей милости» (Król Poniatowski, kiep z łaski Boskiej)[194]. Ферзен и все присутствовавшие расхохотались, и граф сказал: «Возьми же эту саблю, я дарю тебе ее, а попугая отнеси от меня матушке». Я бросился к графу, вспрыгнул к нему на колени, стал обнимать и целовать, замарался весь пудрой и сказал: «Тебя не убью, хоть бы дядя Костюшко велел!» – «Спасибо, очень благодарен», – отвечал граф, смеясь. Я тотчас попросился домой, чтоб похвастать моею саблею и, пробегая ряд комнат в переднюю, не мог удержаться, чтоб не хватить саблей по лбу мраморного сатира, который стоял в нише, в карикатурном положении, высунув язык[195]. Со мною был мой дядька, который рассказал матушке все происшедшее, и она чрезвычайно испугалась, чтоб граф Ферзен не заключил из слов моих о неприязненных чувствах нашего семейства к настоящему порядку дел. Лакей графа принес,

вслед за мною, попугая, а вечером приехал и сам граф, и когда матушка начала объясняться насчет моих речей, граф Ферзен, как она мне после сказывала, возразил: «Я сам на вашем месте думал бы точно так же. Неужели вы почитаете наше правительство столь неблагоприятным, чтоб оно после всего, что здесь случилось, требовало от вас *внезапной* любви и верности? Наша великая монархия *созидает дела вековые*, и что веками было расторгнуто, то веками и соединится. Здесь была некогда Русь – и будет со временем! Мы требуем только, чтоб вы были спокойны и не порывались на невозможное, для собственно-го вашего блага. Есть русская пословица: сила и соломѹ ломит, – не забывайте ее, а мы перестанем говорить об этом». Так думал и соответственно с своими правилами так поступал граф Ферзен; но, по несчастію, были и такие, которые думали и поступали иначе, или не понимая видов правительства русскаго, или не исполняя их из собственных выгод.

Отец мой совершенно выздоровел и хотя еще подпирался тростью, но выезжал со двора. Однажды, когда все семейство наше было

отозвано куда-то на вечер, а я уже спал, вдруг какой-то ужасный рев разбудил меня. Комната моя была освещена внешним блеском. Няньки не было в спальне; я вскочил с постели, подбежал к окну, взглянул – и вся кровь во мне застыла. Вижу, что во всю длину улицы тянутся какие-то страшилища, в белой и черной длинной одежде, по два в ряд с факелами, и ревут во все горло, а посередине, между множеством знамен, толпа этих же чудовищ несет гроб[196]. Няньки и служанки на толковали мне прежде о ведьмах, колдунах, чертях, мертвецах и т. п.; в моем разгоряченном воображении представилось что-то такое ужасное, что я не мог двинуться с места от страха, упал замертво и больше ничего не помню. Когда я пришел в чувства, два гайдука качали меня на простыне, как в койке, среди комнаты. «Маменька, где ты? – спросил я, и она бросилась ко мне со слезами и прижала к сердцу. – Дай мне есть, я голоден!» Матушка чуть держалась на ногах от радости. Тотчас послали за доктором и за отцом, которого призвал к себе по делам граф Ферзен. Доктор обрадовал родителей, сказав, что теперь он

отвечает за жизнь мою. После рассказали мне, что я девять дней пролежал в горячке, с бредом, и что все лишились надежды на мое выздоровление. Пришед в чувства, я был, однако ж, так слаб, что не только не мог стоять на ногах, но и едва шевелился. Через три недели я с трудом ходил по комнате.

Во время моей болезни граф Ферзен уехал в Петербург. Летом 1795 года началось окончательное присоединение бывшей Литвы, Волынии и Подолии к России[197]. Генерал-губернатором в Литве был генерал-аншеф князь Репнин, прежний посол при польском короле или, правильнее, правитель всей Польши; минским губернатором назначен был генерал-поручик Тутолмин. Главная квартира дивизии войск, занимавших часть Литвы, прилежащую к Белоруссии, переведена в город Минск, и начальство над этою дивизиею поручено генералу Денисову. Повсюду стали приводить к присяге дворянство, духовенство и мещан всех исповеданий, и в конце июня обнародован генералом Тутолминым знаменитый манифест императрицы Екатерины II[198], подтверждающий все пра-

ва и привилегии, которыми эти области пользовались прежде. В новоучрежденных губерниях, вместо прежних воеводств, вводили русское управление, оставляя прежний порядок касательно избирательных мест, но только в казенных местах и по полицейской части определяли русских чиновников, и, когда 12/24 октября 1795 года между тремя державами решено было разделить между собою бывшую Польшу, в провинциях, присоединенных к России, уже введено было новое устройство и принесена присяга, хотя король Польский, проживавший в Гродне, подписал акт отречения от престола только 13/25 ноября того же года[199]. При введении нового порядка вещей обязанности отца моего по званию военно-гражданского комиссара кончились: он отправился в Минск для сдачи отчетов генералу Тутолмину, а семейство наше возвратилось в деревню.

III

Характеристический очерк последней эпохи древней Польши. – Иезуиты. – Шляхетские анекдоты. – Попытки спартанского воспитания

Не желаю никого оскорбить в моих воспоминаниях, особенно не намерен задевать народного самолюбия; но надобно быть более нежели несправедливым, надобно быть лжецом, чтоб не сознаться в том, что в течение всего XVIII века, когда все Европейские государства возвышались и совершенствовались, Польша беспрерывно склонялась к упадку, т. е. лежала на смертном одре и в пароксизмах ожидала смерти. Если никто не решился взять Польшу, то единственно из уважения к памяти Вестфальского мира[200], обеспечившего равновесие в Европе, и из опасения общего замешательства в Европе, как то было в Семилетнюю войну[201]. Нельзя раскрыть историю без сожаления и негодования. В XVI веке Польша занимала одно из почетнейших мест в христианском мире, славилась учеными мужами и воинами и, на свои земные произведения выменивая все условные сокровища, имела даже запасы драгоценных металлов и дорогих камней. При вступлении на престол Сигизмунда III[202] Польша имела 16 000 000 жителей на обширном пространстве между Балтийским и Черным морями, Дви-

ною и Одером. В XVI веке во всей Европе было весьма мало регулярного войска, и силу государства составляло везде земское ополчение, т. е. дворяне с своими вассалами и горожане, вооружавшиеся на время войны. В Польше до избирательных королей пехота была наемная из немцев, венгров и шотландцев, а всю силу составляла конница из шляхты, или *общее восстание* (*pospolite ruszenie*). При Владиславе II противу ливонских рыцарей 150 000 шляхты село на конь [203]; при сыне его Казимире [204] 60 000 вооружились при первом воззвании к защите отечества [205], а при Иоанне Албрехте выступило в поле 80 000 конной шляхты. Но когда все государства, удостоверясь в важности пехоты и в необходимости содержать постоянное войско, устроили регулярные армии, воздвигли крепости, завелись артиллериею, в Польше все оставалось по старому. Говорили много на сеймах, и говорили хорошо, составляли умные проекты – понапрасну, и наконец, едва дошли до того, что устроили 12 000 регулярного войска и артиллерию! Во всем государстве не было ни одной порядочной крепости! Без денег самый муд-

рый король не мог ничего предпринять к благосостоянию государства, а подати зависели от сеймов, на которых послы (т. е. депутаты) тогда только были согласны между собою, когда надлежало произнести veto (не позволяю) противу предложения о податях. При бедности государственной казны короли были рады, что богатое духовенство, владея огромными поместьями, приняло на себя воспитание юношества; но когда с восшествием на престол Сигизмунда III иезуиты овладели почти исключительно воспитанием, прежний свет в Польше померк и настал мрак, в котором большая часть шляхты уже не видела прямых выгод государства. Иезуиты систематически истребляли истинное просвещение и помрачали даже здравый рассудок на основании правила Омара, сжегшего Александрийскую библиотеку[206]! Они держали в своих школах людей от юношеского до зрелого возраста, шпигуя их память латынью и отягчая ум ложными понятиями о науках, искажая истину, когда она не согласовалась с учением Римской церкви, и только тех из учеников допускали в святилище наук, которые соглашались

вступить в их братство. Основанием иезуитского воспитания был самый иступленный религиозный фанатизм, безусловная преданность папской власти, интолеранция (нетерпимость других исповеданий) и пропаганда, т. е. распространение католицизма. Иезуиты и их достойные воспитанники ненавидели всех христиан неримско-католической веры и не признающих папы главою церкви и почитали их ниже мусульман, евреев и даже идолопоклонников. Из этого учения, глубоко укорененного в сердцах, восстала Уния, лишившая Польшу главной ее опоры – Малороссии, и произошло отчуждение всех некатоликов от Польши[207]. Почти вся Литва и лучшее литовское шляхетство было православного греческого исповедания; но когда не только православных, но даже униатов отдали от занятия всех важных мест в государстве и стали приманивать в католическую веру знатную православную шляхту пожалованием староств, ленных и амфитеутических имений[208] и когда в присутственные места, в школы и в дворянские дела вообще ввели польский язык, все литовское шляхетство ма-

ло-помалу перешло к католицизму. При Сигизмунде III и наша фамилия перешла в католическую веру и получила несколько имений под различными титулами, из коих одно, амфитеутическое имение, Рудавка, возле Свислочи (в Гродненской губернии, Волковыском уезде), и поныне находится в нашем роде, до тех пор пока он будет существовать.

Итак, первая и главная, а лучше сказать, единственная радикальная причина упадка Польши была власть иезуитов, истребивших истинное просвещение и укоренивших в умах нетерпимость (*intolérance*). Вторая причина, следствие первой, была слабое правление избирательных королей (после Ягеллонова рода)[209], а особенно последних королей саксонского дома[210]. Вольтер сказал в шутку: «*Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre!*» [211] Это суцая истина! Со времени Августа II пьянство жестоко распространилось между шляхтой, и наконец Венгрия все свое вино продавала в Польше. За пшеницу, лен и пеньку, продаваемые в Данциге, Риге и Мемеле [212], помещики покупали почти исключительно пряности и крепкие виноградные ви-

на[213]. Псовая охота, карточная игра, попойки и рыцарские упражнения, т. е. гарцевание на конях и поединки, составляли обыкновенное препровождение времени. Дворянские выборы в должности (сеймики) и в послы, т. е. депутаты на сеймы, и непрерывные и бесконечные процессы были единственным важным занятием шляхты. Впрочем, страсть к процессам происходила вовсе не от любостяжания; процессы всегда почти рождались или из ложного честолюбия, или вследствие личной ссоры. Хоть бы лишиться последнего куска хлеба, лишь бы поставить на своем! Кроме того, процессы заменяли театр и литературу в провинциях. Речи адвокатов (голоса, glosy), так называемые манифесты, т. е. изложение претензий, печатались и рассылаемы были ко всем приятелям. Судопроизводство было открытое и привлекало в запутанных делах или когда тягались значительные люди множество слушателей в суды. Сами тяжущиеся говорили иногда речи, и это занимало умы и убивало время. На выборы свозили десятками мелкую шляхту (потому что каждый шляхтич имел право избирать и быть избира-

емым), кормили и поили их на убой и в случае спора заставляли драться между собою. Редкий шляхтич не имел рубцов на щеках и на голове. Искатели мест старались блеснуть красноречием, роскошью и щедростью, разорялись на пустяках. Приговоры суда по процессам редко исполнялись без употребления силы со стороны выигравшего процесс, и если проигравший тяжбу защищался, тогда происходила формальная война. Иногда случалось, что по самым пустым притязаниям богатый пан, собрав пьяную шляхту, выгонял из имения бедного или смиренного помещика и потом начинал процесс. Это изгнание называлось *заездом* (zaiazd) и случалось весьма часто. Законные власти не в силах были ни предупредить зла, ни удержать его, когда непослушный принадлежал к могущественной партии или фамилии. Одним словом, законы в Польше были бессильны, и от бесчисленных процессов богатели одни адвокаты. Правда, во всей Польше не слышно было о *взятках*, и в польском языке даже нет настоящего слова для выражения *лихоимства*; но весьма часто случалось, что судьи судили

несправедливо из страха, по духу партий, ради покровительства вельмож, что выходило на одно и то же. И что значило государство без просвещения, без государственной казны, без полиции (в Польше никогда не допускали учреждения ее), без силы законов, без войска, без всякой промышленности? Государство, омраченное фанатизмом, расстроенное во всех своих частях своеволием шляхты, деспотизмом вельмож и самым тяжким рабством земледельцев! Страшно подумать! Последний король, Станислав Август (Понятовский), был человек умный, любезный, добродушный, даже ученый, страстный любитель литературы и художеств, но слабого характера – нерешительный и несмелый; нравственно он был, однако ж, полезен своему несчастному отечеству. Не имея средств истребить зла, он, по крайней мере, употребил все от него зависящее, чтоб положить основание добру. Он дал другое, сообразное с веком, направление воспитанию юношества в Варшавском кадетском корпусе[214] и имел усердного помощника в аббате Конарском (монашеского ордена пияров[215]). Пиярские школы противо-

действовали иезуитскому воспитанию. Князь Чарторийский (дядя короля) основал учебные заведения в имении своем, Пулавах[216], для шляхты обоих полов, и из этих-то школ вышли все достойные люди последнего времени Польши. Литература воскресла, искусства ожили; но это были только блистательные звезды на мрачном горизонте. В Варшаве и Вильне была утонченность Парижа, а в провинциях, особенно в Литве и на Украине, господствовали фанатизм Средних веков, своеволие степей аравийских и пьянство и прожорливость дикарей Америки. Тут было в полном смысле: кто кого смога, тот того в рога!

Отец мой был весьма далек фанатизма, напротив, был сильным приверженцем веротерпимости и всех нововведений. Он был воспитан просвещенным католическим аббатом, родом из древней польской Пруссии (Вармии [217]), немцем, и любил философское, политическое и историческое чтение. Отец мой был не только умен, но даже остроумен, весельчак в полном смысле слова, чрезвычайно добродушен, честен во всех своих делах, но имел несчастный характер: был чрезвычайно

вспыльчив, увлекался первым впечатлением и при наружной популярности был чрезвычайно горд в душе. Для удовлетворения этой гордости он жертвовал всем, и жизнью, и именем. Он готов был обниматься и сидеть рядом с самым убогим шляхтичем, который подчинялся его воле, но за один косой взгляд равного или почитавшего себя высшим, за одно слово, которое казалось ему оскорбительным, вызывал на дуэль или мстил явным оскорблением. Он был, как ныне говорят, человек эксцентрический и поступал во всем не так, как другие. Этот пагубный характер навязывал ему беспрестанно хлопоты и беспокойства и был причиною его собственного несчастья, а отчасти и всего семейства. Щедрость его не имела пределов: он дарил все, что нравилось его друзьям, и при деньгах сыпал ими без всякой нужды, как будто обладал неисчерпаемыми сокровищами! Роста он был высокого, сложения крепкого, силы необыкновенной, но по лицу, как говорят все знавшие его, я живой его портрет. Расскажу о нем несколько анекдотов, которые в нынешнее время покажутся невероятными и вместе послужат ха-

рактической тогдашней шляхты.

Отец мой остался малолетним сиротою после смерти родителей, с весьма хорошим состоянием, и опекунами его были родной дядя и знаменитый князь Карл Радзивилл – оригинал, каких мало было на свете, но самый добрый и благородный человек, прозванный по любимой своей поговорке *Пане Коханку* (раніе kochanku по-русски почти то же, что *любезнейший*). Это слово повторял он беспрестанно, говоря и с дамами, и с королем, и с своим лакеем, и с жидом! Отец мой, приехав по делам своим в Слуцк, принадлежавший князю Радзивиллу, встретил на улице богатого жидка, содержавшего в городе винный откуп[218] (т. е. все корчмы), торговавшего при том виноградными винами и пользовавшегося особенною милостью князя. Жид этот, хотя знал хорошо отца моего, но, избалованный фамильярностью других помещиков, прошел мимо, не поклонившись. Отец мой, вспыхнув, закричал: «Долой шапку, жид!» и бросился к нему; но жид, ответа грубо, скрылся в толпе радзивилловских слуг и заперся в доме. Отец мой велел немедленно запрячь своих лоша-

дей и поехал прямо в Несвиж к князю, который весьма любил его. Он пробыл у него несколько дней и своими остротами и шутками привел князя, большого охотника до фарсов, в самое веселое расположение духа. Между ими было состязание в этом отношении, что весьма нравилось старому князю. На третий день, перед отъездом, отец мой сказал, что князь может оказать ему большую милость, но он не смеет просить его. «Скажи, чего хочешь, я все для тебя сделаю», – отвечал князь. «Отдайте мне в аренду ваш фольварок (маленькую мызу или усадьбу) в полумиле от Слуцка», – сказал отец мой. «Зачем тебе эта мелочь? Я бы и подарил тебе, если б этот фольварок лежал на моей границе, а не в середине моих поместьев!» – «Я начал торговать украинскими волами, – отвечал отец мой (а это была выдумка), – и мне нужно место под городом для сгона разных партий». Князь расхохотался, зная, что отец мой вовсе не способен к торговым делам. «Теперь не стану есть другого мяса, как твоих волов, – примолвил князь, шутя, – однако боюсь, что ты заставишь меня долго поститься!» В шутках и при-

баутках князь подписал арендный контракт, и отец мой поскакал в Слуцк, взял немедленно в свое управление фольварок, поставил своего управителя, купил бочек сто водки и велел продавать вполонину дешевле, чем продавали в Слуцке. Все горожане стали, разумеется, покупать водку на фольварке, и в корчмах продажа остановилась. Жид-откупщик был в отчаянии, но делать было нечего, ибо отец мой, по польским законам, имел полное право продавать вино в своем имении по какой угодно цене. Через несколько дней отец мой нарочно приехал в Слуцк, и жид-откупщик в сопровождении княжеского управителя и почетнейших граждан явился к отцу моему с повинною и просил прощения в неумышленном оскорблении. Отец мой принял богатого жида хладнокровно, без воспоминания о прошлом, не изъявляя ни малейших признаков гнева. Тогда богатый жид завел речь о деле. «Зачем вам, такому пану, держать фольварок? Уступите мне аренду, я вам дам вдвое». – «Теперь не время об этом толковать, – отвечал отец мой, – приезжай ко мне завтра, в полдень, на фольварок, там кончим

дело. Я даю тебе слово, что уступлю аренду по моей цене: я не хочу барышей, и мне эта штука уже наскучила». Жид обрадовался и на другой день явился в назначенный час. Контракт уже был готов, и оба они тотчас подписали его. Но отец мой не передал княжеского контракта, а отдал имение в аренду от *своего имени*. Когда дело кончилось, отец мой хлопнул в ладоши – и явились шесть дюжих парней. «Бери его!» – закричал отец, и слуги схватили жида, растянули и вlepили двести ударов кожаными постромками. Жид едва остался жив. Его положили замертво в бричку, сунули контракт за пазуху, и отец мой сказал ему, что это только *первый* урок вежливости, а за другим и третьим уроками дела не станет, если жид от первого урока *не исправится*. Лишь только в Слуцке разнеслась весть об этом поступке моего отца, весь жидовский кагал поскакал в Несвиж, к князю с жалобой. Князь ужасно рассердился, и клялся примерно отмстить моему отцу за самоуправство в его владениях, и послал к нему нарочного с приглашением в Несвиж. Друзья умоляли отца не ездить к князю, пока гнев его не утих-

нет, и советовали немедленно отправиться в Варшаву и искать покровительства у короля; но отец мой, не слушая никого, вооружился с головы до ног, поехал немедленно в Несвиж и явился к князю в приемный час, при множестве посетителей. Все смотрели с удивлением и страхом на моего отца, предполагая, что эта история должна дурно кончиться. Князь, вышед в приемную залу, окинул взором собрание и, увидев отца моего, раскраснелся от гнева и прямо пошел к нему. «Как вы, сударь, смели бить моего арендатора? – воскликнул князь, – я пойду с сумою по миру, но не допущу, чтоб кто-нибудь дерзнул оскорблять меня так нагло. Или вам жить или мне, или вам гнить в тюрьме или мне!.. Я вам покажу, что я значу!..» Князь от гнева не мог более говорить и запыхался, а отец мой прехладнокровно отвечал: «Прошу только меня выслушать, а там делайте что угодно! Не только я не осмелился бы никогда прикоснуться пальцем к *вашему* арендатору, но если б даже кто другой тронул его, то я, как верный и усердный ваш приверженец, вступился бы за него, не жалея собственной жизни!..» – «Итак, вы не били мое-

го арендатора?» – спросил князь, несколько успокоившись. «Нет, не бил *вашего* арендатора, – возразил мой отец, – я бил *моего* арендатора, потому что выпустил Мовше в аренду *мою посессию* (т. е. временную собственность), в чем удостоверит вас вот этот контракт, и бил притом *моего* арендатора по принадлежащей *мне* половине его тела, а не по *вашей* половине, которой я вовсе не тронул». Князь отступил три шага, смотрел пристально на моего отца и требовал истолкования загадки. Отец объяснил дело. «Неужели все это правда, что ты говоришь?» – спросил князь. «Жид здесь, прикажите справиться», – отвечал отец мой. Послали расспросить жида, и посланец объявил, что жид точно получил двести ударов по одной половине тела. Эта плохая шутка чрезвычайно понравилась князю; он расхохотался и держался за бока, расхаживая по комнате. Разумеется, что и все захохотали, и вместо предполагаемой трагедии вышла комедия. «Ах ты проказник! – сказал князь, – на тебя и сердиться нельзя; но в наказание ты должен пробыть у меня целую неделю в Несвиже. А что твои волы?» – примол-

вил князь. «Вместе со мною так испугались вашего гнева, что от страха разбежались!» – отвечал мой отец. «А вместо волов ты поедешь со мною завтра ловить медведей». Отец мой пробыл у князя не одну, а две недели, получил в подарок четыре жеребца; а чтоб успокоить жида, князь уступил ему на год, безвозмездно, всю аренду Слуцка, и тем кончилось дело. Отпуская домой моего отца, князь взял, однако ж, с него слово не трогать жида.

Однажды отец мой ехал в Минск из Глуска проселочною дорогою на Житин. День был знойный, и он, отдохнув в полдень в лесу, поздно приехал на ночлег. Корчма была новая и с виду обещала удобное пристанище, но по осмотре оказалось, что в конюшне не было ни яслей, ни решеток и все жильё состояло из двух грязных комнат. Корчма принадлежала помещику Пузине. «Жид! что стоит твоему барину эта корчма?» – спросил мой отец. «Тысячу золотых», – отвечал корчмарь. «Гей! отсчитай сейчас тысячу золотых жиду!» – сказал отец своему камердинеру. Жид не понимал, что это значит, и не хотел брать денег, но

принужден был взять, когда отец мой прикрикнул на него. «Прибавь еще пятьсот злотых, – примолвил отец, обращаясь к камердинеру, у которого хранились ключи от шкатулки, – а ты, жид, отнеси эти деньги к своему пану; скажи ему, чтоб он выстроил на них корчму поудобнее, и между тем выноси все свои вещи, потому что сейчас не будет твоей корчмы. Ребята, поджигай корчму с другого конца!» – сказал отец мой своим людям, которые, зная, что надлежало повиноваться безусловно, зажгли немедленно корчму и бросились выносить вещи жида. Через час не было корчмы, и только дымились ее остатки. Отец мой расположился биваком и лег спать в коляске, а жид побежал на господский двор с известием о происшедшем. Через несколько времени прискакал от пана Пузины посланник с письмом, в котором сказано было, что он не принимает денег, но намерен расправиться с отцом моим в уголовном суде, как с разбойником. «Седлай коней!» – закричал мой отец и поскакал с несколькими удалыми стрельцами прямо во двор к пану Пузине. Все уже спали в доме, но отец мой заставил отпереть себе

двери, угрожая, что зажжет дом. Пан Пузина выбежал в шлафроке и протестовал противу насилия; но отец мой положил на стол два пистолета и сказал Пузине, что он должен непременно стреляться с ним сию же минуту, чтоб смыть обиду, в противном случае отец грозил застрелить его, как медведя. Пан Пузина не имел вовсе охоты стреляться и, зная характер моего отца, старался его успокоить. Прибежали дамы, жена и дочери пана Пузины, стали упрашивать отца моего, чтоб он помирился, и отец мой сдался с тем условием, чтоб пан Пузина взял деньги за свою корчму, выстроил новую, удобную, и отказался от всех претензий на моего отца. Все это немедленно написал и подписал пан Пузина, и отец мой, невзирая на усиленные просьбы Пузины, чтоб переночевать в его доме, возвратился на свой бивак, к экипажам, и, отправляясь утром в путь, подарил жиду пятьсот злотых в вознаграждение за хлопоты. Жид остался очень доволен!

Во время пребывания отца моего в Варшаве, отправился он однажды на большой лодке на фейерверк. В лодке было много разного на-

рода, и между прочим две милovidные девушки с пожилою женщиною. Два молодые франта, одетые по-польски, начали приставать к девицам с пошлыми комплиментами и наконец с дерзкими насмешками и до того оскорбили их, что молодые девушки заплакали. Отец мой был на другом конце лодки, но, услышав о происходящем, закричал: «Тот бесчестен, кто оскорбляет женщину, кто бы она ни была!» – «А ты что за указ нам? – отвечал один из фанфаронов, – сиди смирно, если не хочешь выкупаться в Висле!» Отец мой как тигр бросился к дерзкому молодому человеку, не дал ему опомниться и, схватив одною рукою за пояс, а другою за ворот, перебросил через борт, как щепку. Гребцы хотели помочь утопающему. «Греби, и вперед!» – закричал отец мой, обнажив саблю, и гребцы повиновались. Другого фанфарона отец мой заставил просить прощения, на коленях, у оскорбленных им дам, угрожая также выбросить за борт в случае сопротивления. Тот беспрекословно повиновался. По счастью, выброшенный в воду молодой человек умел хорошо плавать. Он держался на воде несколько ми-

нут, пока другая лодка не подроспела к нему на помощь. Выброшенный в Вислу молодой человек был сын какого-то важного городско-го чиновника, который подал на отца моего жалобу. Завязался уголовный процесс, кончившийся, однако ж, в пользу моего отца, потому что он действовал для охранения беззащитных женщин. Иначе и судить было нельзя в стране, где не было никакой полиции.

Бедный шляхтич пришел просить покровительства и защиты у моего отца противу богатого еврея, жившего в местечке (кажется в Узде), принадлежавшем генералу Завише, соседу нашему в Перышеве и родственнику моей матери. Этот богатый еврей купил у шляхтича пару лошадей, дал задаток и уехал на них в Вильну, а испортив лошадей в дороге, не хотел платить условленной суммы и отослал лошадей обратно шляхтичу. Отец мой написал письмо к генералу Завише, прося принудить жида удовлетворить шляхтича, но Завиша отвечал, что не хочет вовсе вмешиваться в это дело. Мимо Перышева пролегает дорога, по которой ездят на ярмарку в какое-то другое местечко. Отец мой велел сторо-

жить жида, обидевшего шляхтича, остано-
вить на дороге и привести к себе. Но жид
остался дома, отпустив на ярмарку жену. То-
вар выслан был вперед. Жидовка ехала в
бричке с детьми и приказчиком своим. Ее
остановили стрельцы наши на дороге и при-
вели к отцу моему. Она была в жемчугах, в
турбане из богатой шали, в атласе и бархате.
«Заплати сейчас шляхтичу за лошадей, если
не хочешь, чтоб тебе было худо», – сказал мой
отец. «Это не мое дело, а моего мужа», – отве-
чала жидовка. «Хорошо, пусть же муж запла-
тит, а до тех пор ты просидишь у меня в сви-
ном хлеву!» Жидовка думала, что отец мой
шутит, но бедную жидовку в самом деле пота-
щили в свиной хлев и заперли, а приказчику
велено возвратиться к хозяину и рассказать
виденное, объявив притом, что жидовка до
тех пор будет в этом месте, пока шляхтич не
получит своих денег, а жид не возьмет обрат-
но лошадей. Детей жидовских отец отослал в
корчму и приказал содержать их как можно
лучше. К ночи возвратился приказчик с день-
гами, и жидовку выпустили на волю. Вся
шляхта из селения (околицы) пришла благо-

дарить моего отца, но генерал Завиша оскорбился и позвал отца моего в суд. Дело по апелляции перешло в литовский трибунал[219], которого маршалом[220] был тогда двоюродный брат отца моего, Павел Булгарин⁽¹⁰⁾. Разумеется, маршал по родству не судил дела, в котором со стороны Завиши употреблены были всевозможные искательства (по-польски *forsy*), чтоб унижить гордого противника. Завиша требовал не только заключения отца моего в тюрьму за самоуправство, но и вознаграждения жида и издержек процесса, что составляло, по его счету, несколько тысяч червонцев. Трибунал имел заседание в Гродне, куда съехалось множество любопытных, чтоб увидеть, чем кончится эта тяжба. Туда же прибыли и депутаты из шляхетского селения, которого почетный житель был причиною процесса. Один из этих депутатов, одаренный от природы красноречием, произнес перед трибуналом речь, которая тронула всех судей. Он изобразил несчастное положение беззащитного человека в Польше, угнетаемого не только богатыми панами, но и жидами; исчислил все оскорбления и обиды, нанесенные

их селению не только генералом Завишей, но и его слугами, и представил бескорыстный поступок моего отца в самом блистательном виде, провозглашая его защитником несчастных и бессильных. По кратком рассуждении судьи объявили моего отца *безвинным* и при-судили Завишу заплатить ему за тяжebные издержки три тысячи червонцев. Многие из членов нашей фамилии были тогда в Гродне, и жили все в самом тесном союзе между собою⁽¹¹⁾. Все они торжествовали победу своего родственника обедами и балами, на которых венгерское вино лилось рекой. Но для отца моего этого было недостаточно. Объявлениями, прибитыми к наружным стенам костелов и на перекрестках, он запросил *весь город* на полдник. Присужденное взыскание с генера-ла Завиши отец мой передал какому-то ростовщику за тысячу червонцев и на эти день-ги (а по тогдашней дешевизне это была боль-шая сумма) накупил разных напитков, нескольких быков, баранов, множество до-машней птицы и дичи, велел изжарить и на-печь пирогов и хлебов, и в назначенный день уложить на телеги. Дядя мой, Павел Булгарин,

рассказывал мне об этом угощении, которого он был свидетелем. Началось торжественным шествием, или процессией. Впереди шли музыканты, каких только можно было достать в Гродне и в окрестностях, христиане и жидаы, и, разделясь на хоры, играли поочередно. За ними стрельцы в ливрее ехали верхом за гербовыми знаменами. Потом ехали (верхом же) отец мой, все его родные и друзья, а в замке тянулись телеги, украшенные флагами, съестными припасами и бочками виноградного вина, водки, пива и меда. Прошед по главным улицам, процессия остановилась на площади, и по данному знаку началось угощение. Раздавали каждому что кто хотел. Народа собралось множество, но все происходило чинно (как сказывал дядя), пока площадные гости не перепились. Тогда уже разобрали насильно остальное, разбили бочки, и пир кончился, как водится, дракою. Но отец мой не хотел быть свидетелем последствий этого угощения: экипажи его и свита уже отправлены были в путь, и он, простясь с друзьями, ускакал из города верхом.

Впоследствии отец мой помирился с гене-

ралом Завишей и отказался от получения присужденных с него тяжёбных издержек, заплатив ростовщику из собственных денег взятую у него сумму.

Вот как жили и проматывали имение отцы наши! Теперь посмотрим, как отец мой воспитывал меня. Это также весьма оригинально.

Отец мой весьма часто отлучался из дома, любя присутствовать на всех сеймиках, на судах, участвовать в больших охотах – словом, бывать везде, где собиралось много помещиков. Он также навещал часто старого князя Радзивилла, который весьма любил его общество. Последняя моя болезнь от испуга возбудила в отце моем мысль *закалить* меня. Ни слезы матушки, ни советы докторов и друзей не могли смягчить его на этот счет: не постигаю, как я остался жив, после всех претерпённых мною испытаний! Например, он будил меня от сна или ружейными выстрелами над самую мою кроватью, или холодной водою, выливаемой на меня во сне. Сказав мне однажды, что только бабы и глупцы верят в чертей, колдунов, ведьм и бродящих мертвецов,

он посылал меня одного в полночь, зимою и осенью, на гумно, приказывая принести пук колосьев или горсть зерна. Надобно знать, что за нашим гумном было сельское кладбище с ветхою униатскою деревянною церковью. Один взгляд отца заставлял меня безмолвно повиноваться. Слез он терпеть не мог и отговорок не слушал. С первого раза, когда меня облили в постеле холодной водою, я заболел лихорадкою и от первого ружейного выстрела над головою едва ли не лишился употребления языка, но в полгода привык ко всему и с радостию бегал в темную ночь на гумно, забавляясь страхом матушки и сестер. При этом отец приучал меня к самой грубой пище; брал с собою на охоту, на которой мы проводили иногда по несколько дней в лесу, и, будучи только семи лет от роду, я галопировал за ним на маленькой лошаденке и даже стрелял из ружья, нарочно для меня сделанного. Сперва я был весьма слаб и изнежен, боялся *всего*, не мог вынести малейшей простуды, и даже кусок черного хлеба расстроивал мой желудок, а после нескольких месяцев спартанского воспитания я чрезвычайно

укрепился; лакомился черным хлебом с луком или редькой, предпочитал капусту и кашу, изготовляемые для прислуги, всем сливочным кашкам и бульонам, которыми прежде кормили меня, и вместо кофе и чаю пил или стакан молока или ключевой холодной воды; бегал по лужам, а на охоте по болоту, не чувствуя никаких последствий от замочения ног. Отец мой торжествовал, а матушка каждый день боялась за жизнь мою и со слезами повиновалась ему. Он страстно любил матушку, но в воле своей был непреклонен. Хотя эта внезапная перемена в моем физическом воспитании не только не повредила мне, а, напротив, послужила в пользу, я, однако ж, сам не следовал этой системе, да и никому не советую следовать. Гораздо лучше *закачивать* детей *постепенно* и сообразно с их сложением. Мы живем не в Спарте, и в наше время *голова* важнее *туловища*![221]

При мне был учитель, который обучал меня читать и писать по-польски, по-французски, по-немецки, по-латыни и первым четырьмя правилами арифметики. Младшая сестра моя, Антонина, обучала меня играть на фор-

тепиане и на гитаре и петь. Наконец, в следующем году разразилась гроза над нашим семейством, и оно разбрелось – *навсегда!*..

IV

***Внезапное и неожиданное бедствие. –
Странное сватовство. – Взгляд на
тогдашнюю природу и состояние
тогдашней Литвы. – Освобождение. –
Заезд, или *Expulsia et violentia*. –
Изгнанники***

Отец мой уехал в сентябре 1796 года в Вильну по своим делам, – кажется, для свидания с бывшим польским генералом Вендорфом, которому он продал часть имения своего Грицевич. Недели через две матушка получила известие, что отец мой взят под стражу.

Вот что рассказывала мне впоследствии матушка об этом событии. В Минске был адвокат Герсдорф, родом поляк, из старинных лифляндских выходцев. Он участвовал в народном восстании и после взятия в плен Костюшки ушел в Турцию, принял магометанскую веру и получил какое-то важное звание в турецкой артиллерии. Слышал я, будто этот ренегат был впоследствии трехбунчужным

пашою[222] и что один из литовских уроженцев в русской службе, будучи послан парламентарем в турецкую армию, в последнюю войну при императоре Александре I, явившись к паше, удивился, когда он, спросив его о прозвании, заговорил с ним по-польски, сказав, что знал его родных, и стал расспрашивать о старинных своих приятелях в Литве. Не знаю, правда ли это, но то верно, что Герсдорф принял магометанство и был в турецкой военной службе. Этот Герсдорф, человек необыкновенного ума, был, по словам знавших его, веселого нрава, приятного обхождения и потому был принимаем с удовольствием в лучших обществах. Он обучался вместе с отцом моим в новогрудских школах [223], и они с детства подружились. Дружба эта продолжалась и в зрелых летах, и Герсдорф пред отъездом в армию к Костюшке занял несколько сот червонцев из монастырских сумм какого-то католического монастыря в Минске, под порукою отца моего. Почитая Герсдорфа погибшим, отец мой дал на себя заемное письмо монастырю и никогда не надеялся на возвращение этих денег, как

вдруг в Вильне явился к нему грек, приехавший из Константинополя с товарами (турецким табаком, бакалиями[224], чубуками и т. п.), стал расспрашивать всех об отце моем и, узнав, что он в Вильне, отдал письмо от Герсдорфа и должные деньги. Герсдорф в письме благодарил отца моего за поручительство, уверял в вечной дружбе, описывал свое положение самыми блистательными красками и просил усердно навестить его в Константинополе, в его гареме, говоря, что теперь в столице Турции много поляков, что важнейшие сановники Порты[225] принимают их очень хорошо и что они живут весело и независимо. Вероятно, в письме Герсдорфа были рассуждения насчет тогдашнего политического состояния Европы, выходки против России и какие-нибудь намеки на положение Польши, потому что нельзя предполагать, чтоб такой отчаянный патриот, каким был Герсдорф, воздержался от толков о политике, которая в то время кружила всем голову. Отцу моему надлежало или сжечь письмо и тем прекратить все сношения с ренегатом, или отдать письмо начальству, объяснив дело. Но ум и благора-

зумие – не одно и то же. Отец мой стал показывать письмо всем приятелям, забавлялся насчет блаженства, которое, по словам Герсдорфа, нашел бы в Константинополе, говорил в шутку, что хочет навестить его в гареме, и т. п. Однажды отец мой хотел кому-то прочесть письмо и не нашел его. Перерыл все бумаги, искал в своих карманах и, не отыскав, подумал, что выронил где-нибудь нечаянно, и вовсе об этом не беспокоился.

Через несколько дней после этого, когда отец мой был где-то на вечере, камердинер его дал ему знать, что какой-то незнакомый господин ожидает его в квартире *по весьма важному делу* и просит повидаться с ним немедленно. Возвратясь в квартиру, отец мой вместо *одного* незнакомца нашел нескольких полицейских чиновников, занимающихся укладкою всех его бумаг и вещей, и офицера с командою. На дворе расставлены были часовые, и стояли две кибитки с почтовыми лошадьми. На вопрос отца моего, что это значит, ему отвечали, что они ничего не знают, но что получено приказание доставить его в Гродно, со всеми бумагами. В одну кибитку

сел отец мой, с офицером и солдатом, а в другую – полицейский чиновник с двумя солдатами, и помчались во всю конскую прыть. По прибытии в Гродно отца моего поместили в католическом монастыре под стражу.

Мера эта извиняется тогдашними обстоятельствами. Все дела должно вести последовательно (*il faut être conséquent*). Взяв Польшу, надлежало водворить в ней порядок и спокойствие и, следовательно, должно было лишить беспокойных людей возможности к возмущению народа и быть строгим с теми, которые не хотели покориться добровольно. Одно проистекает из другого. В это время в Париже, Лондоне и в Константинополе было много польских эмигрантов значительных фамилий[226], старавшихся возбудить правительства к войне противу России, и как Порты, несмотря на мирный трактат[227], сохраняла вражду к России за понесенные потери в последнюю войну и, побуждаемая другими дворами, надеялась загладить победы свое уничижение, то польские эмигранты старались раздувать искры этой тайной злобы и обещали взволновать всю Польшу при пер-

вом вторжении турок в русские пределы. Русское правительство знало обо всех интригах в Константинополе и наблюдало в Польше большую осторожность, устраняя все сношения эмигрантов с жителями присоединенных областей. Но помещики присоединенного края тогда еще не знали подлинно ни законов русских, ни порядка русского, ни обязанности властей и подчиненных, а если и знали кое-что, то не торопились исполнять, привыкнув к прежнему своеволию. Отец мой, почитая это письмо ничтожным, полагал, что и все должны так думать, и был, как говорится, без вины виноват. Впрочем, и после даже его бы не задержали, если б он сам не навязал себе беды. При допросах он то шутил некстати, то горячился, и без всякой надобности входил в политические рассуждения. По речам сочли его опасным – и упрятали!.. Душевно сожалею о несчастии, постигнувшем моего родителя, и готов был бы собственной кровью искупить его страдания; но по справедливости и для примера другим не могу оправдывать его тогдашнего поведения. Надлежало поступать хладнокровно, объяснить дело, доказать свою

неприкосновенность к заграничным интригам и не пренебрегать властью. Конечно, надобно принять в соображение тогдашние обстоятельства. С одной стороны, патриоты воспламеняли умы, а с другой – некоторые из поляков оскорбляли человеческое чувство неслыханною низостью!.. Трудно было сохранить хладнокровие честному и прямодушному человеку, одаренному пылким характером! Эти пылкие люди в каждом потрясении гибнут первые, гонясь за правдой и честью, гибнут, как бабочки, приняв зажженную свечу за солнечный свет... Один возжигает пламя, а тысячи гибнут в нем. Поздно приходит разочарование и раскаяние! При этом позволяю себе сделать небольшое отступление.

Честный ремесленник в Англии, Самуил Бемфорд (Bamford), бывший одним из главных начальников революционных движений, обеспокоивавших Англию от 1816 до 1821 года, издал недавно описание важнейших своих приключений под названием «Записки радикала» (*Mémoires d'un radical*), разбор которых и извлечение из них я читал в «Revue Britannique», 1845 года[228], и счел

кстати, уже при печатании моих «Воспоминаний», привести здесь правила Бемфорда, внушенные ему опытностью и благоразумием. Честолюбцы и эгоисты, употребляя Бемфорда как орудие для достижения своих личных выгод, до тех пор льстили ему и обнадеживали его помощью, представляя в будущем блистательную участь, пока он им был нужен, а потом бросили с презрением, как выжатый лимон. Это общая участь честных людей в революциях! Хорошо еще, что Бемфорд этим отделался. Французская революция резала все честное и благородное. Рассказав все низости начальников революционных партий, Бемфорд составил себе следующий политический катехизис, который бы надлежало учить наизусть юношеству, особенно в Западной Европе.

«Трудолюбивый и небогатый человек не может лучше служить отечеству, как исполняя обязанности к своему семейству, и он не в состоянии оказать более действительной пользы, как приготавливая для отечества достойных граждан. Участие каждого гражданина в правлении есть повиновение законам

и управление, с любовью и добродушием, своим семейством, которое должно быть его царством. Лучшая и единственная реформа, которую он может заняться, это усовершенствования в своем домашнем быту. Самые полезные митинги (meetings), т. е. народные собрания, суть те, которые отбываются в семейном кругу, а лучшие речи (speech) те, которые клонятся к водворению спокойствия, мира, любви и снисхождения к человечеству. Лучшие прошения (petitions) суть те, которые возносятся с сокрушенным сердцем к Царю Небесному, не презирающему гласа смирения, и те, которые представляются сильным земли для исхода-тайствования у них миролюбивым путем улучшений для страждущих собратий. Кто хочет успеха, должен научиться страдать. Кто хочет быть героем, должен уметь управлять собою. Кто хочет управлять, пусть научится повиноваться»⁽¹²⁾.

Сколько людей с умом, с дарованиями, с добрым сердцем, были бы спасены от гибели, если б эти правила укоренены были в них с юности!

Матушка, получив печальное известие,

немедленно выехала в Минск со всем семейством и явилась к генералу Тутолмину просить совета и покровительства. Тутолмин жаловал моего отца, соболезновал о его участи, но советовал подождать, пока пройдет первый жар, обещая за него вступить и даже писать в Петербург. Между тем пришло известие о смерти императрицы Екатерины II (скончавшейся 5 ноября 1796 года) и восшествии на престол императора Павла Петровича. Многие из значительнейших чиновников и генералов русских уехали в Петербург, и в том числе Тутолмин, и матушка решила подождать его возвращения в Минске, где у нас был собственный дом, или, как тогда называли, юрисдикция, т. е. дом с местом, подчиненные не городской власти, а своей, шляхетской.

Не помню, накануне какого большого праздника матушка взяла меня в церковь, к вечерне. Народу была в церкви бездна, и в тесноте меня как-то оттерли от матушки и вытолкнули за двери. Я обрадовался, что выбрался из удушливой тесноты, в которой едва не задохнулся, и вознамерился возвратиться

домой; но, не зная улиц, забрел в конец города, блуждал в темноте, не встречая ни одной души, и наконец, не зная что делать, принялся плакать. Фонарей тогда не было на улицах, как теперь, и я шел наобум, по пояс в снегу, содрогаясь от лая собак. Вдруг, при повороте, вижу вдали огонь. Я побежал туда из всех сил и попал на гауптвахту! Часовой вызвал унтер-офицера, который проводил меня в офицерскую комнату. Я рассказал офицеру мое приключение, назвал мою фамилию, но не умел назвать улицы, на которой находился наш дом. Офицер советовал мне прилечь на скамье, обещая на другой день отыскать наш дом и отвезти меня к матери. Нечего было делать, я согласился. В это время вошел молодой человек в губернском мундире. «Я дежурный чиновник губернаторской канцелярии, – сказал он офицеру, – и пришел просить вас о смене часового у кассы, который заболел ужасным колотьем в боках, так что не может дышать». Пока офицер распоряжался, чтоб выслать людей за больным солдатом и очередного на смену, молодой чиновник спросил меня, кто я таков и что здесь де-

лаю. Я рассказал ему мое приключение. Чиновник сказал офицеру, что знает наш дом, и взялся отвезть меня немедленно. Мы сели в сани, и чрез несколько минут я уже находился в объятиях матери, которая была в ужасном отчаянии, воображая, что меня украли жидаы! Тогда еще верили в Литве, что жидаы употребляют христианскую кровь для печения опресноков (т. е. мацы) в праздник Пасхи. Можно себе представить, как благодарна была матушка чиновнику и как его приняла. Было уже около одиннадцати часов ночи, и потому гостя не удерживали, но матушка запросила чиновника на другой день к обеду; он явился – и с этого дня стал безвыходным нашим гостем и другом семейства, а через четыре месяца женился на старшей сестре моей, Елисавете, которая прожила с ним счастливо лет тридцать⁽¹³⁾. Зять мой впоследствии называл меня в шутку *сватом*.

Тутолмин не возвращался. Матушка, однако ж, не была в бездействии; она писала письма к братьям своим в Белоруссию, в Петербург к сыну и ко всем, кого только знала; писала и к графу Ферзену. В конце февраля ма-

тушка нарочно выехала в деревню, чтоб не быть на съезде дворянства, на контрактах. Подъезжаем к дому, и на крыльце встречает нас – отец мой! Он возвратился накануне; в четыре месяца он ужасно переменялся: похудел, постарел десятью годами и поседел. Все мы расплакались! С этой поры отец не отпускал меня от себя ни на минуту. Он, как дядька, ходил за мною, играл со мною, и я даже спал в его комнате... Кажется, он предчувствовал нашу вечную разлуку и мое сиротство. С удивлением и горестью заметили все в доме, что отец мой переменялся столько же в нравственном, сколько и в физическом отношении. Веселость его исчезла; он не шутил уже и не занимал своего семейства беседою, но был молчалив и мрачен, никуда не выезжал и никого не принимал, прячась от людей, и если не играл со мною, то ходил один, с ружьем, вокруг дома или по опушке леса. Матушка втайне плакала, видя такую печальную перемену в нраве отца моего, и опасалась, чтоб это не было предвестником тяжелой болезни. В нем, в самом деле, начала развиваться какая-то желчная болезнь, которая на-

вела на него меланхолию и привила к душе мизантропию. Матушка сказывала мне, что заметила это по одной черте. Пришел к нам проситься в службу стрелец и привел с собою отличную охотничью собаку; отец мой отвечал: «Человека не надобно, а собаку куплю: собаки не изменяют и не торгуют своею породой!»

С 7 марта (в день Св. Иосифа[229]) начинались так называемые *контракты* в Минске. Самое название означает, что контракты есть время, назначенное для различных *сделок*. В это время покупали, продавали и брали в аренду имения, занимали и отдавали займы деньги, платили долги и проценты. Вместе с тем была тогда же и ярмарка, и время увеселений. Купцы приезжали с товарами из всех больших городов и из за границы. Каждый вечер бывали театральные представления, концерты, частные и публичные балы, а кроме того, богатые помещики давали обеды. Это было деловое и веселое время. И теперь существуют контракты, но это уже тень прежних; теперь уже знают в западных губерниях, что такое кредитные установления в России, бан-

ки и ломбард; но тогда все денежные обороты происходили в провинции: брали деньги у частных лиц и отдавали капиталы на проценты в частные же руки; следовательно, весьма немногие помещики не имели надобности быть на контрактах, тем более что тут заключались условия на поставку в Ригу хлеба, корабельного леса, пеньки, льна, семени льняного и т. п. Тогда Англия, Швеция, Голландия и даже Америка вывозили хлеб большею частью из России и Польши, и земледелие не было за границей в таком состоянии, как теперь. Что там произведено усилиями и наукою, то у нас рассыпала щедрою рукою природа. Все замечают, однако ж, что в течение полувека не только климат, но даже почва и наружный вид земли во многих странах весьма переменились, особенно в Восточной Европе, т. е. в Польше и России. Многие озера, речки и ручьи иссякли, большие судоходные реки мельчают, особенно при устьях. Почва истощилась, и леса или уже исчезли, или исчезают. Человек должен непременно всегда бороться с природою или содействовать ей, удерживать воду или спускать ее, углублять

реки, разводить леса или очищать их, иссушать болота и удобрять землю, иначе природа в заселенных местах непременно истощится, а с нею обнищают и люди. Не знаю, как теперь, но я еще помню, когда Минская губерния была богата и плодородна. Пшеница росла в рост человека, рожь и яровые хлеба давали всегда обильную жатву. Реки и озера изобиловали рыбою; на берегах Березины и впадающих в нее речек водились бобры (которые теперь вовсе исчезли). Гастрономы, особенно католические монахи, лакомились бобровым хвостом, состоящим из одного нежного и хрупкого жира, но бобрового мяса не употребляли в пищу. Замечательно, что жирный бобровый хвост почитался *постною пищею*, как будто бобр рыба! На болотах водились так называемые *земноводные черепахи*, которых мясо сохраняло запах душистых трав, особенно майорана. Это также была лакомая пища. Дичи была бездна в обширных лесах. Кабанов ловили за один раз по несколько десятков, западнями; лосей, оленей, диких коз везде было множество. Пчеловодство процветало, и Бобруйский уезд про-

изводил торговлю медом-липцем (белым) и воском. Дубы отправляли в Ригу, сосну – в Кременчуг. Плодовые деревья не требовали никакого хождения за ними и произращали превосходные плоды. В лесах и на межах росли дикие груши и яблоки, из которых делали превкусное питье. Сверх всего этого, щедрая природа без всякого возделывания производила *манну* на болотах; она походит стеблем и колосом на просо, только меньше и мельче [230]. Женщины в конце лета выходили на заре на болото, пока еще роса держалась на колосьях, и сбивали зерно в решето; из этого зерна делали крупу, вовсе не похожую вкусом на ту крупу, которую ныне продают под именем *манны*; за настоящую манну дорого платили в Риге. Собирали также большое количество вольнорастущего на лугах тмина. Даже шпанские мухи[231] водились во множестве и доставляли доход, равно как и *червец*, или так называемая польская кошениль[232]. И так, и без рационального хозяйства, в старину было во всем изобилие, и хлеб был в запасе и у помещика, и у хорошего крестьянина. Недаром в русском народе велась поговор-

ка: «В Польше хлеба больше». Посетив этот край в 1807 году[233], я уже нашел во всем большую перемену; но хорошее осталось в памяти туземцев.

Зимы были постоянны, и весна в Бобруйском и соседнем Мозырском уезде начиналась рано. В поле работали в марте, а в апреле все уже цвело. Припоминаю все происшествия, потому что это была последняя весна, проведенная мною в семействе, при отце и матери. Никакое блаженство в жизни не вознаградит ласк родителей! Помню, как в этом году отец сам устраивал для меня лубок[234], с которого я скатывал на траву красные пасхальные яйца, в Светлый праздник! Я жил или в поле, или в саду и был вполне счастлив. Все меня любили, ласкали, нежили, как обыкновенно бывает с младшим в семье. Весна обещала урожайный год.

В одно утро отец мой выехал верхом в поле вместе со мною. Мы ехали шагом по дороге, как вдруг послышался за рощицей звук колокольчика... Отец мой быстро поворотил коня и поскакал домой, я за ним...

Едва мы успели слезть с коней и войти в

комнаты, на двор нагрянула целая ватага. На тройке подъехал к крыльцу заседатель, с своим писарем и каким-то незнакомым человеком в польском платье; на другой тройке въехал на двор унтер-офицер и двое солдат земской полиции (она тогда имела небольшую команду из солдат, выслуживших срок); на нескольких крестьянских подводах прикатили так называемые понятые, т. е. старосты деревень, с бляхой на груди. Разумеется, все семейство наше испугалось, думая, что снова приехали брать под стражу отца моего. Он стоял неподвижно у окна, и помню, что был бледен как полотно. Наконец вошел в комнату заседатель, влача за собою огромный брентачий палашище. За ним вошел незнакомый нам шляхтич. Заседатель, не поклонившись никому, хотя матушка и сестры прибежали к отцу моему и ухватились за него, спросил по-русски: «Кто здесь хозяин?» Отец рассказывал нам после, что этот самый человек служил провентовым писарем (т. е. по части винокурения и продажи водки) у князя Карла Радзивилла, в Слуцке, и просился к нему в службу. «Разве вы не знаете меня?» – отвечал хладно-

кровно отец мой. Заседатель был крепко навеселе. «Я никого не знаю и знать не хочу, — отвечал он гордо, — а вы должны знать, кто я. Объявляю вам, что вы должны сейчас выбираться из Маковищ и сдать имение поверенному пану Дашкевича, и вот указ». При этом он одною рукою указал на шляхтича, а другою подал отцу моему бумагу. Это было предписание земского суда нижнему земскому суду ввести немедленно пана Дашкевича во владение его родовым имением, Маковищ, потому что сумма, за которую оно заложено, уже внесена в суд на контрактах, и как после трех извещений (сомаций) никто не явился для получения денег, то суд на основании законов велит исполнительной власти возвратить вотчиннику его собственность. Тут я должен пояснить дело.

Деньги, данные пану Дашкевичу под залог имения, принадлежали исключительно матушке, и закладная сделана была на ее имя. По желанию отца моего, имевшего свое собственное имение и притом свои собственные долги, в закладную внесен был особый пункт, что пан Дашкевич должен выкупить имение

наличными деньгами, не скупая никаких долгов (bez nabycia wlewków). Вопреки этому пан Дашкевич выдал от себя заемные письма кредиторам отца моего, а его заемные письма перевел на свое имя и с частью наличных денег представил в суд, требуя возврата имени. Суд, неизвестно по каким причинам, пропустил важный пункт в закладной и предписал отдать имение вотчиннику, невзирая на протестацию нашего поверенного. Имея в руках решение суда и предписание нижнему земскому суду к исполнению его, пан Дашкевич не обратил внимания на протест нашего поверенного и на позыв в суд и решился, по старопольскому обычаю, на *наезд*, т. е. на *изгнание нас насильно из имени*. Он забыл, что времена переменялись и что русское правительство употребляло все усилия, чтоб истребить прежнее своеволие и прежние беспорядки. Пан Дашкевич думал, что объявленная неприкосновенность прежних прав и привилегий должна состоять в сохранении всего, что делалось во время польского правления, правильнее – *неуправления*. Ему немудрено было подговорить заседателя, ко-

торый, кроме того что был человек сомнительной нравственности и придерживался чарочки, жестоко сердился на моего отца. Встретясь в Глуске на улице, при нескольких помещиках, заседатель фамильярно протянул руку моему отцу как старому знакомому, чтоб поздороваться; но отец мой, измерив его взглядом, не дал руки и сказал хладнокровно: «Я не танцую на улице!» Теперь заседатель нашел случай отмстить за оказанное ему презрение. Да и вообще, при начале учреждения русского управления в новых областях губернаторы, желая угодить помещикам составлением земской полиции из туземцев, невольно произвели противное действие. Из людей порядочных, из помещиков уважаемых не было охотников к занятию полицейских должностей, и потому брали в заседатели мелкую шляхту, а в капитан-исправники выбирали людей большею частию из Белоруссии, уже находившихся в русской службе. Выбор редко соответствовал ожиданию, и эта часть администрации не пользовалась тогда уважением помещиков.

«Из Маковищ я не выберусь, – сказал мой

отец, – потому что мы подали позыв пану Дашкевичу о неисполнении условия и будем ждать решения высшего суда». – «Что вы мне толкуете о ваших позывах! – сказал заседатель. – Не выберетесь добровольно, так мы выгоним насильно!..» Я видел, что матушка и сестры держали за руки отца моего, и наконец матушка повисла у него на шее и что-то шептала на ухо. Страшно было смотреть на моего отца! Посинелые губы его дрожали, он то бледнел, то краснел, видно было, что он ужасно боролся с собою; наконец он захохотал таким смехом, что я задрожал. «А! Вы хотите выгнать нас насильно!» – сказал отец мой прерывающимся голосом. «Непременно, в силу указа!» – возразил поверенный пана Дашкевича. «Итак, выгоняйте!» – сказал отец мой. Заседатель с поверенным вышли из комнаты.

«Для вас только, для вашего спокойствия я перенесу эту обиду! – сказал отец мой, обращаясь к матушке и к сестрам. – Но мы не должны уступить добровольно, пусть выгоняют нас силой», – примолвил он, и в это время услышали мы ржание наших коней, которые

бегали по двору: их выпустили из конюшни. Понятые вытаскивали экипажи из сарая. Отец мой надел шапку и плащ, взял ружье и вышел на крыльцо, сказав матушке и сестрам, чтоб следовали за ним, а меня повел с собою за руку. Вскоре явились матушка и сестры в салопах. Заседатель кричал и бесновался возле конюшни, а потом со всей своей командой пришел к крыльцу и сказал понятым: «Ступайте в дом и сложите все вещи в одну комнату, а я запечатаю». Поверенный вошел в комнаты вместе с мужиками. Матушка и сестры дрожали от страха. В комнатах слышны были стук и ломка мебели, звон посуды... «Вы видите, что здесь нам делать нечего, – пойдем!» – сказал отец мой, и мы вышли за ворота. «Куда же нам деваться, куда приклонить голову!» – сказала матушка, рыдая. «Пойдем к приятелю нашему, пану Струмиле», – отвечал отец мой, сохраняя удивительное, невиданное дотоле хладнокровие.

Пан Струмило (дядя по матери генерала Сх-та[235]) держал в аренде имение, милях в двух от Маковиц, и наши семейства были весьма дружны между собою. Мы отправи-

лись к нему пешком. Слуги и служанки догнали нас и сказали, что они не оставят нас, разве их убьют на месте. Моя нянька с криком бросилась ко мне и, взяв на руки, обливала слезами. Отец приказал только двум человекам и нескольким служанкам следовать за нами, а прочих отослал в Глуск, к приятелю, пану Ржимовскому, сказав, что он распорядится после. Отец мой шел впереди с ружьем на плече и молчал.

Мы прошли с пять верст, как вдруг за нами поднялась пыль. Бричка в три лошади мчалась быстро по дороге. Женщины испугались. «Они хотят убить нас!» – воскликнула матушка. Отец, не говоря ни слова, только взвел курок своего ружья и осмотрел полку[236]. Бричка приближалась, и отец мой остановился и велел всем стать позади. Наконец бричка поравнялась с нами – в ней сидел наш корчмарь Иосель!.. Он выпрыгнул из брички, бросился к ногам моих родителей и зарыдал. «Ты добрый человек, Иосель!» – сказал отец мой, отворотившись, чтоб не видали слез его. Иосель не мог промолвить слова: он рыдал и только знаками показывал, чтоб мы селись

в бричку. Мы уселись, простившись с Иоселем, и слуга его, также еврей, погнал лошадей. Слуги и служанки наши продолжали путь пешком.

Можно себе представить, как удивилось семейство пана Струмилы, когда увидело нас в этом экипаже! Выслушав рассказ об этом происшествии, пан Струмило благодарил отца за доверенность к нему и отвел нам несколько комнат. Мы вышли из дому перед обедом, и семейство пана Струмилы уже пообедало. Для нас состряпали обед, за которым отец мой был так спокоен, как дома. Матушка и сестры были ужасно расстроены и почти больны от испуга; они не прикасались к кушанью. Пан Струмило не мог надивиться хладнокровию моего отца, зная его характер, и я слышал, как он, в его отсутствии, говорил матушке, что надобно непременно посоветоваться с доктором, потому что нет сомнения, что отец мой страждет какою-то необыкновенною болезнью... На другой день пан Струмило послал в Глуск за доктором, а между тем почти всю ночь он провел с моими родителями в совещаниях. Вследствие общего совета

отец мой написал просьбу к губернатору и другую в суд, опираясь на важнейший пункт польского законодательства: *Expulsio et violentia*[237]. На другой день выслали нарочного в Минск, к нашему поверенному.

У

Старина. – Рассказ современницы о Карле XII и Петре Великом. – Знаменитый гарнец жемчуга. – Переселение в Белоруссию. – Дань благодарности первому учителю. – Переселение в Петербург

Не стану описывать подробностей процесса, продолжавшегося с лишком двенадцать лет во всех инстанциях и кончившегося в нашу пользу[238]. Это было бы и длинно, и для многих скучно. Процесс этот наделал в свое время много шума в Литве и в петербургском юридическом мире и важен тем, что представил Сенату совершенно новые вопросы и произвел в новоприсоединенных областях благодетельное впечатление, убедив, что в России *есть правосудие*. Этому дотоле там не верили, воображая, что суд и расправа продаются с молотка! Расскажу только обстоя-

тельства, предшествовавшие важнейшему событию в моей жизни, имевшему влияние на всю мою участь, а именно переселению в Петербург.

Недели чрез полторы мы отправились в экипажах пана Струмилы в Минск; но прежде заехали в Русиновичи[239], имение бабушки моего отца (т. е. родной сестры его деда, grand-tante), пани Онюховской. Эта почтенная дама представляла собою живой исторический памятник важнейших событий в крае в течение целого столетия и вместе с тем сохраняла остатки старопольских обычаев первой половины XVIII века. Такие люди редко встречаются, и я должен поговорить о ней.

Бабушка отца моего родилась в 1697 году, следовательно, в это время ей было ровно *сто лет*. Скажу предварительно, что она умерла скоропостижно от испуга, в 1812 году, т. е. ста пятнадцати лет от рождения, когда партия казаков внезапно и с шумом въехала ночью в ее двор. Она была необыкновенно высокого роста, держалась всегда прямо, и носила шнуровку до последней минуты, и всю жизнь управляла сама хозяйством, вела переписку,

не употребляя очков. Во всю жизнь свою она никогда не была до того больна, чтоб лежать в постеле. Имея весьма порядочное состояние и будучи вдовою президента гродского (т. е. уголовного) суда[240], она занимала почетное место в обществе, но в течение почти сорока лет только однажды, и то по важному делу, выезжала из своей деревни, охотно принимая гостей и даже славясь радушием и гостеприимством. В доме ее все устроено было на старинную ногу, и многие ездили к ней нарочно, чтоб насмотреться на старопольские обычаи, от которых она не отступала ни на волос. Она не переменяла никогда покроя своей одежды и одевалась так, как одевались польские дамы в начале XVIII века, т. е. в длинную белую кофту (в обыкновенные дни канифасную, а в праздники коленкорovou[241]) до колен, с фалборками[242] и с узкими рукавами. Корсаж состоял из шнуровки, с черными лентами накрест, как в швейцарском женском костюме. Белая верхняя исподница до колен была обшита фалборками и между ими одною широкою черною лентою. На голове носила она высокий чепец, перевязанный широкою

черною лентою (в знак вдовства). Черные башмаки были с пряжками и высокими красными каблуками. Она всегда имела в руках высокую трость с золотым набалдашником, на котором вырезано было изображение Богоматери. При встрече с незнакомым человеком или при какой-нибудь опасности она крестилась и целовала это изображение. Взгляд ее был серьезный, голос громкий и несколько грубый. За нею вроде вестового ходила всегда любимая ее служанка, с ключами и с мешком, в котором были куски сахара, пряники, мелкие серебряные деньги для раздачи детям слуг и сиротам, воспитываемым в ее доме. У нее был один только сын (давно уже скончавшийся), который известен был во всей провинции под именем *короля*, потому что мать не называла его иначе как *мой король* (*mój król*). Она баловала своего *короля* до такой степени, что он был гораздо счастливее настоящего короля Станислава Августа, хотя и был предметом шуток и, так сказать, притчей во языцех в целой Литве. Мать обходилась с ним до старости как с малолетним. Природа дала ему и ум, и доброе сердце, и во-

общее он был любим всеми, кто знал его близко. Мать не дала ему никакого воспитания, опасаясь науками повредить здоровью, и он едва знал грамоте. Самоучкой и по слуху он играл на фортепиано, и даже весьма приятно, с чувством и выражением. За *королем* ухаживали беспрестанно несколько лакеев и молодых служанок и должны были забавлять его. Для него варили ежедневно более десяти кушаньев, в малых кастрюльках и горшочках, чтоб угодить его вкусу по внезапному желанию и требованию. Сама мать не употребляла никакого лекарства, но расстроила здоровье своего *короля*, подчивая его без нужды всякого рода медикаментами и держа почти круглый год взаперти, чтоб не подвергнуть простуде. Во всех делах женщина умная, она от излишней и дурно постигнутой материнской нежности была причиною и телесной слабости, и умственного закоснения единственного своего сына и сделала его даже смешным. Когда король Польский был в Несвиже в гостях у князя Карла Радзивилла[243], то слышался так много из рассказов об этом *короле*, что для шутки велел представить себе, как он

говорил, *своего товарища*. Мать выслала своего короля в Несвиж с родственником, паном Гораином (отпустив его от себя в первый раз в жизни), и снарядила так великолепно, что он явился точно как удельный принц. Польский король принял его очень милостиво, убедившись, что смеха достоин не он, а что смешна мать его и он смешон только при ней. Он даже нашелся перед королем. «Приветствую (*witam*) вас, как равного!» – сказал король при первой встрече. «Наияснейший король, – отвечал Онюховский, – по шляхетству мы *были* равны и по смерти *будем* равны, а теперь я царствую (*króluję*) только в сердце моей матери!» Все удивились этому ответу. Но я уже сказал, что он был умен от природы, и ум его был только угнетен тяжестью материнских предрассудков и предубеждений.

Прабабушка моя, пани Онюховская, одарена была удивительною, редкою, непостижимою памятью и помнила не только все происходившее в ее детстве и молодости, но даже и то, что произвело на нее сильное впечатление в течение всей жизни. Она была по две-

надцатому году от рождения, когда шведский король Карл XII проходил с войском из Сморгонь в Борисов, в 1708 году[244]. Ровно через сто лет после этого события, когда я был у нее в 1807 году, она рассказывала мне про Карла XII, который несколько дней квартировал в доме ее родителей, как будто она видела его накануне. Вот рассказ ее, хотя и не слово в слово.

«Когда родители мои узнали, что шведское войско идет в Россию на Молодечно, они хотели выехать внутрь края и выслать все дорогие вещи, потому что имение наше лежало на большой дороге в Борисов, а шведы были ужасные грабители. В манифестах шведы называли себя нашими *приятелями* и защитниками, а обдирали до последней нитки. Русские также называли себя нашими друзьями и защитниками и тоже не щадили нас. Наши поляки, придерживаясь то партии Станислава Лещинского, то партии Августа II, т. е. то шведа, то москаля, разоряли нас не хуже чужих. Время было тяжелое, и только благодать Божия удержала тогда от гибели край, открытый для всех и каждого, как заездная

корчма! Все наши дорогие вещи уже уложены были на фуры, и мы ждали только известия о приближении шведов, чтоб выехать, оставив дом на произвол судьбы. Приятель отца моего, пан Воллович, находившийся при короле шведском, прислал нарочного с известием, что в нашем доме назначена квартира для Карла XII. “Король, верно, не ограбит нас, – сказал мой отец, – а напротив, защитит. Зачем нам таскаться по чужим домам: останемся!” Мать моя согласилась, и мы остались. Родители мои приготовили комнаты, велели даже обить мебель в двух комнатах новым бархатом и адамашком (старинною шелковою тканью, весьма прочною), запаслись лучшими съестными припасами и винами и ждали гостя, хотя и не весьма спокойно. Наконец нам дали знать, что шведы уже приближаются, и к вечеру приехали к нам двадцать четыре человека трабантов[245] с офицером, который поставил у ворот двух конных часовых, а на воротах вывесил большой желтый флаг с шведским гербом в знак того, что здесь королевская квартира. Для трабантов и офицера отвели комнаты во флигеле, но шведы не хо-

тели знать их и провели ночь среди двора, возле огня, и даже не расседывали лошадей, хотя ночи были еще довольно холодны, потому что это было в половине марта, а зима того года была продолжительная. Всю ночь вокруг дома и по дороге беспрестанно разъезжали трабанты и подавали сигналы, крича из всей силы, не давая нам уснуть. Со светом потянулось войско шведское мимо нашего дома, и при виде королевского знамени били в барабаны. Полка два пехоты и несколько эскадронов конницы остановились за нашим гумном лагерем, а в самом гумне поместились офицеры. Матушка, я и две покойные мои сестры принарядились; отец надел свой парадный кунтуш[246], и мы не отходили от окна, чтоб встретить короля у крыльца. Около полудня въехали во двор два шведские офицера, а за ними конный солдат. “Неужели это адъютанты шведского короля, так бедно одетые?” – заметил отец мой. Офицеры слезли с лошадей и вошли в переднюю, а потом в залу, окнами в сад; их встретил маршалек нашего дома (мажордом), потому что все мы были в столовой, окнами на двор. Маршалек доло-

жил батюшке, что офицеры спрашивают хозяина дома. Мы все перешли в залу, приказав служанке дать знать, когда король въедет в ворота. “Вы ли хозяин дома?” – спросил вежливо, по-немецки офицер помоложе другого. “К вашим услугам; что вам угодно?” – отвечал отец. “Здесь королевская квартира: укажите, пожалуйста, комнаты короля”, – примолвил офицер. “Весь мой дом и все, что в нем, к услугам его величества”, – возразил мой отец. “Для него довольно и одной комнаты, – отвечал офицер, – а комнаты две прошу я для канцелярии, для королевского министра и для двух адъютантов”. – “Распоряжайтесь, как вы знаете, – весь дом мой принадлежит его величеству! – отвечал батюшка. – Но позвольте узнать, скоро ли король прибудет, чтоб встретить его, как подобает, у крыльца?” Офицер улыбнулся: “Вы уже его встретили, и гораздо покойнее для вас и для него, – я король!” Мы остолбенели. Отец мой хотел извиниться, но не нашел слов и только, кланяясь, провел его в парадные комнаты. Как теперь вижу его перед собою, этого страшного короля, о котором написали столько книг! В три дня я посмотре-

лась на него вволю. Он напугал весь свет, а сам был смирен, как ягненок, скромн, как монахиня. Он был довольно высокого роста, тонок и поджар. Лицо у него было маленькое, совсем не соразмерное целому туловищу и даже голове. Красавцем он не был; нельзя, однако ж, сказать, чтоб он был дурен лицом, хотя был рябоват. Зато темно-голубые глаза блестяли как алмазы. Тогда все носившие немецкое платье покрывали голову огромными париками, что нашим полякам казалось и смешно, и неприлично; но король шведский не носил парика. Волосы у него были каштанового цвета[247], легко напудренные, стриженные коротко и взбитые или взъерошенные вверх, а с тыла связанные в небольшую косу. Он казался очень моложавым[248]. Он всегда был в синем мундире с желтым подбоем и красным воротником, в желтом лосином нижнем платье и огромных сапожищах с пребольшими шпорами. Палаш его, лосиные перчатки, доходившие до локтей, сапоги и шпоры были вовсе не по его росту, и мы, девицы, насмехались над этим голиафовским [249] вооружением. Шляпу носил он малень-

кую, без галуна, да и во всем его наряде не было на один шеляг[250] золота или серебра. Родители мои беспрестанно говорили нам: “Рассматривайте короля! Это великий муж, как наши Ян Собиеский и Стефан Батори!” Отец мой, не любя немцев, весьма уважал Карла XII за то, что он выгнал короля Августа II из Польши и посадил на престол шляхтича, Станислава Лещинского.

Через час приехали две коляски и две крытые фуры с людьми королевскими. С этим обозом прибыли королевский министр[251] и другой, адъютант. Между королевскими людьми был и переводчик, и мать моя через него стала расспрашивать камердинера, какое кушанье король более любит. “Всякое жареное мясо, свинину и дичь, – отвечал камердинер, – из зелени шпинат, а из приправ *петрушку* и *руту*. Свежих фруктов теперь нет, но если у вас есть лимоны, положите перед ним на столе: король очень любит их”. – “А какое вино пьет король?” – спросила матушка. “Никакого! – отвечал камердинер. – Король не пьет даже пива; он пьет одну воду”. У нас всего было в запасе; матушка умела даже сохра-

нять целый год свежие яблоки. Обед был готов в два часа, и матушка спросила у камердинера, на сколько особ прикажет король накрывать стол. Камердинер доложил королю и потом объявил матушке, что король будет кушать за одним столом со всем нашим семейством. Это всех нас обрадовало, и отец сожалел, что братьев моих не было дома; они тогда были в Вильне, в школе. Я не спускала глаз с короля во время стола. Он ел с аппетитом, и особенно ему понравилась голова дикого кабана (*la hure*) в студене. Он ел охотнее *жирное* и вообще употреблял *много хлеба*. Во время обеда он расспрашивал батюшку о положении края и сказал между прочим, что война скоро кончится и он даст средства королю Станиславу Лещинскому вознаградить Польшу за все, ею претерпенное. Перед обедом приехали к королю три генерала, которых батюшка упросил остаться с нами откушать, и они также поместились за общим столом. Все шведы порядочно пили вино, похваливали его и нисколько не стеснялись присутствием короля. Но он пил одну воду, жевал беспрестанно хлеб и не обращал на других

внимания. С нами, т. е. с женщинами, он не промолвил ни словечка и только сказал комплимент матушке насчет ее хозяйства, когда узнал, что яблоки из нашего сада. На другой день камердинер сказал матушке, что король всем очень доволен, но просит, чтоб за столом было не более четырех блюд и чтоб обед продолжался не больше четверти часа. На ужин король пил стакан сладкого молока, *примешав в него соли*, и съедал большой кусок хлеба. Все утро он проводил за бумагами. Камердинер сказал нам, что король для того только и остановился у нас на трое суток, чтоб написать бумаги, которые с нарочным должно отослать в Швецию. После обеда он прогуливался в саду, по большой аллее, с своим министром, а мы рассматривали его из беседки. Отъезжая, король из своих рук подарил отцу моему золотую табакерку с своим вензелем из алмазов и велел заплатить за все забранное для его людей и лошадей. Отец мой обиделся этим и сказал адъютанту, что он шляхтич, а не трактирщик и *угощает* короля, а не *торгует* съестными припасами и фуражом. Когда мы узнали о несчастье Карла под

Полтавой, мы душевно сожалели о нем, хотя и не теряли надежды, что он еще поправится, а когда к нам пришло известие о его смерти – мы все плакали!

Видала я также и соперника Карла, московского царя Петра, – примолвила прабабушка, – это было в 1711 году, также в половине марта. В Слуцке стоял русский фельдмаршал Шереметев (прабабушка называла его *Шеремет*), и мы приехали со всем семейством в Слуцк, чтоб просить у него залого, потому что его казаки и разные дикие народы, башкиры и калмыки, производили страшные грабежи. В это время разнеслась весть, что сам царь будет в Слуцке, вместе с женою своею, которую тогда *впервые* называли царицею. В Польше говорили, что новая царица родом польская шляхтянка, из фамилии, оставшейся в Лифляндии от времени Сигизмунда[252] и впоследствии обедневшей. Все наши дамы весьма любопытствовали видеть царицу и подговорили мужей своих дать бал для царя. Для этого убрали огромную залу на Радзивилловской поясной фабрике[253] и приготовили великолепное угощение. Царь прибыл с цари-

цею и своими генералами и офицерами. Он был великан ростом, молодец собою и красавец, с черными усами и орлиным взглядом, только огромный парик весьма вредил его красоте. Он был в синем мундире и казался ловок и развязен. Говорил он громко, шутил и смеялся. Ему было уже под сорок лет, но по лицу он казался моложе. Меня весьма удивило, что и у царя, точно как и у его соперника, Карла, лицо по росту казалось *несоразмерно малым*. Царица была очень недурна собою, с большими черными глазами и прелестными плечами, белыми как снег. Она была в белом атласном платье с малиновым бархатным верхом, впереди расстегнутым, и с шлейфом и вся в алмазах и в жемчугах. Волосы были напудрены, и над высокою прическою была маленькая алмазная корона. Она говорила изрядно по-польски, хотя и примешивала русские слова, но по-немецки объяснялась хорошо. Царь Петр, увидев меня, подошел ко мне и, похвалив мой рост, спросил, сколько мне лет, а потом примолвил, что если я хочу идти замуж, то он доставит мне жениха по моему росту. Потом подозвал гренадерского офице-

ра, такого же великана, как и он сам, и представил его мне. Понимая шутку, я отвечала, что, напротив, я хочу маленького мужа. “Чтоб держать в руках, не правда ли? – сказал царь, улыбаясь. – Ой вы, польки!” С этим он оставил меня. Царь и царица танцевали польский и остались ужинать. За столом царь пил вино из большого покала за здоровье короля Польского Августа II и за благоденствие республики[254], называя себя другом ее, и был весьма фамильярен с поляками. Наши пили за здоровье царя, царицы и русского войска. Один из нашей шляхты, выпив порядком, сказал, что если б он дожил до выборов, то дал бы голос на избрание царя в короли польские, что весьма ему понравилось, и он провозгласил тост за здоровье польской шляхты. Потом провозглашены были тосты за здоровье дам, и наконец наш знаменитый народный тост “kośhajmy się”[255]. Когда все встали при этом, по старинному обычаю, и начали обниматься и целоваться, царь также целовался и обнимался со всеми. Разъехались по домам поздно, и все мужчины уже порядочно навеселе. Наши поляки весьма полюбили царя за его

популярность, что именно в нашем народном духе, и жаловались ему на любимца его, князя Меншикова, который не отличался бескорыстием и забрал все драгоценности даже у пани Огинской, тетки пана Огинского[256], самого сильного царского приверженца, воевавшего за него противу шведов. Царь сказал, что все зло делается против его воли и что Меншикову не пройдет это даром, а пани Огинская получит обратно все, у нее взятое. Царь с царицею пробыли в Слуцке пять дней, и я видела его ежедневно на улицах и в доме пана Хлевинского. Без большого парика он был красавец. Он узнал меня при первой встрече после бала и повторил свою шутку, утверждая, что я должна быть непременно его гренадершей, т. е. женою его исполинского капитана. Но все же скромный и задумчивый Карл мне больше нравился!..»

Хотя Петру Великому и не удалось выдать замуж моей прабабушки за саженого гренадера, но в доме ее была настоящая гренадерская субординация. Она страстно любила вышивание по канве и в тамбуре[257] и, будучи уже не в состоянии сама работать, находила

наслаждение в руководстве работами и имела в доме своем род мануфактуры. Более двадцати крепостных девушек, с полдюжины сирот и воспитанниц и несколько бедных шляхтяночек ежедневно занимались вышиванием ковров и обоев. Все стены и все мебели в ее доме обиты были превосходнейшим шитьем, едва ли уступающим гобеленовым обоям. Этих ковров и обоев она никогда не продавала, но не только родным, а даже и значительным людям, не по их силе, а по ее выбору, и самому королю Польскому посылала она в подарок свои изделия, которые высоко ценились знатоками. На выписывание рисунков она не жалела денег. На больших стенных коврах рисунки изображали битвы, охоту; фигуры были в натуральный рост. На старинных массивных мебелиях, над дверьми, над окнами и даже на печах и на всей домашней посуде и утвари были вырезаны или нарисованы гербы нашей фамилии. В портретной зале была коллекция портретов наших предков с XVI века. Словом, это был в полном смысле дом исторический, и если б Литва имела своего Вальтер-Скотта, то Русиновичи

и вотчинница этого имения непременно играли бы роли в историческом романе.

Обычай в Русиновичах также принадлежал к истории. Русское *бью челом* и польское *padam do nog* (т. е. *упадаю к ногам вашим*) не суть пустые выражения или одни комплименты. Везде в старину бедный и слабый бросались к ногам богатого и сильного и *били пред ними челом в землю*, как это и до сих пор ведется на Востоке и между крестьянами в России и Польше. И теперь еще, даже у богатых купцов и дворян русских, придерживающихся старины, молодая пара перед венцом бросается в ноги родителям и просит благословения. В Польше в прошлом веке все родные *в нисходящей линии* должны были падать на колени пред старшими родными и целовать ноги родителей. У моей прабабушки, пани Онюховской, этот обычай велся до ее смерти. Когда мы приехали к ней, она сидела в больших креслах. Мои родители и сестра пали к ногам ее, заставив и меня сделать то же, и она протянула ногу, которую мы поцеловали. Потом она приказала нам встать, и дала обе руки для облобызания, и уже после этой

операции приподнялась с кресел, поцеловала всех нас в лицо, благословила и велела родителям моим сесть, а мне и сестре стать возле ее кресел.

Отец мой рассказал ей обо всем случившемся с нами, не забыв и того, что все вещи наши остались в руках наездников и что мы имеем только то, что на нас. Прабабушка не сказала в ответ ни слова, а только покачала головою. Мы приехали утром. «Ступайте же в ваши комнаты и отдохните, – сказала прабабушка, – а я займусь хозяйством». Любимая ее девка отвела нас в назначенные нам комнаты, и тотчас явился повар, чтоб расспросить о любимых блюдах каждого из нас. Через час лакеи внесли к нам кипы. Тут был холст, батист, шелковые материи в кусках, кружева, платки, даже сукно. Не забыты были и ковры. По старопольскому обычаю, все это надлежало иметь в запасе в порядочном доме. При каждой покупке земных произведений у помещика купец, по обычаю, должен был дарить хозяйку, и кроме того, на каждой ярмарке покупались новые товары, хотя без нужды, чтоб только купить что-нибудь, и оттого кладовые

в домах были полны. По счастью, во время последней войны[258] начальник войск русских, человек образованный, узнав, что моя прабабушка лично знала Петра Великого, нарочно ездил к ней и из уважения к памяти великого мужа, хотевшего сделать ее своею гренадершею, дал ей залог и охранительный лист, и дом ее остался неприкосновенным. Любимая служанка прабабушки объявила, что барыня просит нас принять все это *на первый случай*.

Мне ужасно хотелось побегать в саду, но отец мой сказал, что здесь нельзя гулять в саду без особого позволения хозяйки. Все находившиеся под крышею дома должны были сообразоваться с волею хозяйки; таков был старинный обычай! Пей, ешь, спи и прогуливайся не когда хочешь, а когда велят! Каждый был в своем доме властелином, а в чужом доме подданным.

Нас позвали к обеду, и родители мои снова хотели повторить обряд коленопреклонения, но прабабушка не допустила до этого; довольно было и одного раза! Изъявление благодарности моих родителей она выслушала хлад-

нокровно и отвечала только пословицею, соответствующею русской поговорке: «Свой своему поневоле друг». Все кушанья стояли на столе по старинному обычаю. Обыкновенные кушанья, для всех, были в серебряных крытых блюдах, а кроме того, перед каждым гостем и перед сыном прабабушки, *королем*, стояли маленькие красивые горшочки и кастрюльки с отборным кушаньем, по вкусу каждого. Прабабушка сама указала нам места: по правую руку посадила матушку, по левую своего *короля*, за матушкою меня и сестру, а возле своего *короля* отца моего. Далее сидели панны (т. е. шляхтянки, служащие в доме) и поживальницы, или резидентки, комиссар, эконоом и несколько бедных шляхтичей, приехавших с почтением или за делом. Перед мужчинами стояли кружки с пивом. При конце обеда лакей поднес отцу моему бокал венгерского вина. За столом все молчали и только отвечали на вопросы хозяйки. После обеда я пошел гулять в сад с *королем*. Он хотя уже тогда был в возрасте, однако ж играл со мною, как ребенок, и пускал воздушный змей. Он был близорук, оттого что в детстве

его держали в комнатах, закрытых занавесами, чтоб *не испортить зрения*; притом он сильно заикался.

Приехал наш адвокат из Минска и сказал, что при просьбе надлежало представить список всем вещам, оставленным в Маковицах, т. е. всей движимости с примерною оценкою ее. Родители мои и сестра Антонина занялись этим, и на другой день от всех представлены были адвокату списки, из которых он должен был сделать общий свод. К общей поверке списков призваны были наши слуги и служанки. Не могу забыть сцены, когда адвокат, начав читать список, поданный матушкою, вдруг бросил его на стол с своими очками, вскочил со стула и, отступив на шаг, поднял руки с удивлением, воскликнув: «*Гарнец[259] жемчуга!*» – «Что это значит?» – спросил батюшка. «Тут написано, что у вашей супруги был *целый гарнец жемчуга*, не в деле, а просто как горох в мешке!» – сказал адвокат. Отец мой посмотрел с удивлением на матушку и сказал: «Об этом я ничего не знаю и теперь впервые слышу!» – «Потому что я об этом никому не говорила и хранила этот жем-

чуг как последнюю помощь в случае несчастья. Анна! – примолвила матушка, обращаясь к моей няньке (самой верной из всех слуг и ее молочной сестре, т. е. дочери ее кормилицы), – помнишь ли тот мешок, который мы зарывали с тобою в землю, ночью, под большим дубом, возле пруда, когда разнеслись вести, что наши снова будут воевать с русскими?» – «Как не помнить, сударыня, – отвечала нянька, – ведь это было в третьем году; мешок был желтый, сафьянный, точно такой, в каких для барина привозят курительный табак, а вырыли мы его только нынешнею весною». – «Это был мешок с моим жемчугом, данным мне братьями моими в приданое при втором моем замужестве», – сказала матушка. Адвокат покачал головою и возразил: «Помните, что в этом вы должны *присягнуть*». – «Присяга не страшна в правом деле; я и братья мои присягнем, что у меня был *целый гарнец жемчуга!*» – «Как угодно», – сказал адвокат, сев на свое место. Отец мой надел шапку и вышел на крыльцо, взяв меня за руку. Он смотрел вверх и посвистывал, а это означало, что он недоволен. Он не сомневался в истине показания

матушки, но ему досадно было, что она перед ним скрывала это.

Когда прабабушка узнала об этом *гарнице жемчуга*, она нимало не усомнилась и сказала: «Если б из дома Бучинских дан был и целый корец[260] жемчуга, то я бы не удивилась, зная, что этот дом исстари славился богатством и порядком, а что Анеля (имя моей матушки) не сказала об этом моему пану Венедикту, за это похваляю ее. Знаю я хорошо его девиз: день мой – век мой, сегодня жить, а завтра гнить!» В самом деле, отец мой повторял это, когда его упрекали в излишней щедрости и хлебосольстве.

Прожив несколько дней в Русиновичах, мы отправились в Минск. Перед отъездом повторились коленопреклонение, целование в ногу и в руки и благословения. Прабабушка дала моей матери кожаный мешочек со ста червонцами, завязанный и запечатанный; сестре подарила десять червонцев, а мне один червонец, на конфекты. Отца моего она только погладила по голове и сказала: «Живи скромнее!» Когда мы уселись в коляску, отец ощупал под ногами мешок; он приподнял его;

мешок был с рублями и с надписью: «500 рублей».

Мои родители не могли надивиться щедрости прабабушки: она весьма редко дарила деньгами родных, и подарок ее никогда не превышал ста золотых польских. Видя нас в несчастном положении, она отступила от своего правила. Фамильная гордость восторжествовала над всеми чувствами и правилами. Она даже не одобряла смирения отца моего и сказала, что надлежало пустить пулю в лоб дерзкому, осмелившемуся беспокоить шляхтича в его доме! Таковы были польские женщины в старину. Они поджигали мужей и сыновей своих на битвы.

Прибыв в Минск, матушка подала просьбу с приложением инвентаря оставшихся в Маковицах вещей и чрез неделю уехала со мною и с сестрою в Белоруссию, к своим родным, а отец мой остался лечиться у доктора Марбурга в Минске.

В Могилевской губернии, в Оршанском уезде, жил близкий родственник матушки Викентий Кукевич, маршал (дворянский предводитель) Оршанский, в имении своем,

называемом *Высокое* (принадлежащем ныне князю Любомирскому[261]). Кукевич был холост и уже более нежели в среднем возрасте. Это был самый честный и благородный человек, какой только может быть между людьми, но имел некоторые непостижимые странности. Он любил уединение и проводил большую часть дня или в своей комнате, или в поле, в лесу, *в разговорах с самим собою*. Мы несколько раз смотрели с сестрою в замочную скважину, чтоб узнать, чем он занимается. Он ходил по комнате сперва тихо, потом шибко, говорил громко, щелкал пальцами, смеялся, хохотал, взявшись за бока, садился, кланялся, шаркал, потом пел и наконец, устав, ложился, а отдохнув, являлся в общество, как будто ничего не бывало; был чрезвычайно любезен, снисходителен и вежлив со всеми. Он был в одно время опекуном князей Любомирских и племянницы своей, богатой сироты Куровской, которая и воспитывалась в его доме. Решено было, чтоб сестра моя и я остались в доме Кукевича, сестра для беседы и надзора за родственницею Куровскою, а я для моего воспитания. Отец мой, хотя

неохотно, но согласился на это, намереваясь приехать к нам. В доме Кукевича проживало целое семейство филолога, занимавшегося воспитанием детей в домах. Он назывался Цыхра. Старик был человек ученый и превосходный музыкант, нрава кроткого, характера веселого. Сын его Лудовик, немного старше меня, был впоследствии знаменитым виртуозом на гитаре. Старший сын преподавал уроки истории, географии и арифметики. Старик Цыхра, человек чрезвычайно добрый и ласковый, полюбил меня, как родное дитя, и умел возбудить во мне, мало сказать, охоту, нет, страсть к учению. Под его руководством и чтоб ему нравиться, я оказывал удивительные успехи в языках и в музыке, а историю и географию полюбил до того, что меня надлежало силою отрывать от книг, географических карт и глобусов. Много, весьма много, чтобы не сказать *все*, зависит от учителя, от его усердия, от его характера и от обращения с детьми. Глубокая ученость в учителе не принесет пользы, если он не обладает искусством передавать своих познаний, делать их понятными для детей и если не умеет привязать к себе детей, не мо-

жет заставить их полюбить науку, возбудить в них жажду познаний, представить науку в занимательном виде. Хороших учителей весьма мало на свете, и оттого так мало успехов в науках, вообще во всех учебных заведениях. Обучают по должности, учатся поневоле. Учитель будто стыдится своего звания, чуждается своих занятий и требует, чтоб его почитали чиновником; ученики помышляют не о науках, а об экзамене и чиновничестве!.. Добрый мой Цыхра! Прими и за гробом дань моей благодарности. Ты был образец учителей, учитель, каких я мало встречал в жизни!.. Боюсь сказать, что вовсе не встречал. Все твое честолюбие, почтенный мой наставник, и наслаждение сосредоточивались в успехах, которые делали в науках и музыке дети твои и мы, твои воспитанники...

Между тем процесс кипел в Минске. Отец мой был нелюбим многими из так называемых *выскочек* (*parvenus*) и новых богачей, составивших себе состояние карточной игрою, торговлею совестью, грабежом народного достояния в общем замешательстве края или обкрадыванием польских вельмож при

управлении их делами и вотчинами. Особенно оскорбил он одного нового богача, на последних сеймиках (дворянских выборах), желавшего быть дворянским маршалом. «Если вы выкопаете из могилы его деда, – сказал отец мой шляхте, – то на его черепе еще найдете *ермолку!*»[262] Я уже сказывал о снятом парике[263]. Некто, разбогатевший в службе князя Карла Радзивилла, играл уже важную роль и занимал какое-то место в службе. Он обошелся слишком фамильярно с отцом моим в большом обществе, в присутствии губернатора Тутолмина. «Мы часто видались с вами в доме князя Карла Радзивилла», – сказал свысока отцу моему новый богач. «Правда, – отвечал отец, – присматриваясь к порядку в доме князя Радзивилла, я иногда заглядывал и в кухню, и в конюшню, и в лакейскую!» Этого не мог никогда забыть оскорбленный выскочка! Словом, отец мой часто говорил горькие истины в глаза, и за чванство наказывал жестокими эпиграммами. Теперь все это обрушилось на него, и за него – на матушку! Процесс принял дурное направление, особенно после отъезда в Петербург Тутолмина. На

его место назначен губернатором в Минск действительный статский советник К*** [264], человек добрый и правосудный, но не знавший ни польского языка, ни польских законов, ни польского порядка сделок. На первых порах он невольно должен был увлечься, как говорится, течением, которому новые люди, прильнувшие к правительству, давали направление. *Гарнец жемчуга*, о котором никто не знал в доме, ни муж, ни дети, послужил предметом к шуткам, насмешкам и наконец к обвинению матушки в *кривоприсяжестве*! Ее отдали под уголовный суд, и к дому ее приставили часовых. Пример единственный и небывалый с польскою дамою!

Лишь только сестра Антонина узнала это, немедленно отправилась к дядям нашим, родным братьям матушки, крайчему и президенту главного витебского суда Бучинскому, и объявила намерение свое ехать немедленно в Петербург, броситься к ногам государя и просить правосудия. Дяди снабдили ее деньгами, а Кукевич вызвался провожать ее. Они немедленно пустились в дорогу, а я остался в Высоком.

Через два месяца сестра моя прискакала на почтовых в Минск с указом об освобождении матушки из-под ареста и о возвращении ей Маковиц в закладное владение, до рассмотрения дела формою суда. Отец мой остался в деревне для нового устройства хозяйства, а матушка с сестрою приехали в Высокое, навестили дядей и, взяв меня с собою, отправились в Петербург, просить удовлетворения за незаконный арест без выслушания свидетелей и без рассмотрения доказательств насчет *гарнца жемчуга* и за несправедливое обвинение в *кривоприсяжестве*.

Никогда я так не плакал и не грустил, как расставаясь с учителем моим Цыхрою. Насильно вырвали меня из его объятий и посадили, почти без чувств, в экипаж. Старик также проливал слезы. Меня успокоили только обещанием, что мы скоро возвратимся в Высокое и что я куплю в городе новую трубку для Цыхры. Родители, особенно матушка, нежили и баловали меня, угождая даже моим прихотям; но Цыхра умел занять мой ум и овладеть душою. Мне хотелось все знать, и я беспрестанно мучил его вопросами: это за-

чем, это что такое, – и старик объяснял мне с величайшим терпением, сообразуясь с моими летами и понятиями; он никогда не показывал, что я ему надоедаю моею неотвязчивостью, а напротив, чрез несколько дней спрашивал меня, помню ли я, что он мне рассказывал, и повторял объяснение свое, если замечал, что я сбивался. Где вы найдете такого гувернера? Я прежде играл игрушками, а с Цыхрой играл наукою и пристрастился к этой забаве.

Два впечатления остались в моей памяти из нашего путешествия в Петербург. В каком-то городишке, кажется в Сураже[265], где мы пробыли двое суток, ожидая возвращения человека, посланного с письмом к какому-то родственнику, квартировал полк или батальон. Я видел ученье. На выгоне, за самою заставою, выстроен был батальон в одну шеренгу и делал ружьем приемы по флигельману [266], который стоял на крыше небольшого сарая или бани. Для флигельмана устроена была платформа из досок. Полковник сидел в некотором отдалении от фрунта, в креслах, и курил трубку. Несколько офицеров стояли

возле него и разговаривали с ним, а майор командовал. Это остатки воинской дисциплины Екатерининских времен, которых, без сомнения, уже никто не увидит. В Могилеве, где мы прожили целую неделю, потому что братья матушки приехали к ней нарочно для свидания и совещания, один родственник повел меня в иезуитскую школу. Я удивился, увидя усатых школьников. Одного из этих усачей профессор (как называли себя иезуитские учителя) поставил на колени. Возвратясь домой, я сказал матушке: «Если ты отдашь меня к иезуитам – я убегу». – «Куда?» – спросила она. «В Высокое, к Цыхре!» – «А если он тебя не примет?» – «Пойду в солдаты», – отвечал я решительно.

В Петербурге мы остановились у Осипа Антоновича Козловского, друга нашей фамилии, бывшего директором театральной музыки. Он жил в доме Льва Александровича Нарышкина, на Мойке, противу Новой Голландии [267], рядом с домом, который занимал сам Лев Александрович, где ныне Демидовский дом трудящихся [268]. Тогда этот дом был храмом роскоши, гостеприимства и благотворе-

ния и как будто в память прежнего благодетельного хозяина превращен в богоугодное заведение! Разумеется, у тогдашних русских вельмож в домах не отдавались квартиры внаем, и Осип Антонович жил в доме Нарышкина безвозмездно, занимая целый этаж.

VI

Петербург за полвека пред сим. – Наружный вид столицы. – Общество. – Вельможи двора императрицы Екатерины II. – Быстрые перемены и преобразования в царствование императора Павла Петровича. – Поляки в петербургском высшем обществе. – Определение мое в Сухопутный шляхетный кадетский корпус

Со времени кончины императрицы Екатерины II Петербург совершенно изменился и в наружном своем виде, и во внутреннем устройстве, и в нравах, и в обычаях. Только некоторые памятники зодчества припоминают[269] прежнее, – все прочее *новое* или *возобновленное*. Все великолепие города, за пятьдесят лет пред сим, сосредоточивалось на набережной Невы и в центре его, в окрестно-

стях Зимнего дворца; но и в этой части города было весьма немного высоких домов. Почти все каменные дома были или двухэтажные или одноэтажные, с подземельем, т. е. жильем, углубленным в землю. Только на Невском проспекте, между Полицейским и Аничковым мостами[270], в двух Морских и двух Миллионных[271] не было вовсе деревянных домов, а во всех прочих улицах деревянные дома перемешаны были с каменными, и вообще, едва ли только не десятая часть домов были каменные. Но и прежние каменные дома в течение этого времени почти все или перестроены, или надстроены, так что их нельзя узнать. Многие прежние дома, почитавшиеся великолепными, вовсе сломаны, и на их месте воздвигнуты новые огромные здания. Теперь на Невском проспекте из старых домов остались в прежнем виде: дом Васильчикова, где Английский магазин (существующий на одном месте более полувека) [272], дом Косиковского[273], у Полицейского моста (бывший дом, *тогда новый*, князя Куракина), дом (pallazo) графов Строгановых[274], дома Католической церкви[275], гг. Лубье

[276] и Меншиковых[277] и Гостиный Двор [278]. Все прочие дома приняли другой вид или сломаны. На Итальянской улице, против Михайловской площади[279], с одной стороны (с правой) были частью каменные, а частью деревянные дома, а с другой стороны улицы, во всю ее длину была каменная стена (забор), ограждавшая дворцовый огород, принадлежавший к Летнему саду[280]. На Литейной, во Владимирской[281], в Конюшенных [282], Троицком переулке[283], в Моховой[284] и в окружающих их улицах, равно как в Малой и Средней Мещанских[285], в Подъяческих[286], на Вознесенском проспекте[287], Екатерингофском проспекте[288] и прилежащих к ним улицах большая часть домов были деревянные. Части города, называемые Московскою, Рождественскою, Коломнею[289], были почти исключительно обстроены деревянными домами, и большая часть улиц в них не имела мостовой. Козье болото[290] в Коломне – было настоящее болото, непроходимое и смрадное, покрытое зеленою тиною. Таких болот было тогда много в местах, ныне превосходно застроенных, как, например, по

Лиговке[291], в Грязной[292], на Новых местах и за Каретным рядом[293]. Еще и до сих пор остались образцы прежних петербургских домов, а именно: на Невском проспекте, за Аничковым мостом, по правой стороне (считая от Невы). Васильевский остров только на набережной Невы и по Первой и Кадетской линиям[294] походил на столичный город, но далее застроен был почти исключительно деревянными домами. Пески[295], Выборгская и Петербургская стороны, с лучшими улицами, походили на плохие уездные городишки, а Ямская[296] была настоящая деревня. Даже православных церквей было немного каменных, а великолепная одна только, именно Александро-Невская лавра[297]. Казанский собор был деревянный, низкий, с высокою деревянною колокольнею и выкрашен желтою краскою[298]. Исакиевский собор, достроенный в царствование императора Павла I[299], представлял какую-то мрачную массу, без всякой архитектуры. Адмиралтейский шпигель существовал, но башня не была окружена колоннами и статуями, а здание Адмиралтейства было низко, не оштукатурено и не вме-

щало в себе жилья, а служило единственно для склада кораблестроительных материалов. С трех сторон Адмиралтейство обнесено было тремя фасадами (в прямых линиях) земляного вала и водяным рвом[300]. Где ныне находится Инженерный замок, там стоял деревянный летний дворец императрицы Елисаветы Петровны, и на месте его император Павел I воздвигнул свое царское жилище, названное тогда Михайловским дворцом[301]. Этот дворец как бы волшебством возник в год с небольшим времени. Он тогда окружен был валом, вооруженным пушками и водяным рвом с подъемными мостами, и имел вид крепости[302]. Железных мостов вовсе не было; каменные мосты были только на Фонтанке и на Екатерининском канале, а на Мойке мосты Полицейский, Синий, Красный и Поцелуев были деревянные[303]. Нынешний Александринский театр, тогда называвшийся *Малым*, не имел никакой внешней архитектуры: это было низкое и безобразное здание, род сарая[304]. Большой театр был без портика и гораздо ниже и походил более на магазин, чем на храм искусства[305]. Дворцовая

площадь окружена была тогда частными домами, между которыми отличался дом Кушелева[306] (на месте нынешнего Главного штаба его императорского величества[307]), выстроенный полукругом, от углового дома бывшего Вольного экономического общества[308] до нынешней арки, тогда не существовавшей. Дом Кушелева для Петербурга был то же, что Пале-Рояль[309] для Парижа, только в миниатюре. Тут были и лавки, и трактиры, и маскарадные залы, и театр, на котором играли немецкие актеры[310]. Где теперь ордонансгауз[311] и промежуток у Певческого моста, тут были дома музыканта Булана и белорусского дворянина Древновского. Помню эти дома потому, что в них жили мои знакомые. Тротуаров вовсе не было в городе[312]. О нынешней чистоте не имели даже понятия. Многие улицы весной и осенью были почти вовсе не проходимы, на других все лето стояли лужи. В отдаленных частях города (ныне великолепных) на улицах паслись коровы и расхаживали свиньи. Ночью собаки целыми стаями бродили возле рынков, и лай их и вытье раздавались далеко. От оборванных маль-

чишек, игравших в бабки и в городки на улицах, не было прохода вне центра города, и от них надлежало откупаться, чтоб не быть забрызганным грязью. На повороте с Невского проспекта во Владимирскую был так называемый *Обжорный ряд* (перенесенный после к Каменному мосту[313], в Апраксин переулок [314]). Тут сидели рядами бабы с хлебом, пирогами, жареным и вареным мясом или рыбою, и весь рабочий народ толпился тут два раза в сутки. У Синего моста стояли толпы людей обоего пола и различного возраста, с дворецкими и приказчиками. Здесь нанимали работников, слуг, служанок и даже покупали в вечное и потомственное владение. Тогда это было позволено, что можно видеть из объявлений в единственной тогда газете, «С.-Петербургских ведомостях»[315]. Можно смело сказать, что только вокруг Зимнего дворца, на Невском проспекте до Аничкова моста, в двух Морских и в двух Миллионных была Европа; далее повсюду выглядывала Азия и старинная *предпетровская* Русь, с своею полудикостью и полуварварством.

Здесь мне приходит на мысль разговор, ко-

торый я имел с одним просвещенным и ученым вельможей (графом Е. Ф. Канкриным) на счет русской истории, лет за десять пред сим. «Если рассудить, то мы по справедливости вместо того, чтоб называться *русскими*, должны прозываться *петровцами*, – сказал граф Егор Францевич. – Что сделали для нас *варяго-руссы* в сравнении с тем, что совершил Петр Великий? При варяго-русских правителях мы были варварами, азиатцами, и как в старину монголы покорили Россию, так в течение времени растерзали бы ее наши европейские соседи, если б не родился Петр! Всем: славою, силою, довольством и просвещением обязаны мы роду Романовых и из благодарности должны были бы переменить наше общеплеменное название *славян* на имя творца империи и ее благоденствия. Россия должна называться *Петровией*, а мы *петровцами*, или империя – *Романовой*, а мы *романовцами*». Идея оригинальная, а в существе справедливая! Всевышний, сотворив землю, определил на веки веков место ее во вселенной и ход в небесном пространстве; Петр Великий, создав империю, назначил ей место в политическом

мире и дал направление, по которому ей должно следовать для достижения высочайшей степени славы и могущества. Присоединение к России старинных русских княжеств и Литвы, приобретение Курляндии, завоевание Тавриды, утверждение русских границ на Дунае, приобретение берегов Каспийского моря, население новороссийских степей[316], каналы, дороги, усиление флота и войска – все это есть только исполнение предначертаний Петровых, следствия направления, данного им своей империи. Все, что было сделано вследствие этого направления, велико и полезно, все, сделанное вопреки его видам, упало само собою!

От кончины Петра Великого (в 1725 году) до восшествия на престол императора Павла Петровича (в 1796 году), почти шестьдесят восемь лет сряду, царствовали в России женщины. Два императора, Петр II и Петр III, не занимали престола и четырех полных лет. Перевороты, бывшие при утверждении власти за правительницею Анною Леопольдовною, при восшествии на престол императриц Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны и Екате-

рины II, возносили их приверженцев и участников переворота почти над обыкновенною сферою подданных, и с ними возвышались их родные, друзья и прислужники[317]. Все хотели управлять по своей воле, и из видов честолюбия и корыстолюбия образовались партии. Правление приняло олигархические формы.

В краткое регентство правительницы Анны Леопольдовны, в царствование императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны партии явно боролись между собою и, вредя себе взаимно, наносили вред государству. От кончины Петра Великого до половины царствования Екатерины II все еще существовала сильная партия, противная быстрому ходу нововведений, партия, составленная из людей, вздыхавших по старине и ненавидевших чужеземцев. За эти чувствования Волынский заплатил жизнью при Анне Иоанновне, но воспоминание о Бироне впоследствии еще более укоренило эту ненависть. Императрица Екатерина II, будучи великою княгинею, изучила характер двора и русского народа и привязала к себе сердца изъявлением особенной любви ко всему русскому, народному. В ее

царствование расцвела русская словесность из семян, насажденных при императрице Елисавете Петровне; появились русские художники, русские ученые, и все первые места в государстве были заняты природными русскими. Русские полководцы водили наши войска к победам. Русские сановники управляли всеми частями государственного механизма. Все новые учреждения и все звания получили русские наименования, извлеченные из духа русского языка. Везде вводимо было однообразное русское управление, и Остзейские провинции, и Финляндия вместо своих феодальных, устарелых прав получили русские законы[318]. Сама государыня казалась русскою в самых мелких подробностях жизни: одевалась по-русски, говорила всегда народным языком с русскими и даже участвовала своими трудами в русской литературе [319]. Все это льстило народному самолюбию, ободряло народ русский, и он обожал ее и не называл иначе как *матушкой*. Это слово было нераздельно с именем государыни. Царствование ее было, в полном значении слова, блистательное и славное! Приобретены но-

вые и богатые области, во всем мире гремели победы, одержанные русскими на суше и на море; построены новые города и старые украшены; дано движение промышленности и торговле – словом, Россия сияла, как солнце, но и это блистательное положение не было изъято от недостатков. Такова участь всех дел человеческих! Многие еще оставалось довершить, усовершенствовать, исправить...

Император Павел Петрович, будучи еще великим князем, видел это и соболезнавал, а вступив на престол, оказал великое благодеяние отечеству водворением новой дисциплины в войске, отчетливости в управлении казною и строгого правосудия в судах. Чувство правосудия в душе императора Павла Петровича преобладало над всеми другими чувствованиями, и даже один из неприязненных России писателей сказал о нем: «Он был справедлив даже в политике!»[320] Если он ошибался, то явно сознавался в ошибке и исправлял ее по-царски, но не прощал обмана, криводушия, лихоимства, непослушания. Государь начал улучшения с войска. Все так называемые тогда *лежни*, т. е. матушкины сынки

и бабушкины внучкѣ, *записанные* в военную службу и получавшие чины, не видав сроду своего полка, были исключены из службы [321]. Кто хотел служить, тот должен был явиться в полк и исполнять все предписания военной дисциплины, нести все обязанности службы, несмотря ни на связи, ни на породу. Это возвысило дух в войске. Каждое неправосудие, каждое отступление от законов и от законного порядка в гражданских делах подвергалось немедленно наказанию, и каждое своевольное или безотчетное употребление казенных денег влекло за собою взыскание и ответственность. Все подданные сделались равными пред престолом, и ни знатность, ни высокие чины, ни сильное родство не могли избавить виновного от наказания за самоуправство, злоупотребление власти и ослушание. Россия быстро встрепенулась, и это движение было для нее спасительно впоследствии. Не мое дело разбирать все подробности царствования императора Павла Петровича; но я убежден в душе, что в этом отношении оно было чрезвычайно благодетельно и что постепенностью невозможно было бы из-

лечить России от некоторых ее недугов. В быстром изменении прежнего порядка императором Павлом Петровичем вижу много добра. Вельможи, сановники, даже дамы в прежние времена не стыдились дежурить в передней временщиков и их любимцев и расточать перед ними лесть и непростительную снисходительность, перенося терпеливо грубости или небрежность, а между тем не отдавали надлежащей почести тем, которые имели на то полное право, и потому государь учредил новый этикет. Прежние офицеры редко надевали мундир и еще реже появлялись перед фронтом. Государь приказал всем офицерам ежедневно появляться на вновь учрежденных вахтпарадах, т. е. на разводе караулов, перед которым было ученье. Одежда придворных и вообще людей, посещавших общества, разоряла целые семейства множеством алмазов (на пряжках, пуговицах, орденках, эфесах шпаг и т. п.), кружев и дорогих тканей, выписываемых из за границы, — и государь предписал для чиновников и не служащих дворян мундиры, уничтожив одежду якобинцев и террористов — фракы и круглые

шляпы[322]. Сам государь не хотел говорить языком, на котором произнесен был смертный приговор несчастному Лудовику XVI и его безвинному семейству, и при дворе перестали говорить по-французски, а вследствие этого исчезли и все французские наименования. На вывесках вместо *магазин* написано было *лавка*. Разврат и пьянство обуяли мелких чиновников и вообще среднее сословие. Целую ночь раздавались в трактирах и в некоторых частных домах песни, звуки музыки и стаканов и неистовые вопли пирующих; следствием этого бывали драки, даже смертоубийства, пожары (при множестве деревянных домов) и, наконец, употребление непозволенных средств на приобретение денег. Государь приказал, чтоб по пробитии вечерней зари все огни в частных домах были погашены, все трактиры заперты, чтоб в трактирах не было никакой карточной игры и чтоб женщин не впускать вовсе в трактиры. Азартные карточные игры, как в публичных заведениях, так и в частных домах, строжайше были запрещены во всем государстве. Балы и всякие вечерние семейные собрания были позво-

лены, но надлежало вперед давать знать полиции, чтоб она могла распорядиться немедленно в случае какого-нибудь нечаянного происшествия. Каждый человек имеет свой собственный вкус, и то хорошо, что кому нравится. Государь одел войско по образцу войска Фридриха Великого: в длинные зеленые мундиры с отворотами, открытые от груди, в короткое нижнее платье желтого или белого цвета, в суконные черные штиблеты за колени зимою и белые холщовые летом. Мушкетеры имели шляпы, гренадеры каски (как ныне лейб-гвардии в Павловском полку). Офицеры и солдаты должны были пудриться[323], носить длинные косы и пукли[324] (прежде пудрились и носили пукли и косы или кошельки[325] одни офицеры). Во фрунте офицеры и унтер-офицеры вооружены были эспантонами (род алебард). Полки, исключая гвардейских, назывались по именам своих шефов. Кирасиры и драгуны носили куртки, первые белые, вторые зеленые, лосинное исподнее платье и шляпы с белыми султанами. Лат не было. Гусары одеты были по-венгерски: гвардейские имели меховые шапки, ар-

мейские – кивера с крылом; и носили длинные косы и локоны, висевшие до плеч по вискам[326].

Дела вообще приняли быстрый ход. Все исполнялось скоро, без малейшего отлагательства, а между тем и общество петербургское при всеобщем преобразовании приняло совершенно другой вид. Многие из вельмож двора императрицы Екатерины II и обогатившиеся дельцы уехали за границу или поселились в деревнях и в Москве[327]. Рядом с старою знатью и с вельможами, созданными Екатериною, водворилась новая знать из старых слуг государя. Из старинных коренных вельмож, представителей блистательного века и двора Екатерины II, остались в прежнем положении граф Александр Сергеевич Строганов и Лев Александрович Нарышкин. Из деловых людей, возвышенных императрицею Екатериною в звание государственного сановника, пользовался милостью государя граф Безбородко[328], а из новых, вовсе до того не известных людей, граф Иван Павлович Кутайсов и граф Алексей Андреевич Аракчеев. Граф Ростопчин, бывший камергером[329] при дво-

ре Екатерины II и часто дежуривший при великом князе в Гатчине, имел счастье заслужить его благосклонное внимание и также пользовался особенною милостью государя императора. Государь-наследник Александр Павлович был назначен военным генерал-губернатором[330] Петербурга. Это место занимали после граф Аракчеев, а потом граф Пален. Первым обер-полицеймейстером в царствование императора Павла был генерал Архаров[331], знаменитый заведением в Москве полицейского порядка при императрице Екатерине II и очищением древней столицы от множества накопившихся в ней воров и разбойников. Сначала дозволено было каждому подавать лично прошение государю. Но неотвязность просителей, заступавших везде дорогу государю, заставила его отменить это постановление, и в одной комнате Зимнего дворца устроен был ящик для принятия прошений, которые рассматривались статс-секретарями для доклада государю[332]. Это было первым основанием учрежденной впоследствии Комиссии прошений[333]. Решения государя императора печатались в «Ведомо-

стях», чрез несколько дней после подачи просьбы. За несправедливые доносы или жалобы подвергались наказанию просители, а по правдивым жалобам подвергались наказанию злоупотребители власти и законопреступные судьи. После отрешения от места нескольких губернаторов и других высших чиновников все стали осторожнее и внимательнее к делам. Прощение, поданное сестрою моею[334], поступило к государю чрез статс-секретаря Нелединского-Мелецкого, бывшего впоследствии сенатором и оставившего почетную память по себе в русской литературе как поэта эротического, творца прелестных в свое время русских песен. Чрез него же доставлено было и решение Осипу Антоновичу Козловскому для передачи просительнице.

Образ жизни вельмож двора императрицы Екатерины II теперь принадлежит к области вымысла, к романам и повестям! Кто не видал, как жили русские вельможи, тот не поверит! Я уже застал это сияние на закате и видел последние его лучи. В коренном русском вельможе было соединение всех утонченно-

стей, всех общежительных качеств, весь блеск ума и остроумия, все благородство манеров века Лудовика XVI и вся вольность нравов эпохи Лудовика XV; вся щедрость и пышность польских магнатов и все хлебосольство, радушие и благодетельность старинных русских бояр. Цель жизни состояла в том, чтоб наслаждаться жизнью и доставлять наслаждения как можно большему числу людей, не имеющих к тому собственных средств, и чтоб среди наслаждений делать как возможно более добра и своей силою поддерживать дарования и заслугу. В доме Льва Александровича Нарышкина принимаемы были не одни лица, имеющие приезд ко двору или принадлежащие к высшему кругу по праву рождения или счастливою случайности. Каждый дворянин хорошего поведения, каждый заслуженный офицер имел право быть представленным Л. А. Нарышкину и после мог хоть ежедневно обедать и ужинать в его доме. Литераторов, обративших на себя внимание публики, остряков, людей даровитых, отличных музыкантов, художников Лев Александрович Нарышкин сам отыскивал, чтоб

украстить ими свое общество. В 9 часов утра можно было узнать от швейцара, обедает ли Лев Александрович дома и что будет вечером, и после того без приглашения являться к нему. Но на вечера приезжали только хорошо знакомые в доме. Ежедневно стол накрывался на пятьдесят и более особ. Являлись гости, из числа которых хозяин многих не знал по фамилии, и все принимаемы были с одинаковым радушием. Кто умел блеснуть остроумием или при случае выказал свой ум и познания, тот пользовался особенною милостию хозяина, и того он уже помнил. На вечерах была музыка, танцы, *les petits jeux*[335], т. е. игры общества, но карточной игры вовсе не было. На парадные обеды и балы были приглашения, и тогда уже званы были гости только по назначению хозяина. На этих балах расточаема была азиатская роскошь, подчиненная европейскому вкусу, и званые обеды удовлетворяли требованиям самой причудливой гастрономии; но в обыкновенные дни стол был самый простой. Обед состоял из шести блюд, а ужин из четырех. С первым зимним путем приходили к богатым людям

огромные обозы из их деревень, с провизией: мясом, домашними птицами, ветчиною, солониною, маслом, всякою крупною и мукою, с медами и наливками, и все это было съедаемо и выпиваемо до весны. На обыкновенных обедах кушанье стряпалось большею частию из домашней провизии; на столе стояли кувшины с кислыми щами, пивом и медом, а вино (обыкновенно францвейн или франконское [336]) разливали лакеи, обходя вокруг стола два раза во время обеда. Редкие и дорогие вина подавали только на *парадных* обедах или на *малых званых*. У графа Александра Сергеевича Строганова было то же, с тою разницею, что к столу его имели право являться только те, которых он именно приглашал, и он в этом отношении был разборчивее, приглашая только тех, *раз навсегда*, которые ему особенно нравились. На даче Льва Александровича Нарышкина, называвшейся «*Га, га!*» [337] [338] (на Петергофской дороге), и на даче графа А. С. Строганова (на Выборгской стороне, за Малой Невкой)[339] в каждый праздничный день был фейерверк, играла музыка, и если хозяева были дома, то всех гуляющих

угощали чаем, фруктами, мороженым. На даче Строганова даже танцевали в большом павильоне не званые гости, а приезжие из города повеселиться на даче, и эти танцоры привлекали особенное благоволение графа А. С. Строганова и были угощаемы. Кроме того, от имени Нарышкина и графа А. С. Строганова ежедневно раздавали милостыню убогим деньгами и провизией и пособие нуждающимся. Множество бедных семейств получали от них пенсии. Дома графа А. С. Строганова и Л. А. Нарышкина вмещали в себе редкое собрание картин, богатые библиотеки, горы серебряной и золотой посуды, множество драгоценных камней и всяких редкостей[340]. Императрица Екатерина II в шутку часто говорила: «Два человека у меня делают все возможное, чтоб разориться, и никак не могут!» И точно, Л. А. Нарышкин и граф А. С. Строганов оставили после своей смерти огромное состояние и весьма незначительные долги относительно к имению, долги, которых итог в наше время не почитался бы даже долгом! Никогда я не слыхал, чтоб Л. А. Нарышкин пользовался щедротами государыни, но знаю

наверное, что граф А. С. Строганов не брал никогда ничего, довольствуясь одною царскою милостью.

С того времени, как Станислав Понятовский (впоследствии король Польский) был послом Польской республики при Российском дворе[341], польская знать и с нею лучшая шляхта стали посещать Петербург и находили отличный прием и при дворе, и в высшем петербургском обществе. Приезжали в Петербург поляки образованные, богатые или, по крайней мере, тароватые, путешествовавшие в чужих краях, видевшие свет, люди отличные. Впоследствии, когда политические партии при короле Станиславе Понятовском начали вчуже искать помощи для приобретения первенства и уничтожения своих противников и когда императрица Екатерина II стала управлять делами Польши, в Петербург стекались все польские честолюбцы и все интриганты для снискания покровительства и милости государыни. Приезжали также люди честные и благородные, с намерением склонить государыню на перемену старинного польского бестолкового правле-

ния и введение улучшений сообразно с веком. Многие из знатных поляков имели русские военные, гражданские и придворные чины и уже по званию занимали почетные места в обществе. После присоединения Белоруссии к империи[342] некоторые польские вельможи, как то: князь Карл Радзивилл, Михаил Огинский и др. – отреклись от своих имений, чтоб не присягать на верноподданство[343], а большую часть богатых белорусских помещиков государыня привлекла в Петербург своими милостями и посредством браков старалась укрепить соединение единоплеменников. Браки русских с польками, а поляков с русскими девицами были особенно покровительствуемы государынею. Соллогуб (граф), князь Любомирский и князь Понинский женились на трех дочерях Л. А. Нарышкина[344]. Граф Виельгорский женился на графине Матюшкиной, дочери графа Михаила Дмитриевича[345] и княжны Гагариной, бывшей фрейлины императрицы Екатерины II. Дмитрий Львович Нарышкин женился на княжне Марии Антоновне Четвертинской, граф Валериан Александрович Зубов на По-

тоцкой (бывшей потом в замужестве за генерал-адъютантом Уваровым), и кроме того, множество генералов, и высших чиновников, и польских помещиков (которых имен не упомяну) вошли в кровные союзы с русскими фамилиями. Родителям предоставлено было на волю избирать вероисповедание для их детей, в той уверенности, что в третьем поколении дети от русских отцов или матерей примут православную веру, что и исполнилось почти без исключений. Сын графа Соллогуба [346] был католик, а внук его, нынешний писатель [347], уже православный, равно как и князя Любомирские. На первых порах, когда умирающая Польша еще имела союзницами [348] Францию, Швецию и Турцию, надлежало действовать осторожно и с предусмотрительностью, и императрица Екатерина II старалась составить сильную русскую партию в самой Польше, в чем и успела совершенно. По уничтожении Польской республики и присоединении к России, на вечные времена, Литвы и старинных русских княжеств на западе и юге России, множество польских дворян, особенно из фамилий знатных, но не бо-

гатах, бросились в Петербург искать счастья – и все получили места при дворе, в гвардии или в гражданском ведомстве, с значительным содержанием. При учреждении Третьего департамента в Сенате, для польских дел, некоторые известные люди из поляков получили звание сенаторов[349]. Одним словом, поляков ласкали везде, принимали и покровительствовали. Император Павел Петрович также был особенно милостив к полякам. Немедленно по восшествии на престол государь дал свободу всем польским узникам[350], заключенным в Петропавловской крепости, и лично объявил эту милость генералу Костюшке[351]. Главные лица из поляков, проживавших в Петербурге, были: Илинский (граф), бывший при наследнике престола бесменным дежурным камергером в Гатчине. Он находился в Петербурге во время кончины императрицы и, отправившись немедленно в Гатчину, первый поздравил наследника престола императором. За усердие и приверженность, оказанные при этом случае, Илинский получил от государя несколько тысяч душ [352]. Впоследствии он был сенатором. Это

был чрезвычайно добрый и благородный человек, весьма набожный, но холодный и несколько надменный с низшими. Он был необыкновенно высокого роста, сухощав, держался всегда прямо и от этого казался неловок. Он много делал добра полякам и при императоре Павле Петровиче, и при Александре Павловиче, в начале его царствования[353]. О нем я буду говорить впоследствии. Северин Осипович Потоцкий (граф) остался беден после отца своего, лишившегося огромного состояния на спекуляциях[354]. Северин Осипович прибыл в молодых летах в Петербург искать счастья и нашел его[355]. Сначала он был камергером, потом сенатором и попечителем Харьковского учебного округа. Северин Осипович был человек честный и благородный, отличного ума и образования, прилежно занимался всегда делами сенатскими и возвысил Харьковский университет своим управлением[356]. За что только он ни брался, исполнял усердно и совестливо. В частной жизни он был весьма оригинален. Он никогда не заводился домом и не принимал гостей, но жил на холостую ногу в трактире и

вечера проводил в гостях. Лет двадцать сряду прожил он на Екатерининском канале в доме Варварина[357]. В обществе он был приятен и остроумен, но в своем доме капризен и брюзга. Он был любим и уважаем всеми. Северин Осипович был в молодости красавцем, а под старость чрезвычайно худощав, но всегда бодр и свеж. Граф Виельгорский пользовался особенною милостью императрицы Екатерины и императора Павла Петровича. Он отличался познаниями, тонкостью ума и светскостью. Я только два раза видел его. Граф Адам Станиславович Ржевуский (бывший потом сенатором) принадлежит к числу самых отличных, самых благородных людей[358], которых я знал в жизни. Умный, просвещенный, добродушный, честный и благородный во всех делах своих, он был, кроме того, чрезвычайно приятен в обществе, а в короткой беседе увлекателен. Князя Адам и Константин Чарторийские служили в гвардии при императрице Екатерине и были камергерами двора[359]. В начале царствования императора Павла Петровича Константин уехал к родителям, а Адам, будучи посланником при Сардинском

дворе, возвратился в Петербург при восшествии на престол императора Александра Павловича[360] и занимал звание министра иностранных дел. Князь Понинский, прекрасный мужчина, особенно когда он был в своем красном мальтийском мундире[361]; граф Соллогуб, также весьма приятной наружности и чрезвычайно обходительный и вежливый; князья Любомирские, князья Четвертинские – все люди высшего образования – ежедневно посещали дом Нарышкина. В начале царствования императора Александра Павловича прибыл в Петербург Михаил Огинский [362] (сперва граф, потом князь и сенатор). Он был в начале революции отчаянным патриотом и участвовал в восстании под начальством Костюшки; потом скитался по чужим краям, тщетно испрашивая вмешательства в дела польские у Порты, у Англии и Франции, и удостоверясь, что он гоняется за привидением, обратился к великодушью императора Александра, который позволил ему возвратиться в отечество. Он появился на родине обремененный долгами и без гроша денег. Огромное имение, сперва конфискованное,

было ему возвращено, и по просьбе его учреждена комиссия для приведения в порядок дел его и уплаты долгов. Милость государя чрезвычайно тронула его, и он был до конца своей жизни искренно предан императору Александру Павловичу. Огинский был один из самых любезных людей своего времени: остроумный, веселый, полный дарований. В музыке он был истинный знаток, и многие из его легких композиций, полных чувства и мелодии, до сих пор имеют высокое достоинство. Кто не знает *полонеза* Огинского[363]? Насчет этого полонеза написаны были в чужих краях длинные рассказы, в которых предполагалось, что полонез сочинен несчастным, умертвившим себя от любви к высокой особе! Огинский знал давно О. А. Козловского, и любовь к музыке сделала их друзьями. Огинский ежедневно бывал в доме Козловского[364] и весьма часто навещал Л. А. Нарышкина. С Михаилом Огинским приехал племянник его, Габриель, молодой человек отличной образованности; он был в большой дружбе с внуком Л. А. Нарышкина, графом Соллогубом, отцом нынешнего писателя.

Граф Соллогуб (отец нынешнего) почитался в свое время первым танцором в обществах, играл превосходно на домашнем театре, пел очень хорошо и был вообще одним из блистательнейших молодых людей. Прекрасный характер и доброта душевная еще более возвышали его приятные дарования. В доме Нарышкина всегда было множество девиц, родственниц, воспитанниц, поживальниц, и молодежь в то время обходилась между собою свободно, без педантства и кокетства. Девицы и молодые люди шутили между собою, делали друг другу разные проказы, мистификации, чтоб после похохотать вместе, и меня часто употребляли обе стороны как орудие для своих проказ. Сколько я помню, в то время только граф Илинский и пожилая княгиня Четвертинская[365], имевшая значение при дворе, жили домами и принимали у себя гостей. Прочие поляки жили на холостую ногу, исключая, однако ж, старого графа Соллогуба, который часто проводил в столице всю зиму, а иногда и лето. Как два драгоценные алмаза в богатом ожерелье, блистали в высшем обществе две польки-красавицы, Мария Анто-

новна Нарышкина и графиня Зубова (супруга Валериана Александровича), между множеством русских красавиц, как, например, графиней Верой Николаевной Завадовской, графиней Самойловой, графиней Прасковьей Семеновной Потемкиной[366] и другими. Видал я в жизни множество красавиц, но не видал таких прелестных женщин, какие были Мария Антоновна Нарышкина[367] и сестра Наполеона Элиза. Это, бесспорно, были две первые красавицы своего века. Но что всего привлекательнее было в Марии Антоновне – это ее сердечная доброта, которая отражалась и во взорах, и в голосе, и в каждом ее приеме. Она делала столько добра, сколько могла, и беспрестанно хлопотала за бедных и несчастных. Графиня Зубова была небольшого роста, живая, веселая, имела в своем характере много амазонского и отличалась быстрым умом. Между мужчинами никто не мог сравниться с стариком Львом Александровичем Нарышкиным и его сыновьями, Александром и Дмитрием Львовичами. Старик был уже в преклонных годах, но держался всегда прямо, одевался щегольски и никогда не казался усталым.

Он почитался первым остряком при дворе императрицы Екатерины II, где в уме не было недостатка, и это остроумие перешло к старшему сыну его, Александру Львовичу, которого острые слова и эпиграммы повторялись и в Петербурге, и в Париже. Оба брата были прекрасные мужчины, истинно аристократической наружности. С первого взгляда виден был вельможа! Род Нарышкиных отличался и красотой телесною, и добродушием, и популярностью. У всех их была какая-то врожденная склонность к изящному, и каждый талант находил у них приют. В этом же роде был и граф Александр Сергеевич Строганов, старичок небольшого роста, всегда веселый, всегда приветливый, охотник до шуток и остроумия, покровитель всех дарований и обожатель всякой красоты. Все они принимали и покровительствовали мою матушку и сестру, которая своим музыкальным дарованием, ловкостью и приятным обхождением обращала на себя общее внимание. Лев Александрович Нарышкин, для шутки, убедил мою матушку одеть меня по-польски, в кунтуш и жупан[368], и я, не будучи застенчивым, смело

расхаживал, препоясавшись моею саблею (подаренною мне графом Ферзенем), по аристократическим гостиным и забавлял всех моим детским простодушием и шутками. Иногда меня заставляли играть на гитаре и петь польские песенки... Я входил смело к дамам во время их туалета, пересказывал им, чему меня научали старшие, смешил их, и все меня ласкали, дарили игрушками, конфетами. Это было мое счастливое время в Петербурге!..

Граф Ферзен был тогда директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса[369]. Он видывал матушку в обществах и однажды, разговорясь обо мне, посоветовал ей отдать меня в корпус, обещая все свое покровительство и родительское попечение. Когда это сделалось известным, все стали убеждать матушку последовать совету графа Ферзена, и особенно подействовали на нее слова графа Северина Осиповича Потоцкого, которые мне матушка пересказала впоследствии, когда я мог понимать всю их важность. «Мы вошли в состав государства, – сказал граф Потоцкий, – в котором все наши фамильные заслуги и все

наше значение в прежнем нашем отечестве исчезнут! Теперь, на первых порах, некоторых из нас возвысили[370] на основании прежнего нашего фамильного значения, но пройдет тридцать, сорок лет, полвека, и каждый безродный чиновник будет выше бесчиновного потомка дигнитарской[371] польской фамилии! Если наше дворянство не захочет служить и входить в связи с русскими фамилиями посредством браков, то оно упадет совершенно. Мы должны подражать дворянству немецких провинций, которое всегда имеет на службе представителей своего усердия и верности к престолу. Начните! Вы делаете добро вашему сыну, докажете вашу преданность к новому отечеству и подадите полезный пример. Какое поприще для вашего сына в провинции?..» Это были мудрые и пророческие речи! Граф Потоцкий убедил матушку, и она решилась отдать меня в корпус.

Граф Ферзен взял меня к себе, чтоб приучить к будущей кадетской жизни. Он приставил ко мне в роде гувернера майора Оде-Сиона (бывшего в Польше при графе Игельстроме и потом инспектором классов в Паже-

ском корпусе и генерал-майором), отпускал меня в рекреационное время[372] играть с кадетами, водил смотреть военные экзерциции [373] и кормил конфетами[374]. Мне было очень весело у графа Ферзена, тем более что матушка ежедневно приезжала ко мне и иногда брала с собою. Но граф Ферзен оставил корпус прежде, нежели были получены из провинции свидетельства о моем дворянстве. Через несколько месяцев вышло от государя разрешение об определении меня в кадеты. Меня отвезли в малолетное отделение 13 ноября 1798 года[375].

VII

Сухопутный шляхетный кадетский корпус. – Малолетное отделение. – Роты. – Крещение в русскую веру. – Мои страдания и освобождение. – Офицеры и учителя. – Воспоминания о графе Ангальте. – М. Л. Кутузов, Ф. И. Клиnger, граф М. И. Ламсдорф, граф Платон Александрович Зубов. – Посещение корпуса императором Павлом Петровичем. – Бывший король Польский Станислав Август

**Понятовский. – Смерть Суворова. –
Кончина императора Павла Петровича. –
Его похороны**

До января 1797 года Сухопутный шляхетный кадетский корпус разделялся на пять возрастов, по старшинству лет, считая с пятого возраста. В четырех возрастах за поведением кадет смотрели офицеры и гувернеры, а в первом возрасте – гувернантки (или, как мы называли, мадамы) и няньки[376]. Только родовые дворяне принимались в кадеты, для которых при выпуске из корпуса открыты были все пути государственной службы. Воспитанники не из родовых дворян, а из обер-офицерских и священнических детей, иностранцев и т. п. поступали в *гимназисты*[377], которых было по несколько в каждом возрасте. Только два старшие возраста имели военные мундиры, а прочие носили французские кафтаны, короткое исподнее платье, чулки и башмаки. Военным экзерцициям старшие кадеты обучались только в лагерное время.

Граф Федор Евстафьевич Ангальт, родственник императрицы Екатерины II, генерал-аншеф и генерал-адъютант, не покорил

для России новых областей, не взял приступом городов, не выиграл генеральных сражений, не составил великих планов для государственного управления, но будет жить в истории вместе с героями и великими мужами, приобрев себе бессмертие одною чистою любовью к человечеству! Какой великий урок для гражданских обществ, какое унижение для честолюбцев, эгоистов и интригантов, какое торжество для добродетели! Граф Ангальт управлял корпусом только семь лет с половиною (от 8 ноября 1786 до 24 мая 1794 года), и в это короткое время управления незначительною отраслью администрации, в сравнении с другими важными частями государственного состава, приобрел бессмертную славу[378], между тем как многие из его современников, важных, сильных, могущественных, забыты в могиле! Сколько было кадет, столько было сердец, любивших и чтивших его, как нежного отца, как благодетеля, как попечительного наставника и друга. Теперь память о делах его уже истребилась в корпусе, но имя его известно и теперь каждому кадету и как священное предание переходит от одного кадет-

ского поколения к другому.

Я уже не застал в корпусе порядка, заведенного графом Ангальтом, но попал, так сказать, в разведенный им рассадник, в кадетское поколение, которого более половины еще со слезами вспоминало о нем. Почти все кадетские офицеры были воспитанники графа Ангальта[379] или прежние, образованные им гувернеры. Корпус, подобно сосуду, в котором хранилось драгоценное благовоние, еще благоухал прежним ароматом. В рекреационной зале еще стояли бюсты великих мужей, которых жизнь и подвиги толковал граф Ангальт кадетам, возбуждая в них идеи славы и величия; еще каменная стена, вокруг корпусного сада, красовалась эмблематическими изображениями, поучительными изречениями, афоризмами, нравственными правилами мудрецов, и эпохи важнейших событий в мире были начертаны хронологически, для пособия памяти. Довольно было выучить наизусть все написанное на этой стене, чтоб просветить разум и смягчить сердце юноши. В корпусном саду еще существовала беседка, в которой кадеты танцевали в праздничные

летние дни. Перед глазами нашими возвышалось огромное здание (*jeu de raume*[380]), где в присутствии графа Ангальта кадеты упражнялись в гимнастике. Осталось в корпусе еще несколько знаменитых преподавателей наук времен ангальтовских (математик Фусс, физик Крафт и проч.), но не было уже отца, благодетеля, мудрого ментора, посвящавшего кадетам всю жизнь свою, все свое время, все способности своей души и разума, не было графа Ангальта, руководствовавшего кадет к добру, ободрявшего прилежных, усовещивавшего ленивых и ласковостью и примерами добра возбуждавшего в юношах чувства чести, благородства и собственного достоинства!

Впоследствии корпус составлял батальон из четырех мушкетерских и одной гренадерской роты, и при батальоне было *малолетное отделение* (прежний первый возраст)[381]. Кадеты ротные носили уже мундиры по общему образцу и пудрились при парадной форме. Малолетное отделение сохраняло прежние французские кафтаны (коричневого цвета), а дома малолетные кадеты носили

куртки и шаровары. Все новые учреждения и преобразования начались еще при императрице Екатерине II, во время директорства генерал-поручика Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова (бывшего потом светлейшим князем Смоленским и фельдмаршалом) [382].

После графа Ферзена управлял временно корпусом генерал-майор Андреевский, до марта 1799 года[383], а в это время назначен директором генерал от инфантерии граф Матвей Иванович Ламсдорф. При Андреевском и Ламсдорфе не было больших перемен, и все оставалось на основании порядка, введенного М. Л. Кутузовым.

В малолетнем отделении не было ничего военного: это был пансион, управляемый женщинами. Малолетнее отделение разделено было на *камеры* (*chambre*), и в каждой камере была особая надзирательница, а над всем отделением – главная инспекторша (*inspectrice*), мадам Бартольд. Меня отдали к самой нежной, к самой ласковой, добродушной надзирательнице – мадам Боньот. Граф Ферзен поручил меня особенному ее надзору

и попечению, а кроме того, моя мать, познакомившись с нею, приобрела ее приязнь. У мадам Боньот были две дочери (Елизавета и Александра) и старушка мать, мадам Кювилье, добрые и ласковые создания, и все они меня ласкали и нежили. В квартире мадам Боньот были мое фортепиано, гитара, сундук с нотами, книгами и игрушками, и я имел право в каждое время (исключая классного) приходиться туда, как домой.

Но, невзирая на материнское обхождение со мною мадам Боньот и на ласки ее семейства, мне было весьма тяжело привыкать к кадетской жизни. Родители непомерно баловали меня как меньшее дитя и единственное от второго брака. Все знакомые из угождения родителям также ласкали меня; слуги повиновались беспрекословно. Я пользовался полною свободою и в родительском доме, и у Кукевича, а тут вдруг попал в клетку! Надлежало есть, пить, спать, играть и учиться не по охоте, а по приказанию, в назначенные часы. Учители были люди холодные, исполнявшие свое дело механически. Знаешь урок – хорошо, не знаешь – на колени или на *записку*

[384]. Когда дежурили другие мадамы, а не мадам Боньот, то для меня не было никакого предпочтения. Напротив, меня держали строже, называя *баловнем* мадам Боньот! Кадеты дразнили меня за то, что я дурно произносил по-русски. Няньки обходились со мною довольно круто. Я не понимал всего, что мне толковали по-русски учителя, следовательно, и не мог успевать за другими. Меня стали наказывать. Выведенный из терпения привязчивостью кадет, я стал драться с самыми дерзкими из них[385]; наказания усилились. Наконец, оскорбленный несправедливостью, я сказал что-то неприятное главной инспекторше; меня посекали розгами, и я пришел в отчаяние! Я лишился сна и аппетита, прятался от всех, плакал украдкой днем и по ночам, тосковал и грустил. Ужасная идея, что родители не любят меня, овладела мною и мучила меня! Я судил по себе и рассуждал, что если мне тяжело расставаться с теми, кого я люблю, то и родителям моим не надлежало расставаться со мною, если бы они меня любили. Эти мрачные мысли сокрушали меня и ожесточали. Я был холоден с матерью и сестрою

и даже не хотел ездить к ним... Наконец я не мог выдержать этой внутренней борьбы – и заболел. Меня отвели в госпиталь, над которым начальствовала мадам Штадлер. У меня открылась изнурительная лихорадка.

Матушка испугалась. Она каждый день навещала меня и просиживала по несколько часов у моей кровати. Долго я преодолевал себя и наконец высказал ей все, что у меня было на душе. Матушка пришла в отчаяние и хотела взять меня немедленно из корпуса; но сестра и все ее приятели отсоветовали ей это. Матушка старалась всеми силами убедить меня в своей любви, но сомнения мои не рассеялись. Признаю теперь весьма уважительными причины, побудившие матушку отдать меня в корпус, которых я тогда не понимал; но сознаюсь откровенно, что и теперь не постигаю, как родительское сердце может решиться на разлуку с малолетним дитятей, как может мать отдать малолетнее дитя на чужие руки! [386] Этот героизм выше моих понятий!

Горе развивает разум. В госпитале я имел время на размышление, и, разбирая мое поло-

жение, рассматривая его со всех сторон, я решился покориться судьбе, победить все трудности, сделаться самостоятельным и жить вперед без чужой помощи. По выходе из госпиталя я стал день и ночь учиться, чтоб догнать товарищей и, при моей необыкновенной памяти, вскоре их перегнал. Впрочем, курс наук в нижних классах был самый ничтожный[387], и я уже знал почти все, чему надлежало учиться. Вся трудность была в русском языке, и когда я преодолел ее, то был немедленно переведен в первый класс.

Между тем матушке надлежало возвратиться домой, и она простилась со мною, отдав для меня деньги на руки мадам Боньот. Тяжела была разлука с матерью, особенно при укоренившейся во мне мысли (впрочем, вовсе не справедливой), будто меня не любят! После узнал я, что меня отдали в корпус не только противу воли, но даже без ведома моего отца. Это рассказал мне верный слуга его Семен. Отец пришел в отчаяние, когда матушка сказала ему, что оставила меня в Петербурге, на чужих руках. В первый раз в жизни он заплакал и зарыдал при людях, требуя с воп-

лем отчаяния своего сына! Разлука со мною имела пагубное влияние на его уже расстроенное здоровье и ускорила его кончину: это он даже написал в предсмертном своем письме ко мне. Он собирался ехать в Петербург, но состояние здоровья не позволяло ему этого. От весны до весны он жил надеждою на свидание со мною, пока смерть не разлучила нас навеки! Судьба позволила мне только поплакать на его могиле!..

По одиннадцатому году (в 1799 году) меня перевели вследствие экзамена в гренадерскую роту, которою начальствовал полковник Пурпур.

Не помню я, чтоб в нашем корпусе был хотя один из моих соотчичей. Кажется, я был первый из дворян новоприсоединенных от Польши провинций[388]. Кадеты гренадерской роты (меньшой) дразнили меня *Костюшкой*, – разумеется, не понимая значения этого прозвания. Не каждое дитя переносит равнодушно оскорбления, и я с первого раза дал сильный отпор целой толпе. Кадеты вознамерились проучить меня. В первую субботу, когда нас повели в корпусную баню, они

воспользовались кратким отсутствием дежурного офицера и по данному знаку одним главным шалуном бросились на меня нагого, повалили и понесли на чердак, ухватив за руки и за ноги и крича: «Крестить *Костюшку* в русскую веру!» Видя, что всякое сопротивление с моей стороны бесполезно, я перестал сопротивляться и замолчал. Баня была невысокая, и со стороны сада большие кадеты старших рот насыпали снежную гору, в которую они спрыгивали с чердака, распарившись в бане. В корпусе вообще соблюдалась на деле русская поговорка: «Русскому здорово – немцу смерть», и кадетам эта экзерциция была не запрещена. В эту снежную массу кадеты сбросили меня с чердака! У меня почти захватило дух, и я едва выкарабкался из снега. Хотя я и не парился, но был в испарине от внутреннего движения и от борьбы и едва добрал до предбанника, дрожа от стужи. Кадеты весьма умно советовали мне идти на полок и выпариться, но я, опасаясь новых проказ, отказался и, схватив шайку, грозил разгромить голову первому, который приблизится ко мне. Меня оставили в покое. Ночью я почувствовал

сильную головную боль, и к утру отнесли меня, без чувств, в госпиталь. У меня открылась нервическая горячка, в которой я пролежал шесть недель. Когда я стал выздоравливать, один добрый фельдшер растолковал мне, что если б я выпарился перед скачком в снег и после скачка, то не только не был бы болен, но поздоровел бы. Возвратясь в роту из госпиталя, я послушался этого совета и добровольно соскочил в снег, что весьма понравилось кадетам. А как, кроме того, я не пожаловался на насильственный со мною поступок, то старые кадеты решили, что я достоин быть принятым в их общество, и перестали дразнить меня. Вероятно, этой *эманципации* много содействовало и мое упорное сопротивление!

Но кадетская дружба не избавила меня от бедствий, которые я должен был претерпеть в гренадерской роте! Теперь в корпусах кадеты одеваются ловко и удобно и носят в будни зеленые куртки и серое исподнее платье; но тогда мы носили ежедневно мундиры с красными лацканами, застегнутые только на груди, жилеты и короткое нижнее платье палевого цвета, белые чулки и башмаки с пряжками.

Каждое утро надлежало связывать волосы в косу, заплетать плетешки[389] и взбивать *вержет*[390], примазываясь салом. К парадной форме мы надевали штиблеты (белые летом, черные зимою), препоясывались портупеей с тесаком, надевали каску, и если надлежало идти на ученье или в караул, то брали суму и ружье. При парадной форме надлежало пудриться. Амуницию, ружья и башмаки чистили для нас лакеи и охрили два раза в неделю камзолы и нижнее платье (охрой с мелом и отрубями)[391]; но мы должны были сами причесываться, чистить бесчисленное множество пуговиц, пряжки и мундир. Полковник Пурпур строго смотрел за чистотою, и каждая не вычищенная пуговица или пряжка, каждое пятнышко на лацканах или на светлом камзоле и нижнем платье и малейший беспорядок в прическе кадета навлекали неизбежное наказание. Осматривая кадет по утрам до отправления в классы, Пурпур отсылал каждого кадета, у которого замечал что-либо неисправное в туалете, в комнату, называемую умывальною[392]. Потом вызывал кадетов по *запискам* учителей и дежурных офи-

церов и отсылал туда же, а наконец являлся сам. Там уже стояла на середине скамья, угол был завален *свежими* розгами и ждали четыре дюжие лакея. Не теряя лишних слов, без всяких объяснений и увещаний, полковник Пурпур угощал всех собранных там кадет насущными розгами, потом надевал шляпу и уходил со двора. Никогда не видел я его улыбки и не слышал, чтоб он похвалил кого-нибудь или приласкал. Никогда он не простил никакой ошибки кадету и, кроме розог, не употреблял никакого другого наказания. Слезы, просьбы, обещания не обращали на себя ни малейшего его внимания. Мы называли его *беспардонным!* Пурпур был высокого роста, молодец и красавец собою и отличался щегольством в одежде и прическе. Слышал я, что он был очень приятен в обществах. Он был родом из греков, и настоящая его фамилия не Пурпур, а Пурпура. Не знаю, был ли он сын или однофамилец генерала Пурпура, бывшего генерал-директором корпуса (от 1773 до 1784 года)[393].

Я был обыкновенною жертвою Пурпурова розголюбия, потому что никак не мог спра-

виться со множеством пуговиц, крючков, петелек, пряжек и не умел сберегать лацканов камзола и нижнего платья от чернильных пятнышек[394]. К большей беде, охота к чтению превратилась во мне в непреодолимую страсть. В классах, вместо того чтоб писать в тетради, по диктовке учителей, я читал книги, и вместо того чтоб учить наизусть уроки, т. е. краткие и сухие извлечения из науки, я читал те книги, из которых учителя почерпали свои сведения. В тетради я вписывал только свои имена и числа и делал свои заметки, для других не понятные, и, невзирая на то что я знал больше, нежели требовалось в средних классах, я прослыл *ленивым*, потому что отвечал на вопросы учителей *своими словами*, а не повторял урока наизусть. Мало этого. В классах были перемешаны кадеты и из других рот, и разумеется, что в средних классах из старших рот оставались самые ленивые. Они также дразнили и задирали меня, что доводило нас частенько до драки. Итак, по мнению моих наставников, я соединял в себе три смертные кадетские греха (*trois péchés capitaux*[395]), т. е. был ленив, неопрятен и

шалун, а на самом деле я любил страстно науки и беспрерывно рылся в книгах, как червь, ища сведений; не мог соблюсти требуемого порядка в одежде от неумения и, желая мира, по темпераменту не мог переносить обид от товарищей. Но кому была нужна исследовать мой темперамент, мою натуру и дать ей направление? Кому была надобность знать, что непомерная строгость и дурное обращение ожесточают меня, вместо того чтоб исправлять, и что сердце мое жаждет ласки и привета, как слабый цветок росы и солнечного луча? Я сделался для Пурпура *bête noire*[396], т. е. черным зверем, как говорят французы, и он, охотясь беспрестанно на меня, довел меня до того, что я почти окаменел сердцем и возненавидел все в мире, даже самого себя![397] Не знаю, чем бы это кончилось, если б Провидение не спасло меня!

Начался экзамен. Товарищи мои полагали, что я, верно, буду примерно наказан с некоторыми другими ленивцами, потому что у меня было весьма малое число баллов. Всех дурно отмеченных кадет вывели вперед, и учителя стали экзаменовать нас в присутствии дирек-

тора корпуса графа Ламсдорфа и заступавшего место инспектора классов полковника Федора Ивановича Клингера, ротных командиров и дежурных офицеров. Здесь я должен познакомить моих читателей с Клингером.

Он принадлежал к малому числу тех гениальных людей, которые в последней четверти прошлого века дали новое направление германской литературе, усовершенствовали немецкий язык, преобразовали слог, распространили новые философские идеи и создали новые формы. Клингер (Friedrich Maximilian Klinger) родился во Франкфурте-на-Майне в 1753 году, в одном доме с Гёте, с которым он был дружен от юности до кончины. Клингер принадлежал к среднему сословию (bürgerlicher Stand)[398], которому Германия обязана своим духовным величием. Отец оставил его с матерью и сестрою в бедности, и Клингер не мог даже кончить университетского курса, а все, что знал, изучил сам, руководствуясь своим гением[399]. Он начал литературное свое поприще в молодых летах, посвятив себя театру. Трагедия его «Близнецы» («Zwillinge») произвела удивительный эффект

В Германии, обратила на него общее внимание и дала ему место между первоклассными писателями. В этой трагедии Клинггер, так сказать, разобрал по одной все нежнейшие жилки сердца человеческого, истощил все силы фантазии и, наводя ужас на душу и вместе с тем сокрушая ее, выставил в обнаженном виде предрассудки, разделяющие людей и ведущие их в пучину бедствий. Он возвысился до Шекспира, и критика, разумеется, не пощадила его, между тем как публика присудила ему полное торжество[400]. Несколько подобных сочинений повлекли за собою толпу подражателей, и этот род, смесь глубокого чувства с едкою сатирою, пылкой фантазии с нагою существенностью, назван в Германии *Клингеровым* родом[401]. Он поселился в Веймаре, тогдашних германских Афинах, и при всей твердости характера и силе воли подчинился, однако ж, влиянию Гёте, который, паря воображением в небесах, крепко держался земли для приобретения ее благ. Гёте посоветовал Клинггеру наложить удила на свое пыльное воображение, скрыть под спудом светских приличий глубокое чувство, не слишком

раздражать общества нагою истиною и анатомией наших бедствий и употребить ум свой на постепенное просвещение рода человеческого и приобретение собственной независимости и высокого места в обществе, без которых нельзя сильно действовать на людей. С тех пор Клингер сделался двойственным: поэтом и положительным, материальным человеком, скрыл и глубокое чувство, и богатство идей в душе своей и уже не расточал их, а изливал по каплям. Из Веймара Клингер отправился в Петербург искать счастья при дворе императрицы Екатерины II, которой слава наполняла Европу. Императрица вспомнила, что он был представлен ей еще в Германии, приняла его ласково и предложила избрать в России какое-нибудь место, подобное с его характером и родом занятий. Государыня чрезвычайно удивилась, когда Клингер избрал военное поприще. Он был принят прямо офицерским чином в 1780 году и вскоре потом определен чтецом к его императорскому высочеству государю цесаревичу и наследнику престола Павлу Петровичу. Когда принц Виртембергский, приехав в Рос-

сию, вознамерился отправиться в Тавриду, чтоб участвовать в ее покорении[402], Клингер был причислен к его штабу и, возвратившись в чине майора, определен в кадетский корпус. Император Павел Петрович уважал Клингера и, произведя в полковники, назначил его временным инспектором классов. Клингер ничего не печатал в России, но в Германии постепенно выходили в свет его сочинения, возбуждавшие общее внимание. Лучшие между ими суть романы: «Der Weltmann und der Dichter» («Светский человек и поэт») и «Die Reisen vor der Sündflut» («Предпотопное странствие»). Но и другие его романы имеют высокое философическое и литературное достоинство, как то: «Жизнь и деяния Фауста и его поездка в ад» («Fausts' Leben, Taten und Höllenfahrt»), «История Джиафара» («Geschichte Giafars»), «История Рафаэля Аквиллы», «Восточный Фауст», «История одного немца нового времени» и т. п.[403]

Клингер никогда не хотел сообщить никаких биографических о себе сведений, невзирая на просьбы своих друзей, как многие полагают, потому только, чтоб не упоминать

нать о мещанском своем происхождении, о котором он старался забыть. В этом упрекает его, хотя весьма нежно, даже друг его Гёте, изобразивший характеристику Клингера и дух его сочинений самыми блистательными красками[404]. Впрочем, Клингеру нечего было опасаться даже полного жизнеописания, потому что он был нежный сын, добрый брат, благодетель своего семейства и во всех делах отличался честностью и прямодушием. На этот счет я совершенно согласен с Гёте, но что касается до сочинений Клингера, то нахожу в них много совершенно противного тому, что написал Гёте *при жизни автора*[405]. Высокие идеи, пронизательный ум, сила характеров, богатство воображения, заманчивость повествования и блистательность слога – все это есть у Клингера, но неподдельное чувство и филантропия находятся только в сочинениях, писанных в юности, когда автор еще не помышлял о земном счастье и жил душою в идеальном мире. В последующих сочинениях Клингера преобладает горькая сатира на все общественные отношения, обнаруживающая в авторе сильное презрение к человечеству и

холод души. Самые лучшие картины Клингера разрывают сердце и если вызывают улыбку, то улыбку горькую, презрительную; философия его не утешает, а возбуждает отчаяние, и только слабые места в его сочинениях, вставленные для соединения целого, успокаивают взволнованное чувство и раздраженный ум читателя. Весьма замечательно, что Клингер, будучи попечителем Дерптского учебного округа и членом комиссии училищ при Министерстве просвещения, сам предложил, чтоб сочинения его были запрещены в России, желая тем лишить своих недоброжелателей средств вредить ему[406]. Пользуясь в последнее время знакомством Клингера и даже благосклонностию его, я всегда удивлялся необыкновенному его уму, неистощимости его сарказмов и эпиграмм и в то же время имел случай удостовериться в том, что я слышал еще в детстве, а именно что он не любил России и, как я заметил, вовсе не знал ее. После Клингера не осталось ни рода, ни племени, и о нем можно теперь говорить откровенно. По собственным его словам, он жил *телом* в России, а *душою* в Германии. Двум пи-

сателям немецким, Зейме и Музеусу, приехавшим в Россию искать счастья, он отсоветовал остаться у нас[407], узнав, что они не намерены отказаться от литературы. «Здесь надобно иметь только хороший желудок, – сказал Клингер, – а с хорошею головою поезжайте в Германию!» Говоря о человечестве, он отделял всегда от него русских, и я сам слышал, как он однажды сказал: «Die Menschen und die Russen», т. е. «Люди, и даже русские», и т. п. Клингер почитал русских какою-то отдельною породою, выродившеюся из азиатского варварства и поверхностности европейской образованности, и я, спорив с ним, как говорится, до слез, никак не мог убедить его в том, что русский народ способен ко всему великому и одарен необыкновенными качествами. Клингер хотя весьма хорошо говорил по-французски, но никогда не мог победить дурного немецкого произношения, а по-русски до конца жизни говорил плохо и не прочитал ни одной русской книги, хотя хорошо понимал по-русски. Внутренности России он вовсе не знал и никогда не сближался с русским простым народом. Он судил о России

по некоторым согнившим ее членам. Будучи сам одним из жрецов просвещения, он никогда не старался подвигать его вперед в России, говоря, что более нежели довольно и того, что есть[408]! В обществе ему приятном и в дружеской беседе Клиндер, находясь в хорошем расположении духа, был чрезвычайно приятный и занимательный собеседник, но с подчиненными и вообще на службе был холоден, как мраморный гость в «Дон Жуане»[409]. Клиндер был высокого роста, имел правильные черты лица и неподвижную физиономию. Ни одна душа в корпусе не видала его улыбки. Он был строг в наказаниях и не прощал никогда. С кадетами он никогда не разговаривал и никогда никого не ласкал. Он только тогда обращался с вопросом к кадетам, когда хотел узнать, наказаны ли они по его требованию. «Вам розги дали?» – спрашивал он обыкновенно. «Дали», – отвечал кадет. «Вам крепко дали?» – «Крепко!» – «Хорошо!» Этим оканчивалась беседа. Одно только могло смягчить Клингера, а именно когда кадет мог объясняться с ним по-французски или по-немецки. Тогда он даже выслушивал просьбы

и жалобы и тогда можно было удостовериться, что если в сердце его не было отеческой нежности к нам, то была, по крайней мере, справедливость. Я еще буду иметь случай говорить о Клингере[410], а теперь обратимся к экзамену.

Учители, как нарочно, спрашивали меня более, нежели других кадетов, и я отвечал удовлетворительно на все вопросы, *своими словами*. Клингер заглянул в список, потом посмотрел на меня и, обратясь к учителям, сказал: «Если ваши хорошие баллы поставлены так же справедливо, как дурные этому кадету, то вы, господа, не останетесь мною довольны!» После этого он обратился ко мне с вопросом и велел мне перевести с русского языка на французский. Только что вышед из рук Цыхры и мадам Боньот и уже понимая хорошо легкие французские сочинения, я перевел удовлетворительно. «Тут что-то непонятно! – сказал Клингер, обращаясь к директору, – этот мальчик знает все лучше других, а у него самые дурные баллы!» Клингер подозвал меня к себе, погладил по щеке (это была такая редкость, что все присутствовавшие обрати-

ли на меня взоры) и сказал по-французски: «Expliquez-nous, mon garçon, ce que cela signifie?» (т. е. «Объясни нам, что это значит?»). Слезы невольно брызнули у меня в три ручья, и я зарыдал. Мое сиротство, мое унижение, немилосердное обхождение со мною Пурпура взволновали меня, и я высказал все, что у меня было на душе, отчасти по-французски, отчасти по-русски. Учители в оправдание говорили, что я не хочу учить *наизусть*, что я *не имею тетрадей*, что я *упрям*; Пурпур объявил, что я *неряха* и *повеса*, но чувство справедливости, однажды пробужденное в Клингере, уже не могло быть ничем заглушено, и мое чистосердечие, а может быть, и детское красноречие отозвались в душе, в которой под ледяною корою таилось чувство! Он спросил меня, из какой я нации, а потом велел мне сесть на первую скамью (я сидел прежде на последней), а сам подошел к директору и стал с ним говорить вполголоса. Граф Ламсдорф подозвал к себе майора Ранефта и, указывая на меня, сказал ему: «Возьмите к себе в роту еще сегодня этого кадета!» Экзамен после этого эпизода пошел своим чередом, а

Клингер, как будто гордясь своим открытием, всегда велел спрашивать меня, когда другие кадеты не отвечали на вопросы, и я, по счастью, всегда удовлетворял его. После экзамена Клингер объявил учителям, что он недоволен ими...

При выходе из классов кадеты окружили меня, поздравляли, обнимали, и я был в восторге! Но когда надобно было строиться, чтоб идти в столовую, явился Пурпур, как тень Банко в «Макбете»[411], и навел на меня ужас своим взглядом. Не говоря ни слова, он взял меня за руку, и повел в свою любезную *умывальную*, и на прощание так выпорол розгами, что меня полумертвого отнесли в госпиталь!

Я слышал после, что директор сделал Пурпуру строгий выговор и даже погрозил отнять роту. Но от этого мне было не легче. Целый месяц пролежал я в госпитале и от раздражения нервов едва не сошел с ума. Мне беспрестанно виделся, и во сне и наяву, Пурпур, и холодный пот выступал на мне!.. Я кричал во все горло: «Спасите, помогите!» – вскакивал с кровати, хотел бежать и падал без чувств...

Пурпур давно умер... Через полгода, кажется, после моего выздоровления он вышел из корпуса в армию – и все забыто! Не могу, однако ж, умолчать при этом случае, что года через четыре по выходе моем из корпуса, встретив в обществе человека, похожего лицом на Пурпура, я вдруг почувствовал кружение головы и спазматический припадок. Теперь уже перестали изучать мифологию, и предание о Медузиной голове пришло в забвение; но я не забуду этого вымысла, испытав смысл его на себе!

Бледный, худой, изнеможенный явился я к майору Ранефту[413] в третью мушкетерскую роту и узнал, что я переведен из второго среднего класса, чрез класс, в пятый верхний класс. Майор Ранефт был добрый, ласковый человек и снисходительный начальник, который обращался с нами как с детьми, а не как с усатыми гренадерами. Капитан Шепетковский, человек скромный, приветливый, добродушный, также с нами был более нежели хорош. Все прочие офицеры, как водится, обращались с нами в духе начальников, и я

ожил душою и телом в благословенной третьей мушкетерской роте! Учители в верхних классах были люди опытные и снисходительные. Французскому языку обучал нас почтенный старик, умный Иллер, который знал также весьма хорошо русский язык и любил говорить стихами или в рифму. Два кадета разговаривали между собою, Иллер объявил им наказание: «Инглис и Томара не поедут со двора!» Один кадет, призванный на кафедру, споткнулся на ступенях, Иллер сказал: «У тебя глаза не плоски – ведь ты видишь, что здесь доски!» Это забавляло нас, проводивших по *осьми* часов в сутки в классах. Но еще более развлекал нас своими фарсами учитель немецкого языка, добрый и любезный Лампе. Он также говорил с нами с примесью разных шуточек и поговорок. Если кадет дремал в классе, Лампе будил его нравоучением на своем ломаном русском языке: «От сонного караула храбра дела ожидать невозможно!» Однажды кадет Саблин громко разговаривал в классе. Лампе предостерег его пародией известной русской песни:

Полно, полно, зяблик милый,

*По неверной тосковать,
Пролетел твой век счастливый –
и проч.[414]*

Он сказал:

*Полно, полно, Саблин милый,
Там в углу тебе болтать,
Пролетел твой век счастливый,
Будут больно, больно драть!*

Но никто так не утешал нас, не забавлял и вместе с тем не научал так приятно, как Гавриил Васильевич Гераков, учитель истории. Добрый, честный, благородный человек в полном значении слова, он был притом величайший чудак. Он был домашний человек у Нарышкиных, у графов Воронцовых[415] [416] и у некоторых других знатных фамилий, везде был любим, но, имея в себе много смешного, т. е. оригинального, выходящего из общих форм, он невольно доставлял часто случаи подшучивать над собою. Г. В. Гераков (правильнее Гераки) был родом из греков, воспитывался в Греческом кадетском корпусе (уничтоженном в 1796 г.)[417] и всю свою жизнь был смертельно влюблен в Древнюю Грецию

и во всех прекрасных женщин. Гераков имел большое притязание на авторство, но оно ему не далось[418]. Маленькая книжечка, изданная им под заглавием «Для добрых», была раскуплена добрыми людьми в пользу бедных и доставила автору с полсотни эпиграмм от его друзей[419]. Он особенно привязан был к Сергею Никифоровичу Марину, бывшему потом флигель-адъютантом и полковником Преображенского полка. С. Н. Марин был также домашний человек в доме Нарышкиных и по уму своему, любезности и остроумию был особенно принимаем во всех знатных домах. Он имел пиитический талант, перевел стихами «Меропу», которую с успехом давали на русской сцене[420], но отличался более сатирами и эпиграммами, которые хотя не появлялись в печати, но ходили по рукам и были известны во всех кругах общества. Пародия его одной из ломоносовских од произвела в свое время удивительный эффект[421]. Гераков служил Марину оселком, на котором он острил свой ум. У меня осталось в памяти несколько стихов, сочиненных Мариным на день рождения Геракова[422]. Автор после

вступления говорит:

*Родился и раскричался
Изо всех ребячьих сил,
Голос в Тартаре раздался,
Древних греков всполошил.
Взволновались их души,
Видеть все дитя хотят,
Крылья подвязав под уши,
Быстро на землю летят[423].*

После этого описывается, как древние мудрецы Греции окружили колыбель и, по совету между собою, поручили одному из своего круга наделить новорожденного качествами и земными благами, которые должны сопутствовать ему в жизни. Вот что говорит древний грек:

*Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиран,
Будешь в корпусе учитель,
Будешь вечный капитан!
Будешь – и судьбы гласили:
Будешь двух аршин с вершком.
И все старцы подтвердили:
Будешь век ходить пешком![424]*

Все это была сущая правда. Г. В. Гераков

был весьма малого роста, служил весьма долгое время в капитанском чине и если не мог нанять кареты, то ходил пешком, но не ездил никогда на извозчиках. Хотя в сочинениях своих он был точно *тиран* своих читателей, но произвел однажды большую пользу, рассказав в одной из своих брошюр о подвиге флотского капитана Ильина, который по приказанию графа Алексея Григорьевича Орлова сжег турецкий флот при Чесме. Все до того времени думали, что этот знаменитый подвиг совершен английским офицером в нашей службе, Эльфингстоном, а иностранцы писали даже, что и самое распоряжение принадлежит англичанину, адмиралу Грейгу. Гераков доказал, что предположение русского вождя исполнил русский офицер, и бедные дочери Ильина получили пенсию[425]. Вот как и малые авторы могут быть полезны, если в них пылает любовь к добру и к народной славе!

Но если Гераков не был ни поэтом, ни отличным прозаиком, ни глубокомысленным историком и археологом, то был отличным учителем истории, умел возбуждать к ней

любовь в своих учениках и воспламенять страсть к славе, величию и подражанию древним героям. Он обладал прекрасным даром слова и, рассказывая нам события, увлекал нас и заставлял невольно слушать[426]. Тетради его имели мало достоинства, но изустное изложение было превосходное, и мы, чувствуя недостаток связи в его тетрадях, чтением дополняли то, чего у него не было. Гераков охотно снабжал нас книгами, а брал их везде, где мог достать. Он часто навещал нас вне классов и, расхаживая по саду, окруженный кадетами, воображал себя Платоном в садах Академии[427]. Мы многим обязаны Г. В. Геракову за развитие наших способностей и возбуждение любви к науке, которая по справедливости называется царскою!

Русский язык, а в первых трех верхних классах и литературу, преподавал Петр Семенович Железников (тогда капитан). Он был одним из лучших воспитанников при графе Ангальте и также одним из лучших актеров корпусного театра. П. С. Железников знал русский язык основательно и притом был весьма силен в языках французском, немецком и

итальянском. Еще будучи кадетом, он перевел Фенелонова «Телемака»[428]. Перевод поднесен был императрице Екатерине II, которая щедро наградила переводчика, приказала напечатать книгу на казенный счет в пользу автора и ввести как классную книгу во все учебные заведения[429]. Железников объяснялся чрезвычайно хорошо и читал и декламировал превосходно. «Телемак» переведен им старинным напыщенным слогом, но язык перевода правильный. В это время уже действовала новая, карамзинская школа [430], и Железников, как человек умный и со вкусом, признал ее превосходство и подчинился ее законам. Но о языке и литературе я поговорю в своем месте, а теперь скажу только, что, кроме Н. И. Греча, я не знал лучшего преподавателя русского языка[431], как П. С. Железников, в чем согласятся со мною все знавшие его. Все прочие мои учителя хотя и не имели таких достоинств, но были люди добрые, скромные и ласковые. Правда, что никто не приласкал меня особенно, хотя я учился из всех сил, и никто не занимался мною отдельно. Я был смешан в толпе и хотя

был сирота, но уже не животное, которое беспрестанно погоняли! Положение мое было весьма сносное.

Я редко ходил со двора. Брат мой был в то время ротмистром в Конно-польском полку [432] и адъютантом при с.-петербургском генерал-губернаторе графе Палене. Обязанности службы оставляли ему мало свободного времени. Брат жил в доме музыканта Булана, на Дворцовой площади [433], вместе с майором Тираном [434], также адъютантом графа Палена. К ним собирались иногда офицеры гвардии и молодые люди, между которыми я помню некоторых, особенно Мелиссино [435] [436], сына директора 2-го кадетского корпуса [437]. Я ходил также иногда к некоторым полякам, из знакомых моим родителям, и к Осипу Антоновичу Козловскому.

Вне корпуса я несколько раз имел случай видеть бывшего польского короля Станислава Августа (Понятовского): в католической церкви, на прогулке и однажды на вахтпараде в новопостроенном Михайловском эрциргаузе [438]. Императрица Екатерина II позволила ему жить в Гродне, назначив по усло-

вию, при отречении от престола, 200 тысяч червонцев годовой пенсии и уплатив, вместе с Пруссией и Австрией, его долги. Император Павел Петрович пригласил его в Петербург [439], отдал ему для жительства Мраморный дворец и назначил к его дворцу несколько придворных чиновников, и в том числе для исправления должности камергера бывшего в Польше полномочным послом графа Штакельберга, который, как всем известно, обходился в Варшаве с королем не весьма почтительно [440]. Об этом тогда много говорили в Петербурге и выхваляли государя. После я был коротко знаком с двумя человеками, весьма близкими к королю, Швендровским, бывшим при нем секретарем, и Тремоном, исправлявшим должность казначея. Они мне рассказывали много о короле, выхваляя его добродушие и ум, в чем нет никакого сомнения. Король жил в Петербурге весьма уединенно, занимался чтением или разговорами с своими приближенными и любил заводить речь о последних событиях, оправдывая себя в несчастиях, постигших его отечество, и сваливая всю вину на вельмож и даже на народ.

По моему мнению, и он прав, и те правы, которые обвиняют его! Король не мог перенести равнодушно своего положения, и тайная тоска снедала его. Он искал утешения в религии и даже в мистицизме (мартинизме[441]), но не мог победить предубеждений юношеских лет и влияния Вольтеровой философии, которой он был ревностным приверженцем. Воспоминания земного величия терзали его душу! Швендровский подарил мне копию с альбома польского короля, т. е. выписки из разных сочинений, на всех европейских языках, в стихах и прозе, собственные его заметки и некоторые нигде не напечатанные стихи и эпиграммы. В этом альбоме изображается характер короля, или правильнее, его бесхарактерность. Тут самое серьезное и важное перемешано с пошлым, и высокая мудрость с цинизмом! Этот альбом поныне хранится у меня[442]. Замечательна в нем статья о всех известных в мире алмазах и драгоценных камнях, с рисунками в настоящую их величину, с означением веса, цены, дворов или частных лиц, которым они принадлежат[443]. Под выписками, писанными рукою короля, постав-

лен его вензель: S. A. R., т. е. Stanislaus Augustus Rex[444].

Король уже был стар, но в чертах лица его видны были остатки его красоты. В церкви я видел его в собольей шубе, крытой зеленым бархатом, с двумя звездами на покрывше, а на вахтпараде – в красном кафтане, шитом золотом. Он стоял в стороне, без шляпы. Когда я впервые увидел графа Платона Александровича Зубова, меня удивило сходство его с польским королем, хотя граф Зубов был гораздо моложе. Это один очерк лица.

Разумеется, когда король не мог раздавать чинов, орденов и староств, прежние его приверженцы оставили его, но нашлись промышленники, которые не только после отречения его от престола, но даже и по его смерти снабжали охотников патентами на звание шамбелянов (камергеров) его бывшего двора и на орден Св. Станислава[445], со звездой и лентою чрез плечо! Разумеется, что это делалось без ведома короля. Сперва этим промыслом занимался камердинер его, а потом двое искателей приключений из бедной польской шляхты, прибывшие в Петербург искать сча-

стия. Один из них был пойман, уличен и посажен в крепость, но слепой случай перебросил его внезапно с пути в Сибирь на путь к счастью, и он под покровительством одной знатной дамы вышел в люди![446] Тогда это надедало много шуму между поляками. Теперь все забыто! Дела давно минувших лет!

Король польский умер в феврале 1798 года и похоронен великолепно, по царскому церемониалу[447]. Государь присутствовал при погребении. Requiem композиции О. А. Козловского, разыгранное в католической церкви, тогда высоко ценилось знатоками и часто повторялось в духовных концертах[448].

Похороны короля польского привлекли только толпы любопытных, но были другие похороны, которые наполнили горестью все сердца. Великий Суворов, герой народный, вождь в полном значении слова *непобедимый*, которого славою гордится каждый русский, скончался в Петербурге[449]. В корпусе следовали за всеми его победами, за всеми подвигами в последнюю его Итальянскую кампанию, и нам с кафедры провозглашали о чудных делах при Треббии, при Нови, при пере-

ходе через Альпы[450]! Кадеты были воспламенены славою Суворова и завидовали участи тех, которые могли умереть с оружием в руках в глазах героя. Мы ожидали, что Суворов навестит корпус, что мы увидим наш идеал, и узнали, что он приехал больной, изнеможенный, упавший духом[451]. Горесть была общая... более нежели горесть, и весть о смерти Суворова встревожила столицу. Плакали и громко жаловались!.. В день похорон, когда печальная колесница проезжала по Невскому проспекту при многочисленном стечении народа, государь приехал верхом из Михайловского дворца[452], остановился на углу Садовой, возле Императорской Публичной библиотеки[453], и, когда гроб поравнялся с ним, снял шляпу и уехал[454].

Император Павел Петрович несколько раз посещал корпус и был чрезвычайно ласков с кадетами, особенно с малолетними, позволяя им многие вольности в своем присутствии [455]. «Чем ты хочешь быть?» – спросил государь одного кадета в малолетнем отделении. «Гусаром!» – отвечал кадет. «Хорошо, будешь! А ты чем хочешь быть?» – примолвил госу-

дарь, обращаясь к другому малолетнему кадету. «Государем!» – отвечал кадет, смотря смело ему в глаза. «Не советую, брат, – сказал государь, смеясь, – тяжелое ремесло! Ступай лучше в гусары!» – «Нет, я хочу быть государем», – повторил кадет. «Зачем?» – спросил государь. «Чтоб привезть в Петербург папеньку и маменьку». – «А где же твой папенька?» – «Он служит майором (не помню в каком) в гарнизоне!» – «Это мы и без того сделаем!» – сказал государь ласково, потрепав по щеке кадета, и велел бывшему с ним генерал-адъютанту записать фамилию и место служения отца кадета. Через месяц отец кадета явился в корпус к сыну и от него узнал о причине милости государя, который перевел его в Сенатский полк[456] и велел выдать несколько тысяч рублей на подъем и обмундировку. Однажды, проходя по нашей гренадерской роте, государь спросил у благообразного кадета: «Как тебя зовут?» – «*Приказный*», – отвечал кадет. «Я не люблю *приказных*, – возразил государь, – и с этих пор ты будешь называться...» Государь задумался и, взглянув на бывшего с ним Михаила Никитича Муравьева[457], сказал:

«Ты будешь называться *Муравьевым!*» Потом, обратясь к Михаилу Никитичу, государь при- молвил: «Прошу извинить меня, ваше превос- ходительство, что я дал этому кадету вашу фа- милию: это послужит ему поощрением к под- ражанию вам, а мне такие люди, как вы, весь- ма нужны!» М. Н. Муравьев низко поклонил- ся государю, и чрез несколько дней вышел се- натский указ о переименовании Приказных в Муравьевых[458]. В другой раз государь, про- ходя по галерее, уронил трость. Толпа кадетов бросилась поднимать ее, некоторые падали и, вырывая трость друг у друга, стали толкаться и чуть не драться между собою. Офицеры бы- ли в страхе, не зная, как примет это государь, но он был чрезвычайно доволен. «Вижу, что вы будете усердно служить мне», – сказал го- сударь, поцеловав того кадета, которому уда- лось схватить трость и представить ему, а всему корпусу велел раздать фрукты и распу- стить всех на три дня со двора. В марте 1800 года государь лично объявил корпусу, что он будет называться впредь *Первым* кадетским корпусом, в знак царской к нам милости[459].

Вскоре после перехода моего в третью роту

и в верхние классы граф Ламсдорф назначен воспитателем их императорских высочеств великих князей Николая Павловича (ныне благополучно царствующего императора) и Михаила Павловича, а на его место поступил генерал от инфантерии граф Платон Александрович Зубов (в ноябре 1800 года). В феврале 1801 года, за несколько недель до своей кончины, государь возвысил графа Зубова в звание шефа корпуса, а Ф. И. Клингер, произведенный в генерал-майоры, назначен директором. Но при этих переменах начальников в корпусе ничего не переменилось, и все шло старым порядком. Мы знали графа Зубова потому только, что видели множество слуг его, одетых богато и распудренных, на галереях, и что он приказывал иногда призывать к себе лучших кадет и раздавал им плоды, которыми всегда были наполнены его комнаты, потому что верил, будто испарения от свежих плодов сохраняют свежесть лица. Граф Зубов принимал мало гостей и сам редко выезжал со двора, живя уединенно. Государь, навещая корпус, обходился с ним чрезвычайно мило.

12 марта 1801 года, едва пробили утреннюю зорю, вдруг начали бить сбор (в 6 часов утра). Дежурный офицер вбежал опрометью в роту и закричал: «Вставать и одеваться! Не надобно пудриться, бери амуницию и ружья и стройся!» Пошла суматоха. Мы никак не могли догадаться, что бы это значило, потому что этого никогда не бывало. При полной амуниции мы всегда пудрились; на ученье нас не выводили так рано... Едва мы успели выстроиться, нас повели прямо в собраничную залу и в то же время принесли знамена (а тогда каждая рота имела знамя). Наконец явился священник в полном облачении, и мы присягнули новому императору, Александру Павловичу![460] Тут только узнали мы, что государь скончался в ночи с 11 на 12 марта [461]! Кадеты любили покойного государя, и многие из нас заплакали. Графа Зубова не было на присяге[462]. После присяги нам было позволено идти со двора на двое суток.

Первому кадетскому корпусу предоставлена была особая честь содержать караул при гробе императора в Михайловском дворце и занимать первое место при погребении,

именно впереди и с тыла погребальной колесницы, под ружьем, с знаменами. Кадеты Второго кадетского корпуса шли в черных мантиях и распущенных шляпах, с факелами, вокруг колесницы. От Михайловского дворца, через Царицын луг[463], набережную Невы до Зимнего дворца, через Исаакиевский мост [464], Кадетскую линию и чрез Тучков мост [465], по Петербургской стороне, до Петропавловской крепости выстроены были по обеим сторонам улиц полки гвардии и армии, которые по прошествии погребальной процессии следовали повзводно за нею и выстроились за гласисом крепости[466], а только один наш корпус вошел, под ружьем, внутрь ее. Церемониал был тот же, как при погребении императора Александра Павловича[467].

Началась новая эпоха, новая жизнь для всей России, но во внутреннем устройстве корпуса весьма мало было перемен до моего выпуска.

Пояснения

(1) Если б я писал мои «Воспоминания» не в России, то не сказал бы слова о моем происхождении; но здесь я *должен* упомянуть о ро-

де моем. Клевета, выродившаяся из враждующих литературных партий, устремляясь на меня непрерывно в течение двадцати пяти лет, в различных видах и образах, подобно баснословному Протею, не пощадила даже моего рода. Были эпиграммы и сатиры, в которых меня изображали каким-то безродным скитальцем! Не могу удержаться от смеха, когда добрые люди играют предо мной роль аристократов. Пусть же они узнают, что и я принадлежу к древнему боярскому роду, поселившемуся в Западной Руси от незапамятных времен. Предки мои были *старшины* (как угодно называйте их) из славянского племени болгар и переселились, вероятно, вследствие внутренних замешательств края на *Русь Белую*, т. е. *вольную*, не подлежащую владычеству монголов, гораздо прежде соединения Литвы с Польшею. Древнейшие известия о нашем роде сохранились в фамильных преданиях, а потому об этом и говорить нечего. Скажу только, что предки мои в древности назывались «Скандербеками» (по польскому произношению – Шкандербеками) и что «Булгарин» было только прозвание для означения

прежнего отечества; что у нас нет однофамильцев, но все Булгарины (их теперь весьма немного) принадлежат к одному роду и племени, что все они одной фамилии и одного герба. Сперва были два гнезда наши, в Волковыском уезде Гродненской губернии и в Новогрудском воеводстве, а теперь новогрудская линия кончилась на мне. В роде нашем за заслуги были всегда староства, в последнее время старство Яловское (пожалованное по истечении срока генерал-адъютанту графу Павлу Васильевичу Кутузову), Бакуны и, наконец, амфитеутическое поместье Рудава (близ Свислочи), долженствующее быть в роде нашем, пока он будет существовать. Этого не давали мелкой шляхте! Голубые ленты со времени учреждения Белого Орла в роде нашем до падения Польши не переводились. Все это известно всем дворянам западных губерний; но здесь я должен привести в доказательство только печатное и официальное.

В весьма важном и любопытном историческом сочинении, на польском языке, под заглавием «Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego, S. I. powiększony dodatkami z późniejszych

autorów, rękopismów, dowodów urzędowych i wydany przez Iana Nep. Bobrowicza, w Lipsku, 1839» (т. е. «Гербарь[468] польский, Каспера Несецкого, иезуита, умноженный прибавлениями из изысканий новейших писателей, рукописей и официальных доказательств Иоанном Непомуком Бобровичем, в Лейпциге, 1839 года»), во втором томе, на странице 360 напечатано: «Булгарин (по-польски Bułharyn). Ten dom starodawny Kuropatnicki w § II o familiach rodowitej szlachty Polskiej i W. Ks. Lit. w rzędzie nazwisk umieszcza», т. е. «Этот древний дом Куропатницкий (знаменитый геральдик) поместил в списке родовых дворян польских и Великого княжества Литовского». Далее г. Бобрович помещает имена моих предков, занимавших звание послов на сеймах или другие важные государственные должности. Весьма жаль, что г. Бобрович, поставив на заглавии книги, что он дополнил прежних геральдиков собственными изысканиями из *рукописей* и *официальных актов*, упустил из вида важнейшее собрание *официальных актов*, а именно Метрику литовскую, при 3^м департаменте Прав[ительствующе-

го] сената уцелевшую, по счастью, от истребления, как то случилось с другими важными со-
бражениями актов в Польше и Литве. В Метрике
литовской он бы нашел документы нашей фа-
милии в начале и первой половине XVI века,
доказывающие, что род наш был боярский
при дворах князей литовских и владел потом-
ственно, *дедично*, поместьями. Две такие гра-
моты, 1543 и 1546 годов, помещены мною в №
255 «Северной пчелы» 1843 года в доказатель-
ство, что все акты в Литве в первой половине
XVI века писались по-русски белорусским на-
речием, а три грамоты, 1511 и 1512 годов, вы-
писанные из метрик литовских, из книги № 9,
акт 72320, книги № 28, стр. 63, сообщены мне
недавно и хранятся у меня. Все они служат
неоспоримым доказательством, что предки
мои имели в Литве звание бояр при дворе
князей литовских, занимали значительные
места и были дедичами многих поместьев. В
метрике, вытребованной мною в 1831 году из
Минской римско-католической епархии, ска-
зано: «Die 28 Iunii, anno 1789, ego Casimirus
Kamiński Curatus Uzdensis, baptisavi Infantem
filium, nomine Ioannem Thaddeum et

Christophorum, natum 24 eiusdem, ex aqua, parentum Nobilium Magnificorum Dominorum Benedicti Szkanderbek de Princibus Bulgarorum Bułharyn, Vexiliferi Mozeriensis et Anielie de domo Buczynska, prima voti Mężenska, coniugum legitimorum etc.». Далее следует поименование свидетелей. На латинской метрике находится следующая русская надпись: «Оное свидетельство о рождении и крещении дворянина Ивана, Фаддея, Христофора, сына Венедикта Шкандербек из князей болгарских Булгарина и Анели, урожденной Бучинской, в первом замужестве Менжинской, по сличении с подлинными крестоприводными книгами Уздянского костела оказалось быть с оными сходным, о чем Минская римско-католическая духовная консистория за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати свидетельствует. Июня 4 дня 1831 года. Подписано: Officynał Prałat i Kawaler X. P. Rawa. Секретарь Пустановский». Княжеское происхождение рода нашего осталось в предании, в подписях на старинных сделках и на надписях в некоторых церквях в Литве; род наш вообще не искал признания этого титула

на сейме, будучи в оппозиции противу признания чужеземных титулов.

После этого позволяю всем и каждому аристократиться передо мною! Я же по-прежнему остаюсь братом каждого честного, благородного и даровитого человека.

(2) Род Бучинских, к которому принадлежит мать моя, считает в числе предков своих знаменитого канцлера Димитрия Самозванца, Яна Бучинского, верившего от души, что Димитрий истинный царевич. Я знал двух моих дядей: председателя гражданского губернского суда в Витебске и крайчего (т. е. кравчего) Великого княжества Литовского, старосту бабиновецкого. Третий брат их, Ян Бучинский, генерал-адъютант польского короля Станислава Августа (Понятовского), после разделения Польши удалился во Францию, продав все свое имение, и умер в Париже. Взятая им с собою значительная сумма денег пропала без вести. Я видел только его портрет, в белом кунтуше и малиновом жупане. Великолепный наряд! В доме крайчего Бучинского я видел множество драгоценных вещей, оружия, конских приборов в серебре и

золоте, чапраков, шитых жемчугом, и много разной старинной серебряной посуды. Все это досталось роду Бучинских после канцлера Яна Бучинского. Имение и вся движимость перешли к последнему в этом роде Бучинских (герба Стремя), майору русской службы Роху Бучинскому (потом маршалу оршанскому), который умер холост, раздав имение разными сделками и обязательствами своим воспитанникам и воспитанницам, называвшим его при жизни папенькой.

(3) В сочинении моем «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях», во 2♦й части «Истории», на стр. 337 упомянуто, что значительная часть этого имения отдана за поголовщину фамилии Узловских. Дед мой в споре убил из ружья помещика Узловского и по Статуту Литовскому должен был заплатить *виру* (см. «Русскую Правду» Ярослава), т. е. *поголовщину*. В «Истории» я привел этот пример в доказательство, что в Статут Литовский вошло много из «Русской Правды» Ярославовой.

(4) Отец мой также находился при войске Костюшки, с собранною им дружиною. Но Ко-

стюшко, по старым фамильным связям и по письмам моей матери, не хотел подвергать его опасностям, убедясь в пылкости его характера. Костюшко уговорил отца моего принять звание военно-гражданского комиссара.

(5) Все военные люди знают, что *залога* называется один или несколько солдат, оставляемые в селе или усадьбе, с письменным видом от начальника отряда или даже от главнокомандующего, для предохранения жителей страны, где происходит война, от грабежей и насилий, производимых мародерами. Если нельзя оставить *залог*, то дается *охранительный лист*.

(6) Польская панна в доме – это существо, известное в одной Польше. Панна обыкновенно бывает из бедных шляхтянок и исправляет звание камер-юнгферы, компаньонки, даже служанки (только из любви к господам своим); садится за стол с семейством хозяина и обыкновенно служит целью его шуток насчет женского пола вообще. Верность и услужливость их удивительные! Теперь уже переводятся настоящие панны.

(7) Мать моя была в первом замужестве за

помещиком Менжинским и имела с ним троих детей: сына Иосифа, служившего сперва в конной гвардии, потом ротмистром в Конно-польском полку и адъютантом при графе Палене и умершего отставным майором Лубенского гусарского полка; дочерей: Елисавету, бывшую в замужестве за ст[атским] советн[иком] Степаном Филимоновичем Погоржельским, и Антонину, бывшую в замужестве за действ[ительным] ст[атским] советн[иком] Александром Михайловичем Искрицким. Отец мой также имел детей от первого брака: сына Михаила и дочь Марианну, бывшую в первом замужестве за помещиком Корейвой, а во втором за помещиком Гласко. От второго брака моих родителей остался я один. Все упомянутые здесь лица умерли.

(8) Губернатором назывался в Польше управитель у богатого помещика или пана, имевшего своих надворных солдат, а на Украине – надворных казаков и замок или крепостцу. Губернатор управлял городишком, в котором находился замок, и окрестными поместьями и в случае нашествия неприятеля или междоусобной войны обязан был защи-

щать замок.

(9) На том основании, что в Польше и западных губерниях находится много мелкой, бедной и необразованной шляхты, из которых многие не могли доказать бумагами своего шляхетского происхождения, ныне слово *шляхтиц* принимается в виде унижительном, и многие воображают, что *шляхтиц* – не то, что дворянин, а ниже. Шляхетство, напротив, было *высшее звание* в Польше, и, от короля до беспоместного шляхтица, все почитали высочайшим блаженством *шляхетское сокровище* (klejnod Szlachetski). Народная поговорка гласит: «Шляхтиц на огороде равен воеводе» («Szlachcic na ogrodzie równ wojwodzie»). Бедный и богатый шляхтиц, князь и его конюший из шляхетского рода были равны в правах.

Каждому, хотя несколько знакомому с историею бывшей Литвы и Польши, известно, что в старину там не выдавали *дипломов* или *грамот* на дворянство или *шляхетство*, но что это отличие, быв принадлежностью древних *старшин* славянского западного племени от незапамятных времен, наконец, при

устройстве монархии, перешло в наименование высшего сословия. Впоследствии чужеземцам на сеймах давали права польского шляхетства, и это называлось *индигенатом*, и возводили туземцев в шляхетство за отличные заслуги, что называлось *нобилитацией*. Протоколы, имеющие в себе постановления сейма, назывались *конституциями*. Весьма многие историки и поныне не умеют объяснить происхождение слова *шляхтиц* и думают, что это немецкое слово *Schlacht-Schütz*, т. е. *военный, или боевой стрелок*. Это истолкование вовсе не справедливо. При глубоком исследовании исторических источников славянского и германского племен, по их языку и по древним обычаям можно догадываться, что германы и славяне в предысторическую эпоху или составляли одно родственное племя, или были между собою в весьма близких отношениях и всегдашнем соседстве, по сю и по ту сторону кавказских гор, чрез которые они пришли в Европу из Азии. Звание *людинов*, существовавшее у славян и у германцев (*Luti*), и звание *мужей* славянских, находящееся в немецком языке (*Mensch*, а по-польски

теž), доказывают древность сношений или обоюдных заимствований этих племен. Древние славяне разделялись на *роды*, как германы на *Geschlechte*. Итак, *шляхетство* есть то же, что *Geschlecht*: *род*, *фамилия*. В Польше нельзя было писать официально иначе как *урожденному* (*urodzonemu*), по латыни *generosus*, такому-то, как по-немецки *Geboren* и *Wohlgeboren*. Это не означает *рожденному от жены*, но принадлежащему к *роду*, т. е. к *фамилии* такой-то, по латыни *genus*. Людям нешляхетского происхождения писали: *славянному* (*ślawetnemu*), т. е. известному, приобретшему имя, репутацию, по латыни *famatus*. *Дворянином* (*Dworzanin*) назывался в Польше и во всей западной славянщине *шляхтиц*, служащий при дворе королевском или при дворе удельного князя и вельможи. Важность человека зависела не от места, а от происхождения, *шляхетства*. Слово *дворянин* для означения человека благородного происхождения в России утвердилось оттого, что дети боярские и вообще все люди, владевшие населенными землями, должны были проживать известное время *при дворе великих кня-*

зей, чтоб быть налицо, готовыми для употребления на различные общественные службы. Впоследствии и бояре, и все звания благородные слились вместе под общим наименованием *дворянства*. И в России недавно стали выдавать *дипломы* или *грамоты* на дворянство. В старину в России благородное происхождение доказывалось точно так же, как и в Польше, — службами и владением поместьями. В Польше это было *всегда*, до самого ее падения. Только одна шляхта имела право владеть населенными поместьями, служить в земской службе и приобретать звания гражданские и придворные. В Польше нешляхетского рода человеку совершенно невозможно было владеть поместьем, потому что каждый шляхтиц мог бы его выгнать, а если б не шляхтиц явился на сеймики (или выборы в гражданские звания и в послы на сейм), то шляхта изрубила бы его в куски на месте. В воеводствах (губерниях) и поветах (уездах) хранились шляхетские книги или списки: палладиум шляхетского сословия, под надзором маршалов (то же, что дворянских предводителей), и горе тому, кто бы дерзнул вписать

в книгу недворянина, – он предан был бы позору и изгнан или изрублен шляхтой. Все лица шляхетского происхождения (*urodzone*, *urodzone*) почитались равными между собою, и короли Польские не имели права жаловать шляхту князьями, графами или баронами. Только одни князья Рюрикова и Гедеминова рода[469] сохраняли княжеское звание, и таких родов было весьма немного. Сеймы, также как и короли, не давали званий, возвышающих один род над другим. При польском короле Иоанне Казимире[470] (от 1649 до 1668 года) постановлено было, чтоб в Польше только те роды пользовались княжеским достоинством, которым оно подтверждено сеймами до настоящего времени. Так, например, фамилия Лиздейко, происходящая от первосвященников идолопоклоннической Литвы, принявшая прозвание Радзивиллов, приобрела княжество Римской империи, а позже фамилия Сапегов, Любомирских и другие знатные шляхетские роды. Графского достоинства в Польше никогда не бывало. Известное число *ключей*, т. е. поместьев, с местечком или городишком, с правом поместного суда, или *юрисдик-*

цией, и обязанностью выставлять известное число вооруженных людей на войну, получили название *hrabstwa*, и владелец его до тех пор назывался *hrabiem*, *hrabia*, *грабя*, пока владел *грабством*. Но это было отнюдь не почетное звание, не титул, как и теперь. Владельцы грабств подписывались: такой-то «грабя на том-то» (назвав поместье); например: Ян Тышкевич, грабя на Биржах. В старину, при Ягеллах, в Польше была одна только фамилия Мышковских, имевшая титул маркграфов, полученный от римского императора. Король Сигизмунд II, будучи самодержавным в Литве, своем родовом княжестве, дал графский титул Карлу Ходкевичу за победы над шведами, в Лифляндии[471], и это единственный пример в истории Польши и Литвы. Акт этот отыскан недавно в Литовской метрике, находящейся при 3^м департаменте Правительствующего сената, ученым-правоведцем, метрикантом, действ[ительным] ст[атским] советн[иком] Францем Семеновичем Малевским. В последнее время, когда графомания овладела польскою шляхтою и каждый в подражание французским эмигрантам хотел

быть *comite*, многие старинные фамилии просили у иностранных дворов подтверждения этого титула на том основании, что в актах князей Мазовецких и других документах предки их назывались *comites*. Значение этого слова тогда не исследовано. Оно означает просто *товарища*, т. е. воина, в королевской или княжеской дружине. И теперь настоящее значение этого слова сохранилось в польском разговорном языке: провести время в хорошей *комитиве* значит провести время в приятном *дружном обществе*. При совершенном упадке Польши при короле Станиславе Понятовском сеймы начали признавать шляхте иностранные титулы, и множество фамилий приобрело графство в Австрии, в Папской области и в других владениях, а некоторые даже без всякого права назвались графами и удержали этот титул, когда их назвали таким образом в официальных бумагах, без всяких справок. Наконец дошло до того, что каждый достаточный польский шляхтич вне своей родины назывался графом! Между тем люди, которые и имели право на титулы, не приняли их и вследствие своих политических мнe-

ний противились на сеймах их введению. Весьма многие фамилии, ведущие свой род более по преданиям, нежели по документам (а какие могли быть документы в Польше, непрерывно опустошаемой неприятелями: Подписывались: такой-то, *из князей русских* или *из князей литовских*, и т. п.), как, например, Огинские, Пузины, Полубинские и другие. Кроме фамильного прозвания, старинные фамилии имели так называемый *придомок* (*przydomek*), что можно перевести: *родоуказание*, т. е. указание, из какого рода или дома происходит фамилия. Придомок нашей фамилии – *Скандербек*.

(10) Павел Булгарин был весьма замечательное лицо в своей провинции. В Древней Польше высшие инстанции для гражданских и уголовных дел были трибуналы – литовский и коронный. Коронный трибунал имел заседания свои в Пиотркове и еще в нескольких местах, а литовский – попеременно в Вильне, в Гродне и Минске. На решения трибунала не было апелляции, следовательно, жизнь, честь и имущество граждан вверялось членам этого судилища, избираемым шлях-

той (т. е. дворянством) из самых честных и значительных помещиков. На двадцать пятом году от рождения Павел Булгарин, имея уже звание подкомория летичевского, был избран в маршалы литовского трибунала (более нежели в председатели), важнейшее по существу звание по части правосудия в государстве. Это было ранее Костюшковского восстания. Маршал трибунала имел почетную гвардию с знаменем и пользовался высокими почестями везде, где проживал. Вступив в должность, Павел Булгарин нашел в гродненской и виленской тюрьмах много преступников из евреев, осужденных на смертную казнь, которая отложена была бессрочно по слабости двух его предшественников. Павел Булгарин велел немедленно привести в исполнение все прежние решения. Еврейские кагалы сложили огромные суммы денег, до ста тысяч червонцев, или около миллиона двухсот тысяч рублей ассигн[ациями], по тогдашнему курсу, и предложили эти деньги Павлу Булгарину, чтоб он только не исполнял приговора, потому что в числе преступников было несколько весьма богатых и значительных евреев, при-

сужденных на смерть за разные преступления, а между прочим за подговаривание польских солдат к побегам и доставление им средств к переходу в Пруссию, где их помещали в полках. Это в последнее время составляло род торговли, и некоторых солдат высокого роста даже насильно перевозили за границу, напоив допьяна. Павел Булгарин взял деньги и отдал их на богоугодные заведения, а преступников велел казнить. Несколько десятков их было казнено в одно время в Вильне и Гродне. Это навело ужас на литовских евреев, и они предали весь род Булгариных *хериму*, т. е. проклятию. Вследствие *херима* ни один еврей не смел служить ни одному Булгарину. Отец мой рассказывал, что приехав около этого времени в Гродно, он позвал цирюльника (а цирюльниками тогда во всей Польше были евреи), и когда он начал брить отца моего, вошел к нему приятель и сказал: «Здравствуй, Булгарин!» Лишь только еврей услышал это название, бросил бритву на пол и, оставив весь свой снаряд, убежал опрометью за двери. Жида схватили на улице и тогда только узнали о *хериме*. Впоследствии, когда

Павел Булгарин в весьма важном деле (а именно в ложном обвинении евреев, будто они убивают христианских детей, чтоб иметь кровь для печения опресноков, или мацы) защитил евреев и доказал всю нелепость подобного обвинения, еврейские кагалы сняли *херим* с нашего рода и даже выслали к Павлу Булгарину депутацию публично благодарить его за правосудие. Павел Булгарин исправлял отлично свою обязанность трибунального маршала и за это получил несколько благодарственных писем от великого канцлера литовского, князя Сапеги, и самого короля, который надел на него ленту Белого Орла[472] в полном собрании сейма и дал дигнитарское звание подконюшего (т. е. шталмейстера) Великого княжества Литовского. Все это напечатано в просьбе Павла Булгарина, поданной в 1817 году в Виленскую гражданскую палату, во время тяжбы с полковником Парчевским. Дело это было и в Правительствующем сенате, и в Государственном совете, следовательно, и просьба должна храниться в архивах. У меня сохранилось несколько печатных экземпляров. Павел Булгарин проживал по делу

своему пять лет в Петербурге, от 1821 до 1826 года, и все тогдашние мои друзья-литераторы знали его, любили и уважали. Из них остался теперь один только Н. И. Греч, а нас иногда собиралось за столом более двадцати человек! Павел Булгарин был человек умный, благородный, честный в высшей степени и имел самый светлый образ мыслей. Он был вторым моим отцом!

(11) В Древней Польше, где все зависело от выборов, следовательно, от числа друзей, все члены одной фамилии, которая хотела иметь значение, держались дружно и составляли род шотландского клана, выбирая между собою старшину, которому безусловно повиновались, обязываясь притом во всем помогать членам своей фамилии и друзьям ее. В мое время (от 1806 до 1811 года) главою нашей фамилии был Михаил Булгарин – писарь земли Волковыской (то же, что канцлер), посол на сейме (1773–1775), описанном Немцевичем в жизни Рейтана, в варшавском журнале «Сивилла Надвислянская», где Михаил Булгарин превозносится, как примерный и неустрашимый гражданин; и наконец, был членом фи-

НАНСОВОЙ КОМИССИИ И СОВЕТНИКОМ В ПОСТОЯННОМ СОВЕТЕ (konsyliarzem rady nieustającej) в 1776 и 1778 годах[473]. (См. Herbarz Bobrowicza.) Теперь эти кланы не существуют.

(12) Que l'homme laborieux et pauvre ne peut mieux servir son pays qu'en remplissant bien ses devoirs envers sa famille; qu'il ne peut pas contribuer d'une manière plus efficace au bien de la patrie, qu'en la dotant d'enfans qui lui seront utiles un jour, et s'il n'est pas marié, en donnant l'exemple d'une bonne conduite. Que sa part dans le gouvernement du pays doit être d'obéir aux lois, et d'administrer avec amour et avec charité son petit ménage, qui doit être son royaume. La meilleure, la seule réforme qu'il puisse opérer, est celle du foyer domestique. Que les meetings les plus profitable pour lui sont ceux qu'il tient au milieu de sa propre famille; ses meilleurs discours, ceux qui tendent à amener la paix sur la terre, et la bienveillance envers tout le genre humain. Que ses meilleures pétitions sont celles qu'il adresse avec un cœur contrite au roi des cieux, qui ne les méprisera point; et celles qu'il présente aux princes de la terre pour

obtenir d'eux par des voies pacifiques des améliorations pour ses frères qui souffrent. Veut-il triompher? qu'il apprenne à souffrir. Veut-il être un héros? qu'il se maîtrise lui-même. Veut-il gouverner? qu'il apprenne à obéir. (*Mémoires d'un radical, Revue Britannique, 5me série, tome 26. Mars. 1845.*)

(13) Степан Филимонович Погоржельский, честный, умный и благородный человек, служил при лице знаменитых поэтов, бывших министрами юстиции, Державине и Дмитриеве, и пользовался их доверенностью. Он много мне о них рассказывал. По расстроенному на службе здоровью он принял место прокурора в благорастворенном климате Подольской губернии и там скончался.

Приложения

Характеристика празднеств екатерининских времен

(Из Спб. акад[емических] ведомостей 1776 года, № 104, и 1779 года, № 55)

I

Описание праздника, данного генерал-прокурором князем Александром

**Алексеевичем Вяземским 10 декабря
1776 года [474]**

В половине 6-го часа прибыли императрица с наследником престола. Играла комедия «Les folies amoureuses»[475], в которой действующими лицами были: две дочери генерала Григория Николаевича Теплова, Наталия и Мария, граф Вахмейстер[476], князь Александр Никитич Трубецкой[477] и, за болезнью Петра Васильевича Мятлева, актер придворного театра Дюге.

По окончании спектакля старшая семилетняя дочь князя Александра Алексеевича[478], вышед на сцену, говорила речь.

По окончании речи представлен был балет «Пигмалион», продолжавшийся 10 минут; в нем танцевали артисты придворного театра Варвара Михайловна и Тимофей Бубликов [479]. За балетом следовала комическая опера «La servante maitresse», представленная девицами Наталией и Марией Тепловыми[480]. В оркестре главное участие принимали: граф Бриль, Алексей Григорьевич Теплов, князь Хованский[481] и майор Яворский. Оркестром управлял граф Штенбок[482], который сочи-

нял музыку к означенным пьесам.

После того был бал. Государыня играла в карты, а в 9 часов с четвертью розданы были билеты для ужинного стола, поставленного следующим образом.

Посреди осьмиугольной залы, на круглом столе возвышался великолепный египетский обелиск с серебряным щитом, украшенным лавровыми ветвями, с вензловым именем императрицы. Подле пьедестала обелиска изображена была Россия, окруженная трофеями и законами, а на пьедестале была надпись:

*Прострите взор сюда, о вы, парнасски боги!
Луч солнца! воцарись во здешние чертоги;
В них новы алтари в сей день сооружены:
Се наше божество, мать росския страны!
Здесь каждый сердце ей и душу посвящает,
С Марией Павла зря, всяк радость ощущает!*

По сторонам обелиска реки: Нева, Волга, Днепр и Дон, представлены были каждая с

своими атрибутами и испускали из урн воду, которая падала в круглый бассейн с 18-ю фонтанами; кругом бассейна изображены были четыре времени года: весна, лето, осень и зима[483]. Стол убран был лентами, гирляндами и букетами из драгоценнейших цветов; по сторонам еще четыре стола, с таким же изяществом убранные. Освещение комнат было великолепное. Во время стола играла музыка: четыре оркестра. На дворе, по колоннадам, на крыльце, в сенях и на улице было иллюминировано более 7000 шкальчиков и плошек. После танцев, продолжавшихся до 11 часов вечера, императрица с наследником отправились во дворец.

II

Праздник у обер-шталмейстера высочайшего двора Льва Александровича Нарышкина [484]

26 июня 1779 года, по полудни в 7 часов императрица прибыла из Петербурга на дачу обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина «Левенталь». Во время прогулки ее величества по даче в полуторе верстах от сей последней, на правой стороне дороги, на лугу, пред-

ставилась ее глазам фламандская картина. При сем зрелище ее величество, оставив экипажи, изволила шествовать пешком по сделанной в левой стороне дорожке, ведущей к густому и едва проходимому лесу. И как не представлялось там впереди никакого следа и пригласительного вида[485], то казалось, что надлежало уже назад возвратиться; но вдруг по знаку хозяина, к нечаянному удивлению, разделился лес и впереди представился прекрасный домик, в котором приготовлены были разные фрукты и прохладительные напитки; в окружности же, среди леса, в разных местах, раздавалась на разных инструментах приятная музыка. Ее величество благоволила принять в сем домике отдохновение. В обратном пути из одного тою же дорожкой в левой стороне примечена была сквозь густоту леса некая простая хижина, покрытая соломою, которую ее величеству угодно было также видеть. Вначале в ней не представилось ничего, кроме обитающего старика в простоте сельской жизни; но вновь по знаку хозяина нечаянно хижина распалась, а за нею явился другой, построенный в сельском

вкусе пригожий домик. Ее величество благоволила и оный видеть и, пробыв там немного, возвратилась в дом хозяина. Потом еще изволила шествовать в лежащую ко взморью рощу, при входе которой, в левой стороне, на острове пруда, явилась пустыня, устроенная в китайском вкусе, из мрамора. В 10 часов с половиною того же вечера императрица отправилась в Петергоф[486].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ[487]

|

Порыв общего мнения. – Реакция. – Новая форма и новые моды. – Перемены в корпусе. – Якорь спасения, или Наставник, друг и благодетель. – Русская литература в корпусе. – Первый успех, щедро вознагражденный. – Новая жизнь. – Литературные идеи. – Корпусные знакомства. – Барон Иван Иванович Дибич. – Три брата князя (ducs) де Броглио [488]. Саша Клингер. – Поэт Крюковской. – Пробуждение страсти к авторству. – Характеристические черты барона И. И.

Дибича. – Музыка необходима военному человеку. – Церковный певчий. – Отчаяние матери. – Празднование столетия Петербурга. – Перемены в корпусе. – Что всего более способствовало нашему умственному развитию

Хотя я был очень молод при вступлении на престол императора Александра Павловича, но впечатления, произведенные во мне всем виденным и слышанным, столь сильно подействовали на меня, что это великое событие осталось навсегда свежим в моей памяти. Самому Тациту недостало бы красок для изображения той живой картины общего восторга, который овладел сердцами при вести о восцарении обожаемого Александра! Еще будучи наследником престола, он жил единственно для добра, для утешения несчастных и для покровительства всего высокого и благородного. Скромность его, благодушие, вежливость и деликатность в обхождении превозносимы были во всех сословиях. Всем было известно, что с высокими понятиями о правосудии и государственном устройстве он любил науки,

литературу, художества и уважал занимающихся ими. Доброта сердца его была неисчерпаема! В манифесте своем о вступлении на престол юный император объявил, что намерен управлять Россией «в духе в Бозе почивающей бабки своей, императрицы Екатерины II» [489], и эти слова, как электрический удар, потрясли все сердца! Сенатская типография не успевала печатать манифеста; он был в руках у всех и каждого; его читали, перечитывали, лобызали, орошали слезами и рассылали во внутренность России к друзьям и родным. Знакомые обнимались и целовались на улице, как в первый день Светлого праздника [490], поздравляя друг друга с новым государем, которого обожали прежде, чем он взял в руки бразды правления, и на котором опочивали все надежды. Во всех семействах провозглашали тосты за его вожделенное здравие; церкви наполнены были молещиками. Народ толпился на Дворцовой площади, чтоб видеть ангельский лик своего государя, в чертах которого живо изображались кротость, милосердие и человеколюбие, которым он не изменил до конца своей жизни. Радостные

восклицания повсюду встречали и сопровождали его. Во всей истории рода человеческого едва ли есть несколько примеров подобной общей радости, и весьма немногие государи вступали на престол при таких счастливых предзнаменованиях, при таких обильных надеждах!..

В короткое время появились изменения в военной форме и в одежде частных лиц. Помню, как теперь, удивление наше, когда поручик нашей роты Бабин явился без пуклей, с небольшою косою, перевязанною в полворотника, с волосами, спущенными на лоб (называемыми тогда *эсперансами*[491]), в коротких сапогах вместо штиблет. Нам казалось это удивительно хорошо! При отступлении от прежней формы появились *военные моды* в прическе, повязке галстуха, ношении шляпы и шпаги, – и первым щеголем тогда по гвардии был плац-майор И. С. Горголи[492]. Во всех делах человеческих, малых и великих, при быстрой реакции наступают крайности. Прусская форма времен Фридриха Великого чрезвычайно не нравилась после прежней покойной и удобной формы, составленной

для войска князем Потемкиным-Таврическим, и потому теперь, при новой форме, все было преувеличено, как будто для того, чтоб скорее забыть прошлое. Вместо чрезвычайно низких офицерских шляп введены огромные, высокие шляпы с черными султанами (в кавалерии с белыми); вместо отлогого воротника, лежавшего на спине, стали носить превысокие воротники до самых ушей; вместо широких и длинных фалд мундиров, мундиры были короткие и с фалдочками в два пальца. Палевый[493] цвет нижнего платья заменен белым. Пудра и косы не были отменены, но прическа совершенно изменилась. Щеголи сбивали волосы наверху головы (тупей) и всю красу поставляли в *висках* (*oreilles de chien* [494]), *эсперансах* и широкой короткой косе. Черные галстухи подвязывали высоко. Статские стали носить снова круглые шляпы и английские фраки вместо французских кафтанов старинного покроя. Шелковые ткани уже не употреблялись для фраков. Фраки были с откидным воротником и клапанами на груди. Первый, появившийся по новой парижской моде à l'incroyable[495], был Михаил Леонтьев-

вич Магницкий[496], возвратившийся из Парижа немедленно после кончины императора Павла Петровича, с депешами от тайного советника Колычева, находившегося там для составления пунктов мирного трактата с Франциею[497]. Народ бегал на улицах за М. Л. Магницким и любовался его нарядом. Он имел вместо трости огромную сучковатую палицу[498], называвшуюся в Париже *droit de l'homme*[499]; шея его была окутана огромным платком, что называлось *жабо*. При фраках статские пудрились так же, как и военные. Показать в люди без пудры означало тогда высшую степень небрежения и невежливости. Надлежало пудриться и поправлять прическу несколько раз в день, утром, к обеду и к вечеру.

Граф П. А. Зубов вышел в отставку и отправился за границу, а Ф. И. Клиnger остался директором корпуса и пробыл в этом звании *двадцать* лет. Наш главнокомандующий, его императорское высочество цесаревич и великий князь Константин Павлович, не имел времени заниматься корпусом в царствование покойного государя, быв сперва в походе

с Суворовым, в Италии, а после того исполняя фронттовую службу по гвардии. По возвращении царской фамилии из Москвы с коронации его императорское высочество стал весьма часто ездить в корпус, посещал классы, столовую и производил батальонное ученье. Число кадет от 600 дошло до 1000 человек, и мы вскоре сравнялись с полками гвардии по фронттовой службе, что неоднократно подтверждено было приказами за подписью его высочества. Науки шли своим чередом под надзором директора, Ф. И. Клингера, который вовсе не занимался фронттовой службою и ни разу не командовал ни на учении, ни на параде. Это исполнял обыкновенно старший полковник или сам цесаревич.

Перехожу к важнейшей эпохе в моей жизни, имевшей влияние на всю мою судьбу. По экзамену переведен я снова через класс, именно в третий верхний, из которого уже выпускали в офицеры, в армейские полки. По всем частям баллы у меня были хорошие, и потому новые учителя приняли меня отлично. В этом классе уже преподавали статистику, физику и полевую фортификацию;

первую – ученый и добрый Герман (скончавшийся в звании инспектора классов Смольного монастыря и оказавший русской статистике большие услуги)[500]; вторую – Вольемут, бывший адъютантом[501] при знаменитом Крафте; третью – молодой корпусный офицер, поручик нашей роты Александр Христианович Шмит (ныне генерал-майор в отставке). Все они преподавали отлично и чрезвычайно занимательно. Статистику читал Герман по-французски, потому что весьма был слаб в русском языке. Железников в это время стал прихварывать и не мог заниматься во всех верхних классах, а потому при сохранении всех окладов ему оставили два первые верхние класса, а остальные отдали по указанию Железникова корпусному офицеру, поручику четвертой роты Александру Андреевичу Лантингу.

С приятною наружностью, Лантинг соединял в себе необыкновенную доброту, нежность чувств и возвышенный ум. Он был поэт в душе, хотя и не писал стихов, и этим только отличался от незабвенного друга моего Александра Сергеевича Грибоедова, с которым

Лантинг был схож нравственно, как две капли воды. Лантинг и Грибоедов – это один ум и одна душа в двух телах! Если б они знали друг друга, они были бы друзьями и братьями. Лантинг даже манерами походил на Грибоедова. Лантинг вступил в корпус кадетом при графе Ангальте, в 1788 году. Он сказывал мне, что родился в Лемзале[502] (т. е. в Лифляндии, или в Рижской губернии), но я не мог отыскать этой фамилии. Будучи кадетом, он долженствовал происходить из родовых дворян, как мною объяснено выше, следовательно, или фамилия эта пресеклась, или, быть может, она иностранная дворянская, признанная в России. Не справлялся я в Курляндии – там еще рождаются люди с пламенной душою! Лантинг жил сердцем в фантастическом мире, в мире добра, любви и поэзии, и на земле не нашел радостей. Он всегда страдал за других и за себя. Несправедливость и коварство людей проливали яд в его сердце, и он мучился, не будучи в состоянии помочь страждущим. Он любил... и ему изменили; прилепился душою к другу – друг оказался эгоистом! Мрачная меланхолия, как черная туча, по-

крыла его душу... Он искал рассеяния и утешения в любви детей, порученных ему Промыслом, – и мы, дети, не изменили ему! Мы любили его при жизни, в наших детских летах, были преданы ему душевно в летах юношеских и помним его, состарившись! Лантинг вскоре по выпуске моем перешел в адъютанты (в капитанском чине) к генералу Кноррингу, ранен тяжело в первую турецкую войну, при императоре Александре, и умер от ран в Бухаресте[503]. Памятник его в сердцах его питомцев, постигших его духовное величие!

Русская словесность расцвела при императоре Александре, под его благотворным влиянием, на плодородной почве, возделанной императрицею Екатериною II. Жесткие формы, в которых был сжат наш богатый и звучный язык, сокрушились под пером Н. М. Карамзина, М. М. Сперанского, Василья Сергеевича Подшивалова, Ивана Ивановича Дмитриева, Михаила Никитича Муравьева, Василия Андреевича Жуковского. Вся литературная деятельность сосредоточена была тогда в Москве под сенью знаменитого тогда универ-

ситета. Там составлялись законы для языка и слога; там уже издавался «Вестник Европы» [504] Н. М. Карамзиным и «Московский Меркурий» [505] Петром Ивановичем Макаровым. Карамзин увлекал всех своим языком; Макаров предостерегал и поучал своими сильными и остроумными критиками, устремленными против бесталанных подражателей новизны. Как благодетельной росы ожидали мы в Петербурге каждой книжки «Вестника Европы», читали, перечитывали и изучали каждую статью! Блистательные примеры возбуждали в нас охоту к изучению языка и страсть к авторству... Наставники наши поощряли нас и руководствовали...

Удивительно, как в каждой массе людей, обязанных жить вместе и действовать по одним правилам, например в полках и учебных заведениях, долго держится дух, однажды утвердившийся каким-нибудь необыкновенным событием! Так, в Сухопутном шляхетном, а после в Первом кадетском корпусе преобладал *дух литературный* над всеми науками. В этом корпусе, как известно, возникла русская драматургия [506]. Кадет Сумароков,

современник Ломоносова, первый из русских начал писать трагедии и комедии по образцам французских классических писателей, и первые русские актеры были также кадеты. В корпусе был устроен театр (1745 года[507]), существовавший до директорства Кутузова, и кадетская труппа играла даже при дворе в присутствии императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Когда после того составлена была императорская труппа, то набранные в разных городах России актеры жили в корпусе и брали уроки декламации у корпусных офицеров: Петра Ивановича Мелиссино [508] и Петра Семеновича Свистунова[509], бывших лучшими актерами кадетской труппы. Балет также возник в корпусе[510]. Танцевальный учитель Ланде составил характеристические танцы, которые исполняемы были кадетами, в костюмах, в присутствии высочайшего двора, и это поддало мысль к учреждению балетной труппы под руководством Ланде. Внимание двора к русской литературе, слава Сумарокова и русский театр в корпусе утвердили в кадетах любовь к русской словесности и отечественному языку, и эта любовь,

поддерживаемая искусными преподавателями, каковы были Яков Борисович Княжнин и ученик его Петр Семенович Железников, сделалась как бы принадлежностью корпуса и переходила от одного кадетского поколения к другому, даже до моего времени. Кажется, после дух этот ослабел или даже вовсе иссяк, когда в 1812 году и в последующих годах по надобности в офицерах выпущены в одно время почти все взрослые и, так сказать, унесли с собою все предания. У кадет последующей эпохи уже не осталось никаких воспоминаний и примеров, кроме *имени* графа Ангальта! С истреблением надписей на стенах рекреационной залы и на садовой стене стерлось все прежнее в памяти кадет, и Клингер казался каким-то праотцом, Сатурном[511] корпуса!

В наше время корпус полнился слухом о графе Ангальте. Офицеры и учителя рассказывали нам о *блаженных Ангальтовых временах*, о театральных представлениях в корпусе, о сочинениях кадетов, представленных императрице, и мы еще оживлялись прежним духом! Главное правило графа Ангальта состоя-

ло в том, что первый признак хорошего воспитания есть умение объяснять мысли свои *словом* и *пером*; что воин и гражданский чиновник должны непременно писать правильно на родном языке, и даже выражаться щегольски, и знать притом основательно хотя один из иностранных языков, особенно французский, тогда уже общеупотребительный в Европе. Это самое повторяли нам офицеры и некоторые учителя, особенно Железников и Лантинг. «Какая польза в учености, в познаниях, если человек не может употребить их в дело, не умея объяснить или передать того, что у него в голове! – говорил Лантинг. – *Безграмотный* то же, что *глухонемой*. Чем живут Рим и Греция? Писателями! Кагул, Римник важнее Фермопил и Марафонской битвы[512], и переход Суворова через Альпы затмевает славу Аннибала; но подвиги древности кажутся выше, потому что изображены красноречиво. Безбородко, бедный армейский офицер, стал известен государыне по реляциям, которые он сочинял, и Безбородко стал графом и канцлером! Не каждому дан авторский талант, не каждого природа создала поэтом;

но каждый может и должен уметь излагать мысли свои правильно, ясно, даже красноречиво, и для того надобно изучать язык и его грамматику, разбирать писателей, замечая в них хорошее и отвергая дурное, и непрерывно упражняться в сочинениях...» Так говорил Лантинг и упражнял нас в грамматических и эстетических разборах русских писателей и в сочинениях на заданные им темы. Тех кадетов, которые никак не могли ничего выдумать, он заставлял переводить с французского и с немецкого языков, чтоб приучить их к слогу.

Однажды, в какую-то горькую минуту, когда черная мысль промелькнула в голове Лантинга, он задал мне сочинение, взяв за тему стихи из псалма Давидова *«На реках Вавилонских тамо седохом и плакахом»* [513]. Я сознался ему, что не заглядывал в Псалтырь [514], и он велел прийти к нему на квартиру за книгой. Взяв Псалтырь, я уединился и стал читать заданный мне текст. При этом должен я заметить, что изучение церковного и так называемого славянского языка в наше время почиталось *необходимостью* для познания

языка русского во всей его силе, и нам с кафедры толковали красоты Св. Писания и наши древние летописи. Перечитывая псалом, который долженствовал служить мне руководством к сочинению, я почувствовал внезапно как будто какое-то сотрясение в сердце... Мне стало грустно, я заплакал! Не было свидетелей слез моих. В уме и в душе моей ожили воспоминания детства: представились моему воображению родители, любимые мною слуги, родные поля и леса и, наконец, мое сиротство, мои страдания без всякого соучастия в ближних, существование без любви, без ласки... Как будто в лихорадке схватил я перо и стал писать... Слезы и чернила лились на бумагу. Исписав несколько листов, я свернул их и, не перечитывая, положил под матрац моей постели. Явившись в класс, я представил Лантингу вверенную мне книгу и мое сочинение и сказал: «Простите великодушно, если найдете тут ошибки и недописки. Я написал сторяча и, признаюсь, не имел духа прочесть... Эта тема слишком тяжела для меня!» Лантинг стал читать про себя, и я не спускал с него глаз. Я заметил, что сперва лег-

кий румянец выступил на его бледном лице, а потом глаза наполнились слезами. Положив бумагу мою *в карман* (чего никогда не делал он прежде), Лантинг подозвал меня к себе, обнял, крепко прижал к сердцу, поцеловал и сказал: «Ты не сирота, пока я в корпусе! Я заступлю тебе место отца, матери и друга!» Он велел мне приходить к себе на квартиру во всякое время, свободное от кадетских обязанностей.

С этих пор началась для меня новая жизнь. Сердце мое жаждало ласки, участия, сострадания; ум требовал советов и руководства; врожденная благородная гордость (то, что мы называем амбицией), так сказать, задушала меня, не встречая никакого внимания, и удовлетворение всем моим желаниям, всем потребностям души и все, чего я жаждал, нашел я в Лантинге, и нашел в то время, когда уже мог понимать высокую цену всего этого, когда наиболее нуждался в этом, когда ум мой, как слабый стебель цветка, требовал опоры и рано развившаяся в сиротстве душа замирала без теплоты и света! О, как пламенно любил я Лантинга! Я за него дал бы себя изре-

зять на части, бросился бы в пламя! Он был более нежели добр с кадетами, был, как говорится, слаб, никогда сам не наказывал и не жаловался старшим и оттого часто подвергался неприятностям. Тех кадет, за которых Лантинг получал выговор, и кадет, оскорблявших его неприличными ответами, грубостью, я почитал *личными* моими врагами и по-кадетски вызывал на дуэль, т. е. на драку, несмотря ни на рост, ни на силу! Весьма часто меня порядком проучали за это, и даже при победе я часто должен был подвергаться наказанию; но мне приятно было страдать за обожаемого мною наставника, который журил меня за мою драчливость, не зная и вовсе не подозревая, что я сражался за него и за него подвергался наказаниям! Не боюсь, чтоб враги мои уличили меня во лжи, если скажу, что *в течение всей моей жизни* я почитал, почитаю и буду почитать первою обязанностью вступаться за друга и благодетеля... А иначе что же будет значить дружба и благодарность? Случалось со мною, что вместо признательности (которой я никогда не требовал), по крайней мере, вместо сознания моего самоотвержения мне

платили даже холодностью и горьким упреком: «А кто тебя просил!» Тяжело было на сердце, но я не исправился и не исправлюсь. В сатирах, которыми меня удостоивают наши русские писатели, меня называли даже *собакою*[515]! Пусть будет так. Правда, собака бросается на обидевших ее господина, и эта собака лучше мудрого эгоиста; а дружба и благодарность должны *господствовать* в сердце. Дети мои, это урок для вас!

К Лантингу собиралось много кадетов по знакомству его с их родственниками. Особенно поручены ему были братья Тагайчиновы (вышедшие в артиллерию), которые имели в его квартире отдельную комнату. Тут собирались для отдохновения от кадетского шума унтер-офицер Бринкен (курляндец), братья Берниковы (вышедшие лейб-гвардии в Семеновский полк) и некоторые другие; но истинно родительское попечение Лантинг имел обо мне одном, давал мне книги для прочтения и заставлял делать разборы, т. е. сообщать ему мое мнение о прочитанном, с отметками того, что мне нравилось или не нравилось. Потом он рассматривал мои разборы,

подтверждая или опровергая мои мнения риторически, эстетически и философически. Таким образом прошел я с ним древнюю историю, историю Греции и Рима и новые события до Французской революции включительно, прочел «Путешествие Анахарсиса по Греции и Азии», сочинение Бартелеми[516], и много других книг. Кадетам верхних классов позволялось ходить в корпусную библиотеку, и по рекомендации Лантинга библиотекарь наш, г. Фолар, позволял мне брать книги в роту[517]. Это было для меня великое блаженство. Я был как рыба в воде! При чтении я упражнялся в переводах с французского и немецкого языков. Начальные основания латинского языка я приобрел у Цыхры, и Лантинг, который очень хорошо знал латинский язык (брав частные уроки), занимался со мною в свободные минуты переводами с латинского и грамматикой для собственной забавы, как он говорил тогда. Но главнейшую пользу для моего образования извлекал я из бесед его. Тут открывались предо мною в живых картинах древний и новый миры, с их духовною жизнью, и чудеса природы в творе-

ниях Создателя! А будущность – она казалась блистательною зарею, обещавшею красный день!

Кроме книг, служивших к моему образованию, я читал – нет, не читал, а *глотал* романы и повести, т. е. все, принадлежащее к изящной словесности, или беллетристике. Тогда в моде были повести Мармонтеля, г-жи Жанлис, романы Дюкре-Дюминиля, г-жи Радклеиф и вообще роды *чувствительный* и *ужасный*. Все, что обращало на себя внимание публики, было прочитано мною. «Бедную Лизу», «Наталью, боярскую дочь», «Марфу-посадницу», «Мою исповедь», «Рыцаря нашего времени» и прочие повести и рассказы Карамзина я знал почти наизусть. Ни одна живая Лиза не стоила мне в жизни столько слез, сколько я пролил по «Бедной Лизе» Карамзина! «Письма русского путешественника» составляли мое наслаждение. Лантинг представил нам эти письма как *образец* легкого, живого рассказа и как доказательство светлого, беспритязательного, здравого ума автора. Часто говорил нам Лантинг: «Бюффон произнес великую истину, сказав: *le style – c'est l'homme*

(слог – это человек). Можно научиться писать правильно, так что ваше сочинение будет без задоринки, гладко, хоть шаром покати, но в то же время оно может быть холодно, как гладкий, прозрачный и блестящий лед! Можно с усилием ума приобрести механизм, но никакая наука не может научить, как сообщается слогу движение, жизнь, одушевление, легкость, летучесть... Все это проистекает из ума и из души человека... По слогу, – говорил Лантинг не с кафедры, а у себя дома, – по слогу я узнаю человека! Напыщенность, надутость, аффектация, изысканность, тяжесть, растянутость, водянистость, холодность слога точно так же, как и противоположности его – живость, пламенность, сила, движение, естественная простота и ясность, суть верные отпечатки характера автора, зеркало его души!»

Совершенная правда. Но к этому надобно еще прибавить, что как характер иногда изменяется в людях по обстоятельствам (*honores mutant mores*[518]), так и слог принимает формы естественности или искусственности от положения человека в обществе, если душа не в силах исторгнуть ума из оков

светских обстоятельств. Карамзин, пока был независимым литератором, увлеченным природою на это поприще, как пчела на луг, Карамзин был прост, мил, летуч, естествен в слог; когда же он в звании историографа захотел казаться важным, серьезным, красноречивым по *тогдашнему убеждению*, будто бы слог должен соответствовать предмету, и по *тогдашнему учению*, будто в словесности должны существовать *различные слог*: простой, средний и высокий, Карамзин, до седьмого тома «Истории Российского государства», надут, напыщен и неестествен в слог. Я доказывал в моем «Северном архиве» и в приложениях к нему, в «Литературных листках», что в этих томах у Карамзина все реки *глубокие*, все долины *обширные*, все горы *высокие*, все юноши *прекрасные*, все старцы *добродетельные*! Есть у Карамзина в этих томах даже *молодые юноши!!* Все эти *прилагательные* набраны для круглости и звучности *периодов*, и педанты верили и верят, что только тот слог *образцовый*, который составлен из *периодов!!!* С VIII тома «Истории» Карамзин снова вошел в свой *натуральный* характер, и, за

исключением некоторых мест, слог его в этом и последующих томах естествен и прост, как душа его, честная и благородная.

Еще в первых юношеских годах я не принимал разделений слога на *простой*, *средний* и *высокий* и на размеры его *сообразно предметам* и осмеливался даже спорить с обожаемым мною наставником, утверждая всегда, что человек должен описывать *все*, простое и высокое, по внушению своего ума и чувства, описывать, как ему представляется, не изыскивая слов и не подбирая их умышленно, для эффекта. «Марфа-посадница» Карамзина[519], «Гонзалв Кордуанский» Флориана[520], «Инки» Мармонтеля[521] мне никогда не нравились, потому что они написаны цветистым, неестественным слогом (*prose poétique* или *prose fleurie*[522]). Нынешние русские драмы или трагедии (не знаю, как их назвать) мне *не нравятся* по той же причине. Нас уверяют, что они писаны *стихами*, пятистопными ямбами, а я вижу в них только напыщенную, раздутую, рубленую или крошеную прозу вроде «Гонзалва Кордуанского» или «Кадма и Гармонии» Хераскова[523]. Один писатель,

впрочем талантливый, пошел в наше время еще дальше. Он даже отверг ритм, или размер, в своих драмах, на заглавии которых выставлено, что они *писаны стихами!!!*[524] Стихи без *меры* (ритма) и без рифмы еще хуже, нежели музыка без гармонии! Но в наше время все сходит с рук! Только В. А. Жуковский и А. С. Пушкин умели сохранить музыкальность и все красоты гармонии в своих безрифменных стихах.

У Лантинга я познакомился с кадетами, двумя князьями Броглио (*ducs de Broglio*)[525] и с сыном Ф. И. Клингера Александром, которые ходили к нему, когда он бывал дома. С меньшим Броглио[526] и Сашей Клингером я был даже дружен. Первые два были эмигранты, юноши, получившие хорошее первоначальное домашнее образование, а Саша Клингер, сын нашего директора, был ангел душою и лицом. Сколько приятных минут провели мы вместе с Сашею Клингером и меньшим Броглио, мечтая о будущем! Саша Клингер ввел нас к своей матери (она была русская), умной, нежной и в полном смысле добродетельной даме[527], которая обожала своего

единственного сына и ласкала нас, друзей его. Несколько раз Ф. И. Клиндер заставлял нас у своего сына, которого он также любил страстно, и позволял нам играть с ним, исследовав, чем мы занимаемся. У Лантинга видел я часто старшего брата Броглио[528], уже поручика в Преображенском полку, и барона Ивана Ивановича Дибича, также офицера (не помню поручика или подпоручика) в Семеновском полку. Оба они приходили в корпус чертить планы под руководством нашего учителя полковника Черкасова и учиться русскому языку на дому у Лантинга. Старший князь Броглио убит под Аустерлицем, меньший Броглио и Саша Клиндер (бывший также офицером Семеновского полка) убиты в русских рядах в Отечественную войну; барон Дибич, впоследствии граф Забалканский и фельдмаршал, скончался в последнюю польскую войну[529]. Среднего князя Броглио[530] я видал в Варшаве, при возвращении его в отечество, во Францию, в 1816 году. Все они были люди отличные, с умом, с душою, с дарованиями. Обхождение с этими отличными молодыми людьми имело на меня сильное

влияние. Я видел живые примеры хорошего у Лантинга и дурного между некоторыми из кадет.

Страсть к авторству беспрерывно усиливалась во мне. Это было не желание славы и известности, не жажда похвал – одним словом, не напряжение тщеславия и самолюбия, этих мелких несносных страстишек, которые квакают, как лягушки в болоте, чтоб обратить на себя внимание, пока аист критики не пришибет их. Нет, во мне было непреодолимое влечение излить чувства и мысли мои, которые, так сказать, угнетали мой малый умишко и мое юношеское сердце. Начитавшись, наслушавшись и раздумав, я приобретал свои понятия о многих вещах, свой взгляд на предметы, часто не согласные с тем, что я читал и чему меня учили. Мне хотелось изливать все это на бумагу как будто для того, чтоб очищать в уме и сердце место для новых впечатлений и ощущений. Я знал хорошо, что меня ожидает не слава и не награда, а насмешки товарищей и неприятности. Школа есть микроскопический уголок света: это гнездо, хранящее в себе зародыши тех страстей и пред-

рассудков, которые, вылупившись из покрывающей их коры, подобно хищным птицам, будут страшны разуму и заслуге или тихим ощущениям души. Слово *сочинитель* есть упрек или насмешка в животном, механическом мире. *Сочинитель*, по мнению словесных машин, есть человек ни к чему не способный, есть существо только *терпимое* (toléré) в обществе. Одни мужи великие, одаренные высоким разумом, постигают пользу и достоинства существа мыслящего, извлекающего из всего первоначальные истины, подобно пчеле, извлекающей из всех растений мед. Но великие мужи еще реже рождаются на свет, чем великие писатели. Если справедливо, как утверждали некоторые физиологи, что головные нервы, служащие орудием душе и разуму, почти то же, что клавиши на фортепиане[531], то, по несчастью, нерв или клавиш сатиры был во мне громче других клавишей, и всякая неправда и несправедливость, трогая душу мою, раздавалась громко в уме, и звуки эти требовали излияния. Я уже и тогда чувствовал, что это несчастье! История Сократа была мне хорошо известна[532], и зем-

ля еще наполнилась слухом о французском поэте Жильбере, который, будучи доведен до госпиталя, с отчаяния подавился ключом[533]! Предвидя все то, что испытал впоследствии, я, однако ж, не мог заглушить в душе вопля природы. И. И. Дмитриев сказал справедливо:

Гони натуру в дверь, она влетит в окно![534]

Между серьезными историческими работами, между упражнениями в переводах и отчетах о прочитанном для упражнения разума я писал басни, сатиры, начинал поэмы, комедии, и все эти отрывки расходились по корпусу... Я прослыл *сочинителем*. Этим я, как водится, приобрел друзей и врагов. Все это точно так же, как в свете. Некоторые из моих добрых товарищей до сих пор сохранили корпусные мои сочинения, и еще в текущем 1845 году генерал-майор Аполлон Никифорович Марин дал мне басню моего сочинения, которая в то время была представлена братом его, Сергеем Никифоровичем, великому Державину и им письменно одобрена. Другие из моих товарищей даже сохранили в памяти некото-

рые из корпусных моих стихов. Не привожу ничего из этих детских произведений... это были только вспышки. Укрепившись разумом, я понял все величие поэзии и отказался от стихов. Стихотворство то же, что игра на скрипке: кто не может играть так, как Паганини или Липинский, тот не должен играть в публике. В прозе мысли, чувства, картины подчиняют себе слог, в поэзии слог (стихи) определяет достоинство произведения. Россини был бы смешон, если б захотел сам петь перед публикою то, что прельщало всех, когда пели Малибран и Рубини! Проза – богатая нива, поэзия – цветущий и плодоносный сад, и то и другое превосходно, если хорошо возделывается... Но... каждому свое: *sum cuique!*

У Лантинга встречал я часто поэта Крюковского, прославившегося в свое время трагедиею «Пожарский, или Освобожденная Москва». Крюковской был подпоручиком в нашем корпусе, тихий, скромный, добродушный человек, бывший известным в корпусе более своею рассеянностью, нежели поэзией. Он всегда забывал в каком-нибудь углу свою шляпу и перчатки, будучи на дежурстве; иногда являл-

ся в роту без шарфа или без шпаги, и во фрунте делал ужасные промахи. Он был белокурый, приятной наружности молодой человек и чрезвычайно ласковый в обхождении. Я помню литературный спор, бывший однажды в квартире Лантинга между Крюковским, старшим Броглио и будущим фельдмаршалом бароном Иваном Ивановичем Дибичем. Дибич утверждал, что у французов нет поэзии и что трагедия их скучная, тяжелая, сухая декламация. Крюковской и Броглио сильно защищали Расина, Корнеля, Кребильона и Вольтера, а Дибич уничтожал их, противопоставляя Шекспира, Лессинга, Гёте и Шиллера, в которых Крюковской и Броглио, наоборот, не признавали никакого трагического достоинства. Лантинг склонялся на сторону Дибича, но судил не так резко, отдавая справедливость французам. Дибич победил, доказав, что Крюковской и Броглио вовсе не знают немцев, но не убедил их; на меня же, безмолвного слушателя, этот спор произвел удивительное влияние. Я стал прилежно учиться немецкому языку, и когда, чрез несколько времени, мог прочесть с помощью

лексикона и толкований Лантинга, «Эмилию Галотти» Лессинга и «Коварство и любовь» Шиллера[535], я перенесся в другой мир, а когда потом увидел их на немецком театре (в доме графа Кушелева), я склонился совершенно на сторону немцев. Немецкий язык показался мне во сто раз труднее французского, во-первых, потому что я раньше стал учиться по-французски, а во-вторых, оттого что французский так называемый *классический язык* состоит почти исключительно из условных фраз и форм, когда, напротив, каждый немец пишет *своим языком*, употребляя слова и обороты по произволу и не стесняясь никакими правилами в картинах и выражениях. Правда, от этого у немцев мало *щегольских* писателей, зато много *сильных*. Музыкальность немецкого языка тяжелая, изложение часто запутанное от длинных периодов (даже и в прозе Шиллера), но мыслей бездна, а в чувствах свежесть и сила.

Видя необыкновенно ласковое обхождение со мною Лантинга, гости его иногда удостоивали меня своего внимания, а Крюковской даже и беседы. Лантинг по благосклонности

своей нашел одно классное мое сочинение на заданную тему (описание Кагульского сражения) достойным того, чтоб показать собравшимся у него приятелям, вероятно для ободрения меня. Дибич сказал при этом случае замечательные слова, которых никогда не забуду: «Обрабатывайте ваш талант, молодой человек (*cultivez votre talent, jeune homme*), и помните, что без Квинта Курция не было бы для нас Александра Великого, а без Тацита Агриколы!» Во всю свою жизнь, и даже на высоте своей славы, Дибич всегда уважал литераторов, обходился с ними ласково и оказывал им услуги, если это от него зависело, что засвидетельствует товарищ мой Н. И. Греч. Однажды Н. И. Греч, не зная лично графа И. И. Дибича, пришел к нему просить о какой-то милости сиротам одного заслуженного генерала. Сперва Дибич, обремененный делами, принял его довольно холодно и сказал, что на это есть формы, но потом, спросив о его фамилии и узнав, что пред ним сочинитель «Русской грамматики» [536], попросил в кабинет, обласкал и исполнил просьбу. Покойный граф И. И. Дибич был чрезвычайно добр ду-

шою, имел необыкновенный ум, глубокие, разнообразные познания и страстно любил просвещение, т. е. науки и литературу. Ему иногда вредила необыкновенная вспыльчивость и какое-то внутреннее пламя, побуждавшее его к непрерывной деятельности. Во время последней турецкой войны[537], прославившей его имя переходом чрез Балканы, русские прозвали его в шутку *Самовар-паша* именно от этого вечного кипения. Прозвание это, несколько не оскорбительное, живо изображает его характер. Замечательно, что это прозвание не *новое*. Однажды Дибич в споре с кротким и тихим Броглио о Семилетней войне упомянул неосторожно о Росбахском сражении[538], в котором, как известно, французы были разбиты Фридрихом II. Броглио оскорбился и замолчал, но в отсутствие Дибича изъявил свое неудовольствие перед Лантингом. «Не принимайте этого в дурную сторону, – сказал Лантинг. – Дибич добрейшая душа и не имел намерения вас оскорбить. Но он вечно кипит, как *самовар*, и к нему надобно приближаться осторожно, чтоб не обжечься брызгами!» Сравнение Дибича (малоросло-

го, плотного, с короткою шеей и высокими плечами) с самоваром показалось всем присутствовавшим так забавно, что все расхохотались, а Броглио больше всех. После этого при имени Дибича или при встрече с ним я всегда вспоминал эту шутку и весьма удивился, когда услышал повторение этого сравнения чрез много лет!

А что случилось с моей музыкой? Матушка, уезжая из Петербурга, поручила одному своему знакомому платить за уроки на фортепиано, но мне было *невозможно* и *некогда* заниматься этим при переходе в гренадерскую роту. Невозможно было потому, что негде было поставить инструмента, а в малолетное отделение, к мадам Боньот, нельзя было ходить, когда бы мне захотелось; некогда было потому, что для меня важнее было справиться с моими пуговицами и плетешками, чем с клавишами и струнами. Фортепиано взял знакомец матушкин, а гитару (в ящичке и под ключом) я удержал и хранил под кроватью, но играл весьма редко. Когда я познакомился с Лантингом, он велел перенести гитару к себе, сожалел, что я бросил фортепиано, и совето-

вал мне упражняться в музыке, говоря, что для военного человека познание музыки чрезвычайно полезно. «Может случиться, что ты будешь стоять на квартирах в каком-нибудь уединенном месте, где не будет никакого общества, никакого рассеяния. Нельзя же все читать и писать, и, вместо того чтоб для рассеяния играть в карты или болтать вздор, ты найдешь приятное препровождение времени в музыке, доставляя удовольствие и себе, и другим. Это может отвлечь тебя от дурного общества, в котором приобретаются дурные привычки и склонности. Я знал несколько отличных молодых людей, подававших о себе прекрасные надежды, которые спились с круга, ища рассеяния в веселых обществах. Да избавит тебя Бог от этого! Учись музыке и рисованию: эти два искусства доставят тебе много радостей в жизни!» Я послушался Лантинга, принялся снова за ноты и гитару и забавлял его и товарищей моими песенками. Это мало-важное обстоятельство привожу по двум причинам: во-первых, чтоб повторить молодым людям совет Лантинга насчет пользы музыки, а во-вторых, что это обстоятельство имело

довольно важные последствия и для меня, и для корпуса вообще.

В корпусе были два хора певчих: один из кадет, а другой из корпусных служителей и людей наемных. Тогда певческие хоры не ограничивались одним церковным пением, но певали также во время стола на вечерах и вообще на празднествах кантаты, гимны, стихи на разные случаи, положенные на музыку, русские и малороссийские песни. У знатных и богатых людей почиталось необходимою содержать оркестр и хор певчих. Теперь это вывелось из моды. В последнее время превосходный оркестр был у покойного В. В. Всеволожского[539], а теперь только князь Б. Н. Юсупов содержит музыку. Странствующие немцы и богемцы заменили домашние оркестры. Хор корпусных певчих (из вольных и корпусных служителей) был превосходный. Бас по имени Бабушкин славился во всем Петербурге. И точно, голос Бабушкина был необыкновенный: рев Брейтинга перед ним то же, что чириканье стрекозы перед карканьем ворона! Корпусные певчие в праздники, после обеда, певали в саду, в беседке, светские гим-

ны и песни. Помню эффект, произведенный на меня кантатою, начинавшеюся куплетом:

*О судьба!
Исполни ты желанья наши,
Несчастных, жалостных сердец,
О судьба, о судьба![540]*

Бабушкин пел этот куплет соло своим громовым голосом, и хор повторял с различными вариациями. Я думал тогда о Пурпуре!.. Превосходно пел этот хор любимую малороссийскую песню светлейшего князя Потемкина, бывшую в моде во всей России, пока жил и властвовал Потемкин, – «На бережку, у ставка»[541], и стихи Державина «Краса пирующих друзей»[542], и т. п. Не знаю, по чьему желанию и повелению вздумали усовершенствовать кадетский хор и пригласили знаменитого Бортнянского выбрать голоса и обучать певчих. Товарищи уговорили меня вступить в хор, и Бортнянский нашел, что я к этому способен, тем более что уже знал ноты и важнейшие правила вокальной музыки. Я занял место альт-солиста. Надобно знать, что я до такой степени обрусел в корпусе, что ходил с товарищами в русскую православную

церковь, даже учился православному катехизису в классах у протоиерея Колосова и был одним из лучших его учеников. В корпусе была и немецкая церковь, и католическая каплица (chapelle), но католиков было весьма мало, человек десятков, и как из них оставалось по воскресеньям человека три (помню только кадет Дрентельна и Эдуарда), то мне скучно было ходить в эту каплицу и слушать латинскую обедню без певчих и без музыки. Катехизису учились католики в квартире патера, жившего в корпусе. По-польски я почти забыл и хотя понимал легкий разговор, но сам не мог уже объясняться, да и другие забыли, что я не природный русак. Когда случалось, что меня спрашивали, из какого я племени (иные офицеры и учителя по моей фамилии полагали, что я родом из Булгарии[543]), то я всегда отвечал, что русский. Итак, я пел на клиросе (или, как у нас говорят неправильно, на крылосе), вовсе не подозревая, чтоб это могло быть неприличным.

Однажды в корпусной церкви был большой праздник: происходила хиротония архиерея[544] (не помню, какого по имени). В

церкви было множество гостей и только лучшие кадеты, потому что для целого корпуса не было места. Певчие были на двух клиросах. Кадетский хор пел концерт сочинения Бортнянского под его личным регентством, и мне пришлось петь соло. И теперь помню и музыку, и слова этого соло: «От восток, солнце на запад, хвально имя Господне!»[545] Бортнянский выставил меня вперед перед хором, и я пел вполоборота к публике. Вдруг в толпе поднялся глухой шум... одной даме сделалось дурно, и ее вывели под руки из церкви. Я оглянулся... это была... моя мать!..

Дрожащим голосом окончил я соло и, сказав, что мне дурно (у меня точно закружилась голова), выбежал из церкви. Для матушки вынесли стул из ближней квартиры и стакан холодной воды... Она сидела, склонив голову на руки сестры моей Антонины... Я с воплем бросился в объятия матери!..

Ей до того стало дурно, что принуждены были перенести ее в учительскую квартиру и положить на софу. Явился наш доктор Зеленский, со спиртами и ланцетом, но обошлось без кровопускания, и матушку привели в чув-

ство оттираниями. Во все это время я рыдал, и надлежало вывести меня из комнаты. Часа через два матушка совершенно оправилась. Мы пошли к майору Ранефту, который отпустил меня с матушкой домой. По счастью, случилось, что были два праздничные дня сряду. Это было летом, в половине августа.

Матушка жила в Большой Морской, в доме г-жи Байковой (во втором замужестве графини Морель), в «Отель де Гродно»[546]. Когда мы сели в карету, матушка молчала, держала меня за руку и смотрела на меня сквозь слезы. Сестра удивлялась, как я вырос и возмужал. В самом деле, вытерпев все испытания, я был здоров и крепок, не боялся ни жара, ни холода, ни жажды, ни голода, по смыслу присяги Петра Великого, «как храброму и неторопливому солдату надлежит».

Когда мы приехали на квартиру и матушка совершенно успокоилась после обморока, она начала меня расспрашивать, не переменил ли я веры. Я отвечал, что меня никто к этому не приглашал и не понуждал, но что я хожу в русскую церковь потому, что мне кажется в ней лучше, и что, готовясь быть рус-

ским офицером, я полагаю, что мне приличнее быть русской веры... Не помню, какие аргументы представил я в оправдание моего предпочтения русской веры, но матушка объявила мне, что если я не желаю ее смерти, то должен ходить в католическую церковь и учиться религии у католического священника, прибавив, что единственная причина ее обморока была та, что она застала меня в русской церкви, узнав об этом в роте, и что при одной мысли о этом она чувствует смерть в сердце. Пошли слезы, увещания, и наконец матушка, известив меня о смерти моего отца, священной памятью родителя заклинала меня сохранить *его* веру!.. Разумеется, что я повиновался. Смерть отца произвела на меня ужасное впечатление. Это была *первая* вечная разлука, и притом с нежно любимым и самым близким сердцу существом. От слез я перешел к какому-то онемению чувств и недели две не мог ничем заняться. Лантинг объявил учителям причину моего столбняка и тем избавил меня от неизбежных неприятностей. Происшествие с матушкой в корпусной русской церкви и рассказы ее в обществах об

ужасе, объявшем ее, когда она узнала в церковном певчем своего сына, наделали шума. Римские католики испугались; иезуиты ударили тревогу[547]: с тех пор учрежден был особый класс для преподавания римско-католического катехизиса, и римским католикам приказано было ходить в свою церковь. Мне это не весьма нравилось... но надлежало повиноваться.

Все шло своим чередом в корпусе, сегодня как завтра, завтра как сегодня. После экзамена меня перевели, невзирая на лета, во второй верхний класс и в пятую роту[548], из которых уже выпускали в офицеры, в артиллерию и в свиту его императорского величества, по квартирмейстерской части (ныне Главный штаб его императорского величества). Пятою ротою командовал прежний капитан мой, Шепетковский, произведенный в майоры. Положение мое в отношении моего благосостояния несколько не переменилось. Шепетковский был так же добр и ласков, как и Ранефт, и офицеры были люди снисходительные. Во втором верхнем классе я стал обучаться долговременной фортификации и

артиллерии (с черчением), ситуации (снятию мест с натуры), высшей математике, физике, уже в слиянии ее с химией, и вообще всем наукам высшего курса. Русскую литературу преподавал здесь Железников, который принял меня весьма хорошо, по особой рекомендации Лантинга.

Говоря о Первом кадетском корпусе, нельзя не вспомнить об Андрее Петровиче Боброве. В мое время он был простым канониром, потом унтер-офицером корпусной полиции, после того произведен в чиновники 14-го класса, а наконец сделан корпусным экономом. Замечательное лицо Андрей Петрович Бобров[549]! Это образец русского добродушия, русской сметливости, смысленности и умения пройти сквозь огонь и воду, не ожегшись и не замочившись. Бобров скончался в чине статского советника, с Владимирским крестом на шее[550], любимый и уважаемый и начальниками, и подчиненными, а особенно любимый кадетами. Он умел так вести дело, что, невзирая на удвоившийся комплект кадетов и на возвышение цен на съестные припасы при равенстве расходных сумм, ка-

дети во время его экономства имели лучшую пищу, нежели тогда, когда на экономстве восседали люди высшей породы, а впоследствии весьма богатые. Офицерское кушанье было таково, что холостякам вовсе не нужно было обедать и ужинать в трактирах. Бобров чрезвычайно любил кадетов, с которыми провел всю свою жизнь и, невзирая на проказы с ним, никогда не жаловался на кадет, а угождал им, как мог. У него всегда были в запасе булки и пироги для тех, которые, будучи оставлены без обеда за шалость, прибегали к его добродушию. Но в таком случае надлежало его убаюкать и обещать раскаяние и исправление. Притворяясь сердитым и непреклонным, Бобров оставлял пирог или булку на столе и уходил в другую комнату, крича: «Извольте убираться!» Кадет брал съестное и уходил. Это, что называется, *sauver les apparences*[551]! Некоторым бедным, но отличным кадетам Бобров помогал деньгами при выпуске их в офицеры. Величайшею его радостью, живейшим наслаждением было, когда воспитанник корпуса после нескольких лет службы по выпуске навещал его, чтоб ска-

зять ему доброе слово. Проезжая однажды мимо корпуса, незадолго до его кончины, мне вздумалось завернуть к Боброву, и я в качестве старого воспитанника сказал, что приехал поблагодарить его за попечение о моем детстве, и припомнил ему, как он, быв еще полицейским унтер-офицером, поймал меня ночью на галерее с шутихой и на обещание мое отречься навсегда от любви моей к фейерверкам не пожаловался на меня дежурному офицеру, а только отнял мои снаряды и тем избавил меня от неизбежного наказания. Бобров расплакался, как дитя, от радости. «Вы помните это, вы не забыли этой мелочи!» – говорил сквозь слезы добрый старик, обнимая и прижимая меня к сердцу. Потом он засуетился, вздумал угощать меня, хотел непременно влить в меня несколько самоваров чаю, выдвинул целую корзину вина, и я принужден был силою вырваться от него и бежать от его радушия, не оглядываясь. Ну уж это русское радушие! Не одного свело оно в могилу. Бобров не оставил после себя состояния, следовательно, некому воспевать и прославлять его. Племянник его, бедный чиновник, добывав-

ший лишнюю копейку деланием бумажных коробочек вне службы, похоронил на свой счет дядю, чрез руки которого прошли казенные миллионы! Кладу цветов на могилу доброго человека.

Когда в Первом корпусе был театр, когда кадеты танцевали на придворных балах и отличались на придворных каруселях, тогда весь город обращал внимание на корпус. Когда же он ограничился своею внутреннею деятельностью, в городе почти позабыли о нем. И вдруг все заговорили о корпусе! Что это такое? Объявлено в афишах и в газетах, что в корпусе будет спущен *воздушный шар*[552] и что на нем взлетят на воздух, кроме хозяина шара, несколько любителей физических опытов. В корпусном саду, т. е. на плац-параде, где бывает ученье, стали строить огромный амфитеатр, привлекавший множество любопытных. Некто Черни, кажется родом богемец, затеял это предприятие. Это было время, близкое к изобретению *воздухоплавания* Монгольфьером и к усовершенствованию его опытами Бланшара. Вся Европа говорила об этом, как теперь о железных дорогах, и на

воздухоплавание полагали несбыточные надежды. Предприятие Черни взволновало Петербург, и еще до окончательной постройки цирка все первые места были разобраны. Это было осенью (кажется, 1803 года). Наконец настал день, назначенный для воздушного путешествия. Бывший полковником в лейб-гусарском полку, индейский князь Визапур, с своим темно-оливковым лицом (почти черным) и кудрявыми волосами, расхаживал посреди цирка между множеством гвардейских офицеров и первых щеголей столицы, привлекая на себя общее внимание. На него смотрели с удивлением и каким-то тайным страхом. Он получил позволение подняться на воздух вместе с Черни. Между тем, пока съезжалась публика, в первой аллее сада, примыкающей к плац-параду, наполняли шар гасом, между четырьмя высокими холстинными щитами, чтоб скрыть от публики шар и приготовительные работы. Вокруг этого места выстроена была цепь кадетов с ружьями. Музыка гремела возле богатого павильона, устроенного для царской фамилии. Вдруг раздался треск!.. Это что? «Шар лопнул!» – закричали в аллее,

и эти слова пронесли по всему амфитеатру и возбудили сильное негодование. «Обманщик!» – раздалось в толпе, и множество народа бросилось из амфитеатра к аллее, где был шар, и к кассе, где миловидная дочь Черни, долженствовавшая также подняться на воздух, продавала билеты. Там также был кадетский караул. Раздраженные зрители хотели приколотить Черни за то, что вместо воздушного шара он надул публику, а другие хотели только получить обратно свои деньги. Произошел ужасный беспорядок: шум, крик, толкотня; но кадеты отстояли, защитили и самого Черни, и дочь его, и кассу, и публика должна была выбраться из сада ни с чем. *Finita la commedia*[553]! Полиция объявила, что на другой день будут выдавать деньги за билеты в надлежащем порядке.

Кадеты показали себя молодцами: сомкнули ряды и прикладами отогнали дерзких. Помню, что более всех отличился кадет Хомутов, высокий красивый парень (бывший потом отличным командиром кавалерийского полка и, кажется, генералом), в защите миловидной дочери Черни, которую охранял

также и князь Визапур. Не знаю, что случилось с Черни. Говорили, что он был посажен в тюрьму и будто открылось по следствию, что он нарочно так устроил дело, чтоб шар лопнул; но верно то, что он не возвратил и десятой части собранных им денег. Многие богатые люди вовсе не посылали за деньгами; другие послали и, не добившись толку, посмеялись и забыли; прочие посердились, побранили немца и замолчали. Худо то, что Черни несправедливо разглашал, будто часть кассы его разграбили, когда никто не прикоснулся к ней. Черни умер в Петербурге, но миловидная дочь его скоро утешилась от всех случившихся с нею горестей. Она долго щеголяла по Петербургу под покровительством добрых людей, сострадающих несчастной красоте.

После этого приехал в Петербург известный воздухоплаватель Гарнерен и также возвестил, что взлетит на воздух из корпусного сада. Он исполнил дело свое мастерски, без дальнейших приготовлений, без постройки цирка[554]. Удивительное зрелище *воздушный шар!* Истинная характеристика нравственной природы человека! Гарнерен подни-

мался в воздух, кажется, три раза. В одном воздухоплавании сопутствовала ему жена его; в другом взлетал с ним помощник его, мусье Александр, красивый видный мужчина, удивительной смелости и расторопности. На огромной высоте он завернулся в сеть парашюта и выпрыгнул из лодки. Сердца зрителей вздрогнули. Несколько времени он в падении вертелся, как брошенный камень; многим дамам сделалось дурно, все ожидали несчастной развязки, и вдруг парашют распустился и понесся медленно на землю. Раздались рукоплескания, крики «ура», и парашют опустился на корпусном дворе, однако ж не без опасности, потому что в самом углу едва не зацепился концом о кровлю. Мусье Александр, ступив на землю, выпутался ловко из сети парашюта, подпрыгнул, щелкнул пальцами и воскликнул: «На этот раз спасен!»

С Гарнеренем в третий раз поднимался на воздух генерал Л-в[555], человек любезный в обществе, *bon vivant*[556], всем тогда известный в Петербурге. На этот счет ходили тогда по городу нельзя сказать стихи, а рифмованная шутка:

*Генерал Л-в
Взлетел до облаков,
Просит богов
Об уплате долгов.
На землю возвратился,
Ни с кем не расплатился!*

Этой шуткой и правда дошла до императора Александра, и он, посмеявшись, велел заплатить долги генерала Л-ва, приказав ему сказать, что это последние деньги, которые посыпались на него с неба!

Из внешних событий, имевших влияние на корпус, припомню только празднование (в 1803 году) *столетия* от основания Петербурга. Мы участвовали только в общем параде войск вокруг монумента Петра Великого на Исаакиевской площади и слушали молебствие под открытым небом. Наш корпус, уже одетый по новой форме, в киверах и коротких мундирах, стоял возле самого монумента, на *первом* месте. Это было впервые, что корпус был в параде вместе с полками гвардии и армии, и до моего выпуска в другой раз это не повторялось. Из нововведений по фронтовой части помнятся мне два. У нас прежде не бы-

ло музыки, а были только *кларнетисты*[557], в каждой роте по одному. Когда роты учились отдельно, один кларнетист играл известный «Дессауский марш»[558] Фридриха Великого, а при батальонном ученье кларнетисты играли вместе. При императоре Александре Павловиче в полках заведена музыка, и цесаревич доставил это удовольствие корпусу. В это же время кадетов стали обучать стрельбе холостыми зарядами. Прежде того мы знали только ружейные приемы, но не умели заряжать ружья порохом. По учебной части введено важное улучшение. М. С. Перский, человек отлично образованный, произведен по новому положению из капитанов в подполковники и назначен инспектором классов. По его представлению при первом верхнем классе учреждено было отделение, в особой комнате, для чертежной и вообще для занятия высшими военными науками и математикой. Туда поступали лучшие ученики. Класс этот назывался офицерским отделением. Цесаревич в[еликий] к[нязь] Константин Павлович доставил еще два благодеяния корпусу. По его предстательству стали выпускать из корпуса

в гвардию офицерскими чинами и недостаточным кадетам, выпускаемым в артиллерию и в армию, назначено денежное пособие на обмундировку.

Но самый важный нравственный переворот в корпусе, т. е. между кадетами, которые хотели что-либо знать, произвело издание П. С. Железниковым классной книги (Lesebuch [559]) под заглавием «Сокращенная библиотека» (в четырех частях)[560]. Это избранные места и отрывки (имеющие полный смысл) из лучших русских писателей (в стихах и прозе), из древних классиков и знаменитейших французских, немецких и английских старых и новых писателей, в отличных переводах. Железников извлек, так сказать, эссенцию из древней и новой философии, с применением к обязанностям гражданина и воина, выбрал самые плодovитые зерна для посева их в уме и сердце юношества. Различные отрывки в этой книге заставляли нас размышлять, изоцрять собственный разум и искать в полных сочинениях продолжения и окончания *предложений*, понравившихся нам в отрывках. Кроме того, в «Сокращенной библиотеке»

мы находили образцы слога и языка, примеры систематического изложения мыслей и примеры гражданского и военного красноречия. Книга эта была для нас путеводительной звездой на мрачном горизонте и сильно содействовала умственному нашему развитию и водворению любви к просвещению[561].

||

Петербургское общество при начале царствования императора Александра. – Первенство любезности и барства в роде Нарышкиных. – Неподвижные звезды на горизонте общества. – Благодетельные государственные учреждения и высокое направление. – Страсть к увеселениям. – Театры. – Музыкальное собрание. – Маскарады Фельета. – Загородные праздники и шлюпки. – Дешевизна. – Граф Валицкий и слухи о его приключениях. – Волокитство за фортуной. – Парижские разбойники. – Оригиналы, или Эксцентрики. – Польский пан и венгерский магнат. – *Va banque!* – Гордость противу гордости, или Претендент короны польской. –

**Характеристика Мирабо и Лафайета. –
Образец светского человека. – Выпуск
из корпуса. – Цены тогдашней
обмундировки**

Каждое воскресенье и во все праздничные дни матушка брала меня со двора, и я снова заглянул в свет, который не существовал для меня за корпусными стенами. Я уже был не ребенок и мог многое понимать; однако многое виденное и слышанное тогда сделалось для меня ясным уже впоследствии, когда я мог рассуждать основательно и сравнивать.

Все приняло другой вид, и самая жизнь петербургского общества изменилась со вступления на престол императора Александра [562]. Блистательная звезда двора императрицы Екатерины II закатилась: Лев Александрович Нарышкин уже лежал в могиле. Поступив ко двору в первой молодости, при императрице Елисавете Петровне, он по знатности своего рода [563], по богатству, по уму и характеру занимал всегда почетное место, и, сохраняя всегда милость царствующих особ, пользовался даже особенною доверенностью императора Петра III, и дожил до глубокой ста-

рости, сохранив всю свою любезность и все предания утонченности придворных обычаев. Я слышал от близких к нему людей много весьма любопытного из рассказов Л. А. Нарышкина о прошлых временах. Он сопровождал императора Петра III в Шлиссельбургскую крепость для свидания с бывшим в калыбели императором Иоанном Антоновичем [564], видел его и слышал его речи. Л. А. Нарышкин говорил, что Иоанн Антонович был красавец, имел прекрасные голубые глаза с черными ресницами и белокурые волосы, остриженные в кружок, по-русски[565]. Природный ум отзывался в его словах. Быв очевидным свидетелем восшествия на престол императрицы Екатерины II и зная лично всех людей, игравших первую роль в государстве, Л. А. Нарышкин помнил множество анекдотов, которые в конце своей жизни рассказывал своим приближенным. Жаль, что все это пропало для истории! Даже князь Потемкин-Таврический не был горд перед Л. А. Нарышкиным и, напротив, искал его приязни, потому что он был истинным патриархом и коноводом высшего общества столицы, кото-

рое при всей своей уклончивости поражало иногда выскочек стрелами эпиграмм. После смерти Л. А. Нарышкина не было, так сказать, *главы* в обществе, но сыновья его сохранили принадлежащее им первенство, потому что никто не мог подражать нарышкинской манере. Были им равные родом и высшие богатством, но никто не умел быть в такой степени *барином* (*grand seigneur*), как Лев Александрович Нарышкин и сыновья его, Александр Львович и Дмитрий Львович, никто не мог с необыкновенною простотою в обхождении соединить такой благородный тон и самую фамильярностью внушать к себе уважение, как Нарышкины. Александр Львович жил открыто: дом его называли *Афинами*. Тут собиралось все умное и талантливое в столице, а между ими ум хозяина рассыпался ежедневно искрами, которые иногда больно обжигали глупую гордость и неуместное чванство, но большею частию возбуждали веселость. Дмитрий Львович, муж первой красавицы в столице, изобиловавшей красавицами, жил также барином, но в другом роде. Балы его и праздники имели более официальности и ме-

нее той благородной свободы, которая составляет всю прелесть общества. Дмитрий Львович приглашал гостей, а у Александра Львовича дом всегда был полон друзей и приверженцев. Дом князя Алексея Борисовича Куракина приманивал к себе необыкновенною любезностью хозяйки, княгини Натальи Ивановны[566]. В доме графа Александра Сергеевича Строганова невестка его, графиня Софья Владимировна, привлекала общество своим искренним радушием[567]. Словом, в петербургском обществе были, так сказать, неподвижные звезды, солнца, к которым каждому образованному дворянину или таланту можно было пристать в спутники, т. е. были древние фамилии, исполнявшие законы гостеприимства по древним обычаям. Новые вельможи хотели, но не умели подражать русскому барству. Выскочки всегда боятся унизиться или скомпрометироваться, допуская свободу в своем обществе, а вечный этикет порождает скуку. Вообще, едва ли петербургское общество было когда-либо в такой сильной степени расположено к веселой и открытой жизни, как в начале царствования императора

Александра. Все сердца наполнены были какою-то сладостною надеждою, какими-то радостными ожиданиями, и каждый день, порождая какое-нибудь новое добро, освежал душу, воспламенял сильнее любовь к благодушному государю и привлекал к наслаждению жизнию.

Россия жаждала мира с Англией, без которой не могла обойтись тогда ни привозная, ни отпускная русская торговля, и с восшествием на престол императора Александра Павловича коммерческие и политические сношения России с Франциею и Англиею возобновились в ожидании заключения трактата, долженствовавшего утвердить всеобщий прочный мир в Европе[568]. Множество знатных иностранцев приезжали в Петербург единственно с тою целию, чтоб увидеть государя, на которого вся монархическая Европа полагала свои надежды, прославляя все новые меры юного императора. Права и преимущества русского дворянства (дарованные в 1785 году) снова были подтверждены и произвели общий восторг[569]. Тайная экспедиция уничтожена[570]. Не только все ссылоч-

ные не за уголовные преступления, но даже и многие преступники, не закоренелые, а вовлеченные в преступление страстями, прощены, и назначена ревизия для всех вообще ссылочных, между которыми найдены безвинные. Задолжавшим в казну по несчастным обстоятельствам прощены долги. Благодетельное Городовое положение снова введено в силу, и возобновлены в городах думы, магистраты и управы благочиния[571]. Иностранцам позволено снова въезжать в Россию и жить в ней свободно[572], а русским по произволу выезжать в чужие края. Духовенство, даже в уголовных преступлениях, избавлено от телесного наказания. Уничтожены не только пытка, но и всякое истязание при допросах, даже в уголовных делах, и конфискация имущества преступников. Дозволено купечеству, мещанству и крестьянскому сословию приобретать земли в вечное владение, и учреждено сословие свободных хлебопашцев, с позволением увольнять целые поместья. Учреждены университеты, Педагогический институт[573], гимназии и приходские училища. Обращено особенное внимание на основание порядка в

государственных финансах на поощрение земледелия, торговли и промышленности. Учреждены на прочных правилах Американская и Беломорская компании[574], и выслано первое путешествие вокруг света под начальством Крузенштерна[575]. Войско получило новое преобразование[576] на основании введенной императором Павлом Петровичем дисциплины, смягченной правильным течением службы... и все это исполнилось в три года, от 12 марта 1801 до 1804 года!..

Государю было всего двадцать семь лет от рождения. Он был и добр, и прекрасен, и среди важных государственных занятий снисходил к желанию обожавших его подданных, и посещал и частные, и публичные собрания. В конце царствования императрицы Екатерины II Французская революция нагнала мрачные облака на все европейские дворы, и политические события, тревожа умы, не располагали к веселию. Меры предосторожности отразились и на частных обществах, и везде как-то приутихли. Наконец сильная рука гениального Наполеона Бонапарте, провозглашенного пожизненным консулом, оковала

гидру Французской революции[577]. Во Франции восстановлены религия[578] и гражданский порядок, и все европейские державы трактовали в Амьене о заключении общего и прочного мира[579]. Никаких опасностей не предвиделось ни внутри, ни извне; ожившая торговля рассыпала деньги; везде было довольство, и люди, как будто после болезни, спешили наслаждаться жизнью!

В Петербурге были превосходные театральные труппы: русская, французская, немецкая, итальянская опера[580], некоторое время даже польская труппа под управлением антрепренера Кажинского (отца отличного музыканта и композитора Виктора Кажинского, ныне проживающего в Петербурге) и, наконец, знаменитая балетная труппа. На русской сцене давали трагедии, комедии, водевили и оперы; на французской – также трагедии, комедии, водевили и комические оперы; на немецкой сцене – трагедии и комедии. Итальянская опера была отличная. Примадонна Манджолетти[581], теноры Пасква и Ронкони, буффо Ненчини и Замбони почитались *первыми* в Европе. Наш трагик Яковлев

[582] и трагическая актриса Катерина Семеновна Семенова[583], комики Бобров, Рыкалов, Воробьев[584], певцы Самойлов и Гуляев [585], певица Сандунова[586] и множество прелестных актрис были бы отличными и в самом Париже. Фелис-Андрие была первою певицею во французской опере[587]. В балете мы имели первого европейского танцора Дюпора[588], знаменитого Огюста[589], балетмейстера Дидло[590] и наших танцовщиц, не уступавших Тальони[591]: Евгению Ивановну Колосову, чудную красавицу Данилову (умершую, как говорили тогда, от любви к неверному Дюпору), Иконину и потом Истомину[592]. Словом, в отношении изящества Петербург не уступал Парижу, и, что всего важнее, директором театров был *знатный барин* – умный, образованный, ласковый, приветливый Александр Львович Нарышкин! В нынешнем доме Косиковского (у Полицейского моста) было *Музыкальное собрание*[593], которого членами были сам государь и все высокие особы августейшего семейства, а за ними, разумеется, и вся знать. Тут бывали концерты и блистательные балы. В доме графа Кушелева фран-

цуз Фельет в огромных залах давал маскарады, которые также посещаемы были всем высшим сословием. Все знатные и богатые люди имели собственные шлюпки или катера, богато изукрашенные: в хорошую погоду Нева была ими покрыта, и воздух оглашался русскими песнями, прекрасно исполняемыми удалыми гребцами. Каждый хороший летний вечер был праздником для всего города, и толпы горожан расходились по барским дачам, на которых веселились любимцы фортуны.

Дешевизна была удивительная! Тогда вся молодежь лучших фамилий и все гвардейские офицеры ходили в партер (где ныне кресла) и за вход платили *один рубль медью*. Было только несколько первых рядов кресел, и кресла стоили два рубля с полтиною медью. За вход в маскарад платили рубль медью. Отличный обед, с пивом, можно было иметь у Френцеля (на Невском проспекте, рядом с домом Строганова) и в трактире «Мыс Доброй Надежды» (где физионотип, в Большой Морской)[594] за пятьдесят копеек медью. За два и за три рубля медью можно было иметь обед

гастрономический, с вином и десертом, у Юге (в Демутовом трактире)[595], Тардифа[596] (в «Hôtel de l'Europe» на углу Невского проспекта, в нынешнем доме Грефа[597], а потом в доме Кушелева) и у Фельета, содержателя маскарардов. Помню, что в маскарараде за жареного рябчика платили по 25 и 30 копеек медью, за бутылку шампанского по два рубля! Фунт кофе стоил в лавках сорок копеек, фунт сахара – полтина медью. Обыкновенное хорошее столовое вино продавали по сорока копеек и по полтине. Французских и английских товаров была бездна, и они продавались втрое дешевле, чем ныне продаются московские *кустарные* произведения с *казовым концом*[598], т. е. *напоказ* плохое, а внутри вовсе негодное!

В это время, между 1804 и 1806 годом, появился в петербургском высшем обществе человек, способствовавший мне узнать лучшее общество, человек необыкновенный во всех отношениях и до сих пор оставшийся неразгаданным. О нем я должен упомянуть, как о явлении весьма редком.

В наше время, когда гражданское общество, быв взволновано, как море, вошло в

прежнее свое ложе и, сверх того, подчинилось аргусовым взглядам[599] книгопечатания, уже не может быть подобного явления: мы теперь или всё знаем, или хотим всё знать, и если не можем проникнуть истины, то лжем и клеветаем, чтоб только показаться всезнающими. Тогда люди были снисходительнее и беспечнее: спешили жить, так сказать, бежали вперед и редко оглядывались; каждый заботился о своем спокойствии и наслаждении, не беспокоя никого, и общество не составляло индийской касты, недоступной неодоленному. Дворянство всех стран признавало всех своих сочленов равными. Очерки границ на географических картах часто изменялись, и старинные члены государства не смели пренебрегать *новыми* соотчичами и даже чужеземцами, находя в них все условия хорошего общества. Но обратимся к человеку, который мог бы быть героем весьма занимательного романа, если бы жизнь его была вполне известна.

Валицкий, польский шляхтич хорошей, старинной, но обедневшей фамилии, воспитывался в Могилеве, на счет дяди моего (стар-

шего брата моей матери), крайчего (т. е. кра-
вчего) литовского, Бучинского[600], будучи
родственником (не знаю, в какой степени) фа-
милии Бучинских, и, оказав необыкновенные
способности в науках, обладал необыкновен-
ным природным умом. По окончании воспи-
тания дядя мой по тогдашнему обычаю пода-
рил Валицкому бричку, четыре лошади, саб-
лю, ружье, пару пистолетов; дал кучера и
мальчика для прислуги; снабдил постелью,
бельем и несколькими парами платья и, вру-
чив сто червонцев и несколько рекоменда-
тельных писем в Вильну и Варшаву, отпра-
вил молодого человека в путь, как говорится,
куда глаза глядят, на все четыре стороны. Так
велось в старинной Польше. Бедные дворяне,
родственники или чужие, воспитывались на
счет богатых и потом с подобным приданым
отправляемы были в свет для искания сча-
стия, или, как говорили поляки, *на волокит-
ство за фортуной* (w umizgi[601] do fortuny). У
некоторых старых поляков был еще обычай
перед отправлением в свет своих питомцев
растянуть их на ковре в гостиной, т. е. в луч-
шей комнате своего дома, и вклеить сто уда-

ров плетью (sto bizunow) ни за что ни про что, без всякой вины, единственно для внушения осторожности и притупления гордости! Но с Валицким этого не сделано. Получив благословение и благие советы, он отправился в путь незадолго до присоединения Белоруссии к России[602]. Ему было тогда лет осьмнадцать от рождения. С этих пор он пропал без вести, исчез, как камень, брошенный в воду, и появился в Варшаве после двадцатилетнего отсутствия из Польши, в начале Польской революции[603], графом и богатейшим человеком. Графство купил Валицкий в каком-то итальянском владении, и король Польский признал его в этом достоинстве, следовательно, он был *не самозванец*, как некоторые утверждали. Король за пожертвование значительных сумм в пользу учебных заведений наградил его орденом Св. Станислава первой степени. Мало того что он был графом и миллионером, он находился в самых приятельских отношениях с значительнейшими фамилиями в Италии, Франции, Англии и Германии, и его хорошо принимали при многих дворах. Речь, тон, манеры, образ жизни – все

обнаруживало в Валицком человека, привыкшего к высшему обществу, а жил он, как настоящий герцог времен Лудовика XIV[604]. Все терялись в догадках насчет приобретения Валицким богатства, и все старались приобрести его дружбу или благосклонность, потому что обеды его были знамениты во всей Европе, щедрость изумительная, обхождение самое приятное, вкус во всем изящный, красноречие увлекательное и нрав самый веселый и уживчивый. Он был всю жизнь холост, но принимал и дамское общество, избирая для каждого бала новую хозяйку из высшего общества. В доме у Валицкого играли в карты, и он играл превосходно во все игры, выигрывал большие суммы, но и проигрывал иногда, и играл чисто, честно и приятно, был, как говорится, beau joueur[605], что тогда почиталось важным качеством в светском человеке. Общее мнение утверждало, что Валицкий составил себе богатство игрою, но где и как – этого никто не знал наверное. Мне рассказывали, что несколько раз знаменитые шулеры, т. е. фальшивые игроки, составляли противу него заговоры, чтоб обыграть его *навверную*, и все-

гда платили за это дорого!

Contre coquin, coquin et demi[606], говорил Валицкий и очищал до копейки шулеров, наказывая их за дерзкое покушение. Иногда он возвращал деньги некоторым шулерам, если они ему нравились, а чаще отдавал выигранное на бедных, не желая пользоваться, по его словам, *штуками*, употребляемыми для наказания неприятелей!

Не знаю, был ли таков Валицкий *всегда*, т. е. когда был беден; в последнее время, т. е. когда он выступил на светское поприще богачом, общее мнение утверждало, что он играл честно, но чрезвычайно искусно и *счастливо*, и каждый, почитавший себя хорошим игроком, смело садился с ним за карточный стол. В течение двадцати лет после возвращения Валицкого в отечество даже зависть не могла бросить тени на его поведение, а репутация его оставалась неприкосновенною. Клевета истощала весь свой яд на неизвестный, тайный период жизни Валицкого: верного не было ничего.

Говорят, что он уже в глубокой старости, поселившись в Вильне, открыл все тайны

своей жизни генералу Коссаковскому, с которым жил в тесной дружбе. Но эти тайны погребены вместе с обоими друзьями в могиле! Некоторые *данные*, однако ж, остались в памяти людей, и, доискиваясь математически *неизвестного* по нескольким *известным*, кое-что открыто. Были люди, которые видывали Валицкого в различные эпохи и в разных краях, и он сам никогда не запирался, когда ему говорили правду, не объясняя, однако ж, подробностей и не распространяясь в рассказах. Например, Валицкого спросили: «Правда ли, что князь Фр. Сап[ега] встретил вас в крайней бедности в Галиции?» – «Правда, – отвечал Валицкий, – я был без куска хлеба и без гроша денег, и князь сделал мне добро, которого я никогда не забуду». – «Как это было?» На этот вопрос Валицкий уже не отвечал, а отделивался обыкновенными фразами: это для вас неинтересно, а для меня скучно, и т. п.

Верно то, что Валицкий имел смолоду страсть и необыкновенные способности к карточной игре, а как тогда *все* и *езде* играли и азартные игры были не запрещены, то во всех трактирах и кофейнях, в больших и ма-

лых городах метали банк и штосс и повсюду были целые шайки игроков, которые разъезжали по ярмаркам, как купцы с товарами, плелись за войском, как маркитанты, имели в городах свои открытые залы и не стыдились своего ремесла. Еще я помню в Вильне так называемую *серебряную залу* в доме генеральши Фитингоф[607], и в Варшаве (когда после Парижского мира была там главная квартира князя Баркляя-де-Толли[608], до провозглашения Царства Польского[609]) залу гжи Нейман (pani Neimanowej), в «Hôtel de Nambourg», где *каждый вечер* метали банк и играли в штосс на нескольких столах и где были *в обороте* сотни тысяч рублей! Многие полагали даже, что публичная игра, хотя и противна правилам порядка и нравственности, однако ж не производит столько бедствий, как игра тайная, в которой несколько шулеров, сговорившись, просто грабят неопытных или страстных игроков. На публичной игре трудно обманывать, потому что одни шулеры наблюдают за другими и тотчас воспользуются случаем, узнав средства обмана. Валицкий, пустившись в свет искать сча-

стия, стал играть в карты, выигрывал, проигрывал, и наконец доигрался до того, что в Лемберге[610] остался совершенно на мели, и, как говорили, должен был ради насущного хлеба определиться в маркеры в трактире. В то время между богатыми и знатными людьми было весьма много людей оригинальных, или, как ныне говорят, *эксцентрических*, т. е. людей, которые жили особою жизнью, вопреки своему рождению и состоянию, искали повсюду приключений и бóльшую часть жизни проводили в странствиях, инкогнито, мешаясь со всеми сословиями, посещая места самые низкие и находя единственное наслаждение в сильных ощущениях, в внезапностях, в необыкновенных событиях, подвергаясь даже опасностям. Таков был и князь Фр. Сап[ега], принадлежавший по рождению и богатству к разряду первых польских панов. В первой своей молодости он уже был главным начальником артиллерии литовской (генералом от артиллерии), получив это важное звание не заслугою, потому что он вовсе не служил, а милостию короля, желавшего склонить сильную партию его фамилии на

свою сторону. Отец князя Фр. Сап[еги] был канцлером[611]. Во время всеобщего восстания в Польше под начальством Костюшки князь Фр. Сап[ега] объявил, что он чувствует себя неспособным к такому высокому званию, предложил Костюшке выбрать достойного в генералы артиллерии и сам поступил в капитаны. Этот поступок обнаруживает характер князя Фр. Сап[еги]. Я знал его лично в Париже и бывал у него в доме в Вильне и в имении его в Гродненской губернии[612]. Это был человек необыкновенного просвещения и образованности, умный, острый, милый, любезный в обхождении, без малейшей гордости, простодушный и добрый – но чудак! Он терпеть не мог всякой выставки богатства и всякого этикета, редко, только проездом, жила в своем великолепном поместье и беспрестанно странствовал по Европе, с одним камердинером и запасом банкирских векселей в кармане, посещая игорные дома и все самые сокровенные места в больших городах [613]. Кажется, будто Евгений Сю с него списал тип характера своего князя Родольфа в «Парижских тайнах»[614]! И точно, князь Фр.

Сап[ега] в течение своей жизни сделал много тайного добра, спас многих несчастных от гибели в бездне разврата и даже многих отвлек от преступлений. Вот пример, каким опасностям подвергался он, удовлетворяя страсти своей к приключениям. Это слышал я от него. В одно из своих путешествий во Францию он в дилижансе познакомился с французом весьма приятной наружности, хорошего тона и отличного образования. Приехав в Париж, они расстались, но по какому-то особенному случаю князь весьма часто встречал своего спутника то в трактирах за обедом, то на прогулках, то в театре и, встретясь, иногда проводил с ним целый день, находя удовольствие в его беседе. Ни тот, ни другой не спрашивали друг друга о месте жительства, хотя и знали один другого по фамилии. Француз называл себя графом старинной аристократии. Однажды, когда князь возвратился вечером домой, чтоб переодеться в театр, он нашел записку от своего прежнего спутника, в которой он просил князя заехать к нему на четверть часа, по *весьма важному делу*, не терпящему ни малейшего отлагательства,

уведомляя, что он нездоров и поэтому не может сам явиться, надеясь, впрочем, что князь по благородству характера не откажет ему в этом. Князь думал, что, верно, важное дело состоит в денежном пособии, как это не раз уже с ним случалось, и, взяв с собою несколько сот франков, отправился немедленно по адресу. Князь застал своего знакомца в шлафроке, в комнате, убранной со вкусом. В передней были два лакея. Попросив князя сесть, приятель сказал ему без обиняков, с веселою улыбкою: «Я уже давно волочусь за вами, любезный князь, и наконец достигнул своей цели! Вы богаты, а я беден. Мне известно, что у вас в шкатулке несколько сот тысяч франков, и вы должны сейчас же написать к вашему камердинеру, чтоб он отдал ее моему посланному, в противном случае вы не выйдете отсюда живым...» При этом он позвонил, и из передней вбежали два лакея, а из другой комнаты два человека ужасной физиономии, с пистолетами и кинжалами. Сопротивляться было невозможно, и князь при своей неустрашимости и своем хладнокровии беспрекословно исполнил требование разбойников.

Один из них немедленно отправился в квартиру князя, а между тем спутник князя продолжал с ним разговор. «Это, конечно, невежливо, – сказал он, – но ведь эта сумма не разорит вас вконец, а нам даст средство ускользнуть в Америку от несносного здешнего правосудия, которое не дает нам покоя! Я знаю вас, князь, еще с последнего вашего пребывания в Париже, – продолжал он, – и тогда еще хотел *попросить вас поделиться* со мною вашим достатком, но не успел и должен был удалиться из Парижа, от здешней неотвязной полиции. Вы не поверите, как я обрадовался, встретив вас снова в Париже, и когда узнал, что вы отправляетесь в Седан для осмотра суконной фабрики барона Нефлиса, поспешил туда перед вами, чтоб иметь удовольствие познакомиться с вами на обратном пути!..» – «Но неужели вы, с вашим образованием, не могли избрать лучшего и безопаснейшего средства к существованию? – возразил князь. – Я охотно помог бы вам в этом...» – «Вы и делаете это теперь, – отвечал, смеясь, разбойник. – Я уже пробовал различные средства к приобретению состояния, но они мне

не удавались, и вот теперь я уже связан и не могу расстаться с моими любезными товарищами, – примолвил разбойник, указывая на своих сообщников. – Впрочем, – примолвил он, – ремесло хотя опасное, но прибыльное, как вы сами видите! Люди мы не злые и не убьем вас, потому что вы добровольно покорились, а чрез час нас уже не будет в Париже...» Пока они разговаривали таким образом, явился посланный и привез шкатулку. «Браво! – воскликнул главный мошенник и, обратясь к князю, сказал: – Вы сделали для нас *много* и теперь должны довершить доброе дело. Мы вас свяжем, так осторожно, однако ж, чтоб вам не было больно, уложим в постель, завяжем рот, чтоб вы не кричали, и уйдем, а чрез восемь часов оставшийся здесь приятель уведомит вашего камердинера, чтоб он освободил вас. Хотя это *несколько неприятно*, но все же лучше, чем быть зарезанным!..» Вдруг послышался у дверей стук... Главный разбойник выглянул в переднюю и, закричав «*Nous sommes trahis!*» (нам изменили), бросился стремглав в другую комнату, а товарищи его за ним. В комнату вбежал ка-

мердинер князя с пистолетами, а с ним целая толпа вооруженных полицейских служителей. Полицейский комиссар, узнав от хозяина дома, что в эту квартиру ведут две лестницы, поставил караул у задних дверей, и эти пять человек разбойников, беглых каторжников, которых давно искала полиция, попались в западню! Их обезоружили, перевязали, а князю отдали шкатулку, посоветовав быть осторожнее в знакомствах.

Вот каким образом князь избавился от опасности и сохранил деньги. Камердинер его, француз, получив записку князя об отдаче шкатулки в чужие руки, тотчас догадался, что тут скрывается какое-нибудь злоумышление. Сперва он намеревался задержать посланного, но опасался, чтоб из этого не вышло чего-нибудь дурного, потому что князь писал, чтоб прислать шкатулку *немедленно*, без всяких расспросов. Он отдал шкатулку, но с лон-лакеем[615] последовал за посланным. Они бежали за фиакром, пока не нашли на улице другого наемного экипажа. Доехав до дому, где происходила эта трагическая сцена, камердинер велел лон-лакею узнать, по ка-

кой лестнице посланный понесет шкатулку, а сам поскакал к полицейскому комиссару. По особенному счастью, у комиссара была в это время собрана полицейская команда, с которою он намеревался отправиться для обыска одного магазина, где хранилась контрабанда, и помощь князю попела в самую пору. Но это происшествие вовсе не отучило князя от искания приключений, и он даже говорил, что это одно из самых *приятных воспоминаний в его жизни!* «Вы не можете себе представить, – сказал он нам, – какое блаженство чувствовал я, освобождаясь из этого разбойничьего гнезда! Таких минут нельзя купить за миллионы! Во-первых, деньги, находившиеся в шкатулке, казались мне выигранными; во-вторых, я почувствовал цену жизни, быв на волос от смерти; а в-третьих, я приобрел друга в моем верном камердинере». Князь, пересчитав деньги, которые у него были в шкатулке, принудил камердинера взять вексель на эту сумму и выплатил ее ему по возвращении в отечество.

Таков был человек, который встретил Ва-лицкого в должности маркера в Лемберге.

Разговорившись с ним наедине и узнав, кто он, князь, зная Бучинских, потому что сам имел огромные поместья в Белоруссии, предложил Валицкому свою помощь и взял его с собою в Вену в качестве компаньона. Князь уехал из Вены в Польшу по делам, а Валицкий остался. Страсть к игре князь не почитал пороком, потому что она обладала им самим в сильной степени, и потому, полюбив Валицкого, он дал ему денег, чтоб, как говорят игроки, *разыграться*.

В каком-то закоулочном трактире в Вене Валицкий в складке с несколькими товарищами, мелкими игроками, метал банк. Было уже за полночь. Счастье благоприятствовало банкиру, и карманы понтеров[616] уже опустели. Компания намеревалась закрыть банк, как вдруг вошел в комнату высокий, сухощавый, пожилой человек, с длинными усами, в венгерской меховой шапке, закутанный в широкий венгерский плащ. Он смотрел пристально на игру и вдруг взял со стола карту, подвинул к банку и сказал: *ва-банк* (*va banque!* – т. е. на весь банк). Товарищи Валицкого смутились, но он ободрил их и сказал,

что будет метать. «Извольте прежде пересчитать деньги и положите на стол соответственную сумму», – сказал один из участников банка. Требование было справедливое, но венгерец не соглашался и даже сказал, что с ним нет денег, но если они *честные люди*, то должны верить ему на слово. Товарищи Валицкого не соглашались, но он, взглянув пристально на венгерца, прочел в его физиономии какое-то благородство и величие и сказал товарищам: «Отложите банк в сторону, я один отвечаю этому господину *на слово*, если он вызывает меня *на честь!*» – «Вот это я люблю!» – сказал венгерец. – Мечите!» Валицкий стал метать и убил карту. Сосчитали деньги, всего было около пятисот червонцев. «Теперь не угодно ли вам пожаловать со мною для получения денег», – сказал венгерец. «Как угодно», – отвечал Валицкий. Товарищи хотели сопровождать его, но венгерец не соглашался, приглашая одного Валицкого; он и в этом уступил венгерцу, невзирая на представления своих приятелей. Они пошли по венским улицам, и венгерец остановился у великолепного дома, позвонил, и швейцар в ливрее от-

пер дверь и с изъятием уважения посто-
ронился. Венгерец повел Валицкого чрез ряд
великолепных комнат в кабинет, предше-
ствуемый двумя лакеями со свечами. «Из-
вольте садиться», – сказал венгерец. Валиц-
кий сел. «Кто вы таковы?» – спросил венге-
рец. «Претендент короны польской!» – отве-
чал находчивый Валицкий, догадавшись, что
имеет дело с оригиналом. «По какому пра-
ву?» – возразил венгерец. «По праву рожде-
ния, – отвечал Валицкий. – Я природный
польский шляхтич по фамилии Валицкий, а
вам известно, что каждый польский шляхтич
может быть избран в короли!» [617] Венгерец
улыбнулся. «Итак, имею честь рекомендо-
ваться, – сказал он, – я князь Э., магнат вен-
герский» [618]. Вам как претенденту короны
польской, а мне как магнату венгерскому не
следовало бы посещать такие места, как то,
в котором мы встретились... но я делаю это
иногда, для рассеяния...» – «А я по нужде», –
возразил Валицкий и рассказал ему всю свою
историю. Откровенность, ум и образован-
ность молодого человека понравились магна-
ту, который почитал обязанностью отплатить

ему за оказанную доверенность. Отсчитав деньги, магнат простился с новым своим знакомцем, взяв его адрес. По прошествии нескольких дней, вероятно после справки в полиции или у польского посланника, магнат пригласил Валицкого к себе обедать и представил своим родственникам и аристократии как своего приятеля, которому он *обязан* и в судьбе которого он принимает самое искреннее участие. Валицкий так умел вести себя, что снискал общую благосклонность и стал домашним в семействе магната, который любил его до того, что не мог без него обойтись. Через несколько времени магнату надлежало ехать в Париж с какими-то дипломатическими поручениями. Он взял Валицкого с собою и ввел его во все дома, в которые сам был приглашаем, и между прочим к княгине Полиньяк, любимице королевы Марии Антуанетты. Все это рассказывал мне француз Дерон, бывший при Валицком много лет сряду доверенным управителем дома. С этих пор прекращаются все подробности о Валицком. Известно только, что он удостоился чести быть представленным к французскому двору,

бывал на вечерах у королевы, был хорошо принимаем во всех первых парижских домах, и в это время завел дружеские связи со многими знатными иностранцами, посетившими Париж, и с членами дипломатического корпуса. Он путешествовал по Италии, по Англии, изъездил всю Германию en grand seigneur, барином, и возвратился в Париж в начале Французской революции. Слышал я, что он даже имел случай оказать много услуг королевской фамилии, бывшей при возвращении его в Париж в несчастном положении, и пользовался особенною доверенностью королевы Марии Антуанетты. Валицкий никогда не вмешивался в политику и весьма редко разговаривал о ней; но очевидно было, что он был аристократ в душе и монархист по убеждению. Находясь в Париже во время революции, он знал многих из главных ее участников, и я сам слышал, как он, говоря однажды о Мирабо, сказал: mauvais plaisant et mauvais joueur (т. е. плохой шутник и дурной игрок). Он искренно сожалел о ниспровергнутом старинном порядке вещей во Франции и вообще ненавидел революционеров. Когда

перед ним сказали однажды, что Лафайет мог бы спасти престол и монархию[619], он с жаром воскликнул: «Никогда! Я знаю очень хорошо Лафайета, – примолвил он, – он честный человек, но слаб характером и в этом совершенно сходен с Костюшкой, с тою разницею, что Костюшко простодушен и искренен, а Лафайет тщеславен, как кокетка!»

Возвратясь в отечество графом, Валицкий купил несколько тысяч душ в Гродненской и Виленской губерниях и между прочим богатое поместье Иезиоры под Гродно[620]. Он проживал то в Гродне, то в Вильне, а по восшествии на престол императора Александра переехал на житье в Петербург, где имел много знакомств по прежним связям за границей. Он сперва нанимал весь нижний этаж (rez-de-chaussée) в доме графини Браницкой (ныне князя Юсупова, на Мойке)[621], а потом купил собственный дом (в Большой Морской, на углу Почтамтского переулка, ныне дом г-на Норда)[622], потому только, что прежняя его квартира была не на солнце. Комнаты графа Валицкого меблированы были с величайшим вкусом и великолепием. По возвращении

Крузенштерна из путешествия вокруг света привезенные товары на кораблях «Надежде» и «Неве» продавались с аукциона в правлении Российско-американской компании (бывшей тогда в Гороховой, между Садовою и Семеновским мостом), и вся знать съезжалась туда ежедневно покупать или любоваться произведениями Китая и Японии. Граф Валицкий купил лучшие вещи: китайские шелковые обои на несколько больших комнат, множество китайских и японских ваз и разных фарфоровых вещей, которыми были уставлены карнизы сперва в его квартире, а потом в его доме. Кроме того, он имел богатое собрание картин лучших мастеров. Но что составляло истинное богатство, это множество драгоценных камней и различных галантерейных вещей, которые находились в ящиках за стеклом в его кабинете. Коллекция его золотых эмалированных табакерок почиталась по справедливости первою в Европе, и между ними находились известные в целом свете двенадцать эмалированных табакерок с живописью знаменитого Петито[623]. Эти табакерки, как всем известно, принадлежали француз-

скому королю: о них было много толков, но известно, что в революцию множество королевских драгоценностей перешли в частные руки. Несколько столовых сервизов графа Валицкого изумляли богатством и изяществом, и к золотому сервизу в коралловых черенках ножей и вилок вставлены были драгоценные камни. Между редкостями графа Валицкого известен целому свету его сапфир, изменявший свой цвет после захождения солнца и послуживший г-же Жанлис предметом к написанию повести[624]. А кто исчислит коллекцию его шалей, богатейших кружев и т. п.! Хотя бы граф Валицкий и не был так любезен, то самое любопытство заставляло бы навещать его, чтоб видеть его редкости. И потому неудивительно, что все петербургское высшее общество навещало его и что его везде охотно принимали. Все, знавшие Петербург в эту эпоху, верно, помнят графа Валицкого. Едва ли можно было найти столь приятного и занимательного человека в беседе, как он. Знав всех важнейших людей в Европе и быв свидетелем необыкновенных событий, он имел в запасе множество анекдотов и проис-

шествий, которые рассказывал чрезвычайно мило, умея придавать даже серьезным делам лак сатиры. Дамам он рассказывал о Версале, о Трианоне и праздниках Марии Антуанетты [625], о жизни парижского общества пред революцией и т. п. Граф Валицкий обладал, кроме того, двумя весьма важными качествами, которые в свете имеют силу волшебных талисманов, а именно: он умел отлично угощать, по всем правилам изящной роскоши и утонченности, и умел кстати дарить. Люди, которые сроду не брали ни от кого и никаких подарков, иногда не могли отказаться от подарка графа Валицкого. Изящный вкус его служил образцом для самых образованных людей, и они с ним совещаались при мебелировке дома, при устройстве праздника или бала.

При этих светских добродетелях граф Валицкий был чрезвычайно благотворителен. Он любил помогать несчастным и сыпал деньги во все богоугодные заведения. Виленскому университету подарил он богатейшую коллекцию редких камней и минералов, которая носила прозвание «Коллекции Валиц-

кого»; она ныне находится в Университете Св. Владимира в Киеве[626]. Кроме того, он устроил в Вильне фундуш[627] для осьми бедных воспитанников, т. е. купил дом, в котором эти воспитанники жили на полном его содержании и имели надзирателя. Такой человек уже не принадлежит к толпе!..

При различных догадках об источниках богатства графа Валицкого, мне кажется, я более других приближусь к истине, если скажу, что он приобрел богатство торговлей драгоценными камнями (bijouterie), картинами, антиками и т. п. Бывая у него в доме во всякое время дня, зная всех его домашних и присматриваясь к ходу дел, я убедился в этом. Все петербургские ювелиры, особенно г. Дюваль, бывали у него весьма часто по утрам и то приносили вещи, то брали из ящичков графа Валицкого. Тремон, о котором я говорил выше, занимался у него этим делом и вел переписку с Парижем, Лондоном, Амстердамом и другими богатыми городами, даже с Константинополем. Через тогдашнего банкира барона Раля переводились за границу и получались оттуда огромные суммы денег. Все обнаружи-

вало торговлю, которую граф Валицкий вел через других, вел секретно, потому что в то время в общество охотнее принимали хорошего карточного игрока и умного искателя приключений (aventurier), чем купца. Тогда было правилом, что для дворянина – перо и шпага, а для купца – аршин и весы, и два сословия сходились только официально. Тогда аристократия почитала для себя унижительным подряды, торги, откупы, спекуляции, и порядочное дворянство подражало ему. Теперь во Франции *денежная аристократия* взяла перевес над породою, и разбогатевшие лавочники затерли потомков крестовых рыцарей и детей наполеоновских героев![628] Франции всегда подражает Северная Европа, и теперь у нас дворянство не только не стыдится торговли, напротив, люди гордятся оборотами, спекуляциями, подрядами и откупами, как предки наши гордились воинскими или гражданскими подвигами. Полезно ли всеобщее водворение торгового духа во всех сословиях общества? Это важный вопрос, предстоящий разрешению моралистов. В старину во многих государствах дворянин ли-

шался прав своих, если занимался каким-нибудь *ремеслом*. Разве *ремесло*, доставляющее честное пропитание, ниже торговли? Все это странности ума человеческого, *bigarrures de l'esprit humain*, которые приобретают важность от духа времени. Если разобрать дело основательно, то трудолюбивому ремесленнику удобнее сохранить чистоту нравов, нежели торговцу, потому что барыши увлекают человека далеко, далеко! Но с духом времени нельзя воевать. Граф Валицкий в наше время мог бы явно торговать алмазами и за это еще более был бы уважаем в свете, а тогда он соглашался на то, чтоб люди верили, будто он приобрел состояние игрою, чтоб только скрыть свою торговлю.

Еще будучи кадетом, я видел в доме графа Валицкого почти всех тогдашних значительных людей, или людей, имевших вес в обществе. В моей детской простоте я думал тогда, что под каждым напудренным тупеем скрывается палата ума и что под каждою звездою на груди живет высокое чувство. С напряжением ума слушал я их речи, досадовал иногда, что не мог отыскать в них премудрости,

и приписывал это моей глупости! Впоследствии узнал я смысл французской пословицы «L'habit ne fait pas le moine»[629] и русской поговорки «По платью встречают, а по уму провожают», т. е. узнал, что не все то золото, что блестит, – и разочаровался.

Матушка моя уехала домой, выиграв процесс; сестра вышла замуж[630] и осталась в Петербурге, а я был произведен в офицеры 11 октября 1806 года. Я готовил себя в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части[631], но его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, нашему главнокомандующему и инспектору всей кавалерии, угодно было взять меня в Уланский имени его высочества полк. Его высочество знал меня еще в корпусе, удостоивал часто ласковым словом или шуткою и потом, во всю жизнь свою, обходился со мною отечески, хотя я иногда, по молодости и ветрености, заслуживал его справедливый гнев[632]. Даже на смертном одре вспомнил он обо мне!⁽¹⁾ Мне не следует судить о долговременной и полезной службе престолу и отечеству столь высокого

современного лица, но долг совести принуждает меня сказать, что у его высочества было добрейшее сердце, что душа его чуждалась всякой скрытности, всякой лжи и обмана и что он был вовсе не злопамятен. Гнев его проходил мгновенно, если он не встречал хитростей и заpiresательства и видел искреннее сознание. Все служившие под его начальством любили его и сохранили к нему привязанность. Он благодетельствовал всем и делился своим достоянием с нуждающимися. Мало этого, когда его просили, он входил даже в домашние дела, хлопотал в тяжбах своих подчиненных, мирил их с родственниками, даже принимал на себя сватовство. Он требовал от нас только ревностного исполнения службы и откровенности. Лжецов он презирал.

Какая разница в тогдашних ценах с нынешними! За уланский мундир с шитьем и широкими лампасами красного, т. е. самого дорогого, сукна на панталоны, я заплатил только *сорок* рублей ассигнациями тогдашнему знаменитому военному портному Зеленкову (бывшему потом подрядчиком и откупщиком и оставившему после смерти миллио-

ны). Тогда в России были только четыре полка, одетые в уланскую форму: наш, Конно-польский, Конно-литовский и Конно-татарский; но название уланов носили только мы. Эполет вовсе не было в русской армии, и мы одни носили их. В магазинах не продавали ни уланских шапок[633], ни эполет, ни ви-тишкетов[634]. Шапки делали в полку, а прочие вещи – на казенной фабрике. Уланская шапка с широким галуном, эполеты и ви-тишкеты стоили мне вместе сорок пять рублей. Лядунка[635] – сто двадцать рублей, шарф – шестьдесят рублей ассигнациями. Заметьте, что тогда ни в гвардии, ни в армии не употребляли ни мишуры, ни плаке[636]; все было чистое серебро и золото. О мишуре мы не имели понятия. Но относительно к этим вещам другие мало изменились в цене. Седло со всем прибором стоило у знаменитого тогда седельника Косова сто двадцать пять рублей, а за полусапожки со шпорами первому тогдашнему сапожнику Брейтигаму (кажется, тестю нынешнего Пеля) платили мы пятнадцать рублей ассигнациями[637]. При шапках носили мы высокие белые султаны из перьев,

и лучшие были берлинские. За хороший султан надлежало заплатить шестьдесят рублей ассигнациями – необыкновенно высоко в сравнении с другими ценами. Тогда вообще употребляли английское привозное сукно, и лучшее стоило от семи до девяти рублей аршин. За лошадь заплатил я товарищу моему корнету Прушинскому триста рублей ассигнациями. За такую лошадь я дал бы теперь охотно две тысячи рублей!

Я имел обширный круг знакомства при выпуске моем в офицеры, но вступил в свет в такую эпоху, что не мог поддерживать светских связей. В наше время военному человеку некогда было отличаться на паркете под звуки очаровательной музыки, в кругу избранных красавиц: мы должны были проводить юность нашу на ратном поле, в бивачном дыму, под свистом пуль и шипением ядер и ждать ежеминутно объятий... смерти. Чудная эпоха, которая не скоро повторится на земле, эпоха истинно мифологическая! Битвы титанов, общий переворот на земном шаре, падение и восстание царств, столкновение целых народов, ряды героев в их челе – все это мы

видели и участвовали в великих событиях, как капля воды в волнах разъяренного моря. Молодость наша прошла в тяжких трудах, в великих опасностях, и мы рано возмужали. Пролетит еще несколько лет, и много великих дел, совершившихся на наших глазах, уже не будут иметь очевидных свидетелей, перейдут в предания, и многие юноши с пламенной душою станут нам завидовать! Нам некогда было в юности наслаждаться по каплям приятностями светской утонченности, а в краткие промежутки между кровавыми битвами и изнурительными походами мы на лету ловили светские радости и тем выше ценили их!.. Закаленные в боевых трудах и привыкшие с опасностями, все наши современники сохранили до поздних лет и крепость тела, и энергию души. Воины Александра и Наполеона, как некогда сподвижники Энея и Агамемнона[638], обращают на себя внимание *умных людей* нового поколения! Говорю не о себе – я нуль в этом счете, – но указываю на людей, и ныне достойно подвижающихся на поприще службы или оставивших по себе незабвенную память!.. О многих

из них я вспомню теперь...

Дух военной молодежи. – Молодечество и удалство. – Образчик тогдашней разгульной жизни. – Гвардейская пехота и конница. – Флот. – Молодецкая жизнь и гибель лейтенантов Давыдова и Хвостова. – Геркулес Лукин. – Примеры дружбы и самоотвержения. – Избавление Головина из японского плена. – Уланский его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича полк. – Начало полка. – Беглый взгляд на политическое состояние Европы, предшествовавшее войне 1805 г. – Дюрок в Петербурге. – Общее уважение к нему. – Начало военных действий. – Уничтожение австрийской армии. – Знаменитая ретирада Кутузова из-под Кремса до Вишау [639] . – Русская армия при Ольмюце. – Приход гвардии. – Аустерлицкое сражение. – Уланский его высочества полк в сражении под Аустерлицем. – Причина успеха

**французов. – Последствия
Аустерлицкой победы. – Пресбургский
мир. – Твердость императора
Александра. – Новая война 1806 г. –
Пруссия устремляется противу Франции**

*Где друзья минувших лет,
Где гусары (или уланы) корен-
ные? – и т. п.[640]*

Д. В. Давыдов

Все перешло в предание! Ни следа, ни эха
прежних лет! Кажется, будто два столетия
отделяют нас от той эпохи, в которую я всту-
пил в военную службу. Образец русских гуса-
ров, первый русский партизан в Отечествен-
ную войну, поэт-воин Денис Васильевич Да-
выдов списал с натуры кавалерийскую жизнь
своего времени:

*Я люблю кровавый бой;
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мой золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской
[641]![642]*

Так в самом деле думали девять десятых офицеров легкой кавалерии в начале нынешнего столетия!

Прошу моих читателей заметить, что этими словами я вовсе не намерен хвалить старину или приглашать юношество к возобновлению прошлого; напротив, все улучшается и совершенствуется, и в старину много было такого, что забавно только в рассказе, а дурно на деле. Но я обязан рассказать, что было!..

Характер, дух и тон военной молодежи и даже пожилых кавалерийских офицеров составляли *молодечество*, или *удальство*. «Последняя копейка ребром»[643] и «Жизнь копейка – голова ничего»[644] – эти поговорки старинной русской удали были нашим девизом и руководством в жизни. И в войне, и в мире мы искали опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удальством. Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы не следовало, – это входило в состав нашей военной жизни в мирное время. Молодые кавалерийские офицеры были то же (и сами того не зная), что немецкие бурши[645], и так же вели вечную войну с *рябчиками*[646], как бур-

ши с *филистерами*[647]. Эта военно-кавалерийская молодежь не хотела покоряться никакой власти, кроме своей полковой, и непрерывно противодействовала земской и городской полиции, фланкируя[648] противу их чиновников. Буянство хотя и подвергалось наказанию, но не почиталось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных, условных границ. Стрелялись чрезвычайно редко, только за кровавые обиды, за дела чести; но рубились за всякую мелочь, за что ныне и не поморщатся[649]. После таких дуэлей наступала обыкновенно мировая, потом пир и дружба. Тогда бы не каждый решился мурлыкать вам в ухо во время пения какой-нибудь знаменитой певицы, хлопать или шикать в театре наперекор общему мнению, наступать на ноги без извинения, говорить на ваш счет дерзости, хоть не прямо в лицо, клеветать заочно и распространять клевету намеками. Тогда бы два десятка молодцов вступились за приятеля и товарища и наказали бы дерзкого и подлого клеветника. Корпус офицеров в полку – это была одна семья, родные братья: все у нас было об-

щее – и деньги, и время, и наслаждения, и неприятности, и опасности.

Но от офицера требовалось, чтоб он знал хорошо службу и исполнял ее рачительно. Краеугольными камнями службы, на которых утвержден был порядок и все благоустройство полка, были эскадронные командиры и ротмистры[650], люди уже в зрелых летах, а иногда и пожилые, опытные, посвятившие жизнь службе из любви к ней. Большая часть эскадронных командиров и ротмистров были суворовские воины, уже крещенные в пороховом дыму. Они обходились с нами, как обходятся добрые родители с детьми-повесами, но добрыми малыши, прощали нам наши шалости, когда это были лишь вспышки молодости, и требовали только исполнения обязанностей службы, храбрости в деле и сохранения чести мундира. Офицер, который бы изменил своему слову или обманул кого бы то ни было, не мог быть терпим в полку. Правда, мы делали долги, но не смели обмануть ни ремесленника, ни купца, ни трактирщика. В крайности офицеры складывались и уплачивали долг товарища, кото-

рый в свою очередь выплачивал им в условленные сроки. Офицерская честь высоко ценилась, хотя эта честь имела свое особенное, условное значение.

Гвардия тогда была малочисленна[651] и состояла из пехотных полков: Преображенского, Семеновского, Измайловского, одного батальона егерей и кавалерийских полков: Кавалергардского, лейб-гвардии Конного, Гусарского (каждый полк в пять действующих эскадронов, с шестым запасным эскадроном) и Казачьего, в два эскадрона; гвардейская артиллерия состояла из одного батальона в четыре роты. К гвардейскому корпусу принадлежали Лейб-гренадерский полк и наш, Уланский его высочества[652].

Солдаты в гвардии все были необыкновенно высокого роста и вообще прекрасной наружности[653]. Нетрудно было выбрать из всей армии взрослых и красивых людей для составления нескольких полков гвардии. В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках был особый тон и дух. Этот корпус офицеров составлял, так сказать, постоянную фалангу высшего общества, непре-

менных танцоров, между тем как офицеры других полков навещали общество только по временам, наездами. В этих трех полках господствовали придворные обычаи, и общий язык был французский, когда, напротив, в других полках между удалою молодежью, хотя и знавшею французский язык, почиталось *неприличием* говорить *между собою* иначе, как по-русски. По-французски позволялось говорить только с иностранцами, с вельможами, с придворными и с дамами, которые всегда были и есть француженки вследствие первоначального их воспитания. Офицеров, которые употребляли всегда французский язык вместо отечественного и старались отличаться светскою ловкостью и утонченностью обычаев, у нас называли *хрипунами*, оттого что они старались подражать парижанам в произношении буквы *r* (*grasseyer*)[654]. Конногвардейский полк был, так сказать, нейтральным, соблюдая смешанные обычаи; но лейб-гусары, измайловцы и лейб-егеря следовали, по большей части, господствующему духу удальства и жили по-армейски. О лейб-казаках и говорить нечего: в них молодече-

ство было в крови. Генерал Малютин, командовавший Измайловским полком, отличался в Петербурге старинным русским хлебосольством, молодечеством и удальством. В Измайловском полку были лучшие песенники и плясуны, и как тогда был обычай держать собственные катера, то малютинский катер был знаменит в Петербурге своим роскошным убранством и удалыми гребцами-песенниками. Вот образчик тогдашней жизни. Осенью 1806 года в пять часов пополудни отправился я в Измайловские казармы[655], чтоб навестить по обещанию поручика Бибикова. На половине Вознесенского проспекта услышал я звуки русской песни и музыки. У Измайловского моста[656] я нашел такие густые толпы народа, что должен был слезть с дрожек и пробираться пешком. Что же я тут увидел! Возле моста на Фонтанке стоял катер генерала Малютина. Он сидел в нем с дамами и несколькими мужчинами, а на мосту находились полковые песенники и музыканты и почти все офицеры Измайловского полка, в шинелях[657] и фуражках, с трубками в зубах. Хоры песенников, т. е. гребцы и полковой хор,

то сменялись, то пели вместе, а музыканты играли в промежутки. Шампанское лилось рекой в пивные стаканы, и громогласное *ура!* раздавалось под открытым небом. В самое это время государь император подъехал на дрожках с набережной Фонтанки, шагов за пятьдесят от толпы народа, и спросил у полицейского офицера: «Что это значит?» – «Генерал Малютин гулять изволит!» – отвечал полицейский офицер, и государь император приказал поворотить лошадь и удалился. Тогда это во все не казалось странным, необыкновенным или неприличным. Другие времена, другие нравы! Разумеется, меня схватили под руки и заставили вместе пировать. Часов в восемь вечера, в темноте, почти все мы отправились на катерах, украшенных разноцветными фонарями, на Крестовский остров[658], с песенниками и музыкою, где на даче, занимаемой генералом Малютиным только для прогулок, приготовлен был ужин. Мы возвратились домой утром.

Жаль мне, когда я подумаю, как доставалось от наших молодых повес бедным немецким бюргерам и ремесленникам, которые то-

гда любили веселиться с своими семействами в трактирах на Крестовском острове, в Екатерингофе[659] и на «Красном кабачке»[660]. Молодые офицеры ездили туда, как на охоту. Начиналось тем, что заставляли дюжих маменок и тетюшек вальсировать до упаду, потом спаивали муженьков, наконец затягивали хором известную немецкую песню «Freut euch des Lebens»[661], упираясь на слова «Pflücke die Rose»[662], и наступало волокитство, оканчивавшееся обыкновенно баталией. Загородные разъезды содержались тогда лейб-казаками, братьями уланов. Кутили всю ночь, а в 9 часов утра все являлись к разводу, кто в Петербурге, кто в Стрельне, в Петергофе, в Царском Селе, в Гатчине[663], и как будто ничего не бывало! Через несколько дней приходили в полки жалобы, и виновные тотчас сознавались, по первому спросу, кто был там-то. Лгать было стыдно. На полковых гауптвахтах всегда было тесно от арестованных офицеров, особенно в Стрельне, Петергофе и в Мраморном дворце.

Слава богу, что всего этого теперь нет и что это перешло в предание! Должен, однако

ж, я сознаться, что никогда и нигде не видал я такой дружбы, как между тогдашними молодыми офицерами гвардейского корпуса, и никогда не встречал так много добрых ребят, благородных и вместе с тем образованных молодых людей. Жили не только весело, но и бестолково; любили, однако ж, и чтение, и театр, и умную беседу. Не знаю как, но на все было время, и служба шла своим порядком. Во флоте было еще более удалства. Кто не слышал о капитане Лукине и его геркулесовской силе? Насчет Лукина носились самые несбыточные анекдоты, которые хотя бы в существе были и несправедливы, но рисуют дух времени[664]. Чему верили и что рассказывали, то и нравилось. Говорили, что во время пребывания Лукина в Англии один англичанин заспорил с ним насчет смелости и решительности обоих народов, утверждая, что русский никогда не решится на то, на что покуется англичанин. «Попробуй», – сказал Лукин. «Вот, например, ты не смеешь отрезать у меня носа!» – возразил англичанин. «Почему же нет, если ты захочешь», – отвечал Лукин. «На, режь!» – воскликнул англичанин в энту-

зиязме. Лукин прехладнокровно взял нож со стола, отрезал у англичанина конец носа и положил на тарелку. Сказывали, что англичанин, старый и отчаянный моряк, не только не рассердился за это на Лукина, но подружился с ним и, вылечившись, приезжал навестить друга своего в Кронштадте. Лукину предложили в Англии кулачный поединок (to box). Вместо одного он вызвал вдруг лучших четырех боксеров и каждого из них, по очереди, перекинул чрез свою голову, ухватив за пояс. Быв выслан на берег в городе Ширнесе[665] для приема такелажа, с двадцатью матросами, Лукин вмешался в спор английских моряков с их канонирами[666], и наконец объявил войну обеим партиям, и в кулачном бою, с своими двадцатью удальцами, прогнал всех. В городе заперли лавки, жители спрятались в домах, и Лукин, празднуя победу, возвратился на корабль с песнями. Подобных анекдотов о Лукине было множество; но при своем удальстве и гульбе он был добрейший человек. Лукин командовал кораблем во флоте Сенявина и, бросясь на несколько турецких кораблей, погиб геройскою смертью[667]. Покойный го-

сударь император Александр Павлович благодетельствовал семейство Лукина по просьбе известного всей России и Европе лейб-кучера Ильи, который прежде принадлежал Лукину и питал к нему всегдашнюю привязанность[668]. Вся гвардия и армия знала о дружбе и похождениях лейтенантов Давыдова и Хвостова, русских Ореста и Пилада[669], которые и жили, и страдали вместе, и дрались отчаянно, и вместе погибли. Флотские лейтенанты Хвостов и Давыдов служили в Американской компании, командуя ее судами. Известно, что с Крузенштерном, отправившимся на первое плавание русских вокруг света, послан был камергер Резанов, в звании посла, для заключения торговых трактатов с Китаем и Японию. Русских не только не приняли в Японии, но и оскорбили отказом. Находясь в Петропавловском порте на обратном пути, Резанов за столом сказал, что русская честь требует, чтоб отмстить варварам[670]. В числе гостей были Хвостов и Давыдов. «Дайте только позволение, – возразил Хвостов, – а я заставлю японцев раскаяться!» В порыве гнева Резанов написал несколько строк в виде *позволе-*

ния и отдал Хвостову, который немедленно отправился с другом своим Давыдовым на свой бриг и велел собираться к походу. На другое утро, когда первый пыл досады прошел, Резанов хотел взять обратно данное им *позволение* отмстить японцам, но уже было поздно. Хвостов не соглашался возвратить бумаги и немедленно отплыл в Японию. С одним бригом, слабо вооруженным, он наделал столько хлопот японцам, что все их государство пришло в движение. Хвостов и Давыдов брали их суда, делали высадки на берег, жгли города и селения и только за недостатком боевых припасов возвратились в Петропавловский порт с богатейшею добычею. В Петропавловском порте начальствовал тогда известный всему флоту капитан 1-го ранга Бухарин, кончивший самым несчастным образом свое служебное поприще[671]. Тогда в Сибири бог весть что делалось! Бухарин посадил под крепкий караул Хвостова и Давыдова и овладел всем грузом[672]. Хвостов и Давыдов ушли из тюрьмы и пешком пробрались чрез всю Сибирь, не показываясь в городах и следуя проселочными дорогами. Они встрети-

лись в сибирских пустынях с известным в то время разбойником, начальствовавшим толпою беглецов. Присутствие духа и молодечество Хвостова и Давыдова понравились разбойнику, и он помог им пробраться в Россию. Когда все почитали Хвостова и Давыдова погибшими, они внезапно появились в Петербурге. Разумеется, что их отдали под суд; но государь император по благости своей предоставил им средство загладить проступок и послал их на гребной флот в Финляндию, которую тогда покоряли русские войска. Хвостов и Давыдов вскоре прославились отчаянным мужеством и блистательными подвигами. Имена их были известны в финляндской армии. В одном морском сражении ядром пробило подводную часть канонирской лодки, на которой находился Хвостов. Он мгновенно сорвал с себя мундир и заткнул им дыру. Главнокомандующий граф Буксгевден привез обоих друзей в главную квартиру и в награду за их подвиги велел отдать гауптвахте генеральскую почесть. Государь император по окончании Финляндской войны простил Хвостова и Давыдова, и они возвратились в Петербург.

Вдруг оба они пропали без вести, а как в это же время американский купеческий бриг прошел без осмотра при сильном ветре мимо брандвахты, за Кронштадтом, и не заявил бумаг, то многие, зная беспокойный дух Хвостова и Давыдова, полагали, что они по страсти к приключениям ушли в Америку. Это казалось тем более вероятным, что шкипер американского брига был приятель Хвостова и Давыдова, оказавших ему услугу в Ситхе[673]. Наряжена была комиссия для исследования дела, но она ничего не открыла. Два года прошли в неизвестности о судьбе наших храбрых моряков, а на третий год прибыл в Петербург тот же самый американский шкипер. Он объяснил дело. За день до отъезда его из Петербурга в Кронштадт Хвостов и Давыдов обедали у него на Васильевском острове. Они пропировали долго за полночь и возвращались, когда уже начали разводить Исаакиевский мост. Только один плашкоут[674] был выдвинут наполовину. «Воротимся!» – сказал американский шкипер, провожавший их. «Русские не отступают!» – возразил Хвостов. – Вперед! Ура!» Хвостов и Давыдов хотели перепрыг-

нуть чрез пространство, казавшееся небольшим в темноте, упали в воду – и поминай как звали! Опасаясь задержки, шкипер тогда промолчал, а люди, разводившие мост, также боялись ответственности, и несчастный случай остался тайной. Замечательно, что тел не выброшено нигде на берег.

Я знал хорошо и Хвостова, и Давыдова и в Финляндскую войну, и в Петербурге. Умные, образованные, прекрасные офицеры, но пылкие и неукротимые молодые люди, поставлявшие все наслаждения в жизни в том, чтоб играть жизнью![675]

Может ли быть что трогательнее дружбы П. И. Рикорда (ныне адмирала) и В. М. Головнина (умершего в чине контр-адмирала)! Когда Головнин был задержан в Японии, Рикорд решился или умереть, или освободить друга своего из плена варваров и успел в своем предприятии[676]. Геройский дух одушевлял флот наш, и все тогдашние офицеры, которые только имели случай отличиться чем-нибудь, составили себе имя! Уланы жили в большой дружбе с флотскими и часто съезжались или в Стрельне, или в Кронштадте. Вся армия оду-

шевлена была тем же духом молодечества, и во всех полках были еще суворовские офицеры и солдаты, покорившие с ним Польшу и прославившие русское имя в Италии. Славное было войско, и скажу по справедливости, что Уланский его высочества цесаревича Константина Павловича полк был одним из лучших полков по устройству и выбору людей и по тогдашнему духу времени превосходил другие полки в молодечестве. Страшно было задеть улана!

Расскажу, каким образом возникли уланы в русском войске. Прежде не было уланских полков. После покорения и разделения Польши император Павел Петрович, чтоб дать приличное занятие множеству польской шляхты, поручил генералу Домбровскому [677] устроить Конно-польский полк на правах и преимуществах прежней польской службы [678]. Полк не получал рекрут, но формировался и комплектовался вольноопределяющимися, на вербунках [679]. Шляхта образовала переднюю шеренгу, и каждый солдат из шляхты назывался *товарищем*. Вторую шеренгу составляли вольноопределяющиеся,

не доказавшие шляхетского происхождения, и назывались *шеренговыми*. Служили по *капитуляции*, т. е. вступали в службу на шесть, на девять и на двенадцать лет. Унтер-офицеры из *товарищей* назывались *наместниками* и производились на вакансии в офицеры. Они были одеты, как старинные польские уланы Пинской бригады, носили длинные синие куртки с малиновыми отворотами, синие шаровары с такими же лампасами, уланские шапки вроде стоячих конфедераток[680] и запускали волосы до половины шеи à la Kosciuszko. После по тому же образцу сформированы были вербунками Конно-литовский и Конно-татарский полки[681]. Все эти три полка были отличные и по выправке, и по устройству, и по храбрости. Они вооружены были карабинами и пиками с флюгером[682], как уланы; но имени улан не существовало.

В начале 1803 года предположено было сформировать несколько новых кавалерийских полков, и генералу барону Винценгероде, пользовавшемуся особенным благоволением государя императора, поручено было формирование Одесского гусарского полка

[683]. В это же самое время к австрийской миссии в Петербурге прибыл австрийский уланский офицер граф Пальфи, родом венгерец, молодец и красавец, сложенный, как Аполлон Бельведерский[684]. Уланский мундир в обтяжку сидел на нем бесподобно, и все дамы и мужчины заглядывались на прекрасного улана. Уланский австрийский мундир был усовершенствованный старинный польский уланский наряд, с тою разницею, что куртка с тыла была сшита колетом[685] и не имела на боках отворотов, что она и панталоны были узкие, в обтяжку, и шапка была красивой формы, как нынешние уланские шапки, а при шапке был султан. Его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, носившему звание инспектора всей кавалерии, чрезвычайно понравился этот мундир, и он испросил у государя императора соизволения на сформирование уланского полка. Государь император, согласясь на это, отдал ему Одесский гусарский, еще не сформированный, полк, назвав полк именем цесаревича. Полк состоял в инспекции[686] генерала Боуера,

любимца его высочества[687], и Боуеру немедленно поручено было выбрать людей из других кавалерийских полков и дополнить лучшими рекрутами. Штаб-квартира полка назначена в местечке Махновке, в Киевской губернии.

Барон Винценгероде был употреблен по дипломатической части[688], и его высочество избрал в командиры своего полка одного из лучших кавалерийских офицеров русской армии, шефа знаменитого Тверского драгунского полка[689], генерал-майора барона Егора Ивановича Меллера-Закомельского⁽³⁾ [690]. Его высочество с пламенной любовью занялся формированием полка своего имени и по несколько раз в год ездил в Махновку, а между тем из Петербурга высланы были толпы разных ремесленников, а некоторые выписаны были даже из Австрии для обмундирования полка. Обучение людей и выездка лошадей производились успешно. Его высочество находился в непрерывной и постоянной переписке с генералом Меллером-Закомельским и занимался всеми подробностями по части устройства полка. Случайно сохрани-

лась у меня часть этой переписки, доказывающей и заботливость его высочества о полке, и необыкновенное познание службы, и прямоту души его, и доверенность к генералу Меллеру-Закомельскому. Ездовые его высочества беспрестанно разъезжали между Петербургом и Махновкою и привозили то офицерские вещи, то деньги в полк. В одном из этих писем к генералу Меллеру-Закомельскому его высочество сам назначил всех эскадронных командиров полка[691]. Атаман войска Донского граф Матвей Иванович Платов дал в полк лучших донских лошадей, а недостающее число куплено было майором Сталинским. Впрочем, донские лошади, как они ни хороши, оказались неспособными для регулярной конницы. Уланское седло, с полным вьюком и пистолетами, для донской лошади слишком тяжело, и она никогда не может привыкнуть к мундштуку[692]. Во время атак часто случалось, что донские лошади заносили уланов в средину неприятеля.

В начале весны 1804 года полк был уже сформирован, и его высочество вытребовал в Петербург пятерых офицеров и пятерых ун-

тер-офицеров (преимущественно из дворян) для усовершенствования их в кавалерийской службе под личным надзором его высочества. Выбрали из полка самых молодцов. Из них помню я штабс-ротмистра Вуича[693] и поручика Фаца, с которым я был очень дружен впоследствии. На вахтпарадах взоры всех обращены были на улан, и народ толпился вокруг их на улицах. Его высочество возил их в частные дома, которые он удостоивал своим посещением, и уланский мундир вошел в моду. Его высочество был чрезвычайно доволен и писал к генералу Меллеру-Закомельскому от 19 марта 1804 года: «Messieurs les officiers de mon régiment sont arrivés il y a de cela une semaine, ainsi que les sous-officiers. Il sont bien bons, beaux et zélés pour le service, etc.», т. е. «Господа офицеры и унтер-офицеры моего полка прибыли сюда за неделю пред сим; они добрые ребята, молодцы и усердны к службе», и проч. Было множество охотников в уланы, и много гвардейских офицеров просили о переводе их в полк его высочества; но он всем отказывал, чтоб (говоря нашим военным языком) не посадить старших другим на голову.

В гвардии и армии офицеры и солдаты были тогда проникнуты каким-то необыкновенным воинским духом, и все с нетерпением ждали войны, которая при тогдашних обстоятельствах могла каждый день вспыхнуть. С самого восшествия на престол императора Александра Павловича *политический горизонт был покрыт тучами*, по обыкновенному газетному выражению. Тогда во всех петербургских обществах толковали о политике, и даже мы, мелкие корнеты, рассуждали о делах! Это было в духе времени. Существовали две партии: мирная и военная. Одни хотели нейтралитета и мира с Франциею, другие желали союза с Англиею и войны с Франциею. Для пояснения дела я должен припомнить тогдашнее положение дел в европейском политическом мире.

При восшествии на престол императора Александра Павловича Россия хотя и была уже в мирных сношениях с Франциею, но мирный трактат еще не был заключен. Император Павел Петрович вооружился противу Французской республики с великодушною целью восстановления законных престолов не

только в Италии, но и в самой Франции и возвращения Голландии прежней ее самостоятельности. Но убедившись, что Австрия намеревается завоевать Италию для себя, не приняв плана Суворова к вторжению в Южную Францию и оставив Корсакова в Швейцарии [694], и что англичане, завладев голландским флотом, всю тяжесть войны сложили на русских, император Павел Петрович отозвал Суворова из Италии и генерала Германа из Голландии [695] и, оставшись нейтральным в отношении к Австрии, объявил войну Англии. С Франциею начались переговоры о мире, коего главными условиями должны были быть восстановления престолов королей Сардинского и Неаполитанского. В этой цели император Павел Петрович выслал обер-егермейстера Василия Ивановича Левашова в Италию, где после блистательного окончания войны французы распоряжались как дома и куда съехались дипломаты разных стран для трактования о мире. Наполеон, приобрев уже особенное благоволение императора Павла Петровича возвращением без размена русских пленных, одетых и вооруженных на счет

Французской республики[696], еще более привязал к себе императора блистательным приемом, оказанным Василию Ивановичу Левашову везде, где находились французские войска, хотя он и не носил звания посла. Василий Иванович Левашов хотя и не бывал прежде дипломатом, но был человек умный, благородный, с отличною манерою и знал свет и людей. Он очаровал Мюрата, начальствовавшего французскими войсками в Италии. Города были иллюминированы в честь доверенного лица русского императора; при занимаемых им домах ставили почетные караулы с знаменем и в честь его давали народные празднества. При заключении мирных условий (6/18 февраля 1801), подписанных Мюратом, существование королевства Неаполитанского, в угождение императору Павлу Петровичу, обеспечено[697]. Насчет других требований производились с Франциею переговоры в Париже тайным советником Колычевым, и хотя требования России встречали много препятствий, однако ж переговоры не прерывались до самой кончины государя.

В это время первый консул Французской

республики пользовался почти всеобщую любовью и, по крайней мере, всеобщим уважением в Европе. Будучи только полководцем, он не мог ответственность за политику Франции, и из тягостных для Европы войн ему досталась в удел только слава. Ниспровергнув бестолковую Директорию и приняв бразды правления[698], Наполеон начал действовать в духе общего европейского порядка и приглашал все европейские державы к миру. Презрение его к революционерам, ненависть к буйным правилам революции и его аристократический дух, которым он руководствовался во всех своих нововведениях, старание его ввести во Франции порядок и сношения с Римским престолом о восстановлении христианской религии – все это привлекало к нему сердца государей и народов в надежде, что он прекратит политическую горячку Франции, ввергнувшую всю Европу в крайнюю опасность. Наполеон Бонапарте был тогда всемирным героем. Его портреты и эстампы, изображающие его военные подвиги, продавались во всех городах Европы и украшали стены гостиных всех образованных людей.

Тогда была дамская мода носить на груди силуэты любимых особ, и во всех столицах, даже и в Петербурге, многие дамы носили силуэты первого консула Франции. Император Александр Павлович разделял общее уважение к первому консулу, которого главные выгоды тогдашнего положения основывались на мире с Россиею. Без этого Наполеон никогда не мог надеяться на заключение выгодного мира с Англией.

Для поздравления государя с восшествием на престол, а главное, для выведения образа мыслей государя насчет европейской политики первый консул выслал в Петербург первого своего любимца – адъютанта Дюрока[699], бывшего потом герцогом Фриульским и великим маршалом (то же, что министром) двора императорского. Я хорошо помню эту эпоху. Появление Дюрока в Петербурге произвело удивительный эффект. Только и разговоров было что о нем! Видели ли вы Дюрока? говорили ли с Дюроком? – это были общие вопросы. Великий князь цесаревич Константин Павлович привозил Дюрока к нам в корпус и делал перед ним батальонное учение, и Дю-

рок разговаривал со многими кадетами, знавшими французский язык, расспрашивал о науках и вообще был чрезвычайно доволен корпусом. Дюрок был прекрасный мужчина, чрезвычайно стройный и одевался щегольски. Волосы у него были темного цвета, остриженные ровно на всей голове и курчавые. Он не пудрился. Впервые увидели мы человека в военном мундире без косы и без пудры. Его прическа вошла в моду между дамами и называлась *à la Dugos*[700]. Ему было тогда только двадцать девять лет от роду (он родился в 1772 году), но он уже был опытен в делах, будучи доверенным лицом гениального человека. Дюрок обладал необыкновенным природным умом, был красноречив, но воздерживался в речах, чуждаясь всякого фанфаронства, был чрезвычайно любезен в обращении и ловок. Он находился при Наполеоне во всех сражениях в Германии, Италии и Египте и везде отличался необыкновенным мужеством. Лучи славы Маренго, Аркола и пирамид отражались на Дюроке[701], и он казался чем-то необыкновенным по близким связям с гениальным человеком. Дюрок и в Пе-

тербурге, и в Берлине, куда он также послан был с дипломатическими поручениями, снискал отличный прием и при дворе, и в высшем кругу общества и приобрел уважение к своему характеру.

Дюрок нашел в императоре Александре Павловиче самые мирные расположения. Государь для утверждения прочного трактата решился отступить от многих требований своего родителя, отказался от обладания островом Мальтою[702], от очищения Египта французами, настаивал только на сохранении в целости владений союзников своих, королей Неаполитанского и Сардинского, и о вознаграждении немецких князей за лишение их владений на левом берегу Рейна и даже в угодность первому консулу отозвал г. Колычева из Парижа, на гордость которого он жаловался. Послом назначен в Париж граф Марков[703]. Но Дюрок не мог убедить государя обратиться к системе морского нейтралитета северных держав, объявленного императрицею Екатериною, и император Александр во время переговоров о мирном трактате с Франциею, подписанном графом Марковым в

Париже 8/20 окт[ября] 1801 года[704], заключил конвенцию с Англией 5/17 июня 1801, на основании прежних договоров. Таким образом, хотя Россия и была со всеми в мире, но не могла надеяться на прочность его в Европе до окончания войны Франции с Англией. В Амьене происходили переговоры о всеобщем успокоении Европы, и наконец заключен знаменитый Амьенский трактат, 1/13 марта 1802 года, который, не удовлетворив никого вполне, вмещал в главнейших статьях своих семена раздора. При исполнении условий трактата Франция и Англия, толкуя каждую статью по-своему, не могли согласиться, и после долгих споров война снова вспыхнула между ними в начале мая 1803 года[705]. Первый консул, намереваясь нанести решительный удар Англии, собирался к высадке в сердце ее и учредил лагерь при Булони, где были собраны лучшие его войска, а между тем занял берега Италии, Голландии и ввел войска в Ганновер, принадлежавший Англии, предложив императору Александру посредничество между Францией и Англией. Оно, однако ж, не имело никакого успеха[706], тем более что

император Александр, отказываясь великодушно от всех личных выгод и даже от Мальты, которую Франция предлагала сама России, требовал только обеспечения независимости европейских государей и прекращения вмешательства Франции в их дела и на этом основании настаивал, чтоб Франция вывела войска из Неаполя и Ганновера и признала нейтралитет Северной Германии. Первый консул не соглашался на это, и между Францией и Россией настала холодность, которая превратилась в неприязнь со стороны Франции от гордых поступков русского посла в Париже графа Маркова, который поставлял себе в удовольствие унижение первого консула и всех властей Французской республики[707]. Тщетно император Александр приглашал Австрию и Пруссию соединиться для восстановления разрушенного равновесия в Европе хищной политикой Франции и неограниченным честолюбием ее правителя; они отговаривались и избегали войны, когда, напротив, в России партия, желавшая войны, превозмогла. Между тем происшествия быстро сменялись. Насильственная смерть герцога Ан-

генского, захваченного в чужих владениях, ужаснула всю Европу и возбудила общее негодование[708]. Принятие Наполеоном титула императора французов и короля Италии [709] и самовластный тон с слабыми соседями открыли Европе будущие намерения счастливого завоевателя. При российском дворе даже наложен был траур по герцоге, и поверенный наш, статский советник Убри, представил французскому правительству сильную ноту [710]. Император Александр не признавал Наполеона в звании императора и короля, и в половине 1804 года русское посольство оставило Париж, а французское Петербург, и с обеих сторон приготавливались к войне, не зная еще, где и как она откроется. Наконец императору Александру удалось убедить Австрию к вооружению, а Пруссию к обещанию охранять Северную Германию от вторжения французских войск и в крайности даже пристать к союзу. Неаполь и Швеция присоединились искренно к императору Александру. С Англиею император Александр заключил тесный союз. Россия обязывалась выставить 180 000 войска, а Англия действовать на море и в

десантах, согласясь платить вспомогательные деньги (subsidies[711]) всем государствам, которые пристанут к союзу противу Франции. В таком положении находились дела Европы пред начатием знаменитой войны 1805 года, в которую император Александр впервые обнажил меч, долженствовавший сокрушить невиданное дотоле могущество и освободить Европу от диктаторства завоевателя.

Если в высшем петербургском обществе и между высокими государственными сановниками были различные мнения насчет мира или войны с Франциею, то в русском войске и во всем русском народе был один голос – за войной. Суворов доказал, что можно побеждать непобедимых, и неудачи наши в Швейцарии и Голландии, происшедшие от неискренности наших союзников, требовали возмездия. Русское войско кипело желанием переведаться с французами, и множество молодых людей вступали в службу в новоформировавшиеся или преобразуемые полки. Ежедневно ждали повеления выступить за границу. Все готовились к войне.

Генерал-адъютант барон Винценгероде

был послан в Вену с проектом операционного плана. По расчету австрийского двора, союзники должны были выставить против Франции более полумиллиона войска, кроме резервов, на трех главных пунктах, а именно: в Северной и Южной Германии, в верхней Италии и в Неаполе.

Лето 1805 года прошло в вооружениях и приготовлениях к войне и в дипломатических сношениях с германскими владетельными князьями, которых хотели присоединить к союзу противу Франции. Баварский курфюрст[712] подавал надежду на согласие с союзниками, и австрийская армия в сентябре перешла через Инн, вступила в Баварию и поспешила занять Ульм. В России был издан манифест о войне, и войска стояли на границе. В августе генерал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов выступил чрез Радзивиллов за границу, с корпусом из 46 405 человек для совокупных действий с австрийцами[713]. Жребий был брошен!

Но союзники имели полмиллиона людей на бумаге, а Наполеон действительно повелевал армиею в шестьсот тысяч человек на раз-

ных пунктах[714]. Предусмотрительный во всем, он приготавливался деятельно к войне, пока шли переговоры о мире. Усилив войска свои в Тироле и в Италии и имея уже собранную армию в булонском лагере, Наполеон, при первом известии о вступлении австрийцев в Баварию, двинулся быстро противу их, в сентябре перешел Рейн и Дунай, разбил отдельные корпуса, обложил Ульм и принудил генерала Макка сдаться с 28 000 войска[715]. Кутузов стоял в это время на баварской границе, в Браунау[716], ожидая подкреплений и распоряжений к вступлению на боевую линию, когда получил известие о сдаче Ульма, и прежде чем русские встретились с французами, главная австрийская армия почти не существовала: она была разбита отдельно в Италии, в Тироле и в Южной Германии, и из ста тысяч австрийцев, действовавших противу самого Наполеона, шестьдесят тысяч человек, с множеством генералов, были уже в плену, и двести пушек австрийских уже находились во власти французов! Что оставалось делать Кутузову? У него с австрийскими отрядами было всего до 50 000 человек, и австрий-

ские генералы побуждали его двинуться вперед; но благоразумный и дальновидный Кутузов не хотел отваживать слабые силы свои противу превосходного числом и ободренного победами неприятеля и начал знаменитое свое отступление, которое столь же славно в военной истории, как отступление 10 000 греков с Ксенофонтом[717].

Отступление Кутузова от Кремса до Вишау, где он соединился с корпусом графа Буксгевдена, т. е. от 17 октября до 8 ноября, есть, по моему мнению, самая блистательная кампания Кутузова[718], точно так же, как Ватерлооская кампания, невзирая на неудачное ее окончание, есть блистательнейшая из кампаний Наполеона. Хотя по силе обстоятельств русские должны были отступить после сражения под Кремсом, но победа принадлежит, без всякого сомнения, русским[719]. Сражаясь, так сказать, на каждом шагу с превосходным в силах неприятелем, предводимым лучшими полководцами нашего времени, избегая обходов и опасности быть окруженным и отрезанным, Кутузов в этом славном отступлении возвысил честь русского имени и при-

нудил даже неприятелей отдать первенство русскому солдату пред всеми другими воинами. И то правда, что Кутузов имел необыкновенных помощников: князь Багратион и Милорадович командовали его пехотой, князь Витгенштейн – конницею, а Ермолов (в чине подполковника) артиллерию[720]. Что за люди!

Победу при Кремсе торжествовали в Петербурге и во всей России. Она возвысила дух войска и народа. Вероятно, что на основании этого славного отступления Кутузова решились на продолжение борьбы с Наполеоном, невзирая на то, что Австрия уже предлагала ему мир и что он, заняв Вену, по справедливости торжествовал свои победы над австрийцами в их столице.

Между тем, пока Кутузов отступал от Браунау, русская и австрийская армии сосредоточивались у Ольмюца[721], куда прибыли император Александр и император Франц. Русских было 68 500 человек, австрийцев 14 000, по показанию генерала Данилевского[722]. В этом составе была и русская гвардия в числе 8 500 человек, под начальством его высочества

цесаревича великого князя Константина Павловича[723]. Ожидали приближения эрцгерцога Карла с 30 000 человек из Тироля и русских колонн Эссена и Беннингсена и надеялись на Пруссию[724], которая с Саксониею и герцогством Веймарским долженствовала выставить до 250 000 войска. План кампании был превосходный, и Наполеон долженствовал, по всем соображениям, уступить силе. Главнокомандующим назначен Кутузов, дежурным генералом – генерал-адъютант князь Петр Михайлович Волконский (ныне министр императорского двора), генералом-квартирмейстером – австрийский генерал Вейротер.

Я не пишу истории войны 1805 года и не намерен описывать Аустерлицкого сражения [725], которое уже прекрасно и справедливо изображено генерал-лейтенантом Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским; но расскажу только то, что знаю о бывшей семье моей, т. е. об Уланском его высочества полку, о последствиях сражения и передам тогдашнее общее мнение.

Сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое

сражение было в России закрыто какою-то мрачною завесою! [726] Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно царствующий государь император не разрешил генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину. Уже ли полагали, что стыдно сознаться в том, что мы были разбиты! Да разве был и есть хотя один народ в мире, который бы не проигрывал сражений? Разве римляне скрывали свои неудачи? Разве мы разбиты были от недостатка храбрости? Нет, сам Наполеон отдал нам справедливость! В военной присяге, составленной Петром Великим, воин обязывается «поступать в поле, обозе и на карауле, водою и сухим путем, как храброму и *неторопливому* солдату надлежит» [727]. Вот где наша ошибка! Мы проиграли сражение от *торопливости*. А. И. Михайловский-Данилевский говорит, что государь был молод и окружен молодыми людьми, жаждавшими битвы. Надеясь на наше мужество, мы слишком опрометчиво бросились в борьбу с опытным и искусным полководцем. Главная ошибка, как мне кажется, в том, что австрийцам не надлежало

начинать военных действий до соединения всех сил своих с силами России. Если б до сдачи Ульма и всех потерь австрийской армии, имевших пагубное влияние и на общее мнение в Германии, и на политику германских государств, Австрия и Россия выдвинули все свои силы внутрь Германии, то вероятно, что не только германские государства второго разряда, но и самая Пруссия пристали бы к союзу, и тогда-то надлежало начать военные действия очищением Германии и Италии от французов и уже на берегах Рейна трактовать о мире, налагая условия Франции. Вся эта война 1805 года представляет только желание сразиться с Наполеоном как возможно скорее! Когда русская сила собралась у Ольмюца, австрийская армия уже почти не существовала, и все ее военные запасы, вместе с столицею, находились в руках Наполеона. Страх, наведенный на всю Германию наполеоновскими победами, удерживал всех от вмешательства в дело, проигранное в самом начале, и к тому же репутация австрийского войска много пострадала. На одних русских мало надеялись, а русские, по несчастию, были слыш-

ком самонадеянны. Старик Кутузов, как видно из рассказа А. И. Михайловского-Данилевского, не высказал всего, что бы надлежало сказать в таком важном деле, и противу убеждения повел войска на бой с неприятелем.

Наполеон не хотел драться с русскими и несколько раз предлагал мир; но требования союзников были таковы, что Наполеону надлежало в одно мгновение лишиться всех плодов своих побед. Немедленно по прибытии императора Александра в Ольмюц Наполеон прислал своего адъютанта Савари поздравить государя с приездом, и предложил мир, и даже перед самым начатием движения союзной армии повторил предложения, и просил личного свидания с государем на аванпостах. Наполеону во всем отказали, и его миролюбивые предложения приняты были за сознание в невозможности противостоят русским. В самом деле, положение Наполеона в случае проигранного сражения, в отдалении от всех своих вспомогательных средств, было опасное. Государь послал к Наполеону генерал-адъютанта князя Долгорукова требовать

немедленного выступления из Германии, и князь раздражил его смелыми речами и слишком вольным обращением. «Итак, будем драться!» – сказал Наполеон князю Долгорукову, который, не отвечая ни слова, сел на лошадь и ускакал[728]. Решено с обеих сторон кончить спор оружием.

Все писатели, говорившие об Аустерлицком сражении, приписывают поспешность в битве и уклонение наше от мира князю Долгорукову, пользовавшемуся особенною благосклонностью государя. Мне кажется, что князь Долгоруков был только представителем общего мнения. Горячность его к борьбе с Наполеоном разделяла с ним не только вся русская армия, но и вся Россия. В солдатах и в офицерах был один дух, и нельзя было драться с бóльшим ожесточением и мужеством, как дрались русские под Аустерлицем. Французы также дрались отчаянно, но при равенстве сил (по А. И. Данилевскому, у французов было около 90, а у союзников 80 тысяч человек[729] под ружьем) перевес опыта, соображений и уверенности в гении полководца был на стороне французов, а это и при мень-

шем числе доставляет победу.

В русской главной квартире были уверены, что Наполеон намерен ускользнуть от сражения. Только один опытный Кутузов молчал и был мрачен, видя всеобщую самонадеянность и торопливость и зная гений Наполеона.

Наконец настал достопамятный в истории день 20 ноября / 2 декабря 1805 года! В 8 часов утра русские двинулись к нападению на французов по составленной с вечера диспозиции. Наполеон стоял на кургане и смотрел на движения русских. При нем были Дюрок, Бертье, Мюрат, Ланн и Сульт. Из всех их один только Сульт остался в живых! Видя, что русские исполняют движение, которое он предвидел, а именно тянутся на правый фланг французской армии, Наполеон не мог скрыть своей радости и воскликнул: «Попались в мои руки!» (Ils sont à moi!). Маршалы поскакали к своим местам. Началась битва.

Невзирая на позднее время года, солнце вошло во всей красе своей и во всем своем величии. До смерти своей Наполеон не мог забыть этого солнца и даже перед Бородин-

ским сражением сказал: «Voilà le soleil d'Austerlitz!» Вот аустерлицкое солнце! При- творялся ли Наполеон суеверным или в са- мом деле верил предзнаменованиям, но всем известно, что он часто говорил о *своей* звезде. Прекрасный восход солнца в день Аустерлиц- кой битвы он почел счастливым предзнаме- нованием и старался внушить это своим вой- нам. К тому же это был день годовщины коро- нации Наполеона. Обожавшие его солдаты еще с вечера торжествовали этот день и, ко- гда он проезжал по бивакам, зажгли солому по всей линии, вместо иллюминации, огла- шая воздух кликами: vive l'Empereur! Весело пошли французы в битву, ободренные своим гениальным вождем, предсказывавшим им победу. В прокламации к войску накануне сражения Наполеон даже открыл всему вой- ску план сражения. «Когда русские двинутся, чтоб обойти мое правое крыло, они обнажат свой фланг», и проч. (Pendant que les Russes marcheront pour tourner ma droite, ils me prêteront leur flanc, etc.[730]) Каким образом Наполеон знал, что русские начнут сражение с атаки правого его фланга? Ужели по сообра-

жению местностей? Быть может! Тогда, впрочем, носились слухи, что Наполеон знал нашу диспозицию. Если это правда, то уж верно он узнал это не от русских[731]! Много было толков, но ничего не открылось в течение сорока лет, и должно верить, что Наполеон расположил свое войско на позиции таким образом, что по правилам стратегии надлежало атаковать его с правого фланга. Ведь гении больше всего берут тем, что сбивают с толку людей методическим отступлением от правил. Как бы то ни было, но Наполеон, осмотревший лично все места, где долженствовало быть сражение, и распорядившись прежде, имея отличнейших исполнителей в своих маршалах и генералах, восторжествовал над нашею неопытностью и нашим пылким мужеством, отдав нам, однако ж, полную справедливость. В изгнании, на острове Св. Елены, Наполеон, говоря об Аустерлице, сказал: «Le succès à la guerre tient tellement au coup d'œil et au moment, que la bataille d'Austerlitz, gagnée si complètement, eût été perdûe si j'eusse attaqué six heures plus tôt. Les Russes s'y montrèrent des troupes excellentes, etc.», т. е. «Успех в войне до

такой степени зависит от одного взгляда (*глазомера* полководца) и от одной минуты, что я бы проиграл Аустерлицкое сражение, если бы атаковал шестью часами прежде. Русские доказали, что они превосходные воины», и пр. (См. «Mémorial de Ste Hélène», т. 2, стр. 210[732].) Биньон (см. «Histoire de France, etc.», стр. 470), основываясь на мнении французских маршалов, говорит: «Ainsi, il n'y avait plus, du côté de l'ennemi, une armée unique, agissant dans un seul système et dont les parties se soutinrent entr'elles. C'étaient trois armées différentes, isolées, ayant les Français en tête et sur leur flanc, et ne pouvant plus opposer qu'une bravoure sans calcul, qu'une résistance locale et sans ensemble. Du côté des Français, au contraire, tout était lié, tout marchait d'accord et s'entr'aidait pour le résultat commun»[733], т. е. «Таким образом, со стороны неприятеля (т. е. русских и австрийцев) не было соединенной армии, действующей по одной системе, которой части поддерживали бы друг друга. Тут были три различные неприятельские армии, разобщенные, имевшие французов в голове и на фланге, могшие только действовать лич-

ною храбростью, без всякого расчета, и сопротивляться местно, без общей цели; со стороны французов, напротив, все было связано между собою, все двигалось в согласии и все помогало одно другому для общего последствия». Это самое слышал я в 1811 году из уст знаменитого маршала Сюшета, участвовавшего в Аустерлицком сражении: «Русским надлежало фланговым движением заставить Наполеона переменить позицию и тогда уже начать сражение, а если б им это не удалось, в таком случае должно было действовать сжато и не отделять вовсе кавалерии от пехоты, но действовать ими таким образом, чтоб они подкрепляли друг друга». Кто-то спросил маршала, какая же была бы цель флангового движения, если б Наполеон, воспользовавшись этим, вовсе уклонился от сражения и обратился к своим резервам и сикурсам[734]? «Или соединение с эрцгерцогом Карлом в Венгрии, или с пруссаками, – отвечал маршал, – и во всяком случае преимущество было бы на стороне союзников». Предоставляю стратегикам обсудить это мнение.

Уланский его высочества полк находился в

отряде австрийского генерала князя Лихтенштейна[735]. Пока отряд успел пробраться на место, назначенное ему по диспозиции, место это было уже занято французами, которые, вытеснив русских из деревни Блазовиц, открыли сильный пушечный огонь по русской гвардии, не попавшей также на назначенное ей место, и выслали противу нее стрелков. В эту минуту прибыл на рысях отряд князя Лихтенштейна и примкнул к левому флангу гвардии. Его императорское высочество великий князь цесаревич Константин Павлович прискакал к Уланскому его высочества полку, в белом колете и каске лейб-гвардии Конного полка, поздоровался с солдатами, обнял и поцеловал генерала Егора Ивановича Меллера-Закомельского и, обратясь к фронту, сказал: «Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!» – «Рады умереть!» – воскликнули все в один голос и сдержали слово.

Сражение кипело в русском центре и на правом фланге. Французы подвигались вперед. Стрелки русской гвардии, остановившейся на высотах деревень Блазовица и Круга, перестреливались с французскими застрельщи-

ками дивизии генерала Риго, и перед русскою гвардиєю двигалась французская кавалерийская колонна, состоявшая из трех полков конных егерей и гусар, поддерживаемая слева пехотою маршала Бернадота, а справа пехотою маршала Ланна. Этою колонною командовал генерал Келлерман. За французскою конницею выстроены были несколько батальонов легкой пехоты, с артиллериею. Князь Лихтенштейн решился удержать напор французов на русскую гвардию и даже отбросить их. Решена кавалерийская атака, и Уланский его высочества полк первый бросился на французскую кавалерию[736].

С криком *ура!* стремглав понесся Уланский его высочества полк за генералом своим и офицерами, которые скакали перед фронтом. Французская кавалерия, хотя и превосходная числом, обратилась в тыл, проскакала чрез интервалы между батальонами пехоты и построилась за пушками. Уланы бросились на пехоту и, невзирая на жестокий ружейный огонь, пробились чрез нее. Французская пехота бросилась бегом направо и налево и выстроилась, а артиллерия, стоявшая за пехо-

тою, встретила улан картечью. И это не удержало геройского порыва полка! Уланы смело поскакали на пушки и стали рубить французских артиллеристов. Дошло до ручной схватки. Ротмистра Ганнемана, замахнувшегося саблею на одного из них и нагнувшегося, другой артиллерист сбил с лошади ударом банника в голову[737]. Некоторые уланы даже соскакивали с лошадей и с саблею в руке бросались на артиллеристов. Ожесточение равнялось мужеству. Но при атаке пехоты и при картечных выстрелах сжатый фронт Уланского полка расстроился, и уланы сражались или поодиночке, или малыми толпами, а кроме того, донские лошади, не способные вовсе к мундштуку, закусив удила, занесли множество улан в середину неприятелей. Видя, что уланы уже не могут опереться фронтом, Келлерман бросился на них с тремя отличнейшими полками французской конницы – и уланы должны были обратиться в тыл. Тут приняла их с обоих флангов ружейным огнем та самая пехота, чрез которую они прежде проскакали, и Уланский полк совершенно расстроился. «Ils péchèrent, dans cette affaire par excès de

courage et par défaut de connaissance dans l'art militaire», т. е. «Они погрешили в этом деле от избытка храбрости и от незнания военного ремесла (т. е. от неопытности)», – говорят французские писатели[738]. Совершенная правда! Вся беда не только Уланского его высочества полка, но и всей армии произошла от избытка храбрости и неопытности!

Александр Иванович Михайловский-Данилевский в своей истории войны 1805 года показывает, что в Уланском его высочества полку из строя выбыло пленными и убитыми 400 человек рядовых, 16 офицеров и командир полка Егор Иванович Меллер-Закомельский, раненый и взятый в плен[739]. Полк имел более 1000 человек, но после этой атаки едва двести человек примкнули к корпусу князя Багратиона. Прочие рассеялись в разные стороны, быв отрезанными и не зная, где соединиться. Генерал Меллер-Закомельский оказал чудеса храбрости и, быть может, спас бы полк, если б не был ранен в самую критическую минуту. Пуля ударила ему в грудь и скользнула по Владимирскому кресту[740]. Удар лишил его дыхания, и в это время на

него наскружили французские гусары и стали рубить. Несколько уланских офицеров защищали его до последней крайности и вместе с ним были взяты в плен.

Генерал А. И. Михайловский-Данилевский превосходно и верно описал несчастное отступление после Аустерлицкого сражения и ужасную картину, когда после обрушения моста на реке Литаве и по тесноте узкой плотины между озерами русская пехота, кавалерия и артиллерия бросились на замерзшее озеро, надеясь сократить путь. Страшно ревели французские орудия; ядра прыгали рикошетами между русскими воинами, и вдруг в нескольких местах раздались вопли отчаяния... Лед на озере начал проламываться и проваливаться во многих местах; пешие и конные воины, пушки и зарядные ящики погружались в воду, а между тем канонада со стороны французов усиливалась, и над утопавшими стали трескаться гранаты и ядра, пришибая спасавшихся. Со всех сторон смерть, под ногами и над головою! Эта участь постигла корпус неустрашимого Дохтурова [741]. В общем смятении раздавались голоса

офицеров: «Спасай пушки! береги ружья!» – и солдаты слушали офицеров, помогали на мелких местах вытаскивать орудия, и все вышедшие на берег солдаты сохранили ружья и выстроились немедленно в колонну. Французы заметили эту удивительную черту русской дисциплины и отдали справедливость редкой храбрости русского солдата! Все французские военные историки говорят об этом с удивлением.

Я уже сказывал, что русские офицеры носили тогда огромнейшие шляпы с султаном и с широкою петлицею. Это было причиною смерти многих храбрых офицеров русских. В русских рядах даже слышно было, как французские офицеры кричали своим застрельщикам: «Tirez aux chapeaux!», т. е. «Стреляй в шляпы!», и отличные французские стрелки прицеливались, как в мишень, в колоссальную шляпу. Не все офицеры были перебиты, но почти все шляпы были по несколько раз прострелены.

Кто не знает так называемой *тактики Суворова*[742], т. е. его наставления воинам, читанного перед фронтом войску, находивше-

муся под командою Суворова? В этой тактике непобедимый полководец запрещает солдатам грабить в неприятельской земле, но говорит: «Взял город, взял лагерь – все ваше!» Тогда был обычай, что взятый с боя город отдавался на грабеж. Если б только брали пожитки... но тут и жизнь, и более еще – честь отдавалась на произвол рассвирепелого солдата! В русском войске это называлось «*поднять на царя*». Император Александр приобрел неопровергаемое право на бессмертие в веках и на благословение народов уничтожением этого правила. Однако ж однажды в жизни, в первый и последний раз, сам император Александр прибегнул к этому средству. На другой день после Аустерлицкого сражения государь увидел несколько гвардейских батальонов и толпы армейских солдат почти без огней, лежавших на мокрой земле, голодных, усталых, измученных... Верстах в двух была деревенька, но в ней нельзя было занять квартир и достать помощи обыкновенными средствами. Надлежало отступить... Император Александр, тронутый положением своих воинов, позволил им взять все съестное из де-

ревни. «Ребята, *поднимай на царя!*» – раздался голос флигель-адъютанта, и солдаты устремились в деревню и выбрали все, что можно было взять и что было даже не нужно, только для потехи. Государь записал название этой деревни и после вознаградил вдесятеро за все взятое. После этого случая *поднимай на царя* исчезло в русском войске, которое во всех походах, даже при штурмах, было всегда образцом военной дисциплины и порядка.

После несчастной ретирады[743] и перемирия Уланский его высочества полк собрался в Кракове, в числе 300 человек, и в Россию повел его полковник Чаликов. На пути и при распределении полков по квартирам прибыло в полк еще до полутора года остававшихся в госпиталях или спешенных улан, примкнувших к пехотным полкам и отдельным командам. Штаб-квартира Уланского полка назначена в имении его высочества, *Стрельной Мызе*, а помещение в Стрельной, в Петергофе и в Петербурге[744]. Прибыв на место своего назначения после Аустерлицкого сражения, полк начал комплектоваться офицерами и солдатами, и полковым командиром назна-

чен полковник Чаликов. Приобрел славу храброго полка, Уланский его высочества полк удостоился получить серебряные трубы за отличие[745]. Его высочество сам занялся устройством, преобразованием и обучением полка. Несколько прежних офицеров переведены в другие кавалерийские полки, и на место их выбраны его высочеством новые. К этому числу принадлежал и я[746]. Служба была нелегкая, потому что надлежало и обучать солдат, и смотреть за выездкою лошадей, и его высочество сам входил во все подробности.

По возвращении гвардейского корпуса из-под Аустерлица в Петербург вся столица встречала его[747]. Единственный трофей этого сражения, в котором русские дрались с истинно геройским мужеством, принадлежал гвардии. Перед л.-г. Конным полком везли французское знамя, отнятое полковником Лениным у 4-го Французского пехотного полка, в который он врубился с двумя эскадронами. Вообще, в этом несчастном сражении гвардейская кавалерия чрезвычайно отличалась. Кавалергарды, конная гвардия и лейб-

казаки отчаянными атаками спасли гвардейскую пехоту, но зато Кавалергардский полк был истреблен почти наполовину[748].

Весть об Аустерлицком сражении быстро промчалась по всей Европе и произвела горестное впечатление во всех народах, над которыми тяготело или которым угрожало могущество Франции и самовластие Наполеона. Особенно в Англии общее мнение, имея сильного двигателя в свободе книгопечатания, сильно восстало противу министерства знаменитого Питта, который всю власть свою, все свои способности и все огромные средства употреблял на поддержание войны с Францией и на побуждение к войне сильных сухопутных европейских держав, предлагая каждому врагу Франции и Наполеона денежную помощь. Не думаю, чтоб личная ненависть к Наполеону (как писали тогда во французских журналах) заставляла Питта поступать таким образом. Гораздо вероятнее, что в нем действовало убеждение, что правительство, возникшее из кровавой революции, на обломках законного престола, не может представить достаточного ручательства за спокойствие

Европы, за уважение монархических начал вчуже и за твердость правительства внутри Франции. Питт, как глубокий политик, не мог действовать по побуждению страстей, но следовал единственно системе, хладнокровно обдуманной и взвешенной на весах разума, хотя он и употреблял иногда средства, не одобряемые строгою нравственностью. Он был убежден, что хотя Наполеон и старался утвердить новую свою империю на монархических правилах, но, будучи сам в существе воином и завоевателем, он только военною славою и военным величием может держаться на высоте; что только громом побед он в состоянии заглушить вопли революционных страстей и только штыками может удержать их порывы. Питт советовал до тех пор продолжать борьбу всеми возможными средствами, пока во Франции не утвердится сильного и миролюбивого правительства, хотя бы на новых демократических началах[749]. Предвидения Питта сбылись, но сам он не выдержал и, в борьбе с общим мнением, умер после Аустерлицкого сражения. Противники его, особенно знаменитый Фокс, говорили, что Питт «убит

аустерлицким ядром», поразившим его прямо в сердце[750].

Англия чрезвычайно страдала от войны, и хотя слава ее флота возросла победами над флотами французов и их союзников, и хотя она забрала почти все их колонии, но эти выгоды, долженствовавшие принести великие последствия в будущем, в настоящем нанесли большой ущерб торговле и промышленности. Национальный долг возрос до баснословных цифр! Рабочий класс в Англии совершенно обеднел. Общее мнение требовало мира, и новое министерство Фокса склонялось к нему, но не могло заключить его на тех условиях, от которых Наполеон не отступал, особенно после Аустерлица. Ожесточение обоих народов дошло до высшей степени, и со стороны Англии вся ненависть сосредоточилась на Наполеоне. Англичане распложили различные оскорбительные выдумки насчет Наполеона, и притом почти на всех языках, чтоб посеять во всех народах ненависть и презрение к главе французского правительства. Множество этих пасквилей переведено на русский язык, и в свое время все это с жадностью было про-

читано[751]. С этих-то пор утвердилась у тогдашних молодых людей ненависть к Наполеону, которая, укоренившись с годами, останется в них до гроба! Многие из моих искренних приятелей в России до сих пор воображают себе Наполеона таким, как описывали его английские пасквилисты, – страшным чудовищем вроде Минотавра!

Я не разделял и не разделяю этого несправедливого мнения о Наполеоне[752]. С детства привык я отдавать справедливость великим мужам и талантам, независимо от личных моих выгод и побуждений сердца. Такой-то человек может быть непримиримым врагом моим и быть отличным писателем, генералом или чиновником. Большая часть врагов не знают друг друга, а если б узнали, то подружились бы. Клевета, как яд, отравляет жизнь! Великие мужи Древней Греции и Рима были ужасны неприятелям своего отечества, и если враги Греции и Рима проклинали их, то не могли повредить их славе. Кто желает славы, величия и могущества собственному отечеству, тот поневоле должен созидать их насчет других народов. Так создан свет! Наполеон

вел честно свои войны, выводил войско в чистое поле и дрался. Честолюбие его и властолюбие, конечно, выходили иногда за пределы, но этим он доказал, что и величайший гений есть человек и что человек не может быть без слабостей и недостатков. Наставник мой Лантинг был сильным приверженцем Наполеона, разумеется не желая ему успехов в столкновениях с Россией и душевно жаждая мира с наполеоновскою Франциею. Мы с Лантингом восхищались первым консулом и хотя досадовали, когда он принял императорское звание, но извиняли его обстоятельствами. С наслаждением читали мы прокламации Наполеона к его войску. Это совершенство военного красноречия! Не много таких полководцев, как Наполеон и Суворов, которые бы, подобно им, умели двигать сердцами своих подчиненных, каждый в духе своего народа. Наполеон и Суворов знали, что, не воспламенив человека, не тронув его за сердце, нельзя ожидать от него великих дел! Переберите всю историю человечества, вы удостоверитесь, что все великие мужи действовали на народ нравственно (moralement), обращаясь к серд-

цу и разуму. Чувство обязанности охлаждается в противностях и страданиях, энтузиазм побеждает все трудности. Вообще я не разделяю мнения тех, которые полагают патриотизм в ненависти неприятеля и в оскорблении его бранью и клеветою. Можно уважать неприятеля и сражаться с ним до последней капли крови за честь и благо своего отечества; и что может быть славнее, как сражаться с врагом, достойным уважения, и победить героев! Сознаюсь откровенно, что с первых лет моей юности я почитал Наполеона великим мужем, не верил по инстинкту вымыслаемым на него клеветам и, когда увидел собственными глазами Францию, созданную им из революционного хаоса, когда наслушался рассказов очевидцев о том, что было во Франции до Наполеона и даже до революции, тогда убедился, что в Наполеоне были два гения: военный и правительственный, или административный, которые весьма редко встречаются вместе в одном человеке. Об этом я буду иметь случай поговорить подробнее[753].

Последствия Аустерлицкого сражения бы-

ли чрезвычайно важны и совершенно пере-
менили положение Европы. Пресбургский
мир[754] начертан окровавленным мечом по-
бедителя! Наполеон довольствовался только
денежною контрибуциею для раздачи своему
войску, и в первый раз после революции
Франция заключила мир с побежденным
неприятелем, не приобретая областей. Но Ав-
стрия все же лишилась до двух миллионов
осьмисот тысяч подданных, населявших пре-
красные страны Южной Германии и Италии,
которые отданы были курфюрстам Баварско-
му и Виртембергскому, принявшим титул ко-
ролевский, и великому герцогу Баденскому,
союзникам Наполеона. Владения Австрии в
Италии, с Венецией, присоединены к новому
Итальянскому королевству. Император Гер-
манский лишился прежнего титула и стал на-
зываться императором Австрийским[755]. Ко-
роль Неаполитанский лишен всех своих вла-
дений и удалился в Сицилию, под покрови-
тельство Англии[756]. Пруссии, хотя и не со-
юзной с Франциею, но не участвовавшей в
войне, предоставлено занять принадлежав-
ший Англии Ганновер. Замечательно, что, ко-

гда прусский министр Гаутвиц, отправленный из Берлина к Наполеону до получения известия об Аустерлицком сражении с самыми жесткими предложениями, явился к победителю в Бринне и, не считая нужным объяснять настоящей причины своего посольства, поздравлял его с победою в самых лестных выражениях[757], Наполеон отвечал: «Это такое приветствие, которого назначение (или адрес) переменено счастием!» (*C'est un compliment, dont la fortune a changé l'adresse!*).

Не требовалось много предвидения и высоких соображений в политике, чтоб постигнуть, что все трактаты, заключенные первоклассными европейскими державами с Наполеоном, после Аустерлицкого сражения не прочны и что восстановленный мир на твердой земле есть только перемирие. Жестокое наказание Австрии и страшный для Европы перевес силы Франции заставляли каждого помышлять о средствах к утверждению равновесия в Европе для общего спокойствия и безопасности, и эта великая идея, чуждая всех корыстных видов, родившись в уме императора Александра, руководила им посто-

янно к предназначенной цели, до которой он достигнул в течение десяти лет, действуя с величайшим самоотвержением и не страшась никаких опасностей. Наполеон нашел достойного себе соперника в императоре Александре, с той между ними разницею, что император Александр знал, с кем имеет дело, а Наполеон, при всей своей гениальности, не постигнул Александра и был в совершенном заблуждении на его счет!

Император Александр не выслал в Париж полномочного посла для заключения мирного трактата, как желал того Наполеон. Статскому сов[етнику] Убри (Oubril), посланному будто бы для размена пленных, поручено было войти в сношения с французским правительством по этому предмету. Г. Убри подписал в Париже мирный договор (8/20 июля 1806), и, когда Наполеон торжествовал, что Россия соглашается на лишение неаполитанского короля престола и все предложения Франции, и напечатал трактат в «Монитере» [758], император Александр не утвердил трактата![759] Это был удар прямо в сердце Наполеона! К довершению его горести и досады во

«Франкфуртском журнале»[760], бывшем тогда органом нашей политики, напечатана статья, в которой было сказано, что посланный в Париж русским правительством для заключения мирного трактата отдалился от своей инструкции и действовал в духе совершенно противоположном и что российский император готов возобновить сношения о мирном трактате, которого бы основания согласовались с его достоинством. Эта журнальная статья была бомба, пущенная в политический мир! Статью перепечатали в немецких и английских журналах, и Европа с восторгом узнала, что Аустерлицкое сражение не покорило ее совершенно воле Франции и что еще есть благодетельный гений, пекущийся о ее независимости. Имя императора Александра произносилось везде с благоговением, везде выставляли его портреты, и всех русских принимали отличным образом за границей. Однако ж Наполеон, желая мира, чтоб утвердить могущество Франции и свое собственное на прочных основаниях, скрыл свое неудовольствие, и дипломатические сношения об утверждении европейского мира продолжа-

лись в Париже. Император Александр повторил с тою же твердостью и настойчивостью прежние свои требования, как будто не бывало Аустерлицкого сражения. Он снова объявил, что французы должны выступить из Германии, не соглашался на лишение престола неаполитанского короля и требовал даже, чтоб Наполеон не присоединял Далмации к Французской империи. Кроме того, император Александр не соглашался вывести русских войск из Бока-ди-Катаро, пока французы останутся в Германии[761]. Эти условия были те же, что пред Аустерлицким сражением. Наполеон казался уступчивым, отдавал России Корфу, соглашался даже решить умереннее неаполитанский вопрос и требовал только, чтоб Россия не вмешивалась в дела Германии и Западной Европы и содействовала к заключению мира с Англиею. Император Александр оставался непоколебимым и старался теснее сблизиться с Пруссией[762], для которой учреждение Рейнского союза и власть Наполеона в Германии были достаточною причиною к сопротивлению его видам. Пруссия была на военной ноге, имела многочислен-

ное войско, несметные запасы военных потребностей и крепости в отличном состоянии. Россия вооружалась и комплектовала войско. По смерти начальника английского кабинета Фокса[763] английское министерство склонялось более к войне, нежели к миру с Франциею, и наконец трактации между Англией и Францией вовсе прекратились. Каждую минуту ожидали взрыва, и только не знали еще, с которой стороны начнется война. Наконец 2 октября 1806 года Пруссия внезапно издала манифест о войне с Франциею, и в то же время стотысячная прусская армия вошла в Саксонию и, соединившись с двадцатью тысячами войска курфюрста Саксонского [764], начала наступательные движения к Рейну. Вся Европа удивилась этой внезапной решительности Пруссии. Пламя вспыхнуло [765]!

IV

Характер и темперамент. – Немцы и французы. – Порывы высшего общества в Берлине к войне. – Положение Пруссии и Франции. – Характеристика прусского

главнокомандующего, герцога Фердинанда Брауншвейгского. – Пребывание его в Петербурге. – Военное искусство в Европе. – Заслуги Пруссии в этом отношении. – Тактика Фридриха Великого. – Прусское войско в 1806 году. – Тактика Наполеона. – Дух французского войска. – Достопамятные слова Наполеона на вызов Пруссии. – Начало военных действий. – Успехи французов. – Смерть принца прусского Лудовика. – Искусство Наполеона и ошибки герцога Брауншвейгского. – Совершенное поражение и уничтожение прусской армии при Йене и Ауэрштедте. – Свидетельство очевидцев. – Речь Наполеона пред войском. – Уныние и расстройство прусской армии. – Сдача крепостей. – Вступление Наполеона в Берлин. – Впечатление, произведенное в России несчастьем Пруссии. – Император Александр объявляет войну Франции. – Рекрутский набор. – Милиция. – Воспламенение умов в России. – Патриотические чувства. – Две русские

армии и две войны в одно время, с Франциею и Турциею. – Формирование батальона императорской милиции. – Тогдашние Петергоф и Стрельна. – Офицерская жизнь в Стрельне и Петергофе. – Русский театр и трагедии Озерова. – Патриотическая трагедия «Димитрий Донской». – Характеристика Озерова и трагического актера Яковлева

Весьма несправедливо и даже безрассудно поступает тот, кто какие-нибудь дурные качества приписывает *целому* народу. Народ – не порода зверей, не волки и не лисицы, чтоб быть подвластным какому-нибудь особенному природному инстинкту. Образ правления, метода воспитания, политические события, устройство гражданского общества и географическое положение страны имеют влияние на характер целого народа, менее или более, смотря по обстоятельствам. С переменою этих условий изменяется и характер народа, всегда, однако ж, подчиняясь темпераменту. Не надобно никогда смешивать характера с *темпераментом*. Нет ничего забавнее, как объяснение слов характера и

темперамента в наших лексиконах[766]! Одни их смешивают, другие говорят такой вздор, что уши вянут! Характер есть, так сказать, *нравственное сложение человека* (constitution morale), образованное волею, убеждением, разумом, образованностью, а темперамент – *физическое сложение* (constitution physique), механическое устройство человека, сооруженное одною природою. Иногда характер подчиняет себе темперамент, а иногда сам ему подчиняется. Движение крови более или менее быстрое, гибкость мускулов, сила пищеварительных органов и бóльшая или меньшая деятельность нервной системы составляют различие темпераментов. Климат и пища играют первые роли в темпераменте; ум и воспитание господствуют в характере. Мы вообще называем французов *ветреным* и *веселым* народом, а немцев народом *честным* и *основательным*, но *холодным*. Живость французов и их восприимчивость суть последствия их легкого, приятного климата и их пищи. Французский превосходный суп (pot-au-feu[767]), их пряные приправы, трюфели, чеснок и, наконец, вино способ-

ствуют этой живости, когда, напротив, и самый климат Германии, здоровый, но слишком однообразный, иногда угрюмый, грубая, тяжелая немецкая пища и неумеренное употребление пива способствуют к сгущению крови и какой-то неподвижной холодности. Немец выходит из себя тогда только, когда жестоко рассержен, а француз беснуется и в гневе, и в радости. Немецкая пословицная (proverbial) честность началась только со времени Реформации и поддерживается тихою рациональною немецкою набожностью. В Средние веки Германия была разбойничье гнездо, и самая ужасная безнравственность окружала рыцарские замки и католические монастыри. Время изменило характер народа, не изменив его темперамента.

В Северной Германии, т. е. в Пруссии, народный характер сильно изменился в царствование Фридриха Великого. Блистательные его победы в Семилетнюю войну над господствовавшим тогда народом в Германии, австрийцами, разбитие французов при Росбахе, успехи над русскими при Кунерсдорфе и Цорндорфе[768] и скорое блистательное воз-

вышение Пруссии из незначительной державы на степень первоклассного европейского государства давали пруссакам права на гордость. Но от гордости, даже справедливой, один только шаг к высокомерию, тщеславию и фанфаронству. Прусское юношество, взлелеянное воспоминаниями славной эпохи Фридриха Великого, сохранившее предания о чудных подвигах мужества отцов и дедов своих, присвоило себе их славу, думая, что получило в наследство и их качества, и переступило за пределы позволенной народной гордости. С негодованием говорили в Пруссии о неудачах австрийцев противу французов, умалчивая, однако ж, о несчастном походе во Францию в 1792 году[769], и чрезвычайно легко судили о кампании 1805 года и несчастном Аустерлицком сражении, веря, что этого никогда не могло бы случиться с пруссаками. В Пруссии также существовали, как и в России, две партии, мирная и военная. Король весьма благоразумно склонялся на сторону мирной партии, желая выждать, пока обстоятельства не укажут ему пути, по которому должно следовать, и опасаясь рисковать тогдашним выгодным по-

ложением Пруссии, к которой Франция чрезвычайно ласкалась и обещала большие выгоды, требуя одного нейтралитета[770]. Но партия, желавшая войны, имея приверженцев даже в королевском семействе, была гораздо сильнее партии мирной. Женский пол, как водится, разделял мнение юного поколения, и наконец в народе составилось убеждение, что Пруссия должна непременно вступить за честь Европы и Германии, прогнать французов за Рейн и заключить их в прежних пределах Франции, не позволяя вмешиваться в дела Европы. С Россией уже заключен был тайный союз под названием Потсдамской конвенции[771]; Австрия обещала присоединиться к союзникам, как только позволят стесненные ее обстоятельства; Англия явно приглашала всех к восстанию противу Франции. Курфюрсты Гессенский и Саксонский и герцог Веймарский отдавали войска свои в распоряжение Пруссии[772], а другие владельцы германские обещали присоединиться при первом успехе Пруссии. Надежды были огромные и блистательные и предвещали успех в войне. И точно, надлежало надеяться успехов, ес-

ли б война начата была вовремя и с расчетом. Но партия, желавшая войны, воспламененная каким-то дивным энтузиазмом, отвергала всякое замедление и, горя нетерпением сразиться, требовала немедленно начать войну, чтоб не дать французским войскам поправиться и укомплектоваться после блистательной, но трудной Аустерлицкой кампании, которая и французам стоила недешево. Слава Наполеона и французских войск, так сказать, разила взоры прусского юношества и оскорбляла его самолюбие, заслоняя славу Семилетней войны. Весь прусский двор, исключая благоразумного короля, был на стороне приверженцев войны... Наконец король уступил советам и просьбам партии, которая выдавала свое собственное мнение за общее, и вызвал на бой Наполеона[773]!..

Главнокомандующим прусскою армиею назначен был герцог Фердинанд Брауншвейгский (Braunschweig-Lüneburg)[774]. Имя Брауншвейгское озарено было военною славою в XVIII веке. Фердинанд, герцог Брауншвейгский[775], был в числе отличнейших генералов Фридриха Великого в Семилетнюю войну,

и, избранный английским королем Георгом II для начальствования англо-ганноверскою армиею, он несколько раз жестоко бил французов, одержал знаменитые победы под Кревельтом в 1758 году, под Минденом в 1759 году[776] и выгнал их из герцогства Гессенского в 1763 году. Но он скончался в 1792 году, имея более семидесяти лет от рождения, и слава его озарила племянника его, также Фердинанда, которого многие смешивали с дядей. Назначенный в 1806 году главнокомандующим прусскою армиею, герцог Фердинанд Брауншвейгский был в это время семидесяти одного года от рождения (род. 1735 г.). Он также снискал блистательное имя в Семилетнюю войну (от 1756 до 1763), в первой своей молодости, но не как полководец, а как храбрый и пылкий офицер. В первый раз начальствовал он на правах главнокомандующего отдельным тридцатитысячным Прусским корпусом в 1787 году, при усмирении Голландии, восставшей противу своего штатгудера, зятя короля Прусского[777]. Голландию покорил герцог Фердинанд Брауншвейгский, так сказать, несколькими выстрелами. В 1792 го-

ду, во время самого сильного разгара Французской революции, он был назначен главным командующим союзной австрийско-прусской армии, которая должна была действовать в самой Франции для спасения несчастного Людовика XVI, но был разбит при Вальми французским генералом Келлерманом [778] (получившим впоследствии звание герцога Вальмийского, duc de Valmy) и, заключив конвенцию с республикой, возвратился в Германию. Военная репутация герцога Фердинанда чрезвычайно пострадала после этой кампании, и он даже вышел в отставку из прусской службы. Герцог Фердинанд Брауншвейгский был человек отлично образованный, светский, одаренный красноречием, человек храбрый и знавший подробно тактику Фридриха Великого, но сам он не имел дарований полководца, хотя и обучался военному ремеслу на практике у первого вождя своего времени и участвовал в великих подвигах. Не всякому таланту дается творческая сила!

Незадолго до войны герцог Фердинанд Брауншвейгский приезжал в Петербург для дипломатических переговоров и военных сове-

щаний[779], и я несколько раз видел его. Он был низкого роста и сухощавый. Лицо его до такой степени покрыто было морщинами, что казалось мозаикой. Нос у него был длинный, губы небольшие, глаза живые, и вообще он был быстр в движениях по своим летам. Он был в мундире точно такого покроя, какой был в русской армии при императоре Павле Петровиче, с тою разницею, что мундир был синего цвета. В Петербурге тогда поговаривали, будто герцог Фердинанд Брауншвейгский вступает в русскую службу в звании генерал-лиссимуса и что ему будет поручено предводительство русских войск противу французов. Не знаю, было ли это в проекте, но таков был слух. Герцог Брауншвейгский посещал все наши военно-учебные заведения, Военную коллегию[780], Комиссариат[781], Арсенал, бывал на парадах войск и входил во все подробности высшего управления. Быть может, это самое подало повод к слухам.

Военное искусство до Тридцатилетней войны в Европе находилось в плохом положении. В каждом войске сперва десятую, потом пятую и четвертую часть составляла конни-

ца. Шведы под предводительством Густава Адольфа[782] и Карла XII первые доказали преимущество пехоты и силу штыков (изобретенных в Байонне, во Франции, в половине XVII века[783]) в сомкнутой линии. Но при устройстве пехоты во всей Европе обращали более внимания на целое, обучали построениям, переменам фронта и движениям в массе и пренебрегали частностями. От солдата требовалось только, чтоб он умел стрелять, держаться линии и действовать совокупно в рядах. Солдаты были неуклюжи и неповоротливы; одевались как кто умел, и только цвет одежды отличал солдата от крестьянина или горожанина. Покрой был почти тот же, как и в гражданской одежде. Из всех европейских держав Пруссия первая завела в войске свою дисциплину и так называемую выправку, еще в начале XVIII столетия (с 1714 года), и военные люди из всех государств приезжали в Берлин любоваться гвардиею прусского короля[784] Фридриха Вильгельма I (das grosse Leib-Regiment[785]), состоявшей почти из великанов, одетых однообразно и выправленных до совершенства. Ружейные приемы для

приучения солдат владеть ловко ружьем, заряджение ружья на двенадцать темпов, залпы плутонгами[786], ротами, батальонами и целыми полками, по одному слову, батальонный огонь, маршировка тихим шагом, построения скорым шагом и быстрые перемены фронта и линий – все это было доведено в прусском войске до совершенства, а кроме того, учреждена единообразная служба во всей армии; заведены вахтпарады[787], правильные караулы, строгая подчиненность. Словом, прусская армия сделалась образцовой для всей Европы и все государства брали с нее пример. Король Фридрих Великий, который в молодости своей насмеялся над этим, считая выправку мелочностью, вступив на престол, убедился в превосходстве выправленного солдата пред неуклюжим воином, усилил все начатое и оставленное ему родителем его семидесятипятидесяти тысячное войско умножил до двухсот тысяч (в 1789 году). Фридрих Великий был творец нового военного искусства, основанного на *маневрировании*. Это искусство состояло в том, чтоб движениями своего войска оставлять неприятеля в неведении насчет

своих намерений, заставляя его переменять позиции, атаковать там, где неприятель не ожидает, и отступать теми путями, о которых он не предполагает. Война была почти то же, что игра в шахматы, и воевать можно было на малом пространстве, имея в крепостях запасы. В самом сражении искусное маневрирование, т. е. движение массами, доставляло хорошо обученному войску выгоды пред превосходным числом и храбрым неприятелем. Обстоятельства заставили Фридриха Великого изобрести так называемую *малую войну*, т. е. войну партизанскую[788]. Он первый почувствовал важность хорошо обученной конницы для поддержания пехоты и артиллерии и изобрел *конную артиллерию*. Семилетняя война доказала превосходство его военного искусства и пользы от армии, хорошо обученной и выправленной. Предводительствуемая искусными полководцами, прусская армия торжествовала над двойным и даже тройным числом неприятеля. Храбрые венгерцы, отчаянные пандуры, кроаты и словаки, которыми славилось австрийское войско[789], должны были уступать пруссакам, предводительству-

емым Фридрихом Великим и генералами его школы. Французы, пользовавшиеся всегда военной славою, особенно при Лудовике XIV, были беспрерывно биты пруссаками и их союзниками, ганноверцами и брауншвейгцами, в Семилетнюю войну. Сражение при Росбахе было как бы народным пятном в военной истории Франции. В этом знаменитом сражении (5/12 ноября 1757 года)[790] Фридрих Великий с 22 000 пруссаков разбил и обратил в бегство 60 000 союзников, большею частью французов. Сражение продолжалось не более полутора часа, и с прусской стороны в действии была только одна конница под начальством знаменитого генерала Зейдлица и семь батальонов пехоты. Французы лишились выбывшими из фронта 10 000 человек (из которых 7 000 сдались в плен на поле сражения), 63 пушки и 23 знамени, и вся французская армия разбежалась. У пруссаков убито до ста человек и до 300 ранено. Эта блистательная победа в числе многих других, одержанных пруссаками над французами, генералами Фридриха Великого, особенно герцогом Фердинандом Брауншвейгским, совершенно уро-

нила военную репутацию французов. В Германии распевали песни насчет их трусости и привычки бегать с поля сражения, воткнув ружье в землю. Особенно в Пруссии сильно утвердилось мнение насчет малодушия французов, и с ними вообще обходились с каким-то презрением. Внуки героев Семилетней войны, будучи свидетелями успехов французов в революционную войну, приписывали их победы или ошибкам, или трусости неприятеля, горя нетерпением повторить росбахское торжество. Неудачу похода в 1792 году во Францию пруссаки приписывали слабому содействию австрийцев и болезням, открывшимся в прусской армии, что отчасти было и справедливо.

Но время все изменяет. Не те уже были пруссаки, и не те французы, каковыми они были в Семилетнюю войну! В прусском войске сохранились и прежняя отличная выправка, и прежнее искусство в маневрировании, но в челе войска не было военного гения, который бы, подобно Фридриху Великому и его знаменитым ученикам, умел пользоваться этим искусством, а в войске не было

надлежащей дисциплины и военного духа. Прусское войско во время продолжительного мира отвыкло от военных трудов и изнежилось, как войско Аннибала в Капуе[791]. Полки стояли всегда на одних бессменных квартирах и, пользуясь всеми удобствами жизни, привязаны были к ее выгодам. Армейские офицеры без производства старели в одних чинах и, живя на одном месте, занимались более хозяйством, нежели военными помыслами. Армейские штаб-офицеры и капитаны большею частию были люди пожилые и даже старые. Именем *прусского майора* означали в то время в шутку старого дородного пузана! Солдаты занимались ремеслами или полевыми работами. В пехоте большая часть офицеров и солдат были женаты. Полки имели огромные обозы и выступали с квартир с полным хозяйством, с женами и детьми. Мы сами видели в 1807 году прусские отряды, за которыми тянулись ряды фур, втрое длиннее войска. На этих фурах солдатки везли постели, кухонные снаряды и даже живых кур, гусей, и т. п. Русские солдаты называли пруссаков в насмешку *кукуреки*, т. е. петухами. В

прусской коннице, также отлично обученной и выправленной, было более порядка и дисциплины; но как большая часть солдат в конных и пехотных полках были люди вербованные не в одной Пруссии, а из разных немецких владений и из славянских племен, то войско не было одушевлено тем патриотизмом и тою народною гордостью, которые возвышают душу и заставляют предпочитать смерть унижению отечества. Весьма многие из солдат, завербованных обманом (как то случилось и с нашим знаменитым Ломоносовым[792]), даже радовались победам французов; это я сам слышал от прусских солдат. В армии было несколько генералов Семилетней войны, как, например, Моллендорф, Калькрейт и другие, но они уже устарели и слабо сохранили предания великой науки побеждать. С виду эта армия была бесподобная, и сверху кипело и пенилось, как шампанское вино, но в целом не было силы и крепости, а на дне были дрожжи.

Энтузиазм кипел только при дворе, в высшем обществе и между гвардейскими офицерами. Прусские гвардейские офицеры, в про-

тивоположность армейским, были большею частью люди молодые, из аристократических фамилий не только Пруссии, но всей протестантской Германии и даже из владетельных домов. Военный дух, оживлявший эту блистательную молодежь, принимали за дух всего войска, а мнение аристократических салонов за мнение народное. В этом состояла важная ошибка! Энтузиазм в военной молодежи дошел до высшей степени и наконец превратился в несносное фанфаронство. Перед окнами французского посла в Берлине молодые офицеры острили свои сабли и шпаги под звуки знаменитого «Дессауского марша»[793], игранного во время Росбахской битвы. Ежедневно бросали в дом посланника карикатуры и эпиграммы насчет французов и Наполеона. На театрах и в журналах повторялись ежедневно самые жестокие выходки противу французов и Наполеона, и более всех отличался своей неустрашимостью и запальчивостью знаменитый Коцебу, издававший тогда в Берлине журнал «Der Freimüthige»[794]. Никто не помышлял о том, что и Пруссия, и Европа уже не те, что были при Фридрихе Вели-

КОМ.

Французы, народ воинственный от природы, удобовоспламеняемый, легко забывающий величайшие бедствия и неудачи, в эту эпоху был точно такой, каков надобен был величайшему военному гению, какой только был на земле после Цезаря и Александра Великого, Наполеону, для чудных его подвигов. Революционные войны, в которых надлежало победить или умереть, умереть на поле битвы или на эшафоте, образовали превосходных солдат, отличнейших офицеров и искусных полководцев. Наполеон, сообразуясь с веком и обстоятельствами, совершенно пересоздал военное искусство, положив его основанием суворовские правила: *быстроту* и *натиск*. Он усилил артиллерию и, так сказать, соединил конницу с пехотою, заставляя их всегда действовать, опираясь одна на другую или подкрепляя друг друга. Умея пользоваться местоположением вследствие особенного дара природы, наделяющей великих полководцев превосходным глазомером и быстротою соображений в самом пылу сражения, Наполеон действовал всегда сжатыми массами, колон-

нами, не растягивая своей боевой линии и стараясь всегда иметь под рукою всю свою силу. Воспользовавшись изобретением Фридриха Великого, Наполеон довел до совершенства конную артиллерию в своей армии и ввел *застрельщиков* (*tirailleurs*), впервые появившихся в американскую войну за независимость колоний, в 1775 году, в армии Вашингтона. Американские застрельщики набираемы были из людей, занимавшихся охотой в лесах и степях Америки, и составляли главную силу армии Соединенных Североамериканских Штатов. Наполеон набирал своих волтижеров (так назывались стрелковые роты во французской армии) из самых ловких рекрутов из лесных и горных стран Франции и, приказывая их непрерывно обучать стрельбе, награждая искуснейших, держал вообще всех их в почете. Своими волтижерами Наполеон прикрывал обыкновенно движение своих масс, как громоносную тучу, подкрепляя стрелковые цепи конницей в поле и колоннами легкой пехоты в местах, где конница не могла действовать. Все переменялось во французской армии со времени Росбахской

битвы, и люди, и вооружение, и тактика, и дух войска и народа, – и французы, которые прежде под предводительством своих маркизов бегали от неприятеля, теперь с полной уверенностью в победе, отважно шли навстречу смерти за своими народными героями[795]! Слава побед, блистательные завоевания, гений полководца, многочисленность войска и убеждение в собственном достоинстве, внушенное почти невероятными успехами – все это давало французам значительный перевес над другими народами в эту эпоху. Французское войско, согретое прокламациями Наполеона, выступило в поход против пруссаков с ожесточением и жаждою мести, усиливавшими его мужество, а пруссаки, кажется, не знали или не хотели знать всего этого и толковали только о Росбахе! Они думали встретиться снова с французскими маркизами и с их поварами и парикмахерами, как изображали французское войско в карикатурах, которые англичане вместо военной помощи высылали в Пруссию кипами из Лондона![796]

Прокламация Пруссии о войне с Франци-

ею, содержащая в себе косвенный упрек в убийстве герцога Ангенского, весьма разгневала Наполеона. Письмо к нему короля Прусского, на двадцати страницах, в котором решительно требовалось, чтоб Наполеон отрекся от плодов всех своих побед и вывел войско из Германии, оскорбило его гордость. Последнего и решительного ответа от Наполеона требовали на 8/20 октября, с пояснением, что этот ответ должно доставить в главную квартиру короля Прусского.

Наполеон получил письмо короля прусского в Бамберге[797]. Скрыв свою досаду, он обратился к начальнику своего главного штаба Бертье (князю Невшательскому) и сказал: «Нам назначают срок поединка на 8 октября. Никогда француз не уклонялся от честной разделки. Но как слышно, что одна прекрасная королева желает быть свидетельницею битвы, будем вежливы[798] и пойдем немедленно, без отдыха, в Саксонию!»[799] Французская армия, бывшая уже на походе, двинулась ускоренными маршами навстречу пруссакам.

Наполеон, по своему обычаю, перед реши-

тельною минутою еще предложил мир, и, подавив свое огорчение, написал письмо к королю Прусскому[800], и, приглашая к союзу, предоставлял ему не только Ганновер, но и полное влияние в Северной Германии. Письмо это было послано с адъютантом Наполеона Монтескью, которого умышленно удержали на прусских аванпостах и до того медлили, что король получил письмо уже по начатии военных действий.

Герцогу Фердинанду Брауншвейгскому было предоставлено составить план военных действий. В начале сентября был сочинен один план, в конце сентября другой – и оба оказались непригодными, потому что пруссаки наступательными движениями к Франконии не только не удерживали французов, но открывали им путь в сердце Саксонии, в Дрезден, Лейпциг и Наумбург, где собраны были огромные запасы продовольствия и военных снарядов прусской армии и союзников; третий план принят по обстоятельствам, вследствие движений французских войск. Два первые плана были наступательные, и Наполеон своим внезапным и быстрым движением за-

ставил герцога Брауншвейгского избрать план оборонительный, который надлежало выполнять почти в виду неприятеля. Вместо того чтоб, перейдя Турингский лес, первым начать военные действия, пруссаки, удостоверясь только 10 октября, что Наполеон сам действует наступательно, остановились. Главная армия, при которой находился сам король и герцог Брауншвейгский, сосредоточилась у Эрфурта; корпус генерала Рюхеля остановился в Готе; корпус князя Гогенлоэ – близ Гохдорфа, и резерв под начальством принца Евгения Виртембергского – в Галле.

Французская армия шла вперед[801]. Правое крыло составляли корпуса маршалов Сульта и Нея; центр – корпуса маршалов Даву и Бернадота, императорская гвардия под начальством маршала Бессьера и резервная кавалерия Мюрата. Левое крыло образовали корпуса Ланна и Ожеро.

8 октября (вследствие слов Наполеона, сказанных в Бамберге) впервые раздались выстрелы. Мюрат, являсь на берегах реки Саалы, противу Саальбурга, заставил пруссаков ретироваться[802]. 9 октября Султ вступил в Гоф

и завладел огромными магазинами[803], не дав пруссакам времени ни спасти их, ни истребить; того же числа Бернадот атаковал город Шлейц, разбив прусского генерала Тауенцина, командовавшего девятитысячным отрядом, принудил к отступлению, взяв у него несколько пушек, казенных ящиков и фур. Маршал Ланн 10 числа встретил авангард князя Гогенлоэ при Саальфельде, под начальством принца Лудовика Фердинанда Прусского. Завязалось жаркое дело. Принц Лудовик, двоюродный брат короля Прусского, молодой человек, исполненный блистательных дарований, страстный к военной славе, уже отличившийся мужеством в кампанию 1792 года и получивший честную рану, сражаясь в передних рядах, был одним из главных зачинщиков войны. Красавец и молодец собою, красноречивый и увлекательный в обществе, неустрашимый на поле битвы, он был обожаем войском и народом и, имея сильное влияние на умы, воспламенял их жаждою славы. Не зная, что Шлейц уже занят французами, принц Лудовик почел обязанностью защищать Саальфельд до последней крайности,

чтоб спасти огромные магазины. После двух-часовой канонады дивизия генерала Сюшета ударила в штыки на прусскую пехоту и, смяв ее, отбросила в лес и загнала в болота. Французские гусары в то же время бросились на прусскую и саксонскую конницу, которою лично начальствовал принц Лудовик: пруссаки и саксонцы не устояли. В преследовании французский гусарский унтер-офицер Генде (Guindé) наскочил на принца Лудовика и, не зная его, замахнулся саблею, крича: «Сдайся, полковник – или убью!» Принц отвечал ему сабельным ударом. Принужденный защищаться, французский гусар отпарировал удар и пронзил юного героя... он упал мертвый с лошади... Смерть принца посеяла ужас в сердцах пруссаков, и они обратились в бегство, лишившись 800 человек убитыми, 1 200 человек пленными, тридцати трех пушек и, так сказать, лучшего украшения двора и войска – принца Лудовика!

Эти две первые неудачи при встрече с французами навели уныние на прусское войско и возбудили в них недоверчивость к собственным силам и к искусству их генералов.

Кроме того, лишение магазинов на первой операционной линии водворило недостаток и почти голод в армии, принужденной быстро отступить после столь блистательных предсказаний.

Прусское войско разделено было на две армии. Одной, при которой находился сам король, начальствовал главнокомандующий, герцог Брауншвейгский, другою – престарелый фельдмаршал Моллендорф, – два воина Семилетней войны, ученики Фридриха Великого. Но Моллендорф начальствовал более для вида, а войском распоряжал князь Гогенлоэ. Одна армия, при которой находился король, сосредоточивалась при Веймаре, другая при Йене. Князь Гогенлоэ предлагал: или соединить обе армии для выдержания генерального сражения, или отступить вместе к Эльбе. Но его не послушали – и сделали большую ошибку. Распоряжением герцога Брауншвейгского прусское войско, имевшее сто тысяч пехоты под ружьем, двадцать тысяч отличной конницы и более 400 орудий, было растянуто на пространстве двадцати верст!..

Наполеон в эту кампанию раскрыл всю си-

лу своего военного гения. Передвигая, как шахматы, свои корпуса, предводимые опытными и знающими военное дело маршалами, он фланговыми движениями довел прусскую армию до того, что она, в противность всем прежним планам и расчетам, должна была переменить фронт и в день сражения, 14/26 октября[804], очутилась тылом к Рейну, к которому прежде шла фронтом, французы стояли тылом к Эльбе и к Рейну лицом!

Наполеон был сильнее пруссаков, имея в строю, по малой мере, 150 000 человек, закаленных в боях воинов. Сам он с отборным войском (в состав которого входила его непобедимая фаланга – гвардия) устремился к Галле, противу князя Гогенлоэ, а противу герцога Брауншвейгского, к Веймару, выслал корпуса Даву и Бернадота. По странному недоразумению Бернадот, ссылаясь на изустные приказания Наполеона, не хотел содействовать маршалу Даву, предоставив ему опасности и славу победы![805]

Не мое дело описывать подробности несчастного для Пруссии дня, 14/26 октября, в который произошли две кровопролитные

битвы – под Йеной и при Ауэрштедте, близ Веймара. Все мы читали об этом, а кроме того, я слышал рассказы очевидцев, маршала Сюшета и одного из лучших прусских офицеров, любимца знаменитого Блюхера – майора Коломба, начальствовавшего прусским партизанским отрядом в 1813 и 1814 годах[806]. Маршал Сюшет отдавал полную справедливость пруссакам, а Коломб превозносил французов. Оба были только справедливы. Так поступают честные воины! Они никогда не унижают вопреки истине своих неприятелей. Коломб говорил, что французы были в каком-то восторженном состоянии: кидались с воплями на прусские ряды и защищались отчаянно в отступлении. При всем превосходстве своей конницы пруссаки не могли врубиться ни в одно французское каре. Наполеон, зная дух французского солдата, открыл войску перед сражением свои предположения (как было под Аустерлицем) для водворения в солдатах уверенности в победе и рассеяния всех впечатлений, произведенных рассказами о превосходстве прусской конницы. Он сказал перед фронтом: «Прусская армия отрезана, как

за год пред сим была армия генерала Мака, в Ульме. Пруссаки будут драться для того только, чтоб очистить себе путь к отступлению. Корпус французских войск, который даст ей пробиться, подвергнется вечному бесчестию! Что же касается до этой превосходной конницы, которую столько прославляют, противопоставьте ей сомкнутые кареи и штыки». В ответ на эту речь французские солдаты кричали как иступленные: «Вперед! вперед!» – и бросились в сражение, как на пир. Весьма замечательна привычка Наполеона обращаться всегда к солдатам перед сражением и говорить им о своих видах и предположениях, как в совещаниях с генералами! Но он испытал, какое действие производит эта доверенность в солдатах французских, которые обожали его и верили, что под его начальством они непобедимы.

Пруссаки дрались отлично. Генералы, офицеры и солдаты шли мужественно на смерть и употребляли все усилия к одержанию победы. Пример короля и принцев королевской крови одушевлял всех; но никакие усилия не могли спасти их от поражения. Когда герцог

Брауншвейгский был убит, фельдмаршал Моллендорф, принц Гейнрих Прусский и множество других генералов и офицеров были переранены или убиты, обе прусские армии дрогнули и в беспорядке оставили поле сражения. В этот день прусская армия потеряла 20 тысяч убитыми, 30 000 пленными, 300 пушек и 60 знамен; но, что всего важнее, прусское войско упало духом и, почитая все погибшим, разбрелось. Где только собирались отряды, они были разбиваемы французами, преследующими их по пятам. Резерв прусской армии разбит совершенно при Галле Бернадотом; князь Гогенлоэ с герцогом Мекленбургским капитулировали в Пренцлау[807], с 16 000 пехоты, шестью полками конницы и 64 орудиями. Остатки армии, с фельдмаршалом Калькрейтом, настигнутые маршалом Сультом, претерпев поражение, спаслись в горах Гарца. Только Блюхер с четырьмя или пятью тысячами конницы, уверив преследующего его генерала Клейна, что заключено перемирие, прошел невредимо сквозь французское войско, намереваясь пробиться до Любека и на судах уйти в Англию, но и он должен был

наконец сдать. Словом, прусская армия была совершенно уничтожена. Крепости, снабженные всем нужным к сильной защите, сдавались одна после другой, без выстрела, при приближении французов, и некоторые коменданты высылали нарочных с ключами крепости, для отыскания французских войск, чтоб предупредить атаку добровольною сдачею! Магдебург сдался 8 ноября, имея 30 000 гарнизона, отдавшегося в плен. В Гаммельне также 9 000 гарнизона сдались без выстрела. Кюстрин, Штеттин, Шпандау без боя поддались французам[808], и Наполеон с торжеством вступил в Берлин 25 октября[809], кончив кампанию в *семь недель* уничтожением войска и покорением большей части государства, поставленного в первый разряд европейских держав успехами и славою *Семилетней войны*. Дела чудные и почти невероятные!

Письмо Наполеона с предложением мира, писанное в Бамберге, король Прусский прочел на другой день несчастной битвы и на основании его послал к нему просить о заключении перемирия. Наполеон отказал в этом и

объявил, что намерен вполне воспользоваться плодами победы. Из-за Одера король Прусский предложил мир Наполеону, но он отвечал, что Пруссия не может приобрести мира иначе, как большими пожертвованиями. Королю ничего не оставалось делать, как искать спасения поблизости русской границы, и он поселился со всем семейством своим в Кенигсберге. До начатия кампании король Прусский имел до 200 000 войска, со всеми гарнизонами, а теперь между Вислою и Неманом, т. е. за чертою, занимаемою французами, у него было не более 20 000 разных команд. Вся надежда была на Россию и на великодушные императора Александра!

Вот при каких обстоятельствах вышел я в офицеры! В Петербурге сперва не хотели верить в такое быстрое разрушение всех сил прусской монархии; но когда это непостижимое событие подтвердилось, все пришло в движение, и вся Россия начала вооружаться [810].

16 ноября издан высочайший манифест о войне с французами. 30 ноября обнародован манифест об учреждении милиции[811]. Все

отставные офицеры приглашались в службу, в западных губерниях и на юге открыты вербунки для формирования конных полков из охотников. Пущено в свет род объявления, без подписи, для воспламенения народа противу нарушителя общего спокойствия Наполеона Бонапарте, которого не щадили, разбирая всю жизнь его с того времени, как он защищал в Париже Директорию противу разъяренной черни. Объявление было напечатано славянскими буквами и прибито к стенам церквей и повсюду, где собирается народ. Этот современный акт чрезвычайно любопытен и редок. Я удержал в памяти несколько выражений. Начинался он словами: «Неистовый враг, Наполеон Бонапарте, уподобишася сатане!» Упрекали Наполеона в том, что он в Париже «совершал беззакония с непотребницами, а потом поклонялся им, как божеству». Намек на праздники богини *Разума*, которые, впрочем, как теперь известно, были не по душе Наполеону Бонапарте! Упрекали его в том, якобы он в Египте поклонялся Магомету, и наконец, представив его каким-то Картушем [812], объявляли, что он идет на Россию, и

приглашали ополчиться за дом Пресвятыя Богородицы и за царя православного. Это объявление было написано искусно, в духе простого народа и было предшественницей знаменитых прокламаций и бесед графа Ростопчина с московским народонаселением в 1812 году[813]. Все русские полки комплектовались, и в разных местах учреждались депо[814] для приема и обучения рекрут. Милиция также быстро устраивалась.

Две армии были в России на ногах. Одна, под начальством осьмидесятилетнего фельдмаршала графа Каменского, в состав которой входили корпуса генералов Беннигсена и графа Буксгевдена, поспешала к Висле, на помощь Пруссии и для удержания движения французских войск к пределам России[815]; другая армия, под начальством генерала Михельсона, вторгнулась в Молдавию (в начале ноября), потому что Порта, побуждаемая к войне французским послом в Константинополе, генералом Себастиани, нарушила договоры сменю господарей Молдавского и Валахского[816] и отказалась от всяких объяснений с Россиею. Очевидно было, что Турция наме-

ребуется начать войну; надлежало предупредить неприятеля, и 11 ноября генерал Михельсон вступил в Яссы[817]. Итак, Россия принуждена была вести две войны в одно время: со всемогущим повелителем Франции, который, смилив Австрию и уничтожив Пруссию, самовластно повелевал в Европе, и с Турциею, которая могла действовать всеми своими силами против разделенных сил России. Император Александр с удивительною твердостью и необыкновенною решительностью вступил в эту борьбу, чтоб сохранить честь и славу Богом вверенного ему царства, которое предок его Петр Великий ввел в семью европейских государств. Если б Россия осталась тогда спокойною зрительницею всех присвоений Франции и уступила Турции, то лишилась бы навсегда влияния своего в Европе, которая на одну ее полагала надежду своего избавления. Вооружением России произведено самое благотворное действие в умах: им доказали, что одно проигранное сражение не может лишить ее всех сил и средств к отпору. Трудное время было для России, но и блистательное! Россия обожала своего государя, го-

сударь полагался твердо на свой храбрый и преданный ему народ. Этот сердечный союз был точно трогателен! Все пришло в движение по слову царскому: все охотно ставили людей в милицию, жертвовали на ее обмундировку и содержание, и кто только мог вступал в военную службу.

В Стрельной Мызе, где была штаб-квартира Уланского его высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича полка, формировался тогда батальон императорской милиции[818] из собственных крестьян императорской фамилии в Санкт-Петербургской губернии. Исключая красноселов, все солдаты в батальоне были из чухон[819]. Сам цесаревич занимался устройством этого батальона, в котором все офицеры были или из корпусных офицеров, или из кадет Первого и Второго кадетских корпусов. Батальонным командиром был полковник Андрей Андреевич Трощинский. Все члены высочайшей фамилии утешались этим батальоном, который, невзирая на то что весьма немногие солдаты разумели по-русски, вскоре сравнялся в выправке с старыми полками гвардии. Офицеры бата-

льона должны были учиться по-чухонски, чтоб понимать своих солдат и быть ими понимаемы. Замечательно, что как ни трудно было обучить и выправить этих солдат, все сделано было одною ласкою, и с ними обходились, как с добрыми детьми. Батальон этот дрался чрезвычайно храбро в кампанию 1807 года и за это поступил в гвардию и послужил основанием нынешнего лейб-гвардии Финляндского полка[820].

Не только Стрельна была тогда не то, что теперь, но и все окрестности Петербурга имели другой вид. Левая сторона Петергофской дороги только до колонии и дачи, принадлежащей ныне графу Витгенштейну[821], была застроена дачами; далее было пусто. Между Стрельною и Петергофом было несколько деревень, но дач вовсе не было. Дворец и деревянные казармы с госпиталем существовали в Стрельне, но самая слобода состояла из лагуч или маленьких домиков, в которых для найма было не более одной комнатки. Две или три комнаты была бы роскошь. Домишки эти большею частию принадлежали старым служителям его высочества цесаревича и от-

ставным семейным унтер-офицерам Конной гвардии, жившим получаемым от цесаревича пенсионом и вспомоществованием. Во всей Стрельне был *один* только порядочный дом (принадлежавший англичанину, служившему при дворе его высочества[822]), занимаемый поручиком Конной гвардии графом Станиславом Феликсовичем Потоцким[823], проживавшим несколько сот тысяч рублей в год дохода. Ни одной из нынешних дач не было, и даже дача Энгельмана[824], главного управителя вотчинами его высочества, начала строиться позже. Нельзя себе представить, какая перемена произошла во всем в тридцать восемь лет! Петергоф, ныне прекрасный город, был немногим лучше Стрельны! Дворец и сады существовали, хотя и были содержимы не так щегольски, как теперь, но селения были самые бедные, а между верхним и нижним селением, где ныне чудесный английский сад, было дикое место, как его создала здешняя угрюмая природа. От Петербургской заставы до дворца еще были кой-какие домики, но в дальнем Петергофе, со стороны Ораниенбаума, было селение, какое может существо-

вать теперь где-нибудь в глуши, в захолустье России! В этом селении домики и лачуги принадлежали или отставным придворным лакеям, или ремесленникам императорской гранильной фабрики, существовавшей тогда в полном блеске и в большом размере. Бумажной фабрики вовсе тогда не было[825]. Каменные здания были: церковь, гранильная фабрика и конюшни, где помещались уланские лошади. Ни одного немецкого трактира или так называемого «ресторана» не было в Петергофе, а в Стрельне один только трактир был на почтовой станции, где собирался весь народ, любивший, как говорил в шутку наш полковник, граф Андрей Иванович Гудович, «сушить хрусталь и попотеть на листе». Тут был бессменный совет царя Фараона[826], т. е. тут метали банк с одного утра до другого! Тогда это не было еще запрещено, как я уже сказал прежде. Один или два эскадрона наших стояли постоянно в Конногвардейских казармах в Петербурге, а остальные помещались в Стрельне и Петергофе, т. е. полк расположен был на тридцати верстах расстояния, и все мы, однако ж, весьма часто видались между

собою. Я уже сказывал, что между офицерами все было общее. У эскадронных командиров всегда был открытый стол для своих офицеров, но как молодежи приятнее было проводить время между собою, без седых усов, то кто из нас был при деньгах, тот и приказывал стряпать дома. Эти корнетские обеды не отличались гастрономическим изяществом, но были веселее стотысячных пиров. Щи, каша, биток или жаркое составляли нашу трапезу; стакан французского вина или рюмка мадеры, а иногда стакан пивца – и более нежели довольно! Но сколько было тут смеха и хохота для приправы обеда, сколько веселости, шуток, острот! Блаженное корнетское время! Фанфаронство, надутость, чванство, важничанье почитались между нами смертными грехами, которые и при жизни не прошли бы без кары. Из Стрельны и из Петергофа нельзя было ездить в Петербург без дозволения его высочества и без билета за собственноручным его подписанием – вот что было нашим камнем преткновения. Проситься в Петербург нельзя было иначе, как по очереди, и то в свободное время, да и нельзя было проситься ча-

сто, и этим условиям весьма трудно было подчиниться буйным корнетским головушкам и сердцу, чрез которое переливалась пламенная юношеская кровь. Жажда наслаждений терзала нас! Тысячи магнитов притягивали нас в Петербург: то дают прекрасную пьесу на одном из петербургских театров, то маскарад у Фельета[827], то бал в знакомом доме, на который привлекается сердце какою-нибудь *занозушкою* (как говорили тогда), и молодежь, отслужив день, скакала на вечер в Петербург, часто без спроса. Удалось – хорошо; узнали или увидели – марш на гауптвахту! Я был самый страстный любитель театра, как только можно быть, и дорого поплатился за эту страсть.

В это время в полной славе был Владислав Александрович Озеров. После языка Сумарокова, язык Княжнина в «Рославе»[828] уже приятен был слуху, но язык Озерова, который теперь кажется нам жестким и устарелым, был музыкою, и трагедии его привлекали в театр всех образованных людей[829]. «Смерть Олега»[830], представленная в первый раз в 1798 году, хотя и обратила на сочинителя об-

щее внимание, но не произвела сильного эффекта, и пьеса была почти забыта. Возвысила поэта и дала ему блеск трагедия его «Эдип в Афинах», представленная в первый раз 25 ноября 1805 года. Трагедия эта, исполненная высокого чувства и драматических эффектов, имела самый блистательный успех: в ложах рыдали; рукоплескания, восклицания, выходы автора повторялись при каждом представлении, и публика не уставала наслаждаться этим истинно прекрасным созданием. «Фингал», представленный в том же году 8 декабря, — трагедия, исполненная нежности и геройства, с прекрасною музыкою О. А. Козловского, с хорами, балетами, сражениями, приближаясь к романтическому роду, имела больший успех, нежели «Эдип», и довершила торжество поэта. Имя Озерова было в устах каждого, и все молодое поколение затвердило наизусть не только лучшие стихи, но целые тирады из этих трагедий. Не быть в представлении «Эдипа» или «Фингала» для любителя театра было несчастьем! И вдруг, среди полного разгара патриотического чувства в народе, при всеобщем воспламенении сердец и

умов, объявлением войны гордому повелителю Франции и Европы, угрожавшему России унижением, при тяжком страдании народной гордости, после первой неудачи под Аустерлицем, появилась трагедия «Димитрий Донской»! Представления ее ждали все, как народного праздника! Я был в первое ее представление, 17 января 1807 года, и сознаюсь, что не в силах описать того восторга, того исступленного энтузиазма, которые обуяли зрителей! Это было не театральное представление, а римский форум, на котором мысли и чувства всех сословий народа слились в одно общее чувство, в одну мысль! Обожаемый государь, любезное отечество, опасность предстоящей борьбы, будущие надежды и слава, тогдашнее положение наше, которое можно выразить словами Гамлета «*быть или не быть*» (to be or not to be[831]), – все это сжимало сердце и извлекало из него сильные порывы. Каждый стих, каждая тирада, припоминающие настоящее положение России (а вся трагедия наполнена этими применениями), были удар в сердце! В одном месте театра раздавались радостные восклицания, в дру-

гом – рыдания и вопли мести... Тогда еще умели жить сердцем! Тогда не стыдно было выказывать чувства, и жалкая холодность ко всему еще не была принадлежностью хорошего тона!..

Здесь кстати вспомнить о двух тогдашних знаменитостях, с которыми я хотя и не был в особенных связях, но которых видал в обществах, слышал их речи и смотрел на них с каким-то благоговением. Это были Владислав Александрович Озеров и истинно великий трагический артист Алексей Семенович Яковлев[832].

Я уже сказывал, что В. А. Озеров воспитывался в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Он родился в 1770 году, следовательно, в первое представление «Димитрия Донского» ему был тридцать седьмой год от рождения. Из корпуса выпущен он прямо в поручики в армию (в гвардию тогда не выпускали) в 1788 году, т. е. при графе Ангальте, и награжден за успехи в науках первою золотою медалью. Биографы наши не могли отыскать никаких подробностей о службе и частных случаях жизни Озерова. Известно только, что

он был сперва адъютантом при графе де Бальмене[833], потом был в отставке, снова поступил в военную службу, имел наконец чин генерал-майора, находился в статской службе членом Лесного департамента, вышел в отставку в 1808 году, уехал в деревню, на родину, в Тверскую губернию, заболел, страдал долго и наконец помешался в уме и умер в ноябре 1808 года[834]. Не будь Озеров поэтом, о нем нечего было бы сказать, как разве повторить сатирическую эпитафию И. И. Дмитриева, которую прикрываются целые фаланги отправляющихся в вечность именитых мужей:

*Жил, жил – и только что в газетах
Осталось: выехал в Ростов![835]*

Но Озеров жил в краткий свой век умом и сердцем, следовательно, после себя оставил на земле следы. Озеров действовал с невероятною силою на своих современников, и хотя сочинения его по духу времени уже не имеют теперь тех самых достоинств, какими они отличались в свое время, но все же они

занимают почетное место в литературе, и имя Озерова останется незабвенным в истории русской славы и в истории русской литературы. Озеров принадлежал к знаменитостям своей эпохи, и никакая критика не затмит блеска его заслуг, оказанных в свое время, кстати и впору.

Озеров был среднего хорошего роста, довольно плотен и имел приятную наружность. По портрету, приложенному к его сочинениям, я бы не узнал его: портрет снят с бюста и несколько идеализирован[836]. В натуре у него лицо было более обвислое и губы толще.

В пребывание свое в Петербурге Озеров был обласкан государем императором и всеми членами августейшего семейства, отлично принимаем во всех знатных домах, а особенно у Александра Львовича Нарышкина и Александра Сергеевича Строганова. Знаменитый Державин ласкал его и обходился с ним, как с другом; и в доме Алексея Николаевича Оленина он был как родной. Об Алексее Николаевиче Оленине я буду говорить после, в своем месте[837], а теперь скажу только, что этот истинно благородный и добрейший че-

ловек, пылая искреннею любовью к отечеству, радовался каждой народной славе и прилеплялся душою ко всем даровитым людям. Видя в Озерове человека, споспешествующего славе России, он подружился с ним и пребыл ему верным до гроба[838].

Знавшие хорошо Озерова знаменитый баснописец И. А. Крылов, Н. И. Гнедич и археолог Ермолаев сказывали мне, что Озеров был добрый и благородный человек, но имел несчастный характер: был подозрителен, недоверчив, щекотлив, раздражителен в высшей степени, притом мнителен и самолюбив до последней крайности. Он олицетворял собою известный латинский стих:

Irritabile genus vatium[839].

С таким характером невозможно быть счастливым ни на каком поприще, а на литературном этот характер сущее бедствие! Ни в ком люди не ищут столько слабостей и недостатков, как в человеке, объявившем притязания на славу, т. е. на ум! Люди все простят, но превосходства ума – никогда! Это относится, однако ж, к счастливым и талантливым

прозаикам, а вовсе не к поэтам. Умный и даровитый прозаик страшен для нас: он может занять место в гражданской иерархии, может быть употреблен в важных делах, где надобно красноречивое перо, и потом выказать свои познания и искусство в управлении. Есть тысячи примеров везде, что люди, принявшие страсть свою к авторству за талант, бросились на литературное поприще и, имея столько благоразумия, чтоб после претерпенных неудач перейти на поприще службы, снискали почести, богатство и значение в свете, когда, напротив, в литературном мире они остались бы навсегда в последних рядах. Качества, необходимые хорошему писателю, чувство и воображение, не только не нужны в делах, а напротив, вредны. В делах нужны только здравый ум, ясное суждение и искусство изложения, а в литературе все это не составляет еще того, что мы называем *дарованием*, которое должно опираться на творческой силе, питаться чувством и носиться в области фантазии. Даже исторического творения нельзя создать, не обладая этими качествами, потому что и *правда*, не согретая *чувством*, не

расцвеченная воображением, будет мертвая буква. Итак, вся вражда посредственности, зависти и искательства устремлена всегда против прозаиков, которым везде, *вне* своего круга, жить тесно. Напротив, поэтов везде и всегда баловали и балуют, если они только не шли и не идут путем сатиры. Гражданское общество смотрит на поэтов или как на детей, забавляющих его своими играми и трогаящих детским простодушием, или как на певцов и музыкантов, потрясающих душу очаровательными звуками и возбуждающих в уме идеи отголосками возвышенного и изящного. Прорицателями и вещунами называли поэты сами себя. Они, правда, жители надоблачного мира, постижимого только душам пиитическим, и изображают землю только *в отражении*, в миражах. Кому они могут быть страшны? Соперникам? Но ведь каждый поэт почитает себя первым, выше всех других поэтов! Они могут враждовать только между собою, а все гражданское общество дает им дорогу, и каждый спешит посторониться перед поэтом, зная, что он идет *своим путем* к *своей цели*. Влияние их было благодетельно, если

они были воспламенены высокими чувствами, любовью к отечеству и к человечеству; но в *наш век*, требующий *убеждения*, это влияние почти вовсе исчезло. Поэты всегда сами составляют свое несчастье, сами создают себе горести, требуя от света более, нежели можно и должно требовать, а именно первенства и внимания там, где нет и не может быть поэзии, – в обществе и по службе. В обществах иногда приятный, хотя и пустой, болтун или хороший карточный игрок приятнее возвышенного поэта, а по службе исправный и опытный делец важнее творца «Илиады». Порода, звание, богатство если и не ценятся в обществе выше гениальности, то имеют всегда высшее место. Так было и будет всегда в мире! Желать ниспровержения этого устройства – значит желать невозможного, а идти наперекор мнениям и обычаям есть то же, что стремиться пробить кораблем каменную скалу. Кораблекрушение верное! Жалок не только поэт, но даже и прозаик, который домогается в свете того, чего он никогда получить не может, т. е. первенства таланта пред светскими преимуществами! На каждом шагу

он встретит горе, тоску, терзания оскорбленного самолюбия и наконец или сам должен пасть под бременем горести, или зарыть свой талант под спудом светских условий!

До какой степени был самолюбив Озеров? Однажды он жестоко заболел с горя, что его не пригласили к А. Л. Нарышкину, когда августейшему семейству благоугодно было посетить его дачу, хотя всем известен этикет, что при подобных случаях приглашаются только люди по выбору высоких посетителей. Каждый раз, когда в каком знатном доме, где Озеров был обласкан, было какое-нибудь собрание, на которое его не пригласили, он почитал себя обиженным! Кто, встречаясь с ним, не восхищался его сочинениями и не осыпал его похвалами, тот был враг его, т. е. того он почитал врагом. Это почти общая болезнь всех поэтов, болезнь воображения, которая, как и каждый недуг, отравляет жизнь и сводит в могилу. Озеров в высшей степени страдал этим недугом.

Разумеется, чем блистательнее был успех трагедий Озерова, тем виднее были в них черные пятна. Между стихами счастливыми и

благозвучными в трагедиях Озерова есть стихи слабые, вялые, натянутые и даже смешные; между мыслями высокими, благородными есть мысли самые обыкновенные (*lieux communs*), доходящие даже до тривиальности, и между нежными, трогательными чувствами есть приторности или, как говорят французы, *marivaudage à l'eau de rose*[840]. Все это было в свое время замечено умною, острою, насмешливою молодежью, которая рада каждому случаю поохотать и позабавиться, и все это радовало тех, которые воображали, что торжество Озерова стесняет путь их талантам, и тех, которым несносны были притязания Озерова. Если б он имел более твердости и более самостоятельности в характере, то не обращал бы внимания на эти отдаленные брызги, не могшие запятнать его славу, и, как умный человек, сам должен был бы признать великую истину, что человек не может создать *совершенства*. А Озеров мучился! В свете и в литературе есть всегда услужливые приятели, которые *из усердия* извещают вас о всем неприятном для вас, повторяют перед вами, из дружбы, что говорено было дур-

ного на ваш счет, доставляют вам писанные противу вас критики и эпиграммы! Это мухи и комары, которые мучат и терзают вас, потому что вы им нравитесь. Эти-то мухи и комары беспрестанно раздражали Озерова и доводили его до отчаяния. Он вообразил, что он гоним, преследуем завистью[841], а на деле этого вовсе не было. Никто не гнал и не преследовал его. Все люди, достойные уважения, оказывали ему свое внимание и уважение, и если были насмешки, то в отдалении, и они вовсе не вредили поэту.

Помню и я эти насмешки. Например, в конце прекрасной трагедии «Фингал»[842] героиней Морвена, указывая Улинну на труп убитой Старном Моины, говорит:

Возьми ты сей предмет, чтобы
я каждый день
Из гроба вызывал Моины легку
тень, —

и с сими словами упадает на руки Улинна. Назвать труп обожаемой невесты *предметом* и велеть *взять* его, как какую-нибудь вещь, право, смешно! Молодежь подхватила это слово, и *предмет* сделался забавою. Если кто

умер, говорили: стал *предметом*; кто выздоровел, тот вышел из *предметов*, и т. п. А сколько шуточных применений произвели эти стихи в «Эдипе»:

ЭДИП (сев на камень)
Спокойно. Я мой век на камне кончу сем[843].

Но это были детские шутки и несколько не вредили славе Озерова. Те же люди, которые пародировали плохие стихи поэта, восхищались его пьесами и рукоплескали ему; но капля горечи отравляла все сладости, представляемые ему в жизни всеми его окружающими. Немногие из современников знают причину и смысл приведенных здесь стихов Озерова в *послании* к В. В. Капнисту, в ответ на стихи в похвалу трагедии «Эдип в Афинах» [844]:

*Теперь, хотя б Эдип за скорбной
слепотой
Не мог меня вести к бессмертью,
в путь надежный,
Стихов твоих согласьем, красотою
Стихов, перу Капнистову прилич-*

*ных,
К бессмертью я дойду, в досаду
злозязычных [845].*

Я помню это время и даже до сих пор удержал в памяти эпиграмму, породившую эти стихи Озерова, эпиграмму, которая, как ядовитая стрела, воткнулась в сердце раздражительного поэта и довела его до такого отчаяния, что друзья его опасались, чтоб он не решился на что-нибудь необыкновенное. Эдип представлен на сцене слепым, и один из тогдашних остряков написал:

*Наш Озеров во храм бессмертия
идет.*

*Но скоро ли дойдет?
Слепой его ведет! [846]*

Вот и все! Шутка, и только. Не тронута ни честь поэта, ни даже его талант. То ли вытерпели другие? Эпиграмму эту одни приписывали тогда кн. А. А. Ш., другие – капитану С. Н. М. [847]; но кто подлинно написал – неизвестно. Озеров был неутешен, мрачен, еще более недоверчив, жаловался одному приятелю на другого, без всякой причины подозревал всех

в недоброжелательстве, в заговоре противу его славы, и многие поверили его жалобам и перенесли небылицы в потомство. Не только биографы, но и поэты (см. послание В. А. Жуковского к князю Вяземскому и Пушкину) решили, что Озеров погиб от стрел зависти, хитрости, вероломства и всего злого, что попало к стати и под рифму![848] В самом же деле никто не сделал Озерову существенного зла, а все старались делать ему добро. Нет сомнения, что у него были завистники, потому что это необходимые спутники в жизни истинного таланта, но если б у Озерова не было клеветников и завистников, то это означало бы, что пьесы его не имели никакого достоинства и успеха. Но ведь эти завистники всегда так ничтожны, так мелки, что человеку с умом и характером не стоит даже обращать на них внимания! Ужели за несколько эпиграмм и пустых шуток не могла вознаградить Озерова любовь к нему публики и уважение всех дороживших народною славою! Самая заманчивая слава – это слава драматического писателя, и ни Расин, ни Кребильон, ни даже Шиллер и Гёте не наслаждались таким торже-

ством, как наш Озеров. Все это не могло, однако ж, успокоить его и составить его счастья! Везде ему виделись зависть и злоба! Нет никакого сомнения, что это расположение зависело от состояния его здоровья. Биографы его и поэты, завещавшие истории свое сострадание об участи поэта, погибшего от *стрел зависти*, были бы более правы, если б сказали, что он лишился жизни от болезни печени!

Выше уже сказано о восторге, произведенном трагедиею «Димитрий Донской» в первое представление. Ее играли тогда по два и по три раза в неделю, и восторг не только не охладевал, но возвышался, когда все сильные стихи, имевшие отношение к тогдашнему положению России, были выучены наизусть почти всеми грамотными людьми, когда трагедия, так сказать, слилась с общим чувством. Я помню, что однажды весь партер единогласно повторил последний стих:

*Языки ведайте: велик российский
Бог! —*

и вслед за этим раздалось общее громогласное *ура!*

Надобно сказать по справедливости, что и великий тогдашний трагический артист много содействовал к успеху трагедий Озерова. Алексей Семенович Яковлев, сын разорившегося ярославского купца, торговавшего в Петербурге в Гостином Дворе, родился в 1773 году, следовательно, в это время был в полном цвете возраста, будучи только тридцати четырех лет. На седьмом году от рождения он остался круглым сиротою. После родителей осталось весьма мало, и бедный сирота отдан был в опеку зятю своему, купцу Шапошникову, который посылал его в народную школу, благотворительное учреждение императрицы Екатерины II. На тринадцатом году от рождения кончилось воспитание Яковлева, и его определили сидельцем в лавку (галантерейную), по обыкновению тогдашних купцов и большей части нынешних гостинодворцев, в той уверенности, что купцу больше ничего не нужно знать, как грамоту, разумеется, кое-как и *цифирь*! Нельзя без сожаления смотреть на этих мальчиков по лавкам, которых с детства дрессируют, как искусно заманивать прохожих, показывать товар казовым концом, за-

прашивать вдесятеро дороже – словом, употреблять все способности ума своего на то, чтоб купить как возможно дешевле и продать как можно дороже. Из этих сидельцев едва тысячный выйдет в люди, прочие погибают в ничтожестве, без пользы для себя и для отечества. Природа отказала Яковлеву в этом пуделевом проницании[849], но наделила любовью к просвещению: он ненавидел торговлю, страстно любил чтение и потому прослыл *плохим* сидельцем. На восемнадцатом году от рождения (именно в 1796)[850] познакомился он с Григорием Ивановичем Жебелевым[851], сидельцем в шляпной лавке, находившейся неподалеку от лавки, в которой сидел Яковлев, и, нашед в нем то же отвращение от торговли и ту же любовь к словесности, подружился с ним. Дружба эта имела решительное влияние на судьбу Яковлева. Жебелев, побывав в театре, пристрастился к нему, и вскоре та же страсть овладела Яковлевым. Оба они учили наизусть тогдашние трагедии и разыгрывали втроем, присоединив меньшего брата Жебелева. Наконец и Яковлеву удалось побывать в театре, что тогда для сидельца бы-

ло сопряжено с трудностью, потому что посещение театра ставилось наряду с посещением трактиров и означало небрежного купчину. Увидев сценическое представление, Яковлев предался душою поэзии и театру. Он сам начал сочинять трагедии и писал стихи на разные случаи[852]. Зять его, Шапошников, не мог более держать сидельца-книжника, и Яковлев взял свой наследственный капитал, всего 1 800 рублей, снял окно в Гостином Дворе и начал торговать галантерейным товаром. Торговля шла плохо, и Яковлев вскоре сделался в Гостином Дворе *притчею во языцех!* Когда под сводами Гостиного Двора раздавались визги, вопли и шарканья сидельцев, запрашивавших и даже насильно тащивших в лавку покупателей (так было в старину), Яковлев и не глядел на них, а читал книгу или писал стихи! Это поразило одного любителя словесности, Н. И. Перепечина (директора банка), который, поговорив с Яковлевым и открыв в нем необыкновенный ум и пламенную любовь к просвещению, познакомился с ним, пригласил к себе в дом и руководствовал в порывах его к стихотворству и деклама-

ции. В доме Перепечина узнал Яковлева патриарх русской сцены И. А. Дмитриевский, полюбил и взялся быть его наставником, а наконец убедил поступить на театр. Яковлев дебютировал 1 июня 1794 года как трагический актер в роли *Оскольда* (в трагедии Сумарокова «Семира») и 21 июня в роли Доранта в комедии «Ревнивый»[853]; третий раз – в роли *Синава*[854], 29 июля, – и принят в придворные актеры. С первого появления его на сцену он был принят публикою превосходно, и с тех пор любовь к нему публики непрерывно возрастала, и наконец, когда появились трагедии Озерова и для таланта Яковлева открылось поприще во сто раз обширнее прежнего, он достиг высшей степени славы, и любовь публики к нему не имела уже пределов. При каждом появлении его на сцену он принимался с громкими рукоплесканиями, и во время игры каждая тирада, каждый стих, счастливо сказанные, каждый приличный жест и игра физиономии возбуждали в зрителях восторг. Когда играл Яковлев – театр был всегда полон.

Яковлев был прекрасный мужчина, до-

вольно высокого роста (однако ж ниже В. А. Каратыгина), стройный. Черты лица его имели правильный очерк, и с первого взгляда он походил на Тальму. Движения его и позы, когда он не слишком горячился, были благородны и величественны; взор пламенный и игра физиономии одушевленная. В римской тоге, в греческом костюме или в латах он был в полном смысле загляденье. Но лучше всего в нем был звук голоса, громкий, звонкий, как говорится, серебристый, настоящий грудной голос, исходивший из сердца и проникавший в сердце. Этот необыкновенный дар природы более всего способствовал его успеху. Яковлев был одарен сильным чувством, часто проникался своею ролью и когда сам был тронут, то трогал зрителей до глубины души. Главный его недостаток состоял в том, что, зная вкус большинства зрителей, он жертвовал ему изящною стороною искусства и для возбуждения рукоплесканий и восклицаний слишком горячился, кричал, топал ногами и размахивал руками. Для истинных знатоков и любителей драматического искусства это было несносно, но *толпа* была в восторге и редела

в исступлении! Эти проделки употреблял Яковлев в тех пьесах, которые не могли возбудить сильных порывов в публике, но в трагедиях Озерова, особенно когда Яковлев не был в тот день на пирушке, он играл нежно, с надлежащим приличием и глубоким чувством. В «Эдипе», «Фингале», «Димитрии Донском» он был превосходен! Но мне он гораздо более нравился в драмах. Сколько прошло лет, а я никак не могу забыть Яковлева в роли отца семейства, Вольфа, в драме Коцебу «Гуситы под Наумбургом». Жители Наумбурга решились выслать детей своих в стан свирепого предводителя гуситов Прокопия просить пощады и помилования городу, которому он угрожал совершенною гибелью. У Вольфа несколько человек детей, должно выслать одного: он выбирает – и не может решиться на выбор! Все они равно милы, равно драгоценны его родительскому сердцу! Каждый из них в глазах отца имеет свои прекрасные качества. Эта сцена (которую он разыгрывал с матерью Василья и Петра Андреевичей Каратыгиных, Александрю Дмитриевною Каратыгиною, отличною актрисою в драмах) всегда из-

влекала у меня слезы и теперь живо предст-
ит моей памяти. Неумеренные похвалы, все-
гдашние рукоплескания и восторги публики
избаловали Яковлева. Самолюбие ослепило
его, и он не хотел слушать никаких советов,
воображая, что достиг высшей степени искус-
ства. Даже и советы друга и учителя его,
Дмитревского, уже не действовали на него, и
Яковлев, не получив в юности надлежащего
образования и пренебрегая наукою по вступ-
лении на сцену, руководствуясь одним умом
своим и полагаясь на свое природное вдохно-
вление, не пошел вперед, путем усовершен-
ствования, а остановился на той точке, на ко-
торой поставил его Дмитревский. Купечество
подхватило знаменитого артиста, бывшего
собрата, и излишними угощениями повреди-
ло и таланту его, и здоровью. И теперь купе-
чество любит покутить в свободное время, а
тогда было в тоне и в моде между купцами
угостить донельзя известного человека. След-
ствия разгульной жизни Яковлева часто от-
зывались на сцене, и публика терпеливо пе-
реносила уклонения своего любимца от сце-
нической обязанности. Наконец он впал в

изнурительную болезнь, которою страдал несколько лет, не покидая, однако ж, сцены. Яковлев играл в последний раз в 1817 году 4 октября (не помню, в какой пьесе, кажется, в драме «Смерть Роллы»), уже больной, и не мог кончить пьесы[855]. На другой день он слег в постель и скончался 3 ноября 1817 года. Он был человек честный, благородный, благодетельный, верный в дружбе, чрезвычайно набожный и пламенный патриот. Последним рублем делился он с бедными и, при деньгах, выкупал из тюрьмы несчастных должников. Друг его Г. И. Жебелев говорил, что последние слова Яковлева, на смертном одре, были:

Языки, ведайте: велик российский Бог!

В обществах В. А. Озеров был, как говорят немцы, *zurückhaltend*, т. е. осторожен, непредупредителен, холоден. Подобно гениальному Пушкину, Озеров в обществах любил говорить более по-французски, думая этим придерживаться *высшего тона*, и весьма дорожил вниманием так называемых аристокра-

тов и людей высшего круга[856]. Похвала какого-нибудь князя для Озерова была выше похвалы Державина. В этом Озеров и Пушкин совершенно равны[857]. Слышал я, что в дружеской беседе при хорошем расположении духа Озеров был очень любезен. Этого я не видал. Мне случилось несколько раз быть в дружеских обществах, где находился Яковлев. Он был довольно разговорчив, вежлив, но в кругу, к которому он не принадлежал, он все смахивал на героя, рисовался и говорил мерно и важно. Когда же лишняя рюмка перепадала в голову, тогда он устранял всякую принужденность. Он любил церковное пенье, и охотно в обществе пел из Бортнянского обедни или из его концертов, и очень был рад, когда находил в обществе людей, которые могли ему вторить. Зная наизусть всю русскую обедню (быв сам певчим в корпусе), я однажды так угодил ему, пропев с ним херувимскую песнь [858], что он обнял меня, расцеловал и не отходил от меня во весь вечер. Это было у адъютанта лейб-егерского батальона князя Голицына[859]. Давно уже лежат в могиле и Озеров, и Яковлев, и все житейские дрязги, кри-

тики, эпиграммы, мелкие страстишки погребены с ними; но память их должна быть и будет всегда драгоценна русскому сердцу! Яковлева заменил нам и даже превзошел его Василий Андреевич Каратыгин, человек, усовершенствовавший свой природный дар наукою и размышлением об искусстве, но место Озерова осталось праздным. Есть у нас драмы, и даже некоторые из них очень хорошие, но русской трагедии в новом вкусе и в новом духе – нет! Нет ничего такого, что бы мы могли поставить, хотя на низшей ступени, за «Валленштейном», «Орлеанскою девою», «Вильгельмом Теллем», «Дон Карлосом» Шиллера, «Эгмонтом» и «Гецем фон Берлихингеном» Гёте! Терпенье – подождем![860]

Между тем как мы в Петербурге наслаждались жизнью среди приготовлений к войне, ожидая ежедневно повелений *выступить*, и когда юные сердца наши томились жаждою битв, братья наши уже дрались с французами на равнинах Польши[861], издревле упитанных кровью различных народов. Ни один страстный любовник не ожидает с таким нетерпением нежного письма от своей воз-

любленной, как мы ожидали реляций из действующей армии!.. Образованное общество не было погружено в расчеты и спекуляциях, и слова «Россия», «слава», «народная честь» звучали в ушах приятнее золота и пробуждали чувство, не уснувшее глубоким сном на лоне эгоизма. Наконец пришло радостное известие из армии[862]!.. Полилось шампанское в бокалы, и радостное ура! раздалось повсюду...

Эпилог

***Марш русской гвардии 1807 года.
Выступление в поход***

Вся сила механики основана на трех существенных началах: точке опоры, рычаге и колесе (вертикальном или горизонтальном). Архимед утверждал, что он рычагом сдвинет с места земной шар, если только дадут ему точку опоры[863]. На основании этих начал сооружаются огромные машины, движущие непомерные тяжести. Но редко механики вспоминают, что есть *сила невидимая*, без которой и рычаг, и колесо были бы недействительны. Это сила неосоздаваемая, не разгаданная умом, тайна природы: сила *тяготения* (gravitation)! Точно так же и в человечестве

есть сила, без которой ничто не подвинется вперед. Это *сила нравственная* (force morale), действующая на ум и на сердце, как *сила тяготения* действует на рычаг и колесо, т. е. на силу грубую (force brute). Все великие мужи действовали на массы людей *силою нравственною*, зная, что без душевного участия масс невозможно произвести ничего великого и что все величие состоит в том, чтоб уметь подчинить волю и страсти масс своей воле. Так действовал Наполеон, как уже выше сказано об этом, и так действовал император Александр в борьбе с Наполеоном. Все было устремлено в 1807 году к воспламенению умов в России, к этой гигантской борьбе, и к этой цели употреблено единственное и *специальное средство: литература, или письмена*. Литература для *нравственной силы* есть то же, что рычаг и колесо для *силы тяготения* – т. е. средство к двиганию тяжестей. Кто не понимает меня, о том я крайне сожалею!

Манифесты, прокламации, театр, журналы, брошюры возжигали умы и сердца. В полках русской гвардии песенники пели стихи, сочиненные Сергеем Никифоровичем Мари-

ным, и под голос этой музыки, не знаю кем сочиненной, войско маршировало на парадах и ученьях. Сам удивляюсь, как я по прошествии многих лет сохранил твердо в памяти и стихи, и музыку этого марша! У брата Сергея Никифоровича, генерал-майора Аполлона Никифоровича Марина, нашелся список этих стихов, искаженный и без трех последних куплетов. О музыке – ни слуху ни духу. Ее забыли! Я восстановил из памяти настоящий текст стихов, а даровитый г. Кажинский с голоса моего написал ноты[864] для фортепиана. Вот этот знаменитый в свое время марш [865].

Марш русской гвардии в 1807 году

*Пойдем, братцы, за границу,
Бить отечества врагов.
Вспомним матушку царицу,
Вспомним век ее каков!*

*Славный век Екатерины
Нам напомним каждый шаг,
Вот поля, леса, долины,
Где бежал от русских враг!*

Вот Суворов где сражался!

*Вот Румянцев где разил!
Каждый воин отличался,
Путь ко славе находил.*

*Каждый воин дух геройский
Среди мест сих доказал,
И как славны наши войски,
Целый свет об этом знал.*

*Между славными местами
Устремимся дружно в бой!
С лошадиными хвостами
Побежит француз домой!*

*За французом мы дорогу
И к Парижу будем знать.
Там начальник понемногу
Каждому позволит брать[866].*

*Там-то мы обогатимся,
В прах разбив богатыря,
И тогда повеселимся
За народ свой и царя!*

Стихи эти удивительно характеризуют тогдашнюю эпоху. С. Н. Марин намекает на французские лошадиные хвосты, которыми осенены были каски французских кирасиров

и драгунов и, придавая им ужасный вид, когда они неслись в атаку, производили сильное впечатление в противном войске. Добыча в то время еще входила в расчет воина; но С. Н. Марин, предсказав, что русские *узнают дорогу к Парижу*, не угадал, что великодушный Александр не позволит никому *брать* и что русское войско, по воле своего государя, подаст всем народам благородный пример воинской дисциплины, бескорыстия и уважения собственности мирного гражданина в неприятельской земле.

Наконец мы дождались блаженной минуты выступления в поход, и Уланский его высочества полк вышел из Стрельной 2 февраля 1807 года по Рижскому тракту. Его высочество цесаревич хотя командовал всем гвардейским корпусом, но в звании шефа нашего полка шел с нами, верхом перед полком, не оставляя полка до самой прусской границы.

Началась для меня *новая жизнь* – и самостоятельность! Одно существо в мире пролило слезы при прощании со мною – добрая сестра моя Антонина, которую я любил более всей моей родни, потому что жил с нею вме-

сте почти неразлучно от первого детства до выпуска моего в офицеры, и потому что у нее была ангельская душа. «Береги себя, дружкой! – сказала она мне сквозь слезы. – Ты еще так молод!» И точно, я был дитя: мне был только *семнадцатый* год от роду! Школьные идеи вертелись у меня в голове, и я отвечал преважно спартанским выражением: *с щитом или на щите!*[867] Теперь мне смешно, когда я подумаю об этом! Бедный корнет, я думал, что и мой меч должен иметь свое значение на весах всемирной политики! Все же лучше, если человек принимается за дело с любовью! Один энтузиаст – искра, а сто тысяч энтузиастов – Везувий!

Приложения

(1) Его императорское высочество великий князь цесаревич Константин Павлович во время пребывания своего в Витебске, при возвращении из Варшавы[868], занимал дом господина генерал-губернатора, генерала от инфантерии князя Хованского и однажды, осматривая его библиотеку, остановился перед русским отделением книг и, вспомнив обо мне, спросил князя, знает ли он меня лич-

но. На утвердительный ответ князя его высочество благоволил отнестись обо мне в самых лестных выражениях, которые переданы были мне князем. Прежде свидания с князем Хованским я получил следующее письмо от адъютанта его, г. Мызникова (которого я тогда не имел удовольствия знать лично). Письмо это с соизволения высшего начальства было напечатано в № 229 «Северной пчелы» 1831 года [869].

«Хотя я и не имею чести пользоваться личным с Вами знакомством и знаю Вас только как автора, которому обязан многими приятными впечатлениями, но, несмотря на то, рад уведомить Вас об одном обстоятельстве, которое, без сомнения, доставит Вам большое удовольствие. Меня наиболее к сему поощряет сделанное мною замечание, что нередко писатели, которые имеют полное право быть уверенными в благодарности, а следовательно, и любви читающей публики, не всегда бывают, кажется, совершенно в том уверены. Излишняя ли скромность тому виною или журнальные Фрероны [870], которые свистят хорошо, но *петь, к прискорбию и печали, не*

умеют. Самый решительный талант может иногда смутиться, самый твердый характер иногда поколеблется, когда какой-нибудь записной писака во всеуслышание возгласит: мы рассматривали сочинение такого-то автора, и нам не нравится в нем то или другое; мы советуем ему, и пр. и пр., и автор в грустный час своей жизни может даже принять такие возгласы от лица всей публики, тогда как она и не грезила выбирать некоторых господ в свои адвокаты! Но перо брошено, время улетело, и автор, и публика в потере: первый в стяжании новых похвал, вторая – в удовольствии от интереса хорошей книги. Впрочем, может быть, я увлекся слишком далеко. Позвольте приступить к самому делу.

Блаженной памяти его императорское высочество Константин Павлович, во время краткого, но незабвенного пребывания в последние дни жизни своей в Витебске, занимать изволил, как известно, дом генерал-губернатора и пользовался находящеюся в оном библиотекою князя Н. Н. Хованского. Из множества избранных в этой библиотеке книг в особенности заслужил лестное внима-

ние его высочества последний Ваш роман “Петр Иванович Выжигин” [871]. Эта книга была и *последним чтением* покойного цесаревича; с изъятием *особенного* удовольствия она была читана его императорским высочеством *два раза*.

Да утешит Вас сие известие под сельским кровом мирного Карлова и да подвигнет к новым трудам на занимаемом Вами с честью поприще русского литератора! Чего искренно желает Вам, и пр. В. М.

Г. Витебск, 29 июля, 1831».

(2) *Письма Василия Михайловича Головнина к Петру Ивановичу Рикорду (ныне адмиралу) из японской тюрьмы [872].*

Письма сии вполне характеризуют геройский дух русского моряка. Если б подобное со бытие случилось в Древнем Риме, то Головнин был бы прославлен, как Регул! Слава царя русского, слава отечества, нежная дружба к П. И. Рикорду, чувство долга возвысили сильную и благородную душу незабвенного В. М. Головнина до энтузиазма, и он, находясь в самом бедственном положении, явил геро-

изм, достойный сохраниться в потомстве. Подлинники писем на японской бумаге хранятся у П. И. Рикорда[873]. Счастливым себя почитаю, что я удостоился заслужить внимание В. М. Головнина и пользовался его особенною благосклонностью[874], что засвидетельствует единственный и верный друг его П. И. Рикорд. Характеристику Головнина сообщу на своем месте.

Письмо первое [875]

Любезный друг Петр Иванович! Кажется, японцы начинают понимать всю истину нашего дела и уверяться в миролюбивых расположениях России, а также и в том, что поступки Хвостова были самовольны, без ведома начальства и к большому неудовольствию государя[876]; но им нужно на сие формальное уверение от начальника какой-нибудь нашей губернии или области, с приложением казенной печати. Есть даже надежда думать, что они, уверившись в расположении России, войдут с нами в торговые связи; ибо теперь они понимают коварные поступки голландцев[877]: мы им сказали о письме, перехваченном англичанами, в котором голландские

переводчики хвастают, что успели в Нагасаки поссорить Резанова с японцами. Но вы должны знать, что о поступках Хвостова Федор Федорович[878] открыл им всю сущую правду, т. е. что Резанов, будучи вспыльчивого нрава и огорчась отказом в Нагасаки, дал ему приказ напасть с компанейскими судами на их селения, но после, одумавшись, что он без государя не в праве это сделать, отменил оный; однако ж Хвостов, отчаянный человек[879], последний приказ пренебрег, а первый исполнил и, пришед в Камчатку, сказал, что действовал по повелению Резанова, почему Кошелев его и не арестовал; но после второго грабежа он и Давыдов в Охотске были взяты под арест, откуда они бежали. Вину их государь по благовости своей повелел[880] им заслужить на войне, где они в больших опасностях себя отличили, а возвратясь в Петербург, утонули в Неве[881]; Резанов с горести умер в Красноярске, ехав в Петербург. О походе нашем г. Мур дал им также верный и подробный отчет, хотя они того и не требовали; он даже сказал им о паспорте, взятом в Англии, о задержании на мысе Доброй Надежды, об

уходе нашем оттуда, о походе в Америку[882] и о том, что нам велено было описать принадлежащие России те Курильские острова, кои кончаются Урупом[883], потом Татарский берег[884] и возвратиться морем в Петербург, зайдя по пути в Кантон[885], и что, описывая сии острова[886], зашли мы к ним по письму, данному нам на Итурупе, куда послали мы шлюпку, считая оный за другой остров и не зная, что там есть японцы[887]. Итак, если будете сношаться с ними, то с нашей стороны нужно говорить действительную правду, откровенно, но будьте на всякий случай осторожны и не иначе переговаривайтесь, как на шлюпке, далее пушечного выстрела от берега; притом не сердитесь на японцев за медленность в решениях и ответах; мы знаем, что у них и свои неважные дела, которые в Европе кончили бы в день или два, тянутся по месяцу и более. Вообще же я вам советую не выпускать из вида четырех главных вещей: иметь осторожность и терпение; наблюдать учтивость и держаться откровенности; от благоразумия ваших поступков зависит наше избавление и немалая польза для отече-

ства. Я надеюсь, что теперешнее наше несчастье возвратит России ту выгоду, которую она потеряла от неудачного посольства вспылчивого г. Резанова[888]. Но если паче чаяния дела возьмут другой оборот, то как можно вернее, подробнее и обстоятельнее отберите мое мнение по сему предмету от посланного матроса и доставьте оное правительству, а также не худо и с сего письма копию к оному препроводить. Обстоятельства не позволяют посланного обременять бумагами, и потому мне самому на имя министра писать нельзя; *но знайте: где честь государя и польза отечества требуют – я там жизнь мою в копейку не ставлю, а потому и вы меня не должны щадить в таких случаях*[889]. Умереть мне все равно – теперь, или лет через 10, или 20 после! Прошу тебя, любезный друг Петр Иванович, написать за меня к моим братьям и друзьям; может быть, мне еще определено судьбою с ними видеться, а может быть, нет. Скажи им, чтобы в сем последнем случае они не печалились и не жалели обо мне. Я желаю им счастья! Когда узнаю точно[890], что возвращение мое невозможно, я решусь непре-

менно положить конец моей жизни; по моему мнению, все равно: быть убиту на сражении или от злодейской руки, утонуть в море или покойно умереть в постеле – все одна смерть, только в разных видах! Еще прошу тебя[891], ради Бога, не позволяй к нам никому писать и ничего не посылай, чтоб нам здесь не докучали вопросами и переводами; а напиши ко мне сам маленькое письмецо о вашем решении, которое в знак получения сей записки начни следующими словами: «Поклоны твои, любезный друг Василий Михайлович, получены нами весьма исправно». Посланному матросу прошу тебя дать из оставшегося после меня имения 150 рублей и сказать[892], что если Бог меня возвратит, то дам ему еще 350 рублей. Товарищам нашим, господам офицерам, мое усердное почтение и команде поклон. Я много чувствую и благодарю вас за великие труды, которые вы принимаете для нашего избавления. Велит ли Бог мне иметь когда-нибудь счастье изъявить вам признательность мою более действительным образом, нежели одними словами! Прощай, любезный друг Петр Иванович, и вы все, лю-

безные друзья; будьте здоровы, покойны и счастливы! Может быть, это последнее мое к вам письмо. Преданный вам Василий Головин. Апреля 12-го[893], 1813.

P. S. Расспросите хорошенько посланного о поступках NN[894] [895] в рассуждении всех нас, тогда вы узнаете душу и сердце сего изверга. Когда японский *добрый* государь[896] и *человеколюбивое* их правление старались смягчить законы свои в нашу пользу и кончить дело с Россиею дружелюбно, тогда NN искал голов наших и, конечно, у всякого другого народа успел бы всех нас, для своей выгоды и мести, погубить; но японцы прозорливы и осмотрительны, а это нас и спасло от злодейских его умыслов[897].

Письмо второе [898]

Любезнейший и почтеннейший мой друг Петр Иванович! Именем всемогущего Бога прошу тебя быть сколь возможно осторожным. Днем вы можете покойно спать, а ночью не дремлите: имейте абордажные снасти и берегитесь брандеров; злодей NN здешним рассказал все способы, какие употребляются у нас в Европе в подобных случаях. Он хотел к

ним в службу, но это невозможно по здешним законам; после просил он бывшего в Матмае губернатора Аррао-Тадзимана Ками взять его к себе в работники, и того не сделали. Он знает, что причиною сему японская подозрительность, и потому хочет им доказательную своей верности услугу сделать, и даже прямо нам говорит, что если бы он мог открыть им свое сердце, то не так бы с ним поступали. Мы не можем слова промолвить, чтобы он японцам не пересказал. Симонов [899], возвратясь к нам, рассказал кое-что об наших делах[900]. NN после все пересказал японцам. К счастью нашему, я успел Симонова толкнуть – почему NN не известны самые важные дела. Ах, любезный Петр Иванович [901], жестоко наше состояние не столько от японцев, сколько от сего изверга! Мы должны все притворяться. Когда он спит, тогда мы откровенно говорим шепотом, и то не все: двое или трое шепчут, а прочие говорят нарочно громко и притворно смеются, чтоб от него заглушить шепот наш. Японцы тонки, непроницаемы и непомерно подозрительны; мы ничего не можем проникнуть, откровенны ли

их поступки или нет. Притом осторожность не мешает делу нашему. Извиняйся под разными благопристойными предложениями. Если станут тебя звать на берег, то можешь сказать, что имеешь повеление, пока нас не освободят, этого не делать. Впрочем, губернатора самого для свидания на шлюпках не вызывай, это оскорбит их честолюбие, а переговаривай с чиновниками, которых им самим угодно выслать. Зимовать, ради Бога, не оставайся, а скажи им, что дела в Камчатке требуют на зиму твоего там присутствия; но ответы давши на их спросы, ты можешь весною опять прийти за решением. Здесь зима бывает холодная, снежная и бурная. Если сделается у тебя много больных или на мель бросит, что ты станешь делать? С такими приятелями, как японцы, ухо остро держать надобно, живой пример тебе я! А теперь у них еще NN: он опаснее самых японцев. Сначала он хитрил, чтоб его одного с Алексеем вместо матроса послать к вам; мы видели, что он погубил бы нас, плутни его остановили: послали Симонова. Теперь он опять коварствует, обещает японцам вместо их вещей оставить в залог

дианское оружие[902] и множество других вещей, если его пошлют, толкует японцам, что в этом он успеет. Намерение NN, мы думаем, то, что если он может перетолковать вам вести Симонова в другую сторону, то нас погубит[903], расстроив две нации; а нет – то вас втащит в петлю и сам водворится здесь. Прошу тебя, любезный друг, будь осторожен. Если я узнаю, что вы все целы, избавились ков (буде оне есть), то умру покойно; но если они вас обманут и захватят, то сердце мое до самой последней минуты будет терзаться. Японцы нам много говорят хорошего, и все, кажется, идет счастливо. Но как положиться на такой народ? На языке мед, а на сердце, вероятно, черт. Я прошу и надеюсь, что ты представишь правительству нашему, что мы ожидаем от своего государя и отечества; они не допустят нас умереть, как собак, отмщение произведено будет, которое должно быть достойно русской руки. Жалею, что Симонов проstack, не умел пересказать тебе моих слов. Выражения в моей записке «*добрый* здешний государь» и «*человеколюбивое*[904] здешнее правительство»[905] иносказательны; они по-

что совсем противное значат, а написаны для того, что я боялся, не обыщут ли Симонова при отправлении на судно, а теперь решился на все идти и писать прямо. Японцы делали для нас небольшое снисхождение – водили за караулом гулять, перевели из настоящей тюрьмы в дом, тюремным покроем сделанный, позволяли смотреть на море; но это не даром: нет божьего дня, чтобы не приходили к нам их переводчики и ученые с разными вопросами; они хотят всему выучиться, что мы знаем. Злодей NN сперва выдавал меня здесь за глупца, а тебя за хитрейшего человека, и что ты, желая занять мое место, ввергнул меня в сие несчастье. Теперь японцы опытом узнали, сколько ты стараешься о нашем избавлении, то и тебя начал выдавать за легковерного простака: что ты тотчас на все согласишься, чего бы они от тебя ни потребовали; а меня прославляет астрономом, физиком и всем, что есть мудрого, я чаю, в том намерении, чтобы со мною японцы не расстарались; об Андрее Ильиче тоже говорит, что он близок ученостью к де Лаланду[906]! Приложенные после сего мои замечания вам будут

небесполезны; прошу тебя препроводить их к правительству.

Поздравляю тебя, любезный друг, с чином [907]; дай Бог тебе получить более и более честей – ты их достоин, но умеешь наслаждаться ими. Сам в петлю не лезь, ради Создателя, будь осторожен. Поверь, если японцы искренни, то не будут они тебя просить на берег и зимовать не станут принуждать; если то или другое будут делать, то подозревавай их, а не предавайся опасности. Бумаги, написанные NN, презирай и не верь им, а не то с маху в петлю вьедешь! Японцы, может быть, и действительно искренно дела ведут, но ведь это точно не известно, и потому нужна осторожность, которую, может быть, кто-нибудь из наших простаков, подобных мне [908], и порицать станет от лености и глупости, то ты прочитай им мое письмо, пусть ему поверят. Я пишу его и едва вижу от слез. Желал бы вас увидеть и обнять на «Диане» или в Европе, но здесь – Боже оборони! Избавь меня, Создатель, такой ужасной сцены! *Хочу лучше самую мучительную смертью умереть, нежели видеть кого-нибудь еще из моих соотече-*

ственников в подобном моему несчастии, а не только друзей своих[909]. При отбытии вашем напиши ко мне письмо[910] о вашем намерении, если дело не совсем еще кончится, в котором употребляй учтивые выражения к японцам; прямые слова, буде японцы того заслужат, пиши без подчерков, а иносказательные с подчеркиками, как, например, следующее выражение: «Японцы весьма откровенно поступают»[911]. Всем нашим дианским друзьям мое усердное почтение, а женатых поздравляю, дай Бог им счастья; команду нашу очень много благодарю. Андрей Ильич притворяется жестоко больным[912]; он жалуется, что NN участвовал в отравлении его ядом. Я же сам этого нимало не подозреваю и никак его точно в таком важном деле обвинять не могу; но в измене NN, хоть пред Судом страшным готов утверждать; да он и сам не отпирается[913].

ИМЯ

Он здесь японцам рассказал до самой бездельницы о нашем походе, даже глупости, которые мы в веселые часы делали в Ситхе, хоть сам и не видал их, но что слышал: ссоры на-

ши смешные, пирушки и проч.[914], а всего забавнее то, что Рудакова выдавал истинным своим другом[915] и во всем с ним сходным; но Кахи здесь насказал о нем множество скверного, и потому NN теперь прежнее переменил, а уверяет японцев, что он был мой самый близкий друг; однако ж они смеются. Впрочем, это служит в нашу пользу: они поняли NN, и старший при нас переводчик прямо ему сказал, что он человек с черным сердцем, любит собственную свою пользу, а товарищей своих не бережет. Вот, любезный друг, до чего Бог велел дожить! Ужасное состояние! Если бы не NN, то японцы ничего; он много путает. От записки с Симоновым, прежде к тебе посланной, не отступай в словах, а мы тверды будем. В знак, что эти бумаги тобою получены, начни письмо свое ко мне так: «Возлагай всю надежду, любезный друг Василий Михайлович, на Всемогущего Творца». Прощай, любезный друг, береги себя и товарищей своих. Я боюсь, чтоб вас не поймали в когти, когда NN примется решительно злодействовать; теперь он еще боится. Я уверяю его, что если он оставит все такие затеи и в

прежних поступках раскается, то мы все забудем; но он говорит: «Знаю я, как вы забудете, если мы приедем на “Диану”, то мне там тотчас прекрасное место отведут». И когда я ему намекаю, что если он покусится две державы поссорить, но японцы слов его не уважат, а кончат дело искренно и честно, тогда они в веревках отправят его на «Диану». Вот этого-то он и ужасается. А если бы NN уверен был, что японцы не искренни, а только хитрят, то в миг бы помог им. Почему он теперь беспрестанно просится, чтобы его перевели от нас в другое место; но японцы просьбы его не уважают, а спрашивают, зачем он этого хочет; тогда он говорит, что ему стыдно на нас смотреть; он виноват перед нами, а на вопрос, в чем виноват, не отвечает. Когда мы ушли[916], то он сказал японцам, что

МЕСТОИМЕНИЕ

мы люди отчаянные, можем защищаться и убить несколько их людей, то чтоб они береглись; сказал, по какой дороге мы пойдём, и давал советы, как нас поймать. Ты видишь, любезный друг, коварство сего чудовища. Сими словами он хочет вселить в японцев мыс-

ли, что он должен будет пострадать за его усердие к здешнему народу[917]. О прямой же причине его против нас преступления[918] он никогда ни гугу. Тем более он мне кажется опасным и подозрительным, что все поступки русских перед японцами в дурную сторону толкует и вас всех нимало не щадит. Дай Бог [919], чтоб сии бумаги дошли до тебя; они, может быть, послужат к вашему спасению, будь только учтив, терпелив, но крепко осторожен. Может быть, они станут тебе предлагать ехать на берег, с тем что на место твое отпустят NN, а это весьма вероятно, буде они искренни. Однако ж японцы смеются его предложениям и говорят, что японское правительство ничего не хочет[920], а желают они одного объяснения. Если слова их сходны с сердцем, то слава Богу. Впрочем, один Бог знает это. Еще я скажу тебе анекдот. Симонов по неосторожности сказал нам при NN, что ты ему говорил, будто от несогласия офицеров ты имел намерение в прошлом году один идти в крепость в Кунашире. NN тотчас подхватил: «Верно он с ума сошел», – и потом сказал японцам, что ты, поссорившись с офицерами,

сошел с ума и хотел сам им отдаться! Вообрази, любезный друг, каково нам это слушать! Благодаря Бога, что[921] привезенный тобою Кахи[922] относится о тебе с величайшею похвалою и все поступки твои до небес превозносит. Японцы рассказывают о них нам с непритворным удовольствием, а NN, по-видимому, мало слушают. Может быть, они чисто-сердечно поступают, что и некоторые их другие поступки подтверждают; однако ж все-таки плошать не должно. К братьям моим напиши за меня, что ты хочешь – я писать не в силах; в том собственное твое сердце может уверить. Прощай, почтеннейший друг! Будь сам Господь Бог тебе покровителем и защитою. Остаюсь верный твой друг Василий Головин. Августа 8 дня, 1813 года, *Матмай*.

P. S. Не дивись, любезный друг, грамматическим титулам моих листов. NN с нас глаз не спускает, то писать было опасно. Почему я сам вызвался написать японцам русскую грамматику, если они мне дадут бумаги, на что они с восторгом согласились, на коей я грамматику стал писать. NN все-таки поне-многу издали или мимоходом скося присмат-

ривал; почему я вздумал большими словами вначале означить содержание листов. NN бросит глаза, например сказать, на *глагол* – и думает, что тут *глагол*[923]; а узнавши прямое дело, он тотчас объявит.

(3) Барон Егор Иванович Меллер-Закомельский, сын генерала от артиллерии, в официальных бумагах, где была надобность, писался: «из дворян Белорусской губернии, Себежского уезда». Не знаю наверное, по рождению ли он принадлежал Белоруссии или по тому только, что отец его имел там вотчины, вероятно жалованные[924]. Егор Иванович вступил в службу в молодых летах, в 1781 году, и из сержантов Преображенского полка вышел в генеральс-адъютанты к своему отцу, а в 1788 году поступил в чине подполковника в С.-Петербургский егерский полк. В 1793 году произведен в полковники и поступил в Тверской карабинерный (конный) полк, который при императоре Павле Петровиче расформирован, в 1797 году, а Егор Иванович назначен в Рязанский кирасирский полк. В том же году отставлен от службы и принят в тот же полк, в 1800 году. При восшествии на престол импе-

ратора Александра Павловича произведен в генерал-майоры, 1801 года, марта 15, и в сентябре того же года назначен шефом Тверского драгунского полка, который доведен им до возможного совершенства в отношении к выправке солдат и выезде лошадей. В 1803 году назначен полковым командиром Уланского его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича полка. По возвращении из плена назначен шефом Мариупольского гусарского полка [925]. В 1810 году удостоился звания генерал-адъютанта его императорского величества, а в 1815 году произведен в генерал-лейтенанты [926]. В 1815 году вышел в отставку, за тяжелыми ранами. В течение своей службы Егор Иванович участвовал в войнах: в последней турецкой, в польской, под начальством Суворова, и в персидской, с В. А. Зубовым, при императрице Екатерине, а в царствование императора Александра – в войне 1805 [года] и в Отечественную войну 1812 года, и везде отличался необыкновенным мужеством и распорядительностью. Он принадлежит к числу лучших русских кавалерийских генералов.

Особенно незабвенны блистательные подвиги его под Красным 3-го, 4-го и 5 ноября, где Егор Иванович, командуя полками лейб-гвардии Гусарским и лейб-гвардии Уланским (который он формировал), отнял у неприятеля 5 пушек и взял в плен 35 штаб- и обер-офицеров и 1500 рядовых, а 6 ноября, начальствуя Первым кавалерийским корпусом, споспешествовал знаменитой победе под Красным[927]. Егор Иванович был человек добрый, ласковый, приветливый, кроткий и отлично образованный. Офицеры и солдаты, служившие под его начальством, обожали его. Он скончался в отставке, в двадцатых годах[928].

Марш русской гвардии 1807 года

PIANO

Musical score for the first system of a piano piece. The word "PIANO" is written to the left of the grand staff. The music is in G major (one sharp) and 3/4 time. The first measure contains a half note chord (G-B-D) in the right hand and a half note chord (G-B-D) in the left hand. The second measure contains a quarter note chord (G-B-D) in the right hand and a quarter note chord (G-B-D) in the left hand. The third measure contains a quarter note chord (G-B-D) in the right hand and a quarter note chord (G-B-D) in the left hand. The fourth measure contains a half note chord (G-B-D) in the right hand and a half note chord (G-B-D) in the left hand.

Musical score for the second system of a piano piece. The music continues in G major and 3/4 time. The first measure contains a half note chord (G-B-D) in the right hand and a half note chord (G-B-D) in the left hand. The second measure contains a quarter note chord (G-B-D) in the right hand and a quarter note chord (G-B-D) in the left hand. The third measure contains a quarter note chord (G-B-D) in the right hand and a quarter note chord (G-B-D) in the left hand. The fourth measure contains a half note chord (G-B-D) in the right hand and a half note chord (G-B-D) in the left hand.

Musical score for the third system of a piano piece. The music continues in G major and 3/4 time. The first measure contains a half note chord (G-B-D) in the right hand and a half note chord (G-B-D) in the left hand. The second measure contains a quarter note chord (G-B-D) in the right hand and a quarter note chord (G-B-D) in the left hand. The third measure contains a quarter note chord (G-B-D) in the right hand and a quarter note chord (G-B-D) in the left hand. The fourth measure contains a half note chord (G-B-D) in the right hand and a half note chord (G-B-D) in the left hand.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ[929]

Предисловие

Николай Иванович Греч, излагая свое мнение о первых двух частях моих «Воспоминаний» (см. «Северную пчелу» 1846 г., № 147 ♦ й), назвал рассказ мой *импровизациею*[930].

Это самая верная характеристика моих «Воспоминаний». Решившись издать в свете отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни, с тою единственно целью, чтоб представить хотя краткий, но верный очерк чудной эпохи, в которую мне привелось жить, я бросаю на бумагу мои воспоминания точно так, как бы я рассказывал о былом в кругу приятелей, без всяких приготовлений и требований. Может быть, иное и было не так, как я рассказываю, но по составленному мною плану это вовсе не мешает делу, потому что, желая представить верный очерк *прошлого* времени, а говорю так, как мы думали *тогда*, как верили *тогда*, и представляю предметы с той точки зрения, с которой *тогда* на них смотрели. Это именно и должно составлять главное достоинство моих «Воспоминаний», если они имеют какое-либо достоинство. Что же касается до важных исторических событий, то, разумеется, что тогдашние рассказы об них я сверял с новейшими известиями. Впрочем, я уже говорил, что пишу не военную и не политическую историю моего времени, и потому не выставляю себя автори-

тетом в делах войны и политики. Пишу, что сам видел, и историческими событиями только поясняю виденное. Когда эта часть моих «Воспоминаний» уже печаталась, вышло в свет сочинение его превосходительства Александра Ивановича Михайловского-Данилевского «Описание второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах». Сочинение это, сверх всех других достоинств, его отличающих, особенно важно тем, что все события в нем рассказаны с необыкновенною искренностью и точностью. Я не мог пользоваться этим сочинением при составлении третьей части моих «Воспоминаний» и не стал бы им пользоваться, если бы оно вышло и прежде моей книги, ибо не имел намерения составлять полную картину описанной в нем войны[931].

Желающим знать все подробности этой войны и все военные и политические соображения и события тогдашней эпохи, советую прочесть это сочинение, написанное по официальным документам и с рассказов важных государственных лиц. Лестно мне, что в некоторых заключениях о тогдашних событиях и

выводах из происшествий я встретился с знаменитым военным историком, вовсе не зная о его образе мыслей и взгляде на дела.

Импровизируя мои «Воспоминания», я никак не мог избежать необходимости говорить о самом себе; иначе они лишились бы современного характера. Противники мои без всяких доказательств старались внушить читателям моим недоверчивость к моим рассказам, что и теперь, вероятно, не преминут сделать. Отношения наши не переменялись, и некоторые люди в порывах страстей позволяют себе уклоняться от справедливости, чтоб только унижить своего противника! Бог с ними! Всему, что я рассказываю, есть наочные свидетели, из старых моих товарищей, и хотя бы я был даже таков, каким стараются изобразить меня мои противники, все же я не осмелился бы говорить неправду в лицо живым людям. Все здесь верно или представлено так, как мы верили *тогда*.

Из свойства моего рассказа читатели убедятся, что Николай Иванович Греч совершенно постиг дело, назвав мои «Воспоминания» импровизациею. Повторяю, что воображаю

себе, будто сижу в зимний вечер перед камином и рассказываю приятелям по их желанию о былом! Кто не желает слушать, может бросить книгу – и делу конец.

Фаддей Булгарин

1

Война 1806 года. – Характеристические черты и биографические очерки трех русских полководцев этой войны: генерал-фельдмаршала графа М. Ф. Каменского, генерала от кавалерии барона Л. Л. Беннигсена и генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена. – Наступательные действия русских. – Знаменитые сражения под Пултуском и Голымином. – Обе армии расходятся на зимние квартиры. – Первое устройство герцогства Варшавского и формирование новых польских войск. – Смелый и гениальный план Беннигсена. – Намерение Наполеона уничтожить всю русскую армию. – Беннигсен удачно избегает расставленных ему сетей. – Знаменитое сражение под Прейсиш-Эйлау. –

Невыгодное впечатление для могущества Наполеона, произведенное этим сражением в Европе и в самой Франции. – Восстание немцев в тылу армии. – Опасное политическое положение Наполеона. – Обе армии снова расходятся на зимние квартиры и готовятся к весенней кампании, долженствующей решить участь войны и Европы. – Надежда всей Европы на русское могущество и величие души императора Александра. – Учреждение Прейсиш-Эйлауского знака отличия и солдатского Георгиевского креста. – Пенсии вдовам и детям воинов, павших на поле брани. – Выступление в поход Уланского его высочества полка. – Образцовый поход. – Первые нужды походной жизни. – Уланы-людоеды. – Образ жизни крестьян в Петербургской, Лифляндской и Курляндской губерниях. – Тогдашнее лифляндское и курляндское дворянство. – Дерпт, Рига, Митава. – Несколько идей о евреях и несчастных женщинах. – Благородный поступок

**уланских офицеров и радость
цесаревича. – Достопамятные его
слова. – Добрый полковник Чаликов и
фонтеры-понтеры. – Кратковременный
отпуск**

Я уже говорил, что весь Петербург и вся Россия с величайшим нетерпением ожидали известий из нашей армии, действовавшей противу французов, и что первые известия наполнили сердца радостью. До выступления нашего в поход мы торжествовали две полные победы над самим Наполеоном под Пултуском и под Прейсиш-Эйлау и несколько блистательных побед над его маршалами при Голымине, Морунгене, под Лопачином, под Насильском[932] и т. п. Забавно, что в Париже и во всей Франции торжествовали те же самые победы! Французские бюллетени возвещали о разбитии русских, а русские реляции доносили о совершенном поражении французов![933] Французских бюллетеней мы в России не видали, следовательно, имели полное право торжествовать победы; но Европа была в недоумении. Теперь, по прошествии сорока лет, можно сказать сущую правду, и так я ска-

жу, что с обеих сторон удар был силен, но обе стороны неправильно присвоивали себе эхо. Победы не было, но нравственный перевес и слава остались на стороне противников Наполеона.

В сообщаемых мною *отрывках* из моих «Воспоминаний», я по возможности стараюсь избегать политики и частных исторических очерков тогдашней эпохи, но исключить их вовсе почитаю невозможным. Можно ли говорить о плавании, не назвав моря, не определив широты и не сказав о погоде? Каким образом рассказывать о *современности*, не представив очерка тех событий, в которых сам рассказчик, так сказать, утопал! Итак, волею-неволею, любезные мои читатели, взгляните на ход военных действий в Пруссии, до прибытия гвардии к армии, и познакомьтесь с людьми, которым поручено было бороться с первым полководцем нашего времени и его учениками, покрытыми славою.

Русское войско, вступившее в Пруссию, разделено было на два сильные корпуса, или, как тогда говорили, на две армии. Первою армиею начальствовал генерал от кавалерии

барон Леонтий Леонтьевич Беннигсен, второю – генерал от инфантерии граф Федор Федорович Буксгевден. Уже войско наше было в Пруссии и армия барона Беннигсена уже имела несколько авангардных встреч с неприятелем, когда был назначен (16 ноября 1806 года) главнокомандующим действующею армиею генерал-фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский, который немедленно поспешил к армии и застал Беннигсена на Нареве, в окрестностях Пултуска, а армию графа Буксгевдена приближающуюся к Висле, по направлению к Остроленке. Приняв армию, граф Каменский рапортовал государю-императору, что вверенная ему армия состоит по спискам из 159 000 человек[934].

На трех человек обращено было тогда внимание не только России, но и всей Европы: на Каменского, Беннигсена и Буксгевдена.

Графу М. Ф. Каменскому было в то время *семьдесят восемь лет* (он родился в 1738 г.). Воспитывался он в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе и выпущен из корпусных сержантов в армию поручиком в 1757 году, на девятнадцатом году от рождения. В то время

корпус был то же, что ныне Военная академия[935], и кадеты получали высокое военное образование, которое М. Ф. Каменский по выходе из корпуса непрерывно совершенствовал, занимаясь науками и чтением военных писателей. В том же году он перешел в артиллерию тем же чином, и в следующем году произведен в капитаны. Любя страстно военное ремесло, скучая бездействием и желая приобрести опытность, Каменский выпросил позволение служить волонтером во французской армии и пробыл в ней два года под начальством известного тогда маршала Бролио, сражаясь в рядах французов противу союзников Фридриха Великого в Семилетнюю войну. Когда Россия приняла участие в этой войне, Каменский поспешил в армию Салтыкова [936], участвовал почти во всех делах 1760 и 1761 годов и в следующем году произведен в полковники и в звание генерал-квартирмейстера-лейтенанта (соответствующее нынешнему званию корпусного квартирмейстера). На двадцать девятом году от рождения М. Ф. Каменский имел уже блистательное положение в армии и в свете, был бригадиром (в

1767 году), владел родовым имением в три тысячи душ, был милостиво принимаем при дворе и у всех сильных тогдашних вельмож.

По заключении мира с Пруссией[937], при вступлении на престол императрицы Екатерины II[938], М. Ф. Каменский был в Берлине и несколько раз удостоился беседовать с Фридрихом Великим, который, так сказать, проэкзаменовав его в военных познаниях и удивляясь в нем смеси ума и учености с необыкновенною пылкостью и какою-то дикостью воображения, сказал о нем: «C'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez civilisé»[939], т. е. «Это дикарь (канадец), однако ж довольно образованный». Государыня, выбирая сама лица для беседы с наследником престола, дозволила Каменскому посещать его высочество государя цесаревича Павла Петровича, и это служит лучшим доказательством, что Каменский был на весьма хорошем счету[940]. Но до 1769 года М. Ф. Каменский был известен только как храбрый и сведущий офицер, а открывшаяся в этом году война с Турциею дала ему случай выказать свои высшие способности. Он приехал в армию князя Голицына[941]

уже в чине генерал-майора и, начальствуя авангардом[942], способствовал к разбитию великого визиря и крымского хана[943] и ко взятию Хотина[944]. Перешед под начальство графа Панина, а потом графа Румянцева[945], он беспрерывно отличался, командуя уже отдельным корпусом, в чине генерал-поручика, и способствовал много к заключению знаменитого мира при Кучук-Кайнарджи[946]. Имя Каменского сделалось известным во всей России, и он возвратился в Петербург с Георгием 2го класса[947], с Аннинскою и Александровскою лентами[948], с именем искусного полководца и неустрашимого воина. Во Вторую турецкую войну (1788) М. Ф. Каменский явился в армию уже генерал-аншефом, и, начальствуя корпусом, разбил и рассеял орды крымского хана[949], и получил орден Св. Владимира 1ой степени (в 1789 году). Но невзирая на одержанные им победы и приобретенную славу, императрица Екатерина II, зная крутой нрав его и жестокость с побежденными, не хотела вверить ему главного начальства над армиею[950] после кончины князя Потемкина-Таврического (в 1791 году) и

подтвердила выбор, сделанный светлейшим князем незадолго пред его смертью, когда он намеревался возвратиться в Петербург. Главнoкомандующим назначен генерал Каховский (впоследствии граф), хотя младший, и Каменскому сделан выговор за то, что он, послушавшись посмертного распоряжения князя Потемкина, хотел удержать главное начальство, ссылаясь на свое старшинство[951]. По буквальному смыслу закона Каменский был, однако ж, прав, потому что армии нельзя передавать по завещанию, как собственное имущество, без особого высочайшего разрешения, и начальство всегда принадлежит старшему, до нового назначения. Каменский обиделся, оставил службу и жил в своих деревнях. Император Павел Петрович, вступив на престол, вызвал Каменского из его уединения ко двору, пожаловал ему орден Св. Андрея Первозванного[952] (в марте 1797 года), произвел его в фельдмаршалы (5 апреля того же года) в день коронавания и возвел в графское достоинство, а в декабре 1797 года внезапно уволил от службы. Каменский снова удалился в свои поместья и с этого времени

оставался в бездействии, до 1806 года.

Все биографы графа М. Ф. Каменского и все знавшие его лично согласно описывают его характер. Он, бесспорно, был человек ученый и искусный тактик. Великий Суворов, с которым Каменский был в вечной и непримиримой вражде, говаривал: «Каменский знает тактику, а я знаю практику». Личная храбрость Каменского доходила до ослепления, и даже враги его подтверждали истину слов его, когда он говорил о себе, что рад был бы узнать, что такое *страх смерти!* Ум его был глубокий и проницательный; но все его похвальные качества помрачались необыкновенною вспыльчивостью, неумеренностью в гневе, доводившими его до жестокости, необыкновенною гордостью, опрометчивостью, нетерпеливостью в сношениях с людьми, которых он оскорблял весьма часто, без всякой причины, по своему нраву. Товарищи и подчиненные не любили Каменского и боялись его встречи.

В последний год моего пребывания в корпусе я несколько раз видел фельдмаршала графа Каменского. Он приходил к нам на уче-

ные и в рекреационные часы, разговаривал, шутил и даже играл с кадетами. Он был весьма малого роста, сухощав, весь в морщинах и носил армейский мундир прусской формы, с которым он был отставлен при императоре Павле I. Необыкновенно густые и навислые брови, из-под которых глаза блестели, как раскаленные уголья, придавали его физиономии какую-то свирепость. В речах он был отрывист, в обхождении чрезвычайно странен, подражая ли врагу своему, Суворову, или по природе, и в преклонных летах был бодр и скор во всех движениях.

Что заставило государя назначить его главнокомандующим? Все терялись тогда в догадках, и опытные люди говорили, что это сделано для возбуждения народного духа, для того чтоб припомнить славное время Екатерины Великой, которой память была священна для народа. В этом духе прославлял назначение Каменского великий Державин, называя его в стихах своих «*мечом, оставленным Екатериною*»[953]. Каменского употребили в том смысле, как турки употребляют знамя Магометово – только для вида[954]. Кутузов,

которого Екатерина II называла своим генералом и о котором Суворов писал в донесении о взятии Измаила[955]: «Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был моею правою рукою»[956], – Кутузов был устранен и назначен (в октябре 1806 года) киевским военным губернатором, управляющим и гражданскою частью. Хотя Кутузов был не виновен в потере Аустерлицкого сражения, но ответственность лежала на нем, и назначением его в главнокомандующие опасались дурного впечатления на войско. Притом же Кутузов, которого почитали человеком чрезвычайно хитрым, имел множество неприятелей, опасавшихся его влияния на дела. Предстояла великая задача: способен ли Каменский, семидесятиосьмилетний старец, никогда не бывавший главнокомандующим армии, прославившийся только как начальник отдельных отрядов, в войнах с необразованными азиатами противостать гениальному Наполеону? Я тогда еще слышал от многих, что по пылкости характера и по нетерпеливости Каменский неспособен быть главнокомандующим, в котором одно из важнейших качеств долж-

но быть непоколебимое *хладнокровие*. Для ограничения пылкости Каменского, кажется, и придумано было средство, которое, однако ж, не удалось, как мы после увидим.

Другой человек, противопоставленный Наполеону, был граф[957] Леонтий Леонтьевич Беннигсен, на которого полагали тогда всю надежду[958]. Беннигсен был родом ганноверец, из богатой баронской фамилии. В 1806 году ему был *шестьдесят второй* год (он родился 10 февраля 1745 года). Он вступил в ганноверскую службу пажом, на десятом году от рождения; четырнадцати лет уже был прапорщиком в ганноверской пешей гвардии, и в 1762 году, семнадцати лет, – капитаном и в этом чине участвовал в последнюю кампанию Семилетней войны. По заключении мира Беннигсен вышел в отставку подполковником и женился, приняв во владение богатые свои поместья, по смерти отца. Но он был в душе воином, воином по страсти, и мирная жизнь была для него тягостна. Слава русского оружия прельстила его, и он в 1773 году вступил в русскую службу в чине премьер-майора и определен в Вятский мушкетерский полк, а

потом переведен в Нарвский. Нарочно упоминаю названия полков, чтоб они гордились именами знаменитых мужей, служивших в их рядах. Наполеон изобрел превосходное средство к поддержанию воинского духа в полках, приказав, чтоб знаменитые мужи, служившие в них, и по смерти оставались в полковых списках. В 1777 году Беннигсен произведен был в подполковники в Киевский легкоконный полк, а в 1788 году в полковники и назначен командиром Изюмского гусарского полка. При императрице Екатерине II командование полком было весьма важно, потому что полковник был не только полным хозяином, но, так сказать, властелином полка, выбирал офицеров и распоряжался почти безотчетно хозяйственной частью. В открывшуюся в следующем году войну с турками он поступил, с полком своим, в знаменитую Екатеринославскую армию под начальство князя Потемкина, отличился во многих делах, особенно на приступе к Очакову[959], и был в 1790 году произведен в бригадиры[960]. В 1792 [году] Беннигсену поручен летучий отряд в Литве для прикрытия Белоруссии. Действуя

отлично в продолжение всей польской войны, Беннигсен награжден был орденом Св. Владимира 3^{ей} степени, золотою шпагою, украшенною бриллиантами, Георгием 3го класса; получил в потомственное владение 1080 душ в Минской губернии и произведен в генерал-майоры. Ища славы и военных трудов, Беннигсен, по завоевании Польши, перешел в армию графа Зубова[961], посланного в 1796 году в Персию, содействовал к взятию Дербента[962] и пожалован за это орденом Св. Анны 1го класса. Десять лет сряду после этого Беннигсен не обнажал меча и в этот промежуток времени пожалован в генерал-лейтенанты, в 1798 году, и в генералы от кавалерии, в 1802 году. В ноябре 1805 года Беннигсену поручена была под начальство Северная армия, с которою он и выступал в Германию для соединения с Кутузовым, но не подоспел к Аустерлицу и по заключении мира воротился в Россию.

Итак, и Беннигсен никогда не действовал на войне не только как главнокомандующий, но даже как корпусный командир, и о воинских его способностях как полководца нельзя

было судить по прежней его службе. Он был храбр, распорядителен, но если взять в соображение, что главные его действия как начальника отряда были противу польских конфедератов, т. е. восставшей шляхты и малого числа регулярного войска, неопытного, дурно вооруженного, предводимого людьми неискусными в военном ремесле, то прежние успехи Беннигсена не могли служить достаточным ручательством в будущем, особенно в войне с таким полководцем, каков был Наполеон. Всеми, однако ж, было признано, что Беннигсен был человек обширного ума, и хотя он не мог получить классического образования, вступив в военную службу почти в детских летах, но приобрел глубокие стратегические сведения чтением, размышлением и практикою в войне. Природа создала его воином, наделив страстною любовью к военному ремеслу, быстротою соображений, военным глазомером, необыкновенным мужеством, редкою смелостью и дивным хладнокровием. Беннигсен был высок ростом, довольно сухощав, имел выразительные черты лица и быстрый взгляд. Важный, величе-

ственный его вид, барская манера и всегдашнее хладнокровие внушали уважение и возбуждали какую-то невольную доверенность к нему в старших, в равных ему и в подчиненных. Говорили тогда, что Беннигсен подал записку, в которой разобрал критически кампанию 1805 года и Аустерлицкое сражение и представил план будущей войны с Францией. Не знаю, куда девались эти важные документы[963], но что они существовали, это слышал я от близкого к нему человека, генерала от артиллерии Александра Борисовича Фока[964], о котором буду говорить впоследствии. Знавшие хорошо Беннигсена, утверждали, что он был человек чрезвычайно тонкого ума и вкрадчивый, когда ему было это нужно, и питал в душе непомерное честолюбие, а потому весьма многие так же боялись его, как и Кутузова.

Граф[965] Федор Федорович Букстевден, генерал от инфантерии, родом лифляндец, был в это время пятидесяти шести лет (род. 1750 года, на острове Эзеле) и так же, как Беннигсен, по страсти к военному ремеслу вступил в службу в 1764 году, в первом юношеском воз-

расте. О первой службе его нет никаких известий. В 1769 году, участвуя в войне противу турок, без сомнения в малом чине, он, неизвестно по какому случаю, заслужил особенную милость генерал-фельдцейгмейстера [966], знаменитого графа Григория Григорьевича Орлова, который определил его в свою свиту и взял с собою в путешествие по Германии и Италии[967]. В 1783 году он был уже полковником, а в 1787 году флигель-адъютантом ее императорского величества. Это отличие весьма замечательно, потому что число флигель-адъютантов в то время было весьма ограничено и этим званием облакались только лица, приближенные к государыне, пользовавшиеся особенною ее милостью и доверием. Тогда уже он имел Георгиевский крест 4-го класса[968] и командовал Кексгольмским мушкетерским полком (ныне Гренадерский императора Франца I полк). В 1789 году в чине бригадира Буксгевден участвовал в Шведской войне, на гребном флоте, отличился несколько раз, получил Георгия 3-го класса и произведен в генерал-майоры, сохранив звание флигель-адъютанта ее величества. В

1790 году Буксгевден отличался в сухопутных действиях против шведов и по заключении мира пожалован Аннинскою лентою. В Польской войне 1793 и 1794 годов он командовал дивизией, приобрел доверенность и благосклонность великого Суворова, который за отличие на Прагском штурме назначил его командатом Варшавы и правителем всей завоеванной Польши[969]. За эту войну он получил Владимирский орден 2-й степени, десять т[ысяч] рублей единовременно и богатое поместье в Лифляндии, в потомственное владение. Император Павел Петрович при вступлении на престол назначил его с.-петербургским военным генерал-губернатором (он был тогда генерал-поручиком), но в конце 1798 года Буксгевден получил увольнение от службы и удалился в Германию. Император Александр, вступив на престол, призвал Буксгевдена и назначил его генерал-губернатором Остзейских губерний и главным начальником войск, в них расположенных. В 1805 году повелено было Буксгевдену с корпусом своим следовать усиленными маршами в Ольмюц, для соединения с Кутузовым, что он испол-

нил весьма поспешно, и потом участвовал с честью в Аустерлицком сражении, командуя нашим левым флангом. Буксгевден пользовался репутациею храброго воина и распорядительного генерала, но и он также не получил классического образования, никогда не начальствовал целою армией и не действовал самостоятельно против неприятеля. Буксгевден был толст и неповоротлив, довольно крут в обращении с подчиненными, нрава упрямого и непреклонного[970]. Важнейшее его достоинство в армии составляла благосклонность к нему Суворова, который никогда не ошибался в выборе своих помощников. В то время достаточно было сказать о генерале *«он любимец Суворова»*, чтоб возбудить к нему неограниченную доверенность в войске.

Вот три главные лица, стоявшие на первом плане картины войны 1806 года. Говорили тогда, будто графу Беннигсену и Буксгевдену дана была секретная инструкция насчет военных операций, для противодействия опрометчивости графа Каменского, и что графу Каменскому, хотя и главнокомандующему, по-

велено, или *рекомендовано* было советовать-ся в важных случаях с двумя своими помощниками, Беннигсеном и Буксгевденом, которые командовали отдельными корпусами, под его непосредственным начальством.

Ненастное время года, непроходимость дорог, совершенный недостаток в продовольствии не воспрепятствовали русским начать военные движения в ноябре 1806 года на берегах Вислы, не в дальнем расстоянии от Варшавы, где был операционный центр французской армии и куда ежедневно ожидали Наполеона, который был тогда в Познани. Русские, как уже сказано, разделены были на две армии; Буксгевден еще не пришел со своею к Висле, когда Беннигсен уже двинулся вперед, намереваясь быстрым фланговым движением занять Торн[971], где находился Лесток с пруссаками, или, по крайней мере, открыть с ним сообщение. Но маршал Ней предупредил Беннигсена и вытеснил Лестока из Торна, почему Беннигсен обратным движением пошел к Пултуску, на соединение с Буксгевденом. До 13 декабря между русскими и французами происходили только авангардные стычки, не

имевшие никаких важнейших последствий, хотя отпор, данный графом Остерманом под Насельском, с первого раза доказал французам, что им нелегко бороться с русскими. С 10 декабря началось наступательное движение французов на обе русские армии, Беннигсена и Буксгевдена, и произошли в одно время, 13 и 14 декабря, достопамятные сражения: под Пултуском – с корпусом Беннигсена, под Голымином – с отрядом генерал-лейтенанта князя Д. В. Голицына и около Лопачина – с отрядом генерал-майора графа Петра Петровича фон дер Палена. Главнокомандующий, фельдмаршал граф Каменский вовсе не распорядился в эти достопамятные дни. Он был одержим какою-то умственной болезнью, совершенно упал духом, не соглашался сражаться с французами в таком отдалении от всех своих пособий и хотел отступить в Россию. Но видя настойчивость Беннигсена, Каменский разгневался, сказался больным, сдал Буксгевдену армию, 13 декабря, уехал в Остроленку и послал оттуда прошение к государю об увольнении его от службы[972]. К общему удивлению, Беннигсен не подчинился Буксгевдену и на-

чал действовать самостоятельно, с своим корпусом.

Против русских войск 13 и 14 декабря действовали с своими корпусами маршалы Ланн с генералом Сюшетом (под Пултуском), Даву, Мюрат и Ожеро (под Голымином и Лопачином).

Накануне Рождества, 24 декабря (1806 года), император получил в Петербурге донесение Беннигсена о победах и поражении неприятеля под Пултуском и Голымином. Быстро разнеслась по городу радостная весть и произвела самое благоприятное впечатление. Во всех церквях служили сперва благодарственный молебен, а потом панихиду по убитых воинах. Столица была иллюминирована. Вся Россия торжествовала эти победы. Беннигсен утвержден в звании главнокомандующего, а Буксгевден, поссорившись с ним, уехал в Ригу.

Победа точно была, но победа *нравственная*, а не *вещественная*, т. е. не материальная. Подробная реляция Беннигсена, напечатанная в прибавлении к «С.-Петербургским ведомостям» 15 января 1807 года, согласна была

с тогдашними обстоятельствами. В ней сказано было, что сам Наполеон предводительствовал войсками, между тем как он с гвардиею своею и резервною конницею успел только приблизиться к Голымину, но не был вовсе в сражении. В реляции объявлено было о совершенном поражении и бегстве неприятеля, а на поверку вышло, что ни русские, ни французы не бежали, но дрались отчаянно, с величайшим ожесточением, до последней крайности. Следствием этих кровопролитных битв было то, что в игре в банк называется *плеи*, т. е. *ничья взяла*. Но русские чрезвычайно много выиграли в мнении всей Европы, устояв перед войском, которое, так сказать, одним натиском ниспровергло всю силу Австрии и Пруссии. Удержав порыв аустерлицких победителей, оказав равное им мужество, ту же пылкость в боях и еще большую стойкость и военную субординацию, русские доказали целому миру, что Европа еще имеет надежных защитников своей независимости. Устоять противу войска, привыкшего со времени Маренго и Арколы к решительным победам[973], предводимого первыми полководцами Евро-

пы, которых имена сделались столь же славны, как имена героев Гомеровых, было более, нежели в другое время настоящая победа. И то надобно сказать, что Беннигсен имел отличнейших помощников. Не говоря уже о прославившихся прежде генералах, как, например, Багратион[974], новые имена озарились блеском. В этих важных сражениях впервые стали обрисовываться военные характеры наших полководцев, впоследствии знаменитых: Барклай-де-Толли, командовавшего авангардом в чине генерал-майора; славного атамана донцов Матвея Ивановича Платова; князя Дмитрия Владимировича Голицына (тогда уже генерал-лейтенанта), начальствовавшего отдельно под Голымином; графа Остермана, генерал-лейтенанта Сакена, генерал-майора графа Н. М. Каменского, генерал-майора Багговута, генерал-лейтенанта Тучкова[975], генерал-майора Дорохова, который делал чудеса с своим Изюмским гусарским полком; принца Евгения Виртембергского, графа Ламберта (шефа доблестного Александрийского гусарского полка), Штейнгеля, генерал-квартирмейстера действующей

армии; генерал-майора графа Петра Петровича фон дер Палена, шефа прославленного им Сумского гусарского полка; генерал-майора князя Щербатова, шефа храброго Костромского мушкетерского полка, генерал-лейтенанта Дохтурова. С любовью повторяли во всей России имена отличившихся чудными примерами мужества: генерал-майора Кожина, командовавшего Лейб-кирасирским его императорского величества полком, конной артиллерии полковника Алексея Петровича Ермолова (впоследствии генерал от артиллерии), князя Долгорукова 5-го, командовавшего Черниговским мушкетерским полком, генерал-майора Чаплица, флигель-адъютанта князя Долгорукова, командовавшего Курляндским драгунским полком[976], шефа Тенгинского мушкетерского полка полковника Ершова, 11♦го Егерского полка полковника Давыдовского[977], Конно-польского полка полковника Жигулина, шефа 4♦го Егерского полка полковника Фролова[978], шефа Конно-татарского полка подполковника Кнорринга [979], командира того же полка подполковника Улана 4-го, 24♦го Егерского полка полков-

ника Властова, Сумского гусарского полка полковника барона Крейца и майора Потапова (ныне генералов от кавалерии), полковника Дука и других, которых теперь не припомню, составивших себе впоследствии блистательную военную репутацию. На театр войны обращено было внимание, как я уже сказал, не только России, но и всей Европы, и каждое отличие громко раздавалось во всех ее концах. От одной России Европа ожидала спасения и усвоивала себе ее богатырей. А как мы завидовали счастью гвардейских офицеров, которые уже находились при армии и отличились храбростью в боях! В донесениях Беннигсена и князя Д. В. Голицына показаны особенно отличившимися флигель-адъютанты: полковники Уваров, князь Долгоруков, князь Трубецкой, ротмистр князь Голицын, лейб-гвардии Преображенского полка поручик Нарышкин[980], лейб-гусарского полка поручик граф Салтыков, Кавалергардского полка ротмистр Левашев[981] и корнет князь Волконский[982]. Их отличие, казалось, падало на всю гвардию и еще сильнее воспламеняло нас к битвам.

После Пултуска и Голымина вся французская армия пришла в движение. В Варшаве Наполеон приказал формировать польское войско, учредив временное правление нового государства, тогда еще безымянного, а после Тильзитского мира получившего название герцогства Варшавского[983]. Польские легионы, находившиеся во французской службе со времени последнего разделения Польши, дали опытных офицеров и унтер-офицеров, и новое войско быстро устраивалось, а через месяц уже сильный отряд нового польского войска поступил в корпус Бернадота. Эта была важная и неожиданная помощь, независимо от всех других выгод в покоренной стране! Обеспеченный в Польше приверженностью жителей, которые везде брались за оружие, отнимали у пруссаков их магазины и изгоняли слабые прусские отряды, Наполеон мог двинуть большее число войск вперед и действовать безопасно, как дома. Но сражения под Насильском, Пултуском и Голымином доказали Наполеону, что русскую армию не так легко истребить, как он предполагал, и он с величайшими усилиями начал приготов-

ляться к весенней кампании. Из Франции шли непрерывно к армии вспомоществования в людях, артиллерии и боевых снарядах, и на операционной линии устраивались огромные магазины и госпитали. Беннигсен, между тем, отступил с армией к Кенигсбергу [984], чтоб прикрыть все свои запасы и заняться также устройством войска, претерпевшего много в зимнюю, или правильнее *ненастную* кампанию.

Находясь в своей главной квартире, в Варшаве, и не доверяя бездействию Беннигсена, Наполеон приказал укрепить берега Вислы, от Праги до Торна, чтоб обеспечить зимние квартиры своей армии от внезапного нападения русских, и сосредоточил французскую армию между верхнею Вислой и Бугом, протянув левый фланг до самого Эльбинга. Все действия армии своей Наполеон ограничил блокадою Грауденца, Кольберга и Данцига [985] и поисками к стороне Кенигсберга, что и заставило короля прусского переехать с семейством своим из древней столицы Пруссии в Мемель [986], на русскую границу.

Генерал Беннигсен, получив подкрепление

из России (корпус генерала Эссена), вознамерился смелым движением нанести внезапный удар французам и, соединившись с прусскими отрядами под Кенигсбергом, пошел на левый фланг французов, состоявший из корпусов Нея и Бернадота. Этот левый фланг был слишком растянут и отдален от центра. Беннигсен хотел отрезать корпуса Нея и Бернадота, разбить каждый отдельно и потом освободить от блокады Данциг, Грауденец и Кольберг. План удивительно смелый и был бы назван гениальным, если б удался. Но Наполеон, узнав предварительно о движении русских, немедленно собрал все свое войско, быстро пошел в старую Пруссию, чрез Вилленбург, и послал к Бернадоту повеление маневрировать таким образом, чтоб заманить Беннигсена к нижней Висле, намереваясь с главными силами зайти в тыл русской армии, отрезать ее от сообщения с границею русскою и с оставшимися позади отрядами, и, разбив Беннигсена, пресечь ему ретираду и уничтожить совершенно русскую армию. Нападение на русских Наполеон намеревался произвести с флангов, с тыла и с фронта! Если

б Беннигсен продолжал свое движение к Данцигу, преследуя Бернадота, то гибель русской армии была бы неизбежна. Беннигсен был бы окружен и, так сказать, задавлен превосходящими силами. Но, по счастью, русские разъезды схватили французского курьера с письмом Наполеона к Бернадоту, и это спасло Беннигсена. Он немедленно переменяет свой план и двинулся в обратный путь, к Кенигсбергу. Но уже французская армия была в поле, и первая встреча с главными силами Наполеона произошла при Янкове[987], 22 января, где маршал Султ хотел удержать русских. Суворовский любимец, неустрашимый князь Багратион предводительствовал аррьергардом и, сражаясь на каждом шагу, не только уничтожал все покушения французов, но сам не давал покоя их авангарду, тревожа его непрерывно нападениями. 23 и 24 января было сильное аррьергардное дело у Ландсберга[988], а 26-го Беннигсен остановился в Прейсиш-Эйлау. Здесь он атакован был всеми силами Наполеона, под личным его предводительством. То было первое сражение с русскими, в эту кампанию, в котором Наполеон сам ко-

мандовал. Погода была ненастная, мокрый и густой снег шел почти двое суток сряду, земля не замерзала, и воины сражались по колени в грязи и в снегу. Особенно тяжело было артиллерии и коннице. Два дня сряду, 26 и 27 января, Наполеон употреблял все свои усилия, чтоб разбить русских, но не мог. Дрались с обеих сторон с величайшим мужеством и ожесточением, и сражение кончилось в сумерки 27 числа, без решительных последствий. Обе армии, утомленные и истощенные невероятными усилиями, разошлись на зимние квартиры. Наполеон был в отчаянье! Он вывел в поле все свое войско, в самое неблагоприятное время года, в полной надежде разбить и рассеять русскую армию – и возвратился в свою главную квартиру если не побежденный, то униженный чудным сопротивлением русских[989], лишившись притом до 16 000 убитыми, ранеными, пленными и почти столько же заболевшими и множества военных запасов и лошадей. Все это почти равнялось поражению и произвело весьма сильное впечатление в Европе, благоприятное для России, пагубное для Наполеона[990].

Прейсиш-Эйлауское сражение еще более удивило Европу, нежели Пултуское и Голыминское сражения. Ожившая надежда утвердилась в сердцах покоренных народов, и с этого времени император Александр уже был благословляем. Русских чтили как героев. Пруссаки под начальством генерала Лестока также отлично дрались под Прейсиш-Эйлау. Они доказали, что в них не угасло мужество их предков и что гибель их армии под Йеной и Ауэрштедтом произошла от недостатка военных соображений их генералов, а не от недостатка храбрости в народе[991].

Прейсиш-Эйлауское сражение праздновали в России, как самую блистательную победу, и в память его учрежден особый знак отличия – золотой крест на Георгиевской ленте, которым украшены были отличившиеся офицеры: он прибавлял им три года службы. 13 февраля 1807 года учрежден солдатский Георгиевский крест[992], и вскоре за сим обнаружено высочайшее повеление, чтоб вдовам и детям воинов всех чинов, падших на поле брани, производить жалованье их мужей и отцов. И офицеры и солдаты вполне заслужи-

ли эти царские милости.

Французская армия не преследовала русских при обратном движении Беннигсена к Кенигсбергу, и только Мюрат шел с своим корпусом за русским арьергардом более для того, чтоб знать направление, принятое неприятелем. Наполеон расположил все свое войско на зимних квартирах, примыкая левым флангом к заливу Фришгафу, занимая фронтом линию по течению Пассарги[993], прикрывая центром Остероде[994] и упираясь правым флангом в позицию между реками Алле и Пассаргой. Главная квартира Наполеона была сперва в Варшаве, потом в Остероде и Финкенштейне[995], а Беннигсена – прежде в Кенигсберге, а после в Бартенштейне[996] (со 2 марта 1807 года).

Обе армии имели крайнюю нужду в отдыхе после изнурительной кампании, которую даже нельзя назвать зимнею, потому что с обеих сторон более страдали от грязи, сырости и голода, нежели от мороза. В это время Наполеон произнес знаменитые слова, характеризующие климат Польши: «В Польше есть пятая стихия – *грязь!*» Солдаты обеих армий

были оборваны и крайне нуждались в обуви; обе армии лишились множества лошадей и обозов, завязших в этой *пятой стихии*. Наполеону легче было одеть и обуть свою армию и укомплектовать артиллерию лошадьми в завоеванной стране, в которой брали непомерные контрибуции, деньгами и натурою. В польских провинциях, занимаемых французами, в течение шести недель устроилось тридцатитысячное войско (из пехоты, кавалерии, конной и пешей артиллерии) и образовалось две дивизии под начальством опытных и искусных генералов Зайончека и Домбровского. Реки, каналы и все дороги в Польше и Пруссии покрыты были транспортами, подвозившими беспрерывно французской армии съестные и боевые припасы, материалы для одежды и обуви. Из Пруссии выжимали последние жизненные силы, чтоб укрепить французское войско. В прусских крепостях, сдавшихся французам уже после сражений при Иене и Ауэрштедте, в Бреславле, в Глогау, в Бриге, Швейднице[997], найдены огромные запасы огнестрельных снарядов, мелкого оружия и пороховые магазины. Сильные отряды

шли к армии из Франции на подводах. Одним словом, Наполеон имел все преимущества пред Беннигсеном, однако ж не доверял его спокойствию и к прежним укреплениям на Висле прибавил новые, опасаясь внезапного нападения русских. Наполеон, как я уже сказал, высоко ценил русскую храбрость и при Аустерлице, а Прейсиш-Эйлауское сражение еще более возвысило русского солдата в его глазах. Беспристрастный историк Наполеона, избранный им в заточении, на острове Св. Елены, Биньон, говорит (см. «Hist[oire] de France», chap. LXVV, page 638): «Les Russes, pour la guerre, sont des Spartiates», т. е. «Русские на войне спартанцы!» Это сказано по случаю зимней кампании 1806 года.

К русской армии также шла помощь из России, и в Кенигсберге устроены были огромные магазины. Главные силы Беннигсена сосредоточены были между Бартенштейном и Гейльсбергом[998], и у последнего города, по обеим сторонам реки Алле, устроен был укрепленный лагерь. Правое крыло под начальством графа Толстого (Петра Александровича) находилось между Лауеном и Зигбур-

гом; на левом фланге корпус войск содержал непрерывное сообщение между главною армиею и корпусом Эссена, расположенным к самой Висле, в окрестностях Остроленки, а весь фронт обеспечивал атаман Платов с своими казаками. На пространстве, разделяющем обе армии, происходили часто стычки между летучими отрядами, разъездами и фуражирами; но от Прейсиш-Эйлауского сражения до начатия весенних военных действий были только два серьезные дела, в которых русские, в соединении с пруссаками, действовали наступательно, а именно при нападении генерала Лестока на Эльбинг для открытия сообщений с осажденным Данцигом и при движении генерала Эссена к Остроленке для пресечения сообщения передовых корпусов французской армии с Варшавою. Наполеон довольствовался отражением нападений, а Беннигсен ждал только прибытия свежих войск и государя императора в главную квартиру, чтоб всеми своими силами начать наступательные действия.

Нельзя довольно надивиться смелости Беннигсена, который во всю эту кампанию

действовал наступательно против сильнейшего неприятеля и не боялся военной репутации Наполеона и его маршалов! Правда, что Наполеон был сильнее Беннигсена не только числом войска, но и пособиями в покоренной стране, однако ж политическое положение Наполеона было таково, что ему надлежало действовать чрезвычайно осторожно. После Пултуска и Прейсиш-Эйлау Наполеон убедился, что вся власть и все его могущество в Европе зависят единственно от побед, а не от каких-либо взаимных народных выгод или трактатов и что при первой жестокой неудаче все покоренные им народы восстанут против его владычества. Мужественное сопротивление русских, равняющееся самым блистательным победам, возвысило дух немцев, и они в порыве благородного негодования и народной гордости принялись за оружие. В Силезии около 8000 человек, из поселян, граждан и бежавших из плена пруссаков, собрались по призыву принца Ангальт-Плесского. Вооруженные партии напали на слабые французские отряды, отбивали магазины и транспорты в окрестностях Кольберга под на-

чалством прусского поручика Шия, снискавшего себе впоследствии блистательную славу и честную смерть за отечество. В Гессенском курфиршестве и в Вестфалии вооруженные толпы под начальством офицеров распущенного гессенского войска привлекали крестьян тысячами к восстанию и тем уже наносили вред французской армии, что надлежало отделить сильные корпуса для их усмирения. На Австрию Наполеону нельзя было надеяться. В этом положении он предложил Пруссии мир, предоставляя составить конгресс в Мемеле. Но император Александр твердо решился силою оружия заставить Наполеона отречься от притязаний на диктаторство в Европе и, не успев склонить Австрию к принятию участия в великом подвиге, вознамерился действовать собственными силами, в союзе с богатою деньгами Англиею и с бесильною в то время Пруссиею. Удивительные величие духа и твердость воли!

Пишу я не военную историю, следовательно, не обязан описывать подробности сражений, в которых я не участвовал, но все же должен был представить краткий очерк собы-

тий, занимавших тогда весь мир. Товарищи наши, бывшие в Прейсиш-Эйлауском сражении, рассказывали нам чудеса! Тридцать четыре часа сряду (с трех часов пополудни, 26 числа, до двенадцати часов ночи на другой день) продолжалась непрерывно стрельба из пушек и из ружей, в самую ужасную погоду! Снег падал хлопьями на распутившуюся землю; грязь была по колени. Раненые вязли в этой смеси грязи с снегом и умирали от холода. Конница едва могла на рысях ходить в атаку. Орудия погружались по оси в землю, и упряжные лошади издыхали от изнеможения в жару действия. Без огней, без пищи воины должны были проводить по несколько часов жалкого отдыха после кровопролитной резни холодным оружием и утомленные снова шли в бой. Прейсиш-Эйлауский крест – это истинный монумент русской славы! [999]

Между тем, пока армия наша отдыхала и оправлялась в Восточной Пруссии, гвардейский корпус, часть милиции, все армейские отряды, шедшие из глубины России, и даже выбранные гарнизонные батальоны спешили на подкрепление Беннигсена. Я уже

сказал, что его императорское высочество великий князь цесаревич Константин Павлович шел с нашим полком, всегда подавая собою первый пример усердия и исправности в службе. В походе полк наш мог служить образцом порядка для всех европейских армий. Мы шли в дальний путь как на парад из Стрельны в Петербург. При полку, кроме казенного обоза, определенного воинским уставом, не было никаких повозок и экипажей. Экипажи великого князя цесаревича следовали впереди, на расстоянии одного перехода. Каждый обер-офицер должен был иметь три лошади. На одной ехал он при полку; другую, заводную[1000], оседланную, под форменною попоной, вел денщик, сидя на вьючной лошади. Вьюки были форменные: две кожаные круглые большие баклаги, по обеим сторонам седла, вместо кубур; за седлом был большой кожаный чемодан и парусинные саквы[1001]. Седло у денщика было старого немецкого покроя. На заводную лошадь под форменную попону можно было положить ковер и кожаную подушку, теплый халат и т. п. Денщики также были одеты по форме: в синий однобортный

мундир с фалдами, с синими суконными пуговицами и красным воротником, в рейтузах серого сукна и в треугольной шляпе, без галуна у обер-офицеров и с галуном у штаб-офицеров. Денщик, кроме того, имел за спиною пехотный ранец, с манеркой[1002], и сверху ранца жестянку с офицерским султаном. Кто из офицеров имел шубу, тот вез ее на заводной лошади, но перед фронтом все были в шинелях на вате, без мехового воротника. На меховые воротники и шубы не было тогда ни формы, ни моды. Офицерам позволено было в походе надевать сверх мундира шпенцер на меху, т. е. тот же мундир с шитьем, только просторнее и без фалд. Шпенцер пристегивался на двух пуговицах мундира, на лифе. В походе мы были в серых рейтузах, обшитых кожей, с синими лампасами. У солдат рейтузы застегивались пуговицами, сверху донизу. Галош тогда и в помине не было! Если б военный человек надел *кенъги*[1003] или что-либо подобное, его осмеяли бы! Нам позволено было обвертывать стремяна сукном или окрайкой[1004], чтоб уменьшить действие холода на железо. Тогдашние наушники наши были

узкие и прикрывали только уши; уланскую шапку мы носили тогда, по форме, набекрень, к правой стороне, и почти вся голова была обнажена. Морозы в феврале доходили иногда до пятнадцати градусов: тогда мы надевали шинели в рукава, подпоясывались портупеей и шарфом и поверху надевали лядунку. В хорошую погоду, в пять градусов и до семи, мы были в шпенцерах и даже в мундирах, а солдаты накидывали шинели наопашь[1005]. Великий князь цесаревич редко надевал шинель; он был почти всегда в шпенцере и ехал перед первыми рядами, за трубачами. Чтоб согреться, полк спешивался по нескольку раз на переходе. Песенники распевали песни [1006], трубачи играли легкие военные пьесы, и мы шли бодро и весело. На привале штаб-офицеры и некоторые обер-офицеры приглашаемы были его высочеством к завтраку. В холодную погоду солдатам давали по чарке вина. Во весь поход его высочество был чрезвычайно весел и снисходителен к нам, разговорчив и обходился с нами, как с своими домашними. Мы так привыкли к нему, что несколько не женировались[1007] в его присут-

ствии и даже не прерывали самых пустячных разговоров, когда он подходил к толпе. Ему это нравилось: он знал, что мы его любим.

Мы шли поспешно. Переходы были велики, от 25 до 35 верст в день, и дневка была чрез трое суток. Кто бывал в походах, тот знает, что дурная квартира хуже бивака. Мы останавливались на квартирах в крестьянских избах, а всем известно, в каких домах живут крестьяне Петербургской губернии. В сорок лет в этом отношении ничто не улучшилось! В избе тесно, душно, дымно и грязно. Стены покрыты насекомыми! Ужели мы никогда не дождемся того, чтоб крестьяне в северной полосе России жили в хороших, чистых, уютных домах, как в Новой Финляндии [1008] и в Малороссии? Вот уж к этому следовало бы их понудить! Императорское Вольное экономическое общество [1009] за несколько лет пред сим предложило задачу: «исследовать причины смертности детей в России в простом народе». Один взгляд на крестьянскую жизнь в северной полосе России решает эту задачу! Крестьянские дети в мороз и слякоть бегают в одних рубашонках

или в лохмотьях, босые, по двору и по улице, простужаются и впадают в смертельные недуги. Какой присмотр за ними во время болезни? Не только нет лекарства и свойственной больному пищи – нет даже помещения: больные ребятишки валяются на печи или на скамье! Одно лекарство – баня, которая иногда бывает пагубна, если употреблена не в пору и некстати. Из этого образа жизни выродился смертельный круп в окрестностях Вильны, в 1810 году, и созрела злокачественная скарлатина! От этих самых причин между крестьянами так часто свирепствуют тифозные горячки, изнурительные лихорадки и кровавые поносы. Расспросите крестьян, и вы узнаете, что из десяти человек детей едва вырастает один, много двое или трое. Предрассудки увеличивают зло. Крестьянин боится медика и лекарства хуже, чем болезни, и верит шарлатанам-знахарям. Странно, что и между так называемым образованным сословием есть множество людей, неприязненных медицине и верящих, что при таком небрежном воспитании детей русский крестьянин *закаливается*, т. е. делается крепким и силь-

ным. Не так! Возьмите дело наоборот. Дитя чрезвычайно сильное переносит эту звериную жизнь, а слабое, которое бы с годами укрепилось, погибает. Железной природы нет в человеке, как мы привыкли говорить, и силы укрепляются постепенно, с годами, начиная от семилетнего возраста. До тех пор дитя – цветок. Исключения из правила – только исключения. Самая нечистота убийственна! В этих крестьянских избах я впервые принялся курить табак по совету полкового штаб-лекаря и моего искреннего приятеля Малиновского, чтобы избавиться от зловония и предохранить себя от цинги и даже от лихорадки. А отчего мы видим теперь такое множество курильщиков между молодыми людьми, даже между школьниками, которые не знали и не знают никакой нужды? Разорительная, вредная мода и обезьянство!

Странная и смешная весть распространилась между крестьянами Петербургской губернии, за Чирковицами[1010], а именно будто уланы *едят детей!!!* Крестьяне почитали нас каким-то *особенным народом*, чем-то вроде башкиров, калмыков или киргизов[1011], в

чем их удостоверять невиданный ими до того наш наряд и плохое русское произношение большей части наших улан, из малороссиян и поляков. Не знаю, кто распространил между крестьянами эту нелепую весть, но почти во всех домах от нас прятали детей, и когда я спрашивал у хозяев, есть ли у них дети, они приходили в ужас. Бабы бросались в ноги и умоляли умиловаться, предлагая вместо ребенка поросенка или теленка! С трудом приходилось нам разуверять простодушных крестьян, особенно баб, что мы не людоеды! Но недоразумение было непродолжительным. Через несколько часов водворялись между нами, как говорят крестьяне, *лады*, т. е. мир и согласие, и наши молодцы-улань весьма скоро приобретали сильных защитниц между крестьянками и приятелей между их мужьями и братьями.

За Нарвой, где начинается эстонское народонаселение, т. е. в стране, населенной чухнами, положение наше сделалось еще несноснее. Чухны, как известно, живут не в домах, а в ригах[1012]. В том отделении, где топится печь, для сушки хлеба, живет зимою семья, а

на гумне, где хлеб молотят, помещается домашний скот, от коровы до животного, презираемого евреями и мусульманами[1013]. Трубы нет, окно в ладонь величиною! Густой дым наполняет жилье, и, чтоб избавиться от него, надобно садиться на пол, между грязными ребятишками, поросятами и телятами. Последних чухны берегут едва ли не более, чем своих детей! Народа везде бездна, потому что в одной риге живут три поколения одного семейства, от прадеда до правнуков, с работниками и работницами. Смрад нестерпимый и на немощем полу грязь, как на дворе. У русских мужиков наши уланы имели, по крайней мере, хорошую пищу, русские щи и кашу, а чухонской пудры самый голодный не решался есть. Знаете ли, что такое пудра? В большой чугунный котел вливается до половины вода, и, когда она закипит, кладут туда репу или брюкву, картофель и морковь, всыпают известное количество ржаной муки и, как скоро овощи разварятся совершенно, болтают все это деревянною мешалкой до тех пор, пока из всего этого не сделается жидкая каша. Тогда подбавляют пресного молока,

всыпают соль, снова болтают и снимают с огня. Вся семья садится на пол вокруг котла и хлебает пудру ложками. Это – вседневная пища чухон, круглый год и во всю жизнь! Лакомство чухон составляют хлеб (большею частью с мякиною), кислое молоко и селедка. За табак, водку и селедку чухонец готов на все решиться! Это его блаженство! Только в свином соленом мясе чухонец находит некоторый вкус, но всякого другого мяса, особенно свежего, он не любит и называет его *пресным* [1014].

Нет сомнения, что положение чухон с тех пор чрезвычайно улучшилось, и теперь есть между ними даже люди зажиточные; но образ жизни их не переменился. Достаточный эстонец теперь лучше одевается, выезжает со двора, в церковь или в город, не в лаптях и не в бастелях[1015], а в русских сапогах, в хорошем кафтане или тулупе, имеет несколько лошадей, кованую телегу, хороший скот, ест лучший хлеб и употребляет чаще сельди, но живет все по-прежнему, в дымной и смрадной риге, и не может обойтись без своей пудры. Сколько ни было попыток, чтоб заставить

чухон жить в светлых домах с трубами и окнами, – все напрасно! Граф Шереметев выстроил на свой счет чистые и светлые дома для крестьян (в имение Газелау, близ Дерпта [1016]), но крестьяне только на лето переходят в эти дома, а зимою живут в своих ригах, утверждая, что в дыме и вместе со скотом жить *здоровее*!! Дело противоречит, однако ж, этому мнению. Смертность между детьми чухон ужасная, и народонаселение в Эстляндии, в эстляндских округах Лифляндской губернии и в Старой Финляндии [1017] подвигается вперед чрезвычайно медленно. Между пожилыми людьми множество слепых. Хуже не живут ни камчадалы, ни лапландцы, ни эскимосы, – и это среди немецкой образованности!

Редкий молодой человек при вступлении в свет не ощущал влечения к странствованиям. С каким любопытством рассматривается тогда каждый новый предмет, как хочется все знать, все видеть, все исследовать! У меня изгладились из памяти города, виденные мною в детстве, до определения моего в Кадетский корпус, и я, так сказать, сросся с Петербургом. Хотя и малолетние кадеты учатся географии,

но в кадетском разговорном языке принято было, что каждая река называется *Невою* и каждое дерево *березою*. «Из какого ты города? – спрашивал, бывало, один кадет у другого. – «Из Ярославля». – «А есть у вас *Нева?*» – «Есть, и большая: река Волга!» Мы всё измеряли Петербургом. Ямбург[1018], первый город на пути, не удивил меня своею ничтожностью. Он был и есть то же, что Петербургская сторона или Пески. Нарва, мало изменившаяся со времен Петра Великого, восхитила нас видом старины и иноземщины. Любимая моя наука, история, представила воображению моему множество картин, и я написал из Нарвы к Лантингу предлинное письмо, на нескольких листах, в котором вывел на сцену и датского короля Вольдемара[1019], и наших Ивана Васильевича Грозного и Петра Великого, украсив все моими юношескими мечтами [1020]. В городе, однако ж, было скучно, и мы, отдохнув сутки, пошли далее и наконец прибыли в Дерпт.

Теперь Дерпт – прекрасный, чистый, благоустроенный город; в нем около 13 000 жителей, университет, который посещают до 600

студентов, гимназия и другие казенные и частные учебные заведения, и в них до 1 000 человек учеников. Теперь в Дерпте лавки великолепные и богатые, в которых достанете все, что продается в Петербурге, Москве и Риге. А что был Дерпт *тогда!* На большой площади были каменные дома, но весь город состоял из нескольких улиц, застроенных деревянными домиками, и вмещал в себе не более 2 500 человек жителей! В новоустроенном университете было не более полтора ста студентов, а во всех других учебных заведениях, верно, не более трехсот учеников. Студентская форменная одежда удивила нас! Студенты носили тогда колеты[1021] кирасирского покроя, длинные ботфорты со шпорами, рыцарские шишаки и огромные палашища. Когда два студента шли по пустым улицам Дерпта, звук шпор и палашей раздавался в комнатах. В этом геройском костюме студенты ходили даже на лекции. Городские жители были вообще бедны. Гостиного двора тогда вовсе не было, лавок было не много, но жизнь в Дерпте была гораздо приятнее и веселее нынешнего.

Лифляндское дворянство, просвещенное и достаточное, не любит жить в своем богатом и торговом губернском городе, Риге, потому что не хочет совместничать в роскоши с рижским купечеством. Значение и важность дворянина состоят в его родовых преимуществах, заслугах, фамильных связях, а значение купца – в деньгах. К деньгам, т. е. к мамону, привязываются обыкновенно, как моль к шерстяным изделиям, тщеславие, высокомерие и гордость. А как выказать их? Роскошью и ложною щедростью. Весьма часто скрепя сердце купец бросает тысячи только для того, чтоб об нем говорили! Лифляндский дворянин живет чисто, порядочно, чрезвычайно скромно и более нежели умеренно. Званный гость угощается прилично, по всем правилам аристократического этикета, но угощается без излишества. У купца, напротив, званный обед или бал – синонимы излишества, совершенно одно и то же. Где у дворянина издерживается полдюжины бутылок вина, там у купца выходит целый ящик. Рига вообще город гастрономический, как Гамбург, с тою разницей, что в Гамбурге можно лакомиться

в трактирах, а в Риге в трактирах голод и роскошь в купеческих домах. Рижские купцы по большей части (почти все) комиссионеры и производят огромные обороты на чужой счет, ничего не рискуя; деньги им приходятся (или, правильнее, приходились) легко, без всякого риска, и они издерживают их весело на гастрономию и волокитство или покупаемую любовь. Лифляндскому дворянству трудно с ними соперничать, и потому дворянство избрало Дерпт для своего зимнего местопребывания. В это время жил в Дерпте патриарх лифляндского гостеприимства барон Левенштерн[1022], в прекрасном своем доме, на большой площади, возле ратуши. Высокая немецкая честность и прямодушие, французская любезность и русское гостеприимство были соединены в семействе Левенштерна. Здесь жил тогда известный умом и любезностью, француз родом и баварец по натурализации, граф де Бре, женившийся потом на дочери барона Левенштерна[1023] и бывший долгое время баварским посланником при российском дворе. Граф Бре выехал из Баварии, избегая мщениа Наполеона, против ко-

того он что-то написал. Граф Бре был человек высокого образования и обладал тем редким даром, которым славились французы XVIII века, – даром вести и поддерживать беседу. В доме Левенштерна ежедневно собирались, на вечер, все его знакомые, в том числе и ученые. Званые балы и танцевальные вечера бывали у него довольно часто. Время проводили чрезвычайно весело. Старик, отец этого почтенного семейства, уже в могиле. Переселившись из Дерпта и приезжая только по делам, он всегда навещал меня в Карлове, так же как и почтенный сын его[1024]. Теперь я потерял из вида это благородное семейство и знаю только, что достойный сын барона, камергер, находившийся при цесаревиче в Варшаве, продав поместья свои в Дерптском округе, проживает теперь в очаровательном имении своем Кокенгузене, на Двине, близ Риги. Кроме Левенштерна, в Дерпте проживало еще несколько почтенных семейств, у которых собиралось общество, по тону, просвещению, любви к изящному не уступавшее высшему обществу любой столицы. Семейство Криднера (у сына которого я купил Кар-

лово[1025]) было музыкальное по превосходству. Четыре сына старика Карла Криднера (прозванного Carl der Kluge, т. е. Карл Мудрый) были отличные музыканты[1026]. Все любители музыки собирались в Карлове, где бывали концерты, в прекрасной огромной зале, и ныне существующей. Не только из всей Лифляндии, но и из Эстляндии приезжали в Дерпт дворяне с семействами провести время в приятном и просвещенном обществе, — и офицеры гвардии, из остзейцев, ездили туда почти ежегодно для свидания с родными и милыми кузинами. Во время ярмарки, продолжавшейся целый январь месяц, каждый день был бал и где-нибудь обед, и в эту пору разменивались здесь во множестве обручальными кольцами. Покойный граф де Бре, с которым я познакомился в Петербурге, с восторгом рассказывал мне о тогдашней дерптской жизни, что подтверждали и все знавшие Дерпт в то время. Все это теперь упало! Дворянство разделилось на партии; собрания в домах бывают редко; провинциальный дух, называемый здесь неправильно патриотизмом, занял все умы. На дворян не матрикули-

рованных (т. е. не вписанных в дворянскую книгу остзейских губерний) смотрят как на зачумленных; с учеными не водятся, — и в Дерпте водворилась скука, хотя едва ли более где есть материалов к веселой, беззаботной жизни, как здесь, потому что здесь есть и просвещение, и образованность с хорошими качествами души. Во время постоянного моего пребывания в Карлове (от 1832 до 1837 г.) снова завелись в Дерпте общежитие, веселость в обществах и гостеприимство, смело могу сказать, что и я несколько содействовал к оживлению усыпленного духа общежития. Теперь опять в Дерпте холодно, как в могиле! Вообще, в немецком обществе должен быть будильник, француз или славянин с горячей кровью, а не то немцы скоро задремлют.

При таком расположении общества, какое было тогда в Дерпте, разумеется, что дворянство обрадовалось прибытию великого князя цесаревича с любимым его Уланским полком. Полк имел дневку в Дерпте, и дворянство от имени города и провинции устроило бал, блистательный в полном значении слова, на который все наши офицеры должны были

явиться, по желанию его высочества. Откуда собралось на этот бал такое множество красавиц? И теперь есть в Лифляндии прекрасные женщины, но такого их множества вместе я никогда не видывал в остзейских провинциях, хотя бывал на многолюдных и великолепных балах. Говорят, что предположено было дать бал при первом известии о выступлении в поход гвардии и что распорядители бала нарочно пригласили из Риги, Ревеля и из поместьев всех красавиц. Царицами бала были две сестры фон Лилиенфельд, настоящие сильфиды[1027], стройные, белокурые, воздушные, с прелестным очерком лица и алмазными глазами[1028]. Его высочество оказывал двум сестрам особенное предпочтение и сам несколько раз танцевал с ними. Известно, что немки страстно любят танцы, и нам дан был приказ (разумеется, в шутку) замучить немочками танцами. Усердно исполнили мы приказание и танцевали в буквальном смысле *до упада* и *до первого обморока*. Прелестные немочки были в восторге! После роскошного ужина, в три часа утра, с сильным возлиянием в честь древних божеств Бахуса и Афродиты[1029],

началась мазурка, кончившаяся в семь часов утра. Мы велели нашим уланам отнять у лавкеев теплое платье гостей и отправить экипажи домой – и волею-неволею почти все должны были оставаться на бале. «Was ist da zu machen; man muss bleiben!»[1030] – говорили немцы и немочки, и дело шло своим чередом. В восемь часов раздался под окнами клуба, где был бал, трубный звук, означающий: *садись на конь!* Эскадроны уже собрались под начальством дежурных офицеров и некоторых старых ротмистров; наши ординарцы подвели нам лошадей, и мы прямо из мазурки: *на конь*, повзводно направо заезжай и шагом вперед – марш! Пройдя через город парадным маршем, за заставою мы пошли по три справа, и едва прошли версты три или четыре, как увидели за собою погоню: десятка два саней, возков и кибиток. Любезные наши хозяева и, разумеется, милые хозяйюшки бала вздумали провожать нас. Песельники вперед – пой веселую! А мы начали гарцевать на конях вокруг экипажей и на прощанье меняться ласковыми словами и нежными взглядами с милыми нашими танцорками. На ком-

плименты и фразы мы не скупилась. Пробалагурив таким образом на расстоянии нескольких верст, мы наконец распростились с нашими новыми знакомцами и знакомками; они воротились в город, а мы пошли своим путем.

Итак, Дерпт в первое мое с ним знакомство произвел во мне самое приятное впечатление. Не думал я и не гадал тогда, что по прошествии двадцати двух лет буду лифляндским помещиком и почти жителем Дерпта! И теперь еще здравствуют в Дерпте некоторые свидетели этого приема, сделанного его высочеству и его полку, и до сих пор живут две царицы тогдашнего бала, две сестры, девицы фон Лилиенфельд. Не раз припоминал я им об этом бале, и невольный вздох вылетал у нас из груди о прошедшем времени!

За две станции от Дерпта начинается Латышина, страна, обитаемая латышским племенем, Lethland. Латыши во сто крат смышленнее, образованнее и общежительнее чухон и, что весьма замечательно, никогда с ними не роднятся посредством браков. Латышский язык, отрасль древнего литовского[1031], мяг-

че и благозвучнее чухонского. Латыши народ красивый, и женский пол их прелестный: есть между латышками истинные красавицы! Латыши живут в домах с окнами и печами довольно чисто и одеваются опрятно, особенно женщины. Пища у них хотя убогая, но порядочная. Здесь мы несколько отдохнули, хотя при квартирновании было всегда одно и то же неудобство, потому что и латыши, и чухны живут не деревнями, а в отдельных домах, каждый возле своего поля. Почти при всех мызах в то время были *квартирные дома* (Quartierhäuser), нарочно построенные для офицерского постоя; но нам приказано было находиться при своих взводах, и мы тогда только квартировали все вместе, в квартирном доме, когда эскадрон не был рассыпан. Некоторые помещики приглашали офицеров к обеду, на мызу, но это составляло исключение из общего правила. Мы обыкновенно покупали провизию на мызе или у мужиков и варили на квартире. Не то что в России и в Польше, где рады случаю угостить офицера!

В Риге также дан был для его высочества и

его полка бал, даже великолепнее дерптского, но не столь веселый и бесцеремонный. Рига имеет уже все притязания большого города: тут все власти и все чиновничество, следовательно, и этикет. Танцевали мы, но уже не до *упада* и не до *первого обморока*, и после ужина, в три часа утра, разъехались по домам, т. е. по квартирам.

Из похода я писал длинные письма к Лантингу, передавая в них мои мысли и ощущения. Хорошо помню, что Рига мне тогда не понравилась, хотя виновата в этом была не Рига, а мое юношеское романтическое воображение. Узкие улицы, дома старинной архитектуры, готические церкви восхищали меня, и я воображал, что перенесся в Средние веки, искал везде рыцарей, – и встречал на каждом шагу лавки с немецкими и еврейскими надписями на вывесках, озабоченных купцов и толпы польских жидов. Особенно *менялы* произвели на меня неприятное впечатление... Возле церквей, на площадях, у знаменитого плавучего моста на Двине стояли ряды столиков с различной монетою, а за столами сидели жиды, жидовки, русские безбородые

староверы и разный сброд и криком и визгом приглашали менять русские деньги на иностранные. Здесь мы разменяли свои ассигнации на прусские талеры, гульдены и *дидки*, которые теперь уже не существуют. Прусская серебряная монета в то время вообще содержала в себе много меди, а *дидки* – это были маленькие (с ноготь мизинца) медные посеребренные деньги. Рига завалена была английскими товарами, и хотя с нас брали вдвое в лавках, но все же все мануфактурные изделия были чрезвычайно дешевы. Денег было много в городе и в провинции, потому что все произведения земли при превосходном урожае по случаю войны были чрезвычайно дороги и покупались на наличные деньги, а из Литвы требовалось множество товаров. 1806 и 1807 годы были самые счастливые в течение целого столетия для остзейских и литовских помещиков и купцов. С тех пор не было там никогда такого изобилия, таких требований на товары, таких цен и столько наличных денег. Например, бочка хлебного вина продавалась от 60 до 75 рублей ассигнац[иями], а ныне продается по 20 рубл. ас-

сигн[ациями] и менее. Разврат в Риге был тогда в высочайшей степени! Помня хорошо прочитанное мною сочинение Бартеlemi «Путешествие Анахарсиса по Греции и Азии, с присовокуплением известий о Египте»[1032], я сравнивал Ригу в письме моем к Лантингу с Вавилоном! Здесь зимовало множество английских кораблей, а известно, как живут на берегу английские моряки. На рижских форштадтах[1033] был настоящий Содом[1034]! День и ночь раздавались звуки музыки, песни, крик и шум. Вино лилось рекою – по золоту! Нимфы радости, соблюдая строгий нейтралитет, разъезжали толпами из одного города в другой, где только собирались или где проходили войска. Бедные немки! Страшно подумать, как легкомысленно тысячи несчастных красавиц добровольно повергаются в бездну разврата и крайнего уничтожения для того только, чтоб украсить разноцветными тряпками и прожить несколько лет в гнусной праздности и лени! И почему во всех портах, во всех столицах между этими несчастными, погибшими существами более всего немок? Важная философическая задача! Весь образо-

ванный мир единогласно сознался, что нет лучших жен и матерей, как немки, и что ни в одной стране нет столько честности, религиозного духа и образованности, как в Германии. Откуда же эта крайность? Источник зла в самом добре. Простодушная немка легко верит клятвам влюбленного, и если он развратен, не дорожит своею совестью и невинною душою несчастной, то легко ввергает ее обманом в первое преступление, которое влечет за собою самые пагубные последствия. Гнусные люди, большею частью евреи и еврейки, торгующие падшими существами, как демоны хватают немедленно несчастную жертву в свои когти, развращают ее воображение, усыпляют совесть, заглушают стыд и затмевают слабый ум приманками мишурной роскоши и обманчивой будущности – и губят навеки! В мои лета я могу сознаться, что в молодости, побеждая иногда умом отвращение свое от этих несчастных созданий, я сближался с ними из любопытства и ласкою и состраданием заставлял их рассказывать мне, каким образом они дошли до такой степени унижения. Почти всегда слезы раскаяния и даже от-

чаяния сопровождали этот рассказ: анатомируя таким образом сердце, погрязшее в разврате, я открывал в нем драгоценные капли чести, стыда и совести. Всегда почти причиною падения были *обман* и *клятвопреступничество* мужчины! По моему мнению, это то же, что убийство, даже более, нежели убийство, потому что тут убивается душа! Горе тому, у кого на совести лежит гибель несчастной женщины, вверившейся ему на слово! Нет сомнения, что в некоторых рассказах могла быть ложь, потому что эти падшие существа привыкают жить ложью; но даже самое то, что и в лживом рассказе *обман* выставился *первою причиною* к разврату, служит неоспоримым доказательством, что по крайней мере девять десятых совращены обманом с истинного пути. Этих несчастных было тогда в Риге множество! Вечером они, как неистовые вакханки, бегали толпами по улицам, нападали на прохожих и тащили насильно в свои жилища! Один из наших молодых офицеров должен был обнажить саблю и даже ранить нескольких из этих гиен, напавших на него между городскими воротами и

Петербуржским форштадтом. Цесаревич, узнав об этом происшествии, посмеялся и пошутил над офицером, но, подарив ему новую саблю, велел ту саблю, которая обнажена была противу вакханок, бросить в Двину... Черта характеристическая!

Его высочество цесаревич, по особенной любви к своим уланам, приказал выдавать офицерам порционные, т. е. столовые, деньги из собственных сумм. Мы не брали этих денег, не из гордости, но потому, что на первых порах у каждого из нас водились кой-какие деньжонки и в походе негде было их тратить. По прибытии в Ригу этих порционных денег накопилось до семи тысяч рублей ассигнациями, и полковой командир, полковник Чаликов, намеревался раздать их в офицерские эскадронные артели или, если кому угодно, на руки. До Риги шел с нами при полку майор Притвиц, жестоко израненный в голову при Аустерлице. Он непрерывно страдал, и мы мало его знали. В Риге болезнь его дошла до того, что он начал мешаться в уме. Надлежало его оставить. Он был отец семейства и человек небогатый; офицеры согласились от-

дать ему порционные деньги, все 7 000 рублей, что и было исполнено. Его высочество был в восхищении от этого поступка офицеров и хотел знать, кто первый подал к этому мысль. Никто не сознавался. Это еще более тронуло его высочество цесаревича. «Господа, – сказал он нам, – я люблю, когда вы откровенно сознаетесь мне в ваших шалостях, но в этом случае охотно прощаю вам ваше *запирательство!* Всех вас прижимаю к сердцу в лице вашего полкового командира!» Его высочество со слезами на глазах прижал к груди своей и расцеловал полковника Чаликова. «Каковы, каковы молодцы!» – примолвил он. Эти слова: «каковы» и «каков» его высочество имел привычку повторять и в хорошем, и в дурном смысле, когда бранил и когда хвалил. «Фонтеры-понтеры!» – отвечал полковник Чаликов. Это были слова, которые не сходили у него с языка. После, когда он был произведен в генерал-майоры, Чаликов прибавил к своим любезным: «Фонтеры-понтеры, дери-дёрот, Чаликов генерал-майором!» Предобрый, прелюбезный, превеселый и презабавный человек был Чаликов! Он жизнь принимал как

шутку, в самые серьезные дела умел вплесть острое словцо, и, хотя на глазах его высочества нелегко было управлять полком, и притом таким лихим, каков был наш полк, Чаликов умел кстати вытерпеть и кстати отшутиться и пользовался всегда благосклонностью его высочества. Офицеры и солдаты искренне любили Чаликова, потому что он был человек добродушный и снисходительный и, когда только мог, всегда защищал нас перед его высочеством, выручал из беды и сам никогда не жаловался. «Вы, сударь, сегодня не были у развода», – говорил Чаликов офицеру. «Виноват, заспал!» – «Стыдно, сударь; чтоб вперед этого не было, а не то насидитесь на гауптвахте... фонтеры-понтеры, дери-дёрном, Чаликов генерал-майором!..» – отвернулся, и дело кончено.

Рыхлый лед на Двине едва держался, и поверху во многих местах стояла вода. Испробовав крепость льда, мы перешли Двину *поодиночке*. Сперва перешли трубачи и, пока переходил полк, играли *переправу*. На берегу была бездна народа – почти вся Рига. Городская конная и пешая гвардия и сословие шварц-

гейптеров[1035], в мундирах и верхом, провожали нас чрез город, шествуя церемониально перед полком. По всем улицам, чрез которые мы проходили церемониальным маршем, окна в домах были открыты, и в окнах стояли дамы. Мы были в парадной форме, с султанами. Уланский полк с пиками и значками был тогда редкое, невиданное зрелище. Из некоторых окон бросали нам цветы, которые мы ловили на лету и салютовали саблей за подарок. Полк молодецки прошел чрез Ригу, и как ни тесны улицы, но мы заставляли лошадей наших прыгать и делать курбеты... Вспоминаю об этом, потому что и теперь весело, когда припомнишь, – и что лошадь моя чуть не сломила себе ногí, а мне шеи, вскочив на стену, в лансаде[1036]...

В Митаве повторено все то, что было в Риге, с тою лишь разницею, что на бале, данном дворянством, между молодыми курляндскими дворянами и нашими офицерами утвердись тесная дружба и братство. Курляндцы вообще лихие ребята и вовсе не похожи, ни образом жизни, ни правилами, ни обычаями, на остзейцев[1037] и даже на нынешних нем-

цев. Древние рыцарские обычаи, т. е. удальство, молодечество, гостеприимство, презрение к торгашеству, твердость в слове, страсть к поединкам, к псовой охоте, к разгульной жизни, перешли в Курляндию посредством тесной связи ее с старинною Польшею, сохранившею феодальность прав и феодальные нравы до последнего своего издыхания. Многие из молодых курляндских дворян несколько переходов провожали верхом новых своих друзей-офицеров и ночевали вместе на квартире. Поселяне в Курляндии, также латыши, трудолюбивы и промышленны и могли бы быть богаты, если б в Курляндии все пути к приобретению достатка крестьянами не были запружены жидами, которых здесь почти столько же, относительно к христианскому народонаселению, сколько и в польских провинциях. Приняв за правило, чтоб при обвинении человека исследовать прежде побудительные причины к проступку, я уже с давнего времени простил евреям бóльшую часть их прегрешений и по убеждению должен извинить их во многом. Мы браним жидов за то, что они не весьма разборчивы в средствах к

приобретению денег и чуждаются землепашества, предпочитая ему бедность и праздность. Правда, нельзя этого похвалить, но если мы, положив руку на сердце, исследуем наше обращение с евреями, то должно сознаться, что не одни жида в этом виноваты. Что значит жид без денег и что значит жид с деньгами? Бедного жидка последний бобыль не впустит на свой двор, а богатого жида знатные и сильные люди принимают в своем кабинете, а чиновный народ дает ему почесть, не справляясь, каким образом он приобрел богатство и как вел свою торговлю или спекуляции. Деньги заменяют евреям все возможные привилегии: это их Magna Charta [1038]! А как жиду пуститься на землепашество, которое в выгоднейшем своем результате представляет одну возможность пропитания семейства! Когда в провинциях, возвращенных от Польши, можно было евреям брать в аренду дворянские и даже казенные имения, многие евреи занимались сельским хозяйством, но чтоб еврей сам был хлебопашцем – это дело весьма мудреное. По их вероучению, израильтянин должен орошать по-

том чела своего только землю Израиля. Итак, надлежало бы начать преобразование евреев с просвещения их европейскими идеями [1039] [1040]. Это одно лекарство от закоренелых предрассудков, оказывающее свое действие только в другом поколении. Этим средством Франция до такой степени преобразовала народ Израиля, что теперь там нет уже евреев, а есть только триста тысяч французов веры Моисеевой, по выражению Виктора Гюго[1041].

Митава[1042] в то время была сколком польских городов. Огромные пространства, много пустырей, много домов деревянных, множество жидов-факторов[1043], толпы разносчиков и разносчиц (евреев и евреек) различных товаров по улицам и по домам, шум и обилие в трактирах, нищета в предместьях, грязь по колени, – но всюду жизнь и движение. В жилах курляндцев течет кровь, а не сыворотка! Курляндские женщины – прелесть, и красавиц множество во всех сословиях, даже между крестьянками.

Если б мне предоставлено было избрать для себя какую-нибудь страну во всей Европе,

я избрал бы Курляндию, с ее здоровым климатом, плодородною почвою, морскими портами и народом, способным к высокому усовершенствованию. Курляндия по своему положению может быть весьма богатою страной! Нужно только капиталов и промышленности.

Из Митавы мы пошли на Шавли[1044]. Здесь я отпросился в кратковременный отпуск, чтоб навестить дядю моего[1045], приора[1046] Доминиканского монашеского ордена, в Россиенах[1047]. Взяв подорожную, я поспекал на перекладных.

II

Четыре стихии древней Польши. – Две главные пружины общества в Польше, за сорок лет пред сим: женщины и евреи. – Еврейские известия о политических и военных событиях. – Дядя, приор Доминиканского монашеского ордена. – Состояние католического духовенства в то время. – Фундуши. – Тогдашнее состояние духовных католических школ. – Обманчивые прокламации Наполеона. – Здравая политика моего дяди. –

Монастырская жизнь. – Переход за границу и прибытие в армию. – Взгляд на Восточную Пруссию и Самогитию, или Жмудзь. – Фуражировка. – Насильственное знакомство, превратившееся в тесную женскую дружбу. – Французский бивак в нашей полковой штаб-квартире. – Нежное обращение с французами. – Бездействие Наполеона, удивлявшее всю Европу. – Роскошная жизнь его в Финкенштейне. – Польша-утешительница. – Неудачные переговоры о мире. – Начало военных действий. – Взгляд на театр войны. – Очерк главной квартиры. – Провиантские чиновники. – Карточная игра и дуэли. – Жизнь на карте. – Передняя главнокомандующего. – Знакомство с генералом бароном Беннигсеном. – Дежурный генерал А. Б. Фок. – Обманутые надежды. – Обед у главнокомандующего и занимательная военная беседа за столом. – Французские биваки под Гутштадтом. – Изувеченный. – Дело при Пассарге. –

**Геройский подвиг лейб-гвардии
Егерского полка. – Отчаянное дело
тайного советника графа П. А.**

**Строганова. – Характеристика этого
вельможи. – Отступление от Пассарги к
Гейльсбергу. – Блистательные подвиги
подполковника Кульнева и майора
Атаманского казачьего полка**

Балабина. – Гейльсбергское сражение. –

**Первый убитый возле меня человек. –
Атаман войска Донского М. И. Платов. –**

Атаманский полк. – Искусный маневр

**Наполеона. – Отступление русской
армии от Гейльсберга. – Беннигсен в**

**Шиппенбейле. – Превосходный план
Беннигсена. – Кавалерийское дело под**

**Фридландом, 1 июня. – Геройский
подвиг уланского поручика**

**Старжинского. – Несчастный случай,
имевший влияние на участь**

генерального сражения, 2 июня. –

Свалка с французскими драгунами. –

**Наша счастливая атака французских
кирасиров и драгун. – Кавалерийское**

**сражение на правом фланге – и
победа. – Отчаянное положение нашего**

**правого фланга и всей кавалерии. –
Геройское намерение князя
Горчакова. – Переход чрез реку Алле,
вплавь. – Ретирада. – Переход чрез реку
Неман всей русской армии и окончание
военных действий**

Добрый мой ротмистр Василий Харитонович Щеглов дал мне на дорогу плащ, из солдатского сукна, с башлыком (капюшоном), сшитый нарочно для бивак. Пока я доехал, правильнее доплыл по грязи до Россиен, плащ этот сделался жесткий, как кора. Грязь засохла на нем на два пальца толщиной. На последней станции узнал я, что дяди моего нет в городе, но что его ожидают на другой день, к празднику, не помню какому. Станционный смотритель, знавший все городские сплетни, советовал мне заехать к богатому еврею (не помню его имени), который поставлял вино и пряности в монастырь доминиканский, следовательно, примет хорошо племянника приора, т. е. настоятеля. Я так и сделал. Здесь я должен сделать отступление для полной характеристики тогдашнего времени.

В хаосе, называемом древним польским

правлением, господствовали четыре *стихии*, или *силы*, подчиняя себе ход общественных дел. Эти четыре силы принадлежали богатым панам, католическому духовенству, женщинам и евреям, имевшим в руках своих все торговые обороты и все произведения земли, единственное богатство тогдашней Польши. Влияние панов и духовенства чрезвычайно уменьшилось после падения Польши; но сила жидов и женщин, сила невидимая, сила неосязаемая, действующая скрытно, была еще весьма велика в ту эпоху, о которой я говорю. Евреи действовали умом, хитростью и деньгами; женщины подчиняли всё своему влиянию умом, любезностью и красотой. Женщин с малолетства дрессировали к интригам (по-польски *na forsy*), как дрессируют канареек делать разные штуки. На дворянские выборы (*sejmiki*), во время суждения тяжб, искатели приезжали в город с женами, дочерьми, кузинами и их приятельницами, которые везли с собою полный арсенал нежных взглядов, сладких речей и всевозможных искушений. Поляки с материнским молоком всасывали в душу рыцарское уважение, пови-

новение и преданность к женскому полу. Отказаться в просьбе даме почиталось или совершенной дикостью, или непреклонностью Катона[1048], а как Катоны везде и всегда весьма редки, то польки владычествовали самовластно в своем отечестве.

Евреи составляли особое государство в государстве (*Status in Statu*). Общественные еврейские дела управлялись общинными правлениями или *кагалами*, которые имели между собою непрерывные сообщения и в общем деле действовали всегда общими силами. Если надобны были деньги для общего дела, *кагалы* налагали подать на общины, по столько-то с души, и в самое короткое время собирався миллион рублей или сколько было нужно. Эта денежная сила невидимо держала все в своей зависимости. Сверх того, евреи, посредством сношений между *кагалами*, знали все, что им нужно было знать, потому что богатые евреи по торговым сношениям с панами, а избранные хитрецы факторством выведывали все тайны, между тем как шинкари держали в рабстве слуг[1049]. Жиды никогда не переписывались чрез почту в важных де-

лах, но всегда чрез нарочных посланцев. Газет почти не читали в Польше, не доверяя печатным новостям, и евреи заменяли газеты. Во время войны или политических переломов и борений евреи держали всегда ту сторону, от которой надеялись получить для себя более пользы. В это время Литва и все возвращенные к России от Польши провинции были для евреев гораздо прибыльнее Обетованной земли, в которой, по закону Моисееву, надлежало добывать насущный хлеб в поте чела, и потому в войне России с Наполеоном евреи держали русскую сторону[1050].

Хотя я приехал в Россиены поздно (часу в одиннадцатом вечера), но еврей, узнав, кто я, принял меня весьма хорошо, отвел мне чистые комнаты, велел подать ужин (разумеется, маринованную рыбу, всегда готовую для подобных случаев), сам принес бутылку вина, сыр и т. п., и просил позволения присесть. Началась между нами политическая беседа. Имя полка, в котором я служил, по-видимому, придавало мне важность в глазах еврея, и он, быть может, в той надежде, что преданность его к России сделается известною государю,

излил передо мною чувства своей приверженности и рассказал о положении края. От него узнал я, впервые, что французы не были разбиты наголову при Пултуске, Голымыне и Прейсиш-Эйлау; что в Варшаве учреждено временное польское правление и сформировано польское войско в 30 000 человек; что прокламации Наполеона ходят здесь по рукам, что до двенадцати тысяч польского юношества, из хороших фамилий и мелкой шляхты, перешло в польскую военную службу, из всех польских провинций, возвращенных России и присоединенных к Австрии, особенно из Волынской губернии и Галиции; что главная пружина этого энтузиазма – женщины и что здесь нетерпеливо ожидают вторжения французов. Обо всем этом я не слыхал в Петербурге и в нашем военном кругу, и потому не весьма доверял приверженному к России еврею.

Проспал я богатырским сном после дороги, до полудня, и когда проснулся, еврей уведомил меня, что дядя мой приехал и что экипаж его ждет меня у подъезда. Немедленно отправился я в Доминиканский монастырь.

Дядя мой был человек лет за пятьдесят, высокого роста и красивый мужчина. Он славился умом своим, пользовался общим уважением, хотя светские качества превышали в нем иноческие добродетели. Знанием света и связями с знатнейшими фамилиями и правительственными лицами он приобрел влияние и в своем ордене, и в обществе. Он был из числа тех людей, которые, не предаваясь политическим мечтам, почитали Польшу умершею и все счастье польских провинций полагали в сближении поляков с Россией и в беспредельной преданности к русскому престолу. Не знаю, по какому случаю дядя мой сделался известным императору Александру, но как в крае, так и между доминиканами, сохранившими предания своего ордена, известно, что дядя мой пользовался особенною милостью императора. Когда только государь проезжал чрез Литву, дядя мой всегда ожидал его на какой-нибудь станции и допускаем был к нему. Кроме того, император позволил ему писать к себе, в собственные руки. Однажды, в Стрельне, когда я представлялся государю на ординарцы, он, узнав о моей фами-

лии, спросил, не родня ли я приору? На утвердительный мой ответ государь благоволил сказать: «Когда будешь писать к нему, не забудь сказать, что я помню и люблю его». Это чрезвычайно много!

Дядя мой вступил в духовное звание прежде падения Польши, когда в ней, как и во всех западных католических государствах, дворяне поступали в духовное звание не столько по набожности, сколько по расчету. Дворянству в Польше открывались три поприща для приобретения значения: военная служба, гражданская, или служба по выборам, и духовное звание. Духовенство в Польше обладало несметными сокровищами. Духовные фондуши, т. е. денежные суммы и недвижимые имения образовались из пожертвований частных лиц на церкви и монастыри, и в этом случае даже особы королевского дома обогащали церковь только в звании прихожан или богомольцев. Почти все эти пожертвования делаются были с похвальной целью, для блага человечества. Жертвовали духовенству огромные суммы и вотчины на проповедование христианства в стра-

нах языческих или магометанских, на выкуп христианских невольников из плена у неверных, на учреждение госпиталей и безвозмездных школ и т. п. Но цель первых учреждений впоследствии была совершенно забыта или исполнялась весьма слабо, только для вида. Миссионеры не проповедовали христианства в далеких странах, но довольствовались обращением в христианскую веру нескольких из самых превратных евреев или обнищавших татар. Невольников вовсе не выкупали из плена неверных, а напротив, покупали богатые вотчины. Вместо госпиталей при монастырях содержали по несколько старцев (kościelnych dziadów) как вывеску благотворительности. Правда, иезуиты, пиары, доминиканцы и некоторые другие монашеские ордена содержали школы, но и лучшие из них были не в духе времени и схоластика в этих школах затмевала свет наук и истинной философии. Латынь заменяла всю премудрость. После учреждения Министерства просвещения в России, преобразования Виленского университета и основания уездных школ и гимназий[1051] и после благоразумного изгнания иезуитов

[1052] духовные школы совершенно упали и сделались бесполезными, и вся ученая деятельность католического духовенства сосредоточилась в семинариях. Между тем фондуши все возрастали. Некоторые епископы имели более ста тысяч рублей дохода. Каноники пользовались плебаниями (приходами, в которых они никогда даже не появлялись), приносящими по несколько тысяч червонцев. Монастыри имели богатые вотчины и капиталы и управлялись почти безотчетно. Такой ход дел привлекал многих дворян в духовное звание для поддержания фамильного значения. Многие из духовных лиц оставляли богатые наследства своим родным и поддерживали их. Всей Литве известна история одной фамилии, к которой перешли все богатства одного картезианского монастыря близ Слонима[1053]. Скажу мимоходом, что хотя дядя мой управлял богатыми монастырями и потом был провинциалом (так называется глава Доминиканского ордена)[1054], но не оставил наследства своей фамилии. Он жил хорошо, делал много добра, но не хотел или не умел составить *благоприобретенного имени* из чу-

жой собственности.

Может быть, некоторым людям не понравится сказанное мною здесь о богатстве католического духовенства, но что же делать – я не умею лгать и привык излагать мой образ мыслей о каждом предмете по убеждению. Я верю, что обе крайности, богатство и бедность, вредят священному призванию духовенства и что от него именно должно почерпать благие примеры умеренности.

Дядя принял меня радушно, в разговорах подтвердил все сказанное евреем и, сверх того, показал мне прокламации Наполеона, которыми он приглашал поляков к восстанию в прусской Польше, утверждая, что Костюшко прибудет вскоре для принятия начальства над польским войском. «Это ложь и обман, – сказал мне дядя, – я знаю Костюшку лучше, нежели Наполеон, и твердо убежден, что он никогда не примет на себя роли искателя приключений (aventurier) и не нарушит честного слова, данного им императору Павлу – не воевать против России. Костюшко любит отечество, как каждый честный человек должен любить мать свою; но он убежден, что об-

щая мать наша, Польша, умерла и что нам остается только чтить память ее в могиле. Это и мой образ мыслей, – примолвил дядя. – Я убежден, – продолжал он, – что Наполеон во все не помышляет о восстановлении древней Польши. Ему нужны солдаты, а не народы! Да хотя бы Наполеон и желал, то не в состоянии этого исполнить, потому что для этого надобно уничтожить или довести до последней крайности три первоклассные державы в Европе – Россию, Австрию и Пруссию, которых невозможно победить, когда они будут действовать вместе, всеми своими силами. Сверх того, выгоды Англии – в сопротивлении могуществу Франции и в союзе с Россией. Счастье поляков – в сердце Александра! Там они должны искать его. Говорю тебе все это для того, чтоб охранить от соблазна, от женского вербунка[1055], – примолвил он, улыбаясь. – Наши дамы и девицы (раніе и ранну) помешались на патриотических мечтах, и молодому человеку весьма трудно покорить логикою их поэзию!..»

Сознаюсь, в то время я несовершенно понимал всю важность этих слов моего дяди.

Последующие события оживили в моей памяти *первый* политический разговор мой о Польше и убедили в справедливости мнения дяди. Слова его были пророческие!..

Я пробыл в Россиенах трое суток и только однажды был в обществе, на вечере у богатого помещика Прже...го[1056]. Дамы с любопытством смотрели на мой уланский мундир и явно провозглашали свои патриотические чувства. Здесь я впервые услышал знаменитую песню польскую, о возвращении из Италии польских легионов[1057]. Превосходно пела ее прелестная девица... и многие из присутствовавших проливали слезы.

В тот же день переехал я в монастырь и поместился в одной из квартир, всегда готовых для значительных помещиков и чиновников. Только однажды обедал я за общею трапезою. Стол был превосходный, и блюда такие огромные, что можно было бы насытить вдвое более людей с хорошим аппетитом. Обыкновенно за столом пили одно пиво, а вино подавали только в праздники; но в этот день, хотя будний, подано было вино – ради гостя, племянника приорова. Сколько я мог

заметить, монахи были люди веселые и добродушные. После обеда время посвящено было разговорам или шахматной игре в кельях. Один старый доминиканец вязал чулки с утра до ночи, другой старик занимался делом бумажных коробочек. Ученых занятий я не заметил.

При прощанье дядя подарил мне на дорогу сто червонных и снабдил огромным коробом, наполненным съестными припасами и разным лакомством, не забыв и венгерского вина, и дал мне монастырскую бричку до Юрбурга[1058]. Он был в самых дружеских отношениях с главнокомандующим, генералом бароном Беннигсеном[1059], еще со времени первой польской войны[1060], и потому дал мне к нему рекомендательное письмо. Я догнал полк в Юрбурге, где была дневка и где нам розданы были боевые патроны и отдан приказ отпустить[1061] (техническое слово) сабли, наострить пики и осмотреть огнестрельное оружие. На другой день мы перешли через границу. Это было 9 марта, следовательно, в тридцать семь дней мы перешли около 750 верст.

Мы шли поспешно в главную квартиру, имея, однако ж, ночлеги по селениям, и к половине апреля прибыли в окрестности Шиппенбейля[1062]. Полк наш расположился на кантонир-квартирах[1063], и полковой штаб был в селении Гросс-Шванфельде.

Восточная Пруссия есть древняя Литва, покоренная орденом меченосцев[1064]. Пруссаки до сих пор называют Литвою (Litthau) часть страны, прилегающую к России. По древням говорят языком самогитским или латышским. Народ, населяющий бóльшую часть Лифляндии, всю Курляндию (латыши), Самогитию (жмудины[1065]) и восточную Пруссию, происходит от одного литовского племени и везде сохраняет свои характеристические черты. Латыши и жмудины трудолюбивы, бережливы, способны к высшему умственному развитию и мануфактурной промышленности, набожны и привержены к своему племени. Во время древнего польского правления не было в Польше провинции богаче Самогитии или Жмуди, и в десять лет по разделении Польши, т. е. в 1807 году, мы застали еще в Самогитии общее довольство. То-

гда жмудинам позволялось свободно (т. е. с письменным позволением капитан-исправника) возить свои земные произведения в Мемель и Тильзит[1066], и они за лен и пшеницу получали хорошую плату и вблизи запасались за весьма дешевую цену солью, железом и грубыми мануфактурными изделиями. Многие поселяне на Жмуди имели тогда по несколько тысяч талеров в запасе, и все вообще жили хорошо, при обилии домашнего скота и хороших лошадей отличной породы, вроде нынешних финляндских[1067]. Когда границу заперли, источник богатства иссяк. В прусской Литве поселяне были еще богаче, жили в чистых и просторных домах и были вдесятеро более просвещены, нежели их соплеменники в Курляндии, Лифляндии и Самогитии. Даже в это время, когда вся русская армия и остатки прусского войска сосредоточены были в Восточной Пруссии, не было еще недостатка в съестных припасах и фураже. Только к весне, именно во время нашего прихода, оказался недостаток в тех местах, где расположена была кавалерия, и мы, стоя на кантонир-квартирах в дружеской стране,

принуждены были фуражировать, т. е. разъезжать по окрестностям, искать съестных припасов и фуража и брать то и другое насильно, выдавая, однако ж, квитанции, по которым впоследствии обещана была уплата русским правительством[1068]. Это была крайность: иначе невозможно было прокормить войско и содержать кавалерию, потому что хотя в Кенигсберге и были запасы, но доставка представляла большие затруднения. Разумеется, что фуражировка никогда не может быть подчинена строгому порядку, потому что между отрядами фуражиров, посылаемых с офицерами, шатаются всегда шайки мародеров, из денщиков, фурлейтов[1069] и т. п. Некоторые молодые офицеры также не весьма хорошо понимали важность фуражировки в дружеской земле и вместо правильных квитанций за забранные съестные припасы и фураж давали бедным жителям, на память, русские стишки, песни или писали плохие шутки. Мне самому случалось видеть в руках шульцев[1070] (деревенских старост) и даже помещиков вместо квитанции песню «Чем тебя я огорчила» или: «Предъявитель се-

го должен получить 200 палочных ударов» и т. п. Эти глупые и вредные для жителей шутки были строго запрещены, однако ж беспрестанно повторялись. Меня, хотя я не знал тогда по-немецки вполонину против нынешнего, однако ж мог говорить, весьма часто посылали фуражировать, и в одну из этих командировок я свел знакомство, которое едва не имело решительного влияния на всю жизнь мою.

В тылу и по флангам армии было мало поживы. Тут надлежало уже искать добычи по лесам или в ямах. Однажды я решился пуститься за черту, далее которой нам не приказано было ездить, по направлению к Гутштадту[1071], между Гейльсбергом и Бишофштейном[1072], проехал верст тридцать, и под лесом увидел деревню. Лишь только мы показались на пригорке, в деревне сделалась суматоха. Часть жителей, особенно женщины и дети, бросилась бежать в лес. Я поскакал во всю конскую прыть в деревню, с уланом Соколовским, знавшим по-немецки, и мы стали кричать изо всей силы: «Wir sind Freunde, wir sind Russen!» – т. е. «Мы друзья, русские». Но

это, казалось, не успокаивало жителей. Несколько стариков и хозяев, из смелейших, стояли толпою перед одним большим домом, и, когда я прискакал к ним, они сняли шляпы. В толпе находился шульц. Я стал уверять их, что поселянам не будет нанесено ни малейшей обиды, что ничего не будет тронут без воли хозяина, что я требую только фуража, за который будет заплачено, что я свято исполняю волю и намерение моего государя, призвавшего нас защищать Пруссию и т. п. Поселяне успокоились. Я слез с лошади и вошел в дом шульца рука об руку с ним, стараясь всеми мерами успокоить и расположить его в нашу пользу, и он послал в лес, чтобы бежавшие воротились оттуда. Между тем уланы мои прибыли в деревню. Я расспросил о неприятеле и узнал, что верстах в двадцати, по дороге в Зеебург[1073], была накануне стычка французских разъездов с казаками; но поселяне не умели мне сказать, чем это кончилось и куда пошли казаки и французы. Шульц примолвил, что в деревне приняли нас за одну из этих партий. Юность моя и ласковое обхождение внушили поселянам пол-

ную ко мне доверенность, и они сознались, что по пикам нашим приняли нас за казаков, которых они боятся гораздо больше, чем неприятелей своих, французов... Они совершенно успокоились, когда я сказал, что мы не казаки, а уланы, полка брата русского императора.

Вскоре я был окружен толпою женщин и детей, которые с любопытством рассматривали мой наряд и вооружение. Шульц советовал мне заехать на господский двор, в двух верстах от деревни, под самым лесом, и переговорить с госпожою насчет моих требований. Я последовал этому совету и, поручив моих улан (всего двадцать человек) исправному унтер-офицеру, отправился с одним Соколовским на господский двор. Для предосторожности я расставил ведеты[1074] и велел одной половине улан кормить лошадей и самим пообедать на улице, а другой половине, не отлучаясь, стоять во фронте, при замундштученных лошадях. Не зная вовсе местности и расположения своих и неприятельских войск, я должен был предполагать, что французские фуражиры также могут попасть сю-

да. Меня учили, что первое правило военного человека, от которого он *никогда* не должен отступать, – осторожность. Храбрый и многочисленный отряд может быть разбит меньшим числом, в нечаянном нападении.

Помещица приняла меня на крыльце дома своего и, кажется, весьма удивилась моей молодости. Хотя мне было уже почти семнадцать лет, но по лицу я казался гораздо моложе. В кратких словах объяснил я помещице причину моего посещения и просил снабдить овсом, сеном, хлебом и мясом на целый эскадрон, уверяя, что за все будет заплачено по существующим ценам. Это была еще первая фуражировка в этом поместье, и потому не было ни в чем недостатка. Помещица, однако ж, начала было отговариваться, но я объявил ей решительно, что если из снисхождения к ее просьбе не возьму ничего, то другие возьмут вдвое, и притом насильно, без всякого порядка, а с моим свидетельством она может уже отговариваться перед другими, что все взято. После переговоров с шульцем решено было удовлетворить меня, но для этого надлежало прождать до другого утра, пока успели испечь

хлеб, свезти сено и приготовить подводды. Хотя я и так уже был целые сутки в отлучке из эскадрона, однако ж должен был согласиться. Между тем помещица велела подать завтрак.

Она была вдова прусского майора Даргица. На вопрос мой, есть ли у нее дети, она улыбнулась и сказала шутя, что я *издали* показались им так страшен, что дети скрылись от меня в лесу, как от волка, но что за ними уже послано. Едва успел я усесться за завтрак, в комнату вошли две девицы... нет... два воплощенные ангела! Это были дочери помещицы... Я вскочил с места, как будто меня обдало кипятком... «Вот старшая моя дочь, Албертина, а вот младшая, Леопольдина!» – сказала хозяйка. Я поклонился и ничего не мог сказать, а только смотрел на красавиц...

Живы ли они теперь и вспомнили ли хоть раз об нашем знакомстве?.. Много прошло времени с тех пор, и если они живы, то теперь уже почтенные старушки... Старшая, с темно-каштановыми волосами и голубыми глазами, с ярким румянцем на лице, была годом старше меня, а младшая, томная блондинка, годом моложе. Это были пышная роза

и нежная лилия. Ничего не видал я прелестнее этих двух сестер! Мать пошла распоряжаться по моему делу и оставила нас одних. Старшая сестра, видя, что в замешательстве я забыл о завтраке, стала приглашать меня шутливым тоном и, продолжая разговор, наконец возбудила и во мне смелость. Мы говорили по-французски. После завтрака девицы предложили мне прогуляться с ними в саду. Постепенно становился я смелее и разговорчивее и наконец вошел в мой обыкновенный характер. Они показали мне свои цветы, свои любимые деревья, свой птичник, свои любимые места в саду, расспрашивали меня о России, о Петербурге; я расспрашивал их об их житье, занятиях, о книгах, которые им более нравятся, — и чрез два часа, когда нас позвали обедать, мы были так коротко знакомы, как будто прожили несколько лет в одном семействе. Мать удивилась, слыша, что мы за столом называем уже друг друга по имени, шутим и хохочем вместе, как старые знакомые. Особенно была весела и шутлива Албертина, но и томная Леопольдина оставила за обедом свою застенчивость. Вообще говорят, что нем-

ки слишком манерны, застенчивы, неловки, принужденны в обращении (steif), неразговорчивы. Все это относится к среднему сословию, но в лучшем кругу весьма много женщин и даже девиц свободного обращения. Г-жа Даргиц воспитала дочерей своих во всей чистоте нравов сельской, патриархальной жизни и была так счастлива, что в гувернантке, французенке, нашла и познания, и нравственные качества. Девицы в невинности чувств и понятий следовали простодушно своим впечатлениям и с первого знакомства стали обходиться со мною без всякой церемонии, как с родным братом. Очевидно, что моя молодость, откровенность и веселый нрав расположили их к такому обхождению.

На другой день я отправился с богатым транспортом в эскадрон, дав г-же Даргиц формальную расписку в полученном фураже и провианте, и для большей верности обещал доставить расписку ротмистра. Разумеется, что меня пригласили навещать дом, а я, с своей стороны, дал слово приехать при первой возможности. Около шести недель простояли мы на кантонир-квартирах в окрестностях

Шиппенбейля. В это время в главной армии не происходило никаких важных дел, и только отдельные отряды сталкивались с французскими партиями. Атаман Платов летал вокруг нашей армии с своими казаками, тревожил повсюду неприятеля нечаянными нападениями, разбивал и забирал в плен французских фуражиров, отбивал транспорты и т. п.

Каждую неделю ездил я к госпоже Даргиц только в сопровождении одного моего ординарца и проводил в этом доме по два, иногда и по три дня, а однажды, сказавшись больным, прожил там целую неделю. Ротмистр позволял мне это. Несколько раз спасал я господский дом и деревню от фуражиров и мародеров, и раз дело дошло даже до обнажения сабли. Я называл себя *залогою*... Наконец я стал в доме как родной. Г-жа Даргиц называла меня *сыном*, и старая гувернантка звала по имени (*monsieur Thadée*), точно так же как и девицы, не прибавлявшие только *monsieur*. В свою очередь, я называл их просто Албертиной и Леопольдиной, а мать – *татам*.

Это знакомство послужило впоследствии основой к романтическому рассказу под за-

главием «Первая любовь», напечатанному в первой части (стр. 25–80) моих Сочинений, несчастного издания книгопродавца Лисенкова[1075]. Разумеется, что этот рассказ прикрашен вымыслом и небывальщиной, как в большей части романов и повестей. В нем справедливо только то, что я здесь рассказываю, а именно, что я был влюблен в обеих сестер и никак не мог предпочесть одну другой, ни в сердце моем, ни в голове. Когда я был с одною, мне хотелось видеть другую, а обе вместе они составляли какое-то совершенство, которое восхищало меня и привязывало к ним всею душою. Многим покажется это странным, но так было на деле, и эти психологические случаи хотя редки, но не невозможны. Если б я женился на одной из сестер, я был бы несчастлив, потому что мне недоставало бы другой половины ангельского существа... Кажется, что и обе сестры расположены были ко мне одинаково, т. е. любили меня равно, братнею любовью.

После семейного счастья нет выше блаженства, как дружба с умною, любезною и прекрасною женщиною. Это настоящий рай

души! Нет спора, что такая дружба не может быть без примеси любви, равно как и любовь не может существовать без дружбы, но все же дружба и любовь различествуют между собою. Привязанность моя к дочерям госпожи Даргиц было не то судорожное, беспокойное чувство, которое пожирает сердце, но тихое, братское влечение... Быть может, если б я долее пожил вместе с ними и приехал к ним из России на несколько месяцев, как я обещал, то я бы и женился на одной из них и, вероятно, на томной, романической, чувствительной Леопольдине. Но в то время я одинаково любил обеих сестер, и это счастливое, хотя и короткое время составляет одно из сладчайших моих воспоминаний. Это были первые цветы в моей жизни!..

В полковой штаб-квартире его высочество устроил бивак, в котором стояли двадцать четыре французских дезертира, присланных к нему атаманом Платовым. Его высочество разделил этих французов на два капральства, дал им ружья и приказал им исполнять службу, как во французском лагере, с тою целью, чтоб узнать порядок французской службы

[1076]. Кроме того, в штаб-квартире находилось несколько пленных французских кавалеристов, которые также должны были ездить верхом пред его высочеством и делать все эволюции. Этих пленных и дезертиров содержали как почетных гостей. Вообще русские обходились в то время весьма хорошо с французскими пленными, словно с какими-нибудь гувернерами, и нашим солдатам строжайше было запрещено обижать пленных. Только одни казаки поступали всегда по-своему. Наши офицеры давали пленным деньги и одежду, делились с ними съестным и вообще не обнаруживали никакой неприязни. Несколько раз я слышал от французских воинов, и тогда и после, похвалы русской вежливости и человеколюбию, и похвалы эти были заслуженные. Отечественная война разрушила это согласие...

Несколько раз собирался я проситься в главную квартиру, в Бартенштейн, чтоб вручить письма главнокомандующему, генералу Беннигсену, и дежурному генералу, Александру Борисовичу Фоку, старинному другу всего нашего семейства, но не мог расстаться с ми-

лыми моими *сестрицами*, как я называл двух дочерей госпожи Даргиц, с которыми проводил все время, свободное от дежурства или ученья. Наконец пришлось нам расстаться. В половине мая мы выступили в поход.

Мать, дочери, гувернантка, даже слуги заплакали, когда я только вымолвил, что приехал прощаться. День провели мы печально, и в полночь я уехал в эскадрон, в экипаже г-жи Даргиц. В шапку мою наложили разных сувениров, в коляску набросали цветов. Все провожали меня за ворота. Я прижал к сердцу мать и милых ее дочерей – и не мог вымолвить слова от слез...

Тогда я имел твердое намерение приехать к ним месяца на три, по окончании войны!..

Кровопролитное Прейсиш-Эйлауское сражение до такой степени ограничило предприимчивость Наполеона, что, по сознанию самых приближенных к нему людей, он даже не решался продолжать наступательные движения. Что случилось с этою стремительностью в нападениях, неутомимостью в преследовании, которыми отличались все прежние кампании Наполеона? Почему со времени

Прейсиш-Эйлауского сражения оставлял он в покое армию Беннигсена, на винтер-квартирах[1077], если почитал ее побежденною и расстроенною, как сказано было в бюллетенях? Зачем он медлил, чего ожидал? Вот вопросы, которые занимали тогда всю Европу. Данциг после трехмесячной правильной осады сдался на капитуляцию французам. Генерал граф Каменский, посланный морем с двенадцатитысячным корпусом для спасения Данцига, невзирая на храбрость русских, выдержавших жестокие битвы, должен был возвратиться к армии. Опасались даже за Кенигсберг, который был слишком отдален от средоточия русских сил. Все благоприятствовало Наполеону. С первых чисел апреля земля уже просохла и покрылась зеленью; погода была прекрасная; войско французское отдохнуло и усилилось, но Наполеон, к удивлению всей Европы, оставался в бездействии в главной своей квартире Финкенштейне, делал парады своей гвардии, подписывал декреты по внутреннему управлению Франции, принимал дипломатов и послов, в том числе и персидского[1078], и жил роскошно среди войск

своих, как никогда прежде не жилал. Финкенштейн называли Капуей! Однообразие военной жизни разделяла с Наполеоном одна из первых красавиц высшего варшавского общества – знаменитая г-жа Валевская. Покинув своего старого мужа[1079] и презрев общее мнение, она отдалась Наполеону, который не боялся даже явного соблазна! Она жила в одних с ним комнатах, обедала с ним наедине, смотрела чрез жалюзи на парады гвардии, выезжала прогуливаться одна и была счастлива своею любовью к герою. Все это противоречило прежнему характеру Наполеона. Между тем, он предлагал мир и хотел составить конгресс. Сообщения между русскою и французскою главными квартирами и между Веною были довольно часты: несколько раз в русской армии разносился слух о близком заключении мира. Говорили, что ждут только прибытия императора Александра. Государь прибыл в главную квартиру, в Бартенштейн, 5 апреля, и переговоры возобновились, но вскоре были прекращены, потому что император Александр никак не соглашался на отторжение от Пруссии не только областей, но

даже городов и требовал, чтобы французская армия очистила Германию. Наконец видя, что Наполеон чего-то выжидает, император Александр решился во второй половине мая начать наступательные военные действия.

Иностранные военные писатели обвиняют Беннигсена в том, что он начал военные действия весьма поздно, а именно после падения Данцига, когда двадцатитысячный осадный корпус подкрепил главную французскую армию, когда польское войско получило окончательное устройство, множество отдельных партий пришли из Франции для укомплектования полков, расстроенных в зимнюю кампанию. Утверждают, что если Беннигсен не мог начать военных действий прежде падения Данцига, то ему надлежало подождать, пока англичане, ганноверцы и шведы, вследствие конвенции, сделают высадку в Померании и пока князь Лобанов[1080] прибудет к армии с тридцатитысячным корпусом. Не знаю причин ни медленности, ни поспешности Беннигсена и не произношу своего суждения. Должно, однако ж, предполагать, что трудность в продовольствии также могла за-

ставить Беннигсена открыть военные действия. Много говорили о богатстве запасных магазинов в Кенигсберге, но оттуда мало приходило транспортов в армию, вероятно по недостатку подвод. Как бы то ни было, но 19 мая русская армия была уже в движении для занятия военных позиций.

Наполеон имел под рукою до 180 000 человек отличного войска. Русских и пруссаков было по спискам до 120 или до 130 000, но Беннигсен имел при себе не более 80 000 человек.

Театр войны, на котором должны были действовать эти две силы, заключал в себе не более ста квадратных верст от Прейсиш-Эйлау и за Гутштадт, между реками Пассаргою и Алле. Это небольшое пространство покрыто множеством богатых деревень и малыми городишками, каковы: Прейсиш-Эйлау, Ландсберг, Бартенштейн, Гейльсберг, Шиппенбейль, Бишофштейн, Гутштадт и Фридланд [1081]. Местоположение повсюду довольно ровное, изобилующее лесами и в некоторых только местах пересекаемое холмами и оврагами. Грунт почти везде твердый и песчаный.

Вообще, местность весьма удобная для войны и представляющая множество хороших позиций.

Река Пассарга прикрывала главную французскую квартиру и армию, которой фронт растянут был почти на сто верст. В первой линии стояли корпуса маршалов Даву, Сульта, Бернадота и Нея, составлявшие около 80 000 человек. Корпус Нея слишком выдался вперед за Пассаргой и стоял близ Гутштадта: Беннигсен вознамерился разбить Нея быстрым нападением, отрезать его, перейти Пассаргу и ударить на другие французские корпуса, прежде чем они успеют соединиться. В главном войске, которое вел сам Беннигсен против Нея, было до 40 000 человек. Авангардом командовал князь Багратион. Гвардейский корпус под начальством его высочества цесаревича составлял резерв и шел за главной армиею Беннигсена. Корпуса генерала Дохтурова, князя Горчакова[1082] и генерал-лейтенанта Платова, с донскими казаками и отрядом генерал-майора Кнорринга[1083], составляли главную армию (*le gros de l'armée*) и шли по близости друг друга к общему пункту, по на-

правлению к Гутштадту.

21 мая главная квартира была в Гейльсберге, и я отпросился у полковника Чаликова с биваков в город, для вручения писем главнокомандующему и дежурному генералу. Полковник Чаликов, посмотрев на адреса, воскликнул: «Фонтеры-понтеры! Поезжай, братец, поезжай и вместо протекции привези нам из главной квартиры хлеба и водки!» Я взял с собою улана и в девять часов утра был в Гейльсберге.

Главная квартира, хотя бы в ней и не было царственного лица, есть всегда в армии то же самое, что двор в государстве. Из главной квартиры истекают все милости и награды, следовательно, туда стремятся все желания и туда стекаются все искатели счастья. Маленький Гейльсберг, когда я прибыл в него, кипел жизнью и многолюдством. Через город по главной улице тянулось войско, а в городе оставалось множество офицеров разного оружия, чтоб пообедать или запастись съестным. Почти все дома были заняты постоем, правильным или неправильным. Для лиц, принадлежащих к штабу, квартиры отведены бы-

ли магистратом, и на этих квартирах хозяева кормили постояльцев; но все приезжающие в город останавливались произвольно в домах, не требуя ничего, кроме помещения, и жители редко сопротивлялись. Все жители торговали чем кто мог. На всех улицах продавали хлебное вино[1084], хлеб и разное съестное; в двух или трех трактирах была такая теснота от русских и прусских офицеров, что с трудом можно было втиснуться в комнату. Шум был везде оглушительный. В трактирах и во многих домах играли в банк. Кучи червонцев переходили мгновенно из рук в руки. В этой битве на зеленом поле отличались более других провиантские комиссионеры, которым вручены были огромные денежные суммы, для продовольствия войска. Злоупотребления по этой части были тогда ужасные! Войско продовольствовалось как могло, на счет жителей, и мы ни разу не видали казенного фуража, а между тем миллионы издерживались казною! Впоследствии множество комиссионеров отдано были под суд, многие из них разжалованы, и весь провиантский штат лишился военного мундира в наказание за зло-

употребления. Но в то время господа комиссионеры, находившиеся при армии, не предвидели грозы, жили роскошно, разъезжали в богатых экипажах, возили за собою любовниц, проигрывали десятки и сотни тысяч рублей и мотали напрапалую. Я знал одного из этих комиссионеров, который ставил по тысяче червонцев на карту, дарил красавицам по сту червонцев, не пил ничего, кроме шампанского, и не носил другого белья, кроме батистового, – и кончил жизнь в нищете, под судом, на гауптвахте в Петербурге, выпрашивая у нас, ради Христа, по пяти рублей ассигнациями! А таких примеров было много. Вино лилось рекою в трактирах. Не постигаю, откуда купцы бедных городишков доставали шампанское, которое русские офицеры пили, как воду. Вследствие карточной игры и частых попок происходили дуэли, а иногда просто драки с шулерами, для которых здесь была богатая жатва.

С прусскими офицерами, хотя они были наши союзники, русские офицеры жили не в ладах, когда, напротив, французов, как я сказал выше, честили и угощали, где только

встречались с ними. Прусские офицеры никак не хотели предоставить нам первенства, вели себя гордо и даже надменно, немножко прихвастывали, а притом по немецкой экономии пили пивцо, когда у нас струилось шампанское, и ставили на карту по гульдену, когда мы сыпали груды золота. Это служило нашим офицерам предлогом к насмешкам, за которыми следовали ссоры и дуэли. Чаще других ссорились и дрались с пруссаками русские гусарские офицеры за то, что пруссаки, верные преданиям Семилетней войны, почитали свою конницу первою в мире. Где только гусары наши сходились с прусскими кавалерийскими офицерами – кончалось непременно дуэлью. В армии носилось множество на этот счет анекдотов. Расскажу один, за достоверность которого не ручаюсь, но которому мы тогда верили.

Русский гусарский офицер поссорился с прусским за картами. Дошло до вызова. Прусский офицер был отличный стрелок, бил ласточек на лету и не хотел иначе драться, как на пистолетах. «Итак, ты непременно хочешь убить меня!» – сказал русский офицер. «Од-

ним дерзким будет меньше на свете», – хладнокровно отвечал пруссак. «Быть так, – возразил русский офицер, – я плохой стрелок, но мечи банк, а я поставлю жизнь на карту... Если ты убьешь карту – можешь убить меня, как медведя, а если карта выиграет, я убью тебя». Прусский офицер сперва не соглашался, но товарищи его, думая, что это шутка, уговорили его принять предложение русского. Прусский офицер начал метать и дал карту. Все думали, что тем дело и кончится, но русский сказал хладнокровно: «Пойдем же в сад и разделаемся!» Множество офицеров обеих армий следовали толпою за прусским офицером, который шел улыбаясь и остановился в большой аллее. Явился русский офицер с охотничьим ружьем, взятым у хозяина. «У меня нет с собою пистолетов, но убить можно и этим, – примолвил он. – Становись в тридцати шагах!» Пруссак и все окружающие его все еще думали, что это только шутка, и прусский офицер, проигравший жизнь, стал на позицию. Русский прицелился, спустил курок, и пруссак упал мертвый. Пуля попала в самое сердце. Присутствующие невольно

вздروгнули от ужаса и не знали что делать... «Я не шучу жизнью, – сказал русский офицер. – Если б я проиграл жизнь, то не принял бы ее в подаяние и заставил бы его убить меня...» Жалобы не было, и, как говорят немцы, wo kein Kläger ist, da ist kein Richter (т. е. где нет жалующегося, там нет и судии). Дело, кажется, невероятное, но кто знал графа Подгоричанина (родом серба, убитого под Ригой в 1812 году), тот поверит этому. Впоследствии спрашивал я его, правда ли это? «Не помню, братец, – отвечал он, – мало ли что случается в жизни!» Сказав это, он покрутил усы, отвернулся и запел любимую свою песню: «Ах, скучно мне, на чужой стороне!»[1085] Я не продолжал расспросов...[1086]

Дежурного генерала Александра Борисовича Фока я не застал дома и отправился в квартиру главнокомандующего. Передняя зала наполнена была адъютантами, ординарцами и свитскими[1087] офицерами из разных отрядов. Я попросил дежурного адъютанта доложить обо мне главнокомандующему, сказав, что имею к нему письмо. «По службе или частное?» – спросил меня адъютант. «Част-

ное», – отвечал я. «Так подождите», – сказал он, посмотрев на меня проницательно, думая, верно, что я ищу места при главнокомандующем. Я прождал час. Многие между тем входили и выходили из кабинета, но адъютант обо мне не докладывал. Я сошел с лестницы и, отыскав камердинера, попросил его отнести письмо к главнокомандующему, сказав, от кого оно. По счастью, камердинер, родом из Литвы, знал также моего дядю и взялся доставить письмо немедленно. Я возвратился в залу. Через несколько минут другой адъютант, работавший в кабинете главнокомандующего, высунул голову в дверь и громко позвал меня. С улыбкою взглянул я на дежурного адъютанта и пошел в кабинет...

Два адъютанта писали или, правильнее, переписывали какие-то бумаги за большим столом, а Беннигсен сидел под открытым окном. «Очень рад, что вижу племянника моего старого друга!» – сказал мне Беннигсен. Я поклонился. «Это, без сомнения, первая ваша кампания?» – «Точно так, ваше высокопревосходительство». – «Вы еще не были в деле?» – «Не был». – «Скоро будете, всем будет доволь-

но работы! – примолвил он. – Приходите ко мне сегодня, в два часа, обедать», – сказал Беннигсен. Я снова поклонился и вышел. Тем кончилась моя аудиенция.

Я снова отправился к А. Б. Фоку и встретил его у самого крыльца. Он обнял меня, поцеловал, как старого знакомца, ввел в свои комнаты, стал расспрашивать о своих домашних, которых не видал около девяти месяцев, о моих родных и наконец сказал: «Ни главнокомандующий, ни я, мы не можем ничего для тебя сделать. Если б ты был в другом полку, а особенно если б был в армии, мы взяли бы тебя в главную квартиру, или в адъютанты, или хотя в бессменные ординарцы. Но его высочество объявил нам, что он ни за что не согласится дать фронтового офицера из вашего и из Конногвардейского полка в адъютанты или в какую-нибудь командировку и что его офицеры должны служить при нем, в полку. Мы не смеем распоряжаться противу его воли. А если в чем другом могу быть тебе полезным – рад стараться!» Узнав, что я вручил письмо главнокомандующему и приглашен им к обеду, Фок сказал: «И я буду у него обе-

дать... Знакомство с главнокомандующим – хорошее дело для корнета!.. Прощай... я так занят, что мне каждая минута дорога. Завтра мы выступаем отсюда...» Признаюсь, я надеялся попасть в главную квартиру, но слова Фока разочаровали меня.

В назначенный час я снова явился в приемной у главнокомандующего. На этот раз дежурный адъютант был очень вежлив со мною, предложил мне сесть с ним рядом у окна и стал выпытывать меня, довольно, впрочем, неискусно, от кого я доставил письмо главнокомандующему, не желаю ли состоять при его особе и т. п. Чтобы отплатить за прежнюю его необязательность, я с намерением отвечал загадочно. Наконец Беннигсен вышел из кабинета вместе с князем Багратионом, за ними следовали А. Б. Фок и несколько генералов. Беннигсен, окинув взором все собрание в приемной зале, сказал: «Здравствуйте, господа», поздоровался отдельно с некоторыми полковниками и офицерами и, между прочими, удостоил меня этой чести. Мы пошли за ним в столовую.

Дежурный адъютант не отставал от меня и

посадила возле себя. Я почти не слушал, что он шептал мне на ухо, обращая все мое внимание на два лица, которые приобрели уже европейскую славу, – на Беннигсена и на любимца Суворова, князя Багратиона. Князь был в любимом своем мундире Гвардейского егерского полка [1088]. Лицо его было совершенно азиатское. Длинный орлиный нос придавал ему мужественный вид; длинные черные волосы его были в беспорядке; взгляд его был точно орлиный. Разговаривали о довольно важном предмете, а именно в какой степени латы и пики полезны для конницы. Князь Багратион был того мнения, что латы полезны преимущественно тем, что производят сильное впечатление в атакуемых и порождают в латнике более смелости в надежде на защиту от пуль. «Но я приучил моих егерей и казаков не бояться этих железных горшков [1089], – сказал князь Багратион. – Хорошей, стойкой пехоте, как наша, – примолвил он, – не страшна никакая кавалерия. Что же касается до пика, то надобно уметь чрезвычайно ловко владеть ею, чтоб она была полезна: в противном случае, она только спутает кавалерию».

лери́ста. Для наших казаков нет другого оружия, кроме пики, потому что это лучшее оружие в погоне за неприятелем. Но в свалке, как обыкновенно действует кавалерия, сабля или палаш лучше». Полковник Кнорринг [1090], с длинными рыжими усами (Конно-татарского полка, одетого и вооруженного по-улански), доказывал пользу пик для легкой кавалерии. «Ваши татары почти те же казаки, – сказал князь Багратион. – Но все же для полезного действия пикою надобно быть одетым как можно легче и удобнее, без затяжки и натяжки, одетым, как наши бесцеремонные казаки». Во время этого разговора, тогда очень важного для меня, потому что говорено было о преимуществе кавалерийского оружия, я беспрестанно смотрел на Беннигсена, к которому князь Багратион часто обращался в разговоре, но Беннигсен молчал. Разговор перешел к вооружению французской кавалерии, к их конным егерям, потом к пехоте, к знаменитым французским стрелкам, – Беннигсен все молчал. Но когда разговор склонился к характеру и общим качествам французского войска, Беннигсен сказал: «Француз-

ское войско как ракета: если с первого раза не зажжет, то лопнет сама в воздухе». Князь Багратион примолвил: «Я люблю страстно драться с французами: молодцы! Даром не уступят, а побьешь их, так есть чему и порадоваться. Как свет стоит, никто так не дрался, как дрались русские и французы под Пултуском и Прейсиш-Эйлау!»

Обед кончился. Беннигсен сел под окном, рядом с князем Багратионом, и после кофе поклонился всем и ушел в свой кабинет. Проходя мимо меня, он кивнул головою, как будто в знак того, что помнит меня. Все разошлись, и я поспешил на квартиру, к знакомому комиссионеру, где была моя лошадь. Запасшись различною провизией, я отправился в полк, узнав в канцелярии дежурного генерала, по которому направлению надлежало мне следовать.

Этим обедом кончились все мои надежды на покровительство главнокомандующего и дежурного генерала! Не будь я в Уланском его высочества полку, я непременно был бы взят в главную квартиру, как уверял меня впоследствии А. Б. Фок, и имел бы случай к отли-

чию... Вероятно, вся служба моя, а с тем вместе, может быть, и вся жизнь моя приняла бы другое направление...

Я догнал полк на втором переходе от Гейльсберга. Вечером мы слышали вдали, вправо от нас, сильную канонаду. На другой день, часу в седьмом пополудни, мы остановились на биваках, оставленных накануне французами после жаркого авангардного дела. Верно, французы долго здесь простояли. Это был лагерь, составленный из маленьких красивых дощатых домиков, в две линии, с дверьми и окнами. В некоторых домиках были камины. Этот лагерь был гораздо красивее литовских и эстонских деревень. Мы расположились на кавалерийском биваке. Немедленно высланы были фуражиры, а между тем мы устанавливали лошадей в коновязи. Вдруг раздался крик: «Француз! Француз!» Из одного домика вылез человек – без лица!!! Картечью или обломком гранаты ему сорвало все лицо, т. е. обе щеки, нос, челюсти, язык, глаза и подбородок, и виден был один язычок в горле, на котором присохла запекшаяся кровь. Зрелище ужасное и отвратительное! Изувеченный

показывал знаками, что его мучит жажда. Вид этого несчастного произвел на меня болезненное впечатление, и я содрогнулся при мысли, что, быть может, и меня ожидает завтра такая же участь. Уланы наши окатили страдальца холодной водою, а он лег на землю, продолжая просить знаками налить ему в горло воды, что и было исполнено. Наш полковой штаб-лекарь Малиновский объявил, что нет средств перевязать раны этого человека и что для него величайшее благодеяние – скорая смерть. Полковник Чаликов, по совету штаб-лекаря, приказал пристрелить несчастного, но ни один из наших уланов не согласился на это добровольно. Взятся за дело коновал наш, старик Тортус (родом швед) [1091], выпросив вперед стакан водки, любимого своего напитка. Изувеченного француза отвели с полверсты от нашего бивака, в рощу, и одним выстрелом избавили от мучительной жизни.

Всю ночь снился мне этот несчастный француз, который и теперь еще представляется моему воображению. Это первое зрелище бедствий войны хотя не погасило во мне стра-

сти к военной службе, но убедило, что война не игрушка, как я мечтал, утешаясь биваками, шумом и беспечностью военной жизни. Смерть – дело одной минуты, и сегодня или завтра – все равно! Но увечье, долговременное страданье – вот что ужасно! Как не уважать воина, который охотно идет на смерть и на увечье для славы, чести и пользы общей! Пораздумайте об этом, господа кичливые ланд-юнкеры[1092] и спесивые бароны, и не гордитесь перед русским воином, защищающим ваши картофельные поля! Внутри России воин в уважении...

Предоставляю военным писателям рассказывать в подробности о всех движениях и сражениях нашей армии на пути от Гейльсберга к Пассарге. Это не мое дело. Я описываю, что видел, и только объясняю события по последствиям.

Войско наше шло вперед бодро и весело. Уже несколько раз мы слышали впереди канонаду и досадовали, что нас не пускают в дело. Под Гутштадтом завязалось жаркое сражение, и две дивизии маршала Нея, прикрывавшие ретираду, были разбиты и лишены

нескольких пушек. Однако ж Ней успел при-
мкнуть к Пассарге, устроил на берегу батареи
и на левом фланге укрепил засеками лес, при-
крывавший его переправу. Противу этого ле-
са, составлявшего ключ французской пози-
ции, действовал корпус генерала Дохтурова.
Французы мужественно защищали лес, и ба-
тареи их далеко очищали долину, невзирая
на сильный огонь нашей артиллерии. Гене-
рал Дохтуров потребовал помощи после полу-
дня, 25 мая, из резерва, состоявшего под на-
чальством его высочества цесаревича, кото-
рый выслал немедленно генерал-майора Хит-
рова, с Лейб-егерским полком, одним батальо-
ном Семеновского, четырьмя орудиями лейб-
гвардии конной артиллерии и одним бата-
льоном нашего полка. Часу в четвертом попо-
лудни прибыли мы на поле сражения. С на-
шей стороны, т. е. от Гутштадта, были возвы-
шения, склоняющиеся к Пассарге, – и сраже-
ние происходило перед нашими глазами, как
на ладони. Картина была необыкновенная!
Прямо перед нами гремели орудия с русских
и французских батарей, а вправо от нас про-
исходила, под лесом, сильная перестрелка,

слившаяся в один непрерывный гул. Засеки под лесом составляли род крепости. Генерал Дохтуров приказал гвардейским егерям атаковать немедленно лес. Тут впервые увидел я геройство русского солдата, предводимого храбрыми начальниками. Полк, построившись в две батальонные колонны, двинулся с места так же стройно, как на ученье. Одной колонной командовал полковник Сен-При (Sainte-Priest), а другою полковник Потемкин [1093]. Приближаясь к лесу, колонны разделились и выслали вперед стрелков, продолжая быстрое свое наступление. По условленному сигналу оба батальона крикнули разом «ура» и бросились стремглав в штыки: батальон Потемкина прямо на засеки, а батальон Сен-При во фланг неприятеля. Французы дали залп, но это не удержало храбрых наших егерей: они полезли на засеки, очищая себе путь штыками. В одно мгновение перестрелка прекратилась, и из леса раздались страшные вопли. Потом снова слышались ружейные выстрелы. Французы не устояли и бежали из леса. Егеря преследовали их, невзирая на картечный огонь, по ту сторону леса, и прогнали из

селения Ломитена. Подоспевшие на помощь к нашим егерям казаки и батальон Екатеринославского гренадерского полка довершили поражение французов на этом пункте; но прибывшее к французам подкрепление принудило наших остановиться по сю сторону селения.

В донесении главнокомандующего государю императору, с поля сражения на берегах Пассарги 25 мая, сказано: «Лейб-гвардии Егерский полк действовал столь отлично, что обратил на себя удивление всей армии». И точно, все видевшие этот подвиг лейб-егерей были удивлены! Ни на одном маневре не было произведено такого ловкого и стройного движения, как штурм засек и изгнание французов из леса при Пассарге гвардейскими егерями. Лейб-гвардии Егерский полк был тогда чудный полк, решительно первый полк в русском войске!

Я уже сказал (часть II, стр. 194), что наш полк был в тесной дружбе с лейб-егерями. Мы более всех радовались блистательной славе, приобретенной лейб-егерями в первом сражении, и вместе с ними оплакивали смерть

двух отличных офицеров, капитана Вульфа и поручика Огонь-Догоновского. Два брата графы Сен-При (полковник и подпоручик) были ранены.

В этом движении нашей армии от Гейльсберга к Пассарге другой блистательный подвиг также обратил на себя удивление своей и неприятельской армии. Говоря о восшествии на престол императора Александра Павловича, я упоминал о графе Павле Александровиче Строганове (единственном сыне графа Александра Сергеевича), любимце государевом. Граф Павел Александрович был один из благороднейших, честнейших и благонамереннейших людей, какие когда-либо существовали при дворах. Ангел душою, с умом светлым и глубоким, с высоким образованием, граф Павел Александрович любил Россию выше всего в мире и обожал государя, в котором чтит и высокие дарования и пламенное желание к просвещению и возвеличению отечества. Отец не желал, чтоб единственный сын его, надежда доблестного рода, служил в военной службе, и граф Павел Александрович находился в армии, при особе им-

ператора, в гражданском чине тайного советника, по дипломатической части. Но стремясь доказать государю, что не жалеет жизни для пользы и славы его, он выпросил у атамана Донского войска Матвея Ивановича Платова его Атаманский полк, переправился с ним вплавь чрез реку Алле, напал, врасплох, на французов, положил на месте до тысячи человек и взял в плен четырех штаб-офицеров, двадцать одного обер-офицера и 360 человек рядовых. Этот отважный подвиг снискал графу П. А. Строганову общие похвалы и решил его участь. Отец позволил ему перейти в военную службу, и он в войне 1812, 1813 и 1814 годов, в звании генерал-адъютанта, приобрел репутацию отличного генерала и неустрашимого воина. Единственный сын его в юношеских летах убит в сражении во Франции, в 1814 году[1094], – и это сократило жизнь благородного графа Павла Александровича... [1095] Он стал чахнуть и скончался в 1817 году. Знаменитый род графов Строгановых прекратился, и графское достоинство перешло в родственную линию баронов Строгановых. Если когда-нибудь будет написана полная ис-

тория императора Александра, достойная века и дел его, то граф Павел Александрович Строганов, конечно, займет в ней блистательное место. Император Александр называл его другом своим, и этот друг всегда говорил ему правду и всегда заступался за безвинно угнетаемых или оскорбленных злоупотребителями власти, олицетворяя собою идеал вельможи Державина (в изображении Фелицы):

*Ваш долг монарху, Богу, царству
Служить и клятвой не играть,
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать! [1096]*

Так поступал всю жизнь свою истинный вельможа граф П. А. Строганов, и память его останется навсегда священной и незабвенною.

Русские дрались на всех пунктах с величайшею храбростью, но последствия не соответствовали ожиданиям Беннигсена. Корпус Нея не был отрезан и успел перейти за реку Пассаргу, а корпуса Сульта и Бернадота удержали генерала Дохтурова при Ломитене и пруссаков при мосте Шпанден, от переправы через Пассаргу. Только донские казаки и зна-

менитый впоследствии Кульнев (бывший тогда подполковником Гродненского гусарского полка) успели побывать за рекою. Атаманского полка майор Балабин 2♦й переплыл через реку с 200 казаков, в двух милях в тыле французов, напал на шедший к армии транспорт с боевыми снарядами, избил прикрытие, взял двух человек в плен для засвидетельствования о своем подвиге и взорвал на воздух сорок фур с порохом и гранатами посредством пороховой тропинки, проведенной на такое расстояние, чтоб лопающиеся гранаты не могли вредить его команде. Это произвело ужасную тревогу в французском войске. Бóльшая часть кавалерии поскакала опрометью на этот треск и, прибыв на место, нашла только обломки фур и тела убитых. Подполковник Иловайский 9♦й и майор Иловайский 4♦й[1097] также наделали много хлопот неприятелю, переправясь через реку и перебив несколько отдельных команд в тыле французской армии, а Кульнев, также переплыв чрез реку с двумя эскадронами гусар, прогнал несколько эскадронов французской конницы, взял французский обоз, привел его

на берег и сжег в виду нашего авангарда [1098]. Но все эти блистательные подвиги не принесли нам существенной пользы.

Знаменитый военный писатель барон Жomini говорит[1099], что Наполеон нарочно выдвинул вперед корпус маршала Нея, чтоб выманить Беннигсена из укрепленной позиции под Гейльсбергом, и что если б Беннигсен не атаковал французов, то чрез два дня Наполеон начал бы наступательные действия. Хотя Ней и был предуведомлен, по словам Жomini, что будет атакован, но подавшись вперед далее, нежели ему было приказано, Ней все же мог быть разбит и отрезан от Пассарги, если б русские войска быстрее произвели движение и не употребили слишком много времени для обхода одного озера, а бросились прямо из Вольфсдорфа[1100] в тыл Нею, на дорогу, ведущую из Гутштадта к Дешпену, селу на том берегу Пассарги. Наполеон воспользовался остановкою нашею на берегу реки, 25 мая, собрал всю свою армию и, присоединившись к Нею, с корпусом маршала Ланна, с гвардиєю и резервною кавалерией, выслал немедленно, усиленным маршем, маршала

Мортье к Морунгену, а маршалу Сульту приказал двинуться к Липштадту[1101] и силою перейти через Пассаргу. Мая 26-го Наполеон соединился с Сультом в Альткирхе. Этим искусным движением Наполеон, маневрируя на нашем крайнем правом фланге, почти в тыле, угрожал отрезать всю армию русскую от Гейльсберга и даже занять Кенигсберг прежде, чем Беннигсен успеет зайти ему вперед, и тем принудил Беннигсена прекратить бой на Пассарге и возвратиться поспешно к Гейльсбергу.

И вот мы, после блистательных сражений, в которых везде одерживали поверхность над храбрым неприятелем, – смело можно сказать, после побед, – в полной ретираде! Нет ничего несноснее, мучительнее, как ретирада, хотя бы самая блистательная! И люди и лошади утомлены и обессилены. Только что собираются варить кашу, кормить лошадей – раздаётся команда: *мундштучь, садись!* Но голод – еще половина беды, а целая беда – сон! Все можно вытерпеть, но сна нет сил преодолеть! Кавалеристам еще кое-как сносно дремать на лошади, хотя от этого саднится[1102]

лошадь: но что делать бедному пехотинцу! Однако ж и пехотинец спит на походе, закинув ружье за плечи или положив на ранец переднего товарища. Я видел это собственными глазами, хотя и до сих пор не понимаю, как можно спать на походе, с ружьем в руках. Лишь только остановятся – всё бросается на землю, чтоб уснуть, хоть на несколько минут. Кавалеристы лежат под ногами усталых лошадей, и никто не думает, что одно движение лошади может нанести ему вред или вечное безобразие, как это иногда и случается. Все это мы испытали в быстрой ретираде от Пассарги до Гейльсберга. Арьергард дрался беспрерывно. Французы сильно напирали.

Есть старинная русская песня, начинающаяся словами:

*Сон приятен, без досады,
На утренней, на заре,
На солнечном восходе...*

Мы шли целую ночь, и поутру, когда пригрело солнце, сон овладел мною в высшей степени, и я задремал на лошади. Не знаю, долго ли я спал, но проснувшись внезапно,

едва не свалился от испуга... Кругом вода... Не видно ни души... Лошадь моя забрела в озеро по грудь, с версту от берега, и, напившись вволю, остановилась, а между тем полк, шедший в арьергарде, прошел мимо и скрылся в лесу. От быстрого движения шапка моя упала в воду, и, по счастью, течением прибило ее к берегу. Пришед в себя, я поворотил лошадь, достал шапку и пустился в галоп догонять полк, который прошел уже версты с две. Никто даже не заметил моего отсутствия...

Наконец мы пришли в Гейльсберг. Полк наш расположился на биваках, в тыле, за городом. 29 мая около 10 часов утра началось сражение, сперва в авангарде, при селении Бевернике, а потом и на всей нашей линии. Французы шли смело, стараясь овладеть нашими батареями, и встречали везде отчаянный отпор. В три часа пополудни уже все войска и часть нашего резерва были в деле. Земля стонала от грома пушек, и ружейные выстрелы сливались в один протяжный гул. Погода была тихая и ясная, из порохового дыма и пыли образовалось стоячее облако на поле сражения, так что трудно было видеть в

нескольких шагах. Упорство с обеих сторон было удивительное. Обе линии то подавались вперед, то отступали, и батареи переходили из рук в руки. Ядра и гранаты прыгали по всему полю и попадали не только в город, но и за город, по мере приближения неприятеля. В дыму только по крикам «ура» можно было судить о движении войск. Русские несколько раз штыками отбивали сильный напор французов. Кавалерия наша непрерывно должна была драться с французскою пехотою. Поле покрыто было убитыми; от раненых не было прохода на улицах в Гейльсберге. Почти все дома были заняты под госпитали.

Полк наш стоял на предместье, в тыле сражения, в готовности вступить в бой. Около трех часов пополудни приехал к нам шеф наш, его высочество цесаревич, и за ним следовали две подводы с хлебным вином и сухарями. Он велел полку спешиться и раздать солдатам по чарке вина. Лишь только мы слезли с коней, откуда ни возьмись пушечное ядро – свистнуло и ударило в лопатку флангового улана второй шеренги нашего эскадрона, Котенки (я не забыл имени), в ту самую

минуту, когда я протянул к нему руку, чтоб отдать поводья моей лошади. У фланговых уланов были штуцера[1103] на перевязи... Ядро раздробило штуцер и лопатку бедного Котенки и отбросило его на несколько шагов, а меня, забрызганного кровью, повалило силою воздуха. Это было первое близкое знакомство мое с ядрами... Котенку подняли и понесли в город, но он умер на руках несших его.

Его высочество уехал к резерву, которым он начальствовал, а мы сели на коней и пошли шагом вокруг города, на правый фланг.

Здесь же я в первый раз увидел знаменитого атамана Донского войска Матвея Ивановича Платова (бывшего тогда генерал-лейтенантом и не имевшего еще графского достоинства), которого имя повторялось в каждой реляции. Он пронесся мимо нас на рысях с своим Атаманским полком. Матвей Иванович Платов был сухощавый, уже не молодой человек и ехал согнувшись на небольшой лошади, размахивая нагайкою. За ним шел стройно, по три справа, его геройский полк. Все казаки Атаманского полка носили тогда бороды и не было бороды в полку ниже пояса. Казаки оде-

ты были в голубые куртки и шаровары, на голове имели казачьи бараньи шапки, подпоясаны были широкими патронташами из красного сафьяна, в которых было по два пистолета, а спереди патроны. У каждого казака за плечами висела длинная винтовка, а через плечо, на ремне, нагайка, со свинцовой пулею в конце, сабля на боку и дротик в руке, наперевес. Шпор не знали тогда казаки. Люди были подобранные, высокого роста, плотные, красивые, почти все черноволосые. Весело и страшно было смотреть на них!

Полк наш, вышед за город, стал за кавалерией, которая уже несколько раз ходила в атаку. Сквозь облака дыма, которые иногда редели, мы видели сражавшихся, и неприятельские ядра переносило часто за наш фронт. Французы непременно хотели овладеть нашими батареями и лезли на них по трупам своих товарищей. Надлежало отгонять их штыками и кавалерией. Несколько раз перед нашими глазами ходили в атаку кирасиры, драгуны и казаки, но до нас не дошла очередь. Мы только маневрировали на плоском возвышении в виду неприятеля, то при-

ближаясь к центру поля сражения, то удаляясь от него.

Ничего нет скучнее, как подробности сражения, и потому я не стану повторять их по реляциям. Дрались под Гейльсбергом весь день с величайшим с обеих сторон ожесточением. Темная ночь разлучила сражавшихся. Мы остались на поле сражения, французы отступили туда, где началось авангардное дело.

Наполеон провозгласил победу во всей Европе! Какая же это была победа? По собственному его сознанию, он был гораздо сильнее русских, а между тем русские остались ночевать и весь следующий день простояли в своей позиции. По здравому смыслу и по правилам логики победа принадлежит тому, кто удержал за собою поле сражения, а русские удержали его с честью и славою, защищая каждый шаг земли до последней капли крови. С обеих сторон потеря была почти равная. В обеих армиях выбыло из фронта более 20 000 человек. Мы лишились храброго генерал-майора Кожина, убитого в атаке перед фронтом Кирасирского его величества полка, которым он командовал, и генерал-майора

Варнека. Ранены генерал-лейтенант Дохтуров, генерал-майоры Вердеревский, принц Мекленбургский, Пассек, Дука, Олсуфьев [1104] и дежурный генерал Фок. Александр Борисович ранен был в левую руку. Его высочество цесаревич, узнав об этом, сказал: «Фок ранен в левую руку, а Беннигсен лишился правой руки!» И остроумно, и справедливо.

Но дело мастера боится. Наполеон знал, что Беннигсен весьма дорожит Кенигсбергом, и потому вознамерился движением на Кенигсберг принудить его покинуть свою крепкую позицию при Гейльсберге. Оставив корпус Даву перед Гейльсбергом, чтоб прикрыть свое движение, Наполеон со всеми силами своими бросился к Ландсбергу и Прейсиш-Эйлау, на Кенигсбергскую дорогу. Жомини замечает, что если б Беннигсен решился оставить часть войска в гейльсбергской позиции и двинулся быстро вперед, то зашел бы в тыл Наполеона, овладел его сообщениями и прижал бы всю неприятельскую армию в угол, между нижним Прегелем, морем и русским войском. Это было бы тем, что в шахматной игре называется *шах и мат*. Что сквозь рус-

ские ряды Наполеону нелегко было бы пробиться – это испытал он уже под Пултуском, Прейсиш-Эйлау и Гейльсбергом. Но Беннигсен сперва думал, что Наполеон на другой же день, 30 мая, возобновит сражение под Гейльсбергом, и когда французские стрелки корпуса Даву показались под лесом, на нашем правом фланге, Беннигсен выстроил всю армию свою в боевой порядок и продержал почти половину дня под ружьем в ожидании атаки, между тем как Наполеон шел вперед по Кенигсбергской дороге. Французских стрелков скоро загнали в лес, и все удивлялись, что французы вовсе исчезли. Вечером казаки дали знать, что главная французская армия пошла к Ландсбергу по Кенигсбергской дороге. То же подтвердили перехваченные французские депеши, и Беннигсен, опасаясь за свои сообщения с Кенигсбергом и русскою границею, двинулся немедленно со всею армиею по противному берегу реки Алле на Бартенштейн и Шиппенбейль, сжегши мосты под Гейльсбергом. Таким образом, обе армии шли по одному направлению, параллельно одна к другой. Французов не было вовсе ни перед на-

шим авангардом, ни за нашим арьергардом. Только летучие казачьи отряды охраняли шествие наше с левой стороны, т. е. со стороны французов. Странное положение обеих армий, которые опережали одна другую, первая для защиты, другая для взятия одного города. Все мы думали, что идем к Кенигсбергу и что там встретим французов и дадим генеральное сражение. Это мне подтвердил адъютант Беннигсена, с которым я познакомился в день отдачи письма главнокомандующему. 31 мая главная квартира наша была в Шиппенбейле.

При закате солнца я видел Беннигсена в Шиппенбейле. Он стоял на крыльце занимаемого им дома и смотрел на артиллерию, проходившую чрез город. Мне показалось, что он постарел с тех пор, как я обедал у него в Гейльсберге. Беннигсена окружали генералы, но он, казалось, никого не замечал и даже не отвечал на салют артиллерийских офицеров. Наморщив лоб и насупив брови, он неподвижным взором смотрел вперед, опершись на саблю. На нем была шляпа с белым султаном и общекавалерийский мундир, с серыми рейтузами. Я стоял насупротив, чрез улицу, и

с четверть часа не сводил с него глаз. Тяжелая дума ясно выражалась во всех чертах лица его. Я имел сперва намерение представиться ему, но не решился, видя его в таком мрачном расположении духа. Когда артиллерия прошла, Беннигсен поклонился генералам и вошел в дом.

До сих пор Наполеон играл только в шахматы с Беннигсеном, т. е. оба они маневрировали, чтоб найти место и случай для поражения один другого. Французская армия шла отдельными корпусами к Кенигсбергу. Беннигсен спешил, чтоб предупредить французов, закрыв фронтом своим Кенигсберг и переправу чрез Прегель. Из Шиппенбейля надлежало поспешить чрез Фридланд к Велау (Wehlau) [1105], где река Алле соединяется с Прегелем, впадающим в море, при Кенигсберге. Французы опережали нас. Когда наша главная квартира была в Шиппенбейле (31 мая), Наполеон был уже в Прейсиш-Эйлау; Ланн, подкрепляемый Неем и Мортье, в Домнау; Сульт под Крейцбергом [1106], а Мюрат и Даву шли прямо на Кенигсберг. Прочие французские корпуса следовали отдельно за главною квартирою

Наполеона.

Беннигсен получил известие о быстром движении неприятеля на пути из Шиппенбейля к Фридланду и, удостоверясь в невозможности опередить Наполеона, составил другой план, который имел бы благие последствия, если б, как говорит Жомини, исполнен был быстро и решительно. Беннигсен вознамерился перейти Алле, начать наступательные действия и разбить отдельные корпуса французов, не дав им соединиться. Он избегал решительного сражения до присоединения к нему корпуса князя Лобанова, шедшего к армии на подкрепление из Тильзита. В этом корпусе было до 26 000 человек. Действуя таким образом на оконечности неприятельской линии, фронтом к морю, утруждая неприятеля отдельными битвами и прервав его сообщения, Беннигсен поставил бы Наполеона в затруднительное положение и принудил бы его отступить от Кенигсберга, а между тем, соединившись с князем Лобановым и другими отрядами, мог бы выбрать выгодную позицию для генерального сражения. План этот, составленный мгновенно, при быстрой пере-

мене обстоятельств, обнаруживает высокие военные дарования Беннигсена. Конечно, современное общее мнение судит о делах и людях по успехам; но суд истории взвешивает причины и последствия, и будущий историк, без сомнения, поставит Беннигсена в число искуснейших генералов своего времени, хотя бы даже и решил, что он не в силах был бороться с военным гением Наполеона.

Нашей армии, следовавшей от Шиппенбейля к Фридланду, предшествовали резерв под начальством его высочества цесаревича и часть резервной кавалерии под начальством князя Дмитрия Владимировича Голицына. С утра 1 июня наш и Орденский кирасирский [1107] полки, с несколькими (кажется, с четырьмя) орудиями конной артиллерии, высланы были вперед, к Фридланду, на рекогносцировку. Начальствовал сам князь Д. В. Голицын. Ему приказано было перейти чрез реку Алле, на левый ее берег (армия наша шла по правому берегу), остановиться в городе для охранения моста и выставить пикеты за городом. Мы никак не надеялись встретить здесь французов, зная направление

французской армии, шли беспечно и радовались, что отдохнем в городе хоть одни сутки и запасемся съестным; но, подходя к городу, увидели бегущих к нам навстречу безоружных солдат с криком: «Французы!» Это были наши фурлейты (человек десять) из обозов, оставленных в Фридланде, когда этот город оставался в тыле нашей армии, далеко от театра военных действий, т. е. в то время, как мы стояли под Гейльсбергом и ходили к Пассарге. Кажется, что об этих обозах вовсе забыли! От них мы не могли ничего более узнать, как только то, что французская конница заняла город, что все обозы наши взяты и что сами они успели спастись на лодках. Французской пехоты они не видали. Решено было немедленно атаковать город. Мы выстроились в две линии, поэскадронно, и пошли на рысях к мосту, но тут встречены были залпом спешившихся французских гусар, засевших за бревнами. Мост был разобран посредине, но наскоро, так, что доски еще лежали в куче по краям моста. Тут полк наш оправдал надежду на него его высочества и совершил истинно геройский подвиг, которого честь при-

надлежит эскадрону ротмистра Владимирова и поручику Старжинскому. Соскочив с лошади и вызвав нескольких храбрецов, Старжинский бросился с ними на мост и стал укладывать доски под градом неприятельских пуль. Несколько десятков гусарских штуцеров метили в него, и ни одна пуля не попала! Через четверть часа мост был починен, и мы бросились стремглав в город.

Старжинский был один из лучших офицеров нашего полка. Красавцу, с отличным воспитанием и благородному во всех своих поступках, ему недоставало только военной славы – и он приобрел ее подвигом, которого не пропустил бы без внимания ни Тит Ливий, ни Тацит. В наше время все забывается и важно одно настоящее. Эгоизм заглушил все высокие чувствования. Мы хвалим только то, что нам полезно. Старжинский обрекал себя на явную смерть, и если он остался жив и невредим, то это истинное чудо. Разве Гораций Коклес сделал более![1108] С какою радостью мы прижали к сердцу доброго нашего товарища, когда увидели его снова на лошади![1109] Он даже удивлялся нашим поздравлениям, почи-

тая подвиг свой ничтожным, и простодушно отвечал нам: «Кому-нибудь да надобно же было первому пойти!»

Спешившихся французских гусар, которые не успели спастись чрез огороды, мы перекололи и поскакали по главной улице на площадь, где встретили нас саксонские драгуны, выстроившиеся в колонне, в числе нескольких эскадронов. Саксонцы храбро выдержали первый наш натиск, но мы врезались в их ряды и опрокинули их фронт. Они поскакали в тыл, а мы за ними, и вскоре уланы наши перемешались с саксонскими драгунами и скакали вместе по улицам, нанося друг другу удары. За городом мы увидели французский гусарский полк в зеленых мундирах, который шел к нам навстречу на рысях. Саксонские драгуны проскакали чрез интервалы между гусарскими эскадронами, а мы остановились, чтоб выстроиться. На нашей стороне трубили сбор, и вдруг из-за реки несколько ядер из наших легких орудий ударило в неприятельскую колонну. Это остановило ее и дало нам время собраться и выстроиться поэскадронно.

По моему мнению, нет зрелища живописнее и привлекательнее, как кавалерийское сражение! Фланкировка[1110], атаки, скачка по чистому полю, пистолетные выстрелы, схватка между удальцами, военные клики, трубные звуки – все это веселит сердце и закрывает опасность смерти. Погода была прекрасная, поле обширное и ровное, и мы радостно вступили в бой. Орденские кирасиры остались при наших пушках и для защиты моста и города, а наш полк один выступил в чистое поле на битву с французскими гусарами и саксонскими драгунами. Сперва мы послали фланкёров, а потом ударили на французских гусар и опрокинули их. Проскакав с версту, они остановились и выстроились за своею второю линиею, т. е. за саксонскими драгунами. Одним натиском мы смяли саксонцев. Несколько раз неприятель останавливался и строился на расстоянии около семи верст, и мы каждый раз принуждали его к ретираде нашими атаками и наконец загнали в лес. Стало смеркаться, и потому один эскадрон (майора Лорера) остался на аванпостах, растянув цепь под лесом, а прочие эскадроны

отступили версты на три и расположились на биваках.

Эта первая встреча наша с французами, столь блистательная, осталась почти незаметною в военной истории. Жомини[1111], упоминая об этом деле, говорит от имени Наполеона: «Un de nos régiments de hussards qui occupait déjà cette ville en fut chassé le même soir», т. е. «Один из наших гусарских полков, который уже занимал этот город, был выгнан из него в тот же вечер». О саксонских драгунах и вовсе забыли! Однако ж мы очень хорошо помним их. Это были рослые, видные люди, с косами, в красных куртках с зелеными отворотами, на крепких и хороших лошадях. Дрались саксонцы не хуже французов. Мы взяли в плен человек до шестидесяти гусар и драгун, а перекололи и порубили, верно, с полсотни. От пленных узнали мы, что эти два полка высланы на рекогносцировку от корпуса маршала Ланна, из Домнау.

Впоследствии я слышал от весьма искусного французского генерала, что если б мы не остановились под лесом, а перешли через лес и заняли аванпосты по другую его сторону, то

генеральное сражение под Фридландом на следующий день могло бы иметь другие последствия. Узнав о переходе Беннигсена чрез Алле, Наполеон двинул свою армию к Фридланду, не всю в одно время, но корпусами, из разных мест, прикрывая движение войск лесом таким образом, что мы не знали сил наступающего неприятеля, когда он, напротив, мог из-под леса видеть нас в чистом поле и распоряжаться сообразно нашим движениям и местоположению. Но мы не могли занять леса накануне, потому что управились с французами уже поздно, когда стало темнеть, а коннице невозможно было пуститься в лес ночью, не зная местности и сил неприятеля. К вечеру могла подойти французская пехота, и мы попались бы в засаду. Если б мы раньше, т. е. 1 июня, пришли к Фридланду и прогнали французов среди дня, то, вероятно, князь Д. В. Голицын перешел бы за лес. Впрочем, как знать будущее! Никто не предполагал, что здесь на другой день будет генеральное сражение.

Эскадрон наш остановился бивакировать на том месте, где у нас была жаркая схватка

с французскими гусарами. На поле лежало несколько убитых французов; одного из них я притянул за ноги к моему помещению, и как нам не дозволено было ни расседлывать лошадей, ни отвязывать чемоданов, то я употребил мертвого француза вместо изголовья — прилег и заснул преспокойно.

Но мне не дали отдохнуть после сильного движения. Я был очередной на службу, и мне велено немедленно отправляться в город, с командою дляковки лошадей. Корнет Жеребцов и я повели команду в город. Было около десяти часов вечера.

Не знаю, есть ли теперь фонари на фридландских улицах, но тогда во всей Германии просвещение процветало, как и теперь, но освещение было везде плохое. В городе было темно, как в яме. Кое-где горели свечи. Некоторые из жителей выбиравались из города. Мы прямо отправились к ратуше требовать всего, что нам было надобно. Явился испуганный бургомистр и так засуетился, что мы не могли добиться от него толку. Другой немец, вероятно член ратуши, распорядился вместо бургомистра, указал нам три кузницы, приказал

выдать овес из магазина и назначил домохозяев, которые должны были накормить наших уланов. Когда началась работа в кузницах, мы уговорились с Жеребцовым уснуть по два часа, поочередно, и бросили жребий, кому первому идти на покой. Первенство досталось мне, и я отправился в первый дом, который показался мне лучше других. На сильный стук мой у дверей раздался женский голос: «Wer da?» (кто там?) – «Русский офицер – на квартиру», – отвечал я. «Gleich!» (тотчас). Через несколько минут отворились двери, и меня встретила служанка со свечою. Я пошел вверх, и в первой комнате меня принял хозяин дома, в шлафорке и в колпаке, извиняясь, что не успел одеться. Без всяких околичностей я объявил ему, что голоден и измучен до последней крайности, и просил чего-нибудь поесть и места, где бы мог отдохнуть часа два. Хозяин был виноторговец. Немедленно явилась бутылка вина и закуска, и, когда я насытился, хозяин указал мне постель в другой комнате. Я попросил хозяина разбудить меня ровно через два часа и, сняв куртку, бросился полуодетый, в сапогах со шпорами, на немец-

кие пуховики и в одну минуту заснул богатырским сном.

Проснувшись, я протираю глаза и не могу прийти в себя. Кажется, все чувства замерли во мне: я ничего не видел и не слышал. Машинально умылся я холодной водою, которую налил мне на руки хозяин. Опамятовавшись, я увидел, что возле моей постели стоят хозяин мой и наш унтер-офицер Завьялов. Вид последнего электризировал меня, и кровь моя пришла в движение, когда он сказал: «Пора в сражение, ваше благородие!» – «В сражение?» – возразил я и вскочил с постели. Пушечные выстрелы хотя изредка, но раздавались уже за городом. «А где же команда?» – «Ушла с корнетом Жеребцовым, – отвечал Завьялов. – Мы искали вас и не могли отыскать. По счастью, хозяин пришел в кузницу, где я оставался с десятком уланов, не успевших подковать лошадей, и знаками показал, что у него находится *русс-офицер*, прибавив: *кранк* [1112]. Это я выразумел и тотчас побежал за вами... Да вот бьемся с час и не можем добыться: что поднимем, то вы снова упадете, как сноп, на постель. Я сам подумал, уж не

больны ли вы, ваше благородие!» Хозяин при-
молвил, что он никак не мог разбудить меня
и, зная, что уланы в кузнице, решился по-
звать их, полагая, что я болен. Между тем
шум и стук на улице поразили меня. Я подо-
шел к окну и увидел, что чрез город проходит
наша армия. «С полночи началась суматоха, –
сказал Завьялов. – И мы насилу могли отсто-
ять нашу кузницу... Конница, артиллерия, пе-
хота идут за город, и видно, что передние уже
наткнулись на француза: слышите, как жа-
рят!...»

Умывшись еще раз холодною водою и вы-
пив стакан пойла, называемого в Германии
кафе (кофе), я простился с хозяином и вышел
на улицу, где ждала меня остальная коман-
да. С величайшим трудом выбрались мы за
город. Все улицы загромождены были иду-
щим войском, пушками, ящиками, парками,
обозами. Везде крик и шум. Где покупали, а
где брали в долг... Шинки стояли без окон и
дверей. У хлебников не осталось ни крохи
хлеба... Оборванный немец, который, как ша-
кал, искал добычи после наших солдат, про-
вел нас за город поперечною улицею, и мы

наконец выбрались в чистое поле.

Тут открылась передо мною великолепная картина. Восходящее солнце играло на блестящем оружии наших колонн, шедших в различных направлениях для занятия позиции. Белые перевязи на зеленых мундирах блестели, как весенний цвет на деревьях. Пушки светились, как жаровни! Одним взглядом можно было обозреть огромное пространство между городом и лесом. Почти вся кавалерия наша была на правом фланге. Три дивизии пехоты под начальством князя Горчакова прикрывали кавалерию. Левое крыло, состоявшее почти исключительно из пехоты и артиллерии, занимало позицию между рекою Алле и ручьем, вытекающим из большого пруда за городом; позади нашего левого фланга устроены были три моста. Мы скоро нашли своих: уланские флюгера пестрели, как маков цвет, на правом фланге. Мы пошли рысью и присоединились к полку.

В первой линии уже виден был пороховой дым, и кое-где раздавались пушечные выстрелы. Но массы еще не действовали, и только стрелки наши перестреливались с француза-

ми, которые ограничивались защитой, высылая непрерывно новые подкрепления из леса. Почему мы не атаковали французов немедленно всею нашею силою? Почему не вторглись в лес? Почему дали время Наполеону собрать бóльшую часть сил своих? Все это должно приписать счастью Наполеона! Наконец около пяти часов пополудни французы атаковали нас на всех пунктах. Земля застонала от грома пушек, из ружейных выстрелов образовался один непрерывный рев, и настала ужасная битва, каких было и будет немного в мире!..

Как я уже говорил однажды о похождениях моих в этом сражении (см. Собр. сочин., издание второе, часть II, стр. 187)[1113], то и теперь должен повторить мой рассказ, хотя другими словами и с большею историческою верностью. Скажу сперва о том только, что я видел и испытал, а потом расскажу, что узнал впоследствии.

Перед нами на правом фланге, ближе к центру, была деревня, а за нею тот самый лес, куда накануне мы загнали французов. Наш командирский эскадрон под начальством

ротмистра Василия Харитоновича Щеглова сперва прикрывал два легкие орудия, которые стреляли в лес и по цепи французских стрелков. Внезапно из леса показалась неприятельская кавалерийская колонна. Фронт ее был невелик, а мы издали не могли видеть толщины колонны. Несколько пушечных выстрелов не остановили ее движения. Эскадронам, нашему и ротмистра Радуловича, и одному эскадрону лейб-казаков, приказано было ударить на эту колонну. Мы пошли повзводно на рысях, прошли чрез деревню, повернули налево и выстроились поэскадронно. Наш эскадрон шел впереди. Саженьях во стое от неприятеля храбрый ротмистр Щеглов командовал: «Пики наперевес – марш-марш!» – и понесся вперед, крикнув: «Ура!» Дружно бросился за ним весь эскадрон, повторяя тот же крик, но, прискакав на несколько шагов к французской колонне, остановился. Колонна была по малой мере впятеро сильнее нас и стояла неподвижно, как каменная стена. Это были знаменитые французские драгуны генерала Латур-Мобура (Latour Maubourg). Они стали стрелять в нас на расстоянии несколь-

ких шагов из задней шеренги, а передняя шеренга отбивала палашами пики храбрецов наших, которые хотели врезаться в их фронт. Вдруг во французской колонне раздалось: «En avant! Vive l'Empereur!» (т. е. «Вперед, да здравствует император!»), и вся колонна ринулась на нас, на рысях, и, так сказать, отбросила нас в тыл своею тяжестью. Мы, однако ж, назад не поскакали, как это обыкновенно бывает в кавалерии, когда атака не удаётся, но отступали медленно. Наши фланкёры начали отстреливаться из карабинов, и несколько смельчаков, выехавших из французской колонны, чтоб рубить отступающих, подняты были на пики. Тут французская колонна быстро сделала пол-оборота направо и заградила нам обратный путь. Мы бросились вправо, но здесь непредвиденная беда – крепкий плетень, сработанный сильными немецкими руками! Мы остановились, и, пока лейб-казаки, бывшие позади нас, разламывали плетень, французская колонна наперла на нас всею своею силою. Нам нельзя было двинуться ни в какую сторону: пошла ужасная свалка! Сперва французы стреляли в нас из

ружей, но чрез несколько минут мы смешались с ними и сбились в одну толпу; стреляли куда попало, и в своих и в чужих, дрались пиками, саблями, бросались друг на друга как бешеные... Едва ли есть в военной истории другой пример подобного кавалерийского дела! Это была настоящая резня... Французам ловчее было в тесноте действовать палашами, чем уланам пиками, и материальный перевес был на их стороне...

Я скакал перед моим взводом, когда мы пошли в атаку, а когда наши повернули лошадей, очутился в тыле. Лишь только мы подались назад, против меня выскочил из фронта молодой французский офицер, выстрелил из пистолета шагах в десяти, не более, и не попал. Когда наши уланы сбились в кучу у плетня, тот же молодой офицер опять наскочил на меня с поднятым палашом и закричал: «Rendez-vous, officier![1114]» Вместо ответа я занес на него саблю, чтоб рубнуть его по руке, но промахнулся, потому что он в то же мгновение опустил руку. Сабля моя скользнула по гриве его лошади, она испугалась и быстро повернулась, а я в это самое время хватил

офицера по плечу... Кажется, что я ранил его. Он отскочил и закричал своим драгунам: «Tuez-le![1115]» Но, видно, французские драгуны сжалились над моею юностью и не захотели убить меня наповал. Два ружейные выстрела раздались в нескольких шагах, и я, как сноп, повалился на землю: две пули попали в голову моей лошади. По счастью, в эту самую минуту толпа наша попятилась в тыл, и задние уланы, защищаясь, обернулись к французскому фронту. Я имел время отстегнуть мой чемодан и вынуть пистолеты из кубур, перелез через плетень и пустился во весь дух бежать в деревню, перебрался через другой плетень, гораздо выше, и остановился за дровами, сложенными стеною позади крестьянских домов. Запыхавшись, я бросился на землю отдохнуть и тут только заметил, что потерял свою уланскую шапку. Через несколько времени в деревне раздались громкие крики «en avant[1116]» и конский топот... Я выглянул из за угла... Наши скакали по улице, а за ними гнались французские драгуны. Мне делать было нечего. Я прикрепил чемодан к шарфу, за плечами, повесил заряженные пи-

столеты на ветишкетах и, когда французская колонна проскакала, вышел на улицу, чтоб взглянуть на чистое поле. На улице лежала лейб-казачья пика – я поднял ее... Вдруг вижу, та же французская колонна несется обратно в деревню, и гораздо быстрее прежнего, – я опять скрылся в мою засаду за дровами и остановился на самом углу. Когда колонна проскакала чрез деревню, я снова вышел на улицу и вижу, что наши лейб-казаки и гусары скачут в деревню... Несколько французских драгун поотстали от своих; один из них слез с лошади, подтянул подпруги у седла, вскочил опять на лошадь и пустился во всю конскую прыть догонять товарищей... Я бросился на него с пикою... Он направил на меня лошадь, перегнулся, чтоб рубнуть меня, но мне удалось так метко ударить его в бок пикою, что он свалился с лошади. Пика моя осталась у него в боку, и он повис ногою в стремях. Я ухватил лошадь за поводья, но, испуганная, она стала рваться и становиться на дыбы, и я никак не мог справиться с нею и выпутать ногу убитого мною драгуна из стремях... В эту минуту прискакали лейб-казаки и лейб-

гусары. Наш эскадрон и эскадрон майора Лорера понеслись мимо деревни к лесу, чтоб отрезать французам ретираду. Я кричу из всех сил: «Помогите, братцы!» Никто не обращает на меня внимания – все скачут вперед. Наконец я успел выпутать ногу драгуна из стремени и поднял мою пику, но лошадь не давалась садиться на нее, и я принужден был вести ее за поводья. Несколько казаков уже возвращались на рысях, с добычей – французскими лошадьми и несколькими пленными... «Пособи, братец, сесть на лошадь – она бесится!» – сказал я одному лейб-казаку, который вел французскую офицерскую лошадь. «Некогда!» – отвечал он и пронесся мимо. С тою же просьбою обратился я к лейб-гусару (рядовому Ансонову), который догонял своих, оставаясь прежде в тыле при раненом товарище. «Извольте, ваше благородие!» Ансонов слез с лошади, отвязал драгунское ружье от седла, укоротил стремяна, пристегнул на мундштуке цепочку, которая сорвалась с крючка и звонком своим пугала лошадь, и, посмотрев на огромного французского драгуна, который еще шевелился, спросил с удивлением:

«Неужели это вы уходили его?» – «Я, братец, с помощью Божиею!» – «Нешто, что Божией волей, – примолвил Ансонов, – да ведь он убил бы вас кулаком, если б дошло до схватки! Счастливо, счастливо, ваше благородие!» Мы поскакали с Ансоновым к своим. Мне никак не хотелось расстаться с казачьею пикою, доставившей мне победу над французским Голиафом[1117], и я приехал в эскадрон на французской лошади, с обнаженной головою, с казачьею пикой в руке. Товарищи почитали меня убитым, потому что некоторые из улан видели, как в меня выстрелили и как я свалился с лошади. Гусар Ансонов рассказал, в каком положении нашел меня. Еще есть несколько товарищей моих в живых, и есть люди, которые слышали об этом от Александра Ивановича Лорера...

Французские драгуны ушли в лес, а деревню, в которой я, спешенный, укрывался за дровами, заняла наша пехота и протянула цепь стрелков под лесом. Мы слезли с лошадей, ожидая дальнейших приказаний, и в это время я с товарищами стал рассматривать мою добычу, т. е. чемодан французского дра-

гуна. Дай бог иному пехотному офицеру иметь такой багаж! Белье тонкое, шелковые платки, серебряная ложка, пенковая трубка, две пары белых шелковых чулок, танцевальные башмаки, новый мундир и проч. Вообще, французские солдаты были тогда богаты, получая часто денежное награждение из контрибуций, налагаемых на покоренные земли и живя на всем готовом. Я разделил все вещи между Ансоновым и двумя моими трабантами[1118], уланами, которые безотлучно находились при мне, Кандровским и Табулеви-чем, и оставил для себя ложку, пенковую трубку и два фунта курительного табаку. Взятая мною лошадь была, кажется, нормандской породы, сильная, крепкая на ноги и легкая на бегу, но немного пуглива.

Я просил ротмистра моего, Василия Харитоновича Щеглова, рекомендовать гусара Ансонова полковнику его, князю Четвертинскому, что ротмистр мой исполнил немедленно, потому что гусары стояли от нас в двухстах шагах. Ансонов после кампании получил Георгиевский крест за *спасение офицера*, а потом был произведен в унтер-офицеры. Он ха-

живал ко мне в Петербурге. Не знаю, жив ли он.

Приключение мое сделалось известным в гусарском полку и особенно потому обратило на себя внимание, что я был очень молод...

Французская пехота стала выходить из леса, и на том месте, где мы дрались, и в деревне завязалось пехотное сражение. Нас потребовали на крайний правый фланг. Наш полк, три эскадрона лейб-гусарского и Александрийский гусарский полк составили отряд под начальством генерала графа Ламберта: ему поручено было сделать рекогносцировку на крайнем левом фланге французов, который как будто прятался от нас за лесом и селениями. Мы пошли вперед, обогнули лес и увидели сильную пыль. Это были свежие войска, шедшие к маршалу Мортье. Кавалерия прикрывала их движение и стояла, спешившись, перед деревнею. Лишь только мы показались на опушке леса, во французской кавалерии затрубили тревогу, и она двинулась шагом. Противу нас были драгуны и знаменитые кирасиры. Здесь мы впервые встретились с ними. Надобно сказать правду, что вид

этих кирасиров, на огромных лошадях, в блестящих латах, с развевающимися по ветру конскими хвостами на шишаках, производил впечатление. Но мы так быстро ударили на них, что не дали им опомниться и прогнали их за деревню. В погоне наши уланы многих кирасиров и драгунов ссадили с лошадей пиками. Я также был в атаке с своею пикой, и два мои любимца, Кандровский и Табулевич, не отставали от меня ни на шаг и беспрестанно повторяли: «Не горячитесь, ваше благородие! Берегитесь, чтоб лошадь не занесла вас в середину французов! Не выскакивайте вперед!» – и т. п. Я работал пикою наравне с другими и вдогонку покалывал дюжих кирасиров *a posteriori*[1119], а одного даже свалил с лошади при помощи Табулевича. Но когда мы, прогнав французов за деревню, остановились, я был так измучен, что едва мог держать пику в руках. Отломив острие, я спрятал его в чемодан, на память, и бросил древко. Пика была не по моим силам и утруждала меня.

Французы в больших массах собирались за деревней, и мы отступили к своим. В нашей

первой линии на правом фланге было до 35 эскадронов легкой кавалерии. Впереди стоял Гродненский гусарский полк, потом наш, на одной линии с Александрийским гусарским, далее лейб-гусары и лейб-казаки. Противу нас вышли из-за леса 50 эскадронов французских драгунов и кирасиров, в трех колоннах: одна ударила в центр, а две во фланги.

Я всегда удивлялся и удивляюсь храбрости тех писателей, которые, не видав даже издали сражения, описывают битвы и еще рассуждают о военных действиях! Например, кто не бывал в кавалерийском деле, тот не может иметь об нем ясного понятия. Многие воображают, что две противные кавалерии скачут одна противу другой и, столкнувшись, рубятся или колются до тех пор, пока одна сторона не уступит, или что одна кавалерия ждет на месте, пока другая прискачет рубиться с нею. Это бывает только на ученье или на маневрах, но на войне иначе. Обыкновенное кавалерийское дело составляет непрерывное волнение двух масс. То одна масса нападает, а другая уходит от нее, то другая масса, прискакав к своим резервам, оборачивает лошадей и

нападает на первую массу и опрокидывает ее. Это волнение продолжается до тех пор, пока одна масса не сгонит другой с поля. Во время непрерывного волнения рубят и колют всегда тех, которые скачут в тыле, т. е. бьют вдогонку. Бывают и частные стычки, но это не идет в общий счет. Иное дело в фланкировке. Это почти то же, что турнир. Тут иногда фланкёры вызывают друг друга на поединок, и каждый дерется отдельно.

Мы дрались с французскою кавалериею несколько часов сряду, с переменным счастьем. То мы их прогоняли, то они нас, а между тем и к ним, и к нам приходили подкрепления. Но подкрепления их были гораздо сильнее, и мы должны были бы уступить им поле, если б не прибыл к нам кстати на помощь генерал-адъютант Уваров, с резервной кавалериею и несколькими орудиями конной артиллерии. Мы повели общую атаку целым правым флангом, опрокинули всю французскую кавалерию, устлали поле их латниками и драгунами, прогнали всю массу под лес и, возвратясь на наше прежнее место, выстроились *шашечницей* (en échiquier) и ожидали

окончания пехотного сражения. Итак, на правом нашем фланге была одержана победа: поле сражения было в наших руках, и прогнанный неприятель не смел более атаковать нас [1120].

Между тем в центре, где находился генерал Дохтуров, и еще более на левом фланге кипела ужасная битва. Особенно тяжело было князю Багратиону на левом фланге, куда устремлены были все усилия французской пехоты и артиллерии. Выстрелов уже нельзя было различать: гремел непрерывный гром и поле покрыто было дымом. Страшный гул разносился по полю и по лесу, земля стонала. Местоположение, занимаемое князем Багратионом, было самое невыгодное. Река Алле изгибается в этом месте в виде буквы С, с острою впадиною в середине. Долина эта острым концом примыкает к городу. На этой-то площади в 250 квадратных сажень дрался князь Багратион с величайшим отчаянием и ожесточением против тройных сил, удерживая штыками густые колонны неприятеля. Тридцать шесть французских орудий непрерывно стреляли картечью на один пункт, на

пятьдесят сажень расстояния, между тем как французская пехота неустрашимо лезла на штыки. Намерение Наполеона состояло в том, чтоб, перекинув наши левый фланг и центр за реку, овладеть городом и таким образом отрезать наш правый фланг. Однако ж пехота наша держалась до вечера с величайшим мужеством, и каждый шаг вперед дорого стоил французам. Наконец в шестом часу Беннигсен приказал князю Багратиону отступать за реку по мостам, выслав прежде артиллерию и устроив на возвышенном противоположном берегу батареи из 120 орудий, которые сильно громили французов. Беннигсен тогда еще не думал решительно отступать: он намеревался только собрать армию, дать ей отдых, на другой день перейти снова по сую сторону реки и возобновить сражение. При переправе настала жестокая резня, но наши должны были уступить, потому что французы были здесь вдесятеро сильнее и подавляли наших своею массою. Князь Багратион принужден был идти по зажженным мостам. В то же время французские брандскугели[1121] зажгли Фридланд.

Мы не знали положительно, что происходит на нашем левом фланге. Уже смеркалось, и зарево пожара осветило горизонт. Беспре-
рывный гром орудий превратился в частые залпы. Мы не предвидели ничего хорошего. Наконец несколько заплутавшихся пехотинцев известили начальника правого фланга князя Горчакова, что князь Багратион и Дохтуров перешли через реку, что мосты горят и что французы заняли город. Положение наше было весьма опасное: мы были отрезаны! Но князь Горчаков решился штыками проложить себе путь сквозь французскую армию. На правом фланге была сильная часть нашей армии, и фланг наш удержал до последнего часа поле сражения. Князь Горчаков надеялся еще поправить дело. Пехота пошла обратно в город, а кавалерия прикрывала это движение. Вся французская конница выступила противу нас и шла за нами, не смея нас атаковать. Когда мы остановились, и французская кавалерия сделала то же. Между тем одна наша дивизия ворвалась со штыками в город и бросилась на французов. Настала страшная битва! Французы были вдесятеро сильнее. Корпуса

Нея и Виктора удержали напор нашей пехоты, корпуса Ланна и Мортье ударили на нее с тыла, но ни перекрестный огонь, ни нападение в штыки не могли принудить ее к сдаче. Наши дрались в полном смысле слова до последней капли крови, успели отбиться и выйти за город. Но куда идти, где искать спасения, когда мосты уже не существовали, а между нами и другою частью нашей армии были французы? В это время кавалерия их двинулась вперед, выставив перед собою многочисленную конную артиллерию. Ядра и брандскугели посыпались в нас, и по всей французской линии раздались громкие клики: «Victoire! en avant! Vive l'Empereur![1122]» Пожар освещал поле сражения... Мы видели, что к французской кавалерии подходит колоннами их пехота с артиллерией и, образуя полукруг, прижимают нас к реке Алле. Пушечные выстрелы стали чаще... Под городом где-то был брод... Пехота правого нашего фланга бросилась в реку... но многие не попали на мелкое место и утонули; другие бегали по берегу, ища брода; иные поплыли, – никто не хотел сдаться в плен. Артиллерия наша

также пошла вброд... Наконец пришла и наша очередь, мы пошли вплавь через реку... Легко сказать – переплыть на лошади через реку, но каково плыть ночью, не зная местности и когда с тыла жарят ядрами и брандсугелями! На берегу реки был сущий ад! Крик и шум ужасный... Тут тонут, там умоляют о помощи, здесь стонут раненые и умирающие... Пехота и конница сбились в кучу... Нельзя пробраться к берегу, а между тем ядра и брандсугели валят в толпы и в реку... Господи воля твоя!.. Если б в эту минуту французская кавалерия бросилась на нас, то наделала бы беды; но она помнила, как мы дрались с нею днем, и не посмела напасть на нас! Только криком она давала нам знать, что она тут...

Я пробился к берегу вместе с поручиком нашего эскадрона Кеттерманом. Берег был крутой и песчаный, хотя и не слишком высокий. Мы стали рассуждать, не лучше ли отправиться в другое место, как вдруг перед нами ударило ядро и засыпало нас песком. Лошадь Кеттермана с испуга соскочила в воду, а я пришпорил свою, приударил фухтелем

[1123], и она также прыгнула в реку.

Лошадь моя плыла тяжело, так что только голова видна была из воды. При первой опасности я приготовился спрыгнуть с седла и ухватиться за гриву или за хвост, потому что в корпусе нас не учили, по несчастью, плавать, а это необходимо военному человеку. Тут же переправлялась и пехота. Пехотинцы плыли, ухватясь за хвост уланских лошадей. У одного пехотинца лошадиный хвост выскользнул из рук, и он на самой середине реки схватил меня за ногу. Вот беда! Я стал барахтаться, чтоб освободить ногу, а между тем лошадь моя начала фыркать, пыхтеть, отстала от других и наконец приметно опустилась в воду... Нет спасенья, подумал я... как вдруг стремянка (по-нынешнему штрипка) на рейтузах лопнула, сапог слез с ноги, и пехотинец ухватился за гриву плывшей рядом со мною лошади, а я давай жарить фухтелями и даже колоть саблей мою лошадь, она ободрилась и кое-как доплыла до берега. Вышед на берег, я перекрестился! Наполовину я был в поту, а наполовину мокрый... В голове у меня вертелось...

В некотором расстоянии от берега был лес. Под лесом и в лесу горели огни и собирались полки. Тут раздавались звуки трубы, там били в барабан, здесь громко звали полки по именам, а между тем пушечные выстрелы с противоположного берега не умолкали и ядра прыгали по берегу. Я стал прислушиваться. «Гей, уланы его высочества, сюда!» Потом труба протрубила сбор... Еду на родной голос – и вот наши флюгера... Ну, слава богу, я дома!

Надлежало переодеться и обуться. Мой чемодан был подмочен. Уланы стали сушить при огне мое платье и белье; один товарищ дал мне сапоги, другой напоил каким-то адским напитком, горячей водою с простым хлебным вином, чтоб согреть мне желудок, и, пока платье и белье мои сушились, я завернулся, *in naturalibus*[1124], в солдатскую шинель и заснул на сырой земле так спокойно и приятно, как не спал ни один откупщик накануне торгов...

Поработали мы в эти два дня, 1 и 2 июня! Зато и сам Наполеон, и все французские воины, бывшие под Фридландом, сознались, что русские дрались превосходно и что в плен

взяты только раненые. Не только ни один полк – ни один русский взвод не положил оружия и не сдался, все дрались, пока могли!

Дрались чудно, а почему же не одержали победы? Не наша вина. Генерал Жомини, опытный судья (*juge compétent*) в военном деле, говорит, что Беннигсен наделал множество ошибок в этом сражении, и главные ошибки его в том, что утром он не напал сильно на маршала Ланна, которого легко мог бы разбить до прибытия всей французской армии, заняв выгодную позицию, и что дал сражение на самом невыгодном для нас местоположении, имея в тыле реку и поместив левое крыло, так сказать, в мешке (*cul-de-sac*), в таком месте, где ему нельзя было маневрировать, растянув притом слишком далеко свое правое крыло. Верю генералу Жомини, но думаю, что вся беда произошла оттого, что Беннигсен никак не предполагал иметь дело с самим Наполеоном и со всеми его силами. Пленные французы, которых наши брали во весь день на разных пунктах, единогласно утверждали, что противу нас только корпуса Ланна, Нея, Удино и корпус, составленный из

немцев и поляков. Французы сами не знали, что к Фридланду идут поспешно все силы Наполеона, и только в 6 часов вечера мы узнали, что Наполеон и вся французская армия (исключая кавалерии Мюрата и корпусов Даву и Сульта) находятся на поле сражения. Наполеон подоспел в сражение не ранее второго часу пополудни, но передние его войска, бывшие уже в деле, не знали об этом. Впрочем, хотя Беннигсен был хороший генерал, но такие генералы были и будут, а Наполеоны, Александры Македонские, Цесари, Фридрихи Великие и Суворовы рождаются веками. У Наполеона при одном взгляде на поле битвы рождались соображения, которых достаточно было бы для десяти отличных генералов. Наполеон был гений! Дело мастера боится!

Кто не проигрывал сражений! Потеря наша была велика потому, что мы дрались отчаянно, с храбрым и почти вдвое сильнейшим неприятелем, и потому, что наша пехота левого фланга и центра целый день выставлена была на чистом поле, противу многочисленной и отличной французской артиллерии. До десяти тысяч человек выбыло у нас из фрон-

та, убитыми, ранеными и пленными. Но и потеря французов была велика. Не с овечками они имели дело!

Простояв часа два под лесом и собравшись если не полками, то, по крайней мере, отрядами, мы пошли в поход еще ночью и на другой день перешли чрез реку Прегель под городом Велау. Князь Багратион с арьергардом и Платов с своими казаками прикрывали ретираду. 5 июня присоединились к армии Прусский корпус генерала Лестока и отряд графа Каменского, бывшие в Кенигсберге для защиты его. Чтоб не быть отрезанными, они сдали город маршалу Сульту без боя, со всеми запасами.

Мы шли чрезвычайно поспешно. Арьергард наш почти ежедневно имел перестрелку с неприятелем, а Платов с своими казаками беспрестанно кружил в тыле и останавливал французскую кавалерию. Каждый день слышали мы пушечные выстрелы и наконец 7 июня перешли чрез Неман под Тильзитом, после сильного арьергардного дела, в котором князь Багратион и атаман Платов покрылись славою. Резерв его высочества цесаревич-

ча, и в том числе наш полк, остановился на биваках при селении Бенискайтен.

В сражении под Фридландом мы не видали нашего шефа, цесаревича. Он был с гвардейскою пехотою и тяжелою гвардейскою кавалерией на нашем левом фланге. Знаю, что гвардейские егери и тяжелая гвардейская кавалерия отличились под Фридландом; но чего сам не видал и чего подробно не знаю, о том и не говорю. Конногвардейский и гвардейский егерский полки выставлены были в реляции примерными.

Еще мы не знали, что война кончится, и полагали, что, получив подкрепление из России, снова перейдем за Неман и отплатим за неудачу. Дух в войске был превосходный. Не только офицеры, но и солдаты вовсе не приуныли, напротив, горели желанием сразиться. Славное было наше войско!

III

***Парламентеры. – Перемирие. –
Состояние обеих армий после
Фридландского сражения. – Обоюдная
потребность мира. – Свидание
императора Александра и Наполеона на***

реке Немане. – Император Александр и его высочество цесаревич переезжают в Мемель. – Отряд русской гвардии занимает часть города. – Обоюдные вежливости и награды орденами. – Тильзитский мир. – Отпуск. – Грустные впечатления. – Еврей Иосель. – Генеалогический очерк последних князей Радзивиллов, знаменитой Несвижской линии. – Последние черты феодальности в Европе, или Несвиж при князе Карле Радзивилле. – Черты из жизни князя Карла Радзивилла и анекдоты о нем. – Потомство от брачного союза с сиреною. – Прогулка на лососе. – Дикий кабан на снурке. – Вызов на поединок покойника. – Последний пан польский князь Доминик Радзивилл. – Пребывание в Несвиже. – Жизнь в замке князя Доминика Радзивилла. – Неприятная история. – Состояние западных губерний. – Возвращение в полк. – Милость и гнев. – Вступление полка в Петербург. – Общее мнение о Тильзитском мире. – Мое мнение о

Тильзитском мире. – Благие его последствия вознаграждают временное оскорбление народного самолюбия. – Генерал Савари, чрезвычайный посол в Петербурге. – Прием его при дворе и в высшем обществе столицы. – Анекдоты о Вакселе. – Политические партии. – Русское посольство в Париже. – Современные лица. – Французское шпионство в России. – Похождения с демоном-соблазнителем. – Необыкновенное веселие в Петербурге. – Многолюдство в Стрельне. – Офицеры из всех полков русской кавалерии, для узнания порядка службы. – Трагикомическое происшествие. – Мертвец в маскараде Фельета. – Несчастные жертвы судебного заблуждения. – Быстрые начала к улучшениям в нравах и управлении

Еще до перехода нашего чрез Неман начались переговоры о перемирии, и на третий день выслан был в главную квартиру Наполеона, в Тильзит, генерал князь Лобанов-Ростовский для предложения условий. В нашу

главную квартиру прислан был любимец Наполеона Дюрок, пользовавшийся благосклонностью государя, и после нескольких переездов парламентариев заключено в Тильзите перемирие, 9 июня.

Кажется, что обе стороны нуждались в мире, и едва ли Наполеон не более императора Александра. Наполеон привык после решительного сражения разгонять целые армии, забирать в плен целые неприятельские корпуса, а эта война доказала, что русского солдата можно убить с опасностью, однако ж, быть самому убитым, но что на него нельзя навести панического страха, нельзя искусным маневром принудить к бегству и к сдаче, нельзя быстрым натиском в штыки заставить положить оружие. Русские в сомкнутых рядах дерутся до тех пор, пока держатся на ногах, и русские ряды можно сокрушить ядрами и картечью, но разогнать русских солдат, как стадо, невозможно! После сдачи Ульма и Аустерлицкого сражения пала Австрия; после Йенского и Ауэрштедтского сражения почти вся прусская армия рассеялась, все почти крепости сдались, города и провинции покори-

лись! А какие же блистательные результаты приобрел Наполеон в войну 1806 и 1807 годов с Россией! С обеих сторон было множество убитых и раненых, груды трупов, реки крови – и только! В хвастливой прокламации к своему войску для ободрения измученных солдат своих Наполеон, удвоив число убитых, раненых и взятых в плен русских, чего, разумеется, никто не мог сосчитать, сознается, однако ж, что в две кампании взято только семь русских знамен! И мы взяли столько же знамен у французов. После победы под Фридландом нераненых русских солдат взято в плен только полторы тысячи, по сознанию французских историков, и между тем целые французские полки, бригады, дивизии совершенно расстроились, полки уменьшились наполовину, целые роты исчезли. Во французской армии было более 30 000 больных. Правда, что взятие Кенигсберга доставило Наполеону большую материальную помощь, огромные запасы фуража и провианта, все нужное для устройства госпиталей и до 150 000 английских ружей. Но откуда взять людей для укомплектования армии? Франция выслала все,

что могла выслать, и рекрутами нельзя было заменить старых солдат, павших под Пултуском, Прейсиш-Эйлау, на Пассарге, под Гейльсбергом и Фридландом. Положение Наполеона после победы под Фридландом едва ли улучшилось в существе, хотя военная слава его возросла.

Наше войско торжествовало в войне с турками. Молдавия и Валахия были в наших руках. Возбужденный Францией к войне с Россией султан Селим заплатил жизнью за свое упорство[1125]. На Турцию Наполеон не мог уже надеяться. К русской армии шли сильные подкрепления, и уже прибыло до 20 000 пехоты и многочисленные толпы башкиров и калмыков. Наполеон знал, что по одному слову императора Александра вся Россия вооружится и что Австрия, притаившись, устраивает уже новую армию. Знал Наполеон также, что все германские народы кипели ненавистью к Франции, и особенно к нему, и желали возобновления борьбы, что, наконец, Франция жаждет мира. Он был необходим Наполеону для упрочения его династии и для утверждения политических преобразований на западе

Европы. Дюроку поручены были переговоры о свидании Наполеона с императором Александром – и желание Наполеона сбылось.

Протекут многие веки, пока мир увидит вновь такое величественное зрелище, какое мы видели с берега Немана!

На середине реки французы устроили два парома, с павильонами. Во втором часу пополудни по двум выстрелам из пушек отплыли от двух противоположных берегов два катера [1126]. На одном был Наполеон с зятем своим Мюратом, маршалами Дюроком, Бертье, Бессьером и любимцем своим обер-штабмейстером Коленкурром. Гребцами на этом катере были матросы французского Гвардейского экипажа [1127]. Император Александр взял с собою его высочество цесаревича, генералов Беннигсена, князя Лобанова-Ростовского [1128], Уварова [1129] и графа Ливена (бывшего потом послом в Англии) и министра иностранных дел барона Будберга. На катере государя императора гребли рыбаки, которых одели наскоро в белые куртки и шаровары. Наполеон прибыл несколькими минутами прежде на паром и подал императору наше-

му руку, когда он выходил из катера... Рука об руку, они вошли в павильон в виду многочисленных зрителей, которыми усеяны были оба берега...

Судьба и вся будущность Европы и, можно сказать, всего образованного мира сосредоточены были на этом пароме! Здесь были два полные властелина Севера и Запада, один сильный высокою душою и общим мнением, другой военным гением и страшным своим именем, и оба могущественные храбрым войском. В уме невольно возникала мысль о двух империях: Восточной и Западной. Англия ничего не значила на твердой земле; другие государства уже не имели никакого голоса. В мире были два самостоятельные государя: император Александр и Наполеон... и вот они держат друг друга за руку, под открытым небом, в виду своих войск!

И я был в эту торжественную минуту на берегу Немана и видел издали очерк фигуры Наполеона... Сколько мыслей играло тогда в моей юной голове![1130]

Свита осталась на меньшем пароме, а государи вошли одни в павильон и пробыли на-

едине около двух часов. Потом представлена им была свита.

На другой день также происходило свидание, на пароме, в первом часу пополудни. На этот раз присутствовал и король Прусский [1131]. Монархи провели полчаса вместе и разъехались, положив, что город Тильзит будет нейтральным и что одну половину его займут французы, а другую русские. Император Александр с его высочеством цесаревичем обедали в этот день в Тильзите, у Наполеона, и на другой или на третий день переехали в город на свои квартиры. Туда же перешел первый батальон Преображенского полка под командою полковника графа М. С. Воронцова (ныне князь и наместник Кавказский), полуэскадрон кавалергардов с ротмистром В. В. Левашовым (ныне граф и генерал от кавалерии), один взвод лейб-гусар с ротмистром Рейтерном (умер генерал-лейтенантом) и несколько лейб-казаков.

Начались пиры, смотры, прогулки и конференции о мире и раздача орденов [1132].

Ротмистр мой В. Х. Щеглов рекомендовал меня особенно полковому командиру полков-

нику Чаликову, который также был ко мне весьма благосклонен и рассказал его высочеству приключения мои под Фридландом. Его высочество призвал меня к себе, приказал рассказать все подробности, обнял, поцеловал и взамен потерянной мною шапки удостоил подарить свою собственную, с богатым берлинским султаном, велев переменить генеральский помпон[1133].

Армия стала расходиться. Нашему полку назначено было идти на Жмудзь (в Самогитию), в окрестности Шавель, для откорма лошадей и исправления амуниции после кампании. Я отпросился у его высочества в отпуск, к матушке моей, которой я давно не видал, обещая догнать полк перед вступлением его в Петербург. Его высочество был так милостив, что приказал даже выдать мне прогонные деньги из собственной кассы.

Наняв крестьянскую подводку до Юрбурга, я купил там легкую бричку и поскакал на почтовых чрез Ковно, Вильно, Новогродек[1134], Несвиж, Слуцк – в Глуск. Прибыв в этот городишко в 5 часов пополудни, я немедленно отправился в монастырь отцов бернардинов и

просил монахов указать мне могилу отца моего. Некоторые из монахов знали меня ребенком, они поспешили исполнить мою просьбу. На дерновой могиле отца моего лежал простой камень и возвышался деревянный крест... Я бросился на колени и залился слезами... Мало знал я отца моего, но ласки его и нежная привязанность его ко мне не изгладились и никогда не изгладятся из сердца моего и из моей памяти. На смертном одре, в последней борьбе с жизнью, он еще вспоминал обо мне, говорил, что разлука со мною – одна из двух пуль, которые убили его, и что один упрек своей совести уносит он в могилу, а именно что не оставил мне того состояния, которое досталось ему от предков... Отец мой был добрый и благородный человек, ни с кем не ссорился за деньги, которые презирал, никого не оскорблял умышленно, никогда не входил ни в какие интриги... Пылкость характера, пламенное воображение и горячая или, как он называл, албанская кровь[1135] и притом общее своеволие и неурядица в крае были причиною многих его ошибок в жизни, но никто никогда не говорил и не скажет, чтоб

он обманул кого-нибудь, изменил слову, дружбе, презрел права человечества. Правда, что по пылкости характера он получил прозвание szalony, т. е. бешеный; но он имел искренних друзей, которые пламенно любили его за его честность, прямодушие, самоотвержение в пользу других, веселость и остроумие. Честного человека, какого бы он ни был нрава, нельзя не уважать... и честные люди уважали его, а подлые и низкие ненавидели.

Поплакав, я взял горсть земли с могилы, завернул в платок и отправился в церковь, попросив отцов бернардинов отслужить по отце моем панихиду, и потом пошел на свою квартиру в постоялом доме, или корчме. До Маковиц, которые снова поступили во владение моей матери, было только несколько верст, но уже был вечер и притом жидовский шабаш[1136], следовательно, нельзя было скоро достать лошадей. Я не хотел беспокоить матери моей ночью.

Отцы бернардины сообщили мне приятное известие о здоровье матери моей. У корчмаря, где я остановился, стал я расспрашивать о нашем маковицском корчмаре Иосе-

ле и с радостью узнал, что он переселился в Глуск и занимается торговлею рогатого скота. Я нарочно надел лядунку, воткнул султан на шапку и велел проводить меня к дому Иоселя. Все семейство сидело за столом и ужинало. Комната, как водится в шабаш, была освещена люстрами[1137]. Отворив двери, я остановился и спросил громко: где Иосель? Седой старик вскочил с места и, сделав несколько шагов, поклонился мне в пояс. «Ты ли Иосель?» – спросил я серьезным тоном. «Я, *ваше превосходительство!* – отвечал Иосель, поклонившись снова в пояс. – Что прикажете?» – «Поди же и обойми меня!» – примолвил я, приближаясь к нему. Бедный еврей испугался и не понимал, что это значит. «Обойми меня, Иосель: я Тадеушек... из Маковищ». Иосель подбежал ко мне, заглянул мне в лицо и повалился в ноги, воскликнув во все горло: «Ой, вей мир[1138]! Тадеушек... гроссе пуриц!..» (т. е. «великий пан»).

Сцена эта была бы комическою, если б не была основана на глубоком чувстве. Я насилу поднял с земли Иоселя; он плакал и гладил меня кругом, как котенка, приговаривая: «Та-

деушек, Тадеушек! Ах, если б пан жил... ах, как бы он радовался... нет, он умер бы от радости!..» Я не мог удержаться слез моих.

Наконец мы успокоились. Все семейство Йоселя окружило меня. Жена его охала, качала головою и мерила меня глазами. Йосель предложил мне разделить с ним его трапезу, и я с особенным чувством переломил с ним *мацу* (по-древнему опреснок), который жена вынула нарочно из шкафа. Это означало искренность гостеприимства и братство. Шабашовая стряпня пришла мне по вкусу: огромная щука, жареная баранина были хорошо изготовлены. Йосель откупорил бутылку кошерного вина, которое польские евреи за дорогую цену выписывают из Кенигсберга. После ужина семейство пошло спать, а Йосель проводил меня до квартиры. Дорогою рассказал он мне о семейных делах наших, не весьма для меня благоприятных. Матушка выиграла процесс, но ее обманули ее поверенные, и Йосель предвидел печальный конец... «Исправить дела нельзя, так лучше молчать, чтоб не огорчить матушку», – сказал Йосель. Я послушался Йоселя: молчал тогда и молчу теперь...

В 6 часов утра Иосель разбудил меня. Бричка моя стояла уже у крыльца, запряженная парюю лошадей Иоселя. Его слуга сидел на козлах. Я приглашал Иоселя ехать со мною, но он отказался. «На меня гневаются... за высказанную правду, – сказал Иосель. – Придет время – уверятся, что я желал добра!..» Я поехал в Маковищи...

Как билось сердце мое, когда я увидел крышу дома, где проводил беспечные дни детства, высокие липы, под которыми резвился некогда, в глазах моих родителей. Мать моя не опомнилась, когда я вошел в комнату, но, посмотрев на меня пристально, тотчас узнала по необыкновенному сходству в лице с покойным отцом, зарыдала и бросилась мне на шею. От слез перешли мы к радости, которая снова сменилась грустью, когда я стал осматривать все углы дома, сада, двора, припоминая мне отца. Явились старые слуги: нянька моя, любимые стрельцы отца моего, Семен и Кондрат, его любимый кучер... Все они со слезами целовали мои руки, обнимали колена... В эти два дня я выплакал сердце!..

Как много доброго в человечестве, если

сердце не отравлено ядом страстей, не окаменело от эгоизма, если воображение не развращено приманками светской роскоши и, главное, если тщеславие и алчность к богатству не заглушили в душе человеческого чувства! Чему радовался Иосель, увидев меня?.. Отчего плакали все эти добрые люди? В них говорило чувство... Они во мне видели отца моего, мною вспоминали прошлое...

При матери моей находился малолетний перворожденный сын сестры моей Антонины, мальчик по второму году, прекрасный собою... Тут я впервые прижал его к сердцу... Он уже в могиле! Мало он знал радостей в жизни и перенес много горя... Погубили его юношеская неопытность и дурные советы. Но он был человек благородный, с жаждою познаний и с дарованиями... Мир праху его![1139]

Мать моя несколько раз заговаривала со мною о делах, но я, зная все от Иоселя, не оказывал особенного любопытства. Из слов ее заметил я, однако ж, что она чувствовала свою ошибку, дав доверенность занимать деньги, продавать и покупать безотчетно. Бог с нами – дело прошлое!

Из оставшихся и сохранившихся после отца вещей я взял гербовый его перстень, пару пистолетов, саблю, серебряные английские часы работы Нортонa[1140] и несколько книг, между которыми одна особенно приковала к себе мое внимание, а именно «Histoire secrète des cours d'Italie, par Gorani, etc.»[1141]. Книга эта издана была в свет во время Французской революции и заключала в себе множество весьма любопытных фактов и философических выводов. Это была первая прочитанная мною книга о современной политике.

В бумагах отца моего, между которыми хранился акт на крепостное владение родовым нашим именем Грицевичами[1142], мать моя указала на письмо к отцу моему покойного князя Карла Радзивилла (прозванного Рание Kochanku), о котором я говорил в 1♦й части моих «Воспоминаний». Письмо было писано чужою рукою в 1789 году, когда князь уже был слеп, но подписано его рукою. В этом письме, между прочим, были следующие слова: «Очень благодарен за исполнение комиссии, а деньги 300 червонцев возьми в моей кассе, когда будешь проезжать чрез Вильно,

показав сии строки». Матушка моя сказала, что отец мой вовсе не получал этих денег, не быв в Вильне на возвратном пути из Варшавы, и не хотел напоминать князю, который был болен, а по смерти князя относился в опеку, но когда ему отвечали двусмысленно, разгневался, возразил гордо и замолчал. Я взял это письмо и вознамерился попробовать счастья у наследника князя.

Более недели мне нельзя было пробить у матери, и так простившись с нею, я поехал в полк. Маршрут был у меня, и я мог рассчитать, где и когда догоню его. Свидевшись в Глуске с Йоселем, я поручил ему поставить кованный железный крест на могиле моего отца и хотел дать деньги вперед, но Йосель не согласился, сказав, что напишет ко мне в Петербург, чего будет стоить памятник.

Из Глуска я поехал в Несвиж, решившись представиться молодому князю Доминику Радзивиллу, наследнику Карла Радзивилла [1143], и показать ему письмо его дяди. Попытка не шутка, а спрос не беда, думал я.

Здесь я должен сообщить несколько подробностей о двух последних представителях

угасшей линии князей Радзивиллов, богатейшей из частных фамилий в Европе. Это послужит дополнением к характеристике бывшей Польши и составит последний очерк феодальных нравов в конце XVIII и в начале XIX века. Того, что было, никто уже не увидит на свете!

Происхождение фамилии Радзивиллов, одной из древнейших литовских туземных фамилий, теряется в баснословной истории Литвы. Первоначальное прозвание этой фамилии было Лиздейко, и она была в родстве с первыми князьями литовскими[1144]. Радзивиллами стали Лиздейки называться уже по принятии Литвой христианской веры[1145]. Первых Радзивиллов находим в актах 1401 года. Радзивилл было собственное имя одного Лиздейки, сына Войшунда. Княжеское достоинство фамилия Радзивиллов получила от римского (т. е. немецкого) императора Максимилиана, на Аугсбургском сейме[1146], который прислал диплом знаменитому Николаю Радзивиллу, с особым послом, в 1518 году[1147]. От древнейших времен до половины XVIII века Несвижская линия непрерывно умножала огромные свои богатства то старостами

[1148], получаемыми за заслуги отечеству, то покупкою недвижимых имений, то наследствами после владетельных особ и знатнейших в Польше и Литве фамилий. Несвижская линия обладала двумя огромнейшими майоратами: Несвижским в Литве и Олыкским в Волынии, имела недвижимые имения во всей Польше и, кроме того, в половине XVIII века получила в наследство княжество Слуцкое, со всеми феодальными правами и привилегиями, которым владели долгое время известные в русской истории князья Олельковичи из рода Ягеллов. Януш Радзивилл после междоусобной войны с Ходкевичами женился на последней в роде из князей Олельковичей, княжне Софье, в царствование Сигизмунда III [1149]. Сын Януша не имел наследников мужеского пола. Единственная дочь его Каролена сперва вышла замуж за принца Георга Браншвейгского [1150], а после за известного в истории XVIII века Карла Филиппа князя Нейбургского пфальцграфа Рейнского, которому и досталось все имение Януша Радзивилла, с княжеством Слуцким. Князь Иероним [1151] Флорин Радзивилл, которого мать [1152] име-

ла в закладе это княжество за данные ею займы суммы княгине Нейбургской, приобрел княжество в потомственное владение и умер бездетный (в 1760 году), а княжество, с другими его вотчинами, перешло к брату его, Михаилу, великому гетману литовскому, другу польского короля Августа III и противнику Станислава Лещинского.

Князь Михаил Радзивилл, великий гетман литовский, был дважды женат. От первой жены, Урсули Вишневецкой, имел сына Карла (прозванного *Ranie Kochanku*[1153]) и две дочери. Старшая дочь вышла замуж за Ржевусского[1154] и была матерью графа Адама Станиславовича Ржевусского, сенатора русского, о котором я говорил в I части, на стр. 117. Вторую дочь[1155], уже по смерти отца, похитил офицер надворного войска князя Радзивилла Моравский и женился на ней. От второго брака князя Михаила Радзивилла, с Анною Мыцельскою, родился сын Иероним и три дочери. Первая была замужем за Морикони, вторая за Чапским, третья сперва за Массальским, потом за Грабовским[1156]. Князь Иероним женился на княжне Тур-и-Таксис (*Tour et*

Taxis)[1157] и имел только одного сына, Доминика. Князь Карл (Panie Kochanku) был женат два раза, но не имел детей. С первой женою, из фамилии Ржевусских, он развелся в скором времени после брака; с другою, из фамилии Любомирских, хотел развестись, но она умерла[1158], – и так все наследство Несвижской линии князей Радзивиллов получил племянник князя Карла, сын князя Иеронима князь Доминик Радзивилл, оставшийся по второму году от рождения после смерти своего отца[1159].

Вот генеалогия последних князей Радзивиллов, знаменитой Несвижской линии, которая, по родственным связям с домом князей Нейбургских и князей Тур-и-Таксис, была в родстве или в своячестве почти со всеми владетельными домами в Европе и имела более влияния в Литве, нежели польские короли. Три четверти литовского дворянства жили Радзивиллами!

Последний феодал в этой фамилии, князь Карл Радзивилл, прославился не только в Польше, но и в целой Европе своими необыкновенными приключениями, щедростью, ост-

роумием, честностью, а притом странностями, страстью к небылицам и не весьма нравственной жизнью. Впрочем, таков был век! Разврат в XVIII веке был повсюду, как я сказал прежде, и богатые люди хвастали тем, чего должны были бы стыдиться.

Князь Карл Радзивилл вступил в управление майоратами и другими имениями по смерти отца своего, в 1763 году[1160]. Около этого времени он имел с вотчин своих более десяти миллионов золотых польских годового дохода и, как я слышал, до триста пятидесяти тысяч душ крепостных крестьян, кроме множества подвластных ему городов и местечек, плативших ему подати. Он жил обыкновенно в замке своем в городе Несвиже, в тогдашнем Новогрудском воеводстве (в нынешней Минской губернии). Соображаясь с тогдашними ценами не только на земные произведения, но и на колониальные товары и изделия иностранных фабрик, и с монетною системою, тогдашние десять миллионов золотых польских можно смело сравнить с нынешними двадцатью миллионами рублей ассигнациями. Замечу при этом, что многие из его имений не

приносили вовсе дохода, потому что отданы были в пожизненное владение родным или заслуженным в радзивилловской службе дворянам. Бóльшая часть имений были в аренде за весьма дешевую цену, потому что отдача в аренду означала княжескую милость. Некоторые имения находились в закладе (zastawie), и доходами пользовались посессоры, т. е. люди, давшие князю займы денежные суммы или получившие закладное право на известную сумму, за службу свою или по милости князя. Таким образом, наверное третья часть доходов оставалась в чужих руках. Князь Карл Радзивилл содержал сперва 6 000 человек надворного регулярного войска и 6 000 человек милиции, вроде нынешних германских ландверов[1161]; потом число всего войска уменьшилось до 8 000 человек. Исключая двух эскадронов улан, набираемых из шляхты, пехота, егери и милиция и четыре эскадрона казаков сформированы были из крепостных людей. Артиллеристов всего было сто человек, из вольных людей и даже иностранцев. На реке Уше, близ Несвижа, был пороховой завод, а в городе богатый арсенал[1162].

Исключая жалованья офицерам, унтер-офицерам и вольным людям, содержание войска немного стоило князю, потому что солдат кормили на квартирах и фураж доставляли из имений. Жалованье не могло быть велико, если сообразить, что еще в мое время весьма искусному эконому или управителю платили в Литве по сту золотых польских в год. Теперь такой эконом не согласится служить и за пятьсот рублей ассигнациями. Двор князя Радзивилла разделялся на *высший* и на *низший*. Высший двор составляли поверенные, старосты (т. е. дворяне, управлявшие городами), секретари для польской и иностранной корреспонденции, маршалек, конюший[1163], подконюший, гардеробмейстер[1164], библиотекарь, бухгалтеры, ловчий, пажи и надворная свита, или дворяне[1165] (dworzanie). В эти звания шли люди из весьма хороших фамилий для приобретения покровительства князя и составления состояния, потому что князь награждал верных слуг именьями, пенсиями или капиталами[1166]. Низший двор составляли надворные гусары, гайдуки, стрельцы, скороходы, лакеи, повара, садовни-

ки и вся прислуга вообще. К низшему двору принадлежали также шестьдесят человек музыкантов, с отличными капельмейстерами, немцами и итальянцами, труппы драматических и оперных актеров и певиц и труппа балетная[1167].

В Несвиже была высшая, так называемая Поиезуитская школа, вроде нынешних гимназий[1168], и основанный князем Карлом Радзивиллом Артиллерийский кадетский корпус для воспитанников из дворян[1169]. Князь Карл Радзивилл содержал на свой счет 30 воспитанников в Артиллерийском корпусе и всем вообще учителям и профессорам этого заведения платил жалованье из своей кассы. Из этого корпуса вышло много хороших офицеров, и два воспитанника, Соколовский и Цыбульский, дослужились в русском войске до генеральских чинов. В несвижской школе князь воспитывал также множество дворян на свой счет и вообще много жертвовал в пользу учебных заведений.

В Литве, кроме магнатов и высшего дворянства, никто не хотел знать и не знал короля, никто не помышлял о делах государствен-

ных. Солнце, вокруг которого вращалась вся литовская шляхта, – это был князь Карл Радзивилл, а средоточие всех надежд – Несвиж. Каждый шляхтич, бедный и богатый, имел право приехать, со всем своим семейством к обеду, на вечер, на бал или в театр к князю Карлу Радзивиллу, и все были принимаемы с одинаковою вежливостью. Даже во время присутствия короля в Несвиже не было званных гостей на балы. Двери отперты были всегда для каждого дворянина, а князь Карл Радзивилл почитал каждого равным себе. Кроме служивших, в замке было множество женщин, даже девиц, весьма хороших фамилий, которые назывались резидентками (т. е. поживальницами) и находились или в свите сестер и родственниц князя, или в ведении особых гувернанток. Это были одалиски (или одалыки) князя Карла Радзивилла, составлявшие его сераль, только без названия. Их выдавали замуж с хорошим приданым и заменяли другими. При этом всегда была одна султанша, или главная любовница, *maîtresse en titre*. Каждый божий день, круглый год был публичный стол человек на шестьдесят, иногда

на сто, а вечером – или театральное представление, или концерт, а потом бал. Если дамы не хотели танцевать, то заставляли плясать украинских казачков и казачек, с бандурами и песнями, или танцовщиков и танцовщиц балетной труппы. Князь Карл Радзивилл весьма любил пушечную пальбу, стрельбу из ружей и фейерверки[1170] и весьма часто тревожил по ночам свой несвижский гарнизон, выводя его в поле для примерных атак и сражений с пальбою.

Князь Карл Радзивилл любил пиры, попойки и шумную жизнь. Только за десять лет до смерти, будучи уже слепым, отказался он от крепких напитков. Можно себе представить, что за содом был в несвижском замке при беспрестанных съездах дворянства, при множестве домашних! Рассказывают чудеса о любовных интригах, поединках, количестве выпитого вина и т. под.

Князь Карл Радзивилл был тверд в данном слове, честен и добродушен в высшей степени, но при этом был чрезвычайно вспыльчив и насильствен в своем гневе. Можно вообразить, какие случались иногда происшествия!

Вспыльчивость и вино – это огонь и порох. Беда, кто попадался ему в минуту гнева! Но его скоро можно было успокоить. В молодости он позволял себе иногда шалости непростительные, посещая, незванный, с шайкою окружавших его развратников дома, где была красавица, жена или дочь. За одно такое приключение он был позван в суд в 1764 году, и как князь Карл Радзивилл противился избранию в короли Станислава Августа Понятовского и даже составил противу него конфедерацию в Радоме[1171], то преданная королю партия воспользовалась этим случаем и осудила его на лишение всех занимаемых им званий, на *вечное изгнание из отечества* и на секвестрацию всего имущества. Он бежал с 200 всадников своих в Турцию, а после того жил в Дрездене на деньги, присылаемые тайно преданными ему арендаторами. Недолго он оставался в бездействии и, пристав к Барской конфедерации[1172], которой был объявлен главою, в 1767 году вошел с торжеством в Вильно, с 2 000 конной шляхты. Помирившись с королем, князь Карл выхлопотал на сейме 1768 года уничтожение решения 1764 года и получил

обратно чины, староства и собственное имение. Когда король пристал к другой конфедерации, которой и Россия покровительствовала, князю Карлу Радзивиллу пожалован русский генеральский чин, и он с русскими войсками вступил в Варшаву. Но видя, что эта конфедерация стремится к цели, противной его видам, князь Карл ушел тайно в Литву и стал собирать в Несвиже своих единомышленников. Русские напали на Несвиж и разогнали его приверженцев. После этого происшествия он ушел с сокровищами своими и значительными суммами в Австрию. Там нашел он одну искательницу приключений, называвшуюся княжною Таракановой, и был так легковверен, что надеялся посредством ее лишитъ престола императрицу Екатерину II!

[1173] [1174] Кончилось тем, что князь Карл должен был покориться обстоятельствам: испросил прощение у императрицы Екатерины II и возвратился в Несвиж, решившись отказаться навсегда от всякого участия в политических делах. Он жил спокойно в своих поместьях, довольствуясь прозванием *литовского короля*, данным ему по чрезвычайному его

влиянию на умы шляхты литовской, которая его обожала[1175].

Хотя князю Карлу Радзивиллу старались дать блистательное воспитание, но он мало чему выучился и недостаток познаний прикрывал своим остроумием. Чтения он не любил, и когда поверенные и секретари подавали ему бумаги к подписанию, он часто повторял: «Черт бы взял того, кто меня научил писать!» Страсть его была, как я уже упоминал, рассказывать о себе небылицы. Это была его поэзия. Например, он говорил, что в одном морском путешествии поймал сирену, влюбился в нее и женился. Она родила ему пять бочек сельдей – и ушла в море! Рассказывал он, что, купаясь в Немане, поймал руками огромного лосося и, не могши его удержать, сел на него верхом, проплыл на нем 20 миль до местечка Свержня и возвратился в Несвиж пешком, в то самое время когда по нем служили панихиду. Он уверял, что однажды на охоте, увидев двух диких кабанов, бегущих один за другим, выстрелил в них. Один кабан побежал, а другой остался на месте. Князь быстро подбежал к нему и увидел, что кабан

этот слеп и держит в зубах отстреленный хвост другого кабана, своего вожатого. Князь привязал снурок к хвосту и привел таким образом домой живого кабана! Чтоб нравиться ему, окружающие должны были представляться верящими его вымыслам. Рассказывали, что он был весьма суеверен, боялся чертей и мертвецов и что в его спальне должны были всегда бодрствовать, всю ночь, два лакея. Вот анекдот, которым доказывали, как он верил мертвецам и как боялся их[1176].

По одной стороне кафедрального католического костела в Несвиже находится колокольня, а по другой часовня (kaplica), называемая Булгариновскою[1177]. Здесь лежит прах деда моего, Булгарина, вотчинника Грицевич, который, как я уже сказал, убил в пограничном споре помещика Узловского[1178]. Раскаившись в этом поступке, до которого довела его врожденная ему пылкость и вспыльчивость, дед мой выстроил эту часовню и сделал вклад в церковь, с тем чтоб его похоронили в часовне и чтоб за душу его еженедельно служили панихиду, на вечные времена. В одно Светлое Христово Воскресение князь Карл

Радзивилл, едучи к заутрене, услышал, что кучер кричит фореитору: «Не бери направо, а поезжай прямо, мимо Булгариновской часовни!» Возвратясь в замок, с многочисленною свитою дворян, и порядочно залив пасху венгерским вином, князь заметил, что в числе гостей, приехавших издалека к празднику, нет ни одного Булгарина. Князь разгневался. Сообщивший этот анекдот в «Атенеум» не знал побудительной причины происшествия, и для пояснения дела я должен присовокупить, что в это время двоюродный брат моего отца, подкоморий Булгарин, вотчинник Щёнова, в Новогрудском воеводстве, перешел с политическою своею партией на сторону князя Сапегги, канцлера княжества Литовского, противившегося видам князя Радзивилла. Вот что возбудило гнев князя при имени Булгарина. «А по какому праву господин Булгарин помещился возле моего костела?» – спросил князь Карл Радзивилл окружавших его. Ему рассказали происшествие. «Я не хочу, чтоб убийцы лежали возле Радзивиллов! Выбросить немедленно в поле Булгарина!» Каноник Госс, священник замка, объяснил князю, что духов-

ные законы запрещают вырывать тела из могил. «Так подвезть пушки и разбить ядрами часовню!» – воскликнул князь. Ему отвечали, что при этом можно сжечь весь город. «Если так, то я сам поеду и управлюсь с этим Булгариным!.. Запречь лошадей!» – Когда подали карету, князь попросил одного из своих любимцев (Леона Боровского) ехать с ним и отправился к часовне. Приехав на место, князь просил Боровского, чтоб он вызвал Булгарина от его имени на поединок. Надлежало повиноваться. «Господин Булгарин, его сиятельство вызывает вас на поединок!» – закричал Боровский, вошед в часовню. «А что?» – спросил князь из кареты. «Молчит!» – отвечал Боровский. «Следовательно трус! – примолвил князь. – Скажи ему это!» – «Его сиятельство почитает вас трусом!» – прокричал Боровский. «А что?» – спросил снова князь. «Молчит!» – «Скажи ему: дурак!» Боровский повторил слова князя, который снова спросил: «А что?» Боровский, чтоб кончить фарс, который, вероятно, ему наскучил, отвечал: «Молчит, но, кажется, сам идет, потому что в склепе что-то шевелится!» – «Когда так, поворачи-

вай лошадей! Не хват, когда не отозвался на первый вызов, и я не хочу иметь дела с людьми, которых по три раза надобно вызывать на дуэль». Тем дело и кончилось, и часовня Булгариновская стоит невредимою до сего времени.

Впрочем, мне кажется, что этот фарс князь Карл Радзивилл сыграл более для того, чтоб к Булгариным дошла весть о его к ним неприязни, а что он мог струсить, когда Боровский сказал, что в склепе что-то шевелится, — об этом не спорю. Иезуитское воспитание распространило в Польше всевозможные суеверия, и тогда весьма многие более верили в мертвецов, чем в живых!..

При конце жизни князь Карл Радзивилл уже не был так богат, как в цветущих летах. Огромные его вотчины в Белоруссии по присоединении этого края к России были конфискованы, потому что он не хотел присягнуть на верноподданство, а между тем долги его чрезвычайно возросли. Но все же по смерти своей в 1790 году оставил он огромное имение и два майората: Несвиж и Олыку.

Над пятилетним князем Домиником учре-

ждена была опека под председательством двоюродного дяди его, князя Матвея Радзивилла[1179]. Опека сохранила всю подвижность, уплатила много долгов и привела управление именьями в некоторый порядок. Князь Доминик, пришед в возраст, хотя не был так богат, как его дядя, но все же был первым богачом в России. Когда я приехал к нему в Несвиж, он был на двадцать втором году возраста, недавно еще вышел из опеки и вступил в управление огромным своим имением.

Несвиж был тогда очень порядочный город. В нем жило множество старых слуг радзивилловской фамилии, с своими семействами, учителя школы, много семейств, вверивших свои капиталы радзивилловской кассе, и кроме того, непрерывно толпились в городе множество приезжих помещиков. Купеческое сословие, как водится в Польше, главнейше состояло из евреев, между которыми были весьма богатые. Ремесленники всякого рода, разумеется, большею частью захожие немцы, также находили здесь работу и хорошую за нее плату. Были доктора и аптека, что также

привлекало в Несвиж окрестных жителей. Лавки богаты были товарами. Контрабанда процветала тогда в западных губерниях, и в жидовских лавках можно было получить самые дорогие произведения иностранных мануфактур. Город показался мне многолюдным и оживленным.

Я приехал в Несвиж утром и остановился в весьма порядочном трактире. Хозяин был шляхтич, а управляла всем жена его, женщина проворная и ласковая, как почти все польки. Явился тотчас жид-фактор с предложением услуг. За червонец он достал мне порядочную коляску с парой лошадей, до вечера, и я в полдень отправился в замок.

Радзивилловский замок был некрасив снаружи и не имел никакой архитектурной формы[1180]. В середине каменный двухэтажный дом с некрасивым подъездом; по бокам прилегающие к нему флигели. В одном флигеле находилась домашняя церковь, в другом было помещение для служащих. Конюшни и другие строения были в стороне. У подъезда стояли арапы и множество лакеев в ливрее. По прекрасной и широкой лестнице взошел я

в залу, где находилось несколько *дворских* [1181] княжеских, и просил доложить обо мне князю, что и было немедленно исполнено. «Князь очень рад вас видеть», – сказал вежливый дворский и просил меня следовать за ним. Князь находился в своем кабинете, меблированном со вкусом, по последней моде. С ним было несколько из его приятелей, почти безвыездно живших в Несвиже. Они стояли вокруг стола и рассматривали какие-то вещи. Когда я вошел в двери, князь тотчас оставил группу, пошел ко мне навстречу, взял меня за руку и сказал, что чрезвычайно рад познакомиться с одним из членов дружеской Радзивиллам фамилии.

Князь Доминик Радзивилл был прекрасный и стройный молодой человек, хорошего роста. Он был белокур, черты лица имел правильные и приятные, и хотя был несколько рябоват, но это нисколько его не безобразило. Во взгляде его и в улыбке выражалась чистая, благородная, кроткая душа. На нем был светло-синий фрак и светлое исподнее платье. Сапоги были с отворотами, по тогдашней моде. На груди князя были знак Малтийского орде-

на и звезда Виртембергского ордена Св. Губерта[1182], которую он получил, кажется, при рождении, как принадлежащий к фамилии, по матери своей княгине Тур-и-Таксис. «Надеюсь, что вы погостите у меня некоторое время», – сказал князь. Я отвечал, что рад бы, но что служба обязывает меня догонять полк. «По крайней мере, останьтесь несколько дней», – примолвил князь. Я изъявил согласие наклонением головы. «Господа, пойдемте завтракать!» – сказал князь и просил нас идти вперед. Меня, как гостя, не знакомого с обычаями дома, он взял под руку.

Мы сошли с крыльца. Князь, увидев мою коляску, сказал: «В моем доме вы не имеете нужды в экипаже» – и шепнул что-то на ухо служителю. Я думал, что мы идем завтракать в какую-нибудь беседку, в сад – и удивился, что мы идем в конюшню!

У князя Доминика Радзивилла были две сильные и непреодолимые страсти: он любил до безумия женщин и – лошадей, и ничего не жалел на них. Всех лошадей на его конюшнях было до трехсот, и они вместе верно стоили миллион рублей ассигнациями. Парадная ко-

нюшня, где стояли отборные верховые лошади, убрана была мрамором, зеркалами, бронзою, шелковыми занавесами, чиста, как стеклышко, проветрена, даже надушена. Никогда не видал я такой роскошной конюшни. Конюхи были прекрасно одеты, одни жокеями, другие по-мамелюкски, третьи по-берейторски. Князь обошел с хлыстиком в руках конюшню, называл по имени любимых лошадей, иных стегал, других гладил, утешался ими, и наконец мы вошли на эстраду, где подан был завтрак. Пока мы завтракали, для нас седлали лошадей, и мы, вышед из конюшни, сели на коней и поскакали в галоп за ворота.

Князь Доминик превосходно ездил верхом, сидел крепко и красиво. Проскакав верст десяток, мы возвратились к обеду в замок.

Не помню хорошо, был ли тогда князь Доминик женат на первой жене своей, из знаменитой фамилии Мнишех, с которой он вскоре развелся[1183]. Кажется, однако ж, что он уже был женат, но все же жены не было тогда в Несвиже. К обеду съехались гости, и между прочими приехал, с семейством, генерал Моравский, который был женат, как выше мною

сказано, на тетке князя Доминика. Тут я в первый раз увидел дочь Моравского Теофилю, кузину князя Доминика[1184], бывшую потом его второю женою. В это время она была замужем за Старженьским. Тогда она была в первой молодости, прекрасная, ловкая, веселая и весьма приятная в обхождении. Приехало еще несколько семейств, из которых помню Рейтанов и Брохоцких. В числе холостяков помню родственника князя Доминика Радзивилла, Фаддея Чацкого, и двух братьев, Антона и Матвея Водзьбунов. Фаддей Чацкий и Матвей Водзьбун почитались первыми остряками между тогдашнею литовскою благовоспитанною молодежью, хотя Чацкий был выше. Матвей Водзьбун был шутник, но все, что ни делал забавного и что ни говорил смешного, делал это с величайшею флегмою, серьезно, что еще более нравилось. Тогда была в моде мистификация. Матвей Водзьбун хотел было попробовать на мне своей остроты – но осекся! С этих пор мы подружились.

После обеда я удивился, увидев между слугами княжескими моего слугу, молодого немца, который под Тильзитом навязался ко мне

в службу. Оставив денщика при лошадях моих, в эскадроне, я волею-неволею должен был взять его с собою. Он сказал мне, что служил охотником в прусской армии, немилосердно хвастал своими подвигами, и притом любил фамильяриться, за что я прозвал его Herr Naseweise[1185]. Он сказал мне, что лакей княжеский приехал в моей коляске в трактир, забрал вещи и его вместе с ними и что мне отведена в замке квартира.

Некоторые семейства, и между ими семейство Моравского, остались в замке на несколько дней. Кузина князя Доминика, госпожа Старженская, прекрасно и смело ездила верхом, что весьма нравилось князю. День проходил в прогулках, вечером танцевали, играли в карты, в азартные игры, или забавлялись шутками. Каждый день приезжали новые гости. Князь Доминик был веселого нрава, любил шутить и смеяться, соблюдая, однако ж, во всем приличие и хороший тон. В карты он не играл, но весьма часто платил проигрыши своих приятелей. Танцевал он чрезвычайно ловко. На третий день пребывания моего в Несвиже был какой-то праздник,

и князь Доминик явился в церковь в камергерском мундире императорского российского двора.

Трое суток прожил я в замке и никак не мог найти случая переговорить с князем о моем деле. Он всегда был окружен приятелями или находился с дамами. Наконец чрез камердинера я попросил аудиенции у князя. Утром, в 10 часов, на четвертый день, меня позвали в его кабинет. «Мне совестно утруждать князя маловажным делом, – сказал я, – но в моем положении я должен на это решиться. Вот письмо вашего покойного дяди, – я подал письмо князя Карла Радзивилла к моему отцу, – по которому отец мой не получил следуемых ему денег. Если б из кассы было уплачено, то опека сослалась бы на квитанцию, но она отвечала двусмысленно, избегая объяснений... и вот письмо главного поверенного...» Князь даже не хотел читать писем и спросил: «В чем же дело?» – «Отцу моему следовало получить триста червонцев...» – «И он не получил?» – возразил князь. «Нет!» – «Так я прикажу уплатить», – сказал он, и написал на письме покойного Карла Радзивилла: «Вы-

платить немедленно следуемое подателю», возвратил мне бумаги, улыбаясь, и поцеловал. Поблагодарив князя, я вышел и отправился к кассиру. Он тотчас отсчитал мне деньги. Пришло кстати!

Скажу несколько слов о князе Доминике Радзивилле. Это был если не *dernier des Romains*[1186], то наверное *последний пан польский* – в таком смысле, как в старину разумели панов или вельмож. Если б он получил основательное, серьезное воспитание, то сохранил бы свое огромное состояние, жил бы до сих пор и оставил бы по себе неизгладимые следы. Он имел весьма много природного ума и ангельское сердце; был щедр, благотворителен, кроток, человеколюбив, честен, благороден, но все его похвальные качества послужили ему во вред. Воспитание получил он поверхностное, модное. Его выучили болтать на нескольких языках, танцевать, ездить верхом и с детства внушили, что богатства его неисчерпаемы, что он князь Радзивилл, пан из панов, следовательно, ни в чем не должен себе отказывать, возжгли в нем страсти, чтоб пользоваться его слабостью – и наконец

обобрали и погубили! Поверенные его и все пользовавшиеся его милостью составили себе огромное состояние, а князь Доминик часто нуждался в необходимом и занимал деньги где мог и на каких угодно условиях. Я слышал от верных людей, что поверенные давали ему займы собственные его деньги под заклад его имений, вдвое превышающих данную сумму, и знаю наверное, что те же поверенные продавали именья за бесценок, взяв почти половину магарыча (porękawicze) [1187]. Теперь дети и внуки радзивилловских слуг разыгрывают роль аристократов! Друзья и женщины стоили князю Доминику почти половины всего его состояния. Он прожил все, что мог прожить: дарил, покупал ненужное, сыпал деньгами для того только, чтоб не отказывать своим любимцам и любимицам. Но в жизнь свою князь Доминик не оскорбил никого, даже слуги своего, ни словом, ни делом, никогда не отвернулся от страждущего человечества, не присвоил чужой копейки. Все знавшие его, все его слуги, все имевшие с ним дела обожали его. Ни один человек в Польше не оставил после себя такой благо-

словенной памяти!

Разумеется, что князь Доминик был воспитан в польском духе, и все, что его окружало, дышало польским патриотизмом. Должно вспомнить, что тогда прошло не более десяти лет после последнего раздела Польши, что прошлое было у всех в свежей памяти и что новый порядок вещей не мог нравиться людям, которые в прежней Польше только по положению в свете своей фамилии и связям, без всяких заслуг получали важнейшие звания, титулы и ордена в государстве и даже богатые староства, когда, напротив, теперь надлежало выслуживать каждый чин и каждую награду. Это была главнейшая причина недовольствия значительных фамилий в Польше. Прокламации Наполеона взволновали умы[1188], а учреждение княжества Варшавского утвердило надежду. Благоразумие велит в каждом деле оглядываться на время, на обстоятельства и на побудительные причины. Поляки – народ пылкий и вообще легковверный, с пламенным воображением. Ему непременно нужна какая-нибудь умственная игрушка для занятия. Патриотические мечта-

ния составляли его поэзию, и Франция была в то время Олимпом, а Наполеон божеством этой поэзии. Наполеон хорошо понял свое положение и весьма искусно им воспользовался. Он дал полякам блистательные игрушки – славу и надежду, и они заплатили ему за это своею кровью и имуществом. Даже те, которые не верили обещаниям Наполеона, охотно жертвовали ему всем за эти игрушки! Таков вообще человек, одаренный живым воображением. Он тяжело постигает существенность и легко увлекается тем, что льстит его мечтам!

Я твердо решился избегать политических разговоров, однако ж невольно попал однажды в неприятное положение. За столом у князя Доминика Радзивилла заговорили о прошлой войне. Энтузиазм, возбужденный Наполеоном и французским войском, доходил до высшей степени. Я сам был всегда читателем Наполеона, но не мог согласиться с рассказами насчет войны, когда обратились ко мне с расспросами. «Видали ли вы, как целые полки, даже дивизии бросали оружие и сдавались в плен?» – спросили меня. «Я не мог ви-

деть того, чего вовсе не было, — отвечал я. — Наполеон величайший военный гений, французы превосходные воины, в этом я совершенно согласен, но и русские дерутся славно и никому не уступают в мужестве, чему я был теперь очевидным свидетелем. Ни один русский солдат не сдался без отчаянного сопротивления. Это верно, как Бог на небеси! Нет спора, что Наполеон одержал победу под Фридландом, но три такие победы кончились бы тем, что при нем едва ли бы осталось столько солдат, чтоб эскортировать победителя до Парижа!» Эти слова мои произвели неприятное впечатление в некоторых из гостей, и один из них сострил что-то похожее на сомнение в равенстве храбрости русского воина с французом. Я был молод, от природы нехладнокровен, и честь мундира заставила меня воскликнуть: «В храбрости русских воинов вы легко можете убедиться: один из них перед вами и готов на всякое испытание...» Я хотел что-то прибавить, но, увидев беспокойство князя, замолчал. Гости пошевелились на стульях и некоторые стали перешептываться. Князь Доминик весьма деликатно переменял

разговор и дал почувствовать, что ему неприятен этот спор. Все замолчали. После обеда князь Доминик перешел в другую комнату и переговорил с самыми пламенными из приверженцев французов. После того старик Рейтан[1189] подошел ко мне, взял за руку и повел туда же. «Гость в доме – Бог в доме[1190], говорили наши предки, – сказал Рейтан. – Под одною кровлею живут только друзья и братья! Кошајму sie,!»[1191] Он обнял меня, потом молодого человека, который своею острою заставил меня разгорячиться, и, так сказать, столкнул нас. Мы обнялись, поцеловались – и все было забыто. Князь Доминик был чрезвычайно рад, что дело так кончилось, и на другой день подарил мне пару прекрасных пистолетов версальской фабрики.

Несмотря на такое направление умов в Литве, все, однако ж, чрезвычайно любили императора Александра. Это верно, как дважды два четыре. Не понимая ни хода дел, ни порядка, ни государственного устройства России, шляхта была убеждена, что все, делаемое не по ее желанию, делается против воли государя. И в самом деле, император Александр

делал все, что только мог, для успокоения умов и изглажения из памяти неприятных воспоминаний прошлого в польских провинциях. Он был истинным благодетелем, ангелом-хранителем края! Не будь Наполеона, не будь войн с Франциею и беспрерывных политических потрясений в Европе, в Литве все давно было бы забыто! Впрочем, вся оппозиция в Литве ограничивалась болтовнею и частными эмиграциями молодежи в герцогство Варшавское для вступления в военную службу. Общего ничего не было.

Прожив пять дней в Несвиже у князя Доминика Радзивилла, я простился с ним и отправился в полк. О другой встрече с князем Домиником, уже в несчастных его обстоятельствах, будет говорено на своем месте.

Из Несвижа поехал я в Валки[1192], по почтовому тракту чрез Новогрудек, Минск, Борисов, Витебск, Псков, Верро[1193] (в Лифляндии, в Дерптском уезде). Невзирая на войну, рекрутский набор и милицию, везде видел я следы благосостояния и довольства. Хотя тогда не знали во всей России рационального хозяйства, не спекулировали на акциях, не

имели понятия о компаниях, но денег было довольно, потому что были хорошие урожаи и хлеб был в высокой цене. Его требовалось и для армии, и для отпуска за границу. Континентальная система[1194] только что учреждалась для лишения Англии торговли на твердой земле, и земледелие в Англии не было тогда на такой высокой степени, как теперь. Англия нуждалась в русском хлебе и для себя, и для своих колоний. Швеция также питалась русским хлебом. По Неману, Двине и по впадающим в них рекам Литва высылала свои земные произведения в Мемель и Ригу, а по Днепру в Кременчуг. Канал Огинский [1195] соединял торговлю Балтийского моря с торговлею моря Черного. По несчастью, вся внутренняя торговля была в руках евреев, но туземцы чрез это вовсе не страдали, потому что они от природы не склонны к торговым делам, требующим точности, постоянства, терпенья и уклончивости. Именно в это время шляхта только начала вступать в подряды на поставку хлеба и других предметов для армии, и хотя подрядчики обогащались, но много теряли в общем мнении. Торговля и торго-

шество все еще почитались в Польше синонимами и занятиями, неприличными шляхетскому достоинству. Истый шляхтич верил, что он может только продавать свои земные произведения *на месте*, без унижения себя — и много, если допускал посылку в Ригу или в Мемель, с своим поверенным! И торговля, и земледелие были в детстве, но обстоятельства благоприятствовали, и ни в деньгах, ни в хлебе не было нужды, потому что иностранцы ждали жатвы с мешками червонцев в руках. Первый удар этому благосостоянию нанесла выдуманная Наполеоном континентальная система, которая заставила все государства приступить к мерам, обеспечивающим внутреннее продовольствие. Повсюду принялись за земледелие, везде стали заводить фабрики и мануфактуры, чтоб не зависеть от политических обстоятельств, а Литва осталась в тыле! Евреи долго еще держались контрабандою; наконец и этот несчастный источник богатства иссяк. Но война всегда ведет за собою беду! На другой год после войны открылись в остзейских и западных губерниях болезни и падеж скота, и три года сряду были неурожаи.

Эти неожиданные бедствия, подкрепляемые континентальною системою, привели пограничные провинции в весьма плохое положение.

Полк уже прошел чрез Валки, и я нагнал его на второй станции от Дерпта, в Тейлице [1196]. Его высочество цесаревич приехал к полку в Валки и проводил полк до Дерпта, откуда отправился на почтовых в Петербург. Полковник Чаликов с полковым адъютантом Жоке также уехали по служебным делам в Петербург, и старшим остался адъютант его высочества подполковник Ш.[1197] Он взял меня к себе в должность адъютанта.

Казалось, что он любил меня, но мы никак не могли с ним ужиться. Он был истинно добрый человек, но неровного характера. То был он со мною слишком фамильярен, то чрезвычайно капризен и взыскателен, и кажется, находил удовольствие в том, чтоб беспокоить меня. Без всякой нужды он держал меня при себе по целым дням, а иногда нарочно посылал поздно вечером за приказаниями или с каким-нибудь пустым вопросом к генерал-майору Янковичу, командиру лейб-гвар-

дии Конного полка и нашему главному начальнику в отсутствие его высочества, – и я должен был скитаться ночью из деревни в деревню, отыскивая генерала. Я выходил из терпенья! Однажды на дневке в какой-то деревне, уже за Нарвой, Ш. осматривал трубачей в новых мундирах, присланных из Петербурга. Он махнул рукой, и шинель упала с плеч его в грязь. Я подозвал улана, стоявшего шагах в двадцати, и велел поднять шинель. Ш. окинул меня взором с головы до ног и сказал с иронической улыбкою: «Невелика была бы услуга!..» Ему, видно, хотелось, чтоб я подал ему шинель. «Я слуга Божий и государев!» – отвечал я хладнокровно, а пришед домой, оседлал лошадь и уехал в эскадрон, объявив через писаря, что не возвращусь в штаб. Ш. не на шутку рассердился, арестовал меня и хотел пожаловаться его высочеству, но генерал Янкович, благоволивший ко мне, уладил дело. Я возвратился в эскадрон и остался в самых приятных отношениях с Ш. до самой его смерти. Он был не злопамятен, да кажется, и не за что было сердиться...

Наконец мы вступили парадом в Петер-

бург[1198]. Это было уже осенью. День прошел, пока мы разместились. Эскадроны расположились в казармах, называвшихся тогда домом Горновского, и в Конногвардейском манеже. Я освободился от службы только в 7 часов вечера и полетел к сестре моей Антонине.

Зять мой[1199] жил тогда в Большой Мещанской, в угловом доме, насупротив Заемного банка[1200]. На улице и на дворе стояло множество карет. Вхожу в переднюю – и едва могу пробиться чрез толпу чужих лакеев... Перехожу в залу – и первое лицо, которое мне попало на глаза, – это русский священник. Я испугался... но вскоре успокоился, когда в другой комнате увидел купель! Попал я прямо на крестины племянника моего Александра[1201]. Не помню, кто был крестным отцом, но не забыл, что крестною матерью была знаменитая некогда красавица, милая и любезная женщина, графиня Вера Николаевна Завадовская, урожденная графиня Апраксина, супруга тогдашнего министра просвещения [1202]. Помнящие общество того времени верно не забыли вице-адмиральши Варвары

Александровны Колокольцевой, также урожденной графини Апраксиной, знаменитой тогда своею откровенностью, ходатайством за всех несчастных, добродушием, страстью к новостям, отличным аппетитом и тучностью. После крестин Варвара Александровна овладела мною, усадила возле себя и стала спрашивать о всех знакомых. Когда я вспомнил об убитых, она крестилась, приговаривая: вечная память! Зашла речь о Тильзитском мире, и разговор сделался общим. Я только слушал и молчал. На крестинах было много лиц важных в то время и приобретших важность впоследствии. Здесь я впервые услышал отголосок общего мнения насчет Тильзитского мира, мнения, существовавшего во всей силе до уничтожения трактата войною 1812 года.

Тильзитский мир приводил в отчаянье русских патриотов[1203], по моему тогдашнему и теперешнему мнению, вовсе напрасно. Могли ли мы продолжать войну после Фридрихсбургского сражения? Конечно, могли, если не наступательную, то оборонительную, и даже с надеждою на успех. Но не лучше ли было

переждать! Мы были в войне с турками, персиянами и с присоединившимися к ним кавказскими горцами[1204]. Армией нашей на Дунае командовал генерал Михельсон, а в азиатской Турции – фельдмаршал граф Гудович, люди уже старые, изжившие свой век. Дела наши шли медленно, без больших потерь, но и без успешных последствий. Не страшна была эта война, но она требовала войска и денег. Шестьсот тысяч милиции вооружалось во всей России, но много ли можно было надеяться на это неопытное, необученное войско! Регулярные полки все были в армии, и лучшие люди из гарнизонов уже были повыбраны. Кавалерия наша была вообще в хорошем устройстве, но пехота и артиллерия требовали укомплектования и даже преобразования. Они много пострадали. Конечно, Наполеон в тогдашнем своем положении не мог бы решиться на вторжение во внутренность России, как в 1812 году, но это самое бессилие его было для России опаснее безрасчетного похода в Москву. Он мог вторгнуться в провинции, возвращенные от Польши, произвести замешательство, взволновать шлях-

ту, выбрать насильно людей, годных в военную службу, и воспользоваться всеми пособиями, представляемыми краем. Нам пришлось бы ретироваться, чтоб укрепиться в силах, а между тем и Наполеон мог бы получить помощь из Франции. На Пруссию уже не было никакой надежды, на Австрию весьма мало. Англичане хотя обещали сделать высадку в Померанию, но не выслали ни одного человека. Швеция была слаба. Не лучше ли было отложить до времени начатие новой брани с гигантом – и самим усилиться и дать другим укрепиться, между тем как гигант будет ослабевать разлитием сил своих по всем концам Европы! Так и сделал император Александр, и поступил в этом случае с величайшею мудростью и предвидением.

Надлежало уступить что-нибудь – иначе нельзя было кончить этой брани. Пруссия должна была принести жертву, которую император Александр имел твердое намерение вознаградить при первом случае. Пруссия лишилась половины своих областей и половины тогдашнего своего народонаселения, а именно более четырех с половиною миллио-

нов подданных, заплатив притом контрибуциями, поборами и поставками на французскую армию более 600 миллионов рублей ассигнациями. Император Александр ничего не лишился, он только признал братьев Наполеона королями, согласился пристать к континентальной системе и объявить войну Англии, а самого Наполеона признал протектором Рейнского союза и Швейцарской конфедерации, разрешив ему действовать свободно на западе Европы, с тем чтоб Наполеон не мешался в дела России на севере и на востоке. Хотя в трактате и сказано было, что русские войска должны очистить Молдавию и Валахию, но секретная статья в этом же трактате и словесное обещание уничтожило статью явную. Чтоб доказать императору Александру, что Наполеон никогда не посягнет на провинции, возвращенные от Польши к России, он отдал императору Александру Белостокскую область [1205] [1206]. Сила и могущество Наполеона в существе не возросли от Тильзитского трактата, а возросли только ненависть к нему Германии и страх в других народах. Во всей Европе Тильзитский мир почитали толь-

ко перемирием, которое Англия будет стараться расторгнуть. В надежде на Тильзитский мир и уничтожение Пруссии Наполеон вознамерился покорить Пиренейский полуостров и стал рыть могилу, в которую должно было слечь его могущество[1207].

После Тильзитского мира императору Александру предстояло исполнение двух великих предназначений Петра Великого и Екатерины II, а именно: присоединение Финляндии к России для отдаления границы от Петербурга, с полным владычеством в Финском заливе, и утверждение границы с Турцией по устью Дуная для обеспечения южной России и Крыма. При общем мире Россия не могла бы на это решиться, но Наполеон в Тильзите согласился охотно на распространение пределов России с тем только, чтоб Россия дозволила утвердиться его династии на Западе. Всем известен конец дела. Финляндия присоединена на вечные времена к России[1208], а династия Наполеона не существует... Наполеон был поэтом в политике – и оставил после себя в истории «Илиаду»; противники же его, действуя для государственных польз, приобрели

существенные выгоды.

Но главное в том, что наше народное самодлюбие было тронуто и что война с Англией не могла возбудить энтузиазма, не представляя никаких польз и видов и лишая нас выгод торговли. Вот что породил общий ропот. Слава Наполеона, так сказать, колола нам глаза, и мы уже доказали, что не боимся ни страшных сил завоевателя, ни его искусных маршалов и можем даже с меньшими силами не только противостоять ему, но и бить его знаменитые легионы. Неудачи наши, как всегда и везде бывает, приписывали мы нашим генералам (что отчасти была и правда) и непременно хотели еще раз сразиться с Наполеоном, во что бы то ни стало. Таково было общее мнение в Петербурге и в целой России. Свидетельствуюсь современниками...

Французским чрезвычайным послом прибыл в Петербург бывший адъютант Наполеона, любимец его и доверенное лицо, генерал Савари. Это был выбор неудачный. Не потому ли Наполеон решил отправить в Петербург генерала Савари, что он известен был уже императору Александру с Аустерлица, послан-

ный к государю с мирными предложениями перед сражением и с благородным предложением перемирия после битвы? Но Наполеону, желавшему искренно мира с императором Александром, надлежало бы иметь в виду, что русский двор неохотно признавал все созданное Французскою революциею и что при русском дворе наложен был траур по смерти герцога Ангенского. Следовательно, генерал Савари, как создание революционное, игравшее важнейшую роль в жалкой трагедии, кончившейся смертью принца одной из древнейших европейских династий, – Савари не мог быть принят хорошо в кругу русской аристократии[1209]. Да и зачем было посылать генерала, припоминающего Аустерлиц и Фридланд? Наполеон поступил бы благоразумнее, если бы послал в Петербург человека не военного, из старинной французской аристократии, не принимавшего никакого участия в насильственных и противозаконных делах, вынужденных революциею, – а у Наполеона было много способных людей из этого разряда. Император Александр весьма ласково принял и хорошо обходился с генера-

лом Савари, но в высшем обществе столицы его принимали чрезвычайно холодно, и некоторые знатные особы обращались с ним, как говорят французы *cavalièrement*, т. е. без околичностей. В некоторые дома вовсе его не приглашали и довольствовались разменою визитных карточек[1210].

Отчаянные люди из молодежи, воспламененные патриотизмом, поступали иногда весьма неблагоприятно, стараясь выказать чувства свои к Наполеону в лице его посланника. Все служившие в гвардии и в полках, стоявших в Петербурге при императоре Павле Петровиче и в начале царствования императора Александра, помнят Вакселя, офицера конногвардейской артиллерии, весельчака и большого проказника. В то время носился слух, будто Ваксель нанял карету четверней у знаменитого тогда извозчика Шарова нарочно, с тем чтоб столкнуться с каретой генерала Савари. Рассказывали, что Ваксель выждал, когда Савари возвращался из дворца, и, пустив лошадей во всю рысь, сцепился с каретой французского посла на Полицейском мосте. Одну карету надлежало осадить. Послан-

ник, высунувшись в окно, кричал: «Faites reculer votre voiture!» (Велите податься в тыл вашей карете). «C'est votre tour de reculer! En avant!» (Ваша очередь подаваться в тыл или отступать. Вперед!) – отвечал Ваксель, и генерал Савари, чтоб избежать несчастья, велел своей карете осадить и сам вылез из экипажа. За справедливость этого происшествия не ручаюсь, но доволен того, что тогда все об этом рассказывали и верили рассказу[1211]. Генерал Савари терпеливо переносил холодность и даже неприязненный тон петербургского общества, вероятно вследствие своей инструкции, представляясь, будто ничего не замечает, и надеясь, как и Наполеон, что это нерасположение, весьма естественное после Тильзитского мира, пройдет со временем. Оба они жестоко ошибались в своих расчетах.

Но если к генералу Савари были холодны, то офицеров его свиты принимали везде хорошо. В обхождении с послом была политическая цель, а с простыми офицерами обходились по личным их достоинствам. Да и может ли какое бы ни было чувство или расчет воспрепятствовать торжеству в европейском об-

ществе благовоспитанного француза с известным положением в свете! В свиту генерала Савари выбраны были отличнейшие офицеры из гвардии и генерального штаба, люди хороших, старинных фамилий, с блистательным воспитанием, лучшего тона, и притом молодцы и красавцы. Дамы взяли их под свое покровительство, и как высшее общество и офицеры гвардии не питали вовсе ненависти к французскому народу, а сердились только на правителя Франции, то французские офицеры встречали повсюду ласковый прием и простодушное русское гостеприимство и даже подружились с некоторыми офицерами русской гвардии. В центре тогдашнего высшего круга, в доме Александра Львовича Нарышкина, они бывали почти ежедневно, а в политической гостиной княгини Натальи Ивановны Куракиной отличались между молодыми людьми других посольств.

Весьма замечательно, что в то время, когда во всей Польше пылал энтузиазм к Наполеону и когда почти все верили его обещаниям, главою политической партии в России, противной Наполеону и союзу с ним, был поляк,

князь Адам Адамович Чарторийский, который в союзе императора Александра с гордым завоевателем видел унижение России и, при всей своей преданности к государю, вышел в отставку во время трактаций о Тильзитском мире, сдав дела тайному советнику Будбергу. Уже в двадцатых годах удалось мне прочесть записку, поданную перед Тильзитским миром императору Александру князем Чарторийским[1212]. В этой записке, составленной в настоящем русском духе, изображено было опасное положение России без союзников, между тем как Англия и Швеция приготавлились к войне и когда война с Турцией была не кончена, а с Персией начиналась. Князь Чарторийский утверждал, что Наполеон стремится всеми мерами ослабить, расстроить Россию, возбудить во всех европейских державах недоверчивость к ней с тою целью, чтоб, успокоив Запад, броситься со всеми своими силами на Россию. Далее князь Чарторийский говорил в своей записке, что русский народ, готовый пролить последнюю каплю крови для славы и чести престола и блага отечества, упадет духом, когда увидит госуда-

ря своего уступающим человеку, изображенному перед войной в манифестах в самом черном виде, даже отступником от христианской веры и т. п. Видно, что князь Чарторийский, при похвальной своей ревности, не знал всей необходимости мира и дальнейших видов мудрого государя. Природные русские, так сказать, по инстинкту догадывались, что Тильзитский мир – только перемирие и что император Александр рано или поздно рассечет этот гордиев узел[1213]. Главою политической партии, благоприятствовавшей Франции, был граф Румянцев. По наружности и граф В. П. Кочубей принадлежал также к этой партии. Прочитав записку князя Чарторийского, граф Кочубей улыбнулся и сказал: «Le prince ne veut pas comprendre, que nous reculons, pour mieux sauter»[1214] (т. е. князь не хочет выразуметь, что мы подаемся в тыл, чтоб вскочить далее). Впрочем, на самом деле в России не было ни английской, ни французской партии, а была одна русская партия, и если граф Румянцев, князя Куракины[1215], граф В. П. Кочубей, граф Строганов, князь Долгорукий[1216] и другие приближенные к госу-

дарю лица казались весьма довольными союзом с Наполеоном, то этого требовали обстоятельства. По совести, нельзя было во всем оправдывать Англии. Она не исполнила обещанного в 1806 году, не высадила войск в Померании и, наконец, нападением на Копенгаген, бомбардированием его без объявления войны и взятием датского флота нарушила все права народные и права человечества, т. е. сделала сама именно то, в чем упрекала Наполеона. Благородная душа императора Александра не могла никогда одобрить этого поступка Англии, и негодование его было искреннее и справедливое.

Граф Петр Александрович Толстой назначен был послом в Париж. Свита его была также весьма блистательная, составленная из молодых людей, отличных во всех отношениях, нежных, благовоспитанных, с прекрасною аристократическою манерою. Нынешний канцлер граф Карл Васильевич Нессельроде был советником посольства. Кавалерами посольства[1217] были Александр Христофорович Бенкендорф (впоследствии граф, генерал от кавалерии и шеф корпуса жандармов),

светлейший князь Лопухин (сын бывшего председателя Государственного совета), Лев Александрович Нарышкин, других не вспомню. Русское посольство было принято Наполеоном с величайшими почестями и вниманием, и все тогдашнее парижское общество подражало двору. Покойный Александр Христофорович Бенкендорф любил рассказывать об этой блистательной жизни в Париже, где все стремилось к тому только, чтоб дать русскому посольству высокое понятие о блеске нового французского двора и о возобновлении в обществе старинных форм общежития, прежней французской любезности и гостеприимства[1218]. Деятельное политическое лицо при посольстве был граф К. В. Нессельроде. Здесь было начало того блистательного и долговременного дипломатического поприща, на котором имя его сопряжено со всеми великими событиями чудной эпохи.

Савари у Наполеона был тем же, чем был Сеид у Магомета[1219], т. е. близкий человек, преданный своему покровителю телом и душою, обожающий его и повинующийся ему, вовсе не рассуждая, а только буквально ис-

полняя все его приказания. Савари был адъютантом при Наполеоне со времени вступления его на блистательное военное поприще и был употребляем всегда для самых важных поручений, где требовалась безусловная преданность, скромность и самоотвержение. Савари был человек не гениальный, не дипломат, даже не учено-образованный, но он был человек умный и ловкий. Природа одарила его особого рода умом, т. е. умом полицейским, которого основание составляет чутье вроде пуделевского. Он был всегда употребляем Наполеоном в тех делах, где надлежало открыть тайну или наблюдать за поступками неприязненных ему людей. Савари заведовал тайною полициею Наполеона, когда он был еще главнокомандующим италийскою армией, и с тех пор всегда был его невидимым стражем и, так сказать, блюстителем оком. Шпионство превратилось у Савари в страсть. Он непременно хотел все знать и все предугадывать и, разумеется, что руководствуясь людьми продажными и безнравственными, часто видел дела превратно, усматривал заговоры там, где их вовсе не было, и составлял

мнение о лицах и делах совершенно противное истине. Вскоре после Савари приехало в Петербург множество шпионов, а еще более шпионок, т. е. женщин. Для этого дела были выбраны женщины хитрые, умные, интриганки и недурные собою.

Петербург и Москва наводнены были маркизами, графами, аббатами, гувернерами, любопытными путешественниками и путешественницами. Разумеется, что в паспорте каждому давали звание, сообразное роли, которую он или она должны были разыгрывать в России. Одни обязаны были притворяться враждебными Наполеону и его правлению по связям своим с республиканцами или с Бурбонами; другие, напротив, превозносили Наполеона, должны были противодействовать злым толкам, распространяемым английскими журналами и брошюрами насчет Наполеона, и располагать к нему общее мнение. Все должны были извещать Савари о всех толках насчет политических отношений Франции и о тайных намерениях русского правительства. На основании сплетен, переносимых легионом шпионов, Савари писал

свои донесения Наполеону, в которых только то было справедливо, что Наполеон был ненавидим в России, что вся Россия желала пламенно войны с ним и что английские брошюры, наполненные самыми нелепыми лжами и клеветами противу Наполеона, его семейства и противу важнейших лиц французского правительства (в том числе и Савари), не только расходились у нас во множестве, но даже почитались справедливыми. Теперь уже нет ничего тайного в Западной Европе, и архивы должны были открыться свободному книгопечатанию! Напечатанные современные акты доказывают, что шпионство стоило в то время Наполеону огромных сумм[1220] и не принесло никакой существенной пользы. За сплетни и переносы неприятных толков о себе не стоило платить деньги! Расскажу, как я попал в сети одной из Наполеоновых сирен.

Во французском театре особенное мое внимание обратила на себя женщина с прекрасным лицом южного типа. Она всегда бывала в театре с другою пожилую женщиною, помещалась в ложе второго яруса, ближе к сцене, и одевалась с удивительным вкусом и к лицу,

хотя не весьма богато. Приезжала она в театр в наемной карете, парой лошадей. У наемного ее лакея, немца, узнал я, что дама – французская баронесса, приехала с теткою в Россию после заключения мира с Францией и живет весьма скромно в Малой Морской, в доме, принадлежащем ныне г-ну Лепеню [1221]. Я не сводил глаз с красавицы в театре, стоял всегда у подъезда, когда она садилась в карету, и часто, обогнав ее экипаж, появлялся у подъезда ее квартиры, когда она выходила из кареты. Преследования эти продолжались с месяц. Напрасно я расспрашивал о красавице у знакомых мне французов: ни один из них не мог мне ничего сказать, и я уже отчаивался в успехе моих поисков, как счастливый случай (так я тогда думал!) доставил мне знакомство с нею.

Во время представления балета «Зефир и Флора», который тогда привлекал весь Петербург [1222], перед закрытием занавеса побежал я в коридор и поместился близ дверей красавицы. Она вышла, оглянулась и, казалось, не заметила меня, но, отошед несколько шагов, уронила шаль. Разумеется, что я поспе-

шил поднять ее и подать красавице. Она поблагодарила меня с милою улыбкою и сказала с какою-то удивительною доверенностью: «Вы так вежливы, что я осмеливаюсь просить вас, чтоб вы проводили нас чрез эту толпу до подъезда: слуга мой сегодня заболел, и мы одни...» Я был в восторге, не помню, что сказал, верно, какую-нибудь глупость, потому что был вне себя, и подал ей руку. Безмолвно пробрались мы чрез толпу до подъезда. Тут она сказала мне, что карета ее стоит за Поцелуевым мостом, и мы пошли чрез площадь, между множеством экипажей. Это было в половине декабря 1807 года. Ночь была тихая, звездная, и красавица изъявила желание идти пешком до дому, предложив тетушке ехать в карете, сказав, что от жара в театре у нее закружилась голова и она хочет подышать чистым воздухом. «Не правда ли, что вы проводите меня?» – сказала она, улыбаясь. «Это будет счастливейший день в моей жизни», – отвечал я, и мы пошли рука об руку...

Мне был тогда девятнадцатый год от роду! Блаженное время! В этом приключении я видел одно счастье, не подозревая никакого дур-

ного намерения со стороны красавицы. Да и что я мог думать дурного? Тогда я верил, что все красавицы добры, как ангелы, в чем и теперь не разуверился совершенно. Притом же позволительное на девятнадцатом году возраста самолюбие отгоняло от меня всякое подозрение. Дорогою мы говорили, разумеется, о театре, о балетмейстере Дидло, о Дюпоре, о танцовщицах Е. И. Колосовой, Даниловой, о французской труппе – и наконец пришли к дому Лепеня. Я стал раскланиваться и уже готовил фразу, которою намеревался просить позволения навестить красавицу; но она предупредила меня, сказав: «Войдите... отдохнуть и выпить чашку чаю!» Я онемел от радости и пошел за нею по лестнице.

Знакомка моя по французскому паспорту называлась баронессою Шарлоттою Р. и показана была вдовою помещика. Ей было тогда около двадцати четырех лет. Известно, что все француженки от природы превосходные актрисы если не на сцене, то в частной жизни и что все они при самом поверхностном образовании с величайшим искусством подражают тону и манерам знатных дам. Тон,

манеры и язык Шарлотты были прекрасные. Ничто не обнаруживало низкого происхождения или привычек дурного общества. Не знаю, кто она была в самом деле, но должно полагать, что она принадлежала к хорошей фамилии и стала заблудшею овечкою во время сильных потрясений во Франции, ниспровергнувших существование многих почтенных фамилий и доведших одних до преступлений, а других до разврата. Как бы то ни было, но Шарлотта была восхитительное существо. Пробыв у нее в первый раз с час времени, я был совершенно очарован. Она позволила мне навещать ее, когда мне заблагорассудится, не ранее, однако ж, 11 часов утра и не позже 9 часов вечера, когда не бывает французских спектаклей. Разумеется, что я вполне воспользовался ее позволением и сперва навещал ее по одному разу в день, потом утром и вечером, а наконец чрез месяц или более мы сделались почти неразлучными.

В мои лета смешно было бы хвастать любовными интригами! Кто их не имел в жизни! Но, *вспоминая* прошлое, нельзя же из ложной скромности пропускать обстоятель-

ства, имевшие сильное влияние на целую жизнь. Русская пословица гласит: «Слова из песни не выкинешь!» Конечно, в Петербурге, и особенно в гвардии, были тысячи людей, которые почли бы себя счастливыми, если б могли подружиться с такою прелестною женщиною, какова была Шарлотта, и она могла бы выбирать из тысячи, но так случилось, что выбор пал на меня. Кажется, что, в начале нашей дружбы, она забыла политику, генерала Савари, Наполеона, свою инструкцию – и подружилась со мною, как дружатся молодые люди... Наши нравы и характеры чрезвычайно гармонировали. Она была нрава веселого, но любила иногда переноситься в мир фантазии, мечтать, и мы то хохотали, то плакали вместе... Я был всегда с нею вежлив, почтителен, услужлив, старался не причинять ей ни малейшего неудовольствия, предупреждал ее желания, хотя она формально запретила мне делать какие-либо издержки и даже гневалась, когда я привозил лакомства, говоря, что она довольно богата и сама может удовлетворять всем своим прихотям. Для женщины с нежным чувством первое достоинство в муж-

чине – покорность ее воле и пламенная любовь, которая, однако ж, никогда не выходит за пределы почтительности, и это именно Шарлотта нашла во мне.

Я ни пред кем не хвастал моим счастьем, напротив, как скупец, старался скрывать мое сокровище; однако ж эта связь не могла скрыться от пронизательных взоров молодежи. Некоторые товарищи мои видели меня с Шарлоттой в театре, потому что она велела мне ходить к ней в ложу, видели меня с нею в маскарадах, в концертах, на прогулках – завидовали, поздравляли... Хотя это мне было крайне досадно, но переменить хода этого дела было невозможно. Раз только слова одного из офицеров свиты генерала Савари (бессменного ординарца при Наполеоне, полковника Талуэ (Talhouet), отлично принятого в доме Александра Львовича Нарышкина) произвели на меня впечатление. «Я вас часто вижу с баронессою Р.», – сказал он мне. «Да, я так счастлив, что пользуюсь ее снисходительным вниманием (bienveillance)», – отвечал я. «Советую вам припомнить всю вашу мифологию: историю Калипсы, Цирцеи, сирен[1223] и т.

п.», – примолвил он, улыбаясь. Сперва я принял это за обыкновенную шутку; но когда г. Талуэ, в другой раз встретясь со мною, сказал мне серьезно: «Пораздумайте о том, что я уже сказал вам однажды», я в самом деле призадумался, но наконец решил, что, верно, г. Талуэ предостерегает меня насчет женитьбы, зная о какой-нибудь прежней любовной интриге баронессы. Потом я подумал, что, быть может, г. Талуэ говорит с досады (*par dépit*), – и перестал думать об этом.

Шарлотта рассказала мне целый роман о своей жизни. По ее словам, она вышла замуж в весьма молодых летах за богатого старика – в угодность родителям. Один ненавистный ей человек, но сильный при дворе Наполеона, влюбился в нее и стал ее преследовать, а наконец подговорил какого-то удальца обидеть ее мужа и вызвать на дуэль. Муж не согласился драться и решился уехать с нею в Америку, но она в это время заболела, а потому муж уехал один, чтоб приготовить все к их водворению в Нью-Йорке, и умер в Гаване, оставив ей завещанием половину своего имения. Выздоровев, она немедленно уехала в Россию,

чтоб избавиться от преследований ненавистного ей человека... Я всему верил, да и не имел причины подозревать ее во лжи! Что я был за важное лицо, чтоб для меня нарочно выдумывали сказки!..

Но если, сверх чаяния и ожидания, дружба с ловкою и прелестною француженкою не стоила мне денег, то все же она обошлась мне чрезвычайно дорого. Я лишился благосклонности моих добрых и снисходительных начальников за частые отлучки из эскадрона и упущения по службе. Эскадрон стоял сперва в Стрельне, потом в Петергофе, и офицеры, желавшие ехать в Петербург, должны были проситься у его высочества и получать от него билеты за его подписью, как я говорил уже об этом. Я по несколько раз в неделю ездил в Петербург, следовательно, не мог так часто просить позволения. Бывало, выеду в 10 или в 11 часов, после развода (назначавшегося обыкновенно в 9 часов), и возвращаюсь на другой день, к разводу. Иногда случалось опаздывать. В Петербурге меня видели в маскарадах, в театре, на гульбищах, и наконец все это дошло до начальников, которые, видя, что

предостережения и наставления не действуют, стали поступать со мною круто, как я заслуживал. Несколько раз я намеревался отказаться от этой связи, но я был в когтях демона-соблазнителя, усыпившего во мне рассудок и твердую волю. Одно слово, один взгляд волшебницы, записочка ее руки – заставляли меня забывать *все!*

Невзирая на скопление трудных для России политических обстоятельств, в Петербурге было тогда шумно и весело. Государю угодно было, чтоб столица веселилась, может быть, и для показания Европе, что в России нет того уныния, о котором разглашали в Европе противники Наполеона. Балы в знатных домах, у иностранных послов, в домах богатых купцов чужеземного происхождения и у банкиров бывали еще чаще, чем перед войной. Почти везде, особенно к купцам и банкирам, чрез полковых командиров приглашаемы были гвардейские офицеры, даже незнакомые в доме. На балы к купцам и банкирам привыкли уже ездить знатные сановники, потому что сам император удостоивал их своим посещением. Кто не помнит великолеп-

ных праздников тогдашнего откупщика Авраама Израилевича Перца и придворного банкира барона Раля, кончивших свою жизнь и поприще, на нашей памяти, в положении весьма близком к бедности![1224] Банкирские дома Молво, братьев Севериных теперь уже не существуют, а тогда это были колоссы нашей биржи[1225]. Континентальная система висела, как грозная туча над нашею торговлею, но громы слышны были только вдали и еще не разразились над нашей биржей. Отечественная война 1812 года, богатая славными последствиями, но ниспровергшая многие частные достояния, была видима только проницательным взорам, как огненная точка на горизонте... Денег и товаров было много в запасе, и новый источник богатства – подряды на поставку различных потребностей для армий – обещал неисчислимые выгоды частным людям. Винные откупа обогащали откупщиков и тех, которые должны были наблюдать за ходом откупных дел. Деньги кругообращались в государстве. Уже курс серебряных рублей начал изменяться, но еще не дошел до той степени, до которой достиг после 1812 го-

да, т. е. ассигнации наши еще не дошли до четвертой части нарицательной стоимости [1226].

В тогдашней бедной Стрельненской слободе было тесно от множества офицеров. Его высочество был инспектором всей кавалерии, и из всех кавалерийских полков призваны были по одному штаб-офицеру и по два обер-офицера, для узнания *порядка кавалерийской службы*, как сказано было в официальной бумаге. Разумеется, что из полков высланы были лучшие офицеры, и потому в Стрельне было самое приятное и самое веселое офицерское общество, какое когда-либо бывало в армии. Кто был в Стрельне в это время, никогда не забудет ее. Здесь завязалась между многими офицерами дружба, продолжавшаяся во всю жизнь. Адъютантами при его высочестве были лейб-гвардии Конного полка полковник Олсуфьев и ротмистр Федор Петрович Опочинин (ныне действительный тайный советник и член Государственного совета). Они были первые любимцы его высочества и доверенные его лица. Из других адъютантов ротмистр Шперберг был

всегда в откомандировке, за ремонтом. Ротмистр Гинц управлял инспекторскою канцелярией, подполковник нашего полка А. С. Шульгин (переведенный из эскадрона Московских полицейских драгунов) употребляем был более для посылок, а полковник Астраханского гренадерского полка граф Миних, потомок знаменитого фельдмаршала, занимался обучением уланов и конногвардейцев пехотной службе, которую тогда плохо разумели в кавалерии. Из Сумского гусарского полка для узнания порядка службы прислан был подполковник Алексей Николаевич Потапов (ныне генерал от кавалерии и член Государственного совета), прославившийся подвигами необыкновенного мужества в последнюю войну и отличный служака, которого его высочество особенно полюбил и взял к себе в адъютанты. В это же время назначен был адъютантом ротмистр князь Кудашев.

Офицеры собирались по-прежнему на почтовой станции, потому что другого трактира не было в Стрельне, а знакомые с графом Станиславом Феликсовичем Потоцким[1227] [1228] проводили у него время и лакомились

его лукулловскими обедами[1229], каких никто не давал в Петербурге. Граф был холост, проживал в год до полумиллиона рублей ассигнациями и был первый гастроном своего времени, остроумен, весельчак и чрезвычайно любезен в обращении. Граф был ко мне весьма ласков, отчасти, может быть, и по землячеству, отчасти по своему знакомству с графом Валицким, и пригласил меня к себе раз навсегда. Охотно пользовался я его снисходительностью и часто занимал место за его роскошным столом. У графа Станислава Феликсovichа Потоцкого видал я все, что было лучшего в гвардии и между флигель-адъютантами; в его доме познакомился я с графом Александром Христофоровичем Бенкендорфом, который был ко мне необыкновенно милостив и даже более нежели снисходителен до самой своей кончины. За то и я любил его душевно и чту память его, потому что знал коротко его благородную, рыцарскую душу! Со слезами истинной горести положил я цветок на его могиле! Не думал и не гадал я тогда, что мне придется писать его биографию[1230]! Из всех тогдашних собеседников графа Станислава

Феликсовича Потоцкого немного осталось в живых, да и из всех тогдашних стрелъненских офицеров едва двадцатая часть смотрит еще на солнце! Все слегло в могилу, большею частью преждевременную!..

Однажды за обеденным столом граф Потоцкий стал подшучивать над одним флигель-адъютантом, бывшим в коротких связях с знаменитою французскою трагическою актрисою мадемуазель Жорж, которая была тогда в полном цвете красоты и в полной своей славе[1231]. Когда шутки рикошетами обратились на самого графа, он сказал: «Но все же я ужасно боюсь связей с француженками! Это застрельщицы Наполеона, и я готов биться об заклад, что все они или, по крайней мере, три четверти – шпионки... Меня предостерегли люди, которые очень хорошо знают это дело...» Слова эти, как говорится, я намотал себе на ус. Слепленный моею страстью – я несколько прозрел!..

Через несколько недель после нашей дружбы Шарлотта хотела знать мнение мое о Наполеоне, и я сказал откровенно что думал, а именно что почитаю его величайшим гени-

ем нашего века, как полководца и как правителя, сокрушившего гидру революции, которую я всегда ненавидел и ненавижу, восстановившего веру, порядок и безопасность, но желал бы, для блага и славы самого Наполеона, чтоб он укротил свое честолюбие и, довольствуясь Францией и сиротою Италией, оставил в покое другие народы... После этого объяснения, дней за десять до обеда графа Поттоцкого, Шарлотта стала расхваливать передо мною нашу конницу и спросила у меня, сколько у нас всей кавалерии. Я не мог ей отвечать на память. «А я и забыла тебе сказать, – примолвила она, – что у меня есть в Париже двоюродный брат, который занимается составлением общей европейской статистики и просил меня сообщить ему некоторые статистические известия о России... Труд этот, если будет хорош, доставит ему счастье... Возьмись, любезный друг, собрать сведения. Вот, например, о вашей коннице тебе весьма легко будет собрать известия в канцелярии вашего шефа... Возьми эту бумажку и отвечай мне на вопросы...» Я легкомысленно обещал и взял четвертушку бумаги, на кото-

рой было десятка с два вопросов, и, не читая, положил в карман... Молодо-зелено! Но как всякие справки в этом роде были для меня трудная задача, то я и не торопился, ожидая удобного случая, т. е. встречи с людьми, которые могли бы отвечать основательно на эти статистические вопросы. Однако ж я прочел их бегло дома, но мне и на ум не пришло какое-либо дурное намерение со стороны Шарлотты!

Слышанное от графа Потоцкого возбудило во мне сомнения... Я стал внимательно перечитывать вопросы и при этом случае вспомнил предостережение доброго Талуэ насчет Калипсы, Цирцеи и сирен! Это означало явно – гибель от безрассудной любви! И точно, вопросы по внимательном рассмотрении показались мне весьма странными, даже подозрительными и вовсе чуждыми статистике. Например, в вопросе о кавалерии надлежало объяснить комплект полка и означить, сколько рекрут поступило в полк после войны. Спрашивалось также: какой комплект артиллерии при стотысячной армии?.. Всего теперь не вспомню. Но что более всего меня порази-

ло – это вопрос, каким образом получаются и распространяются в России английские журналы и брошюры и где именно центр английских приверженцев?.. Почему этот вопрос касался статистики?.. Дело показалось мне ясным, но я все еще не хотел верить дурному намерению и полагал, что сама Шарлотта могла быть обманута. Прежде всего я решил посоветоваться с зятем моим, А. М. И.[1232], человеком необыкновенно умным, проницательным и холодным, и на другой день отправился в Петербург.

«Что бы вы подумали, если б эти вопросы предложены были вам французом?» – спросил я у зятя, подав ему бумагу. Он прочел и сказал решительно: «Вопросы эти предложены политическим шпионом недогадливому человеку, который может за это заплатить честью и всею своею карьерою...» – «Недогадливый – это я, однако ж я ничем платить не намерен, потому что отвечать не стану». – «Но ты должен объявить...» – примолвил он. «Вот тогда-то именно я лишился бы чести, – возразил я, – потому что вопросы предложены мне женщиною, которую я обожал до сей мину-

ты...» – «Делай как хочешь, но я предостерегаю тебя, что это дело весьма опасное, – при- молвил он, – надобно быть безумным, чтоб не видеть в этих вопросах политической цели...» Я простился с зятем и поехал к Шарлотте.

Происшествие это до того меня растревожило, что она по лицу моему угадала, что со мною случилось что-нибудь весьма неприятное. «Что с тобою?» – спросила она с беспокойством. «Садись и переговорим!» – сказал я холодно. Мы сели друг противу друга; она на софе, а я на стуле, возле столика. «Мог ли я думать, что наша дружба должна кончиться моею гибелью?..» – «Не понимаю!» – возразила она. «Что означают твои так называемые *статистические вопросы?*.. Шарлотта... я все знаю... все открылось!..» Она побледнела как полотно, и судорожные движения появились в лице ее. Неподвижными глазами смотрела она на меня. «Ты погубил меня!.. – сказала она тихим прерывающимся голосом, зарыдала и упала на софу, повторяя: – О, я несчастная, о, я безрассудная!..» Прибежала тетка ее, и мы вместе стали помогать Шарлотте. «Я не погубил и не погублю тебя... но, ради бога, успо-

койся и выслушай меня!» Через полчаса она успокоилась, но так изменилась в лице, как будто после шестимесячной тяжелой болезни. Видно, что она была неопытна в своем ремесле и что занялась им вопреки своим чувствам. «Без объяснений! – сказал я. – Уезжай отсюда, и дело этим кончится. Но если ты останешься здесь еще неделю, я ни за что не ручаюсь... Помни, что к России прилегает... Сибирь!» Она снова расплакалась и даже хотела смягчить меня различными софизмами, особенно надеждами поляков, благодарностью Наполеона и т. п. «Если б я не почитал Наполеона честным человеком, то при всей его славе и гениальности я презирал бы его, так как и он, без всякого сомнения, презирает каждого изменника и шпиона... Под русскими знаменами нет чужеземцев, и каждый, кто надел русский мундир, тот уже русский и должен быть верен своему государю и России. Насильно здесь не удерживают, но жить, служить в России и употреблять во вред ей чью бы ни было доверенность – это верх подлости!.. И я прошу тебя в последний раз замолчать и повиноваться безусловно моему пред-

ложению, потому что каждое твое слово есть для меня оскорбление!.. Или обратно во Францию, или в Сибирь... выбирай!..» – «Еду во Францию, – сказала она тихо и, бросив на меня самый нежный, т. е. самый убийственный взгляд, примолвила: – Но неужели мы расстанемся врагами?» – «Дружбы между нами уже быть не может после того, как ты захотела употребить ее на мою погибель и бесчестье, а вражду приношу я в жертву прежнему... Прощай – и собирайся в дорогу!..» Она хотела остановить меня, но я вырвался и стремглав побежал с лестницы... Должен ли я сознаться в слабости! Я сам заплакал и, сев в сани, велел везти себя без всякой цели на Петербургскую сторону, а потом переехал на Крестовский остров и остался там до вечера, расхаживая один по пустой дороге. Мне было жаль расстаться с Шарлоттой... досадно, что это случилось... но делать было нечего! Ночью я возвратился в Петергоф и с горя принялся за службу. Мой ротмистр удивлялся, что я не выходил из конюшни и из манежа, первый являлся на развод, не пропускал даже унтер-офицерского ученья, ни одной поездки...

Через десять дней после этого происшествия я получил позволение съездить на сутки в Петербург. Шарлотты уже не было на ее квартире. Я справился в канцелярии военного генерал-губернатора и узнал, что ей была выдана, по записке французского посла, подорожная чрез Москву до Брод... Она уехала в Вену, сказали мне в магазине г-жи Ксавье, ее приятельницы, где она забирала модные товары[1233]. Я сжег все записки, и тем это дело кончилось. Пусть это происшествие послужит уроком не только молодым людям, но и старикам – любителям коротких связей с иностранками. Иногда безвинно можно навлечь на себя большое несчастье. Хорошо, что я так счастливо отделался!

Припоминаю одно трагикомическое приключение, случившееся со мною в то время, когда я был в дружбе с этою сиреною, которой я повиновался безусловно. Шарлотта была в большой дружбе с несколькими француженками – содержательницами модных магазинов, актрисами и некоторыми женщинами-щеголихами, ловкими, умными, которых занятия были мне неизвестны. Между ними

особенно памятны мне мадам Ксавье, женщина необыкновенно высокого роста, величественного вида, тогда уже на отлете, но сохранившая следы необыкновенной красоты. Говорили, что во время Французской революции, когда безумцы уничтожали во Франции христианскую веру, г-жа Ксавье, имевшая тогда другое прозвание, избрана была Робеспьером и его сообщниками, составлявшими Комитет общественной безопасности (Comité du salut public)[1234], для разыгрывания роли богини Разума – и разъезжала на торжественной колеснице по Парижу. Я однажды спросил у мадам Ксавье, справедливо ли это, и она отвечала мне шуткою: «Et pourquoi pas! (А почему же нет!) Разве я не создана для роли богини!»[1235] Г-жа Ксавье была женщина необыкновенного ума, умела свести весьма короткое знакомство со многими из русских дам и даже езжала к некоторым из них в дом, когда они принимали только самые короткие и близкие лица. О связях мадам Ксавье говорили, кажется, более даже, чем было в самом деле – но справедливо, что в ее квартире бывали иногда свидания между лицами, кото-

рые не могли сходиться явно. Другая приятельница Шарлотты, также содержательница модного магазина, была мадам ***. Не могу назвать ее, потому что дочь ее вышла замуж за русского дворянина, человека отличного. Другой короткой приятельницы Шарлотты, г-жи ****, я также не должен называть по имени. Дети и внуки их – люди порядочные и не должны отвечать за юность своих бабушек или маменек. Шарлотте вздумалось ехать с дочерью мадам *** и госпожой **** в маскарад к Фельету, и мне надлежало быть их кавалером. За неделю вперед говорили, что маскарад будет блистательный и что там будет весь дипломатический корпус и вся наша знать. Мои дамы собирались мистифицировать важные лица, следовательно, надлежало и мне маскироваться, чтоб по мне и их не узнали. Долго рассуждали о костюме и решились, чтоб я оделся диким американцем, а они кролками. У театрального костюмера г. Натье, я выбрал для себя богатый костюм: трико коричневого цвета, пояс и головной убор из страусовых разноцветных перьев и плащ из настоящей тигровой шкуры. При этом были,

разумеется, колчан с стрелами, лук, булава и несколько снурков кораллов на шею. В день маскарада, к вечеру, мне принесли мой костюм, и я, нарядившись в него, захотел похвастаться перед товарищами и в 8 часов вечера отправился в конногвардейские казармы к искреннему приятелю моему поручику Фацу (нашего лейб-эскадрона), домоседу, у которого всегда почти по вечерам собирались офицеры. Поверх моего костюма я надел офицерскую шинель, в один рукав, и уланскую шапку. Пробыв с час у Фаца с офицерами, я вознамерился ехать к моим дамам. Вышед на лестницу, услышал я звуки шпор внизу. Я остановился на повороте лестницы, возле фонаря, и вдруг его высочество цесаревич взбежал на лестницу и, увидев меня, остановился... Надлежало взяться за козырек шапки... я поднял руку – и мой американский костюм блеснул во всей красе!.. Делать было нечего – попался! Его высочество велел мне подождать себя на лестнице, а сам пошел в полковую канцелярию, чрез несколько минут воротился и сказал мне: «Ступай за мною!» Я повиновался. Его высочество был с адъютантом своим пол-

ковником Олсуфьевым; они сели в сани, а его высочество сказал мне: «Становись на запятки!» Я исполнил его приказание. «Пошел в Мраморный дворец[1236]!» – и сани понеслись. Вот те и маскарад – на гауптвахте! – подумал я.

В нижнем этаже Мраморного дворца жил тогда сенатор граф Иллинский, которого его высочество узнал коротко и полюбил, когда граф Иллинский был бессменным дежурным камергером в Гатчине, у высокого его родителя, бывшего тогда наследником престола. Графиня Иллинская, полька, премилая, умная дама, принимала у себя общество, которое нравилось его высочеству, и это развлекало его, когда он приезжал из Стрельны в Петербург. Графиня Иллинская была особенно дружна с княжною Жанеттою Антоновною Четвертинскою (младшей сестрою Марии Антоновны Нарышкиной, вышедшею после замуж за пожилого польского дворянина Вышковского) и с некоторыми другими польками. В доме графа Иллинского, правильнее графини, потому что сам он мало занимался обществом, был совершенно польский тон, непринужден-

ность, веселость, шутки и откровенное гостеприимство. Душою этого общества была княжна Ж. А. Четвертинская.

Когда сани подъехали к крыльцу, я соскочил с запяток и ждал, пока его высочество прикажет мне идти на гауптвахту, но чрезвычайно удивился, когда он велел мне следовать за собою в комнаты. Сняв шинель в передней, его высочество велел и мне сделать то же и идти за ним.

В этот вечер было у графини Иллинской общество, которое собиралось ехать в маскарад к Фельету несколькими кадрилями. Комнаты были, как водится, ярко освещены. Я держал в одной руке мою уланскую шапку, а в другой – мой американский головной убор. Его высочество велел мне надеть его, ввел меня за руку в гостиную, представил дамам, сказав: «Voilà, mesdames, un échantillon du régiment que j'ai l'honneur de commander!» (т. е. «Вот образчик полка, которым я имею честь командовать!») и примолвил, улыбаясь: «Виноват, сам я не успел еще обмундироваться!» Потом, обратясь к графине Иллинской, прибавил: «C'est pourtant votre protégé!» (т. е. «Это,

однако ж, покровительствуемый вами»). Я поклонился дамам и в безмолвии ожидал своей участи.

Графиня Иллинская была в хороших отношениях с сестрою моею Антониною и с графом Валицким, знала меня и даже без моей просьбы и без моего ведома несколько раз просила его высочество быть снисходительным к моей молодости. Умные польки начали хохотать и хотели обратить дело в шутку, но я нарушил законы дисциплины[1237], а его высочество не любил этого. Обратясь ко мне, он сказал: «Извольте, сударь, идти!» – «На *которую* прикажете?» – спросил я. Эта догадка, что я должен непременно идти на гауптвахту, рассмешила цесаревича, а мое сознание в вине смягчило его. «Можете выбирать!» – сказал он, отвернувшись от меня и смеясь. Я вышел, намереваясь возвратиться в Петергоф, но выбежавший за мною лакей сказал мне от имени графини Иллинской, чтоб я подождал в сенях. Между тем дамы стали упрашивать великого князя, чтоб он простил меня, и его высочество согласился. Меня снова призвали в залу, и его высочество, сказав,

что прощает мне в последний раз подобную шалость, приказал немедленно ехать в эскадрон.

Я заехал к моим дамам, которые с нетерпением ожидали меня, и рассказал им случившееся со мною. Тщетно уговаривали они меня переменить костюм, ехать с ними в маскарад и к утру возвратиться в Петергоф – я не согласился, совесть обманом заплатить его высочеству за великодушное прощение; поехал немедленно в эскадрон и в Петергофе, на гауптвахте, просил записать час и минуту, когда я прибыл, а потом уже отправился на квартиру. Как я предвидел, так и случилось. Его высочество велел справиться, в какую пору я приехал в Петергоф, и когда ему представили книгу[1238] с гауптвахты, он остался доволен.

Говоря о маскарадах, составлявших тогда одно из главных увеселений столицы, я должен рассказать о происшествии, которое наделало в свое время много шума, было рассказываемо и даже описываемо различным образом, а именно – о *мертвце* в маскараде Фельета. Происшествие это годилось бы в роман

А. Дюма или Евгения Сю.

Я уже говорил о доме Кушелева (на Дворцовой площади, где ныне здание Главного штаба его императорского величества), нашем Пале-Рояле в миниатюре. Комнаты, в которых Фельет давал маскарады, расположены были вокруг коридора. По сторонам, в углублении, были небольшие комнаты для отдохновения, а для танцев две большие залы. Выходов было четыре. Комнаты меблированы были хотя не так богато, как в доме г-на Энгельгардта, когда там начались маскарады [1239], но со вкусом, и что важнее – в комнатах Фельета было много уютности (комфорта). Веселились тогда шумно. Обедали и ужинали гораздо раньше нынешнего, но когда веселились, то не смотрели на часы. Мы помнили хорошо, что время дал нам Бог на радость, а часы люди выдумали!

В 11 часов вечера несколько молодых людей оканчивали ужин возлияниями Бахусу. Предлагали различные тосты. «Я слышал, что ты хотел жениться в провинции, – сказал один молодой человек своему товарищу. – Не выпить ли за здоровье твоей невесты!» –

«Древняя история! – возразил товарищ. – На всех хорошеньких нельзя жениться. Это была игра фантазии... занятие от скуки: passe-temps [1240]! В деревне я нашел премиленькую соседку, вдовушку, и мы подружились на время моего отпуска... Соседки разболтали, что я жених... и я от страха бежал из деревни...» – «Но я слышал, что ты дал *слово*, формальное обещание», – возразил молодой человек. «Любовные клятвы записываются, как говорили поэты, стрелой Амура, на морских волнах... подул ветер – и клятва исчезла!..» В это время женская маска (черное домино) приблизилась к столу и ударила молодого человека по плечу. Молодой человек, не кончив речи, оглянулся – и черное домино, погрозив ему пальцем, прошло мимо. «Вот, кстати, предлагаю вам последний тост: за здоровье этой маски и за благие надежды! – сказал молодой человек. – Это должна быть прелестная женщина! – продолжал он. – Она мистифирует меня целый вечер, и я решился во что бы ни стало узнать, кто она». Выпив последний бокал, молодой человек, угощавший своих приятелей, отдал одному из них сторублевую ассигна-

цию, прося рассчитаться, и вскочил из за
стола, извинившись, что должен продолжать
свой роман с черным домино. Замаскирован-
ная дама, казалось, ждала его в углу комнаты
и, когда он подошел к ней, подала ему руку...
Они пошли расхаживать по комнатам.

Маскарадная любовь и вино – родные сест-
ры. Согретый шампанским, молодой человек
сделался во сто раз смелее и стал прямо изъ-
ясняться в любви, обещая, разумеется, всё...
верность, покорность и целое Эльдorado с зо-
лотыми горами[1241]! Маска хохотала. «Я
слышала, как ты рассуждал о любви и верно-
сти, – сказала она, – и твой образ мыслей на
этот счет не может возбудить в женщине до-
веренности!..» – «Ты ничего не слышала, – от-
вечал молодой человек, – мало ли что гово-
рится в приятельской беседе!» – «Но тебя
упрекали, что ты дал слово жениться и не
сдержал обещания...» – «Какое это обещание!
Шутка, и только!» – «Но разве можно шутить
честью и спокойствием женщины?» – «Пол-
но серьезничать и морализировать: теперь
не пора и не место!.. Если б я нашел такую ум-
ную женщину, как ты, милая маска, и хоть со-

тую долю красоты в сравнении с умом, то сдержал бы слово». – «А разве та женщина, которой ты дал слово, была глупа и безобразна?» – «Нет! но слишком чувствительна, а я не люблю плаксивых...» – «А, ты не любишь чувствительных!..» В этом духе продолжался разговор, пока наконец молодой человек решился просить у маски позволения проводить ее до дому, предлагая ей свой экипаж. «Согласна, чтоб ты проводил меня до дому, но в моем экипаже», и они вышли в сени.

Молодой человек чрезвычайно удивился, увидев, что и лакей, державший салоп дамы, был замаскирован. Этого он еще не встречал в своей жизни и потому, ведя даму под руку с лестницы, изъявил ей свое удивление. «Тут нет ничего удивительного; зачем же и маскироваться, если по прислуге и экипажу можно узнать, кто под маской... Вы здесь не одни, и я не хочу, чтоб некоторые люди меня узнали...» Карета, запряженная четверкой лихих коней, стояла на углу Большой Морской; они сели в карету, и дама сказала лакею: «Поскорее домой!» Лошади понеслись во всю прыть.

В экипаже молодой человек и дама пере-

менили тон. Они уже говорили друг другу вы. Молодой человек, почитая себя счастливым, нежничал, дама отвечала чрезвычайно остроумно, как бы ободряя молодого человека и утверждая его в надеждах, но не подавала никакого повода к вольностям: напротив, удерживала его в границах. Напрасно просил он, чтоб она сняла маску. «Будет еще довольно времени!» – говорила дама. Как она ни занимала молодого человека разговорами, но все же ему показалось, что они едут очень долго, и он не мог удержаться, чтоб не сказать: «Вы очень далеко живете!» – «На даче, за городом», – отвечала дама. «Зимою?» – «Всегда! Там тихо и спокойно!» Это еще более воспламенило воображение молодого человека. Он воображал себе счастье, которым он будет наслаждаться в уединении с прелестною и умною женщиною, и сторал от нетерпенья приехать скорее на место.

Наконец карета остановилась. Лакей отпер дверцы, и молодой человек, вышед после дамы, крайне изумился, когда увидел, что они на Смоленском кладбище. «Не бойтесь! – сказала дама. – Здесь я сниму маску, и если я вам

понравлюсь, то вы должны дать мне слово на гробе – в верности!.. Иначе я оставлю вас здесь и уеду!..» Молодой человек согласился. Они вошли в ограду, и дама привела его к свежей яме, еще раскрытой, и сняла маску... Молодой человек взглянул и обомлел от ужаса... это была *мертвая голова!*.. Дама протянула руку к молодому человеку – это был *скелет!*.. До сих пор дама говорила поддельным голосом, а теперь она заговорила своим, и он узнал голос женщины, им обманутой, которой он обещал жениться... «Обман твой свел меня в могилу! – сказала она важно. – И я явилась из гроба, чтоб в последний раз упрекнуть тебя в гнусном обмане и предать навеки проклятию!.. Лишить женщину доброго имени – есть преступление выше смертоубийства!.. Ты обманул меня, отравил мое спокойствие, покрыл стыдом единственное дитя мое...» Она не договорила – и уже молодой человек лежал без чувств у ног ее...

Когда он пришел в себя, он лежал в постеле, у себя дома. Сердце его сильно забилося, когда он увидел сидящую возле его постели ту самую женщину, которой дал слово же-

ниться и которая явилась ему мертвецом на кладбище. Он хотел говорить, но дама, приложив палец к устам своим, дала знать, что это ему запрещено. Послали поспешно за доктором, который скоро явился и объявил, что кризис кончился и что он ручается за жизнь больного. Девять суток пролежал он в беспмятстве, в нервной горячке, и обманутая им женщина не отходила ни на минуту от его постели. Наконец настало выздоравливание и примирение, и первый выезд молодого человека был в церковь, под венец. Женившись, он немедленно уехал с молодою и прекрасною женою в деревню, чтоб избавиться толков и расспросов.

Так рассказывали этот случай, объясняя дело следующим образом. Молодая вдова знала, что обманувший ее любовник чрезвычайно суеверен и притом волокита. Начитавшись, вероятно, тогдашних модных романов г-жи Радклеиф, в которых мертвецы играли первые роли, она вздумала отомстить романтически неверному. Приехав в Петербург, она разведала о всех привычках его и решилась сыграть с ним шутку, избрав маскарад для ее

начала. Она заказала маску, мертвую голову и род перчаток в виде кисти скелета и надела перед тем временем, как решилась выехать из маскарада, прикрыв мертвую голову обыкновенною маскою. Дама думала только напугать молодого человека и высказать ему нравоучение на могиле, но последствия превзошли ее предположения, и молодой человек едва не лишился жизни. Она сама отвезла его домой, поселилась у него до выздоровления и потом созналась в своей вине, и просила прощения. Молодой человек, имев время раздумать о своем поступке, решился исправить его, и дело кончилось благополучно. Я слышал недавно, что оба они не раскаивались и дожили счастливо до старости.

Справедливо ли это происшествие или нет – не мое дело. Так рассказывали тогда. Вообще в то время в обществах не все обязаны были играть в карты, и тогда еще умели беседовать и любили рассказы. Теперь юноши живут и ведут себя, как старики, студенты играют отлично в карты, во все игры; безбородые мальчики пьют шампанское, как воду, и почитают, что делают одолжение хозяйке, ко-

гда передвигают ноги не в такт под музыку. Дети курят теперь сигары, как негры на табачной фабрике в Америке! Тогда юноша и молодая дама не смели сесть за карточный столик; они или танцевали, или занимались разговорами, музыкою. Хорошие рассказчики высоко ценились, и многие этим качеством вышли в люди, как теперь выходят пикетом и преферансом.

Вот другое совершенно справедливое происшествие, которое в то же почти время надделало шума в столице. В царствование императрицы Екатерины II некто титулярный советник Назаров или Лазаров (не помню точно прозвания) имел собственный дом на Екатерининском канале и отдавал внаймы разные квартиры, с мебелью и без мебели. Наняли у него две комнаты на дворе приехавшие из Малороссии – *паныч*, молодой человек лет восемнадцати, с своим воспитателем, поповичем. В одно воскресенье приезжие пошли в церковь и около полудня воротился один паныч. Хлебосольный хозяин запросил его к себе на завтрак и принудил выпить рюмку или две водки. Молодой человек опьянел и пошел

спать. Хозяин проводил его в квартиру и оставался там с полчаса времени. Никто не видел, когда возвратился воспитатель паныча; но когда начало смеркаться, на дворе раздался вопль и крик: «Убили, зарезали!» Хозяин и многие жильцы выбежали на двор и увидели воспитателя, в отчаянье рвущего на себе волосы и с горьким плачем вопиющего: «Убили, зарезали мое детище, моего питомца!» Вошли в квартиру и увидели среди комнаты обезглавленный труп несчастного молодого человека, в луже крови, и возле трупа топор. Комод был разломан, и вещи разбросаны по полу. Послали за полицией, и началось следствие.

Где был молодой человек по возвращении из церкви? У хозяина дома, который *принудил* его выпить с ним водки, хотя молодой человек отговаривался. Это показала служанка хозяина, и сам хозяин сознался. Молодой человек пошел хмельной в свою квартиру, и хозяин проводил его и оставался с ним наедине. Каким образом воспитатель вошел в квартиру, когда она была заперта? Он показал другой ключ, который нарочно был им заказан,

чтоб одному не ждать другого, если они возвратятся домой не вместе. Хозяин знал об этом и посылал своего дворника к слесарю. Чей был топор? Дворника. Это показали жильцы, и сам дворник сознался. Один из жильцов показал, что во время отсутствия воспитателя видел возле дверей малороссиян сына дворника. Воспитатель объявил под присягою, что отец молодого человека поверил ему 15 000 рублей для уплаты одному малороссийскому помещику за купленную у него землю с мельницею, но что этот помещик, служивший в гвардии, был тогда в командировке, а потому деньги лежали в комодке. Хозяин не отпирался, что воспитатель говорил ему об этих деньгах, прося, чтоб он приказал присматривать за квартирою во время их отсутствия. Молодой человек отлучался часто и проживал дни у своей тетки на Васильевском острове, а воспитатель проводил время у своих знакомых, старинных со-воспитанников семинарии. После следствия посадили в тюрьму хозяина квартиры, дворника и его сына, и началось уголовное дело.

Когда это дело производилось, уже не было

формальной пытки или застенка, но еще существовали так называемые допросы с родительским увещанием, употребляемые в таких только случаях, когда улики были явные и заpiresательство приписываемо было ожесточению преступника. Кормили сельдями и запирали в истопленную баню, заставляя терпеть мучительную жажду, и допрашивали под розгами, веря, что розгами костей не изломишь. Благодаря Богу, времена эти прошли! Сын дворника не вытерпел, однако ж, этих человеколюбивых средств к открытию истины и умер после нескольких допросов. Самого дворника присудили к обыкновенному наказанию и ссылке, а хозяина дома – к лишению чинов и вечной ссылке на каторжную работу. Дом поступил во владение к дальним родственникам, потому что хозяин был вдовец и не имел детей.

Прошло с лишком двадцать лет. Воспитатель убитого молодого человека определился между тем в службу по гражданской части и уже имел чин коллежского советника. Он служил в Белоруссии или Минской губернии (не помню, где именно, но знаю, что в губерниях,

возвращенных от Польши). Поехав однажды в отпуск в Киевскую губернию, он возвращался оттуда с богатым купцом, в дороге зарезал его и похитил значительную сумму денег. По горячим следам преступление было открыто, и он сознался, а при допросе показал, что у него на совести тяготеет другой грех – именно убийство его воспитанника и похищение 15 000 рублей, принадлежавших отцу убитого. Об этом донесено было государю императору, который приказал немедленно освободить безвинных и привезти их в Петербург. Отыскивать этих несчастных поручено было тогдашнему иркутскому полицеймейстеру Картанееву[1242]. Целый год бился он, пока отыскал следы их. Дворник умер на каторге, а хозяин дома, удрученный летами, измученный тяжкою работою, сделался почти бессмысленным и даже позабыл прежнее свое прозвание. Его привезли в Петербург и отдали на руки одному из первых лейб-медиков, который успел возбудить в нем угасающую искру жизни. Дом его перешел давно в третьи руки и был уже сломан; наследник умер, не с кого было взыскивать. Государь император и вся

царская фамилия облагодетельствовали старика, и сверх того, во многих домах открыта была подписка в его пользу. Несчастный пришел наконец в память, и когда его спросили, чего он желает в вознаграждение своих безвинных страданий, старик отвечал, что был бы счастлив, если б получил – чин! Его произвели в следующий чин.

Морали тут не нужно. Во всех государствах, где даже в судьи избираются люди, изучившие юриспруденцию, случаются подобные ошибки. Здесь главное не в учености судьи, не в познании законов, не в изучении римского права, но в изучении человечества и познании человеческого сердца. Характер человека не может быстро переломиться, и честный человек не сделается мгновенно злодеем. В гневе, в ослеплении страсти и честный человек может забыться на минуту и совершить дело противозаконное, даже противонравственное, но честный человек никогда не покусится на жизнь ближнего из корысти. Первое следствие – основание дела, и в низших инстанциях, где производится первое исследование, должны быть самые благонаме-

ренные и просвещенные чиновники, каковы мирные судьи (juge de paix) во Франции и шерифы в Англии[1243]. Сколько бедствий от-вращено было бы, если б первое следствие производилось всегда людьми просвещенными, понимающими цену чести и доброго имени!

Вообще в то время в Петербурге было весьма много возвращенных из Сибири. Некоторые из них пробыли по двадцати и по тридцати лет в ссылке без суда и следствия, быв сосланы по большей части временщиками в царствование императрицы Екатерины II, которая об этом ничего не знала. У известного откупщика Абрама Израилевича Перца я видел старика, прежнего поставщика провианта на армию, который сослан был светлейшим князем Потемкиным за ссору с любимцем князя, откупщиком, а потом богатым помещиком могилевским, Янчиным, и пробыл в Сибири восемнадцать лет. Старик рассказывал при мне, каким образом он попал в ссылку. Князь Потемкин, быв в Могилеве, призвал к себе старика, приехавшего для расчетов с Янчиным, и сказал ему, что он должен кон-

читать дело в 24 часа. «Кончу в полчаса, если меня удовлетворят», – отвечал старик. «Я верю больше Янчину, нежели тебе», – сказал князь. «Виноват поверенный Янчина, а сам Янчин не прав тем лишь, что доверил плуту и не только не хочет рассмотреть моих счетов, но и обошелся со мною грубо», – возразил старик. «Ты сам плут, – сказал князь, – и я тебя проучу, как спорить со мной: отведите его в тюрьму!» Ночью старика посадили в кибитку и повезли прямо в Тобольск, а оттуда сослали в Березов... От него не велено было принимать никаких бумаг... При восшествии на престол императора Александра учреждена была комиссия и посланы чиновники в Сибирь для принятия прошений от ссыльных и исследования старых дел, и старика возвратили. Но он лишился всего своего состояния, а родные не знали даже о его существовании. Он появился между ними, как с того света!

Вольтер справедливо сказал:

*Quand Auguste buvait, la Pologne
était ivre![1244]*

Пример царствующего утверждает нравы

народа. В то время все в России принимало характер благости, милосердия, снисходительности и вежливости. Приближенные к государю особы перенимали его нежные формы обращения и старались угождать его чувствованиям, и это благое направление распространялось на все сословия. Наступил перелом в нравах административных и частных, и мало-помалу начала исчезать грубость, неприступность и самоуправство. Прежде начальник никогда не говорил подчиненному иначе, как *ты*, и даже проситель никогда не слышал вежливого слова от сановника. У большей части сановников в приемной комнате не было даже стульев, а у иных просители должны были ждать в сенях или на улице. В присутственное место, даже в канцелярию Сената страшно было войти! Сальные свечи воткнуты были в бутылки, чернила наливались в помадные банки, песок насыпался в черепки, в плоски или в бумажные коробки; на полах лежала засохшая грязь, которую скребли иногда заступами; стены были везде закоптелые. В канцеляриях торговались, как на толкучем рынке. Растре-

панские и оборванные чиновники наводили ужас на просителей! Они иногда без церемонии шарили у них в карманах и отнимали деньги. Все это начало быстро изменяться при императоре Александре, и благое просвещение пролило лучи свои туда, где был вечный мрак. Все это было только начало – но в каждом деле оно составляет главное. Никогда не начиная, никогда не кончишь! Сравнивая нынешнее с тем, что я видел в России в моей юности, я едва верю своей памяти! Мы прошли огромное расстояние! Для примера я представлю в будущих томах моих «Воспоминаний» несколько картин и случаев прежнего быта, а теперь обращаюсь к важнейшему. Манифестом 10 февраля 1808 года объявлено было России о войне с Швецией...[1245]

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ[1246]

Предисловие

Некоторым из моих читателей, ищущим в чтении одной романической занимательности, может быть, не понравятся описания битв в моих воспоминаниях о Финляндской войне 1808 и 1809 годов[1247]. Однако я почел это священною моею обязанностью и исполнил с наслаждением. У нас есть превосходная история этой войны, написанная нашим знаменитым военным историком, его превосходительством Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским[1248]; но то, что не могло и не должно было войти в общую историю, принадлежит частным запискам, и я как очевидный свидетель и соучастник истинно геройских подвигов русских воинов при завоевании Финляндии вознамерился сохранить от забвения дела и имена моих храбрых товарищей и даже название полков. В общей истории представляются только движение масс, соображения полководцев, значительные сражения и громкие дела, т. е. изображается самое яркое. Блистательные подвиги мелких

офицеров и малых отрядов остаются в тени, а иногда даже вовсе не помещаются в обыкновенных реляциях с театра войны. Кажется мне, однако ж, что не только для потомков храброго офицера, но и для каждого просвещенного патриота должно быть приятно, если современник и очевидец припомнит былое в правдивом рассказе. Военный человек, знакомый с пороховым дымом, оценит мои описания сражений, основанные на познании местностей.

Пишу я только *отрывки* из моих «Воспоминаний», и благонамеренный читатель поймет и рассудит, насколько я мог распространяться в делах общей политики, государственного управления и о замечательных лицах описываемой мною эпохи. Что приличиями позволено было сказать – сказано; прочее предоставляется потомству. Иногда и благонамеренный намек ведет к важным заключениям. Едва ли есть один читатель в России, который бы не знал, какими побуждениями руководствуется современная нам журнальная критика. Обрадуются мои благоприятели, что нашелся случай к критике!.. Браните, гос-

пода, браните покрепче, собственно для вашего утешения и наслаждения! Ни читать вас, ни отвечать вам не стану! Благонамеренные замечания приму с благодарностью и воспользуюсь ими.

Фаддей Булгарин

Мыза Карлова, возле Дерпта

3 августа 1847 года

|

Первая награда. – Общая характеристика Финляндской войны 1808 и 1809 годов. – Необходимость завоевания Финляндии. – Первая идея принадлежит Петру Великому. – Опасность близости границ от столицы империи. – Выходка шведского короля Густава IV в начале царствования императора Александра. – Мысль о распространении границы на севере существовала прежде Тильзитского мира. – Анекдот, доказывающий справедливость этого мнения. – Несогласия с Швециею после Тильзитского мира. – Войско собирается на границе. – Граф Буксгевден,

назначенный главнокомандующим, вступает в шведскую Финляндию. –

Физический очерк Финляндии в стратегическом отношении. – Шведское войско в Финляндии. – Первый падший воин на рубеже Финляндии. – Успехи русского войска. – Трудности похода. – Первая неудача. – Отражение Кульнева. – Истребление отрядов Булатова и Обухова. – Восстание жителей. – Затруднительное положение генерала Тучкова 1-го. – Его отступление. – Бригадир Сандельс занимает Куопио. – Свеаборг и Свартгольм сдаются русским на капитуляцию. – Шведы занимают снова Аландские острова. – Барклай-де-Толли получает приказание вступить с своей дивизией в Финляндию

В каждом звании, в каждом сословии для человека есть счастливые минуты, которые приходят только однажды и никогда уже не возвращаются. В военном звании, которому я посвятил себя от детства, – три высочайшие блаженства: первый офицерский чин, первый орден, заслуженный на поле сраже-

ния, и... первая взаимная любовь. Для человека, изжившего уже свой век, утомленного жизнью, разочарованного насчет людей и дел, высокие чины, первоклассные ордена и женитьба хотя и составляют цель исканий, но доставляют рассчитанное умом удовольствие и не трогают сердца. Юноша в первом офицерском чине видит одну свободу, в первом ордене – свидетельство, что он достоин офицерского звания, в первой взаимной любви – рай! Как я был счастлив, получив за Фридландское сражение Анненскую саблю [1249]! Не знаю, чему бы я теперь так обрадовался. Тогда ордена были весьма редки и давались только за отличие. Покровителей у меня не было. Сам государь подписывал все рескрипты [1250], и я получил рескрипт следующего содержания, которое в первый день затвердил наизусть:

Господин корнет Булгарин!

В воздаяние отличной храбрости, оказанной вами в сражениях 1 и 2 июня (1807 года), где вы, быв во всех атаках, поступали с примерным мужеством и решительностью, жалую вас орденом

Св. Анны третьего класса, коего знаки препровождая при сем, повелеваю возложить на себя и носить по установлению, будучи уверен, что сие послужит вам поощрением к вящему продолжению усердной службы вашей. Пребываю вам благосклонный Александр.

Все новые кавалеры собрались в Мраморном дворце, и шеф наш, его высочество цесаревич, вручил каждому рескрипт и орден и каждого из нас обнял и поцеловал, сказав на прощанье: «Поздравляю и желаю вам больше!»

Искренно радовались все награде Старжинского, получившего в поручичьем чине Владимира с бантом[1251]. Это было тогда чрезвычайно редкое, почти неслыханное событие! Представление к награде орденами отличившихся было нам не известно, и мы получили награду неожиданно, сюрпризом. Все мы были в восторге, обнимались и целовались и, вышед из Мраморного дворца, были в таком расположении духа, что, если б нам приказано было штурмовать сейчас Петро-

павловскую крепость, мы бросились бы на картечи, не рассуждая ни полсекунды. Тогда были другие нравы – и молодые люди не стыдились выказывать свой юношеский пламень и быть благодарными. Теперь мода повелевает казаться со всеми холодным и ко всему равнодушным. Теперь большею частью принимают награду как должное; при получении оглядываются на других, рассчитывая, кто должен был получить более, а кто менее, и почитают неприличным считать награду за милость и быть благодарными за внимание. Мы жили в нашей молодости не в английском духе и в простоте чувств наших радовались хорошему, были благодарны за добро и если иногда ворчали, то наше неудовольствие было мимолетное и проходило, как облако, нагнанное ветром на светлое небо. Обратимся к современным событиям.

Это была эпоха преобразования, нововведений и усовершенствий в России; но чтобы не сбиваться в повествовании, я прежде расскажу о Финляндской кампании, а потом сообщу, что знаю из тогдашнего времени, богатого событиями и последствиями.

История войны 1808-1809 гг. в Финляндии. С. 100-101.

А. С. Соболев

У нас существуют две истории Финляндской войны 1808 и 1809 годов, одна по-русски: «Описание Финляндской войны на сухом пу-

ти и на море в 1808 и 1809 годах», по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским, с двадцатью планами и картами (СПб., 1841), другая по-французски: «Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède», par L.-G. C. P. de S*** (St. Pétersbourg, 1827). Сочинение это написано покойным генерал-лейтенантом графом Павлом Петровичем Сухтеленом, напечатано в числе 250 экземпляров и не было никогда в продаже[1252], но роздано автором приятелям и знакомым в России и в Швеции. Оба сочинения весьма важны. А. И. Михайловский-Данилевский написал историю по официальным документам, забрав притом все необходимые справки от участвовавших в войне, и описал все события в общем составе весьма верно и притом занимательно. Граф Павел Петрович Сухтелен сам действовал в Финляндской войне и пользовался сведениями своего родителя, инженер-генерала Петра Корнилиевича Сухтелена, принимавшего самое деятельное участие во всех успешных

распоряжениях во время этой войны по военной и дипломатической части. Кроме того, граф Павел Петрович Сухтелен, посещая родителя своего в Стокгольме (когда он был русским посланником в Швеции), почерпнул дополнительные сведения из шведских печатных и рукописных источников и изустных рассказов шведских высших офицеров, участвовавших в войне. Сочинение графа П. П. Сухтелена особенно важно в стратегическом отношении, потому что он сам был отличный генерал и, участвуя в войне, знал местности края[1253], а кроме того, пользовался советами знаменитого своего родителя, бывшего в армии первым лицом после главнокомандовавшего. Желаящие знать общий ход войны, распоряжения начальников, успехи войск и описание битв на море и на суше найдут все, что им нужно, в двух упомянутых сочинениях. Сочинение А. И. Михайловского-Данилевского обширнее, полнее и содержит в себе множество весьма важных и любопытных известий, которые хотя могли быть известны графу П. П. Сухтелену, но в то время еще не подлежали гласности. Около восемнадцати

лет пред сим написал я обширную статью под заглавием «Завоевание Финляндии корпусом графа Николая Михайловича Каменского». Это было первое сочинение на русском языке о незабвенных подвигах русских в Финляндии[1254]. К этой статье я присоединил тогда (см. «Сочинения Фаддея Булгарина», часть двенадцатая, СПб., в тип. А. Смирдина, 1830) следующее примечание: «Это краткое начертание войны составлено мною из *официальных* бумаг, которые *поныне не были напечатаны*, и из собственных моих замечаний во время сей кампании, в которой я имел счастье участвовать. При сем я имел в виду и сочинение графа П. П. Сухтелена: “Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande etc.” *Подробностей*, описанных у меня, *не находится в этом сочинении*, но оно послужило мне руководством при общем взгляде на происшествия». Это было напечатано при жизни графа П. П. Сухтелена и семнадцатью годами прежде выхода в свет истории А. И. Михайловского-Данилевского, следовательно, ни в подражании, ни в похищениях нельзя обвинять меня. Официальны-

ми документами снабжал меня в то время граф А. А. Закревский, бывший во время Финляндской кампании адъютантом при графе Каменском. Ему посвящено мое описание подвигов корпуса графа Каменского[1255]. Вводя эту статью в мои «Воспоминания», я оставил сущность событий, но изменил изложение, прибавив военные анекдоты и характеристику замечательных лиц, присовокупив частности, которые были бы неуместны в историческом рассказе.

Финляндская война, любопытная во всех отношениях, особенно занимательна подробностями – так сказать, частными случаями, потому что войско действовало небольшими отрядами в стране, единственной по своему местоположению, и в этой войне не одни генералы, но и фронтовые офицеры имели случаи выказать не только свое мужество, но и военные способности. Финляндская война была практическая школа для военных людей и, так сказать, горнило, в котором закалились и душа и тело русского воина, долженствовавшего бороться и с ожесточенными людьми, и с яростными стихиями, и с дикою

местностью. Только войну французов в Испании можно в некотором отношении сравнивать с Финляндскою войною; в испанской народной войне, однако, французы хотя и имели противу себя ожесточенный народ и страдали сильно от зноя, но по крайней мере находили везде пристанище, в городах и селах, и были везде в превосходном числе. Мы же претерпевали в Финляндии и африканский зной, и стужу полюсов, страдали от голода, редко (а солдаты почти никогда) отдыхали под крышей, дрались и с храбрым войском, и с ожесточенным народом, в стране бедной, бесплодной, малонаселенной, почти непроходимой, – и всё преодолели терпением и непреклонным мужеством, отличающими русского солдата. Финляндская война – это блистательный эпизод в русской истории, достойный иметь своего Тацита и своего Гомера.

Не касаюсь вовсе политических причин к разрыву мира между Россией и Швецией, изложенных А. И. Михайловским-Данилевским в его «Описании Финляндской войны». Явною причиною к войне было упорство шведского

короля Густава IV к соединению с Россией, Францией и Даниею противу англичан и к закрытию для них гаваней вследствие обязательства, принятого императором Александром по Тильзитскому трактату[1256]. Это официальная причина, объявленная в манифесте[1257]. Но в существе Россия должна была воспользоваться первым случаем к приобретению всей Финляндии для довершения здания, воздвигнутого Петром Великим. Без Финляндии Россия была неполною, как будто недостроенною. Не только Балтийское море с Ботническим заливом[1258], но даже Финский залив, при котором находится первый порт и первая столица империи, были не в полной власти России, и неприступный Свеаборг[1259], могущий прикрывать целый флот, стоял, как грозное привидение, у врат империи. Сухопутная наша граница была на расстоянии нескольких усиленных военных переходов от столицы. В царствование императрицы Екатерины II уже был пример, какой опасности может подвергнуться столица при таком близком расстоянии от рубежа империи. Шведский король Густав III, пользуясь

затруднительным положением России, воевавшей с Турциею, объявил внезапно войну [1260] и двинул флот и сухопутное войско противу Петербурга среди лета в 1788 году. Для защиты столицы было не более 14 000 человек войска. Если б Густав III был такой же отличный полководец, как литератор и музыкант, и если б имел более силы в характере, то не раздробил бы своего войска для овладения в одно время Выборгом, Кексгольмом, Нейшлотом и Вильманстрандом[1261], умел бы усмирить бунт в финском войске[1262], всею своею массою двинулся бы на Петербург усиленными переходами и хотя бы не взял Петербурга, но наделал бы много хлопот, а при счастии мог бы даже овладеть, на короткое время, столицею, из которой уже начали вывозить драгоценности. В начале царствования императора Александра случилось событие, пропущенное без внимания современниками, но сильно поразившее в то время государя и припомнившее ему опасность близости столицы от рубежа империи и обязанность довершить начатое Петром Великим.

В 1803 году (в год празднования столетия

Петербурга) шведский король Густав-Адольф IV, недовольный миром России с Францией, во время дипломатической переписки по этому предмету, в минуту гнева велел пограничный мост, соединяющий Малый Аборфорс с островом Германсари и выкрашенный наполовину русским официальным цветом (белую и черную красками с красными полосками), а наполовину шведским цветом (серую краскою), весь выкрасить шведским цветом[1263]. Русский посланник в Стокгольме, барон Алопеус, подал шведскому правительству ноту, требуя немедленного восстановления прежней границы. На эту ноту шведское правительство не только не отвечало удовлетворительно, но даже дало почувствовать, что Швеция имеет право удержать не только эту черту, но что и за этою чертою права ее не потеряны. Император Александр повелел немедленно привести Кюменегородскую крепость [1264] в оборонительное состояние, воздвигнуть укрепления вдоль реки Кюмени, вооружить наш гребной флот и сухопутным войскам двинуться на шведскую границу. Это об-разумило шведского короля, и мост по-преж-

нему был выкрашен наполовину официальными красками обоих государств, – впечатление осталось, и император Александр не мог забыть опасности для столицы от этого близкого соседства.

Что с этих пор у нас уже думали о Финляндии, доказывает анекдот, рассказанный покойным графом Павлом Петровичем Сухтеленем Николаю Ивановичу Гречу[1265], а им сообщенный мне. Около этого же времени отец графа Павла Петровича, граф Петр Корнилиевич Сухтелен, инженер-генерал, пользовавшийся особенною милостью императора Александра, почел себя оскорбленным поступком с ним одного из самых приближенных лиц к государю и пожаловался его величеству. Государь выслушал милостиво графа Сухтелена, но, не желая выводить дела наружу, сказал ему ласково: «Брось это, Сухтелен!» – «Но чем же это кончится, государь!» – возразил граф. «Посердишься – и забудешь», – отвечал государь, шутя, и тем дело кончилось. Вскоре после этого прекратился спор с Швецией за граничную черту; но как войску дано было повеление двинуться, то государь

и воспользовался этим случаем, чтоб укомплектовать его, привести в военное положение и вооружить флот для предосторожности не от Швеции, а от Франции, которой тогдашний правитель, Наполеон Бонапарте, будучи еще пожизненным консулом, сильно хозяйничал в Западной Европе. Между северными державами уже переговаривались о союзе для удержания в пределах честолюбия счастливого полководца, принявшего бразды правления во Франции. Император Александр часто собирал в своем кабинете для совещания людей, пользовавшихся его доверенностью, и в одно из этих собраний государь, смотря на карту Европы и указывая на нашу старую границу с Швециею, обратился к графу Петру Корнилиевичу Сухтелену и сказал: «Где бы ты думал выгоднее было для обоих государств назначить границу?» Граф Сухтелен, не говоря ни слова, взял со стола карандаш и провел черту от Торнео к Северному океану[1266]. «Что ты это! Это уж слишком много!» – сказал государь улыбаясь. «Ваше величество требовали *выгодной* границы для обоих государств, и другой *выгодной* и безопасной черты нет и

быть не может», – возразил граф Сухтелен. «Но ведь мой свояк, шведский король[1267], рассердится», – сказал государь шутя. «Посердится и забудет», – отвечал граф Сухтелен, повторив при этом случае ответ государя на жалобу его на одного из его приближенных. Государь погрозил пальцем графу Сухтелену, дав этим почувствовать ему, что он понял применение, и этот разговор не имел дальнейших последствий. Очевидно, однако, что еще перед Тильзитским миром император Александр уже помышлял об утверждении русской границы на большем расстоянии от Петербурга.

Тильзитский мир представил случай к довершению начатого Петром Великим, и император Александр должен был воспользоваться сим единственным случаем. В другое время европейские державы на основании так называемого *европейского равновесия*[1268] могли бы воспротивиться завоеванию Финляндии, но тогда меч Наполеона, брошенный на весы политики, перевесил все права и расчеты и только две державы, Россия и Франция, имели голос на твердой земле Европы.

Не воспользоваться единственным случаем, представившимся в течение целого столетия, для блага России было бы более нежели неблагоприятно. В политике *raison d'Etat* [1269] выше всех правил, которыми должны руководствоваться люди в частных между собою сношениях. Петр Великий как отец плакал над заблуждением сына своего Алексея Петровича, намеревавшегося ниспровергнуть все великие его начинания[1270]; но как государь должен был поступить с ним строго и предать суду на основании *raison d'Etat*. Россия никогда не могла бы быть сильным и неуязвимым государством, каким она теперь, если б не завоевала Крыма, не назначила реку Дунай границею с Турцией, не приобрела областей по Неман[1271] и, наконец, присоединением всей Финляндии не отдала бы границы с Швециею до Торнео и не овладела всем Финским заливом, восточным берегом Ботнического залива и Аландскими островами[1272]. Все эти завоевания были *необходимостью* для утверждения России в натуральных ее границах. Это настоящее шекспировское *быть или не быть* (to be or not to be)! Во

многих отношениях приобретение Финляндии даже важнее других завоеваний.

Кто в Тильзите решил участь Финляндии? Ужели Наполеон первый сделал предложение императору Александру приобрести необходимую для России область? Наполеон ненавидел короля Густава-Адольфа IV, но едва ли он мог сделать предложение к усилению России. Мнения европейских политиков на этот счет различны. Как бы то ни было, но в Тильзите решено, что Финляндия должна принадлежать России.

Началось, как водится, бумажною перестрелкой, дипломатическими нотами, но шведский король никак не хотел верить, что Россия начнет войну, и не делал никаких приготовлений к защите Финляндии. С нашей стороны не было также больших усилий. Когда шведский король не только не соглашался на союз с Россией и Данией, но даже перестал отвечать на ноты русского двора, император Александр повелел трем дивизиям – 5 \blacklozenge й, генерала Тучкова 1-го, 17 \blacklozenge й, графа Каменского [1273] [1274], и 21 \blacklozenge й, князя Багратиона, выступить из Эстляндской и Витеб-

ской губерний к границе финляндской[1275]. Всего в трех дивизиях было до 24 000 человек с нестроевыми. Всей кавалерии было: Гродненский гусарский (ныне Клястицкий) полк, Финляндский драгунский, Лейб-казачий (состоявший тогда из двух эскадронов) и Казачий Лоцилина[1276]. Пехотные полки были совершенно расстроены после последней Прусской кампании (1806 и 1807 годов) и, кроме того, лишились множества людей от болезней (злокачественных горячек), свирепствовавших в Литве. Не успели обмундировать войско, ни снабдить амуницией и обозами[1277]. Войска двинулись с зимних квартир в половине декабря, шли поспешно и в последних числах января уже были в Старой Финляндии, в окрестностях Вильманстранда, Нейшлота и Фридрихсгама[1278]. Через Петербург полки проходили ночью, чтоб жители столицы не видали расстройства войска[1279].

Вслед за полками посылали из Петербурга амуницию, обмундировку и обувь. В Старой Финляндии полки преобразовали из трехбатальонных в двухбатальонные, оставляя кадры третьего батальона для укомплектования

рекрутами. Все это делалось так поспешно, что к концу января войско было одето, обуто, хорошо вооружено, полки преобразованы и готовы вступить в сражение. Правда, в полках было много рекрут, но основание полков было твердое и состояло из старых суворовских солдат и храбрецов, приобретших опытность и привыкших к войне в борьбе с непобедимыми легионами Наполеона в 1805, 1806 и 1807 годах. Важно было то, что все офицеры, за исключением весьма малого числа, были уже знакомы с пороховым дымом, и знали, что значит война и битвы. Словом, войско было превосходное.

Надлежало назначить главнокомандующего. Граф Буксгевден почитал себя обиженным, что главное начальство над армией после удаления фельдмаршала Каменского (в 1806 году) утверждено было за Беннигсеном, младшим по производству в чин и, так сказать, присвоившим себе высшую власть в армии[1280]. Граф Буксгевден был тогда военным губернатором Остзейских губерний и жил в Риге. Его потребовали в Петербург и назначили корпусным командиром над тремя

дивизиями, расположенными в Старой Финляндии, с полною властью главнокомандующего, по особой инструкции, потому что тогда власть главнокомандующего еще не была определена положительным законом. Дежурным генералом назначен был Коновницын, генерал-квартирмейстером Берг, а инженер-генерал граф Петр Корнилиевич Сухтелен был определен при главнокомандующем вроде помощника или советника, без определенного звания.

Граф Буксгевден с отличием участвовал в последней войне России с Швециею, при императрице Екатерине, и хотя впервые был назначен главнокомандующим, но присутствие в войске графа Сухтелена, известного своими глубокими стратегическими познаниями, высоким умом и твердым, а притом спокойным характером и необыкновенным добродушием, заставляло надеяться, что недостающее главнокомандующему пополнится качествами его помощника. Впрочем, храбрость и распорядительность графа Буксгевдена как корпусного начальника не подлежали никакому сомнению, и выбор его в главнокомандую-

щие не мог стяжать никакой критики[1281]. Это был один из отличенных Суворовым генералов, которому и по заслугам, и по старшинству, и по летам надлежало наконец командовать отдельно.

Стоит взглянуть на карту Финляндии, чтоб удостовериться в трудности воевать в этой стране. Только берег Ботнического залива, от Аландских островов до Улеборга[1282], покрыт небольшими равнинами и лугами и имеет хотя немногочисленные, но порядочные города. Если же провести прямую черту от Або[1283] до Улеборга, то вся Финляндия на восток за эту черту состоит из бесчисленного множества озер и скал, в некоторых местах довольно высоких, как будто взгроможденных одна на другую и везде почти непроходимых. Небольшие долины между скалами завалены булыжником и обломками гранитных скал и пересекаемы быстрыми ручьями, а иногда и речками, соединяющими между собою озера. Некоторые долины заросли непроходимыми лесами. Во всей Финляндии в то время была только *одна деревня*, построенная таким образом, как строятся деревни в

России и в остальной Европе. Это деревня Лининго, между Брагештатом[1284] и Улеаборгом, состоящая из нескольких десятков домов, выстроенных в линию по берегу реки, впадающей в Ботнический залив. Все поселяне Финляндии живут в разбросанных по долинам домах, в местах, удобных для земледелия и скотоводства. Место сборищ народных было обыкновенно при кирках[1285], возле которых находится всегда несколько строений, дома пастора и кистера[1286], шинок и несколько домов, в которых помещались ремесленники. Господские и казенные офицерские мызы (бостели) стоят уединенно, в лучших местах. Везде дико и уныло. На севере и северо-востоке есть огромные расстояния, заросшие лесами и затопленные болотами, непроходимые летом даже для туземцев. Вообще, в летнее время нет возможности многочисленному войску действовать внутри страны; но зимою глубокие снега покрывают все неровности земли и превращают замерзшие реки и озера в обширные и гладкие долины. Тогда открываются новые пути для сообщений по всей стране, и производится вся внут-

ренная торговля.

Шведских и финских войск было тогда в Финляндии до 15 000 человек и до 4 000 милиции (vargering)[1287], и при всем войске было только 800 конников. 7 000 человек находились в крепости Свеаборге, до 700 человек в Свартгольме[1288], следовательно, для защиты края оставалось только 11 300 человек. Шведским войском в Финляндии начальствовал генерал Клеркер, который, не имея предписаний от своего правительства, не мог делать никаких приготовлений к войне, и войско было расположено на зимних квартирах на огромном пространстве. Получив известие от шведского посла в Петербурге[1289], что русские намереваются вступить в Финляндию, генерал Клеркер собрал до 5 000 человек в Тавастгузе[1290], усилил пограничные посты и велел всем войскам собираться на назначенных пунктах, запасаясь в то же время провиантом и фуражом. Но ни в Швеции, ни в Финляндии все еще не хотели верить, что русские начнут войну в это суровое время года, как вдруг 8 февраля (1808 года) русские вступили на тот самый мост, на Кюмени, за

который возник спор между двумя державами за пять лет пред тем.

Первый из русских, заплативший жизнью своею за приобретение для России Финляндии, был Финляндского драгунского полка капитан Родзянко, бросившийся на мост под неприятельскими выстрелами. С ним пало несколько драгун – и этим открылась война.

Еще не было манифеста о войне[1291], и главнокомандующий приглашал прокламациями шведское и финское войска не сопротивляться, а жителей оставаться спокойными в своих домах, утверждая, что русские вошли в Финляндию для ее защиты и спокойствия, обещая притом платить наличными деньгами за все припасы для войска, соблюдать строгую дисциплину и уважать местные законы, учреждения и веру. Под рукою велено было разглашать, что русские войска вступили в Финляндию единственно для занятия берегов, чтоб воспрепятствовать высадке англичан. Но ни прокламации наши, ни слухи не склонили шведов и финнов на нашу сторону, и русское войско шло вперед, выгоняя неприятельские отряды из занимаемых ими постов.

Главкомандующий с главными силами, дивизиею графа Каменского и отрядами других дивизий, пошел от Аборфорса прямо на Гельсингфорс[1292], чтобы, заняв его, отрезать Свеаборг. Князь Багратион с отрядом до 5 000 человек пошел внутрь края, на Тавастгуз, а Тучков с 3 000 человек в самую восточную часть Финляндии, провинцию Саволакс, для занятия Куопио[1293] и Индесальми[1294]. Между тем к шведскому войску прибыл из Стокгольма генерал граф Клингспор и принял над ним главное начальство. Клингспор, сосредоточивая свои силы, быстро отступал к северу, приближаясь к морю. Его сильно преследовали из внутренности края, от Тавастгуза, князь Багратион, а потом по морскому берегу генерал Тучков 1♦й в соединении с генералом Раевским[1295]. Князю Багратиону предписано было остановиться, чтоб занять огромное пространство края от Або до Вазы [1296] и внутрь края до Тавастгуза, а Тучков с Раевским шли за Клингспором, которого знаменитый Кульнев, будучи тогда полковником Гродненского гусарского полка и командующим авангардом, преследовал неутомимо, не

давая покоя и отдыха. На всех пунктах были частые стычки и арьергардные дела с незначительною с обеих сторон потерей. Но если шведы претерпевали нужду и трудности в отступлении, то русские страдали вдесятеро более от тяжких переходов и недостатка продовольствия. Из Петербурга высылаемы были запасы в большом количестве, но по недостатку подвод не могли поспевать впору. Стужа была сильная, и снега глубокие. Наши передовые войска шли на лыжах. Пушки и зарядные ящики везли на полозьях. Дни и ночи надлежало проводить на снегу, в мороз и метели, но русские шли без ропота вперед, изгоняя шведов штыками из всех их позиций, и таким образом в конце марта 1808 года вся Финляндия, исключая Улеаборгской области, была покорена и очищена от неприятельских войск. Важнейший пункт – Аландские острова, заняты были почти без сопротивления майором свиты его величества по квартирмейстерской части (ныне Генеральный штаб) Нейдгардтом[1297], который с партией казаков прогнал слабые шведские команды с островов. Полковник Вуич[1298] занял острова с

частью 25-го егерского полка. Свеаборг был осажден частью отряда графа Каменского. Сам главнокомандующий находился попеременно то в Гельсингфорсе, то в Або. В Куопио по выходе оттуда Тучкова 1-го для преследования Клингспора находился генерал-майор Булатов с слабым отрядом. Оставалось только взять Свеаборг и прогнать Клингспора за Торнео, чтоб кончить полное завоевание Финляндии, и в этом граф Буксгевден несколько не сомневался. В Петербурге и во всей Европе почитали Финляндию уже покоренною.

Должно заметить, что почти все наши военные неудачи происходили от нашей самонадеянности. Будучи даже сильнее неприятеля, мы всегда вступаем в дело с меньшим противу него числом войска, надеясь на храбрость и стойкость русского солдата. Это совершенно противно правилам Наполеона, который громил неприятеля большими массами и многочисленною артиллериею. Военное его искусство состояло в том, что, имея даже менее войска, нежели неприятель, надлежало маневрировать таким образом, чтоб сосредоточенными массами ударить неожиданно на

слабую сторону неприятеля, или выманить его из крепкой позиции, или заставить переменить фронт. Мы почти всегда дрались начистоту, грудь против груди! Однако после изобретения огнестрельного оружия самая пылкая храбрость должна иногда уступить искусству. Каким образом граф Буксгевден надеялся опрокинуть, разбить и даже отрезать Клингспору ретираду от Улеборга и принудить к сдаче, когда у Клингспора было под ружьем до 13 000 человек с значительною артиллериею, а у генерала Тучкова 1-го, высланного для его преследования, было всего (в 21♦й дивизии и части 5♦й под начальством Раевского) 4 600 человек и когда в отряде генерала Булатова, выступившего из Куопио внутренностью края, на Индесальми в Улеборг, для отрезания Клингспора, было всего 1 500 человек! [1299] Можно ли было наверное полагать, что наши 6 000 человек, утружденные тяжкими переходами и всякого рода лишениями, побьют и опрокинут 13 000 храбрых солдат, защищающих последние пределы отечества! Но велено действовать, и Булатов выступил из Куопио [1300], оставив там сла-

бый отряд и преследуя Саволакскую бригаду генерала Кронштедта, отступавшую перед ним, прибыл 12 апреля в Револакс[1301], несколько впереди Брагештадта, только в 18 верстах от Сикайоки, где находился авангард Кульнева. Корпус Тучкова стоял в Пикайоки, а Клингспор со всеми своими сосредоточенными силами – у Лиминго[1302] и Лумиоки. Это место составляет крайнюю точку перед Улеборгом и было последним оплотом шведов в Финляндии.

Здесь дела приняли совершенно другой оборот и разрушили все надежды графа Буксгевдена.

В конце марта Тучков 1♦й с Раевским начали наступательные движения от Гамлекарлеби[1303] противу Клингспора, который отступал медленнее прежнего, ожидая прихода Саволакской бригады Кронштедта и присоединения различных команд, следовавших к нему с тыла и боковыми путями. Кульнев, разбив шведский арьергард у Пикайоки, сильным натиском сбил с поля Клингспора у Брагештадта, принудив его отступить до Сикайоки, где он остановился на позиции, полу-

чив подкрепления и поджидая Саволакской бригады Кронштедта. Полковник Адлеркрейц, занявший место начальника главного штаба при Клингспоре после взятия в плен под Пикайоки полковника Левенгельма[1304], употребил все свое красноречие, чтоб пробудить в семидесятидвухлетнем генерале Клингспоре уснувшую энергию[1305] и заставить его дать отпор русским, которых смелость даже оскорбляла храбрых шведов, принужденных беспрерывно отступать, с первой встречи с неприятелем. Клингспор, имея королевское предписание избегать генерального сражения, не решался последовать совету Адлеркрейца и собрал на совет всех своих генералов и полковников. Но пока они совещались, нетерпеливый Кульнев завязал сражение[1306]. У Кульнева в авангарде было всего три батальона пехоты, два эскадрона гродненских гусар, триста донских казаков и шесть орудий; но веря, что шведы нигде не будут держаться и что стоит только напасть на них быстро, чтоб принудить к ускорению их отступления в Швецию, Кульнев, ободренный прежними успехами, повел атаку прямо

на центр шведской позиции, находившейся на высоте между лесами, к которым шведское войско примыкало флангами. Удивляясь, что шведы после первого натиска не отступают, Кульнев разделил свой авангард на три части и с одною частью остался в центре, а двум другим велел обходить шведскую позицию с флангов. Шведские неопытные генералы, изжившие век свой старцы, уже подали голос к отступлению; один лишь пылкий Адлеркрейц настаивал, что должно сражаться, и ручался за успех. Увидев ошибку Кульнева, он немедленно воспользовался ею, выдвинул сильную артиллерию противу нашего центра, засыпал наш слабый отряд ядрами и картечами и потом с свежим войском бросился в штыки в промежутки нашего разорванного фронта. Тут началась свалка. Наши солдаты мужественно сопротивлялись, но были подавлены многолюдством неприятеля и принуждены отступить. Два отделения авангарда, направленные в обход, на фланги, едва спаслись, и Адлеркрейц мог бы легко отрезать их и вовсе истребить, если б Клингспор решился ввести все свое войско в дело. У нас

выбыло из фронта до 350 человек убитыми, ранеными и в плен взятыми, что было весьма много относительно малочисленности отряда. Главная же выгода шведов состояла в том, что этим сражением разрушилось очарование насчет нашей непобедимости.

Клингспор не остановился, однако ж, в Сикайоки и на другое утро отступил в Лиминго, где собраны были его запасы продовольствия. Наш авангард занял Сикайоки, и Тучков остановился, послав Булатову предписание идти не в Улеаборг, но свернуть с дороги и приблизиться к главному отряду чрез Револакс. Тогда Клингспор, следуя советам Адлеркрейца, вознамерился разбить отдельно наши слабые отряды и выслать противу Булатова две бригады под начальством генерала Кронштедта и Адлеркрейца. Должно при этом заметить, что хотя Револакс, где стоял отряд Булатова, находится только в 18 верстах от Сикайоки, но на этом расстоянии не было никаких постов и в одном отряде не знали, что делалось в другом. 15 апреля с утра шведы напали неожиданно на Булатова. Пока он удерживал натиск шведов, один батальон Пермского

полка, сражавшийся против Адлеркрейца на Лумиокской дороге, был опрокинут и отступил к Сикайоки, бросив бывшее при нем оружие и не предупредив Булатова о своем отступлении[1307]. Оставшись с горстью храбрецов, Булатов решился драться до последней капли крови и явил чудеса храбрости. Раненный два раза, он отвечал гордо на предложение к сдаче, что честь русского солдата повелевает умереть с оружием в руках. Отступление батальона Пермского полка облегчило неприятелю путь в тыл нашего отряда, и Булатов был окружен со всех сторон. Он решился пробиться штыками, но раненный в третий раз, пулею в грудь навывлет, он упал без чувств, и взят был в плен с остатком неустрашимых своих воинов, сражавшихся до истощения последних сил. Шведы бросились опророметью на малую толпу русских и в рукопашном бою одолели их числом, или, как говорится, разобрали наших по рукам. Под Револаксом мы потеряли три орудия, девять зарядных ящичков и до 500 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Отряд Булатова совершенно истреблен. Шведы приняли храбро-

го Булатова и пленных его сподвижников с уважением и почестью, отдавая полную справедливость их героическому мужеству[1308].

К Булатову шел из Куопио, по той же Индесальмской дороге, полковник Обухов с тремя ротами Могилевского пехотного полка и тремя орудиями, прикрывая огромный парк, обозы и транспорт с съестными припасами. Клингспор после поражения Булатова отрядил немедленно полковника Сандельса с 3 000 человек и шестью орудиями на Куопиоскую дорогу. Тучков послал к Обухову разъезды и курьера с приказанием возвратиться поспешно в Куопио; но разъезды, встретив неприятеля, воротились, а курьера схватили финские крестьяне и представили к Сандельсу. Обухов, не зная ничего о происшедшем, шел вперед, и только в Пулхило, в пяти переходах от Револакса, узнал, что противу него идут шведы[1309]. Спасти было нельзя, и Обухов решился сражаться до последнего. Сандельс присоединил к своему отряду несколько сот вооруженных крестьян, обошел и окружил малочисленный русский отряд, половину перебил, а другую половину

взял в плен с тяжело раненым полковником Обуховым. Одно орудие брошено русскими в воду, а с двумя орудиями Могилевского полка штабс-капитан Сербин успел уйти во время замешательства[1310] и примкнул к Тучкову.

После этих событий Тучков находился в весьма опасном положении. Имея всего не более 5 000 человек под ружьем, он мог быть обойденным Клингспором, которому после Револакской победы открылся зимний путь на Виганди, в тыл нашей операционной береговой линии. Тучков начал отступать и 21 апреля прибыл в Гамлекарлеби, пройдя в тыл без боя более 150-ти верст. Здесь Тучков остановился, но и Клингспор не мог воспользоваться своим преимуществом, потому что в это время наступил перелом в природе, во время которого в Финляндии все должно уступить ее силе. Началась оттепель, предвестница весны, в этом году весьма ранней. Снега стали быстро таять, и с гор хлынула вода в виде водопадов, долины превратились в озера, ручьи – в огромные и быстрые реки, ниспровергая мосты и плотины. Финляндия представляла первобытный хаос. Все движе-

ния войск должны были прекратиться, к счастью отряда Тучкова, – но нравственное чувство вспыхнуло в финском народе. Во время двухмесячного отступления шведских войск народ в Финляндии упал духом, и многие финские офицеры и солдаты уже намеревались оставить шведское войско и возвратиться в свои семейства. Сельские жители не смели сопротивляться, почитая русских непобедимыми. После неудачи Кульнева под Сикайоки, истребления отрядов Булатова и Обухова и ретирады Тучкова Финляндия как будто воспрянула от волшебного сна. Клингспор рассевал прокламации короля, приглашавшие финнов к восстанию и истреблению неприятеля всеми возможными средствами. Бунт вспыхнул во всей Финляндии и распространился внутри страны до Таммерфорса [1311] и на востоке во всей Саволакской области и Карелии, почти до русской границы. Все финские поселяне – отличные стрелки, и в каждом доме были ружья и рогатины. Составились сильные пешие и конные толпы, которые под предводительством пасторов, ландманов [1312] (почти то же, что капи-

тан-исправник) и финских офицеров и солдат (распущенных по домам после сдачи Свартгольма[1313]) нападали на слабые русские отряды, на госпитали и умерщвляли немилосердно больных и здоровых. Разъяренная чернь свирепствовала! Множество транспортов с съестными припасами и амуницией и магазины[1314] были разграблены. Возмущение было в полной силе, и народная война кипела со всеми своими ужасами.

Полковник Сандельс, отправленный Клингспором в Куопио, шел с торжеством тем самым путем, на котором за несколько времени пред сим следовали Булатов и Обухов с целью отрезать шведское войско от Улеборга и принудить его к сдаче. Сандельса встречали везде с энтузиазмом, и вооруженные толпы охотников присоединялись к нему на каждом переходе. 30 апреля слабый русский отряд, после краткой перестрелки оставив свой госпиталь с 250 больными во власть шведам, выступил из Куопио. Сандельс двинул часть своего отряда вперед, и русские должны были уступить не только Варкгауз[1315], но даже Сант-Михель[1316], почти пограничное место.

Шведы решительно торжествовали в Северной и во всей Восточной Финляндии.

На морском берегу, где находился сам главнокомандующий с главными силами, важнейшее событие было покорение крепости Свеаборга[1317], которую многие писатели называют Северным Гибралтаром (хотя без всяких основательных причин), и крепости Свартгольма. Обе крепости после довольно продолжительной осады сдались на капитуляцию. До появления в свете сочинения А. И. Михайловского-Данилевского писатели спорили между собою о причинах, побудивших шведов сдать эти два важнейшие пункта, особенно Свеаборг, перед самою оттепелью, когда должно было ждать скорой помощи из Швеции. Даже граф Павел Петрович Сухтелен в описании Финляндской войны оправдывает шведов. Но А. И. Михайловский-Данилевский приподнял завесу, скрывавшую тайну. Свартгольм сдался 6 марта, а Свеаборг 21 апреля. А. И. Михайловский-Данилевский на стр. 58 говорит: «Из переписки графа Буксгевдена можно вывести догадки, что к покорению Свартгольма были употреблены такие же средства,

какие и противу Свеаборга, но верных доказательств на то в делах не находится». На представление графа Буксгевдена к награде генералов и офицеров за взятие Свеаборга военный министр граф Аракчеев отвечал (от 29 июля): «Государь полагать изволит, что при взятии крепости войска не столько участвовали, а успех приписывает единственно благоразумной предусмотрительности вашей» [1318]. Дело хотя и неясное, но довольно понятное. Душою переговоров с комендантом Свеаборга генералом Кронштедтом был инженер-генерал П. К. Сухтелен, и он склонил шведского генерала к сдаче, убедив в бесполезности обороны крепости, которой рано или поздно надлежало пасть от русского оружия. Главнокомандующий получил за Свеаборог Георгия 2♦го класса, чем он был недоволен, надеясь получить Георгия 1♦го класса. Генералу Сухтелену дано Владимира 1♦го класса [1319].

Мне кажется, что теперь, по прошествии сорока лет, не для чего спорить, каким образом взят был Свеаборг, почитавшийся неприступным. Довольно, что он взят и остался на-

всегда русским. В то время вообще говорили не только шведы и финны, но и наши офицеры, что Свеаборг взорвала «золотая бомба» [1320]. Если б это было и справедливо, то не только не уменьшает заслуги покорителей, а напротив, увеличивает заслугу, потому что сдача крепости на капитуляцию устранила кровопролитие. Был ли один народ в мире, который бы предпочел взятие крепости штурмом мирной ее сдаче? В войне позволены все средства к приобретению выгод, и все главнокомандующие пользовались всем, чем могли, чтоб достигнуть своей цели без кровопролития. Лазутчиков на войне вешают, а между тем употребляют, не стыдясь, обращения с предателями для блага войска и успехов войны. Мне кажется, что в сдаче Свеаборга весьма важную роль играли нелюбовь всех высших шведских чиновников к королю, почти общее отвращение от войны и весьма вредная для государства система содержания войска, по которой оно вместо жалованья надеяемо было казенными землями. От генерала до простого солдата каждый имел свой участок по чину и был сельским хозяином. В уве-

ренности, что Швеция не может противостоять России и защитить отечество, финские генералы, офицеры и солдаты неохотно сражались, когда русские прокламации обещали оставить за ними их участки, т. е. мызы и хутора (бостели и торпы), где находились их семейства. Временный энтузиазм в Финляндии был только метеор в этом общем направлении умов.

В доказательство нашего мнения, что император Александр давно помышлял о покорении Финляндии и что это завоевание почитал довершением великого подвига бессмертного Петра, служит торжество, бывшее в Петербурге по случаю покорения Свеаборга [1321], который называли тогда ключом Финляндии. Все знатные особы и иностранные послы приглашены были в Исакиевский собор, возле которого стояло под ружьем все войско, бывшее в Петербурге. В 11 часов утра государь император выехал верхом из Зимнего дворца, а вся императорская фамилия прибыла в каретах, и после молебствия в Исакиевском соборе государь поехал к войску, а императорская фамилия поместилась на эстра-

де, устроенной вокруг монумента Петра Великого, мимо которого войско проходило церемониальным маршем, отдавая почесть творцу новой России, подвинувшему пределы ее до Балтийского моря и помышлявшему о водворении их на Ботническом заливе. Скромный Александр не хотел присвоить себе помысла своего великого прапрадеда, довольствуясь исполнением.

Но когда в Петербурге праздновали взятие Свеаборга и почитали всю Финляндию покоренной, дела наши были в самом дурном положении. Исключая береговую часть от Гамлекарлеби вниз до Русской границы, почти вся Финляндия находилась во власти шведов. На Аландских островах составилась заговор к изгнанию русских. 24 апреля прибыли военные суда с отрядом войска из Швеции и пристали к одному из ближних к шведским берегам островов. В одно время поднялись все жители островов, кроме Кумлинга[1322], где стоял полковник Вуич с главным отрядом, и бросились на русских. На островах было по несколько десятков русских солдат, на иных не более двадцати. Нельзя было долго оборо-

няться, и защищавшихся перебили, а спасавшихся в лесах переловили. 26 апреля шведские суда прибыли к Кумлингу, и начальник шведского отряда требовал, чтоб Вуич сдался в плен с отрядом. Вуич соглашался оставить острова без боя, но объявил, что если шведы не решатся отпустить его с оружием, то он будет драться до последней капли крови. Вуич пробовал переехать на твердую землю на бывших в его распоряжении лодках, но попытка не удалась, потому что солдаты наши не умели управлять парусами, и он принужден был остаться. У него было всего на Кумлинге не более 600 человек, противу которых 3 000 шведов и вооруженных поселян вышли в трех местах на берег с 9-ю орудиями и 28 апреля атаковали наш слабый отряд. Несколько часов наши дрались храбро, но картечные выстрелы расстроили русские ряды, и наши егеря побежали в беспорядке в деревню, преследуемые шведами и вооруженными крестьянами. Тут еще продолжался несколько времени бой; наконец у наших не стало патронов. Половина была перебита и переранена, всех оставшихся в живых забрали шведы

в плен, вместе с полковником Вуичем[1323]. Аландские острова, имевшие тогда до 12 000 народонаселения, легко покоренные нами, перешли в руки шведов[1324].

11♦го апреля контр-адмирал Бодиско с отрядом в 1 800 человек занял остров Готланд, имеющий в длину 180 верст, 24 гавани или пристани и 33 000 жителей. Три недели русские пробыли спокойно на острове, как вдруг явился шведский флот в пять линейных кораблей с 5 000 шведского войска и 20-ю полевыми орудиями. Все жители острова, способные носить оружие, восстали и решились драться с русскими. Не было никакой надежды к защите острова и отражению шведов, и собранный контр-адмиралом Бодиско военный совет согласился на предлагаемую шведским адмиралом капитуляцию. Русский отряд, отдав шведам оружие, возвратился в Россию, удержав свои знамена и дав обещание не служить год противу шведов и их союзников.

Генерала Тучкова 1♦го за отступление от Пикайоки и слабое действие противу графа Клингспора, полковника Вуича, не защитив-

шего Аландских островов, и контр-адмирала Бодиско за уступку без боя Готланда отдали – первых двух под военное следствие, а последнего под военный суд. Первые двое были оправданы, а Бодиско разжалован в матросы, но вскоре помилован государем императором [1325], рассмотревшим дело, и Бодиско с чином были возвращены ордена.

Кто был виноват во всех наших неудачах? В первых числах апреля, по показанию А. И. Михайловского-Данилевского (писавшего историю войны по официальным документам), всех войск в Финляндии было 23 000 человек. Из этого числа 9 054 человека под начальством графа Каменского стояли перед Свеаборгом, занимая уступленные нам острова, в крепостцах Гангоуде[1326] и Свартгольме, а 5 845 человек под начальством князя Багратиона расположены были на пространстве 500 верст, от Або до Вазы и Тавастгуза. Около 800 человек было на Аландских островах с Вуичем, следовательно, исключая больных, 15 000 человек были в бездействии, и генерал Тучков 1♦й с отрядом в 6 000 человек (считая в том числе отряд Булатова) должен был вы-

теснить из Финляндии Клингспора с 13 000 регулярного войска и занять Улеборг. Таково было предписание, данное главнокомандующим генералу Тучкову, и за неисполнение предписания он был лишен командования отрядом и отдан под военное следствие.

Граф Буксгевден, как я уже сказал, был суворовский генерал, т. е. помнил времена героические. У Суворова не знали отговорок. Приказано – сделай, или умри – умри с оружием в руках!

В Австрии гофкригсрат отдал бы под военный суд Тучкова, если б он дерзнул решиться с 6 000 человек отдалиться на огромное расстояние от главной армии без всяких запасов, по непроходимым дорогам, с намерением разбить неприятельский корпус в 13 000 человек. Граф Буксгевден верил, что для русского солдата нет ничего невозможного. Так и все тогда верили, и тем оправдывался генерал Булатов, из плена, уверяя, что если бы Пермский батальон не оставил его и сам он не был тяжело ранен, то он бы непременно разбил шведов под Револаксом, хотя они были втрое сильнее его.

Не знаю почему, но граф Буксгевден был убежден, что граф Клингспор не станет сопротивляться и отступит до Торнео, если только генерал Тучков сильно будет напирать, и потому почитал Тучкова виновным, что он допустил шведов разбить отдельно Кульнева под Сикайоки, Булатова под Револаксом и Обухова под Пулхило. Из переписки графа Буксгевдена, находящейся у меня, видно, что он до конца жизни оставался в том убеждении, что Тучков с своими соединенными 6 000 мог и должен был вытеснить Клингспора до Торнео. Но по несчастью, надежда Бугскевдена не сбылась, и нам надлежало снова покорять, а теперь уже и усмирять возмущившуюся Финляндию.

Граф Буксгевден, поторопившись поздравить государя императора с покорением Финляндии, должен был сознаться, что ошибся в своем расчете, и просил скорой и сильной помощи. Военный губернатор Старой Финляндии генерал Обрезков послал поспешно два гарнизонные батальона, которых повезли по приказанию графа Буксгевдена на почтовых к защите Нейшлота и Сент-Михеля, угрожае-

мым Сандельсом. Генерал Барклай-де-Толли выступил немедленно из Старой Финляндии через Нейшлот с частью своей 6-й дивизии, т. е. полками: Низовским, Азовским, Ревельским мушкетерскими, 3-м егерским (которого Барклай-де-Толли был прежде шефом), а из Петербурга высланы к нему два батальона Лейб-гренадерского полка, один батальон лейб-гвардии Егерского, рота гвардейской пешей артиллерии, один батальон Уланского его высочества цесаревича полка и 300 донских казаков[1327]. После примкнули к Барклаю отделенные из Свеаборгского отряда: Белгородский мушкетерский полк и три эскадрона Финляндского драгунского полка. Весь отряд Барклая-де-Толли состоял из 7 500 рядовых. Кроме того, в Финляндию выслано: 3 000 старых солдат из числа возвратившихся из французского плена, которых Наполеон одел наново, по русской форме, вооружил и послал в Россию[1328]; 2 000 отличнейших рекрут и два полка донских казаков. Таким образом, в Финляндию послана помощь в 11 000 человек, и усиленная Русская армия в мае состояла из 34 000 фронтовых.

Все случившееся до сих пор в Финляндии представил я в общем взгляде, как я слышал и как изобразили дела историки этой войны. Теперь стану рассказывать, что сам видел и что узнал в то время на месте от товарищей. В рассказе моем буду соотноситься с общим ходом дел и сообщу мои собственные приключения и впечатления и мое нынешнее и тогдашнее мнение о делах и людях.

II

Второму батальону Уланского его высочества полка внезапно повелено выступить из Петербурга и присоединиться к дивизии Баркляя-де-Толли. – Мы выступаем в поход. – Характеристика офицеров второго батальона Уланского его высочества полка. – Старинные донцы. – Мы соединяемся с дивизией Баркляя-де-Толли. – Первая встреча с шведами под Иоройс-Киркой. – Партизанская и народная война. – Взятие Варкгауза. – Разбитие шведского арьергарда, послужившее нам во вред. – Шведские партизаны отбивают у нас подвижной магазин и истребляют понтонную роту. –

Занятие Куопио с боя и отступление шведов за озеро в крепкую позицию при Тайвола. – Тогдашнее состояние города Куопио. – Довольство среди общего недостатка. – Даровой трактир для друзей и добрых товарищей. – Веселая жизнь в Куопио

Мы не думали и не гадали о походе в Финляндию. Эскадрон наш стоял в Петергофе, а я приехал в Петербург погостить. Захожу к приятелю моему поручику Фащу (лейб-эскадрона), и первое его слово было: «Прощай, брат!» – «Разве ты уезжаешь куда-нибудь?» – спросил я. «Читай!» – сказал он, подавая полковой приказ.

«Второму батальону полка моего имени выступить чрез трое суток, под начальством полковника графа Гудовича[1329], в Финляндию для поступления в действующую армию. Подписал: “Константин цесаревич”».

Сюрприз! Захватив в долг деньжонок у фамильного друга нашего Вакара (помещика и потом губернского прокурора Витебской губернии), я закупил нужнейшее для похода, простился с сестрою[1330] и отправился в эс-

кадрон. На третий день мы вступили в Петербург[1331] в походной форме, переночевали, поместив лошадей в Конногвардейском манеже, и с утра стали переправляться чрез Неву на мостовых плашкоутах[1332]. Лед еще шел по Неве, и мосты были сняты.

Второй батальон состоял из пяти эскадронов. Я имел честь служить в 6^м эскадроне полкового командира генерал-майора Чаликова, обыкновенно называвшемся командирским. Наш добрый, храбрый и хлебосольный ротмистр Василий Харитонович Щеглов вышел в отставку после Фридландской кампании, и эскадроном командовал ротмистр Кирцели. 7^м эскадроном командовал ротмистр Радулович[1333], 8^м – майор Лорер, 9^м – князь Манвелов, 10^м эскадроном полковника графа Гудовича командовал ротмистр Климовский.

Ротмистр Кирцели родился в России, но отец его был итальянец, кажется камер-музыкант, едва ли не при императрице Елисавете Петровне[1334]. Наш ротмистр вступил в службу в весьма молодых летах и переведен в наш полк при его формировании из Тверско-

го драгунского полка, вместе с генералом Егором Ивановичем Меллером-Закомельским. Кирцели был уже человек немолодой, лет за сорок, и находился в походах с Суворовым, в Польше и в Италии. Нрава он был тихого, вежлив и чрезвычайно деликатен, но необщителен и при этом экономен. В походе он жил отдельно, своим хозяйством, и виделся с офицерами только по службе. В эскадроне нашем были офицеры: поручик Кеттерман, корнеты граф Гудович (Михайла Васильевич), я и Драголевский[1335]. Поручик Кеттерман служил прежде в Фельдъегерском корпусе[1336] и находился при особе его высочества. Женившись на богатой невесте, воспитаннице Собакина-Яковлева[1337], Кеттерман упросил его высочество определить его в наш полк пред выступлением полка в Прусскую кампанию 1807 года. Человек он был храбрый и благородный, но мы с ним как-то не сошлись. Он убит в Отечественную войну, под Бородином. Драголевский, о котором я уже упоминал, был тогда лет пятидесяти, но сохранил всю свежесть и весь пламень юности. Он служил товарищем (рядовым из дворян) в Польском

войске под начальством Костюшки и после падения Польши проживал в Лемберге. Когда его высочество проезжал чрез этот город, Драголевский явился к нему и просил принять его в русскую военную службу. Драголевский был высокого роста, отличный ездок, и его высочество взял его с собою и определил унтер-офицером в Конную гвардию, потому что Драголевский не мог представить документов о дворянстве. Драголевский скоро обрусел, служил хорошо, и после Аустерлицкой кампании его высочество представил его к производству в офицеры в наш полк перед кампанией 1807 года, обмундировал и содержал на свой счет. Драголевский давно уже умер, не оставив ни потомства, ни родни, и о нем можно сказать, не запинаясь, что хотя он был добрый человек и исправный фронтовой офицер, но вовсе не образованный, почти дикий. Он сохранил все старинные привычки мелкой польской шляхты и все обычаи унтер-офицерской жизни. Драголевский был нам не товарищ. Во время похода до Выборга, куда мы шли поэскадронно, я квартировал всегда с добрым, скромным, тихим, образо-

ванным и храбрым графом М. В. Гудовичем. Он имел при себе повара, и мы жили, по возможности, роскошно, и притом дружно и весело. Все мои задушевные приятели служили в других эскадронах, и, если б не было графа Гудовича в нашем эскадроне, мне было бы тяжело.

Командующий нашим батальоном граф Андрей Иванович Гудович, сын фельдмаршала, был тогда молод. Он рано записан был в службу и рано произведен в офицеры императором Павлом Петровичем, покровительствовавшим всему роду Гудовичей за беспредельную верность и преданность одного Гудовича, дяди нашего полковника, к высокому его родителю императору Петру III[1338]. Граф Гудович поступил в наш полк из Конной гвардии. Он соединял в себе все достоинства любезного светского человека со всеми похвальными качествами воина и просвещенного патриота. Граф получил высокое образование, любил литературу и все изящное; с офицерами обходился он чрезвычайно вежливо, нежно и только с приближенными к нему фамильярно, и вместе с любовью вну-

шал к себе уважение. Его высочество, который при необыкновенном добродушии был чрезвычайно горяч и вспыльчив, как всем известно, обходился с графом Гудовичем весьма осторожно[1339]. Одним словом, граф Гудович был образцовый полковник не в одной России, но и во всей Европе. Я пользовался особенною его благосклонностью, сам не знаю за что, и он был всегдашним моим защитником. Добрый и благородный человек! После моей службы я только однажды видел его, когда он в звании московского губернского предводителя дворянства приезжал в Петербург. Двадцать лет я собирался навестить его в Москве и не собрался![1340]

Майор Александр Иванович Лорер, человек добрейшей души, умный, благородный, храбрый и притом самого веселого нрава, был любим в полку всеми, от нашего шефа до последнего солдата. Он также был ко мне чрезвычайно благосклонен от первой встречи до конца своей жизни. Думал ли я тогда, что мне придется писать биографию моего доброго Александра Ивановича[1341]![1342] Эти строки пишу я на принадлежавшем ему письмен-

ном столе и из его чернильницы[1343]. Александр Иванович Лорер просил графа Гудовича прикомандировать меня к его эскадрону на время кампании, но граф не решился на это без ведома его высочества, и я, оставшись в командирском эскадроне, обязан отказу графа тем, что попал в корпус графа Каменского, завоевавшего Финляндию.

Ротмистр Радулович, родом из сербов, старый воин, был в походах с Суворовым противу турок, в Польше и в Италии. Радулович был человек чрезвычайно добрый, простодушный, храбрый, отличный служака и жил с своими офицерами по-старинному, как наш Василий Харитонович Щеглов. У Радуловича всегда накрыт был стол для всех его офицеров, и каждый гость принимаем был, как товарищ. Мы называли старика Радуловича *батькой*, а он нас звал *детками* и журил иногда порядком. Князя Манвелова я мало знал, потому что наши эскадроны никогда не стояли вместе. Знаю только, что он был храбрый и исправный эскадронный командир и что офицеры его эскадрона любили его. Ротмистр Климовский был отличный служака, храб-

рый офицер и хороший товарищ.

Я уже говорил, что тогда в кавалерии дуэли, или, как тогда говорили, *рубка на саблях*, были в обычае, или в моде. Рубились за безделицу, потом мирились и не помнили ссоры. Каждый молодой офицер, вступив в круг товарищей, должен был доказать свое удаливость и подраться на саблях с своим офицером или чужеполчанином. Два первых рубаки были в нашем батальоне. Это были поручик Лопатинский и корнет Чесновский[1344], добрые ребята, храбрые, умные, веселые и добродушные молодые люди. Обоих нет уже в живых! Мне суждено было описать смерть Лопатинского, убитого в Финляндии[1345]. Чесновский перешел в Волынский уланский полк и умер от ран в Турецкую кампанию[1346]. Лопатинский и Чесновский соперничали между собою и несколько раз рубились с переменным счастьем. Оба были ранены, и Чесновский даже довольно тяжело. Они имели род партий в полку, но я, по какому-то особенно-му счастью, был дружен с обоими, и они до такой степени любили меня, что, когда однажды *единственный* мой неприятель в полку

вызвал меня на пистолеты, Лопатинский и Чесновский объявили, что после дуэли со мною противник мой должен будет стреляться с каждым из них поочередно, и тем заставили нас помириться. Я тогда не умел стрелять из пистолета, и после этого случая Чесновский стал обучать меня стрельбе, выучив прежде рубиться на саблях. Потому ли, что я был очень молод (мне был девятнадцатый год), или по моему беспечному характеру, веселому нраву, и потому ли, что я был не вовсе глуп, писал стишки про нашу полковую жизнь и был верным товарищем, – я имел в полку много приятелей. Особенно дружно жил я с корнетом Францкевичем, лихим уланом в полном смысле слова, который теперь в отставке и помещик; с корнетом Пенхержевским (ныне генерал-лейтенант и киевский комендант), первым красавцем полка; поручиком Фащем, моим искренним другом, который знал меня еще в детстве; с Яковлевым[1347], батальонным адъютантом; с корнетами Головиным, Воейковым[1348], богатыми и образованными молодыми людьми; с добрым и храбрым Вульфом, который и те-

перь жив и расхаживает по Петербургу на деревяшке; с Жеребцовым, умершим вследствие раны, полученной под Фридландом; с братьями Раевскими; с поручиком Беседным, отличным товарищем и добрейшим малым; с поручиком Ильиным[1349], с которым мы любились, как братья, однако ж однажды и порубились; в ладах был я со всеми, исключая *одного*. Странное дело, но я верю в симпатию и антипатию! Этому человеку я не сделал никого зла, и он мне тоже, но при первом взгляде мы друг другу не понравились. Да и за что мне было тогда иметь врагов! Тогда я не был ни журналистом, ни критиком, не писал статей о нравах, не знал, как блюстители чести *благоприобретают* богатство, никому не стоял на дороге, не задевал ничьего самолюбия, не возбуждал ни в ком зависти! Приятели, напротив, заставляли меня писать сатирические стишки на себя и на других, и никто не только не гневался, а все хохотали и были довольны. Это было счастливое для меня время, и так бы протекла вся жизнь моя, если б судьба за грехи мои не бросила меня на литературное поприще. Если б мне при-

шлось выбирать для детей моих крайности, в самом несчастном положении я желал бы, чтоб они были лучше всю жизнь простыми солдатами или земледельцами, чем самыми счастливыми писателями, особенно журналистами! Кто хочет узнать вкус желчи с уксусом[1350] – милости просим к нам, под знамена Аполлона! Для того только я и пишу мои «Воспоминания», чтоб утешиться прошлую военную жизнью. Итак, обратимся к ней.

От Выборга пошли мы целым батальоном и по сю сторону Сент-Михеля, уже в пределах Новой Финляндии, сошлись с пехотой, высланной вместе с нами из Петербурга, т. е. с батальоном лейб-егерским, которым командовал полковник Потемкин (умерший в чине генерала от инфантерии и в звании генерал-адъютанта), двумя батальонами Лейб-гренадерского полка (тогда еще не гвардейского) и одной ротой пешей гвардейской артиллерии[1351]. Начальство над этим отрядом принял генерал-майор и командир Лейб-гренадерского полка Лобанов. Перешед старую границу (в конце мая), мы останавливались уже на биваках, держали разъезды и пикеты и,

приняв вправо от Сент-Михеля, соединились поблизости Иокос-Кирки с корпусом Барк-лая-де-Толли, вступившего в одно время с нами в новую Финляндию с двух пунктов: Нейшлота и Вильманстранда. Эскадрон майора Лорера с пятьюдесятью донскими казаками под начальством сотника Нестерова пошел вперед по Куопиоской дороге, перед авангардом для открытия неприятеля. Корпус следовал за авангардом отрядами.

Никогда не забуду сотника Нестерова, потому что в жизни моей не видал таких длинных усов, как у него, и такой скифской физиономии. Усы у Нестерова достигали до пояса, а брови висели до половины лица. Из этой волосяной заросли торчал огромный ястребиный нос, сияли маленькие глаза, как звезды в тумане, и блестели белые как снег зубы. Нестеров искусен был во всех наездничьих проделках, поднимал на всем лошадином скаку малую монету с земли, подвертывался под брюхо лошади и в то же время стрелял из винтовки, вскакивал с одного размаха на лошадь и т. п. Это был старинный донец, какие стали уже выводиться в Донском войске. Эс-

кадрон Лорера шел повзводно, по три справа, а казаки Нестерова шли версты за две впереди, врассыпную, и по приказанию своего сотника обыскивали каждое жилище и забирали все съестное. Наш эскадрон шел в авангарде, верстах в двух за эскадроном Лорера, и Нестеров снабжал офицеров обоих эскадронов съестным. Он особенно подружился с нашим Драголевским по сходству вкусов и характеров, и фляжка Драголевского всегда наполнялась к вечеру приношением Нестерова. Перед нами все было пусто, и дома были покинуты жителями; но казаки по инстинкту отыскивали в лесах и долинах, между холмами обитаемые жилища. Когда у нас не было съестного, майор Лорер обращался к Нестерову; тот кричал своим казакам: «Ребята, вперед, пошевели!» – и часа чрез два казаки возвращались с бочонками водки, с лепешками (кнакебре), с баранами, а иногда пригоняли коров. Нестерова называли мы провиантмейстером авангарда.

От Иокоса начали раздаваться неприятельские выстрелы. Меткие саволакские стрелки высланы были вперед начальником шведско-

го отряда полковником Сандельсом, чтоб беспокоивать нас в походе. Эти стрелки, зная местность, пользовались ею и, отступая перед нами на большой дороге, высылали малые партии застрельщиков по сторонам, где только можно было вредить нам, укрывшись за камнями или в лесу. Нельзя было своротить в сторону на сто шагов с большой дороги, чтоб не подвергнуться выстрелам, и это затрудняло нас в разъездах и препятствовало распознавать местоположение.

Саволакские стрелки, самые опасные наши неприятели в этой неприступной стране, были крестьяне лесистой и болотистой области Саволакса, прилегающей к огромному озеру Калавеси[1352]. Они были одеты в серые брюки и куртки из толстого сукна и имели круглые шляпы. Амуниция их была из простой черной сапожной кожи. В мирное время эти стрелки жили по домам своим, занимались хлебопашеством, рыболовством и звериными промыслами и собирались ежегодно на несколько недель на ученье. Они дорожили ружейным зарядом и редко пускали пулю наудалую. Из саволакских поселян был

один батальон регулярных егерей, а прочие составляли милицию, то же, что ныне ландверы в Пруссии. Все они дрались храбро и были чрезвычайно ожесточены противу русских.

Полковник Сандельс с 2 000 регулярного войска и почти таким же числом вооруженных крестьян укрепил позицию под Иорис-Киркой. В десяти верстах перед этим селением (если можно назвать селением несколько домов возле кирки) сходятся две большие дороги в Куопио, главный город Саволакса, из Нейшлота и из Борго[1353]. Между озером Калавеси и другим небольшим озером, верстах в трех от первого, по перешейку от одного берега к другому Сандельс провел шанцы[1354] и поделал засеки. Позиция была неприступная, и Сандельс думал, что она нам дорого будет стоить.

Сообщу, кстати, анекдот о Нестерове, характеризующий тогдашних казаков. Приближаясь к шведской позиции, майор Лорер запретил казакам рассыпаться на далекое расстояние и велел им придерживаться большой дороги. Спускаясь с пригорка, майор Лорер за-

метил, что толпа казаков слезла с лошадей и чем-то занималась в стороне, шагах в двадцати от дороги. Он думал, что, верно, казаки потрошат баранов, и поскакал к ним, чтоб погнать донцов вперед. И что же увидел Лорер? Человек десять саволакских егерей, которых нагнали и забрали казаки, лежали раздетые в яме, а казаки, стоя в кружок, кололи их пиками... Нестеров сидел на лошади, смотрел спокойно на эту ужасную сцену и, сняв шапку, приговаривал: «Слава те господи! Погубили врагов белого царя! Туда и всем им дорога!..» Добрый Лорер вышел из себя... Досталось порядком усатому Нестерову – но несчастные погибли... С этих пор майор Лорер отдал казаков, и с Нестеровым, под начальство нашему офицеру. Не оправдывая поступка Нестерова, должно заметить, что взбунтованные крестьяне так же зверски умерщвляли наших солдат, захватив их врасплох. Нестеров думал, что должно платить тою же монетою, и не мог постигнуть человеколюбия Лорера. «Баловство!» – говорил Нестеров, покручивая свои богатырские усы.

2 июня мы пришли к Иорис-Кирке и

встречены были пушечными выстрелами из орудий большого калибра. В нашем корпусе находилось несколько офицеров, уже бывших в этой стране до взятия Куопио Сандельсом, и они сказали Барклаю-де-Толли, что можно обойти малое озеро на правом фланге шведской позиции. Барклай-де-Толли послал отряд в обход с того места, где соединяются дороги Нейшлотская и Боргоская, и, когда, по его расчету, обход должен был поравняться с шведскою позициею, приказал атаковать шанцы с фронта. Наша пехота с криком «ура» бросилась на шанцы и засеки, и шведы не устояли. Они собрались на возвышении за киркой, удерживая наш натиск пушечными выстрелами; но, увидев наш обходный отряд за озером, начали отступать. Мы бросились на цепь неприятельских стрелков, прикрывавших ретираду, перерезали цепь и взяли десятка два в плен. Сильно преследовали мы шведов, пока лесная позиция не обеспечила их отступления.

На каждом шагу нам представлялись новые препятствия, а шведам новые средства к защите своей и к нашему вреду. Превосход-

ство нашей числительной силы было нам даже в тягость в стране, где нельзя было иначе действовать как малыми отрядами или сжато, узким фронтом. Дорога шла между лесами, болотами и оврагами и была пересекаема множеством ручьев. Сандельс в своем отступлении жег мосты, перекапывал дороги, заваливал их засеками и, как стая хищных птиц, окружил наш корпус вооруженными крестьянами и партиями саволакских стрелков, знавшими все тропинки. Между Йороис-Киркой и Куопио находится селение вроде польских местечек, Варкгауз, с киркой и двумя или тремя десятками домов, с лавками, в которых торговали всеми товарами, необходимыми для помещиков и крестьян. Положение Варкгауза на берегу реки и обширного озера Калавеси, поблизости русской границы (Нейшлота), в стране безгородной, делало его важным торговым пунктом для областей Саволакса и Карелии. Тут были наши магазины продовольствия до взятия Куопио Сандельсом, который по отступлении русских укрепил Варкгауз батареями, вооружил их орудиями большого калибра и дополнил магазины съестны-

ми припасами. Варкгауз казался небольшою крепостцею. Здесь Сандельс вознамерился дать нам отпор. Братъ приступом это укрепленное место было бы безрассудно, не испытав других средств, и потому Барклай-де-Толли, поставив войско параллельно противу Варкгауза и устроив пред фронтом батареи, выслал сильный отряд в обход на правый фланг Сандельса, угрожая отрезать его от Куопио, и тем принудил его отступить. Загвоздив несколько пушек большого калибра[1355], Сандельс истребил хлеб в магазинах, взяв с собою и уложив на лодки все, что можно было взять, разобрал деревянные казармы и двинулся к Куопио. С арьергардом его завязалось жаркое дело, и шведы сильно сопротивлялись, пока все их обозы не вытянулись на большую дорогу. Мы шли по пятам Сандельса, не давая ему ни покоя, ни отдыха, и на половине дороги от Варкгауза до Куопио снова настигли его арьергард, разбили в пух и часть отрезали. Победа эта принесла нам горькие плоды. Отрезанные от главного отряда, шведы бросились в леса и ушли от нашего преследования, а после, как мы увидим, надела-

ли нам много зла.

Куопио, столица Саволакса и Карелии (в 460 верстах от Петербурга), – единственное место во всей Северной и Восточной Финляндии, которое можно назвать городом. Он состоял в то время из огромной площади, на которой была каменная кирка с кладбищем, и нескольких примыкающих к площади широких улиц, застроенных порядочными деревянными домами, выкрашенными, по тамошнему обычаю, красною водяною краскою. Всех жителей в Куопио было до двух тысяч душ. Город лежит на мысе, далеко входящем в озеро Калавеси. Сандельс укрепил перешеек шанцами и батареями, решившись защищать Куопио.

Но пока мы победителями подступали к Куопио, Сандельс нанес нам вред, стоивший поражения. За нашим корпусом следовал огромный подвижный магазин с мукою, овсом, солью и хлебным вином. Тут была жизнь наша, потому что в стране, особенно на походе, невозможно было прокормиться. При магазине находилась понтонная рота майора Дитрикса. Сандельс выслал несколько офице-

ров в тыл нашего корпуса для предводительства вооруженными поселянами и для собранин солдат, отрезанных от арьергарда, приказав им тревожить нас непрерывно и наносить зло по возможности. Эти толпы напали врасплох под начальством шведских офицеров на наш подвижной магазин и на понтонную роту, перебили почти всех наших солдат, сожгли понтоны и все, чего не могли взять с собою, увели лучших лошадей, а 400 остальным подрезали жилы у передних ног, под коленями. Это отзывалось уже Испанией! [1356]

Шведы мужественно защищали вход в Куопио. Около пяти часов сряду кипел жаркий бой на всей линии. Наконец наши вытеснили шведов штыками из шанцев и вошли в город [1357]. Но Сандельс, защищая перешеек, успел перевезть на противоположный берег озера Калавеси всю свою артиллерию, багажи и посадить в лодки большую часть войска. Арьергард его сел в лодки в наших глазах, и мы отрезали и взяли в плен только последних застрельщиков. Это было 7 июня.

От 2 до 7 июня включительно, т. е. от первой встречи с шведами под Иоройс-Киркой до

вступления в Куопио, пять суток сряду, корпус Баркляя-де-Толли был в непрерывном сражении, преодолевая величайшие трудности на пути, починивая или устраивая беспрестанно мосты, паромы и дороги, вытесняя неприятеля из укреплений и засек и подвергаясь беззащитно смерти от пуль партизанов, окружавших наш корпус днем и ночью.

Истребление нашего подвижного магазина и понтонной роты Дитрихса и многочисленность шаек возмущившихся крестьян, бродивших вокруг нас, заставили Баркляя-де-Толли привести в безопасность наше сообщение с старою русскою границей. Несколько батальонов пехоты и три эскадрона нашего полка заняли посты от Куопио до Нейшлота и Сент-Михеля. Наш командирский эскадрон и эскадрон князя Манвелова остались в городе и расположились повзводно и пополуэскадронно в нескольких домах.

Почти все жители оставили город, и дома были пусты. В городе не было никакого местного управления. Дивизионному дежурному штаб-офицеру майору Воейкову[1358] поручено было управление города. Майор Герике за-

нимал должность плац-майора и полицей-мейстера. Офицерам нашего полка и начальникам полков позволено было занять квартиры в городе, где кому было угодно. Войско, исключая прикрытия главной квартиры, стало на биваках за городом.

По какому-то особенному счастью я и приятель мой корнет Францкевич заняли дом в уединенной улице, которого хозяйка, почтенная старушка, не решилась оставить своего пепелища. Она имела лавку внутри города, в которой торговала, по шведскому обычаю, *всем*, от кофе и сахара до дегтя и веревок. Два ее сына ушли из города вместе с другими жителями, ожесточенными против русских, и увезли на другую сторону озера товары. Старушка осталась охранять дом. Он был весьма хорошо меблирован, разумеется относительно бедности края, и был полон всякого рода запасами. По праву завоевателей мы взяли все ключи от хозяйки, осмотрели все уголки дома, от погреба до чердака, списали все съестное и все напитки, велели снести в одно место все относящееся к продовольствию и оставили ключи от этих сокровищ у себя, а от

всего имущества отдали ключи хозяйке, разумеется не прикоснувшись ни к чему. По городу объявлено было оставшимся жителям, что они должны снабжать постояльцев съестными припасами, следовательно, мы не нарушили военной дисциплины.

При хозяйке оставался работник, кухарка и служанка. Кухарка должна была варить кушанье для нас, для своей хозяйки и для всей нашей прислуги, и чего она не успевала стряпать, то изготавлял ординарец Францкевича, бывший перед службой поваром. Выдавал съестные припасы Францкевич, принявший на себя управление хозяйством. Недоставало в доме мяса, потому что мы не хотели убивать коров хозяйки, но как в лагере войско должно было само промышлять съестные припасы и мы выслали улан на фуражировку, то в мясе у нас не было недостатка. Мы жили роскошно, имели по несколько блюд за обедом и за ужином, весьма хорошее вино, кофе и даже варенье для десерта.

Только шесть домов во всем городе имели подобные запасы, и по особенному случаю самый богатый дом достался двум корнетам!

Была попытка отнять у нас квартиру, но Барклай-де-Толли по представлению Воейкова не допустил до того. «Военное счастье, – сказал он, улыбнувшись, – пусть пользуются!»

Но не одни мы пользовались. Все наши товарищи, приятели и хорошие знакомые наравне с нами наслаждались нашим изобилием. Я уже сказывал, что наш полк жил в приятни с гвардейскими егерями, а я особенно был в дружбе с батальонным адъютантом князем Голицыным[1359], с поручиком князем Черкасским и с прапорщиком Репнинским (умершим в генеральском чине). Они почти жили у нас в Куопио. Кроме них, посещали нас почти все офицеры их батальона. Памятнее всех для меня поэт Батюшков и друг его поручик Петин[1360]. Все эти молодые офицеры были люди образованные, и нас связывала, главнейше, любовь к литературе. В Ревельском, в Низовском и в 3^м егерском полках было также множество прекрасных образованных офицеров и много было благовоспитанных лифляндцев. Я особенно дружен был с капитанами Колином и Фрейманом (Ревельского полка) и молодыми офицерами

Штакельбергом[1361] и Вильбоа (3♦го егерского полка). Ежедневно человек пятнадцать садились у нас за стол, а на вечер собиралось к нам иногда человек до тридцати. Подавали чай, пунш, глүвейн, сабайон[1362] и потом ужин, играли в карты, иногда призывали песенников и музыкантов. И старики посещали нас. Полковник Иван Васильевич Сабанеев, подполковник Луков, генерал-майор Лобанов, комендант города Воейков и другие начальники полков и батальонов проводили у нас вечера за вистом. У нас был род трактира с тою разницею, что все было *даровое*, и мы сами, хозяйева этого *дарового трактира*, сделали род вывески, написав на оконных стеклах по-французски: «diner et souper, punch, sabailon, vins et liqueurs pour les bons amis»[1363]. Это была шалость, впрочем извинительная по тогдашнему времени. Я и Францкевич сделались известными этим *даровым трактиром* в целом нашем корпусе.

Взглянем теперь на общий ход дел.

III

Генерала Тучкова 1-го сменяет генерал Раевский в командовании передовым

действующим корпусом. –

Распоряжения главнокомандующего к изгнанию шведской армии из

Финляндии. – Невозможность

исполнения этого плана. – Барклай-де-

Толли выступает из Куопио на помощь

Раевскому, оставляя в городе генерала

Рахманова только с 3 000 человек. –

Раевский доведен до крайности и

отступает перед шведским генералом

Клингспором. – Шведы делают

безуспешные высадки близ Або и

Вазы. – Беспорядки в Вазе. – Восстание

в Финляндии усиливается. – Полковник

Сандельс, пользуясь отсутствием

Барклая-де-Толли, нападает два раза

на Куопио, но отбит русскими. –

Подробности сражений. – Опасное

положение Куопийского отряда. –

Барклай-де-Толли возвращается в

Куопио. – Сандельс в ту же ночь снова

атакует Куопио со всею своею силою. –

Барклай-де-Толли разбивает шведов. –

Блистательные подвиги лейб-егерского

батальона. – Канонирские лодки

приходят в Куопио под начальством

лейтенанта Колзакова. – Прибытие полковника маркиза Паулуччи в армию для освидетельствования ее, и приезд его в Куопио. – Уважение и любовь войска к Барклаю-де-Толли.

Характеристика его и жизнеописание до этой эпохи. – Барклай-де-Толли по болезни оставляет армию. Корпус его поручен генералу Тучкову 1-му. – Отряд полковника Сабанеева выслан из Куопио к корпусу графа Каменского. – Наш эскадрон поступает в этот отряд

Отряд генерала Тучкова 1-го, отданного под следствие, поступил под начальство генерала Раевского. В то самое время, как Барклай-де-Толли двинулся из Нейшлота к Куопио, Раевский стоял близ морского берега, возле Гамлекарлеби, в самом опасном положении. Противу него, под Брагештадтом, стоял граф Клингспор с 13 000 регулярного войска и толпами вооруженных крестьян, а по всему берегу шведы угрожали высадкою, и Раевский с своим слабым отрядом легко мог быть отрезан и поставлен между двух огней. Для обеспечения Раевского в тыле поставлен

был в городе Вазе генерал-майор Демидов с двумя пехотными полками (Петровским и Белозерским)[1364] и одним эскадроном драгун (Финляндского полка), а Севский мушкетерский полк отряжен был Раевским в Ньюкарлеби[1365] для поддержания сообщений с Демидовым[1366]. Граф Орлов-Денисов с слабым отрядом (из одной роты пехоты, эскадрона драгун и эскадрона лейб-казаков) наблюдал огромное пространство между Вазою и Христиненштадтом[1367]. Прочее войско стояло по морскому берегу от Або до Свеаборга. Главная квартира была в Або. Отсюда распоряжался граф Буксгевден.

Эта диспозиция, или расстановка войска по местности края и положению неприятеля, была бы весьма хороша, если б передовой наш отряд, т. е. корпус Раевского, был по крайней мере равносильен шведскому войску, стоявшему противу него. Но после неудачи Кульнева и Булатова у Раевского со всеми пришедшими к нему подкреплениями было не более 6 800 человек, а с этим числом он не мог удерживать десанты и противиться графу Клигспору. План графа Буксгевдена состоял

в том, чтоб Раевский, отступая, завлек графа Клингспора внутрь края, и в то время Барклай-де-Толли, оставя 3 000 человек в Куопио противу Сандельса, долженствовал ударить в левый фланг Клингспора и, зайдя ему в тыл, отрезать его от Улеборга. Но если б Барклаю-де-Толли и удалось даже исполнить предписание графа Буксгевдена, т. е. поспешить из Куопио для совокупного действия с Раевским, то все же у обоих русских генералов было бы не более 11 300 человек противу 13 000 регулярного шведского войска и до 6 000 вооруженных крестьян в стране, взволнованной и враждебной русским. В Петербурге не одобрили плана графа Буксгевдена, весьма справедливо опровергая тем, что Раевский и Барклай-де-Толли могут быть разбиты отдельно и Куопио взят Сандельсом при столь слабой защите. Но граф Буксгевден, как я сказал, был непреклонного характера и, невзирая на все представления, решился действовать раздробленными силами.

По счастью для нас, граф Клингспор был человек нерешительный и, не надеясь на сильную помощь из Швеции, не отваживался

на смелые предприятия. После Револакского дела он мог бы разгромить корпус Тучкова, но отговаривался оттепелью, а потом усталостью войск и шесть недель не беспокоил Раевского. Только в конце мая, удостоверясь, что к Раевскому не приходит помощь, граф Клингспор двинулся вперед. Раевский, не имея продовольствия, должен был отступить к Вазе и 5 июня остановился в Лиль-Кирке [1368], в 18-ти верстах от сего города. Между тем единственная надежда Раевского на доставление своему отряду продовольствия исчезла. Граф Клингспор шел берегом, а полковник Фияндт с отрядом партизан действовал на правом фланге Раевского, зашел в тыл, захватил русский магазин и взбунтовал всех жителей в тыле нашего отряда. Все сообщения Раевского были прерваны, и он не имел ни хлеба, ни подвод для перевозки больных и тяжестей. Наши малые отряды и посты были захватываемы и беспощадно умерщвляемы. Но как граф Клингспор шел медленно, ожидая высадки шведских войск, то граф Буксгевден думал, что он пошел на Куопио, и приказал Раевскому начать наступательные дей-

ствия. Еще Раевский не успел одуматься, как шведы уже сделали две высадки у Або и у Ва-зы[1369], а граф Клингспор атаковал авангард Раевского. Не стану описывать подробностей, которых сам я не был свидетелем[1370]. После жестокой борьбы десанты были отбиты, но Раевский принужден был отступить перед неприятелем, более нежели вдвое его сильнее, и притом окруженный со всех сторон шведскими партизанами. Для открытия сообщения между Барклаем-де-Толли послан был внутрь края полковник Властов с 24♦м егерским полком, которому удалось разбить (21 июня) партизан Фияндта под Линдулаксом [1371]. Раевский двинулся вперед, вытеснил неприятеля из Лаппо-Кирки[1372] и остановился. Здесь атаковал его граф Клингспор, и 2 июня произошло памятное сражение[1373], в котором русские, оказав чудеса храбрости, должны были уступить числу. Во время наступления Раевского шведские партизаны с восставшими крестьянами бросились в тыл его отряда, жгли мосты, раскапывали дороги, уводили лодки от берега и отрезали его от всех сообщений, от всякой помощи. Войско

было без хлеба, изнурялось от голода, питаюсь почти исключительно грибами. Даже боевых снарядов оставалось немного. Положение было отчаянное, и Раевский, достигнув до кирки Алаво, собрал на военный совет всех своих генералов и полковников, изложил состояние дел и требовал решительного мнения. Положено было отступить к Тавастгузу, и 12 июля отряд Раевского выступил в поход.

Во время отступления Раевского к Лаппо случились два происшествия, наделавшие тогда много шуму. 12 июня[1374] шведский десант в 2 000 человек под начальством полковника Бергштраля вышел на берег для овладения Вазою. Шведы схватили первый русский пикет, и полковник Бергштраль, послав малый отряд прямо на Вазу, сам с главными силами обратился внутрь края по дороге к Лиль-Кирке. Генерал-майор Демидов, не имея положительных известий о движении шведов, пошел со всею своею силою противу малого шведского отряда к Сведбю[1375], оставя только две роты для охранения города, и, пока шведы отступали на этом пункте, Бергштраль обратился на проселочную дорогу и

вступил в город. Узнав об этом, Демидов воротился и повел атаку на город, в котором шведы успели уже утвердиться. Жители соединились с шведами. Число русских и шведов было почти равное, но шведы имели то преимущество, что защищались в закрытых местах и имели на своей стороне жителей, которые стреляли в русских из окон и бросали все, чем можно было повредить человеку. Штыками русские очищали дома и улицы, и после жестокого боя, продолжавшегося пять часов сряду, шведы начали отступать. Тогда Бергштраль, собрав резерв, бросился в штыки, но был ранен и взят в плен, и это решило участь того дня. Шведы обратились в бегство, к судам своим, и отплыли. Наши взяли в плен 17 офицеров, 250 солдат и одно орудие.

Наши солдаты были ожесточены противу жителей, сражавшихся вместе с шведскими солдатами, и во время общей суматохи, врываясь в дома для изгнания неприятеля, *подняли город на царя*, как говорили в старину, т. е. разграбили богатейшие дома и лавки[1376]. Многие из сопротивлявшихся жителей были убиты, и нельзя было избежать, чтоб при

этом не произошло каких-нибудь покушений противу женского целомудрия. Когда жители края принимают участие в войне, то всегда должны ожидать жестокой мести. Таковы последствия каждой народной войны! Шведские и английские газеты возопили противу варварства русских, утверждая, что Демидов *приказал* грабить, убивать и насиловать и что русские умерщвляли женщин и детей. Вазу сравнивали с Прагою[1377]. Все это было несправедливо. Демидов *вовсе не приказывал* грабить, но как солдаты дрались толпами, отдельно, во многих местах без офицеров, и должны были брать приступом дома, то и невозможно было наблюдать за порядком. Женщин и детей *вовсе не убивали*, а убивали взрослых мужчин, противившихся и вооруженных. Все это подтверждено одним из правдолюбивейших людей, какие когда-либо были в России, покойным князем Дмитрием Владимировичем Голицыным, посланным тогда для произведения следствия. Оправдать этого несчастного события невозможно и не должно, а можно только сожалеть о нем, извиняя наших солдат ожесточением в битве.

Кто видел, как берут города с боя, когда жители сопротивляются вооруженною рукою, тот легко поймет невозможность удержать в порядке разъяренных солдат, сражающихся врассыпную.

Впрочем, поступки жителей некоторым образом извиняли месть русских. Десантное шведское войско привезло с собою многие тысячи прокламаций к финскому народу от имени короля, возбуждавшего всех жителей к восстанию и истреблению русских всеми возможными средствами, как разбойников или диких зверей. Пасторы проповедовали в церквах и в поле, что даже частное убийство неприятеля дозволено для защиты отечества, и подкрепляли свои речи примерами из Ветхого Завета. Бунт усилился, и береговые жители, коренные шведы, восстали сильными толпами и отчаянно нападали на наши малочисленные отряды. Первою жертвою неистовства разъяренной черни были наши храбрые лейб-казаки из отряда графа Орлова-Денисова. Семьдесят человек лейб-казаков захватили поселяне врасплох на морском берегу и мучительно умертвили. Я сам видел яму, в

которой под грудю угольев найдены кости наших несчастных казаков. Говорят, что поселяне бросали в огонь раненых вместе с мертвыми. Некоторые пикеты, явно атакованные, защищались до крайности, но были взяты превышающею силою бунтовщиков и изрублены топорами в мелкие куски. Находили обезглавленные трупы наших солдат, зарытые стоймя по грудь в землю. Изуродованные тела умерщвленных изменнически наших солдат висели на деревьях у большой дороги. Народная война была в полном разгаре. Усмирить бунтовщиков было невозможно. Граф Орлов-Денисов, наблюдавший внутренность края, не имел на то достаточных сил и сам был в крайней опасности. Он хотел выйти на береговую дорогу, но взбунтованные крестьяне отрезали ему путь к Вазе и заставили его отступить. Он остановился между Христиненштадтом и Биернеборгом[1378]. Самый большой вред наносили нам солдаты Свеаборгского гарнизона, распущенные по домам и обязавшиеся в силу капитуляции не поднимать оружия противу русских. Эти солдаты предводительствовали толпами крестьян и даже

принуждали многих силою оставлять дома и сражаться с русскими. Граф Орлов-Денисов, получив подкрепление, стал действовать противу партизанов и объявил, что каждый из этих солдат, взятый с оружием в руках, будет повешен как изменник и каждый крестьянин, уличенный в бунте, – расстрелян. Исполнение этой угрозы вскоре последовало после объявления. Захваченных в плен солдат бывшего Свеаборгского гарнизона вешали на деревьях, на большой дороге и при кирках, с надписью: «За измену»; но из крестьян расстреливали только самых ожесточенных и начальников шаяек. Прочим брили голову и отсылали в Свеаборг в крепостную работу.

Самый опасный враг, нанесший нам более прочих вреда, был партизан Рот (Root), родом финляндец, унтер-офицер Биернеборгского полка. Он начал свои действия в тыле корпуса Раевского только с сорока солдатами, самыми отчаянными из всей армии графа Клингспора и знавшими притом все местности, а потом вошел в сношения со всеми взбунтованными шайками, сделался их предводителем и распоряжался их движениями.

Забирая все транспорты с съестными и боевыми припасами, высылаемые к Раевскому, он довел его корпус до отчаянного положения, замедляя его отступление истреблением мостов, переправ и порчей дорог. Роот первый вызвал солдат бывшего Свеаборгского гарнизона на поле битвы, убедив их в ничтожности данного ими обещания не сражаться с русскими. Роот был везде и нигде, переезжая беспрестанно с места на место по озерам и проходя тропинками чрез леса и болота. Он едва не взял города Таммерфорса в тылу нашей армии, где был склад наших запасов и парки, и только необыкновенное мужество майора Юденева, охранявшего город с двумя ротами Петровского мушкетерского полка, спасло корпус Раевского от величайшего бедствия, которое должно было бы его постигнуть по истреблении запасных магазинов и парков.

Курьеры, посылаемые от Раевского к главнокомандующему с донесениями, что он не только не может действовать наступательно, но принужден ретироваться, были перехватываемы шведскими партизанами, а граф

Буксгевден с полною уверенностью на успех ожидал в Або известий о начале совокупного действия Баркляя-де-Толли и Раевского противу графа Клингспора. В исполнение повелений главнокомандующего Барклай-де-Толли выступил из Куопио на третий день после его занятия, оставив в городе шефа Низовского мушкетерского полка генерал-майора Рахманова с его полком, Ревельским мушкетерским, батальоном гвардейских егерей, одною ротою гвардейской пешей артиллерии, одним эскадроном улан (именно нашим, т. е. командирским) и двадцатью донскими казаками. Сам Барклай-де-Толли пошел, для совокупного действия с Раевским, с полками: Лейб-гренадерским, Азовским мушкетерским, 3-м егерским, полуроотою артиллерии, четырьмя эскадронами нашего полка и сто пятьюдесятью казаками[1379].

Спрашиваю: мог ли Рахманов с неполными тремя тысячами человек исполнить поручение Баркляя-де-Толли, основанное на предписании графа Буксгевдена? Ему приказано было охранять сообщения с Россиею, удерживать Куопио до последней крайности, устра-

шать неприятеля предприятиями к переправе чрез озеро, а если удастся, набрать лодок у жителей, нападать на заозерную позицию Сандельса у Тайволы[1380] и по прибытии канонирских лодок[1381] из озера Саймы в озеро Калавеси решительно переправиться чрез озеро, разбить Сандельса, овладеть Тайволой и наконец открыть сообщение с так называемым Сердобольским отрядом, т. е. с генерал-майором Алексеевым, шефом Митавского драгунского полка, выступившим из Сердоболя в Карелию только с четырьмя эскадронами драгун и 150-ю казаками для усмирения этого обширного, лесистого и болотистого края! Дела невозможные!

Кажется, будто граф Буксгевден почитал наших солдат бессмертными или, по крайней мере, неуязвимыми и одаренными тройною силою противу неприятеля, поручая генералам такие дела к исполнению! Забывал он также, что самый мужественный человек требует пищи. Разъезжая по берегу между Гельсингфорсом и Або или живя в одном из этих городов, граф Буксгевден не видел настоящей нужды войска, не имел надлежащего

понятия о положении дел и до последней минуты своего командования был твердо убежден, что шведы не намерены держаться в Финляндии и станут отступать при нашем сильном натиске. Донесения наших отрядных начальников о восстании жителей и о вреде, наносимом ими, почитал граф Букстевден преувеличенными, приписывая их успехи нашей неосторожности, не обращая никакого внимания на местность, благоприятную для партизанских действий, хотя в донесениях государю сравнивал Финляндскую войну с *Вандейскою*[1382].

Генерал-майор Рахманов, человек пожилой, старый служивый, храбрый и опытный воин, хотя и не стратег, чувствовал, что данная ему инструкция не может быть исполнена; но он решился защищать Куопио до последней капли крови и не скрывался в этом. Собрав штаб-офицеров и начальников рот, он сказал им без обиняков: «Господа, внушите своим солдатам, что у нас нет другой ретирады, как в сырую землю. Отступать некуда ни на шаг. Если шведы нападут на нас, мы должны драться до последнего человека, и кто где

будет поставлен – тут и умирай!» Рахманов говорил людям, которые понимали его, и офицеры передавали слова генерала воинам, которых эти слова радовали, вместо того чтоб привести в уныние. Никогда я не видал таких отличных полков, каковы были Низовский и Ревельский пехотные, 3♦й егерский (полк Баркляя-де-Толли) и лейб-егерский батальон. Не только у Наполеона, но даже у Цезаря не было лучших воинов! Офицеры были молодцы и люди образованные; солдаты шли в сражение, как на пир, дружно, весело, с песнями и шутками.

На изгибе мыса, на котором стоит Куопио, была мыза, прозванная нами по цвету господского дома *желтою мызою*. Тут поставлен был с ротою Низовского полка капитан Зеленка, человек необыкновенной храбрости, одаренный высшим военным инстинктом. Он знал важность своего поста, потому что шведы, овладев *желтою мызою*, зашли бы нам в тыл, и потому решился защищать свой пост до последней капли крови. Однажды, когда я приехал к нему с разъездом, он сказал мне шутя: «Я хотя и не Леонид, но стою в Фер-

мопилах[1383], и меня *вынесут* отсюда, но *не выгонят!*» С такими офицерами можно отваживаться на смелые предприятия в войне. Но наша отвага переливалась уже чрез край!

На третий день по выходе Баркляя-де-Толли полковник Сандельс, собрав множество рыбацких лодок, посадил на них своих солдат и атаковал Куопио с двух сторон, с северной и от *желтой мызы* (10 июня). Капитан Зеленка мужественно встретил неприятеля и, послав одного казака к Рахманову просить помощи, бросился вперед на шведов, шедших кустарниками, оставив один взвод для защиты *мызы*. Шведов было втрое более, но они приведены были в замешательство движениями Зеленки и полагали, что шпионы ложно их известили о числе русских, занимавших *желтую мызу*. Зеленка между тем велел оставшимся солдатам лазить по крыше дома, чтоб шведы видели издали, что у него есть резерв. Шведы завязали перестрелку в кустарниках и не напирали сильно на Зеленку. Между тем полковник Потемкин с лейб-егерским батальоном вышел навстречу Сандельса, на северную оконечность мыса, и ударил в

штыки. Храбрые лейб-егери бегом устремились на шведов и, выстрелив залпом, с криком «ура!» бросились, как отчаянные, в их ряды. Шведы не устояли и побежали к своим лодкам. Лейб-егери остановились только для того, чтоб зарядить ружья, и погнались за шведами, которые, сев поспешно в лодки, отчалили от берега. Два наших взвода шли за егерями, а два посланы были на помощь Зеленке; но мы не могли атаковать шведов, потому что местность не позволяла, и были только свидетелями, под градом пуль, чудного мужества наших товарищей. От *желтой мызы* шведы также отступили после неудачи на северной оконечности мыса. Зеленка преследовал их до берега.

Сандельс скрылся с своею флотилиею между заламами[1384] лесистого берега, и 13 июня вышел на берег близ Варкгауза, и напал на отряд Азовского пехотного полка, сопровождавшего транспорт. Азовцы защищались храбро, но должны были уступить числу, и Сандельсу удалось отбить до 75-ти подвод с мукою. Потеря для нас была тем важнее, что открывала ненадежность наших сообщений с

Нейшлотом, откуда мы ожидали продовольствия, не имея возможности охранять путь. Лодок у нас вовсе не было.

Набрав еще более лодок во время своей экспедиции на Варкгауз, Сандельс почти со всеми своими силами и с толпами вооруженных крестьян атаковал Куопио 15 июня. День был туманный, и на озере нельзя было видеть ничего в десяти шагах. Сандельс пристал к скалистому берегу, поросшему кустарником, в южном заливе мыса. Наши посты тогда только увидели неприятеля, когда они уже были у самого берега. Некоторые наши пикеты были отрезаны и бросились в лес, другие завязали перестрелку. Несколько казаков прискакали в город с известием, что на нас идет, по казацкому выражению, «*видимая и невидимая сила*».

Оставив в городе только караул и пикеты на берегу озера, Рахманов вышел за город со всем своим отрядом противу этой *видимой и невидимой силы*. Число неприятеля было нам неизвестно, но мы знали, что к Сандельсу сходятся толпами лучшие стрелки из северного Саволакса и Карелии и, как носились слухи,

более двух тысяч этих охотников уже было под знаменами Сандельса. Я был послан со взводом для прикрытия свитского офицера, долженствовавшего рассмотреть, какое направление берет неприятель. Подъехав к скалистому берегу, верстах в трех от города, свитский офицер и я взобрались на скалу и увидели множество лодок, причаливших на большое расстояние к берегу, и шведов, шедших в нескольких колоннах по направлению к северо-западу, чтоб выйти на дорогу, ведущую к Куопио. Толпы стрелков шли впереди колонн, враспынную. Неровное местоположение, овраги, холмы и кустарники то скрывали, то открывали перед нами неприятеля, и мы в тумане не могли определить числа его, но заключали, что шведов и крестьян было не меньше трех тысяч человек. Туман между тем поднимался, и шведские стрелки, увидев нас, бросились вперед, чтоб отрезать нас от Куопио. Мы поскакали в тыл и встретили наш отряд уже в версте от шведов. Рахманов выслал стрелков и стал фронтом перед перевалом, соединяющим с твердою землею мыс, на котором построен город. Началось де-

ло, продолжавшееся с величайшею упорностью с обеих сторон в течение более пяти часов. Нам шло о существовании. Если б шведы вогнали нас в город, то нам надлежало бы или сдаться, или выйти из города по телам неприятеля, пробиваясь штыками, потому что у нас вовсе не было провианта. Избегая блокады в городе, в случае неудачи нам должно было бы броситься в леса, внутрь Финляндии, и идти вперед наудачу для соединения с Барклаем-де-Толли или Раевским, не имея никаких известий о их направлении. Рахманов приказал объявить солдатам о нашем положении и о надежде своей на их мужество. «*Не выдадим!*» – закричали лейб-егери, смело идя вперед. Соревнование сделалось общим. Едва ли когда-либо дрались с бóльшим мужеством и ожесточением! Капитан Зеленка, получив подкрепление, защищал *желтую мызу* с величайшим упорством противу тройного числа неприятеля, и когда Рахманов уверился, что этот важный пост крепко держится, то, не опасаясь уже обхода, велел Низовскому полку и лейб-егерям ударить в штыки, оставшись сам в резерве с частью Ревельского полка. На-

ши отчаянно бросились на шведов, которые, однако ж, устояли при первом натиске. Тут началась резня, почти рукопашный бой, и шведы наконец уступили нашим. Местоположение позволило выдвинуть вперед наши пушки, и картечи довершили поражение. Шведы обратились к своим лодкам, отстреливаясь и преследуемые нашими на полружейный выстрел. Нашим удалось по камням и оврагам перетащить две пушки на берег. Эти пушки сильно вредили шведам в то время, когда они садились в лодки. Мы провожали их и на озере ядрами и несколько лодок разбили и потопили при громогласном «ура!» на берегу.

В этом деле отличились в нашем отряде все, от первого до последнего человека, но честь победы принадлежит Низовскому полку и лейб-егерям, сломившим шведскую линию штыками и принудившим шведов к отступлению пылкостью своего наступления и стойкостью. Только тяжело раненные оставались на месте, там, где упали, а кто мог идти, шел вперед, раненный и окровавленный. Когда шведы уже отплыли, тогда только стали

искать тяжелораненых на поле битвы и выносить на большую дорогу.

Победа была полная, но кроме того, что мы охранили Куопио, она не принесла нам никакой существенной пользы, и Рахманов был не в состоянии исполнить других поручений Барклая-де-Толли. Нельзя было и думать о нападении на шведскую позицию у Тайволы, не имея ни одной лодки; сообщения наши с Россией были прерваны, и мы ничего не знали о Сердобольском отряде. Сандельс оставил вооруженные толпы крестьян в лесах, вокруг Куопио, под начальством шведских офицеров, приказав им истреблять наших фуражиров и наши отдаленные посты и непрерывно тревожить нас в Куопио. Эти партизаны отлично исполняли свое дело. Недостаток в съестных припасах заставлял нас высылать на далекое расстояние фуражиров, чтоб забирать скот у крестьян, отыскивая их жилища в лесах, и каждая фуражировка стоила нам несколько человек убитыми и ранеными. Отдельные посты были непрерывно атакуемы, и половина отряда капитана Зеленки день и ночь была под ружьем. Почти каждую ночь в

Куопио была тревога, и весь отряд должен был браться за оружие. Крестьяне подъезжали на лодках к берегу; в самом городе стреляли в часовых и угрожали ложною высадкою. Не зная ни числа, ни намерения неприятеля, нам надлежало всегда соблюдать величайшую осторожность. Голод и непрерывная тревога изнуряли до крайности войско. Госпиталь был полон.

Уланы и казаки содержали разъезды, и я почти чрез день проводил ночь за городом на коне. Но и все офицеры нашего отряда проводили бессонные ночи, не раздеваясь и отдыхая только днем. В моей квартире по-прежнему было общее собрание офицерства. Нужды не знал я в Куопио, и непрерывная деятельность была мне не в тягость. Мы проводили время весело, в офицерском кругу, хладнокровно рассуждали о нашей будущей участи, не предвидя ничего, кроме смерти в бою, если нас оставят надолго в этом положении.

В этой непрерывной тревоге и сражениях прошло шесть дней, и на седьмой день Барклай-де-Толли, получив от Рахманова верное изображение нашего положения, возвратил-

ся в Куопио (17 июня). Трудно описать радость, какую мы ощутили, увидев помощь!

Барклай-де-Толли подвергнулся упреку, что, не исполнив предписания главнокомандующего, приказавшего ему действовать во фланг графу Клингспору, когда Раевский будет действовать с фронта, он расстроил весь план к изгнанию шведов из Финляндии летом 1808 года и, дав Клингспору время и средства потеснить Раевского, довел его до крайности и продлил войну. Правда, что Барклай-де-Толли не исполнил приказания главнокомандующего, потому что не мог исполнить и действовать по плану, начертанному в кабинете главнокомандующего, без малейшего соображения обстоятельств, без всякого внимания на положение северо-восточной Финляндии, т. е. Саволакса и Карелии. Легко было главнокомандующему, разложив карту Финляндии, играть в стратегию, как в шахматы; но Финляндия была не спокойная и безмолвная шахматная доска, и возмущенный народ – не пешки!

Барклай-де-Толли, выступив из Куопио для действия по плану главнокомандующе-

го, пошел по большей дороге, соединяющей Куопио с Гамлекарлеби (т. е. с морским берегом). 10 июня Барклай-де-Толли прибыл к кирке Рауталамби, лежащей в семидесяти пяти верстах от Куопио, между озерами Конивеси и Кивисальми. Здесь дорога идет чрез проливы озер. При селении Тохолакс, на широком проливе находился перевоз, а на двух меньших проливах, образующих остров при селении Кивисальми, были два моста. Полковник Сандельс, который для того только и выслан был в Куопио, чтоб сделать нам диверсию, т. е. разделить наши силы и воспрепятствовать совокупно действовать противу графа Клингспора, употребил все зависящие от него средства для удержания Барклай-де-Толли в походе. Он дал приказание своим партизанам (образовавшимся из отрезанного нами шведского арьергарда во время преследования Сандельса до Куопио) истребить переправу и мосты на озерах Конивеси и Кивисальми, перекапывать дорогу, зажигать леса по обеим сторонам узкой дороги и перехватывать или умерщвлять наших фуражиров. Барклай-де-Толли, прибыв в Рауталам-

би, должен был остановиться. Хотя большая часть лодок на озерах была угнана к северу, но Барклай успел переправить свой авангард в челноках чрез озера и велел ему ждать всего отряда в селении Койвиста, в 79-ти верстах от первой переправы при Тохолаксе, занявшись между тем устройством переправы чрез озера для всего отряда.

В это время Барклай-де-Толли получил самое отчаянное донесение от Рахманова из Куопио. Рахманов извещал, что отряд его находится в крайности, без продовольствия, и что он не может удержать сообщений с Нейшлотом на расстоянии 180-ти верст, потому что Сандельс сильнее его и беспрестанно угрожает Куопио, и что нельзя ослаблять отряда высылкою партий для провожания подвижных магазинов, которые подвергаются опасности быть взятыми шведами, как то уже и случилось при Варкгаузе. Рахманов изъявлял даже опасение насчет Куопио, донося, что у него скоро не останется патронов и что отряд его может погибнуть в развалинах города, мужественно защищаясь, но едва ли в состоянии будет долго держаться и отбивать неприятеля.

ля. Барклай-де-Толли рассудил, что если Сандельсу, которого он почитал сильнее Рахманова, удастся вытеснить наших из Куопио, то весь правый фланг армии будет открыт, граница наша не защищена и восстание в самой воинственной части Финляндии примет новую силу, и вследствие этих соображений решился взять на свою ответственность неисполнение предписания главнокомандующего. Выслав авангард свой, состоявший из части Азовского мушкетерского, 24-го егерского полков и сотни казаков под начальством полковника Властова, на помощь Раевскому, Барклай-де-Толли возвратился с остальной частью своего отряда в Куопио, учредив посты между этим городом и Варкгаузом для удержания партизанов от нападений на наши подвижные магазины. Лейб-гренадерский полк и три эскадрона нашего полка остались на этих постах, которыми командовал генерал Лобанов.

Барклай-де-Толли вступил в Куопио ночью, уже по пробитии вечерней зари, с 17 на 18 июня. Войско расположилось на биваках за городом и развело огни. Светлая северная

ночь омрачена была сильным туманом. Прибытие штаба и множества офицеров в город произвело некоторую суматоху. Кто искал для себя квартиры, кто отыскивал знакомых, товарищей; на улицах стояли повозки и лошади; для больных искали помещения и т. п. У меня на квартире собрание офицеров было обыкновенное. К ужину подали целого жареного барана, которого я накануне купил за два червонца у казака. Мы веселились, шутили, между тем как уланы вносили в соседнюю залу солому, где я располагал уложить моих гостей на отдых... Вдруг раздался пушечный выстрел, и стекла в окнах задрожали... другой выстрел, третий, четвертый... потом ружейные выстрелы... Мы отворили окна – выстрелы раздавались на озере и за городом, а в городе били тревогу... Все гости мои побежали опророметью к своим полкам и командам; я велел поскорее седлать лошадь и поскакал на наше сборное место, к кирке. Эскадрон уже строился. Это был полковник Сандельс, который, пользуясь туманом, прибыл из Тайволы, чтоб пожелать нам доброй ночи и спокойного вечного сна! Устлав досками несколько лодок,

соединенных бревнами, он таким образом устроил две плавучие батареи и, посадив весь свой отряд на лодки, атаковал Куопио с трех сторон: с *желтой мызы*, с южной стороны перешейка и у самого северного предместья, перед которым находится лес. Весь наш отряд выступил из лагеря, и Барклай-де-Толли, не зная, где неприятель и в каком числе, выслал батальоны на те места, где завязывалась перестрелка с нашими передовыми постами и где предполагали найти неприятеля. Из пушек, поставленных на берегу, стреляли неудачу. На большой площади поставлен был резерв в сомкнутой колонне, с двумя пушками. Ружейные выстрелы гремели вокруг города. Везде была страшная суматоха, везде раздавались крики и выстрелы, и ничего нельзя было видеть, кроме ружейного огня...

Наконец с утреннею зарею рассеялся туман, и Барклай-де-Толли, проскакав по всей линии, тотчас распорядился. К *желтой мызе* послана была немедленно помощь. Нашего полка эскадрон князя Манвелова поспешил туда на рысях, взяв на каждую лошадь по одному егерю 3-го Егерского полка. Противу

главной силы шведов, ломившихся в город с правой стороны Куопио, выступил сам Барклай-де-Толли с частями Низовского и 3-го егерского полков и двумя пушками. Полк Ревельский мушкетерский, лейб-егерский батальон и наш эскадрон составляли загородный резерв.

Битва кипела с величайшим ожесточением на всех пунктах. Перед нами, в лесу, была сильная ружейная перестрелка. Низовский мушкетерский и 3-й егерский полки при всей своей храбрости не могли противостоять шведам в стрелковом сражении и враспыленную, в лесу. Саволакские стрелки и даже вооруженные крестьяне, охотники по ремеслу, имели перед нашими храбрыми солдатами преимущество в этом роде войны, потому что лучше стреляли и, привыкнув с детства блуждать по лесам и болотам за дичью, были искуснее наших солдат во всех движениях. При том же туземцы знали хорошо местность и пользовались ею. Шведы имели несколько маленьких пушек, или фальконетов (без лафета), которые они носили за стрелковою цепью и, положив их на камни, стреляли в на-

ших картечью, когда наши собирались в кучу. Постепенно выстрелы раздавались ближе, и наконец наши стрелки начали выходить из большого леса на то пространство, где стоял резерв.

Это пространство, между городом и лесом, версты в три в длину покрыто было в разных местах кустарником и усеяно огромными камнями. Выходящим из леса нашим стрелкам приказано было строиться впереди обоих флангов резерва так, чтоб перед центром, где стояли наши две пушки, было чистое место. Вскоре выбежали и саволакские стрелки из леса, а за нами вышли шведы в колонне. Они были встречены ядрами. Это их не устрасило, и они с криком «ура!» [1385] бросились в штыки на наши пушки и на резерв. Пушечные выстрелы не удержали их. Лейб-егери, предводимые своим храбрым полковником Потемкиным, пошли им навстречу шагом, вовсе не стреляя. За ними Ревельский мушкетерский полк, а Низовский и 3^й егерский полки между тем строились на флангах под неприятельскими выстрелами. Наши пушки свезли за фронт, под прикрытием нашего эс-

кадрона. Лейб-егери приблизились к шведской колонне саженой на тридцать, остановились, по команде своего полковника выстрелили залпом и бросились бегом вперед с прижатыми штыками, как на ученье, с громким «ура». Тут началась резня в полном смысле слова! Ревельский полк поддерживал атаку лейб-егерей; Низовский и 3-й егерский полки удерживали напор шведов на флангах. Шведы не устояли противу лейб-егерей и побежали. Наши пушки снова загремели, провожая бежавших рикошетными выстрелами. Шведы скрылись в лесу, преследуемые нашими. В это самое время Барклай-де-Толли двинул 3-й егерский полк по берегу, на самом правом фланге, к шведским лодкам. Резерв, бывший в городе с двумя пушками, также быстро бросился на берег, и шведы, опасаясь за свои лодки, побежали к ним. Из плавучих батарей стреляли они в нас ядрами, а потом картечью; но наши шли вперед, бросаясь в штыки каждый раз, когда шведы останавливались. Лейб-егери были впереди.

На всей шведской линии ударили отбой. Шведы в беспорядке бросались в лодки, отча-

ливали от берега и прятались от наших пушечных выстрелов за островками, которыми усеяно озеро перед Куопио. В 10 часов утра не было уже ни одного шведа на берегу, и мы с торжеством возвратились в город. Наш эскадрон хотя не ходил в атаку, потому что местность не позволяла, но подвергся опасности наравне с прочими полками. Мы были на такое близкое расстояние от шведов, что различали черты лица их офицеров, бывших всегда впереди.

Сандельс, напав на Куопио со всеми своими силами, не знал, что Барклай-де-Толли возвратился в город в ту же ночь. Трудно сказать, чем бы кончилось это нападение, если бы оно произведено было прежде прибытия в Куопио Баркляя-де-Толли. Хотя бы Рахманову и удалось удержать город, то все же нам было бы плохо.

Лейб-егерский батальон в *третий* раз был главным виновником победы и удержания Куопио, и ему отдана была полная честь в приказе по корпусу.

После этого Сандельс уже не возобновлял нападений на Куопио, достигнув своей цели,

а именно воспрепятствовав Барклаю-де-Толли действовать на фланге графа Клингспора, и таким образом дал средства главному шведскому корпусу оттеснить операционный корпус генерала Раевского до нашей последней точки опоры.

Я уже говорил, что не только в России, но и в целой Европе Тильзитский мир почитали только *перемием*. Император Александр старался приблизить к себе иностранцев, пользовавшихся военною репутациею, имевших связи в своем отечестве с значительнейшими фамилиями, противными порядку вещей, вводимому Наполеоном в покоренных им странах. В числе этих иностранцев был маркиз Паулуччи, принадлежащий к одной из древнейших и знатнейших моденских фамилий. Он был принят в этом году из австрийской службы в русскую службу полковником и пользовался особенною милостью и доверенностью государя. Получая непрерывные донесения от графа Буксгевдена о невозможности покорить Финляндию с такими малыми силами и о бедственном состоянии войска, претерпевавшего голод и всякого рода

нужду, государь император выслал полковника маркиза Паулуччи в Финляндию для проверки всех донесений главнокомандующего, для исследования причин наших неудач, для осмотра состояния войска и для изыскания способов к продовольствию войск местными средствами. Маркиз Паулуччи крайне удивился положению войска. Всего русского войска в Финляндии (до половины июня) было 26 000 человек, разбросанных малыми отрядами [1386] на расстоянии 570♦ти верст между Або и Куопио. И эти 26 000 человек должны были содержать в повиновении более миллиона жителей, непрерывно возбуждаемых к восстанию, на пространстве 3 000 квадратных верст, в стране, пересекаемой озерами, болотами, лесами и скалами, омываемой с одной стороны морем, соединяющим Финляндию с Швецией, имея противу себя шведский корпус графа Клингспора в 13 000 регулярных войск и до 6 000 вооруженных крестьян, толпы партизанов во всех местах и ожидая непрерывно шведских десантов на всем берегу. Это была еще половина беды: злейший наш враг был голод. Из Петербурга непрерывно

высылали хлеб, а к войску его доставляли весьма редко. В подводах был совершенный недостаток, а кроме того партизаны, как я уже говорил, беспрестанно отбивали транспорты по слабости их прикрытия. Хуже партизанов были наши провиантские чиновники, как свидетельствует и наш знаменитый военный историк А. И. Михайловский-Данилевский, приводя пример (см. «Описание Финляндской войны 1808 и 1809 годов», глава X, стр. 203), что в кулях, присылаемых из Петербурга, вместо муки находили мусор! Это совершенная правда. Наказание, которому император Александр подвергнул весь провиантский штат за злоупотребления в кампании 1806 и 1807 годов, лишив его военного мундира, вовсе не подействовало к исправлению провиантских чиновников. Было еще и хуже, чем кули с мусором! Провиантские чиновники рады были, когда шведы отбивали подвижные магазины, потому что тогда они избегали всех проверок, расчетов и отчетов. Только на морском берегу солдаты получали иногда хлеб. Кавалерийские лошади вовсе отвыкли от овса, и даже травы не всегда можно

было достать вдоволь. Был также крайний недостаток в обуви и в боевых зарядах. Словом, наша армия была в самом дурном положении во всех отношениях, и все недостатки заменяла храбрость. Наши голодные солдаты, питаясь почти исключительно грибами и изредка лакомясь мясом отнятого у крестьян скота, дрались везде прекрасно и были бодры и веселы.

Осматривая войско, маркиз Паулуччи приехал в Куопио несколько дней спустя после последнего сражения, когда к нам пришли семь канонирских лодок[1387] под начальством флота лейтенанта Павла Андреевича Колзакова (ныне генерал-адъютанта и адмирала). У нас исстари была флотилия, состоявшая из канонирских лодок на озере Сайме для охранения границы, которая проходила по озерам, принадлежавшим России и Швеции. Вся Восточная Финляндия покрыта озерами, которые то соединяются между собою малыми проливами, то отделяются узкими перешейками. Флотилия эта стояла обыкновенно в Вильманстранде и Нейшлоте. С величайшим трудом перевели эту флотилию на

озеро Калавеси, то перенося на руках, то перевозя на лошадях расснащенные и обезоруженные лодки по перешейкам. Сандельс выслал противу Колзакова множество вооруженных лодок, чтоб воспрепятствовать нашей флотилии вступить в озеро Калавеси из тесного пролива под Варкгаузом, но Колзаков рассеял лодки и с торжеством вошел в озеро.

Барклай-де-Толли решился атаковать Сандельса в позиции его Тайвола, за озером, и для этого маркиз Паулуччи посоветовал сделать плоты, которые бы могли поднимать по крайней мере половину роты пехоты с одною пушкою. Два плота начали строить близ моей квартиры, и работами заведовал сам маркиз Паулуччи. Он иногда заходил ко мне отдыхать в знойные дни, и тут я впервые узнал этого необыкновенного во всех отношениях человека, умного, остроумного, ученого, благородного, оказавшего России незабвенные услуги[1388]. О нем я поговорю в своем месте [1389].

Два первые плота не удались. Идея была превосходная, но исполнение не соответствовало ей. Нельзя требовать, чтоб каждый знал

ремесло, а дело мастера боится. Первый плот с полуротой егерей стал опускаться ко дну, по счастью только в тридцати шагах от берега. Люди только выкупались, и никто не погиб, а плоты остались без употребления. Маркиз Паулуччи возвратился в Петербург, и по его представлению в Куопио прибыл на почтовых корабельный мастер для постройки перевозных судов. Но пока строили суда, Барклай-де-Толли заболел и уехал в Россию, а начальство над корпусом принял генерал Тучков 1♦й, оправданный по следствию[1390].

После последней победы, одержанной нами над шведами, атаковавшими Куопио (в ночи с 17 на 18 июня), товарищи, отдохнув от трудов, собрались на вечер в наш *даровой трактир*. Нескольких из них мы недосчитались в нашем дружеском кружке. С чувством помянув погибших и пожелав скорого выздоровления раненым, все мы единодушно провозгласили здравие нашего главного начальника, который возбудил в нас удивление в этом сражении. Распоряжаясь с величайшим хладнокровием, он разъезжал спокойно под пулями и ядрами неприятельскими, как на

прогулке; ободрял солдат ласковыми словами, разговаривал с начальниками и своим спокойствием внушал всем надежду на скорую победу. Экспромтом я написал тут же, за столом, стишки, которые хотя и не имеют никакого литературного достоинства, но тогда всем понравились, потому что были *кстати* и выражали наше единодушное чувство:

*Скорее финские каменья с мест
сойдут,
Чем шведы Купио теперь у нас
возьмут.
Пусть идут против нас, хотя бы с
кораблями;
Победа верная – Барклай-де-Толли
с нами!
И с удивлением тогда увидит
свет,
Что невозможного для нас с
Барклаем нет!*

Стишки эти на другой день дошли до Барклай-де-Толли, и он пригласил меня к обеду, принял ласково и поблагодарил за *доверенность* к нему (его собственные слова). После этого я несколько раз являлся к нему после развода, и он всегда удостоивал меня ласко-

вым словом и однажды даже сказал: «Подождем, авось найдем случай отличиться. Война не кончена; еще будет много дела!» Когда мы узнали, что Барклай-де-Толли оставляет нас, офицеры и солдаты весьма грустили. Я едва не заплакал! Хотя он отъезжал в Россию по болезни, но кажется, что неудовольствие графа Букстевдена за неисполнение Барклай-де-Толли его предписания было главною причиною его удаления. Барклай-де-Толли чувствовал, что ему трудно будет служить под начальством разгневанного главнокомандующего, который, кроме того, не весьма любил его за его дружбу с Беннигсеном.

Барклаю-де-Толли поставлен в столице памятник, как Румянцеву, Суворову и Кутузову [1391]; но это награда царская, а в народе русском еще не появлялся для него историк. К Барклаю-де-Толли до сих пор все как-то холодно, хотя и признают великие его заслуги отечеству. Холодность эта происходит, может быть, оттого, что он чужеземец. Я уже сказал однажды в «Северной пчеле», что Барклай должен иметь своего Тацита [1392].

Барклай-де-Толли (Barclay of Tolly) проис-

ходил от древней и знаменитой дворянской шотландской фамилии [1393], которой члены прославились в своем отечестве на поприще наук и в войнах. Один из Барклаев оставил Шотландию во время религиозных преследований в XVII столетии и поселился в Риге [1394]. От него возник в Риге род Барклая-де-Толли. В Лифляндии и Эстляндии в старину *города* (Städte) соперничали с *земством* (Land), т. е. с оседлым дворянством, и между *городами* и *земством* часто доходило до открытой войны. Каждый город в Лифляндии до сих пор имеет свои отдельные права и привилегии, во многом не согласные с потребностями дворянства, пользующегося также отдельными правами и привилегиями. Во время этого соперничества между *городами* и *земством* образовалось в некоторых городах, особенно в Риге, Ревеле и Пернове [1395], особое высшее сословие граждан, которые называли себя *патрициями* и занимали важнейшие городские должности. Это была городская аристократия, память о которой осталась до сих пор. Фамилия Барклая-де-Толли принадлежала к этой гражданской аристо-

кратии (bürgerliche Aristocratie). Со времени присоединения Лифляндии и Эстляндии к России, когда иностранцев и вообще чужеземцев охотно принимали в русскую службу и особенно отличали, преимущественно при могущественном Бироне в царствование императрицы Анны Иоанновны, многие из остзейских граждан вступили в военную и гражданскую службу, и некоторые из них дослужились до высоких чинов. Остзейских граждан принимали прежде на правах дворян по рекомендации генералов, записывавших их в службу, и даже до половины царствования императора Александра остзейские граждане, разумеется высшего сословия, вступали в службу юнкерами по свидетельству ланд-маршала [1396] и нескольких дворян, без всяких справок. Из отставных русских офицеров и чиновников образовалось в Остзейских губерниях русское дворянство (russischer Adel), которое, однако ж, не пользуется никакими местными правами и привилегиями остзейского дворянства, если фамилия не принята в члены его и не записана в родословную дворянскую книгу, или

Matrickel.

Фамилия Барклая-де-Толли разделялась на две отрасли. Одна занималась торговлею, а другая посвятила себя государственной службе. Отец Михаила Богдановича Барклая-де-Толли (впоследствии князя и фельдмаршала) был отставной русской службы поручик. Он скончался в 1775 году[1397], оставив трех сыновей, вступивших в военную службу. Два брата не дожили до возвышения третьего[1398]. Старший скончался в чине генерал-майора, младший – в чине майора артиллерии. Среднего, Михаила, родившегося в 1761 году[1399], взял на воспитание дядя, брат его матери[1400], бригадир фон Вермелен, и записал по тогдашнему обычаю в службу в детском возрасте, в 1769 году, вахмистром в Новотроицкий кирасирский полк. В 1778 году он произведен в корнеты в Псковском карабинерном полку, в который был переведен из Новотроицкого кирасирского, и чрез восемь лет, т. е. в 1786♦м, в поручики с переводом в Финляндский егерский корпус, имея уже двадцать пять лет от рождения. Получив первый офицерский чин, Барклай продолжал зани-

маться науками под руководством своего дяди, изучал историю, военных писателей, артиллерию, инженерное дело. Лучшим доказательством того, что Барклай-де-Толли был на счету ученых офицеров, служит назначение его адъютантом с чином капитана к вступившему тогда в русскую службу генерал-поручиком принцу Ангальт-Бернбургскому, родственнику императрицы Екатерины II. С ним он отправился в блистательную Екатеринославскую армию, состоявшую под начальством знаменитого князя Потемкина, и, при первом случае отличившись, получил за штурм Очакова (6 дек[абря] 1788) Владимира 4-й степени и чин секунд-майора. Пробыв два года в турецкой армии, Барклай с своим генералом перешел (в 1790 году) в Финляндскую армию, в которой ему поручено было важное при тогдашнем устройстве войска звание дежурного майора[1401]. Здесь он также отличился при первом представившемся случае. В сражении под Пардакоски (8 апреля)[1402] он ввел в дело резерв в самую критическую минуту и восстановил битву. За отличие в этом деле он произведен в пре-

мьер-майоры. Во время действия русских войск противу польских конфедератов (1794 года) Барклай-де-Толли снова отличился и получил Георгия 4-го класса и чин подполковника с назначением командиром первого батальона Эстляндского егерского корпуса. После переименования этого батальона сперва в 24-й, а потом в 3-й егерский полк Барклай-де-Толли назначен шефом полка (в 1799) [1403] и командовал им до своего производства в генерал-лейтенанты (1807 года). Император Павел I произвел Барклая-де-Толли без очереди в полковники (в 1798) и в генерал-майоры (1799 года), и в этом чине он начал кампанию 1806 года.

Беннигсен знал Барклая-де-Толли еще с Очаковского штурма и высоко ценил его достоинства. В чудную борьбу с первым полководцем нашего времени, с Наполеоном, Беннигсен поручил Барклаю самый трудный и самый почетный пост начальника авангарда при движении вперед к Пултуску и начальника арьергарда при отступлении к Прейсиш-Эйлау. Барклай-де-Толли выполнил свое дело блистательно, содействовав славе

нашего оружия в сражении под Пултуском и выдерживая с удивительным мужеством напор целой французской армии при отступлении наших к Прейсиш-Эйлау. Будучи почти разгромлен превосходными силами неприятеля под Янковом и Ландсбергом (23 и 24 января 1807 года), он удивил и своих и неприятелей своею стойкостью и непоколебимым упорством. Жертвуя собою и своим корпусом, Барклай-де-Толли дал время нашей армии собраться за Прейсиш-Эйлау, и в знаменитом сражении под этим городом он более всех содействовал нашему успеху, защищая город с величайшим упорством[1404]. Здесь он был ранен пулею в правую руку, с раздроблением кости (26 января), и был принужден оставить армию. За Пултуск он был награжден Георгием 3-го класса, за Прейсиш-Эйлау Владимиром 2-й степени и прусским орденом Красного орла[1405], а за всю кампанию произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 6-й пехотной дивизии (9 апреля 1807 года).

В Прусской войне[1406] Барклай-де-Толли приобрел славу не только храброго, но и ис-

кусного генерала. Наполеон в Тильзите хотел знать, кто командовал русским арьергардом при отступлении к Прейсиш-Эйлау, и сказал, что это должен быть отличный генерал. И точно, все награды Барклай-де-Толли заслужил отличием. Суворовский авангардный генерал, князь Багратион, после Пултуска и Прейсиш-Эйлау питал высокое уважение к Барклаю-де-Толли и относился о нем с величайшею похвалою[1407]. С этою славой вступил Барклай-де-Толли в Финляндию и поддержал ее при наступлении на Куопио и при защите этого города.

Барклай-де-Толли был высокого роста, держался всегда прямо, и во всех его приемах обнаруживалась важность и необыкновенное хладнокровие. Он не терпел торопливости и многоречия ни в себе, ни в других, говорил медленно, мало и требовал, чтоб ему отвечали на его вопросы кратко и ясно. Хотя в это время (1808 года) ему было только сорок семь лет от рождения, но по лицу он казался гораздо старше[1408]. Он был бледен, и продолговатое лицо его было покрыто морщинами. Верхняя часть его головы была без волос, и он за-

чесывал их с висков на маковку. Он носил правую руку на перевязи из черной тафты, и его надлежало подсаживать на лошадь и поддерживать, когда он слезал с лошади, потому что он не владел рукою. С подчиненными он был чрезвычайно ласков, вежлив и кроток и, когда даже бывал недоволен солдатами, не употреблял бранных слов. В наказаниях и наградах он соблюдал величайшую справедливость, был человеколюбив и радел о солдатах, требуя от начальников, чтоб все, что солдату следует, отпускаемо было с точностью. С равными себе он был вежлив и обходителен, но ни с кем не фамильярился и не дружился. Барклай-де-Толли вел жизнь строгую, умеренную, никогда не предавался никакому излишеству, не любил больших обществ, гнушался волокитством, карточной игрой, но на разгульную жизнь молодежи смотрел сквозь пальцы, не допуская, однако ж, явного разврата. От старших требовал он примерного поведения и не доверял никакой команды гулякам. Бережливость Барклая-де-Толли была в самых тесных границах, и многие упрекали его в скупости. Мне кажется, что только один

упрек Барклаю-де-Толли был справедлив, а именно – в излишнем пристрастии к землякам своим, остзейцам. Вследствие привязанности к своей супруге (из дворянской фамилии фон Смиттен) он всегда окружал себя остзейцами и предоставлял им случаи к отличию. И то должно сказать, что они оправдывали выбор, отличаясь всегда, жертвуя охотно жизнью для славы русского оружия. Исключения так ничтожны, что о них не стоит упоминать. Мы, молодые офицеры, прозвали Барклая-де-Толли *квакером*[1409].

Барклай-де-Толли создан был для командования войском. Фигура его, голос, приемы – все внушало к нему уважение и доверенность. В сражении он был так же спокоен, как в своей комнате или на прогулке. Разъезжая на лошади шагом в самых опасных местах, он не обращал никакого внимания на неприятельские выстрелы и, кажется, вполне верил русской солдатской поговорке: пуля виноватого найдет. 3-й егерский полк обожал своего старого шефа, и кто только был под его начальством, тот непременно должен был любить своего храброго и справедливого на-

чальника. Он, однако ж, никогда не мог быть народным или популярным начальником, потому что не имел тех славянских качеств, которые восхищают русского солдата и даже офицера, именно веселости, шутливости, живости, и не любил наших родных *авось* и *как-нибудь*. Русская песня не имела для Барклай-де-Толли никакой прелести. Быстрые порывы храбрости он старался умерять, зная, что они могут повести к гибели, и приучал солдат к стойкости и хладнокровному мужеству. За нарушение военной дисциплины, за обиды жителей и за ослушание он был неумолим. У нас иногда бывает полезно некоторое фанфаронство или хвастовство, внушая солдату самонадеянность и закрывая перед ним опасность, а Барклай-де-Толли не мог терпеть никакого фанфаронства и хвастовства. Он вел войско в сражение не как на пир, но как на молитву, и требовал от воинов важности и обдуманности в деле чести, славы и пользы отечеству. Барклай-де-Толли достоин был предводить легионами Цезаря, и Плутарх или Тацит изображением его характера украсили бы красноречивые страницы своего повество-

вания.

Я не служил под начальством генерала Тучкова 1го в Куопио. Прибыв на смену Баркляя-де-Толли, он привез с собою приказание главнокомандующего выслать немедленно отряд на подкрепление корпуса генерала графа Николая Михайловича Каменского, который в то же время сменил генерала Раевского[1410]. Генерал Тучков отрядил 3^{ей} егерский полк, один батальон Низовского мушкетерского и два эскадрона нашего полка (наш, командирский, и эскадрон князя Манвелова), поручив начальство над отрядом командиру 3го егерского полка подполковнику Ивану Васильевичу Сабанееву, и мы во второй половине июня выступили из Куопио по той же дороге, по которой шел прежде Барклай-де-Толли для подкрепления Раевского[1411], а именно чрез Рауталамби и Койвисто в Сариярви[1412], для поступления в авангард графа Каменского, которым в это время командовал полковник Властов. Нам надлежало пройти около *двухсот* верст внутреннею взбунтованного края, по местам, нам все не известным, не зная даже, где находится

армия графа Клингспора и его отдельные отряды и партизаны. Когда мы вышли за город, Иван Васильевич Сабанеев перекрестился и сказал: «С нами Бог!»

IV

Тогдашнее состояние Финляндии. – Города. – Отношения Финляндии к Швеции. – Просвещение. – Образ жизни. – Дворянство и духовенство. – Нравственность народа. – Анекдот, доказывающий религиозность и высокое уважение общего мнения в финляндском народе. – Мнение большинства в дворянстве и в простом народе о войне с Россией. – Откомандировка для поимки шведского полковника Фияндта. – Лазутчик. – Добродушие наших врагов. – Политические разговоры с помещиком и с поселянами. – Поход отряда Сабанеева чрез внутренность страны из Куопио к корпусу графа Каменского. – Дружба с молодым ученым финляндским патриотом. – Надежда финского народа. – Чем кончится женский патриотизм. – Характеристика

**Ивана Васильевича Сабанеева. – Мы
примыкаем к корпусу графа
Каменского. – Вести с береговых
отрядов. – Опасности, которым
подвергались граф Буксгевден и граф
Каменский**

Взглянем бегло на тогдашнюю Финляндию. Древнее отечество финского племени, одного из многочисленнейших в мире, – Азия, от гор Уральских и восточного берега Каспийского моря до моря Охотского и Камчатки, между Ледовитым океаном и полосой гор, перерезывающих Среднюю Азию. Племя финское есть отрасль племени монгольского, как доказано даже сходством черепов[1413]. Древние югры, или угры, и гунны были, без сомнения, финские племена[1414]. До VI века по Р. Х. финны занимали все пространство средней полосы России, т. е. все страны, обитаемые ныне великороссиянами, и это доказывается финским наименованием рек и урочищ[1415]. Оттесненные славянскими племенами из средней полосы России, финские племена продвинулись на север и рассеялись ордами на всем пространстве. Исключая малого числа

шведских лопарей[1416], теперь все финские племена входят в состав народонаселения Российской империи под различными племенными прозваниями, данными им чужеплеменниками. Ижора (или ижерцы в Петербургской губернии), эстонцы (или чудь в губерниях Эстляндской и части Лифляндской), финны и карелы (в Финляндии), лапландцы [1417], чувашаи, черемисы[1418], мордва, зыряне, вогуличи, вотяки, остяки[1419] – все одного происхождения и везде сами себя называют *туземцами*. Весьма замечательно, что финское племя только в одной Венгрии, или Угрии, образовало государство, но и то в соединении с другими племенами, под руководством германцев и при помощи славян. Аттила, влача за собою смесь всех северных народов, разрушал, а не созидал государства и везде стоял лагерем. Причина этому в характере финского племени. Финны угрюмы, несообщительны, любят уединение, живут отдельно, семействами, и никогда не строят ни городов, ни больших сел. Лес и вода имеют для финна необыкновенную прелесть, и он тогда только счастлив и доволен, когда может жить

в лесу, на берегу большого озера. В глубокой древности они подчинялись родовым старшинам, но не имели никогда владык. Шведы, покорив окончательно Финляндию (в начале XIV века)[1420], построили в Финляндии города. Древнейший город в Финляндии – Выборг, основанный, однако ж, датчанами в 1229 году [1421], Кексгольм – в 1295 году, а после них Борго – в 1346 году и Або, которого время основания относится также к XIV веку[1422]. Церковь в Торнео построена в 1350 году, но селение получило право города только в 1621 году. Улеборг построен в 1605 году, Каяна [1423] в 1660♦м, Брагештадт в 1649♦м, Гамлекарлеби в 1620♦м, Ньюкарлеби в 1614♦м, Якобштадт[1424] в 1653♦м, Ваза в 1611♦м, Христиненштадт в 1649♦м, Таммерфорс в 1779♦м, Биернеборг в 1558♦м, Ньюштадт [1425] в 1617♦м, Ловиза[1426] в 1745♦м. Гельсингфорс, основанный в 1550 году, сделался значительным городом со времени покорения Финляндии русскими, а прежде был малым местечком. Свеаборг основан в 1749 году, Тавастгус в 1650♦м, Нейшлот в 1475♦м, Купо-пио в 1776♦м, Вильманстранд в 1656 году.

Как большая часть городов построена в XVII веке, то должно полагать, что с этих пор началась прочная гражданственность в Финляндии. В Новой Финляндии было в 1808 году около 1 000 000 жителей, и в городах обитало не более 60 000 душ обоего пола, почти исключительно шведов и часть финнов, усвоивших шведские язык, нравы и обычаи. Только город Або имел около 11 000 и Улеаборг до 4 500 жителей. Прочие города были тогда, как и теперь, весьма слабы народонаселением, и множество сел и деревень в России многолюднее финляндских городов.

Лучшие места в Финляндии по морскому берегу, т. е. Нюландскую губернию[1427], провинцию Остерботен (Восточную Ботнию) [1428] и Аландские острова заняли покорители края, шведы, и по мере утверждения в Швеции просвещения и гражданственности распространяли их между туземцами, по возможности. Но просвещение слабо проникало в массы туземцев по отвращению их от общезычительности, по врожденной ненависти ко всем иноплеменникам и по недостатку сообщений между рассеянными на огромном про-

странстве жителями. Только религия глубоко вкоренилась в сердцах финнов, и одни пасторы сильно действовали на умы, говоря с туземцами их языком. Это одна нравственная власть, которую финны признавали по внутреннему убеждению.

Абоский университет в течение двухсотпятидесятилетнего своего существования[1429] пролил много света в Финляндии, но более на шведов. Науки преподавались в университете на шведском языке, и хотя в школах обучали финскому языку и при университете был также лектор этого языка, но финский язык не был никогда ни официальным, ни общежительным. Изучали его люди, посвящавшие себя духовному званию и провинциальной гражданской службе. Помещики и купцы знали его из употребления. В течение времени образовалась финская литература, духовная и светская, из сочинений и переводов людей, обучавшихся в университете. Для финнов издавалась официальная газета на финском языке[1430], и все распоряжения правительства всегда издаваемы были на двух языках, шведском и финском; но все просвещение,

вся гражданственность, вся торговля и промышленность края сосредоточены были на морском берегу и в малом числе городов между шведскими переселенцами и гражданами финского происхождения, принявшими шведские нравы и обычаи. Те из образованных людей, которые теперь с гордостью или удовольствием называют себя финнами, т. е. финляндцами, тогда бы обиделись, если б их назвали финнами. Каждый, имевший притязание на образованность или на значение, называл себя шведом. Внутри края, там, где господствует финский язык, просвещение и образованность утверждены были только в дворянстве, духовенстве, чиновниках военных и гражданских. Поселяне вообще были грубы, суровы в северной и северо-восточной части Финляндии (Каянской области, Саволаксе и Карелии), невежественны почти до дикости, суеверны и мстительны до крайности. На Руси издревле ведется поверье, что все финны колдуны, и Пушкин в поэме «Руслан и Людмила» вывел на сцену Финна. Это характеризует финнов.

Швеция извлекала из этой страны вели-

кую пользу, все, что можно было извлечь, и ничем не помогала Финляндии, которая претерпевала всегда опустошения в войнах с Россией, со времени новгородского владычества на севере до Петра Великого, и истощалась в дальних войнах шведов, не приобретая никогда никаких выгод. Редукционная система [1431] при Карле XI (во второй половине XVII века) породила в дворянстве и всех властителях земли ненависть и недоверчивость к правительству, обнаруживавшуюся неоднократно, при каждом случае. Шведское правительство не заводило и не ободряло никакой фабричной и мануфактурной промышленности в Финляндии, предоставляя шведам снабжать эту страну всеми ее потребностями. Мореплавание также было в руках шведов. Подати по бедности края были велики. Финляндия доставляла Швеции строевой и корабельный лес, топливо для Стокгольма, рожь, овес, деготь, смолу, коровье масло и рогатый скот и, что всего важнее, отличнейших матросов и храбрых солдат. Земледелие было тогда на всем севере в плохом состоянии, но все же Финляндия была житницею прибрежной

Швеции.

Богатых людей было весьма мало в Финляндии, и те по большей части жили в Стокгольме, по крайней мере часть года, издерживая свои доходы вне страны. Ни в одной стране не живут так скромно и умеренно, как жили даже достаточные люди в Финляндии во время покорения русскими сей страны. Почти все дома в городах и поместьях были деревянные, самой простой постройки. Дом обыкновенно красился темно-красною водяною краскою (извлекаемою из железной руды), а ставни, ушаки[1432], двери, углы дома и крыша – черною краскою. Это единообразие и мрачное сочетание красок возбуждали в нас какое-то неприятное чувство. Мебель красного дерева с бронзой (как тогда было в моде во всей Европе) я видел только *два раза*. Паркетов вовсе не знали тогда в Финляндии. Мебель была простая, прочная, так сказать, вековая, или березовая, или дубовая, или крашеная сосновая. Картин, статуй я вовсе не видал, хотя был в богатых домах. Свежий хлеб был редкость, и его можно было достать только в городе, а пиво почиталось роскошью. Бо-

гатые и бедные ели сушеные лепешки (кнакебре), как в Швеции, и пили напиток, называемый *швадриком*, – нечто вроде кваса или слабого пива. Молоко, сушеная и соленая раба, соленое и сушеное мясо составляли обыкновенную пищу бедного и богатого. Разница была в качестве припасов и приготовлении. Достаточные и роскошные люди на пирах пили крепкие испанские и португальские вина, но вообще в гостях, даже за обедом, потчевали пуншем, теплым и холодным. Жиденький кофе пили все, даже поселяне, на морском берегу. Водки было много, потому что все крестьяне имели право гнать вино, и почти каждый из них пользовался своим правом, перегоняя в вино часть своей ржи. На морском берегу, особенно в Остерботнии, много было зажиточных поселян, которые жили в двухэтажных деревянных чистых домах. У многих были клавикорды и библиотека. Те крестьяне, которые были избраны на сейм в Стокгольме[1433], всю жизнь носили медали и были всеми уважаемы. Почти всегда избирали крестьян на сеймы из шведских переселенцев, потому что внутри края весьма немногие

знали шведский язык. Это льстило самолюбию народа, но в существе не приносило никакой пользы, и жалобы финляндцев на сейм замирали, как эхо!

Из истории Швеции видно, что шведское дворянство, вообще бедное, редко противостояло искушению, когда иностранным державам надобны были голоса на сейме. Всем памятна борьба *партии шляп* и *партии шапок* при Густаве III[1434]. Бунт в финском войске, возбужденный офицерами из финляндских дворян, когда Густав III хотел вторгнуться в пределы России (как я говорил выше), доказывает, что и в Финляндии господствовал тот же дух, что и в Швеции[1435]. Вообще финляндское дворянство не было до такой степени расположено к шведскому правительству, чтоб жертвовать для него жизнью и состоянием, и многие финские офицеры составили уже заговор в армии графа Клингспора, во время его отступления до Сикайоки [1436], для возвращения в свои семейства. Только пасторы сильно были привязаны к Швеции, и они одни удерживали народ от покорности русским и возбуждали его к защите

края и к истреблению неприятеля. Правда, дворянство и горожане вообще недоброжелательствовали тогда русским, вошедшим в страну с оружием в руках, и не желали присоединения края к России; но, исключая Вазу, горожане не вмешивались в войну, а неслужащие дворяне были еще смиреннее. Каждый трепетал за свою собственность и был рад, когда его не беспокоили и когда он мог продать что-либо на наличные русские деньги.

Вековые войны, происходившие с русскими[1437], и прежний варварский способ ведения войны укоренили в финляндцах предрассудки насчет русских. Нас почитали дикарями, почти людоедами, кровожадными и хищными, и никак не хотели верить нашему европейскому образованию, почитая всех благовоспитанных офицеров иностранцами или иноплеменными подданными России. О русском правительстве также не имели никакого понятия, представляя себе все в самом дурном и преувеличенном виде. Но при всех враждебных к нам чувствах и при общем желании остаться под шведским правитель-

ством в высшем, т. е. образованном, сословии не было той народной гордости и того патриотизма, а в простом народе того фанатизма, которыми одушевился в том же году народ испанский противу Наполеона; не было энергии, свойственной южным народам. Энтузиазм в Финляндии вспыхнул, и по мере побед наших стал затихать, и погас. В Испании, напротив, победы французов усиливали ненависть к ним и возбуждали народ к восстанию и сопротивлению.

Нравственность финляндцев вообще была безукоризненная. Примерные христиане, верные блюстители законов, твердые в слове, честные во всех своих взаимных сношениях, финны могли служить примером для гражданских обществ. И за эти похвальные качества обязаны они своему духовенству, самому просвещенному в Европе. Говоря то, что мне кажется истиною, я должен также высказать, что женский пол, особенно в среднем сословии, не разделял с мужчинами ненависти к нам и что вообще любовь разрешала тогда в Финляндии многое, запрещаемое строгою нравственностью. Но и то должно сказать,

что в уединенной, холодной Финляндии так мало развлечений, так мало забав, так все единообразно и скучно, что красавице с живым характером трудно устоять противу искушений любви. Эта слабость, однако ж, выкупается тысячею похвальных качеств. Следующий анекдот покажет самое странное смешение противоположностей.

Когда мы с Барклаем-де-Толли заняли Куопио, полковник Сандельс оставил при тюрьме караул с запиской, что он передает охранение преступников и обвиненных в преступлении русским и уверен, что начальник русского отряда отошлет к нему его солдат. Барклай-де-Толли, разумеется, отослал к Сандельсу шведский караул и поставил свой. Наряжен был в караул один из моих приятелей, офицер Ревельского мушкетерского полка. На другое утро, проходя мимо тюрьмы, я увидел его перед воротами, и он рассказом своим возбудил во мне любопытство и желание осмотреть тюрьму. Мы вошли во внутренность тюрьмы, разделенной на две половины, женскую и мужскую. Уличенные и уже осужденные преступники содержались отдельно,

В малых каморках, а в залах были только обвиненные в преступлениях и подсудимые. Стены в залах были расписаны изображениями Страшного суда, сценами адских мучений. Черты, представленные в виде рогатых и крылатых негров, жарили на вертелах и на сковородах и варили в котлах несчастных преступников и преступниц; дикие звери и гады грызли их... Живопись была хуже самого предмета! В конце каждой залы была кафедра, с которой пастор проповедовал два раза в неделю. Потолок изображал небо для раскаявшихся и сознавшихся в преступлении. Осматривая все устройство тюрьмы, я заметил между обвиненными в преступлении девушку лет двадцати, необыкновенной красоты. Между караульными солдатами был финляндец из Выборгской губернии, и я чрез него узнал, что молодая девушка обвинена в детоубийстве, но не сознается и утверждает, что на нее донес из мщения один развратный сиделец, за то, что она не хотела быть его любовницею. Красота убедительнее всякого красноречия: я поверил девушке на слово и уговорил приятеля выпустить ее на волю. Это

было легко в военное время, особенно на первых порах, когда не успели ни сосчитать содержавшихся в тюрьме, ни передать их в какое-нибудь ведомство. Приятель, такой же молодой ветреник, каким был тогда я, согласился, и мы выпустили девушку и дали ей несколько рублей на дорогу. В нашем офицерском кругу мы посмеялись этому и позабыли чрез несколько дней.

Когда в Куопио учрежден был некоторый порядок, стали наряжать офицеров для дежурства по тюрьме и по госпиталю. Пришла очередь и мне; вообразите мое удивление, когда, посетив тюрьму уже по должности, я увидел выпущенную по моей просьбе девушку! Со мною был переводчик, и я стал расспрашивать девушку.

– Кто тебя посадил снова в тюрьму?

– Я сама возвратилась.

– Зачем?

– Когда вы выпустили меня, я пошла к матери, в трех милях отсюда, но ни одна душа не хотела говорить со мною, и даже подруги отворачивались от меня. В воскресенье крестьяне не пустили меня в церковь. Мать моя

повела меня к пастору, чтоб посоветоваться, что мне делать, и пастор сказал, что только суд может выпустить меня на волю и что я прогневаю Бога и буду на всю жизнь несчастна, если избегну суда недозволенными средствами. «Если ты безвинна, – сказал пастор, – Бог откроет твою безвинность законным судьям, а если ты виновата, то земное наказание при твоём раскаянии очистит твою душу». Я безвинна и потому в надежде на помощь Божью возвратилась в тюрьму...

Это простодушие тронуло меня до глубины души. Немедленно пошел я к генералу Рахманову, рассказал ему откровенно все случившееся и просил войти в положение девушки, наказав меня за то, что я уговорил приятеля выпустить ее из тюрьмы. Добрый Рахманов также приведен был в умиление поступком девушки. Финского суда не было в Куопио, но он пригласил в Куопио того самого пастора, который внушил страх Божий девушке, и под его председательством составил комиссию из нескольких граждан, оставшихся в городе. По следствию оказалось, что девушка точно родила преждевременно мертвого младенца и

от стыда скрыла это. Помогавшая ей при родах женщина подтвердила присягою, что младенец родился мертвый, и девушку оправдали. Добрый пастор взялся уговорить своих прихожан, чтоб они простили кающуюся проступок и не чуждались ее общества, и увез ее с собою. Душевно и искренно обнял я доброго пастора и поблагодарил других членов комиссии. Наши офицеры сложили до двухсот рублей на приданое прекрасной грешнице.

Вот еще характеристические черты тогдашних финляндцев. Разнесся слух, что полковник Фияндт, командовавший отдельным отрядом на левом фланге графа Клингспора, ранен в сражении и скрывается поблизости Куопио (где он имел поместье) у своих родственников. Генерал Рахманов выслал меня со взводом к одному из этих родственников, на которого падало подозрение, что он укрывает полковника Фияндта, приказав мне взять его или, по крайней мере, удостовериться в справедливости этих слухов. Мыза этого родственника, тогдашнего нашего врага, находится верстах в двадцати от Куопио, среди лесов. Исполнение предоставлено было мое-

му юношескому благоразумию. Добрый генерал Рахманов был расположен ко мне и хотел предоставить мне случай к отличию. В руководители дан был мне гнусный шпион, неизвестно какого происхождения. Он называл себя отставным шведским офицером. Одни говорили, что он датчанин, другие уверяли, что он жид, перекрест из Гамлекарлеби. Я отправился с рассветом по проселочной дальней дороге, чрез леса, чтоб обойти мызу, приняв всевозможные предосторожности, но более всего остерегаясь моего путеводителя, которого отвратительная физиономия и ремесло возбуждали во мне ужас, недоверчивость и омерзение. Леса Финляндии навсегда остались в моей памяти; они производили во мне тогда сильное впечатление. Это самый живой образ дикости. Вековые деревья удивительной вышины и объема, сжатые в иных местах в одну массу, а кое-где редкие, позволяющие взору проникать на далекое расстояние, закрывают небо. Огромные камни и высокие скалы, покрытые мхом или поросшие кустарником, выглядывают, как привидения, из чащи леса. Тут глубокие овраги и лощины, да-

лее красивые лужайки, орошаемые ручьями ключевой воды. При безветрии тишина лесов изредка прерывается криком или перелетом птиц или шелестом, производимым крупным зверем, а при порывах ветра слышится шум, как от взволнованного моря; во время бури страшный вой вихря и треск ломающихся сучьев и деревьев наводит какой-то страх на душу. *Es ist schauerlich*[1438], как говорят немцы. Углубившись в эти дремучие леса, чувствуешь, что находишься в недрах первобытной природы, на севере, куда одна крайность могла загнать человека. И вдруг среди этой северной дикости и необитаемости повеет на вас ароматом Индии, запахом ананасов! Что это? Это *мамюра*[1439], самая вкусная и самая душистая в мире ягода. Большие пространства в лесах покрыты этою ягодою и различными грибами, вкусными и ароматными. Это были наши магазины продовольствия во время этой голодной войны. Неизвестно, по какой причине шведы и финны не употребляют в пищу грибов, хотя шведский знаменитый химик Берцелиус первый доказал, что грибы не только не вредны, но даже заключают в се-

бе питательную силу (chylus[1440]), что прежде было отвергаемо. Дичи всякого рода, крупной и мелкой, бездна в этих неизмеримых лесах, но и хищных зверей множество, и человек, живя в этих дебрях, непременно должен одичать и огрубеть в вечной борьбе с суровым климатом, с нуждою и с дикими зверями. Всегдашний вид мрачных лесов и голых камней стесняет воображение и сжимает чувство. Голоса финских песен почти то же, что печальный крик ночных птиц или грозный вой вихря между деревьями. Народная поэзия финская выражает грусть и уныние.

Около двадцати верст шли мы лесом, по тропинке, и отдыхали однажды при ручье. Косы были у нас всегда с собою. Для лошадей мы накосили сочной травы, а уланы мои набрали грибов и сварили их с крупюю, которая была у нас в саквах. Разумеется, что на отдыхе я соблюдал осторожность, расставил часовых с заряженными штуцерами и приказал размундштучивать лошадей поочередно.

Находившийся при мне лазутчик говорил хорошо по-немецки, по-шведски и мог порядочно объясняться по-фински; у меня был,

сверх того, проводник финн, который долго жил в России и говорил порядочно по-русски. Его я принял в переводчики. Он казался человеком добрым и простодушным, однако обоим им я не слишком доверял.

Наконец мы выехали на дорогу, пересекающую лес поперек, и повернули по ней налево, от севера к югу. Проехав еще версты две лесом, мы увидели перед собою поляну, род оазиса в этом лесу, в объеме около шести квадратных верст, и в конце поляны, под лесом, деревушку в пять домов. Это уже называется в Финляндии большим селением! В пяти домах может быть иногда до осьмидесяти душ обоюго пола, потому что в каждом доме живет целая фамилия, иногда от деда до правнука, с работниками и работницами. Оставив взвод под лесом, я поскакал к деревушке только с лазутчиком, переводчиком и двумя уланами. Старост или каких бы то ни было старшин нет в рассеянных финских селениях. Каждый хозяин в доме сам себе старшина. В Пруссии мы обыкновенно обращались с требованием к старшине в деревне, к шульцу, а здесь надлежало собирать всех хозяев. При

нашем появлении сделалась суматоха в селе-нии, но мы не заметили никаких неприязненных покушений. Несколько мужчин вышли на дорогу навстречу мне. Зная, что расспросы мои о шайках партизан будут напрасны и что поселяне не только не скажут правды, но даже могут навести меня на неприятеля, я запретил моим толмачам всякие расспросы и потребовал только съестных припасов и фуража за наличные деньги. Мне было отпущено двести рублей ассигнациями, мелкою серебряною монетою, именно для того, чтоб не раздражать жителей фуражировкой, а напротив, привлечь деньгами на мою сторону. Поселяне, кажется, сперва усомнились в истине моего обещания, но я велел унтер-офицеру развязать кожаный мешок с деньгами. Звон серебряной монеты смягчил угрюмых финнов. Нам вынесли хлебного вина, кислого молока, лепешек (кнакебре), масла и собрали около двух четвертей ячменя. Я велел моим уланам приблизиться и спешиться на ружейный выстрел от деревни. Тут они пообедали, накормили лошадей поочередно, а потом рассыпали ячмень по саквам. Все это

происходило с величайшими предосторожностями. Между деревней и уланами стояли часовые с заряженными штуцерами, и у всех уланов были заряженные пистолеты за кушаком, на шнурках, т. е. на витишкетах, а крестьянам запрещено было приближаться к часовым и переходить за линию. Я вошел в дом, вооружась, как в сражении. Искренний мой приятель поручик Лопатинский смеялся, когда я рассказывал ему о моей предосторожности, а потом заплатил жизнью за свою неосторожность! Я отвечал за жизнь 25-ти человек. Крестьянам было объявлено, что при первом неприязненном поступке с их стороны я сожгу дотла деревню и перебью беспощадно всех, кто нам ни попадетсЯ. Старики стали уверять нас, что мы не должны ничего опасаться. В избе подан был мне обед: соленая рыба, яичница и кислое молоко. Я сел за стол, а вокруг избы уселись на скамьях без всякой церемонии поселяне. Беспреданно приходили новые, и как не было для всех скамей, то остальные стояли у стены, и все они пристально смотрели на меня и на лазутчика, который обедал за одним столом со мною.

Между мною и одним из поселян начался политический разговор.

– Вы, верно, возвращаетесь домой, в Россию, господин офицер? – спросил меня седой старик, которому все поселяне оказывали большое уважение.

– Нет, я еду для соединения с нашими, в Раталамби, – отвечал я.

– Однако ж, вы, господа русские, недолго у нас будете гостить, как слышно.

– Пустой слух! Вам было объявлено, что вся Финляндия присоединена к России, а что сказал русский государь – то свято!

– А разве вы не знаете, что русское войско идет назад, от Гамлекарлеби, а шведское идет вперед? – сказал старик, устремив на меня глаза и лукаво улыбаясь.

– Очень хорошо знаю[1441], но знаю и то, что из России идет сильное войско, которое пойдет снова вперед, а шведское войско пойдет назад, в Швецию, и там навсегда останется.

– Но ведь где проходит шведское войско, там везде жители вооружаются, и сам король пришел с кораблями к нам на помощь. Разве

вы изобьете всех жителей, чтоб приобрести нашу землю; иначе нельзя покорить ее. Так сказал король.

– Избивать жителей мы не станем, потому что они сами скоро образумятся и убедятся, что лучше принадлежать богатому и сильному русскому государю, чем шведскому королю, и что гораздо выгоднее быть братьями русских, нежели шведов.

– Но ведь мы одной веры со шведами, – сказал важно старик.

– Какая нужда! У нас в России всякой вере равное покровительство, и у нас есть целые провинции вашей веры... Я сам вашей веры, лютеранин (в этом случае я позволил себе солгать), хотя я не швед и не финляндец.

– Как! Вы нашей веры, вы лютеранин, – воскликнул старик, – и сражаетесь противу лютеран!

– Ведь мы сражаемся не за веру, а за то, чтоб, присоединив вас к нам, составить ваше счастье, избавить от тяжких налогов, от войны, которой вы будете всегда подвергаться, живя в нашем соседстве; чтоб помогать вам хлебом, которого в России бездна, деньгами,

которых у русского государя множество; чтоб открыть вам торговлю с Россией. А до веры никто не смеет прикоснуться! Напротив, во всех городах русских есть прекрасные лютеранские церкви, а в Петербурге, где живет русский государь, есть даже и финская церковь. Ваш земляк (т. е. переводчик) подтвердит это. У нас многие графы, князья и генералы лютеране, и даже тот генерал, с которым мы пришли в Куопио, – лютеранин...

– А вот я вам покажу печатное объявление, что русские хотят уничтожить нашу веру... – Старик подал мне печатную прокламацию на финском языке.

– Кто это написал, тот согрешил перед Богом, потому что солгал. Разве до сих пор русские предпринимали что-либо противу вашей и моей веры, разве не уважали святыни, разве препятствовали богослужению? Вас обманывают, друзья мои!

– Но если вы пришли к нам с добрым намерением, зачем же добрые и честные люди не хотят верить и помогать вам? Вот, например, этот господин, который приехал с вами (старик указал на лазутчика), известен мне! – (Ла-

зутчик поворотился на стуле и хотел что-то говорить, но я велел ему молчать, а старику продолжать.) – Этот господин был приказчиком в Гамлекарлеби у купца Перльберга[1442] и за что-то некрасивое посажен в тюрьму, из которой он выкарабкался, не знаю как, когда пришли русские...

Лазутчик вскочил с места и с громкой бранью бросился к старику, но я взял негодя за ворот и вытолкнул за двери, приказав улану, который сторожил под окном, чтоб содержать его под караулом. Крестьяне, казалось, были довольны моим поступком, и некоторые из них вышли из избы, шепча что-то между собою.

– Мы не знали, что он дурной человек, – сказал я.

– Надобно знать, с кем связываешься, – возразил старик важно. – Я хорошо знаю его и знаю, что он содержался в тюрьме за воровство, что он не финляндец и не швед, а бог его знает кто таков; знаю и то, потому что бываю в Куопио, что он шпион, получает от русских даром деньги, лжет и клеветает на кого попало и ничего верного не знает, потому что ему

никто не скажет правды и каждый его остерегается. Вот такие люди вредят русским; а вам, господин офицер, мы готовы верить, особенно если правда, что вы лютеранин... Вы еще так молоды, что если обманываете нас, говоря, что русский государь желает нам добра и не станет принуждать нас переменить веру, то кладете страшный грех не только на душу вашу, но и на душу ваших родителей, которые отвечают перед Богом за пороки, которых они не истребили в детях! Солгать – то же, что украсть, и обманывать бедный народ ложью хуже воровства и разбоя...

Старик говорил торжественно и с таким чувством, что тронул меня. Я встал с места, поднял руку, сложил три пальца, и присягнул, что русский государь не намерен вовсе трогать их веру и желает им блага, мира, тишины и довольства, а потом обнял старика и поцеловал его седую голову.

Все с шумом встали с мест и, говоря что-то, чего я не понимал, стали обнимать меня. Многие утирали слезы. Из всего понял я только, что меня называли добрым барином (гювагерра) и взывали к Богу (Юмаля[1443]). Пе-

реводчик не имел времени переводить.

Эта сцена кончилась еще дружественнее, когда я, спросив, что стоит все забранное мною, заплатил за все без торга и дал целую горсть мелкой серебряной монеты старику для раздачи убогим и калекам от имени русского государя. Старику на память нашей дружбы я подарил курительную трубку, купив ее тут же у моего унтер-офицера.

После этого показались и женщины, и нас провожали до леса целою гурьбою. Я просил старика зайти ко мне в гости, когда он будет в Куопио, сказав, что мы вместе пойдем в лютеранскую церковь.

После всего, что я узнал о лазутчике, я не позволил ему ехать со мною рядом. Он ехал в замке[1444], т. е. за взводом.

Ночь была светлая, но в лесу было темно, и хотя в этих местах я не предполагал засады, все же соблюдал возможную осторожность. От деревни до мызы было около десяти верст, и я вознамерился отдохнуть несколько часов в лесу, чтоб прибыть на мызу на рассвете. В деревне я нарочно расспрашивал о другой дороге на Рауталамби, куда пошел Барк-

лай-де-Толли, чтоб рассеять в крестьянах всякое подозрение.

Солнце взошло прекрасно, утро было восхитительное; мыза, выкрашенная светлую краскою, красовалась в версте передо мною, и я невольно вздохнул, подумав, что еду не на радость в этот дом, что, может быть, расстрою семейное счастье, будущие надежды!.. Война и дисциплина! Этим двум словам должно уступать всякое чувство и всякое рассуждение!..

Мы въехали на рысях во двор. Ворота были отперты: пастух выгонял стадо в поле. В одну минуту дом был окружен. Спешившиеся уланы стали со стороны сада. Что никто не выйдет из дома, в том я был уверен, потому что ставни и двери тогда только растворялись, когда часовые уже были расставлены.

Я вошел в дом. В зале встретил меня довольно пожилой человек почтенного вида в утреннем сюртуке. «Чему я обязан вашим ранним посещением?» – сказал он мне по-французски.

Я крайне обрадовался, что не буду иметь нужды в переводчике. «Прошу извинить ме-

ня, что беспокою вас, но это делаю не я, а служба...» – отвечал я.

– Помилуйте! Я сам служил в военной службе и знаю хорошо ее обязанности. Но могу ли знать, что вам угодно?

– Генерал наш известился, что полковник Фияндт находится в здешних местах, и приказал мне представить его...

– Вашего генерала обманули этим известием, – сказал помещик. – Знаете ли вы в лицо полковника Фияндта?

– Я не знаю, но вот этот господин знает, – сказал я, указывая на лазутчика, который стоял позади меня.

– И так он удостоверится, что здесь нет полковника Фияндта. Под этою крышею я, жена моя, две взрослые дочери, два сына, один взрослый и один малолетний, и учитель его. Можете поверить... Только позвольте предупредить дам: они не одеты...

– Прошу покорнейше!

Помещик вышел, а лазутчик сказал мне, чтоб я позвал в комнаты несколько улан, потому что если полковник Фияндт здесь, то станет защищаться. «Тогда явятся и уланы, –

отвечал я сухо, – сквозь землю не провалится, а вокруг дома часовые».

Через четверть часа все семейство вошло в комнату. Я вежливо всем поклонился и пошел за хозяином, который повел меня по всем комнатам.

Скажу в нескольких словах, что мы осмотрели весь дом, все людские избы, все хозяйские строения, сад и шарили по чердакам и погребам, в гумне, даже в конюшне и на скотном дворе, рылись в сене и соломе и не нашли никаких признаков, чтоб кто-либо укрывался. Все было на своем месте, в обыкновенном порядке.

Когда я возвратился в комнаты, на столе был кофе, и меня пригласили сесть вместе с семейством. Я приказал уланам собраться, вывести лошадей за ворота, стать на большой дороге и прежним порядком кормить лошадей, т. е. размундштучивая чрез лошадь. Людям я не велел отлучаться от лошадей. Повторяю это в наставление молодым офицерам, которым случится быть в отдаленных командировках в неприятельской земле и вообще в военное время. Осторожность! Лазутчик хо-

тел остаться в комнате, я приказал ему выйти.

– Удивляюсь, кто мог выдумать, что полковник Фияндт здесь, что он ранен! – сказал помещик. – Правда, он мой родственник и, более еще, он мой искренний друг, но если б он и приехал ко мне раненый, то я проводил бы его немедленно к Сандельсу и не подвергнул бы опасности быть захваченным. Вы военный человек, следовательно понимаете всю важность *честного слова!* Уверяю вас *честным словом* моим, что полковник Фияндт *во* все не ранен и находится в армии графа Клингспора, что он не был здесь и не будет, пока война чем-нибудь не кончится. Вы можете смело уверить в этом вашего генерала, и, вероятно, официальные известия с театра войны скоро подтвердят справедливость слов моих.

– Я исполнил по совести мое поручение; искал, где мне было приказано, не нашел, и дело кончено. Остальное предоставляю моему генералу, – сказал я.

Началась между нами политическая беседа. Это единственное утешение жителей в

странах, покоряемых сильным неприятелем. Не будучи в состоянии сопротивляться оружием, жители воюют логикой, когда находят между неприятельскими офицерами людей снисходительных. Я испытал это впоследствии в Германии и Испании.

– Если б я находился теперь в военной службе, – сказал помещик, – то я бы дрался с вами до последней капли крови; но, признаюсь откровенно, что принадлежу к числу тех людей, которые не одобряют упорства и вообще поведения нашего короля и этой войны. Швеция бедна и бессильна, и она должна быть или нейтральною в европейских войнах, или придерживаться искренно сильного союзника. Нашему королю надлежало бы не увлекаться пиитическою ненавистью к императору французов и придерживаться Франции, а если он не хотел держать стороны Франции, то должно было следовать политике России и держаться ее искренно. Вопрос в том, что может сделать одна Швеция и какую надежду можно полагать на Англию? Англичане обещали сделать высадку в Финляндии и не исполнили обещания; намеревались по-

могать нам в Норвегии[1445] и не помогли; прислали несколько тысяч ружей для вооружения наших поселян, и ружья оказались негодными. Вот каковы наши союзники! Как можно бороться Швеции с Россией и воевать в то же время с Данией[1446]? С одной Данией мы бы справились, но Россия непременно подавит нас своею силою, и если император Александр решился твердо отнять Финляндию у нашего короля, то непременно отнимет; в этом я убежден. Но признаюсь также, что мне бы не хотелось быть свидетелем присоединения моего отечества к России, хотя бы это было для нас и выгоднее. Язык, вера, старые законы, обычай...

Тут я прервал его:

– Но разве император Александр не обещал Финляндии сохранение всего этого? – сказал я, – а что он сказал – то верно! Ничто не изменится в нравственном состоянии Финляндии, а что изменится, то к лучшему и по вашему же желанию. Вся разница в том, что вам не надобно будет ездить по делам вашим за море.

– Будущее известно одному Богу, – сказал

помещик, – а с настоящим каждому больно расстаться, если оно было не слишком тягостно. Предки наши были шведами, и мы б хотели остаться тем же, чем были они... Впрочем, да будет воля Божия! В доказательство, что я не предвижу счастливого для нас конца этой войны, вот сын мой, которому я не позволил вступить в военную службу...

Молодой, прекрасный собою человек покраснел и сказал: «Я и теперь сожалею об этом!» Я дружески пожал руку молодому человеку, примолвив: «Вы делаете честь себе вашими чувствами, а русскому офицеру вашей откровенностью». Я заметил, что моя выходка понравилась всему семейству и даже молодому патриоту.

Я просил помещика накормить улан и дать фуража лошадям за наличные деньги. «Это уже сделано, – отвечал он, – а о расчете поговорим после».

Я пробыл в этом доме до 11 часов утра, уснул часа два и после завтрака отправился в путь, взяв проводника. Помещик взял деньги за фураж, но за съестное не согласился взять плату и даже снабдил меня на дорогу запа-

сом. В Куопио мы прибыли к рассвету, сделав 55 верст в полуторы сутки[1447]. Лошади устали, но не похудели, потому что от вступления нашего в Финляндию они никогда не пиروвали так, как в эту откомандировку. Когда я рассказал генералу Рахманову приключение с лазутчиком, генерал расхохотался и сказал: «Черт его побери, а впрочем, откуда же взять лучших!»

Вот каков был дух в Финляндии в самом разгаре народной войны. Образованные и богатые люди хотя и досадовали на вторжение русских в Финляндию и хотя не любили русских, но еще более негодовали на свое правительство и явно роптали противу короля. Из помещиков весьма немногие вмешивались в войну, а поселян возбуждали к восстанию различными вымыслами, а более уверением, что русские введут в Финляндии свою веру, как ввели ее в Карелии. Где было знать финским поселянам, что православная вера введена в части Карелии еще новгородцами в XIV веке и что они крестили язычников! То, что я видел в эту мою откомандировку, было характеристикой целой Финляндии, разуме-

ется с некоторыми исключениями. Были и фанатики, политические и религиозные, которые противились всеми силами покорению Финляндии, и после покорения ее ушли в Швецию, и остались в ней навсегда. Между ними есть один достойный муж, с которым я тогда подружился и возобновил дружбу во время поездки моей в Стокгольм в 1838 году. Это ученый Арвидсон, хранитель Королевской библиотеки в Стокгольме[1448].

В истории А. И. Михайловского-Данилевского и в сочинении графа П. П. Сухтелена не сказано ни слова о походе Сабанеева[1449]. Упомянуто только, что он выслан был из Куопио на подкрепление корпуса графа Каменского, с четырьмя батальонами и двумя эскадронами. Историкам, представляющим общий ход войны, некогда заниматься подробностями в движениях малых отрядов, но эти подробности были для нас тяжелы и остались нам памяты. Если б граф Каменский, не дождавшись Сабанеева, принужден был отступить к Таммерфорсу, то мы, прибыв в Сариярви, могли бы быть отрезаны от Куопио отрядом полковника Фияндта и уничтожены ар-

мией графа Клингспора, как был истреблен отряд Булатова. Без сомнения, граф Клингспор был извещен жителями о нашем походе и нашей малочисленности. Сабанеев не скрывал от офицеров опасности нашего положения, советуя нам внушать солдатам, что наше спасение зависит от нашего мужества и что если мы наткнемся на неприятеля, то должны сражаться до последней капли крови.

Мы шли большими переходами и усиленными маршами, но в Рауталамби должно было дневать, потому что люди и лошади наши крайне устали. Рауталамби, о котором часто упоминается в историях этой войны, вовсе не местечко, а кирка, т. е. церковь, возле которой жилище пастора (пасторат) и несколько домов. Тут содержал военный пост эскадрон майора Лорера с двумя ротами пехоты, охраняя переправу чрез три рукава на озерах Конивеси и Кивисальми. Рауталамби – один из богатейших пасторатов в Восточной Финляндии. Дом пастора был обширный, пастор был человек просвещенный и добродушный, и семейство его любезное. Дочери пастора были красавицы. К пастору ездили в гости соседние

помещики и земские чиновники с семействами, и наши офицеры проводили время весьма приятно; все они были влюблены для препровождения времени. Александр Иванович Лорер имел порядочный запас съестных припасов и вина. Он задал нам славный пир, и мы всю ночь протанцевали, вместо того чтоб отдыхать после похода. Шведки и финляндки – прелестные создания! В них соединены германское простодушие и сердечная вежливость с каким-то особенным пиитическим чувством, которое чарует душу. Даже в их веселости есть оттенок меланхолии, привлекающей сердце. Откровенность их, следствие простоты нравов, увлекательна. Редкий из русских офицеров, бывших в кампании 1808 и 1809 годов, не был влюблен или, по крайней мере, не готов был влюбиться. Пересчитайте, сколько русских со времени покорения Финляндии женились на финляндках! Финляндки (говорю о дворянстве и гражданском сословии) все вообще хорошо образованы, религиозны и хорошие хозяйки. Управление хозяйством входит в состав женского воспитания. Финляндская девица из образованного

сословия – это ягодка мамура, краса Севера! Здесь я должен, однако, заметить, что красота есть принадлежность готского (германского) племени и что все красавицы в Финляндии из фамилий шведских или смешанных с шведским племенем. Финское племя некрасиво. Исключения не идут в расчет.

Арвидсон, о котором я говорил, был юноша моих лет. Не знаю, в какой степени родства он был с рауталамбским пастором, но он жил в Рауталамби[1450]. На дневке мы подружались с ним, как дружатся молодые люди, сходные характером. Он стал перевозить шведов; я не только не спорил, но даже подтверждал его похвалы, и он полюбил меня. В юности дружатся в минуту, а на старости охлаждаются даже и к старым друзьям. Это, по несчастью, я испытал на себе! После обеда мы пошли прогуливаться в поле. Арвидсон завел со мною политический разговор. Я охотно уступил ему в логике, но предоставил себе защиту истолкованием русской пословицы, что сила солому ломит. Мы оба болтали тогда кое-как по-немецки. Наконец в излишней юношеских чувств мы решили *гадать*, кто останется

победителем – шведы или русские. Он представлял собою Швецию, а я Россию; он стал на холм, а я атаковал холм. Я взобрался на холм, поборол Арвидсона – и разрешил загадку. Мы обнялись братски, но слезы блестели в глазах благородного Арвидсона. «Неужели это предзнаменование сбудется!» – сказал он печально. В стокгольмской Королевской библиотеке мы вспомнили о Рауталамби!.. Скажу раз навсегда, что я уважаю всякое *искреннее* чувство в друге и враге. Совесть отвечает только перед Богом, и убеждение уступает только силе разума.

Жар был несносный, и от Рауталамби (переправившись чрез рукав Конивеси) мы шли ночью и отдыхали днем. Прошед верст до ста тридцати от Куопио, мы пошли местами, где еще не были русские. Тут мы находили на мызах у пасторов и даже у крестьян съестные припасы, а иногда и фураж, которые забирали под расписки. Между тем поселяне восстали и несколько раз завязывали с нами порядочную перестрелку. Важно было то, что при каждом первом выстреле мы не знали, с кем будем иметь дело, ожидая встречи с армией

графа Клингспора, и что непрерывная бдительность изнуряла солдат. Чем далее мы шли вперед, тем более встречали ненависти к нам и надежды на скорое очищение Финляндии русскими[1451]. В Куопио мы не знали хорошо всего случившегося с генералом Раевским[1452], но на пути, на мызах и в пасторатах, нам изображали в преувеличенном виде победы шведов, гибель целых корпусов наших и говорили, что ждут самого короля, который с сильным флотом и армией находится на Аландских островах. Радовались, вовсе не стесняясь нашим присутствием. Нам предсказывали верную гибель, и некоторые добрые люди, особенно женщины, даже сожалели о нас! Разумеется, мы вполнину верили этим рассказам, хотя и знали, что положение наше незавидное.

Представлю пример, до какой степени жители не скрывали своей ненависти к нам. Два взвода нашего эскадрона шли в авангарде с двумя ротами 3-го егерского полка. И. В. Сабанеев находился с нами. Около десяти часов утра мы подошли к порядочной мызе. Сабанеев приказал остановиться и с несколькими

офицерами пошел на мызу позавтракать. Хозяин принял нас вежливо, хотя важно и холодно, и все семейство его вышло к нам. Сабанеев сказал чрез переводчика, что мимо мызы будет проходить отряд и что для избежания беспорядков он даст помещику залогу, офицера с шестью рядовыми, с условием, чтоб помещик дал честное слово, что отвечает за их безопасность и, когда пройдет наш арьергард, отошлет залогу на подводах к отряду. Это предложение расположило помещика и его семейство в нашу пользу, и он сделался приветливее. После завтрака помещик сказал без обиняков, что мы идем на явную смерть, потому что русский отряд, действовавший противу графа Клингспора, теперь верно уже не существует, если не успел уйти к русской границе. Помещик пресерьезно советовал Сабанееву возвратиться поскорее в Куопио. Сабанеев возразил шуткою, сказав, что мы, русские, так полюбили Финляндию, что намерены остаться в ней и пожить весело, а за смертью пойдем в другие страны, может быть во Францию. Потом, обратясь к дочери хозяина, девочке лет десяти, удивитель-

ной красавице, Сабанеев представил ей Штапельберга [1453], прапорщика 3-го егерского полка, юношу лет семнадцати, также красавчика, и сказал, не угодно ли ей русского жениха. Вообразите наше удивление: девочка побледнела как полотно, задрожала всем телом и, сжав зубы и грозя кулаком, сказала пошведски: «Смерть русскому!» Отец улыбнулся, а мать поцеловала девочку и увела в другую комнату. Разумеется, что девочка выражала чувства родителей и повторяла, что слышала, но мы за это не гневались. Сабанеев сказал нам по-русски: «Все перемелется, мука будет!»

Он угадал. Я помнил прозвание мызы и фамилию помещика и во время пребывания моего в Гельсингфорсе (в 1838 году) рассказал этот анекдот моему покойному приятелю, дерптскому уроженцу ст[атскому] совет[нику] Витту (принявшему фамилию Вейсенберг с поступлением в финляндское дворянство) [1454]. Признаюсь, я удивился, когда он сказал мне, что прежняя неприятельница наша, девочка, впоследствии вышла замуж за русского, и теперь русская барыня, говорит хоро-

шо по-русски и весьма преданна России! Ainsi va le monde![1455]

В издании под заглавием «Император Александр I и его сподвижники, и проч.» напечатана биография Ивана Васильевича Сабанеева[1456], дослужившегося до чина генерала от инфантерии и блистательно участвовавшего в Турецкой и Отечественной войнах. В этой биографии Сабанеев изображен человеком угрюмым, недоверчивым, почти нелюдимым. Может быть, он сделался таким в старости и в высоких чинах. Honores mutant mores![1457] В Финляндии в чине подполковника[1458] 3-го егерского полка Иван Васильевич был человек прелюбезный, снисходительный и предобрый. Он любил даже шутки и не гневался за них. Его удивительная храбрость, хладнокровие и распорядительность в битвах уже тогда снискали ему уважение и доверенность опытных генералов, каковы были Барклай-де-Толли и граф Каменский. Иван Васильевич Сабанеев был небольшого роста, довольно плотен и до такой степени близорук, что ничего не видел в нескольких шагах, но не хотел носить очков. Мы, молодежь, ино-

гда подшучивали над нашим добрым командиром. На походе запрещено было стрелять. Вдруг один из нас, бывало, закричит: «Иван Васильевич, утки, утки! Позвольте выстрелить!» Хотя на самом деле не видно было ни одной утки, но Иван Васильевич, чтоб не показаться слепым, поднимет голову и скажет: «Да, уток много, но стрелять нельзя: будет тревога в авангарде!» Однажды Иван Васильевич едва не заплатил жизнью за то, что скрывал свою слепоту и не хотел носить очков. При переправе чрез реку (мост сожжен был бунтовщиками) он не хотел, чтоб егери поддерживали его, когда он садился в лодку, прыгнул с высокого берега, но не в лодку, а в воду и пошел прямо ко дну. Река при берегу была весьма глубока, но как егери чрезвычайно любили своего начальника, то человек десять бросились за ним в воду и вытащили его уже в полубесчувствии. Иван Васильевич уверял, что он послизнулся, хотя все видели, что он прыгнул на два шага от лодки, на пук плававшего камыша[1459], который он принял за лодку. На самом рассвете Сабанеев однажды остановил отряд под лесом и приказал отды-

хоть и варить кашу. «Здесь будет прохладно, – сказал Сабанеев, – и люди могут выкупаться в озере», – примолвил он, указывая на поле, засеянное гречихою, над которою лежал легкий туман. Когда ему сказали, что здесь нет не только озера, но и капли воды, он велел отряду подняться и идти далее. Весь этот день добрый Иван Васильевич был в дурном расположении духа, ехал один и ни с кем не разговаривал.

На одном ночлеге прискакал к Сабанееву уланский унтер-офицер из арьергарда с известием, что он, быв в разъезде, видел с холма огни и войско на биваках, но в темноте по болоту не мог подъехать близко и узнать, свои ли это или неприятель. Сабанеев командировал немедленно наш эскадрон для рекогносцировки. Мы были на один переход от Сариярви, где надеялись найти отряд полковника Властова, следовательно, появление войска в нашем тыле было для нас непонятным. В конце июля ночи уже становятся темными около полуночи, часа на два, а в эту ночь небо было покрыто черными облаками. Мы шли вперед, ни зги не видя. Проводники наши, унтер-офи-

цер и бывшие с ним уланы поехали с нами, но не могли вспомнить, в котором месте они поворачивали вправо с большой дороги. Мы поворотили наудачу, прошли лесом верст пять и, вышед на поляну, увидели вдали зарево. Тотчас один взвод понесся вперед на рысях. Под кустарником нас встретил радостный оклик: «Кто идет?» – «Русские!» – «Стой на месте или убью!» Наши! Русские! Слава богу! Это был отряд полковника Эриксона на походе к селению Кеуру. Мы остановились и известили Сабанеева, а утром оба отряда соединились. Немедленно послан был офицер к графу Каменскому с извещением о нашем приходе, и отряду нашему приказано было отделиться от полковника Эриксона и идти на наш крайний левый фланг[1460], к кирке Руовеси. И вот мы наконец в корпусе графа Каменского!

Соединившись с корпусом графа Каменского, мы узнали от товарищей много такого, о чем к нам доходили в Куопио неверные слухи и неполные известия. Офицеры прибывших на усиление корпуса графа Каменского войск рассказали нам, что граф Каменский

едва не был захвачен в плен партизаном Ротом на пути из Гельсингфорса к своему назначению и спасся проселочными дорогами и тропинками, блуждая по лесам и пустыне, и что сам главнокомандующий со всем своим штабом едва избежал плена. Желая видеть морское сражение, бывшее в заливе при острове Сандо (19 июля)[1461], граф Буксгевден отправился на берег острова Кимито с генералами П. К. Сухтеленем и Коновницыным. После одержанной нашею флотилиею победы граф Буксгевден обозрел сухопутную позицию, где шведы делали высадку, и возвратился на мызу Вестаншер, где для него приготовлен был обед. Думали, что сражение кончено, видя отступление шведской флотилии. Отряд, бывший на острове Кимито, отдыхал; на биваках варили кашу, артиллерийские лошади были на пастбище. Главнокомандующий преспокойно сел за стол, как вдруг раздался на дворе крик: «Шведы, шведы!» Все бросилось к окнам и увидели, что две шведские колонны идут прямо к мызе... Сделалась тревога. Караул, бывший при квартире главнокомандующего, бросился вперед с конвоем на-

встречу неприятеля, а между тем было дано знать в наш лагерь, в котором находились четыре роты пехоты.

При самом начале морского сражения шведский адмирал Гельмшиерна высадил на берег острова Кимито 1100 человек пехоты и шесть орудий под начальством полковника Палёна с тем, чтоб он ударил в тыл наших батарей. По берегу стояли казачьи ведеты, но их сняли, чтоб сформировать почетный конвой для главнокомандующего, и это помогло Палёну высадить войско, не быв замеченным нашими. Когда жители донесли Палёну, что шведская флотилия ретировалась и что русский главнокомандующий с генералами отправился на мызу, располагаясь там пообедать и отдохнуть, полковник Палён вознамерился захватить их. Жители провели его тропинками к самой мызе. Ударь он быстро и пусти бегом своих солдат, главнокомандующий и бывшие с ним генералы были бы непременно взяты или погибли бы защищаясь. Но шведы, храбрые и неустрашимые от природы, отвыкли от войны, и образованные их офицеры руководствовались всегда теорией. Полков-

ник Палён, вместо того чтоб бежать бегом на мызу, выстроил свое войско во фронт и выслал застрельщиков, которых удерживал перестрелкой караул главнокомандующего, пока прибежали во весь дух на мызу наши четыре роты из лагеря и привезли с собою два единорога большого калибра. Началось сражение, и пушечная пальба известила роту егерей, высланных прежде того на малые острова для рекогносцировки, об опасности их товарищей на Кимито. Эта рота поспешила на выстрелы и случайно пристала к берегу в тыле отряда полковника Палёна. Если б он имел более твердости и решительности или, по крайней мере, более опытности в военном деле, то, будучи вдвое сильнее русских, опрокинул бы и передовой отряд, и роту, зашедшую ему в тыл; но, придерживаясь старинной стратегии, Палён, как в шахматной игре, видя свое войско между двух огней, начал отступать к пристани, и когда наши наперли сильно на шведов, они поспешно бросились в лодки. Три лодки сели на мель второпях; остальные поспешно отплыли, и шведы не успели даже увезть своих 6-ти пушек, кото-

рые были взяты нашими. 200 человек шведов, бывших на трех лодках, не будучи в состоянии снять их с мели и подвергаясь жестоким пушечным выстрелам с берега, сдались военнопленными. Будь на месте Палéна кто-нибудь из наших молодцев, например Сабанеев, Кульнев, Властов или Эриксон, дело кончилось бы иначе! Главнокомандующий и его прикрытие были бы непременно в плену или в могиле.

Не видав сам действий нашего парусного и гребного флотов, не стану повторять того, что весьма подробно и прекрасно описано его превосходительством А. И. Михайловским-Данилевским[1462]. Обращаюсь к тому, чему я сам был свидетелем.

V

Состояние русских войск к 1 августа 1808 года. – Маркиз Паулуччи привозит из Петербурга проект перемирия с шведами до зимы. – Любопытная встреча маркиза Паулуччи с главнокомандующим, характеризующая обоих. – Верный очерк маркиза Паулуччи. – Главнокомандующий не

соглашается на перемирие и избирает графа Каменского для изгнания шведского войска из Финляндии. – Характеристика графа Николая Михайловича Каменского. – Геройский дух времени, припоминающий древнюю Спарту и блистательную эпоху Рима. – Положение дел во время принятия начальства графом Каменским над корпусом генерала Раевского. – Число шведских войск. – Состав корпуса графа Каменского. – Начало наступательных действий графа Каменского. – Блистательное авангардное дело полковника Властова. – Местность и подробности сражения. – Властов разбивает наголову полковника Фияндта. – Неудача полковника Эриксона. – Геройский подвиг майора Гласкова. – Кровопролитное трехдневное сражение при Куртане. – Местность и подробности сражения. – Шведы после мужественного сопротивления уступают настойчивости русских. – Преследование шведов нашим

авангардом. – Характеристика знаменитого Кульнева, командовавшего авангардом в чине полковника. – Участие двух эскадронов нашего полка в сражении при Куртане. – Новый стратегический план графа Каменского. – Обходы, опасность обходного отряда Казачковского под Ньюкарлеби и под Нидергерми. – Знаменитое сражение под Оровайси. – Чудеса храбрости русских воинов. – Граф Каменский исторгает победу у шведов своею решительностью и заставляет их отступить. – Местность и подробности сражения. – Адъютант графа Каменского капитан Арсений Андреевич Закревский. – Вступление графа Каменского в Гамлекарлеби. – Перемирие. – Главная квартира переносится в Гамлекарлеби

С самого начала войны император Александр имел мысль выслать отряд чрез Ботнический залив по льду в Швецию, но главнокомандующий представлял, что это будет только бесполезный набег, если невозможно будет утвердиться на шведском берегу, а чтоб

удержаться в Швеции и в то же время действовать в Финляндии, граф Буксгевден требовал вдвое более войска, нежели было тогда под его начальством, уверяя между тем государя, что мы завоюем Финляндию без больших усилий. Когда обстоятельства переменились в пользу шведов, граф Буксгевден писал к государю, что он вовсе не надеется изгнать неприятеля из Финляндии, усмирить восстание жителей и удержать страну в повиновении, имея под ружьем только 24 500 человек, и что ему надобно по крайней мере вдвое более войска; а если государю угодно, чтоб вторжением в Швецию принудить короля к уступке Финляндии, то для этого должно прислать, сверх находящихся уже в Финляндии 24 500 человек, еще по малой мере 50 000 человек. Граф Буксгевден рассуждал справедливо, но не было возможности удовлетворить его требованию. Армия наша была в Турции[1463], и остальное войско после трех кровопролитных кампаний (1805, 1806 и 1807) было малочисленно. В иных полках не было и полного батальона. Надлежало комплектовать полки рекрутами. Собрали, что можно было собрать

из третьих батальонов полков, находившихся уже в Финляндии, присоединили части войска из гвардии, устроили два отряда и выслали их в конце июля в Финляндию[1464]. В отряде графа Витгенштейна было до 8 800 фронтовых, а в отряде князя Д. В. Голицына до 6 500 чел[овек] разного оружия. Кроме того, пришло несколько тысяч солдат из французского плена и рекрут, и таким образом собралось русских войск в Финляндии к 1 августу до 44 000 чел[овек] пехоты, 5 000 конницы и при них 186 орудий. Но в этой армии было множество больных от недостаточного продовольствия и изнурения, и госпитали были в самом плохом положении.

Маркиз Паулуччи передал верно государю положение войска и состояние дел в Финляндии, и вследствие того в Петербурге был составлен оборонительный план войны до зимы, благоприятной для военных операций в этой стране. По этому плану русские войска должныствовали занять линию от Биернеборга чрез Таммерфорс, Оривеси, Рауталамби, Куопио до Кеми, на пространстве более 500 верст, и укрепиться в селениях и в лагерях, а с

другой стороны расположиться на морском берегу, от Биернеборга же до Сваргольма, под защитой нашего гребного флота. С этим планом отправлен был в главную квартиру, в Або, маркиз Паулуччи. Сколь важно было поручение, данное маркизу Паулуччи, и какою доверенностью государя он пользовался, видно из собственноручного письма государя к главнокомандующему[1465]: «Если до получения оборонительного плана успехи подвинут нас вперед и позиция, занимаемая войсками, будет выгодна, то не приводить плана в действие, а, объяснив подробно все обстоятельства маркизу Паулуччи, прислать его с оными обратно ко мне».

Здесь я должен сообщить анекдот, характеризующий графа Буксгевдена и маркиза Паулуччи. Этот анекдот рассказан мне почтенным Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским. Его превосходительство позволил мне напечатать этот рассказ и сослаться на него[1466]. Со времени падения Римской империи почти все писатели, говорившие об Италии, изображают нам итальянцев хитрыми, уклончивыми, вкрадчивыми,

скрытными и даже вероломными. У всех европейских народов итальянец есть синоним хитрости и вероломства. Однако ж это мнение вовсе не справедливо, и в Италии есть много людей с прямым характером, с возвышенною, пламенною душою и благородными чувствами. Эту справедливость отдал им один из самых просвещенных мужей в Европе – граф Сергей Семенович Уваров[1467]. Первообраз или тип итальянцев времен гвельфов и джибеллинов[1468] был маркиз Паулуччи. Он был храбр, откровенен, даже к собственному вреду, решителен и мстил своим противникам одними эпиграммами. Чтоб любить его и уважать искренно, надлежало знать его коротко и судить о нем по делам, а не по словам. В Остзейских провинциях, где он был двадцать лет генерал-губернатором, он оставил незабвенные следы своей умной, твердой и честной администрации. Многие дворяне не любили его за то, что он частенько сбивал крылья неумеренной гордости, ни на чем не основанной, а когда не стало маркиза Паулуччи, все отдали ему полную справедливость и теперь вспоминают о нем с лю-

бовью. Маркиз Паулуччи был со всеми ласков и даже фамильярен, но не допускал никого забываться перед ним и громил высокомерие и гордость своими убийственными сарказмами, в которых только один Вольтер мог с ним сравняться. Во всем маркиз Паулуччи был оригинален, и я в жизни моей не знал человека занимательнее, любезнее и умнее его. Что он добр душою, это скажут вам все до единого в Лифляндии, Курляндии, Эстляндии и в Псковской губернии, особенно же в Риге, постоянном его местопребывании. Но затронуть его было опасно, эпитаграммы его клеймили навеки!

С величайшею поспешностью прибыл маркиз Паулуччи в Або и, даже не переодеваясь, поспешил к главнокомандующему с поручениями государя императора. Я уже говорил, что граф Букстевден был непомерно горд, самовластен, не терпел никакого возражения и выходил из себя при малейшем отступлении от его воли. Прием его ужасал многих. Все боялись его и избегали по возможности встречи с ним.

Маркиз Паулуччи входит в приемную ком-

нату и просит дежурного адъютанта доложить о нем. Адъютант отвечает, что главнокомандующий занят делами в своем кабинете и не приказал ни о ком докладывать. Несколько генералов и полковников уже час дожидались в приемной комнате, пока главнокомандующий выйдет или позволит доложить себе об имеющих к нему надобность. Но маркиз Паулуччи, имея с собою *слово государя*, справедливо полагал, что он не обязан ждать, и стал побуждать адъютанта к докладу. Адъютант наконец решился пойти в кабинет и доложил графу Буксгевдену о маркизе Паулуччи, прибывшем с депешами от государя. «Пусть подождет!» – отвечает граф Буксгевден. Адъютант сообщил ответ маркизу Паулуччи. Маркиз изумился этим ответом и сказал адъютанту: «Пойдите и скажите графу, что я требую свидания с ним не для приятного препровождения времени, но для выслушания высочайшего повеления и что я не могу, не должен и не намерен ждать». Адъютант говорил с маркизом шепотом, все молчали, а он говорил громко, для того чтоб слышно было в кабинете. Невзирая на все до-

воды маркиза Паулуччи, адъютант объявил, что он не смеет в другой раз докладывать о нем. Маркиз Паулуччи настаивал и горячился, и вдруг дверь в кабинет быстро растворилась, и в приемную вошел главнокомандующий. «Кто здесь осмелился шуметь!» – спросил он грозно. «Я прошу доступа к вашему сиятельству по делу, не терпящему отлагательства, и прибыл к вам с высочайшим повелением», – отвечал маркиз Паулуччи. «Как вы осмелились шуметь, говорю я вам, – возразил в гневе граф Буксгевден. – Я прикажу вас немедленно расстрелять заслушание моей воли!..» Маркиз Паулуччи отступил на три шага, заложил руки на груди и с своею саркастическою, неподражаемою и убийственною улыбкою возразил: «Нé, hé! Прикажете, ваше сиятельство, расстрелять! Мне будет весьма занимательно взглянуть, как расстреливают полковника, прибывшего в армию с высочайшим повелением, от лица государева, с приказанием и за объяснением к главнокомандующему! Нé, hé, hé! Этого я еще не видал в моей жизни!..» Граф Буксгевден поспешно возвратился в кабинет, сильно хлопнув дверью;

но чрез пять минут, когда еще все бывшие в приемной зале не успели опомниться, маркиз Паулуччи был позван в кабинет. Эта странная встреча не имела дальнейших последствий. Во все пребывание маркиза Паулуччи в главной квартире он был принимаем главнокомандующим отлично.

Почти на целом свете так бывает, что если человек имеет право сам составлять проекты, планы и предположения и приводить их в исполнение, то он неохотно принимает чужие проекты и планы, когда ему должно их исполнять, потому что даже при самом счастливом успехе надобно разделить славу между изобретателем и исполнителем. Граф Буксгевден, который перед этим писал к государю, что он не может даже ручаться за удержание завоеванной части Финляндии, вдруг стал противником оборонительного плана и представил весьма основательные причины, которых я не привожу, потому что они изложены подробно в «Описании войны» А. И. Михайловским-Данилевским. Положение наше немногим улучшилось от прибытия отрядов графа Витгенштейна и князя Голицына, за-

труднив еще более продовольствие армии. Но граф Буксгевден решился действовать наступательно, принимая на себя всю ответственность, и с этим решением отправил маркиза Паулуччи к государю.

Войска наши расположены были в это время следующим образом. Граф Витгенштейн занял полуденный берег Финляндии[1469]; князь Голицын двинулся в середину ее в той цели, чтоб быть готовым подкрепить своим содействием те из отрядов, которые будут нуждаться в помощи. Князь Багратион с отрядом своим стоял у Або; генерал Тучков 1^й в Куопио. Небольшой отряд графа Орлова-Денисова боролся внутри края с партизанами и восставшими крестьянами. Генерал-адъютант князь Петр Петрович Долгорукий с 4 000 вошел из Сердоболя в Карелию[1470], а действующий корпус генерала Раевского, состоявший из 6 000 человек, отступал перед графом Клингспором к Таммерфорсу.

Граф Буксгевден избрал графа Николая Михайловича Каменского, стоявшего с отрядом в Гельсингфорсе, для наступательных действий противу главной шведской силы, бывшей под

начальством графа Клингспора, и, выслав для принятия начальства над отрядом Раевского, дал графу Каменскому следующее предписание: «Атака ваша должна быть решительна и устранить худые последствия, которые нас от отступления Раевского ожидают; словом, *невзирая на малое число войск наших, вы должны разбить неприятеля. Боже помоги успехам вашим.* От действия вашего зависит теперь внутреннее положение Финляндии в рассуждении спокойствия жителей и внешнее положение войск для защиты берегов. Буду с нетерпением ждать от вас известий. Взоры всей армии устремлены на корпус ваш».

Читая это, переносишься мыслью во времена Древней Греции и в блистательнейшую эпоху Рима! Вместо продовольствия, инструкции и операционного плана от главнокомандующего получено одно приказание *победить и помоги Боже!* Что бы сказал об этом венский гофкригсрат[1471] во время Суворова? Но граф Буксгевден знал, кому поручает дело.

Граф Николай Михайлович (младший сын фельдмаршала Михаила Федотовича Камен-

ского) родился в 1776 году, следовательно, тогда (в 1808 году) ему было только тридцать два года от рождения. Он воспитывался в том же Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, в котором получил воспитание и отец его, но рано вышел из корпуса и дополнил образование дома под руководством своего родителя. Император Павел Петрович, быв чрезвычайно милостивым к отцу его, в начале своего царствования быстро двинул сына по службе, и в Итальянскую войну Николай Михайлович был уже полковником и командовал прославившимся под его начальством Архангелогородским гренадерским полком [1472]. Суворов, желая предоставить случаи к отличию сыну своего старого товарища, с которым он, однако ж, не ладил, посылал графа Николая Михайловича в самые опасные места, и молодой полковник всегда отличался и заслужил чин генерал-майора и несколько орденов на поле брани. В русской армии и в народе из всей Итальянской кампании остался в памяти только знаменитый *Чертов мост*. Этот мост, полуразрушенный, висящий над ужасной пропастью в горах альпийских, над-

лежало проходить под градом французских пуль, связывая офицерскими шарфами распадавшиеся бревна. С этим вечнопамятным делом сопряжено имя графа Н. М. Каменского. Он взял штурмом этот мост в главе храброго своего полка, бросившись первый вперед, с шпагой в руке. Суворов прозвал графа Н. М. Каменского в шутку *Чертов Генерал*. В кампании 1806 и 1807 годов граф Н. М. Каменский отличился под Данцигом, и хотя не мог освободить этого города от осады, но обратил на себя внимание обеих армий отчаянною храбростью и распорядительностью. Прибыв в Кенигсберг уже во время нашей ретирады из-под Фридланда, он искусным движением успел соединиться вовремя с главною армией и тем избавил ее от сильного натиска неприятеля. Кампанию кончил он в генерал-лейтенантском чине.

Граф Н. М. Каменский наследовал от отца своего непоколебимое мужество и пылкость характера. Он был вспыльчив, строг в наказаниях, но добр душою, щедр, бескорыстен, снисходителен, справедлив и ласков к офицерам и солдатам, горд с равными и холоден со

старшими. Природа наделила его умом глубоким и пронизательным, и он образовал себя чтением и основательным изучением всего, относящегося до военного ремесла. Граф Н. М. Каменский, как все генералы суворовской школы и как граф Букстевден, не терпел никаких возражений и советов и требовал безусловного повиновения своей воле. «Извольте делать, что я приказываю, – я отвечаю!» – был всегдашний его ответ на все представления генералов или начальников отрядов. Граф Н. М. Каменский был среднего роста, сухощав, бледен, смугл и являлся всегда перед фронтом с лицом важным и серьезным. Глаза его блестели как алмазы, а в сражении пылали. Он был ловок и скор во всех движениях. Во всю кампанию он носил военный сюртук с бирюзовым воротником (Архангелогородского полка) и фуражку с таким же околышком и только в городах, на параде и на балах, которые он любил давать жителям, надевал мундир и ордена. В руках у него всегда была казачья нагайка. Войско любило и боялось его. Он заботился о нуждах солдата, но требовал самой строгой дисциплины, и если б червонцы

рассыпаны были на дороге, никто не дерзнул бы поднять ни одного, если б граф Каменский запретил это. За ослушание – пуля в лоб или самое жестокое наказание. Граф Каменский оживлял собою Суворова в памяти стариков. У него была одна слабость, которой, впрочем, не чужды были величайшие герои древних и новых времен: граф Н. М. Каменский, которого твердости не могла поколебать никакая опасность, не мог равнодушно выдерживать нежные взгляды красавиц, любил прекрасных женщин и умел им нравиться. Но слава была первою и главною его любовницею, и он жертвовал для нее всеми своими склонностями.

Не постигаю причин, почему он в звании главнокомандующего претерпел столько неудач в войне с турками! [1473] Опытные генералы говорили мне, что в войне с турками весьма часто и храбрость, и искусство не помогают, потому что местоположение края, в котором обыкновенно ведется война с турками, и зловредный климат этой страны уничтожают почти все расчеты стратегии и представляют непреодолимые препятствия самой

пылкой храбрости. Говорят, если б граф Н. М. Каменский дожил до знаменитого 1812 года, он был бы главнокомандующим, и тогда бы история определила в нем решительно качества полководца[1474]. Что было бы в борьбе его с Наполеоном – неизвестно; но в Финляндии он показал высокие военные способности, основательные познания стратегии, применяемой быстро к местности, искусство продовать войско в неприятельской взбунтованной стране, возбуждать в воинах самонадеянность, непоколебимое мужество и презрение всех опасностей. Это важнейшие качества главнокомандующего. Бесспорно, графу Н. М. Каменскому принадлежит вся слава покорения Финляндии.

Теперь перейдем к его подвигам.

Финляндская война была в одно время учебною, народною, наступательною, оборонительною и во всех случаях чрезвычайно упорною с обеих сторон. Успех столько же зависел от тонких соображений военных действий, от маневров в стране, почти непроходимой для наступающего войска по причине теснин, болот, гор, рек, озер и мрачных лесов, встречаю-

щихся на каждом шагу, как и от быстрого натиска и решительности. Отчаянное сопротивление шведского войска и жителей Финляндии, возможность, представляемая неприятелю озерами, переменять свою позицию и переноситься за позицию наступающих, трудность сообщений, недостаток крепостей для учреждения операционного центра внутри земли, малое народонаселение, рассеянное на большом пространстве, и вообще страна бесплодная, без больших городов и селений, не представляющая возможности продовольствовать войско местными средствами, – все это противопоставляло чрезвычайные трудности к скорому и успешному окончанию войны. Почти на каждом переходе надлежало брать приступом крепкие позиции наподобие природных крепостей, не надеясь других последствий, как возможности подвинуться далее в пустыню и, удаляясь от своих запасов, терпеть еще бóльшую нужду. В самую решительную эпоху граф Н. М. Каменский выслан был с своим корпусом как представитель русского воинства; он должен был вытеснить шведское войско из самых неприступных

мест, из сердца Финляндии, и принудить его отказаться от дальнейших покушений к обратному завоеванию сей страны.

Шведских регулярных войск в это время было на твердой земле Финляндии около 18 000 человек, и при них 40 орудий. Из сего числа 4 000 человек под начальством полковника Сандельса находились в Тайволе, противу генерала Тучкова 1-го; 4 000 человек под начальством генерала Дебельна расположены были в Христиненштадте, противу Або. 10 000 лучших войск под начальством фельдмаршала Клингспора и помощника его генерала Адлеркрейца расположены были в окрестностях Лаппо-Кирки, т. е. на дороге в Вазу, из середины Финляндии, от Куопио и Тавастгуза. Всего с вооруженными поселянами, из коих саволакские и карельские стрелки почитались лучше регулярных солдат, было до 30 000 человек.

Превосходство в числе не давало нам существенного преимущества над неприятелем, потому что большая часть наших войск должна была сторожить берега от высадок, в тыле операционной линии, и занимать про-

винции, волновавшиеся при каждом нашем отступлении. Действующие силы были равные. Графу Каменскому поручено было только с 10 000 человек пехоты, 1 200 кавалерии и 38-ю орудиями действовать противу фельдмаршала Клингспора, опрокинуть его до самой Лапландии и очистить Финляндию. Клингспор имел на своей стороне все преимущества генерала, защищающего свое отечество. Все жители держали его сторону, укрепляли в тылу его позицию, доставляли подводы и продовольствие и старались по возможности вредить нам. Русскому генералу, действовавшему наступательно, не на что было надеяться, как только на мужество своих войск и на свой собственный гений. Шведы и финны при этом последнем усилии дрались, как герои, в неприступных своих местоположениях. Граф Каменский с равными силами победил героев и преодолел самую природу!

Граф Каменский одобрил постановление совета, созванного генералом Раевским, как выше сказано, и, следуя ему, решился отступить к Тавастгузу, чтобы сосредоточить свои подкрепления и приблизиться к центру про-

довольствия. Корпус отступил двумя колоннами и достигнул до Кумялакса и Кумоиса [1475], не быв преследуем неприятелем. Граф Каменский, чтобы скрыть от неприятеля настоящие свои намерения и свое положение и выиграть время для собрания своих подкреплений, отделил от себя три небольшие отряда для наступательных движений на двух своих флангах[1476]. Полковник Властов действовал по дороге к Сариярви на правой стороне главного шведского корпуса; полковник Сабанеев – на левой, близ Оривеси, а Эриксон – около Этсери. 2 августа граф Каменский уже был в состоянии двинуться вперед с главным отрядом, и 5 числа он занял позицию при Ивескиле[1477]. Отсюда начинаются наступательные действия корпуса графа Каменского. Тогда отряд полковника Властова составлял авангард всего корпуса. Этот отряд, состоявший из 7 \blacklozenge ми батальонов пехоты, 2 \blacklozenge х эскадронов кавалерии, партии казаков и 7 \blacklozenge ми орудий[1478], подвигаясь вперед и прошед Сариярви, был встречен отрядом шведских войск из 2 000 пехоты с 8-ю орудиями, под начальством полковника Фияндта, в крепкой

позиции при Карстуле. Это авангардное дело заслуживает того, чтобы сказать о нем подробнее[1479]; оно имело большое влияние на тогдашние военные обстоятельства.

Местоположение, занимаемое шведами, было следующее: озеро Пее, или Пее-ярви, образует несколько заливов. Между главным разливом вод и одним из этих заливов находится узкий перешеек. Здесь лежит селение Кальмари, чрез которое идет большая Линдулакская дорога мимо кирки Карстула. На проливе, соединяющем залив с главным озером, находится мост. Шведский отряд расположен был за сим мостом поперек пролива, примыкая флангами к заливу и большому озеру. На обоих флангах неприятельских были возвышения, на которых устроены были батареи. Кроме того, целая линия и левый фланг у залива, кроме батарей, прикрыты были шанцами. Шведская позиция уподоблялась крепости.

Пикет неприятельский встретил русский авангард у самого входа в перешеек, где сделаны были засеки. 24♦й егерский полк под начальством подполковника Сомова вытес-

нил шведов до деревни Кальмари, где они, засеv в домах и за заборами, мужественно защищались, получив подкрепление от главного своего отряда. Между тем как в этом месте продолжалось сражение, полковник Властов, осмотрев позицию неприятеля, сделал свои распоряжения, приносящие большую честь его глазомеру и военным соображениям. Он отрядил из первого пункта вступления в перешеек (деревни Сюстямяки) майора Римана (Севского мушкетерского полка) с шестью ротами сего полка и двумя ротами Низовского в обход главной неприятельской позиции, малой дорогой по ту сторону залива, мимо левого неприятельского фланга. Командира Севского полка, подполковника Лукова, послал с двумя батальонами Белозерского полка (состоявшими под начальством майора Алексева[1480] и капитана Макарова) и двумя орудиями противу левого неприятельского фланга, где залив был столь узок, что чрез него можно было перестреливаться. Сам полковник Властов с остальным отрядом двинулся прямо на главную позицию, вытеснил шведов из деревни Кальмари и, преследуя, опрокинул за

мост, который тотчас был зажжен неприятелем. Очистив поле по сю сторону главной шведской позиции, полковник Властов с большим искусством воспользовался выгодным своим местоположением и устроил тотчас батарею из пяти орудий на возвышении (противу правого неприятельского фланга), командовавшем неприятельскою позицией. Канонада и перестрелка продолжались без умолку на всей неприятельской линии, но успех был еще сомнителен. Шведы имели большое преимущество перед нашими, сражаясь в шанцах, тогда как наши действовали в открытом поле.

Подполковник Луков, обойдя озеро, встретил неприятельских стрелков по сю сторону залива в засеках. Их вытеснили оттуда и прогнали в шанцы, вброд чрез пролив. Стремление наше в этом месте было удержано маскированной неприятельскою батареею.

Между тем как огонь продолжался на всей линии и на самом близком расстоянии, полковник Фияндт известился от своего пикета, поставленного в тыле, при переправе чрез малую речку, что наш отряд (майора Римана),

посланный из деревни Сюстямяки, стремится в тыл шведского корпуса, вскоре займет Линдулакскую дорогу и таким образом отрежет ретираду. Приведенный в смущение этою вестью и не будучи в состоянии отразить жестокого нападения наших с фронта и с левого фланга, полковник Фияндт вознамерился отступить в порядке к другой позиции.

Лишь только с другой стороны заметили первые приготовления шведов к отступлению, вдруг на всей нашей линии раздался радостный вопль: «Ура! Вперед!» Картечи и пули посыпались из шведских шанцев и батарей; но русские воины, презирая явную смерть, бросились на горящий мост и вброд, достигли бегом до неприятельских шанцев, устремились на них со штыками и принудили шведов к бегству. Подполковник Сомов и капитаны Гаев и Никифоров 24♦го егерск[ого], капитан Шидловский и штабс-капитан Колин Севского пехотного полков были впереди и подавали собою пример мужества и решительности. Белозерский полк, находившийся на левом неприятельском фланге, не хотел оставаться равнодушным зрите-

лем столь блистательного подвига своих товарищей. Капитан Макаров бросился в то же время со стрелками вброд через залив, избежал на шанцы и штыками выгнал оттуда шведов. Майор Алексеев поспешил к нему на помощь и овладел батареями. Шведская позиция, заранее укрепленная и почитаемая непреодолимою, была взята в одно мгновение приступом. Храбрые шведы должны были уступить почти невероятному мужеству русских. Майор Ридигер с эскадроном гродненских гусар и подполковник Притвиц с Финляндским драгунским бросились вброд через пролив и довершили поражение изумленного неприятеля.

Отчаяние воспламенило шведов; они собрались за небольшою речкою, пересекающею дорогу и, имея непроходимые болота на флангах, вознамерились в этом месте удержать быстрый натиск русских и заставить их кончить сражение. Наши стрелки и кавалерия опрометью бросились на неприятеля и, не дав ему опомниться, вытеснили из этого выгодного местоположения. Шведы снова отступили, будучи преследуемы нашими стрел-

ками и кавалерию.

Между деревнею Метенен и мызою Олькар находится озеро Уйтонское, или, лучше сказать, большой разлив реки, выходящей из Пее-ярви. На реке при самом разливе лежит длинный мост, называемый Уйтонским. Здесь также заранее приготовлены были шанцы и батареи для шведов по ту сторону реки. Наши встречены были картечными и ружейными выстрелами. Шведы приготовились к сильной обороне. Тот же самый 24-й егерский полк и те же две роты Севского полка, которые взяли приступом позицию, бросаются стремглав с примкнутыми штыками на Уйтонский мост, летят прямо на шанцы и рукопашным боем оканчивают сражение. Мужество шведов поколебалось: они обратились в бегство и рассыпались. Ночь и усталость наших войск спасли их от совершенного истребления. Полковник Властов приказал авангарду нашему остановиться на мызе Олькар, а сам с главным отрядом расположился в деревне Метенен. Войско требовало отдохновения. Русские сражались непрерывно в продолжение 16-ти часов; они должны были

братъ с боя каждый шаг на расстоянии 18-ти верст и вытеснять неприятеля из пяти укрепленных позиций, в которых он останавливался, защищаясь с необыкновенным упорством. Блистательная победа увенчала невероятные труды и усилия наших. Беспорядок водворился в шведском отряде: солдаты разбрелись по лесам, и полковник Фияндт, отступив к Линдулаксу, едва мог собрать третью часть своего отряда[1481].

Сражение при Карстуде названо было *офицерским делом*. Необыкновенное соревнование одушевляло всех офицеров отряда полковника Властова. Они наперерыв друг перед другом бросались в величайшие опасности и собою подавали пример подчиненным. Император Александр щедро наградил офицеров этого отряда[1482].

На левом фланге графа Каменского дела приняли весьма неблагоприятный оборот. Полковник Эрикссон, вытеснив шведский авангард из Алаво[1483] и соединившись с полковником Сабаневым, вознамерился держаться в этом месте до дальнейших последствий. Но шведы воспользовались отдалени-

ем Эриксона от главного корпуса и слабостью его отряда, и генерал Адлеркрейц ударил на него с превышающими силами 5 августа, в час пополудни. Сражение было кровопролитное и упорное. Русские не уступали ни превышающему числу, ни сильному и непрерывному натиску шведов. Оба начальника соединенных отрядов, полковники Эриксон и Сабанеев, были ранены, но для поддержания мужества в своих подчиненных не оставляли поля сражения и находились во весь день в рядах под выстрелами. Все усилия шведов, чтобы привести в беспорядок и обратить в бегство русских, не имели успеха: ни картечные выстрелы, ни нападения на всю линию с примкнутыми штыками не могли расстроить русской дисциплины. Наши ряды были неподвижны, как железная стена. Сражение продолжалось до 7 часов вечера. Полковник Эриксон, опасаясь быть окруженным и отрезанным целым корпусом фельдмаршала Клингспора, решил отступить к графу Каменскому. Но генерал Адлеркрейц уже отрезал ему дорогу вправо, на Тейс[1484], обойдя лесом наш фланг. Полковник Эриксон обра-

тился на дорогу к Таммерфорсу и, перейдя через рукав озера Руовеси, сжег мост и деревянную Херанен для удержания стремления неприятеля. Эриксон не мог воспользоваться прикрытием озер. Шведы имели в своем распоряжении лодки жителей, переправили отряд чрез озеро Тулиоки и принудили Эриксона продолжать свое отступление[1485].

Невзирая на разбитие отряда полковника Фияндта при Карстуде шведские дела находились теперь в самом выгодном состоянии. Перед фельдмаршалом Клингспором открыт был путь не только до Таммерфорса, но даже до Тавастгуза. Правое крыло Клингспора прикрыто было отрядами генералов Дебельна, Фегезака и полковника Гиленбегеля. Двинувшись вперед, он мог заставить графа Каменского отступить единственно из опасения быть отрезанным от своих сообщений; а отступление графа Каменского, предавая во власть неприятеля обширное пространство хлебодородной провинции в самое время жатвы, доставило бы средство Клингспору запастись продовольствием для своего войска, лишит русских всех средств и даже истребить

наши запасы в Таммерфорсе и Тавастгузе. Между тем шведский король Густав угрожал высадкою в окрестностях Або и Христиненштадта, что лишало возможности наши береговые войска приступить к каким-либо движениям внутри страны. Вооружение поселян в Карелии сделалось бы тогда весьма важным, и полковник Сандельс (стоявший в Тайволе противу генерала Тучкова, находившегося в Куопио[1486]) при наступательном действии Клингспора получил бы большие выгоды в своей неприступной позиции. Преимущество, одержанное генералом Фегезаком на правом фланге Клингспора, при Лаппо-Кирке, над отрядом полковников Бибикова и Ансельма-де-Жибори, обеспечивало Клингспора с самой опасной для него стороны[1487]. Казалось, что все ему благоприятствовало, и если б он немедленно воспользовался своим положением и удержал русских до осени за чертой, идущею от Або чрез Тавастгуз до Куопио, то занятие Финляндии русскими не последовало бы в этом году. Неизвестно, какой оборот взяла бы европейская политика чрез год, и участь Финляндии могла бы решиться ина-

че. Все зависело от действий графа Каменского: он своею решительностию рассек этот гордиев узел и расстроил все ученые соображения шведских генералов.

Когда Клингспор с нетерпением ожидал известия об отступлении графа Каменского из Ивескиля, вдруг пришла к нему весть, что граф Каменский поспешно двинулся вперед. Оставив полковника Властова преследовать Фияндта, граф Каменский при первом известии об отступлении Эриксона от Алаво почувствовал критическое свое положение и вознамерился уничтожить в самом начале выгоды, полученные неприятелем. Надеясь на мужество русских, он решился немедленно напасть на шведов открытою силою, твердостью и настойчивостью переманить военное счастье на свою сторону.

Быстро устремился граф Каменский к Алаво и 8 августа встретил шведский авангард при Этсари[1488] [1489]. Русские с нетерпением ожидали встречи с неприятелем; после жаркого дела шведский авангард был разбит и опрокинут.

Здесь случилось происшествие, которое

стоит того, чтобы упомянуть о нем, потому что оно произвело сильное впечатление на шведов.

Майор Гласков с двумя ротами 23-го егерского полка, отступая на Ивескиль после занятия Алаво шведами, был остановлен неприятелем, имевшим два орудия, при Этсари. Не будучи в состоянии противиться превышающей силе, он, однако ж, продолжал отступать. На пути присоединилась к нему партия рекрут; весь отряд его состоял из 269-ти человек. Для отдохновения утружденных походом солдат майор Гласков остановился в одном выгодном для защиты местоположении. Вдруг неприятельская пехота в 300 человек появилась в тыле на большой дороге, а другая, столь же сильная, колонна обходила его лесом. Шведы кричали, чтоб русские положили оружие и просили пощады. Майор Гласков, разделив свой отряд на две части, вместо ответа на приглашение к сдаче бросился на неприятеля в штыки, пробился рукопашным боем чрез его ряды и, пробежав сто сажень, остановился, собрал людей, построил во фронт и начал отступать в порядке, отстре-

ливаясь. Толпа вооруженных крестьян также заступила ему дорогу; он разогнал ее и, преодолев все усилия неприятеля, хотевшего взять его в плен, соединился с графом Каменским. Сами неприятели отдали справедливость чудесной храбрости горсти русских! На каждого нашего солдата приходилось по четыре шведа, и, невзирая на это, они, даже окружив наших, не могли взять их в плен!

Граф Каменский быстрым своим движением изумил шведов и принудил Клингспора сосредоточить рассеянные свои силы. Фельдмаршал Клингспор избрал крепкую, или, лучше сказать, неприступную, позицию при Куртане[1490], из которой он мог иметь свободное сообщение с правым своим флангом и с отрядом полковника Фияндта. Лишь только граф Каменский двинулся вперед, то все русские отряды, рассеянные на большом пространстве, пришли в движение, сосредоточиваясь по направлению к Алаво. Генерал-майор Ушаков, с отрядом своим[1491] находясь на левом фланге, следовал вперед на Кухайоки [1492]; Властов находился в Линдулаксе[1493]. Отряд полковника Эриксона шел к Алаво, ку-

да граф Каменский вступил 14 августа, перешед в семь дней 290 верст[1494]. Шведы едва верили появлению Каменского!

Граф Клингспор должен был почувствовать свою ошибку в том, что он упустил случай истребить малочисленный корпус генерала Раевского и после того отряд Эриксона при Алаво. Мужественное сопротивление наших войск и искусное отступление в самых неблагоприятных обстоятельствах лишили шведов тех выгод, которые, кажется, представляла им сама судьба. Теперь наступала решительная минута: от успеха действий Каменского зависела участь целой кампании. Фельдмаршал Клингспор надеялся, что он сравными силами если не разобьет Каменского, то, по крайней мере, при выгодах своего местоположения успеет отразить его нападение и, ослабив его потерями, неразлучными с атакою укрепленных постов, принудит к отступлению. Не только шведское войско, но и жители Финляндии разделяли надежду Клингспора. Они предсказывали, что граф Каменский поспешает на погибель[1495].

В Алаво граф Каменский остановился, что-

бы собрать все отдельные отряды и подкрепления, заготовить продовольствие на несколько дней вперед и дать своим солдатам отдохнуть и подготовиться к новым трудам. 17 августа он возобновил наступательные действия[1496].

Авангардом, состоявшим из трех батальонов пехоты[1497], с достаточным числом кавалерии командовал Гродненского гусарского полка полковник Кульнев. За ним следовал отряд Эриксона[1498], а после того шел под начальством генерал-майора Демидова главный отряд, при котором находился и сам граф Каменский. Дорога от Сарвика к Куртане идет по правой стороне реки. Генерал-майор Казачковский отряжен был с Калужским мушкетерским полком и нашим эскадром на левый берег реки. Голова колонны его шла наравне с авангардом, и он должен был угрожать флангу и тылу неприятеля.

Шведы удержали наш авангард при переправе чрез реку у Сарвика. Мост был сожжен. Перестрелка продолжалась целый день, но наконец неприятель был сбит и опрокинут. Переправа осталась в наших руках.

19 августа авангард наш достигнул до Каухаламби[1499], где неприятель снова остановился в укрепленной позиции и двумя орудиями очищал большую дорогу. Егери наши бросились со штыками вперед, а Гродненского гусарского полка ротмистр Гротгус и лейб-гвардии Конного полка штабс-ротмистр князь Кудашев устремились с кавалериею на шанцы, овладели ими и обратили в бегство неприятеля. Шведы жгли все мосты по дороге, но наша пехота с такою скоростью починивала их, что артиллерия не отставала от пехоты, которая почти от Каухаламби до Куртане бегом преследовала неприятеля, останавливаясь только при починке мостов и при перестрелке. Неприятель тщетно покушался удержать стремление нашего авангарда при деревне Мяснея, где за небольшою речкою заблаговременно приготовлены были шанцы за сожженным мостом. Здесь держались шведы довольно долго; наконец наша кавалерия и пехота бросились вброд чрез реку и, угрожая неприятелю напасть на него с тыла, принудили его оставить свою позицию. Авангард наш преследовал неприятеля штыками и бес-

престанно перестреливался до самой куртанеской позиции. Здесь опять завязалось жестокое сражение. Неприятель снова был опрокинут, и наша пехота, гоня перед собою неприятельских стрелков, взбежала вместе с ними на мост длиною во сто сажен, защищаемый батареями. Сильная канонада и наступившая ночь удержали быстрый наш натиск и принудили авангард остановиться. Шведы тотчас зажгли мост. Успехами этого дня обязаны полковнику Кульневу. Здесь, кстати, почитаю сказать несколько слов об этом герое, прославившемся в Финляндии и падшем со славою в Отечественную войну 1812 года [1500].

Кульнев был правою рукою и глазом графа Каменского в Финляндскую войну. Кульнев совершенно понимал виды своего начальника и исполнял его предначертания с суворовскою быстротою. В преследовании неприятеля Кульнев был неутомим: он беспрестанно был на коне, впереди с пехотными стрелками, первый в кавалерийских атаках. Он первый поднимал свой отряд и последний предавался отдохновению. Кульнев припоминал

собою суровых воинов древней Спарты и времен Святославовых[1501]. Он не любил квартир: ненастные дни и бурные ночи проводил всегда на биваках, возле огня, окруженный солдатами. Бурка составляла все его прикрытие от непогод. Он был высокого роста, сухощав и несколько сутуловат. Имел черные волосы, лицо бледное и смуглое. Большие черные глаза и орлиный нос составляли отличительные черты его физиономии. Длинные усы и бакенбарды висели на опушке его черного доломана[1502] с черными шнурами. Голова его покрыта была почти всегда, а особенно в сражении, красным шерстяным колпаком по обычаю финских поселян. Он не носил фуражки и редко надевал гусарский кивер. Исполнее платье его было широкое казацкое. В руках у него всегда была казацкая нагайка, служившая ему вместо оружия. Кульнев был обожаем солдатами, невзирая на строгость, с которою он наказывал отступление от военной дисциплины. Он жил с солдатами, питался одною с ними пищею и разделял с ними все труды и опасности. Несколько раз в ночь он садился на коня и объезжал все посты,

приближаясь всегда к неприятельским часовым. Оплошный не оставался без наказания и немедленно бывал схвачен, часто самим Кульневым. Целая шведская армия знала его; он первый извещал ее о начатии военных действий, и появление его на шведских передовых постах было сигналом к битве.

Но обратимся к военным действиям.

Большая дорога из Таммерфорса в Вазу идет по правому берегу озера Куртане, мимо кирки того же названия. В трех верстах за киркою протекает река, выходящая из озера Нисаламби, лежащем в версте от озера Куртане. По обеим сторонам реки и вокруг озера Нисаламби простираются болота, идущие за Нисаламби на две с половиною версты. В середине болота протекает небольшая река, впадающая в Нисаламби. Кругом болота большой лес, примыкающий с обеих сторон к озеру Куртане. Под лесом, за рекою, возле селения Руона простираются поля и возвышения. На реке, которою озеро Нисаламби вливается в озеро Куртане, построен мост длиною во сто сажень, называемый Руонским. Вот местоположение, на котором подвизались два храб-

рые воинства.

Шведы расположены были между озером Куртане и Линдулакскою дорогою, между селениями Руона и Такала, вдоль болота, простирающегося за реками и за озером Нисаламби. Позиция их составляла тупой угол, ко-его оконечность была в селении Переля, против озера Нисаламби, и разделялась таким образом на две части. Первая часть позиции (или правый фланг) была неприступна, при-мыкая вправо к озеру Куртане и находясь за широким болотом, рекой и озером Нисаламби. На возвышениях за рекою устроены были три сильные шведские батареи: одна перед селением Руона, другая под лесом, а третья противу самого моста Руонского. Вторая часть позиции (или фронт с левым флангом) тяну-лась вдоль болота за речкою, от озера Нисаламби до селения Такала, и прикрыта была на всем протяжении своим шанцами и засе-ками, между которыми устроены были на возвышениях батареи, одна впереди селения Переля, другая между этим селением и Така-лою, третья впереди этого последнего селе-ния, четвертая правее за ними, противу боль-

шой Линдулакской дороги. Все дорожки и малейшие тропинки завалены были засеками и оберегаемы стрелками. Кроме того, лес сам по себе был почти непроходим, наполнен камнями и густыми кустарниками. Шведы находились как в крепости[1503]. В военной истории трудно найти, чтоб войско занимало позицию, столь выгодную и неприступную, как куртанеская.

Распоряжения графа Каменского при Куртане доказывают военный его гений и должны сохраниться в истории как пример для военных людей. Зная, что Линдулакская дорога идет лесами, мимо неприступной позиции при мосте Руона и проходит за левым флангом неприятеля, близ деревни Такала, граф Каменский послал (из отряда полковника Властова) подполковника Лукова с Севским мушкетерским полком, полуэскадрой Гродненского гусарского полка и партией казаков, чтобы он, обойдя левый фланг, устремился в тыл неприятельский, к деревне Сальми. Генерал-майор Казачковский с Калужским мушкетерским полком и нашим командирским эскадроном следовал по левому берегу озера

Куртане мимо правого неприятельского фланга, также по дороге к деревне Сальми в тыл неприятеля. В ночи с 19 на 20 августа граф Каменский велел устроить две батареи из осьми орудий противу неприятельского фронта; пушки иначе нельзя было провозить на батареи как под неприятельскими картечными выстрелами, и потому для сбережения людей выбрали для работы ночную пору. Батареями командовал майор Бреклинг. Противу самой оконечности правого неприятельского фланга, на мысу, устроена была также батарея из двух 12-фунтовых орудий. Авангард полковника Кульнева, состоявший из 3-го егерского и трех рот Петровского мушкетерского полка, поставлен был за батареями, против фронта неприятельского. Все наши усилия устремлены были на левый неприятельский фланг. Отряд полковника Эриксона, состоявший из 23-го и 26-го егерских полков и трех рот Азовского мушкетерского, и отряд генерала Янковича, состоявший из Белозерского, одного батальона Азовского и одного батальона Великолуцкого мушкетерского полков, отданы были под начальство генера-

ла Раевского, которому генерал граф Каменский приказал обходить неприятельскую позицию и теснить левый его фланг. По невозможности провозить орудия лесом, тропинками и болотами разобраны были два орудия, которые несли на руках наши егери; при них был артиллерии поручик Бендерский. Резерв наш состоял из Пермского мушкетерского полка и одного батальона Петровского мушкетерского полка. Он был под начальством генерала Демидова и стоял на большой дороге за авангардом Кульнева.

Генерал Раевский отправился в 10 часов утра (20 августа) в обход, как скоро известись, что подполковник Луков приблизился к деревне Сикила, в недалеком расстоянии от Такала. Ничто не может сравниться с трудностями, которые надлежало преодолеть генералу Раевскому на этом пути! Камни, стремнины, болота, топи и непроходимый лес замедляли шествие его отряда. Для перехода пяти верст надлежало употребить четыре часа времени! Наконец, когда генерал Раевский вышел на то место, с которого надлежало произвести нападение, граф Каменский велел

открыть со всех наших батарей сильную канонаду, во втором часу пополудни, и на правом нашем фланге тотчас завязалось сражение.

Генерал Раевский, вышед на дорогу, с которой должно было вести атаку на левый неприятельский фланг, нашел ее заваленною засеками и потому пошел вперед болотами, с отрядом полковника Эриксона, присоединив к нему часть отряда генерала Янковича[1504], которому велел оставаться в деревне Сипола, по сю сторону озера Нисаламби. Открытое болото отделяло отряд генерала Раевского от неприятеля, и лишь только русские показались из опушки леса, пули и картечи посыпались градом и принудили наших остановиться в лесу. Шведы, пользуясь первым изумлением наших войск, построились за шанцами в две колонны и быстро устремились на отряд полковника Эриксона, переменяв таким образом оборонительное положение в наступательное. Превосходство сил неприятеля и сжатое, невыгодное место, на котором наши не могли развернуть колонн, поставляли отряд полковника Эриксона в затруднительное

положение. Одна отчаянная храбрость могла спасти русских. Нападение шведов было отражено штыками, и наши, опрокинув их, преследовали до самых укреплений, где сильный картечный огонь удержал наступающих. Полковник Эриксон снова отступил в лес и расположился по опушке.

Шведы, будучи безопасны от всякого покушения на своем правом фланге, перевели ле- сами почти все силы свои на левый фланг, противу генерала Раевского, и стали действовать наступательно. Подкрепив две прежние колонны свои третьєю, они снова устремились на отряд полковника Эриксона, выслав четвертую колонну для занятия селения Хероя, лежащего перед деревней Сипола (на левом фланге полковника Эриксона), защищаемого отрядом 24-го егерского полка. Это движение могло иметь решительные последствия, потому что если б шведы заняли деревню Хероя и потеснили полковника Эриксона, то он был бы отрезан от нашего левого фланга и отряд его был бы истреблен превосходным числом неприятеля. Положение генерала Раевского было отчаянное. Он приказал ге-

нералу Янковичу отрядить один батальон Белозерского полка к защите деревни Хероя для обеспечения левого фланга полковника Эриксона, который должен был выдерживать до самой крайности натиск шведов. Между тем генерал Раевский послал к генералу графу Каменскому просить помощи.

Шведы сражались с ожесточением и, желая воспользоваться своим превосходством сил, повели атаку с невероятною быстротою, чтоб расстроить наш правый фланг до прибытия подкрепления. От защиты деревни Хероя зависело весьма многое, и, по счастью, батальон Белозерского и отряд 26-го егерского полка не только успели удержать стремление неприятеля, но, бросившись в штыки во фланг, смяли его и опрокинули. Это удачное действие поддержало равновесие сражения.

Между тем граф Каменский, находившийся на нашем левом фланге, где наши батареи продолжали действовать без умолку, приметя, что с неприятельских батарей свозят несколько орудий и что движение войск производится по направлению на левый неприятельский фланг, выслал в подкрепление гене-

рала Раевского два эскадрона кавалерии: эскадрон князя Манвелова, нашего полка, и эскадрон Гродненского гусарского полка майора Силина. Нашей кавалерии нельзя было иначе достигнуть своего назначения, как проскакав под самыми батареями неприятельскими. С наших батарей дано три залпа, и кавалерия по этому сигналу пустилась во всю конскую прыть. Шведы, думая, что наша конница намерена броситься на шанцы чрез болото, выслали целые толпы стрелков. Шведские батареи в то же время усилили свое действие, но наша кавалерия под пулями и ядрами пролетела чрез опасное место, и, к удивлению всех, без урона; убита одна уланская лошадь.

Вслед за этим пришло известие от генерала Раевского о его затруднительном положении. Граф Каменский отрядил из авангарда часть 3-го егерского полка и пять рот Коstrомского[1505], приказав по надобности подвигаться вправо и прочим полкам, пополняя авангард резервом, так что наконец у генерала Демидова в резерве остался только один батальон Пермского полка. Пока подкрепле-

ние подоспело, положение отряда генерала Раевского постепенно становилось опаснее. Отряд полковника Эриксона, упорно защищаясь, принужден был отступить к деревне Хероя, а генерал Янкович, оставшийся с одним батальоном Белозерского полка в деревне Сипола, был атакован шведами с такою быстротою, что одна только отчаянная решительность погибнуть на месте спасла его! Удачное действие двух наших орудий (перенесенных на руках) под начальством поручика Бендерского удержало первый натиск шведов. Стрелки наши, пользуясь этим случаем, заняли неприятеля перестрелкою, пока не подоспело подкрепление, которое тотчас переменило вид сражения.

С восклицанием «ура! вперед!» бросились наши на шведов. Генерал Янкович и полковник Эриксон двинулись с своими отрядами прямо на неприятеля. Стрелки наши устремились вперед бегом, перед колоннами, следовавшими скорым шагом с примкнутыми штыками и с барабанным боем. Вдруг вся равнина покрылась отступающими шведами, которые скрылись в своих шанцах и за батарея-

ми, оставив поле сражения, усеянное телами убитых и раненых. Наступившая ночь и усталость обеих сторон прекратили сражение.

Генерал-майор Казачковский, отряженный на другой берег озера Куртане, также дрался целый день. Шведы сильно сопротивлялись, но генерал Казачковский успел выгнать их открытою силою из трех деревень. Наш эскадрон преследовал стрелков, лишь только их вытесняли из домов. Мы перекололи их множество[1506]. Хотя шведы были гораздо сильнее отряда Казачковского, но открытое место, позволив действовать нашим уланам, послужило в нашу пользу, а шведы вовсе не имели кавалерии в этом месте. Шведский отряд был загнан в дремучий и болотистый лес, где он и остановился, а генерал Казачковский, заняв позицию в последней из деревень, Койпяла, послал разъезды до самой Сальми, на оконечность озера Куртане, в тыл неприятельской позиции. Таким образом правое неприятельское крыло было обойдено.

Подполковник Луков, следуя по Линдулакской дороге с небольшим своим отрядом, вы-

ступил 20 числа из Сикалы. Неприятельский отряд, бывший противу него, отступая, пользовался каждым выгодным местоположением, чтобы задерживать отряд Лукова перестрелкою, жег мосты и всячески замедлял его шествие. Подполковник Луков едва к ночи успел дойти до леса, занимаемого шведскою армиею, и остановился, не достигнув до неприятельской позиции. Однако ж этим движением его левый фланг неприятеля угрожаем был обходом.

Русские сражались весь день 19 числа и, кроме того, сделали большой переход. 20 числа они также весь день были в движении и выдержали самое кровопролитное сражение. Не было времени подумать ни о пище, ни об отдыхе. Оба полководца были в затруднительном положении. Граф Каменский по упорному сопротивлению шведов думал, что они станут защищать свою позицию до последней крайности. Усталость войск и отдаление отряда Казачковского, которого почти невозможно было подкрепить, возбуждали в нем опасения. Превосходство шведов на всех пунктах было ощутительно; но граф Клинг-

спор, удостоверившись, что ни шанцы, ни батареи, ни засеки, ни болота не могут удержать русских и отвратить их от наступательных действий, и опасаясь также быть обойденным отрядами генерала Казачковского и подполковника Лукова, вознамерился бросить укрепленную свою позицию при Руоне и Такале и отступить к другому, заранее укрепленному, местоположению при Сальми. Таким образом, распоряжения графа Каменского столько же, как и храбрость наших войск, содействовали к отступлению графа Клингспора. В ночи, когда наши обозы уже вытягивались на большую дорогу к Алаво, чтоб быть готовыми к отступлению в случае необходимости, и когда граф Каменский, получая известия от разных отрядов, делал свои соображения к следующему дню, полковник Кульнев привез радостную весть, что огни на шведских биваках редуют и тухнут один за другим. Граф Каменский сделал немедленно распоряжение, чтобы на другой день возобновить нападение и начать преследование неприятеля.

21 числа, на самом рассвете, неутомимый Кульнев переправил вброд чрез залив озера

Куртане казаков и егерей, занял оставленные шведами укрепления и начал строить мост, который искусством инженерного поручика Теша скоро был кончен. Авангард тотчас переправился, и разъезд наш открыл неприятеля в одной версте на большой дороге к Сальми. Шесть рот 3-го егерского полка под начальством майора Худинского устремились на неприятеля и тотчас начали перестрелку, а ротмистр конной гвардии князь Кудашев (бывший волонтером при корпусе) с двумя ротами того же полка пошел лесом вправо, чтоб выйти на большую Линдулакскую дорогу и открыть отряд подполковника Лукова. В трех верстах от Руонского моста Линдулакская дорога выходит на большую Таммерфорскую. В углу соединения находится возвышение. Шведы, отступая медленно, остановились здесь, растянули цепи стрелков по обеим сторонам дороги и поставили пушки на возвышениях.

К майору Худинскому послан был на подкрепление батальон Пермского полка и две роты Петровского. Прочие войска авангарда оставались между тем в брошенных непри-

ятелем укреплений. После упорного, хотя непродолжительного боя неприятель был вытеснен из своей позиции и отступил к Сальми. Отряд подполковника Лукова в то же время соединился с авангардом [1507], который быстро преследовал неприятеля.

Шведы держались крепко в Сальми. Сражение продолжалось три часа, и сперва успех был сомнителен. Наконец полковник Кульнев решился на отчаянное предприятие. Он послал шесть рот 3-го егерского полка, две роты Севского и две роты Пермского под начальством майора Худинского в обход левого неприятельского фланга, а две роты 3-го егерского и две роты Петровского мушкетерского с майором Кузминским отрядил для защиты нашего левого фланга. Сам Кульнев, устроив остальные войска в боевой порядок, остановился противу центра неприятельской позиции. Лишь только майор Худинский достигнул до своего назначения и показался на левом фланге неприятеля, Кульнев дал знак к общей атаке. В то же время показался отряд генерала Казачковского по ту сторону озера, в тыле у неприятеля. Шведы производили же-

стокий ружейный и картечный огонь, но авангард наш, вышед из опушки леса, с криком «ура!» бросился в штыки на шанцы и батареи. Шведы едва успели увезти свои орудия. Защитники шанцев, не успевшие спастись бегством, были исколоты на месте, крепкая позиция взята, и наши гусары преследовали неприятеля на десять верст. Авангард остановился в Сальми.

Этим кончилось трехдневное упорное сражение, в котором два храбрые воинства почти в равном числе оспаривали друг у друга победу и славу. Шведы имели большое преимущество, защищаясь в неприступной позиции. Они едва верили этому событию! Сражение при Куртане, делающее столько же чести побежденным, как и победителям, достопамятно в военной истории России и Швеции [1508]!

Потеря с обеих сторон была значительная, судя по малочисленности войск. С нашей стороны убит один штаб-офицер, ранено 15 обер-офицеров[1509], нижних чинов убито 128, ранено 648, без вести пропали 51 человек. Неприятель потерял убитыми 1500 человек,

в плен взято до полутора ста рядовых и несколько офицеров[1510].

Разбитый неприятель бросился к морскому берегу для соединения с находившимися в разных местах отрядами и для спасения своих запасных магазинов. Граф Клингспор пошел на Лилькиро к Вазе, а часть его корпуса под начальством генерала Грипенберга взяла направление чрез Нидергерми[1511] к Ньюкарлеби. Граф Каменский пошел сам вслед за корпусом графа Клингспора, а генерала Казачковского с Калужским мушкетерским, 26♦ м егерским полками, батальоном Азовского мушкетерского, нашим эскадроном и двумя орудиями послал на Нидергерми, приказав ему занять в этом месте переправу чрез реку. Полковнику Властову велел следовать от Линдулакса к Гамлекарлеби и стараться быть в сообщении с генералом Казачковским. Граф Каменский надеялся, что, действуя в тыле неприятеля обходными отрядами Казачковского и Властова, принудит его к отступлению без боя от Ньюкарлеби.

Я уже сказал, что во время ретирады графа Клингспора жители под надзором шведских

инженерных офицеров заблаговременно укрепляли позиции в тыле шведского войска, и оно всегда останавливалось в безопасности от нечаянного нападения, отдыхало спокойно и находило на месте продовольствие. Кроме того, те же крестьяне подвозили заранее фураж и провиант, истребляли мосты, делали засеки на дороге, и все это избавляло солдат от лишних трудов, давало большое преимущество шведам пред нами и не только затрудняло графа Каменского в движениях, но и подвергало войско большой потере людей при штурмовании укрепленных шанцами и засеками позиций. Для лишения шведов этих преимуществ граф Каменский составил *особый план войны*, а именно вознамерился действовать *обходами*, назначив для этого отряд генерал-майора Казачковского. Этот слабый отряд состоял до занятия нами Гамлекарлеби из Калужского мушкетерского (которого генерал Казачковский был шефом), имевшего 806 человек фронтовых под ружьем, 26-го егерского полка в 602 человека фронтовых, одного батальона Азовского мушкетерского полка в 300 человек и нашего эскадрона, в котором

было не более 75-ти человек улан. Наш отряд претерпевал гораздо более трудностей, нежели прочее войско, потому что мы беспрестанно должны были идти проселочными дорогами или тропинками и соблюдать величайшую осторожность, как передовой пост авангарда. Но передовые посты сменяются для отдыха, а мы были бессменными! Этот план войны удался графу Каменскому, должно, однако, и то сказать, что он рисковал нашим отрядом, подвергая его опасности быть отрезанным и уничтоженным. Эта участь непременно бы постигла нас, если б шведы действовали смелее, решительнее и не следовали неотступно школьным правилам стратегии. Однажды отряд наш едва не подвергнулся разбитию.

Преследуя неприятеля, граф Каменский имел жаркое авангардное дело при Илистаро [1512] 29 августа. На другой день присоединился к графу Каменскому отряд генерала Ушакова, бывший в Кухайоках. Неприятель не останавливался в укрепленной заранее позиции при Лилькиро, где соединились с ним разные рассеянные отряды. Батареи и шанцы

были брошены без боя. Здесь граф Каменский узнал, что часть неприятеля пошла к Вазе для спасения своих госпиталей и магазинов, а главный корпус взял направление к северу вдоль морского берега, по дороге к Ньюкарлеби. Граф Каменский послал немедленно генералов Раевского и Янковича к Вазе для завладения сим городом, а сам устремился за неприятелем и 1 сентября расположился в виду его позиции при Оровайсе.

Между тем генерал Казачковский, идя боковою дорогою на Ньюкарлеби, встретил у кирки Нидергерми (верстах в 35-ти от Ньюкарлеби) шведский отряд генерала Грипенберга, в укрепленной позиции за рекою. У Казачковского всего было под ружьем 1782 человека, а у Грипенберга регулярного войска было 2000 человек и столько же отличных стрелков из жителей Саволакса и Карелии. Атаковать шведскую позицию с фронта было невозможно, и потому Казачковский вознамерился действовать по примеру своего начальника и послал в обход левого неприятельского фланга подполковника 2-го егерского полка Карпенкова (командовавшего 26-м егерским

полком) с стрелками Азовского и Калужского полков и одним батальоном 26-го егерского полка, а наш эскадрон с ротой пехоты выслал на правый неприятельский фланг для ложной атаки. Удивительно, как генерал Грипенберг не разбил в пух наших обходных отрядов и не принудил Казачковского к отступлению при первой встрече! Мы фланкировали на правом фланге с неприятельскими стрелками, делая вид, что намерены дебордировать их фланг[1513], и когда их стрелки усиливали ружейный огонь, мы скакали к лесу, где стояла рота нашей пехоты. Шведы останавливались от выстрелов нашей пехоты, не зная ее силы, а мы снова начинали гарцевать враспынную, всегда заступая им во фланг. Между тем и Карпенков завязал на левом фланге перестрелку. Это устрало шведского генерала, и он начал отступать. Мы преследовали шведов, но они два раза дали нам сильный отпор и даже принудили отступить до Нидергерми, где мы провели ночь. На другое утро мы снова пошли вперед по дороге к Ньюкарлеби.

В нескольких верстах от этого города, с

правой стороны дороги протекает река в крутых берегах, а с другой стороны находятся возвышения, покрытые лесом. Тут остановился генерал Грипенберг. Генерал Казачковский завязал сражение. Стрелки наши вогнали шведов в лес, и весь отряд двинулся вперед, но это была только уловка (стратагема) со стороны шведов. Они имели с собою фальконеты (маленькие пушки, переносимые на руках) и расположили их на холме, покрытом лесом, между камнями. Картечи и сильный ружейный огонь из-за камней принудил наших стрелков отступить, и высланные на подкрепление им два батальона пехоты также не могли устоять. Когда стрелки наши, отступая, стали выходить на лощину, а шведы шли за ними с криком «ура», провожая выстрелами отступающих, Казачковский выдвинул две свои пушки на большую дорогу и поставил наш эскадрон для прикрытия орудий, рядом с пушками, шагах в двухстах от крутого холма, заросшего густым лесом, с тем чтоб мы пустились в атаку, когда шведские стрелки выйдут на лощину. Генерал Казачковский был храбрый воин и старый служа-

ка, но он никогда не командовал конницей и не умел употреблять ее в дело. Наш ротмистр объяснил ему, что в этой узкой лощине нет места для атаки и что мы напрасно, без всякой пользы подвергаем опасности людей и лошадей, потому что шведские стрелки стреляют в нас из леса, с высоты, как в мишень, и мы стоим перед ними, не имея возможности защищаться. Но Казачковский не убедился этим справедливым замечанием, и мы оставались под сильным ружейным огнем, пока не начало смеркаться и пока наши стрелки не собрались. Тогда мы отступили и остановились на половине дороги к Нидергерми. Генерал Грипенберг не преследовал нас, но если б он послал часть своего войска в обход, другим берегом реки, чтоб отрезать нас от Нидергерми, а сам напал на нас ночью, то Бог знает, чем бы кончилось! У нас уже недоставало патронов, а ретироваться нам было некуда. Но Грипенберг доволен был и тем, что отбил нас от Ньюкарлеби, потому что если бы мы взяли его, то армия графа Клингспора приведена была бы в самое опасное положение. За тем и высланы мы были графом Ка-

менским.

Предположения графа Каменского не сбылись. Однако же он не хотел предпринять обратного похода на Каухава[1514], чтоб оттуда устремиться к Ньюкарлеби, и потому решился напасть немедленно на неприятеля и открытым боем заставить его очистить приморские провинции. Крайность заставляла шведов держаться при Оровайсе до последней капли крови, ибо полковник Фияндт, уходя перед отрядом Властова, сжег мост при Химанго и тем лишил фельдмаршала Клингспора средств к безопасному отступлению на Гамлекарлеби.

1 сентября авангард[1515] наш, под начальством полковника Кульнева, ночевал в виду неприятельских постов в 5-ти верстах от Оровайса. Подкрепление[1516] под начальством генерала Демидова находилось в четырех верстах от авангарда, а граф Каменский с отрядом[1517] генерала Ушакова остановился в Веро. В целом корпусе графа Каменского не было более 6000 человек под ружьем. Шведский фельдмаршал Клингспор имел 7000 отборных воинов и более 3000 вооруженных крестьян. Шведскими полками командовал гене-

рал Фегезак, а финскими и крестьянами – Адлеркрейц[1518].

Я уже сказал выше, что не числом войск должно определять важность сражений, но мужеством и следствием победы. В таком отношении сражение при Оровайсе должно быть причтено к знаменитейшим подвигам русского оружия в XIX столетии. Читатель увидит отчаянную храбрость обеих сторон и последствия сего кровопролитного сражения.

Между селениями Оровайсом и Карват Ботнический залив образует небольшую губу, довольно протяженную внутрь земли острым своим концом. Вдоль морского берега пролегает большая дорога из Вазы в Ньюкарлеби и поворачивает влево в конце губы. На этом-то повороте была укрепленная шведская позиция. В море впадает в этом месте небольшая речка, протекающая чрез болота. Вдоль болот, от моря далее внутрь земли, по лесам тянутся возвышения и каменные утесы, перед которыми растет на болотах мелкий кустарник. Кирка Оровайси лежит за позициею, также на возвышении. Шведы примыкали своим правым крылом к утесистому берегу моря, где

имели несколько канонирских лодок. На горе, в центре позиции, на большой дороге устроены были их батареи. Отсюда тянулись шанцы по полям и лугам до возвышений и утесов, прикрывающих левый фланг, оканчивающийся в непроходимом лесу, заваленном засеками. Первая черта позиции была вышеупомянутая речка и болота, а кроме того, в разных местах были засеки, оберегаемые стрелками. Нельзя было приблизиться к позиции иначе как под картечными выстрелами, в разных направлениях очищавшими ровное и незакрытое место, чрез которое надлежало проходить. Перед этою главною позициею была другая, также укрепленная, возле небольшого озера, из которого вытекает другая речка, также впадающая в море. За мостом находится мельница, за которою устроена была батарея, а вдоль реки поделаны засеки. В этом месте завязалось сражение, в двух верстах от кирки Оровайси.

Шведские посты были сначала сбиты и отступили к мосту. Стрелки наши растянулись правым флангом за озеро, а левым примкнули к морю и намеревались обойти озеро. Но в

самое это время батальон 3-го егерского полка, бывший на левом фланге (к морю), был атакован превосходным числом неприятеля и принужден податься назад. Кульнев подкрепил его батальоном Севского полка под начальством храброго майора Римана, который после жестокого боя едва успел остановить сильный натиск неприятеля. Подполковник Луков подоспел на помощь с остальным батальоном Севского полка, и в то же время Кульнев выдвинул на дорогу 12-фунтовое орудие при поручике Бендерском. Несколько часов сряду храбрый поручик Бендерский[1519] действовал из своего орудия с величайшим успехом под ружейными неприятельскими выстрелами и тем удерживал натиск шведов. Наконец почти все его артиллеристы были перебиты, и не оставалось ни одной лошади. Он был сменен другим офицером и орудием того же калибра. Шведов потеснили за мост. Но в это время на нашем левом фланге сделана высадка из канонирских лодок; помощь, пришедшая из главной шведской позиции, дала перевес шведам на целой боевой линии, и они с ужасным криком бро-

сились в штыки и стали обходить наш правый фланг. Авангард наш принужден был к отступлению, но прибытие отряда генерала Демидова снова удержало его, а Петровский и Пермский полки подкрепили наши фланги. Неприятель остановился и потом стал отступать. Тогда артиллерии штабс-капитан Башмаков, выдвинув четыре орудия на дорогу, производил убийственный огонь, заставивший неприятеля уступить на нашем центре. Но в то же время шведы, оставя лучшие войска для наблюдения в центре, устремились с новыми силами на наши фланги и, когда они подались, ударили в штыки на ослабевший наш центр и принудили к отступлению. Граф Каменский должен был ввести в дело все свои войска. Сражение на целой линии продолжалось беспрерывно, с величайшим ожесточением с обеих сторон, которые то отступали, то подавались вперед, то перестреливались, то действовали штыками. Артиллерия не умолкала, и кровопролитие было ужасное! К вечеру наши войска, будучи принуждены сообразно местоположению сражаться враспыленную, устали до невероятности. Не стало

даже патронов. Перестрелка с нашей стороны сделалась слабее, и мы с трудом удерживали нападения неприятеля. Тогда шведские генералы Адлеркрейц и Фегезак, наблюдавшие центр с отборными и свежими войсками, стремительно сошли с возвышений на большую дорогу и стройными колоннами бросились в штыки на русских. Наши фланги, рассеянные в стрелках на обширном расстоянии, должны были поспешно отступать, чтоб не быть отрезанными от центра, подавшегося назад. Вся наша боевая линия обратилась в тыл, и шведы с радостными восклицаниями шли вперед, провозглашая победу, которая казалась несомненною. Гений графа Каменского и личное его мужество спасли честь русского оружия и исторгнули победу из рук неприятеля!

В начале сражения граф Каменский послал приказание четырем батальонам Могилевского и Литовского полков (всего около 1 500 человек) поспешить из Вазы к Оровайси. Подкрепление это прибыло в ту самую минуту, когда шведы шли с криком вперед, а наши отступали, слабо отстреливаясь и едва успевая

собираться в колонны. Ужасная картина! Уже темнело; туман ложился на землю; мелькающий блеск от выстрелов показывал направление отступающих и нападающих; вопли вторили выстрелам; шведы кричали «ура!», а наши скликались по полкам и батальонам. Граф Каменский находился в это время на большой дороге под выстрелами. Он был, по обыкновению, в сюртуке Архангелогородского полка, в фуражке, с нагайкою в руках. На лице его видны были гнев и негодование. Почти все адъютанты и офицеры, бывшие при нем на ординарцах, были разосланы. Адъютант его штабс-капитан Арсений Андреевич Закревский [1520] [1521], пролетев сквозь град пуль, возвратился к нему с правого фланга с печальным известием о повсеместном отступлении. Только батальон 25-го егерского полка и две роты Литовского стояли твердою стеною у моста и удерживали сильный натиск неприятеля на центр, который он хотел прорвать, чтоб воспрепятствовать соединению стрелков. За этим батальоном собрались Севский и Петровский полки.

Никто не догадывался о намерении графа

Каменского, и все предполагали, что уже бой кончен. В это время появляются на дороге четыре резервные батальона Литовского и Могилевского полков. Нетерпеливо ожидал граф Каменский их прибытия и, лишь завидел, тотчас поспешил к ним, остановил, сошел с лошади и, обратясь к солдатам, сказал: «Ребята, за мной! Наши товарищи устали; пойдем выручим их и покажем шведам, каковы русские! Вы знаете меня! Я не выйду отсюда жив, если мы не разобьем шведов в пух. Не выдайте, ребята!» – «Рады стараться, ваше сиятельство! Рады умереть!» – «Ружья наперевес! –» – командовал граф. – За мной! С нами Бог! Вперед, ура!» – «Ура!» – раздалось в рядах; ударили в барабаны, и четыре батальона бросились бегом на неприятеля.

Ничто не может сравниться с удивлением шведов при этом неожиданном нападении; они воображали, что дело уже кончено и победа одержана. Граф Каменский сам вел колонну в атаку, и наши солдаты, как отчаянные, бросились с примкнутыми штыками на отряды Адлеркрейца и Фегезака, уже овладевшие полем сражения. Настала резня, а не бит-

ва! Дрались врукопашную, на штыках. Голос графа Каменского возбуждал в наших новый жар к битве. «Ребята, не выдавай! Вперед! Коли!» – кричал граф Каменский, и наши солдаты бросались в ряды и вырывали ружья у шведов. Между тем на всей линии нашей ударили в барабаны поход; раздалось «ура! вперед!» – и все полки снова обратились на неприятеля. В пылу сражения граф Каменский, недовольный медленностью в исполнении его приказаний и возражениями, *переменил всех начальников*: правый фланг поручил полковнику князю Сибирскому, левый – полковнику Бистрому[1522], центр – Кульневу. На бегу успели раздать солдатам патроны, в которых был совершенный недостаток. Снова завязалась сильная перестрелка, и в то же время граф Каменский с своими четырьмя батальонами успел сломить шведов, опрокинул их и обратил в бегство. Фланги неприятельские также обратились вспять. Шведы поспешили к главной своей позиции, и наши преследовали их в свою очередь с воплями, выстрелами и с барабанным боем, часто устремляясь бегом в штыки. Снова все наши полки

вошли в дело, и тогда правый фланг поступил под начальство генерала Демидова, левый – под начальство генерала Ушакова, в центре был сам граф Каменский. Лишь только шведы вошли в свою позицию, тотчас загремели все их батареи, а из шанцев началась жестокая ружейная стрельба. Картечи, ядра, пули сыпались как снег на голову; кровопролитие возобновилось с новою силою. Граф Каменский не хотел довольствоваться нерешенною победою. Он послал немедленно наш правый фланг в обход левого неприятельского фланга. Через засеки, камни и непроходимый лес наши добрались до места назначения в 10 часов вечера, а между тем на всей линии дрались непрерывно во мраке, потому что от густого тумана только по выстрелам знали, где неприятель. Лишь только граф Каменский получил известие, что наш обход уже на месте, тотчас дал сигнал к повсеместной атаке, и наши с криком «ура!» бросились в штыки на неприятельские шанцы и батареи и тотчас овладели ими. Храбрые, но изумленные этим неожиданным и отчаянным нападением русских, шведы обратились в бегство в величай-

шем беспорядке. Их преследовали штыками две версты, за кирку Оровайси, где граф Каменский должен был остановиться, потому что от усталости солдаты наши едва двигались. Невзирая на это, Кульнев с авангардом пошел вслед за неприятелем, который остановился за сожженным мостом в пяти верстах от Оровайси.

Это сражение было самое кровопролитное в продолжение всей Шведской войны, или, лучше сказать, это была резня, а не сражение. Шведы потеряли в этой битве всех лучших своих офицеров, и более 2000 человек солдат пали на месте. По сознанию всех беспристрастных военных писателей, сражение при Оровайси было последний удар шведской армии (*coup de grâse*). Но шведы дрались с величайшим мужеством, и едва одно сражение в Европе в течение нынешнего века – Бородинское – может представить пример такого ожесточения и постоянства в оспаривании победы, как сражение при Оровайси. Дрались непрерывно с 7 ♦ми часов утра до 12-ти вечера, в стрелках, колоннами, в шанцах, на штыках и в ручную схватку. С обеих сторон все были

в деле, от генерала до солдата. С нашей стороны убит один офицер, ранено 25, без вести пропал один; нижних чинов убито 120, ранено 640, без вести пропало 108 человек[1523].

В присутствии одного шведского генерала сравнивали сражение при Оровайси с сражением при Маренго, в котором Наполеон точно так же, как граф Каменский, личным мужеством восстановил сражение, с батальоном консульской гвардии, и исторгнул победу у австрийцев. Храбрый шведский генерал улыбнулся и отвечал: «Уважаю Наполеона и сражение при Маренго почитаю великим подвигом; но... против него были не шведы!»

Наши войска провели ночь возле кирки Оровайси. Солдаты так были измучены, что не хотели даже варить пицци. Граф Каменский обошел кругом биваки, благодарил офицеров и солдат и посеял в них новый жар к битвам. С солнечным восходом войска уже были готовы к походу. С радостью смотрели наши на шведские батареи, шанцы и засеки, оставшиеся в тылу, и вспоминали о преодоленных трудностях как о веселой пирушке. Все благодарили графа Каменского за победу,

и радостные восклицания раздавались при его появлении. Таков русский солдат! Он любит, как отца, начальника, который ведет его в опасности, если видит, что начальник разделяет с ним все трудности и стоит крепко за честь России. Граф Каменский знал дух русского солдата, любил его и заставлял переносить то, что другие почитали невозможным, а это-то именно и нравилось солдатам и офицерам. «Господа и вы, ребята, я на вас надеюсь!» – говорил граф Каменский пред трудным делом. «Не ошиблись, ваше сиятельство!» – отвечали офицеры. «Рады стараться», – повторяли солдаты, и трудности исчезали. Победа была постоянною спутницей корпуса графа Каменского!

В то время как происходило кровопролитное сражение при Оровайси, генерал Казачковский сражался при Нидергерми и при Ньюкарлеби, желая завладеть переправою, а полковник Властов преследовал от Индесальми шведский отряд полковника Фияндта по дороге к Гамлекарлеби и далее к северу за Ньюкарлеби. Фияндт, не зная положения дел главного корпуса, опасался быть отрезанным, ес-

ли замедлит в маневрировании, а между тем сильный натиск Властова и несколько удачных стычек заставили его отступить. Таким образом Властов занял без боя Гамлекарлеби и остановился в тылу неприятельской армии на большой дороге. Но когда корпус графа Клингспора и отряд генерала Грипенберга приблизились к Гамлекарлеби, Властов отступил к Кроноби, т. е. в сторону, и дал шведам пройти, ибо с отрядом в тысячу человек он не мог отрезать ретирады вдесятеро сильнейшему неприятелю и только напрасно пожертвовал бы людьми. Однако движение Властова на Гамлекарлеби так же, как и подступление генерала Казачковского к Ньюкарлеби, т. е. в тыл шведской армии, много принесло пользы тем, что заставило шведские отряды сосредоточиться по одному направлению и угрожало пресечением ретирады графу Клингспору в случае совершенного разбития отделенных от него отрядов. После сражения при Оровайси граф Клингспор поспешно ретировался за Ньюкарлеби, сжег мост (3 сентября) и остановился на позиции при Сундби, чтоб успеть вывести из Якобштата свои запасы и

госпитали. Кульнев перешел вброд реку Карлеби-Эльф, овладел Ньюкарлеби, где найдены огромные военные запасы, и принудил Клингспора поспешно отступить к Гамлекарлеби. 7 сентября занят русскими Якобштат. Отряд Казачковского соединился с корпусом графа Каменского в Ньюкарлеби.

Граф Каменский между тем поспешно переправлял свой корпус через множество рек и протоков, перерезывающих пространство, через которое надлежало проходить, преследуя неприятеля. В Пурмо устроен был наскоро мост; реку Эссеру перешли вброд там, где шведы имели дело с нашим авангардом. Переправясь чрез семь рек и ежедневно сражаясь с неприятелем, граф Каменский достигнул до Гамлекарлеби 10 сентября; в тот же день наш авангард в 6 часов вечера перешел чрез город и остановился в пяти верстах за ним, у сожженного моста. На другой день авангард наш исправил мост и пошел на неприятеля; но, пройдя три версты, снова должен был остановиться у другого сожженного большого моста, за которым находились неприятельские батареи. 12 сентября прибыл

к корпусу графа Каменского главнокомандующий финляндскою армиею граф Буксгевден [1524], и главная квартира перенесена из Або в Гамлекарлеби.

Граф Каменский приказал строить понтоны для переправы своего корпуса под сильным неприятельским батарейным огнем, а между тем генерал Казачковский, Ушаков и Властов должны были действовать на левом фланге неприятельском. При таком положении дел начались переговоры сперва о размене пленных, и вслед за тем о перемирии. Малочисленность отряда генерала Тучкова в окрестностях Куопио и отряда князя Долгорукова в Карелии[1525]; успехи, одержанные в Восточной Финляндии над этими отрядами шведским полковником Сандельсом; недостаток продовольствия и позднее время года заставили графа Буксгевдена склониться на перемирие, которое и заключено 17 сентября. Корпусу графа Каменского обеспечен переход через широкую реку Гамлекарлеби, и демаркационная линия назначена в нескольких милях за нею. Шведы должны были оставаться в своей укрепленной позиции при Химанго. В

Восточной Финляндии Сандельс должен был оставить неприступные дефилеи Палоис и сосредоточиться в Индесальми. Перемирие послано на утверждение в Петербург[1526].

VI

Солдатское сердце **Эпизод**

В каждом вымысле много правды; в каждой правде есть вымысел, или для прикрасы, или для связи. Великий Тацит писал картину при помощи своего воображения, когда изображал Агриппину, вступившую на отечественную землю с прахом Германика[1527]. То же самое, что делают великие писатели, делают и малые. И великолепный храм, и скромное жилище гражданина, хотя и не схожи между собою, должны иметь основание и крышу.

Иное дело литературная статья, иное дело рассказ очевидца или действовавшего лица, пишущего историю или правдивые записки. Расскажу теперь с историческою точностью то, что уже рассказано было с примесью литературных цветов[1528]. Но как самое дело противно военной дисциплине, то представ-

лю действателя в *третьем лице*, не называя по имени. Я тысячу раз говорил и скажу, что в мире гораздо более добра, нежели зла; что добрых людей вдесятеро более, нежели злых, и что даже много зла происходит не от злости, а от глупости, заблуждения и невежества. Для определения побудительных причин зла выдуманы во французских судах [1529] *облегчительные обстоятельства*, условие высокое, благородное, истинно христианское, достойное нашего просвещенного века, невзирая на злоупотребления, сопряженные с каждым делом человеческим. Воля ваша, господа, но *умысел* и мгновенный порыв чувства или страсти не одно и то же, хотя последствия могут быть одинаковы. Но уж зато если человек зол от природы и завистлив, то он во сто раз хуже и ужаснее самого лютого и кровожадного зверя; хуже, ужаснее и притом опаснее! У хищного зверя есть сила, когти и зубы; у змеи есть только яд или сила мускулов, а у злого человека есть орудие, сильнее всего этого, – клевета! *Salve Domine!*[1530]

Сорок лет прошло со времени описываемого здесь происшествия, но это еще не ограда

от клеветы. Клевета протачивает веки, а злоба превращает чистую ключевую воду в яд. Итак, вот вам верное, но *безыменное* событие.

В Финляндскую войну конница претерпевала более от откомандировок, нежели от сражений. В стране взбунтованной надлежало соблюдать осторожность во всех направлениях, и при каждом тревожном слухе высылали конные отряды для скорейшего осведомления о настоящем состоянии дела. Разъездам и рекогносцировкам не было конца, а кавалерии было мало. По несчастью, многие пехотные генералы, как я уже говорил, принимают кавалерийских лошадей за почтовых и не рассчитывают того, что конница не может исполнять службы на *рысях* и в *галоп* (разве в сражении), и в Финляндии многие пехотные генералы не принимали даже в соображение дурных, каменистых дорог и недостатка в фураже. «Послать *поскорее!* Велеть возвратиться *поскорее!*» – вот как обыкновенно приказывали. Отправленный в откомандировку офицер получал всегда два приказания: от начальника отряда – исполнить поручение *поскорее*, а от своего эскадронного командира – *не торо-*

питься и беречь лошадей. Мудрено было уго-
дить обоим! [1531]

«Господа, кто на очереди на службу?» –
спросил ротмистр. «Такой-то». – «Велите взво-
ду седлать и готовиться в командировку, а са-
ми поезжайте в штаб». – «Слушаю-с!» И оче-
редной офицер поехал трюшком в корпусную
квартиру.

Граф Н. М. Каменский квартировал в боль-
шом крестьянском доме. Было около семи ча-
сов вечера. Дежурный адъютант доложил об
офицере и потом ввел его в комнату. Граф си-
дел за столом, на котором лежала разверну-
тая топографическая карта Финляндии. Он
повернулся на стуле, взглянул быстро на офи-
цера и сказал: «Вы знаете последнее происше-
ствие. Взбунтованными мужиками, которые
разбили наш транспорт с продовольствием и
перерезали прикрытие, начальствовал пас-
тор. Меня известили, что пастор теперь дома,
верстах в пятнадцати отсюда, и пробудет у се-
бя до завтрашнего дня. Поезжайте туда и за-
хватите его. Долго мы гладили по головке
этих господ, но они не унимаются, и на этом
разбойнике я покажу первый пример!.. – Гла-

за графа при этих словах засверкали. – Вы приедете в пасторат около полуночи, – продолжал он, – и если пастор дома, то его легко схватить. Может быть, у него в доме находятся и его сообщники; берите всех, кого застанете, и возвращайтесь как можно скорее. Не думаю, чтоб вы встретились с шведами на этой дороге, а встретите вооруженных мужиков – бейте! Подойдите ближе. Вот вам на карте этот пасторат; запишите название его и этого геймата[1532]... Дорога прямая, а в геймате возьмите проводника. Если исполните хорошо поручение, я вас не забуду, а оплошаете, строго взыщу! Прощайте!»

Это было в первой половине сентября, когда ночи в Финляндии уже темные и холодные. Дорога была не дурная, но пролегла большею частью чрез леса. В геймате (т. е. крестьянском доме) офицер нашел хлебное вино, которым поподчевал своих солдат, и взял насильно проводника на крестьянской лошади. Уже с вечера носились тучи, а ночью полил проливной дождь, холодный, с крупинами града, и завыл страшный ветер в лесу. Для подобного поручения это была благопри-

ятная погода, потому что вой бури заглушал конский топот и дождь усиливал мрак. Но и офицер, и солдаты продрогли и промокли до костей. Наконец залаяли собаки. Вот и пасторат! Двор огорожен был палисадом, и ворота заперты. В одно мгновение уланы выломали несколько палисадин, вошли на двор и сняли с крюков ворота, а между тем офицер с унтер-офицером побежали к крыльцу пасторского дома. Лай собак выманил из людской избы работника; его схватили и связали арканами, так же как и проводника. Немедленно окружили дом пастора, и офицер постучался у дверей.

Полуодетая служанка отперла двери и едва удержалась на ногах, увидев русских. Офицер успел, однако ж, выхватить у ней свечу из рук и вошел в комнаты. За офицером шел унтер-офицер с заряженным пистолетом. Первая комната была пуста, дверь в другую комнату заперта. Офицер постучался. Послышался звук огнива, и раздался женский голос: «Сейчас!» Вышла пожилая женщина со свечою и, увидев офицера, задрожала и отступила до дверей. «Где пастор?» – спросил офицер

по-шведски. «Не знаю... его... нет... здесь!» – «Вы мать его?» – «Нет... теща!..» Офицер хотел перейти в другую комнату, но пожилая женщина заступила ему дорогу на пороге, крича: «Луиза, Луиза! Русские, русские за твоим мужем!» При всем уважении к женскому полу офицер должен был оттолкнуть почтенную старушку и быстро вошел в спальню.

В углу стояла двухспальная кровать с ситцевыми занавесями. Офицер бросился к кровати и увидел, что два места явственно означали, что на постели покоились недавно два человеческие существа. На стуле лежало мужское платье. У изголовья кровати помещался огромный, высокий шкаф дубового дерева, а возле шкафа стояла женщина с грудным младенцем на руках, в одном белье, с наброшенным на грудь платком. Офицер остановился...

Легко вымолвить – женщина... но какая женщина! Ничто не переносит так быстро мысли и чувства с земли на небо, как женская красота. Прочь, гнусная чувственность! В женской красоте я вижу крайний предел того изящества, которое разлито в различных ви-

дах во всей природе; вижу ту дивную гармонию, которая связует невидимо все существа, и понимаю, что это то самое блаженство, которого жаждет и к которому стремится душа высокая! Какое из небесных светил действует на душу человека сильнее взгляда красавицы? Есть ли музыка сладостнее голоса прекрасной женщины и что трогательнее, убедительнее ее покорного молчания? Офицеру был двадцать один год от рождения[1533], и перед ним стояла красавица... нет, более нежели красавица... стояла мать и с трепетом, с отчаяньем во взгляде, с полуоткрытыми устами ожидала решения своей участи...

– Говорите ли вы по-французски или по-немецки? – спросил офицер.

– Говорю на обоих языках, – отвечала женщина, не спуская глаз с офицера и прижимая младенца к груди.

– Где ваш муж?.. Он должен явиться к нашему генералу, – сказал офицер по-французски.

Молодая женщина смешалась:

– Его здесь нет...

– Генералу донесли, что он дома.

– Он уехал с вечера.

– Куда?

– Не знаю.

– Постель и платье изобличают вас, – возразил офицер.

Женщина опустила глаза. На бледном лице ее выступил румянец, и она наконец проговорила шепотом: «Я спала с маменькой...»

– А платье?

– Оставлено перед отъездом.

Офицер сделал шаг вперед, и тут собачонка стала лаять, то оглядываясь на шкаф, то бросаясь на офицера. Молодая женщина снова побледнела и едва держалась на ногах... но вдруг, как вдохновенная, приблизилась на шаг к офицеру и сказала с сильным выражением чувства:

– Если б даже муж мой и был дома, то неужели вы решились бы взять его от жены и ребенка и предать на явную погибель? Мы знаем, что ожидает его... мы читали ваши прокламации! Погубя его, вы убьете весь род его, отца его, мать, меня и это несчастное дитя! Я не переживу его ни одною минутой и брошусь в воду с этим несчастным сирот-

тою!.. – Молодая женщина воспламенялась с каждым словом. – Камень у вас или сердце? Есть ли у вас отец, есть ли мать, сестра или брат? Неужели вы их обнимаете теми же руками, которыми умертвите целое семейство?.. Хотите крови, хотите видеть смерть человека – убейте меня!..

Раздражительность молодой женщины дошла до высочайшей степени; глаза ее пылали, лицо покрылось не румянцем, а багровым цветом, голос дрожал, грудь сильно вздымалась... Офицер боялся за нее...

– Успокойтесь! – сказал он, прерывая речь ее. – Зачем же ваш муж подвергал такой страшной участи себя и свое семейство? Зачем он не оставался спокойно в своем доме?

– Клянусь вам Богом и прошу его, чтоб он настолько был милостив ко мне и к этому младенцу, насколько я говорю правду; клянусь Богом, что муж мой никогда не думал вмешиваться в восстание народа! Его принудили, взяли насильно! Ландсман[1534] пришел сюда с толпою вооруженных хмельных крестьян, и как ближние к пасторату крестьяне не хотели вооружиться, то это приписали

внушению моего мужа, его и принудили идти с ними, невзирая на мои просьбы и слезы. Ландсман – враг моего мужа, и как я ничего не хочу скрывать перед вами, то скажу, что вражда их происходит от соперничества. Ландсман сватался за мною... он хотел скомпрометировать моего мужа, и он же, верно, известил вашего генерала об участии его в восстании... Муж мой невиновен; он не хотел сражаться с русскими, не стрелял в них, не предводительствовал... он был между крестьянами как в плену...

– Ужели все это правда?

– Клянусь! – сказала торжественно женщина, подняв ребенка и устремив глаза к небу.

– Можете ли вы дать мне честное слово за вашего мужа, что он не только не примет никакого участия в войне, но и удалится немедленно в Швецию? Теперь еще пора. Ваше войско верстах в тридцати отсюда...

– Могу дать честное слово и даю его, и при этом уверяю вас, что он и без того завтра же будет в шведском войске и при первом случае переедет в Швецию.

– Итак, вашего мужа нет дома? – примол-

вил офицер.

Молодая женщина снова опустила глаза и тихо произнесла:

– Я уже вам все сказала...

– Итак, прощайте! – сказал офицер, взглянув в последний раз на молодую женщину; но она бросилась к нему как иступленная и, схватив за руку, воскликнула:

– Пойдите! Скажите мне вашу фамилию.

– Зачем? Это лишнее!

– Нет, счастье мое, счастье всего нашего семейства будет неполное, если мы не будем в состоянии произносить вашего имени при каждой молитве, благословлять вас! О, скажите, скажите, ради бога, как вас зовут?

Офицер сказал свою фамилию.

– Еще одна просьба, – прибавила молодая женщина. – Возьмите на руки этого младенца, благословите и поцелуйте! Это будет ему на память и принесет счастье!

Офицер взял младенца на руки, перекрестил и прижал к сердцу. Мать залилась слезами и, положив руку на плечо офицера, сказала сквозь слезы: «Да воздаст вам Бог добром, благородный человек!..» Она не могла долее

выдержать и бросилась в кресла, рыдая...

Офицер сам прослезился, отдал ребенка матери молодой женщины, взглянул еще раз на красавицу, еще раз поцеловал младенца и вышел из комнаты.

– А что, ваше благородие: ведь разбойник-то, кажется, дома? – сказал унтер-офицер, ожидавший развязки в первой комнате. – Вишь как все перетрусили!

– Нет, братец, я обыскивал; ушел сегодня к шведам, да и нам пора скорее убираться в лагерь, чтоб не попасть к ним же в руки. Вели скорее садиться на конь!

Ветер не переставал бушевать, дождь лил по-прежнему, но офицеру было душно. Кровь его была в волнении. Он был растроган и не в ладах с самим собою. Хорошо ли он сделал или дурно, этого не мог он разрешить, потому что увлекся чувством, а не рассудком, поверив на слово жене и матери... Точно ли пастор спрятан был в шкафе, к которому приступ защищала собачонка? А если пастора там не было? Если пастор в самом деле невиновен и увлечен был насильно, мог ли бы он это доказать, да и стали ли бы его слушать в такую по-

ру, когда нужен был пример строгости, а против него было показание? Граф Н. М. Каменский был добр, но он был скор и притом выведен из терпения. Одним словом он мог решить участь человека! Такими мыслями обураваем был офицер, когда возвратился в лагерь. Надлежало отдать отчет графу Каменскому.

– Не застал дома пастора, ваше сиятельство; он с вечера отправился в шведский лагерь.

– Быть не может! Мне донесли наверное, что он дома и до сегодня будет ждать отца...

– Верно, донесение несправедливо, ваше сиятельство! А впрочем, жена его уверяла меня под присягою, что пастор вовсе не намерен был действовать противу нас, но что был увлечен насильно взбунтованными мужиками, которыми предводительствовал враг его ландсман!..

– Шашни и сплетни! А вы и поверили! Ландсман донес на пастора; пасторша сваливает вину на ландсмана, а вы и уши развесили!.. Верно, пасторша хороша собою?

Офицер молчал.

– Отвечайте!

– Не дурна.

– Ну вот и беда посылать молокосососов!.. Извольте идти на гауптвахту... под арест!

Тем дело и кончилось. На другой день выступили в поход; чрез три дня завязалось сражение, и офицеру возвратили саблю.

На возвратном пути из Улеборга в Петербург, в Гамлекарлеби, офицеру отведена была квартира в весьма хорошем доме. Хозяйка была зажиточная и пожилая вдова. Едва офицер успел переодеться, служанка пришла просить его к хозяйке в гостиную. Офицер исполнил желание хозяйки. Она сидела на софе, а возле столика в креслах помещались две ее дочери, прекрасные собою и в полном цвете юности. Когда офицер вошел в комнату, все встали, и хозяйка подошла к нему, взяла за руку и посадила возле себя на софе. Офицер заметил, что дамы были встревожены, и не понимал причины.

– Ваша фамилия N, как мы узнали от вашего слуги? – спросила хозяйка.

– Точно так, – отвечал офицер, не постигая, к чему это клонится.

Хозяйка взяла офицера за руку, пристально смотрела ему в лицо и сказала с чувством: «Вы добрый человек, господин N, и мать ваша должна быть счастлива!» Офицер все еще не догадывался, в чем дело, но, взглянув на девиц, увидел, что они утирали слезы... Он смешался. В двадцать лет от роду сердце восприимчиво.

– Признаюсь, я не понимаю всего этого! – сказал офицер.

– Помните ли пасторшу Луизу N? – сказала хозяйка.

– А, а! Теперь догадываюсь, – возразил офицер. – Жива ли она, здорова ли; где муж ее?

– На другое же утро после вашего посещения они уехали из пастората и отсюда, из моего дома, отправились на военном бриге в Швецию, в Стокгольм. Пасторша – моя племянница; она мне все рассказала, и мы записали вашу фамилию. Все, что сказала вам моя племянница, совершенно справедливо. Муж ее точно насильно уведен был крестьянами и вовсе не виновен. Вы спасли безвинного! Когда ваша армия шла вперед, меня здесь не было. Мы боялись русских, и я уехала вовнутрь

края с моими детьми, а если б я была в городе, то непременно отыскала бы вас. Случай! Нет, промысел Божий послал мне в постояльцы того, кого я жаждала видеть! Вы возвращаетесь в отечество – молитвы добрых людей дошли до Бога, и вы вышли из войны невредимы!.. Вы так еще молоды, что можете принять мой совет: будьте всегда добры, будете всегда счастливы!..

Кажется, в этих словах не было ничего трогательного, но голос, которым говорила хозяйка (по-французски), чувство, которое все смягчает, произвели на офицера сильное впечатление. Мать и дочери ее плакали от умиления. Как ни крепился офицер, но выронил слезу...

– Сын мой служит поручиком в шведской артиллерии. Его не было в Финляндии; он на норвежской границе. Как бы он был счастлив, если б мог обнять вас!..

Хозяйка упросила офицера пробыть в ее семействе все время пребывания полка в городе. На другой день была дневка. Офицер провел в этом доме один из счастливейших дней в своей жизни. К хозяйским дочерям со-

брались на вечер подруги. Все обходились с ним как с другом, как с братом, откровенно, даже нежно. Откровенность дошла до того, что девицы пели перед офицером патриотические песни и переводили их по-французски и, наконец, советовали остаться навсегда в Финляндии и сделаться... шведом! Милые, добрые, простодушные существа!

В 1838 году этот самый офицер, давно уже инвалид[1535], был в Стокгольме. Он вздумал прогуляться по Финляндии и Швеции[1536] единственно из любви к шведам и финнам, потому что, объехав всю Европу, нигде не нашел столько похвальных качеств, как у этих двух народов. Офицер имел при себе дерптского студента, сына своего приятеля[1537]. На третий или на четвертый день после приезда бывший офицер вышел рано со двора, обедал у русского консула[1538] за городом и поздно возвратился домой. Студент сказал бывшему офицеру, что приходил какой-то швед, человек в цвете возраста, приятной наружности, и расспрашивал: служил ли бывший офицер в Финляндскую войну? Студент слышал во время путешествия рассказы быв-

шего офицера о войне и потому отвечал шведу утвердительно. На другое утро явился тот же самый швед и после первого приветствия сказал бывшему офицеру: «Я давно вас знаю... со времени Финляндской войны... и почитаю себя счастливым, что могу прижать вас к сердцу... Позвольте обнять вас!»[1539]

Они обнялись и поцеловались.

– Я возвращаю вам поцелуй, которым вы удостоили меня в первом младенчестве... Помните ли вы пастора N?

Бывший офицер совершенно забыл о происшествии и тогда только вспомнил, когда перед ним произнесли фамилию пастора.

– А вы?

– Я сын его... тот самый младенец, которого мать держала на руках, когда вы вошли в спальню!

Они снова бросились друг другу в объятия. На земле есть предвкушение райского блаженства: не в богатстве, не в чинах, не в знатности... а в чувстве...

Молодой человек сказал, что родители его уже в могиле. «Если б вы приехали за два года пред сим, вы бы еще застали их в живых! Ах,

какая была бы радость! Матушка только полгодом пережила батюшку... она умерла с тоски... У меня есть сестра, замужем в Готтенбурге, и больше у нас нет родни здесь...»

Я никого не смею назвать по фамилии, потому что есть еще в Финляндии родные ландсмана. В честном обществе, где господствуют вера и нравственность, дела отца озаряют светом или омрачают детей. Есть у нас люди, которые живут по смыслу стихов Державина:

*Мне миг спокойства моего
Дороже, чем в потомстве веки!
[1540]*

Есть люди, которые живут по правилу:

*Гори все в огне,
Будь лишь тепло мне!*

Эти люди, которые думают составить счастье детей, оставляя им много денег и память своего звания и значения, полагают, что молчание современников перейдет и к потомству, о котором они, впрочем, не заботятся! Страшная и пагубная ошибка! С родовым именем сопряжены воспоминания дел предков, и эта изустная история переходит из рода

в род и наконец оживает и увековечивается в печати. Малюта Скуратов, верно, не думал, что его имя будет синонимом злодейства, точно так же, как большие воры и малые воришки, лихоимцы и надутые нули, презирующие талант и нравственное достоинство человека, не воображают, что со временем завеса приподнимется и их потомки будут стыдиться своего наследия: родового прозвания!

Покойный Н. А. Полевой из романтического повествования, напечатанного в «Северной пчеле» о рассказанном теперь правдиво событии, составил театральную пьесу под заглавием «Солдатское сердце»[1541]. Пьеса не имела успеха, хотя и была умно составлена, потому что в самом событии нет драмы, а есть одна только драматическая сцена. Пьесу эту Н. А. Полевой (с которым наши дружеские отношения уподоблялись барометру[1542]) посвятил мне. В память даровитого писателя и для взаимности я назвал этот рассказ именем его драмы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ[1543]

1

Нужда во время войны. – Отдых в Гамлекарлеби во время перемирия. – Шумная жизнь. – Неудача нового Париса. – Балы графа Н. М. Каменского. – Любимый его адъютант А. А. Закревский. – Полковник (впоследствии генерал) Эриксон; его характер и происхождение. – Страшная ночь. – Благородство простого народа в Финляндии. – Комитет министров в отсутствие государя императора не утверждает перемирия. – Причины. – Участие в военных распоряжениях графа Аракчеева. – Достопамятные его слова. – Государь император утверждает решение Комитета министров

Маленький городок Гамлекарлеби, имевший не более двух тысяч жителей, показался нам раем после двухмесячной бивачной жизни и всех возможных лишений. С выступления нашего из Куопио мы ни одного

дня не были под крышею, а некоторые пехотные полки не знали квартир с первого вторжения в Финляндию. Я уже говорил, что в этой стране невозможно поставить на квартирах в одном месте даже полк, не только дивизию. Куопио был пуст, исключая нескольких домов. Чрез Ньюкарлеби мы только прошли не останавливаясь, следовательно, Гамлекарлеби был первый город, в котором мы нашли все в порядке, в устройстве: лавки с товарами, трактир с огромными запасами вин и съестных припасов и всех жителей в домах своих. Кажется, что многие из купцов рассчитывали на войну и запаслись вперед всем нужным для войска. Всего было вдоволь и даже недорого в сравнении с петербургскими ценами.

Едва ли какое войско (исключая французского, в 1812 году) терпело более нужды, как корпус графа Каменского в Финляндии, хотя граф беспрерывно заботился о его продовольствии. Что можно было купить, покупали или брали реквизициями под расписки, но, по несчастию, редко удавалось достать столько, чтоб удовлетворить нужды всего корпуса, по

крайней мере на несколько дней. Крестьяне и помещики угоняли стада свои в непроходимые леса; зерновой хлеб прятали в ямах. Иногда мы находили стада по следам и открывали ямы с рожью и ячменем, но молоть нам было негде и некогда. Парили рожь и ячмень в котлах и ели, как кашу, а иногда толкли на камнях, когда доставало на то времени. Более всего мучил нас недостаток соли. Даже мясо без соли было безвкусно. О печеном русском хлебе и помину не было! Иногда раздавали нам горсти по две солдатских сухарей и по несколько шведских лепешек (кнакебре), и тогда был праздник на биваках, особенно когда при этом было хлебное вино. Для курильщиков тяжело было без табаку, и многие курили хмель. В августе ночи были холодны и туманны и шли часто дожди, а нам в обходном отряде генерала Казачковского весьма часто приходилось проводить ночи без огня, промокать до костей и отдыхать на мокрой траве. Одежда погнила на нас, и в обуви был недостаток у офицеров и солдат. Белье мыли мы на привале и сушили на походе. Страшно было взглянуть на нас, небритых, загорелых,

оборванных, обожженных, забрызганных грязью! Во всем корпусе графа Каменского только новоприбывший и переформированный Пермский мушкетерский полк был в новых мундирах и в шинелях тонкого сукна. Полк этот сформирован был из солдат, бывших в плену во Франции, которых Наполеон одел, вооружил и возвратил государю, как я уже говорил выше[1544]. Солдаты эти изнежились во Франции и, как говорили старые служивые других полков, *развольничались*. Пермский полк хуже других переносил трудности этой кампании и не так охотно и весело шел в сражение, как другие полки. Только в этом полку слышен был иногда между солдатами ропот, и за то другие солдаты прозвали их *мусье...*[1545]

По заключении перемирия войско расположилось вокруг Гамлекарлеби, по селениям, в тыл до самого Ньюкарлеби. Нашему эскадрону были отведены для квартир две порядочные деревушки, всего домов двенадцать, верстах в пятнадцати от Гамлекарлеби. Дома, как во всей береговой Остерботнии, были хорошие, и крестьяне зажиточные, хотя и полу-

разоренные войною, не грабежом, но реквизициями, т. е. безденежными поставками провианта и фуража для шведов и русских. Новая жатва помогла нам. Лошади наши имели, по крайней мере, вдоволь сена, а люди кашу, овощи и молоко. Офицеры запасались предметами роскоши из города, куда мы ездили почти через день, и все время проводили в трактире, который содержал некто г. Перльберг. К нему перешли почти все офицерские деньги корпуса графа Каменского и главной квартиры, которая перенесена из Або в Гамлекарлеби на другой день после нашего вступления в этот город, именно 12 сентября.

Не постигаю, как Перльберг успевал удовлетворять все потребности множества офицеров, толпившихся день и ночь в его трактире! Столы накрыты были не только в комнатах, но и на чердаке, в сарае, в чуланах. Огромные котлы не сходили с огня, и в трех кухнях (две из них были в соседних домах) беспрестанно варили, пекли и жарили. Пунш приготавливали в ведрах. В двух комнатах играли беспрерывно, день и ночь, в банк. Шум в трактире был ужасный от говора, хохота, а

иногда и пенья! Около дюжины ловких, вертлявых хорошеньких шведочек прислуживали нам с величайшим искусством и проворством, не хуже парижских прислужников (garçons), а буфетом управляла дочь хозяина, молодая прекрасная девица, в которую были влюблены все... Она вела себя чрезвычайно скромно, благородно и возбуждала к себе уважение, однако ж не избегнула неприятного приключения.

Явился новый Парис для этой прекрасной Елены[1546] – наш старый проказник Драголевский – и, вспомнив времена Костюшки и польских конфедераций, вздумал похитить красавицу по праву завоевания[1547]. Он приготовил повозку, запряженную парой лихих коней, улучил время ночью, когда красавица вышла в свою маленькую комнату, схватил ее в охапку, обвернул шинелью и понес под мышкой из трактира, как цыпленка. Девушка стала кричать из всех сил (об этом не подумал прежде новый Парис), и все офицеры сбежались, чтоб освободить прелестную пленницу из когтей коршуна. Но Драголевский одной рукой держал свою добычу, а другой об-

нажил саблю, закричав грозным голосом: «Прочь, пехота!» Не предвидя никакой опасности от вооружения полусотни человек, главнокомандующий позволил городской гвардии (вооруженным гражданам) содержать в городе ночные патрули вместе с нашими караулами для большего порядка. В это самое время гражданский патруль проходил мимо трактира и, услышав крики и вопли, вбежал на двор. Граждане, видя свою землячку в руках страшного усача, бросились на него, но наш Драголевский разогнал их, сделав несколько мулинетов (крестовое движение) саблей. В то же время явился русский патруль; командовавший им офицер объявил решительно Драголевскому, что если он не выпустит из рук девушку, то по нем станут стрелять, как по медведю, и вызвал вперед двух унтер-офицеров с штуцерами. Мы стали уговаривать Драголевского, и он, убедясь нашими доводами, освободил девицу, но не хотел по требованию дежурного по караулам штаб-офицера сдаться, говоря, что умрет на месте, но не отдаст сабли *пехоте*! Драголевский почитал кавалериста высшим суще-

ством и говаривал всегда: «Прежде пулю в лоб – а потом в пехоту!» Явился знакомый Гродненского гусарского полка ротмистр Гротгус, и Драголевский отдал ему саблю и пошел за ним на гауптвахту. Главнокомандующий хотел расстрелять его немедленно; но сама девица и отец ее подали просительные письма; Кульнев принял в нем участие, и Драголевского только отдали под военный суд. С этих пор его не видали в полку. Он содержался с год на гауптвахте. По решению суда он подвергнулся лишению чинов и ссылке, но по ходатайству его высочества арест вменили ему в наказание, и его перевели в ненавистную ему пехоту, в Кронштадский гарнизонный полк, где он окончил и службу, и земное свое поприще[1548], не оставив ни родни, ни даже известия о роде своем и племени. Чудак был покойник!

Девушка заболела от страха, пролежала несколько дней в постели, потом выздоровела, и все пошло в трактире прежним порядком. Только она после этого сделалась осторожнее, и при ней всегда был дюжий швед, лакей, а кроме того, несколько из самых пла-

менных обожателей красавицы сторожили ее с удивительным постоянством, не отходя от буфета.

Граф Каменский давал несколько балов, на которые приглашены были почетные жители города, помещики и даже пасторы с их семействами. Никто не отказывался от этой чести. Хозяин был приветлив со всеми и особенно любезен с дамами, между которыми было множество красавиц. Распоряжался любимый адъютант графа Каменского, капитан Арсений Андреевич Закревский, который заведовал всем у графа: походною канцеляриею, казенными и собственными его деньгами и целым домом, а в сражениях всегда бывал при нем, ловя на лету его приказания и передавая их с быстротою вихря под неприятельскими ядрами, картечами и пулями. Слово А. А. Закревского было слово графа Николая Михайловича Каменского, и где, бывало, покажется А. А. Закревский, солдаты говорят: «Вот графская душа; куда-то велит идти!»

Весьма занимательно было видеть в ярко освещенных комнатах, в толпе красавиц, при звуках музыки людей, уже перешедших за

возмужалый возраст и с юношеских лет прошедших жизнь в кровопролитных битвах, покрытых честными ранами, готовых каждую минуту на явную смерть, которые заохочивали нас, молодых людей, веселиться. Шведы, особенно шведки, с каким-то особенным любопытством, смешанным с ужасом, смотрели на Кульнева, которого знали так же хорошо в шведской армии, как и в нашей. В шведском войске называли его *будильником*, потому что он всегда поднимал от сна их авангард и арьергард. Грозный Кульнев также умел любезничать с дамами, привыкнув к польскому свободному обхождению[1549], и танцевал полонезы с маменьками, возбуждая к танцам молодых офицеров. Храбрый полковник Эриксон (впоследствии отличный генерал), не излечившись еще от раны, разделял со всеми и опасности битв, и удовольствия. С виду он казался угрюмым, но был добр до крайности и обожаем подчиненными. Он был небольшого роста, полный, краснощекий, и ловче был на поле сражения, чем на паркете. Жизнь его представляет удивительное сцепление счастливых и несчастных обстоя-

тельств. Эриксон происходил из самого простого звания; он был сын мельника, верстах в двух от Дерпта. Городовой магистрат оказал ему какую-то несправедливость, и он с горя пошел добровольно в солдаты. Честностью, хорошим поведением, усердием к службе и отличною храбростью он вышел в офицеры, постепенно дослужился до полковничьего чина и командовал тем же полком, в котором начал службу солдатом. Свободные часы от службы Эриксон употреблял на свое образование; еще в солдатском звании выучился русской грамоте и читал сперва что ему попадалось, а потом по выбору. Он совершенно обрусел, и когда я узнал его в Финляндии, он похож был на старинного, умного степного помещика. Он весьма любил употреблять в речах русские коренные поговорки. Привычное его слово в обращении к солдатам было: *козлы*. «Вперед, вперед, мои козлы!» – говорил он в сражении и, хваля и браня, всегда прибавлял *козлы*. Оттого и его самого прозвали *козлом*. Весьма замечательна черта его характера, о которой я упоминал однажды в «Северной пчеле»[1550]. Будучи уже генералом, он

пришел в Дерпт с полком. Никто не подозревал и не догадывался, что это тот Эриксон, который лет за тридцать пять пред тем пошел в солдаты; но Эриксон помнил всех своих родственников и приятелей и приказал их собрать на своей квартире. Бедные эти люди не знали, зачем их требуют к генералу. Эриксон сказал им, кто он таков, угостил и всех обдарил... Разумеется, что родителей его уже не было в живых... Выходя из Дерпта, он послал в магистрат несколько сот рублей для раздачи бедным при изъявлении благодарности за оказанное ему правосудие, без которого он был бы до сих пор мельником.

Сам главнокомандующий не оставался долго на этих балах; он был стар и любил покой; но весь штаб его не оставлял бала до конца, зная, что граф Каменский любил, чтоб гости не разъезжались до ужина. Генерал Коновницын (впоследствии граф), генерал Раевский, прославившийся в Отечественную войну, были тогда в цвете лет; они обходились с молодыми офицерами чрезвычайно ласково и возбуждали к себе доверенность и любовь. Инженер-генерал Сухтелен (также впослед-

ствии граф) был уже и тогда пожилой человек[1551]. Это был Нестор[1552] нашей войны. Все его уважали за его глубокие познания и любили за благородный характер и любезность в обхождении.

Увидевшись в городе с несколькими приятелями моими из Гродненского гусарского полка, я дал слово погостить у них несколько дней. Квартiry их были в деревне, также верстах в пятнадцати от города, но не по одной дороге с нашими квартирами, а в сторону. Приятели мои уехали из города, а я возвратился в эскадрон, отпросился у ротмистра [1553] и снова приехал на другой день в город, чтоб оттуда ехать на квартиры Гродненского гусарского полка. Я не взял с собою ни улана, ни моего денщика и поехал один. Переночевав у артиллерийского штабс-капитана Молченки, я вознамерился пообедать в трактире и потом отправиться на ночь к друзьям моим гродненцам. На беду мою, один из приятелей моих, Севского мушкетерского полка капитан Колен[1554], праздновал в этот день свое рождение, и мы пропировали до сумерек. Зная, что товарищи меня не выпустят, я ускольз-

нул потихоньку из трактира, побежал к лошади, велел оседлать ее и пустился в путь. Долго ли проскакать верст пятнадцать! На улице я поймал какого-то оборванца-финна, дал ему полтинник, с тем чтоб он проводил меня за город, на дорогу, ведущую в селение, которое я ему назвал, потому что оно у меня было записано. Город невелик, и чрез четверть часа я уже несся во всю рысь по дороге...

Помните, что это было в половине сентября и в Финляндии, в 1123 верстах от Петербурга, на севере, и притом в земле неприятельской[1555]. Шведские солдаты во время перемирия не тронули бы русского офицера, если б он попался им невзначай, но за поселян нельзя было поручиться. Было темно, небо покрылось черными тучами, и холодный ветер продувал насквозь мою ветхую шинель на вате. Проехав верст пять, я въехал в лес. Тут стало теплее; я поехал шагом, и вдруг передо мною открылись две просеки, т. е. две дороги. Которую надобно ехать? Провожавший меня из города финн болтал что-то и махал руками, но я не расслушал его второпях и

не понял, зная едва несколько слов по-фински. Я привел на память местоположение города и подумал, что направо не должно быть русских квартир, потому что с этой стороны стоят шведы, и поехал влево. Еду то шагом, то рысью – нет конца леса. Внезапно овладел мною ужас!..

Я не хвастаю моею неустрашимостью, но всем известно, что у самых неустрашимых людей бывают минуты слабости, когда мужество оставляет их и опасность представляется в увеличенном виде. Ни один правдивый человек не скажет, чтобы он в жизни ни разу не струсил. Действие ли это нервов на воображение или воображения на нервы, но только иногда человек сам не свой. Точно ли тут были волки, или мне показалось, что глаза их блестят в кустах, – не знаю, но лошадь моя несколько раз фыркала и пятилась. При каждом шелесте меня мороз подирал по коже! Я вынул из кубур пистолеты – они были не заряжены! В ладунке не было патронов! Если б в эту минуту был со мной мой денщик, досталось бы ему за то, что он без спроса разрядил и вычистил пистолеты... Нечего делать, еду

далее, и вдруг полил дождь как из ведра, холодный как лед. К довершению беды, я попал на топкое место, и лошадь моя с трудом вытаскивала ноги из болота... Я остановился...

Бывали ли вы, любезные читатели мои, в неизвестном вам лесу, в осеннюю ночь, во время дождя? Ужасное положение! Я не мог придумать, ехать ли мне вперед или воротиться. По моему расчету, я уже проехал более пятнадцати верст и надеялся приехать в какое-нибудь селение. А если попаду к злым людям, которые захотят убить меня? Да будет воля Божия – и я поехал вперед!

По болоту я выехал на лужок. Что-то чернелось передо мной. Я думал – хижина, а это был стог сена. На лугу исчез след дороги, и я объехал кругом луг, чтоб попасть на нее... С этих пор дорога сделалась так узка, что я должен был прижаться лицом к лошадиной шее, чтоб какой-нибудь сук не разможил мне голову. В этом положении я как-то неловко подался на бок, седло перевернулось, и я свалился... в лужу!

Я хотел оседлать лошадь, но подпруги лопнули. Что тут делать! Как в математике два

минуса составляют плюс, так и в жизни человеческой усиленное несчастье пробуждает в человеке уснувшую твердость. Я сел на пень и задумался. Сильная жажда мучила меня после шведского обеда, в котором соль играет всегда первую роль. Передо мною была лужа; я напился из нее в три приема, несмотря на то что глотал грязь вместе с водою, и как будто ободрился. «Чему быть, того не миновать», – сказал я про себя и принялся за работу. Шведы и финны, как известно, употребляют длинные кушаки (или шарфы), которыми они обвязываются при зимней одежде, сперва на груди крестом, а потом два раза по талии. По счастью, у меня был этот кушак, и я привязал им седло к лошади, поверху, подвел лошадь к пню и с пня вспрыгнул на нее. Надлежало держаться на балансе, потому что при малейшем неровном движении седло снова бы перевернулось, и я, балансируя и придерживаясь за гриву, пустился в путь.

Я ехал всю ночь. Тучи прошли, и начало светать. Земля и деревья покрылись тонкою корою льда, и я щелкал зубами от стужи; руки у меня почти окостенели. Проехал я более

часа времени, и солнце уже показалось над деревьями... мне стало как-то веселее. Вдруг вдали послышался лай собак, и сердце у меня вздрогнуло. Наконец должна решиться моя участь! Ехать рысью было невозможно, потому что седло вертелось подо мною и лошадь от усталости едва передвигала ноги. Я вперил взор вдаль и духом рвался вперед... и вот конец леса! Слава те Господи! Я остановился на опушке и осмотрелся. Передо мною была обширная равнина, оканчивающаяся горами, покрытыми лесом. В версте от леса был большой крестьянский дом со всеми службами; за этим домом вдали дымилось. Казалось, вся долина была населена. Перекрестясь, я поехал к первому дому.

Когда мы подружились с Арвидсоном в Раталамби[1556], он откровенно сказал мне, что, если я хочу, чтоб меня хорошо принимали, я должен называться немцем и хвалить шведов, и при этом написал мне несколько шведских фраз, которые я вытвердил наизусть. Во время одного разезда я до того разнежил моими заученными фразами пастора, у которого пробыл часа два, что он пода-

рил мне книгу – самоучитель немецкого языка с шведским переводом. В этой книжонке, старой и избитой, которая служила некогда сыну пастора (в это время уже взрослому), было собрание употребительнейших слов и разговоры на немецком и шведском языках. От скуки я выучил наизусть все слова и разговоры и болтал по-шведски, разумеется дурно и неправильно, когда хотел сам составить фразу, но все же я понимал много, отгадывая половину по известным мне словам. Когда я подъезжал к дому, собаки бросились ко мне, и на лай их хозяин дома, несколько женщин и работников вышли на крыльцо и смотрели с удивлением на меня, приближавшегося медленно. Когда я остановился у ворот, мальчик отпер их; я въехал на двор и поздоровался с толпой по-шведски. Это успокоило семью. Я соскочил с лошади, подошел к хозяину, человеку лет сорока, приятной наружности, в котором я узнал старшего в семье, потому что он стоял впереди всех, пожал ему руку, повторив приветствие, и поклонился женщинам, которые, по шведскому обыкновению, отблагодарили меня книксеном[1557]. Скажу мимо-

ходом, что шведки вообще, даже из простого звания, чрезвычайно вежливы и любят книксены. Если вы встретите на дороге толпу поселянок, идущих пешком в церковь или на работу, и скажете им приветствие, они посреди дороги ответят вам книксеном. Начался между нами разговор по-шведски.

– Вы шведский офицер? – спросил меня хозяин.

Наставление Арвидсона пришло мне на память, и я отвечал чисто, заученною фразою:

– Нет, я русский офицер, но родом немец, из старинной шведской провинции, завоеванной русскими...

Крестьянин проворчал обыкновенное шведское ругательство: «Tusen Diefla» («Тысяча чертей»), но по взглядам его я заметил, что это не ко мне относилось.

– Вы говорите по-шведски? – спросил крестьянин.

– Я так люблю славный шведский народ (Det wackra Swenska Folk), что учусь по-шведски, хотя во время войны и не успел еще выучиться, – отвечал я также заученною фразою.

зою.

– Но вы говорите прекрасно! – возразил он.

– Иное говорю хорошо, а иное не могу во все объяснить, – сказал я.

– Откуда же, куда вы едете и зачем?

На первую фразу вопроса я мог отвечать, а на две остальные мне не достало слов. Я не знал, как сказать по-шведски, что я заблудился в лесу, потому что этого не было в моей книжке. Однако ж произнеся слова: *лес, нет дороги, ночь* – и дополняя остальное знаками, я успел объяснить, что я сбился с дороги, и потом назвал селение, где стоял наш эскадрон. Все семейство беспрестанно повторяло свое *всезначащее*: *ja so, ja so*[1558].

Объяснив хозяину мое положение, я подошел к нему, положил одну руку ему на сердце, а другою указал на небо и, как умел, сказал, что Бог видит нас и я прибегаю к сердцу доброго шведа и прошу его помощи...

Старуха, мать хозяина, подошла ко мне и, погладив меня по лицу, сказала: «Бедное дитя!» Я был не ребенок, но молод и, что более, моложав. У меня тогда только пробивался пушок на том месте, где после были богатыр-

ские усы... У жены хозяина навернулись слезы... Я примолвил довольно понятно, хотя неправильно: «У меня есть мать, которая ждет меня и, может быть, никогда не дождет-ся!..» Добрый швед тронулся, пожал мне руку и сказал: «Вы здесь как дома!» Я от души обнял его и прижал к сердцу...

Всю жизнь я прожил так, что если доверял человеку, то доверял вполне, неограниченно, а если не верил, то уж ни на волос! Светская премудрость не одобрит этого правила, но это не правило, а следствие характера, и я нередко дорого поплачивался за это! Пословица справедливо утверждает: каков в колыбельке, таков и в могилку, и И. И. Дмитриев сказал великую истину:

*Гони природу в дверь, она влетит
в окно[1559].*

Я вверился совершенно шведу.

День был воскресный, и вся семья с прислужниками была дома. В церковь не ездили, потому что во всех пасторатах стояли русские [1560], с которыми не хотели встречаться, хотя наши солдаты стояли смирно на кварти-

рах. Напившись кофе (т. е. пошла, называемого кофе), я показал хозяину мое несчастное седло, просил его починить и накормить меня и моего коня, обещая за все заплатить, а между тем отвести уголок, где бы я мог выспаться. Хозяин повел меня в верхний этаж и указал чистую комнату с опрятною постелью. Платье на мне было сыро, и я был забрызган грязью от шпоры до шапки. Швед покачивал головою и, пособив мне раздеться, взял все платье мое в охапку, а вместе с ним сапоги и саблю, сказав, что прикажет вычистить... Вот я совершенно обезоружен, и баба с ухватом могла бы взять меня в плен или убить. Но я верил шведу!

Я приехал в седьмом часу утра и проспал до двух часов пополудни. Хозяин успел уже пообедать и отдохнуть. Отворив дверь моей комнаты, я стал звать его, называя *другом*. Друг явился с платьем. Оно было высушено и вычищено; сабля моя блестела как зеркало. Я оделся и без сабли сошел в нижнее жилье, где было собрано все семейство хозяина и вся челядь, человек двадцать мужчин и женщин. Теперь только заметил я, что жена моего доб-

рого хозяина красавица. Это была вторая его жена, и он представил мне сына и дочь от первого брака. Сыну было лет восемнадцать, а дочери лет пятнадцать. Брат и сестра были прекрасны собою. Все обходились со мною с уважением, а старуха, мать хозяина, беспрестанно ласкала меня и гладила по лицу. С тех пор я люблю добрых старушек. Хорошая старушка в семье – благословение Божье, пример добра для молодого поколения!

Для меня приготовлен был обед, весьма вкусный для голодного. Хозяин сказал мне, что сам отвезет меня в эскадрон, который стоял только в двух милях от его дома. Не знаю, каким образом я до такой степени сбился с дороги, что, ехав в сторону Гамлекарлеби, попал в тыл его! Я не мог понять, что толковал мне хозяин на этот счет, но кажется, что в лесу я должен был повернуть вправо, а не влево. Я проехал в эту ночь около трех шведских миль (до двадцати осьми верст)! У меня была донская лошадь. Отдохнув и поев порядочно, она как ни в чем не бывала!

На дворе стояла порядочная крашенная одноколка[1561], запряженная лихою лошадью.

Моего коня я привязал сзади, на недоуздке [1562]. Я спросил хозяина, что я ему должен, но он решительно отказался от денег, говоря, что я у него был в *гостях*. Как я ни уговаривал его взять деньги, он не соглашался, а женщины отмахивались руками. У меня в кошельке был заветный червонец с изображением Божией Матери (венгерский червонец времен Марии Терезии)[1563], данный мне на счастье моею матерью. Я упробил хозяйку взять его на память. Работникам за чистку платья, починку седла и уход за лошадью я дал несколько рублей на вино, и этому хозяин не противился. Простившись с семейством и обняв всех, я сел в одноколку с хозяином и поехал в эскадрон.

Ротмистр и товарищи удивились моему возвращению, потому что я отпросился на три дня. Я рассказал мое приключение и благородство шведа, которого мы обласкали и угостили. Я принудил его взять весь мой запас кофе и сахара, поручив отдать от меня его жене и матери. Эта ночь, в которую я столько вытерпел, и нравственно, и физически, не имела, однако ж, никакого влияния на мое

железное здоровье, но следствием этой ночи было то, что я дал себе обет никогда не разъезжать одному в неизвестной мне стороне по проселочным дорогам, особенно по ночам, стал прилежно учиться шведскому языку, беспрестанно записывая слова и целые фразы, и после купил себе несколько шведских книг, облегчающих изучение языка. До сих пор весьма многое осталось в моей памяти, а тогда я изрядно болтал по-шведски и все понимал.

Недолго мы наслаждались перемирием и довольством. Государь император был тогда в Германии, в Эрфурте, для свидания с Наполеоном[1564] и для решения на конгрессе дел общей европейской политики. Управление делами империи было поручено государем Комитету министров, с правом объявлять высочайшие повеления в случаях, не терпящих отлагательства[1565]. Душою Комитета был военный министр граф Аракчеев, особенно по военным делам. Он весьма не благоволил к графу Буксгевдену, который беспрестанно требовал свежего войска, денег, амуниции и продовольствия, противился всем планам, со-

ставленным в Петербурге, и вел дело медленно, по мнению графа Аракчеева. В Петербурге в это время находился генерал от инфантерии Кнорринг[1566], бывший генерал-квартирмейстером в последнюю Шведскую войну при императрице Екатерине II[1567]. Граф Аракчеев часто совещался с Кноррингом по делам, касающимся до Финляндской войны, и на этот раз пригласил его в заседание Комитета министров. Кнорринг никогда не соглашался с планами графа Буксгевдена и сильно восстал противу перемирия, когда граф Каменский занимал Гамлекарлеби, а Тучков [1568] – беспокоившую нас позицию Тайвола (противу Куопио), которую упорный Сандельс должен был оставить по отступлении графа Клингспора за Гамлекарлеби, боясь быть отрезанным. В Комитете единогласно решили предписать графу Буксгевдену именем государя прервать немедленно перемирие и опрокинуть армию графа Клингспора за Торнео, а Тучкову велено теснить Сандельса по Индесальской дороге и стараться разбить его и отрезать. В то же время Комитет решил составить два резерва: один из трех батальонов Ро-

ченсальмского и Фридрихсгамского гарнизонов под начальством генерала Аникеева, другой из двух батальонов Преображенского и Измайловского полков под начальством генерала графа Павла Александровича Строганова, и отправить их немедленно в Финляндию. Граф Буксгевден, не разрывая перемирия, написал оправдание на высочайшее имя; но Комитет министров не убедился его доводами и повторил высочайшее повеление начать военные действия. Государь император, получив в Эрфурте донесение Комитета, одобрил и утвердил его постановление. 7 сентября граф Буксгевден получил решительное повеление начать военные действия беспрекословно, под строжайшею ответственностью за сопротивление высочайшей воле.

Кто был прав, кто виноват?[1569] Главкомандующий непрерывно жаловался на трудности войны, на малочисленность войска для занятия обширного взбунтованного края и для охранения берегов, угрожаемых высадками, на недостаток продовольствия и свирепствование оттого болезни в войске, и когда по уважению всех этих причин в Петер-

бурге решились на заключение с шведами перемирия до зимы, граф Буксгевден не согласился на эту меру. Когда же граф Каменский принудил графа Клингспора к отступлению из внутренности края и Сандельс должен был оставить свою неприступную позицию при Тайволе и выступить на Линдулакскую дорогу, а между тем отряды графа Витгенштейна и князя Голицына, сильно подкрепив действующую армию, подавляли восстание крестьян, Комитет министров, в свою очередь, судя по событиям, имел полное право не соглашаться на перемирие и требовать продолжения успешных действий противу графа Клингспора и Сандельса для очищения Финляндии к зиме от шведских войск. Граф Буксгевден не представлял ничего нового Комитету министров и в оправдании своем на высочайшее имя повторил только прежние жалобы, отчасти уже недействительные после успехов графа Каменского. Следовательно, и Комитет министров, и граф Буксгевден имели основательные причины придерживаться своего мнения[1570], но граф Буксгевден тем казался неправ, что, не соглашаясь на заключение пе-

ремирия при самых неблагоприятных обстоятельствах, заключил его во время успехов наших и после получения значительной помощи, увеличившей русское войско целую третью. Те же самые умствования и расчеты, которые граф Буксгевден представлял прежде в опровержение перемирия, Комитет министров употребил теперь противу перемирия, заключенного графом Буксгевденом. А что Комитет министров рассчитывал верно, это доказывается успехом его предположений.

Будучи уже литератором и журналистом (в двадцатых годах), я сказал однажды, кстати, графу Алексею Андреевичу Аракчееву, что Россия много обязана ему в деле покорения Финляндии[1571]. В этих словах не было ни лести, ни комплимента с моей стороны, а была суцая правда, повторенная и знаменитым нашим военным историком, А. И. Михайловским-Данилевским по смерти графа Аракчеева. Графу Алексею Андреевичу приятны были мои слова. «Так есть еще люди, которые отдают мне справедливость, – сказал граф, – спасибо братец, спасибо! Я не воевода (собственные слова графа) и не брался предводить вой-

сками, но Господь Бог дал мне столько разума, чтоб различить правое от неправого. Бог знает, чем бы кончилось, если б мы отложили изгнание шведов из Финляндии до следующего года! Буксгевден почитал меня своим личным врагом, и крепко ошибался. За что мне было враждовать с ним? Тот мой враг, кто не исполняет своего дела как следует. Я воевал с Буксгевденом его собственным оружием – его *резонами* (слова графа), противу предложенного им перемирия, и если б слушал всех, да не *столкнул* Баркляя (собственные слова графа) на лед, прямо в Швецию, то мы еще годика два пробились бы в Финляндии... Жаловались на недостаток продовольствия, но ведь я посылал из Петербурга сколько было нужно; зачем не умели сберечь и доставить куда следует?..» На этих словах графа Аракчеева я основал мое заключение, приведенное выше.

II

Беглый взгляд на политическое состояние Европы в 1808 году. – Войны Наполеона. – Байонская драма, или Лишение престола Бурбонов испанской линии и плен их. – Характеристика

испанского королевского семейства.

Король Карл IV. Королева. Принц Астурийский, впоследствии король Фердинанд VII. – Королева Этрурии и дон Антонио. – Эмануил Годои, Князь

Мира. – Несогласия в королевском семействе. – Взятие под стражу и

отдание под суд принца Фердинанда. –

Проект разделения Португалии. –

Французы идут через Испанию в Португалию. – Португальская королева

Мария Франциска Елизавета и регент дон Жуан. – Лишение престола

Браганцской фамилии. – Французская армия занимает почти половину

Испании. – Народное возмущение в

Мадриде и Аранжуэсе. – Что значит

народ в Испании. – Низвержение Князя

Мира. – Карл IV отказывается от

престола в пользу Фердинанда и тайно

протестует против отречения, прося

защиты у Наполеона. – Мюрат с

французским войском вступает в

Мадрид. – Испанское королевское

семейство приезжает в Байону для

свидания с Наполеоном. – Первое

свидание Карла IV и королевы с их сыном. – Первое возмущение испанцев в Мадриде противу французов. – Битва и казни. – Второе свидание королевской испанской фамилии. – Фердинанд принужден отречься от престола в пользу отца, а Карл IV передает права на престол Наполеону. – Единственный посторонний зритель Байонской драмы князь Александр Иванович Чернышев. – Испанский король Иосиф, брат Наполеона. – Начало общего возмущения в Испании. – Англичане делают высадку в Португалии. – Неудачи французов. – Маршал Жюно сдает Португалию англичанам. – Англичане берут в Лиссабоне русский флот адмирала Сенявина. – Огромная помощь Испании со стороны Англии. – Межевание Европы Наполеоном. – Общее негодование народов и государей. – Волнение умов в Германии. – Добродетельный союз (Tugendbund). – Надежда Европы на Россию. – Эрфуртский конгресс и его последствия. – Наполеон и Сперанский

Прежде нежели я обращаюсь к военным действиям в Финляндии после разорванного перемирия, должно взглянуть на ход европейских дел, отклонявших внимание Европы от подвигов русских в Финляндии. 1808 г. – самый достопамятный в новой истории, потому что в этом году Наполеон, достигнувший высочайшей степени славы и могущества, сам начал подрывать фундаменты своего величия, подчинив политику Франции и стараясь подчинить политику всей Европы личным своим выгодам и возвышению своего семейства[1572]. Войны Наполеона можно разделить на войны *политические* и *семейные*. До 1807 года он должен был вести войны для утверждения нового порядка во Франции, для упрочения ее границ, приобретенных войнами, которые вела Французская республика, и наконец, для признания Франции империею в ее новых пределах и императорского звания в своем лице. До этой поры Наполеон всегда предлагал мир своим противникам предначатием военных действий и всегда старался помириться с Англиею. С 1808 года Наполеон задумал овладеть всею Западною Европою,

лишить престола всех Бурбонов, а с ними и дом Браганцкий[1573] и на место Бурбонской фамилии поставить членов своей фамилии. Неаполь был уже в его власти и отдан брату его Иосифу. Теперь Наполеон решился овладеть Пиренейским полуостровом, к чему давно уже стремились его помыслы, и наконец в этом году, когда три главные державы в Европе – Россия, Австрия и Пруссия – должны были уступить ему, совершилось событие, которое история прозвала *Байонскою драмою* [1574]. Драма эта кончилась для Наполеона, бывшего в ней главным действующим лицом, как драма «Дон-Жуан»[1575].

В Испании царствовал Карл IV, человек образованный, умный и добродушный, но государь слабый, бесхарактерный, легковёрный, имевший отвращение к занятиям государственным. Две непобедимые страсти господствовали в нем и поглощали все его время: музыка и псовая охота. Ему тогда было пятьдесят девять лет от рождения. Королева Луиза Мария (урожденная принцесса неаполитанская) была только тремя годами моложе своего супруга, но сохранила в душе весь пыл юж-

ных страстей и в теле всю силу пламенного темперамента. Подчинив короля своей власти, она управляла его волею. Королевское семейство составляли: младший брат короля дон Антонио, человек благородный и твердого характера; три сына: дон Фернандо, или Фердинанд, принц Астурийский, наследник престола двадцати трех лет от рождения, дон Карлос двадцати двух лет и дон Франциско де Паула четырнадцати лет. У короля были три дочери: Карлота, замужем за наследником португальского престола[1576], Мария Луиза Иозефина, правительствующая королева Этрурии[1577], и Мария Изабелла в замужестве за наследником престола Обеих Сицилий[1578].

Делами государства и двором управлял самовластно и безотчетно любимец королевы, или, как мы говорим, временщик, Эмануил (Мануэль) Годои (Godoi), человек низкого происхождения. Иные говорят, что он был сперва погонщиком мулов, другие утверждают, что он был тореадором, т. е. бойцом на воловьих травлях. Прекрасный собою, ловкий, ума хитрого и вкрадчивого, Годои определился в роту

королевских телохранителей и вскоре обратил на себя внимание королевы, которая предалась ему совершенно и заставила короля произвести ее любимца в первые министры, в председатели Кастильского совета[1579], в адмиралы и в генералиссимусы. Постыдная уступчивость французскому правительству, погубившая испанский флот, все ее военные средства и расстроившая финансы для сохранения постыдного мира, доставила Годю фантастический титул *Князя Мира* (Prince de la Paix)[1580]. Господствовавшая страсть в Князе Мира была алчность к деньгам, и он для того только любил власть, что она представляла ему средства к обогащению и к грубому разврату. Вся королевская фамилия, все дворянство и весь народ испанский ненавидели и презирали Князя Мира, но королева любила его более собственного своего семейства, и король ради своего спокойствия до такой степени вверился хитрому любимцу, что поручил ему все дела политики и внутреннего управления и никого другого не хотел слушать. Князь Мира употреблял все средства, чтоб развратить наследника престола и дать

ему превратное воспитание, надеясь по смерти короля овладеть престолом. Во время болезни короля в 1806 году уже пущены были в народ вести о перемене династии будто бы по завещанию короля, – но он выздоровел, и в народе ненависть к любимцу усилилась еще более. В мудрое правление Карла III, предшественника Карла IV, Испания начала пробуждаться от летаргического сна, и везде водворялся порядок вследствие постепенных усовершенствований[1581]. При Князе Мира все обрушилось в прежнюю пропасть, и Испания представляла настоящий хаос. Правосудие, чины, места, привилегии продавались с молотка. Государство не имело флота, войско было в жалком положении, торговля ничтожная, фабрики и мануфактуры в совершенном упадке, народ почти одичал в глубоком невежестве и суеверии. Все зло приписывали корыстолюбивому любимцу, Князю Мира, и полагали всю надежду на наследника престола, окруженного людьми умными и почтенными, между которыми главную роль играли воспитатель принца каноник Эскойкис (Escoiquis), герцоги Инфантадо и Сан-Карлос.

Народная партия, окружавшая наследника престола, ожидала только случая, чтоб свергнуть Князя Мира с высоты власти для общего блага. Князь Мира, противодействуя партии, старался посеять раздор между наследником престола и его родителями и до того успел в своем намерении, что возбудил ненависть к нему в сердце его матери и недоверчивость в короле. Начались придворные интриги, основанные на клевете и сплетнях, беспрестанно усиливавшие ненависть родителей к сыну, а в сыне желание избавиться от своего врага.

Война Наполеона с Пруссией и Россией в 1806 году образумила на время испанский двор, долженствовавший предвидеть, чем кончится его раболепное послушание Наполеону, когда он изгнал Бурбонов из Неаполя [1582]. Наш посланник при испанском дворе, барон Строганов [1583], и английский посланник успели убедить Князя Мира в пользах Испании от союза со всею Европою противу властолюбия Наполеона [1584], и Князь Мира начал собирать войско и издал сильную прокламацию, приглашая народ к вооружению, не назвав, однако ж, неприятеля. Если б Наполе-

он претерпел поражение на севере, тогда бы до 100 000 войска испанского, португальского и английского вторгнулось во Францию через Пиренеи; но победа при Иене перевернула ход дел, и Князь Мира, испугавшись своего смелого поступка, удвоил свою уступчивость и раболепство пред Наполеоном. Наполеон не показал вида, что предполагал измену в Князе Мира, но решился ускорить изгнание Бурбонов из Испании. Внутренние интриги испанского двора послужили ему к тому предлогом.

Как первое доказательство преданности, в которой Князь Мира уверял Наполеона, он потребовал лучших двух корпусов из испанской армии, собранной противу него. Князь Мира согласился, и один корпус испанских войск под начальством генерала Офарильи послан был в Тоскану, а другой, в 14 000 человек, под команду генерала маркиза Ла Романа – в Данию. Выбраны были лучшие солдаты и офицеры, чтоб лишить Испанию надежнейшей опоры. Между тем 24 000 французов под начальством маршала Жюно[1585] выступили через Испанию в Португалию (в половине октября 1807 года).

Корпус маршала Жюно состоял из рекрут. Едва по три человека старых солдат приходилось на роту. Кавалеристы были не более четырех месяцев на службе, не умели даже ездить и обходиться с лошадьёю. Пехота не знала вовсе своего дела. Это было самое плохое войско, какого Франция никогда не выставляла противу неприятеля. В этом корпусе лучшие солдаты были пьемонтцы и ганноверцы, которые, однако ж, шли неохотно на войну и ненавидели французов. Наполеон приказал Жюно как возможно поспешить в Лиссабон, чтоб взять португальский флот и задержать королевскую фамилию, и Жюно шел торопливо, малыми отрядами, оставляя в тыле множество больных и мародеров. 30 ноября 1807 года он вступил в Лиссабон только с 1 500 человек. Остальные пришли после, но из 24 000 человек, перешедших за Пиренеи, в Португалии собрались только 14 000 человек, обрванных, усталых и ненадежных в бою солдат.

Маршал Жюно еще из Испании разослал по Португалии прокламации, извещая, что он идет ей на помощь противу англичан, кото-

рые намерены поступить с Португалией, как поступили с Данией[1586], и увещевая португальцев принимать французов, как друзей и союзников. И между тем как Жюно уверял португальцев в великодушных и бескорыстных намерениях Наполеона, англичане сообщили принцу регенту португальскому[1587] лист официальной французской газеты «Монитор»[1588], в котором напечатано было решение Наполеона, что «дом Браганцкий перестал царствовать в Португалии» («La maison de Bragance avait cessée de régner»). Это та же самая фраза, которою лишена престола фамилия неаполитанских Бурбонов!

В Португалии царствующею королевою была вдова короля Педро III Мария Франциска Елисавета, урожденная принцесса португальская. Она жила уединенно, посвятив жизнь свою богомолью, а государством управлял около двадцати лет, в звании регента, сын ее дон Жуан, человек добрый, но слабый, бесхарактерный, совершенно похожий нравом на испанского короля, но не имевший ни его ума, ни образованности. Несчастный в супружестве, испытывавший несколько раз из-

мену и неблагодарность любимцев, он жил уединенно и соглашался на все требования Франции, чтоб только сохранить мир. Но это не спасло его. В последней крайности, когда маршал Жюно уже вступил в Португалию, он предался англичанам. В Лиссабоне носились преувеличенные слухи насчет числа войска маршала Жюно; однако ж старая королева хотела, чтоб выслали противу него войско и решили спор оружием. Английский адмирал, знаменитый Сидней Смит, уговорил и королеву, и принца-регента оставить Лиссабон, удалиться в Бразилию и ожидать там, пока англичане возвратят им Португалию. За день до вступления маршала Жюно в Лиссабон вся королевская фамилия отправилась на английский флот, к которому присоединился и флот португальский, и со всем двором и сокровищами отплыла в Америку. Жюно, повторив приговор Наполеона об отрешении от престола Браганцской фамилии, начал управлять Португалиею от имени французского императора, заменив португальский герб французским орлом и вывесив над дворцом трехцветное знамя. В Париже почитали Португа-

лию покоренною и дело конченным.

Испанская корона в то же время, так сказать, сама падала в руки Наполеона. Наследник престола Фердинанд, надеясь на помощь Наполеона, по совету своих друзей просил его в самых покорных выражениях выдать за него в замужество одну из принцесс императорской фамилии и принять его в особенное свое покровительство, обещая быть послушным, как сын отцу, и в то же время представил родителю своему записку, в которой, изложив все дурные поступки и качества Князя Мира, просил удалить его от дел и от двора. Записка эта написана была воспитателем и первым советником Фердинанда каноником Эскойкисом в самых сильных выражениях. Князь Мира, узнав чрез своих шпионов о том, что принц Фердинанд писал к Наполеону, представил это дело королю и королеве в виде заговора не только противу королевской власти, но и жизни. Королева, ненавидевшая сына за его вражду с ее любимцем, уговорила короля действовать сильными мерами, и король приказал арестовать принца и его советников и отдать их под суд за измену и поку-

шение на жизнь короля и королевы, известив в то же время Наполеона о раздоре, терзавшем его семейство, и о своем несчастном положении, требуя совета и помощи.

Это происшествие произвело сильное впечатление в Испании. Никто не верил в справедливость обвинения принца Фердинанда, и все были уверены, что это интрига Князя Мира. Хотя суд и не находил никаких доказательств заговора, но принц Фердинанд, зная, что решение суда не избавит его от мести матери и Князя Мира, согласился помириться с ним чрез посредство сестры своей, королевы Этрурской, и даже дал ему почувствовать, что готов жениться на его свояченице; написал сознание в своей вине, не означая ее, и просил прощения у родителей, свалив всю вину на своих советников. Князь Мира, видя, что это дело произвело дурное впечатление в народе, посоветовал королю и королеве простить виновного сына, обнародовав, однако ж, вместе с прощением и сознание принца, чтоб сделать его ненавистным как предателя друзей своих и как неблагодарного сына. Советников принца наказали ссылкой.

Во время раздоров и семейных интриг испанского двора Годои искал покровительства Наполеона, и император французов, чтоб заставить действовать Князя Мира согласно с своими видами, заключил с Испаниею тайный трактат в Фонтенбло в 1807 году, по которому Испания обязывалась помогать Франции к завоеванию Португалии[1589]. Ее предполагали разделить. Одну часть долженствовал получить Князь Мира и как независимый государь принять титул князя обеих Алгарвий; другая часть предоставлялась королеве Этрурии взамен этой области; третья часть долженствовала оставаться в руках Наполеона до дальнейших распоряжений, а король испанский принимал звание *американского императора*. Испанский король соглашался на все с условием, чтоб друг его *Мануэлито*, как он обыкновенно называл Годои, был счастлив и доволен!

Между тем до 85 000 французского войска вошли в Испанию под предлогом поддержания завоевания Португалии, хотя в Фонтенблоском трактате допускалось не более 40 000 человек. Вместо того чтоб идти в Португалию,

войско остановилось в Испании (в январе 1808 года), от Пиреней по Эбро, овладев самыми непростительными хитростями всеми крепостями. Народ негодовал и роптал противу Князя Мира, зная, что французы вошли в Испанию с его согласия. Английские агенты сильно действовали, возбуждая в народе недоверчивость и ненависть к Наполеону и Франции и стращая двор примером Неаполя и Португалии. Наконец и сам Князь Мира испугался, видя, что Наполеон медлит исполнением Фонтенблоского трактата касательно раздела Португалии. Он решился послать в Париж свое доверенное лицо, Искиердо, от имени короля для объяснений насчет поведения французских генералов, занявших обманом крепости, и прося исполнения Фонтенблоского трактата без всяких других условий. Король соглашался отдать французам на время одну или две крепости, но решительно протестовал противу занятия всех крепостей. Англичане советовали Князю Мира отправиться с королевскою фамилиею в Мексику и там ждать восстановления спокойствия в Европе усилиями всех держав. Этот проект нра-

вился Князю Мира, который страшился мести народа после смерти короля и боялся лишиться своего богатства. Известия, сообщенные из Парижа Искиердом, утвердили его в этой мысли. Искиердо писал, что Наполеон оказывает величайшую ненависть ко всем Бурбонам и намерен сделать изменение в Фонтенблоском трактате, отдавая Испании всю Португалию и требуя присоединения к Франции почти половины Испании, от Пиренеев до реки Эбро, как было при Карле Великом.

Тогда Князь Мира решился удалиться с королевскою фамилиею в Севилью, за горы Сьерра-Морена. Король предписал войску испанскому собираться за этою чертою, выслать доверенных людей в Англию, требуя совета и помощи в случае, когда надобно будет спастись в Америку. В Аранжуэсе предписано было собираться гвардии и лучшим полкам для охранения королевской фамилии, и при дворе начались приготовления к отъезду. Это было в начале марта 1808 года[1590]. Весть, что король оставляет столицу и даже Испанию, встревожила народ и войско. Все явно кричали, что ненавистный Годои продал Ис-

панию французам. Народ собирался толпами на площадях, а солдаты в казармах, и толковали о несчастье отечества, обвиняя во всем Годои. Дворянство, чиновники и офицеры разделяли общее негодование, и все предвещало близкое возмущение. Наконец, когда 6 марта войско выступило из Мадрида в Аранжуэс, народ толпами пошел за войском и, прибыв на место, окружил дворец, произнося ругательства и проклятия противу Годои, требуя его головы и понося королеву. Противу короля не было ни одного оскорбительного слова, а принцу Фердинанду кричали *vivat*, называя его избавителем и хранителем чести Испании. Войско отказалось действовать противу народа и вместе с ним проклинали ненавистного Годои, *cortejo*[1591] старой королевы. Наконец, нижний этаж дворца наполнился народом, угрожавшим вторгнуться в королевские комнаты для отыскания своего врага, продавшего, как говорил народ, Испанию Франции.

Если говорится о возмущившемся *народе* испанском, то не должно разуметь под этим именем богатых помещиков, купцов, фабри-

кантов и поселян. Эти люди участвуют только духом в народных смятениях. Но едва ли какая другая страна вмещает в себе столько стихий к продолжительному мятежу, как Испания. Испанские города и даже селения наполнены людьми бездомными и без всякого состояния, живущими день за днем чем попало и как попало и принимающимися за работу только тогда, когда голод преодолевает лень. К этим бобылям принадлежат также контрабандисты, составляющие особую касту, люди смелые и даже отчаянные, рискующие жизнью за несколько рублей, которые при недостатке работы занимаются разбоем, укрываясь в горах и пустынях, где известны им все тропинки; погонщики мулов, расхаживающие непрерывно по Испании, разносящие вести и находящиеся в связях с разбойниками, контрабандистами и всеми тунейдцами; мелкие чиновники и писцы из бывших студентов, терпящие вечный голод; толпы нищих, называющих себя студентами и снискивающих пропитание милостиною; ремесленники, которые принимаются за работу только в крайности, когда есть нечего; оборванные и

голодные, но гордые *хидалгосы*, вроде прежней беспоместной польской шляхты, и наконец, монахи, или, как их называют в Испании, *фрайле* (*frayle*), т. е. *братья*, составляющие, так сказать, душу испанского народа. Эти *фрайле*, суеверы и невежды, расхаживают по всей Испании, из монастыря в монастырь, из дома в дом, проводят время в праздности, председательствуют в шинках и от скуки готовы на все. Они не были врагами Князя Мира, потому что только тот враг их, кто вводит порядок, истребляет злоупотребления и просвещает народ; но Князь Мира был приверженцем Франции, которую *фрайле* называли *землею безбожия* и *отечеством Антихриста*, и потому, когда французские войска заняли часть Испании, то и *фрайле* восстали противу Князя Мира. Этот-то *народ* в Испании ужасен своей воспламенительностью, своим невежеством и кровожадностью. У каждого человека длинный нож в кармане (*навахо*), и при малейшей ссоре – драка на ножах. Убить противника для этих людей то же, что у нас выбранный! Простить обиду почитается малодушием, а отмстить кровью – молодечеством.

Несколько десятков тысяч этих отчаянных головорезов собрались в Аранжуэсе и ревели под окнами королевскими: «Смерть Годои, cortejo неаполитанки; виват Фердинанду!»

Король, который никогда не занимался ни одним важным делом и состарился в спокойствии и совершенном бездействии, вовсе лишился присутствия духа, а королева с воплями отчаяния призывала своего Мануэлито (т. е. Князя Мира), чтоб укрыть его от ярости народной. Но он уже спрятался в своем доме, на чердаке, под кучею матрацев. Народ, ворвавшись в дом, изломал и разграбил все, но не отыскал Годоя. В доме поставили часовых, но мятеж не утихал. Тогда королева призвала ненавистного ей сына, принца Фердинанда, и сказала: «Спаси Мануэля (Годои) от смерти, и король сей же час отречется от престола в твою пользу». Уже в Королевском совете сам король предложил эту мысль, почитая венец царский тяжким бременем без помощи друга своего *Мануэлито*, и самому Фердинанду повторил слова королевы. Наследник престола, который с виду не принимал никакого участия в мятеже, отвечал родителям, что он го-

тов исполнить их приказание и повиноваться их воле. Уже прошло тридцать шесть часов со времени начала мятежа, но Князя Мира не могли отыскать. Наконец, томимый жаждою, он вылез из своего убежища и стал просить стакана воды у часового, королевского телохранителя, обещая ему столько золота, сколько он сам весит. Но часовой предал его народу, который готовился растерзать его, как внезапно появился принц Фердинанд и приказал не трогать преступника, а отвезть в тюрьму, чтоб судить по законам. Народ повиновался. На другой день король объявил отречение от престола в пользу Фердинанда; народ, войско и все сословия были в восторге.

Но на другой день по отречении от престола, когда Годои был уже в безопасности от народной мести, король по совету королевы написал протест противу своего отречения, утверждая, что был принужден к тому силою, желая избежать кровопролития, и послал свой протест французскому посланнику в Мадриде графу Богарне. В то же время он написал письмо к Наполеону, уведомляя о насильственном отречении от престола, и про-

сил покровительства и защиты, предавая себя, семейство свое и друга своего, Князя Мира, его воле и ожидая от него решения судьбы своей.

Мюрат, великий герцог Бергский, назначен был главнокомандующим армией в Испании и во время происшествий в Аранжуэсе находился только в нескольких переходах от Мадрида. 12 марта Мюрат торжественно вступил с войском в столицу Испании, и в тот же вечер получил от короля Карла IV письмо, в котором он, извещая его о насильственном своем отречении от престола, просил покровительства для своего семейства и для друга своего, Князя Мира, находившегося в тюрьме. Новый король Фердинанд VII, извещая Наполеона о своем восшествии на престол вследствие добровольного отречения отца, также уверял императора французов в своей неизменной преданности и также просил его покровительства. Таким образом, королевское семейство добровольно предавало свою участь воле Наполеона!

Наполеон, не признавая Фердинанда в королевском звании, но не порицая явно всего

случившегося, послал к нему своего любимца Савари, чтоб уговорить на свиданье в Байоне, уверив, что все затруднения кончатся при личных переговорах. Приближенные к Фердинанду советовали ему не оставлять Испанию и не доверять Наполеону; но он по долгом колебании наконец согласился отправиться к Байону с несколькими из своих приверженцев. Наполеон прибыл туда 3 апреля, а Фердинанд позже тремя днями. Наполеон встретил дружески Фердинанда, хотя избегал случая говорить с ним о делах до приезда короля Карла IV, который прибыл к Байону 18 апреля с королевой и Князем Мира, освобожденным из тюрьмы по требованию Наполеона.

Тут началась так называемая *Байонская драма*. Фердинанд чрезвычайно удивился, когда Наполеон предложил ему чрез Савари отказаться от испанского престола и получить взамен Испании королевство Этрурское, данное Наполеоном сестре его, а потом отнятое, и отвечал, что он прибыл затем только, чтоб быть признанным королем испанским, а не для замены владений. Но Наполеон объявил

решительно, что как Карл IV протестует противу своего отречения от престола и обвиняет Фердинанда в том, что он произвел мятеж, и за это лишает его прав к наследованию испанским престолом, то он будет трактовать с самим королем о делах. Между тем под названием почетной стражи приставили караул к квартире Фердинанда и прибывшего с ним брата его дона Карлоса и назначили множество полицейских агентов для наблюдения день и ночь за ними, чтоб воспрепятствовать их возвращению в Испанию, а Наполеон начал переговоры с старым и немощным королем Карлом IV, или, правильнее, с королевою и Князем Мира.

Сцена первого свидания королевской фамилии в присутствии Наполеона представляла ужасное зрелище. «Доволен ли ты, доведя меня до этого горестного положения! – сказал Карл IV Фердинанду дрожащим от гнева голосом. – Откажись от престола, с которого ты меня свергнул, отдай мне мою корону, я требую этого, и, если ты не захочешь повиноваться, я поступлю с тобою как с возмущившимся подданным; слышал ли!» – «Я не из-

менник, – отвечал Фердинанд, – испанская корона принадлежит мне, потому что вы, родитель мой, отреклись от нее, а кроме того, я спас жизнь Мануэля (Годои), который преследует меня...» – «Отдай мне мою корону!» – воскликнул король в бешенстве и, будучи прикован подагрой к креслам, привстал с усилием и устремился к сыну, грозя ему тростью. Наполеон удержал короля. Королева ругала Фердинанда самыми низкими выражениями, забыв все приличия, и потом, обратясь к Наполеону, стала умолять его, чтоб он отдал его под суд как изменника и бунтовщика, заслуживающего публичную казнь. Фердинанд спокойно отвечал: «Я согласен отказаться от престола, но с тем условием, чтоб ваше величество не брали с собою в Испанию людей, ненавистных народу (намек на Князя Мира), и если вы по слабости здоровья не можете сами управлять, то чтоб вы мне поручили управление государством. Что же касается отречения от престола, то это дело должно быть подвергнуто суждению чрезвычайного собрания кортесов[1592] или Кастильскому совету...» Наполеон, видя, что дело принимает

неожиданный оборот, поспешил окончить это свидание.

Насильственное задержание Фердинанда в Байоне возбудило во всей Испании сильное негодование и удвоило ненависть к французам. Народ явно роптал и говорил об отмщении. Везде готовились к восстанию и к истреблению французов. Ждали только случая, и он открылся. Наполеон, чтоб иметь в руках все королевское семейство, приказал Мюрату выслать из Мадрида в Байону младшего брата Карла IV, дона Антония, председателя Правительственного совета (юнты)[1593] в отсутствие Фердинанда, младшего принца дона Франциска де Паула и бывшую королеву этрурскую. Это привело народ в бешенство, и 20 апреля (2 мая н. ст.) внезапно вспыхнуло возмущение в Мадриде. В восьмидесяти двух церквях ударили в одно время в набат, и все мадридское народонаселение бросилось из домов на улицы, вооружившись чем кто мог. Каждого встречавшегося француза умерщвляли на месте. Французское войско выступило из казарм и заняло важнейшие посты. В толпы народа стреляли беглым огнем из ружей и

картечами вдоль улиц; но ожесточенные испанцы бросались с ножами в ряды французов и лезли, как слепые, на пушки. Разумеется, что регулярное войско одержало верх, и к вечеру городское начальство успело усмирить восстание. У французов убито 500 человек, большею частью поодиночке в домах и на улицах. В народе также убито несколько сот человек, и несколько сот взято в плен из значительнейших жителей столицы. Мюрат в гневе и для устрашения столицы велел в ту же ночь расстрелять всех их без всякого суда и расправы.

Один из моих приятелей, служивших в то время в гвардии Наполеона и бывший свидетелем этой экзекуции, рассказывал мне следующее: «Всех пленных, связанных по рукам, привели на знаменитое гульбище Прадо при свете факелов. Шум и крик были ужасные. Большая часть пленных клялись, что они не принимали никакого участия в возмущении, и просили следствия. Другие умоляли, чтоб им позволили исповедаться и причаститься Святых Тайн. Не слушали ни жалоб, ни просьб. Всех пленных граждан поставили в

одну шеренгу при стене, и батальон в десяти шагах выстрелил в них залпом. Но как многие были только ранены, то велено их прикалывать. Пронзительные крики и стоны раздирали душу; но французские солдаты до того были ожесточены, что не давали никому пощады. Когда не осталось ни одного в живых, французы возвратились в казармы, оставив трупы на месте. На другой день городское начальство убрало их и похоронило за городом. Народ толпился на похоронах, но французская кавалерия разогнала его».

Наполеон, получив известие о мадридском возмущении, решился немедленно кончить дело с королевскою фамилиею. Призвав к себе Князя Мира, он обещал ему свое покровительство, возвращение всего его богатства, оставшегося в Испании, и огромную пожизненную пенсию, если он уговорит короля, чтоб он принудил Фердинанда отречься от престола. Король должен был угрожать Фердинанду судом за измену. Князь Мира согласился на все, и на другой день король Карл IV снова призвал к себе своих сыновей Фердинанда и Карлоса. Второе свидание происходи-

ло также в присутствии Наполеона. Хотя при этом свидании не было посторонних лиц, но некоторые из свиты Наполеона были помещены в соседних комнатах таким образом, что могли все слышать и видеть. Известный политический писатель Прадт сохранил в памяти эту сцену[1594].

Король Карл IV сидел в креслах, держа свою трость. По одной стороне его сидела королева, по другой сидел Наполеон. Вошли два принца. «Имеешь ли ты известие из Мадрида?» – спросил король Фердинанда гробовым голосом, задыхаясь от гнева. «Нет, государь», – отвечал Фердинанд. «Так слушай же», – сказал король и, рассказав ему о мадридском возмущении, стал обременять его самыми сильными упреками. «Для того ли ты свергнул меня с престола, – сказал он между прочим, – чтоб проливать кровь моих подданных! Кто тебе это присоветовал? Говори!» Фердинанд молчал, а король горячился и наконец снова замахнулся на него тростью, крича: «Говори же!» Фердинанд молчал. «Ты бы и нас подвергнул погибели, если б мы были в это время в Мадриде, – продолжал король. – Как бы

ты мог воспротивиться во время бунта! Говори, кто тебя подучил на этот новый бунт?» Фердинанд молчал. Королева вскочила с кресел, подбежала к нему и, подняв руку, чтоб дать ему пощечину, воскликнула: «Говори же!» Фердинанд все молчал. Тогда Наполеон обратился к принцу и сказал важно: «До сих пор я не имел на ваш счет никакого твердого намерения, но после случившегося в Мадриде объявляю вам, что я никогда не признаю испанским королем того, кто таким образом нарушил союз со мною. Мадридское кровопролитие есть дело партии, от которой вы не можете отречься. Вот следствия пагубных советов! Я не знаю никого, кроме его величества, вашего родителя, и его только признаю испанским королем. Если ему угодно, я сам провожу его в Мадрид!» – «Не хочу!» – воскликнул король. – Он (т. е. Фердинанд) вооружил противу меня все страсти, и я не хочу бесчестить моей старости, ведя войну с моими подданными и сооружая эшафоты...» После этого король сказал Фердинанду: «Пошел вон!» – и принц удалился, не промолвив слова во все время.

Савари последовал за ним и объявил, что если он не отречется от престола без всяких условий, то король решился назначить над ним суд, следствием которого будет или смерть на эшафоте, или вечное заключение. Фердинанд наконец согласился, написал акт и отослал его к отцу.

Трактат с королем Карлом IV был уже готов. Он был короток и ясен. Карл IV, законный король Испании и Индий, уступал Наполеону все свои права на испанский престол, с тем чтоб Испания оставалась нераздельною и составляла особое государство, независимое от Франции. Наполеону предоставлялось на волю избрать короля испанского, который обязан хранить римско-католическую веру господствующую, без всяких в ней изменений, и возвратить имущество всем лишившимся его во время возмущения в Аранжуэсе. Это относилось к Князю Мира, который только этого и желал. Королю дан в пожизненное владение замок Компьен и имение Шамбор, вроде потомственного поместья, и 30 000 000 реалов в год пенсии. Каждому принцу назначено пенсии по 400 000 франков. С Фердинан-

дом заключен был особый договор насчет пенсии, и он повторил отречение свое от прав на испанский престол. Тем кончилась драма Байонская, и Наполеон возвратился в Париж, веря, что он везет в кармане Испанию с ее богатыми колониями. Он отдал их брату своему Иосифу, назначив на его место в неаполитанские короли зятя своего, Мюрата. При дворе Наполеона повторяли фразу Людовика XIV, произнесенную им в то время, когда он посадил на испанском престоле внука своего, Филиппа V, родоначальника бурбонской испанской линии: «Il n'y a plus de Pyrénées!» (т. е. «Нет больше гор Пиренейских»)[1595].

Европейские дипломаты не предугадывали судьбы Испании и испанских Бурбонов. Основываясь на их покорности воле Наполеона, все полагали, что возникшие несогласия в испанской королевской фамилии кончатся браком Фердинанда с одною из родственниц Наполеона и занятием берегов Испании французскими войсками, как в Германии, для утверждения континентальной системы против английской торговли. Иностранцев дипломатов не было в Байоне, и все происходи-

ло там втайне, в кругу доверенных и преданных Наполеону лиц. Первую догадку о судьбе Испании представил императору Александру молодой русский офицер, штаб-ротмистр Кавалергардского полка Александр Иванович Чернышев (ныне князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии и военный министр).

Место, занимаемое князем Александром Ивановичем Чернышевым в государстве, заставляет меня противу моей воли быть чрезвычайно скромным в рассказе о его подвигах и заслугах, чтоб слов моих не почли лестью. Знающие меня коротко знают также отвращение мое от всякой лести и похвал и принятую мною систему *отмалчиваться*, когда нельзя сказать сущей правды. Но как о князе А. И. Чернышеве много печатано было в чужих краях несправедливого, а в России вовсе не напечатано ничего, то я по долгу совести и из бескорыстной преданности к князю, от которого вовсе не зависим, любя и уважая его как русского патриота и любителя просвещения, скажу несколько слов о блистательном его поприще, почти беспримерном и тем более заслуживающем внимания, что князь

всем обязан своей службе, своему усердию, своим дарованиям и правосудной милости русских государей.

Князь Александр Иванович Чернышев принадлежит к старшей линии фамилии Чернышевых, из которых младшая линия приобрела заслугами графское достоинство, при императрице Екатерине II, и жалованные поместья[1596]. Отец князя Александра Ивановича, Иван Львович, дослужился до генерал-поручичьего чина и вследствие ран, полученных в войнах, должен был оставить военное поприще. Ему дано звание сенатора в Москве. По смерти родителя своего князь Александр Иванович остался с двумя своими сестрами[1597] при матери, урожденной Ланской, бывшей фрейлиною при императрице Екатерине II, сестре Ланского, пользовавшегося особенною милостью государыни и скончавшегося в молодых летах. Одна сестра князя Александра Ивановича умерла в девицах, а другая в замужестве за князем Петром Сергеевичем Мещерским (сенатором). Сын их, князь Элим Петрович, снискал блистательное имя в литературе всемирной пиитическими произ-

ведениями на французском языке, в которых отражается пламенная любовь к отечеству. Родительница князя Александра Ивановича не хотела расстаться с единственным своим сыном и воспитывала его дома, вверив надзор за обучением французскому аббату Перрену. В то время лучшие достойнейшие люди оставляли Францию, чтоб удалиться из страны, обуреваемой бессмысленною и кровожадною революциею, и аббат Перрен был из числа самых образованных и ученых мужей своего отечества. До вступления своего в духовное звание аббат Перрен готовился в военную службу и знал превосходно военные науки. Заметив в питомце своем страсть к военному званию, он сам преподавал ему все науки, входящие в круг военного образования. По быстрым успехам во всех науках и по самостоятельности характера князь Александр Иванович на шестнадцатом году возраста уже вступил в свет и был отлично принимаем во всех московских обществах высшего круга. Во время коронации императора Александра государь благоволил почтить своим присутствием бал, данный князем Алексан-

дром Борисовичем Куракиным. На этом бале был и князь А. И. Чернышев. Необыкновенная ловкость, счастливая, открытая физиономия и красота юноши обратили на него внимание монарха, который соблаговолил вступить с ним в разговор, в экосезе[1598], и остался доволен его присутствием ума и знанием приличий. Тогдашний президент Военной коллегии Ламп[1599], одолженный некогда родителем князя Александра Ивановича, просил государя о принятии его в службу. Ему предлагали камер-юнкерство, доставлявшее тогда прямо чин 5♦го класса, но князь Александр Иванович хотел непременно служить в рядах русских воинов. Нельзя было поступить в офицеры гвардии, и потому князь Александр Иванович принят прямо в камер-пажи. Это первый и единственный тогда пример! В 1802 году 20 сентября князь Александр Иванович произведен в корнеты в Кавалергардский полк, по шестнадцатому году от рождения (он родился в декабре 1786 года). В 1804 году 29 сентября произведен в поручики, а в 1805 году, восемнадцати лет от роду, поступил в адъютанты к генералу Уварову,

шефу Кавалергардского полка[1600], пользовавшемуся особенною милостью государя императора. В этом звании князь Александр Иванович выступил в поход с гвардией в 1805 году в так называемую Аустерлицкую кампанию. На поле векового сражения он нашел свое счастье! Князя Александра Ивановича послали к государю в пылу сражения с донесением о действиях нашего правого фланга. Государя нашел он под неприятельскими выстрелами возле колонны генерала Милорадовича, полуразбитой и едва удерживавшейся на позиции[1601].

При государе императоре не было ни одного человека из его адъютантов и свиты, и его величество обрадовался появлению князя Александра Ивановича, велел остаться при своей особе и посылал несколько раз с приказаниями в разные места. Приятно было государю, что князь Александр Иванович, исполнив поручение, всегда возвращался к нему и извещал о происходившем на поле битвы. После несчастного и кровопролитного сражения государь император прибыл около полуночи в селение Годьежиц. С трудом, как говорит

правдивый историк кампании 1805 года генерал-лейтенант Михайловский-Данилевский, нашли комнату для государя, потому что в домах толпились наши раненые, мародеры и обозные. Из всей свиты государевой при нем были только лейб-медик Виллие, берейтор Иене и фельдъегерь Прошницкий[1602]. Разговаривая с восемнадцатилетним поручиком о событиях того достопамятного дня и коснувшись даже предварительных распоряжений, государь удивился необыкновенным военным познаниям молодого офицера, его дальновидности и основательности суждений, и с этих пор государь обратил особенное внимание на князя Александра Ивановича Чернышева. «Сослужи мне сегодня последнюю службу: отыщи Кутузова», – сказал государь Александру Ивановичу[1603], и он пустился в темную ноябрьскую ночь между толпами отступавших солдат отыскивать Кутузова и нашел его. После этого князь Чернышев возвратился к своему шефу, генералу Уварову. При раздаче наград сам государь назначил ему Владимира 4-й степени с бантом – орден, в то время редко даваемый поручикам; но что

было выше всего, это милость государева, которую его величество явно оказывал князю Александру Ивановичу Чернышеву. В 1806 году ноября 1го князь Чернышев произведен в штаб-ротмистры, и в этом чине и в том же звании адъютанта при генерале Уварове выступил в Прусскую кампанию. Здесь снова счастье дало ему случай к блистательному отличию. Когда наша армия, сбитая с поля сражения под Фридландом, должна была перейти по другую сторону реки Алле, последняя колонна и вся наша кавалерия правого фланга уже не застали мостов, которые были сожжены. Послали офицеров в разные стороны отыскивать броды, и первый из них найден князем Александром Ивановичем Чернышевым; по этому броду и перешла тяжелая кавалерия. За этот подвиг он награжден Георгиевским крестом и обласкан государем, который поручил ему в начале тильзитских переговоров почетную обязанность эскортировать с отрядом казаков королеву прусскую[1604] во время приезда ее величества в Тильзит. Когда граф П. А. Толстой назначен был послом в Париж, князь А. И. Чернышев был в числе моло-

дых офицеров, долженствовавших составлять посольскую свиту, но государь оставил его, избрав для дружеских сношений с Наполеоном, выходявших из круга официальной дипломатии. Большею чести не мог никто достигнуть в чине и в летах князя А. И. Чернышева! Едва наше посольство успело прибыть в Париж, он был отправлен государем с письмом к Наполеону и представлен ему нашим послом, графом П. А. Толстым. Наполеон был чрезвычайно разговорчив, когда бывал в хорошем расположении духа, и в этот день заговорил о действиях корпуса Нея в Прусскую кампанию. Спрошенный по сему предмету Наполеоном, князь А. И. Чернышев изложил свое мнение, которое чрезвычайно понравилось Наполеону, и он с этой поры оказывал ему особенную благосклонность, а в ответ государю на письмо упомянул с похвалою о князе А. И. Чернышеве. Он пробыл в Париже только одиннадцать дней, и в это время генерал Савари показал ему по велению Наполеона все военные заведения столицы Франции. Князь А. И. Чернышев был один из первых красавцев своего времени, отличался всегда

необыкновенною ловкостью и любезностью в обхождении и, зная французский язык, как свой природный, сделал большое впечатление в тогдашнем высшем парижском обществе и при дворе Наполеона. С этих пор князю А. И. Чернышеву в Париже не было другого имени, как *le beau russe*[1605]. Отправленный в другой раз с собственноручным письмом государя императора к Наполеону, князь Александр Иванович Чернышев не нашел его в Париже и отправился к нему в Байону. Наполеон жил поблизости города, в замке Марак (Marac), сделавшемся историческим местом после байонских событий. Князь А. И. Чернышев был принят Наполеоном чрезвычайно милостиво, как старый знакомец. В ожидании депешей провел он четверо суток в маракском замке и однажды удостоился чести быть приглашенным к столу Наполеона – чести, которую должно отнести к особенному личному уважению, оказываемому Наполеоном князю Александру Ивановичу, потому что к столу Наполеона не приглашались даже и иностранные послы. Дела велись втайне, но князь А. И. Чернышев, одаренный необыкновенно

венным умом и проницательностью, отгадал по предпринимаемым предосторожностям относительно членов испанской королевской фамилии будущую их судьбу. Возвратясь в Петербург, князь А. И. Чернышев сообщил догадки свои государю императору и предсказал падение Бурбонов испанской линии. При открывшейся войне Наполеона с Австриею в 1809 году князь А. И. Чернышев был снова послан с письмом к Наполеону и находился при нем во время бомбардирования Вены, в знаменитых сражениях при Асперне и при Ваграме[1606] и за неустранимость получил Золотой крест Почетного легиона[1607], который вручил ему лично Наполеон. В 1809 году 6 июня князь Чернышев получил звание флигель-адъютанта; в том же году октября 9го произведен в ротмистры, в 1810^м в полковники и в этом же году послан в Париж с тайным поручением, чтоб узнать подлинные намерения Наполеона насчет России и для соборания сведений, какие силы может употребить он в войне, к которой явно готовилась Франция. Известно, что князь А. И. Чернышев исполнил успешно эти важные поручения.

Находясь беспрестанно в высшем парижском кругу и принятый отлично в семействе Наполеона, князь А. И. Чернышев был покровительствуем всеми дамами двора и высшего общества, был, как говорится, в моде и умел пользоваться своим счастливым положением для исполнения поручений. Принужденный жить в свете, он работал, когда все покоились, и составил в это время план, как вести войну с Наполеоном, если он устремится в Россию. Этот план был одобрен и послужил основанием при соображении оборонительной войны в 1812 году. О дальнейших блистательных подвигах князя А. И. Чернышева в 1812, 1813 и 1814 годах и далее буду говорить в своем месте, когда дойдет до них очередь по хронологическому порядку.

Нет сомнения, что немногим людям счастье так благоприятствовало, как князю А. И. Чернышеву. Этим упрекали князя Чернышева! Когда и Суворова стали упрекать счастьем, он сказал: «Сегодня счастье, завтра счастье, послезавтра счастье... помилуй Бог, да ведь надобно же сколько-нибудь и ума!» [1608] Правда, счастье приблизило князя А. И.

Чернышева к государю под Аустерлицем, но если б он не имел существенных достоинств, то не приобрел бы доверенности государя и не был бы отличен Наполеоном, великим зна-током в распознавании людей! Даже чужеземная клевета не могла помрачить заслуг и достоинств князя А. И. Чернышева, а кто знает его близко, тот не только чтит его, но и любит как человека правдивого, любителя просвещения, нежного отца семейства, правосудного ценителя заслуги и таланта. Высказал я то, что было у меня на душе и что совершенно справедливо. Если б я думал иначе, то, как человек независимый, не ищущий и не желающий ничего в свете, я бы молчал![1609]

Европа ужаснулась, узнав о развязке Байонской драмы. При лишении Бурбонов неаполитанского престола был какой-нибудь предлог, тесный союз их с англичанами, объявление войны Франции и т. п. Но испанская династия со времени последней революционной войны предалась совершенно Франции и принесла ей величайшие жертвы. Какое же право имел Наполеон без объявления войны занять Испанию и завладеть древним ее пре-

столом, заманив, так сказать, в засаду всю королевскую фамилию? Все владетельные особы второстепенных государств испугались этого самоуправства и столь наглого попрания народного права, и эта формула Наполеона «La maison de Bourbon (или de Bragance) a cessée de régner»[1610] страшно звенела у всех в ушах. Ужели престолы будут раздаваться и отниматься *приказами*, по воле диктатора? Все частные благомыслящие люди в Европе вознегодовали на измену. Если б Наполеон войною покорил Испанию и лишил престола враждебную фамилию, тогда бы он нашел еще защитников; но в этом случае и приверженцы его должны были молчать, тем более что общее мнение всегда склоняется в пользу угнетенных и что оно обслуживает политические дела как частные, взвешивает правду на весах здравого рассудка и отвергает все утмования, противные честности и справедливости. Победы Наполеона, сильные контрибуции и тягость военных постоев и без того раздражали умы противу завоевателя, и народы рады были найти в нем черную сторону, которая, напротив, казалась светлее солнца

его приверженцам.

Еще новый король Иосиф не ступил ногою в Испанию, а уже вся она объята была пламенем возмущения против его власти. Кроме двух испанских корпусов, находившихся вне Испании (корпуса генерала Офарильи и маркиза де Ла Романы), внутри государства было еще до 60 000 регулярного войска, которое восставший народ принудил присоединиться к нему, умерщвляя офицеров, сопротивлявшихся его воле. Началась жестокая борьба. Португалия также возмутилась противу французов, требовавших 100 000 000 франков контрибуции, и в это самое время до 40 000 англичан с сильною артиллериею под начальством генерала Веллингтона сделали высадку в Португалию для содействия народному восстанию на всем полуострове.

Французская армия в Испании в это время состояла из 95 000 человек и разделена была на четыре корпуса. В Португалии было до 24 000 человек. Во французской армии, находившейся в Испании, было не более 20 000 надежных солдат. Остальные были рекруты, необученные, не привыкшие к военным труд-

ностям. В армии было 6 батальонов поляков Надвислянского легиона, 8 полков итальянских и три полка швейцарских. Это были лучшие солдаты вместе с частью старой гвардии. Можно смело сказать, что никогда не было такого дурного войска, как французская армия в Испании и Португалии при первом вторжении, в 1807 и 1808 годах. Способности главнокомандовавших вовсе не соответствовали их высокому назначению и притом в таких трудных обстоятельствах, когда надлежало завоевывать и управлять страной, усмирять непокорных и успокаивать умы. Мюрат был отличный кавалерист, рубака, отчаянный наездник, превосходный для блистательной кавалерийской атаки, но вовсе не способный начальствовать армией. Маршал Жюно был храбрый воин, превосходный дивизионный командир под начальством Наполеона, которому он был предан всею душою, но без военных способностей и притом колеблющегося характера, иногда слишком отчаянный и твердый, иногда вовсе не решительный. Французские войска должныствовали действовать в Испании отдельно, корпусами и

отрядами, весьма часто не имевшими с собою никакого сообщения в стране, которой местоположение было неизвестно начальникам, среди возмущенного народа. Маршал Бессиер, командовавший лучшим корпусом, в котором была гвардия, разбив испанского генерала Куэсту под Рио-Секко[1611], ввел торжественно короля Иосифа в Мадрид, но это не укрепило его власти. В то же время генерал Дюпон, зашед в горы Сьерра-Морены и будучи окружен со всех сторон неприятелем, должен был сдаться со всем своим корпусом в 28 000 человек, положив оружие при Байлене [1612]. Это событие, неслыханное во французской армии, возбудило новый жар в испанцах и обрадовало всех врагов Наполеона во всей Европе. Маршал Жюно также не мог устоять противу англичан и португальских инсургентов и после упорного сражения при Вимиере, где французы дрались превосходно, он, отрезанный от всех своих сообщений, не надеясь получить никакой помощи, заключил знаменитую конвенцию при Синтре, по которой англичане обязались перевести на своих судах весь французский корпус, с оружием, во

Францию[1613]. В Таге находился в это время русский флот под начальством адмирала Сенявина, пришедший из Средиземного моря. Сенявин, видя невозможность сопротивляться англичанам, сдал им корабли с условием, чтоб они перевезли людей в Россию. Корабли эти были потом возвращены России, но полу-сгнившие. Почти в то же время маркиз де Ла Романа с 10 000 из своего корпуса успел уйти из Дании на английских кораблях и, прибыв в Испанию, подкрепил инсургентов столько же личными своими достоинствами, как и отличными солдатами. Неудачи быстро следовали одна за другою со времени плена Фердинанда, который во всей Испании был провозглашен торжественно королем, а новый король, Иосиф, под защиту французского войска должен был удалиться из столицы и поселиться в Бургосе, в 30-ти милях от французской границы. Словом, в начале сентября дела Наполеона на Пиренейском полуострове находились в самом дурном положении. Англичане были в восторге, что Наполеон открыл им самое выгодное для них поприще на твердой земле для борьбы с ним, и употребля-

ли все возможные средства к вооружению испанского народа, к внушению ему ненависти к Наполеону и к французам, к возбуждению мести и жажды французской крови. В Испании не было денег; арсеналы были пусты, и английское золото полилось туда рекою: на всем берегу выгружали оружие и все военные потребности для испанской армии и инсургентов[1614]. Нет никакого сомнения, что без этой помощи испанцы не могли бы долго противостоять французам и возмущение утихло бы по недостатку средств. Но в Испании воевала Англия, а испанцы были только ее орудием к сокрушению могущества Наполеона, до сих пор непобедимого. Наконец открылось уязвимое место в этом несокрушимом колоссе – пята Ахиллесова[1615]!

Но не одно самоуправство Наполеона в Испании беспокоило народы и их государей. После Тильзитского мира Наполеон, не опасаясь сопротивления, начал межевать Европу по своему произволу, без оглядки на трактаты и на народное право. 22 декабря 1807 года присоединены к Франции города Кель (Kehl), Везель, Капель при Майнце и Флиссинген в

Голландии, с их округами. 2 февраля 1808 года занят Рим французами, и в тот же день издан декрет, которым присоединена к Французской империи Северная Италия, примыкающая к Альпам и разделенная на департаменты под названием Заальпийских; 27 февраля занята Ост-Фризия[1616] с прилежащими к ней графствами, на имя Лудовика Бонапарте. 2 апреля декретом Наполеона разделена Папская область, и четыре легатства (губернии) ее присоединены к Итальянскому королевству; 5 мая княжество Мюнстер, графства Марк, Линген и Текленбург отданы Мюрату и вошли в состав созданного для него герцогства Бергского, которое после назначения Мюрата в неаполитанские короли поступило в собственность Наполеона. Кроме того, множество казенных поместьев во всей Германии объявлены собственностью Наполеона, из которых он составил аренды (dotations) для своих генералов и государственных людей, учредив, сверх того, в сердце Германии Вестфальское королевство для брата своего Иеронима. В значительнейших прусских крепостях стояли французы, и Пруссия управлялась

в финансовом отношении французскими чиновниками под главным начальством гоф-интенданта (Intendant de la liste civile) Дарю до уплаты Пруссией военной контрибуции. Вольные приморские города Германии и все ее порты были заняты французами, и берега обставлены французскими таможенными стражами для приведения в исполнение ненавистной континентальной системы. Французская полиция действовала во всей Германии и держала умы в оковах. Исключая нескольких преданных Наполеону лиц, вся Германия пылала к нему ненавистью и желанием освободиться от чужеземного ига. Пример Испании разбудил Германию. Все взоры устремлены были на Испанию, все сердца желали ей успеха, все с нетерпением ожидали известий из Испании, и эти известия англичане доставляли контрабандой в Германию, вместе с своими товарами.

Австрия, вспомоществуемая Англией, начинала вооружаться, учреждала милицию во всех областях, комплектовала армию и приводила крепости в оборонительное положение, уверяя Наполеона, что происшествия на

Востоке, т. е. в Турции, требуют с ее стороны предосторожностей, а между тем во всей Германии, особенно в Пруссии, пламенные патриоты воспламеняли умы и приготавливали народ к восстанию.

Вся Испания вооружилась на возглас «*Отечество и Фердинанд*», но Германия не могла восстать иначе, как духом, при священных словах *Тевтония* и *Германия*, произнесенных знаменитым Коцебу, который своим журналом «*Der Freimüthige*» сосредоточивал умы и давал им направление[1617]. Профессор Грейфевальдского университета (в Померании) Арндт своею сатирою «*Аист с детьми*», устремленною противу Наполеона и Рейнского союза, возбудил во всех сословиях ненависть к Наполеону, а своею книгою «*Дух времени*» привлек и высокие умы к размышлению о постыдной участи Германии, покорной чужеземному завоевателю[1618]. Наконец, прусский министр Штейн и австрийский Стадион основали тайное политическое общество «*Tugendbund*» («*Добродетельный союз*») [1619], которого цель состояла в стремлении к освобождению Германии от чужеземного ига

[1620]. Все государи Германии тайно покровительствовали этот союз, к которому пристали лучшие офицеры прусской армии, и между прочими знаменитый Блюхер, Гнейзенау, Шиль, профессора и студенты всех университетов, все дворянство и все образованные граждане. Оппозиция была многочисленная, но бессильная противу могущества Наполеона. Я вообще не верю, чтоб тайные общества могли когда-либо быть полезными государству и произвести что-либо порядочное и основательное. Примеры перед глазами. «Тугендбунд» только поставлял в затруднительное положение слабые правительства перед Наполеоном, доставляя членам союза детское наслаждение бранить за глаза Наполеона и его приверженцев, распевать патриотические песни, и если при вступлении русских войск в Германию в 1813 году доставил несколько тысяч воинов для союзных армий, то это еще не великая услуга: и без «Тугендбунда» молодые люди в Германии взяли бы за оружие по призыванию государей. Общество карбонариев в Италии[1621], стремясь к ее освобождению, наделало множество зла и не

оставило никаких следов добра[1622]. Умные и степенные люди между врагами Наполеона были убеждены, что без России невозможно восстать Германии в тогдашнем ее положении, и взоры всех устремлены были на императора Александра, все сердца обращены были к нему. И для Наполеона страшен был только император Александр с его верною, преданною Россиею и храбрым войском, о котором сам Наполеон сказал, что это войско можно истребить, но не победить.

При этих обстоятельствах Эрфуртский конгресс был весьма важен для всего образованного мира. Наполеон хотел видеться только с императором Александром и потому не приглашал формально других европейских союзных государей. Император австрийский и король прусский не приехали сами, но послали своих министров. Императору Александру надобно было приехать в Германию, чтоб лично убедиться во всем, о чем его извещали, и удостовериться в окончательных намерениях Наполеона. Прибыли в Эрфурт, как вассалы Наполеона, короли саксонский, виртембергский, баварский и вестфальский[1623], два-

дцать семь герцогов и князей Рейнского союза с супругами[1624] и до пятидесяти первых европейских вельмож. С императором Александром приехал его императорское высочество цесаревич[1625], и в свите его несколько генерал- и флигель-адъютантов. Для дипломатических дел находился при государе граф Н. П. Румянцев с канцеляриею Министерства иностранных дел и М. М. Сперанский по делам внутреннего управления. В звании статс-секретаря был при государе князь Александр Николаевич Голицын. Из Парижа прибыл посол наш граф П. А. Толстой с советником посольства графом К. В. Нессельроде. Кроме того, явились в Эрфурт некоторые из русских посланников при германских дворах, советники, секретари посольств и русские дипломатические консулы для сообщения сведений, которые от них требовались. В свите Наполеона, кроме его адъютантов и придворных, были: маршал Бертье, маршал Дюрок, Тальран в звании великого камергера (*grand chambellan*), министр статс-секретарь Маре, министр иностранных дел Шампаньи, генералы Савари и Лористон. Из французских

войск в Эрфурте находился лучший корпус пехоты, гренадеры старой гвардии, полк гусарский и лучший полк кирасирский.

Из Парижа прибыла труппа актеров первого Парижского театра (théâtre Français)[1626] с Тальмой, г-жами Жорж, Дюшенуа, Бургоэнь, Марс и множеством прекрасных танцовщиц и актрис. Из Тюльерийского дворца привезли мебель, гобелены обои, драгоценную посуду[1627]. Наполеон хотел угостить по-царски своих гостей.

Маршал Ланн, Ахиллес французской армии, выслан был для встречи императора Александра на берега Немана. Под Веймаром, на большой дороге всадник остановил экипаж императора Александра: это был Наполеон, выехавший встретить своего гостя, и оба императора вместе выехали в Эрфурт при многочисленном стечении народа.

Вот дела, решенные на Эрфуртском конгрессе. В отношении к *Турции*. России надобна была граница по Дунай, и она объявила большие притязания, которые Наполеон сперва оспаривал, но наконец согласился на занятие русскими Молдавии и Валахии. В отношении

к *Швеции* – Наполеон предлагал разделить это государство между Россией и Данией таким образом, чтоб границу между Россией и Данией составляла река Мотала. Император Александр это отвергнул и объявил, что берет только необходимую ему Финляндию. В отношении к *Польше* – Наполеон обязался *никогда* не восстанавливать ее в прежнем виде, и даже герцогству Варшавскому не давать самостоятельного бытия, но подчинить его королям саксонским. В отношении к *Испании, Неаполю и Этрурии* – император Александр одобрял все, сделанное Наполеоном. В отношении к *Австрии* – император Александр обязался выставить 50 000 вспомогательного войска, если Австрия объявит войну Наполеону без согласия России. В отношении к *Пруссии* – император Александр убедил Наполеона вывести войско из этого государства и устранить всякое вмешательство французских чиновников в управлении государством. Наполеон, соглашаясь на желание государя, настоял, однако ж, на том, чтоб удержать три прусские крепости до уплаты контрибуции и чтоб Пруссия содержала не более 40 000 войска. Были по-

пытки со стороны Наполеона насчет родственного союза с российским двором, потому что со времени принятия императорского титула он уже намеревался развестись с Жозефиною. Это дело устранено под благовидным предлогом, что в семейных делах должна решать вдовствующая императрица[1628].

Наполеон откровенно объявил императору Александру, что в Европе должны быть две системы: *северная* и *западная*. Север должен принадлежать императору Александру, а Запад – Наполеону. Между двумя системами посредничающими державами должны были быть Пруссия и Австрия до тех пор, пока они добровольно не пристанут к той или другой системе. Это было почти то же, что Западная и Восточная империя в Средние веки, т. е. две власти для целого мира. Мысль была великая, но время и люди были не те, что в Средние веки! Тальран был прав, сказав, что Наполеон при всей своей гениальности был всегда поэтом в политике.

Не стану описывать царских забав на Эрфуртском конгрессе. Михаил Михайлович Сперанский рассказывал мне много подроб-

ностей, весьма занимательных, но уже отчасти описанных. Скажу только то, что лично касается до этого незабвенного для России мужа. Однажды прогуливаясь пешком в зимнее время по Петербургу, я встретил М. М. Сперанского возле Сената. Это было в пятницу, а он тогда каждую неделю обедал в этот день на Васильевском острове у известного всем отставного корнета Яковлева[1629]. Я вызвался сопровождать Михаилу Михайловичу, и как было еще часа полтора до обеда, то мы пошли бродить по Васильевскому острову. Покойный Михаил Михайлович (тогда он еще не был графом) был ко мне всегда чрезвычайно милостив, и его правосудию и личному заступлению обязан я тем, что мои родственники выиграли долголетний и запутанный процесс, в котором я принимал участие и по чувствам, и по материальным выгодам[1630]. Бывший его доверенным лицом и секретарем, находившийся при нем почти безотлучно в течение двадцати двух лет К...ма Г.....ч Р.....кий (ныне действительный статский советник) засвидетельствует[1631], какое участие принимал во мне покойный граф Сперанский.

ранский и как был ко мне милостив и снисходителен[1632]. Я всегда говорил с ним откровенно о делах и лицах, говорил что думал. Во время прогулки мы встретили купца, который с необыкновенною радостью бросился к М. М. Сперанскому и поцеловал его руку, при-молвив: «Отец и благодетель наш!» – «Это мой сибирский знакомец», – сказал Сперанский. Тут речь зашла о Сибири и, наконец, о причинах постигшего его несчастья[1633]. М. М. Сперанский сказал мне: «Несчастье мое начинается с Эрфурта. Наполеон был чрезвычайно ласков со мною и часто обращался ко мне с вопросами. Однажды после обеда, когда государь император изволил разговаривать с королем саксонским, Наполеон подвел меня к окну и спросил, каким образом можно было устроить сосредоточение всех дел (централизацию) в такой обширной империи. В коротких словах я объяснил ему нашу систему управления и растолковал превосходное учреждение о губерниях императрицы Екатерины II[1634]. А как я тогда уже занимался проектом нового государственного учреждения, то все существующее у нас, изученное

мною, было у меня в свежей памяти. Наполеон был очень доволен моим объяснением и, подведя меня к государю императору, сказал в шутку: «Не угодно ли вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство?»[1635] Это была шутка, но она перешла в Россию к моим недоброжелателям и послужила им орудием противу меня. Это я знаю наверное». Кажется, мудрено было из этой шутки составить что-нибудь: но зависть из паутины вьет канаты! Это я испытал на себе[1636].

Другой анекдот хотя известен, но я не могу умолчать о нем, потому что он мне всегда приходит на ум, когда я вспоминаю о Наполеоне. За большим обедом в Эрфурте, на котором присутствовали все владетельные особы, зашла речь о знаменитой *золотой булле*, незабвенном памятнике Средних веков[1637]. Хотели знать настоящее время, год и число этого акта, и князь-примас[1638] привел их неверно. Наполеон поправил ошибку и сказал точно год и число издания буллы. Все стали изъявлять удивление, что Наполеон среди столь важных занятий помнит числа, превоз-

носили всеобъемлющий его гений, а он прехладнокровно сказал: *«Когда я был подпоручиком...»* Все изумились, замолчали и не смели поднять глаз. Наполеон, заметив это, нарочно повторил фразу, но уже с изменением: *«Когда я имел честь быть подпоручиком и стоял в Гренобле, я жил возле книжной лавки и прочел несколько раз все книги, которые в ней были, а потому и неудивительно, что, имея хорошую память, я помню числа».* Этот человек, который *имел честь быть подпоручиком* и потом подчинил своей власти народ, сокрушивший законный престол, и, наконец, раздавал по своей воле престолы, без сомнения, был великий муж, что ни говорили бы о нем его неприятели!

Если б меня в то время спросили, что я думаю о *байонских событиях*, я отвечал бы знаменитою фразою Тальрана, произнесенною им после казни герцога Ангенского: *«C'était plus qu' un crime, c'était une faute!»* (т. е. «Это было более нежели преступление – это была ошибка!»). Испания была бы гораздо полезнее Наполеону, если б он удержал на престоле покорную ему династию и ласкал самолюбие

народа, а не раздражал его. Не будучи Наполеоном, можно было предвидеть, что при первом восстании народа в Испании англичане бросятся туда со всеми своими средствами, потому что они до того времени везде искали точки опоры на твердой земле для борьбы с Наполеоном. В Неаполе им не удалось; в Швеции они не нашли участия в народе к видам короля, напротив, склонность к союзу с Наполеоном и потому оставили и Неаполь, и Швецию; в Испании же они нашли именно то, что им было надобно. Что касается до присвоения других стран Наполеоном, раздела их в противность трактатам, то на это ответ во всемирной истории! От Сезостриза до Наполеона все сильные пользовались случаем к распространению своих владений и увеличению могущества. Трактаты и народное право тогда тверды, когда ограждены штыками и пушками. Не говорю, что Наполеон был прав, заставляя немцев, голландцев и итальянцев быть французами против их воли. Это почти то же, что желать кошку превратить в собаку, и наоборот! Вероятно, он надеялся, что время сделает везде то же, что сделало в Алзании

[1639]: но и тут видна *поэзия* Наполеона в политике. Когда к Франции присоединена была Алзация, она была на низшей степени образованности и не имела никакого понятия о народности, не имела своей истории[1640]. Во время Наполеона Европа была уже не та, что при Людовике XIV. Гениальный *подпоручик* помнил числа, но, может быть, мало обращал внимания на общий дух истории, доказывающей математически, что одинаковые причины производят всегда одинаковые последствия и что дух времени дает всему направление. Не распространяюсь.

Император Александр все видел, все знал, все постигал, но в это время он не мог ничего предпринять. Надлежало следовать выжидательной системе. Быть может, и полученное им в Эрфурте донесение Комитета министров о заключении перемирия в Финляндии, и рапорт графа Буксгевдена о трудностях войны имели влияние на его уступчивость. В Европе не знали о трудностях войны в Финляндии и даже не обращали на эту войну внимания, почитая Финляндию уже завоеванной и дело конченным, между тем как война была в са-

мом разгаре. Во всей Европе не было тогда прочного мира, а только перемирие; общая война могла вспыхнуть с каждым днем, и тогда англичане поддержали бы шведов. Надлежало торопиться покорением Финляндии. Государь, одоббив решение Комитета министров, возвратился к первой своей мысли: изгнав шведов из Финляндии, принудить шведского короля к миру перенесением войны в самую Швецию. Графу Буксгевдену уже нельзя было ничем отговариваться, и он должен был начать немедленно военные действия наступательно. Такова была воля государя.

III

Граф Буксгевден просит увольнения от звания главнокомандующего. — Положение обеих армий пред началом военных действий. — Граф Клингсборг сдает начальство генералу Клеркеру. — Наступательные действия русских войск. — Неудача генерала Тучкова 1-го при штурме Индесальмских дефилей. — Смерть князя Петра Петровича Долгорукова и его характеристика. — Граф Каменский идет вперед. —

Знаменитый обход графа Каменского при Калайоки. – Ночное нападение Сандельса на лагерь генерала Тучкова 1-го. – Барон Матвей Иванович фон дер Пален (ныне генерал от инфантерии, а тогда ротмистр) спасает наш авангард от истребления. – Новый блистательный подвиг лейб-егерского батальона. – Переход графа Каменского через реку Пигайоки. – Новая конвенция с шведами при Олькиоки, по которой генерал Клеркер уступает русским всю Финляндию до Торнео. – Перечень трудов и подвигов корпуса графа Каменского. – Отъезд графа Каменского в Петербург и прощание его с подчиненными. – Перечень моих воспоминаний о перенесенных трудах и нуждах в этот поход. – Отравление. – Соединение с корпусом генерала Тучкова 1-го в Лиминго. – Известие о смерти Лопатинского. – Вступление в Улеборг. – Приятная жизнь в этом городе после военных трудов. – Военные анекдоты. – Воспоминание о храбром Голешева. – Смерть Вильбоа

**и Штакельберга. – Весь-гом. –
Благородное обхождение с пленными в
обеих армиях. – Две ужасные сцены,
которых я был свидетелем. – Капитан
Фукс и его саволакские драгуны. –
Возвратный поход в Петербург. –
Опасность, которой я подвергнулся в
Нейшлоте. – Характеристика графа Ф. И.
Т.....го, прозванного Американцем. –
Несчастливая дуэль и смерть А....ра И....ча
Н....на. – Наше торжественное
вступление в Петербург. – Результаты
кампании 1808 года**

Граф Буксгевден не изменил, однако ж, своему неуступчивому характеру. Получив повеление разорвать перемирие, он подал прошение об увольнении его от звания главнокомандующего[1641], а между тем приказал начать военные действия в исполнение высочайшей воли и вопреки своей.

Во время перемирия граф Клингспор, получивший чин фельдмаршала за поверхность, одержанную над слабым отрядом Тучкова, а потом Раевского, возвратился в Стокгольм, сдав начальство над войском генералу Клер-

керу, также престарелому теоретику. Граф Клингспор намеревался убедить короля к заключению мира, представив ему невозможность удержать Финляндию. Хотя в конвенции о перемирии и положено было, чтоб в обеих армиях не передвигать войск, но обе стороны не соблюдали этого условия. К генералу Клеркеру пришло до 3 000 человек подкрепления, и он поддержал Сандельса, стоявшего в крепкой позиции у Индесальми. Из нашего корпуса (графа Каменского) пошли на подкрепление Тучкову[1642], в Куопио, 3-й егерский полк, Азовский мушкетерский и батальон Низовского мушкетерского полка. К Тучкову же посланы батальоны Преображенского и Измайловского полков, пришедшие из Петербурга с графом Строгановым[1643]. К корпусу графа Каменского примкнула бригада генерала Тучкова 3-го, состоявшая из Брестского и Вильманстрандского мушкетерских полков[1644]. На берегу, в тыле корпуса графа Каменского, расставили полки: Тульский – в Ньюкарлеби, Полоцкий – в Вазе, Рязанский – в Христиненштадте. Эти полки, отданные под начальство князя Д. В. Голицына,

должны были в крайнем случае составлять резерв графа Каменского. Граф Буксгевден старался по возможности запастись продовольствием: повсюду были разсланы комиссионеры покупать у жителей что только можно было достать, а между тем сильные команды фуражировали на большом расстоянии, забирая насильно что можно было взять: скот, хлеб, вино и даже огородные овощи, и выдавая расписки, по которым обещано уплачивать наличными деньгами. Но при этих усиленных средствах все же нельзя было собрать столько продовольствия, сколько было нужно, а огромные транспорты, высылаемые из Петербурга, не доходили к нам за распутицею. Однако ж надлежало действовать, и граф Буксгевден обратился к прежнему своему плану, а именно: графу Каменскому приказал теснить графа Клеркера, как прежде теснил он графа Клингспора, а генералу Тучкову 1♦му в соединении с князем Долгоруковым, начальником Сердобольского отряда, принудить Сандельса отступить от Линдулакса[1645] для соединения с армией Клеркера и потом действовать во фланг шведам, угрожая

отрезать их от Улеборга.

У генерала Клеркера было под ружьем 9 000 пехоты, 500 человек конницы и 37 орудий; у Сандельса, кроме вооруженных мужиков, до 4 000 человек. Следовательно, русских было вдвое больше в Финляндии; но по невозможности прокормить войско нам нельзя было действовать сильными корпусами в одном месте, и притом опасно было оставить берега и внутренность обширного неприятельского края без войска. И потому корпус графа Каменского, назначенный действовать после перемирия, состоял только из 9 000 пехоты, тысячи с небольшим конницы при 46 орудиях. У Тучкова 1♦го противу Сандельса было до 7 000 (с новоприбывшими батальонами, Преображенским и Измайловским), до 900 конницы и 57 орудий. Кроме артиллерии, которой у нас было более, силы были почти равные, с тою разницею, что нам надлежало брать приступом каждую неприятельскую позицию, укрепленную природою и искусством, и следовать вперед в стране, уже опустошенной самими шведами. В этом отношении шведы имели перед нами большое преимуще-

щество.

Генералу Тучкову 1^юму приказано было начать военные действия прежде графа Каменского, чтоб принудить Сандельса к отступлению и стать, по крайней мере, на одной линии с корпусом графа Каменского, обеспечивая таким образом правый его фланг. Генерал Тучков 1^юй атаковал 25 октября Сандельса в дефилеях при Индесальми [1646]. Наших было числом более, но местоположение благоприятствовало шведам, а военные дарования Сандельса были важнее числительной силы войска. Сандельс извлекал выгоды из малейшей ошибки неприятеля и, зная местность, умел ею пользоваться. Наши были отбиты с большою потерею. При штурме индесальмских дефилей убито и пропало без вести в корпусе Тучкова 764 человека, и в том числе лишился жизни любимец государя генерал-адъютант князь Петр Петрович Долгоруков [1647].

Он воспитывался вместе с императором Александром и с детства приобрел привязанность своего царственного совоспитанника, любившего его как брата. Князь Долгоруков

своими редкими качествами умел стяжать особенное благоволение всего августейшего семейства. Получив основательное образование, он разделял все высокие идеи государя императора и, любя пламенно отечество и славу его, обожал государя, своего благодетеля, читая ежедневно в душе его любовь к России, которую он стремился возвысить просвещением и мудрыми постановлениями. При возвышенности чувств и доброты души князь Долгоруков очаровывал всех своею любезностью, игривостью ума и каким-то духом рыцарства. Говорили тогда, и те, которые помнят прошлое время, верят и теперь, что государь предназначал князю Долгорукову жребий, до которого не возвышался ни один подданный в России со времени Петра Великого. Князь Долгоруков приобрел известность в новой истории Европы Аустерлицкою битвою. Все историки, описывающие это знаменитое сражение, должны упоминать о нем, потому что его настойчивости приписывают отвержение совета Кутузова не давать генерального сражения до полного соединения всех сил. Будучи выслан для последних переговоров с

Наполеоном, князь Долгоруков оскорбил его самолюбие гордым ответом и обращением. Князь пламенно желал сражения по пылкости своего характера и по ненависти своей к Наполеону, которой он не умел или не хотел скрывать. Государь император, решившись следовать выжидательной системе в сношениях с Наполеоном и согласясь на свидание с ним, не мог взять с собою в Эрфурт князя Долгорукова, бывшего при нем всегда, безотлучно, и он выпросился в Финляндию. Замечательно, что, дав ему Сердобольский отряд, государь предоставил ему действовать по его благоусмотрению, не следуя ничьим предписаниям, и только извещать старших генералов и главнокомандующего о событиях. Через два дня после его смерти пришло высочайшее повеление о назначении его корпусным командиром на место генерала Тучкова 1-го [1648].

Князь Долгоруков был прекрасный мужчина, ловкий во всех воинских упражнениях, храбрый до ослепления. Он командовал авангардом генерала Тучкова 1-го при штурме укрепленной позиции в индесальмских дефи-

леях. Когда 4♦й егерский полк, взяв сперва шведские шанцы, был опрокинут штыками, а в отступлении увлек с собою Тенгинский и Навагинский мушкетерские полки, князь Долгоруков бросился вперед, чтоб остановить отступающих и повести их обратно на шведов. Уже на голос его отступавшие начали собираться и строиться, как неприятельское ядро поразило его в ту самую минуту, когда он хотел слезть с лошади и идти на шведскую батарею во главе собранных им солдат... Не только при дворе, но и в войске оплакивали его смерть. Ему было тогда тридцать лет от рождения, т. е. он одним годом был моложе государя императора[1649].

Граф Буксгевден, получив донесение о неудачном индесальмском деле и быв в то же время ложно извещен о высылке новой помощи Сандельсу генералом Клеркером, велел Тучкову оставаться в оборонительном положении, наблюдая Сандельса, а графу Каменскому приказал выступить вперед и *угрожать* Клеркеру нападением, чтоб принудить его или к отступлению, или к возвращению отрядов, высланных на усиление Сандельса.

20 октября граф Каменский выступил из Гамлекарлеби. Вместо того чтоб *страцать* генерала Клеркера по предписанию главнокомандующего, граф Каменский решился начать военные действия с прежнею энергиею, надеясь на своих воинов, которых мужество и любовь к себе он уже испытал. «Мы начали бить, мы и добьем!» – сказал граф Каменский авангарду, остановив его на походе. «Рады стараться! – отвечали солдаты. – С вами в огонь и воду!» И точно, по его слову мы шли в огонь и в воду – в настоящем значении этих слов!

Позиция при Химанго[1650], между озером и морем, за рекою и болотами, почиталась неприступною. Здесь устроены были батареи, правильнее сказать, сооружена настоящая крепость, защищавшая фронт позиции. Кроме того, неприятель имел здесь канонирские лодки, которыми мог бы делать диверсию и беспокоить наш левый фланг. Граф Каменский, не зная намерений неприятеля, приготовился к новому сражению, подобному Куртанскому и Оровайскому, или, лучше сказать, к штурму позиции. 21 октября посланы были

от авангарда нашего разъезды для открытия неприятеля. К удивлению всех, разъезды сообщили известие, что шведы оставили свою укрепленную позицию при Химанго и, сжегши пять мостов, остановились за рекою Калайоки. Корпус графа Каменского двинулся вперед.

Оставив главные силы свои перед неприятелем, граф Каменский с отрядом генералов Казачковского (в этом отряде был и наш эскадрон), Тучкова 3го и Ушакова пошел вправо, в обход неприятельской позиции, пробираясь непроходимыми болотами, лесами и утесами. Бóльшую части пути мы вели лошадей за поводья, а сами шли пешком. Иногда приходилось спускать лошадей с стремнин и вытаскивать из болота. Лошади чуть двигались, люди были утомлены до крайности, но шли без ропота за своим любимым начальником. Пушки переносили на руках чрез утесы и топи. Граф Каменский шел впереди и подавал собою пример, припоминая переход чрез Альпийские горы с Суворовым и рассказывая о нем окружающим. Ручьи мы переходили вброд. Продолжая утоми-

тельный поход около полутора суток, граф Каменский 27 числа к полудню прибыл на предположенное место, преодолев величайшие трудности. Тотчас устроили две переправы через реку при Питкайсе и Рако, а между тем Кульнев приготавливал материалы для моста на большой дороге. Это смелое движение принудило неприятеля к отступлению, и 28 числа в 5 часов вечера наши уже были в Калаиоках, позиции, не уступающей химангской.

При этом, так сказать, торжественном шествии вперед графа Каменского от Тучкова снова получено было неприятное известие. Граф Буксгевден, дав ему повеление действовать оборонительно, чрез четыре дня послал приказание начать наступательные действия в уверенности, что он уже получил подкрепление и продовольствие. Две недели стоял Тучков в бездействии при Индесальми, в 20 верстах от укреплений позиции, занимаемой Сандельсом, который получил от генерала Клеркера предписание идти поспешно к Улеборгу, чтоб поспеть туда прежде отрядов, посланных графом Каменским для отрезания ему ретирады и взятия запасов в Улеборге.

Храбрый Сандельс прежде отступления вознамерился нанести удар Тучкову и захватить его авангард, стоявший в 5-ти верстах перед корпусом, расположенным в землянках за проливом, соединяющим озера Иден-Ярви и Поровеси. Мост на проливе защищали 12 орудий. Фланги корпуса Тучкова примыкали к болотам и озерам. Позиция была неприступная, и только одна тропинка пролегала чрез топкое болото на наш правый фланг. По этой тропинке положены были мостки. Когда болото начало крепнуть от морозов, адъютант Тучкова 1♦го барон Матвей Иванович фон дер Пален[1651] узнал, что шведы делают рекогносцировки на нашем правом фланге, и предложил своему генералу поставить две роты пехоты в лесу, при входе в болото. Тучков согласился, хотя и был убежден, что это лишнее, потому что по донесению свитского офицера, высланного для осмотра болота, его наши непроходимым для войска. Сандельс выслал партизанов Мальма и Дункера по болоту, с саволакскими стрелками, привыкшими к подобным дорогам, с тем чтоб подкрасться к мосту, сжечь его и отрезать нашему авангар-

ду отступление к главному отряду, намереваясь в это время ударить на авангард. Партизаны вовсе не надеялись встретить русских при выходе из болота, но, наткнувшись на две наши роты, поставленные бароном Паленом, бросились на них, принудили к быстрому отступлению, вместе с ними вбежали в наш лагерь и стали колотить солдат в землянках. Можно себе представить суматоху, какая произошла в лагере от этого нечаянного нападения в темную осеннюю ночь! [1652] Офицеры и солдаты полуодетые выбегали из землянок, брались за оружие, но не знали, где и как строиться. Между тем шведские партизаны, произведя тревогу в лагере, бросились к мосту, чтоб зажечь его, а наши строились поротно и побатальонно. И тут-то присутствие духа и предусмотрительность барона Палена спасли отряд [1653]. Прежде всех изготовился к бою гвардейский егерский батальон. Барон Пален, предвидя, какое может быть несчастье, если неприятель разрушит мост, соединяющий лагерь с авангардом, именем генерала Тучкова повел гвардейский егерский батальон к мосту. Батальон ударил в штыки с тыла швед-

ским партизанам, которые, видя, что им нет спасения, бросились в ряды гвардейских егерей, чтоб пробиться силою. Начался рукопашный бой, в котором шведские партизаны не могли устоять. Немногие спаслись бегством, пользуясь темнотою ночи. Один из самых отчаянных начальников партизанов, Мальм, взят в плен, и 200 человек самых храбрых из его саволакцев пали на месте. Гвардейскому егерскому батальону суждено было спасти куопиоский корпус! Находчивости и верному военному предположению барона Палена и храбрости лейб-егерей принадлежит вся честь спасения авангарда от верного истребления. Сандельс после этой неудачи немедленно отступил к Улеаборгу, слабо преследуемый генералом Тучковым, который находил на каждом шагу препятствия. Сандельс, сжигая мосты и заваливая и без того дурные дороги, ушел из вида нашего авангарда.

Генерал Клеркер также отступал перед графом Каменским и также жег мосты, делал засеки и сражался на каждом переходе. Наши следовали за ним по пятам, вытесняя его из позиций обходами и быстрым натиском.

Позднее время года, непроходимые дороги, недостаток в продовольствии изнуряли войско, которое, однако ж, весело переносило труды и нужду. Граф Каменский умел в каждого перелить свой пламень и свою неутомимость.

Быстрая река Пигаиоки, одна из значительнейших в Северной Финляндии, представляла шведам защиту от стремительного натиска графа Каменского. Но и здесь они ошиблись в расчете. 2 ноября река покрылась легкою ледяною корою, и граф Каменский велел настать солому по льду и положить доски. Наши солдаты бросились бегом поодиночке на этот живой мост: лед хрустел и дрожал под ногами, но солдаты шли смело и весело. Кавалерия прорубила лед, перегнала вплавь лошадей и перевезла седла на нескольких лодках. Вскоре отряд Казачковского, в котором был наш эскадрон, и отряд Ушакова появились в тыле неприятельского фланга и начали перестрелку. Шведы, удивленные этим неожиданным появлением русских, принуждены были оставить эту крепкую позицию. Быстрота движений, неутомимость в пресле-

довании и настоятельность графа Каменского, изнузив шведов, привели их в уныние. Наступили жестокие морозы. Шведы не могли получать запасов морем, а во внутренности земли, истощенной войною, и при быстром отступлении, невозможно было собрать достаточного количества продовольствия. Замерзание рек, озер и болот облегчило движение русских, и шведские укрепленные позиции потеряли свою силу. К довершению несчастий, болезни открылись в шведской армии, не привыкшей к военным трудам и к таким быстрым движениям. В этом отчаянном положении шведский генерал Клеркер, оставив город Брагештадт во власть русским, отступил от Пигайоки к Сигайоки[1654] и послал снова повеление к генералу Сандельсу соединиться с ним при Улеборге. Таким образом, победы графа Каменского, искусные движения и быстрый натиск в береговой части Финляндии были причиною очищения и той страны, где шведы имели преимущество над нашими войсками. 4 ноября генерал Клеркер заключил перемирие на два дня для размена пленных и для отдохновения войск,

в чем нуждались и русские; шведский авангард отступил в Олькиоки.

В это время вдруг сделалась оттепель, ввергшая шведов в бóльшую еще опасность, нежели морозы. Все, казалось, клонилось к их бедствию. Внезапно лед потрескался на быстрой реке Сигаиоки и снес мост, по которому шведам надлежало отступить. Если бы граф Каменский напал в это время на шведов, то вся их армия была бы истреблена или принуждена сдаться. Но верный чести и данному слову, граф Каменский не нарушил перемирия и позволил шведам построить мост. Наконец, генерал Клеркер, видя, что войско его, утомленное быстрым преследованием графа Каменского, не в состоянии более противиться пылкой храбрости русских, собрал военный совет, на котором положено было войти в переговоры с графом Каменским. 23 ноября заключено условие в Олькиоках, по которому шведы обязались очистить всю Финляндию и занять зимние квартиры по берегам реки Торнео[1655]. Шведская главная квартира учреждена в городе сего имени, а русская в Улеборге. Можно смело сказать, что победы

графа Каменского довели русских до пределов обитаемого мира, потому что за Торнео лежит уже дикая Лапландия, примыкающая к Северному океану.

Таким образом кончилась кампания 1808 года, которой вся слава и все успехи принадлежат бесспорно графу Каменскому. До принятия им под начальство действующего корпуса дела наши, как было изложено в начале этого обзора, находились в самом неблагоприятном положении. С равными, а часто и с меньшими силами, без всякого вспомоществования в продовольствии граф Каменский одержал под личным своим предводительством две знаменитые победы, взяв штурмом укрепленные неприятельские позиции, и, сражаясь почти ежедневно, преследовал шведов с невероятною быстротою по местам непроходимым, чрез реки, болота, утесы, леса, часто оспаривая каждый шаг штыками. Все распоряжения принадлежат графу Каменскому, который составлял свои планы почти всегда на месте битвы, соображаясь с положением неприятеля. В сражениях граф Каменский обыкновенно устремлялся в опасней-

шие места, зная, что появление его одушевляло солдат и офицеров; в трудных переходах он был перед колонною и подавал собою пример. Он терпел нужду наравне с солдатами и тогда только был доволен, когда мог доставить войску какие-нибудь жизненные удобства. Исключая малого времени во время первого перемирия, корпус графа Каменского провел все время на биваках, в палящий зной лета, в ненастную осень и в жестокую зиму, и, невзирая на недостаток в продовольствии, солдаты были бодры и здоровы. Какой-то веселый дух, молодечество поддерживали войско и заставляли его все переносить охотно с добрым начальником. Многие плакали, когда граф Каменский по расстроенному здоровью отказался от начальства и отправился в Петербург из Улеборга[1656]. Казалось, что, расставаясь с ним, подчиненные его осиротели. Офицеры и солдаты, принадлежавшие к корпусу графа Каменского, гордились этим, ибо вся армия с удивлением внимала известиям о подвигах чудной храбрости, об опасностях и трудах, прославивших этот корпус. «Господа! – сказал граф Каменский офицерам, про-

щавшимся с ним: – Мы завоевали Финляндию; сохраните ее. Сожалею, что не могу с вами оставаться!» Слезы навернулись на глазах героя при этих словах. Суровые воины плакали как дети!

Главнокомандующий финляндскою армиею граф Буксгевден, исполненный уважения к графу Каменскому и чувствуя всю важность его заслуг, написал к нему при отъезде следующее письмо:

«Поставляю себе обязанностью засвидетельствовать вашему сиятельству усерднейшую мою благодарность за все труды, мужество и благоразумные распоряжения по части, вам вверенной, с коими вы для пользы отечества и к славе оружия его императорского величества содействовали мне при завоевании Великого герцогства Финляндского до последних рубежей оногo. Вменяя себе в приятнейший долг ценить заслуги, я не упустил и ныне не упущу случая свидетельствовать о них государю императору, дабы тем доказать вам мою признательность и уважение, с коими я всегда пребуду. При сем препровождаю также к вашему сиятельству ведомость, изъ-

ясняющую десятимесячные наши потери и приобретения в той надежде, что выгоды, полученные нами в сию войну, останутся всегдашним памятником для тех воинов, кои в оной участвовали».

Так говорил главнокомандующий, а что чувствовали, что говорили подчиненные графа Каменского, того нельзя передать словами. Героя давно уже нет в живых: лесть не нужна!

Теперь, когда мы имеем полное и прекрасное описание Финляндской войны, составленное его превосходительством А. И. Михайловским-Данилевским, мне излишне было бы распространяться о военных действиях. Изображал я более то, что сам видел и испытал и что тесно связано было с действиями корпуса графа Каменского, и пропускал иногда собственные впечатления, чтоб не прерывать и не затемнять повествования. Теперь представляю краткий перечень своих воспоминаний в общем виде об этой войне. Подобно последним лучам заходящего солнца, прошлое скользит по моей памяти, освещает ее и оживляет в воображении многое из забытого.

Не числом войска должно определять важность сражений и побед, но трудностями и последствиями войны, в этом отношении ни одна европейская война не может сравниться с войною Финляндскою и ни одно войско с корпусом графа Каменского. Справедливо сказал граф Каменский в Улеборге, прощаясь с нами: «Мы завоевали Финляндию». Точно мы (т. е. корпус Каменского) завоевали эту страну, и притом в три месяца! Это подтвердил и знаменитый наш историк А. И. Михайловский-Данилевский, рассмотрев подробно и беспристрастно все события и исследовав все официальные известия. Смерть – ничто! К ней должен быть приготовлен каждый воин с той минуты, как надел мундир; но нужда – вот что может поколебать мужество в самом неустрашимом воине, разрушая его физические силы. Мы претерпевали величайшую нужду! В Финляндии узнали мы тщету золота! Было много таких дней, что каждый из нас отдал бы все свои деньги за кусок хлеба, за несколько часов сна в теплой избе на соломе! Уже с октября настали морозы, а в ноябре зима была во всей своей силе, и притом в

этом году жестокая. Северный ветер жег, как пламя. Почти у всех нас щеки покрыты были струпьями. Нельзя было уберечься, потому что каждое дуновение ветра обжигало кожу на лице. Я сделал всю кампанию без шубы, в шинели на вате, без мехового воротника. Га-лоши, как я уже сказал однажды[1657], тогда не были еще выдуманы. На биваках мы, бывало, закроемся от страшного севера кучами снега, вроде вала, подложим под ноги пуки сосновых сучьев, разведем большой огонь и спим покойно, даже переодеваемся и перемением белье. Дежурные должны были обходить кругом и будить офицеров и солдат, когда заметят следы отмораживания. Тогда мы вскакивали и поспешно натирали лицо снегом. В 17 градусов мороза мы даже брились на биваках! Самое роскошное кушанье наше – это была тюря из солдатских сухарей, в которую подливали немного хлебного вина (если оно было), чтоб согреться. Кто мог достать оленьих шкур, тот обвязывал ими ноги. Иные делали род маски из оленьей шкуры, чтоб закрывать ознобленное лицо, вымазав его сперва жиром. На кого мы походили тогда! Весьма

часто нашему эскадрону, как я уже говорил, приходилось стоять всю ночь на аванпостах, без огней, в жестокую стужу, в открытом месте. Тогда мы закрывались от северного ветра срубленными елками в виде веера и плясали, т. е. перепрыгивали всю ночь с ноги на ногу, размахивая руками. Шведы и финны, местные жители, не устояли, хотя их нужда в сравнении с нашей была роскошь, потому что они, отступая, забирали все, что можно было взять у крестьян, и имели притом подводы. В шведской армии генерала Клеркера открылись болезни: кровавый понос и горячка. После Олькиокского перемирия бóльшая часть финнов начали дезертировать и приходили к нам толпами. На каждом переходе мы поднимали множество больных шведов и финнов, валявшихся на дороге. Мы пеклись об них столько же, как о своих, и наши солдаты разделяли с ними последние крохи своей скудной пищи. Удивительно, что в корпусе графа Каменского было весьма мало больных. Солдаты шли бодро и весело, и русская песня часто оглашала пустыни Финляндии. Бодрость духа, внушенная нам графом Камен-

ским, поддерживала изнуренное нуждою тело. В Брагештадте, который шведы уступили нам без боя, мы несколько отдохнули.

Здесь я едва не лишился жизни с несколькими из товарищей. В городе мы запаслись французским вином (médoc[1658]) и всем, что можно было достать для стола. На другой день на аванпостах мы купили превосходную рыбу у поселянина, и я предложил товарищам сварить матлот (т. е. рыбу в красном вине с пряностями и проч.). Моя стряпня понравилась товарищам, а потому оставшееся в кастрюле мы сохранили на ужин. После ужина, в полночь все мы жестоко заболели. По счастью, доктор поспел вовремя и открыл все следы отравления. Зная из шведских газет о происшедшем в то время в Испании, некоторые из нас подумали, что мы отравлены жителями, и велели сохранить для исследования все припасы, купленные нами в городе. Но когда доктор расспросил нас, что мы ели в тот день, он велел принести посуду, в которой варилось кушанье, и тотчас узнал причину нашей болезни, увидев ярь[1659] в кастрюле, образовавшуюся от действия на медь красно-

го вина и пряностей. Я не догадался, что в кастрюле не было никакой полуды[1660]! Нам поданы были всевозможные пособия, и, по счастью, вовремя, а если б мы не нашли скоро доктора, то к утру верно все бы отправились на лоно Авраамле[1661]. Однако ж все мы с неделю были больны.

После перемирия, или конвенции, заключенной графом Каменским в Олькиоки (7 ноября) с разрешения главнокомандующего, по которой шведы обязались уступить русским всю Финляндию до Торнео, мы шли вперед уже прогулкою, соблюдая, однако ж, в авангарде предосторожности, чтоб какой-нибудь отчаянный партизан, не признававший конвенции, не напал на нас нечаянно и не наделал хлопот. Но шведы, особенно финны, совершенно упали духом и уже не помышляли о войне, поспешая выбраться из Финляндии на зимние квартиры или в дома. С генералом Клеркером перешло через реку Кеми[1662] не более 3 000 финнов; все прочие разошлись по домам или отдались нам добровольно. В единственной большой деревне в Финляндии, Лиминго (в 27♦ми верстах от Улеборга),

выстроенной по обоим берегам реки, где у нас была дневка, мы соединились с куопиоским корпусом генерала Тучкова 1♦го и свиделись со старыми сослуживцами и друзьями. Тут мы узнали о смерти доброго нашего товарища, поручика Лопатинского, который посмеивался в Куопио над моею осторожностью во время разъездов и командировок. Посланный со взводом на рекогносцировку с свитским офицером (по-нынешнему Генерального штаба), он пренебрег необходимою осторожностью в взбунтованном крае. Партизаны напали на него на ночлеге, и как он не хотел сдаться в плен и защищал вход в избу, то его подняли на штыки. Я описал характер и смерть его в особой статье, напечатанной в полном собрании моих сочинений[1663]. 18 ноября в сильную стужу, доходившую до 20 градусов, мы вступили церемониальным маршем в Улеаборг[1664], *предпоследний* город обитаемого мира. За Улеаборгом на севере только один город, Торнео (в 151♦й версте), а далее лапландские юрты, пустыни до самого Ледовитого моря и конец умственной жизни и растительности. Там уже начинается цар-

ство белых медведей! Авангард наш немедленно выступил на реку Кеми и, невзирая на жестокую стужу, стал биваками; но уланы пощадили и поместили на квартирах в самом городе. Главнокомандующий, который ехал в экипаже за нашим корпусом в нескольких переходах, не вмешиваясь вовсе в распоряжения графа Каменского, прибыл в тот же день в Улеаборг, где и назначена была главная квартира финляндской армии[1665].

В нашем эскадроне осталось не более пятидесяти лошадей, а около восьмидесяти околело от голода и невероятных трудов. Спешенные уланы, вооруженные карабинами, прикнули к пехоте, к арьергарду. Седла и пики мы оставляли в городах. Гвардейский егерский батальон, пришедший с генералом Тучковым 1 м, был также оборван и без обуви, и главнокомандующий решил отправить к русской границе все гвардейские батальоны и эскадроны. Нам позволено было отдохнуть и велено приготовиться к обратному походу.

Вообразите мое удивление, когда в 1840 году в Гельсингфорсе, где я находился с семейством для купанья в море, явился ко мне ста-

рик и спросил по-шведски, помню ли я его. Я не мог припомнить. Он объявил мне, что он почтмейстер из Улеборга, бывший и в 1808 году в том же звании, и хозяин моей давнишней улеборгской квартиры. Тогда я припомнил его, потому что он был добрый хозяин и угождал мне как мог. Он тогда еще записал мою фамилию и, читая мои сочинения в переводе на шведский язык, особенно все, что я писал о Финляндии[1666], всегда вспоминал о своем старом постояльце, с которым расстался дружески. Узнав, что я в Гельсингфорсе, куда он приехал как финский патриот и старый питомец Абоского университета праздновать трехсотлетие его существования, он не мог воздержаться, чтоб не повидаться со мною. Мы обнялись дружески, и я повторил ему мою благодарность за угощение в Улеборге. Старый почтмейстер весьма удивился, что я разучился говорить по-шведски, полагая, что с тех пор, как я *лепетал* на этом языке, должен говорить на нем, не уступая природному шведу. «Скажите по совести, – спросил я старого моего хозяина, – правду ли сказал я тогда в вашем доме, что вам будет не хуже после со-

единения с Россией, как было при шведском правлении?» Старик отвечал: «Предсказание ваше сбылось, и мы совершенно счастливы!» – «Вы этого и стоите!» – примолвил я, и старик пожал мне дружески руку.

Улеборг, небольшой, чистенький городок, застроенный порядочными деревянными домами, почитается в Финляндии важным городом, лучшим после Або и Гельсингфорса. В Улеборге строятся (по крайней мере, строились) купеческие суда отличной доброты. Надеясь фабричными и мануфактурными товарами чужеземного производства и колониальными товарами всю Северную Финляндию (а тогда и Северную Швецию), Улеборг имел большие запасы их к зиме, когда обыкновенно бывают везде ярмарки. Не думали и не гадали в Улеборге, что мы придем к ним в гости на зиму; следовательно, мы нашли в городе все, что нам было нужно. Хозяева знакомили постояльцев в кругу своих родных и приятелей, и мы приглашаемы были на вечеринки, на которых проводили время чрезвычайно весело, потому что улеборгские женщины славятся своею красотою и образова-

ностью, а без женщин лучшее общество – казарма. В городе была даже книжная лавка, в которой находились книги на разных языках, и библиотека для чтения, выписывавшая французские, немецкие и английские газеты. Словом, в Улеборге Европа отражалась ярко. Жители были раздражены против шведского короля, и, исключая нескольких упрямых патриотов, оставивших город, все беспрекословно присягнули на верность императору Александру. В Улеборге мы забыли претерпенные нами нужды и не весьма рады были обратному походу, хотя нас и уверяли, что мы пойдем прямо в Петербург. Поход около 800 верст, зимою, чрез голодную и разоренную страну не представлял нам много приятностей, и мы желали бы до весны простоять в Улеборге. Мы жили здесь, как обыкновенно живут военные люди в городах в военное время, жили шумно и весело. По *тогдашнему обычаю*, если у одного были деньги, то все его приятели и близкие товарищи веселились за его счет. Нашлись добрые люди между улеборгскими купцами, которые давали русским офицерам в долг товары и даже деньги взаи-

мы.

В столице Лапландии (она входила в состав Улеаборгской области, по-шведски Län) мы почти ежедневно лакомились оленьим мясом в разных видах, которое привозили лапландцы на санях, запряженных оленями. Копченые олени языки – настоящее лакомство, *délicatesse*! Тут же многие из нас запаслись на дорогу оленьими шубами с капюшоном шерстью вверх (парками) и лапландской обувью, которая одна из всех обувей может противостоять северным морозам. Это род кенег, шерстью вверх, сшитых чрезвычайно плотно нитками, сделанными из оленьих кишок, правильнее – струнами. Устлав эти кенги соломой (лучше сухим мохом), их надевают на босые ноги, вымазанные сперва жиром. Некоторые из нас купили лапландские маски, также из оленьих шкур, которыми лапландцы закрывают лицо в самые сильные морозы, когда отправляются на промыслы в море.

Повторяю и готов повторить сто раз: славные офицеры были тогда в армии! Читайте описание Финляндской войны А. И. Михайловского-Данилевского, и вы увидите, что са-

мые блистательные сражения названы *офицерскими делами*. Никогда я не видал здесь офицера за фронтом! Где была сильнее перестрелка, где шли на штыки, где была резня — там всегда были впереди офицеры. Они вели солдат в самые опасные места. В Калужском мушкетерском полку был поручик Голешев, гигантского роста и необыкновенной силы. В одной рукопашной схватке с шведами они изорвали на нем шинель штыками. Голешев носил после этого солдатскую шинель, доходившую ему до колен, и в сражениях брал солдатское ружье, работая и штыком, и прикладом. Когда во время Куртанского сражения мы действовали с генералом Казачковским по другую сторону озера, чтоб зайти неприятелю в тыл, к Сальми, Голешев шел впереди с стрелками своего полка, которых подкреплял наш эскадрон. Шведы засели в кустах за небольшим заливом, примыкая правым флангом к скалам. Обходить правый их фланг было далеко, да и не с кем; карабкаться на скалы было невозможно, и Голешев, перекрестясь и крикнув: «За мной, ребята!», бросился в озеро и по грудь в воде, под

жестоким неприятельским огнем перешел через залив, ударил в штыки на шведов и прогнал их. Солдаты Голешева несли сумы на штыках. Мы перешли вброд за стрелками. «Знаешь ли ты пословицу: “Не спросясь броду, не суйся в воду”, – сказал я Голешеву, – ведь ты мог бы утонуть!» – «Казенное ни в огне не горит, ни в воде не тонет!» – отвечал мне шутя Голешев. Во время одной перестрелки (а они происходили по нескольку раз в день) шведы задерживали нашу стрелковую цепь картечными выстрелами из фальконета [1667], поставленного в лесу между густыми зарослями. Голешев с двумя своими любимыми солдатами, которые не отходили от него ни на шаг, подкрался ползком к шведам и, когда они выстрелили из фальконета, бросился на них, повалил человек двух прикладом, а потом, отбросив свое ружье, схватил обеими руками фальконет и разможил голову третьему шведу, крича своим: «Сюда, ребята! ура!» Изумленные шведы, которых было тут до двадцати человек, побежали в тыл, а между тем наши стрелки подоспели на помощь. Голешев возвратился в полк, неся фальконет

на плече!

Я упоминал о двух молодых лифляндцах, прапорщиках 3-го егерского полка, Вильбоа и Штакельберге. Земляки и едва ли не родственники [1668], они были неразлучны. Все офицеры любили их за скромность, благородство и необыкновенную храбрость. В одном авангардном деле шведы перестреливались с нашими егерями, засея за камнями. Сражающихся разделял не широкий, но быстрый ручей, с шумом и пеною текущий по острым камням. На берегу ручья стояло высокое и толстое дерево. Под градом пуль Вильбоа и Штакельберг, командовавшие в этом месте нашу цепью, велели срубить дерево, и когда оно перевалилось через ручей, они первые бросились на него, чтоб перебежать на другую сторону. Вильбоа шел впереди и на половине дерева поражен был пулею в грудь. Он упал в объятия друга своего Штакельберга, и в ту самую минуту, когда тот хотел отдать драгоценную ношу егерям, вторая пуля ударила в висок Штакельберга, и оба друга, обнявшись, уже мертвые упали в воду. Наши егеря, чтоб отомстить за смерть своих офице-

ров, без начальников бросились по дереву на другой берег, ударили отчаянно в штыки и перекололи всех, кто не успел уйти. Тела храбрых офицеров отнесло течением за версту. Их похоронили с честью, и в безлюдной долине между скалами поставили деревянный крест над могилою, скрывшею блистательные надежды!

Во время одной перестрелки две роты пехоты и пол-эскадрона улан поставлены были в лощине, чтоб поддержать нашу стрелковую цепь, если б она подалась в тыл. Пули перелетали безвредно над нашими головами. Капитан Верещагин (не помню, Низовского или Азовского полка), лихой малый, сел на камень, поставил перед собою барабан и сказал: «Господа, я закладываю банк, не угодно ли поиграть *перед смертью*?» Нашлись охотники, и началась игра, которая продолжалась с полчаса, пока выстрелы не стали усиливаться. Тогда Верещагин попросил одного из не игравших товарищей донести за него банк и, сказав: «Пойду взглянуть, что наверху делается», взошел на возвышенную окраину лощины, взлез на камень и, посмотрев в поле,

обернулся к нам лицом и сказал игравшим: «Конец игре...» Шведская пуля не дала ему кончить, и он свалился в лощину. Лекарь, игравший также в банк, подошел к нему, осмотрел рану и сказал: «Убит соника!»[1669] Пуля раздробила несчастному Верещагину череп и засела в мозгу. Игра кончилась, игравшие рассчитались, и деньги Верещагина взял старший капитан для отдачи полковому казначею на сохранение, а между тем прибежал унтер-офицер из стрелковой цепи, требуя помощи. Резерв вступил в дело, и Верещагин остался навеки на месте. Ужасно, когда видишь человека здорового и веселого, который через минуту уже не существует! Но наконец и к этому привыкнешь. Бывало, когда полки и команды сойдутся на биваках после сражения, приятели ищут друг друга и, получив в ответ «приказал долго жить», безмолвно возвращаются к своему огню, с грустью в сердце, с мрачною мыслью в душе. Но спустя несколько часов все забыто, потому что подобная участь ожидает каждого!

В корпус графа Каменского присланы были из Петербурга военным министром, гра-

фом Аракчеевым, поручики Белавин и Броне, не помню какого пехотного армейского полка. Они общими силами написали сатирические стишки под заглавием «Весь-гом»[1670]. Надобно знать, что прежде командовали «*весь-кругом*» и что это движение, фронтом в тыл, делалось медленно, в три темпа, с командою: раз, два, три, а потом стали делать в два темпа по команде в два слога: *весь-гом*. Эта маловажная перемена послужила армейским поэтам предметом к критическому обзору Аустерлицкой и Фридландской кампаний. В службе не допускаются ни сатиры, ни эпиграммы, и молодых поэтов наказали справедливо и притом воински. Военный министр прислал их к графу Каменскому без шпаг, т. е. под арестом, предписав: «Посылать в те места, где нельзя делать *весь-гом*». Эти офицеры были прекрасные, образованные молодые люди. В первом сражении граф Каменский прикомандировал их к передовой стрелковой цепи, однако ж без шпаг. Поэты отличились и, не смея прикоснуться ни к какому оружию, потому что считались под арестом, вооружились дубинами и полезли первые на швед-

ские шанцы. Граф Каменский после сражения возвратил им шпаги и написал к военному министру, что «стихи их смыты неприятельскою кровью». Граф Аракчеев позволил им возвратиться в полк, но они не согласились и остались в корпусе графа Каменского до окончания кампании, отличаясь во всех сражениях[1671].

Русские и шведы дрались отчаянно, но взаимно уважали друг друга. Граф Каменский, узнав, что шведы не грабят наших пленных, запретил нашим солдатам пользоваться военной добычею, и приказание его соблюдалось свято и ненарушимо. О пленных и раненых мы пеклись едва ли не более, как о своих. С пленными шведскими офицерами мы обходились как с товарищами, разделяя с ними последнее. Однажды у пленного шведского офицера пропали часы на биваках. Швед промолчал из деликатности. Когда стали собираться в поход, наш улан, отыскивая что-то, нашел в песке часы, которые, вероятно, выпали из кармана у шведа во время беспокойного сна, и отдал их ротмистру. Он, держа часы над головою, спросил, кому они принадле-

жат. Тогда швед объявил, что часы его, признался откровенно, что не смел объявить о пропаже часов, и просил в этом извинения. Он сознался, что наше с ним обхождение и этот случай истребили в нем совершенно невыгодное мнение, внушенное ему с малолетства, о русских, примолвив, что, где бы они ни был, всегда с уважением будет отзываться о русских воинах.

Но каждая война сопряжена с бедствиями, которые оставляют глубокие следы в памяти пострадавших. Я был свидетелем нескольких ужасных сцен, которые до сих пор живо представляются моему воображению. Мы стояли с егерями 3-го егерского полка на аванпостах. Один из передовых пехотных часовых стоял в опушке леса на вершине. Внизу протекала речка, а за нею стоял шведский пикет, также укрытый в лесу. Русский часовой увидел шагах в полтораста шведского солдата, который переправлялся на лодке с нашей стороны на свою. Это показалось нашему егерю подозрительным; он подкрался между кустами, прицелился, выстрелил, и шведский солдат, правивший лодкою стоя, упал в нее. На вы-

стрел выбежали шведы из лесу, и наш пикет стал под ружье, но с обеих сторон не начинали перестрелки, видя, что ни шведы, ни русские не наступают. Между тем лодку, оставленную на произвол воды, прибило течением к нашему берегу. В ней лежал в предсмертных судорогах шведский солдат, а возле него сидели двое детей: один мальчик – лет пяти, другой – лет трех. Старший плакал, а младший дергал за мундир отца, как будто желая его разбудить. Пуля пробила череп несчастного шведского солдата, и он в страшных мучениях и беспомощности зажал пальцем рану; мозг с кровью тек по руке... Лицо его страшно искривлялось судорогами, глаза выкатились из-под век, на губах застывала пена, но он еще шевелился... Ужасное зрелище!.. Вдруг из леса выбежала молодая женщина и опрומетью кинулась к умирающему, с пронзительным воплем. Это была жена солдата, мать малюток, которые ухватились за нее с криком и плачем... Я не мог выдержать и ускакал. После сказали мне, что шведский солдат, родом финн, находясь поблизости своего дома, решил навестить семейство и, не смея долго

оставаться, взял с собою двух своих малюток, чтоб натешиться ими, сказав жене, что оставит их у приятеля, которого дом находился в нескольких стах шагов от шведского пикета по ту сторону реки. Жена провожала его до опушки леса и видела, как он упал... Пехотный офицер, командовавший нашим пикетом, велел отвезть тело солдата на своей верховой лошади в его дом, находившийся в версте от нас... Жену его принуждены были связать и несть на носилках, потому что она впадала в бешенство и бросалась на наших солдат с страшными проклятиями... Несчастные!..

После жаркого авангардного дела, в котором шведов вытеснили картечью из засек, я шел со взводом в голове авангарда, постоянно имея в виду отступающего неприятеля. Возле самой большой дороги стоял порядочный крестьянский дом. Я поскакал вперед, чтоб посмотреть, не засели ли тут шведы, и увидел на дворе шведскую таратайку, запряженную в одну лошадь, и верховую лошадь, а при них двух шведских драгун верхом. Когда они увидели меня, один из них, вывесив белое полотенце на палаш, стал махать им и кричал изо

всей силы: «Мир, мир!» Я дал знак рукою, чтоб он приблизился, и саволакский драгун спешился, вышел безоружный за ворота и сказал мне, что в доме лежит раненый шведский офицер, при котором оставили лекаря и двух драгун для конвоя. Я вошел в избу. На окровавленной кровати лежал молодой шведский офицер с закрытыми глазами; возле кровати стояла на коленях женщина, не сводя глаз с больного, а подле нее мальчик лет пяти... Шведский лекарь, без мундира, с засученными рукавами рубахи, мыл и вытирал инструменты; ему помогал фельдшер. Доктор говорил по-немецки и сказал мне, что этому офицеру раздробило картечью обе ноги, что он в эту минуту кончил операцию, отрезал обе ноги и поручает больного человеколюбию русских, надеясь, что его и драгун отпустят без задержания к шведскому войску. «Офицер родом финляндец, – примолвил доктор, – а это жена его с сыном; она следовала за своим мужем...» При этом лекарь сделал сомнительный знак, показывавший, что положение больного весьма плохое. Я подошел к женщине и сказал ей по-французски, что с

нашей стороны будут употреблены все средства к спасению ее мужа... Но она быстро отскочила, страшно взглянула и обеими руками оттолкнула меня от кровати, сказав тихо, каким-то диким голосом: «Прочь, прочь отсюда, русский! Прочь, или я убью и тебя, и себя!..» Я содрогнулся от этого взгляда и молча вышел в сени, растроганный положением несчастной. Доктор вышел за мною, и я велел ему поскорее убираться со своей свитой, приставив к воротам конного улана, чтоб известить обо всем Кульнева, когда он прибудет на место с авангардом. Женщина была прекрасная, но страшный взгляд ее и звук ее голоса, в которых выражались ненависть, жажда мести и отчаянье, превращали ее в какое-то ужасное существо. Такова долженствовала быть Медея, когда готовилась из мщенья убить собственных детей!.. [1672] Но ни Жорж, ни Дюшенуа, ни Семенова никогда не возвышались до такой страшной природы! [1673]

Шведскою кавалерией, т. е. саволакскими драгунами, командовал капитан Фукс, человек лет за сорок, храбрый воин, веселый и откровенный. Он подружился с Кульневым и

часто приезжал к нему на аванпосты. Неустрашимый, неутомимый Кульнев был по душе Фуксу, и если он мог достать курительного табаку, рому или другого аванпостного лакомства, то или присылал Кульневу чрез своего драгуна, или сам привозил на наши пикеты. Саволакские драгуны одеты были в синие куртки, а голову покрывали *железными круглыми шляпами*. Амуниция у них была желтого цвета. Лошади их были малорослые, финской породы, но крепкие и быстрые. Капитан Фукс был всегда в синем сюртуке и в круглой пуховой шляпе. Наши казаки, гродненские гусары и уланы так свыклись с саволакскими драгунами, что в авангарде вовсе с ними не перестреливались без крайней нужды, т. е. когда не надлежало дать знак к наступлению. Чрез час явился ко мне саволакский драгун с письмом к Кульневу от капитана Фукса, в котором он просил своего великодушного противника приберечь раненого офицера. Кульнев похвалил меня за то, что я отпустил немедленно шведского лекаря и конвойных солдат.

Гвардейские батальоны и эскадроны по-

шли разными путями в Петербург. Наш эскадрон пошел берегом до Вазы, а оттуда чрез Куопио и Нейшлот в Выборг. На этом пути мы уже находили магазины с провиантом и фуражом. В Куопио я навел на нашу добрую хозяйку. Сыновья ее возвратились в город вместе с прочими жителями, и в городе был порядок как в мирное время. На мое изъявление благодарности и на извинение, что мы слишком самовластно распоряжались в ее доме, хозяйка и ее сыновья отвечали еще большим изъявлением благодарности за наше ласковое с нею обхождение и сбережение собственности в военное время. Финны думали прежде, что мы идем грабить их, как бывало во времена древних войн с Великим Новгородом!

В Нейшлоте жизнь моя подвергалась опасности не легче, чем в самом кровопролитном сражении. Возвращаясь поздно на квартиру, я нашел калитку незапертою и лишь только просунул голову, огромный водонос[1674] свистнул перед моим лицом на палец расстояния, так что меня обдало ветром. Поспешно вскочил я на двор, запер калитку и, став при

ней, начал скликать улан, чтоб отыскать разбойника. Денщик выбежал на крыльцо со свечою, и в это самое время послышался робкий голос возле забора: «Простите, ваше благородие, виноват, без умысла!» Мы схватили виновного. Это был сын хозяина, русского торговца, парень лет двадцати двух. Он бросился мне в ноги и стал умолять о пощаде. Я ввел его в мою комнату и стал расспрашивать о причине покушения на мою жизнь. Он клялся и божился, что вовсе не имел противу меня злого умысла, и рассказал мне свою историю. В доме у них жила вдова с дочерью, красавицею, в которую молодой купчина был страстно влюблен. Красавица не чуждалась его любви, пока не вмешался между ними писарь гарнизонного батальона, которому она отдала преимущество. Мало того что этот писарь похитил у него сердце красавицы, он еще раза два поколотил купчину, когда тот не хотел впускать его в дом и донес адъютанту о поздних отлучках писаря. Мучимый ревностью и злобой, купчина решился *проучить* своего соперника и, подслушав, что красавица обещала писарю оставить в эту ночь калитку отпер-

тою, засел с водоносом у забора, чтоб *попотчевать* писаря, не зная, что я в городе, а может быть и не подумав обо мне в разгар страстей. Писарь не явился, вероятно по какому-нибудь необыкновенному случаю, и я едва не получил определенного ему гостинца. «Знаешь ли, чему бы ты подвергнулся, если б убил меня или писаря?» – спросил я купчину. «Помилуйте, ваше благородие; я вовсе не хотел убивать ни вас, ни писаря; я хотел только *постращать* его!» Купчина не мог постигнуть, что ударом водоноса со всего размаха можно убить человека. Я разбудил его отца, рассказал о случившемся и советовал на другой же день спровадить красавицу со двора, и простил купчину, приняв в уважение, как французские присяжные, *облегчительные обстоятельства* (circonstances atténuantes), а именно: любовь, ревность и глупость соперника.

Гвардейский отряд, соединившись за один переход до Петербурга, расположился в деревнях, ожидая новой обмундировки. Ежедневно привозили из города мундиры, обувь, амуницию, примеряли ее, перешивали и т. п. Это

было в марте 1809 года[1675], следовательно, мы почти год были в походе. Из Петербурга к нам приезжали гости, но нам запрещено было отлучаться от команд. Офицеры часто съезжались по вечерам и проводили время по-военному. Тут случилось в нашем отряде трагическое происшествие, глубоко тронувшее всех нас. Кто из современников не знал графа Ф. И. Т***, прозванного *Американцем* [1676], или кто не слышал об нем! Он служил тогда поручиком в Преображенском полку [1677], в том батальоне, который был в Финляндии. О графе Ф. И. Т*** можно было бы написать целую книгу, если б собрать все, что о нем рассказывали и рассказывают, хотя в этих рассказах много несправедливого, особенно в том, что относится к его порицанию. Так обыкновенно ведется на свете: о хорошем умалчивают, а к дурному прибавляют выдумки, чтоб серое сделать черным! Граф Т*** был, как ныне говорят, человек *эксцентрический*, т. е. имел особый характер, вышедший из обыкновенных светских форм, и во всем любил одни крайности. Все, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее. Тогда было в мо-

де и в нравах, как я уже говорил, *молодечество*, и граф Ф. И. Т*** довел его до *отчаянности*! Он поднимался на воздушном шаре с Гарнеренем[1678] и волонтером пустился в путешествие вокруг света с Крузенштерном. Вмешавшись в спор Крузенштерна с капитаном Лисянским, он довел доброго и скромного Крузенштерна до того, что тот вынужден был оставить графа Ф. И. Т*** в наших американских колониях и не взял с собою на обратном пути кораблей «Надежда» и «Нева» в Россию. Граф Ф. И. Т*** пробыл некоторое время в Америке, объездил от скуки Алеутские острова[1679], посетил дикие племена галошей [1680], с которыми ходил на охоту, и возвратился чрез Петропавловский порт сухим путем в Россию. С этих пор его прозвали *Американцем*, потому что дома он одевался по-алеутски и стены его увешаны были оружием и орудиями дикарей, обитающих по соседству с нашими американскими колониями. Граф Т*** много рассказывал о своих *американских похождениях*, а между прочим и то, будто галоши предлагали ему быть их царем! Страсть его была дуэли! Но он был опасный соперник,

потому что стрелял превосходно из пистолетов, фехтовал не хуже Севербрика (общего учителя любителей фехтованья того времени)[1681] и рубился мастерски на саблях. При этом граф Ф. И. Т*** был точно храбр и, невзирая на пылкость характера, хладнокровен и в сражении, и на поединке. Тогда велась повсюду большая карточная игра, особенно в войске; играли обыкновенно в азартные игры, и граф Ф. И. Т*** всегда был в выигрыше. Он играл преимущественно в те игры, в которых характер игрока дает преимущество над противником и побеждает самое счастье. Любимые игры его были: квинтич, гальбе-цвельве и русская горка[1682], т. е. те игры, где надобно *прикупать* карты. Поиграв несколько времени с человеком, он разгадывал его характер и игру, по лицу узнавал, к каким мастям или картам он прикупает, а сам был тут для всех загадкою, владея физиономией по произволу. Этими стратагемами он разил своих картежных совместников, выигрывал большие суммы, жил открыто и роскошно. Не знаю, есть ли подобный гастроним в Европе, каким был граф Ф. И. Т***. Он не предлагал

большого числа блюд своим гостям, но каждое его блюдо было верхом поваренного искусства. Столовые припасы он всегда закупал сам. Несколько раз он брал меня с собою при этом, говоря, что первый признак образованности – выбор припасов кухонных и что хорошая пища облагораживает животную оболочку человека, из которой испаряется разум. Например, он покупал только ту рыбу в садке, которая сильно бьется, т. е. в которой более жизни. Достоинства мяса он узнавал по его цвету и т. п. Граф Ф. И. Т*** был небольшого роста, плотен и силен, имел круглое, полное, смуглое лицо и черные волосы. Черные глаза его блестели как раскаленные уголья, и когда он бывал сердит, то страшно было заглянуть ему в глаза. Он был прекрасно образован, говорил на нескольких языках, любил музыку, литературу, много читал и охотно сближался с артистами, литераторами и любителями словесности и искусств. Умен он был как демон и удивительно красноречив. Он любил софизмы и парадоксы, и с ним трудно было спорить. Впрочем, он был, как говорится, добрый малый; для друга готов был на все, охот-

но помогал приятелям, но и друзьям, и приятелям не советовал играть с ним в карты, говоря откровенно, что в игре, как в сражении, он не знает ни друга, ни брата, и кто хочет перевести его деньги в свой карман, у того и он имеет право их выиграть. Граф Ф. И. Т*** дослужился до полковничьего чина, но за дуэли и проступки противу субординации был разжалован несколько раз в солдаты[1683]; находясь в отставке солдатом, пошел в ратники в 1812 году и отчаянною храбростью снова заслужил полковничий чин и ордена, которых лишен был по суду. С окончанием войны граф Ф. И. Т*** поселился в Москве, а летом проживал в своей подмосковной деревне. Мне пришлось с ним свидеться в Могилеве в 1836 году, когда я ездил в мою белорусскую вотчину, а потом я часто виделся с ним в Петербурге, где он прожил около года в 1840 году с своим семейством. Следуя во всем своему оригинальному взгляду на свет и на дела человеческие, граф Ф. И. Т***, поселившись в Москве, женился на цыганской певице и был с нею счастлив[1684]. Теперь графа Ф. И. Т*** нет уже в живых, и я вспоминаю об нем как о

необыкновенном явлении даже в тогдашнее время, когда люди жили не по календарю, говорили не под диктовку и ходили не по стрункам, т. е. когда какая-то рыцарская необузданность подчиняла себе и этикет, и образованность[1685].

Преображенский батальон стоял в Большом Парголове[1686], и множество офицеров собралось к графу Ф. И. Т*** на вечер. Разумеется, что стали играть в карты. Граф Ф. И. Т*** держал банк в гальбе-цвельве. Прапорщик Лейб-егерского полка И. А. Н.[1687], прекрасный собою юноша, скромный, благовоспитанный, образованный, пристал также к игре. В избе было жарко, и многие гости по примеру хозяина сняли мундир. Покупая карту, Н*** сказал графу Т***: «Дай *туза!*» Граф Т*** положил карты, засучил рукава рубахи и, выставя кулаки, возразил с улыбкою: «Изволь!» Это была шутка, но неразборчивая, и Н*** обиделся грубым каламбуром, бросил карты и, сказав: «Постой же, я дам тебе *туза!*» – вышел из комнаты. Мы употребляли все средства, чтоб успокоить Н***, и даже убедили графа Ф. И. Т*** извиниться и письменно объявить, что

он не имел намерения оскорбить его. Но Н*** был непреклонен и хотел непременно стреляться, говоря, что если б другой сказал ему это, то он первый бы посмеялся, но от известного дуэлиста, который привык властвовать над другими страхом, он не стерпит никакого неприличного слова. Надобно было драться. Когда противники стали на место, Н*** сказал графу Т***: «Знай, что если ты не попадешь, то я убью тебя, приставив пистолет ко лбу! Пора тебя кончить!» Первый выстрел принадлежал графу Т***, потому что он был вызван, и он вспыхнул от слов Н***. «Когда так, так вот же тебе!» – отвечал граф Т***, протянул руку, выстрелил и попал в бок Н***. Рана была смертельная: Н*** умер на третий день.

Это происшествие наделало много шума в городе. Графа Ф. И. Т*** посадили в крепость [1688] и выписали, не помню, в армию или в дальний гарнизон. Через несколько дней мы вступили в город торжественно, как победители. После Аустерлицкой и Фридландской кампаний гвардия впервые вступала в столицу с победою из завоеванного края.

Вот результаты кампании 1808 года, какие сообщил главнокомандующий граф Буксгевден дежурному генералу П. П. Коновницыну 23 декабря того же года. В течение десяти месяцев завоевана вся Финляндия, состоявшая из шести губерний, вмещающая в себя около 300 000 квадратных верст и более миллиона жителей, 6 губернских городов, 17 уездных и купеческих с 18-ю пригородными портами, в которых находилось до 200 купеческих судов, принадлежавших жителям. Покорено пять крепостей: Свеаборг, Швартгольм, Кронсберг, Абоский замок и Гангеуд. В это время, кроме ежедневных почти перестрелок и аванпостных дел, русское войско дало 34 сухопутных и 6 морских прибрежных сражений, а из этого числа два сражения были для нас несчастные (Вуича на Аландских островах и Булатова) и 5 неудачных. Русские взяли 61 медную пушку и 3 316 чугунных пушек, шведских знамен 14, ружей 17 463; в плен взято 12 042 человека, а сколько убито – наверное не известно, но полагают, до 20 000 человек[1689][1690]. Мы лишились двух знамен (Могилевского мушкетерского полка, бывшего с Булатовым), 4♦х

медных пушек и на канонирских лодках 4♦х чугунных пушек и 9-ти фальконетов; ружей 6 424. Русских в плен взято и без вести пропало 3 394 человека, убито 1 943, ранено 5 459 человек. Взято, сожжено и затоплено шведских судов 199. У нас потонули в сражении 2 канонирские лодки и отбита одна яхта. О делах морского флота, действовавшего вне Финляндии, здесь не упоминается.

После этого можно повторить слова главнокомандующего из приказа его по армии от 4 декабря 1808 г. в Улеборге: «Изъявляя мою благодарность *всем чинам армии*, от гг. генералов *до последнего солдата*, за мужество одних, за расторопность и решительность других, за храбрость последних и ревность к славе отечества *всех вообще*, повелеваю по всей армии 12♦го числа сего месяца, в высокочтожественный для России день [1691], Богу нашему, содетелю всех благ, нам в боях благоволившему, принести благодарственное с колена преклонением молебствие и провозгласить в новозавоеванной стране многолетие монарху».

**Перемены в финляндской армии. –
Заслуги графа Аракчеева. – Переход
Баркляя-де-Толли по льду чрез пролив
Кваркен в Швецию. – (Эпизод). – Какие
чувства остались во мне к народам, с
которыми мы воевали**

Находясь в Улеаборге, мы не знали, что государь император недоволен был Олькиокскою конвенциею, по которой генерал Клеркер уступил нам Финляндию. Высочайший рескрипт государя к графу Буксгевдену по этому предмету напечатан в «Описании Финляндской войны» А. И. Михайловским-Данилевским[1692]. Весьма справедливо, что если б граф Буксгевден усилил корпус графа Каменского хотя половиною отряда князя Голицына и не согласился на перемирие, а приказал действовать, то все остальное войско Клеркера или положило бы оружие и сдалось, или было бы истреблено. Может быть, генерал Сандельс, решительный и мужественный воин, успел бы спастись, идя на пробой с отчаяннейшими из шведов, но все же корпус Клеркера, состоявший только из 8 000 человек, был бы уничтожен. В то же время госу-

дарь император приказывал перейти немедленно в Швецию[1693], занять провинцию Вестерботнию[1694] и принудить короля к миру.

Но граф Буксгевден упорствовал, представляя невозможность исполнения этого предначертания, и потому на его место назначен был главнокомандующим генерал от инфантерии Кнорринг, который, находясь в Петербурге, критиковал все планы графа Буксгевдена, а особенно заключенное им перемирие. Генерал Кнорринг приехал в Улеаборг во второй половине декабря 1808 года с повелением двинуть войска в Швецию и с полной инструкциею и принял армию от графа Буксгевдена.

Состав русской армии был тогда следующий: Улеаборгский корпус генерала Тучкова 1го имел под ружьем всех чинов 11 358 человек и 20 орудий; Вазский корпус князя Голицына[1695] – 13 197 человек и 22 орудия; Абоский корпус князя Багратиона – 10 284 человека и 20 орудий; Ниландский графа Витгенштейна[1696] – 9 245 человек и 25 орудий; Куопиоский отряд состоял в ведении гене-

рал-губернатора Старой Финляндии генерала Обрезкова и имел 1 373 человека и 12 орудий; резервной артиллерии, расположенной в Тавастгусе, было 104 человека и 28 орудий; Морского ведомства 2 917 человек. Всего 48 478 человек, в том числе 2 730 конницы и 127 орудий.

Граф Каменский, как я уже упомянул, уехал в Петербург. После него сказались большими и оставили армию генералы Тучков 1♦й, князь Голицын и граф Витгенштейн. Все они, основываясь на недостатке продовольствия и полагая число войска недостаточным для внесения войны в самую Швецию, не хотели принять на себя ответственности в столь важном деле. На место Тучкова 1♦го назначен корпусным командиром генерал-адъютант граф Шувалов, князя Голицына заменил Барклай-де-Толли, а графа Витгенштейна – генерал Багговут (правильнее Баггогевут[1697]). Главнокомандующий генерал Кнорринг, осмотревшись на месте, стал повторять то же самое, что прежде критиковал в графе Буксгевдене, т. е. отказывался от всякого действия, требуя для войска отдыха, про-

довольствия и одежды.

План вторжения в Швецию, утвержденный государем императором, был следующий. Граф Шувалов с 5 000 должен был следовать на Торнео, разбить остатки войска генерала Клеркера, взять его магазины и идти быстро в Умео – город, лежащий на шведском берегу, в прямой линии противу Гамлекарлеби. Барклай-де-Толли долженствовал с 5 000 челов[ек] перейти по льду чрез пролив Кваркен[1698] в Умео и соединиться с графом Шуваловым. Князю Багратиону с 20 000 человек назначалось выйти из Або и, пройдя по льду на Аландские острова, истребить находившееся там под начальством генерала Дебельна шведское войско, обезоружить жителей и идти на шведский берег. Три корпуса, соединясь на шведском берегу, должны были быстро проникнуть к Стокгольму, сжечь зимовавший здесь шведский флот и занять такую позицию, в которой можно было бы держаться и по вскрытии льда. Корпусных командиров повелено было снабдить деньгами и печатными прокламациями на шведском языке, в которых было объявлено, что русские войска

вступили в Швецию не для покорения страны, но для завоевания мира, выгодного для обоих государств.

Это решительное предприятие не могло быть исполнено иначе, как зимой, когда лед надежен; но главнокомандующий представлял государю императору различные к тому неудобства, из которых главнейшим приводил недостаток продовольствия, и провел в бездействии драгоценнейшее время, а именно половину декабря 1808 года, весь январь и начало февраля следующего года. Государь требовал настоятельно исполнения своей воли; но Кнорринг решительно отказался и написал государю: «Привыкши как добрый и послушный солдат исполнять все повеления вашего императорского величества, я в долге, однако ж, признаться в недостатках моих и для того, ежели вам, всемилостивейший государь, угодно настоятельно требовать исполнения плана, то осмеливаюсь всеподданейше просить о всемилостивейшем моем увольнении от службы».

Вот второй главнокомандующий оставляет службу, почитая себя не в силах исполнить

высочайшую волю! Оба старика, изжившие свой век, они видели одни опасности предприятия, не рассчитывая выгод, и управляли армией, как говорится, по бумагам, не входя лично в исследование всех донесений[1699]. Государь выслал военного министра с повелением исполнить немедленно высочайшую волю[1700], двинуть войско в Швецию и следовать с ним. 20 февраля граф Аракчеев прибыл в Або, где была главная квартира, перенесенная из Улеборга.

Главнокомандующий генерал Кнорринг, граф Шувалов и Барклай-де-Толли представили свои возражения противу удобоисполнимости плана. Граф Аракчеев сбил все их доводы, нашел и продовольствие на месте, и определенное число людей к переходу в Швецию, и приказал немедленно действовать. Замечательны слова графа Аракчеева в его опровержении возражений Барклая-де-Толли, который, между прочим, жаловался на недостаток наставлений от главнокомандующего. «Насчет объяснения вашего, – писал граф Аракчеев, – что вами очень мало получено наставлений от главнокомандующего, то генерал с ва-

шими достоинствами в оных и нужды не имеет. Сообщу вам только, что государь император к 16 марта прибудет в Борго, и я уверен, что вы постараетесь доставить к нему на сейм шведские трофеи. На сей раз я желал бы быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход Кваркена Провидение предоставило одному Барклаю-де-Толли». Воля ваша, а это отзывается Древним Римом!

На представление главнокомандующего об опасности для войска во время пребывания на льду, в жестокий мороз, в течение *шести* суток граф Аракчеев отвечал: «Усердие и твердость русских войск все преодолеют».

Графу Шувалову, представившему о недостатке продовольствия и о затруднениях в Швеции, где весна бывает позже, граф Аракчеев отвечал: «Для 5 000 человек продовольствие сыскать нетрудно, и вы, верно, уже им запаслись, а о будущих затруднениях беспокоиться не следует заранее. Тогда напишете, когда они встретятся на месте».

Читая это и исследовав действия графа Аракчеева в это время в Финляндии, нельзя

не удивляться твердости его характера, безусловному повиновению воле государя и пламенной любви к славе русского имени! В этом отношении граф Аракчеев безукоризнен.

Из всех генералов только ученик Суворова и его авангардный генерал князь Багратион не представлял никаких возражений. Когда граф Аракчеев объявил ему повеление идти на Аланд и спросил, что он на это скажет, князь Багратион отвечал хладнокровно: «Что тут рассуждать: прикажете – пойдём!» А. И. Михайловский-Данилевский справедливо говорит, что графу Аракчееву принадлежит слава перенесения русского оружия в Швецию [1701]. Точно, что без его понуждения и решительных мер переход верно бы не состоялся; однако ж и исполнители этого предначертания имеют право на славу.

Обратимся теперь к исполнению самого затруднительного перехода. Повторяю, что я ни у кого не заимствовал и первый в России напечатал о переходе чрез Кваркен, за одиннадцать лет до появления в свет «Описания Финляндской войны 1808 и 1809 годов» генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Дани-

левского, написав по рассказам очевидцев, товарищей моих в Финляндской войне, и по официальным бумагам, которыми я пользовался только для чисел[1702]. Ушло с тех пор много времени, и я рассказываю этот подвиг с некоторыми изменениями.

Ботнический залив, начинающийся у города Торнео, расширяясь постепенно в обе стороны при своем начале, суживается между финляндским городом Вазою и шведским Умео и образует род пролива шириной около 100 верст, называемого Кваркен. Между обоими берегами находятся группы островов; бóльшая часть их состоит из голых необитаемых скал. Летом Кваркен опасен для мореходцев по множеству отмелей и по неровности дна; зимой он замерзает и представляет сухопутное сообщение между противоположащими берегами. Но этот зимний путь всегда опасен и затруднителен: огромные полыньи и трещины во льду, прикрываемые наносным снегом, на каждом шагу угрожают сокрытыми безднами. Часто случается, что внезапные бури разрушают этот ненадежный помост суровой зимы и уносят его в море. Даже в этом го-

ду (1809) лед два раза ломался на Кваркене от вихрей и морского волнения.

До вступления генерала Баркляя-де-Толли в командование Вазовским корпусом начальствовавший им генерал-лейтенант князь Голицын 5♦й посылал чрез Кваркен Войска Донского старшину Киселева 2♦го с 10-ю отборными казаками для разведания о неприятеле и собрания сведений об этом пути. Сей отличный офицер с величайшею трудностью, спешившись, пробрался по льдинам к острову Гадену, напал нечаянно[1703] на шведский пикет (ночью 15 февраля), взял всех в плен, возвратился благополучно с пленными и между прочими известиями донес, что переход сопряжен с величайшими трудностями и должен почитаться невозможным для целого отряда с обозами и артиллериею. Так думали сами шведы и жители Финляндии. Опыт доказал противное и удостоверил, что для русских воинов ничего нет невозможного.

Когда генерал Барклай-де-Толли заступил место князя Голицына (23–24 февраля), весь Вазовский корпус составлял не более 5 500 человек пехоты под ружьем; при нем находи-

лось 300 человек казаков и 32 орудия разного калибра. Из этого числа для перехода чрез Кваркен нельзя было употребить более 3 000 человек. Ожидали подкрепления из Улеаборгского корпуса, но оно не могло прийти в надлежащее время по причине трудностей пути и дальности.

По слухам и полученным от пленных известиям, в Умео неприятельские силы состояли из 4♦х рот регулярных войск и 400 человек милиции; но ежедневно ожидали из окрестностей Торнео от 3♦х до 4♦х тысяч войска, которое не могло оставаться там по недостатку продовольствия. Сверх того, поселяне могли вооружиться и составить сильные воинственные отряды, чему видели уже примеры в Саволаксе, Карелии и на Аландских островах.

Но генерал Барклай-де-Толли, которого предвидение простиралось на дальнейшие следствия экспедиции, помышлял не о числе врагов, а о средствах удержаться в неприятельской земле в таком случае, если б вскрытие льда на Кваркене отрезало его от сообщения с Вазою. Тогда недостаток в продоволь-

ствии и трудность переправ через широкие реки в земле неприятельской при отступлении от Умео для соединения под Торнео с графом Шуваловым могли бы привести отряд в величайшую опасность. Генерал Барклай-де-Толли, тщательно скрывая от своих подчиненных все эти опасения, откровенно изложил пред начальством свои мысли и заключения насчет затруднительного положения, в котором бы он находился, если б ему надлежало оставаться для дальнейших операций с столь малыми силами на шведском берегу по вскрытии Кваркена. Но за получением решительного предписания выступить в Швецию Барклаю-де-Толли нельзя было медлить, и он приступил к исполнению высочайшей воли, объявленной графом Аракчеевым.

Диспозиция генерала Барклая-де-Толли была следующая. Отряд для перехода через Кваркен разделялся на два отделения: первое под начальством полковника Филисова [1704] состояло из сотни казаков с войсковым старшиною Киселевым, 2 \blacklozenge батальонов Полоцкого мушкетерского полка и двух орудий артиллерии; второе отделение под начальством ге-

нерал-майора Берга составляли полки Лейб-гренадерский и Тульский мушкетерский, две сотни казаков и 6 орудий артиллерии. Всем этим войскам надлежало собраться на прилежащие к финскому берегу Кваркенские острова 5-го и 6-го чисел марта.

В городе Вазе оставался шеф Лейб-гренадерского полка генерал-майор Лобанов с Пермским мушкетерским полком. Он должен был занять город и Кваркенские острова, наблюдать за спокойствием жителей и по прибытии в Вазу идущих на помощь Навагинского и Тенгинского мушкетерских, 24-го 25-го егерских полков приказать им немедленно переходить чрез Кваркен на шведский берег для соединения с отрядом генерала Барклая-де-Толли. Сверх того, генерал Лобанов должен был содействовать комиссионерам к успешному заготовлению продовольствия для войска, чтобы при первом требовании немедленно доставить в Умео, а обо всем прочем относиться к главнокомандующему, в главную квартиру в городе Або.

Вследствие диспозиции отряд собрался в назначенное время на Кваркенских островах,

один лишний день надлежало промедлить в ожидании подвод, проводников и продовольствия. Войско провело 7 марта на биваках на необитаемом острове Вальгрунде[1705], лежащем в 20-ти верстах от берега. Взор терялся в необозримых снежных степях, и остров Вальгрунд, составленный из одних гранитных скал, казался надгробным камнем мертвой природы. Здесь не было никакого признака жизни и прозябения: ни одно деревцо, ни один куст тростника не оживляли этой картины бесплодия. Зима царствовала здесь со всеми ужасами, истребив все средства к защите от ее могущества. Стужа простиралась до 15-ти градусов, и войско оставалось на биваках без огней и шалашей.

За 36 часов до выступления в поход всего отряда выслана была передовая партия из 60-ти казаков и 50-ти отборных стрелков Полоцкого мушкетерского полка, на санях, под начальством войскового старшины Киселева 2-го, уже знавшего путь чрез Кваркен. Киселеву поручено было сделать нечаянное нападение на передовые неприятельские посты, расположенные по островам, прилежащим к швед-

скому берегу, отрезать их и захватить в плен, и таким образом скрыть движения целого отряда.

8 марта в 5 часов утра весь отряд выступил с острова Вальгрунда в открытое море. Первое отделение шло впереди, за ним второе, при котором находился сам Барклай-де-Толли. Вся артиллерия следовала за вторым отделением. Резерв состоял из батальона Лейб-гренадерского полка и 20-ти казаков.

С первого шага в замерзшее море открылись трудности, которые для всякого, кроме русского войска, показались бы непреодолимыми. Свирепствовавшая в эту зиму жестокая буря, сокрушив толстый лед на Кваркене, разметала его на всем пространстве огромными ледяными обломками, которые, подобно диким утесам, возвышались в разных направлениях, то пересекая путь, то простираясь вдоль его. Вдали эти гряды льдин представляли необыкновенное зрелище: казалось, будто волны морские замерзли мгновенно в минуту сильной зыби. Трудности похода увеличивались на каждом шагу. Надлежало то карабкаться по льдинам, то сворачивать их на сто-

рону, то выбиваться из глубокого снега, покрытого обломом [1706]. Пот лился с чела воинов от крайнего напряжения сил, и в то же время пронзительный и жгучий северный ветер стеснял дыхание, мертвил тело и душу, возбуждая опасение, чтоб, превратившись в ураган, не взорвал ледяной твердыни. Кругом представлялись ужасные следы разрушения, и эти, так сказать, *развалины* моря напоминали о возможности нового переворота.

Артиллерия замедляла движения отряда. К шести орудиям, поставленным на полозьях, отрядили 200 человек рабочих и наконец оставили пушки позади, под прикрытием резерва. После этого распоряжения отряд быстро продолжал свое шествие.

Между тем передовая партия под начальством войскового старшины Киселева 2♦го уже была в деле. Киселев напал ночью (3 марта) на неприятельский пикет, находившийся на острове Гросгрунде, разбил его и взял в плен несколько человек. В следующую ночь Киселев напал на другой офицерский пикет, состоявший из 50-ти человек финляндских войск. Они защищались отчаянно, и все по-

гибли на месте, исключая взятых в плен одного офицера и девяти человек солдат [1707]. Это происшествие возбудило тревогу в шведском отряде, находившемся в Умео, и показало русским, что неприятель намерен упорно защищаться. Наши воины пылали желанием сразиться.

Наконец, после изнурительного перехода в продолжение 12-ти часов отряд к 6-ти часам вечера достиг островов, лежащих у шведского берега. Первое отделение расположилось биваками на острове Гросгрунде, второе на Гадене. Артиллерия едва пришла в полночь и примкнула к первому отделению.

Эти острова так же бесплодны, как и лежащие у финского берега. С трудом можно было достать несколько дров для согревания воинов, усталых и ослабших от чрезвычайных трудов. Все войско провело ночь без огней.

Генерал Барклай-де-Толли вознамерился сделать нападение на город Умео с двух сторон. Первому отделению приказано было следовать прямым путем на твердую землю через остров Гольмо, завязать дело с находившимся там неприятелем и не напирать силь-

но, рассчитывая время таким образом, чтобы второе отделение успело между тем прибыть к устью реки Умео. В полночь второе отделение, при котором находился сам генерал Барклай-де-Толли, выступило с острова Гаде-на. Все представлявшиеся доселе трудности казались забавою в сравнении с этим переходом: надлежало идти без дороги, по цельному снегу выше колена, в стужу свыше 15-ти градусов, и русские перешли таким образом 40 верст в 18 часов!!! Достигнув устья реки Умео, изнуренные воины едва могли двигаться от усталости. Невозможно было ничего предпринять, и войско расположилось биваками на льду в версте от неприятеля, находившегося в деревне Текнес. Из числа шести кораблей, зазимовавших в устье, два были разломаны на дрова, и войско оживилось при благотворной теплоте бивачных огней, которые почитались тогда величайшею роскошью. Казаки того же вечера вступили в дело и после сильной перестрелки отошли в свой лагерь.

Между тем первое отделение, при котором оставалась вся артиллерия, нашло неприятеля, готового к сильной обороне, на острове

Гольме. Меткие карельские и саволакские стрелки и Вазовский полк занимали крепкую позицию в лесу, защищаясь окопами, сделанными из снега. Русские напали на них с фронта (9 марта в 5 часов утра) и встретили отчаянное сопротивление. После сильной перестрелки полковник Филисов послал две роты гренадер в обход, чтобы напасть на шведскую позицию с тыла. Тогда шведы начали быстро отступать по дороге к Умео, теряя множество убитыми и ранеными. Но трудность в движении артиллерии препятствовала первому отделению быстро преследовать неприятеля, и оно едва успело к вечеру достигнуть селения Тефте, лежащего на твердой земле в 15-ти верстах от города Умео.

Дав отдохнуть утружденным воинам, генерал Барклай-де-Толли с утра (10 марта) повел атаку вторым отделением на деревню Текнес и после жаркого дела принудил шведов к отступлению. Казаки и стрелки, выбившись из глубокого снега, с необыкновенною радостью и быстротою преследовали неприятеля по ровной проселочной дороге. Когда русский авангард находился в версте от города Умео,

прибыл парламентар от шведского главнокомандующего с объявлением желания его вступить в переговоры. Генерал Барклай-де-Толли отвечал, что войско русское не может быть удержано в своих успехах никакими предложениями или колебаниями; но если шведы желают получить пощаду, то сам генерал их должен немедленно явиться к нему и объявить условия. Вследствие такого решительного ответа прибыл к Барклаю начальник шведских войск граф Кронштедт[1708], убедительно просил его прекратить военные действия, уверяя, что вся Швеция желает мира, что король Густав, упорствовавший в войне, лишился престола и дядя бывшего короля, герцог Зюдерманландский, вступил в управление государством[1709]. Печатные манифесты убедили генерала Барклая-де-Толли в этой истине, и он, жертвуя собственным славолюбием общей пользе, достиг цели предначертания своего без пролития крови. Ему легко было одержать блистательную победу над изумленным неприятелем, но он предпочел средства человеколюбивые. По заключенному с графом Кронштедтом условию город

Умео и вся Вестерботния, составляющая почти третью часть всего Шведского королевства, уступлены русскому оружию[1710]. Того же дня (10 марта) русское войско вступило с торжеством в город; в стенах его в первый раз развевались победоносные неприятельские знамена, и впервые слышались звуки русского голоса. Шведы с удивлением смотрели на русских: каждый воин казался им героем.

И в самом деле, одни только герои могли совершить этот подвиг, единственный в военной истории. Русские перешли в двое суток около ста верст чрез ледяные громады, глубокие снега, без всякого следа в жестокую стужу; опрокинули неприятеля при первой встрече и одним появлением своим покорили целую область.

Граф Кронштедт признался чистосердечно, что он ошибся в своих стратегических расчетах и никогда не полагал, чтобы русские могли с такой быстротою и смелостью совершить этот переход, который он почитал чудесным.

Наш век – век чудес и славы воинской! Революционная война Франции и знаменитая

борьба России с могуществом Наполеона от-
вратили внимание удивленной Европы от по-
сторонних подвигов, которые не имели осо-
бенного влияния на участь большого евро-
пейского семейства. История, поэзия, живо-
пись, ваяние истожились в изобретении па-
мятников славы и доблести. Но придет время,
что художники обратят свое внимание и на
чудесное покорение Финляндии. Тогда вспом-
нят и о Кваркене. Надежнее и вернее всех ис-
кусственных памятников самый Кваркен со-
храняет предание о неимоверной неустраши-
мости русского воинства. Благородные потом-
ки не забудут славных дел; они станут повто-
рять с гордостью имена героев, прославив-
ших русское оружие, и с благодарностью ска-
жут: «Его предок был с Барклаем на Кварке-
не!»[1711]

Не имея намерения писать историю Фин-
ляндской войны, я умалчиваю о всех военных
действиях 1809 года до заключения Фридрих-
гамского мира[1712]. Занятие Аландских ост-
ровов князем Багратионом, подвиги Кульне-
ва, счастливые действия графа Шувалова,
принудившего шведского генерала Гриппен-

берга положить оружие с 7 000 корпусом, и, наконец, появление снова в Финляндии героя этой войны графа Н. М. Каменского и блистательные его подвиги в самой Швеции[1713] – все это прекрасно, верно и занимательно описано А. И. Михайловским-Данилевским. Я описал только то, что сам видел и испытал, что передано мне друзьями моими и товарищами и что осталось навсегда запечатленным в моей памяти. Скажу в заключение о Финляндской войне, что из Финляндии вынес я уважение и даже более – любовь к шведскому и финскому народам, удостоверюсь в их храбрости и честности, и до сих пор сохранил ненарушимо эти чувствования. В 1838 году я нарочно ездил в Финляндию и Швецию, чтоб доставить душе моей наслаждение, и лестный прием, оказанный мне почетнейшими гражданами, учеными, литераторами и даже военными людьми[1714], еще глубже утвердил в душе моей привязанность к шведам и финнам. Финляндия уже счастлива, дай Бог, чтоб и Швеция была всегда благополучною, и я уверен в этом, потому в обеих этих странах укоренены твердо важнейшие начала народ-

ного благоденствия: вера, нравственность и уважение к законам.

∨

Достопамятные преобразованиями и усовершенствованиями годы 1808, 1809 и 1810. – Народное просвещение. Основание его в Главном правлении училищ. – Университеты, гимназии и школы. – Общий порыв к содействию правительству в деле просвещения народного. – Уничтожение преимуществ придворных званий. – Условия производства в гражданские чины. – Государственный совет. – Министерства. – Главные сановники и чиновники, деятели тогдашней эпохи. – Граф Н. П. Румянцев. – Комиссия о составлении законов с Высшим училищем правоведения. – Комиссия прошений. – Почтовое управление. – Исполнительная часть в столице. – Важнейшие посольства. – Высочайший двор. – Военный двор его императорского высочества цесаревича, великого князя Константина Павловича. – Особы при воспитании их

императорских высочеств государей, великих князей. – Генерал-адъютанты. – Флигель-адъютанты. – Гвардия. – Словесность. – Театр. – Писатели. Ученые. Художники. – Педагогический институт. – Осип Петрович Козодавлев. – Михаил Леонтьевич Магницкий. – Окончательное устройство Государственного совета. – Перемены в министерствах и в других высших правительственных местах. – Перемены в гвардии. – Граф Василий Васильевич Орлов-Денисов. – Краткая характеристика тогдашней эпохи. – Биографический и характеристический очерк М. М. Сперанского

1808, 1809 и 1810 годы доставят будущему историку России весьма важные материалы. В эти годы утверждены многие существенные преобразования в государственном управлении, составлялось предположение о новом государственном устройстве и делались попытки для приведения в исполнение некоторых частей нового предположения[1715]. Эти три года были также пере-

ходным временем к новой системе, которая наконец изменила весьма многое из прежнего и затерла даже его следы.

Император Александр, воцарившись в первом цвете молодости, намеревался осуществить все, что внушали ему теплое юношеское чувство и светлый ум, образованный гениальною Екатериною. Желая развить все силы России, распространить ее могущество, создать и упрочить ее благосостояние твердым государственным законом, император Александр начал преобразования с народного воспитания – важнейшей части государственно-го управления, основания народного счастья и богатства, источника славы престола и отечества. Только просвещенные народы могут понимать, хранить и исполнять законы; только люди, знакомые с науками, могут возвысить промышленность и земледелие; только люди образованные, постигающие цену добра, могут чувствовать истинную любовь и преданность за оказываемые им благодеяния. Основав Министерство просвещения, государь учредил при нем Главное правление училищ[1716]. Теперь немногим известно,

что это управление учреждено на правилах, на которых основывалась в последнее время бывшей Польши *Воспитательная комиссия* (Kommissya Edukacyina)[1717]. Это было единственное учреждение прежней Польши, перешедшее после ее падения в живое государство. Князь Адам Чарторийский, граф Северин Потоцкий и ученый Фаддей Чацкий были первыми составителями проекта об устройстве Главного правления училищ. Членами его должны были быть попечители университетов и все известные ученые и педагоги под председательством министра просвещения. Главное правление училищ должно было рассматривать учебные книги, программы курсов и наблюдать за исполнением всех предположений посредством своих визитаторов. Для приведения народного воспитания в систему и сообщения ему полноты единства и постепенности оно имело четыре последовательные отдела: школы приходские, школы уездные, гимназии и университеты. Тогда во всей России был только один Московский университет и одна высшая школа в Вильне, носившая название Академии

(основанная в 1599 году) и долгое время управляемая иезуитами. Император Александр основал университеты в Харькове, в Казани, в Дерпте (в 1804 году)[1718] и дал новое устройство Виленской академии (1803 года), переименовав ее в университет. Предполагалось учредить университеты в Киеве, Устилуге и Тобольске[1719]; но как при таком быстром распространении народного воспитания требовалось множество способных людей и педагогов, а в них был недостаток, то в то же время учрежден в Петербурге (1804 года) Педагогический институт для образования русских профессоров и учителей. Между тем их выписывали из Германии, и преимущественно из Венгрии и Австрийской Галиции, из племени карпато-россов[1720]. В каждом губернском городе учреждена была гимназия, а в губернских и уездных городах уездные училища; при каждой приходской церкви долженствовала быть приходская школа, в которых обучали русской грамоте, арифметике, религии и нравственной науке. Умножено число военно-учебных заведений, и внутри государства учреждены кадетские корпуса.

Основаны специальные учебные заведения, как то: Институт путей сообщения, кораблестроительные училища, коммерческая гимназия в Таганроге[1721] и т. п. Духовные академии получили преобразование. К тридцати семи существовавшим семинариям прибавлены семьдесят три духовные училища. Все духовные школы поручены Комиссии духовных училищ, основанной на тех же правилах, как и Главное правление училищ[1722]. Одним словом, преобразование и распространение народного воспитания шло быстро, сильно и усердно, и только недостаток профессоров и учителей замедлял его ход и успехи. К концу 1810 года все новые учреждения были уже в действии.

Этот высокий порыв государя императора нашел сочувствие в сердцах русских. Граф Безбородко учредил на свой счет Высшее училище в Нежине (ныне лицей)[1723], а знаменитый патриот Демидов, пожертвовав сперва 500 000 рублей в пользу училищ, предоставил еще миллион рублей на заведение Высшего училища в Ярославле (ныне лицей)[1724]. Московское купечество основало на свой счет

Коммерческое училище[1725]; дворянство губерний Киевской, Подольской и Волынской учредило на своем иждивении Кременецкий лицей[1726], и кроме того, дворянство Киевской губернии пожертвовало для подобной же цели 500 000 рублей. Дворянство Слободско-Украинской (ныне Харьковской) губернии принесло в жертву 400 000 рублей, а купечество ее 300 000 рублей для Харьковского университета. Тульское дворянство учредило на своем иждивении кадетский корпус[1727], а г. Неплюев основал Военное училище в Оренбурге[1728]. Умалчиваю о меньших пожертвованиях. Давали, что могли, – и деньги, и книги, и дома под училища.

Прежде званиям камер-юнкеров и камергеров присваивался чин 5♦го и 4♦го классов. Нигде не служа, но получив придворное звание, баловень счастья переступал одним шагом чрез самые трудные ступени службы. Император Александр уничтожил это указом 3 января 1809 года, установив, чтоб придворные звания не давали никаких чинов и преимуществ по службе государственной, и обязав камер-юнкеров и камергеров служить в

ней действительно, если желают сохранить свои звания при высочайшем дворе. Наконец, 6 августа того же года был издан знаменитый указ, воспрещавший производство в чин коллежского асессора, дававший потомственное дворянство, и в статские советники чиновников, не имевших ученого звания или не выдержавших экзамена в науках в университете. Этот указ был то же, что внезапное освещение мрачной бездны благотворными лучами солнца! Чиновничий мир восторженно встрепенулся, зашевелился и завопил. Просвещение поднялось, невежество поникло головою.

Взглянем на тогдашних деятелей, на которых опирался государь, приступив к великим преобразованиям, и в числе тогдашних молодых людей заметим тех, которые последующею своею службой достигли высоких степеней. Одним словом, поднимем завесу прошлого и посмотрим на тогдашнюю сцену русского мира и его действующих лиц.

Петр Великий, преобразовав Россию, ввел по совету знаменитого философа Лейбница коллегиальное управление[1729]. Для каждой части была особая коллегия, и президент кол-

легии был то же, что министр. Дела обсуждались в общем присутствии всех членов коллегии, назначаемых самим государем. Президент не имел права удалять членов, следовательно, они были независимы при подавании голосов. В случае разногласия дело решал государь. Этот порядок государственного управления продолжался до вступления на престол императора Александра.

Государь учредил министерства в 1802 году, но без настоящего определения отношений их между собою и к существовавшему порядку вещей. Коллегии военная, иностранных дел, коммерции, Юстиц-коллегия еще существовали, управляемые министрами. Только два министерства – просвещения и внутренних дел – действовали по особым постановлениям. В 1810 году дано общее учреждение всем министерствам. Государственный совет, издавна существовавший при высочайшем дворе, не имел постоянного назначения, собирался по призыву царствующей особы и судил о делах, какие ему были предлагаемы. Император Александр, учредив в 1802 году из лиц, им избранных, определи-

тельный состав Государственного совета, повелел ему собираться в известные дни и обсуживать дела и проекты, поступающие на высочайшее разрешение. Государственный совет устроен окончательно в 1810 году и воспринял с сего времени свое настоящее назначение. Комиссия о составлении законов также получила новое устройство и деятельно занялась своим делом. Финансовая система совершенно изменилась. Словом, все, что только посевалось в прежние годы, начало уже приносить плоды в три последние года, до начала разрыва с Франциею и общей европейской войны. Я указал только на главнейшие изменения, из которых проистекали местные улучшения и преобразования во всей империи.

В 1808 году государственным министром иностранных дел был действительный тайный советник граф Николай Петрович Румянцев. Он тогда был 55-ти лет от рождения (род. 1753 года). Сын кагульского героя, фельдмаршала графа Петра Александровича, муж высокой образованности, обладавший огромным состоянием, человек приветливый, ласковый,

приятный в обхождении, страстный любитель наук и художеств, граф Николай Петрович если б даже и не занимал высокого звания, то имел бы всегда большое влияние на общество. Девятнадцати лет от рождения он был камер-юнкером, т. е. в 5^м классе; но прежде вступления в действительную службу уехал за границу для окончания своего образования, пробыл там пять лет, свел знакомство с первыми европейскими учеными и, возвратясь в Россию, произведен в камергеры, т. е. получил чин действительного статского советника. Следовательно, граф Н. П. Румянцев, не проходя через низшие ступени службы, не знал всего ее механизма, которого сила сокрыта для неопытного глаза, и потому окружавшие его чиновники, пользовавшиеся его доверенностью, всегда имели большое влияние на дела, которые были им обдумываемы. Дипломатическое свое поприще граф Н. П. Румянцев начал посольством при Германском сейме (кажется в 1780 году) во Франкфурте-на-Майне. В 1791 году он был уже тайным советником и находился в звании посла в Кобленце при братьях несчастного Лудови-

ка XVI, графе Прованском (потом Лудовик XVIII) и графе Артуа (впоследствии Карл X) [1730]. При императоре Павле Петровиче граф Румянцев занимал звание обер-гофмейстера, произведен в действительные тайные советники, был некоторое время главным попечителем Вспомогательного банка [1731] и сенатором. Император Александр при учреждении Государственного совета назначил графа Румянцева в члены его и при учреждении министерств в 1802 году дал ему Министерство коммерции. Это министерство сохранил граф Румянцев и в звании министра иностранных дел, приняв его в 1807 году после генерала от инфантерии барона Будберга. Кроме того, граф Румянцев был главным директором новоучрежденного Департамента водяных коммуникаций. При всем своем праводушии и пламенной любви к общему благу, граф Румянцев, обремененный множеством дел и не углублявшись никогда в канцелярские тонкости и счетные дела, не мог прекратить укоренившихся беспорядков в управлении, которым ворочали прежние чиновники. Насчет высших чиновников Коммерц-коллегии не

только рассказывалось во всей России, но и печатаемы были за границей анекдоты, которые показались бы невероятными, если б эти господа чиновники не изумляли столицы своею роскошью и даже мотовством. Я знал одного из этих господ, который начал службу писцом в Могилевском магистрате (происходя из могилевских мещан) и был женат на могилевской торговке калачами, а потом имел несколько каменных домов в Петербурге и несколько тысяч душ в Белоруссии! Столовые часы в гостиной его жены, осыпанные крупным жемчугом, стоили 60 000 рублей!!! Но Господь правосуден! Исчез с лица земли весь род и племя этого господина, и сын его, пустившись в подряды, лишился по залогам всего своего достояния, добытого отцом! При работах по части водяных коммуникаций огромные суммы также расходились по рукам, и строители вместе с подрядчиками богатели. Как мог входить в подробности и мелочи такой вельможа, как граф Румянцев! Он смотрел на дела с высшей точки зрения, распоряжался, приказывал исполнять и не мог наблюдать за исполнителями. Жалоб не бы-

ло, а что говорили и писали, это, разумеется, представляли графу в виде клеветы и зависти, от которых граф почитал своею обязанностью защищать преданных ему людей, усердных на службе, и дельцов[1732]. Графа Румянцова обвиняли в излишней привязанности к Наполеону, который чрезвычайно ласкал его в Эрфурте и в Париже. Обвинение вовсе не справедливое. Хотя для русской торговли и тяжел был разрыв с Англиею, но после Аустерлицкой и Фридландской кампаний нам надлежало жить в мире с Наполеоном до окончания дел с Турцией, Персией и Швециею, до поправления наших финансов, упрочения преобразований внутри государства и устройства армии. Воевать без оглядки было молодечество, похвальный дух в народе, которого самолюбие было оскорблено, но все разумные люди, начиная от государя[1733], были убеждены, что надобно переждать насильственное возвышение могущества Франции. Граф Румянцев был истинный патриот и предан искренно своему государю и Отечеству. Ими не пожертвовал бы граф Румянцев ни для какой посторонней привязанности. Напо-

леону он удивлялся, как удивлялись даже явные его враги, потому что это был гений. Граф Румянцев был прав, не советуя с ним воевать наудалую. Вообще граф Н. П. Румянцев был человек рассудительный и не упорствовал в своем мнении, когда убеждался в справедливости предлагаемых ему доводов. Нет спора, что он был не гений, но был человек умный, начитанный, образованный, действовавший в духе своего века. При всех своих заслугах граф Н. П. Румянцев не заслужил бы бессмертия своею службою, если б не был великодушным и просвещенным покровителем наук[1734]. Девизом своего герба он принял латинский афоризм: «Non solis armis», т. е. «Не одним оружием», и науки воздвигли ему памятник столь же прочный, какой победы соорудили его великому родителю. Никто из частных людей не сделал более для отечественной истории, как граф Румянцев, и его богатый музей, завещанный им отечеству [1735], стоящий напротив монумента его отца [1736], чрез реку, навсегда сохранит память просвещенного вельможи и благородного человека.

Помощником графа Румянцева в управлении Министерством иностранных дел, по-нынешнему товарищ министра, был Александр Николаевич Салтыков – вельможа, всеми уважаемый. Военный министр граф Алексей Андреевич Аракчеев отличался строгою исполнительностью и взыскательностью по службе. Все знают, что в обращении он был чрезвычайно крут, пренебрегая вежливостью и разборчивостью в обращении с подчиненными. Но зато справедливость заставляет сказать, у него, как говорится, дело горело в руках, и в самых трудных обстоятельствах он всегда находил скорые средства к исполнению высочайшей воли. Русская артиллерия, почитаемая одною из лучших в мире, обязана графу Аракчееву своим усовершенствованием. Он завел ловкую упряжь, легкие лафеты, колеса и ящики, довел литейную часть до высокой степени совершенства и привел в порядок оружейные и пороховые заводы. Даже и враги отдавали ему в этом справедливость. Как военный администратор граф Аракчеев был человек высокого достоинства. Друзей он не имел и действовал один в своем управле-

нии. О личном его характере я буду говорить в другом месте. Морской министр, адмирал Павел Васильевич Чичагов сделался известен в 1812 году командованием сухопутными войсками при переходе Наполеона через Березину. П. В. Чичагов был искусный моряк и уже отличился на флоте. Англоман в душе, он ненавидел Наполеона и французскую систему. Министр юстиции, действительный тайный советник князь Петр Васильевич Лопухин и министр внутренних дел князь Алексей Борисович Куракин, вельможи старинных боярских родов, приобрели опытность и навык к делам долговременною службою. Министр просвещения граф Петр Васильевич Завадовский, родом из Малороссии, сын небогатых родителей, получил основательное и ученое образование в иезуитском коллегииуме в Польше, поступил потом в военную службу и дослужился до полковничьего чина. Фельдмаршал граф П. А. Румянцев употреблял его в армии по письменным делам. Императрица Екатерина II, получив однажды бумагу от фельдмаршала, желала знать, кто писал ее, и приказала фельдмаршалу прислать сочини-

теля при первом случае в Петербург. Это был Завадовский. Императрица приблизила Завадовского к своей особе, возвысила до первых чинов, обогатила, и он службою своею вполне оправдал ее благодеяния. Граф П. В. Завадовский искренно любил науки, был усердным поборником просвещения и в начале учреждения министерств действовал сильно и умно при введении всех преобразований. Ученые и литераторы всегда были ласково принимаемы в его доме и находили у него защиту и покровительство. Человек он был добрый, ласковый, вежливый, хлебосол и вообще любимый и уважаемый. Управлявший Министерством финансов государственный казначей, тайный советник Федор Александрович Голубцов принадлежал к числу людей практических, или, как говорится, канцелярских. Министром уделов [1737] был действительный статский советник Дмитрий Александрович Гурьев (впоследствии граф), управляя в то же время кабинетом, а помощником его был действительный статский советник Алексей Николаевич Оленин, добрый, благородный человек, любитель наук, словесности

и художеств, о котором я буду говорить подробно.

В Государственном совете председателя не было. Кроме всех министров, членами совета были: Сергей Петрович Румянцев; Александр Андреевич Беклешов, генерал от инфантерии, пользовавшийся особенною милостью покойного императора Павла Петровича и бывший в его царствование генерал-прокурором; граф (после князь) Виктор Павлович Кочубей, действовавший в духе нововведений и преобразований, человек высокого ума и сильного характера; действительный статский советник Василий Степанович Попов, бывший правителем канцелярии при светлейшем князе Потемкине-Таврическом, человек необыкновенного природного ума и опытности в делах; князь Адам Адамович Чарторийский. Неприсутствующими членами были фельдмаршалы граф Николай Иванович Салтыков и Михаил Федотович Каменский; действительный тайный советник князь Александр Борисович Куракин, посол в Вене; князь Платон Александрович Зубов, находившийся в отпуску. Граф Александр Сергеевич Строганов и генерал от

инфантерии Михаил Михайлович Философов, также члены совета, редко в нем присутствовали. Правителем канцелярии совета был государственный секретарь, тайный советник Иван Андреевич Вейдемейер. Канцелярия совета разделялась на четыре экспедиции. Первою, по части иностранных дел и коммерции, управлял действительный статский советник Федор Иванович Энгель; второю, по части военных сухопутных и морских сил, статский советник Николай Николаевич Лесницкий; третьею, по части гражданских и духовных дел, действительный статский советник Михаил Михайлович Сперанский; четвертою, по части государственного хозяйства, Алексей Николаевич Оленин.

Было тогда весьма важное звание: *при обо порученных от его императорского величества делах*, которым облечен был тайный советник Николай Николаевич Новосильцов (впоследствии граф). При нем состояли: статский советник Яков Александрович Дружинин и нынешний министр финансов, тогда надворный советник, Федор Павлович Вронченко.

Комиссиею прошений управлял действительный статский советник Петр Степанович Молчанов, человек деловой и опытный, а при нем производителем дел находился статский советник Николай Николаевич Анненский, делец в полном значении слова. Процесс моей матери еще не был кончен[1738], и я должен был знать всех дельцов...

Комиссия о составлении законов обращала тогда на себя общее внимание, потому что от нее ожидали полного издания законов, со всеми переменами[1739]. В Комиссии присутствовали князь Лопухин и Н. Н. Новосильцов. Секретарем присутствия и референдарием [1740] 1-й экспедиции был известный учеными изысканиями по части русской истории и древнего законодательства Густав Андреевич Розенкамф. Старшими помощниками его были надворные советники Федор Павлович Вронченко и Александр Иванович Тургенев, о котором я буду говорить подробно, когда дойдет дело до литературы. Редакторскими помощниками были 8-го класса Григорий Иванович Карташевский и Иван Андреевич Старынкевич (оба впоследствии се-

наторы)[1741]. Вторую экспедицию управлял и был редактором законов 7го класса Михаил Андреевич Балугьянский, бывший в то же время профессором в Педагогическом институте, недавно, к общему сожалению, скончавшийся в чине действительного тайного советника.

При Комиссии о составлении законов было *Высшее училище правоведения*, которым управлял в звании помощника директора (директором был А. Н. Оленин) Г. А. Розенкамф. Право естественное преподавал в училище Петр Дмитриевич Лодий, право римское – Василий Григорьевич Кукольник (отец нынешнего поэта), право гражданское – Григорий Иванович Терлаич, все родом карпато-россы, состоявшие в чине 7го класса и в звании профессоров Педагогического института. В этом Высшем училище начал свое образование двадцатипятилетний друг мой и товарищ Николай Иванович Греч.

Президентом Главного почтового правления был тайный советник Григорий Павлович Кондоиди, а с.-петербургским почт-директором – действительный статский советник

Николай Иванович Калинин. Почтовая часть тогда была плохо устроена, и, сравнивая ее с нынешним ее состоянием, нельзя не удивляться, до какой степени она теперь усовершенствована. Господа журналисты узнали бы цену порядка и бескорыстия нынешнего почтового управления, если б имели дело с прежним! Н. И. Греч еще застал конец старых злоупотреблений[1742].

Военным генерал-губернатором в С.-Петербурге был генерал от инфантерии князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, а обер-полицейместером – генерал-майор Александр Дмитриевич Балашов, оба люди строгие, взыскательные, быстрые исполнители.

Важнейшие посольские посты занимали: в Париже – граф Петр Александрович Толстой, при котором находился советником посольства управлявший всеми его делами действительный камергер граф Карл Васильевич Нессельроде; в Вене – действительный тайный советник князь Александр Борисович Куракин, и при этом в посольстве находились камер-юнкер Сергей Семенович Уваров (ныне действительный тайный советник, граф и ми-

нистр просвещения) и покойный с.-петербургский почт-директор, которого все любили и уважали, Константин Яковлевич Булгаков; в Берлине – граф Густав Оттонович Штакельберг; в Мадриде – тайный советник, барон (ныне граф) Григорий Александрович Строганов; в Неаполе – тайный советник Александр Александрович Бибииков. В Лондоне не было тогда посольства, но при тамошней миссии считались надворный советник Николай Михайлович Лонгинов (ныне д[ействительный] т[айный] с[оветник]) и камер-юнкеры Константин Христофорович Бенкендорф (брат покойного графа Александра Христофоровича) и светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (ныне адмирал и начальник Морского штаба).

Высочайшим двором управлял любимец государя, бывший при нем неотлучно, обер-гофмаршал граф Николай Александрович Толстой. Камергеры и камер-юнкеры носили это звание без различия чинов и рода службы, и между ими были и военные. Так, например, полковник Преображенского полка граф (ныне князь и кавказский наместник) Миха-

ил Семенович Воронцов был в то же время камергером.

Военный двор его императорского высочества цесаревича, великого князя Константина Павловича составляли: в должности гофмейстера – полковник Петр Иванович Озеров; адъютанты – полковники конной гвардии Николай Дмитриевич Олсуфьев, Федор Петрович Опочинин, Астраханского гренадерского полка полковник граф Сергей Христофорович Миних, ротмистр конной гвардии Александр Андреевич Жандр, инспекторский адъютант – ротмистр того же полка Иван Яковлевич Шперберг и конной гвардии полковник Иван Григорьевич Лагода, бывший ремонтером[1743] всей гвардейской кавалерии.

При воспитании их императорских высочеств государей, великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича находились: главный начальник генерал-лейтенант граф Ламсдорф; кавалеры генерал-майор Николай Исаевич Ахвердов, полковники Павел Петрович Ушаков и Павел Иванович Арсеньев. Наставником был статский советник барон Пюже.

Генерал-адъютантов было всего восемь, а именно: Федор Петрович Уваров, генерал-лейтенант и шеф Кавалергардского полка; граф Евграф Федотович Комаровский, генерал-майор; князь Павел Гаврилович Гагарин, генерал-майор; князь Василий Юрьевич Долгоруков 5♦й, генерал-майор и шеф Черниговского мушкетерского полка; Илларион Васильевич Васильчиков, генерал-майор и шеф Ахтырского гусарского полка; князь Василий Сергеевич Трубецкой, генерал-майор и действительный камергер; князь Михаил Петрович Долгоруков, генерал-майор и шеф Курляндского драгунского полка, и граф Адам Петрович Ожаровский. Флигель-адъютантов было девятнадцать. Из них, сколько мне известно, находится в живых фельдмаршал граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский, князь Варшавский, бывший тогда капитаном Преображенского полка и имевший Владимирский орден с бантом. Не знаю, жив ли князь Павел Петрович Лопухин, бывший тогда поручиком Кавалергардского полка. Покойный граф Александр Христофорович Бенкендорф был тогда полковником и фли-

гель-адъютантом.

Полками гвардии командовали: Преображенским – генерал-майор Михайла Тимофеевич Козловский; Семеновским по отъезде за границу генерал-майора Николая Ивановича Вердеревского – полковник Карл Антонович Криденер; Измайловским после отставки генерал-лейтенанта Петра Федоровича Малютина – генерал-майор Павел Яковлевич Башуцкий. Шефом гвардейского Егерского полка считался генерал-лейтенант князь Багратион, а полком командовал старший полковник граф Эммануил Францевич Сент-Приест (правильно Сен-При, Saint-Priest). Батальонным командиром гвардейской артиллерии считался граф Аракчеев, командовал батальоном полковник Василий Григорьевич Костенецкий, знаменитый своею храбростью и оригинальностью[1744]. Кавалергардским полком командовал генерал-майор Николай Иванович Деprèsрадович. В этом полку служили в то время: ротмистром Василий Васильевич Левашов (ныне граф, генерал-адъютант и генерал от кавалерии) и штаб-ротмистром Александр Иванович Чернышев (ныне князь,

генерал-адъютант, генерал от кавалерии и военный министр), Павел Петрович фон Сухтелен (впоследствии граф и генерал-губернатор оренбургский) был в этом полку поручиком, а известный писатель Михайла Федорович Орлов[1745] – корнетом. Конной гвардией под непосредственным начальством его высочества цесаревича командовал генерал-майор Иван Федорович Янкович. Поручиком в этом полку был тогда нынешний генерал-адъютант, генерал от кавалерии Владимир Карлович Кнорринг и имел Анну 3 \spadesuit й степени и золотую шпагу, а нынешний генерал-лейтенант, инспектор запасных гвардейских эскадронов Петр Иванович Кошкуль, имевший Анну 3 \spadesuit й степени, был корнетом. Лейб-гусарским полком командовал генерал-майор граф Петр Крестьянович Витгенштейн. Знаменитый поэт-партизан Денис Иванович Давыдов был в этом полку ротмистром и имел Владимира 4 \spadesuit й степени и прусский Пур ле Мерит [1746], а Алексей Федорович Орлов (ныне граф, генерал-адъютант и генерал от кавалерии) был поручиком и имел тогда орден Анны 3 \spadesuit й степени и золотую саблю. В этом же

полку служил тогда поручиком мой близкий родственник и истинный друг граф Михаил Михайлович Тимман, командовавший в Отечественную войну с честью и славою отличным Изюмским гусарским полком и скончавшийся в генерал-майорском чине[1747]. Это был храбрый, умный и благородный человек, заслуживший общую любовь и уважение.

Науки, словесность и искусства были уважаемы общественным мнением. Словесность хотя не была на такой высокой степени, как в государствах, издревле пользующихся просвещением, но, можно сказать, что процветала и имела достойных представителей.

Театральных групп было пять: русская, французская, немецкая, итальянская и балетная. Дирекцией театров управлял по-прежнему Александр Львович Нарышкин. Директором музыки был О. А. Козловский. Экономическою частью заведовал действительный статский советник Аполлон Александрович Майков; репертуарною – камер-юнкер князь Александр Александрович Шаховской, лучший комик наш после Фон-Визина и Грибо-

едова, которому в следующем году дан в помощники автор трагедии «Царь Эдип» Александр Николаевич Грузинцев. Переводчиком был Николай Степанович Краснопольский, которого имя не сходило с афиш. Он перевел почти все пьесы Коцебу, любимую в то время легкую волшебную оперу «Русалка» («Donauweibchen») и множество различных пьес[1748]. Краснопольский был одним из самых неутомимейших литературных работников.

Президентом Российской академии, утвержденной императрицею Екатериною II на честь, славу и пользу русского языка, был действительный статский советник Андрей Андреевич Нартов, отец которого находился некогда при Петре Великом, помощником при его токарном станке. Членов было пятьдесят шесть, в числе их пятнадцать писателей[1749], и именно: Гавриил Романович Державин, Иван Иванович Дмитриев, Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, Николай Яковлевич Озерецковский, Василий Васильевич Капнист, Алексей Николаевич Оленин, граф Дмитрий Иванович Хвостов, Нико-

лай Петрович Николев, Александр Семенович Хвостов, Александр Семенович Шишков, Иван Степанович Рижский, Иван Афанасьевич Дмитриевский (знаменитый актер), Павел Иванович Голенищев-Кутузов, Петр Матвеевич Карабанов, Павел Юрьевич Львов, Иван Иванович Мартынов, князь Дмитрий Петрович Горчаков и Александр Сергеевич Никольский. Любимейшие публикой писатели Николай Михайлович Карамзин, князь Иван Михайлович Долгоруков, Владислав Александрович Озеров, Матвей Васильевич Крюковский и князь Александр Александрович Шаховской не были членами Академии.

Академия наук славилась во всей Европе своими учеными членами. Тогда еще жил знаменитый натуралист Паллас (Петр Семенович), физик Логин Юрьевич Крафт, математик Николай Иванович Фусс, астроном Федор Иванович Шуберт, политический эконом Андрей Карлович Шторх, химик Александр Николаевич Шерер[1750], статистик Иван Филиппович Герман[1751]. Из природных русских приобрели известность натуралист Николай Яковлевич Озерецковский, минералог

Василий Михайлович Севергин, химик Яков Дмитриевич Захаров, физико-математик Семен Емельянович Гурьев, анатом и физиолог Петр Андреевич Загорский, математик Василий Иванович Висковатов и почетные члены: математик, капитан-командор Платон Яковлевич Гамалея и гидрограф, капитан 2-го ранга Иван Федорович Крузенштерн.

Университета в С.-Петербурге не было, но попечителем округа и начальником Педагогического института[1752] был Н. Н. Новосильцов, а при нем правителем дел надворный советник Федор Павлович Вронченко.

Знаменитости Академии художеств были скульптор Иван Петрович Мартос и Доминик Рашет. По части исторической живописи – Григорий Иванович Угрюмов, Василий Кузьмич Шебуев, Алексей Егорович Егоров; по части ландшафтной живописи – Герард Кегельхен, Федор Михайлович Матвеев; гравер Иван Васильевич Чесский. По части орнаментной скульптуры – Павел Иванович Брюлло (отец нынешних знаменитых художников Александра и Карла Брюлло). Знаменитый архитектор был Андрей Никифорович Воронихин,

строитель Казанского собора. Литейного и чеканного дела мастером был Василий Петрович Якимов. Президентом академии был граф А. С. Строганов. Произведения этих знаменитых художников останутся навсегда памятником процветания художеств в России.

В 1809 году государственному устройству дано сильное движение возвышением двух необыкновенных людей в звания, где они могли свободнее действовать на пользу общую. М. М. Сперанский назначен был товарищем министра юстиции, членом Комиссии о составлении законов и членом Комиссии об управлении духовных училищ. Товарищем министра внутренних дел назначен был тайный советник Осип Петрович Козодавлев. О М. М. Сперанском я буду говорить подробно, а о Козодавлеве скажу только, что он бесспорно заслуживает благодарной памяти всех русских патриотов. Осип Петрович был потом министром внутренних дел, управлял некоторое время Министерством просвещения и почтовою частью; заседал в Сенате и в Государственном совете, при высоком уме и основательном образовании везде отличаясь усер-

дием к общему благу, необыкновенною деятельностью, стремлением к пресечению злоупотреблений, праводушием и правосудием. Страстный поборник просвещения, истинный любитель и покровитель отечественной литературы, он принимал у себя и покровительствовал писателей. По несчастью, я не имею материалов для полной его биографии, но такой вельможа заслуживает, чтоб соотечественники почтили его память. Весьма замечательное лицо в будущей истории России в первой четверти XIX века, Михаил Леонтьевич Магницкий был тогда статским советником и начальником отделения в Министерстве внутренних дел по части государственного благоустройства. Как человек необыкновенного ума и способностей, получивший отличное образование в Московском университетском пансионе, лучшем в то время учебном заведении, Магницкий пользовался особенным благорасположением и покровительством О. П. Козодавлева и М. М. Сперанского, употреблявших его в важных государственных делах.

По части дипломатической весьма замеча-

тельным обстоятельством было назначение посла к новому вестфальскому королю, Иерониму Бонапарте: место это занял генерал-майор князь Николай Григорьевич Репнин, между тем как князь А. Б. Куракин в начале 1809 года оставил Вену[1753], потому что отношения России и Австрии доходили до разрыва. Вместо Куракина в Вене остался только поверенный в делах статский советник барон Иван Осипович Анстет.

1810 год был обилён переменами. Государственный совет получил окончательное устройство с назначением председателем его графа Н. П. Румянцева, уже возведенного в звание государственного канцлера вскоре по заключении мира со Швецией в Фридрихсгаме. Совет разделен был тогда на четыре департамента, с особым председателем в каждом. В первом департаменте, *законов*, назначен председателем граф П. В. Завадовский; во втором, *военном*, граф Аракчеев; в третьем, *дел гражданских и духовных*, князь П. В. Лопухин; в четвертом, *государственной экономики*, Н. С. Мордвинов, знаменитый патриот, ревнитель славы отечества и его просвещения. В

министерствах также произошла перемена. Морским министром назначен адмирал маркиз Иван Иванович Траверсе, министром просвещения – граф Алексей Кириллович Разумовский, министром финансов – Дмитрий Александрович Гурьев (тогда еще не граф), военным – генерал от инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли, юстиции – знаменитый писатель Иван Иванович Дмитриев, бывший тогда в чине тайного советника. При Дмитриеве был секретарем сатирический поэт Михаил Васильевич Милонов. М. М. Сперанский, уже тайный советник, назначен государственным секретарем и директором Комиссии о составлении законов и остался товарищем министра юстиции. Покровительством М. М. Сперанского М. Л. Магницкий произведен в действительные статские советники и переведен в Государственную канцелярию с назначением статс-секретарем в Департаменте законов. В Комиссию прошений определен председателем действительный тайный советник Родион Александрович Кошелев. Главное управление водяных и сухопутных сообщений совершенно преобразовано: главным директором

назначен его императорское высочество принц Георгий Голштейн-Ольденбургский, супруг великой княгини Екатерины Павловны. Первым членом Совета управления был гениальный инженер-генерал Франц Павлович Деволант. Генерал-майор, получивший звание генерал-адъютанта, А. Д. Балашов исправлял в 1809 и 1810 годах должность с.-петербургского военного генерал-губернатора, и обер-полицеймейстером был генерал-майор Петр Афанасьевич Папков, человек весьма замечательный, оставивший по себе благодарную память своим прямодушием, строгий с блюстителями порядка и снисходительный к гражданам. Он оставался недолго на месте, и в 1810 году назначен с.-петербургским обер-полицейместером генерал-майор Павел Васильевич Кутузов (впоследствии граф, генерал-адъютант и генерал от кавалерии). Главкомандующим в Грузии, на место фельдмаршала графа И. В. Гудовича, назначен в 1810 году генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов. Это изменило судьбу мою, потому что я намеревался проситься в Грузию под начальство родителя благосклон-

ного ко мне нашего полковника графа А. И. Гудовича.

К замечательным изменениям по военной части принадлежит переименование Финляндского батальона в лейб-гвардии Финляндский полк, которого командиром назначен генерал-майор Андрей Андреевич Троицкий. Генерал-майор граф Василий Васильевич Орлов-Денисов, отличившийся личною храбростью и умными распоряжениями в Финляндскую войну, назначен командиром Лейб-казацкого полка (после генерал-майора Чернозубова). Граф Орлов-Денисов, покрывшийся славою в войнах 1808, 1812, 1813 и 1814 годов, – человек весьма замечательный не одними военными подвигами и храбростью: он был искренним любителем просвещения и литературы. Прежде на Дону чуждались школьного образования, и граф В. В. Орлов-Денисов, сын войскового атамана Орлова [1754] и внук знаменитого Федора Петровича Денисова, возведенного императором Павлом за заслуги в графское достоинство, вступив в службу на двенадцатом году от рождения, не знал ничего, кроме русской грамоты. Будучи

уже войсковым старшиною и находясь в Петербурге, граф Василий Васильевич, получая скудное содержание от богатых своих родителей, начал учиться в частном пансионе (на Кирочной улице, близ Аннинской лютеранской церкви), вместе с другими воспитанниками прошел весь курс школьный и изучил языки французский и немецкий. Пример единственный благородной страсти к образованию! Державин любил графа В. В. Орлова-Денисова и, узнав, что он не в состоянии платить учителям на дому, присоветовал ему вступить в пансион, сказав, что *учиться никогда и нигде не стыдно*. Граф В. В. Орлов-Денисов был удивительный красавец и притом самый добродушный и благородный человек. Все любили и уважали его. Память храброго воина, любителя просвещения священна! Граф Витгенштейн произведен в генерал-лейтенанты, а полковым командиром Лейб-гусарского полка назначен генерал-майор Иван Егорович Шевич. Граф Павел Александрович Строганов назначен командиром Лейб-гренадерского полка. Командиром Лейб-егерского полка сделан полковник (скончавшийся в чи-

не генерала от инфантерии) Карл Иванович Бистром, прославившийся отчаянною храбростью в Отечественную войну. Он также был страстным любителем литературы, как свидетельствует биограф его г. Лукьянович[1755]. Нынешний фельдмаршал, граф Эриванский и князь Варшавский Иван Федорович Паскевич, произведен в этом году в полковники, а граф (ныне князь) Михаил Семенович Воронцов – в генерал-майоры. О них я буду говорить в свое время и докажу их искреннюю любовь к просвещению и литературе. Нынешний директор всех императорских театров, действительный тайный советник Александр Михайлович Гедеонов, который так усердно и искренно покровительствует русскую драматургию[1756], был в это время переведен из свиты е[го] и[мператорского] в[еличества] в чине подпоручика в Кавалергардский полк. О некоторых упомянутых здесь лицах я буду говорить еще в своем месте; о других умолчу, подчиняясь латинской поговорке: «De mortuis aut bene, aut nihil» [1757].

Большая часть исчисленных мною лиц,

действовавших в это время на военном или гражданском поприще, уже покоится в могиле; некоторые доживают свой век, и только немногие, бывшие тогда в молодых летах, еще действуют. Многие из людей нового поколения, которые тогда или вовсе не родились, или были в детстве, или еще не служили и не действовали, перебирая все выставленные мною имена и увлекаясь самолюбием, может быть, спросят: что же сделали эти люди? Сделали много, а важнейшее из дел их в том, что если вы почитаете нынешнюю эпоху лучшею, то люди предшествовавшей эпохи приготовили ее для вас. Скажу беспристрастно, что как прошлая эпоха была приготовительная, то в ней много было несовершенного. Мед несладок, пока пчелы не окончат работы. По гражданской части все преобразовывалось к лучшему, по новым планам; но исполнение надлежало поручать людям, привыкшим к прежнему порядку, и хороших, образованных чиновников было не много до издания указа 6 августа 1809 года, до умножения университетов и вообще до облегчения средств к приобретению необходимейших в

государственной службе познаний. Превосходные учреждения можно скоро создать, но способных людей создать нельзя. На это надобно много времени. Подьячие, опытные дельцы и ловкие крючкотворцы, воспитанные в канцеляриях, по большей части управляли делами, брали взятки с правого и с виноватого и грабили казну когда только могли. По нашему фамильному процессу я имел случай в этом удостовериться! Поступки провиантских чиновников того времени засвидетельствованы историей[1758]. В таможнях, при откупах, подрядах было еще хуже. Цены всем прибыльным местам были известны. Страшно, когда вспомнишь о том, что осталось в памяти, и я мог бы составить несколько томов из одних анекдотов о прежних проделках, которые тогда всем были известны, потому что делались явно. В моем «Иване Выжигине» я изобразил только тень прошлого времени. Не хочу распространяться в исчислении злоупотреблений; скажу только, что, между тем как благонамеренные и праводушные начальники истощали все свои силы и средства для пресечения и искоренения зло-

употреблений, некоторые смотрели на них равнодушно, а другие даже сами пользовались своим положением и обогащались! Спрашиваю: какими средствами можно нажить на службе пять, десять, пятнадцать, двадцать тысяч душ крестьян? Как можно скопить миллионы? А примеров много! Не поднимаю завесы. И за «Ивана Выжигина» меня чуть не заклевали[1759] и теперь еще иногда щиплют, а если б я рассказал сотую долю того, что знаю, хоть без имен, то пришлось бы или улечься в могиле, или скрыться в лесу! Важнейшею защитою злоупотреблений было и есть распространение злоупотребителями мнения, что *доносить бесчестно!*[1760] А разве присяга не обязывает нас к этому? Если не бесчестно поймать ночного вора и разбойника, то мне кажется, что даже почетно указать *явно* и *громко* на взяточника, похитителя казны или пройдоху, извлекающего свои выгоды из дел общественных. Но надобно *доказать!* А имеет ли частный человек средства к произведению следствия и подкрепления улик свидетелями! Во Франции генерал-прокурору предоставлено право позвать в суд че-

ловека, если общее мнение указывает на него. И у нас были прокуроры и стряпчие для той же цели, но они были безмолвны. Недаром существует пословица: «Рука руку моет!»

Нет никакого сомнения, что тогда не было такого множества прекрасных, образованных, честных и бескорыстных чиновников, как ныне в министерствах и в высших присутственных местах, и что теперь несравненно лучше пишут в канцеляриях, чем писали прежде и чем пишут в некоторых нынешних журналах[1761]. Справедливо и то, что теперь чиновники ведут себя скромнее, приличнее. Но и то правда, что в тогдашнем *образованном* круге, в молодежи было более жизни, более энергии, более стремления к высокому, более рыцарства и что патриотизм в юношестве окрылен был любовью к славе и к умственным успехам. Все молодые люди, получившие образование, особенно военные, читали, слушали, рассуждали, а видя благое направление правительства, радовались и благословляли его. Направление к лучшему было очевидное, так сказать осязаемое, и только загрубелое невежество и любостяжание роп-

тали, как вопят гады при осушении болота. Мы не имели Пушкина и Грибоедова, но прекрасное дарованье В. А. Жуковского было тогда в полном своем развитии, и мы имели Державина, Карамзина, Дмитриева, Озерова, князя Шаховского, Д. В. Давыдова. Крылов начал в это время писать свои басни, а Батюшков свои изящные стихотворения. Никогда не занимались так усердно очищением и возделыванием языка, как в это время. Если б нынешние литераторы изучали труды Шишкова, Востокова, Соколова, Борна, Никольского, Мерзлякова[1762], то не писали бы таким диким слогом и таким искаженным языком. Какой из нынешних журналов может сравниться с «Вестником Европы», основанным Карамзиным в 1802 году и издаваемым в 1808, 1809 и 1810♦м В. А. Жуковским вместе с М. Т. Каченовским[1763]! Литературные общества, в которых литераторы читали свои сочинения сперва между собою, а потом при собрании публики, распространяли вкус и любовь к литературе и, что весьма важно, сближали литераторов. В обществах: *с.-петербургском любителей словесности, наук и художеств* (осно-

ванном в 1803 году) и в *Беседе любителей русского слова*, имевшей свои заседания в доме основателя (в 1810 году), знаменитого Державина[1764], – встречались литераторы, находили одобрение или благонамеренную критику своих сочинений, а в публичных собраниях делались известными лучшему обществу столицы. В Москве, в Казани, в Харькове также были общества словесности, истории и наук[1765], и деятельному уму нельзя было ни дремать, ни совращаться с истинного пути. Благородное соревнование одушевляло всех любителей литературы и возбуждало к деятельности всех имевших призыв к ней.

Но кто более всех обращал на себя внимание на гражданском поприще, кто более всех действовал и произвел из всех сподвижников императора Александра в великом подвиге преобразований и усовершенствований? Это, без всякого сомнения, Михаил Михайлович Сперанский. О нем тогда везде и все говорили, им более всех занимались. Сообщаю о нем, что *знаю*, от его рождения до кончины. Теперь можно говорить о нем откровенно и справедливо. Если на могиле заслуженного

мужа не высказать правды – то уж лучше от-
речься от нее!

М. М. Сперанский родился в 1771 году[1766] и происходил из духовного звания. Он был сын священника Владимирской губернии и уезда, села Черкутина. Первоначальное образование получил он во Владимирской семинарии. Фамилия отца Михаила Михайловича Сперанского была *Грамотин*[1767], но в семинарии дано ему название Сперанского (от латинского слова *spes* – «надежда», *sperans* – «надеющийся») по необыкновенным его успехам в науках, по способностям и характеру, возбуждавшим в профессорах большие надежды насчет будущей судьбы их питомца. Они не обманулись в своих надеждах. Мы имеем многие примеры перемены фамилий в семинариях. Образование свое М. М. Сперанский кончил в С.♦Петербургской Александро-Невской духовной академии. Он изучил основательно в школах языки латинский и греческий, а современным языкам, немецкому, английскому и французскому, обучался у частных учителей на собственный счет, уже занимая в академии звание профессора словесно-

сти, а потом и математики, к которой он имел непреодолимую склонность[1768]. Когда я однажды спросил М. М. Сперанского, почему он предпочел математику другим наукам, он отвечал мне, с своею обыкновенною услаждавшею душу улыбкою: «Потому что положительные истины только в одной математике». Я никогда не смел его о том расспрашивать, каким образом он вошел на поприще гражданской службы и оставил ученое звание. Известно, однако ж, что он преподавал уроки в доме князя Алексея Борисовича Куракина[1769], занимавшего важную должность при генерал-прокуроре князе Вяземском. Князь Куракин, часто разговаривая с профессором, был очарован его глубокими и разнообразными познаниями и возвышенными идеями и предложил ему место частного своего секретаря, которое М. М. Сперанский принял охотно. Когда при восшествии на престол императора Павла Петровича князь А. Б. Куракин произведен был в генерал-прокуроры, он немедленно предложил М. М. Сперанскому перейти на гражданскую службу (в 1797 году) под его начальство. Сперанский был тогда по

двадцать шестому году возраста. Необыкновенные дарования, глубокие познания и ясное, чистое изложение трудных дел, поручаемых Сперанскому, сделали его вскоре известным всем лицам, занимавшим важные должности. Он занимал место секретаря при трех генерал-прокурорах, князе А. Б. Куракине, Беклешове и Оболянинове, и дослужился в этом звании до чина статского советника. Всех лучше оценил его граф Виктор Павлович Кочубей. При восшествии на престол императора Александра Сперанский в 1801 году, на тридцатом году от рождения, будучи уже статским советником, назначен статс-секретарем в Государственном совете, не имевшем тогда никакого определенного устройства. Я слышал, что граф В. П. Кочубей ходатайствовал за Сперанского и просил о назначении его на это место. Почти все важные государственные акты, вышедшие в свет до 1812 года, написаны Сперанским[1770]. При образовании министерств, в 1802 году, Сперанскому высочайше поручено было составить под надзором графа В. П. Кочубея, первого министра внутренних дел, план устройства этого мини-

стерства. Этот план долженствовал служить образцом для всех других министерств. Сперанский исполнил поручение с величайшим успехом и доказал свои глубокие познания в деле государственного управления. Годовые отчеты Министерства внутренних дел, составляемые Сперанским и печатаемые в «С.-Петербургском журнале», им учрежденном и издававшемся при этом министерстве (с 1804 до конца 1809 года)[1771], обратили на себя внимание не только всей России, но и всей Европы, в которой они сделались известными по сочинению академика Шторха: «Russland unter Alexander I» (т. е. Россия при Александре I)[1772]. Кроме высоких идей и выражения благого направления правительства, заключающихся в этих отчетах, они, равно как и все статьи «С.-Петербургского журнала», были и навсегда пребудут образцами канцелярского слога, каким должны писаться официальные бумаги в государстве просвещенном. «С.-Петербургский журнал» составляет эпоху не только в русской администрации, но и в русской письменности; он произвел самое благодетельное влияние во всех отраслях управле-

ния. В 1803 году государь поручил Сперанскому, также чрез графа В. П. Кочубея, составление плана образования судебных и правительственных мест в империи, что исполнено им превосходно, хотя некоторые части плана и не приведены в исполнение в ожидании общего преобразования[1773]. Узнав способности Сперанского, император Александр назначил его товарищем министра юстиции и директором Комиссии о составлении законов и приблизил его к своей особе (в 1808 году) [1774]. Государь поручал ему обработку всех важнейших дел и планов по части высшего государственного управления и передавал ему все поступающие к нему проекты по этому предмету. В конце 1808 года Сперанский стал уже весьма близким к государю лицом. Государь император сам прилежно занимался делами и проводил целые вечера со Сперанским в своем кабинете в чтении различных сочинений, относящихся к государственному устройству и управлению, и наконец поручил ему составление плана государственного образования по собственным своим идеям. План был составлен, и государь, рассмотрев

его подробно, вознамерился привести его в действие по частям, чтоб не вдруг все ниспровергнуть, основываясь на одной теории. Из этого плана приведены в исполнение образование Государственного совета, устройство министерств и устав каждого из них, с определением порядка их сношений между собою, и вследствие этого же плана учреждены два новые министерства: полиции и государственного контроля. Преобразование Правительствующего сената и другие важные изменения в управлении остались неисполненными. В Комиссии о составлении законов Сперанский составил две части гражданского уложения и внес их в Совет. Третья часть, заключающая в себе Коммерческий устав и Уголовное право, требовала только отделки. В этом труде Сперанский не имел ни одного помощника и все составил один, не обращая никакого внимания на представленные ему проекты г. Розенкампом и другими. По покорении Финляндии Сперанскому поручено было управление этого края и новое его устройство, и в то же время он был назначен канцлером Абоского университета (ныне Гель-

сингфорского), который навсегда будет помнить заслуги Сперанского, исходатайствовавшего от щедрот государя императора умножение его доходов и другие важные преимущества. В то же время Сперанскому дано поручение преобразовать все духовные училища в России и устроить прочное их управление, что исполнено им с величайшею мудростью. Но важнейший труд Сперанского – это изменение финансовой системы[1775]. В конце 1809 года ассигнации начали упадать в курсе, и в смете на 1810 год представлен был недостаток в 105 миллионов рублей. Войны истощили казну, а необходимость быть готовым к новой войне требовала скорой помощи. Положение финансов беспокоило государя императора. Все представленные государю планы заключались в умножении ассигнаций! Император Александр поручил наконец Сперанскому составить план к прикрытию издержек и восстановлению кредита. План Сперанского основывался на четырех началах. Он предложил: 1) Прекратить выпуск ассигнаций и для убеждения в этом народа сделать эту меру гласною. 2) Уменьшить число ассигнаций

учреждением капитала погасительного и прочного посредством увеличения налогов. 3) Учредить постоянные доходы для прикрытия государственных расходов, определить с точностью расходы, сократить и привести в порядок издержки. 4) Подвергнуть все сметы министерств контролю Государственного совета, а все издержки контролю государственному. План этот хотя был одобрен государем императором и Государственным советом, но не был исполнен во всех своих частях самими исполнителями. Однако ж он принес величайшую пользу и приносит ее до сих пор предварительным рассматриванием смет и последовательною поверкою издержек в Государственном контроле, который был страшен при покойном бароне Бальтазаре Бальтазаровиче Кампенгаузене (государственном контролере), человеке с необыкновенным умом, деятельностью, беспристрастием и правдивостью.

Со вступления своего на поприще гражданской службы, с 1797 по 1812 год, т. е. в течение пятнадцати лет, Сперанский достигнул важного звания государственного секретаря,

был тайным советником, александровским кавалером[1776] и, что всего драгоценнее, пользовался милостью и доверенностью государя императора. Но между тем как он по воле и по мыслям государя работал неутомимо, под ним копали пропасть, в которую наконец он обрушился[1777].

Всем известно, что самые благодетельные нововведения находят всегда и везде множество порицателей и что каждое частное лицо, вышедшее из своей сферы в высший круг своими личными достоинствами и заслугами, должно иметь завистников, следовательно, и врагов. Это ведется везде на свете с тех пор, как люди образовали гражданское общество. Даже самый скромный ум, чуждый всякого честолюбия, имеет непримиримых врагов, если дерзнет выглянуть на свет, а клевета старается предварительно заградить ему путь к высоте. Как же можно было Сперанскому не иметь врагов! Все нововведения и все проекты приписывались ему. Указ 6 августа 1809 года воспламенил против него ненавистью всех чиновников, для честолюбия которых предел назначался только до чина титулярно-

го советника, а для перешедших за эту черту прежде издания указа – только до чина коллежского советника. Высшее прохождение чинов назначалось только людям, посвященным в таинства наук! Спрашиваю, чего более в каждом государстве: невежества или просвещения? Целые легионы чиновников с чадами и домочадцами вопияли противу Сперанского и обновляли свою злобу при каждом производстве образованного товарища. Мало того что все вопияли, были и такие, которые рассевали клеветы и во всем, едва ли не в дурной погоде или повальной болезни, обвиняли Сперанского. Купцы приписывали ему упадок торговли, происшедший вследствие континентальной системы, веря мнимой его приверженности к Наполеону. Учреждение контроля также наделало ему непримиримых врагов, а главная причина самой опасной для Сперанского вражды – это была милость и доверенность к нему государя, передававшего на его обсуждение многие представляемые ему бумаги и доклады и требовавшего часто откровенного мнения о делах и лицах. Собрано было все, чтоб очернить ха-

рактер Сперанского и представить его человеком вредным и опасным. Его скромность и ласковость называли притворством и лицемерием; искреннюю душевную его вежливость и снисходительность именовали умышленною вкрадчивостью; его планы к улучшению всех частей государственного устройства – средствами к возбуждению негодования в народе противу правительства, в пользу Наполеона, высоко ценившего его достоинства. Набожность Сперанского, твердую, потому что она была основана на высшей философии, называли ханжеством. Выводимый часто из терпения, Сперанский иногда смело и правдиво отзывался о некоторых лицах, и это названо было злонамеренностью, а суждения его о недостатках прежних форм в администрации почитаемы были якобинством. Всю эту хитросплетенную клевету, прикрашенную мнимым усердием, представляли государю в различных формах, от разных лиц и из разных мест, в самое опасное время, при начале Отечественной войны, когда государю некогда было заняться рассмотрением и исследованием многосложного и ужасного до-

носа, и государь, полагая, что уступает необходимости и что удалением Сперанского успокоит раздраженные умы народа, решился на устранение его от дел. Не было, нет и не будет человека, как говорит Шекспир, «от жены рожденного»[1778], которого бы нельзя было обмануть хотя однажды в жизни, и неудивительно, что мудрый, благодушный, истинно благословенный император Александр если и не поверил совершенно клевете, то, по крайней мере, усомнился в человеке, которого никто не смел защищать пред ним, и притом в такую опасную годину, когда даже нельзя было колебаться между отечеством и одним подданным!..[1779]

Не смею называть главных виновников несчастья Сперанского, хотя они уже все в могиле, там, где и жертва их злобы[1780]. Но могила не все прикрыла! Добрые и злые дела остаются и громко возопиют в потомстве!

Сперва Сперанский был удален в Нижний Новгород, в котором он прожил спокойно шесть месяцев. Когда французы заняли Москву, Сперанскому назначен для жительства город Пермь, в 1 500 верстах от Москвы. Эта ме-

ра огорчила его, потому что она некоторым образом подтверждала подозрение о сношениях его с врагом отечества, отдаляла от малого числа друзей, оставшихся ему верными в несчастье, и поставляла в затруднение насчет издержек при ограниченном состоянии. Но он вскоре утешился, удостоверясь, что император Александр, которого он обожал, помнит о нем, потому что он назначил ему значительную пенсию. В Перми Сперанский провел все время Отечественной войны, а в январе 1813 г. осмелился написать к государю письмо, в котором изложил вкратце все свои действия и, опровергая клевету, просил исследовать доносы, а между тем позволить ему провести остаток жизни в забвении в имении жены[1781] его, в деревне Великополье, в осьми верстах от Новагорода. Письмо это Сперанский послал с дочерью своею[1782], чтоб оно верно поступило в руки государя.

Государь император дозволил ему жить в имении жены своей, обещая при первой возможности рассмотреть дело и все бумаги, оставшиеся в кабинете Сперанского[1783].

М. М. Сперанский с необыкновенным удо-

вольствием вспоминал о пребывании своем в Великополье. «Там нашел я наконец тихую пристань после бурного плавания, – сказал он мне однажды. – Исполнив долг мой государю и Отечеству по совести и крайнему разумению, – продолжал он, – я наконец мог жить для себя и для моего семейства, быть полным хозяином моего времени, заниматься тем, что составляло мою радость и услаждение, не зная никакого принуждения. Я сам давал уроки моей дочери, кончил и пересмотрел перевод мой “О подражании Иисусу Христу, сочинение Фомы Кемпийского”, начатый еще в Перми[1784], и до того начитался Тацита, что почти выучил его наизусть. Все изученное, прочитанное и написанное мною в течение всей моей жизни я, так сказать, уложил в порядке в моей памяти и составил выводы (результаты). Я был совершенно спокоен в убеждении, что государь помнит обо мне, что истина непременно обнаружится и проникнет в общее мнение и что оно наконец перестанет быть мне враждебным». Так и случилось! В 1816 году (в августе) последовал именной указ, в котором император Александр, назначая Спе-

ранского пензенским гражданским губернатором, оправдал его пред Россией и Европою, сказав в указе, что, получив важные доносы в то самое время, когда отправлялся в армию, он не мог рассмотреть их с надлежащею точностью, и по важности обвинений благоразумие требовало удалить от дел обвиненного; но что по произведенному следствию обвинения оказались неосновательными. Этого было довольно, и, хотя звание губернатора не соответствовало занимаемым им до его удаления местам, Сперанский принял его с благодарностью, сожалея только о своем тихом убежище. В то же время государь пожаловал ему 7 000 десятин земли. Правосудием, бескорыстием, снисходительностью и ласковостью своею Сперанский приобрел беспредельную любовь и глубокое уважение жителей всех сословий Пензенской губернии, и управление его названо *златым веком*. В 1819 году император Александр назначил Сперанского сибирским генерал-губернатором и председателем двух комиссий. Первая должна была исследовать законным порядком все злоупотребления, которым Сибирь подвергалась в

прежнее управление, а вторая комиссия должна была составить план для управления этой обширной страной, населенной различными народами. М. М. Сперанский назначен был генерал-губернатором после тайного советника Ивана Борисовича Пестеля и после отрешения от должности известного иркутского гражданского губернатора Николая Ивановича Трескина [1785].

М. М. Сперанский оставил по себе незабвенную память в Сибири. Он был достойным представителем мягкосердия императора Александра, его правосудия и любви к народу. Пока будет существовать Сибирь, до тех пор будут там вспоминать с умилением о Сперанском, как об ангеле-хранителе, ниспосланном самим Богом, внушившим своего помазанника. Я сам видел, и неоднократно, слезы сибиряков при произнесении имени Сперанского! Каждый сибиряк, приезжавший в Петербург, ходил к Сперанскому, как к отцу, чтоб взглянуть на него и услышать звуки его голоса. Это была отрада для каждого! Представитель правительства, возбуждая к себе общую приверженность и доверенность при исполнении

своих обязанностей, оказывает правительству величайшую услугу, заставляя любить его.

В два года Сперанский изъездил всю Сибирь, чтоб узнать нужды и средства края, познакомиться на месте с образом жизни, промыслами жителей и управлением, и наконец в 1821 году составил план управления Сибири, который приведен в действие под именем «Сибирского уложения». Характеристическое достоинство этого уложения состоит в том, что в нем не забыты нужды и отношения всех сословий народа – от диких инородцев, коренных жителей Сибири, до богатых граждан и чиновников.

В 1821 году Сперанский призван был в Петербург. В девять лет его отсутствия из столицы все переменялось! Клевета была забыта, и заслуги Сперанского ярко сияли. Император Александр принял Сперанского не только милостиво, но с чувством, и Михаил Михайлович до своей кончины всегда с умилением вспоминал об этом свидании. «Я хотел говорить, изъявить благодарность мою государю, – сказал мне Сперанский, – и не мог...

взглянул на него... и залился слезами! Государь обнял меня и сказал: “Забудем прошлое”. – “Нет, государь, – отвечал я сквозь слезы, – я помнил всегда и никогда не забуду ваших милостей и вашей благодати. Вы человек, – следовательно, могли ошибиться...”» Император Александр назначил Сперанского членом Государственного совета и членом Комиссии о составлении законов, и он снова начал усердно трудиться на пользу общую.

Ныне благополучно царствующий государь император Николай Павлович почтил высокие заслуги и достоинства Сперанского, поручив ему исполнение величайшего и бессмертного подвига своего царствования – составление свода законов [1786], и наградил истинно по-царски. Сперанский произведен в действительные тайные советники, получил Андреевскую ленту, графский титул, обеспечение состояния, а в знак своей доверенности государь император предоставил Сперанскому преподавание законодательства его императорскому высочеству государю цесаревичу, наследнику престола.

Всеми любимый и уважаемый граф Миха-

ил Михайлович окончил земное свое поприще в январе 1839 года[1787], на шестьдесят восьмом году от рождения. Труды и внутренние страдания расстроили крепкое его здоровье. Он мог бы еще долго жить для пользы отечества. К общему сожалению, Сперанский не оставил наследника своего имени, которое будет ярко сиять в умственной части народной русской истории!

Сперанский был высокого роста и отлично сложен. Прекрасное лицо его выражало ум и кротость. Высокое чело его запечатлено было гениальностью. Звук его голоса производил какое-то очарование, улыбка проливалась в сердце усладу; кроткий взгляд его проникал в душу и возбуждал к нему доверенность. Ничто не могло противостоятъ его красноречию. Он выражал свои мысли просто, ясно, кратко, а когда был одушевлен, то озарял речь свою лучами поэзии. Никто не говорил по-русски лучше Сперанского, и никто не знал так основательно письменного языка, как он. В каждой его работе виден практический ум математика. Все имеет основание, постепенность, систему, и потому выводы и заключения яс-

ны. Не знаю, может ли быть человек с лучшим сердцем, какое было у Сперанского. Кто только знал его, тот его любил до обожания. Никому не сделал он умышленного зла и великодушно прощал своим врагам. Россию Сперанский любил выше всего в мире, и только человечество ставил выше отечества, т. е. он не желал бы, чтоб слава его основана была на бедствии человеческого рода. Он был во все чужд предрассудка, который порождает ненависть или недоброжелательство к иноплеменникам или чужезычным племенам, составляющим народонаселение России. Религиозность его была высокая, и он был враг ханжества и нетерпимости (intolérance), желая, чтоб каждый поклонялся Создателю по своему внутреннему убеждению. Сперанский был человек истинно европейский, который бы в самых просвещенных странах мог занимать первые государственные должности. Даже враги его не могли ничего выдумать на счет его бескорыстия! Никогда не осквернил он рук своих неправым стяжанием. Все, что он имел, было даром государей, которым он служил верно и усердно. Не было и не будет

человека бескорыстнее и честнее Сперанского [1788]. Государственные труды отвлекали его от принятия деятельного участия в отечественной литературе, которую он любил страстно, читал много и уважал и ласкал писателей, которых труды почитал полезными. Однако ж среди государственных трудов он успел написать и издать: 1) «Избранные места из разных творений Фомы Кемпийского», перевод с латинского. СПб., 1819. 2) «О подражании Иисусу Христу, Фомы Кемпийского, и проч.», перевод с латинского, 1819, 1821, 1844 [1789]. 3) «Правила высшего красноречия», напечатано в 1844 году. 4) «Обозрение исторического сведения о Своде законов, и проч.» 1833 года и 5) «Руководство к познанию законов» (напечатано в 1845 г.). Последнее сочинение есть перечень уроков, которые преподавал М. М. Сперанский его высочеству цесаревичу, так сказать его собственная тетрадь, по которой он развивал изустно начала, находящиеся в ней. Влияние М. М. Сперанского на русский язык было сильное и благодетельное. Н. И. Греч в «Опыте краткой истории русской литературы» (первое издание 1822 года, стр.

253) говорит: «Образцами дипломатического слога могут служить манифесты, указы и другие важные акты, изданные с самого вступления на престол ныне царствующего императора (писано при жизни Александра); в числе оных особенно отличаются: манифесты о подтверждении прав дворянства и градских обществ, о кончине великой княгини Александры Павловны, о милиции 1806 года и мн. др. В них нельзя не узнать пера М. М. Сперанского, которому, сверх того, литература и христианское нравоучение обязаны превосходным переводом творения Фомы Кемпийского: “О подражании Иисусу Христу”. Примеры чистого, правильного и благородного слога можно найти в “С.-Петербургском журнале” (1804–9), издававшемся при Министерстве внутренних дел». Все статьи этого журнала, как известно, были писаны или пересмотрены и переправлены Сперанским.

Не только враги, но даже и многие приверженцы М. М. Сперанского упрекали его в слабости характера. Ложное обвинение! Каким образом человек без силы душевной мог дойти до такого высокого звания, без всяких свя-

зей, без интриг, одними своими достоинствами? В счастье Сперанский не был горд и несчастье претерпел с Сократовым мужеством, никогда не унижаясь и всегда действуя прямодушно. Разве это не сила характера? Многие требовали, чтоб он рвался, кричал, подавал планы к изменению того, что казалось недостаточным, указывал на зло и т. п. Это беспокойство и движение некоторые называют силою *характера*. Ложное мнение! Сперанский, не имея на что опереться в случае неудачи, принял за неизменное правило, от которого он никогда не отступал: говорить тогда только, когда его спросят, и писать о том, что представлялось его суждению по его званию или что ему особенно поручено, не вмешиваясь в чужие дела. Это вовсе не означает слабости характера, как многим кажется, но это истинная мудрость. Полагаю даже, что у нас и не должно делать иначе, чтоб не произошло столкновений, недоразумений. Пусть только каждый на своем месте поступает так совестливо и с таким познанием дела, как поступал Сперанский, — было бы довольно! Сперанский был в полной мере человек

добродетельный и мудрый в жизни общественной и семейной, в кругу своих приверженцев, которым он был предан душою, и между своими врагами и завистниками, о которых он только сожалел и никогда даже не помышлял о мести. Ни одно пятно не пало на его светлую, тихую, примерную жизнь, и о нем можно сказать то, что сказал Тацит об Агриколе:

«Quidquid ex Agricola amavimus, quidquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, fama rerum. Nam multos veterum, velut inglorios et ignabiles, oblivio obruet: Agricola, posteritati narratus et traditus, superstes erit».

Т. е. «Все, что мы любили и чему удивлялись в Агриколе, живет и будет вечно жить в сердцах вместе с памятью дел его. Многие из пользовавшихся в старину известностью погибнут в пучине забвения, в бесславии и ничтожестве; Агрикола, перенесенный в потомство повествованиями и преданиями, останется бессмертным»[1790].

Я представлен был Сперанскому Алексан-

дром Ивановичем Тургеневым в 1823 году, когда я издавал «Северный архив»[1791]. М. М. Сперанский любил отечественную историю, прочел все, что было о ней писано по-русски, по-немецки и по-французски, и составил о многих трудных и неразрешенных вопросах истории собственные свои мнения. Позволив мне навещать его, особенно по утрам, от 7♦ ми часов до 10-ти, когда он не принимался еще за дела, и вечером от 9-ти часов, Михаил Михайлович в несколько посещений моих, так сказать, проэкзаменовал меня. Потом он всегда принимал меня ласково, хотя я и не беспокоил его часто. Я ходил к нему, как к оракулу, для разрешения моих сомнений о разных предметах, за советом, а иногда за утешением. Взгляд его и звук голоса действовали на меня магически. В тот день, когда я видел Сперанского и слышал его голос, я был счастлив! Он одобрял меня в ратовании за исторические истины, за чистоту языка и изящное, почитал статьи мои о нравах полезными, и это придавало мне силу и мужество. Вражда пигмеев-гордецов, которым я не хотел покориться, казалась мне ничтожною после

ласкового слова Сперанского! Мои мысли насчет русской истории, изложенные в моем сочинении «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях», были одобрены Сперанским, принявшим живое участие в этом моем труде. Во многом я прибегал к его советам. Искажение русского языка, начавшееся в журналах и теперь дошедшее до высшей степени безумия, сильно огорчало Сперанского. Не хочу повторять его суждений насчет искажителей, чтоб не приписали его слов мне.

Когда фамильный процесс мой вошел в Государственный совет на разрешение, в 1825 году, М. М. Сперанский жил на даче в Парголове, в доме графов Шуваловых, которых он был попечителем[1792]. Противу меня была сила. Я явился к М. М. Сперанскому и сказал только: «Защитите!» – «Любезный друг, – отвечал мне Сперанский, – если вы правы, я буду защищать вас всеми зависящими от меня средствами, а если неправы, то искренно пожалею о вас и буду противу вас. Я велел доставить ко мне все дело и нынешним летом рассмотрю его во всех подробностях». К. Г.

Р****ский[1793], бывший тогда при его особе, знает хорошо, как занимался моим делом Сперанский. Он рассмотрел его во всей подробности, поверил все подлинные акты, подал мнение, с которым согласились почти все господа члены Государственного совета, – и я выиграл тяжбу! Никогда не дерзнул я спросить предварительно, что думает Михаил Михайлович о моем деле, и никогда он мне не сказал ни слова! Когда я стал благодарить его, он отвечал: «Радуюсь, что ваше дело правое!»

Однажды во время прогулки (а я ловил его на прогулках, боясь беспокоить часто на дому) речь зашла о постигнувшем его несчастье, и я изъявил мое удивление, что не нашлось защитников истины. «Если б я был в фамильных связях с знатными родами, – сказал Сперанский, – то, без сомнения, дело приняло бы другой оборот. Кто хочет держаться в свете, тот должен непременно стать на якорь из обручального кольца». Эту фразу я ввел в роман мой «Петр Иванович Выжигин»[1794], и М. М. Сперанский сказал мне после того в шутку: «Вы человек опасный – печатаете приятельские беседы!» Не могу привести здесь

всего, что говорил Сперанский о русской литературе, потому что мои *благоприятели* могли бы подвергнуть сомнению верность слов моих.

Сперанский – это редкое явление, которое, вероятно, не повторится в течение долгого времени! Почитаю себя счастливым, что я знал его и даже заглядывал в его высокую душу и что дожил до того времени, в которое отдана ему была полная справедливость[1795]. Эта справедливость в награде Сперанского есть неувядающий лавр в венце нашего доброго государя! Дай Бог ему за это во всем счастья![1796]

Теперь перейдем к общественным событиям и моим приключениям.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ[1797]

I

Кронштадт за сорок лет пред сим. – Наружный вид. – Женское общество, высшее и низшее, или П р а в а я и л е в а я сторона. – Вечеринки. – Дикий француз и своякья его жена. – Старый воин времен румянцевских, потемкинских и суворовских

Если б жизнь моя протекла как тихий ручей или даже как протекает искусственный водопад по размеренным ступеням, тогда бы я не вздумал печатать *отрывков* из моих «Воспоминаний». Много испытал я в жизни горя, но, чтоб, по словам Крылова, «гусей не раздражить»[1798], умалчиваю о многом и представляю только то, что характеризует эпоху в отношении нравов и обычаев. В сорок лет Россия совершенно изменилась, и все сказанное мною перешло в древнюю историю.

Едва ли был город в целом мире скучнее и беднее тогдашнего Кронштадта! Ни один город в Европе не оставил во мне таких сильных впечатлений, как тогдашний Кронштадт.

Для меня все в Кронштадте было ощутительнее, чем для другого, потому что я, как аэролит[1799], упал из высшей атмосферы общества в этот новый мир[1800]. В Кронштадте сосредоточивалась, как в призме, и отражалась полуобразованность чужеземных моряков в их своевольной жизни.

В Кронштадте было только несколько каменных казенных зданий: казармы, штурманское училище, таможня, дома комендантский и главного командира и несколько частных домов близ купеческой гавани. Деревянных красивых домов было также мало. Даже собор и гостиный двор были деревянные, ветхие, некрасивые. Половина города состояла из лачуг, а часть города, называемую Кронштадтскою (примыкающую к Водяным воротам[1801]), нельзя было назвать даже деревнею. Близ этой части находился деревянный каторжный двор, где содержались уголовные преступники, осужденные на вечную каторжную работу. На улицах было тихо, и каждое утро и вечер тишина прерывалась звуком цепей каторжников, шедших на работу и с работы в военной гавани. Мороз, благодетель Рос-

сии, позволял беспрепятственно прогуливаться по улицам Кронштадта зимою, но весною и осенью грязь в Кронштадтской части и во всех немощеных улицах была по колена. Вид замерзшего моря наводил уныние, а когда поднималась метель, то и городской вал не мог защитить прохожих от порывов морского ветра и облаков снега. В Кронштадте не было не только книжной лавки или библиотеки для чтения, но даже во всем городе нельзя было достать хорошей писчей бумаги. В гостинном дворе продавали только вещи, нужные для оснастки или починки кораблей, и зимою почти все лавки были заперты. Магазинов с предметами роскоши было, кажется, два, но в них продавали товары гостинодворские, второго разбора. Все доставлялось из Петербурга, даже съестные припасы хорошего качества. Город был беден до крайности. Купцы, торговавшие с чужими краями, никогда не жили в Кронштадте, а высылали на лето в Кронштадт своих приказчиков. Кронштадт населен был чиновниками морского ведомства и таможенными офицерами флота, двух морских полков и гарнизона, отставными мор-

скими чиновниками, отставными женатыми матросами, мещанами, производившими мелочную торговлю, и тому подобными. Между отставными чиновниками первое место занимали по гостеприимству барон Лауниц и Афанасьев (не помню в каких чинах). У обоих были в семействе молодые сыновья офицеры и дочери девицы, а потому в этих домах были собрания и танцы. Был и клуб, в котором танцевали в известные дни. Бахус[1802] имел в Кронштадте усердных и многочисленных поклонников! Пили много, и самые крепкие напитки: пунш, водку (во всякое время); мадера и портвейн уже принадлежали к разряду высшей роскоши. После Кронштадта никогда и нигде не видал я, чтоб люди из так называемого порядочного круга поглощали столько спиртных напитков! Страшно было не только знакомиться, но даже заговорить с кем-нибудь, потому что при встрече, беседе и прощанье надлежало пить или поить других! Разумеется, что были исключения, как везде и во всем. Пили тогда много и в Петербурге, но перед Кронштадтом это было ничто, капля в море. Удивительно, что при этом не бывало ссор

и что в Кронштадте вовсе не знали дуэлей, когда они были тогда в моде и в гвардии, и в армии. Впрочем, настоящим питухам, осушающим *штурмовую чашу* (как называли в Кронштадте попойку), некогда было ссориться! Бедняги работали до упада!

Оставшиеся в живых из нашего литературного круга *двадцатых* годов помнят мои миролюбивые и веселые споры с одним литератором-моряком (уже не существующим), бывшим в свое время кронштадтским Дон-Жуаном[1803], споры о кронштадтской жизни, и особенно о обычаях прекрасного пола в Кронштадте. Хотя в начале двадцатых годов (т. е. лет за двадцать пять пред сим) многое уже изменилось в Кронштадте, но все же приятель мой, литератор-моряк, преувеличивал свои похвалы, утверждая, что в кронштадтском высшем обществе был тот же светский тон и те же светские приемы и обычаи, как и в петербургском высшем круге. Тона высшего круга невозможно перенять – надобно родиться и воспитываться в нем. Сущность этого тона – непринужденность и приличие. Во всем наблюдается середина: ни слова более, ни

слова менее; никаких порывов, никаких восторгов, никаких театральных жестов, никаких гримас, никакого удивления. Наружность – лед, блестящий на солнце. Фамильярность и излишняя почтительность равно неуместны. Подражатели высшего круга всегда впадают в крайности, и с первого слова, с первого движения можно узнать человека, который играет несвойственную ему роль. Особенно заметно это в женщинах. Воспитание в высших учебных заведениях может сообщить девице прекрасное образование, но не тон и не манеру, потому что только в домашней жизни и в кругу своего знакомства приобретается то, что французы называют *la contenance, les manières, le bon ton*[1804] и что заключается в русском слове *светскость*. Наглядное подражание порождает жеманство и неловкую принужденность (*affectation*[1805]). В целом мире только француженки, особенно парижанки, рожденные и воспитанные в кругу швей и служанок, одарены от природы высочайшею способностью перенимать тон и манеры высшего общества, и только между француженками есть прекрасные актрисы

для ролей светских барынь и девиц высшего общества. В старину наши моряки, принужденные зимовать в портах, в которых не было никакого общества, не слишком были разборчивы в женитьбе, и хотя их дочери воспитывались в высших учебных заведениях, знали французский язык, музыку и танцы, но, возвратясь в родительский дом, подчинялись окружающему их, сохраняя память школьных наставлений: *tenez-vous droite et parlez français* (т. е. «держитесь прямо и говорите по-французски»). Следовательно, в Кронштадте тон высшего круга был тогда в полном смысле провинциальный, с некоторыми особыми оттенками, а где принужденность и жеманство, там смертная скука.

Вторую половину кронштадтского женского общества, левую, или либеральную, сторону (принимая это слово вовсе не в политическом, а в шуточном смысле) составляли жены гарнизонных офицеров, констапельши [1806] [1807], шкиперши, штурманши и корабельные комиссарши с их дочками, сестрами, невестками, племянницами и проч., проч. Это было нечто вроде женского народонаселения

островов Дружества, преимущественно Отаити[1808], при посещении его капитаном Куком. В этом обществе было множество красавиц, каких я не видал даже в Петербурге. Не знаю, как теперь, но тогда город Архангельск славился красотой женского пола, и по всей справедливости: почтенные водители наших кораблей, штурмана и шкипера, и хранители морской корабельной провизии, комиссары, выбирали для себя жен в этой русской Цитере [1809]. Но вся красота заключалась в чертах лица, и особенно в его цвете (carnation[1810]) и в глазах. Красота ножек и рук – *cosa rara* [1811], величайшая редкость во всей России и даже в остзейских провинциях, но не скажу на всем севере, потому что стокгольмские красавицы обладают этим преимуществом. В роде человеческого есть странные отличия пород. Прелестная нога и рука – это принадлежности Франции, Испании, Польши и Швеции.

Тон и обращение второстепенного кронштадтского общества были мещанские или, пожалуй, русского иногороднего купечества, проникнутого столичною роскошью и не под-

ражающего дворянству. Собрания в этой половине кронштадтского общества, называвшиеся *вечеринками*, были чрезвычайно оригинальны, забавны и даже смешны, но нравились молодым волокитам. Красавицы, разряженные фантастически (т. е. с собственными усовершенствованиями моды), в атлас и тафту, садились обыкновенно полукругом, грызли жеманно каленые и кедровые орехи, кушали миндаль и изюм, запивая ликером или наливкою, непременно морщась при поднесении рюмки к губам. Молодежь увивалась вокруг красавиц, которые с лукавым взглядом бросали иногда ореховую шелуху в лицо своих любимцев в знак фамильярности или легким наклоном головы давали им знать, что пьют за их здоровье. Ни одна вечеринка не обошлась без того, чтоб дамы не пели хором русских песен и не плясали по-русски, или под веселый напев, или под звуки инструмента, называемого клавикордами, прототипа фортепиан и рояля. Иногда танцевали даже английский кадрили, но никогда не вальсировали, если не было ни одной немки на вечеринке. Старухи и пожилые дамы сади-

лись отдельно и занимались своими, т. е. *чужими*, делами, попросту сказать, сплетнями. В их кружку можно было наверное узнать, кто в какую влюблен, которая изменила кому, кто добр, т. е. щедр, а кто *пустячный* человек, т. е. скуп или беден, и тому подобное. Почтенные отцы семейства и, как сказал И. И. Дмитриев, «мужья под сединою»[1812] беседовали обыкновенно в другой комнате, курили табак из белых глиняных трубок, пили пунш или грог и играли в горку, в три листика, а иногда и в бостон[1813]. Вечеринки эти давались всегда на счет обожателя хозяйки дома или ее сестрицы. За двадцать пять рублей ассигнациями можно было дать прекрасную вечеринку, которою все были довольны. В этом обществе сосредоточивались оттенки нравов и обычаев всех заштатных городов России. Сколько тут было богатых материалов для народного водевиля и юмористического романа! Вот в какой мир брошен я был судьбою в первой юности! Надлежало или прилично скучать в одной половине общества, или неприлично веселиться в другой половине, чтоб не попасть в жрецы Бахуса, потому что

от юноши невозможно требовать совершенного *уединения*.

Первые из молодых людей, с которыми я познакомился в Кронштадте, были мичман Селиванов (помнится, Александр Семенович) и друг его лейтенант Семичевский, добрые и, как говорится, лихие ребята. Селиванов жил открыто, по своему состоянию и часто приглашал приятелей на солдатские щи и кашу. У него познакомился я с *диким французом*, как называет его знаменитый адмирал И. Ф. Крузенштерн (в своем «Путешествии вокруг света в 1803–1806 годах», в первой части), Жозефом Кабри[1814] [1815]. Этот *дикий француз* говорил ломаным русско-французским языком, примешивая слова дикарей, между которыми жил долгое время, и объясняя знаками, чего не мог выразить словами. Однако ж основание его языка было французское, и он был весьма рад, когда находил человека, с которым мог говорить по-французски, и потому он искал моего знакомства. В этом 1809 году вышел в свет первый том «Путешествия вокруг света» Крузенштерна, и в этой книге знаменитый путешественник весьма невыгодно

отзывается о характере Кабри. Но любопытство превозмогло предубеждение насчет его, и я познакомился с ним покороче, чтоб слушать его рассказы о его пребывании между дикарями.

Кабри был юнгой на французском корабле, приставшем к острову Нукагиве[1816], который до того времени едва несколько раз был посещаем европейцами. Остров Нукагива – один из незначительных в Тихом океане, населен жестокими, прожорливыми и сладострастными людоедами. Крузенштерн нашел на острове двух европейцев, англичанина Роберта и француза Кабри; они были непримиримые враги между собою. Англичанин сказал Крузенштерну, что он высажен на остров матросами, взбунтовавшимися противу своего капитана, не желая пристать к их стороне, и что Кабри добровольно остался на острове, быв часто наказываем капитаном корабля за свои проказы. По словам Крузенштерна, англичанин был гораздо умнее француза и пользовался бóльшим уважением между дикими, хотя Кабри почитался лучшим и искуснейшим воином между дикарями, даже по со-

знанию врага его, Робертса, и превосходил всех в нукагивской добродетели – в воровстве! Оставшись в весьма молодых летах между дикарями, Кабри совершенно одичал, принял все их обычаи, поклонялся их боже-ству, почитал первым наслаждением убить неприятеля, хотя и утверждал явно, что не ел человеческого мяса, но променивал тела убитых неприятелей на свинину. Крузенштерн говорит, что он нечаянно или принужденно взял с собою Кабри, который находился на корабле «Надежде» в то время, когда внезапный шквал угрожал кораблю разбитием о камни и когда надлежало отрубить поспешно кабель-тов и выйти в море (в мае 1804 года). Но Кабри не верил этому и утверждал, что Крузенштерн сделал это по просьбе врага его, англичанина Робертса. Кабри ненавидел европейские обычаи и образованность и просил Крузенштерна высадить его на какой-нибудь из ближних островов, обитаемых дикими. Он хотел остаться на острове Овейги[1817], но, не поняв языка жителей острова по разности произношения с нукагивским языком (хотя оба языка одного корня), Кабри упросил Кру-

зенштерна везти его далее, на что наш знаменитый моряк согласился единственно из сострадания, не любя дикого француза. Таким образом, Кабри привезен был в Камчатку, где и остался вместе с графом Федором Ивановичем Толстым и с ним приехал сухим путем в Петербург[1818].

Кабри был небольшого роста, сухощавый, смуглый, неправильного очерка лица, изуродованного наколотыми узорами (tatoué) темно-синего цвета. Взгляд его выражал врожденную свирепость, и он имел все кошачьи хватки. Когда он улыбался, то казалось, что хочет укусить человека. Ум его был во всех отношениях ограниченный, и он мог говорить порядочно только о своем любезном острове Нукагиве. Впрочем, весь остальной мир казался ему недостойным внимания. Удивительнее всего, что этот одичалый урод имел прелестную жену, французенку из одного петербургского модного магазина! Не знаю, кто достал ему место учителя плавания в штурманском училище[1819], но кажется, и в этом деле помогал ему граф Толстой. Хотя госпожа Кабри была со мною довольно откровенна на-

счет своего мужа, но она не признавалась мне в том, что заставило ее избрать в мужа *дикаря*. Она всегда отвечала мне: «C'était une idée! c'est comme ça!» (т. е.: «Так! не знаю, как это случилось! Пришла идея!»).

Я почти ежедневно навещал Кабри и проводил у него вечера. Не знаю, что привлекало меня более в этот дом: оригинальность ли мужа или прелестные глаза жены! Столько наслушался я о жизни и обычаях нукагивцев, что мне не нужно было читать описаний Кука, Ванкувера и Крузенштерна[1820]! Прочитав, однако ж, в Крузенштерне, что Кабри слыл лучшим воином на острове, я усомнился, судя по слабому его телосложению, и спросил его однажды, каким образом он мог побеждать островитян, одаренных геркулесовою силою, не имея огнестрельного оружия. «Я брал не силою, но ловкостью, – отвечал Кабри, – я умею ползать на брюхе и прыгать лучше тигра и выдры. Подкравшись в траве к неприятелю, я вспрыгивал внезапно на него и, свалив на землю ударом моего каменного топора по голове, перекусывал горло. На бегу ни один нукагивец не мог догнать меня. Даже

бросившись в толпу неприятелей, я уверты-
вался от них, как угорь, и, имея по ножу в обе-
их руках, порол им брюхо. Все знали меня и
боялись... Придет весна – я покажу вам мое
искусство!» При имени Крузенштерна Кабри
скрежетал страшно зубами, негодуя на то, что
он, поверив врагу его, англичанину, увез с
блаженного острова и представил в дурном
виде в своем сочинении, уверяя притом, что
обвинение его в том, будто он хотел взбунто-
вать островитян противу русских, вовсе не
справедливо и что король Нукагивы свалил
на него вину по внушению англичанина,
чтоб самому оправдаться пред Крузенштер-
ном. Кабри ничего не мог рассказать ни о ве-
ре[1821], ни о законах нукагивцев, утверждая,
что, кроме верования в Создателя и в злого
духа, нукагивцы не знают никаких догматов
и в распрях своих руководствуются старин-
ными обычаями, повинуюсь одной физиче-
ской силе или проворству. Это чрезвычайно
нравилось Кабри. У него остались на Нукаги-
ве жена и дети, но он вспоминал об них без
всякого сердечного чувства. Хотя между нука-
гивскими красавицами господствовал вели-

чайший разврат в отношениях между двумя полами, но муж там полновластный господин жены; он может торговать ею, но если она нарушит без его позволения супружескую верность, то муж имеет право убить жену и *съесть* ее. Этот обычай восхищал Кабри, и он, будучи ревнивее всех турок вместе, приходил в восторг, когда рассказывал об этом нукагивском обычае, поглядывая притом с улыбкою на свою жену. Можно себе представить, как это нравилось миловидной француженке!

В Кронштадте комендантом и шефом гарнизонного полка был генерал-майор Иван Иванович фон Клуген, старик лет под семьдесят, воин времен румянцевских, потемкинских и суворовских. Генерал фон Клуген был холост, казался холодным, проводил время в уединении и почитался вообще человеком странным, не созданным для общества. Он ездил в гости только на официальные обеды и никогда не приглашал к себе гостей. Судьба свела меня с ним. Когда я явился к нему в первый раз, он после официального приема спросил меня:

– Не родня ли вам Михаил Булгарин, быв-

ший послом на сейме 1773 года?

– Это дядя моего отца, – отвечал я.

– А как зовут по имени вашего отца?

– Венедикт.

– Он был гражданско-военным комиссаром (komisarzem cywilno-wojskowym) в Новогрудском воеводстве в костюшковскую войну?

– Точно так!

– Живы ли они оба?

– Дед мой[1822] жив, а отец скончался.

– Я знал их обоих, а с вашим Großonckel [1823] был даже дружен, – сказал генерал. – Я стоял с полком в Варшаве в 1773 и 1774 годах и был свидетелем благородного поступка вашего деда и товарищей его – Рейтана, Богушевского и нескольких других...[1824] С тех пор уплыло тридцать шесть лет; я состарился... мне уже за шестьдесят лет; но все же не забыл того, что меня тронуло до глубины души в моей молодости и привязало к вашему деду. Мы видались с ним после в Гродне, и я даже гостил у него в его имении Рудавке. Если будете писать к нему, напишите, что я помню его и не перестал любить и уважать. Отец ваш был также добрый и благородный

человек, но горячка и немного упрям... Кажется, что яблоко не далеко упало от яблони, – примолвил генерал ласково, с улыбкою. – Вы и лицом похожи на отца, только поменьше ростом. Прошло не более двенадцати лет, как мы виделись с ним в Несвиже, но с тех пор много воды утекло.

Генерал замолчал и стал закуривать трубку, которую он дома никогда не выпускал из рук. Генерал оставил меня у себя к обеду. За столом он был весел и разговорчив, расспрашивал меня о Финляндской войне, сказав, что и он воевал в Финляндии при императрице Екатерине; рассказал нам несколько анекдотов о Суворове, под начальством которого он служил в Польше и был на штурме Праги. После обеда он пошел отдыхать, сказав мне, что дом его должен быть для меня то же, что дом друга его, моего деда.

Благодарю моего Создателя, что он хотя и не освободил меня от многих слабостей, свойственных природе человеческой, но не дал мне двух несноснейших пороков: *чванства* и *фанфаронства*, которыми я гнушаюсь. Жалко и больно смотреть на человека, когда он все,

что для него ни делают другие, приписывает своим достоинствам и принимает как должную дань! Скажу раз навсегда, что, пока я не вступил на тернистое литературное поприще, я был чрезвычайно счастлив в людях и без всякой с моей стороны заслуги, не будучи в состоянии отплатить добром за добро, находил в людях и любовь, и дружбу, и утешение, и сострадание, и помощь. Безбожно лгут те, которые изображают род человеческий в дурном виде, на каждом шагу находят злодеев и обманщиков и водворяют в простодушных людях недоверчивость и холодность к своим собратиям. Утверждают ученые и философы, что старость, влекущая за собою опытность, должна непременно породить в человеке эгоизм. Испытал я много, и весьма много, в жизни, но благодаря Бога не дожил до эгоизма, страшась его более, чем чумы! Есть злые и коварные люди – в этом нет сомнения, но они составляют меньшее число (*la minorité*[1825]). Зла, кажется, больше, нежели добра, оттого что зло, как громовой удар, сильно раздаётся и имеет продолжительное эхо, а коварство действует как яд, когда, напротив, добро во

всех видах своих не обращает на себя внимания, как благодетельные лучи солнца, как прохладный ветерок. Зло сильнее, это правда! Десять человек злых могут погубить десять тысяч людей добродушных, и один коварный клеветник отравит счастье многих семейств. Но из этого не следует, чтоб злых людей было больше, нежели добрых. Немыслящих более, нежели мыслящих, и бесхарактерных более, нежели людей с характером, – в этом я совершенно согласен. Оттого-то и все беды на свете!

Жизнь моя протекала тихо между литературными занятиями и несколькими приятными знакомствами. Доброго И. И. фон Клугена я посещал почти ежедневно и полюбил его искренно. Вечера проводил я часто у Кабри, потому что беседа с его миловидною, веселою и остроумною женою мне чрезвычайно нравилась. Даже невежество ее забавляло меня! Кабри привязался ко мне и вопреки своему нраву не оказывал никакой ревности.

||

Нечто вроде сцены из страшной мелодрамы. – Зверские инстинкты

**одичалого француза. – Приглашение на
нукагивскую трапезу. – Примирение
супругов. – Перемена квартиры. –
Оригинальный хозяин. – Очерк
старинных мещанских нравов. –
Поездка морем в Петербург. – Буря. –
Судокрушение**

Однажды ночью в апреле месяце, когда уже лед начинало ломать в заливе, едва только я заснул, стук у дверей моей комнаты разбудил меня. В моей трактирной квартире не было передней. Мой крепостной мальчик спал в хозяйской людской.

– Кто там?

– Au nom de Dieu ouvrez, ouvrez vite! (т. е.: «Ради бога отоприте, отоприте скорее»).

Я узнал голос госпожи Кабри. Можно себе представить мое удивление. Накинув на себя халат, я зажег свечи и поспешил отпереть дверь. Госпожа Кабри опрометью вбежала в комнату и сказала торопливо:

– Fermez vite, fermez bien! (т. е.: «Заприте скорее, заприте покрепче») – и, бросившись на стул, воскликнула: – Oh, mon Dieu, mon Dieu! (Боже мой, Боже мой!), – и залилась сле-

зами.

Я стоял перед нею в ожидании развязки.

– Он едва не убил меня! – сказала госпожа Кабри.

– Кто такой?

– Кто же другой может покуситься на это, как не дикий Кабри!

– По какому случаю?

– Из ревности!

– Не думаю, чтоб вы подали к тому случаю...

– Разве я могу отвечать за поступки мужчин? Вы знаете, что уже несколько месяцев NN (это был молодой и красивый офицерик первого морского полка) волочитя за мной (*me fait la cour*) противу моей воли и желания; я вам жаловалась на это и просила вас прекратить это волокитство всеми зависящими от вас средствами. Сегодня, когда я была на вечере у капитанши Тесницкой, этот проклятый NN принес в наш дом письмо, разумеется любовное объяснение, и отдал его нашей глупой кухарке для отдачи мне, а она отдала письмо Кабри. Не знаю, кто прочел письмо, но он с отчаянья напился пьян и, когда я воз-

вратилась домой, бросился на меня как бешеный, держа в одной руке топор, а в другой письмо. По счастью, я не потеряла присутствия духа, вырвала у него письмо и толкнула его изо всех сил; он упал, а я заперла дверь на ключ, снаружи, выбежала из дому... и окольную дорогою пришла к вам!..

– Чрезвычайно неприятное происшествие и весьма затруднительное положение, – сказал я, стараясь принять хладнокровный вид.

– Вы должны спасти и покровительствовать меня, – сказала настоятельно госпожа Кабри, – потому что вы друг мой и что мне не к кому прибегнуть, кроме вас. *Un lâche seulement peut abandonner une femme dans la détresse, quand elle se confie a lui!* (т. е.: «Только подлец может оставить беспомощную женщину, прибегающую к нему с доверенностью в постигшем ее бедствии»).

– Подобно вам, я презираю подлецов и трусов, – сказал я, – но здесь дело не в подлости и не в трусости, а в том, каким образом я могу вмешаться в домашнее дело между мужем и женою и как могу защищать вас! Сабли и пистолетов здесь недостаточно! Тут вмешаются

законы и, что еще страшнее, общее мнение...

Госпожа Кабри не дала мне кончить.

– Что бы тут ни вмешалось, все равно вы должны быть моим защитником, потому что я избрала вас! Если угодно, можете убить меня, но я не выйду отсюда...

Удивительные создания – француженки! Страсти у них скользят по душе, как облака по небу. Трагическая сцена нечувствительно превратилась в комическую, и госпожа Кабри, следуя веселому своему характеру, представила мне в самом смешном виде то самое, что испугало ее до смерти. Однако ж, страх лежал на дне ее сердца, и госпожа Кабри ни за что не хотела воротиться домой. Мы провели время в совещаниях и разговорах до пяти часов утра, и наконец надлежало на что-нибудь решиться.

– Il faut pourtant sauver les apparences[1826], – сказал я. – Пойду и упрошу мою добрую хозяйку, чтоб она приняла вас к себе.

– Это было бы превосходно! – отвечала госпожа Кабри.

Я разбудил хозяина, старшего Делапорту [1827], и упросил его убедить жену свою при-

нять к себе госпожу Кабри, рассказав все дело. Добрая моя хозяйка согласилась, и мы расстались с очаровательною французенкою. Я бросился в постель и заснул богатырским сном.

Проснулся я в десять часов утра. Мальчик мой, ожидавший моего пробуждения на лестнице у дверей, сказал мне, что Кабри был уже два раза и обещал воротиться. Едва я уселся за чай, он явился ко мне. На лице его, искаженном узорами и рябинами, нельзя было заметить ни бледности, ни краски, но в глазах его пылало пламя, и он улыбался, как тигр на добычу.

Я сидел за чайным столиком. Он сел напротив меня; ерошил волосы на своей голове, вертелся на стуле, то улыбался, то бросал страшные взгляды и наконец сказал:

– Я почитаю тебя честным человеком и потому требую, чтоб ты сказал мне откровенно: нравится ли тебе жена моя!

– Послушай, Кабри, – сказал я с притворным хладнокровием, – ты никогда не должен предлагать вопросов, на которые нельзя отвечать. Что значит нравится? Жена твоя молодая, недурна собою, так разумеется, что она не

может возбуждать к себе отвращения в молодом человеке. Но это не ведет ни к каким последствиям!..

– Полно! – воскликнул Кабри. – Спрашиваю, нравится или не нравится тебе жена моя?..

– Она очень милая особа, но она жена твоя, принадлежит тебе, и я не имел и не имею никаких видов на нее...

– Не в том дело! – воскликнул Кабри. – Если жена моя нравится тебе, так я *подарю* ее тебе, если ты поможешь мне в одном деле!..

– Ты не имеешь права подарить жены, – сказал я.

– Подарю, отдам, уступлю, все что тебе угодно, только помоги мне! – сказал Кабри.

– В чем же помочь тебе?

– Помоги мне убить NN (т. е. офицера, возбудившего ревность в Кабри).

– Убить!.. Ты сошел с ума, Кабри! Ведь мы здесь не на острове Нукагиве. За убийство тебя накажут как убийцу, – а ты знаешь, как у нас наказывают смертоубийц... Ты видел ка-торжный двор...

– Но можно сделать так, что никто не узна-

ет... для этого-то я и требую твоей помощи...

– Ты говоришь: никто не узнает! Узнает Бог – и накажет и в здешней и в будущей жизни!..

– На Нукагиве Бог позволяет убивать врагов!.. – сказал Кабри.

– На Нукагиве не знают истинного Бога...

Кабри стал возражать, и я, видя, что все мои усилия к отвлечению его от злого умысла будут напрасны, пока бешенство его не утихнет, вознамерился обходиться с ним уклончиво и, обещая мою помощь, промедлить исполнение его замысла, пока не удастся вовсе отклонить его.

– Из первых слов твоих догадываюсь, что ты подозреваешь жену свою в связи с NN, – сказал я. – Убедился ли ты в этом?

– Он написал к ней любовное письмо, советовал бросить меня, обещал развестись со мной и жениться на ней...

– Но это писал *он*, а не *она*, так чем же *она* виновата?

– Как бы он смел писать к ней это, если бы не был обнадежен? – сказал мне Кабри.

– Ты мелешь вздор! Молодой человек мо-

жет Бог весть что написать к женщине, и это означает только его самолюбие, фанфаронство и дерзость, а не преступление женщины... Тебе кто-нибудь натолковал вздор... кому ты показывал письмо?..

– NNN, – отвечал Кабри.

– Он сам приволакивался за твоею женою и гневается за то, что она осмеяла его.

– Но все же NN виноват, и я должен убить его! – сказал Кабри.

– Это дело мы обдумаем с тобою спокойно, на досуге, а теперь скажи, что случилось с женою твоею.

– Она бежала из дому. У NN ее нет; может быть, он где-нибудь спрятал ее. Отыщи ее и возьми себе, – сказал Кабри прехладнокровно. – Не ручаюсь за себя и могу убить ее в припадке гнева.

– Жена твоя здесь!

Кабри вскочил со стула.

– У тебя? – спросил он быстро.

– Как можно, чтоб она была у меня! Но ведь здесь трактир, а ты знаешь, что в трактире двери для каждого отперты. Жена твоя у хозяйки, которая сжалилась над нею и приз-

рела ее.

Кабри заложил ногу на ногу, согнулся, подпер голову руками и задумался. Наконец он поднял голову и сказал:

– Пожалуйста, возьми себе эту женщину! Ты избавишь меня от больших хлопот!

– Это невозможно, – возразил я. – Как я могу взять к себе чужую жену! Это у нас не позволено и не водится, и я подвергнусь нареканию товарищей и начальства. Да и захочет ли жена твоя перейти от тебя ко мне? Силою нельзя ее к тому принудить; да и что скажет твой друг и покровитель граф Толстой...

Кабри стал бранить и графа, и жену.

– Напрасно ты гневаешься на жену, любезный Кабри, – сказал я, – она ни в чем не виновата, а виноват один NN. Помиришь с женой, попроси у нее прощения в том, что ты обидел ее, а с NN мы после справимся.

Тут я начал льстить Кабри, припоминая ему, что он не нукагивец, но француз, что женщины в его отечестве, Франции, пользуются уважением и снисходительностью мужчин и что только трусы и подлецы обижают бедных, беспомощных, слабых женщин. Наго-

ворил я ему много, давая притом чувствовать, что я готов помогать в отпущении NN за нанесенную обиду, и наконец мне удалось успокоить дикаря, склонить его к примирению с женою и даже возбудить к ней сожаление и прежнюю привязанность.

– Быть так! – сказал Кабри. – Послушаюсь тебя; ты умнее меня и лучше знаешь, что здесь должно делать. Пойдем к жене!

– Зачем нам свидетели! я приведу жену сюда, – сказал я.

– И это правда! – возразил Кабри. – Вижу, что без тебя я наделал бы много глупостей и не сделал бы главного. Ступай за женою!

Госпожа Кабри знала, что муж ее у меня, и со страхом ожидала развязки этого свидания. Разумеется, что мы условились с госпожою Кабри не говорить мужу, что она заходила ко мне в комнату, и она пошла со мною, взяв с меня слово защищать ее от мужа. Лишь только госпожа Кабри переступила через порог, дикий француз бросился на колени и, простирая к ней руки, возопил «pardon (прости)!» Они примирились. Я велел подать завтрак, угостил супругов и, заставив Кабри поклясться-

ся, что он примирился искренно и не обидит жены, отпустил их домой.

Кабри, как я уже говорил, не признавался перед Иваном Федоровичем Крузенштерном и перед офицерами корабля «Надежды», что он ел на острове Нукагиве человеческое мясо, но графу Ф. И. Толстому и мне он сказал под секретом, что он участвовал в пиршествах людоедов, и даже уверял, что человеческое мясо чрезвычайно вкусно и походит на буженину. После трагического происшествия с женою Кабри стал мне часто выхвалять человеческое мясо и приглашал съесть вместе с ним NN, которого он непременно хотел убить. Положение мое было весьма затруднительное! Видя, что дело идет не на шутку и что мне невозможно отклонить Кабри от его намерения, я рассказал все доброму генералу фон Клугену, прося его уладить дело тихо. Генерал решил, что одного из двух соперников надлежало выслать из Кронштадта. Кабри был нужен для обучения плаванию воспитанников штурманского училища и для отпираания подводных шлюзов, а без одного подпоручика легко можно было обойтись. Я полагал, что

если вздумают стращать Кабри, то этим еще более раздражат его, и генерал согласился с моим мнением. Он поехал к инспектору морских полков, генералу Ширкову, рассказал ему все дело, и генерал Ширков чрез несколько дней выслал NN в Вологду на смену офицера, находившегося там при команде для приема рекрут и обучения их на походе военным приемам и эволюциям. Таким образом кончилось это дело, которое могло иметь весьма дурные последствия.

Море вскрылось. Флот выступил на рейд, морские полки вышли в лагерь, и в Кронштадт прибыли для разъездов казаки и два эскадрона Уланского его высочества полка. В числе уланских офицеров был искренний друг мой Жеребцов и несколько добрых приятелей. В Кронштадте водворилось веселие. Генерал Ширков, хлебосол в высшей степени, давал обеды и балы, на которые съезжались гости и дамы из Петербурга. Его высочество удостоивал иногда своим посещением балы Ширкова. Многие богатые люди останавливались в единственном кронштадтском трактире братьев Делапорта, в котором я жил, и

чтоб не стеснять его, я нанял квартиру поблизости комендантского дома, хотя и в другой улице, в доме мещанина Голяшкина.

Этот мещанин Голяшкин был один из самых оригинальных людей, каких мне удалось встретить в жизни. Он остался навсегда в моей памяти. Голяшкин был лет пятидесяти от рождения, сухощав, хром, пил хлебное вино и распевал песни с утра до ночи, всегда был весел и беспрестанно балагурил то с домашними, то с прохожими. Если б напечатать все песни, сказки, присказки, пословицы и поговорки, которые Голяшкин знал наизусть, то вышло бы, наверное, двенадцать томов. Кроме того, он знал множество текстов из Священного Писания и часто вмешивал их в свои речи. Некоторые тексты, пословицы, поговорки и песни он повторял всегда при известных случаях. Так, например, раскупоривая с восхождением солнца свой любезный полуштофик с вином, Голяшкин всегда приговаривал: «Не упивайтесь вином, бо в нем есть блуд»[1828]. Потом ставил чайник и, подошед к моему окну, затягивал всегда одну и ту же песню, начинающуюся словами:

*Сон приятен без досады,
На утренней на зоре!
На солнечном восходе – и прочее.*

Разбудив меня, он вносил чай и начинал балагурить. Но если я поздно ложился спать, то он не будил меня с зарею. Часу в девятом, а много в десятом, Голяшкин ел каждый день яичницу и всегда приносил мне половину на тарелке, с поклонами, ужимками, с припевами и поговорками, начиная всегда священным изречением:

«Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние твое!»[1829]

Голяшкин полюбил меня и даже привязался ко мне, и я, видя доброе его сердце и притом находя развлечение в его веселости, позволял ему балагурить. Он был вдов и имел двух взрослых дочерей, дебелых дев, совершенно в купеческом вкусе, т. е. толстых, жирных, белых и румяных. Они жили в вышке [1830], а мы с Голяшкиным занимали весь нижний этаж его небольшого, но красивого домика, при котором был садик и огород. Немногие из моих читателей знают, что значит кокетство в мещанском звании, особенно

такое, какое тогда было в Кронштадте. Это были нравы времен Петра Великого, когда он быстро и внезапно отпер двери в теремах, в которых русские женщины были заключены, как древние гречанки в своих гинекеях[1831]. Разница с прошлым временем была та, что жеманство и притворство заступили место прежней искренней стыдливости и целомудрия. Сердце изменилось, наружные формы остались. Дочери Голяшкина, встречаясь со мною, никогда не платили мне поклоном за поклон, но потупляли глаза, отворачивались или закрывались платком и отвечали на все мои вопросы только *да-с* или *нет-с*, а отбежав несколько шагов, останавливались, лукаво посматривали и смеялись вполголоса под платком. Когда я был дома, особенно когда у меня были в гостях товарищи, дебелые девы, сидя под окном в своей светелке, распевали нежные песни громким и пронзительным дискантом. Иногда старик водил меня в их комнаты, и тогда они *сгорали* от стыда, склоняли голову, закрываясь своею работою (они непрерывно шили для себя платье и *приданое*), и казалось, готовы были провалиться от

робости сквозь землю. Две комнаты их были содержаны весьма чисто; пол усыпан листьями зори[1832] или другой пахучей травы; перед образами всегда теплилась лампада, и постели их со множеством подушек и пуховиков доходили почти до потолка. Но все эти кронштадтские тигрицы были дики только до тех пор, пока ловец бегал от них! Голяшкин вовсе не заботился о том, что делают его дочери, и был счастлив тем, что они жирны и веселы. Он сам ходил на рынок закупать съестные припасы, сам пекся с кухаркою и работником о стряпне и чистоте в доме, о всем хозяйстве, предоставляя дочерям толстеть, наряжаться и распевать песни.

Голяшкин не рассказывал мне истории своей жизни в последовательном порядке, но из его отрывчатых рассказов узнал я, что он родом олончанин, пришел в Кронштадт мальчиком-сиротою; был сперва золотарем[1833], потом дрягилем (носильщиком), грузильщиком судов, перевозчиком, потом стал торговцем корабельных снастей и наконец, как он говорил, вышел в отставку от всех дел, и стал жить припеваючи (это было буквально прав-

да) доходами с небольшого своего капитала. Из рассказа его я догадался, что он, будучи лодочником или перевозчиком, занимался контрабандою, как почти все тогдашние кронштадтские жители. Теперь только для забавы он имел свою собственную английскую гичку [1834], на которой прогуливался в хорошую погоду и часто возил меня на рейд или в конец кронштадтской косы.

Говоря о высшем кронштадтском обществе, я не сказал, каким образом я имел случай узнать его. Главным командиром кронштадтского порта был вице-адмирал Иван Михайлович Колокольцев, которого жена Варвара Александровна (урожденная графиня Апраксина) была задушевною приятельницею сестры моей Искрицкой, как я уже говорил об этом. И. М. Колокольцев и в Петербурге, и в Кронштадте жил чрезвычайно скромно и уединенно, и Варвара Александровна, добрая и умная женщина (смотри часть III, стр. 356 моих «Воспоминаний»), не любила принимать у себя гостей. Это делала она не из скупости, но по характеру. В Кронштадте, однако ж, И. М. Колокольцев по званию своему

должен был давать обеды и вечера, хотя весьма редко. Добрая Варвара Александровна, которая славилась своею откровенностью и простотою обращения, говорила правду в глаза и начальникам, и подчиненным, и старым, и молодым, обходилась со мною, как с сыном. Я заходил к Варваре Александровне иногда по утрам, но она принудила меня быть у нее на нескольких вечерах в кругу кронштадтской аристократии. Я уже сказал причину, почему мне было скучно в этом кругу. Кто привык к крепким напиткам, тот при их недостатке предпочтет чистую сивуху подмешанному виноградному вину (*vin frélaté*[1835]). Мне казалось, лучше *de m'encanailler*[1836], чем томиться скукою и быть последним в жеманном обществе.

Однажды подъехала к дому Голяшкина коляска главного командира и лакей Варвары Александровны вызвал меня к ней.

– Сестра твоя очень больна, – сказала мне она, – я сама намерена навестить ее, а между тем нельзя ли тебе отпроситься в Петербург, чтоб повидаться с больною? Ко мне пишет Александр Михайлович, зять твой, что доктор

Гассе отчаивается в ее жизни...

Варвара Александровна уехала, а я стоял на улице, как громом пораженный. Искренно и душевно привязан я был к сестре моей Антонине, с которой почти не разлучался от самого детства, и решился во что бы ни стало навестить ее. Я сказался больным.

Пароходы были еще в голове Фультона. Ни промышленная и умная Англия, ни гениальный Наполеон не поняли Фультона. Наполеону казалось невероятным, чтоб можно было плавать по морям противу течения и ветров, без парусов и весел, и опыты Фультона на реке Сене, впрочем не весьма блистательные, не могли убедить французских механиков в важности изобретения. Идея, возникшая в голове Фультона, была гениальная, но для исполнения ее надобно было сноровки и опыта в большом размере. За это не принялись в Европе, и вся слава изобретения пароходов принадлежит североамериканцам. Нью-йоркский гражданин Броун построил первый пароход в 1807 году и разрешил задачу Фультона[1837]. Покойный Павел Петрович Свиньин (основатель журнала «Отечественные запис-

ки», оправдывавшего под его редакциею свое заглавие), возвратясь из Северной Америки в 1813 году, куда он в звании чиновника Министерства иностранных дел послан был с депешами к генералу Моро, привез чертеж и рисунок Броунова парохода[1838], а англичанин Берд построил первый пароход в Петербурге[1839]. Никакая заслуга не должна быть забываема соотечественниками, и П. П. Свинын, кроме полезных своих литературных трудов, приобрел право на благодарность потомства за привезение чертежа парохода и за внушение предприимчивому Берду мысли к заведению в России пароходства. До того времени сообщение Петербурга с Кронштадтом происходило на парусных больших ботах и на двадцатичетырехвесельных катерах. Чтоб получить место на них, надлежало подвергнуться многим формальностям, но я решил дело иначе.

– Послушай, Голяшкин, – сказал я моему эксцентрическому хозяину, – аще еси муж доблий[1840] [1841], свези меня в Петербург на своей гичке.

– Благо есть! – отвечал он.

– Итак едем завтра!

– Едем! – примолвил Голяшкин. – И это будет первая моя поездка в Петербург в течение двадцати лет, – сказал он.

В пять часов утра мы выехали из Кронштадта. Из гавани мы вышли на веслах, а когда обогнули Кронштадт, то поставили парус. Я сидел на руле, а Голяшкин под парусом. Солнце сильно припекало, и на горизонте мелькали черные пятна, которые непрерывно сливались в одну массу. Северо-западный ветер благоприятствовал нам; это был, по морскому выражению, бейдевинд[1842], т. е. боковой. Голяшкин распевал песенки и каждую из них запивал вином. Кажется, однако ж, что в море забыл он свое правило: «Душа меру знает», – а может быть, и ранний морской воздух подействовал на него, но я заметил, что язык его начал путаться и что он смешивал и слова, и голоса разных песен. Между тем ветер крепчал и дул порывами. Волнение становилось сильнее, и я увидел явления, которых прежде не видывал. Половина неба покрылась черными облаками, а другая половина была светлая, и радуга красовалась не на

небе, а в море. Внезапные порывы ветра быстро громоздили огромные валы, и вихрь разносил брызги длинными полосами, которые светились как алмазы. Настала буря, а между тем Голяшкин опьянел совершенно. Он, однако ж, имел столько силы и присутствия духа, что успел снять парус по сильному моему настоянию. Страшнее всего для меня было то, что Голяшкин не сидел смирно на своем месте, вскакивал, перегибался чрез борт и мог опрокинуть гичку, которая быстро перепрыгивала с вала на вал. Слушая рассказы моряков о бурях и морских опасностях, я запомнил, что в бурю надобно убирать паруса и плыть поперек валов, и теперь воспользовался уроком[1843]. Помнил я также хорошо «Всемирного путешественника» аббата Прево [1844], мою любимую книгу, и знал, что когда нет надежды выдержать шторм в открытом море, то лучше разбиться у песчаного берега. Рулем я умел править, т. е. знал, как поворачивать судно, а потому вместо того чтоб править прямо, я плыл косою линиею к правому (от Кронштадта) берегу. В это время дождь полился ливня, и стало так темно, что едва

можно было видеть за несколько шагов. Только по ужасному шуму волн, разбивавшихся о камни и о берег, догадывался я, что земля близко. Страх и сырость выгнали половину винных паров из головы Голяшкина. Он смотрел на меня осовелыми глазами, ворчал что-то про себя, но уже сидел смиренно. Вдруг раздался треск, и гичка наша, сброшенная с вершины вала на огромный камень, разбилась... Мы упали в море...

Я уже говорил, что не выучился плавать. Но, по счастью, это случилось в виду берега, на мели. Вода была по грудь. Поднявшись на ноги, я стал искать глазами Голяшкина... Он стоял возле камня, держась за острый его угол, и подал мне один конец весла, которое он машинально схватил в руки, когда наша гичка разбилась. Оба мы, упав в море нечаянно, хлебнули порядочно воды, и это произвело операцию, которая совершенно отрезвила Голяшкина. Мы стояли за камнем на подветренной его стороне, и волны переливались через нас. Голяшкин сказал мне, чтоб я пособил ему взобраться на камень, что я и исполнил. Он разделся донага, связал свое платье

в узел и прыгнул в море. Бояться ему было нечего, потому что он плавал, как утка. Испытывая глубину веслом, Голяшкин пошел вперед к берегу и приказал мне держаться за кушак, привязанный одним концом к его руке, и несть его платье, сказав, что если случится глубокое место, то он переплывет и перенесет меня на себе. Не знаю, сдержал ли бы он свое обещание, но, по счастью, в этом не было нужды, и мы дошли, хотя с величайшим трудом, до берега. Почти без сил бросились мы на землю. Мы прошли в воде по грудь и по шею, может быть, с версту, но если б еще пришлось идти столько, я бы не выдержал. Я был в одежде и в сапогах... Шинель я сбросил и тащил за собою в воде. Отдохнув несколько, я снял с себя сапоги, разделся и, только прикрытый мокрою шинелью, пошел искать убежища. Голяшкин тоже пошел нагой, прикрывшись кафтаном.

Теперь физиономия всего берега от Петербурга до Ораниенбаума совершенно изменилась. Тогда не было столько дач; иные деревни стояли на других местах, а много чухонских семейств жили по своему древнему обы-

чаю отдельно. Мы прибрали в одну чухонскую деревушку всего в три двора, находящуюся поблизости моря, на так называемой *нижней дороге*. Разумеется, что нас приняли радушно, затопили тотчас печь, чтоб высушить наше платье и обогреть нас самих, уложили на свежей соломе и покрыли хорошими новыми тулупами. Первый вопрос Голяшкина был: есть ли поблизости кабака? К досаде Голяшкина, кабака не было вблизи, и он отправил парня за вином в двухколесной таратайке. Я дал денег на целое ведро вина и на полсотни калачей, чтоб угостить всех жителей этой деревушки, и заснул от изнеможения. Голяшкин последовал моему примеру.

Голяшкин разбудил меня часу в седьмом пополудни. Он был уже одет и навеселе. Мое платье также высохло. Пока я спал, Голяшкин успел от моего имени угостить всю деревню, всего человек пятнадцать и с бабами, и сам порядком подгулял.

– Куда теперь ехать, в Кронштадт или в Петербург? – спросил Голяшкин.

– Разумеется, в Петербург, – отвечал я.

– А мне зачем туда! – возразил Голяшкин, –

гичка моя пропала, а вы доедете и без меня сухим путем. Я ворочусь в Кронштадт через Рамбов (т. е. Ораниенбаум).

– Делай как хочешь и как знаешь, – сказал я.

Я нанял лошадь с таратайкой до Петербурга и простился с Голяшкиным, приказав ему никому не говорить о нашем приключении и, если спросят обо мне, отвечать всем, что я поехал на рейд или на косу к доктору. Мы расстались.

По счастью, верстах в трех от деревушки, на большой дороге я нашел у харчевни извозчицью карету, возвращавшуюся в Петербург без седоков, и поехал покойно в город.

В Петербурге я пробыл только сутки, не выходя из дому моего зятя. Болезнь сестры моей, благодаря Бога, приняла благоприятный оборот. У нее был нарыв в горле, который прорвался накануне. Но доктор для избежания всякого волнения запретил мне видаться с сестрою. Я только взглянул на нее из дверей во время ее сна и отправился в обратный путь на галиоте[1845] с пенькою.

Нежные чувства старого воина, моего начальника. – Его особенная ко мне милость. – Польша в конце XVIII века. – Рассказы моего начальника о Суворове и о Пражском штурме

На другое утро явился я к моему доброму генералу И. И. фон Кругену. Он редко улыбался и всегда казался угрюмым и серьезным, и надобно было знать его коротко, чтоб постигнуть всю мягкость и все благородство его души.

– Чем вы были больны? – спросил он меня.

– Я страдал головною болью, – отвечал я.

– Из всего я замечаю, что вы подвержены частым головокружениям, и я советую вам серьезно лечиться, потому что это может довести вас до большого несчастья, – возразил генерал, отвернувшись, чтоб скрыть от меня улыбку.

Я молчал, поняв намек.

– Что ж вы делали во время вашей болезни? – спросил генерал, шуточным тоном.

– Спал, – отвечал я.

– А что вам снилось? – примолвил он.

– Мне снилось, будто сестра моя была при

смерти больна, будто я отправился в Петербург на ялике, будто ялик разбился во время бури и я едва не утонул.

Я рассказал генералу мое приключение во всей подробности, как будто все это было во сне.

– Любезный друг, – сказал генерал, – кто наяву делает глупости, тому снятся страшные сны. Надеюсь, однако ж, что этот сон о поездке в Петербург будет последний...

Нежнее и благороднее нельзя было поступить, и я дал слово, что этих снов больше не будет, и сдержал мое обещание.

С одной стороны, судьба тяготила меня, а с другой – нежила. Отец родной не мог бы нежнее обходиться со мною, как обходился мой добрый генерал Иван Иванович фон Клуген!

Внезапно он заболел от простуды после бала у генерала Ширкова. На старости каждая болезнь сопряжена с опасностью жизни. Я помещился у него и не отходил от его постели. По счастью, камердинер его был мне предан и позволил это. В первые дни у генерала были припадки горячки при совершенном упадке сил. Он часто забывался и даже бредил. Я сам

давал ему лекарство, сидел при нем ночи напролет, подавал питье и наблюдал, чтоб он не раскрывался. Доктор предписал трения, и я сам натирал его по всему телу. Дней через десять опасность прошла, но я так утомился непрерывным бдением и так расстроился внутренним потрясением, что сам должен был прибегнуть к советам врача. Генерал чувствовал мое самоотвержение и привязанность, но не сказал мне ни одной обычной благодарственной фразы. Когда он впервые встал с постели в присутствии врача и нескольких из своих любимых офицеров, он не хотел ничьей помощи и оперся на меня, пожав при этом крепко мою руку.

– Я не обманулся в тебе, – прошептал он.

С этих пор он начал называть меня *ты*, а до того всегда употреблял *вы*.

Во время выздоравливания (*convalescence*) генерал часто проводил вечера в разговорах со мною. Как все старые войны, он любил вспоминать о походах и сражениях, в которых сам участвовал. Да и может ли быть иначе! Ничего нет приятнее и сладостнее, как воспоминание минувших трудов и опасно-

стей. Кто не терпел нужды, не рисковал жизнью, не бедствовал, тот не может иметь понятия о счастье.

Генерал мой, Иван Иванович фон Клуген, не получил основательного школьного образования, потому что по тогдашнему обычаю вступил в весьма молодых годах в военную службу. Но он наделен был от природы здравым рассудком, которого нельзя приобрести ни в какой школе, и, находясь при нескольких штабах во время своей службы, как говорится, *понатерся* возле людей высшего образования. Он даже был в приязни с знаменитым германским писателем и единственным практическим философом – Зейме. Тогда я вовсе не знал этого писателя и слушал хладнокровно рассказы генерала об этом необыкновенном человеке, бывшем сперва воспитателем детей у генерала графа Игельстрома, потом исправлявшем должность его секретаря в звании подпоручика русской службы. Генерал говорил мне о великом Суворове такие вещи, каких я не нашел ни в одной книге, и, вероятно, это мнение сообщено И. И. фон Клугену знаменитым Зейме.

«Теперь еще рано судить о Суворове, – сказал мне однажды генерал. (Это было говорено только девять лет спустя после смерти героя, скончавшегося 12 мая 1800 года.) – Все ставят Наполеона выше Суворова, и весьма многие не только из чужеземцев, но и из своих, даже не признают в Суворове великих качеств полководца и называют его *храбрым гренадером*, который побеждал быстрым натиском и решительностью, не сберегая жизни своих храбрых солдат. Говорят, из всех кампаний Суворова нельзя извлечь ни одного правила для тактики и стратегии и что все его искусство ограничивалось: “Ура, вперед, в штыки!” В обвинениях может быть несколько истины, но обвинители не исследовали причин, которые заставляли Суворова действовать так, а не иначе. Суворов только одного Кутузова (Михаила Иларионовича, впоследствии фельдмаршала и светлейшего князя) почитал генералом, способным к высоким стратегическим соображениям. Всем другим генералам он не доверял. Любимцев своих – князя Багратиона и генерала Милорадовича, молодых [1846], храбрых, пылких воинов, – Суворов на-

зывал своими *орлами*, *штыковыми* генералами, но боялся основывать успехи на их соображениях. Он уважал генералов Дерфельдена, Буксгевдена и некоторых других, но доверял вполне только русской храбрости и побеждал ею, умев возбудить в солдатах неограниченную к себе доверенность. “*Бог наш генерал!*” – повторял часто Суворов. Но те, которые близко знали Суворова и с которыми он говорил серьезно (а таких было весьма немного), утверждают, что Суворов не уступал ни одному полководцу в военном искусстве, с тою разницею, что он не любил раздроблять войско на отдельные отряды, но действовал совокупными силами. Хотя Римский-Корсаков и не виноват был в претерпенном поражении под Цюрихом, потому что вопреки общему плану оставлен был австрийцами[1847], но Суворов подкреплял этим несчастным событием свою недоверчивость к отдельным корпусам. “*Германа съели в Голландии*[1848], а Корсакова недоели в Швейцарии, – сказал однажды Суворов генералу Дерфельдену, от которого я слышал это, – а будь он при мне с своим корпусом, мы бы чрез четыре месяца

воспевали вместе в Париже: “Тебе Бога хвалим!” Суворов был великий муж в полном смысле слова, но он хотел действовать везде *один*, с своими солдатами, и все свои победы приписывал Богу и солдатам!»[1849]

Это суждение о Суворове осталось навсегда в моей памяти, и когда впоследствии я стал изучать кампании этого великого полководца, то вполне удостоверился в справедливости сказанного генералом фон Клугенем. Суворов точно не любил делиться с другими славою побед и действовал более солдатскою храбростью – натиском и быстротою, чем маневрами. Жаль, что Суворову не пришлось сражаться противу Наполеона! Я убежден, что Суворов противу маневрирования Наполеона изобрел бы противодействие.

Рассказывая о Финляндской войне, я упомянул о происшествии в Вазе, искаженном и преувеличенном в иностранных газетах [1850]. «Это царапина в сравнении с тем, что я видел в моей жизни! – сказал генерал. – Император Александр заслужил на вечную славу и на благословение потомства за уничтожение старинного варварства и введение че-

ловеколюбия в войнах. В старину каждый город, взятый штурмом, был отдаваем солдатам на их произвол в награду за их мужество. Таков был обычай! А чего можно ожидать от разъяренного, взбешенного солдатства! Грабеж, насилия, убийства оканчивали всегда победу. Ты помнишь слова в тактике Суворова: “Взял город, взял лагерь – все *твое!*” Признаюсь тебе, что я сам тогда не постигал, что могло быть иначе! В жизни моей я был два раза в аду – на штурме Измаила и на штурме Праги... Страшно вспомнить!..»

По моей просьбе генерал рассказал мне некоторые подробности о штурме Праги и предшествовавших событиях в Варшаве. Сообщая воспоминания очевидца, я почитаю необходимым присовокупить некоторые предварительные известия о тогдашних польских делах, почерпнутых мною не из *книг*, а из рассказов моего генерала и других наочных свидетелей.

В политике не имеют места поэзия и чувствительность. Когда идет дело о пользе, спокойствии, благоденствии отечества – хоть плачь, а делай что нужно. Чудовищное

устройство прежней Польши посреди трех самодержавных государств, России, Австрии и Пруссии, не могло существовать без возбуждения в соседях беспокойства и крайней осторожности. Польское королевство называлось *Речью Посполитою*. Это была эпитафия на республику и на королевство. Король не имел в королевстве никакой власти, а польского народа вовсе не существовало в республике, потому что среднего сословия из туземцев вовсе не было, а поселяне были в угнетении и в рабстве. В городах немцы и жидаы занимались ремеслами и торговлею, с весьма малыми исключениями. Мнимую республику составляло шляхетство, т. е. дворянство, присвоившее себе всю власть, и между шляхетством богатство заменяло все достоинства. Бедное дворянство было подвержено такому же угнетению, как мещане и поселяне. Религиозный фанатизм, возбужденный иезуитами, погасившими истинное просвещение в Польше, возжег взаимную ненависть и раздоры в дворянском сословии, которое и явно и тайно вредило общему делу, желая погубить личных врагов своих. Все чувствовали недостат-

ки государственного устройства, но никто не мог предпринять улучшений, потому что дворянство не хотело уступить прав своих, и сеймы не соглашались на увеличение податей. Какое же можно предпринять улучшение без денег, без войска, без повиновения властям? Знаменитый польский писатель Нарушевич в своих бессмертных сатирах верно изобразил нравы польского шляхетства в осемнадцатом веке[1851].

Все польские писатели, даже эмигранты, писавшие по внушению страстей о делах Польши, единогласно сознаются, что в осемнадцатом веке разврат (corruption[1852]) политический и правительственный (административный) был в Польше на высочайшей степени! Жаловались и жалуются на вмешательство иностранных держав в дела тогдашней Польши, а кто же приглашал к этому чужеземные державы, если не сам король польский и не польские паны! Значительнейшие вельможи из корыстных видов предлагали свои услуги иностранным державам противу выгод собственного отечества; другие действовали в цели свержения с престола короля

Станислава Августа и приобретения для себя королевского достоинства. Вся Польша была разделена на партии, без единства власти и воли. Обвинять некого – сами поляки во всем виноваты! Не стану повторять уже известного и возобновлять упреки, руководствуясь правилом умного Капфига (Capefigue): «Le respect du malheur est un des plus nobles instincts de la nature humaine»[1853].

Само по себе разумеется, что и в тогдашней Польше, как и в каждом человеческом обществе, были люди умные, честные и благомыслящие; но они везде, хотя бы даже составляли большинство, не могут противостоять буйным порывам страстей, возжигаемых в массе народа интригантами, пройдохами, корыстолюбцами и эгоистами.

К стыду человечества благородный Андрей Замойский, предложивший на сейме 1780 года уничтожение *liberum veto*[1854] (*nierozwalam*[1855]) и подтверждение прав для среднего и сельского сословий, был объявлен *изменником отечества!*[1856] И где же? в Польше, называвшейся республикою! Французская революция 1789 года вскружила

умы воспламенительных поляков, и в Польше составила сильная партия под влиянием аббата Гугона Коллонтая для преобразования всех государственных учреждений. Но за дело принялись не так, как следовало, и вместо учреждения сильных монархических начал, могших успокоить соседние государства, принялись распространять якобинские правила и учредили политическую пропаганду, которая угрожала соседним государствам. Свобода книгопечатания, не зная никаких пределов приличия, оскорбляла личность всех, и даже соседних государей, угрожая всем престолом. Такое положение государства не могло быть терпимо тремя сильными соседями, и решено было по плану, составленному прежде Фридрихом Великим, уничтожить гнездо раздора и пропаганды в Восточной Европе.

Не стану описывать народного восстания, избравшего в начальники Костюшку. Добродетельный, благородный, но мягкий и добродушный Костюшко был неспособен к управлению народом в это время. Всю власть присвоили себе якобинцы, вопреки общему мне-

нию, предоставляя Костюшке борьбу с иноземными войсками в открытом поле. Боясь лишиться любви народной и его доверенности (*popularité*[1857]), Костюшко, хотя неохотно, утверждал все действия временного революционного правления, которое подражало рабски французскому Национальному конвенту. Непостижимо, как умные и степенные люди в Польше могли подписывать без смеха публичные акты с заголовками: *вольность, равенство, независимость* (в подражание французским: *liberté, égalité, fraternité*[1858]) и как порядочные люди могли читать это без негодования! Стоило только оглянуться кругом или вспомнить о польских селах и городишках или местечках, чтоб убедиться, что все это вздор и одна болтовня!

Двоюродный дядя мой Станислав Булгарин [1859], староста яловский[1860], человек умный и положительный, отличавшийся в зрелых годах искреннею преданностью к русскому правлению и поставивший даже в обязанность четверем своим племянникам (детям двух своих сестер), графу Михаилу Тиману и трем Гоувальтам (Северину, Жоржу и Христо-

фору), служить в русской военной службе под опасением лишения наследства, – рассказывая мне многое о последнем восстании, под начальством Костюшки, сообщил между прочим следующий анекдот: «Не могу вспомнить без жалости и без смеха, – сказал мне дядя, – до какой степени мы, молодые люди тогдашнего времени, были глупы и заблуждены! Я служил волонтером в войске и находился в свите Костюшки, при его особе. Однажды, когда у Костюшки, стоявшего лагерем возле Воли (близ Варшавы), было много гостей, за обедом получен пук парижских газет, провезенных тайно через Германию. Костюшко вскрыл пакет и, заглянув в газеты, бросил их на пол, воскликнув: “Робеспьер погиб!” Мы верили тогда в величие и филантропию этого кровожадного эгоиста и надеялись, что он, сделавшись диктатором Франции, вышлет нам на помощь войско! Глупее и несбыточнее этого ничего не могло быть на свете, но мы верили, потому что тогдашние правители Польши уверяли нас в этом! Смерть Робеспьера, которого я растерзал бы теперь собственными руками, до такой степени поразила ме-

ня, что я вышел из за стола, удалился в садик, примыкавший к квартире Костюшки, и заплакал навзрыд! Сам по себе я был ничто, но я выражал мнение высшего круга...» Спрашивается после этого, какими глазами должны были смотреть Россия, Австрия и Пруссия на Польшу, ожидавшую спасения от Робеспьера?

Французская революция до такой степени ослепила тогдашних польских политиков, что они вообразили, будто Польша может, подобно Франции, бороться с тремя державами! В подражании Франции недоставало в Польше только самоуправства черни и кровопролития – и это сочинили польские якобинцы в Варшаве!

В Варшаве было около осьми тысяч русских войск, введенных по желанию короля и партии панов, искавших русского покровительства. Русское войско было под начальством генерала барона Игельстрема, который в то же время был русским послом при короле Станиславе Августе.

Двуличие, нерешительность и слабодушие короля не могли возбудить к нему уважения

русских сановников, находившихся при нем в разное время в звании послов. Князь Репнин, граф Штакельберг и барон Игельстрем обходились с королем не только без обиняков, но часто весьма круто, не соблюдая ни в бумагах, ни в словах, ни в поступках известных дипломатических форм, отличающихся утонченностью и вежливостью, даже в самых неприятных отношениях между дворами. Польское общество основано было в то время на интригах, и почти каждый польский дворянин, участвовавший в общественных делах по выборам или по королевскому назначению, помышлял более о себе, чем об отечестве, стремясь единственно к приобретению староств или доходных мест. Барон Игельстрем, находясь в тесной связи с одною из первых красавиц того времени, графинею Залусскою (урожденною Пиотровичевою[1861]), на которой впоследствии женился, увлечен был в борьбу партий и вмешивался в частные и в административные дела Польши, не имевшие никакого отношения к политике, действуя самовластно, т. е. заставляя короля поступать по желанию графини Залусской.

Она господствовала в Польше, раздавала места, староства, ордена и денежные награды. Восстала противу этой власти сильная партия, и началась явная борьба.

Европейские писатели истощились в изображении характеров и наконец должны были прибегнуть к уродливым вымыслам; но есть еще некоторые характеры, ускользнувшие от пронизательности авторов. Самый любопытный характер – это характер *деловой польки*. Первый польский поэт, Мицкевич[1862], в литовской балладе «Три Будриса» (Trzech Budrysów), воспевая любезность полек, сравнил их с *молодыми кошечками*. Я принимаю это сравнение в полном и настоящем его смысле[1863]. Все звери кошачьей породы, от кошки до тигра и леопарда, чрезвычайно красивы и ловки во всех движениях – но это самая коварная порода из всех хищных пород. Кошка укрощена человеком и сделалась домашним животным, но она сохранила много инстинктов своей породы, особенно коварство; она боится человека, равнодушного к ней, и царапает только тех, которые ее любят, ласкают и играют с нею. Каждый Самсон,

пришедший в Польшу, нашел свою Делилу, каждый Геркулес имел свою Деяниру[1864].

Среди интриг, возбуждаемых корыстью и самолюбием, образовался заговор к всеобщему восстанию в Польше и к избавлению ее от всякого чужеземного влияния, т. е. предпринято дело, и нравственно и физически *невозможное*. Заговорщики вознамерились подать пример истреблением русских войск, находившихся в Варшаве. Гугон Коллонтай, душа заговора, почитается человеком умным, но где был ум его, когда он выдумал это! Ужели он и его сообщники не предвидели, какие последствия повлечет за собою поступок, который ничем не мог быть оправдан?! Заговорщики должны были предвидеть, что честь России потребует примерного отмщения за изменническое избиение воинов, без предуведомления о начале военных действий, и что слабая Польша должна погибнуть... Удивительное ослепление!

Основание этого заговора казалось генералу Игельстрему так глупо, что он сперва вовсе не верил предостережениям графини Залуской, полагая, что ее стращают, чтоб заста-

вить его удалиться с войском из Варшавы. В этом мнении он еще более укрепился, когда король посоветовал ему выступить из Варшавы для предупреждения кровопролития. Однако ж барон Игельстрем приказал войску быть осторожным и в некоторых местах удвоил караулы, дал им пушки и наконец, по усиленным просьбам польских панов, приверженцев России, решился взять под стражу самые подозрительные лица. Это должно было быть 6/18 апреля (1794 года)[1865].

Бунт в Варшаве вспыхнул накануне, 5/17 апреля в три часа утра. Польские регулярные войска вместе с взбунтованными гражданами напали внезапно на русские караулы, овладели арсеналом и пороховым магазином, раздали оружие и боевые патроны народу, и сражение сделалось общим. Генерал Игельстрем не предвидел такой скорой развязки. Русское войско было раздроблено на малые отряды, между которыми пресечено было всякое сообщение. Это именно способствовало успеху восстания. Дом, который занимал генерал Игельстрем, был атакован и защищаем с величайшим с обеих сторон упорством и на-

конец взят бунтовщиками. Генерала Игель-стрема спасла графиня Залусская и, переодетого, вывезла из Варшавы. Русские, пробиваясь штыками чрез толпы мятежников, должны были выступить из Варшавы. По отступающим русским стреляли из окон и с крыш домов, бросали на них бревна и все, что может причинить вред, и из 8000 русских погибло 2200 человек, а в плен взято 260, кроме нескольких русских дам и дипломатических чиновников. Несколькими днями позже то же самое повторилось в Вильне, где было русских до 3000 человек под начальством генерала Арсеньева, который был убит во время мятежа[1866].

Поляки, бывшие в Варшаве во время бунта, говорят, что если б русский отряд был сосредоточен, имел при себе всю свою артиллерию и если б арсенал и пороховой магазин были во власти русских, что было весьма легко, то восстание было бы усмирено при самом его начале.

Революционеры не довольствовались событиями 5/17 и 6/18 апреля; им надобно было повторить парижские сцены *времени ужаса*

(temps de la terreur) во всей их красе – и это сбылось 16/28 июня. Взбунтованная клубистами варшавская чернь потребовала наказания польских панов, взятых под стражу 5/17 и 6/18 апреля по подозрению в преданности русскому правительству и вследствие сношений с русским посольством, что обнаружилось по пересмотре бумаг, найденных в доме генерала Игельстрема. Когда революционное правление отказалось наказывать без следствия и суда, чернь, предводительствуемая клубистами, ворвалась в тюрьму и повесила всенародно до двенадцати польских панов[1867]. В Вильне повторилось то же. Там не пощадили даже епископа из значительной литовской фамилии[1868]. Едва ли не первый пример в католическом государстве, что епископ предан был всенародно позорной казни!

К чести Костюшки должно сказать, что он не только не одобрил этого зверского самоуправства революционеров, но даже приказал повесить в Варшаве семерых главных зачинщиков мятежа и обезоружить варшавских граждан, а тайным предписанием временному правлению велел составить отряд

национальной гвардии из самых отчаянных забияк и поместить на опаснейших пунктах пражских укреплений. В прокламациях к народу Костюшко изобразил резко всю гнусность поступка черни и ее поджигателей и угрожал беспощадным наказанием за всякое самоуправство, равно как и за оскорбление пленных.

Но три соседние державы уже решили участь Польши. Костюшко, разбитый сперва под Щекотинами пруссаками, а потом под Мациевицами генералом бароном (потом графом) Ферзенем, взят в плен. Краков находился уже во власти пруссаков, а Суворову поручено было кончить дело раз навсегда.

Разбив отдельные отряды в Литве, Суворов быстро подступил к Праге, где собрано было лучшее польское войско и находились все самые пламенные патриоты, решившиеся победить или умереть. Начальником народа вместо Костюшки был избран Фома (Thomas) Вавржецкий, также литовец родом.

У Суворова было от 22 000 до 25 000 всего войска и 80 орудий. Защитники Праги никак не полагали, чтоб с этими силами Суворов ре-

шился на приступ укреплений, защищаемых 200 пушками и до 30 000 храбрых воинов и охотников. Думали, что Суворов ограничится осадой или блокадой Праги, и не унывали, надеясь, что всеобщее восстание народа и дипломатическое вмешательство Франции даст другой оборот делу. И вдруг (22 октября / 3 ноября) русское войско неожиданно появилось под стенами Праги и стало лагерем на пушечный выстрел от укреплений.

Теперь приведу рассказ очевидца, генерала фон Клугена, в таком виде, как это повествование осталось в моей памяти.

«Когда мы остановились в виду укреплений, поляки выстрелили в нас залпом из всех своих пушек. Это был сигнал, чтоб все варшавские охотники и народная гвардия собрались в Праге и вместе с тем чтоб показать нам свою силу. На земляном вале чернелись толпы народа, блестело оружие и раздавались громкие клики. Несколько сот наездников выехали из Праги и стали фланкировать с нашими казаками и легкоконцами. Тем дело и кончилось в тот день. В сумерки отдан был приказ готовиться к штурму и вязать фа-

шины[1869]. Всю ночь провели мы не смыкая глаз. Все наше войско разделено было на семь роташементов, или, как теперь говорят, колонн. Наша артиллерия выстроилась впереди. В пять часов утра, когда было еще темно, в воздухе взвилась сигнальная ракета и войско двинулось вперед. Перед каждым роташементом шла рота отличных застрельщиков, и две роты несли лестницы и фашины. На расстоянии картечного выстрела наша артиллерия дала залп и потом начала стрелять через пушку. С укреплений также отвечали ядрами. Когда мрак прояснился, мы увидели, что пражские укрепления во многих местах рассыпались от наших ядер. Вокруг Праги грунт песчаный, и невзирая на то, что укрепления обложены были дерном и фашинами, они были непрочны.

Вдруг в средней колонне раздался крик: “Вперед! ура!” Все войско повторило это восклицание и бросилось в ров и на укрепления. Ружейный огонь запылал на всей линии, и свист пуль слился в один вой. Мы пробирались по телам убитых и, не останавливаясь ни на минуту, взобрались на окопы. Тут нача-

лась резня. Дрались штыками, прикладами, саблями, кинжалами, ножами – даже грызлись! Лишь только мы взлезли на окопы, бывшие противу нас поляки, дав залп из ружей, бросились в наши ряды. Один польский дюжий монах, весь облитый кровью, схватил в охапку капитана моего батальона и вырвал у него зубами часть щеки. Я успел впору свалить монаха, вонзив ему в бок шпагу по эфес. Человек двадцать охотников бросились на нас с топорами, и пока их подняли на штыки, они изрубили много наших. Мало сказать, что дрались с ожесточением, нет – дрались с остервенением и без всякой пощады. Нам невозможно было сохранить порядок, и мы держались плотными толпами. В некоторых бастионах поляки заперлись, окружив себя пушками. Мне велено было атаковать один из этих бастионов. Выдержав картечный огонь из четырех орудий, мой батальон бросился в штыки на пушки и на засевших в бастионе поляков. Горестное зрелище поразило меня при первом шаге! Польский генерал Ясинский, храбрый и умный, поэт и мечтатель, которого я встречал в варшавских обще-

ствах и любил, лежал окровавленный на пушке. Он не хотел просить пощады и выстрелил из пистолета в моих гренадер, которым я велел поднять его... Его закололи на пушке. Ни одна живая душа не осталась в бастионе – всех поляков перекололи...

Та же участь постигла всех оставшихся в укреплениях, и мы, построившись, пошли за бегущими на главную площадь. В нас стреляли из окон домов и с крыш, и наши солдаты, врываясь в дома, умерщвляли всех, кто им ни попадался... Ожесточение и жажда мести дошли до высочайшей степени... офицеры были уже не в силах прекратить кровопролитие... Жители Праги, старики, женщины, дети, бежали толпами перед нами к мосту, куда стремились также и спасшиеся от наших штыков защитники укреплений – и вдруг раздались страшные вопли в бегущих толпах, потом взвился дым и показалось пламя... Один из наших отрядов, посланный по берегу Вислы, ворвался в окопы, зажег мост на Висле и отрезал бегущим отступление... В ту же самую минуту раздался ужасный треск, земля поколебалась и дневной свет померк от дыма

и пыли... пороховой магазин взлетел на воздух... Прагу подожгли с четырех концов, и пламя быстро разлилось по деревянным строениям. Вокруг нас были трупы, кровь и огонь...

У моста настала снова резня. Наши солдаты стреляли в толпы, не разбирая никого, и пронзительный крик женщин, вопли детей наводили ужас на душу. Справедливо говорят, что пролитая человеческая кровь возбуждает род опьянения. Ожесточенные наши солдаты в каждом живом существе видели губителя наших во время восстания в Варшаве. “Нет никому пардона!” – кричали наши солдаты и умерщвляли всех, не различая ни лет ни пола...

Несколько сот поляков успели спастись по мосту. Тысячи две утонуло, бросившись в Вислу, чтоб переплыть. Взято в плен до полуторы тысячи человек, между которыми было множество офицеров, несколько генералов и полковников. Большого труда стоило русским офицерам спасти этих несчастных от мщения наших солдат.

В пять часов утра мы пошли на штурм, а в

девять часов уже не было ни польского войска, защищавшего Прагу, ни самой Праги, ни ее жителей... В четыре часа времени совершилась ужасная месть за избиение наших в Варшаве!

Мы тогда не знали ни своей, ни неприятельской потери. После уже прочли мы в донесениях главнокомандующего, что в Праге погибло более тринадцати тысяч поляков и что у нас убито восемь офицеров и шестьсот рядовых, ранено двадцать три офицера и до тысячи человек. Двести пушек, гаубиц, мортир, бывших на укреплениях, и множество знамен составляли нашу военную добычу. Такого поражения и такой потери Польша никогда еще не испытала... Это был последний удар, кончивший ее политическое существование...»

Добрый генерал, рассказывая мне о пражском штурме, был в сильном волнении и даже несколько раз утирал слезы. «Ад, сущий ад!» – повторял он несколько раз.

Вы, любезные мои читатели, без сомнения, не раз слышали шуточную поговорку: «Русскому здорово, немцу смерть!» Генерал фон

Клуген уверял меня, что эта поговорка родилась на пражском штурме. Наши солдаты, разбив аптеку, уже объятуя пламенем, вынесли на улицу бутылку, попробовали, что в ней находится, и стали распивать, похваливая: славное, славное вино! В это время проходил мимо коновал нашей артиллерии родом из немцев. Думая, что солдаты пьют обыкновенную водку, коновал взял чарку, выпил душком[1870] – и тут же свалился, а через несколько времени и умер. Это был спирт!

Когда Суворову донесли об этом происшествии, он сказал: «Вольно же немцу тягаться с русскими! Русскому здорово, а немцу смерть!» Эти слова составили поговорку.

Повторил ли Суворов старое и забытое или изобрел новую поговорку, за это не ручаюсь; но говорю что слышал.

IV

Старинное русское военное хлебосольство. – Добрый и любезный антипод моего начальника. – Я принужден быть стихотворцем. – Последняя перемена квартиры. –

Польские шляхтянки и их характеристика. – Русская торговля и контрабанда вследствие континентальной системы. – Жизнь л е в о й стороны кронштадтского женского общества. – Предтеча н а т у р а л ь н о й школы. – Кронштадтский каторжный двор. – Типы старинных разбойников. – Комическая сцена с диким французом. – Окончательная участь дикаря и его жены. – Лифляндия и Ревель за сорок лет пред сим. – Я оставляю военную службу

Совершенную противоположность с тихостью, скромностью и уединением генерала фон Клугена составлял характер инспектора первых трех морских полков и шефа Первого морского полка генерал-майора Павла Семеновича Ширкова. Генерал Ширков был образец (тип) русских генералов и полковых командиров прошлого столетия. Нынешнее поколение не может иметь понятия о том, что значила стоянка полка в провинциальном городе и его окрестностях в царствование императрицы Екатерины Второй. Полки, особенно

кавалерийские и артиллерия, приносили большие доходы полковникам и генералам, а каждый русский дворянин почитал своею обязанностью проживать все свои доходы. Исключения из этого правила были чрезвычайно редки и относились более к немцам. Где стоял полк, там непрерывно бывали балы, обеды, вечеринки, продолжавшиеся ночи напролет. Музыка и песенники ежедневно забавляли городских жителей или помещиков. На пирах было разливное море! Так жил и генерал Ширков в Кронштадте. По странному случаю я сблизился с ним. Замыслив дать пир с балом, фейерверком и всеми возможными сюрпризами одному важному лицу, Ширкову понадобились стихи. Ему сказали, что я *сочинитель!* В Уланском полку прослыл я поэтом за пустые стишки, которые писал иногда для забавы нашего офицерского общества. Это были большею частью послания к друзьям. Эти стихи не могли бы выдержать печати, но приятелям моим они нравились, а что всего удивительнее, многие из товарищей моих удержали в памяти до своей старости некоторые из моих стихов и при встрече припоминают

их мне! К этому разряду стихов принадлежит послание, начинающееся стихом:

«Трепещет Стрельна вся»[1871], и прочее.

Ширков пригласил меня к себе, принял чрезвычайно ласково и объявил о своем желании. На другой же день я принес ему песню, которая немедленно положена была на музыку и разучена песенниками. Песня[1872] имела большой успех и несколько раз была повторена пред знаменитым гостем. Я не был на этом пиршестве, хотя и был приглашен генералом Ширковым, но на третий день явился к нему к обеду по приглашению. Генерал Ширков расцеловал, расхвалил меня, предложил даже тост за мое здоровье, а после обеда повел в свой кабинет и обещал мне свое ходатайство и покровительство, что и исполнил. Искренно сожалел я об нем, когда впоследствии узнал о постигнувшем его несчастии, следствии непреоборимой его страсти к гостеприимству, увлекшей его за пределы долга. Он кончил жизнь в уединении, у своих родственников. Ширков истратил казенные сум-

мы в надежде пополнить их из наследства, которое приходилось ему после престарелого родственника. Но родственник отказал нажитые им деньги другому, и Ширков попал в беду. Все сожалели о Ширкове, но помочь было ему невозможно[1873]. Законы выше всех частных, и чем выше человек поставлен в свете, тем пример снисхождения пагубнее.

Мне наконец наскучило жить у Голяшкина, и я переехал к земляку моему, таможенному чиновнику. Он занимал весьма порядочный дом и уступил мне две комнаты. За квартиру с мебелью, с кушаньем, и притом отличным, с мытьем моего белья я платил в месяц *пятьдесят* рублей ассигнациями. И это в то время почиталось недешево! Никогда я не жил так покойно и даже так роскошно, как в это время у земляка моего Матушевича[1874]. Родственница его, польская хозяйка в полном смысле слова, Мария Петровна Бржезинская [1875], вдова, всю славу свою поставляла в приготовлении вкусных блюд, и стол ее был истинно превосходный. Скажу мимоходом, что в двадцатых годах я встретил в Петербурге свою кронштадтскую хозяйку, которая по

смерти своего родственника содержала стол для чиновников за весьма умеренную цену и по смерти была оплакана своими пенсионерами[1876]. Во время пребывания моего в Кронштадте у Марии Петровны была дочь-красавица, которая жила тогда в Петербурге и приезжала довольно часто в гости к матери. Эта дочь вышла потом замуж за артиллерийского полковника Ч—ва[1877]. Упоминаю об этом, чтоб сказать, что дочь Марии Петровны была *образцовая полька*, ловкая, милая, веселая. Без всякого школьного воспитания она могла занять умного человека и быть душою общества. Можно сказать, что я изучал природу польской женщины над характерами этих двух полек, пожилой женщины и молодой девушки. Женщины высшего сословия во всей Европе, особенно в восточной ее части, приняли все манеры француженок, и польские политические дамы, о которых я говорил выше, по наружности те же француженки. Но истинный, природный характер польской женщины сохранился только между небогатою шляхтою. Первою обязанностью своею, от которой ни одна полька не позволя-

ет себе уклоняться, почитают они старание нравиться *всем* окружающим их, а второю обязанностью – уметь занять каждого и каждую, с которыми должно водиться, применяясь к каждому возрасту, к каждому характеру, к каждому вкусу. Я никак не постигаю, каким образом я находил удовольствие, беседуя по несколько часов сряду с дочерью Марьи Петровны о ее канарейках, нарядах и тому подобном. Ловкая полька, зная, как приятно воину вспоминать о сражениях, заставляла меня рассказывать про битвы и ужасы войны и казалась не только внимательною к моему повествованию, но даже тронutoю... Разумеется, что это льстило моему самолюбию, и я восхищался умом и чувством моей слушательницы. Есть много примеров, что бедные польские шляхтянки, не получив вовсе светского воспитания, вошед чрез замужество в высший круг общества, инстинктом своим постигли все его тайные пружины и заняли в нем блистательное место, исполнив необходимое и непреложное условие, т. е. выучившись говорить по-французски. В это время дочь Марии Петровны училась по-француз-

ски, зная уже хорошо русский язык. Если б ей суждено было занять место в высшем круге, она, без всякого сомнения, обратила бы на себя общее внимание.

Школа моя была свет, и большую часть того, что я знаю, я изучил на практике, прежде чем прикоснулся к теории. В каждом кругу, в который судьба бросала меня, я наблюдал, изучал, расспрашивал и потом искал в книгах основания и правил. Живя у таможенного чиновника, я часто беседовал с ним и с его товарищами о тогдашнем состоянии торговли. Все жаловались на ее упадок, а таможенные чиновники жили припеваючи! Когда трава выгорит от засухи и овцы ищут корма врозь – волкам привольное житье!

Наполеон, убедившись, что нет никаких средств принудить Англию к заключению мира с Франциею, на основании его системы, решился употребить крайние меры и уничтожить ее торговлю. Для этого он выдумал континентальную систему и завел дружеские связи с Персиею, чтоб оттуда напасть на английские ост-индские владения. По Тильзитскому миру Россия пристала к континенталь-

ной системе, заключавшейся в том, чтоб прекратить все торговые сношения твердой земли (continent) с Англиею, запереть гавани не только для ее кораблей, но даже не дозволять ввоза английских товаров и произведений английских колоний на кораблях дружеских держав. Эти меры были отяготительны для всей Европы, а более всего ощутительны были для России. В то время русская фабричная и мануфактурная промышленность была в самом плохом состоянии, так сказать, в колыбели. В России изготовлялись только изделия для употребления простого народа. Поместное дворянство, чиновники и достаточные купцы употребляли товары английские и отчасти французские. Ни один порядочный человек не носил платья из русского сукна, и ни одна женщина из образованного сословия не могла, хотя бы и желала, употребить русские изделия для своих нарядов. Русское изделие и дурное изделие были синонимы, и притом по всей справедливости. Все изделия английских фабрик и мануфактур были чрезвычайно дешевы, гораздо дешевле и лучше даже нынешних русских изделий, которые мы хва-

лим теперь отчасти потому, что некоторые из этих изделий точно хороши, а более восхваляем из патриотизма. Главный недостаток русской фабричной промышленности был, есть и будет тот, что фабрики наши по мелочному расчету пускают в продажу брак [1878] вместе с хорошим товаром, когда, напротив, в Англии все произведения одной фабрики равного достоинства. Правило, что фабричная и мануфактурная промышленность обогащают народ, может быть применено только к мало-земельному государству, изобилующему народонаселением, прилегающему к морю и имеющему собственные колонии близ экватора, т. е. страны, производящие так называемые колониальные товары. Англия создана самою природою для фабричной промышленности и заморской торговли. Для России это правило вовсе не применимо, ложно и даже вредно. Никогда не было в России столько общего довольства, как до континентальной системы, т. е. до тех пор, пока у нас не вздумали выделывать все изделия, которые мы получали прежде из чужих краев в обмен за наш хлеб и за наш сырой русский товар, т. е. сало,

пеньку, льняное семя, поташ, лес, деготь, смолу и тому подобное. Теперь деньги сосредотачиваются в коммерческом сословии, а тогда разливались по сословию многочисленному, т. е. земледельческому. Англия тогда вовсе не помышляла о том, чтоб продовольствоваться своим хлебом. Земледелие в Англии было в пренебрежении, и она довольствовалась хлебом из балтийских портов, в которые ввозила свои фабричные и мануфактурные изделия. Английское усовершенствованное земледелие возникло со времени континентальной системы, и теперь, когда Англия только в случае неурожая должна прибегать к помощи земледельческих государств, она отдает всегда преимущество Северной Америке, с которою состоит в прямых коммерческих отношениях. С упадком русской хлебной торговли наше земледельческое сословие потеряло весьма много! Одесса, возникшая с тех пор, процветает хлебную торговлею, но имеет свои счастливые торговые годы по мере урожаев или неурожая в Западной Европе. Верного ничего нет! Постоянная русская хлебная торговля, обогащавшая беспрерывно балтий-

ские и черноморские порты, исчезла невозвратно.

До принятия континентальной системы Россией в Ригу и Петербург иностранные корабли приходили тысячами. В 1807 году из портов Балтийского моря вывезено товаров на 43 027 294 рубля ассигнациями, ввезено в балтийские порты товаров на 27 394 978 рублей ассигнациями. В 1808 году в Кронштадт пришло кораблей всего шестьдесят пять, в Петербург семь, а вышло из обоих портов девяносто шесть кораблей. В Ригу пришло всего двести тридцать два корабля, вышло двести тридцать четыре. В 1809 году всех товаров вывезено из Петербурга на 15 055 465 рублей ассигнациями; ввезено на 2 236 023 рубля ассигнациями. В 1810 году вывезено из Петербурга на 23 055 465 рублей ассигнациями; ввезено на 8 040 107 рублей ассигнациями[1879]. Но из этих обнародованных чисел верны были только числа приходивших и отходивших кораблей. Привезено было товаров, по крайней мере, вчетверо более. Англичане крейсировали не только в Балтийском море, но заходили даже в Финский залив, приближались к Крас-

ной Горке[1880] и к Толбухину маяку[1881], забирали русские и иностранные купеческие корабли, принадлежавшие странам, состоявшим под властью или влиянием Франции, и русские транспорты и ластовые суда[1882], отправляемые из Кронштадта в Финляндию. Флот наш стоял на рейде и даже выходил в море и дрался с англичанами, но это нисколько не помогало торговле, которая производилась только скрыто, контрабандою. По правилам континентальной системы некоторым кораблям можно было давать позволение (franchise[1883]) на ввоз аптекарских материалов. Под этим предлогом привозили дорогие английские фабричные и мануфактурные изделия, которые быстро расходились в Петербурге. Кроме того, англичане, находясь в сношениях с некоторыми коммерческими домами в Петербурге, отправляли к ним корабли ганзеатических городов[1884] с английскими товарами, и английский флот пропускал их, а на выгрузку товаров у нас смотрели сквозь пальцы. Потребности высшего сословия были удовлетворяемы, хотя и по высокой цене; но от этой торговли обогащались только некото-

рые частные лица. Снисходительное правительство, уступая необходимости, не предпринимало строгих мер для прекращения торговли английскими товарами, без которых тогда весьма трудно было обойтись, но в случае явного протеста со стороны таможни долженствовало принять решительные меры, и потому торгующее с Англиею купечество было обязано иметь на своей стороне таможни. Возникли колоссальные имущества в купеческом и чиновничьем сословии. Купцы делали свое дело, пользовались счастливыми обстоятельствами, не нарушая воли высшего правительства, следовательно, они не могут подвергаться никакому порицанию; напротив, заслуживают похвалу за искусное и ловкое ведение своего дела для общей пользы. К числу самых редких случаев тогдашнего быстрого обогащения принадлежат торговые дома Таля и Классена, которых основатели, лифляндские уроженцы из бедного сословия, умели в это трудное время умом и деятельностью нажить миллионы. Покойному барону Штиглицу также посчастливилось тогда некоторые торговые спекуляции. О чиновни-

ках, приобретающих в то время большие суммы, не могу отозваться с похвалою, а потому и должен умолчать об них, хотя имена некоторых из них и множество любопытных и забавных об них анекдотов напечатаны на немецком и английском языках в сочинениях о тогдашнем состоянии России. Об одном из таких чиновников я упомянул (без имени) в III томе, на стр. 305–306 моих «Воспоминаний»[1885]. Иностранные писатели, писавшие со слов петербургских купцов, обнародовали редкий пример неслыханной роскоши тогдашних чиновников, имевших влияние на ход торговли. Я уже говорил в прежних частях о чиновнике, который послал любимой им женщине (*à la dame de ses pensées*[1886]) полные столовый и чайный сервизы в несколько дюжин, обвернув посуду в сторублевые ассигнации!!![1887] Подобных примеров было тогда много, хотя в разных видах. Эта безвкусная роскошь, оскорбляющая высокое чувство и приличия, роскошь, пахнувшая татарщиной, была тогда в моде между чиновниками и купцами.

Второстепенные чиновники, к числу кото-

рых принадлежал мой хозяин, разумеется, не имели таких больших выгод, как чиновники высшие, но жили хорошо, даже роскошно, а благоразумные из них могли даже сберечь копейку на черный день. Если б я был охотник до рома и крепких вин, то мог бы не только купаться в них, но плавать! Так называемый *красный товар*[1888] можно было также получать гораздо дешевле, чем в лавках; и кто мог и хотел, тот пользовался случаем.

Я уже познакомил моих читателей с *левою стороною* кронштадтского женского общества. Для него отплытие флота и даже выступление на рейд было почти то же, что вакации для школьников. В то время, когда почтенные мужья занимались исправным ведением корабельного журнала или расчетливым распределением съестных припасов на корабле, нежные *супружницы* веселились напропалую с сострадательными людьми, принявшими на себя хотя приятную, но довольно скользкую обязанность утешать этих Пенелоп[1889]. На них красовались лучшие товары контрабанды. К числу забав принадлежали поездки в Ораниенбаум и в Петергоф. Это были пик-

ники, составляемые *угодниками*[1890] красавиц. Эти поездки на катерах с песенниками, а иногда с музыкою, в кругу весельчаков и ласковых красавиц, начинавшиеся на берегу уединенными прогулками и кончавшиеся пиршествами, могли бы соблазнить даже и степенного человека! Громко, дружно, весело молодые люди распевали песню, которая начиналась двумя куплетами И. И. Дмитриева и оканчивалась двумя куплетами кронштадтского барда Кропотова:

*Прочь от нас, Катон, Сенека,
Прочь, угрюмый Эпиктет!
Без утех для человека
Пусть, несносен был бы свет.*

* * *

*Младость дважды не бывает,
Счастлив тот, который в ней
Путь цветами усыпает,
Не предвидя грозных дней![1891]
[1892]*

Куплетов Кропотова не привожу; они хотя не черные, но *серенькие*! Оригинальный человек был этот Кропотов (Андрей Фролович)!

Недолго служил он во флоте и, вышед в отставку, посвятил себя служению Бахусу и десятой, безымянной, музе[1893]. Это был предтеча нынешней так называемой *натуральной школы*[1894], с тою разницею, что у Кропотова в миллион раз было более таланта, чем у всех нынешних писак. Стихи Кропотова к бывшему главным командиром кронштадтского порта адмиралу Ханькову чрезвычайно остроумны. Жаль, что не могу поместить их здесь! Кропотому недоставало науки и изящного вкуса, именно того, чего нет также и у писателей так называемой *натуральной школы*, снискавших громкую известность в России, разумеется, у людей, которым грубая карикатура понятнее, следовательно, более нравится, нежели тонкая, остроумная ирония. Кропотков пробовал издавать журнал в 1815 [1895] году под заглавием «Демокрит»[1896], который, однако ж, упал, отчасти по неточности самого издателя. Я видывал Кропотова в Кронштадте, куда он приезжал в гости к прежним товарищам и приятелям, но не был с ним коротко знаком. Излишняя, отчасти циническая его фамильярность и грубые прие-

мы пугали меня, и я держался в стороне; но иногда я от души смеялся его рассказам о самом себе. Образ его жизни, характер и поэзия изображены достаточно в трех следующих его стихах:

*О, фортуна!.. Но ни слова!..
С чердака моего (т. е. моего) пуст
ова (т. е. пустого)
Фигу я тебе кажу!..[1897]*

Тогда только смеялись над этими стихами, а в нынешнее время восхваляют в журналах гораздо худшие стихи, настоящую грязь! Но довольно об этом.

В Кронштадте было тогда учреждение страшное, но любопытное для философа, для наблюдателя человечества – это каторжный двор[1898]. Тогда не было арестантских рот [1899], и преступников ссылали или на сибирские казенные заводы и в рудники, или на каторжные дворы, находившиеся в некоторых крепостях империи, особенно приморских, для употребления в тяжелых работах в гаванях или при крепостных постройках. Кронштадтский каторжный двор, как я уже сказал, был деревянный. Это было обширное че-

тырехугольное здание в одно жилье, окнами на двор, с галереей вокруг, на которую выходили двери в так называемые палаты. Для входа и выхода были одни только ворота. В оконечности здания при воротах была караульня, две комнаты для караульного офицера и небольшая комнатка для писаря. Караул содержал Кронштадтский гарнизонный полк и высылал ежедневно пол-роты. У ворот и кругом по галерее, равно как и снаружи, по углам здания расставлены были часовые, а кроме того часть караула отряжалась в конвой для сопровождения заключенных на работу в гавань и для наблюдения за ними во время работы. Все заключенные, высылаемые на работу, были закованы в кандалах, не по два вместе, как во Франции, но поодиночке. Некоторые старики и отличившиеся хорошим поведением были без кандалов, но те уже не выходили за пределы каторжного двора. Служба караульного и дежурного офицеров была тяжелая, беспокойная и чрезвычайно ответственная. Надлежало по требованию высылать заключенных на работу, осматривать их, поверять, потом принимать возвращав-

шихся с работы, наблюдать за порядком, тишиною и занятиями арестантов. Для внутреннего управления был особый комиссар с помощниками и канцелярией. Вообще, на каторжном дворе господствовали примерный порядок и строгая субординация, и с заключенными обходились человеколюбиво. Милосердие и сострадательность – главные и блистательные черты русского характера. Народная поговорка «Лежачего не бьют» глубоко начертана в русском сердце. В Сибири ссыльных не называют иначе, как *несчастные*, и само это наименование уже вызывает из сердца сострадание. В Кронштадте заключенных также называли *несчастливыми*, и их охотно снабжали подаянием, когда они проходили по улицам на работу. В то время, когда в гавани не имели нужды в большом числе рабочих, позволялось частным людям брать с каторжного двора работников. Их употребляли обыкновенно для очистки домов, для передвижения тяжестей при постройках и для возделывания земли в огородах. Цена за работу назначаемая была комиссаром, а деньги поступали в артель. Заключенные получали хоро-

шую пищу, русские щи и кашу, пили хороший квас и одеты были сообразно климату и временам года. Едва ли в тех государствах, в которых много пишут и толкуют о филантропии, заключенные содержатся лучше, как содержались в Кронштадте. Впоследствии я имел случай видеть каторжные дворы (bagnes) во Франции, но они гораздо хуже бывшего кронштадтского каторжного двора.

Однако ж заключенные в Кронштадте были не овечки! У дежурного офицера был один формулярный список заключенных с кратким указанием, за что каждый наказан и заключен, а у комиссара был другой, пространный формулярный список с подробным объяснением преступлений каждого, т. е. перечнем из приговора уголовного суда. Страшно было заглянуть в этот второй формулярный список! Все же в ряду этих преступлений не было таких, которые обнаруживают крайнюю степень душевного разврата, утонченность злодеяния – словом, преступлений, какие представляют нам уголовные процессы во Франции и подражающие им модные романы. В русских преступниках сильно отра-

жалась скотская сторона человечества, грубая, дикая натура, свирепость и зверство, не смягченные ни верою, ни образованностью; но эти несчастные чужды были утонченности (raffinement[1900]), расчетливости порока и злобы. На кронштадтском каторжном дворе не было ни одного преступника, получившего какое-нибудь школьное образование. Почти все они были из черного, грубого народа. Заметил я, сверх того, что бóльшая часть преступников, почти все, были или круглые сироты, или дети бедных мещан (вероятно, развратных). Из двухсот пятидесяти человек едва десять человек знали грамоту!

Начитавшись романов госпожи Радклиф, Дюкре-Дюмениля и тому подобных, я чрезвычайно любопытно смотрел видеть собственными глазами разбойников, думая найти между ними Рожера (в романе Дюкре-Дюмениля «Виктор, или Дитя в лесу»), Ринальдо Ринальдини (в романе под этим заглавием) и даже Карла Моора (в «Разбойниках» Шиллера)[1901]. Нарочно для этого познакомился я с комиссаром, и как в то время дозволялось навещать караульных офицеров, то я всегда пользовал-

ся случаем, когда знакомый мне офицер был в карауле на каторжном дворе. Заключение были смиренны, молчаливы и боязливы, когда с ними обходились серьезно; но когда от них требовали разговорчивости и ответов на вопросы, когда ободряли рюмкой водки и обещали денежное награждение за откровенность, тогда они охотно выказывали свою прежнюю удаль. стакан водки пробуждал зверские инстинкты. Лицо, обезображенное отметкою палача в знак исключения злодея из человеческого общества, принимало страшное выражение при воспоминании о прежней вольной жизни. В рассказах этих несчастных вырывались слова и выражения, приводившие в содрогание слушателя!

Теперь вы можете проехать безопасно всю Россию вдоль и поперек. Бывают, хотя весьма редко, отдельные случаи, грабежи, производимые беглыми, но этого даже нельзя поставить в счет. Но в старину были целые разбойничьи шайки, имевшие свои сношения с крестьянами и даже жителями городов. Войска тогда было не много, и оно по большей части было или на границах империи, или за гра-

ницею. Внутреннее управление не имело ни той силы, ни той быстроты, как теперь, и злодеи могли укрываться в лесах и степях. Теперь разбойники существуют только в романах и повестях. Но я видел еще *в натуре* настоящих русских разбойников и пугачевских сподвижников!!! И вспомнить страшно! Что за фигуры, что за ухватки, что за язык! Самый ужасный между этими злодеями был один высокий сильный мужик, который долженствовал быть красивым, прежде чем клещи палача и печать бесчестия прикоснулись к его лицу. Он был *есаулом*, т. е. помощником атамана разбойничьей шайки на волжских берегах, и разбойничал лет десять, до поимки и уничтожения всего скопища. Звание его в шайках обратилось ему в прозвание, и все не называли его иначе, как *есаулом*. Есаул свистел так громко и так пронзительно, что сердце замирало! Воображаю, какой эффект производил этот свист на путешественника! Никакой свисток не произведет таких сильных и страшных звуков, какие исходили из-под языка этого разбойника. При свисте было еще *гарканье* для наведения ужаса на несчастную

жертву. Рев дикого зверя и шипенье или свист тропической змеи не так страшны, да и никакой зверь так не зол и не опасен, как человек, отвергнувший человечество. «Ты что за человек?» – спросил я, когда впервые увидел *есаула*. «Мастеровой», – отвечал он с улыбкою, походившею на облизывание тигра, когда он смотрит на добычу, которую не может схватить. «Какое же твое ремесло?» – «Не цеховое, сударь!» – отвечал разбойник. «Что же ты делал?» – «Шапки с волосами сдирал на больших дорогах!..» – примолвил он, бросая вокруг самодовольные взгляды. «А ты что за человек?» – спросил я другого заключенного. «Рыбак, сударь. По чужим клетям сети закидывал и багрил[1902] хозяев!» – отвечал разбойник. Очевидно, что в душу этих закоренелых злодеев не проникло раскаянье. Цинические их шутки насчет прежнего ремесла явно доказывали их загрубелость в пороках и злодеяниях.

На кронштадтском каторжном дворе было несколько человек из шайки Пугачева, людей уже состарившихся и, можно сказать, покаявшихся. С них сняты были оковы, и они не вы-

сылались на работу. Между ними был человек замечательный, племянник казака Шелудякова, у которого, как писано было в то время, Пугачев, пришед на Урал, был работником на хуторе[1903]. Этот племянник одного из первых заговорщиков и зачинщиков бунта обучался в первой своей юности грамоте у приходского священника, а во время мятежа находился в канцелярии Пугачева, часто его видал и пользовался его особенною милостию. В это время (в 1809 году) племяннику Шелудякова было лет шестьдесят от рождения; он был сед как лушь, но здоров и бодр. С утра до ночи он занимался чтением священных книг и молитвою перед образом Спасителя в своей каморке, в которой он помещался один, в удалении от всякого сообщества с каторжными.

Бывший секретарь пугачевской канцелярии не пил водки, не курил и не нюхал табак, следовательно, его трудно было соблазнить. Иногда я давал ему деньги на свечи, потом подарил несколько священных книг, оставался иногда по часу в его каморке, слушая его толкования Ветхого Завета, и нако-

нец через несколько месяцев приобрел его доверенность. Мало-помалу я стал заводить с ним разговор о пугачевском бунте, и он, как мне кажется, говорил со мною откровенно.

Не могу умолчать о комическом и последнем моем столкновении с полудиким Кабри. Он вызван был начальством Морского кадетского корпуса в Петербург на некоторое время. Утром, часов в восемь, Кабри прислал ко мне свою служанку с просьбою прийти к нему по весьма важному делу. Я немедленно отправился. Когда я вошел в комнату, он сидел в одном углу софы в задумчивости, сложив руки крестом на груди, а в другом углу сидела жена его. «Я сейчас еду в Петербург и хочу дать тебе доказательство моей дружбы, – сказал Кабри, встав с места и взяв меня за руку, – по обычаю моего любезного острова Нукагивы, муж, отправляясь в дальний путь и оставляя жену дома, поручает ее другу, передавая ему все свои права, даже власть над ее жизнью и смертью. Я передаю тебе все мои права!» Сказав это, Кабри поспешно обнял меня, потом жену и, не дав нам опомниться, схватил свой узелок, хлопнул дверью и побе-

жал опрометью к пристани.

Я стоял перед госпожою Кабри, смотря на нее с улыбкою и не говоря ни слова. Она также молчала некоторое время и смотрела на меня, но весьма серьезно, – и вдруг захохотала из всех сил и бросилась на софу. Я также расхохотался, и наша веселость продолжалась с полчаса, так что мы никак не могли остановить нашего хохота!.. «Видели ли вы когда-либо подобное сумасшествие!» – сказала наконец госпожа Кабри. «Напротив, я нахожу, что это вовсе не глупо», – возразил я иронически, и мы опять принялись хохотать. Наконец, когда мы успокоились и переговорили о положении госпожи Кабри, оказалось, что нежный муж оставил ей только один рубль серебром[1904] на житье! Разумеется, чтоб оправдать доверенность мужа, я должен был из небольшой моей казны уделить несчастной Ариадне[1905] на содержание дома.

Наконец я оставил Кронштадт, в котором прожил не без пользы около полутора года [1906]. Во-первых, я узнал поближе человечество в разных его видах, присмотрелся к

практическому ходу дел, что было для меня до тех пор чуждо; а во-вторых, я прочел весьма много и имел время обдумать прочитанное. Но приобретение некоторой опытности и распространение области мышления все же не имели сильного влияния на изменение моего характера. При сангвиническом темпераменте и пагубной воспламенительности мудрено юноше на двадцать втором году от рождения, как бы он умен ни был, управлять собою. Что шаг, то искушение; на каждом крутом повороте – пропасть! Другого такого руководителя, как генерал фон Клуген, я уже не нашел и беспомощный устремился по скользкому пути жизни... С ним одним простился я со слезами!

Генерал фон Клуген сам был тронут. Добрый старик расставался со мною как с сыном и подарил мне на память свои пистолеты, бывшие с ним во всех его походах, и золотую печать с гербом польского генерала Ясинского, убитого в Праге. Эту печать генерал фон Клуген купил вместе с часами за два червонца у гренадера, получившего их в добычу.

Собрание красавиц сравнивают обыкно-

венно с цветником. Не знаю, понимал ли тот, кто первый выдумал это сравнение, что он вместо мадригала состряпал жестокую эпиграмму! Цветы прельщают взор, но ведь цветок при всей своей красоте растение холодное и скоропреходящее. Только бездушную кокетку можно сравнивать с пышным, красивым цветком. То, что привязывает душу благородного человека к женщине, невыразимо человеческим языком! Нежность чувствований (*délicatesse*[1907]), высокие помыслы, рождающиеся, так сказать, безотчетно в голове женщины, и наконец, душевная доброта и скромность, сливаясь вместе, образуют *одно качество*, которому нет имени! Женщину, обладающую этим качеством, мы обыкновенно называем высшим существом: земным ангелом. Не касаюсь высшего кронштадтского круга общества, но в том женском круге, который я назвал в шутку *либеральным*, были прелестные цветы, хотя не было ни одного земного ангела. Из всех моих прекрасных знакомок я простился только с г-жою Кабри, так сказать, по обязанности. Это было последнее прощание и последнее свидание. Вскоре по-

сле моего отъезда из Кронштадта Кабри отправился с женою во Францию, надеясь найти какое-либо место в отечестве. Но во Франции и без него довольно было искусных пловцов, нырков и всяких фокусников, и Кабри, не получив никакого казенного места, доведен был до крайности и, как я после узнал, показывал себя за деньги в балагане, на ярмарках, под названием *дикого камчадала*. Он умер до моего приезда во Францию, а жена его поступила в буфетчицы или конторщицы (*dame du comptoir*) к содержателю кофейного дома в Милане.

Почти год прожил я в Лифляндии и Эстляндии. Кто знал эти губернии за сорок лет пред сим, тот согласится со мною, что они теперь чрезвычайно переменились. Нравы, обычаи, образ жизни, сельское хозяйство, торговля, промышленность – все приняло другой вид и другие формы. Многие преобразовались к лучшему, и в этом разряде первое место занимает земледелие; а иное изменилось к худшему. Известно, что остзейские губернии пользуются особенными правами и управляются своими собственными законами

или смесью привилегий, данных дворянству и городам епископами, гермейстерами[1908], польским королем Сигизмундом Вторым и шведскими королями. На основании этих привилегий, исключая исполнительную и политическую части, все внутреннее управление края предоставлено дворянству, а городов – бургомистрам и выборным членам магистрата. Здесь не место ни хвалить, ни критиковать различные обветшалые учреждения, принадлежащие феодальным временам и сокрушившиеся от древности во всей Европе. Но как распределение земских повинностей и все распоряжения относительно внутреннего управления края подлежат ландтагам, или дворянским собраниям, то много полезного или вредного зависит от этих ландтагов, на которых все дворяне, даже беспоместные, но вписанные в матрикул, или дворянский список губернии, имеют голос, могут предлагать и отвергать разные меры. В старину и в то время, когда я был в первый раз в Лифляндии, дела общественные зависели от мнения людей почтенных, всеми уважаемых, пожилых, опытных, давших неоспоримые до-

казательства своего разума, познаний и беспристрастия. Тогда в Лифляндии жили многие старики, занимавшие важные должности в государстве, находившиеся при блистательном дворе императрицы Екатерины Второй, отличившиеся усердием и познанием дела в службе военной и гражданской. Были и почтенные старики, прошедшие жизнь на службе по дворянским выборам, облеченные общою доверенностью и уважением. Почти все они образовались в германских университетах, пользовавшихся в то время заслуженною славою. Так называемой *юной* Германии [1909] тогда не существовало, а была Германия честная, трудолюбивая, богобоязненная, покорная властям и законам. Из этой Германии пересаживались благое просвещение и полезные примеры в остзейские губернии. Этот почтенный ареопаг [1910], т. е. ландтаги, предводимые практическими мудрецами, составили нынешнее положение о крестьянском сословии [1911], предположили основать Дерптский университет на счет дворянства (который потом поступил на иждивение казны) [1912], основали разные ученые общества

[1913] для пользы края и ввели рациональное германское хозяйство[1914]. Все, что есть доброго и полезного в крае, учреждено и обдуманно людьми той эпохи, о которой я теперь говорю. Молодые люди не выезжали тогда в чужие края праздну шататься из города в город, из трактира в трактир; не дерзали составлять партий на ландтагах и дворянских выборах противу людей заслуженных, почтенных и опытных; не хвастались приверженностью к чужеземному, не оскорбляли старших себя своим высокомерием, но были послушны умным старикам, правдивым коноводам дворянства, и уважали общее мнение. Остзейское дворянство во всех отношениях было примерное, имея достойных представителей в государственной службе пред лицом монарха. Гостеприимство в остзейских губерниях не было такого рода, какое укоренено в нашем славянском племени. Остзейские немцы не заимствовали ни от поляков их народной пословицы: «Гость в доме, Бог в доме» (Gość w domu, Bóg w domu), ни от русских известных поговорок «Что в печи, все на стол мечи» и «Не красна изба углами, красна пирогами»

и тому подобных. Но все же в то время в Лифляндии и в Эстляндии были старинные фамилии, которые зимою проживали в городах и принимали гостей. Тон в этих обществах был столичный, водворенный почтенными мужами и дамами, проведенными молодые лета при дворе императрицы Екатерины Второй. Музыка, танцы, приятная беседа одушевляли эти собрания, и молодые люди приобретали в них ту полировку, которая отличает благовоспитанного человека от грубой народной массы. Невзирая на упадок торговли по причине войны с Англией, в остзейских губерниях было тогда много денег, и недвижимые имущества приносили большие доходы. По всему берегу производилась сильная контрабандная торговля хлебным вином, которое перевозили в Финляндию и Швецию, а оттуда доставляли соль и сельди. Положение крестьян не было, однако ж, так хорошо, как теперь, при полном развитии благодетельного положения о крестьянах, дарованного императором Александром Первым[1915]. Теперь в остзейских городах тихо, как в монастырях, а в то время в Риге и Ревеле[1916] жили шумно и весело.

Тут была публичная жизнь, как в иностранных городах. С приятностью вспоминаю о проведенном мною времени зимою 1810 года в Ревеле. Еще есть товарищ моих юношеских наслаждений в Ревеле, Александр Карлович Гирс (ныне полковник в пограничной страже), бывший тогда подпоручиком в Финляндском драгунском полку. Мы жили вместе с ним на Петербургском форштадте[1917], в трактире Энгеля, и по утрам составляли планы, как провести приятно день и вечер. В клубах ежедневно бывали публичные обеды, а вечером в клубе, называемом «Einigkeit» («Согласие»), метали банк, потому что публичные азартные игры тогда не были запрещены [1918]. В театре каждую неделю бывали маскарады. Русских офицеров, особенно морских, было множество в Ревеле, и в танцовщиках не было недостатка. Карточная игра рассыпала деньги по рукам, но, как водится, молодые люди не считали проигрыша, а выигрыш почитали обязанностью проживать с приятелями, и от этого все веселились, не чувствуя недостатка в деньгах. Жизнь быстро летела по ясному горизонту, и вдруг, без бури, меня

поразил гром!.. Судьба моя совершенно изменилась, жизнь приняла другой оборот и другое направление. Я должен был оставить военную службу[1919].

Оправдывая себя, надобно невольно обвинить кого-нибудь. Этого я не могу сделать, а если б и мог, то не сделал бы, потому что человек, на которого я имел право жаловаться, чрез пятнадцать лет после того сознался в том, что он был неправ. Я от души простил ему, прижал его к сердцу, следовательно, все кончено! Этот человек кончил жизнь свою самым печальным и ужасным образом! Нас поссорила *страсть*, а страсти ослепляют и мудрецов. Мои лета (двадцать один год) предпочтены были сорока пяти тяжелым годам, и я должен был заплатить дорого за мое безрассудство. Многие из товарищей моих живы, и ни один из них не скажет, чтоб я изменил в каком бы то ни было случае чести и обязанностям офицерского звания или чтоб запятнал, хотя бы сомнительным поступком, достославный русский военный мундир. Сверх авангардных и арьергардных стычек и аванпостных перестрелок, я был в течение моей

службы в *шестнадцати* сражениях, удостоился знака отличия между храбрыми товарищами и, могу сказать, был любим ими, может быть, более, нежели того заслуживал. Смело смотрю я в глаза каждому старому товарищу и сослуживцу и радостно встречаю их в убеждении, что ни один из них не сделает мне никакого упрека. Но как твердит русская пословица, «грех да беда на ком не живет!» Глупцом не могу назваться и умишком моим не чванюсь. Однако ж гораздо было бы для меня полезнее, если б природа дала мне менее ума и более хладнокровия. Терпению выучился я уже впоследствии!.. Впрочем, в уповании на Бога и Святой Его Промысел я верю, что все на свете к лучшему и что несчастье так же нужно для укрепления души, как иная болезнь для возобновления сил телесных.

Пусть враги мои говорят что угодно. Клевета может действовать только при жизни, а я пишу для детей моих[1920] и смело скажу: оставляю им безукоризненное имя!

Из Вендена[1921] отправился я в Ригу и, прожив уединенно недели две в этом городе, отправился к моей матери, в Маковици

(Минской губернии Бобруйского уезда), чрез Митаву на Вильно и Минск. На пути я был свидетелем и невольным участником комико-трагического происшествия.

∨

Похищение жидовки: трагикомедия. –

Война с жидами. – Разбойничий вертеп. – Хладнокровие и мужество женщины побеждают разбойников. –

Старинное своеволие. – Поездка к родным в Гродненскую губернию. –

Старинные похвальные нравы и обычаи. – Приключение в Клецке, за которое дорого заплачено по прошествии сорока лет. – На чем было основано могущество жидов в

Польше. – Знакомство с родственниками. – Старинная польская охота. – Старинный польский магнат. –

Память о пройдохе Казанове. – Я отправляюсь в Варшаву. – Тогдашнее бедственное положение герцогства Варшавского. Варшава в то время. –

Театр и тогдашние артисты. –

Характеристика князя Иосифа Понятовского. – Храбрый воин из жидов

**полковник Берко. – Смерть его. – Я
отправляюсь в Париж. – Тогдашняя
Германия. – Дух народа. Нравы и
обычаи. Немецкая ученость. – Влияние
германских университетов на общее
мнение**

В Шавлях в трактире, в котором я остано-
вился на ночь, познакомился я с капита-
ном Второго гусарского (так называемого се-
ребряного) полка герцогства Варшавского
[1922] графом О. Он давно уже слег в могилу,
и я не оскорблю его памяти, сказав, что он
был порядочный шалун в своей молодости.
Он приезжал в Вильну и в Шавли по денеж-
ным делам и, возвращаясь в Варшаву чрез
Ковно, уговорил меня своротить с дороги и
проводить его до Ковно, предложив место в
своей бричке.

На пути между Шавлями и Ковно мы оста-
новились в одном городишке (местечке), чтоб
пообедать в жидовской корчме, носившей на-
звание трактира, или, как говорят поляки, в
о*бержи* (auberge[1923]), потому что тут был
бильярд. Известно, что у жидов не соблюдает-
ся в браках никакой соразмерности в годах

относительно к мужескому полу и что двадцатилетних девушек выдают замуж за двенадцати- или тринадцатилетних мальчиков по фамильным или денежным расчетам. Сын содержателя корчмы, в которой мы остановились, мальчик лет двенадцати, хилый и чахлый, был женат на красавице лет двадцати двух, проворной, ловкой жидовке, которая помогала в хозяйстве своей теще. Мой спутник был также молодец собою, красавец, говорун и умел, как говорится, выказать копейку ребром. Он нашел средство переговорить с красавицею и объявил мне, что остается на несколько дней в этом местечке, убеждая меня не оставлять его. Не имея надобности торопиться, я согласился, намереваясь воспользоваться случаем, чтоб осмотреть католический монастырь, в котором была старинная библиотека и школа. В это время я занимался историей водворения лютеранизма в Польше, и мне хотелось переговорить с каким-нибудь из ученых монахов, потому что в этом монастыре была главная оппозиция противу водворения в местечке Кейданах[1924] князем Радзивиллом шотландских выходцев – протестантов.

стантов, оставивших отечество при английском короле Якове Первом, во время религиозных смут в начале семнадцатого века[1925]. На другой день я пошел в монастырь, был весьма ласково принят настоятелем и после осмотра классов и библиотеки приглашен им к обеду. Пока я занимался историческими расспросами, товарищ мой выдумал историю другого рода. Когда я возвратился в корчму, он стал просить и заклинять меня отправиться немедленно на перекладных на первую станцию (это было около семи часов вечера) и ждать его, убеждая притом не спрашивать о причине, которую я узнаю при свидании на станции. Я согласился, послал за почтовыми лошадьми, уехал и, прибыв на первую станцию, лег спать. Часа в три утра слуга моего товарища разбудил меня и сказал, что барин ждет меня в экипаже. Я вышел. Бричка была наглухо закрыта, как во время сильной бури, хотя погода была прекрасная. Я заглянул внутрь брички – и отступил с удивлением! Рядом с моим спутником сидела красавица-жидовка, сноха трактирщика. Ветрица была весела и, будто закрываясь от ме-

ня платком, лукаво улыбалась. «В своем ли ты уме, – сказал я по-французски товарищу, – и подумал ли о последствиях?» – «Какие тут размышления, – возразил он, смеясь, – только бы добраться до Ковна, а там перепрыгнем за границу – и все кончено!» – «Но что же ты сделаешь с этою несчастною?» – сказал я. «Какое тут несчастье; ведь я не насильно взял ее, а добровольно, и хорошенькая бабенка нигде не пропадет... Садись, – примолвил он, – места довольно для троих». Я велел моему мальчику ехать за нами на перекладных, а сам сел в бричку, и мы поскакали. Три станции гнали мы во весь опор, расточая деньги, угрозы и побои, а на четвертой станции остановились, чтоб подмазать оси, которые два раза загорались, и подкрепить наши силы пищею. Станцию содержал жид, и все семейство завопило, когда увидело прекрасную Рифку в нашей компании. Рифка не растерялась, вошла в комнату с гордым видом, несколько театрально, и сказала знакомым ей хозяину и хозяйке, что она уже христианка. Мы велели подать все, что есть съестного, и сели за стол. Рифка ела все, не разбирая, что *треф*, а что *кошер*

[1926], и в это время слуга моего товарища известил нас, что бричка требует небольшой починки. Делать было нечего. Вдруг часа через два после нашего приезда, когда уже стали впрягать лошадей в наш экипаж, подъехали к крыльцу три брики с жидами. Их было до двадцати человек. Товарищ мой оставил меня с Рифкою в комнате и побежал к бричке за нашими саблями и пистолетами. Настала кутерьма, которую невозможно изобразить! Жиды кричали, вопили, рвались в бой, чтоб силою отнять красавицу, но ничего не могли сделать. Слуга моего товарища с охотничьим штуцером и мой мальчик с пистолетом оставались при бричке для ее охранения, а мы с тремя пистолетами и парюю сабель находились в комнате, в которой было всего два окна. Дверь заперта была снутри задвижкой. Товарищ мой объявил осаждающим, что при первом насильственном их движении мы станем стрелять и рубить насмерть. Жиды хотели склонить ямщиков деньгами на свою сторону, но не успели в этом. Ненависть к жидам в литовском крестьянине сильнее всех других страстей, и напротив, ямщики объяви-

ли, что они не позволят обижать панов. Толпа ямщиков стала возле брички на помощь нашим людям. Пошло на переговоры. Жиды объявили, что Рифка взяла с собою весь свой жемчуг на значительную сумму, преувеличенную жидами до ста тысяч рублей, и деньги, бывшие в кассе трактирной. Мой товарищ отвечал, что это до него вовсе не касается и что он согласен, чтоб Рифка возвратила деньги и жемчуг. Но Рифка на это не согласилась, утверждая, что жемчужные повязки, серьги и прочее составляют ее собственность и что денег она не брала из кассы. Раввин произнес под окном трогательную речь, но Рифка пребыла непоколебимою. Тесть Рифки объявил, что он уступает нам весь жемчуг Рифки с тем, чтоб мы отдали ее, и за это товарищ мой швырнул в него костью от съеденного нами телячьего жаркого и подбил ему глаз. Наконец лошади были впряжены в нашу бричку, и мы прошли чрез толпу жидов, расступившихся перед грозным дулом наших пистолетов, сели в экипаж – и поскакали. Жиды следовали за нами в нескольких верстах. Более всего мы удивлялись тому, что жиды не заез-

жали вместе с нами на станции, но останав-
ливались в виду и тогда уже приближались к
воротам, когда мы трогались с места. Очевид-
но было, что они решились ехать за нами до
Ковна, и это беспокоило меня, потому что я
предвидел последствия, но из ложного стыда
не мог оставить товарища в опасности, хотя
мне весьма легко было бы отстать от него и
ехать по моей подорожной.

Мы приехали в Ковно ночью. На заставе
нас остановили. Тут нас уже ожидал заседа-
тель нижнего земского суда и офицер город-
ской полиции с толпою понятых и полицей-
ских служителей.

При первой нашей встрече с жидами они
выслали двух своих вперед, которые, прибыв
в Ковно за несколько часов перед нами, успе-
ли принести жалобу и исходатайствовать по-
кровительство. Заседатель объявил, что име-
ет приказание проводить нас на почтовую
станцию и не выпускать из города, пока ка-
питан-исправник не разрешит дела по жало-
бе жидов, а полицейский офицер сказал, что
должен нас караулить. Шагом поехали мы на
станцию и, как бы ничего не бывало, поужи-

нали и легли спать. На другой день утром явились городничий и капитан-исправник с отцом Рифки и раввином. Толпа жидов стояла у ворот. Начались вопросы и расспросы. Я с первого слова объявил, что все это дело до меня вовсе не касается, что я еду по своей подорожной и вовсе не причастен к похищению красавицы. Товарищ мой и жида подтвердили это, и меня оставили в стороне. Я немедленно пошел к земскому судье Хлопицкому (родному брату знаменитого генерала, бывшего тогда в Испании в чине полковника) и, рассказав ему о похождениях моего товарища, просил выпутать его из беды. Хлопицкий знал моих родных, принял меня весьма ласково и охотно согласился помочь польскому офицеру. Мы пошли с ним немедленно на станцию. Перед домом стояла уже толпа народа, и как окна во втором этаже были отперты, то шум и крик раздавались на улице. Мы вошли в комнату. Капитан-исправник и городничий хотели кончить дело миролюбиво, обещали моему товарищу путешествия взять подписку от тестя Рифки и раввина, что ей не будет сделано никакого наказания за побег, и

усоветничали похитителя не противиться и отдать жидовку, которая в это время стояла в углу за своим возлюбленным, защищавшим ее собою. Похититель поддавался, но Рифка вопила, что перережет себе горло, если ее отдадут жидам, уверяя, что она хочет быть христианкою. После долгих споров Хлопицкому наконец удалось кончить дело. Он послал за своим экипажем и взялся проводить Рифку в католический женский монастырь, а похитителя убедил немедленно выехать за границу. Товарищ мой стал перешептываться с Рифкой, вероятно обещая приехать за ней, когда она примет христианскую веру, и она согласилась отправиться в монастырь. Между тем запрягли лошадей для польского офицера, и он немедленно уехал в сопровождении заседателя, следовавшего за ним в почтовой тележке. Тем кончилось это происшествие, и жида напрасно проехали до Ковно.

Я остался на сутки в Ковно, потому что Хлопицкий пригласил меня к обеду, и я не хотел отказать ему. Он рассказал мне много о членах моей фамилии, которой я вовсе не знал, и возбудил во мне охоту познакомиться

с родственниками. Но я поехал прежде к моей матери.

Дела моей матери после самого счастливо-го и блистательного окончания процесса в Петербурге, вместо того чтоб принять благоприятный оборот, пришли в совершенное расстройство, обогатив ее поверенных. Этот процесс – настоящий роман, но я не стану говорить о нем, потому что без собственных имен он лишился бы всей своей занимательности. Скажу только, что лицо нотариуса Феррана в романе Евгения Сю «Парижские тайны» повторилось в натуре в нашем фамильном процессе, только без смертоубийств[1927]. Огромное состояние исчезло в руках поверенных, как шарик в руках фигляра Боско! Во время моего пребывания у матери она рассказывала мне приключение, случившееся с нею в то время, когда я был в Финляндии.

Во время Финляндского похода мать моя приезжала в Петербург. Она прожила несколько времени в Белоруссии, где у нее были два брата Бучинские, один крайчий (т. е. кравчий) литовский, другой председатель Главного витебского суда, люди богатые и хо-

лостые. В Орше жил с семейством своим родственник ее, камергер бывшего польского двора Валицкий, брат богатого графа (Австрийской империи) Валицкого, находившегося тогда в Петербурге. Братья моей матери никогда не отпускали ее в Петербург без провожатого и всегда снабжали ее деньгами. На этот раз взялся сопутствовать моей матери бывший камергер Валицкий, который, просватав старшую дочь свою, хотел лично объявить об этом своему богатому брату. Прожив около двух месяцев в Петербурге, мать моя отправилась в обратный путь с тем же польским камергером Валицким. Богатый и щедрый брат дал ему значительную сумму денег в приданое своей племяннице, и кроме того, несколько турецких шалей, множество кружев, шелковых материй и два полные алмазные прибора (как тогда называли склаважа). Карета была нагружена внутри и снаружи дорогими вещами.

Не помню, с первой или со второй станции не доезжая до Витебска, Валицкому должно было поехать в сторону к приятелю, который поручил ему какие-то денежные дела в Петер-

бурге. Имение приятеля Валицкого находилось верстах в двадцати пяти от станции; Валицкий нанял тройку лошадей у жида, содержателя станции, и отправился перед полуднем, обещая возвратиться к утру другого дня.

При матери моей находились польская камер-юнгфера (т. е. панна) и известный уже читателям старый слуга моего отца Семен. Когда смерклось, мать моя и панна легли спать на другой половине корчмы, в комнате, которую обыкновенно называют гостиною, а Семену приказала не отлучаться от кареты, стоявшей перед корчмой под окнами. Мать моя, слабого сложения и нервического темперамента, имела весьма легкий сон и пробуждалась при малейшем шуме, а притом не могла спать без огня в комнате. Ложась отдыхать, она приказала засветить ночник, который поставили в камине. Постель для моей матери постлана была на большом столе, а для панны на полу, на соломе, потому что мать моя не решилась бы даже приблизиться к жидовской кровати. Около полуночи шум в соседней комнате разбудил мою мать. Она

взглянула на дверь, которая была заперта, когда она ложилась спать, и увидела, что дверь легонько отворилась и высунулась жидовская голова. «Чего вам надо?» – спросила моя мать. «Ничего! – отвечал жид сердито, – зачем у вас огонь: вы сожжете корчму». – «Пустое, оставь меня в покое». Дверь затворилась, и настала тишина. Мать моя не могла уже заснуть. Через полчаса дверь снова полуотворилась, и та же жидовская голова выглянула из другой комнаты. «Оставьте ли вы меня в покое!» – сказала мать моя. «Какой тут покой! – возразил дерзко жид, – погасите огонь и спите!.. Нам нельзя позволить, чтоб у вас горела лампада при соломе». – «Если вы не оставите меня в покое, я велю сейчас же запрягать лошадей, поеду в Витебск и пожалуюсь губернатору», – сказала матушка. Жид проворчал что-то, хлопнул дверью, и мать моя услышала в другой комнате шепот, из которого прорывались слова, громче сказанные. Очевидно было, что в другой комнате несколько жидов спорили между собою, понизив голос, и что некоторые из них не могли воздержаться в своей запальчивости.

Мать моя легла поживать не раздеваясь; она поспешно встала с постели, разбудила панну и выбежала из корчмы на большую дорогу. Вообразите ее положение! Все сундуки и ящички с кареты были сняты, дверцы отперты настежь, а Семен лежал – под каретой. Выбжавшая вслед за матерью моею панна стала будить Семена, но он был как мертвый. Ужас овладел моей матерью при воспоминании о сцене в корчме... но врожденное мужество, пробужденное опасностью, восстановило в ней обыкновенное присутствие духа. В дормезе[1928] варшавской работы, в стенках по обеим сторонам сиденья были два потайные ящичка, и в каждом ящичке было по паре заряженных пистолетов. По счастью, воры, выбирая вещи из кареты, не нашли этих ящичков. Мать моя добыла пистолеты, дала пару панне и вместе с нею поместилась в заломе стены, образующей угол, чтоб обеспечить себя от нападения с трех сторон. Едва они заняли эту *крепкую позицию*, жида выбежали гурьбою из корчмы... Четыре пистолетные дула, направленные в толпу, остановили жидов. «Вы можете убить нас, – сказала мать моя твер-

дым голосом. – Но четверо из вас должны непременно погибнуть, если вздумаете напасть на нас...» Из толпы выступил оратор... «Помилуйте, сударыня, как вы можете думать, что мы хотим убить вас. – сказал он. – Увидев из окна, что ваш экипаж ограблен, я разбудил родных и приятелей, съехавшихся ко мне на шабаш, чтоб исследовать дело... Верно, воры притаились с вечера в лесу... мы пойдем и поищем, не сложили ли они где-нибудь вещей, а вы не опасайтесь ничего, войдите в корчму и успокойтесь». Мать моя решительно отказалась следовать советам жида и повторила угрозу... Жиды совещались между собою... Можно себе представить, в каком положении находились две женщины!

Конюшня и изба, в которой жили ямщики из христиан, находились шагах в пятидесяти от корчмы. Мать моя не доверяла ямщикам, хотя панна, прежде чем жиды выбежали из корчмы, советовала бежать в ямщичью избу. Но страх превозмог в панне повиновение, и она начала во все горло кричать: «Разбой, разбой, помогите!» Пронзительный голос панны, раздававшийся далеко, разбудил дремавшего

караульного ямщика. Он выбежал за ворота и увидел толпу жидов возле кареты, догадался, что тут что-то неладно, и разбудил ямщиков. Несколько из них из любопытства пришли на место действия. Мать моя в нескольких словах объяснила им дело, и смиренные белорусские парни, ненавидящие вообще жидов, остановились в безмолвии на стороне... К ним подошли другие ямщики, и жида возвратились в корчму. Начало светать – и вдруг примчалась тройка. Возвратился Валицкий. Ямщика не было – он сам правил лошадьми...

Увидев матушку и панну с пистолетами в руках, карету без сундуков, Семена лежащего под каретою, Валицкий по соображению с случившимся с ним догадался, в чем дело. Он рассказал моей матери ужасное свое приключение. На возвратном пути ямщик его, дюжий парень из раскольников-филипонов [1929], завез его в лес едва проезжею тропинкою, опрокинул и, не найдя топора, выпавшего из телеги, бросился на него и стал его душить. Валицкий был человек лет за сорок, но сильный и здоровый. Опасность удвоила его силы. В то время когда телега опрокинулась и

ямщик напал на него, он держал в руке золотую табакерку и так сильно ударил ею в висок ямщика, что тот остался без чувств на месте. Валицкий поднял телегу, поворотил лошадей, выбрался кое-как из лесу и, выехав на большую дорогу, пустился во всю конскую прыть. Существование заговора на смертоубийство и грабеж были очевидны. Валицкий был человек решительный и мужественный. Он вооружился парюю пистолетов, добыл порох и пули из каретного ящика и, объяснив дело ямщикам, убедил их принять его сторону. Семена стали отливать водою и привели в чувство; но он был без сил и не мог держаться на ногах. Он сказал, что его напоили допьяна жиды, потчевая даром различными водками. Между тем Валицкий расхаживал по большой дороге и стрелял из пистолетов холостыми зарядами; жиды не показывались из корчмы.

Взошло солнце. Это был воскресный день, и вскоре большая дорога оживилась. Из ближнего шляхетского селения (по-польски *околицы*, *okolicy*[1930]) начали съезжаться шляхтичи (нынешние *одиндворцы*) с своими

женами и детьми по пути в церковь, находившуюся верстах в семи за станцией. Валицкий останавливал проезжающих и рассказывал им о происшествии, прося помощи. Набралось шляхтичей и крестьян до полусотни. Содержатель станции не мог отказать в лошадях, и несколько шляхтичей взялись провожать мать мою до Витебска.

Мать моя остановилась в Витебске у брата своего, председателя, который с Валицким отправился к губернатору и донес о случившемся. Немедленно выслана была на станцию городская полицейская команда с несколькими офицерами и особым чиновником; туда же поскакал капитан-исправник с отрядом гарнизонных солдат, и на другой день привезли в город несколько связанных жидов и все ограбленные вещи. Жиды не имели даже времени разбить сундуки и ящики; их нашли в анбаре, в закроме, где хранился овес.

По следствию оказалось, что содержатель почтовой станции, жид, был уведомлен из Петербурга приятелями своими (а жиды, по мнению поляков, все *знают*), что Валицкий везет огромные сокровища, и составили заго-

вор, чтоб убить путешественников, присвоить вещи и деньги и, отвезя карету в лес, находящийся в сотне шагов от корчмы, сжечь ее. Тогда в окрестностях бродили дезертиры и укрывающиеся от службы рекруты и нападали даже на дома и на путешественников. Жид думал своротить на них этот разбой. Ямщиков он перепоил с вечера, уверяя, что празднует день своего рождения; спойл Семена, подговорил одного сорванца, как после оказалось, беглого раскольника, убить Валицкого, намеревался зарезать мать мою и панну, но все это не удалось от трусости и нерешительности сообщников содержателя станции и от мужества и присутствия духа матери моей и Валицкого.

Таким происшествиям теперь и поверить трудно! Но я уже сказал, что ничего нынешнего никак нельзя сравнивать с тем, что было за полвека и за сорок лет пред сим. Не все же прежнее было дурно: много, очень много было хорошего, но полицейское управление внутри государства было весьма слабо. Между помещиками во всей России было много страшных забияк, которые самоуправствова-

ли в своем околотке, как старинные феодальные бароны, и приводили в трепет земскую полицию. Кроме того, были настоящие разбойники, нападавшие на помещичьи дома и на путешественников. Я видел в Могилевской губернии одного начальника разбойничьей шайки, чиновного дворянина с одной ногой, который был ужасом части Могилевской и Минской губерний. Этот господин С—ский (белорусский уроженец) ограбил две знакомые мне фамилии: Оскирко и Покрошинских, напав на их мызы. Он не скрывался, но жил роскошно и, повелевая тайно шайками, редко выезжал сам на промысел. Пойманных своих сообщников он отравлял в тюрьме, чтоб на него не показывали. Все боялись его и не смели даже предлагать ему вопросных пунктов! Наконец и его скрутили, уличили и отправили в ссылку. Был еще в Белоруссии хотя не разбойник, но забияка, который все свое наслаждение поставлял в драках с земскою полициею и с каждым, кто ему не покорялся при первой встрече. Двадцать раз он был под судом, сидел даже в остроге, но всегда оправдывался. Он сам сочинил про себя песню на

белорусском наречии, которую распевал и в горе и в радости. Песня начиналась:

*Отколь ветер не повеет,
Семен Фролов не робеет,
и проч.*

Остальные слова песни не помню, но помню колоссальную фигуру Семена Фроловича С—на[1931] и его страшные усы. Он приезжал иногда в гости к дяде моему Кукевичу (в имение Высокое Оршанского уезда Могилевской губернии), брал меня на руки и пел мне песенки, когда мне было лет семь от рождения. Семен Фролович принадлежал к старинной дворянской фамилии и кончил также жизнь свою в Сибири! Русское купечество, торговавшее на бывшей Макарьевской ярмарке (перенесенной в Нижний Новгород), верно, помнит еще помещика села Лыскова, покоящегося теперь в могиле![1932] Повторяю, в начале нынешнего столетия было еще весьма много такого, чему теперь трудно поверить, и потому-то со времени вступления моего на литературное поприще при всяком случае припоминаю, что основанием всякого воспитания

должны быть преданность вере и уважение отечественных законов, уважение беспредельное, какое внушено в Англии всем сословиям. Это должно быть, так сказать, в крови народа.

Мне давно хотелось познакомиться с членами моей фамилии. В нашем роде нет однофамильцев; все Булгарины (первоначально Скандербегии) происходят от двух братьев – выходцев из Албании, в конце XV века, и имеют один герб. До смерти дяди отца моего (друга генерала фон Клугена), Михаила Булгарина, в нашей фамилии всегда признавали старшего в роде главою всех Булгаринов, и все ему повиновались безусловно, как патриарху. Почти во всех старинных польских фамилиях было то же, как я уже говорил, и это было необходимо в бывшем правлении Польши, в которой все основано было на дворянских выборах и все делалось политическими партиями. Я уже говорил в первой части моих «Воспоминаний» (см. примечание первое и одиннадцатое, стр. 140 и 148), что тогда родовое наше гнездо (где оно и теперь) было в Гродненской губернии, в Волковыском

уезде, и что тогда главою рода был Михаил Булгарин. Я отправился к нему.

Все, что я буду теперь описывать, исчезло навеки! Исчезли и люди, и обычаи, и даже воспоминания о прежнем; исчезло и прежнее дурное, и прежнее хорошее! А было и хорошее в семейном твердом союзе и в повиновении старшим в роде; было хорошее и в рыцарских нравах старинного дворянства! Невзирая на издание закона, по которому все заемные письма признавались недействительными, если были писаны на простой, а не на гербовой бумаге, в так называемой Литве требование подписи на гербовой бумаге почиталось оскорблением, а подписывание — унижением своего достоинства. Разорялись на честное слово (на *słowo honoгу*)! Князь Доминик Радзивилл, взяв иногда игральную карту, коптил ее на свече и писал кончиком щипцов на закопченном месте: «Выдать (такому-то в такой-то срок) тысячу (более или менее) червонцев: X. D. R.[1933]», и поверенный князя не смел даже поморщиться, а выплачивал немедленно. Я видел одно такое заемное письмо, т. е. карту, покрытую вишне-

вым клеєм, чтоб драгоценная копоть на ней не стерлась. Не помню ни одного случая, чтоб кто-нибудь осмелился отказаться от платежа по заемному письму за своею подписью потому только, что оно не формальное. На честное слово можно было поверить жизнь, честь и имение. *Verbum nobile debet esse stabile*[1934] составляло главную заповедь дворянина. Это то же, что старинное русское «Не дал слова – крепись, а дал слово – держись» и древненовгородское «А кто не сдержит слова, тому да будет стыдно». В нашем славянском племени стыд (т. е. бесчестие) был величайшим наказанием, и *честное слово* тверже всех залогов и подписей. Я застал это на деле и под клятвою передаю моим детям. Иностранцы, проходящие на Россию со времен Петра Великого, научили нас многому, чему не худо было бы разучиться! Комиссионерная торговля, т. е. торговля без капиталов, и подложное банкротство – это *оригинальные сочинения* чужеземных прошлецов. Добродушные славяне, наши предки, не знали этого прежде.

Я нанял фурмана[1935], жида, и отправился в путь в половине августа. На пути случи-

лось со мною довольно забавное происшествие. Приехав в радзивилловское местечко Клецк[1936], лежащее только в нескольких верстах от древнеродового имения моих дедов и прадедов Грицевич, я остановился на площади и вышел из брички, чтоб купить курительного табаку. Купец, разумеется жид, отвесил мне фунт лучшего табаку и завернул в бумагу. В эту минуту я отвернулся, чтоб взглянуть на площадь, и, внезапно оборотясь к жиду, поймал его в плутовстве, а именно что подменял мою пачку другою, точно так же свернутою. Я развернул бумагу и увидел, что в подмененной пачке был табак последнего разбора, а я заплатил за лучший. Признаюсь, я не мог воздержаться и изо всей силы «задел его в лицо, не говоря ни слова» [1937]. Жид завизжал и завопил во все горло: «Гвалт! бьют, режут!» – и из соседних лавок сбежались жидаы и также стали визжать и кричать. Один из толпы побежал к моему фурману, чтоб узнать, кто я, и когда жидаы услышали мою фамилию, один из них, седой старик, подошел ко мне, устремил на меня глаза и закричал во все горло: «О вей мир!

Бульхарин, *саленого* Бульхарина[1938] сын!» – «Поддай саблю!» – закричал я моему слуге, а жида пустились бежать, крича из всех сил: «О вей, о вей, *саленого* Бульхарина сын!» Старик-жид по необыкновенному моему сходству в лице с отцом и по месту, откуда я ехал, узнал, что я сын того, которого они боялись как смерти и называли бешеным. Я преспокойно сел в бричку и выехал из Клецка.

Сообщаю этот пустой анекдот по довольно важной причине, а именно чтоб сказать при этом случае, что жида в Польше, особенно в Литве, находясь *по-видимому* в крайнем уничтожении, смело скажу, господствовали над всеми сословиями. Если б кто-либо вздумал собирать биографические сведения о дворянских литовских фамилиях, то мог бы получить от жидов самые мелкие подробности о жизни каждого дворянского семейства, от прадеда до правнука и правнучки, и полную характеристику каждого лица. На этом познании нрава, умственных способностей, страстей и потребностей каждого лица основывалось жидовское могущество. Мелких слуг мужеского пола привлекали жидки питейным

медом, пивом и водочкою; слуг высшего разряда, т. е. экономов, комиссаров и тому подобных, ссудою денег, а женскую прислугу, от панны до гардеробной девушки, подарками кофе и сахару или туалетными безделками. Жиды были общими тайными поверенными и барина, и его жены, и сыновей и дочерей. Каждый и каждая отдельно забирали в долг у жидов и употребляли их агентами в своих делах, гражданских и частных, и в любовных интригах. Не многие дворяне были избавлены от этого дьявольского наваждения. Отец мой по наружности казался страшным гонителем жидов и колотил их немилосердно при всяком удобном случае, а между тем они лестью и покорностью выманивали у него все, что им только было от него надобно. Выдержав первую вспышку гнева моего отца, можно было у него взять последнюю рубашку! Жидам страшен был не вспыльчивый (или, как они называли, бешеный) человек, но хладнокровный, бережливый и недоверчивый. Отец дорого поплатился жидам, которые пресмыкались пред ним, а сын за пощечину, данную жиду в Клецке в 1810 году, заплатил

дорого в 1848 и 1849 годах, доверив жиду на слово и надеясь на его благодарность за оказанное ему добро[1939]! Спросят: есть ли честные жидаы? Без сомнения, есть. Как не быть! В земле, на которой построен Петербург, не рождаются алмазы и золото, однако ж и золото и алмазы находят иногда на улицах, у подъездов, возле театров или Дворянского собрания. И я нашел алмаз: жида Йоселя, о котором говорил в первой части моих «Воспоминаний»!

Лето было жаркое, и жара продолжалась даже в августе. Я ехал ночью, а днем отдыхал на биваках, чтоб избежать грязных жидовских корчем. Наконец в четыре часа утра приехал я в местечко графа Тышкевича Свислочь[1940], в двух или трех верстах от Рудавки, местопребывания дяди отца моего, Михаила Булгарина. Я не хотел останавливаться в местечке, а поехал прямо в Рудавку, намереваясь остановиться у эконома или управителя и там переодеться и подождать, пока дед мой проснется и примет меня. Признаюсь, к этому побуждал меня ложный стыд. Мне не хотелось подъехать к крыльцу в жидовской бричке!

Едва начинало светать, и я удивился, услышав лай множества собак, а подъехав к дому, увидел на дворе множество людей, оседланных лошадей, несколько запряженных экипажей и до двадцати свор охотничьих гончих собак, которых кормили в разных местах. Собирались на охоту. Я должен был оставить бричку у ворот и пошел пешком через двор, поручив одному из охотников доложить обо мне хозяину дома. Когда я вошел в переднюю, слуга отпер обе половины дверей (что означало торжественный прием). Я вошел в залу. Посредине был большой стол, на котором стоял завтрак, но все собеседники встали с мест своих прежде моего появления и стояли позади главы фамилии. Я подошел к нему, произнес мое имя и, по тогдашнему обычаю, поцеловал деда в руку. Он обнял меня, поцеловал в лицо и, указывая на присутствующих, сказал: «Ты здесь дома, вот тебе тридцать человек друзей и братьев, Булгаринов, одного рода, одной крови и одного герба, или кровных наших *по кудели*[1941]. Ты с ними познакомишься после, а теперь садись и завтракай с нами!»

Михаил Булгарин был человек высокого роста, на второй половине седьмого десятка, но здоровый, румяный, не слишком сухощав, но и не толст и весьма приятной наружности. Все прочие Булгарины и родные их по женскому колену были одеты одинаково, в охотничьи зеленого цвета казакины. Дед был в длинном польском жупане, но при этом польском наряде был без усов. На стол поданы были кофе, гретое белое вино с яичными желтками (winna polewka) и гретое пиво с домашним сыром, разные булки, крендели и сухари. Собеседники продолжали, а я начал завтракать.

– Как дворянин и как человек нашей крови, ты, верно, любишь охоту, – сказал дед, обращаясь ко мне.

– Полюблю, дедушка, потому что до сих пор не имел случая охотиться, – отвечал я.

– Но если ты не охотился за зверьями, то довольно поохотился за людьми и, верно, выучился стрелять...

– Из пистолетов, а из ружья еще не пробовал стрелять в живое существо.

– Итак, ты начнешь охотиться под моим

руководством. Желая, чтоб ты был такой же стрелок, каким я был в твои лета!

Дед кликнул своего камердинера и велел снарядить меня на охоту, т. е. дать ружье, патронташ, порох, дробь, пули и прочее. Потом дед спросил, как я хочу ехать: с ним ли, в экипаже, или верхом, с молодежью. Разумеется, что я предпочел коня экипажу.

Наконец мы выступили в поход. Поезд наш имел вид воинственный. Человек до пятидесяти верхом, в одноцветных казакинах и фуражках одной формы (слуги отличались только басонами[1942] по воротнику и на фуражке), с ружьем за плечами, с кортиками, образовали порядочный эскадрон и ехали в порядке по два в ряд. Впереди ехал общий наш дед и глава (все мы называли его *дедушкой*) в коляске. Шествие замыкали псары с стаею собак, а за ними тянулись коляски и брички. Предположено было охотиться в лесах, принадлежащих к Яловскому староству, данному деду на пятьдесят лет на последнем сейме. Местечко Яловка[1943] [1944] находится верстах в пятнадцати от Рудавки, но мы не заезжали на господский двор, куда отправи-

лись экипажи и псары с собаками, а поехали прямо к лесу, верстах в пяти от двора. Под лесом мы нашли бивак. Тут ожидал нас первый доезжачий (пикер) и главноуправляющий охотой, старый слуга моего деда Варфоломей, которого уменьшительно по литовскому произношению называли *Баутруком*. При нем было несколько псарей и также до двадцати свор гончих собак. Собаки, приведенные с нами, назначены были на смену. Баутрук донес дедушке (который из коляски пересел в маленькую повозку, коломажку), что обойдено (охотничье выражение) стадо диких коз и что облава уже обступила ту часть леса, где будет охота. По распоряжению Баутрука пешие охотники оставили лошадей возле бивака, разумеется под надзором нескольких крестьян, и пошли в лес с ружьями, на назначенные им места. Конные охотники с борзыми собаками стали в поле в некотором расстоянии от леса. Мне, пешему охотнику, назначено было место на опушке леса, откуда начиналось небольшое болото, поросшее камышом. Когда Баутрук рассчитал, что все стрелки дошли до своих мест, он подал сигнал на охотничьем

рожке. Стрелки отвечали также на рожках, и за этим поднялась кутерьма, какой я отроду не видывал. Более пятисот мужиков, баб и мальчишек, окружавших лес, захлопали бичами и заревели во все горло. Вскоре с этим шумом смешался лай собак, и время от времени раздавались звуки рожка и охотничьи возгласы Баутрука, ободрявшего собак. То в одной, то в другой стороне трубили охотники в знак, что видят зверя. Вскоре слышались выстрелы. Эхо разносило по лесу эти звуки. Я был в каком-то восторженном состоянии... По моему мнению, кавалерийское дело (т. е. сражение) и охота в большом виде – высшие наслаждения в мире. Что значит в сравнении с ними опера, балет, драма, балы, рауты! Это свечи в сравнении с солнцем. Сердце сильно бьется, мускулы и чувства (т. е. зрение и слух) в напряжении, человек будто в лихорадке, производящей не болезненные, но приятные ощущения... И что сравнивается с радостью, которую доставляет победа или успех! Городские неженки не поймут меня.

Я простоял около часа на своем месте, и как все сильные ощущения, все восторги бы-

вают непродолжительны, то наконец, не видя зверя, оставаясь в бездействии, так сказать, устал духом. Лай собак то умолкал, то снова раздавался, но все вдали от меня. Я сел на пне, приставил ружье к дереву и закурил трубку. Вдруг лай собак послышался вблизи, и притом лай самый жаркий, какой бывает, когда собаки *гонят зверя на глаз* (охотничье выражение, означающее, что собаки гонят не чутьем, но завидя зверя). Едва я успел схватить ружье, огромный дикий козел выскочил из кустов прямо против меня, шагах в пятнадцать, поднял голову, осмотрелся и повернул в тыл. Второпях я не успел прицелиться и выстрелил вдогонку. Козел свалился. Я бросился к нему, но он вскочил и прыгнул... Я перебил ему задние ноги ниже колен, но козел сгоряча прыгал, и я насилу догнал его. У меня было одноствольное ружье; заряжать было некогда, и я принялся колотить козла ружьем по голове... Но удары мои были ему нипочем, и он продолжал прыгать, приближаясь к болоту. В это время налетели собаки и с лаем и визгом напали на мою добычу. Я стал разгонять собак ружьем и несколько раз задел им

о пни и деревья. По счастью, явился вскоре Баутрук на своем лихом коне, соскочил с него и кортиком зарезал измученного зверя, отогнав собак арапником. Я был в восхищении! Передо мною лежал огромный козел, первая жертва моей охоты... Я осматривал его и гладил по лоснящейся шерсти, но вскоре восторг мой прошел, когда Баутрук сказал: «Посмотрите-ка, барин, на ваше ружье!» Я взглянул и ужаснулся. Ложа сандалового дерева была разбита вдребезги, приклад расщеплен, курок превосходной отделки изломан... «А это любимое ружье вашего дедушки!» – сказал печально Баутрук, осматривая ружье. По счастью, дуло с золотой насечкой было цело. «Да вы бы ударили, барин, прикладом по переносью, – примолвил Баутрук, – ведь черепа не разобьешь и обухом!» – «А мне почему знать!» – «Теперь будете знать, – сказал Баутрук важно, – всякому делу надобно учиться».

Баутрук призвал мужиков из цепи, окружавшей лес, и они отнесли мою добычу на жердях на сборное место. Часов в шесть пополудни подан был сигнал, что охота кончилась. Я побрел тихонько на сборное место и

пришел последний. Мне стыдно было показаться на глаза деду с изломанным ружьем, Баутрук предупредил уже всех о моем несчастном торжестве. Меня встретили с поздравлениями, и я не заметил ни малейшей досады в речах дедушки, и из всего общества он один позволил себе посмеяться над моею схваткою с козлом. «Ты принял его за неприятельского гренадера и поступил с ним, как беспардонный гусар, — сказал дедушка. — Но если б за каждого убитого неприятеля надлежало платить ружьем, то война обошлась бы дорого!» Я молчал и досадовал на себя, но родственники старались меня ободрить и разве-селить, в чем скоро и успели.

Мы поехали к ужину и на ночлег в Яловку. Охота в этот первый день была неудачная, потому что началась поздно. Стадо диких коз пробилось чрез облаву, и всего застрелено две штуки, вероятно отставшие от стада. За ужином я был принят единогласным решением в звание охотников при провозглашении за-дравного в честь мою тоста и игрании на ро-гах. Ужин был веселый, и хозяин любезен со всеми, а со мною в особенности. В полночь

мы улеглись спать. Для пожилых людей постланы были постели в особых комнатах, а молодежь улеглась на соломе в большой зале, все в ряд[1945].

Настоящая охота началась на другой день и продолжалась пять дней сряду. Мы ночевали в лесу, в шалашах, завтракали, обедали и ужинали под открытым небом и возвратились в Рудавку с несколькими возами разной дичи, которая немедленно была разослана к друзьям и соседям. Я поправил мою охотничью репутацию и убил лося наповал на всем его бегу в виду всех и даже заслужил рукоплескания.

Охота составляла любимую забаву помещиков западных губерний, и они умели охотиться. Никогда мне не случалось видеть в других странах Европы ни такого порядка на охоте, ни таких искусных стрелков, ни такого множества дичи, ни такого веселья и пиროвания на охоте, как в Литве. Достаточные помещики содержали множество стрелков, лошадей, стаи собак и имели целые арсеналы дорогих ружей. Часто и дамы сопутствовали мужьям и братьям на охоту, и тогда было еще

веселее. Всего этого нет теперь в Польше. Это уже древняя история!

Замечательнейший человек из всех соседей дедушки, с которыми я познакомился в это время, был граф Тышкевич, референдарий бывшего Великого княжества Литовского, женатый на племяннице бывшего польского короля Станислава Августа Понятовского. Граф Тышкевич был человек оригинальный в полном смысле слова умом, наружностью, образом жизни и поступками своими. Он был тогда лет шестидесяти и непомерно толст, так что едва мог передвигать ноги. Одевался он весьма странно, в цветное платье сочиненного им самим покроя. Это было нечто вроде кафтана Средних веков, доходящего почти до пят и застегнутого от шеи до самого низа маленькими пуговками. Воротник был в палец шириной, потому что у графа Тышкевича шеи не было вовсе и подбородок висел почти на груди. Он никогда не снимал шапочки, точно такой, какую старые католические и лютеранские пасторы в Германии обыкновенно покрывают голову в церкви в зимнее время. Граф Тышкевич был гастроном и об-

жора, что редко бывает в одном человеке, ел хорошо и много и в этом имел усердного товарища и помощника в старом друге своей юности, дяде моем Станиславе Булгарине. С необыкновенным природным умом граф Тышкевич соединял разнородные познания, светскую опытность и удивительную память. Мне кажется, что невозможно быть добрее, честнее и благороднее, как был граф Тышкевич. Верно, он не оскорбил ни одной души в жизни, а добра делал столько, сколько мог. Точность его во всем доходила до педантства. Он страстно любил науки и охотно жертвовал большие суммы для распространения просвещения. Его местечко Свислочь было первое и единственное во всей Польше по чистоте и порядку. Почти все дома прекрасной наружности, хотя деревянные, выстроены были на его счет. Гостиный двор был каменный. Он выстроил на свой счет прекрасные здания для классов гимназии и для помещения директора и учителей и подарил Виленскому университету. В местечке был доктор на его жалованье и аптека. На годовую ярмарку в Свислочь съезжались помещики из всей Лит-

вы, и тогда граф Тышкевич давал балы и обе-
ды для всех и про всех. На театре, также им
выстроенном, приезжие актеры давали пред-
ставления, и он платил почти за все места,
рассылая билеты соседям и знакомым. Сло-
вом, это был настоящий магнат, пан поль-
ский в старинном смысле слова по щедрости
и гостеприимству, без всякой притом гордо-
сти, скромный, вежливый и добродушный.
Другого Тышкевича не встретил я в жизни, да
в нынешний так называемый промышлен-
ный век и быть не может такого человека...

Дядя мой Станислав Булгарин повез меня к
нему, и я был так счастлив, что понравился
графу Тышкевичу; он оставлял меня у себя
иногда на несколько дней. Хотя у него был об-
ширный дом в Свислочи, но он жил всегда в
имении своем Симфанах, верстах в двадцати
от местечка. Сам хозяин помещался в дере-
вянном флигеле без всякой архитектуры, а
каменный дом в итальянском вкусе стоял пу-
стой. Мебель в комнатах, занимаемых хозяи-
ном, была самая обыкновенная, мало того что
простая, но бедная, а в каменном доме везде
были мрамор, порфир, бронза, мозаика, вене-

цианские зеркала, драгоценное дерево, шелк, бархат и парча. Комнаты не только были убраны богато, но со вкусом и содержались в порядке и чистоте, будто ожидая хозяев. С этим домом сопряжена была таинственность. Граф Тышкевич не жил с своею женою, но находился с нею в самых тесных дружеских сношениях, оказывал уважение и никогда не противился не только ее воле, но даже капризам. После последнего раздела Польши между тремя державами, графиня Тышкевичева уехала в Париж и осталась там на всю жизнь. Она прожила лет тридцать в Париже, была принимаема в высшем обществе, сама принимала гостей в назначенные дни и сохранила навсегда аристократический тон. Все путешественники, бывшие в Париже и посещавшие общества, помнят графиню. Она была крива, и недостающий ей природный глаз заменяла искусственным, стеклянным, весьма ловко скрывая этот недостаток. Одевалась она всегда щегольски, по последней моде, даже в старости, которой никак не хотела поддаться. Читатели мои, занимающиеся иностранною словесностью, вероятно, знают «За-

писки Казановы» («Mémoires de Casanova») [1946], итальянца, который объехал всю Европу без всякого дела, ища приключений и любовных интриг, был принят во всех высших обществах, сидел в тюрьме, играл в карты и обыгрывал простаков, дрался на дуэлях и наконец кончил жизнь в пожилых годах в замке одного венгерского магната, принявшего его ради Христа [1947]. «Записки Казановы» слишком *вольные* (grivois), нечто вроде романа Луве (Louvet) «Chevalier de Faublas» [1948], прочтены почти всеми любителями забавного и веселого чтения. Этот Казанова, находясь в Варшаве, вошел в милость графини Тышкевичевой и отправился с нею в Свислочь. Тут пришла графине мысль выстроить итальянскую виллу, и Казанова взялся за это дело. Добрый муж на все согласился, и в один год дом был выстроен и убран с величайшими издержками. На память согласия между мужем, женою и ее прислужником, т. е. Казановою, вилла получила название Симфонио, искаженное после в Симфаны [1949]. Избрано греческое слово для того, чтоб настоящий смысл сохранялся в тайне [1950]. Таких мужей

производит одна Польша! Это *местное* произведение.

Я провел время чрезвычайно весело до половины октября. Кто бывал в Польше и в западных губерниях лет за двадцать пред сим, тот сознается, что нигде не жили так весело и беззаботно, как в Польше. Гостеприимство было баснословное! Польские женщины – волшебницы, образцы Тассовой Армиды [1951]. Псовая охота, танцевальные вечера, кавалькады сменялись каждый день, и вольность в обхождении женского пола придавала всему необыкновенную прелесть. Противу русских ворчали про себя, а приезжали русские любезные и ловкие офицеры – все забывалось, и тосты: *wiwat, Kochajmy się!* (т. е.: «Виват, станем любить друг друга!») порождали общее братство.

Наступил решительный перелом в моей жизни. Старшины нашей фамилии решили, что мне не должно оставаться в бездействии, и велено мне отправиться в герцогство Варшавское и вступить в военную службу, в которой уже находилось несколько наших родственников. Здесь я должен пояснить дело,

которое в нынешнее время кажется загадочным.

Россия была тогда в самом тесном союзе с Франциею. По Тильзитскому трактату герцогство Варшавское было признано государством второго разряда, принадлежащим к Рейнскому союзу, вместе с Королевством Саксонским. Король саксонский, как известно, назначен был Наполеоном герцогом варшавским[1952]. Сообщение между Россиею и герцогством Варшавским было свободное. Каждому помещику и свободному человеку западных и южных губерний, присоединенных от Польши по последнему разделу, гражданские и военные губернаторы выдавали беспрепятственно паспорта в Варшаву. Множество дворян, богатых и бедных, служили в польском войске герцогства Варшавского, и едва ли не третья часть офицеров были из русских провинций. Некоторые богатые люди приводили с собою по несколько сот человек шляхты, обмундировывали и вооружали их на свой счет, формировали роты, эскадроны, батальоны и даже целые полки. На все это смотрели равнодушно, и ни позволения, ни

запрещения не было. Если политики и предвидели скорый разрыв России с Францией, то этого не показывали.

При моем пылком воображении и уме, жадном к новостям, при страсти к военной службе, правильнее, к войне, я обрадовался предложению моих родственников. Зная, что Наполеон помыкает Польским войском по всей Европе, я надеялся побывать в Испании, в Италии, а может быть, и за пределами Европы... Вот что меня манило за границу! Ни одной политической идеи не было у меня в голове: мне хотелось драться и странствовать. С равным жаром вступил бы я тогда в турецкую или американскую службу!..

Дедушка Михаил Булгарин, дядя Станислав Булгарин и граф Тышкевич, причитавшийся также к нашей родне, не знаю в какой степени, снабдили меня червонцами, а кроме того, граф Тышкевич подарил богатые пистолеты и саблю. Мне дали целый пук рекомендательных писем, и между прочим от графа Тышкевича к родственнику его князю Иосифу Понятовскому, главнокомандовавшему Польским войском. Из Гродна чрез поверенного

прислан паспорт, и я, простясь с родными, поехал в Варшаву.

Перед отъездом я отослал к матери моей крепостного человека с письмом, в котором извещал о моем намерении, и написал письмо в Петербург к сестре Антонине и зятю А. М. Искрицкому, прося его отвечать мне, адресуя письмо на имя деда Михаила Булгарина. Едва я успел осмотреться в Варшаве, недели чрез две я получил ответ от зятя. Одно мудрое правило, изложенное в его письме, осталось навсегда в моей памяти, и я рад, что могу теперь передать его в печати. А. М. Искрицкий, человек в полном смысле положительный, писал ко мне между прочим: «Твое намерение исполнено, следовательно, и говорить об этом нечего. Помни, однако ж, что в Испании и Италии при палящем солнце для бедных чужеземцев весьма холодно, когда, напротив, в нашей холодной России иностранцам тепло!» Величайшая истина, которую я испытал!

Я и ровесники мои были свидетелями основания и падения многих государств в Европе. Зрелище любопытное и поучительное. Взглянем на герцогство Варшавское, которого

часть присоединена с 1815 года на вечные времена к Российской империи под названием царства Польского.

Я уже сказал, впрочем, всем известное, что Тильзитским миром утверждено существование герцогства Варшавского, составленного из областей Мазовии, Великой и Малой Польши, которые принадлежали Пруссии по последнему разделу Польского королевства-республики. Когда Польское войско было распущено, генералы Мадалинский, Князевич и Домбровский вывели несколько тысяч солдат с офицерами в Саксонию, а оттуда перешли в Верхнюю Италию и на Рейн. Тогдашняя Французская республика не могла принять их в службу, потому что законом воспрещено было содержать иностранные войска на жалованье Франции. В Верхней Италии основана была Лигурийская республика[1953], и французское правительство из всех польских выходцев сформировало польско-итальянский легион в службе Лигурийской республики, но находившийся во французской армии в качестве вспомогательного войска[1954]. Этот легион, комплектуемый из австрийских

пленных и дезертиров, уроженцев Галиции и славонских округов [1955], составлял полную дивизию и имел свою артиллерию. Начальствовал дивизией генерал Домбровский. Франция заставляла этот легион дорого платить за свое содержание. В Итальянскую войну против итальянских государей, потом против австрийцев и русских этот легион всегда находился в самых опасных местах, всегда в первом и жестоком огне. Потом часть его была послана на остров Сан-Доминго в экспедиционном отряде генерала Леклерка [1956], а остальная часть вела кровопролитную войну в Калабрии против защитников итальянской независимости. Легион в начале Итальянской кампании имел до пятнадцати тысяч человек под ружьем, но лишился на поле битв и от разрушительного климата Сан-Доминго почти двух третей и с величайшими усилиями комплектовался новыми выходцами.

Хотя по обширности и народонаселению герцогство Варшавское не уступало другим государствам Рейнского союза второго разряда, но оно было истощено и слабо в высшей

степени. Польша не имела тогда тех фабрик и мануфактур, которые возникли в ней с тех пор, как часть бывшего герцогства присоединена к России, под именем царства Польского. Все богатство герцогства состояло в земледелии, которое не могло доставить столько денег, сколько нужно было на содержание войска, администрации и постройку крепостей. Прусская золотая и серебряная монета исчезла из обращения. Надлежало употреблять чрезвычайные, насильственные меры для поддержания необыкновенного, неестественного течения дел. Собирали натурою продовольствие для войска, выдавая квитанции или *боны*, которые со временем обещали выплатить. Пустили в ход ассигнации, которых кредит подорвало само же правительство, объявив, что выменивает ассигнации на звонкую монету, взимая четыре медные гроша за талер за промен (ажю или лаж). Наполеон прислал в польскую кассу на несколько миллионов злотых старой сардинской монеты (медной посеребренной), которая должна была иметь курс польского полузлотого, т. е. семи копеек с половиною серебром. Каз-

на выплачивала эту монетою, но ее не принимали в торговле по показанной цене. Жиды пользовались обстоятельствами, скупали за бесценок ассигнации и сардинскую монету и заставляли нуждающихся в каких бы то ни было деньгах брать в долг ассигнации и дурную монету по объявленной казною цене [1957]. Положение финансов было отчаянное, и землевладельцы были совершенно расстроены в своих доходах. Бесперывно формировали новые полки и набирали команды для подкрепления полков, находившихся за границею. Конскрипция, или набор рекрут по французской системе, становился весьма тягостным для сельского народонаселения, лишая его лучших работников. По мере уменьшения рабочих рук поднималась цена на съестные припасы. Положение герцогства Варшавского было болезненное. Усилия его походили на лихорадочные припадки. Энтузиазм был лихорадочный жар; движения – судороги, а между тем тело истощалось и по мере упадка сил физических упадал дух. Помещики, поселяне и порядочные торговцы, не ростовщики, чувствовали вполне бедствен-

ное положение страны.

Народонаселение Варшавы в то время составляло около 75 000 жителей обоюга пола и всех возрастов, кроме войска, чиновников и приезжих. Те, которые не видали прежней Варшавы, не могут составить себе о ней никакого понятия. Город был порядочно грязен, плохо вымощен, во многих местах вовсе не вымощен, весьма дурно освещен по ночам и находился под весьма слабым полицейским надзором. Теперь лучшая улица, правильнее, площадь, называемая *Краковское предместье*, простирается внутрь *старого города* (*stare miasto*), а тогда между ими был ряд домов, и с *Краковского предместья* в *старый город* входили и въезжали чрез узкие ворота. За этими воротами возвышалось огромное четырехугольное здание: *городская ратуша*, а вокруг нее были узкие, сырые, грязные улицы, лишенные круглый год солнечных лучей, потому что высокие здания препятствовали им проникнуть до земли. Возле так называемых *Мировских казарм* наемный мой экипаж засел однажды в грязи по оси, и меня вынес извозчик на мощеное место на своих плечах. Вече-

ром нельзя было выйти на улицу без фонаря, и у подъезда театра, трактиров и всех публичных мест стояла всегда толпа мальчиков с фонарями для провождения посетителей до дому. Нечистота в жидовском квартале, на Орлиной улице, была нестерпимая! Трактиры, кофейни и шинки были отперты всю ночь. Полицейские комиссары (то же, что наши частные пристава) были избираемы гражданами и, разумеется, должныствовали быть весьма снисходительными. Жили в Варшаве, как говорится, спустя рукава, почти без всякого надзора, кто как мог и как хотел. Хотя город был и не щегольской, но обращал на себя внимание великолепием и прекрасною архитектурою древних католических церквей и монастырей и некоторых казенных и частных зданий, или палат (по-итальянски Palazzo, по-польски Pałac). Королевский дворец, или замок, на высоком берегу Вислы со стороны города был закрыт строениями, но со стороны реки представлял великолепный вид. Для прогулок внутри города служили сад палат Красинского[1958], где были присутственные места, и сад палат Саксонских[1959]

, где впоследствии жил его императорское высочество государь цесаревич Константин Павлович. Кроме того, при многих домах были садики, а в домах трактиры и кофейни. Садики эти по вечерам были иллюминированы и всегда наполнены посетителями. В трактирах и кофейнях (исключая нескольких французских ресторанов, между которыми отличались ресторан Шаво, под колоннами (pod filarami), на Наполеоновской (Медовой) улице, и Пуаро на Длинной (Długiej) улице) прислуживали девушки, красивые, ловкие, болтливые и даже остроумные, и это привлекало посетителей. Вообще в Варшаве публичная жизнь была в полном развитии, и только семейные люди, старики обедали и ужинали дома. Окрестности Варшавы очаровательные. Везде множество трактиров, и везде было множество посетителей. Жизнь была дешевая до невероятности! За червонец можно было провести приятно день: обедать в хорошем трактире, пить кофе у молодой кофейницы, посетить театр, поужинать и прокатиться в кабриолете[1960] на четырех колесах (drózki), запряженном парюю хороших лоша-

дей. Гастрономы ездили к немцу Шуху лакомиться *кормлеными раками*, к немцу Шиллеру есть жареного каплуна, начиненного сардинками, пить превосходный кофе с отличными сливками в кофейне, называемой *сельскою* (Wiejska kawa). Лучший обед (за рубль серебром) был у Розенгорта в улице Лешно (Leszno). Все лучшее было у немцев, как водится, т. е. изготовляли все туземцы, а продавали и брали барыши немцы.

В Варшаве был один только польский театр, противу палат Красинского[1961], на котором играли трагедии, драмы, комедии, водевили и малые оперетки. Балетной труппы не было, хотя театр имел театральную школу. Актеры и актрисы были превосходные. Лучших я не видал, а видел, может быть, равных им. Первый трагик был Веровский, высокий, складный мужчина с прекрасною, открытою физиономиею и удивительным органом. Жесты его, движения, игра физиономии, интонации совершенно соответствовали и доказывали, что он глубоко изучил свое искусство и возвышался чувством и разумом до тех характеров, которые изображал. Особенно он

хорош был в высокой драме, в «Макбете», в «Отелло» Шекспира, в ролях, созданных Шекспиром, и в некоторых национальных трагедиях и драмах. Веровский исторгал слезы и приводил в содрогание. Игра его была умная и спокойная, и в сценах сильных страстей он сам пылал и воспалял зрителей, но не кричал, не ревел и не топал ногами, сохраняя всегда благородство поз и достоинство героя. Веровский, уроженец западных губерний, говорил прекрасно по-русски и даже играл в Киеве и в Витебске в труппе странствующих русских актеров. Его приглашали в Петербург, но он, зная любовь публики к знаменитому тогда трагическому актеру Яковлеву, боялся его соперничества. Первая трагическая актриса Ледуховская (графиня), поступившая на сцену по непреодолимой страсти к драматическому искусству, была, по моему мнению, гораздо выше знаменитых французских актрис Жорж и Дюшенуа. Прекрасный рост, правильные, выразительные черты лица, трогательный, доходивший до сердца голос, благородство приемов, удивительный, необъяснимый взгляд, проникавший в душу

зрителя, способствовали тем волшебным эффектам, которые Ледуховская производила своею чудною игрою. Ледуховская была превосходная актриса во всех трагических ролях, но в «Макбете», в сцене лунатизма, она была выше всего, что можно себе представить в воображении. Шекспир никогда, вероятно, не думал, чтоб изобретенная им сцена производила такое впечатление. Я сам был свидетелем, что женщины в ложах падали в обморок, когда Ледуховская разыгрывала эту сцену. Дмушевский, прекрасный актер в драме и особенно в благородной комедии, был в то же время и отличным литератором. Он основал газету «Курьер варшавский» («Kurierek Warszawski»), которая и поныне существует [1962]. Жулковский – комик, по моему мнению, выше тогдашних французских комиков Брюне и Потье, был также остроумным литератором и по большей части сам сочинял или составлял пьесы для своего бенефиса. Лишь только он выходил на сцену, в зале раздавался хохот. Остроты и эпиграммы Жулковского заключали в себе глубокий смысл, смешили и в то же время давали пищу разуму. Он изда-

вал в неопределенное время листки под заглавием «Момус», заключающие в себе собрание острых слов и эпиграмм[1963]. Кроме того, служитель Жулковского по имени Новицкий разносил по трактирам и кофейням писанные листы «Момуса», читал их вслух и получал за это добровольные приношения от слушателей. Этими листами Жулковский платил Новицкому за службу. Писанный «Момус» состоял по большей части из эпиграмм на известные чем бы то ни было лица в Варшаве, но эти эпиграммы и были в таком роде, что никто ими не обижался. Жулковский шутил также над собою и над ревностью своей жены, выдумывал презабавные анекдоты на разные лица, и все это было так смешно, так остро, что самый серьезный человек не мог удержаться от смеха. Лишь только Новицкий появлялся в зале – наступала тишина и все окружали чтеца, а если сидели за общим столом, то прекращали обед или ужин, чтоб слушать чтение. Госпожа Ашпергер, полька, замужем за немцем, прекрасно играла в оперетках и в водевилях и сама была прелестная. Я видел два раза на сцене старика Богуславско-

го, создателя польского театра при последнем короле Станиславе Августе Понятовском. Богуславский был и драматический народный писатель и актер – истинный гений и в литературе и на сцене. Драматические его сочинения и переводы напечатаны в нескольких томах. Народная пьеса его «Краковяки и горцы» («Krakowiaki i górale») с танцами и песнями на народные напевы никогда не состарится [1964]. Эту пьесу польские актеры давали раз двадцать в Петербурге с величайшим успехом. Богуславский был уже очень стар, когда я видел его на сцене, но игра его произвела удивительный эффект.

Бедность и нужда были внутри края, но в Варшаве веселились. Кроме публичных забав во всех частных домах давали обеды, вечера, балы, на которых, разумеется, первые роли играли офицеры, потому что вся молодежь была на военной службе. Для меня открыты были двери во все первые дома, и признаюсь, это было райское время для меня. Но у меня был в Варшаве ментор, аббат Швейковский, угрюмый, серьезный, богатый и скупой старик, который по праву родства не давал мне

покою, упрекал в бездействии, оуждал при-
страстие мое к светской жизни и настаивал,
чтоб я вступил на какое-нибудь поприще дея-
тельности. Надобно было повиноваться.

В Варшаве я нашел двух старых товари-
щей, бывшего ротмистра в Уланском его вы-
сочества полку Боржемского и бывшего кор-
нета того же полка Дембовского, уроженцев
Волынской губернии. Оба они служили под-
полковниками в гусарских полках, которых
было два в войске герцогства Варшавского,
один *серебряный*, другой *золотой*. Отыскал я
также и похитителя прекрасной жидовки, ка-
питана, и нескольких родственников. Посред-
ством их познакомился я со многими офице-
рами полков, стоявших в Варшаве и в окрест-
ностях, и по совету старых товарищей и но-
вых приятелей наконец явился с письмом
графа Тышкевича к князю Иосифу Понятов-
скому, главнокомандующему польским вой-
ском и военному министру. В первый раз
явился я к нему в приемный день. В зале бы-
ло множество офицеров и разных просите-
лей, в том числе и несколько женщин. Князь
сперва подошел к женщинам, выслушал каж-

дую, принял бумаги и обещал скорый ответ. Потом обошел по очереди всех бывших в зале. Вручив ему письмо и записку о себе, я сказал только: от референдария литовского графа Тышкевича. Князь прочел письмо, сказал мне несколько вежливостей, спросил о здоровье графа и пригласил на другой день к обеду, примолвив, что подумает, что можно будет для меня сделать.

Князю Понятовскому было тогда сорок семь лет от рождения (родился в 1763 году); но на вид он казался моложе, потому что он чернил волосы. Он был красавец и молодец в полном смысле этих слов – прекрасный, ловкий, статный мужчина. Лицо его выражало необыкновенную доброту душевную, и в глазах было что-то привлекающее. Он уже дал блистательные доказательства личной храбрости и познаний военного искусства в войнах до разделения Польши и в 1809 году. Он начал свое военное поприще в австрийской армии и на двадцать шестом году от рождения уже был фельдмаршал-лейтенантом (то же, что у нас генерал-лейтенант). При начале первой французской революции, в 1789 году,

он призван был дядею своим, королем Станиславом Августом в Польшу и был главнокомандующим польского войска в войне 1792 года, но, находя сопротивление в бестолковом сейме, он оставил службу и удалился из отечества. В 1794 году он возвратился в Польшу и командовал дивизией под главным начальством Костюшки. После уничтожения политического существования Польши князь Иосиф Понятовский снова удалился из отечества с другими членами бывшей королевской фамилии. Брат его, князь Станислав, поселился навсегда во Флоренции и впоследствии вступил в подданство герцогства Тосканского, а князь Иосиф путешествовал по Европе и отказался от вступления во французскую службу, хотя ему и предлагали чин генерала дивизии (то же, что генерал-лейтенант). Когда же Наполеон занял прусскую Польшу и устроил в ней временное правление, в 1806 году, князь Иосиф Понятовский возвратился в отечество, принял звание высшего министра и сформировал войско, над которым ему вверено главное начальство. Князь Понятовский был человек умный, образованный и притом

искусный полководец. Доброта его и щедрость были беспредельные. Можно сказать, что он был идолом Польши, войска и народа. Во всей Западной Европе его называли польским Баярдом: рыцарем без страха и упрека (*sans peur et sans reproche*). Он имел одну, впрочем, рыцарскую слабость, свойственную многим героям, а именно он был страстный любитель прекрасного пола, и притом разборчив только в красоте, а не в звании женщин. Несколько раз князю Иосифу Понятовскому предлагали блистательные партии, и он мог бы породниться с владетельными фамилиями, но он всегда отвечал одно: что чувствует себя не в силах сохранить супружескую верность и потому отказывается от женитьбы, зная по опыту, что все женщины более или менее ревнивы. На основании этого правила он всю жизнь остался холостяком и волокитой. Князь Иосиф имел богатые поместья, но огромные доходы его были недостаточны для удовлетворения всех его потребностей, из которых главную составляла *благотворительность*. Бедным, истинно нуждающимся он отдавал последнее и потому часто бывал без де-

нег и принужден был занимать. Он знал и любил службу и при всем своем добродушии строго соблюдал ее.

В пять часов пополудни явился я к обеду. За столом было несколько генералов, штаб- и обер-офицеров, чиновников высшего министерства и два министра, Матушевич и Выбицкий. Всего было человек двадцать. Князь, по старинному обычаю, представил меня каждому гостю и назвал мне каждого гостя. Это означало, что все мы были знакомые между собою *по дому князя Понятовского*. За столом князь расспрашивал меня о Финляндской войне и с величайшим вниманием и любопытством слушал рассказ мой о подвигах графа Н. М. Каменского и о переходе Барк-лая-де-Толли по льду чрез пролив Кваркен в Швецию. Я старался сокращать рассказ, но князь расспрашивал о подробностях, и мы оттого просидели лишний час за столом. Другие собеседники, как мне казалось, также слушали меня со вниманием и даже с некоторым удивлением, похожим на недоверчивость, хотя я говорил сущую правду. Князь превозносил храбрость, стойкость, терпенье русского

солдата и превосходную дисциплину русского войска и повторял слова Наполеона, сказанные после сражения под Фридрихсдорфом, что «русских можно перебить (или разгромить), но победить нельзя».

После обеда все мы перешли в так называемую турецкую комнату, или диванную, где охотникам подали трубки. Я почел неприличным курить, находясь в первый раз в гостях у такого вельможи. Курили только старики. Зашла речь о жидах. Князь Иосиф Понятовский защищал их, и старый генерал Зайончек заметил с улыбкою, что гораздо легче защищать *жидовок*, нежели *жидов*. Князь понял намек и засмеялся, сказав, что верно генерал Зайончек вспомнил о польском короле Казимире Великом, который из любви к жидовке Эстерке покровительствовал жидов[1965]. Когда дошло до военнослужащих из жидов, генерал Зайончек сказал, что даже лучшие офицеры из жидов не могут отстать от торгашества и от привычки отдавать деньги в рост. В пример противного князь назвал подполковника Берко, или Берковича, сказав, что это был истинный герой. Я спросил у одного из

офицеров, кто этот иерусалимский герой, и узнал, что это был жид, который формировал жидовский легион в Варшаве в 1794 году; потом служил в итальянско-польском легионе и во французской службе, дослужился до капитанского чина, был произведен в подполковники в Конно-егерском полку, когда сформировано польское войско в 1807 году; отличился в кампанию 1809 года противу австрийцев [1966] и убит в том самом городе, в котором родился, в Коцке на реке Вепре. Он расположился на ночлег с двумя эскадронами, созвал всех своих родных и задал им пир, не предвидя никакой опасности. Несколько эскадронов венгерских гусар перешли вплавь чрез реку, обогнули местечко (т. е. городишко) и напали ночью врасплох на беспечных поляков. Полковник Берко успел собрать с сотню своих егерей и пошел напробой. Дрались с обеих сторон отчаянно, и Берку изрубили, как говорится, в куски. Жиды похоронили его за городом с великими почестями и над его могилою насыпали высокий курган, который, вероятно, и до сих пор существует.

Берко, как я мог заключить из всех расска-

зов о нем, принадлежал к весьма редким явлениям в еврейском мире. С необыкновенною храбростью Берко соединял в себе редкое чистосердечие, бескорыстие и добродушие. Храбры были и древние евреи во время войн Веспасияна и Тита[1967], но чистосердечием и бескорыстием они никогда не отличались. Берко не получил школьного образования, но, имея природный ум, как говорится, пона-терся между людьми, и в обществах был, как и все другие. Офицеры и солдаты уважали и любили его. Он твердо придерживался Моисеева закона касательно главных пунктов веры, но ел все, не разбирая, что *треф*, что *кошер*, не употребляя, однако ж, в пищу мяса животных, запрещенного Моисеем[1968].

Князь Понятовский сказал мне, чтоб на-счет службы я отнесся к полковнику Раутенштрауху, управлявшему, кажется, всеми письменными делами и всем механизмом Военного министерства, примолвив, что ему даны уже на этот счет приказания. Прощаясь со мною, князь пригласил меня к себе на воскресенье в концерт; помню, что в первый раз обедал я у князя в четверг.

На другой день я явился в канцелярию к полковнику Раутенштрауху. Он известен был точностью по службе, знанием дела и холодностью в обращении. Он принял меня сухо и сказал, что в конце будущей недели даст мне решительный ответ.

В концерте у князя Понятовского собран был весь *большой свет* Варшавы и, можно сказать, всей Польши, потому что все богатые фамилии и почти вся старинная аристократия проживала в Варшаве от конца осени до весны. Красавиц было множество. Тогда введено было в моду говорить в обществах не иначе как природным языком. По-французски говорили только с французами. Все комнаты наполнены были гостями, и в большой зале играли кантату композиции, помнится, капельмейстера Эльснера на слова Немцевича. По другим комнатам составились группы. Я пристал к одной группе, в которой один офицер, прибывший на укомплектование полков, находившихся в Испании, рассказывал о кровавых битвах, нравах испанцев, красоте испанок и тому подобное. Меня это воспламеняло.

Когда я явился к Раутенштрауху, он сказал мне, что при всем своем желании исполнить приказание князя он не может отыскать для меня места. «После кампании 1809 года, – сказал он мне, – более пятисот человек унтер-офицеров, дворян, имеют первое право на занятие офицерских вакансий[1969], и все сражавшиеся в рядах польских ждут производства в высший чин по очереди. Если б вы прибыли к нам до кампании, когда мы нуждались в опытных офицерах, бывших уже в огне, то вас бы немедленно приняли высшим чином. Товарищ ваш Дембовский принят прямо капитаном и заслужил чин подполковника на поле сражения. Кроме того, из полков, находящихся в Испании, и из польской гвардии Наполеона нам беспрестанно присылают списки кандидатов на офицерские места. Ваканций вовсе нет. Подождите! Предполагается с января будущего года формировать два новые полка пехоты, и я надеюсь сберечь для вас место подпоручика»[1970].

«Покорно благодарю! – отвечал я. – Но для пехотной службы я не создан и беспокоить ни князя, ни вас больше не намерен». Я раскла-

нялся и вышел, раздосадованный обманутою надеждою.

Однако ж Раутенштраух говорил правду. Кандидатов в офицеры было на армию в 300 000 человек, а в наборе солдат было большое затруднение. Бывшие в кампании 1809 года против австрийцев офицеры, как мне казалось, слишком высоко оценивали свои заслуги, и я без всякой причины нажил бы себе врагов, если б *сел многим на голову*, как говорится по-военному, т. е. если б занял высшее место. Раздумав хорошенько, я успокоился.

Многие устают от деятельности, а я всегда изнемогаю от бездействия. Мне скоро надоела эта рассеянная жизнь в Варшаве. Ни с кем не посоветовавшись и ни с кем не простясь, я взял паспорт и отправился в Париж! С этой минуты начинаются мои странствования.

В Польше вовсе не знали тогда почтовых карет и дилижансов. Даже в просвещенной Германии дилижансы ходили только по военным дорогам между французскою границею и немецкими крепостями, занимаемыми французами или их союзниками. Почтовые немецкие коляски не на рессорах, а на пасах, экипа-

жи предпотопной формы тяжестью своею изображали характеристику народа. Кроме того, езда на почтовых была весьма дорога. Содержатель гостиницы и трактира в Варшаве г. Розенгартен нашел для меня место в немецкой огромной брике, нанятой немецким семейством до Бреславля, и познакомил меня немедленно с господином, который согласился дать мне место в экипаже. Это был прусский чиновник, занимавший какую-то значительную должность в Варшаве во время прусского правительства и имевший даже собственный каменный дом, который он продал, чтоб избавиться от тяжких податей. Этот прусский чиновник был женат на миловидной польке и имел пятилетнего сына. Известно, что как только полька сама не служанка, то не может обойтись без служанки, а потому и при госпоже прусской чиновнице была девушка родом из Бреславля. Я должен был заплатить четвертую часть всей цены за место впереди, рядом со служанкою. Фурман был силезец родом и имел превосходную четверку огромных лошадей мекленбургской породы. Запасшись съестным на дорогу, мы отпра-

вились в путь на Лович, Калиш и переехали границу тогдашнего герцогства Варшавского в Раве[1971]. Мы ехали везде ровною рысцою и делали верст по пятидесяти и по шестидесяти в сутки.

В пределах герцогства Варшавского спутник мой был молчалив, и если говорил, то о предметах вовсе не значительных. Но когда мы въехали в Силезию, то на первом ночлеге он, как говорится, отвел душу бранью противу Наполеона и всех народов, подвластных ему или союзных с ним, превознося только англичан и испанцев, заклятых его врагов. Спутник мой имел весьма основательные причины к гневу, как пруссак и как чиновник, лишившийся выгодного места, и я решился не входить с ним в спор. Но как бранные речи его продолжались беспрерывно и постепенно становились колкими, вероятно от моего терпенья, то я на третий день заметил ему, что он поступает со мною весьма неделикатно, заставляя меня выслушивать его суждения, не справившись, приятно ли мне это или досадно, примолвив, что он, господин прусский чиновник, прожив девять

лет в Польше, составив в ней порядочное состояние, как мне говорено было в Варшаве, и удостоив польскую нацию честью избранием в ней супруги, должен быть снисходительнее к другим народам. Немец взбесился, и, может быть, между нами дошло бы до неприятностей, если б ловкая полька, жена моего противника, нежными взглядами и сахарными словами не потушила моего гнева. Я ограничился тем, что на глазах немца осмотрел мои пистолеты и переменял порох на полках, сказав немцу: «Вот неопровержимая логика!» С этой поры немец замолчал и до самого Бреслава не промолвил со мной слова.

Простой народ в Силезии, как известно, говорит по-славянски; на востоке – польским наречием, на западе – лужицким[1972], или, как немцы называют, вендским. Городские жители онемчали, но у мещан-туземцев сохранилась в душе привязанность к славянским племенам. Замечательно, что в городах силезских весьма много скорняков и что на их вывесках везде намалеван человек в старопольском контуше, в меховой шапке и эпанче на меху, а подписи на вывеске по-

немецки и по-польски. Лучшие дворянские фамилии славянского происхождения, хотя переродились в немцев, множество фамилий имеют окончание на *-ий*, *-ов* и *-ич*. Наш забалканский герой, русский граф Дибич, принадлежит также к древнему славянскому дворянству в Силезии. Известный писатель князь Пюклер-Мускау происходит из лузацких славянских князей. Силезское славянское дворянство дало Пруссии и Австрии много отличных генералов, государственных мужей, ученых и писателей. Множество знатных фамилий даже владетельных домов во всей Германии или происходят от силезских удельных князей, или находились с ними в родстве. Силезское дворянство весьма древнее, заслуженное и блистательное в истории.

Силезию в древности населяли германские племена. В конце переселения народов, в VI веке по Р. Х., эту страну овладели славяне-кroatы, или хробаты[1973], и основали сильное государство под именем королевства Моравского, в состав которого входили: Велико-Польша, Моравия и Богемия. В X веке венгры, или мадьяры, вместе с немцами разру-

шили это государство, в котором польский герцог Мечислав ввел христианство.

Силезия не называлась тогда нынешним своим именем. Населявшие ее славяне имели местные названия: *слазаны* в окрестностях Бреслава, Бригга, до реки Одера; *кроаты* в Верхней Силезии; *бобораны* в окрестностях Бобра; *требованы* в лесах, в местах, где ныне Примко, Клича (Klitschdorf) и Коценау (Коченов); *дидизяны* между городом Глогау (Глогова) и Лузацией. Имя Силезии появляется в летописях впервые в 1000 году. По разрушении Моравского царства Силезия досталась Польше. С 1136 года начались в Силезии уделы для князей из царствовавшего в Польше рода Пиястов, а в 1525 году Силезия присягнула на подданство Фердинанду 1^ю, эрцгерцогу австрийскому, избранному королю Богемии и Венгрии[1974]. Ненависть славян к венграм весьма древняя. Поддаваясь Австрии, силезцы положили условием, чтоб их страна никогда не была соединена с Венгрией, но составляла одно целое с родственною Богемиею. В 1742 году лучшая часть Силезии досталась Пруссии, после Семилетней войны. Взаимная

ненависть католиков и протестантов была главною причиною всегдашних раздоров между жителями Силезии и споспешествовала Фридриху Великому при завоевании страны.

Земли в Силезии хорошо обработаны, мызы красивые, города небольшие (исключая Бреславля), но чистые и хорошо застроенные. Крестьяне тогда были крепостные в Силезии, как в Дании, Венгрии и во многих странах Германии. Если между славянами и немцами не было явной ненависти, то с обеих сторон господствовало недоброхотство. Немцы, даже мелкие ремесленники и слуги, почитали себя выше славян, и славяне, повинувшись силе и власти, никак не хотели признать в немцах нравственного превосходства. Желая приобрести доверенность и дружеское расположение силезского крестьянина, надлежало говорить с ним его языком. Большая часть славянских жителей Силезии, особенно женщины, вовсе даже тогда не понимали по-немецки, хотя и должны были слушать немецкие проповеди в протестантских церквах. Псалмы пели они на своем языке. В деревенских шко-

лах, в некоторых господских и во всех казенных имениях обучали крестьянских детей немецкому языку и давали даже премии лучшим ученикам, но все же не могли заставить забыть языка природного. С весьма малыми исключениями чиновники в славянских странах, покоренных Австриею и Пруссиею, были немцы, потому что немецкий язык был официальный и все дела производились на немецком языке, следовательно, и чиновники должны были быть немцы. Но вообще они не отличались бескорыстием, напротив, искали всех случаев к своему обогащению за счет жителей. До сих пор существует в Польше, в Силезии, Моравии и Богемии множество поговорок и песен насчет корыстолюбия немецких чиновников. Разумеется, что они ехали на чужбину с единственною целью обогащения, чтоб провести приятно остаток жизни на родине. Но влияние немцев, издавна поселившихся между славянскими племенами, было благодетельно для сих последних. В этом мы должны сознаться из уважения к истине. Наше славянское племя имеет столько похвальных качеств, что нам не стыдно со-

знаваться в наших недостатках. О всех славянских племенах вообще (разумеется, исключая некоторые семейства из высшего сословия), населяющих пространства от Балтийского моря до Адриатического и от Камчатки до реки Эльбы и гор Тирольских, можно сказать то же, что сказал Грибоедов в шутку (в «Горе от ума») о москвичах:

*От головы до пяток
На всех славянах есть особый отпечаток*[1975].

Добродушные, щедрые, гостеприимные, великодушные[1976], весельчаки и краснобаи, славяне мало заботятся о будущем, ведут все свои дела и исполняют все работы наудачу (на авось), легковерны и воспламенительны (особенно южные и западные славяне), любят более блеск и пышность, нежели чистоту[1977], при недостатке терпят нужду с стоической твердостью, но во всем утруждающем мысль, требующем точности, – нетерпеливы до крайности. Славянская стихия – война![1978]

Во всей южной и западной славянщине го-

рода по большей части населяют немцы, или правильнее сказать, немцы устроили в славянских землях порядочные города и подали собою примеры точности в делах и работах, бережливости, воздержания, чистоты и порядка. Торговая промышленность и ремесла введены немцами между южными и западными славянами. Несправедливо было бы упрекать немцев за то, что они, пользуясь своими преимуществами, обогащаются, живя между славянами. Жиды живут обманами, а немцы честным трудом и не мешают славянам наживаться тем же путем. Что сказано было о немецких чиновниках, того никак не должно применять к промышленному немецкому сословию.

Но зато немцы, или германцы, были *тогда* совершенно другой народ на всем пространстве Германии. В сорок с небольшим лет немцы совершенно переродились, т. е. новое поколение отдалилось настолько же от дедов своих, насколько деды были далеки от той эпохи, которую описывал Тацит. *Biederkeit*, *Redlichkeit* – это коренные германские добродетели, выродившиеся в крови народа, и вме-

сте с тем коренные *непереводимые* немецкие слова. У нас оба эти слова переводятся одним словом – *честность*[1979]. Французы переводят эти слова: l'honnêteté (честность), l'intégrité (праводушие), la probité (тож), sincérité (искренность), droiture (прямодушие), bonne foi (тож).

Можно смело сказать, что три четверти всего германского народонаселения обладали тогда этими добродетелями, были набожны, трудолюбивы в высшей степени, бережливы, воздержны и скромны. Святость присяги и верность своему государю были непоколебимы в сердце германца, и в то же время просвещение и образованность были сильно развиты повсюду, особенно в Средней Германии. Благосостояние и достаток были разлиты повсюду. Огромные богатства были редки, но зато не было нигде нищеты. Благословение Божие поддерживало добрый германский народ в самых трудных обстоятельствах.

Нашествие французов поколебало несколько чистоту германских нравов. По старинному обычаю, немцы среднего сословия проводят вечера в своих клубах, вроде

наших биргер-клубов, и пивных шинках (Bierschenke), оставляя дома жен и детей. Ни в какой стране в мире женщины не читают столько романов, как в Германии. В каждом городишке есть непременно библиотека, из которой за весьма низкую цену получают для прочтения все новые книги. Немки из среднего сословия днем занимались домашним хозяйством, а вечером сходились по очереди у одной из приятельниц, и одна из них читала, а прочие слушали, занимались своим рукоделием, ахали и утирали слезы. Каждый колпак, связанный женою для мужа, верно был несколько раз орошен слезами чувствительности! Голова немок набита была романтическими идеями, и у каждой из них верно был идеальный герой, которого искало разнеженное сердце и разогретое воображение. Нахлынули французы, веселые, блистательные, ловкие, ласковые, – воображение вспыхнуло, и сердца немок растаяли. Начались романы в натуре! Между немецкими женщинами Шарлотт было множество, но между французскими офицерами не нашлось ни одного Вертера [1980]!

В народе не было ни одной политической идеи до 1807 года, т. е. до унижения Пруссии Наполеоном. Советуем всем любознательным людям прочесть краткое, но глубокомысленное сочинение графа Сергея Семеновича Уварова «Штейн и Поццо ди Борго»[1981]. Читатель увидит, что первая идея о единстве Германии возникла в голове прусского министра барона Штейна, намеревавшегося соединенными силами всего германского народа ниспровергнуть власть Наполеона, вернуть Пруссии ее самостоятельность и дать ей новые силы, поставив во главе всех протестантских германских государств. Для распространения своих идей в народе Штейн поддерживал сильно тайное общество «Tugendbund», т. е. «Добродетельный союз», учредившийся в Германии для противодействия Наполеону и для возбуждения в низших сословиях народа германского патриотизма, и старался притом об уравнении в правах с дворянами среднего сословия изданием закона, по которому всем жителям государства открыты были пути к службе и все места по выдержании экзамена каждым искателем места для доказательства

способностей и образованности. Эти избранные люди из среднего сословия должны были в нем распространять идеи, порожденные Штейном, о единстве Германии и освобождении ее от чужеземного влияния. Но главными движителями новой пропаганды Штейн избрал германские университеты, которые издревле были в Германии то же, что сердце и мозг в человеке. Университетам, состоявшим в тесной связи с писателями, книгопродавцами и всем, что только принадлежит или прикасается к просвещению, поручено было посеять и возрастить в народе ненависть не только к чужеземному владычеству, но даже к влиянию и распространить мысль о единстве Германии. Все германские правительства пристали к этому плану Штейна и если явно не покровительствовали «Тугендбунда», то терпели его и помогали его членам укрываться от французской полиции. Даже осторожная и благоразумная Австрия по убеждению тогдашнего министра графа Стадиона (давно уже умершего) позволяла «Тугендбунду» действовать противу общего врага.

Важную политическую ошибку сделал умный Штейн, поручив частным людям всех сословий в общем составе тайного общества пещись всеми зависящими от них средствами о преобразовании Германии, дав силу этому тайному обществу и представив в будущем неудобоисполнимые и даже невозможные планы! Профессоры, до тех пор известные только в ученом кругу, каковы, например, Ян и Геррес, превратились в самых горячих демагогов. Писатели и поэты принялись провозглашать новые германские идеи в различных видах. Самый остроумный и самый пламенный глашатай новых идей был Арндт, и самые пламенные поэты «Тугендбунда» были Ульман[1982] и Кернер. В самое скорое время идеи Штейна укоренились и расцвели в Германии, и все новое поколение, так сказать, всосало в кровь свою новые правила. Все заговорило о политике, о народности, о будущей блистательной судьбе Германии, а к чему привело это перевоспитание немцев и соблазнившие их льстивые обещания, это показал 1848 год[1983]!

Тайное общество «Тугендбунд» не принес-

ло никакой существенной пользы, как не может быть полезным никакое общество, действующее во мраке. Если «Тугендбунд» доставил несколько тысяч молодых людей германским войскам в 1813 и 1814 годах, то это не великая помощь. Помогла Германии к освобождению от власти Наполеона русская армия, и при содействии России вовсе не нужно было этого школьного энтузиазма. Поселяне и граждане немецкие и без патриотических песен и высокопарных возгласов пошли бы на брань по призыву своих правительств. Напротив, толпы охотников и студентов, взявшихся за оружие, более повредили войскам ослаблением в них военной дисциплины и распространением демагогических правил, нежели помогли своею храбростью в боях. Пруссаки столь же хорошо дрались при Фридрихе Великом под звуки Дессауского марша [1984], как при пении патриотических песен Кернера. Что внушали юношеству тогдашние его коноводы, это можно видеть теперь по духу главного из них – бывшего профессора Яна (Jahn), который в престарелых летах вылез из норы своей в прошлом году и в франкфурт-

ском собрании немецких депутатов горла-
нил, провозглашая те же разрушительные
правила, которые распевал за сорок лет пред-
сим[1985]. Повторяю: крайне ошиблись то-
гдашние политики, дав учебным и научным
заведениям политическое направление. Даже
науки и общественность[1986] сильно постра-
дали от этого политического направления. В
университетах и высших училищах терпели
ленивцев, негодяев, развратников, провозгла-
шавших себя ревностными германскими пат-
риотами и имевших влияние на юношество.
Главы тайного общества заботились более об
умножении числа своих адептов, нежели о их
уме и нравственности, и буйство принимали
за мужество!!! После низвержения Наполео-
на и освобождения Германии от всякого чу-
жеземного влияния правительства увидели
опасность и старались восстановить прежнее
спокойствие в германском народе, но уже не
могли усмирить взволнованных умов и разъя-
ренных страстей. С Венского конгресса[1987]
пламя тайлось под пеплом, но демагогиче-
ская пропаганда беспрерывно раздувала пла-
мя – и наконец при первом случае пожар

вспыхнул. Восстали в Германии враги, вреднее и опаснее Наполеона!..

Наполеон, усмиривший революцию во Франции и заставивший самый буйный народ повиноваться своей воле, часто повторял: «Tout pour le peuple, rien par le peuple»[1988]. Теперь все благомыслящие люди вспоминают о Наполеоне!

Кроме тайного политического общества, т. е. «Тугендбунда», Германию отравили религиозный мистицизм и так называемая трансцендентальная немецкая философия. Мистицизм произвольным и ложным толкованием Священного Писания приготовил слабые умы к коммунизму и породил раздоры между людьми, исповедующими одну веру, а трансцендентальная философия, которой представителями были Шеллинг и Гегель, водворила безверие. Шеллинг, человек добродушный, увлеченный умствованиями за пределы, назначенные рассудку, наконец раскаялся и с кафедры стал провозглашать ученье, ниспровергающее прежние его идеи; но Гегель, хитрый, вкрадчивый и уклончивый, до конца жизни своей умел прикрывать свое учение

покровом благонамеренности и даже пользовался особенною милостью покойного короля прусского, истинного христианина[1989]. Дошло до того в Пруссии, что ни один ученый не мог занять места профессора или старшего учителя, если не был гегелистом, т. е. приверженцем системы Гегеля, а эта система ничем не отличается от системы Спинозы, как только умышленною запутанностью изложения. Гегель возобновил забытую секту пантеизма, столь же противную деизму, как и христианству. Философическая система Шеллинга вела к сомнению, а система Гегеля уничтожала самобытность отдельных существ и частей Вселенной, сливая все в одно целое! По счастью, в самой Германии немногие понимали существо и тайную цель философии Гегеля, хотя волею-неволею каждый прославлял систему. Вне Германии превозносили Гегеля и Шеллинга из тщеславия и фанфаронства, чтоб прослыть учеными, и люди, которые не знали настолько немецкого языка, чтоб понимать немецкий водевиль, толковали печатно и изустно о немецкой философии по нескольким тетрадкам (compendium), вывозимым из

Германии! Но в Германии были толкователи, изучившие основательно эти философские системы под руководством самих основателей, и эти-то толкователи, заглушая в умах и сердцах все предания, все прежние связи с гражданским обществом, посеяли и развили в новом поколении дух безверия и дикой независимости, породивший правила, проповедываемые ныне так называемую *красною республикою*[1990].

Характер настоящего француза – веселость, легкомыслие, остроумие и легкое фанфаронство, иногда даже приятное, когда соединено с умом. Из фанфаронства француз бросится на пушки и отдаст последние деньги. Характер истинного германца – степенность и скромность. Ничего нет несноснее, обременительнее, и притом ничего нет реже, как глупый, тяжелый француз, а во сто раз хуже, скажу омерзительнее, как немецкий фанфарон, подражающий французской легкости и остроумию. Этот новый немецкий характер свил себе гнездо и вывел детенышей в Берлине, в котором с 1806 года был центр французских войск, наводнявших Германию. Берлин-

ская молодежь, военные и статские, дворяне и бюргеры подражали французам и корчили каких-то театральных героев! В Берлине не было тогда университета[1991]. В германских университетах, напротив, господствовал какой-то мрачный, злобный дух, вырождавший политическо-мистических фанатиков, как-то Штабс (Stabs), посягнувший на жизнь Наполеона в Шёнбрюнне в 1809 году, и Занд, умертвивший знаменитого Коцебу, действовавшего противу тайных обществ в духе примирения с волею германских правительств. Казни патриота Гофера, начальника тирольских инсургентов, Пальма, книгопродавца, одиннадцати офицеров из отряда волонтеров прусского майора Шилля, несчастный Пресбургский мир[1992] и проч. питали дух мести и злобы в Германии. Фанфароны кричали за углом, хвастали и бодрились, а питомцы тайных обществ угрюмо ждали поры, умножали число своих членов, укореняя в них фанатическую любовь к идеальной *Тевтонии*, т. е. соединенной и свободной Германии! Впоследствии я расскажу, каким образом я узнал тогда же о духе, распространяемом «Тугендбун-

дом», а теперь скажу только, что в тогдашнее время весьма опасно было чужеземцу путешествовать одному по Германии, если он не провозгласил себя заклятым врагом Наполеона и приверженцем идеальной Тевтонии. Все, что я говорю теперь о тогдашней Германии, есть вывод всех моих соображений впоследствии времени, а не результат первого взгляда.

В Бреславле я остановился в трактире, намереваясь прожить несколько дней в этом городе. На четвертый день после моего прибытия в этот город я получил записку от моей спутницы, польки, на польском языке, которая назначила мне тайное свидание в самой пустой части города. Редкий молодой человек не увлекается тщеславием! Я вообразил себе, что мне назначают rendez-vous, т. е. любовное свидание, и, принарядившись, явился в назначенный час (9 часов вечера) в назначенное место, на углу какого-то узкого переулочка.

Я простоял с полчаса и в нетерпении хотел уже возвратиться на квартиру, как подошел ко мне человек, плохо одетый, и спросил по-польски: я ли тот приезжий из Варшавы, ко-

того письмом пригласили явиться на этом месте. На мой утвердительный ответ он просил меня следовать за ним, повернул в другой переулок и ввел в дом. В третьем этаже, в первой комнате без передней, я увидел мою милостивую спутницу, жену бывшего прусского чиновника в Варшаве и при ней хозяйку квартиры. Признаюсь, я не нашелся и не знал, как начать разговор. Милостивая моя спутница вывела меня из затруднительного положения, хотя не весьма приятным образом. С свободною, свойственною полякам, она сказала мне, улыбаясь: «Вы услышите от меня *признание в любви...*» Тут она остановилась и после короткой паузы примолвила: «К нашему народу! Уезжайте отсюда скорее! Муж мой – враг всего ненецкого, вероятно за исключением женщин, потому что женился на мне, вообразил себе, что вы предприняли путешествие по Германии с какою-нибудь политическою целью. Эту мысль возбудил в нем рассказ нашего варшавского хозяина квартиры, Розенгартена, что вы были приняты у князя Иосифа Понятовского. Здешние немцы не доверяют славянскому народонаселению

Силезии и верят, что к ним подсылают тайных агентов. Как вы человек неслужащий, то с вами могут сыграть здесь плохую шутку, не боясь никакой ответственности пред французским правительством, которое одно здесь страшно. Советую вам и прошу вас уехать поскорее отсюда для избежания неприятностей, а может быть, и опасности. Здешние студенты дерзки и притом политические фанатики; прусские офицеры также довольно буйны, а полиция не защитит вас...»

Военная кровь во мне взволновалась и вспыхнула, и я прервал речь моей доброжелательницы словами, которые не хочу повторять, чтоб не показаться хвастуном. Дело кончилось, однако ж, тем, что она убедила меня выехать немедленно из Бреславля и не обедать до выезда за общим столом в трактире. Взяв с меня слово, что исполню обещанное, добрая моя землячка простилась со мною, приказав хозяину квартиры (столярному подмастерью у немецкого мастера) проводить меня домой. Искренно и душевно поблагодарил я мою землячку за бескорыстное попечение обо мне.

На другое утро я взял мой паспорт из полиции и поручил трактирному слуге найти мне место в каком бы то ни было экипаже, отправляющемся внутрь Германии по пути к Рейну, преимущественно же в Дрезден. На третий день я уже был на пути в Дрезден в огромной фуре, в которой находилось двенадцать человек путешественников.

В Дрездене в то время проживало много поляков не только из герцогства Варшавского, но даже и из России. Они были в Дрездене как дома. В Дрезденском кадетском корпусе воспитывались дети многих помещиков герцогства Варшавского. В Hôtel de Pologne, где я остановился, я нашел одного знакомого мне помещика из Минской губернии, приехавшего в Дрезден накануне по делам князя Доминика Радзивилла. Этот радзивилловский агент, или поверенный, сказал мне, что один из моих родственников, также занимавшийся делами князя Доминика Радзивилла, находится теперь в Гамбурге для ликвидации долга, оставшегося после несостоятельного варшавского банкира (не помню его названия). Это возбудило во мне желание ехать в Гам-

бург, занимаемый тогда французским гарнизоном, и оттуда уже отправиться в Париж. Но как мне надлежало быть весьма бережливым, я стал справляться, как можно самым дешевым образом добраться до Гамбурга. Хозяин трактира сказал мне, что чрез два дня отправляется по Эльбе небольшое судно в Гамбург, с изделиями чулочной фабрики, и что я могу за весьма дешевую цену получить место на этой барке. В тот же день я осмотрел барку и нашел для себя весьма покойный уголок в дощатой каюте, и так заплатив всего семь талеров, я занял место.

Вечером накануне моего отъезда явился ко мне молодой человек родом из Берлина с просьбой взять его с собою во Францию. Он объявил мне, что не требует никакого жалования и будет служить мне верно и усердно за то только, чтоб я его кормил и платил за переезд. Военные люди вообще избалованы насчет прислуги, имея всегда добрых и усердных людей, готовых им услуживать, и мне весьма было тяжело путешествовать без служителя[1993]. Он имел правильный паспорт и хорошее свидетельство от цеха портных, к

которому принадлежал. Роберт (его имя) сказал мне напрямик, что чувствует непреодолимую склонность к военной службе, обожает Наполеона и хочет определиться во французскую армию. Я не имел никакой причины не верить ему или сомневаться в его поведении. Тогда я не знал еще, что никогда не должно верить немецкому *свидетельству*, потому что немецкие хозяева и мастера выдают лучшие аттестаты самым дурным слугам и ремесленникам, чтоб надежнее сбыть их с рук и избежать мщения негодяев.

Барка была небольшая, как я уже сказал, и хотя нагружена была порядочно, но по особому устройству днища погружалась неглубоко в воду, так что мы почти везде плыли удобно, по течению, на двух больших веслах, а при попутном ветре ставили парус. К обеду и на ночлеги мы причаливали к берегу в городах или деревнях, которыми усеяны берега Эльбы. Иногда приходилось тянуть барку бечевою, и тогда я шел пешком. В Лауенбурге (в Гольштинии) хозяин товара должен был сдать его ожидавшему его в этом месте приказчику гамбургского купца для пересылки

сухим путем, не помню куда. Я переселился с барки в трактир, и хозяин барки, честный немец, возвратил мне три талера, потому что он не довез меня по условию до Гамбурга. Я вознамерился отдохнуть день или два в Лауенбурге.

Погуляв по городу, я поужинал и лег спать. Просыпаюсь с жестокою головою болью, думаю, что еще очень рано, хочу взглянуть на часы – и не нахожу на столике, на котором положил их с вечера. Встаю, шатаюсь, как будто во хмелю, выхожу на лестницу и кличу моего служителя Роберта. Является служанка трактира и говорит мне, что он с утра понес белье к прачке и не возвращался. «Который час?» – спрашиваю я. «Шесть часов пополудни», – отвечает мне служанка. После объяснения оказалось, что я проспал с 10 часов вечера до 6 часов пополудни другого дня, т. е. двадцать часов сряду без просыпа! Отсутствие Роберта и исчезнувшие со стола часы возбудили во мне подозрение. Деньги в золоте носил я в чересе[1994] и на ночь положил черес под подушки. В сильном беспокойствии возвращаюсь в комнату, поднимаю подуш-

ки – нет денег! Открываю ящик в столе, где были мои бумаги, паспорт и пр. и кошелек с расходными деньгами, – все исчезло! Смотрю в чемодан – нет ни белья, ни платья! Нет больше сомнения, я ограблен и, может быть, отравлен!

Я попросил к себе хозяина и рассказал ему все, прибавив, что я чувствую себя нездоровым, как будто с хмеля, хотя ничего не пил, кроме двух небольших рюмок слабого вина. Хозяин трактира, добрый человек, какие *в то время* встречались на каждом шагу в Германии, принял искреннее участие в моем положении, послал немедленно за доктором и известил бургомистра о случившемся. Между тем прошло два часа, и мой импровизированный слуга Роберт, вышедший из трактира с узлом, будто бы к прачке, не возвращался. Нельзя было сомневаться, что он, а не кто другой обокрал меня.

Явился доктор. Осмотрев меня и порасспросив, он сказал, что во мне нет никаких признаков болезни, но видны следы опьянения, и как я не пил ничего, кроме двух рюмок слабого вина, то очевидно, что мое положение

ние есть следствие какого-нибудь наркотического вещества, которое, по счастью, я проглотил не в сильном приеме. Доктор прописал мне прохладительное лекарство, холодные ванны, смачивание головы холодною водою и обнадежил, что на другой день я совершенно выздоровею. Бургомистр города также явился в трактир за справками в сопровождении своего секретаря. Если б я находился тогда в другом положении, то поохотал бы от сердца над комическою важностью начальника города Лауенбурга. Слух о случившемся со мною с возможными преувеличениями распространился по всему городу, и на другой день трактирщик имел порядочный доход от посетителей, желавших видеть меня. Из меня сделали интересное романическое лицо, выдумали какую-то запутанную интригу и представляли меня жертвою какого-то преследования. Дамы проходили мимо моих окон, чтоб взглянуть на меня, мнимого героя выдуманной досужими языками мелодрамы. Кто знает жизнь немецких второстепенных городов, в которых ждут с таким же нетерпением новостей, как земледелец дождя в засуху, кто

понимает, что такое сплетни (Klatsch) в немецких городах, тот легко постигнет, какой интерес должен был возбудить в тихом Лауенбурге молодой путешественник, проспавший двадцать часов в трактире вследствие отравления!

Между тем никто не подумал о том, что этот герой сочиненного лауенбургскими сплетниками романа остался без гроша и что ему нечего было есть. Бургомистр выслал по всем дорогам извещения (Steckbriefe[1995]) о случившемся, с приметами вора и исчислением всего похищенного у меня, и на основании свидетельства хозяина барки, на которой я прибыл в Лауенбург, выдал мне пропускной вид, нечто вроде паспорта. При этом я должен заметить, что, переселясь в трактир, я не успел отдать моего паспорта хозяину, намереваясь исполнить это на другой день, и мой слуга похитил его вместе с портфелем, где были все мои бумаги.

Если никто не заикнулся о помощи, зато меня забросали советами. Иные советовали мне возвратиться в Дрезден, другие в Берлин, и все отговаривали ехать в Гамбург, полагая,

что вор, зная эту цель моего путешествия, не мог туда отправиться, тем более что там строгая французская полиция. Напротив того, я решился отправиться в Гамбург, надеясь там найти моего родственника, а у него помощь в моем положении. У меня ничего не осталось от моего имущества, как платье, которое было на мне, и гербовый перстень. Я выломал камень, на котором был вырезан герб, продал золото за двенадцать талеров, купил себе крепкие башмаки, подкованные гвоздями (Wanderer-Schuhe), попросил хозяйку купить для меня пару рубах и несколько пар чулков, выкроил из куска клеенки род коротенького плащика на случай дождя и котомку и решился на другой день пуститься в путь *пешком*. Утром хозяйка принесла мне небольшой узелок с бельем, и, когда я спросил, что это стоит, она отвечала: *ничего*, и весьма ласково попросила принять это от нее на память. Отказываться было бы некстати. Хозяин отказался от всякой платы за мои издержки в трактире и попотчевал меня на прощанье кофею, и я весело вышел за городские ворота, распевая известную и тогда любимую в Гер-

мании песню «Freut euch des Lebens!»[1996]
Драгоценная молодость.

Дорога между Лауенбургом и Бергсдорфом поворачивает вправо и пролегает в некотором отдалении от Эльбы. Страна населена во всех направлениях. Не привыкнув к пешеходству, я шел медленно и часто отдыхал. На четвертый день под вечер застиг меня на дороге проливной дождь, и я крайне обрадовался, увидев при дороге большое строение. Это была канатная фабрика. Отсюда было не более мили до Гамбурга. Я вошел в дом и нашел в нижнем этаже несколько человек, которые жарко между собою разговаривали. На просьбу мою о позволении переночевать один из собеседников, разумеется хозяин, отвечал, что у него нет места. Я настаивал, сказав, что готов переночевать в сарае. Хозяин после долгих расспросов, кто я, откуда и куда иду, рассмотрев мое свидетельство, данное лауенбургским бургомистром, и удостоверясь, что я не француз, наконец согласился, хотя неохотно. Мне дали поужинать и отвели коморку под крышею.

Ночью дождь усилился и крепко стучал в

черепичную кровлю, от которой отделяли меня доски, составлявшие потолок моей коморки. Я никак не мог уснуть. Наконец дождь перестал идти, и ветер погнал быстро тучи. Я встал с моего соломенника и подошел к окну, чтоб взглянуть на небо. Луна проглянула в это время, и мне представилось... ужасное зрелище.

На дворе стояла телега, запряженная парю лошадей. Четыре человека вытащили из сарая три мертвые человеческие тела, положили на телегу, привязали к ней веревками и потом стали накладывать на телегу сено. Я присел, чтоб меня не увидели со двора, и, когда телега двинулась с места, добрался ползком до моего соломенника и прилег. Страшные мысли обуревали меня. Тут я понял, почему хозяин не хотел принять меня на ночлег, а по его расспросам догадался, что мертвые должны быть французы, потому что он настаивал, чтоб я сознался, не француз ли я. Из корысти или из народной ненависти и мщения покусились эти люди на убийство? Кто решился на убийство трех человек, для того четвертое убийство ничего не значит. Не

вздумают ли эти злодеи посягнуть на мою жизнь? Я не знал, на что решиться: бежать или остаться в доме... В обоих случаях представлялась опасность... Наконец я решил остаться. К утру, однако ж, натура взяла свое, и я заснул богатырским сном.

Я проснулся около полудня и сошел в общую комнату, в которой вчера застал хозяина с несколькими из его товарищей. Меня встретила хозяйка и предложила кофе и завтрак, сказав, что хозяин выехал со двора по делам. Денег с меня за ночлег и пищу хозяйка не хотела взять, и я, поблагодарив ее за гостеприимство, отправился в путь.

Дорогою я размышлял о случившемся со мною. Тогда я не имел еще постоянных правил насчет обязанностей гражданина и человека и судил о многом по-кадетски, т. е. как школьник! Должен ли я донести правительству о виденном мною или нет? Этого вопроса я никак не мог разрешить! Мне казалось постыдным заплатить за гостеприимство доносом! Да и само слово *донос* мне весьма не нравилось. Для разрешения моего недоумения по прибытии в Гамбург я отправился

немедленно к католическому пастору за советом, что мне должно делать в этом случае для очищения моей совести.

Как я рассказал о виденном мною не на исповеди, а только по доверенности к священническому званию и требуя совета, то пастор взял на себя известить правительство о случившемся, сказав мне, что никакие отношения не должны препятствовать к открытию такого ужасного преступления, как человекоубийство, и кто скрывает его, тот делается участником преступления. Словом, пастор убедил меня совершенно, что это дело должно быть доведено до сведения правительства. При этом случае он взялся содействовать мне к открытию обокравшего меня вора.

Не стану утруждать моих читателей мелочными подробностями, скажу только, что по следствию открылось, что убитые люди были французские таможенники (douaniers), а убийца – известный контрабандист, хозяин канатной фабрики. Таможенники стражи, известясь, что ночью повезут чрез поле в дом контрабанду, засели в кустах. Контрабандисты знали это, предупредили засаду засадою

же, убили таможенных стражей и притащили тела в дом, чтоб на другую ночь свезть в отдаленное место и зарыть в землю. Хозяина дома, главного контрабандиста, не поймали; другие сознались. Двух главных убийц расстреляли, а прочие были отосланы во Францию на каторгу. Во время производства дела я был в стороне, потому что захваченные сообщники контрабандиста немедленно сознались во всем, следовательно, свидетелей вообще было не нужно.

Родственника моего я не застал уже в Гамбурге. Он уехал в Польшу за несколько дней до моего прибытия. Положение мое было самое жалкое. Без денег, без документов, доказывающих мое звание, я ничего не мог предпринять. Добрый пастор утешал меня, приглашал меня ежедневно обедать и ужинать у него и хлопотал за меня в полиции. Между тем время летело, и я оставался в бездействии.

Я нанял не скажу комнату, но конуру в одной из самых бедных харчевен и только спал дома, а дни проводил у пастора и на прогулках по городу. Прошло две недели. Невзирая

на исправность французской полиции, особенно в приморских городах, занимаемых французскими войсками, полиция не могла попасть на следы обокравшего меня негодяя. Отчаяние начало вкрадываться в мою душу!

Однажды, когда я сидел в задумчивости на скамье в Юнгферштихе[1997] (так называется гульбище посреди города) и машинально смотрел на гуляющих, одна хорошо одетая и весьма молодая женщина, проходя мимо, взглянула на меня, остановилась будто невольно, покраснела – и пошла дальше. Пройдя несколько шагов, она оборотилась и снова быстро взглянула на меня. Лицо этой молодой и прекрасной женщины было мне знакомо, но в эту минуту я не мог вспомнить, где я видел ее. И вдруг я будто проснулся и вспомнил... Я пошел вслед и, нагнав, остановил и заговорил с нею по-русски. Я не ошибся – это она!

Здесь я должен сделать отступление для объяснения дела, которое, без всякого сомнения, могло бы послужить завязкою для романа, если б прикрасить истину вымыслами.

По возвращении из прусского похода в Пе-

тербург я провел однажды всю ночь до утра за игорным столом в Кафе-дю-нор, о котором я уже упоминал во 2♦й части моих «Воспоминаний»[1998]. Я сказал уже, что не хочу казаться лучшим, чем я был и чем остался, и сознаюсь, что в молодости моей я играл часто в банк, и притом довольно счастливо. Да и кто тогда не играл? Я всегда понтировал[1999]. Играл я с величайшим хладнокровием, и когда фортуна мне не благоприятствовала, то целую ночь просиживал, ставя по одной карте в талию, обыкновенным кушем[2000], а когда фортуна оборачивалась ко мне лицом, тогда, как говорят игроки, сам садился на карту и в несколько ставок возвращал проигранное, а часто прибавлял к проигрышу выигрыш. При счастье я шел штурмом, напролом! Приятели показали мне все банкирские уловки, употребляемые фальшивыми игроками, и обмануть меня было почти невозможно, а потому я почитался страшным понтером для банкиров, и они иногда предлагали мне часть в банке, чтоб я не понтировал. В эту ночь, о которой я говорю теперь, счастье мне повезло. Банк начался в 11 часов ночи и кончился в

9 часов утра: его сорвали, и мне досталась порядочная частица. Напившись кофе, я велел призвать парикмахера, причесался, напудрился и побрел пешком к приятелю, у которого я остановился на квартире в доме Занфтлебена, на углу Садовой, противу Михайловского манежа. Пройдя Полицейский мост, я увидел возле магазина г-жи Ролан[2001] прелестную девушку лет тринадцати или четырнадцати, которая боязливо подошла ко мне и с трепетом, заикаясь от страха, просила меня купить у нее бусы, две пары маленьких золотых серег и еще кое-какие безделки. Выигранные мною деньги были завязаны в платке и лежали в кармане шинели, потому что в уланских мундирах не было карманов. Я должен был войти в сени дома, занимаемого магазином, чтоб вынуть узел, запустил в него руку и дал столько червонцев и серебряных рублей бедной девушке, сколько захватил в горсть. Она бросилась мне в ноги и заплакала. На расспросы мои она отвечала, что мать ее – вдова обанкротившегося содержателя немецкого трактира, иностранца, и разбита параличом, что она, т. е. девушка, вместе с

теткою, сестрою матери, содержали семейство женским рукоделием и преимущественно мытьем кружев, но что наконец тетка также заболела и она, девушка, ухаживая за больными, не может поспеть с работою и что больные, доведенные до крайности без пищи и лекарства, выслали ее с последним имуществом, чтоб продать его. Слезы милой девушки и простота и искренность ее рассказа тронули меня до глубины души. Я подозвал двух извозчиков: на одни дрожки сел сам, на другие велел сесть девушке и ехать домой. Бедные женщины нанимали квартиру в Подъяческой. Все, что сказала девушка, оказалось справедливым. Записав адрес, я на другой день поручил этих несчастных доброй сестре моей Антонине, которая при помощи своих приятельниц устроила судьбу этого бедного семейства. Несколько дам согласились давать несчастным ежемесячный пенсион.

Я пошел в Финляндский поход и забыл об этом происшествии. И вот эту девочку встречаю я в Гамбурге в щегольском наряде, доказывающем, что она весьма далека от бедности!..

На Юнгферштихе было весьма мало народа. Мы сели в конце аллеи на скамье и стали рассказывать друг другу наши приключения. Сперва я рассказал ей, что со мною случилось, потом она начала рассказывать о себе:

– Мне предлагали несколько выгодных мест в богатых домах, но я не могла решиться оставить матушку, которая не двигалась в постели, и матушка не хотела расстаться со мною. В числе наших благодетельниц, которых число весьма умножилось, была жена банкира М.[2002] Она приглашала меня часто приходить к ней, помогать дочерям ее вышивать, и матушка позволяла мне для моего рассеяния навещать это доброе семейство, где меня принимали ласково, дарили мне разные вещи, награждали деньгами. В этом доме увидел меня иностранец, весьма богатый купец, родом из Америки, и предложил мне выйти за него замуж. Чтоб доставить матушке содержание и не быть никому в тягость, я скрепя сердце вышла замуж три месяца тому назад... Муж мой (тут она залилась слезами)... негр!

– Негр! негр! муж ваш негр! – воскликнул я, невольно вскочив с места.

– Добрейший, честнейший, благороднейший человек! – сказала она сквозь слезы.

Я снова сел на скамью и молчал. Она заплакала и наконец успокоилась. «Я рассказала моему мужу все малейшие подробности моей жизни, в которой вы играете важнейшую роль, потому что без вас не знаю, чтоб было с нами!.. Сделайте одолжение, приходите к нам завтра часу в двенадцатом. Уверяю вас, что муж мой будет рад вам!»

У Юнгферштиха ее ожидал наемный экипаж; она оставила мне свой адрес и уехала, а я остался раздумывать об этой удивительной встрече.

На другой день в назначенный час явился я по адресу в трактир. Мне указали лучшее отделение в доме. Негр высокого роста, средних лет (лет под сорок), которого можно было бы назвать негритянским Аполлоном (если бы негры обожали красивого бога света), встретил меня в передней с распростертыми объятиями и прижал к сердцу, как родного брата, с которым давно не видался. Негр говорил по-французски как природный, хорошо воспитанный француз. Введя меня в гостиную и по-

сидя рядом с собою на софе, он сказал: «Никогда я не предполагал встретить вас, выехав из России, и тем более не думал, что буду в состоянии доказать чувства моей благодарности за оказанное вами добро жене моей в самую тягостную минуту ее жизни. Знаю ваше несчастье и прошу располагать мною по мере вашей нужды. Не затрудняйтесь (*ne vous gênez pas*[2003])! Я богат – и несколько тысяч франков не сделают мне никакой разницы». Я не мог вымолвить слова от удивления, замешательства и скопившихся в сердце моем ощущений и только пожимал руку благородного человека и старался удержать слезы, которые невольно катились из глаз моих. Вошла в комнату моя петербургская знакомка, и кончилось тем, что мы все расплакались. У негра сердце было чувствительно как у самой белой женщины!

Наконец успокоившись, мы принялись рассуждать, что мне должно делать в моем положении. Негр, человек опытный, советовал мне возвратиться морем в Петербург и на основании свидетельства о покраже у меня бумаг взять новый аттестат от военного на-

чальства. «Если же вам это не нравится, я предлагаю вам место в моем торговом доме, в Париже», – сказал мне негр... Я просил несколько дней срока, чтоб пораздумать, и остался по просьбе моих новых друзей обедать с ними. На мне был дорожный старый сертучишка, довольно плохой, и новый мой друг советовал мне заказать или купить немедленно, что мне надобно, и, когда я распрощался, он проводил меня на лестницу и всунул мне почти насильно в руку свиток, в котором было пятьдесят наполеондоров[2004], сказав: «Возьмите на первый случай!»

Смешно и глупо было бы отказываться от помощи в моем положении. Я взял деньги с тем, чтоб возвратить их моему благодетелю при первом случае, поблагодарил от души благородного человека и побежал к доброму пастору, чтоб известить его о моем счастье.

Лишь только я переступил чрез порог, пастор вскочил быстро с кресел и воскликнул: «Виват! вор пойман!»

Вот подлинно, что счастье и несчастье не приходят никогда одни! Я чуть не помешался от радости: прыгал, хохотал, даже пел и обни-

мал пастора. Вот что он рассказал мне о поимке вора и о том, что он показал на допросе.

Вор, еще находясь в Берлине, был в связях с мошенниками и помог одному из них обокрасть его госпожу, опоив ее и служанку опиумом. Они оба бежали из Берлина с фальшивыми паспортами, и обокравший меня негодяй при разделе добычи получил также несколько порошков опиума, которым и потчевал меня в Лауенбурге. По счастью, он всыпал его в вино и не в большом количестве, опасаясь, чтоб я по вкусу не догадался, что вино подмешано. Из Лауенбурга он отправился в Гамбург, полагая (точно так же, как думал лауенбургский трактирщик), что я никак не стану искать его в этом городе. В Гамбурге он остановился у земляка своего, брадобрея, встретясь с ним случайно в трактире. Брадобрей был такой же плут, как и мой вор, и согласился продержатъ его некоторое время у себя, не объявляя паспорта в полиции, за что вор обещал ему награждение, сказав, что он намерен отправиться при первом случае в Англию. Второе для меня счастье, что вор на третий день после прибытия в Гамбург силь-

но заболел. Болезнь лишила его душевной силы (энергии), и он послал за пастором и сознался ему во всех своих преступлениях. Пастор известил полицию, которая немедленно захватила все, что было при нем, а его перевезли в тюремный госпиталь. Я пошел с пастором немедленно в полицию, и мне возвратили все мои вещи, бумаги и деньги по представленному мною прежде при жалобе списку. Недоставало около ста пятидесяти франков.

Камень свалился с моего сердца, когда я на другой день возвратил деньги благородному негру! Несколько дней, проведенных мною в Гамбурге после отыскания похищенного у меня имущества, я был неразлучен с ним и с милою его женою, и он рассказал мне приключения своей жизни, которые передаю в нескольких словах.

Он родился на острове Сен-Доминго, когда остров принадлежал Франции. Отец и мать его были невольниками французского колониста. Жена колониста и мать моего приятеля-негра родили почти в одно время, и негритянка должна была кормить грудью сына сво-

ей госпожи. Французский колонист и его жена были добрые и мягкосердечные люди; они воспитали сына кормилицы вместе с своим сыном, намереваясь сделать его впоследствии управителем плантации. Приятелю моему было уже за двадцать лет от рождения, когда черное народонаселение взбунтовалось на острове Сен-Доминго; он нарочно пристал к бунтовщикам, чтоб спасти жизнь и имение своих господ, что ему и удалось. По прибытии генерала Леклерка на остров Сен-Доминго с французскими и польскими войсками, приятель мой негр перешел к нему и с ним вместе и с своими господами и родителями переехал во Францию. Французский колонист имел большие капиталы в европейских банках, и потеря плантации не разорила его. Он усыновил своего избавителя и, умирая, разделил поровну все свое имущество между сыном, дочерью и им. Дочь вышла замуж, и сын покойного, молочный брат его, негр и зять на общий капитал основали торговый дом. Негр отправился по коммерческим делам в Петербург, увидел несчастную, скромную, милую девочку — и женился. Вот существо всей ис-

тории. Пропускаю подробности восстания негров, битвы и смертоубийства, про которые рассказывал мне приятель мой. Это дела посторонние.

Новый друг мой остался в Гамбурге по торговым делам, а я отправился в Париж, снабженный рекомендательными письмами к его товарищам и дав слово немедленно навестить его, когда он возвратится. Он оказал мне важную услугу, доставив случай доехать до Парижа с нарочно отправленным одною купеческою компаниею курьером на почтовых, в покойной коляске. Открытый лист и подорожная (*Feuille de route*) выданы были на мое имя, но с меня не взяли за проезд ни копейки. Приятель мой негр сказал мне, что в коммерции, как в дипломатии, бывают случаи, в которых необходима тайная корреспонденция, советовал мне быть осторожным и не проговориться, что мой товарищ везет письма гамбургских купцов. По-барски проехал я до Парижа чрез всю Германию, останавливаясь только два раза ночевать. И вот я наконец в столице тогдашнего владыки почти всей Европы, для которой Париж был то-

гда то же, что Рим во время первых кесарей и Мекка для мусульман!

КОММЕНТАРИИ

Воспоминания. Часть первая

69 Representant du peuple, en mission – «народный представитель, уполномоченный» (*фр.*) – в революционной Франции комиссар, осуществлявший политический контроль над деятельностью военных руководителей.

⁷⁰ Вначале высшим органом управления во время восстания был Временный замещающий совет, созданный после победы восстания в Варшаве 16–19 апреля 1794 г. 29 мая власть была передана Верховному народному совету.

¹³⁰ В замке графа Магнуса Браге Скуклостер на полуострове в озере Меларен между Стокгольмом и Упсалой Булгарин был во время поездки в Швецию в 1838 г. См.: *Булгарин Ф. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году.* СПб., 1839. Т. 2. С. 254–278.

¹³⁴ Речь идет о Слуцкой поясной мануфактуре, основанной в 1758 г. для производства тка-

ных мужских поясов – детали гардероба шляхты. Пояса ткались из шелка, золотых и серебряных нитей. Слуцкая мануфактура была основана в 1758 г. великим гетманом Литовским Михалом Казимиром Радзивиллом. Мастером там был уроженец Турции армянин Ованес Маджаранц (после натурализации именовавшийся Яном Маджарским).

²¹⁰ Трактир, располагавшийся в доме на углу Гороховой и Екатерининского канала у Каменного моста, которым с 1790 г. владели купец Д. С. Калмыков, а затем его семья (современный адрес – ул. Гороховая, д. 26/40). Булгарин упоминал трактир «Благопристойность» среди немецких трактиров в «Журнальной всякой всячине» (Северная пчела. 1844. № 39. 19 февр.). В период создания мемуаров, в 1830–1840-е гг., дом принадлежал семье почетного гражданина М. А. Котомина, в нем располагался русский трактир Трифонова.

211

²²⁹ Маршал сейма – высшее гражданское должностное лицо сословно-представительного органа в Речи Посполитой.

²³⁰ Каштелян (польск. Kasztelan, от лат.

Castellum – «зámок») – должность в Польше и Великом княжестве Литовском, в служебной иерархии вторая после воеводы. *Рацунж* – город в Мазовецком воеводстве Польши.

²³⁷ Цикл историй о польском быте, рассказанных от лица вымышленного повествователя, польского дворянина Северина Соплицы и написанных Генрихом Ржевуским, имел большой успех и породил много подражаний; первое издание: *Pamiętki J Pana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego. Paryż, 1839–1841. Vol. 1–4.*

²³⁸ шедевр (*фр.*).

²⁴⁴ Г. А. Потемкин 28 апреля 1791 г. устроил грандиозный праздник по случаю взятия русскими войсками под командованием Суворова турецкой крепости Измаил. «Пространство его проведения и его программа были отчетливо маркированы как принадлежащие верноподданному великой государыни, который приносит ей дань любви и признательности за невиданные благодеяния» (Зорин А. Эдем в Таврическом саду. Последний проект Потемкина // Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология

в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 127). Подробное описание праздника см.: *Державин Г. Р.* Описание торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. С. 383–419. Для устроенного Г. А. Потемкиным праздника Г. Р. Державин написал четыре хора, один из них (I хор), положенный на музыку польским композитором О. А. Козловским, стал популярным полонезом, неофициальным российским гимном. Булгарин приводит неточную цитату из него, ср.:

*Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас;
Храбрость россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!*
(Там же. С. 396).

²⁵¹ Орден Белого Орла – один из старейших польских орденов, известен с 1325 г., восстановлен в 1705 г. королем Августом II. Являлся высшей наградой Польши. Представлял собой

медальон с изображением белого польского орла и девизом «Pro Fide, Rege et Lege» («За веру, короля и закон»). После раздела Польши в 1815 г. император Александр I восстановил орден для награждения уроженцев Польши. В 1831 г. после подавления польского восстания орден был причислен к российским, заняв место в иерархии следом за орденом Св. Александра Невского.

²⁵² Dignitaire (*фр.*), dignitarz (*польск.*) – высокопоставленное лицо.

³³⁰ М. Н. Муравьев с 1785 г. по приглашению Екатерины II преподавал великим князьям Александру и Константину Павловичам русскую словесность, русскую историю и нравственную философию.

Воспоминания. Часть вторая

¹⁴⁹ В журнальной публикации: «Гусары, братцы, удалцы, / Я с вами, братцы, молодцы...» (Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 46). Включено в раздел «Dubia» издания: *Давыдов Д. В. Полн. собр. стихотворений / Ред. и примеч. В. Н. Орлова. Л., 1933. С. 151, источником названы «Воспоминания» Булгарина, при этом отмечено отсутствие современных*

списков стихотворения (Там же. С. 282). Приведено со ссылкой на Булгарина в комментариях А. А. Ильина-Томича к изданию: *Давыдов Д. В. Избранное*. М., 1984. С. 363–364.

¹⁵² Филистер (нем. Philister, букв. филистимлянин) – презрительная характеристика человека с узким обывательским кругозором и ханжеским поведением; появилось в языке немецких студентов для названия обывателей. В 1826 г. в рецензии на вышедшую из печати вторую главу «Евгения Онегина» Булгарин сделал замечание к пушкинской характеристике Ленского («Душой филистер геттингенский»): «В его портрете находится маленькая ошибка. Он представлен немецким студентом, которые называются буршами и швермерами, а не филистерами, как назвал его поэт. Филистером называется, напротив того, спокойный гражданин, не принадлежащий к сословию студентов» (Северная пчела. 1826. № 132. 4 нояб.). В 1833 г. при переиздании романа Пушкин заменил строку известным вариантом: «С душою прямо геттингенской» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 6. С. 33; см. историю пушкинских редакций:

Телетова Н. К. «Душой филистер геттингенский» // Пушкин: Исследования и материалы. 1991. Т. 14. С. 205–213).

¹⁶² Мундирные сюртуки были установлены для генералов, штаб- и обер-офицеров в 1802 г. Вступивший на престол Александр I сразу же начал реформировать форменную одежду Российской армии. Новое обмундирование сочетало модные тенденции по образцу французской формы и традиции екатерининского царствования: были введены мундиры фрачного покроя с высокими воротниками, плечевые погоны и эполеты, штиблеты были заменены сапогами.

¹⁸¹ Летом 1807 г. был заключен Тильзитский мир, одним из условий которого было присоединение России к континентальной блокаде Великобритании, к которой должна была присоединиться и дружественная России Дания. Последовавшие за этим в августе 1807 г. нападение Великобритании на Копенгаген и начало Англо-датской войны привели к разрыву дипломатических отношений России с Великобританией и началу в конце октября того же года Англо-русской войны

(1807–1812). Война не имела масштабного характера: отдельные столкновения военно-морских сил происходили в 1808–1809 гг., в последующие годы боевые действия не велись.

¹⁸² Одной из задач экспедиции шлюпа «Диана» под командой В. М. Головнина и его помощника капитан-лейтенанта П. И. Рикорда к берегам Камчатки и Северной Америки (1807–1813) было описание Курильских и Шантарских островов. Во время исследования южных островов Курильской гряды 11 июля 1811 г. Головнин, сопровождавшие его шесть человек экипажа и местный переводчик-курилец были захвачены в плен японским гарнизоном острова Кунашир (см. описание происшедшего в «Журнале плавания шлюпа “Диана”» 1809–1811 гг.: РГАВМФ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 120), после чего П. И. Рикорд принял на себя командование шлюпом. Пленников перевезли на остров Матсмай (совр. Хоккайдо), где содержали в тюрьме, сначала в г. Хакода-те, а затем – в г. Матсмай (совр. Мацумаэ). Плен В. М. Головнина и его спутников продолжился два года и три месяца, они были осво-

бождены 7 октября 1813 г. Подробнее об инциденте см.: *Козлов С. А.* «Мнения и замечания» В. М. Головнина российскому правительству из японского плена // *Меньшиковские чтения – 2013.* СПб., 2013. Вып. 4 (11). С. 153–167; *Он же.* Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В. М. Головнина и А. И. Хлебникова 1810–1820♦е гг. СПб., 2016. Участники плавания рассказали о нем в своих сочинениях: *Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. В 3 ч. СПб., 1816 (наиболее полное переиздание, с восстановлением цензурных купюр по рукописи, вышло под ред. В. А. Дивина (Хабаровск, 1972)); *Рикорд П. И.* Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816.

¹⁹¹ При Павле I (в декабре 1796 г.) все войска были разделены на 12 территориальных инспекций, которые выполняли функции управления войсками на соответствующей

территории, подчиняясь каждая трем инспекторам по родам оружия: по пехоте, артиллерии и кавалерии. Такое управление сохранялось и при Александре I до 1805 г.

¹⁹⁶ Имеется в виду И. В. Гудович.

²³⁴ Булгарин ссылается на посвященные наполеоновским войнам труды П. Бланшара (*Blanchard P. Histoire des batailles, sièges et combats des Français, depuis 1792 jusqu'en 1815, par une société de militaires et de gens de lettres, et publiée par Pierre Blanchard. Paris, 1818. Т. 1–4*) и Л. Биньона (*Bignon L. Histoire de France, depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsitt. Paris, 1829–1830. Т. 1–6*). На поверхностность обеих книг указывал Н. А. Полевой в упомянутой рецензии на вторую часть «Воспоминаний». Современные историки считают, что под началом Наполеона было до 75 тыс. человек (*Безотосный В. М. Наполеоновские войны. С. 47*).

²⁵³ Булгарин приводит цитату из Биньона (*Bignon L. Op. cit. Paris, 1830. Т. 5. P. 208*).

²⁵⁴ Известный своей франкофобией английский премьер-министр У. Питт умер 23 января 1806 г., потрясенный разгромом войск тре-

твѣй коалиции под Аустерлицем, в сформированном новом правительстве министром иностранных дел стал Д. Фокс, выступивший с инициативой мирных переговоров с Францией.

²⁵⁵ Булгарин цитирует мемуары леди Эстер Стенхоуп, племянницы Питта (London, 1846. Vol. 3. P. 142).

³⁰¹ Булгарин привел, скорее всего по памяти, слегка измененную цитату; ср.: «...à Londres on n' auroit pas sacrifié la hutte d'un nègre pour nous sauver des couronnes» (*Lombard I. V. Matériaux pour servir à l'histoire des années 1805, 1806 et 1807: dédiés aux Prussiens. Francfort; Leipsic, 1808. P. 193*).

³⁰⁴ См.: *Bignon L. Op. cit. T. 5. P. 447*.

³⁴⁹ Булгарин неверно указал год издания цитируемого источника: в 1827 г. вышло 4^е издание Сочинений Озерова, где цитируемое послание было напечатано под названием «Благодарность автора Эдина В. В. Капнисту за присланные стихи» (Ч. 2. С. 199); а в 1828^м – 5^е, дополненное и сверенное по рукописям автора, в нем стихотворение было напечатано под названием «К В. В. Капнисту» в Ч.

3 (С. 121–126) – на него и ссылается Булгарин.

³⁵⁶ Комедия И. А. Крылова (СПб., 1807).

³⁵⁷ См.: Сочинения Алексея Яковлева, придворного российского актера. СПб., 1827. Издание включает анонимное предисловие «Жизнь Алексея Семеновича Яковлева» (с. III–XV). Булгарин в своих «Воспоминаниях», рассказывая о Яковлеве, использует биографические сведения, содержащиеся в этом предисловии. Если учесть стилистическую близость предисловия принадлежащим Булгарину некрологам, публиковавшимся в «Северной пчеле», то можно предположить, что он был его автором. Первая строка стихотворения цитируется неточно, следует: «Ах! и я двух лет от рождения...», см.: Сочинения Алексея Яковлева... С. 83.

³⁸² Мичман «Дианы» Ф. Ф. Мур.

Это письмо не было опубликовано П. И. Рикордом, не публиковалось и после, вплоть до 2016 г. (см. публикацию С. А. Козлова), скорее всего, по следующим причинам: во-первых, речь в нем идет в основном о предательском поведении Ф. Ф. Мура, чье последующее раскаяние и самоубийство были болезненно вос-

приняты Головниным и Рикордом и спустя три года все еще были слишком свежи в памяти; негативные оценки Головнина могли восприниматься как серьезное основание для трагического поступка Мура; во-вторых, письмо содержит характеристику японцев и советы, как обмануть не только Мура, но и тех, кто будет перлюстрировать письмо. Кроме того, Головнин и Рикорд впоследствии всячески способствовали установлению дружеских отношений с Японией, в своих «Записках» Головнин не раз высказывает опасения, что проявления неискренности и хитрости со стороны русских могут нанести вред русско-японским отношениям. Во второй половине 1840-х гг. эта причина потеряла свою остроту, и Рикорд позволил Булгарину опубликовать письмо, убрав негативные упоминания Мура. Оба мореплавателя в своих записках оставили теплые отзывы об этом офицере, красноречивым свидетельством стала эпитафия, помещенная ими на его памятнике: «В Японии оставил его провождавший на пути сей жизни ангел-хранитель. Отчаяние свергло его в заблуждения. Жестокое раска-

ание их загладило, а смерть успокоила несчастного» (Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина... 1972. С. 295).

⁴²⁰ Булгарин ошибается, когда пишет, ссылаясь на «Путешествие П. И. Рикорда», что это был японец, «избавленный русскими от кораблекрушения». После того как в конце августа 1812 г. власти Кунашира отказались вступить в переговоры с русской делегацией, заявив, что пленники мертвы, 8 сентября Рикорд захватил японское судно, на котором оказался его хозяин, богатый японский торговец Такадая Кахэй, пользовавшийся авторитетом у властей. Он сообщил русским морякам, что пленники живы. Рикорд забрал его с собой в Петропавловский порт, где тот пробыл почти год. Японец жил вместе с Рикордом и оказал существенное содействие в освобождении Головнина.

Воспоминания. Часть третья

²⁷ В сражении под Лейпцигом (16–19 октября 1813 г.) Наполеон потерпел поражение от союзных армий России, Австрии, Пруссии и Швеции.

⁴³ Второе стихотворение – очень неточное

воспроизведение стихотворения Державина «На Багратиона»:

*О, как велик На-поле-он!
Он хитр и быстр и тверд во бра-
ни;
Но дрогнул, как простер лишь
длани
К нему с штыком Бог-рати-он.*

(Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1865. Т. 2, ч. 2. С. 579). Стихотворение было тогда же напечатано: Отдельный лист. СПб., 1806, а позднее републиковано: Д. Кн[яжевич]. Новости // Благонамеренный. 1818. № 2. С. 278. К стихотворению издатель журнала А. Е. Измайлов сделал примечание: «В тоже самое время и на сей же самый случай написал кто-то еще следующие четыре стиха:

*Дунул ветер бурный, рушит препо-
ну,
Рвет все преграды на поле он!
Русский поставил грудь в оборону.
Кто сей могучий? – Бог рати он.*

Последний стих, кажется, лучше, нежели у Гавриила Романовича».

⁵⁶ Исход этой битвы не оправдал расчеты

двух противоборствующих военачальников: Наполеона, который надеялся отбросить русскую армию на правый берег Прегеля и овладеть Кенигсбергом, и Беннигсена, который надеялся вытеснить французскую армию на левый берег Вислы и освободить Данциг, Грауденц и Кольберг (*фр.*).

⁵⁷ Неопределенный исход битвы при Эйлау погрузил Париж в немыслимое смятение: завистники мстили за все свои предыдущие походы выказать восхищение; враги Империи скрывали под мнимой скорбью радость, доставленную им провалом государства. Акции на бирже упали. Император не заблуждался насчет своего положения (*фр.*).

⁷³ Имеются в виду боевые действия русско-австрийской армии под командованием Суворова против французских войск в Северной Италии в апреле–августе 1799 г.

⁸¹ Онúча – длинная широкая полоса ткани для обмотки ноги до колена при обувании в лапти.

¹⁵⁶ См.: *Jomini A. H. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même, au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric* [Политическая

и военная жизнь Наполеона, рассказанная им перед судом Цезаря, Александра и Фридриха]. Paris, 1827. Т. 1–3. Рус. перевод: *Жомини Г. В.* Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1837–1842. Ч. 1–6.

¹⁸¹ Гвардейский экипаж для обслуживания придворных яхт и гребных судов, а также придворной и гарнизонной караульной службы был создан в 1810 г.

¹⁹⁹ У Булгарина опечатка или ошибка. Речь идет о Сигизмунде II Августе.

²⁰⁰ Род Радзивиллов разделялся на три ветви: 1) князя Священной Римской империи с 1518 г. и ординаты (форма майората) на Гоняди и Мяделе (прекратилась в 1571 г.); 2) князя Священной Римской империи с 1547 г. и ординаты на Биржах и Дубинках (прекратилась в 1669 г.); 3) князя Священной Римской империи с 1547 г. и ординаты на Несвиже и Олике.

²¹⁸ В Париже от улицы Нёв де Бонз-Анфан в 1782 г. К. Радзивилл проложил пассаж Радзивилла. В 1867 г. эту улицу переименовали в улицу Радзивилла, в 1912 г. пассаж ликвидировали, а улица существует и сейчас (см.:

Hillairet J. Dictionnaire historique des rues de Paris. Paris, 1985. Т. 2. Р. 315–316). Благодарим В. А. Мильчину за справку.

²¹⁹ Речь идет о статье «Papiery pana Ambrożego», подписанной Wada (псевдоним Станислава Кароля Рейтана).

²⁴⁹ См. другую версию этого анекдота, где в качестве «важного лица» выступает Павел I: *Голицын Н. С.* Рассказы об императорах Павле I и Александре I // *Русская старина.* 1880. № 11. С. 738.

²⁵² Имеется в виду М. Я. фон Фок.

Воспоминания. Часть четвертая

⁵⁹ Ср. мнение военного историка, считавшего, что Булатов руководствовался неверными представлениями о расположении противника во время боя: «Он все время придает гораздо больше значения войскам шведов, обходящим его с севера, нежели действующим с юга, тогда как именно здесь могли отрезать ему путь отступления на соединение с Тучковым. Он руководит боем на восточном и северном фронте, а на южном оставляет Медосытова, который, в сущности, правильнее его решает задачу, так как своевременно выводит свои

войска из боя. Разумеется, поведение Медосытова, отступившего без приказа своего начальника, результатом чего была сдача Булатова, не имеет за собою никакого оправдания; но мы хотим лишь сказать, что Булатову надлежало со всеми силами поступить точно также: ведь, в сущности, удержание Револакской позиции во что бы то ни стало не имело для нас полезного значения» (*Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910. С. 83*).

¹¹⁷ Генерал Н. А. Тучков, вызванный в Або для проведения следствия, добровольно явился на помощь сражавшимся и находился в стрелковой цепи.

¹⁵⁷ Здесь и далее, обращаясь к истории финно-угорских племен, Булгарин опирается на свой труд «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий» (СПб., 1837. Истории ч. 1. С. 138–148). Книга вызвала противоречивые отклики: наряду с критическими отзывами Н. А. Полевого (*Полевой Н. А. Очерк русской литературы за 1837 год // Сын отечества и Северный архив.*

1838. Т. 2. Отд. IV. С. 152–153) и О. М. Бодянского (*Далибор о. Варвинский* [Бодянский О. М.] «Россия...» Ф. Булгарина // Московский наблюдатель. 1837. Ч. 11. Апрель. Кн. 1. С. 395–422) появился серьезный разбор историка Н. В. Савельева, содержащий высокую оценку книги Булгарина (*Савельев Н. В. История северо-восточной Европы и мнимого переселения народов* // Маяк современного просвещения и образованности. 1841. Ч. 21. Гл. IV. С. 108–187) и отсылающий к такой же оценке «России...» авторитетным ученым-славистом П. Шафариком. Это сочинение Булгарин не завершил из-за банкротства издателя: из обещанных 12 томов вышли 4 тома «Истории» и 2 тома «Статистики». Широко бытует легенда с обвинением Булгарина в плагиате и утверждении, что подлинный автор – историк Н. А. Иванов. Однако Е. А. Бобров показал, как этот слух, возникнув в некрологе Иванову, написанном А. А. Котляревским, был популяризирован В. П. Бурнашевым, а затем К. Н. Бестужевым-Рюминым (см.: *Бобров Е. Генезис одной книги («Россия» Ф. В. Булгарина и сотрудничество в ней Н. А. Иванова)* // Бобров Е. Ли-

температура и просвещение в России XIX века. Казань. 1902. Т. 2. С. 46–85; см. также: *Салупере* М. Ф. В. Булгарин как историк (К вопросу об авторстве «России») // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 142–155). Однако до сих пор справочные издания и каталоги крупнейших библиотек автором «России...» указывают Н. А. Иванова.

¹⁶³ В журнальной публикации ошибочно: «...при шведском короле Эрике двенадцатом, или Святом...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 149).

¹⁷⁴ Редукционная комиссия была создана в 1680 г. шведским королем Карлом XI для рассмотрения документов, подтверждающих наследственное право на владение поместьями. Комиссия стала органом, в котором нашла бюрократическое завершение редукционная деятельность, начатая в 1655 г. шведским королем Карлом X Густавом с целью возвращения короне земель, ранее переданных во владение шведскому дворянству, и увеличения доходов казны. При Карле XI редукция была распространена на недавно захваченные прибалтийские провинции, в том числе

Лифляндию и Эстляндию. См. о ней статью Булгарина «Прогулка по Ливонии», в которой он писал: «Редукционная комиссия лишила дворянство многих имений, не обогатив страны, лишенной промышленности и торговли» (Северная пчела. 1827. № 78. 30 июня), и вышедшую отдельным изданием «Летнюю прогулку по Финляндии и Швеции в 1838 году» (СПб., 1839. Ч. 1. С. 55).

¹⁷⁵ В журнальной публикации ошибочно: «В Финляндии и Эстляндии это произвело...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 151).

¹⁷⁶ Недовольство лифляндского дворянства вызвало изданное (вопреки дарованным ему привилегиям и несмотря на неоднократные обещания сохранять их в неприкосновенности) постановление (1688) шведского короля Карла XI о присоединении к коронным владениям тех лифляндских земель, которые некогда входили в их состав, но к этому времени уже принадлежали лифляндскому дворянству. Активную роль в защите прав и привилегий лифляндского дворянства сыграл Иоганн Рейнгольд фон Паткуль, возглавив-

ший депутацию от дворянства Лифляндии к шведскому королю. В результате своей деятельности в 1694 г. он был заочно приговорен к смертной казни, бежал из страны, был на прусской, польской, русской службе (генерал-лейтенант), стремясь отомстить шведам; в 1707 г., находясь в Саксонии, был арестован и вопреки протестам Петра I выдан шведам, в октябре того же года Паткуль был казнен мучительной смертью (колесование и четвертование). Булгарин писал об исторических неточностях в пьесе Н. Кукольника, посвященной этим событиям, см.: Ф. Б. Заметки на некоторые места в трагедии «Генерал-поручик Паткуль», соч. Н. Кукольника // Северная пчела. 1846. № 81. 13 апр.

²⁰⁷ Булгарин имеет в виду путевые записки С. С. Уварова, изданные на французском языке: [*Ouvaroff S.*] Rome, 1843. St. Pb., 1845; [*Ouvaroff S.*] Venise, 1843. St. Pb., 1845; рус. перевод: Уваров С. С. Рим и Венеция в 1843♦м году / Пер. с фр. М. Розберга. Дерпт, 1846.

²¹⁸ В отряд полковника Е. И. Властова наряду с другими входили два батальона 24♦го Егерского полка под командованием подпол-

ковника О. Г. Сомова (полк в составе трех батальонов был сформирован Властовым в июне 1806 г., он был его командиром (1806–1807), а затем в 1807–1814 гг. шефом).

²²⁴ В журнальной публикации ошибочно: «...один офицер и 97 человек тяжело раненные остались на месте сражения...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 19).

²²⁵ Скорее всего опечатка, в отряд Эриксона и Сабанеева входили 23[♦]й, 26[♦]й и 3[♦]й егерские полки (см.: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны...* С. 220), ниже и сам Булгарин называет именно эти полки, соединившиеся с основными силами Каменского.

²²⁶ Речь идет о получившем ранение генерале Ю. А. Кронштедте.

²⁴⁰ В битве при Куортане поручику 26[♦]го Егерского полка И. Н. Скобелеву оторвало два пальца правой руки, кроме того, его контузило в грудь, после сражения он был произведен в штабс-капитаны, за участие в кампании награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира 4[♦]й степени с бантом. Булгарин был хорошо знаком

со Скобелевым и написал ему некролог: *Булгарин Ф.* Воспоминание об Иване Никитиче Скобелеве // Северная пчела. 1850. № 38. 16 февр. Скобелев же высоко ценил Булгарина как литератора (см.: И. Н. Скобелев и Ф. В. Булгарин. Два письма И. Скобелева Ф. Булгарину // Русская старина. 1895. № 11. С. 44–46).

Воспоминания. Часть пятая

⁷ Ныне г. Лудза в Латвии.

¹² Имеется в виду эпидемия чумы в Варне 1829 г.

⁵⁸ См.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 221.

⁶⁹ Каронада – гладкоствольное артиллерийское орудие, которое использовалось в английском флоте. Было создано в Шотландии на заводе «Каррон», на основе чего и получило название.

⁷⁰ Стамед – легкая шерстяная материя, употреблявшаяся в том числе для оболочки пушечных зарядов.

¹²⁴ Полную публикацию сатиры «Весь-гом» (1808) см.: Сатира на кампанию 1807 года / Собрал Л. С. М-ч [Мацеевич] // Русская старина.

1897. Декабрь. С. 569–570. Перепечатано в: Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков / Подгот. текста, сост. и примеч. С. А. Рейсера. М., 1975. С. 86. Там цитируемый Булгариным по памяти куплет выглядит следующим образом:

*К Фридланду мы пришед местечку,
Вот здесь лишь только со стыдом,
Накинув пушек полну речку,
В Россию сделали весь-гом.*

²⁰³ У Булгарина опечатка или ошибка. Он явно имеет в виду В. Е. Клокова.

²⁰⁹ См.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846. С. 401. Отдельного описания войн периода 1809 и 1810 гг. у Михайловского-Данилевского нет. Возможно, имеются в виду следующие книги: Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841; Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года: В 2 ч. СПб., 1843.

²³² Отчество А. Фролова-Багреева – не Васильевич, а Алексеевич.

Воспоминания. Часть шестая

⁴⁶ См.: Анекдоты князя Италийского, графа Суворова Римникского / Изд. Е. Фуксом. СПб., 1827. С. 35.

⁸³ верный рыцарь, ухажер (*ит. иронич.*).

⁸⁹ Этимологические словари указывают на греческую (от *κάτερυον* – «галера»), а не турецкую этимологию слова. В русском языке значение слова «каторга» как меры наказания фиксируется с начала XVIII в. (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. СПб., 1996. Т. 2. С. 210–211; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1994. Т. 1. С. 387–388).

¹⁶² В книге опечатка, в рукописи правильно: 1847. Издание это вышло без указания автора.

¹⁶⁵ См. примеч. 65 на с. 306. Сведения о том, что музыку марша сочинила супруга князя Ангальт-Дессауского Леопольда I с 1698 г. Анна Луиза, княгиня Ангальт-Дессауская (урожд. Фёзе; 1677–1745), носят апокрифический характер.

Примечания

Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.

[^^^]

Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 4. 5 янв.

[^^^]

Библиотека для чтения. 1848. Т. 86. Отд. I. С.
165.

[^^^]

[Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 1] // Финский вестник. 1846. Т. 7. Отд. V. С. 32.

[^^^]

Вигель Ф. Ф. Воспоминания Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1864–1865. Ч. 1–7; *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. СПб., 1886; *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895.

[^^^]

Булгарин Ф. О общепольном предприятии
книгопродавца А. Ф. Смирдина // Северная
пчела. 1833. № 300. 30 дек.

[^^^]

См. отражение этих событий: *Никитенко А. В.*
Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 244, 251,
272–276.

[^^^]

Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина // Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 399.

[^^^]

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 467.

[^^^]

Греч Н. И. Воспоминания юности // Новогодник. СПб., 1839. С. 218.

[^^^]

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 470.

[^^^]

См., например: Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын отечества и Северный архив. 1830. № 1. С. 3–42; Воспоминания о Д. М. Княжевиче // Северная пчела. 1844. № 279. 8 дек.; Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. № 8, 9. 11, 12 янв.

[^^^]

См.: Встреча с Карамзиным // Альбом северных муз. СПб., 1828. С. 137–168; Как люди дружатся (из воспоминаний Ф. Б.) // Северная пчела. 1837. № 47. 2 марта.

[^^^]

*Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
С. 240.*

[^^^]

Вацуро В. Э. Встреча (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 135.

[^^^]

См.: Ф. Б. Знакомство с Наполеоном на аван-
 постах под Бауценом 21 мая (н. с.) 1813 года
 (Из записок польского офицера, находящихся
 еще в рукописи) // Сын отечества. 1822. № 41.
 С. 13–20; Ф. Б. Невольное убийство: истинное
 происшествие (Отрывок из моих записок) //
 Северная пчела. 1825. № 78. 30 июня; Ф. Б.
 Ужасная ночь (Отрывок из рукописи «Воен-
 ные рассказы и воспоминания») // Северная
 пчела. 1826. № 7, 8. 16, 19 янв.; Ф. Б. Опасность
 в чужой беде (Отрывок из рукописи «Воспо-
 минания и проч.») // Северная пчела. 1826.
 № 110. 14 сент. В «Воспоминаниях об Испа-
 нии», несмотря на название не являвшихся
 мемуарами, автор обещал читателю полное
 издание своих записок (*Булгарин Ф.* Воспоми-
 нания об Испании. СПб., 1823. С. 31).

[^^^]

Булгарин Ф. Театральные воспоминания моей юности // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. Т. 1. Кн. 3. С. 9–29.

[^^^]

Беглый взгляд на время, протекшее между 1800 и 1840 годами (Воспоминание в Новый год) // Северная пчела. 1840. № 1. 2 янв. (Атрибутировано Булгарину А. И. Рейтблатом.)

[^^^]

См.: Письма Булгарина к Н. И. Шенигу // Рейт-
блат А. И. Указ. соч. С. 270–271.

[^^^]

См.: *Греч Н.* [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина: В 2 ч. СПб., 1846] // Северная пчела. 1846. № 147. 4 июля.

[^^^]

Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. Ч. IV. С. 3–42.

[^^^]

Ф. Б. Объявление от издателя // Литературные листки. 1824. № 3. С. 72.

[^^^]

Ф. Б. Прав или виноват? // Северная пчела. 1840. № 81, 82. 10, 11 апр. Скорее всего, пьеса Полевого, как и рассказ Булгарина, были ответом на критику их литературной деятельности (в особенности упреки касались Булгарина) в «Berliner Figaro» (1840. № 80), см. появившуюся тогда же отповедь немецкому изданию: Журнальная мозаика // Северная пчела. 1840. № 82. 11 апр.

[^^^]

Из бумаг С. П. Шевырева // Русский архив.
1878. № 5. С. 48.

[^^^]

Булгарин Ф. Письмо к М. А. Дондукову-Корсакову от 20 ноября 1841 года // ОР РНБ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1–1 об.; фрагмент письма см. в: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 2. С. 421.

[^^^]

Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Прилож. С. 53–55.

[^^^]

Там же. С. 56–57.

[^^^]

50.20. [Булгарин Ф. В.?] Кастриот, названный Скандербегом // Северный архив. 1822. Ч. II. № 9. С. 161–180; № 10. С. 243–255.

[^^^]

Рейтблат А. И. «Поляк примерный» // *Рейтблат* А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 175.

[^^^]

Федута А. И. Перамога і паразя здравага сэнсу, або вяртанне Булгарына // Булгарын Ф. Выбранае / Укладанне, прадмова і каментар А. Фядуты. Мінск, 2003. С. 5–42; Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013.

[^^^]

Глушковский П. Указ. соч. С. 63, 91.

[^^^]

Русские письма Ф. Б. // Северная пчела. 1843.
№ 254–256. 11–13 нояб.

[^^^]

Там же // Северная пчела. 1843. № 256. 13 нояб.

[^^^]

Булгарин Ф. В. Суворов. СПб., 1843. С. 89.

[^^^]

Так, у И. В. Лопухина детству и юности посвящены две страницы мемуаров (см.: Записки сенатора И. В. Лопухина. М., 1990), а И. И. Дмитриев даже специально отметил, что уделил некоторое внимание этому периоду, полагая, что это может быть любопытно коллегам-литераторам (*Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 281*). Симптоматично, что мемуарный очерк С. Н. Глинки, посвященный его кадетскому детству, появляется в том же 1845 г., см.: Корпусные воспоминания (Из записок С. Н. Глинки) // Журнал Министерства народного просвещения. Прибавл. 1845. Кн. 1. Отд. литературное. С. 3–28.

[^^^]

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.
С. 666.

[^^^]

Среди русских генералов Вороновых (или имевших близкую по звучанию фамилию) нет ни одного убитого в годы детства Булгарина, см.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2010. Т. 1. С. 292–295.

[^^^]

Гинзбург Л. Вяземский-литератор // «Младо-формалисты»: Русская проза / Сост. Я. Левченко. СПб., 2007. С. 149.

[^^^]

Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 675.

[^^^]

См.: *Вершинина Н. Л.* Одиссея Булгарина // Булгарин Ф. В. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого / Сост., вступ. ст., коммент. Н. Л. Вершининой. М., 2007. С. 24–25.

[^^^]

См. в настоящем издании рецензию Полевого на «Воспоминания» Булгарина.

[^^^]

Письма Ф. В. Булгарина // Русская старина.
1909. № 11. С. 349.

[^^^]

Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 696–697.

[^^^]

Булгарин Ф. В. Письма к И. П. Быстрову // ОР РНБ. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 33. Оленин, действительно, завершил свой труд этой цитатой, см.: *Оленин А. Н.* Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамань в 1792 году. СПб., 1806. С. 28.

[^^^]

Булгарин Ф. В. Письма к А. В. Висковатову // ОР
РГБ. Ф. 53. Карт. 6338. Ед. хр. 1. Л. 213–215.

[^^^]

А. И. Михайловский-Данилевский прислал Булгарину по его просьбе «правдивый рассказ об Аустерлице» и событиях, сопровождавших битву, см. об этом: Русская старина. 1905. № 4. С. 216.

[^^^]

См.: [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846–1848. Пять частей] // Военный журнал. 1848. № 6. С. 144.

[^^^]

См., к примеру: *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I: В 6 т. СПб., 1869. Т. 2. С. 69; *Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Уланского ее величества императрицы Александры Федоровны полка: В 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 58–59.

[^^^]

Шевырев С. П. Итальянские впечатления / Вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. М. И. Медового. СПб., 2006. С. 99. См. также критический отзыв В. Н. Майкова об «импровизации», которая заставляет сомневаться в правдивости мемуаров Булгарина ([Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1847. Ч. 3] // Отечественные записки. 1847. Т. 50. Отд. VI. С. 65).

[^^^]

РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Д. 109. Л. 1. Цит. по:
Глушковский П. Указ. соч. С. 111.

[^^^]

[Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Часть шестая] // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Отд. VI. С. 42–43.

[^^^]

См.: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 649; см. также запись от 9 июня 1821 г. в дневнике О. М. Сомова (*Вацуро В. Э. С. Д. П.* : Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 124).

[^^^]

См. статью Грота в настоящем издании.

[^^^]

См.: *Греч Н.* [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина: В 2 ч. СПб., 1846]; см также: [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. 3 части. Статья I] // *Сын отечества.* 1847. Т. 2. Кн. 3. Отд. 6. С. 22–41.

[^^^]

Бородкин М. М. История Финляндии 1801–1825. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 293.

[^^^]

Булгарин Ф. Смерть Лопатинского. Эпизод войны в Финляндии 1808 г. (Военный рассказ)
// Сын отечества. 1823. № 30. С. 151–162.

[^^^]

Ф. Б. [Рец. на: Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. Ч. I. М., 1824] // Литературные листки. 1824. № 5. С. 183.

[^^^]

Северный архив. 1826. Ч. 21. № 9. С. 3–34; № 10.
С. 109–146.

[^^^]

Булгарин Ф. В. Сочинения: В 10 ч. СПб., 1827. Ч. 1. С. 163–181.

[^^^]

Булгарин Ф. В. Сочинения: В 12 ч. Изд. 2^е, испр. СПб., 1830. Ч. 12. С. 81–167.

[^^^]

Об отношениях Булгарина с А. А. Закревским
см.: Дорожные впечатления Ф. Б. // Северная
пчела. 1854. № 47. 23 февр.

[^^^]

Давыдов Д. В. Воспоминание о Кульневе в Финляндии. (Из военных моих записок) 1808-й год // Сын отечества. 1838. Т. 3. Отд. III. С. 165–166.

[^^^]

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841.

[^^^]

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. С. 248–255.

[^^^]

Ср. мнение, что партизанской войны не было и что это миф, созданный историками: *Кяйвярайнен И. И.* Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 5 и далее.

[^^^]

См., к примеру, новейшие биографии, вышедшие в серии «ЖЗЛ»: *Анисимов Е. В.* Генерал Багратион: Жизнь и война. М., 2008; *Нечаев С. Ю.* Барклай-де-Толли. М., 2011.

[^^^]

В романе «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831) Булгарин одним из первых в русской литературе предпринял попытку объективного изображения непопулярного полководца.

[^^^]

Булгарин Ф. В. Путевые записки в поездку из Дерпта в Белоруссию весною 1835 года // Северная пчела. 1835. № 189. 24 авг.

[^^^]

Давыдов Д. В. Указ. соч. С. 187.

[^^^]

Тем не менее племянник Петра и Михаила Долгоруковых П. В. Долгоруков в письме к Булгарину от 18 октября 1848 г., указав на его ошибку, писал: «Чтение Воспоминаний ваших доставило мне истинное наслаждение. <...> Я поражен был истиною, которою проникнуты у Вас события и характеры. Читая книгу Вашу, можно забытья: кажется живешь в ту эпоху, видишь деятелей времени и беседуешь с ними всеми» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 270).

[^^^]

Булгарин Ф. В. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. СПб., 1839. Ч. 2. С. 111–113.

[^^^]

Ср. мнение современных исследователей о том, что до Ордина «принято было писать либо о *русско-шведской*, либо о *финляндской* войне, но ни одному из авторов, включая непосредственных участников боевых действий, не пришло в голову говорить о *покорении Финляндии*» (Такала И. Р., Соломещ И. М. «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 годов // Российская история. 2009. № 3. С. 67).

[^^^]

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 55–56; *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 450, 473.

[^^^]

Bulgarin F. Sotilaan sydän: Suomen sodasta Engelin Helsinkiin. Helsinki, 1996.

[^^^]

Салупере М. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн, 2000. С. 159.

[^^^]

Так, в пятой части (гл. 5) при упоминании И. Ф. Паскевича и М. С. Воронцова он замечал: «О них я буду говорить в свое время и докажу их искреннюю любовь к просвещению и литературе», такое же обещание в этой главе относилось к А. И. Тургеневу, и к А.Е Измайлову в «Северной пчеле»: «В моих “Воспоминаниях” я скажу о А. Е. Измайлове больше» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 142. 30 июня).

[^^^]

См.: Цензура и Булгарин 1848–1851 гг. // Русская старина. 1871. Т. IV. № 11. С. 520–523.

[^^^]

См. об этом: *Корф М.* О воспоминаниях г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанского (статья републикована в настоящем издании).

[^^^]

Цензура и Булгарин 1848–1851 гг. С. 520.

[^^^]

В одной из своих газетных публикаций он еще раз напомнил о себе как о русском офицере (а не французском капитане), рассказав о радостной встрече в Дерпте с уланским полком, следовавшим на подавление восстания в Венгрии, с которым ему когда-то довелось сделать кампании в Пруссии и Финляндии (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 135. 20 июня).

[^^^]

Северная пчела. 1854. № 12. 16 янв.

[^^^]

[Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1849. Ч. 6] // Современник. 1850. Т. 19. № 1. Отд. V. С. 7, 10–11.

[^^^]

На авантюрное начало мемуарного героя Булгарина и его жизненной мотивации как центральное для понимания «Воспоминаний» обратил внимание анонимный рецензент «Финского вестника» (см.: [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 1, 2] // Финский вестник. 1846. Т. 7. Отд. V. С. 36, 42; Т. 8. Отд. V. С. 53).

[^^^]

[Плетнев П. А.] [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 1] // Современник. 1846. Т. 41. С. 136.

[^^^]

См. рецензию Н. А. Полевого в настоящем издании.

[^^^]

Библиографические и журнальные известия
// Отечественные записки. 1846. Т. 44. Отд. VI.
С. 82–89.

[^^^]

Греч Н. [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина: В 2 ч. СПб., 1846].

[^^^]

Цензоры А. Л. Крылов и А. И. Мехелин доносили в цензурный комитет: «Автор этой статьи предположил разобрать не собственно сочинения г. Булгарина, а более методу действий его на литературном поприще <...>. Цензоры сомневаются, может ли быть допущена к печати такая статья, в основание которой положена не критика сочинений, а разбор действий литератора самый укоризненный» (цит. по: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 785*).

[^^^]

[Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. 2 части] // Отечественные записки. 1846. Т. 46. № 5. Отд. VI. С. 40–53; то же: *Белинский В. Г.* Указ. соч. С. 702–712.

[^^^]

См.: [Полевой К. А., Краевский А. А.] [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1848. Ч. 4 и 5] // Отечественные записки. 1848. Т. 57. Отд. VI. С. 105–115; [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1849. Ч. 6] // Там же. 1849. Т. 67. С. 98–106.

[^^^]

([Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1848. Ч. 4 и 5] С. 107–108).

[^^^]

[Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846. 2 части] // Москвитянин. 1846. Ч. III. № 5. С. 191. Высокая оценка мемуаров Булгарина на страницах «Москвитянина» осталась неизменной, см.: П. П. Русская словесность в 1846 году // Там же. 1847. Ч. I. № 1. С. 154; [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1849. Ч. 6] // Там же. 1850. Ч. II. № 8. С. 24–26.

[^^^]

[Розен Е. Ф.] [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина] // Сын отечества. 1847. Т. 2. Кн. 3. Отд. VI. С. 22–41; Кн. 4. Отд. VI. С. 1–28.

[^^^]

Там же. Кн. 4. Отд. VI. С. 28.

[^^^]

Бискупский К. А. Письма к А. А. Краевскому // Давыдов Д. Дневник партизана. СПб., 2012. С. 227.

[^^^]

[Полевой К. А., Краевский А. А.] Указ. соч. С.
108–111.

[^^^]

[Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина.СПб., 1846–1848. Пять частей] // Военный журнал. 1848. № 6. С. 162–164.

[^^^]

См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 413–414; то же: *Современник*. 1847. Т. 1. № 2. Отд. III. С. 141–143.

[^^^]

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10.
С. 440.

[^^^]

Еще в 1846 г. в письме к А. И. Герцену он жаловался: «...ругаю Булгарина, эту самую бранью намекаю, что Краевский прекрасный человек, герой добродетели. Служить орудием подлецу для достижения его подлых целей и ругать другого подлеца не во имя истины и добра, а в качестве холопа подлеца № 1, – это гадко» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 253*).

[^^^]

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 85–86.

[^^^]

См.: П. В. Анненков о В. Г. Белинском: письма к А. Н. Пышину // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 551; Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 322–323, 597.

[^^^]

Мельгунов Б. В. Некрасов – редактор Белинского // Русская литература. 1995. № 2. С. 139–142; см. также: [Редакторская версия статьи В. Г. Белинского «Воспоминания Фаддея Булгарина»] // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. СПб., 1997. Т. 13, кн. 2. С. 97–120, 517–519.

[^^^]

Каратыгин П. П. Северная пчела. 1825–1859 //
Русский архив. 1882. Кн. 2. № 4. С. 290.

[^^^]

Анненков П. В. Литературные воспоминания.
С. 323.

[^^^]

К примеру, попытки дать объективную интерпретацию материалов о Булгарине, предпринимавшиеся усилиями П. А. Ефремова, Т. А. Сосновского, Н. К. Пиксанова и др. на страницах «Русской старины», где с 1871 по 1905 г. публиковались материалы из архива Булгарина.

[^^^]

Каратыгин П. П. Указ. соч. С. 241.

[^^^]

Булгарин Ф. В. Морские купальни на берегу Балтийского моря в Западных губерниях: (Отрывки из прогулки по Ливонии Ф. Б.) // Северная пчела. 1827. № 125. 18 окт.

[^^^]

См., к примеру, компиляцию Всеволода Кре-
стовского «Уланы Цесаревича Константина.
Эпизод из истории Уланского Его Величества
полка» (Русский вестник. 1875. Т. 120. № 12. С.
413–465), популярную книгу М. И. Пыляева
«Замечательные чудачки и оригиналы» (СПб.,
1898), из недавних: *Шкваров А. Г.* Россия –
Швеция. История военных конфликтов.
1142–1809. Хельсинки, 2012.

[^^^]

См., к примеру: *Столпянский П. Н.* Старый Петербург. М.; Пг., 1923. С. 46, 48, 83, 85, 87, 103; *Яцевич А. Г.* Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 257, 361.

[^^^]

Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки. М., 2013. С. 65.

[^^^]

Труднее всего было провести через цензуру этот раздел «Воспоминаний», в котором Булгарин объяснял причину появления мемуаров, обращаясь к современной журнальной полемике, что при существовавшей цензурной практике 1840-х гг. было почти невозможным. См. его письма к цензору А. В. Никитенко в настоящем издании.

[^^^]

Мемуары Булгарина – один из первых в русской литературе первой половины XIX в. опытов прижизненного издания автобиографического жизнеописания, см. об этом: *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. М., 1991. С. 178.

[^^^]

Скорее всего, Булгарин имеет в виду Н. И. Греча, с которым его связывала многолетняя дружба, А. С. Грибоедова, дружбой с которым он гордился, и, возможно, близкого друга семьи – Леонарда Викентьевича Ордынского (1799–1852), чиновника II отделения. Греч писал об отношении Ордынского к Булгарину: «...нельзя было найти более дружбы в родном брате!» (цит. по: Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 463; см. здесь же справку о нем: С. 354).

[^^^]

Булгарин начал публиковаться на русском языке в 1820 г., за 25 лет до выхода его «Воспоминаний», см. исторический очерк «Краткое обозрение польской словесности» (Сын отечества. 1820. № 31. С. 193–218; № 32. С. 241–264), летом того же года Н. И. Греч сообщал о сотрудничестве с «Сыном Отечества» ведущих отечественных литераторов (В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Н. И. Гнедича, К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова), здесь же упоминалось и о Булгарине: «...сочинитель статьи о польской словесности взял на себя сообщать в наш журнал все лучшие новые произведения польских муз» (Там же. 1820. № 33. С. 328–329). С этого времени началась активная журналистская деятельность Булгарина.

[^^^]

Булгарин начал военную службу в 1806 г. корнетом Уланского вел. кн. Константина Павловича полка, а закончил участвовать в боевых действиях в 1814 г. капитаном французской армии, где служил в легкой кавалерии. Торнео (Торнио) – город на границе Финляндии и Швеции, где ему довелось воевать во время Русско-шведской войны (1808–1809). В составе польского легиона французских войск он воевал в Испании в 1811 г. (или, возможно, во второй половине 1810 г.). В Лиссабоне Булгарин не воевал: военные действия под командованием маршала А. Массена на этом направлении велись осенью 1810 г., однако наполеоновским войскам не удалось преодолеть тройную линию оборонительных сооружений, построенную англичанами вокруг португальской столицы. Лиссабон, скорее всего, служит символическим обозначением крайней юго-западной точки территории военных событий, в которых довелось участвовать Булгарину.

[^^^]

Здесь в значении «пороховой магазин (камера)» – часть ствола у орудий, где помещался метательный заряд.

[^^^]

«Душенька» – имевшая большой успех у современников ироикомиическая поэма И. Ф. Богдановича (1783), вольное переложение поведи Ж. Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669). Выполняя поручения Венеры, Душенька добывает живую и мертвую воду, усмирив Змея Горынича при помощи «умильной речи» и специального питья.

[^^^]

Журнал «истории, статистики и путешествий», который Булгарин издавал с 1822 г. (выходил два раза в месяц); в 1829 г. был соединен с «Сыном отечества» Н. И. Греча в единый «журнал литературы, политики и современной истории» «Сын Отечества и Северный архив»; см. о журнале: *Афиани В. Ю.* Археография в журнале «Северный архив» (1822–1828) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981. С. 148–158; *Курукин И.* «Северный архив». Журнал истории, статистики и путешествий // Родина. 1998. № 4. С. 57–59; *Акимова Н. Н.* «Северный архив» и его издатель // Русская литература. 2001. № 3. С. 96–107.

[^^^]

Булгарин заказал обстоятельную критическую рецензию на труд Н. М. Карамзина известному польскому историку И. Лелевелю, перевел ее и в течение трех лет печатал в «Северном архиве» (см: *Лелевель И.* Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. № 23. С. 402–434; 1823. № 19. С. 52–80, № 20. С. 147–160, № 22. С. 287–297; 1824. № 1. С. 41–57, № 2. С. 91–103, № 3. С. 163–172, № 15. С. 132–143, № 16. С. 187–195, № 19. С. 47–53. Публикация не была завершена). Обстановка, в которой создавалась рецензия, и отношение Булгарина к «Истории» Карамзина отражены в переписке Булгарина с Лелевелем; см.: Письма Фадея Булгарина к Иоахиму Лелевелю: (Материалы для истории русской литературы 1821–1830 гг.). (Оттиск из «Варшав. губерн. вед.» [1877]. № 16 и 17). [Варшава, 1877]; *Пташицкий С. Л.* Иоахим Лелевель как критик «Истории государства Российского», соч. Карамзина. Переписка с Ф. В. Булгариным, 1822–1830 // Русская старина. 1878. Т. 22. С. 633–656, Т. 23. С. 75–98;

Wołoszyński R. W. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych. 1801–1830. Warszawa, 1974. S. 333–336; *Попков Б. С.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель: русская проблематика и контакты. М., 1974. С. 22–38; *Galster B.* O Lelewelowskiej krytyce «Historii» Karamzina // *Galster B.* Paralele romantyczne. Warszawa, 1987. S. 24–48; *Глушковский П. Ф. В.* Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013. С. 153–160; *Рейтблат А. И.* Булгарин и Карамзин // *Рейтблат А. И.* Критика, скандал, Булгарин: статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. М., 2020. С. 163–176.

Высоко оценивая труд Карамзина, Лелевель в то же время подверг его аргументированной и последовательной критике по многим вопросам. Рецензия получила в России широкий общественный резонанс. А. А. Бестужев отмечал среди ее достоинств «беспристрастие, здравый ум и глубокую ученость» (Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 67). Некоторые публикации «Северного архива», в особенности из поль-

ских источников, предлагали читателю документальный исторический комментарий к сочинению Карамзина. Предваряя эти публикации, Булгарин писал: «История литовская во многом объясняет темные места событий государства Российского, и собрание в одно целое множества актов, рассеянных в различных библиотеках Литвы и Польши, принесло бы величайшую пользу» (Северный архив. 1823. № 23. С. 301).

Развитие событий в Вильно вокруг польских тайных студенческих обществ филоматов и филаретов и реакция на критику Карамзина в Петербурге заставили Булгарина быть осторожным: 11 апреля 1823 г. он писал Лелевелю: «...я боюсь, чтобы меня не обвинили в излишнем поляцизме, тогда придется проститься с доверием публики и пасть без восстания, как Анастасевич (библиограф и издатель “Улья”, помещавший переводы с польского и известия о польской литературе в своем журнале. – Н. А.), который фигурирует в известной сатире Батюшкова: “Прочь с музой польскою своей Холоп Анастасевич”» (перевод с польского цит. по: Письма Фадея Булга-

рина к Иоахиму Лелевелю. С. 14). 15 июня 1824 г. Булгарин просил передать И. Онацевичу (1780–1845; историк, профессор Виленского университета), чтобы тот «не вкладывал в свои письма стихов [Я.] Кохановского и чтобы не разогревал их патриотизмом, так как это вовсе не согласуется с моим образом жизни и с моим жребием. Я смотрю только в книги, а что делается на свете, не хочу знать», и добавлял, что отказывается принимать рекомендуемую К. Контрымом, Онацевичем и И. Шидловским виленскую молодежь, опасаясь навлечь на себя неприятности и обвинения в пропольской деятельности: «...с виленской молодежью больше беды, чем толку. Я решительно ни одного из студентов принимать у себя не буду, Бог с ними, а нам, спокойным литераторам, следует от них сторониться» (Там же. С. 16–18). Осенью 1824 г. Булгарин прекратил публикацию рецензии Лелевеля (последняя статья вышла в октябрьском номере), хотя письмо Сенковского от 18 июня 1825 г. свидетельствует, что Лелевель прислал продолжение вместе с письмом к Булгарину (см.: Русская старина. 1878. Т. 23. С.

85–87). После разгрома обществ филоматов и филаретов и отъезда Лелевеля в Варшаву (см. об этом: Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти / Сост. А. И. Федута. Минск, 2008) полемику вокруг «Истории» продолжил сам Булгарин, опубликовав «Критический взгляд на X и XI томы “Истории государства Российского”, сочиненной Н. М. Карамзиным» (Северный архив. 1825. № 1. С. 60–84, № 2. С. 182–201, № 3. С. 271–278, № 6. С. 176–197, № 8. С. 362–372), содержащий «серьезные аргументы, подрывающие карамзинскую концепцию русской истории конца XVI – начала XVII в.» (см. об этом: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 118). И. Н. Лобойко писал Лелевелю 24 марта 1825 г. о том, что Булгарин «в “Северном архиве” поместил сильную рецензию на последние тома Карамзина» (перевод с польского цит. по: Письма И. Лобойко И. Лелевелю // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. С. 188). Аргументация Булгарина в полемике о причастности Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия была позднее повторена М. П. Погодиным (*Погодин М.* Об участии

Годунова в убиении царевича Димитрия // Московский вестник. 1829. Ч. 3. С. 90–126; *Он же*. Нечто об Отрепьеве // Там же. С. 144–170). П. Н. Милюков отмечал, что Погодин присвоил себе точку зрения Булгарина на X и XI тома «Истории» «в тех же выражениях» и с «теми же аргументами» (Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1. С. 194).

[^^^]

Карамзин был задет рецензией Лелевеля, после появления первой рецензионной статьи он писал И. И. Дмитриеву 14 декабря 1822 г.: «...выступил на сцену, в “Северном архиве”, мой новый неблагоприятель, какой-то ученый поляк, начинающий свою глубокомысленную критику объявлением, что он ни в чем не согласен со мною и что все мои мысли об искусстве историческом ложны. Бог с ними со всеми! Всего забавнее, что и Фадей Булгарин, издатель “Северного архива”, считает за должность бранить меня и перестал ко мне ездить. По крайней мере я делом либералист: пусть говорят и пишут что хотят!» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 342). Последняя фраза Карамзина указывает на то, что он воспринимал рецензию Лелевеля и поведение Булгарина как демонстрацию либеральной позиции, однако после публикации рецензии, принадлежащей Булгарину, ситуация изменилась и Карамзину положение вещей виделось иначе. «Будучи и моложе, я не хотел сражаться с нашими литера-

турными забияками. Пусть их единоборствуют! Ты говоришь о нападках Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится к делу, как мне сказывают: Магницкий etc., etc. Вступаются будто бы за Иоанна Грозного», – писал он (Там же. С. 391). См. также: *Вацуро В. Э. Встреча (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 138.*

[^^^]

В примечаниях к XII тому «Истории государства Российского» (1829), вышедшему уже после смерти автора, содержатся многочисленные ссылки на «Дневник» Маскевича, примеч. 599 содержит указание на источник – «Северный архив» (1825. № 3; см.: *Карамзин Н. М. Полн. собр. соч.*: В 18 т. М., 2003. Т. 12. С. 329). «Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца, называемого Тушинским вором» печатался в «Северном архиве» в 1825 г. (№ 1. С. 3–20, № 2. С. 109–128, № 3. С. 221–242, № 6. С. 117–136, № 7. С. 217–245), комментарии к нему были выполнены, по всей видимости, Булгариным и активно сотрудничавшим с «Северным архивом» А. О. Корниловичем: на это указывают подписи-криптонимы Б и К. Источником публикации, как указал Булгарин, стал сборник исторических материалов, подготовленный Ю. Немцевичем «Zbiór pamiętnikow historycznych o dawnej Polsce» (Warszawa, 1822).

Речь идет о реакции карамзинистов на рецензию Лелевеля. Так, О. Сенковский писал Лелевелю, что «партия автора, т. е. его домашние друзья, бесятся с досады. Славный поэт Жуковский даже плакал. <...> Хотя они и бесятся, нечего на это обращать внимания, так как это люди без всякой основательной науки. Редко который из них знает по-латыни, и то весьма мало, это поверхностные беллетристы, нет ни одного, которого бы можно назвать ученым» (перевод с польского цит. по: Русская старина. 1878. Т. 22. С. 640). Булгарин среди своих главных врагов называл издателя «Русского инвалида» А. Ф. Воейкова, «туфлю Карамзина», который мог «побудить креатуру свою Лобойко» заставить Лелевеля смягчить свою критику или вовсе отказаться от нее: «Прошу Вас, не верьте этому петербургскому пискуну (piszczykowi)», – убеждал он Лелевеля в письме от 13 февраля 1823 г., имея в виду Лобойко; свои опасения он повторил и в письме от 4 апреля 1823 г. (см.: Письма Фадея Булгарина к Иоахиму Лелевелю. С. 8–9,

12). В свою очередь Лелевель сообщал, что его письмо с приложением, содержащим продолжение рецензии, было уже готово к отправке, когда он «получил письмо Сенковского, в котором в числе мотивов к ускорению выставлен тот, что друзья Карамзина, которые не очень мною довольны, говорят, что я испугался. Задержал я отправление, чтобы им сделать более удовольствия от моего испуга» (перевод с польского цит. по: Русская старина. 1878. Т. 22. С. 648). В защиту карамзинской «Истории» выступил Н. И. Тургенев, приславший перевод напечатанной в «Геттингенских ученых ведомостях» статьи Геерена, с ультиматумом Булгарину: отказаться от замечаний к ней или вовсе не печатать (Булгарин опубликовал рецензию в своем журнале, см.: *Геерен А. Г. Взгляд на «Историю государства российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. № 24. С. 486–504*). Как полагает В. П. Козлов, ссылающийся на письмо И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому от 6 ноября 1822 г., эта акция, скорее всего, была инициирована самим Карамзиным и его окружением (см.: *Козлов В. П. Указ. соч. С. 106*). Среди оппонентов Лелеве-

ля был М. П. Погодин, см. его статьи: Нечто о толковании одного места в Несторе // Вестник Европы. 1824. № 4. С. 260–264; Нечто против опровержений г. Лелевеля // Там же. № 5. С. 14–23. Следует согласиться, что ситуация характеризовалась не столько активной печатной полемикой, сколько «внутренним накалом дискуссии» (Козлов В. П. Указ. соч. С. 113).

[^^^]

На страницах «Литературных листков» (1823–1824), литературно-художественного приложения к журналу «Северный архив», велась активная литературная полемика. Один из споров разгорелся вокруг предисловия Вяземского к сочинениям И. И. Дмитриева (*Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Дмитриев И. И. Стихотворения. Ч. I. СПб., 1823. С. I–LII*), в котором И. А. Крылову, с его баснями «невысокого достоинства», был противопоставлен Дмитриев-баснописец. Булгарин вступил в спор с Вяземским (Литературные листки. 1824. № 2. С. 59–64), настаивая на оригинальности творчества Крылова и отдавая ему безусловное первенство: «Мы решительно можем сказать, что И. А. Крылов есть первый оригинальный русский баснописец по изобретению, языку и слогу. <...> Слог басен И. И. Дмитриева, по нашему мнению, есть язык образованного светского человека. Слог И. А. Крылова изображает простодушие и вместе с тем замысловатость русского народа; это рус-

ский ум, народный русский язык, облагороженный философией и светскими приличиями». Эта позиция была поддержана Пушкиным, писавшим Вяземскому: «Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. <...> И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л, 1937. Т. 13. С. 88–89). Дальнейший обмен откликами Булгарина и Вяземского вылился в полемику о народности в литературе, которая обнажила принципиальную разницу взглядов: ориентацию на широкую публику, демократизацию литературы – у первого, и опору на просветительский эстетизм с его высоким гражданским пафосом – у второго.

[^^^]

Несмотря на утверждение Булгарина, его отношение к А. С. Пушкину не было постоянным и однозначным. Можно выделить три основных этапа литературных взаимоотношений Булгарина и Пушкина. Первый берет начало в 1823 г., когда в «Литературных листках» (№ 2. С. 28) было напечатано стихотворение «На выпуск птички» («В чужбине свято наблюдаю...»), присланное Пушкиным из Кишинева. Через Булгарина Пушкин, оторванный от издательских центров, вел диалог с литературными приятелями и оппонентами: в феврале 1824 г. он просил Булгарина опубликовать в «Литературных листках» два стихотворения, которые были с ошибками напечатаны в «Полярной звезде» («Элегия» («Простишь ли мне ревнивые мечты...») и «Нередида» были опубликованы в «Литературных листках» – 1824. № 4. С. 134–135). Поблагодарив Булгарина за присланный номер «Северного архива» (сохранившиеся в библиотеке Пушкина номера «Северного архива» свидетельствуют, что поэт был его внимательным

читателем, т. к. все имеющиеся номера журнала до 1826 г. разрезаны, см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. М., 1988. С. 134) и за снисходительный отзыв о «Бахчисарайском фонтане», Пушкин писал: «Вы принадлежите к самому малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 13. С. 85). Ободренный доверием, Булгарин опубликовал без разрешения Пушкина отрывок из его письма А. Бестужеву, где речь шла о «Бахчисарайском фонтане», вдохновленном звуком «милых и бесхитростных уст» молодой женщины (*Литературные листки.* 1824. № 4. С. 147–148), чем вызвал недовольство Пушкина. Однако следом, в этом же номере, Б. сообщал о написанной Пушкиным новой поэме «Онегин» и публиковал отрывок, который сопровождал комментарием, носившим характер профессиональной рекламы еще не опубликованного пушкинского романа, – Пушкин не мог не ценить этой стороны их отношений, поэтому не прервал переписки с Б. и по-прежнему при необходимости (для уточнений и выяснения

отношений) обращался к нему. При начале «Северной пчелы» в ней было опубликовано пушкинское послание «К Ч[аадаеву]» («К чему холодные сомненья...») (1825. № 12. 27 янв.), в конце 1825 г. при выходе первого сборника стихотворений Пушкина газета Булгарина поместила полное оглавление издания с обещанием подробнее поговорить о сборнике в «Сыне отечества» (Северная пчела. 1826. № 3. 7 янв.). Характер этих взаимоотношений сохранялся и после личного знакомства Булгарина и Пушкина, состоявшегося осенью 1827 г.: такова история с перепечаткой отрывка из VII главы «Онегина» в «Северной пчеле» (1828. № 17. 9 февр.) из-за ошибок, сделанных в «Московском вестнике», и случай с И. Е. Великопольским в 1828 г., когда Булгарин предоставил место сатирическому посланию Пушкина к Великопольскому (Северная пчела. 1828. № 30. 10 марта), но не дал ответного слова адресату послания, несмотря на его протестующие письма. В свою очередь, Булгарин посвятил Пушкину историческую повесть «Эстерка» (Булгарин Ф. В. Сочинения: В 10 ч. СПб., 1828. Ч. 6. С. 1–65). Отклики Булгари-

на на сочинения Пушкина в этот период носили неизменно панегирический характер, его широко распространенная газета способствовала возраставшей популярности Пушкина.

Второй период связан с наступившим в 1829 г. переломом в отношениях, на который повлияли: успех болгаринского «Ивана Выжигина» (вышел в марте 1829 г.) на фоне неуспеха пушкинской «Полтавы», возросшие творческие амбиции Булгарина, не получившие поддержки у «литературных аристократов», и ставшее известным пушкинскому кругу сотрудничество Булгарина с III отделением. В 1830 г. литераторы пушкинского круга начали открытую войну с ним: в ход идут эпиграммы, критические отзывы о его произведениях, преувеличенно теплый прием романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» в противовес болгаринскому «Димитрию Самозванцу»; наконец, Пушкиным и А. А. Дельвигом была создана «Литературная газета» с целью, по словам М. П. Погодина, «убить Булгарина и Полевого» (см.: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву, с предисловием и

объяснениями Н. П. Барсукова // Русский архив. 1882. Вып. 6. С. 130). Отношения Булгарина с Пушкиным вступили в новую фазу после того, как, прочитав «Димитрия Самозванца», Пушкин обвинил его в плагиате, объяснив заимствования в романе и причины вторичного отказа в публикации «Бориса Годунова» связями Булгарина с III отделением. Вопрос о том, кто был автором экспертной записки для III отделения о «Борисе Годунове», имеет значительную историю, см.: *Винокур Г. О.* Кто был цензором «Бориса Годунова»? // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 203–214; *Городецкий Б. П.* Кто же был цензором «Бориса Годунова» в 1826 году? // Русская литература. 1967. № 4. С. 109–120; *Гозенпуд А. А.* К истории литературно-общественной борьбы 20-х – 30-х гг. XIX века («Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец») // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 252–275. Наиболее убедительная версия об авторстве Булгарина. Он написал Пушкину письмо (от 18 февраля 1830 г.), в котором «честно уверял», что не читал «Годунова» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч: В 17 т. М.; Л.,

1941. Т. 14. С. 67), но оно уже не могло спасти положения: началась ожесточенная полемика между Булгариным и пушкинским кругом, и обе стороны действовали по принципу «в борьбе все средства хороши». Булгарин ответил на помещенную в «Литературной газете» резкую и несправедливую рецензию Дельвига на «Димитрия Самозванца», сочтя ее автором Пушкина, памфлетом «Анекдот (из английских газет)» и нравоописательным фельетоном «Светская известность» (Северная пчела. 1830. № 30. 11 марта), содержащими «личности» в адрес Пушкина. В пылу полемики он выступил с глумливой рецензией на VII главу «Евгения Онегина» (Северная пчела. 1830. № 35, 39. 22 марта, 1 апр.), вызвав гнев Николая I, предложившего запретить «Северную пчелу». Ответом Пушкина стало письмо-предупреждение А. Х. Бенкендорфу (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 14. С. 72–73*) и памфлет «О записках Видока» (Там же. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 129–130). В памфлете содержались выпады личного характера в адрес Булгарина, в том числе и затрагивавшие репутацию его жены; чтобы статья была понятна бо-

лее широкому кругу, Пушкин распространил в обществе эпиграмму «Не то беда, что ты поляк...», заканчивающуюся словами «Беда, что ты Видок Фиглярин». Памфлетный ответ Булгарина содержался в его «Втором письме из Карлова на Каменный остров» (Северная пчела. 1830. № 94. 7 авг.) и в повести «Предок и потомки» (Булгарин Ф. В. Сочинения: В 12 ч. 2-е изд., испр. СПб., 1830. Ч. 12. С. 1–80). В. П. Титов писал С. П. Шевыреву об этих событиях: «У нас успели открыть новый способ критики: аллегорически описывать жизнь и нравственность противника. Фаддей, осердясь на разбор “Димитрия Самозванца”, описал Пушкина, закрывшись под именем Гофмана; Пушкин дал Фаддею название Видока и также описал его. Я надрывался, толкуя Вяземскому и братии, что это скверное оружие, даже против Булгарина; но глас мой раздавался в пустыне...» (Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 96). Дальнейшие полемические шаги Пушкина – памфлеты, опубликованные в «Телескопе» (1831. № 13, 15) под псевдонимом Феофилакт Косичкин, – Булгарин оставил без ответа, поскольку в развернувшейся полемике

поддержка властей была не на его стороне. После Польского восстания 1830–1831 гг. недоверие к полякам в обществе усилилось; более жестко стала относиться к болгаринским периодическим изданиям цензура. Так, в мае 1831 г. Булгарин и цензор «Пчелы» В. Н. Семенов подверглись наказанию за публикацию болгаринского очерка «Отрывки из тайных записок стационарного смотрителя на петербургском тракте»: министр народного просвещения кн. К. А. Ливен увидел в нем «воззвание к бунту» (см.: *Никитенко А. В. Дневник: В 2 т. Л., 1955. Т. 1. С. 106*). В августе 1831 г. умер покровитель Булгарина в III отделении М. Я. Фок, после этого связи Булгарина с III отделением надолго оборвались, он подал в отставку и с марта 1831 г. по 1837 г. жил в Карлове, лишь изредка приезжая в столицу.

Последний этап лишен полемической остроты. Летом 1832 г. Пушкин, получив предварительное разрешение на издание газеты, вел переговоры о сотрудничестве с Н. И. Гречем (см.: *Пиксанов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 5. С.*

30–74), который высказывал предположение, что к 1834 г. они с Булгариным и Пушкин «соединятся в одной газете» (Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина / Публикация и коммент. А. И. Рейтבלата // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 346). Личное отношение Пушкина к Булгарину в этот период характеризует следующий изложенный П. И. Бартеневым эпизод 1835 г., когда Пушкин в разговоре с Т. Н. Грановским заметил о Булгарине: «...напрасно его слишком бранят, что где-нибудь в переулке он охотно с ним встретится, но чтоб остановиться и вступить с ним в разговор на улице, на видном месте, на это он – Пушкин – никак не решится» (цит. по: *Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 348*).

В феврале 1833 г. появилась статья Булгарина «Письма о русской литературе. О характере и достоинстве поэзии А. С. Пушкина» (Сын отечества и Северный архив. 1833. Т. 33. № 6. С. 309–326), с эпиграфом, взывающим к примирению: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Это наиболее полный опыт критического осмыс-

ления пушкинского творчества, принадлежащий Булгарину, главная его идея – утверждение оригинальности и самобытности Пушкина как национального поэта. Не подвергая сомнению огромное значение Пушкина для отечественной литературы, Булгарин высказал мысль об относительности его вклада в мировую литературу, отказав пушкинскому творчеству в значительном философском и нравственном содержании, чем внес лепту в создание концепции о Пушкине как поэте «чистого искусства». Этой точки зрения он придерживался и после смерти Пушкина, высоко оценивая его творчество на страницах «Северной пчелы» (1840. № 12; 1841. № 239; 1849. № 191, и др.). Исключение составили лишь два выступления Булгарина против Пушкина, вызванные критикой в «Современнике» булгаринских изданий в анонимной статье, принадлежавшей Н. В. Гоголю (см.: Ф. Б. Мнение о литературном журнале «Современник», издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным // Северная пчела. 1836. № 127–129; Мое перевоспитание по методе взаимного обучения // Там же. № 255–256).

Критические выступления Булгарина, посвященные Пушкину, и научный комментарий к ним см. в издании: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб., 2001; Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001; Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003; Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб., 2008 (по указ.).

О взаимоотношениях Булгарина и Пушкина см.: Сухомлинов М. И. Полемические статьи Пушкина // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 267–300; Гиппиус Вл.В. Пушкин и журнальная полемика его времени. СПб., 1900; Каллаш В. В. Пушкин, Н. Полевой и Булгарин // Пушкин и его современники. СПб., 1904. Вып. 2. С. 32–49; Фомин А. Г. Пушкин и журнальный триумвират 30-х гг. // Пушкин / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 5. С. 451–492; Столпянский П. Пушкин и «Северная пчела» // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19/20. С. 117–190; Пг., 1916. Вып. 23/24. С. 127–194; Замков Н. К. Архивные мелочи о Пушкине // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29/30. С. 71–77; Оксман Ю.

Г. Булгарин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6. С. 69–71; *Гиппиус Вас. В.* Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 235–255; *Вацуро В.* Булгарин Ф. В. // Пушкин А. С. Письма последних лет. Л., 1969. С. 371–372; *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: история альманаха Дельвига – Пушкина. М., 1978; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2♦е изд. Л., 1989. С. 52–53; *Позднякова О. И.* Иван Петрович Белкин и Феофилакт Косичкин: (К вопросу о литературной полемике А. С. Пушкина и Ф. В. Булгарина) // Взаимодействие творческих индивидуальностей русских писателей XIX – начала XX в. М., 1994. С. 49–55; *Рейтблат А. И.* Пушкин Александр Сергеевич // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публикация, сост. и коммент. А. И. Рейтבלата. М., 1998. С. 678–680; *Акимова Н. Н.* Литературная репутация Булгарина в контексте его литературных взаимоотношений с Пушкиным // Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002. С. 125–147;

Гронас М. Кто был автором первой книги о Пушкине? // Новое литературное обозрение. 2010. № 3. С. 148–169.

Отношение Булгарина к В. А. Жуковскому складывалось иначе. Булгарин выступил в защиту Жуковского и его перевода баллады «Рыбак» в статье «Ответ на письмо г. Марлинскому, писанное Жителем Галерной гавани» (Сын отечества. 1821. № 9. С. 61–73), защитил его от нападок В. К. Кюхельбекера в рецензии на альманах «Мнемозина», требуя «отделить великих поэтов, делающих честь нашему веку, Жуковского, Пушкина и Батюшкова» от их бездарных подражателей (Литературные листки. 1824. № 15. С. 77). Несмотря на то что в письме к Пушкину в 1825 г. Булгарин писал: «...Жуковского всегда буду почитать как человека, а поэтом плохим – подражателем Сутея [Р. Саути]» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 168), публично он не менял своих взглядов, всегда высоко оценивая творчество Жуковского, см.: Литературные листки. 1824. № 1. С. 28; № 3. С. 112; № 7. С. 278–280; № 8. С. 321–322; Северная пчела. 1826. № 148, 150. 11, 16 дек.; 1836. № 11. 15 янв.; 1840. № 12. 16 янв.; 1844.

№ 5. 8 янв., и др. «Северная пчела» помещала поэтические отклики Жуковского на события государственной значимости: «Чувства перед гробом государыни императрицы Марии Федоровны в ночи накануне погребения тела ея величества» (1828. № 137. 15 нояб.), «“Слава на небе солнцу высокому...”», народная песня, птая в Александринском театре 19 марта 1834 г. в двадцатилетие вступления российских и союзных войск в Париж» (1834. № 63. 20 марта), «Бородинская годовщина» (1839. № 202. 9 сент.); предоставила страницы для заметки Жуковского «О подписке на книгу “Стихотворения” И. И. Козлова» (1840. № 37. 15 февр.). Существовал и другой, не столь явный аспект литературных взаимоотношений Булгарина и Жуковского, связанный с противостоянием коммерческой и элитарной литературы, в котором Булгарин и Жуковский принадлежали к конфликтующим сторонам, – Булгарин позволял себе, укрывшись в журнальной полемике под псевдонимом, «вести на Жуковского прямую атаку» (Вацуро В. Э. «Северные цветы»: история альманаха Дельвига – Пушкина. С. 40). Этот конфликт, не сводимый к одной

лишь борьбе за читателя, тем не менее, как убедительно показал В. Э. Вацуро, был осложнен в середине 1820-х гг. конкуренцией двух литературно-общественных групп с разными представлениями о национальной культуре: с одной стороны, кружка А. Бестужева и К. Ф. Рылеева (к которому принадлежали Булгарин и Греч), с другой – Жуковского и его друзей (в их числе был Воейков). Своеобразным «водоразделом» стало отношение к Жуковскому – литератору и общественному деятелю: «Спор расширялся, из области литературы и эстетики перебрасываясь в область политики. <...> Имя Жуковского всплывало на “русских завтраках” Рылеева, где в противовес “немецкому духу” царила “русская” символика <...>. И вот уже от “германизма” переходят к придворной службе поэта, губящей его творчество, от сожалений к шуткам, потом к сарказмам – и наконец Бестужев при шуме всеобщего одобрения читает злую эпиграмму на бедного “певца”, преобразившегося в придворного:

*С указкой втерся во дворец,
И там, пред знатыми сгибая*

шею,
Он руку жмет камер-лакею...

Эпиграмма передавалась из уст в уста» (Там же. С. 23–24). Воейков приписал авторство бестужевской эпиграммы своему конкуренту Булгарину и убедил в этом Жуковского. Однако Булгарин не мог себе позволить открытой полемики с Жуковским именно в силу обыгранных эпиграммой обстоятельств – близости Жуковского ко двору.

О взаимоотношениях Булгарина и Жуковского после 1825 г. см. также: *Самовер Н. В.* «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...»: Диалог В. А. Жуковского с Николаем I в 1830 году // *Лица: биографич. альманах*. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 87–119; *Кузовкина Т.* Некролог Булгарина Жуковскому // *Пушкинские чтения в Тарту, 3: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева*. Тарту, 2004. С. 276–293.

[^^^]

Удар милосердия (*фр.*) – удар, которым добивали смертельно или тяжело раненного противника, чтобы прекратить его мучения.

[^^^]

«Северная пчела» (1825–1864) – политическая и литературная газета. В 1824 г. Н. И. Греч находился под судом из-за дела И. Госнера, поэтому Булгарин взял на себя хлопоты и получил разрешение на издание частной литературно-политической газеты, которую с 1825 г. издавал вместе с Гречем. Выходила три раза в неделю, по вторникам, четвергам и субботам, с 1831 г. – ежедневно, кроме праздников и воскресений (см.: *Степанов Н. Л.* «Северная пчела». Ф. В. Булгарин // *Очерки по истории русской журналистики и критики.* Л., 1950. Т. 1. С. 310–323; *Киселева Т. Е.* «Северная пчела» // *Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827.* С. 492–493).

[^^^]

Булгарин всегда ставил себе в заслугу беспристрастность и объективность. Так, критически отозвавшись о пьесе Н. А. Полевого «Ермак Тимофеич, или Волга и Сибирь» (Северная пчела. 1845. № 39. 17 февр.), в следующем субботнем фельетоне он, опровергая слухи об их ссоре, писал: «Ничего нет несноснее, смешнее и притом ничего нет вреднее, как camaraderie, т. е. компания взаимного восхваления в литературе <...>. Покойный А. С. Пушкин (знаменитый поэт), негодуя на то, что мы не хотели признавать поэтом одного из его приятелей, рифмоплетов, писал к нам: “Публика не стоит того, чтоб для нее ссориться с приятелями”. Мы отвечали: “Приятель, требующий несправедливости, не стоит того, чтоб для него лгать перед публикою. При этом правиле мы остались, останемся и навсегда”» (Там же. № 43. 22 февр.). Однако на практике объективность у Булгарина нередко становилась «литературной тактикой», первыми об этом публично заговорили П. А. Вяземский и Н. А. Полевой (Московский телеграф. 1825.

№ 13 (июнь). Особенное прибавление к Московскому телеграфу «Обозрение критических и антикритических статей и замечаний...». С. 1–64). О том, что в «Северной пчеле» «критика заменяется так называемой литературною тактикою», писал С. П. Шевырев в «Обозрении литературных русских журналов в 1827 году. Северная пчела» (Московский вестник. 1828. № 8. С. 398–424); переменчивость в мнениях болгаринских изданий сделал предмет своей критики А. Ф. Воейков в фельетонах под названием «Хамелеонистика» в журнале «Славянин» (1828–1829). Аргументацию «Телеграфа» и «Московского вестника» повторил в 1846 г. В. Г. Белинский в не пропущенной цензурой рецензии для «Отечественных записок» на первые части «Воспоминаний» Булгарина (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 621–629). В силу этих обстоятельств оценки у Булгарина могли сильно меняться, как это происходило по отношению к Н. А. Полевому (о их взаимоотношениях см. примеч. 266 на с. 385–386 и примеч. 5 на с. 479). Если в период работы над воспоминаниями в фельетонах Булгарина он позициониру-

ется в качестве приятеля, то во второй половине 1820-х гг. причислялся к противникам, которым отдавалась дань справедливости: так, в положительной рецензии на «Историю русского народа» Полевого Булгарин писал: «Чуждый зависти и всех литературных мелочей, я всегда отдавал справедливость жесточайшим моим противникам; но теперь с удовольствием говорю истину о труде писателя самостоятельного, благонамеренного и пламенного любителя просвещения» (Северная пчела. 1830. № 110. 13 сент.). По всей видимости, к «искренним друзьям», кому доводилось выслушивать порицания «Северной пчелы», Булгарин причислял прежде всего О. И. Сенковского, отношения с которым также менялись в силу тех или иных обстоятельств (о взаимоотношениях Булгарина и Сенковского см.: *Jabłonowski A. Orientalista Sękowski w korespondencyi z Lelewelem // Jabłonowski A. Pisma. Warszawa, 1913. T. 7. S. 1–177; Каверин В. Барон Брамбеус. М., 1966, а также примеч. к публикуемым в настоящем издании воспоминаниям Булгарина о Сенковском). Сложнее обстоит дело с другими «жесточайшими про-*

тивниками». Положительные отзывы Булгарина о Воейкове после того, как тот обрел названный статус, отыскать трудно. В период до выхода болгаринских воспоминаний известна лишь одна его похвала другому постоянно-му оппоненту – П. А. Вяземскому: в рецензии на альманах «Северные цветы на 1829 год» Булгарин похвалил его «Выдержки из записной книжки» (Северная пчела. 1829. № 6), что было отмечено Пушкиным в письме к Вяземскому от 25 января 1829 г.: «Говорят, что Булгарин тебя хвалит. В какую-то силу?» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 38). Однако и этот редкий пример приходится на период жесткого противостояния, когда Булгарин передал в III отделение агентурные записки о Вяземском доносного характера, о чем окружение Вяземского догадывалось, поэтому Вяземский отвечал Пушкину в письме от 23 февраля: «Булгарин из плутовства хвалит меня...» (Там же. С. 39), а 1 февраля 1830 г. писал: «Отыщи эпиграмму мою на Булгарина, где я жалуясь на похвалы его, она, говорят, у барона Розена, и напечатайте ее в газете» (Там же. С. 62; эпиграмма Вяземского не разыскана).

Тактические цели позволяли, однако, Булгарину в своих статьях производить впечатление объективности, а иногда и подниматься до нее. К примеру, в 1827 г., в период сближения Булгарина с кругом Дельвига – Пушкина, появилась положительная рецензия на «Стихотворения Евгения Баратынского» (Северная пчела. 1827. № 145, 146, 147. 3, 6, 8 дек.), в которой, напомнив читателям, что давно является объектом эпиграмм Баратынского, Булгарин признавался: «Давным-давно вострил я на вас критическое мое перышко: давно поджидал выхода в свет ваших стихотворений <...> прочел раз, прочел другой – и критическое перо полетело под стол. Честь вам и слава г. поэт! Вы победили меня звуками своей лиры!» Однако и эту рецензию Булгарин сделал ареной литературной борьбы: говоря о посланиях Баратынского, в числе лучших он назвал посвященное ему, заметив, что теперь оно стало почему-то анонимным: «Послание ко мне было напечатано в “Сыне отечества” и перепечатано в “Образцовых сочинениях” с моим именем: “К Булгарину”; имя мое было даже в стихе. По переселении поэта в Москву,

он стал писать ко мне послания другого рода, а в прежнем имя мое заменено точками в заглавии, а в стихе я пожалован в *менторы*. Пользуюсь этим почетным званием и советую поэту более следовать внушению своего гения, нежели внушениям журнальных сыщиков (под псевдонимом Журнальный сыщик помещал в “Московском телеграфе” критические статьи против Булгарина П. А. Вяземский. – Н. А.). Это будет лучше и для него и для публики» (Там же. № 147; подробнее о послании Баратынского см.: Федута А. И. Послание «Булгарину» Е. А. Боратынского: авторские редакции и литературный контекст // Федута А. И. Сюжеты и комментарии. Вильнюс, 2013. С. 68–75). В финале статьи Булгарин призвал Баратынского к примирению во имя поэзии и в январе следующего года выступил в защиту стихотворных произведений Баратынского от критики С. П. Шевырева (Северная пчела. 1828. № 11. 26 янв.), заслужив одобрение Дельвига (см.: Песков А. М. Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. М., 1998. С. 204). Среди примеров такого рода можно назвать и публикацию статей Булга-

рина «О характере и достоинстве поэзии Пушкина» в феврале 1833 г., в период обсуждения Пушкиным и Гречем возможности совместного периодического издания (см. об этом в примеч. 14 на с. 250). Пожалуй, самым выразительным примером, подтверждающим справедливость болгаринского утверждения, является высокая оценка им творчества М. Ю. Лермонтова, в негативном отношении которого к себе и своей газете Булгарин не сомневался, даже после смерти Лермонтова он напомнил: «Покойный Лермонтов был противником нашим по литературе и даже пустил в свет несколько едких эпиграмм противу нас» (Северная пчела. 1844. № 258. 11 нояб.). Особую остроту ситуации придавало сотрудничество Лермонтова с «Отечественными записками» А. А. Краевского – наиболее сильным и опасным противником «Северной пчелы», поэтому вполне предсказуемы были появившиеся в 1840 г. в полемике с этим журналом первые пренебрежительные критические отзывы о произведениях Лермонтова на страницах журнальных изданий Булгарина, Греча и Н. Полевого (в анонимной статье Полевой

опровергал мнение «Отечественных записок» о Лермонтове, написавшем «полдюжины пьесок, весьма недурных», как о великом поэте; отказал он Лермонтову и в праве быть «представителем русской прозы», так как «г-н Лермантов, прозаик, до сих пор ничего порядочного не писавший, ибо, что писал он, то было очень плохо» (Сын отечества. 1840. Кн. 4. Отд. 6. С. 666)); опубликованная в этом же номере в обзоре новинок небольшая рецензия на роман «Герой нашего времени» подтверждала подобный взгляд на художественные достоинства лермонтовского произведения (Там же. С. 856–857). На этом фоне выделялась восторженная рецензия Булгарина на роман «Герой нашего времени» (Ф. Б. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Северная пчела. 1840. № 246. 30 окт.), что заставило искать объяснение в неких «внелитературных» факторах, вроде слухов о материальном вознаграждении за рецензию (см., например: Мартыанов П. К. Новые сведения о М. Ю. Лермонтове // Исторический вестник. 1892. № 11. С. 387). Через день после ее появления П. А. Плетнев сообщал, что Булгарин написал хва-

лебную рецензию «для привлечения подписчиков во время новой подписки, чтобы продемонстрировать беспристрастность и любовь к истине» (Письмо к Я. К. Гроту от 1 ноября 1840 г. // Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 118). Спустя некоторое время Плетнев уже сообщал иную версию, вышедшую из салона Карамзиных, – о деньгах, переданных Булгарину бабушкой Лермонтова (Там же. С. 195). По другой версии, опровергаемой самим Булгариным, рецензия была помещена по просьбе Глазуновых, издателей романа (см.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. СПб., 1883. С. 71–72). Этот слух повторял и В. Г. Белинский (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 4. С. 373*). Булгарин, декларировавший невозможность романа о современнике, чей характер – «бесхарактерность» («Посмотрел бы я, как гений Шекспира или Шиллера справился с героем нашего времени!» (*Булгарин Ф. В. Письмо копииста Мирона Бульбулькина к издателям «Северной пчелы» // Северная пчела. 1831. № 198. 4 сент.*)), теперь, отказавшись от соб-

ственных утверждений, заявлял: «Герой нашего времени» есть создание высокое, глубоко обдуманное, выполненное художественно. <...> Картины, портреты, характеры написаны мастерской кистью, слог живой, увлекательный, язык русский превосходный, чистый, ясный, правильный <...>. Лучшего романа я не читал на русском языке!» (Булгарин Ф. В. Герой нашего времени). Рецензия Булгарина сыграла значительную роль в продвижении лермонтовского романа к читателю. Позднее Булгарин высокую оценку романа дополнил отзывом о самом Лермонтове: «Один только молодой писатель приковал к себе мое внимание и удовлетворил сердце и разум. Это Лермонтов, которого сочинения вовсе не принадлежат к *натуральной школе*, хотя она и присваивает его потому только, что он печатал свои сочинения в журнале – представителе этой школы», – писал Булгарин (Ф. Б. Ливонские письма // Северная пчела. 1847. № 130. 11 июня). «Переменчивый» в литературной тактике, Булгарин, однако, своего отношения к Лермонтову не менял. Так, polemизируя с современным пониманием типич-

ческого, Булгарин заявлял, что «из новых писателей» только Лермонтов «постиг свое время и в состоянии представить верные очерки нашего быта <...> он истинно, неподдельно оригинален!» (Ф. Б. Петербургские типы // Там же. 1841. № 22. 28 янв.). Такого его постоянства удостоились лишь Крылов и Грибоедов (подробнее об отношении Булгарина к Лермонтову см.: *Акимова Н. Н. Лермонтов и «Северная пчела»* // *Лермонтовские чтения – 2006: сб. статей.* СПб., 2007. С. 106–116; *Она же. Кого же убил Печорин? Или еще раз о жизни жанров* // *Мир Лермонтова.* СПб., 2015. С. 499–509).

[^^^]

«Соревнователь просвещения и благотворения» (1818–1825) – печатный орган Вольного общества любителей российской словесности, вел пропаганду либеральных идей. Среди тем, к которым обращались «соревнователи», – национально-историческая, литературно-эстетическая (посвященная проблемам романтизма и национальной самобытности русской литературы) и философская, вызванная потребностью в освоении европейского философского наследия. Булгарин стал членом общества в ноябре 1820 г., в марте 1821 г. был избран его действительным членом (в обществе состояли друзья Булгарина – Н. И. Греч, Ф. И. Глинка, А. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев) и активно включился в работу, выступая с докладами и публикуясь в «Соревнователе».

[^^^]

В 1822–1823 гг. в Петербурге выходила (с периодичностью 6 кн. в год) «Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности»; в отличие от нее Булгарин имеет в виду популярный журнал «Библиотека для чтения» (1834–1865), чьи тиражи доходили до 7000 экземпляров, созданный петербургским книгоиздателем А. Ф. Смирдиным и редактируемый известным ученым-востоковедом, профессором Петербургского университета О. И. Сенковским. Журнал носил энциклопедический характер, печатал как лучших авторов своего времени, так и писателей второго ряда, помещал переводы популярных произведений зарубежных писателей, научно-популярные статьи и материалы. Булгарин доверил ему публикацию журнального варианта своих воспоминаний, в этот же период в «Библиотеке» печатался написанный им совместно с Н. А. Полевым роман «Счастье лучше богатства» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 68. Февраль. Отд. I. С. 101–260; Т. 69. Март. Отд. I. С.

9–156; 1847. Т. 80. Февраль. Отд. I. С. 13–108; Т. 81. Март. Отд. I. С. 1–32; Т. 82. Май. Отд. I. С. 73–102).

[^^^]

Под нелепостями Булгарин подразумевал не только какие-либо низкопробные поделки, но и произведения, которые в его понимании были лишены правдоподобия. Таковыми он, к примеру, считал гоголевские произведения «Ревизор» и «Мертвые души»: «Самое основание сказки “Мертвые души” – нелепость и небывальщина. Господин Гоголь предполагает, что Чичиков скупает умершие души, находящиеся в ревизских сказках до новой ревизии, или переписи, чтоб заложить их в ломбард. Но это совершенная невозможность <...> основать сказку на том, что Чичиков разъезжает по России для покупки мертвых душ, т. е. одних имен умерших людей, и что есть дураки, которые верят Чичикову, значит записать в дураки всех действующих лиц в сказке», – писал он (Северная пчела. 1855. № 244. 5 нояб.). Противопоставление выходивших сочинений второсортных авторов булгаринским, не в пользу последних, было обычной практикой конкурентов, начиная с А. Ф. Воейкова и Н. А. Полевого. Эту тактику «Москов-

ского телеграфа», в котором участвовал Вяземский, подверг критике М. Ф. Орлов. Он писал П. А. Вяземскому 6 июня 1827 г.: «Во-первых, должно совершенно отстать от браней и колких возражений. <...> у вас есть много несправедливостей. Например: вы враги “Северной пчелы”, а приятели “Инвалиду”, не по достоинству сих журналов, но единственно по положению и отношениям вашим с редакторами»; Орлов отмечал как достоинства «Пчелы» ее оперативность и удачные нраво-описательные очерки Булгарина, в то время как в издании Воейкова, расхваленном «Телеграфом» в пику Булгарину, «кроме приказов нечего читать» (Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 41). М. П. Погодин скептически относился к похвалам пушкинского круга роману М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», считая, что аристократическая партия «нарочно славит Загоскина, чтобы уронить Булгарина»; сам он иначе оценивал роман Булгарина, объясняя заниженную оценку «Димитрия Самозванца» негативным отношением к его автору (Русский архив. 1882. Кн. 3. С. 132, 138). Известно, что Вязем-

ский невысоко оценивал роман М. Н. Загоскина, но не выступал против него в печати из-за корпоративной солидарности (см. об этом: *Альтшуллер М. Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. СПб., 1996. С. 93).

[^^^]

Сравнение Булгарина с Александром Анфимовичем Орловым, московским поэтом и прозаиком, автором лубочных романов и повестей, основанных на сюжетных линиях романов Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин», первым использовал как полемический прием Н. И. Надеждин в анонимной рецензии (Телескоп. 1831. № 9), это же сделал Пушкин в памфлетах «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (Телескоп. 1831. № 13) и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (Там же. 1831. № 15), опубликованных под псевдонимом Феофилакт Косичкин. «Оборотливый» и беспринципный Булгарин противопоставлялся в них простодушному Орлову. Сравнение стало общим местом журнальной полемики 1830-х гг. О романах Орлова, ориентированных на булгаринские образцы, см.: Федута А. И. «Выжигинский текст» русской литературы как результат соавторства // Федута А. Письма прошедшего времени: материалы к истории литературы и

литературного быта Российской империи. Минск, 2009. С. 151–160. Однако тут Булгарин имеет в виду не «Телескоп», а возобновленные в 1839 г. под редакцией А. А. Краевского «Отечественные записки»: в «Записке о Северной пчеле» от 10 марта 1839 г., поданной в III отделение Гречем и Булгариным, «Отечественные записки» наряду с «Литературными прибавлениями к Русскому инвалиду» охарактеризованы как издания, в которых произведения Булгарин подвергаются «самым оскорбительным нападениям» и «поставляются <...> ниже сочинений известного московского пьяницы Александра Орлова» (см.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 440). Действительно, на страницах «Отечественных записок» (в рецензиях А. Д. Галахова) часто применялись такие сравнения Булгарина с Орловым в пользу последнего, например: «...мы, вовсе не шутя, убеждены, что романы г-на Орлова будут жить долее, нежели сочинения г-на Булгарина; ибо, несмотря на шероховатость слога, у г-на Орлова более неподдельного таланта и истины, чем у его соперника в

нравоописательном роде» (Отечественные записки. 1839. № 2. Отд. 6. С. 16–17). Такая позиция журнала вызвала критический отзыв В. Г. Белинского (см. об этом подробнее в комментарии А. И. Рейтבלата: Видок Фиглярин. С. 443–444).

[^^^]

Ко времени выхода «Воспоминаний» существовали многочисленные переводы произведений Булгарина (публикации в периодике в списке не учтены): Archippe Thaddéevitch ou l'Ermite russe. Paris, 1828; Sämtliche Werke / Übersetzt von A. Oldekop. Leipzig, 1828; Gemälde des Türkenkrieges im Jahre 1828 / Übersetzt von A. Oldekop. Pet., 1828; Sławianie, czyli Oswobodzenie Arkony // Powieści i romanse: z dzieł celniejszych pisarzy tłumaczone. Wilno, 1828. T. 4; Slované, čili, Osvobození Arkony / Přel. A. Hansgirk // Biblioteka zábavného čtenj. Swazek 5. S. 37–70; Esterka, powieść historyczna / Przeł. przez W. G. Warszawa, 1829; Mon voyage en Russie, extraits du journal d'un voyageur français; Un instituteur, ou Histoire de mon séjour en Russie, par un jeune français; La chute de Veden, nouvelle historique du XVIIe siècle; Le Juge électif; L'Entrevue, tableau épisodique; Promenade en Courlande pendant l'été 1829 // Les conteurs russes ou Nouvelles, contes et traditions russes / Trad. par M. Ferry de Pigny et M. J. Haquin. Paris, 1833. Vol. 1. P. 1–298; De

onbekende. Gedenkwaardigheden uit het leven van den raad Tschuchin // Rellstab L. Stillebens. Groningen, 1837. P. 253–338; Gretch. Eine biographische Skizze / Übersetzt von M. Heine. St. Pet., 1838; Příhody francouzského vychovatele v Rusích / Přel. A. Hansgirk, Praha, 1840; Neznámý // Biblioteka zábavného čtenj / Přel. P. M. Veselský // Biblioteka zábavného čtenj. Praha, 1840. Swazek 13. S. 55–148; Russland in historischer, statistischer, geographischer und literarischer Beziehung / Übersetzt von H. v. Brackel. Riga; Leipzig, 1839–1841. Особой популярностью пользовались романы: Ivan Wyjighine, ou Le Gilbias Russe / Trad. par Ferry de Pigny. Paris, 1829. 4 vol.; Jan Wyżygin, romans moralno-satyryczny / Przekł. J. Godziemby Radeckiego. Wilno, 1829; Jan Wyżygin, satyryczno-moralna powieść / Tłóm. S. M[ackiewicz]. Warszawa, 1830; Jan Wyżygin, romans obyczajowy. Warszawa, 1830; Iwan Wuishigin, moral-satyrischer Roman / Übersetzt von A. Oldecop. Petersburg; Leipzig, 1830; Abenteuerliche und romantische geschichte des Iwan Wischygin oder der russische Gilbias / Übersetzt von A. Kaiser. Leipzig, 1830; Iwan

Wuishigin, eller lifvet och sederna i Russland. Stockholm, 1830–1831; Ivan Vejeeghen, or Life in Russia / Transl. by G. Ross. London; Edinburgh, 1831; Idem. Philadelphia, Carey and Lea, 1832; Giovanni Vixighin, ovvero i costumi russi. Romanzo satirico-morale / volgarizzato da A. Somazzi. Capolago, 1831–1832; Lotgevallen en avonturen van den Russischen Gilblas, Iwan Wyjighine: een vrolijke roman. Leeuwarden, 1831–1832; Iwan Wyžihin: powjodka zábawná a poučná. / Překl. J. M. Bačkora. Praha, 1842; Dymitr Samozwaniec, romans historyczny. Warszawa, 1830; Dymitr Samozwaniec / Przeł. przez K. Korwella. Wilno, 1831. T. 1; Le faux Demetrius, ou l'imposteur, roman historique / Trad. par Y. Fleury. SPb.; Paris, 1832–1833; Den falske Dmitrij / Fri översättning J. F. Bahr. Stockholm, 1838; Petre Ivanovitch, suite du Gil Blas russe / Trad. par M. Ferry de Pigny. Paris, 1832; Peter Iwanowitch. Russisches Charaktergemälde als Fortsetzung des: «Iwan Wyschighin oder: Der russische Gilblas» / Übertragen von F. N.rk [Nork]. Leipzig, 1834; Peter Iwanowitsch. Een tafereel van Russische karakters en zeden. Leeuwarden, 1834; Piotr

Iwanowicz Wyżygin, romans moralno-histeryczny XIX wieku / Przełożył A. Prokopowicz. Warszawa, 1830; Idem. Warszawa, 1835; Mazepa, romans historyczny / Przeł. K. Korwell. Warszawa, 1834; Mazeppa, romanzo storico, libera versione dal russo di G. B. Viviani. Milano, 1845. Позднее были изданы переводы «Петра Ивановича Выжигина» (Napolі, 1853), «Мазепы» (Praha, 1854), «Димитрия Самозванца» (Sanok, 1857) и «Воспоминаний» (Iena, 1859). Не удалось найти упомянутые Булгариным (Журнальная всякая всячина. 1857. № 30. 6 февр.) переводы «Ивана Выжигина» на арабский (в Египте) и двух романов на испанский.

[^^^]

Ария из оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник» (1816), написанной на сюжет одноименной комедии П. Бомарше. Тема знаменитой арии дона Базилио – клевета, или злостная сплетня (дон Базилио рассказывает, как при помощи слухов был дискредитирован граф Альмавива). «Севильский цирюльник» впервые был поставлен на петербургской сцене итальянской оперной труппой в январе 1828 г., о премьере писала болгаринская газета (Первое представление комической оперы «Il barbiere di Seviglia» («Севильский цирюльник»), музыка соч. Россини (17 января) // Северная пчела. 1828. № 12. 28 янв. Без подписи). Анонимный рецензент (об авторстве Булгарина см.: Кулиш А. Театральный рецензент под номером: По страницам «Северной пчелы» 1828–1829 гг. // Петербургский театральный журнал. 2003. № 32. С. 31) особенно выделил баса Замбелли в роли Базилио, который «характеристическою своею игрою прекрасно представил карикатуру завистника, клеветника и сребролюбца»; в прибавлении к ста-

тъе, посвященном следующим представлениям оперы, он вновь отметил арию *calumnia* в исполнении Замбелли (Там же). Позднее он писал, сравнивая Моцарта и Россини: «Россини же, по нашему (*не знатокосскому* (Так! – Н. А.)) мнению, только в “Севильском цирюльнике” примкнул к Моцарту, и, сказать по совести, близко примкнул к нему», – особенно высоко оценив первый акт оперы как «истинно гениальное, мастерское произведение» (Итальянский театр // Северная пчела. 1831. № 40. 19 февр. Без подп.). После того как итальянская труппа по завершении сезона (1830/1831) покинула столицу, опера уже со следующего сезона вошла в репертуар русской, а с сезона 1834/1835 гг. и немецкой оперных трупп. «Северная пчела» не раз откликнулась на эти события в объявлениях и в театральных обзорах. Однако подлинным открытием опера стала для русской публики после прибытия в столицу в октябре 1843 г. знаменитых итальянских певцов Рубини, Виардо и Тамбурини. После четырех спектаклей «Цирюльника» (22, 25, 27 и 29 октября 1843 г.), когда в партии Розины на петербургской сцене

дебютировала Полина Виардо, Булгарин, высоко оценивая талант певицы, чье «искусство возвысилось до такой степени, что мы не умеем даже определить его», писал в очередном субботнем фельетоне: «Это любимая наша опера из всех опер XIX века, и мы ни разу не пропустили, когда ее давали у нас на итальянской, на русской и на немецкой сцене. Теперь сознаемся откровенно, что мы вовсе не знали этой оперы и влюблены были в тень, в привидение, в фантом! Вот она, вот настоящая опера “Севильский цирюльник”, как ее понимал Россини!» (Северная пчела. 1843. № 244. 30 окт.).

[^^^]

Булгарин использовал глагол «припоминать» (польск. *przypominać*) в значении «напоминать». Нельзя утверждать, как это делали некоторые исследователи (см., например: *Гозенпуд А. А.* Из истории литературно-общественной борьбы 20-х – 30-х годов XIX века («Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец») // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 256–257), что это исключительно болгаринская стилистическая особенность, ср. у Ф. Ф. Вигеля, считавшего себя «русакон»: «Вступая в разговоры с монахами, довольно уже немолодыми, я припомнил им об отце моем и нашем семействе...» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. 2. С. 1039).

[^^^]

В «Северной пчеле» Булгарин писал в том же году: «Сколько журналов восставало с тем, чтоб сбить с литературного поприща нравописателя и критика Ф. Б., с которым никакой журнал не может заключить наступательного и оборонительного союза для *общей* (т. е. союзных журналов) пользы, и никакой литератор не может быть уверен в постоянной его благосклонности. Сегодня похвалит (когда труд хороший), а завтра похулит (если дело плохое). Нет никаких средств, никакой возможности сладить с ним, и вот двадцать пять лет (много времени, четверть столетия!) почти вся пишущая братия машет перьями противу Ф. Б. Журналы трещат от сильной начинки всякими аргументами противу него, эпиграммами и сатирами, намеками, и журнальный народ вопит:

Он порча, он чума, он язва здешних мест!

Лови, коли, руби – пардона нет врагу!

А он на это ни гугу:

Смеется, сладко спит и с аппетитом ест!

*Гуляет в Карловских лугах,
Не беспокоясь о врагах,
И презирая их пристрастную хулу,
Не желчью – правдою питает он Пчелу.*

*А легкокрылая Пчела
Летает на Руси, здорова, весела!*

Ф. Б. издал в свет до ста томов больших и малых, и написал до пятидесяти томов. По мнению противников, всё это дурно, никуда не годно и даже более, бесполезно. Но публика думает иначе и разобрала всё в нескольких изданиях» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 105. 11 мая).

[^^^]

Речь идет о статье Булгарина «Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений» (Северная пчела. 1845. № 8, 9, 11, 12 янв.), в которой Булгарин приводил биографические сведения, сообщенные ему Крыловым, и вел рассказ о нем как его близкий знакомый. См. эту статью, публикуемую в настоящем издании, и примечания к ней.

[^^^]

Одним из первых упрекнул в этом Булгарина А. Ф. Воейков в статье «О знакомстве издателя “Лондонского трутня (The London Drone)” со знаменитыми покойниками после их кончины» (Славянин. 1828. № 39. С. 512–514. Подп.: Готовский), речь в которой шла о Наполеоне и Н. М. Карамзине. Булгарин имеет в виду напечатанные в 1845 г. в «Москвитяине» (№ 2. С. 87) эпиграммы П. А. Вяземского «Кусопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный...» и Н. П. [Н. Ф. Павлова] «Что ты несешь на мертвых небылицу...». После выхода в свет первых двух частей «Воспоминаний» Булгарин писал: «“Воспоминания” Ф. Б. вышли в декабре 1845 и январе 1846, а журналы до сих пор, в мае, все пережевывают их и никак не могут проглотить. Наконец изобрели противники Ф. Б. *новый* способ атаки, не употребляемый ни в одной просвещенной земле, даже во Франции и в Англии, где при свободе книгопечатания существуют личные памфлеты. По кончине знаменитых или заслуженных мужей Ф. Б. вместо сухих биографий сообщает

публике свои *воспоминания* о них, определяя степень своих к ним отношений. Что же выдумали противники? Они печатают, что Ф. Б. навязывается на дружбу после смерти. Хитро! Быть может, кто-нибудь, не бывавший никогда в столице или вовсе не знающий отношений и положения в свете Ф. Б., и поверит, а этого и довольно противникам! И это называется критикой!!! Мы раз навсегда сказали в предисловии к нашим “Воспоминаниям”, что никому никогда не навязывались в дружбу, особенно русским литераторам, и пояснили дело, следовательно почитаем излишним повторять однажды сказанное. Когда мы пишем о современности и современниках, то говорим в виду свидетелей, и пусть же они уличат нас в неправде *печатно*, за *подписью своего имени*. Когда дойдем в наших “Воспоминаниях” до вступления нашего на литературное поприще, тогда представим снимки собственноручных писем к нам тех, с которыми мы находились в каких-либо сношениях, и публика убедится в истине. Не смешно ли требовать от современного писателя, чтоб он не говорил об умерших знаменитостях? Ужели

должно говорить о живых? “Отеч[ественные] записки” удивляются даже, что мы при жизни нашей печатаем наши “Воспоминания”! Им кажется это небывальщиной. Кто пишет правду, тот может говорить ее при жизни своей, и сомнения противников еще не улика в неправде. Требовать от живого человека, чтоб он не говорил о виденном и слышанном, и при этом не вмешивал своего лица, значит желать, чтоб никто не издавал ни путешествий, ни приключений своих, ни записок, т. е. желать, чтоб все материалы к истории, этнографии, статистике и т. п. издавались после смерти автора. Нелепость!» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 105. 11 мая).

[^^^]

Булгарин не сдержал своего обещания, потому что «Воспоминания» не были доведены до периода его литературной деятельности и знакомства со «знаменитостями». В статье, посвященной выходу «Воспоминаний» (Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.), он писал, что, в отличие от журнальной публикации, «в отдельно напечатанных экземплярах есть и будут особые *пояснения и приложения*. Если в первой части они не важны, относясь более к лицу автора, для характеристики эпохи, то в следующих частях эти приложения будут иметь особое достоинство, потому что будут состоять из *снимков* с почерка замечательных людей, редких сочинений и кратких биографических очерков». Булгарин состоял в переписке со многими известными людьми своей эпохи, однако его архив, находившийся в Карлове, не сохранился. В 1870–1900-е гг. журналы «Русский архив», «Русская старина» и «Наша старина» публиковали документы (в том числе и письма) из архива Булгарина, предоставленные его сыновьями Болеславом

и Владиславом. Среди корреспондентов Булгарина – литераторы, ученые, деятели искусства, государственные лица; сохранились частично опубликованные письма Г. С. Батенькова, А. А., Н. А. и П. А. Бестужевых, Д. В. Веневитинова, Н. И. Греча, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, М. Н. Загоскина, В. Р. Зотова, П. А. и П. П. Каратыгиных, А. И. Михайловского-Данилевского, А. Мицкевича, А. Н. Оленина, Н. А. Полевого, К. Ф. Рылеева, О. И. Сенковского, В. А. Ушакова, А. С. Хомякова и многих других.

[^^^]

Об отношениях Булгарина с Н. И. Гречем и А. С. Грибоедовым см. во включенных в настоящее издание воспоминаниях Булгарина о них и комментариях к ним.

[^^^]

Упреки разного рода были обычной полемической практикой, направленной против Булгарина: ложью назвали исторические и географические неточности и ошибки булгаринских изданий, обвиняли его также в необозначенных заимствованиях. Первым подобные обвинения предъявил «Московский телеграф», указав на использование работы Шлегеля «Лекции о драматическом искусстве и литературе» в статье «Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве», помещенной в «Русской Талии» с подписью А. Ф. (то есть Архип Фаддеев) без ссылки на источник (см.: —*стъ* —*въ* [Перцов Э. П.] Письмо к издателю «Московского телеграфа» // Московский телеграф. 1825. № 3. Раздел «Антикритика». С. 1–13; об обстоятельствах создания статьи см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 131–132). Этой статьей, завершавшейся цитатой из Крылова, любимого Булгариным («Улика налицо и запирается поздно!»), «Телеграф» открыл кампанию, направленную на дискреди-

тацию Булгарина. Для антикритик, главным объектом которых был Булгарин, Полевой от-вел в своем журнале особый отдел в виде прибавлений (Московский телеграф. 1825. № 4, 13, 14); в серии фельетонов «Матюша-журналоучка, или Ученье свет, а неученье тьма», подписанных Я. Сидоренко, к прежним обвинениям Булгарина в плагиате он добавил указание на заимствования для «Воспоминаний из Испании» из «Истории войны испанской и португальской» Альфонса де Бошана и привел примеры многочисленных нелепостей и ошибок, допущенных Булгариным (Там же. № 15. Прибавление. С. 311–324; № 22. Особенное прибавление. С. 1–32). Те же примеры ошибок болгаринских изданий повторил со ссылками на «Московский телеграф» в своей не пропущенной цензурой статье, посвященной воспоминаниям Булгарина, В. Г. Белинский (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 616–619).

На страницах «Московского телеграфа» в статье П. М. Строева болгаринскому изданию были предъявлены упреки в подделке «Записок Гримовского» на том основании,

что журнал не указал, где находится оригинал исторического источника, стиль документа «несообразен с духом времени», а «некоторые места речей прямо списаны с других современных источников» (*С[троев] П.* Несколько слов о статье, помещенной в № 21 «Северного архива» // Московский телеграф. 1825. № 14. Отд. IV. С. 204–206). Речь шла о публикации в «Северном архиве» статьи под названием «Записки о делах Московских, веденные с 1598 года Гримовским и представленные Сигизмунду III, королю польскому», сопровождавшейся примечанием Булгарина: «Сия статья найдена в Варшаве одним русским путешественником и переведена им с латинского языка. Мы обязаны почтенному А. М. Спиридову за сообщение оной в наш журнал, но, не видав подлинника, не ручаемся в достоверности исторической» (Северный архив. 1825. № 21. С. 1–51); статья положила начало ряду изданий разных вариантов этого текста и многолетнему обсуждению вопроса о его подлинности (см.: *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М., 1996. С. 133–154). Современный историк полагает, что «Записки Гри-

мовского» были созданы между 1808 и 1822 гг.
(Там же. С. 153).

[^^^]

Этот принцип – следствие длительного опыта работы Булгарина в условиях цензуры. В письмах к Р. М. Зотову, театральному критику «Северной пчелы», он советует придерживаться этого правила и разъясняет способы его реализации. Так, в письме от 2 июня 1845 г. Булгарин пишет: «За что ж нам воевать с [А. М.] Гедеоновым? (директором императорских театров. – Н. А.) – Если нельзя порицать – скажите – о таком-то или такой-то: *умалчиваем*. Принудить хвалить он не может – а молчать не запретит – а до распоряжений дирекции – я вам давно говорил – мне *приказано* не касаться именем Государя. <...> Да и зачем нам трогать дирекцию? Наше дело *пьеса* и *игра* актеров. Мы не переделаем Гедеонова!» (Письма Булгарина к Р. М. Зотову // Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 318, см. также: С. 298–299, 307, 310).

Петербургский книгопродавец и издатель М. Д. Ольхин был тесно связан с Булгариным, выпустил ряд его книг, среди которых несколько томов его Полного собрания сочинений (Т. 3–7. СПб., 1843–1844). Булгарин неизменно рекламировал Ольхина в «Северной пчеле»; его старшие сыновья Болеслав и Владислав были женаты на дочерях Ольхина.

[^^^]

Прогноз Булгарина не вполне осуществился: несмотря на активное обращение русской литературы к мемуаристике, публикации автобиографических сочинений при жизни автора были редки: «Но и 20 лет спустя после полемики вокруг автобиографической книги Ф. Булгарина моральное право мемуариста на такую издательскую акцию казалось еще делом исключительным, нуждающимся в защите и публичной поддержке» (*Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 179*). Такие явления русской мемуаристики, как «Былое и думы» А. И. Герцена, начатые в 1852 г., и мемуарно-биографическая проза С. Т. Аксакова 1850-х гг., по-разному развивающие мемуарную традицию, не могут рассматриваться как подражания.

[^^^]

Осторожность Булгарина была вызвана непривычностью для отечественной культурной практики прижизненной публикации автобиографического жизнеописания: и он, и его издатель М. Д. Ольхин не знали, какова будет реакция публики и властей, строго дозировавших индивидуальную оценку современной истории. Однако намерение продолжать у Булгарина было, о характере и составе «следующих частей» он упоминает в статье, посвященной выходу «Воспоминаний» (Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.). Слова «том» и «часть» в случае этого издания Булгарин использует как синонимы.

[^^^]

Булгарин по праву считал себя одним из создателей жанра военного рассказа в русской литературе. Его небольшие военные повести появились в начале 1820-х гг., некоторые из них (Геройство испанки (Исторический анекдот) // Благонамеренный. 1821. № 14. С. 139–142; Осада Сарагосы // Сын отечества. 1823. № 14. С. 295–309) вошли в книгу «Воспоминания об Испании» (СПб., 1823); уже в первое собрание своих сочинений (1827–1828) Булгарин включил раздел «военные рассказы». А. А. Бестужев оценил их «военную искренность и правду», «вкус разборчивый и оригинальный» (*Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 27*), см. об этом также: *Акимова Н. Н. Военный рассказ в русской литературе первой половины XIX века // Жанры в историко-литературном процессе. СПб., 2000. С. 25–36.*

Воеводство – единица административно-территориального деления в Великом княжестве Литовском; Минское воеводство было создано в 1566 г. и существовало до 1793 г.

[^^^]

Великое княжество Литовское – государство, существовавшее с XIII в. на территории современных Литвы, Беларуси, частично Украины и Польши. В 1569 г. по Люблинской унии образовало вместе с Польшей федеративное государство Речь Посполитую, в составе которой обладало автономией. В 1772–1795 гг. в ходе разделов Речи Посполитой земли княжества вошли в состав Российской империи.

[^^^]

Княжеские бояре – в Великом княжестве Литовском нетитулованная шляхта (дворянство), проживавшая в княжеских имениях и несшая воинскую службу.

[^^^]

Цифрой в скобках Булгарин помечал свои Пояснения, которые помещены в конце первой части.

[^^^]

Сейчас это деревня Пырашево Узденского района Минской области Республики Беларусь.

[^^^]

В 1789 г. восставшие парижане взяли штурмом замок Бастилия, выполнявший функции королевской тюрьмы и арсенала, что стало началом Французской революции.

[^^^]

Пороховой магазин – специально оборудованное помещение для хранения пороха.

[^^^]

Булгарин имеет в виду восстание 1794 г. под руководством Т. Костюшко, направленное на восстановление государственности Речи Посполитой, ликвидированной в ходе первого (1772) и второго (1793) ее разделов.

[^^^]

Антонов огонь – гангрена.

[^^^]

Сражение под Мацейовицами состоялось 29 сентября (10 октября) 1794 г. Оно закончилось пленением Т. Костюшко, который был увезен в Петербург, где находился в заключении до 26 ноября 1796 г.

[^^^]

Прага – пригород Варшавы. Штурм Праги 24 октября (4 ноября) 1794 г. русской армией под командованием А. В. Суворова был одним из наиболее кровопролитных сражений при подавлении восстания 1794 г.

[^^^]

Имеется в виду Анеля Булгарина, урожд. Бу-
чинская.

[^^^]

Грицевичи – ныне деревня, центр Грицевичского сельсовета Клецкого района Минской области Республики Беларусь.

[^^^]

Маковищи – ныне деревня в Узденском районе Минской области Республики Беларусь.

[^^^]

Глуск – центр Глусского графства, принадлежал семье Радзивиллов, с 1800 г. был в собственности графа Юзефа Юдицкого, получившего Глуск в приданое после брака с Алоизой Радзивилл. Ныне городской поселок, центр Глусского района Могилевской области Республики Беларусь.

[^^^]

Имеются в виду сестры Булгарина Елизавета (в замужестве Погоржельская) и Антонина (в замужестве Искрицкая).

[^^^]

П. Д. Цицианов разбил отряд С. Грабовского под местечком Любань (ныне районный центр Минской области Республики Беларусь) 4 (15) сентября 1794 г.

[^^^]

В Речи Посполитой конфедерация – политический союз с заявленными целями, создающий параллельные государственным структуры власти.

[^^^]

«Боже мой, боже мой!» *(идиш)*.

[^^^]

Во время итальянского похода 1796–1797 гг. популярность Наполеона настолько выросла, что он мог позволить себе действия, не согласованные с Директорией (республиканским правительством Франции 1795–1799 гг.). Вместе с тем именно в этот период Бонапарт подчеркнуто демонстрировал свое законопослушание. Отчасти это было связано с разоблачением в Париже заговора генерала Ж.-Ш. Писегрю, в результате чего тот был арестован и сослан. Бонапарт не хотел повторять его судьбу. См.: *Троцкий Н. А. Наполеон Великий: В 2 т. М., 2020. Т. 1. С. 196–210.*

[^^^]

Король Станислав Август Понятовский стремился ограничить своеволие крупных магнатских родов и максимально централизовать власть (в частности, ликвидировать право *liberum veto* – право шляхтича наложить запрет на решение сейма).

[^^^]

В Минской губернии два самые бедные шляхтича возвратились на родину после взятия в плен Костюшки с огромными суммами. Один из них всегда носил парик, закрывавший лоб. Об этих людях распространились самые неблагоприятные слухи, именно будто они ограбили польскую военную казну. Отец мой, раздраженный гордостью одного из богачей, сорвал однажды с него парик, и оказалось, что у него на лбу клеймо: виселица! Говорят, что, похитив казну, один из них ушел с деньгами, а другого поймали, и генерал Сераковский велел его заклеить. Я еще видел обоих. Они померли уже лет за сорок.

[^^^]

То есть жители Краковского воеводства.

[^^^]

В восстании 1794 г. участвовало около 150 тысяч человек, из них в белорусско-литовских губерниях по различным источникам от 30 до 40 тысяч. См.: *Грыцкевіч А. П.* Паўстанне 1794 г. // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т.* Мінск, 1999. Т. 5. С. 447.

[^^^]

Конвент – высший законодательный и исполнительный орган Французской Республики (сентябрь 1792 – октябрь 1795).

[^^^]

Речь идет о майоре И. Г. фон Древице, известном крайней жестокостью и мародерством в борьбе с польскими конфедератами.

[^^^]

Фанагорийский гренадерский полк был сформирован 25 мая 1790 г. Шефом его в описываемый период был А. В. Суворов.

[^^^]

Ирокойцы (*устар.*, совр. ирокезы) – название одного из племен североамериканских индейцев. В романах Ф. Купера они были изображены как нечестные и коварные люди.

[^^^]

Здесь в значении «оркестр».

[^^^]

«Лодка» – популярная народная пьеса о шайке разбойников, плывущих по Волге, включающая большое число песен, в том числе песню «Вниз по матушке, по Волге». См. текст пьесы: Народный театр / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М., 1991. С. 65–72. См. также: Крупянская В. Ю. Народная драма «Лодка» // Славянский фольклор. М., 1972. С. 258–302.

[^^^]

При запряжке цугом (т. е. гуськом) на одной из передних лошадей ехал кучер, называемый фореитором.

[^^^]

Брика – большая полуоткрытая коляска.

[^^^]

мажордом (*фр.*), т.е. дворецкий; по-испански это слово пишется как *mayordomo*.

[^^^]

Vene natus et possessionatus – «благородный и рожденный властвовать» (*лат.*), традиционная характеристика шляхты.

[^^^]

Komisarz cywilno-wojskowy. Это было нечто вроде французского *représentant du peuple, en mission*⁶⁹. Он долженствовал наблюдать за вооружением народа и порядком в стране и действовал от имени Временного правительства, учрежденного в Варшаве⁷⁰.

[^^^]

Польский мост, жидовский пост, турецкое богомолье – все это безделье. По♦польски это в стихах: Polski most, Żydowski post, Tureckie nabożeństwo, to wszystko błazeństwo.

[^^^]

Магистрат – орган местного самоуправления в городе.

[^^^]

Он пожалован графом (из барона), получил чин генерал-аншефа, Андреевскую ленту и 2-й степени Георгия, богатые поместья на Украине и от австрийского и прусского дворов ордена и богатые подарки.

[^^^]

Сражение при Маренго (город в Пьемонте) состоялось 14 июня 1800 г. Войска под командованием Наполеона могли потерпеть поражение, однако генерал Л. Дезе, отправленный Наполеоном в Геную, услышал канонаду и отдал приказ армии вернуться к Маренго. Сам Дезе погиб в начале сражения, однако австрийская армия была разгромлена.

[^^^]

См. приложение 7^е в конце 1^й части.

[^^^]

Правление Людовика XV было известно крайней распущенностью нравов.

[^^^]

Булгарин имеет в виду балладу А. Мицкевича «Три Будрыса». Прозаический перевод баллады был опубликован самим Булгариным в журнале «Сын Отечества и Северный архив» (1829. Т. V. С. 113–115) и использован А. С. Пушкиным в работе над поэтическим переложением «Будрыс и его сыновья»; см. об этом: Федута А. И. Три «Будрыса»: авторский текст – подстрочник – поэтический перевод // Федута А. И. Письма прошедшего времени: материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск, 2009. С. 125–135. Указанное место Булгарин перевел так: «Всех невольниц милее ляшские красотки / Веселенькие, как молодые кошечки».

[^^^]

Суворов писал А. И. Бибикову 21 октября 1772 г. из Польши: «Правда, я не много обращался с женщинами; но, забавляясь в обществе их, я соблюдал всегда почтение. Мне недоставало времени заниматься с ними, и я страшился их. Женщины управляют и здешнею странюю, как и везде; я не чувствовал в себе достаточной твердости защищаться от их прелестей» (пер. с фр.) (Жизнь Суворова, им самим описанная, или Собрание писем и сочинений его / Изд. с примеч. Сергеем Глинкою. М., 1819. Ч. 1. С. 49).

[^^^]

Согласно Корану, души праведников попадают в рай, в реках которого текут молоко, вода, райское вино и мед, а их супругами становятся райские девы – гурии, объятия которых сулят высшее наслаждение.

[^^^]

О. А. Пржецлавский писал: «Все́м известен широко развитый в Польше вкус к венгерскому вину и умение *воспитывать* его. Сложилась даже у венгерцев поговорка: “Non est polus nisi vinum; non est vinum nisi Hungaricum; non est vinum Hungaricum, nisi in Polonia educatum” (“Нет напиток, кроме вина, нет вина, кроме венгерского, нет венгерского вина, кроме того, которое воспитано в Польше”»)» (*Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост. А. И. Федута. М., 2010. С. 33*).

[^^^]

Монастырь ордена бенедиктинок в Минске был основан в 1633 г. и функционировал до 1871 г.

[^^^]

Имеются в виду выдававшие себя за сына Ивана Грозного царевича Дмитрия (1582–1591) Самозванец I, в октябре 1604 г. начавший поход на Москву, воцарившийся на московском престоле 1 июня 1605 г. и убитый 17 мая 1606 г., и Самозванец II, начавший поход на Москву в мае 1607 г. и до убийства его 21 декабря 1610 г. правивший значительной частью страны, хотя и не взявший Москву. Личности обоих, пользовавшихся поддержкой военных отрядов польских магнатов, до сих пор достоверно не установлены.

[^^^]

Я слышал, будто знаменитый князь Карл Радзивилл велел вычеканить несколько сот червонцев с изображением короля и этою надписью и что эта монета была в обращении в Варшаве. Пример разладицы и неустройства! Могло ли существовать государство при таком своеволии!

[^^^]

В 1821 г. Булгарин записал в альбом своего знакомого П. И. Кепшена следующее: «После Революции в Польше и вооружения Костюшки, в котором и отец его участвовал, и которых последствием были падение Польши, несчастье и разорение его семейства, генерал-аншеф граф Ферзен, квартирующий в то время в Несвиже, познакомясь с его родителями и полюбя шалуна мальчика, который рубил у него мебели и бил зеркала и чашки, воображая, что разит москалей, взял с собой удальца и, по определении почтеннейшего графа директором Сухопутного кадетского шляхетного корпуса, он определил и малого сарматенка в корпус в 1797 году» (цит. по: *Рейтблат А. И.* Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 43).

[^^^]

Это были похороны настоятеля католического монастыря.

[^^^]

Имеется в виду третий раздел Речи Посполитой.

[^^^]

Речь идет о манифесте от 15 (27) апреля 1795 г. о присоединении Литвы и Курляндии, закреплявшем за присоединенными землями прежние привилегии и право пользоваться традиционным для них законодательством.

[^^^]

Гродно (ныне областной центр в Республике Беларусь) стал резиденцией Станислава Августа Понятовского после подавления восстания 1794 г.: король пребывал здесь под надзором российского наместника. Дата подписания им отречения была, вероятно, избрана не случайно: она совпадала с днем именин российской императрицы.

[^^^]

Вестфальский мир 1648 г. завершил Тридцатилетнюю войну в Европе.

[^^^]

В войне 1756–1763 гг. участвовали, с одной стороны, Пруссия, Англия и Португалия, с другой – Австрия, Франция, Швеция, Саксония, Испания и Россия.

[^^^]

Сигизмунд III правил с 1588 г.

[^^^]

Имеется в виду Грюнвальдская битва 15 июля 1410 г. – самое крупное сражение объединенных польско-литовских войск против Тевтонского ордена.

[^^^]

Имеется в виду Казимир IV Ягеллончик.

[^^^]

Имеются в виду события Тринадцатилетней войны 1454–1466 гг. между Польским королевством и Тевтонским орденом.

[^^^]

Александрийская библиотека существовала с III в. до н. э. и была одной из крупнейших библиотек древности. Согласно не подтверждающейся историческими источниками легенде, она была сожжена по приказу халифа Умара ибн аль-Хаттаба аль-Фарука.

[^^^]

Речь идет о греко-католической церкви, возникшей после Брестской унии 1596 г.: часть епархий Киевской митрополии приняли решение перейти в католическую веру с сохранением богослужения византийской литургической традиции на церковнославянском языке. Фактически это означало ликвидацию православной церкви на территории Речи Посполитой. Во время гетманства Богдана Хмельницкого (1648–1657), остававшегося православным, религиозный вопрос стал одним из поводов для массового антипольского и антикатолического движения на Украине и принятия Переяславской радой 8 (18) января 1654 г. решения о переходе гетманства в подданство Московского царства.

[^^^]

Староство – административно-территориальная единица на территории Речи Посполитой, включавшая в свой состав несколько городов и местечек. Староство устанавливалось на землях, принадлежавших королю, и передавалось дворянину в пожизненное пользование. Ленное имение – имение, передававшееся дворянину в пользование на определенный срок. Амфитеутическое имение (от *лат.* *Emphyteusis* – прививка) – вид долгосрочной аренды земли, иногда переходившей в наследственную аренду, при которой арендатор был обязан развивать сельскохозяйственное производство и ежегодно вперед выплачивать определенную сумму денег собственнику.

[^^^]

После того как род потомков Владислава II Ягайло закончился со смертью Сигизмунда II Августа в 1572 г., королевский трон Речи Посполитой занимали выборные короли.

[^^^]

Имеются в виду Август II и его сын Август III, которые правили Речью Посполитой в 1697–1763 гг.

[^^^]

Буквально: «Когда Август (имеется в виду король Речи Посполитой Август II Сильный, правивший с 1734 г.) пил, то пьяна была вся Польша», в значении: каков правитель народа, таковы и его подданные. Булгарин приводит цитату из стихотворения Вольтера «Послание к Екатерине II, императрице российской» (1771) (см.: Voltaire. *Epître à l'impératrice de Russie, Catherine II // Œuvres complètes de Voltaire / Éd. L. Moland. Paris, 1877. Т. 10. Р. 437*). Сам Вольтер приписывал фразу не названному по имени «Великому человеку», подразумевая Фридриха II.

[^^^]

Данциг – сейчас г. Гданьск в Польше, Мемель – сейчас г. Клайпеда в Литве.

[^^^]

Характеризуя экономическую ситуацию конца XVIII в. на землях бывшего Великого княжества Литовского, О. А. Пржецлавский писал: «Для Литвы и Белоруссии отпускная иностранная торговля составляла почти единственный источник дохода с помещичьих имений и снабжала край товарами, необходимыми для комфорта в домашнем быту. Ежегодно по Неману и Западной Двине сплавлялось в Кенигсберг, Мемель и Ригу огромное количество всякого хлеба, семени льна, пеньки, шерсти, корабельного и строевого леса, поташа, смолы и т. п. Все это сбывалось английским купцам, а в упомянутых портах закупались для литовских и белорусских губерний провизии на целый год колониальных товаров, французских вин, портера, сукон, всяких материй и других изделий, так как в краю не было почти никаких фабрик» (*Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 32*).

[^^^]

Речь идет о так называемой Школе Рыцарей, созданной по приказу Станислава Августа в 1764 г. Из школы вышел ряд выдающихся польских военачальников, деятелей политики и культуры. Школа была закрыта в 1794 г. после поражения восстания.

[^^^]

Орден пиаров (*лат.* Ordo Clericorum Regularium Pauperum Matris Dei Scholarum Piarum; Орден бедных регулярных христианских школ во имя Божией Матери) – католический монашеский орден, основанный в 1617 г. и занимавшийся религиозным обучением и воспитанием детей и молодежи.

[^^^]

Имение Пулавы получил в качестве приданого Август Александр Чарторыйский. Учебные заведения основал тут его сын Адам Казимир. Констанция Чарторыйская, сестра Августа Александра, будущая мать короля Станислава Августа Понятовского, приходилась ему теткой, а Адам Казимир – не дядей, а двоюродным братом.

[^^^]

Вармия – историческая область на южном побережье Балтийского моря (от реки Эльбы до берега Вислинского залива). В 1410–1772 гг. входила в состав Польского королевства. Ныне на этой территории находятся Варминско-Мазурское воеводство Польши и Калининградская область России.

[^^^]

Откуп – система сборов с торговли вином; установлена в 1712 г., просуществовала до 1861 г. с перерывом в 1817–1827 гг., когда действовала винная монополия государства. Частные лица (откупщики) во время торгов, которые проводились раз в четыре года, получали право на производство, оптовую покупку и розничную торговлю спиртными напитками; они отдавали в казну обусловленную при получении откупа сумму и пользовались чистой прибылью.

[^^^]

Речь идет о Главном трибунале Великого княжества Литовского – высшей судебной инстанции княжества. Трибунал существовал с 1582 г. до ликвидации Великого княжества Литовского. Часть дел продолжала рассматриваться в соответствии с законодательством до 1839 г.

[^^^]

Маршал – здесь: председатель трибунала.

[^^^]

В античной Спарте основной целью воспитания было физическое совершенствование человека.

[^^^]

Бунчук – древко с привязанным хвостом коня или яка, служившее символом власти. Перед пашой, занимавшим пост визиря (министра), носили бунчук с тремя хвостами и золотым шаром или полумесяцем.

[^^^]

Новогрудок – город, крупный политический и культурный центр Великого княжества Литовского; ныне в Гродненской области Республики Беларусь.

[^^^]

Бакалиями – то есть бакалеей.

[^^^]

Порта – распространенное наименование Османской империи.

[^^^]

Речь идет о волне эмиграции, вызванной раз-
делами Речи Посполитой и подавлением вос-
стания 1794 г. См., в частности, публикацию
документов парижской полиции, наблюдав-
шей за членами семей Радзивиллов, Сапег,
Огинских и Сангушек: *Кандакоў Дз. Барскія
канфедэраты-ліцвіны пад наглядам парыж-
скай паліцыі (1774–1777) // Асоба і час: беларускі
біяграфічны альманах. Мінск:
Лімарыюс, 2015. Вып. 6. С. 4–16.*

[^^^]

Речь идет о Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и о Ясском мирном договоре 1791 г., по которому России отошли земли между Южным Бугом и Днестром.

[^^^]

Речь идет о книге С. Бемфорда «Passages in the Life of a Radical» (1840–1844), вышедшей на французском языке под названием «La vie d'un radical anglais au temps de Peterloo». Булгарин познакомился с ней по изложению в мартовском номере журнала «Revue Britannique» (с. 281–301), представляющему собой перевод из английского журнала «Quarterly review» (подп. V. V.).

[^^^]

Католическая церковь отмечает 7 (19) марта
День Св. Иосифа Обручника, мужа Марии, бо-
гоматери.

[^^^]

Имеются в виду растения рода манник – многолетники с коленчато приподнимающимся стеблем и сплюснутыми влагалищами широких линейных листьев. Названы так, поскольку их зерновки употреблялись в пищу под названием манна.

[^^^]

Шпанские мухи (*лат. Lytta vesicatoria*) – насекомое из семейства жуков-нарывников, из которого готовили различные медицинские препараты, популярные и в качестве афродизиаков.

[^^^]

Червец (кошенильный червец; лат. *Dactylopius coccus*) – вид насекомых из отряда полужесткокрылых, из самок которых добывают вещество, используемое для получения красного красителя – кармина.

[^^^]

Булгарин служил (в чине корнета) в Уланском его императорского высочества цесаревича Константина Павловича полку и в 1806–1807 гг. участвовал в военных действиях против наполеоновских войск. Через некоторое время после Тильзитского мира (заключен в июне 1807 г.) Булгарин получил отпуск и отправился на родину (см. об этом начало 3♦й главы третьей части).

[^^^]

Лубок – деревянный лоток для катания крашенных пасхальных яиц; разновидность трюицких игр.

[^^^]

Имеется в виду И. О. или Н. О. Сухозанет.

[^^^]

Полка – часть затвора для насыпания пороха в кремневых ружьях.

[^^^]

Изгнание как насилие (*лат.*) – юридический термин в польском законодательстве для обозначения незаконного захвата чужой собственности, поместий.

[^^^]

Решение Сената последовало в 1800 г., см. хранящееся в Национальном историческом архиве Беларуси дело № 299-2-103 «По прошению бобруйского повета помещика Иосифа Дашкевича о поступлении с помещиками Булгариными за противозаконной поступок с атрадованным того Дашкевича имением по законам» (решено 3 мая 1800 г.). Долг Дашкевича в пользу Булгариных в сумме 16 500 руб. был обращен по решению Сената на имение Дашкевича Положевичи с 153 крепостными душами. Положевичи – ныне деревня в Стародорожском районе Минской области.

[^^^]

Русиновичи – ныне деревня в Минском районе Минской области Республики Беларусь.

[^^^]

Гродский суд – уголовный поветовый (уездный) суд для шляхты, рассматривавший дела о серьезных преступлениях (убийства, тяжкие телесные повреждения), а также о возвращении беглых крепостных.

[^^^]

Канифас – легкая плотная хлопчатобумажная ткань, обычно в полоску. Коленкор – гладкокрашенная хлопчатобумажная полотняного переплетения ткань, обычно сильно крахмаленная.

[^^^]

Фалборка (фальбонка) – оборка (*польск.*, от *фр.* *falbala*).

[^^^]

Станислав Август останавливался в Несвиже в 1782 г. «Король провел пять дней в Несвиже. В это время праздник сменялся праздником. Между прочими увеселениями была представлена на несвижских прудах осада Гибралтара» (*Карнович Е. П. Очерки и рассказы из старинного быта Польши. СПб., 1873. С. 190.*)

[^^^]

Этим самым путем проходил Наполеон с своим несчастным войском, от Березины до Вильны, в 1812 году.

[^^^]

Трабант (от *нем.* Trabant – телохранитель) – офицерская прислуга из нижних чинов.

[^^^]

Кунтуш – старинная польская верхняя мужская одежда в виде кафтана с разрезными высячими рукавами.

[^^^]

На многих портретах и в кабинетах восковых фигур Карла XII изображают *белокурым* и небольшого роста. Оставляю в подлиннике рассказ прабабушки, в справедливости которого удостоверился во время путешествия моего в Швецию. В доме графа Брагге я видел портрет Карла XII с каштановыми волосами
130.

[^^^]

Ему тогда был 26^й год от роду; родился он в 1682 году, в июне.

[^^^]

От имени библейского персонажа великана Голиафа, убитого пастухом Давидом.

[^^^]

Шеляг – мелкая монета в Речи Посполитой.

[^^^]

Граф Пипер, попавшийся в плен в сражении под Полтавой.

[^^^]

После брака Петра I в 1712 г. с будущей императрицей Екатериной I официально сообщалось, что Екатерина принадлежит к знатному литовскому шляхетскому роду. Однако, согласно позднейшим разысканиям, она была дочерью литовского (или латышского, или эстонского) крестьянина. При великом князе литовском и короле польском Сигизмунде II Августе в 1561 г. Лифляндия была присоединена к Великому княжеству Литовскому.

[^^^]

Эта фабрика польских поясов давно уничтожена. Такой разноцветной парчи я не видел нигде, какую выделявали на этой фабрике. Мастер был родом из Турции¹³⁴.

[^^^]

С 1454 г., когда Нешавскими статутами были даны привилегии шляхте, Польша являлась республикой, в которой высшая власть принадлежала сейму. Последним этапом ограничения власти короля в пользу шляхты стал закон *Nihil novi* (1505), который запрещал королям принимать новые законы без согласия сейма. С этого времени государство стали именовать Речью Посполитой, что представляло собой кальку с латинского «*res publica*» (республика). Уничтожение польской государственности произошло в результате разделов Речи Посполитой.

[^^^]

Т. е. будем любить друг друга, или будем дружны.

[^^^]

У Г. А. Огинского, который здесь имеется в виду, было четыре тетки – Регина, Кристина, Елена и Пракседа, но к 1711 г., о котором идет речь в тексте, первые две умерли.

[^^^]

Тамбурная вышивка – вышивка мелкими петлями при помощи иглы или крючка по нанесенному на ткань или приметанному с левой стороны ткани узору, производимая на круглых пяльцах. Названа была так, поскольку натянутая на пяльцы ткань напоминала барабан (по-французски – тамбур).

[^^^]

Онюховская умерла в 1812 г., следовательно, «последней войной» Булгарин называет Отечественную войну 1812 г.

[^^^]

Гарнец – единица измерения объема сыпучих тел, равная 3,3 литра.

[^^^]

260

Корец – единица измерения объема сыпучих тел, равная (в Польше) 128 литрам.

[^^^]

Имеется в виду Константин Станислав Любомирский.

[^^^]

Ермолка (кипа) – маленькая круглая шапочка, плотно прилегающая к голове, носимая евреями.

[^^^]

См. т. 1, с. 56, примеч.

[^^^]

Речь идет о З. Я. Карнееве.

[^^^]

Сураж – в 1781–1796 гг. центр Суражского уезда Новгород-Северского наместничества, сейчас административный центр Суражского района Брянской области.

[^^^]

Флигельман – старослужащий солдат или унтер-офицер, демонстрировавший перед строем ружейные приемы.

[^^^]

Новая Голландия – два искусственных острова, ограниченные Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами, на которых были размещены склады корабельного леса. Возведенный по проекту С. И. Чевакинского и при участии Ж. Б. Валлен-Деламота архитектурный промышленный комплекс является памятником архитектуры классицизма.

[^^^]

Демидовский дом трудящихся – Санкт-Петербургский дом призрения трудящихся, построенный на пожертвования мецената, камер-юнкера Анатолия Николаевича Демидова (1812–1870), и открытый в 1833 г. на набережной Мойки. Ныне здесь располагается корпус Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта.

[^^^]

См. примеч. 24 на с. 259.

[^^^]

Речь идет о центральной части Невского проспекта, ограниченной реками Мойкой и Фонтанкой. Название Полицейского моста через Мойку связывают с выстроенным поблизости домом генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина, по другой версии – с находившимся рядом управлением городской полиции (до 1770 г. мост назывался по цвету окраски Зеленым, это название было ему возвращено в 1997 г.). В течение XVIII в. деревянный мост неоднократно перестраивался, в 1806–1808 гг. на его месте инженер В. И. Гесте построил первый в Петербурге чугунный мост.

Аничков мост через Фонтанку назван по фамилии подполковника-инженера М. О. Аничкова, чей батальон дислоцировался за Фонтанкой в Аничковой слободе. Построенный в 1716 г. деревянный мост перестраивался и модернизировался, в 1783–1787 гг. он стал каменным, современный вид приобрел в 1841–1842 гг. (инженеры И. Ф. Буттац и А. Х. Редер), тогда же на западной стороне моста появились первые бронзовые фигуры скульп-

турной группы «Укротители коней», созданной П. К. Клодтом.

[^^^]

Улицы в исторической части Петербурга. Большая и Малая Морские улицы протянулись вдоль реки Мойки, название получили от селившихся на них моряков и служащих Адмиралтейства. Миллионная улица расположена вблизи Зимнего дворца (от Лебяжьей канавки до Дворцовой площади), там жили более обеспеченные петербуржцы, чем объясняется богатая застройка и название, полученное, по одной из версий, в 1736 г. по роскошному, так называемому Миллионному дому графа П. Б. Шереметева. До середины XIX в. существовала Малая Миллионная улица, представлявшая собой начальную часть (от Дворцовой площади до Невского проспекта) Большой Морской улицы.

[^^^]

Построен в 1760[◆]е гг. архитектором А. В. Квасовым для генерал-поручика И. Я. Овцына, затем принадлежал женившемуся на его дочери В. А. Васильчикову. С 1786 г. в здании находился Английский магазин купца Джона Пикерсгиля, затем, с 1815 г., Большой английский магазин К. В. Никольса и В. Ф. Плинке. Перестроен, современный адрес – Невский пр., д. 16/7.

[^^^]

Построен в 1768–1771 гг. для генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина; в 1792–1800 гг. принадлежал вице-канцлеру князю А. Б. Куракину, который в 1794 г. пристроил новый трехэтажный флигель со стороны Мойки; в 1806–1858 гг. – семье купца 1-й гильдии А. И. Косиковского, пристроившего в 1820-е гг. четырехэтажный корпус со стороны Большой Морской. В 1821–1825 гг. в доме Косиковского жил Н. И. Греч, в верхнем этаже находилась его типография, в которой печатались болгарские «Северный архив» и «Литературные листки». Перестроен, современный адрес – Невский пр., д. 15 / наб. р. Мойки, д. 59 / ул. Большая Морская, д. 14.

[^^^]

Дворец, построенный в 1752–1754 гг. по заказу барона С. Г. Строганова архитектором Ф. Б. Растрелли (единственный из построенных им частных домов, памятник елизаветинского барокко). Современный адрес – Невский пр., д. 17/46.

[^^^]

Римско-католический кафедральный собор Святой Екатерины, построен в 1782–1783 гг. по проекту архитектора Ж. Б. Валлен-Деламота, стройкой руководил А. Ринальди. Здесь был похоронен последний польский король Станислав Понятовский.

[^^^]

Дом Лубье построен в 1776–1777 гг., в первой половине XIX в. принадлежал ювелиру и швейцарскому консулу Ж. Ф. Лубье; здание не сохранилось, находилось на месте дома № 26 по Невскому проспекту.

[^^^]

Дом Меншиковых построен в 1780-е гг., с 1790-х гг. принадлежал купцу Н. Н. Меншикову, перестроен, современный адрес – Невский пр., д. 64.

[^^^]

Торговый комплекс, занимающий квартал по Невскому проспекту между Думской и Большой Садовой улицами, построен в 1761–1785 гг. в стиле раннего классицизма, архитектор Ж. Б. Валлен-Деламот.

[^^^]

Улица в историческом центре Петербурга, идущая параллельно Невскому проспекту от набережной канала Грибоедова до набережной реки Фонтанки, получила название в 1739 г. по находившемуся севернее Итальянскому саду с Итальянским дворцом. На этом месте в 1819–1825 гг. К. Росси создал Михайловский дворец, в котором сейчас размещается Русский музей, и Михайловскую площадь (ныне площадь Искусств); современный Михайловский сад – часть бывшего Итальянского сада.

[^^^]

Летний сад, старейший садово-парковый ансамбль Петербурга, создавался в 1704–1719 гг. по образцу французских регулярных садов рядом с Летним дворцом Петра I под непосредственным руководством самого царя (архитекторы И. Матвеев, Ж. Б. Леблон, М. Земцов, Ф. Б. Растрелли); первоначально включал в себя несколько садов: не только парадный, смотревший на Неву, но и хозяйственный, включавший оранжерею, теплицы, хозяйственные постройки и так называемый огород с грядками «поварских трав».

[^^^]

Речь идет об улицах, расположенных в восточной части города за Фонтанкой. Литейная улица была проложена от Большой перспективы (Невский проспект) до располагавшегося на левом берегу Невы Литейно-пушечного двора, от которого и получила свое название в 1738 г.; ныне – Литейный проспект. Улица, продолжавшая Литейную с южной стороны Невского проспекта, в честь церкви Владимирской божьей матери называлась Владимирской – современный Владимирский проспект.

[^^^]

В центральной части Петербурга находятся Большая и Малая Конюшенные улицы, идущие параллельно Мойке от Невского проспекта к Конюшенной площади, на которой располагался давший название площади и улицам Конюшенный двор – здание императорских конюшен. Своё название получили: Большая Конюшенная – в 1739 г., Малая Конюшенная – в 1776♦м.

[^^^]

Переулок, получивший название в 1798 г. из-за близости к подворью Троице-Сергиевой лавры, с 1887 г. – Троицкая улица, ныне улица Рубинштейна.

[^^^]

Улица в Литейной части Петербурга на левом берегу Фонтанки, на которой располагались ткацкие мастерские (Хамовный двор) и поселения ткачей (хамовников), называлась в середине XVIII в. Хамовой или Хамовской, к XIX в. это устаревшее название вытеснило фонетически близкое – Моховая.

[^^^]

Улицы в Адмиралтейской части; современное название Малой Мещанской – Казначейская, Средней Мещанской – Гражданская улица.

[^^^]

Рядом с Екатерининским каналом (ныне канал Грибоедова) находились три Подьяческие улицы: 1-я Подьяческая (современная Большая Подьяческая), 2-я Подьяческая, или Малая Подьяческая (с 1821 г. и ныне – Средняя Подьяческая) и 3-я Подьяческая (с 1821 г. и ныне – Малая Подьяческая).

[^^^]

Вместе с Невским проспектом и улицей Гороховой один из трех лучей-перспектив в центре Петербурга, берущих начало от Адмиралтейского проспекта. Название получил в 1738 г. в честь церкви Вознесения Господня (не сохранилась).

[^^^]

Проспект, представлявший собой часть дороги в Екатерингоф; ныне проспект Римского-Корсакова в Адмиралтейском районе.

[^^^]

В конце XVIII в. административно-территориальными единицами деления Петербурга были полицейские части (всего десять). Рождественская часть располагалась на правом берегу Лиговского канала, между Невой и Невским проспектом, название получила по находившемуся в этом районе храму Рождества Христова (архитектор П. Е. Егоров, храм разобран в 1934 г.). Московская часть находилась по другую сторону Невского проспекта, на левом берегу Фонтанки, ее южной границей служили Обводный и Лиговский каналы. Коломна – исторический район города в Адмиралтейской части, между реками Мойкой, Фонтанкой и Крюковым каналом.

[^^^]

Заболоченный участок в Коломне, в конце XVIII – начале XIX в. служивший местом выгона для скота; с 1849 г., после постройки на нем церкви Воскресения Господня (снесена в 1932 г.), получил название Воскресенской площади. С 1952 г. – площадь Кулибина.

[^^^]

Исторический район Петербурга близ Лиговского канала. Созданный в 1718–1721 гг. для питания фонтанов Летнего сада канал брал начало от Дудергофского озера в районе деревни Горелово и завершался бассейном на месте современной улицы Некрасова, бывшей Бассейной; после наводнения 1777 г. утратил свое значение, в конце XIX в. был забран в трубу и засыпан, на его месте появилась одноименная улица – современный Лиговский проспект. В XVIII в. это была окраинная часть Петербурга.

[^^^]

Улица, берущая свое начало от Невского проспекта, вела к слободам Преображенского и Семеновского полков, с 1918 г. носит имя французского революционера Марата.

[^^^]

Новыми местами в последние годы царствования Екатерины II были названы земли неподалеку от Измайловского плаца, которые начали раздавать под частные постройки (см.: *Греч А.* Весь Петербург в кармане: справочная книга для столичных жителей и приезжих с планами Санкт-Петербурга и четырех театров. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1851. С. 392). Новый Каретный ряд, где торговали каретами, колясками, санями, в конце 1780-х гг. расположился в Рождественской части, за Лиговским каналом, по левой стороне Невского проспекта. Находившаяся рядом улица (от Невского проспекта до Лиговского канала) получила название Новой Каретной (ныне 1-я Советская улица). Старая Каретная находилась в Московской Ямской слободе.

[^^^]

Замысел Петра I, по которому застройка Васильевского острова должна была вестись по берегам прорытых каналов, не осуществился из-за угрозы наводнений, затоплявших остров. На месте планируемых каналов были проложены улицы, противоположные стороны бывших каналов, превратившихся в проезжие части, стали пронумерованными (реже – имеющими название) линиями; счет начинается со стороны восточной оконечности острова (Стрелки) с Кадетской и Первой линий, затем 2–3-я – и так до 28–29-й линий. Таким образом, Кадетская и Первая линии – это одна улица, Кадетская – ее нечетная сторона, а Первая – четная. Название Кадетской линии (с 1918 по 2007 г. Съездовская линия) дал расположенный на ней Первый кадетский корпус, в котором учился Булгарин.

[^^^]

Исторический район, расположенный на территории Рождественских (нынешних Советских) улиц; название восходит к находившейся в этом районе песчаной гряде – самому высокому месту в городе, не затоплявшемуся во время наводнений.

[^^^]

Находилась за Фонтанкой на окраине города,
с 1915 г. улица Достоевского.

[^^^]

Имеется в виду Свято-Троицкий собор, расположенный на территории Александро-Невского монастыря, основанного указом Петра I в 1713 г., а в 1797 г. переименованного в Александро-Невскую лавру. Собор построен в 1778–1790 гг. архитектором И. Е. Старовым, отличался богатством и красотой убранства.

[^^^]

С 1737 по 1801 г. на месте современного Казанского собора находилась каменная с деревянным куполом церковь Рождества Пресвятой Богородицы (архитектор М. Г. Земцов); в 1811 г. архитектор А. Н. Воронихин на ее месте возвел собор Казанской иконы Божией Матери.

[^^^]

Третий по счету храм в Петербурге, посвященный преподобному Исаакию Далматскому. Строительство началось в 1768 г. при Екатерине II по проекту архитектора А. Ринальди, завершено архитектором В. Бренна в 1802 г.; его неудачное архитектурное решение осмеивалось в эпиграмме начала 1800-х гг., разошедшейся во многих вариантах:

*Се памятник двух царств, обоим
им приличный:
Низ мраморный, а верх его кирпичный.*

(Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века) / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан. Л., 1988. С. 133). При Александре I был разобран, в 1818–1858 гг. на его месте построен новый собор по проекту О. Монферрана.

[^^^]

Основанная в 1704 г. Петром I на берегу Невы крепость-верфь была ограждена земляным валом с пятью земляными бастионами и рвами с водой. Строительство кораблей продолжалось тут до 1844 г. Каменное здание Адмиралтейства с башней и позолоченным шпилем, увенчанным корабликом-флюгером, ставшим символом города, построено в 1732–1738 гг. (архитектор И. К. Коробов). Современный вид, с шестью многоколонными портиками и скульптурами, придавшими ему величие и живописность, приобрело при Александре I, когда в 1806–1823 гг. архитектор А. Д. Захаров почти полностью перестроил Адмиралтейство, на месте фортификационных сооружений был разбит бульвар (будущий Александровский сад).

[^^^]

Построенная в 1797–1801 гг. на месте снесенного Летнего дворца новая императорская резиденция Павла I (архитекторы В. И. Баженов и В. Ф. Бренна) была названа в честь Архангела Михаила, которого император считал своим небесным покровителем, и имела рыцарскую символику: «...окруженный рвом замок старинного образца, цвета перчатки прекрасной дамы <...> которой царь-рыцарь поклоняется» (*Эйдельман Н. Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. СПб., 1992. С. 66). После убийства в нем Павла I утратил свое назначение, уже в ноябре 1801 г. поступил в гоф-интендантское, в 1819 г. – в военное ведомство; с 1823 г. здесь разместились Главное инженерное училище, Инженерный департамент и Штаб генерал-инспектора по инженерной части, а сам замок получил название Инженерного. Далее в тексте Булгарин называет обычно Михайловский замок Михайловским дворцом.

В журнальном варианте: «...окружен был валом, вооруженным пушками и водяным рвом с подъемными мостами» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 209).

[^^^]

Синий мост, построенный в 1737 г., оставался деревянным на каменных опорах до 1805 г., ныне входит в ансамбль Исаакиевской площади, являясь самым широким мостом в мире. Деревянный Красный мост (1717), расположенный по оси Гороховой улицы, в 1813–1814 гг. заменен однопролетным чугунным, арочным. Поцелуев мост в створе нынешней улицы Глинки (название произошло от фамилии купца Н. В. Поцелуева, владельца расположенного рядом на берегу Мойки питейного дома «Поцелуй») был построен в 1738 г. как пешеходный подъемный мост, оставался деревянным до перестройки в 1808–1816 гг.

[^^^]

На территории современной площади Островского находилось деревянное здание Малого театра (театра Казасси), в 1832 г. оно было разобрано и вместо него построено здание Александринского театра, названного в честь императрицы Александры Федоровны, жены Николая I.

[^^^]

Большой Каменный театр построен в 1783 г. по проекту А. Ринальди; в 1802–1804 гг. реконструирован Ж. Тома де Томоном, придавшим оформлению здания парадность; появившийся в наружном декоре театра портик стал обязательной частью всех отечественных крупных театральных зданий. Здание было разобрано в 1889–1892 гг., на его месте с 1896 г. находится Консерватория (Театральная пл., д. 3).

[^^^]

Дом на Дворцовой площади, пожалованный императрицей Екатериной II в 1784 г. после смерти владельца, фаворита императрицы А. Д. Ланского, его сестре Елизавете Дмитриевне, жене генерал-майора Ивана Ивановича Кушелева (здание не сохранилось).

[^^^]

Здание Главного штаба, архитектурный комплекс, строившийся с 1819 по 1829 г. (архитектор К. И. Росси), входит в ансамбль Дворцовой площади. Его центральная часть состоит из двух корпусов, соединенных Триумфальной аркой (скульпторы С. С. Пименов и В. И. Демут-Малиновский), образуя дугу. В комплексе зданий, имевшем одно название, кроме Главного штаба размещались Военное министерство, Министерство иностранных дел и Министерство финансов.

[^^^]

Построен в 1770-е гг. в начале Невского проспекта (архитекторы Ж.-Б. Валлен-Деламот и А. В. Квасов) для Императорского Вольного экономического общества, основанного в 1765 г. с целью популяризации сельскохозяйственных и экономических знаний (общество занимало его с 1779 г.). Здание перестроено, современный адрес – Невский пр., д. 2.

[^^^]

Дворец, построенный для кардинала Ришелье; в конце XVIII в. перестроен и превращен в место общественных собраний, с театром (Комеди Франсез), галереями, магазинами и кафе.

[^^^]

Немецкая труппа, возглавляемая антрепренером Й. Мире, составила Новый, или Немецкий, театр (другие названия – театр в доме Главного штаба, Кушелевский), который в 1799–1819 гг. помещался в доме Кушелева. В начале XIX в. театр, включавший оркестр, драматическую, оперную и балетную труппы, был присоединен к Театральной дирекции. Представления Немецкого театра охотно посещали Александр I и великий князь Константин Павлович (см.: Губкина Н. В. Немецкий музыкальный театр в Петербурге первой трети XIX века. СПб., 2003; Мельникова С. И. Немецкий театр в Санкт-Петербурге 1800–х годов // Театральная жизнь Петербурга в контексте европейской культуры XVIII – начала XX в. СПб., 1996. С. 10–12).

[^^^]

Ошибка Булгарина: ордонансгауз (комендантское управление) с 1826 г. и по сей день находится на Садовой улице, являясь частью Михайловской площади. Булгарин же ведет речь о перестроенном в начале 1840-х гг. А. П. Брюлловым здании экзерциргауза (помещение для строевых занятий), которое примыкало к зданию Штаба гвардейского корпуса (1837–1843), завершая с восточной стороны ансамбль Дворцовой площади (здание не сохранилось). В журнальной публикации верно: «где теперь экзерциргауз» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 210), см. также ниже авторское примечание в 7-й главе, где речь идет о доме музыканта Булана на Дворцовой площади рядом с экзерциргаузом, в этом случае из-за опечатки названном «эрдерцир-гаузом».

[^^^]

Тротуары из каменных плит в Петербурге начали настилать в 1817 г., до этого их заменяли узкие деревянные мостки.

[^^^]

Мост через Екатерининский (ныне Грибоедова) канал в створе Гороховой улицы; один из старейших сохранившихся петербургских мостов (1766–1776; инженеры В. И. Назимов, И. Н. Борисов).

[^^^]

Расположен параллельно Гороховой улице, соединяет набережную реки Фонтанки и Садовую улицу. Назван по имени сподвижника Петра I генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина – в первой половине XVIII в. ему принадлежала усадьба, на месте которой позднее был проложен переулок.

[^^^]

Первая русская печатная газета, учрежденная при Петре I (1702), первоначальное название – «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и иных окрестных странах» (1703–1727), выходила сначала в Москве, затем в Петербурге; с 1728 г. «Санкт-Петербургские ведомости» – главная газета Российской империи; находилась в ведении Академии наук, выходила два раза в неделю. В Павловскую эпоху, о которой идет речь, она действительно была единственной газетой, издававшейся в Петербурге (в Москве с 1756 г. выходили «Московские ведомости»).

[^^^]

Названные Булгариным территории были присоединены в период правления Екатерины II, чья внешняя политика была направлена на расширение территории России, значительную роль в этом сыграли русско-турецкие войны (1768–1774; 1787–1791) и три раздела Польши. Под старинными русскими княжествами имеются в виду восточнославянские территории Украины и Белоруссии, чье присоединение проходило в соответствии с концепцией триединого русского народа под лозунгом «Отторженная возвратих».

[^^^]

Курляндская герцогиня Анна Иоанновна, избранная на российский престол в 1730 г., опираясь на поддержку гвардии и дворянства, разорвала лист с подписанными ею «кондициями» в пользу Верховного тайного совета и вернула себе всю полноту самодержавной власти. После ее смерти началась череда государственных переворотов: Анна Леопольдовна в 1740 г. при помощи гвардейцев под командой фельдмаршала Миниха низложила Бирона, регента при малолетнем императоре Иоанне VI, и объявила себя правительницей; через год, в ночь на 25 ноября 1741 г., Елизавета Петровна при поддержке гвардейцев Преображенского полка арестовала Брауншвейгское семейство во главе с Анной Леопольдовной и провозгласила себя императрицей; таким же путем, в результате дворцового переворота, в 1762 г. пришла к власти Екатерина II: опираясь на присягнувшие ей гвардейские части, она заставила отречься от престола своего мужа императора Петра III.

[^^^]

Речь идет о прибалтийских территориях, отошедших к Российской империи в результате Северной войны по Ништадскому мирному договору (1721), включавших Эстляндию, Лифляндию и так называемую Старую (Восточную) Финляндию; после третьего раздела Польши (1795) к ним присоединилась и Курляндия. Остзейские провинции сохраняли привилегии и права прежнего правления, в них продолжало действовать немецкое рыцарское и земельное право. Реформы, проведенные при Екатерине II, были направлены на интеграцию прибалтийских провинций в империю. В созданных Ревельской, Рижской и Курляндской губерниях, разделенных на округа, административная и судебная власти были реформированы по общероссийскому образцу, большая часть дел оказалась в ведении Третьего департамента Сената, официальным языком был сделан русский. Ликвидация особого прибалтийского порядка встретила сопротивление остзейского дворянства, не желавшего сливаться с российским, но бы-

ла поддержана прибалтийским беднейшим безземельным дворянством и русскими дворянами, получившими возможность приобретения земли в новых губерниях. Ассимиляционная политика была свернута при Павле I, восстановившем действие Литовского статута и некоторых остзейских привилегий (см.: *Тухтенхахен Р.* Остзейские провинции в XVIII веке // *Страны Балтии и Россия: общества и государства: сб. ст. М., 2002. С. 81–113*). В период работы над мемуарами Булгарин, хозяин имения в Лифляндии, испытал на себе негативное отношение остзейского дворянства и притеснения со стороны местных властей, на что в 1846 г. жаловался министру внутренних дел Л. А. Перовскому, см.: *Исторический вестник. 1882. № 12. С. 723*. Об отношении Булгарина к остзейским привилегиям см. также: *Исаков С. Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х годов // *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1960. Вып. 98. С. 185–189*; *Он же.* Прибалтика в русской литературе второй половины 1830 – 1850-х годов // *Ученые записки Тартуского гос. ун-та, 1962. Вып. 119. С. 160–169*; *Шор Т.* «Нелитературное»

Карлово и его обитатели (Обзор документов Национального архива Эстонии) // Новое литературное обозрение. 2014. № 129. С. 175–191.

[^^^]

Литературная деятельность Екатерины II была весьма интенсивна: в числе принадлежащих ей литературных опытов – комедии нравов, комические оперы, исторические драмы (всего 25 законченных драматических произведений), аллегорические сказки, журнальные сатирические и полемические статьи, написанные преимущественно на русском языке (см.: Сочинения императрицы Екатерины II. На основании подлинных рукописей. С объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина: В 12 т. СПб., 1901–1907; *Екатерина II. Сочинения* / Сост., вступ. ст. и примеч. В. К. Былинина и М. П. Одесского. М., 1990). Булгарину были близки как екатерининская концепция благонамеренной сатиры, служащей для управления общественным мнением, так и ее апелляция к редакторской маске с узнаваемыми чертами; с журналом императрицы «Всякая всячина» перекликалось название булгаринской фельетонной рубрики в «Северной пчеле» «Журнальная всякая всячина».

[^^^]

По-видимому, речь идет о Ш. Массоне, авторе запрещенных цензурой «Секретных записок о России, и в особенности о конце царствования Екатерины II и начале правления Павла I» (1800–1802), – скорее всего, поэтому Булгарин и не называет его имени. Вышедшие одновременно в Амстердаме и в Париже и переведенные на немецкий, английский и датский языки «Записки» Массона оказали влияние на мемуаристов, обращавшихся к этой эпохе. Несмотря на запрет в России, русское образованное общество было хорошо знакомо с мемуарами Массона, их упоминает в своих воспоминаниях Н. И. Греч. Булгарин должен был знать Массона не только как мемуариста, но и как писателя уже потому, что, будучи кадетом, скорее всего изучал географию по изданному в Шляхетном кадетском корпусе оригинальному пособию Ш. Массона «Памятный курс географии, или Легкий и приятный способ читать карты, воспитывая при этом вкус молодых людей» (1789) (см.: *Лямина Е. Э., Песков А. М. О «Записках» Массона // Массон*

Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 8–9). В критических по отношению к России «Записках» Массон отдает должное первым политическим шагам Павла I, отмеченным «справедливостью и великодушием» и потому «внушившим доверие к нему». В их числе освобождение Т. Костюшко и пленных поляков: «...он был достаточно благороден, чтобы самому снять оковы с Костюшко. <...> Этот поступок произвел самое сильное и благоприятное впечатление. Он все же делает честь Павлу: в императоре принужден бываешь восхищаться тем, что на самом деле является лишь обыкновенным проявлением справедливости». Противоречивость и двойственность поведения Павла в начале правления «ясно доказывает, – писал Массон, – что его милости следует приписать политике, а последовавшие за ними опалы – столько же его страстности, сколько справедливости» (Массон Ш. Секретные записки о России. С. 81–82, 89).

[^^^]

В начале правления Павла I «выключили из полков вон» всех гвардейских офицеров, носивших придворное звание, затем был объявлен смотр всем числящимся в полках, не явившиеся были уволены в отставку. Так была прекращена практика «заочной» службы дворянских детей, записываемых в полки с момента рождения. Жесткость позиции Павла по отношению к «лежням»-дворянам подтвердили последовавшие осенью 1797 г. высочайшие указы «о непринимании выключенных за леность из службы ни в какую службу» и «о невыборе дворян, исключенных из воинской службы, ни в какие должности» (см.: ПСЗРИ. Собр. I. СПб., 1830. Т. XXIV. 17.968; 18.196; 18.201; 18.245; Т. XXV. 18.321; *Анненков И. В.* История лейб-гвардии конного полка. 1831–1848. СПб., 1849. Ч. 1. С. 190; *Валькович А. М.* Золотой век российской гвардии. М., 2010. С. 224, 227).

Подобного рода многочисленные регламентирующие как внешний облик, так и частную жизнь запреты, доводившиеся до населения распоряжениями петербургского обер-полицмейстера, вызывали насмешки современников. После смерти Павла I они приобрели значение «знаковых» примет его правления: «Круглые шляпы тоже снова появились, и я был свидетелем суматохи, внезапно происшедшей в одно утро в приемной графа Палена: все бросились к окнам <...> проходила по улице первая круглая шляпа. <...> Можно без преувеличения сказать, что разрешение носить круглые шляпы произвело в Петербурге более радости, чем уничтожение тайной экспедиции» (Записки Августа Коцебу // Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. 2-е изд., доп. СПб., 1908. С. 408). Однако эти на первый взгляд «бессмысленные мелочи» правления Павла преследовали, как показывает Н. Я. Эйдельман, идеологические задачи, нуждавшиеся в декоруме, противопоставлявшем «рыцар-

СТВО» «ЯКОБИНСТВУ» (см.: *Эйдельман Н. Я.*
Грань веков. С. 64–70).

[^^^]

Булгарин так вспоминал об этом: «А как время переменяет обычаи! Я помню, когда не только все гражданские чиновники, все порядочные люди, даже военные, от генерала до простого солдата, пудрились! Теперь даже весьма многие, из нового поколения, хотя и видят на старинных портретах белые, как снег головы, с пуклями, косами, вержетами, но даже не понимают, что значило *пудрение*. Мудрено и постигнуть! Вообразите себе, что люди взбивали себе на висках волосы, вроде крыльев (en ailes des pigeons), поднимали наверху головы волосы, называя это платяною щеткою (vergette), и с тыла обвертывали волосы черною лентою, или клали волосы в тафтяной мешок, усыпая голову набело мельчайшей пшеничною мукою, или *пудрою* (слово французское: roudre, прах, пыль, порошок, ружейный или пушечный порох – пудра)» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1854. № 1. 2 янв.)

То же, что букли: завитые крупными кольцами пряди волос.

[^^^]

Здесь: сетка или мешочек из черного шелка, в который прятали напудренную косу мужского парика.

[^^^]

При Павле I, реформировавшем русскую армию по прусскому образцу, в нее были возвращены гусары, был издан Устав о полевой гусарской службе (1797). Отличительной особенностью нижних гусарских чинов до 1806 г. были отпущенные от висков длинные завитые локоны или косы.

[^^^]

За осторожной фразой Булгарина – информация о смене императорского окружения по воле Павла I.

[^^^]

В день коронации Павла А. А. Безбородко получил титул князя, 30 000 десятин земли и 6000 душ, что позволило предположить участие статс-секретаря Екатерины II в уничтожении ее завещания, в котором она, пользуясь законом Петра I о праве императора назначать себе наследника из лиц царской семьи, передавала престол внуку, Александру Павловичу. Ср.: «Из всех бывших министров Екатерины Павел отличил только графа Безбородко в виду его большой талантливости, высокой репутации, которою он пользовался, и в особенности, вероятно, по той причине, что он оказывал мало внимания Зубовым во время наибольшего расположения к ним Екатерины. Павел в начале своего царствования чувствовал в нем нужду. Он осыпал графа милостями...» (Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 118).

Придворное звание камергера было введено Екатериной II. Первоначально камергер являлся должностным лицом, ведавшим какой-либо отраслью дворцового управления, в XIX в. это звание приобрело характер почетного. Ф. В. Ростопчин был камергером при екатерининском дворе и исполнял обязанности камергера при великом князе Павле Петровиче. Он был при нем и в день кончины императрицы, опечатывал кабинет Екатерины II и позднее занимался разбором ее бумаг. С первых дней нового царствования получил высочайшие милости и награды. По мнению А. Чарторийского, «Ростопчин был <...> единственный умный человек, привязавшийся к Павлу до его воцарения» (Там же. С. 143).

[^^^]

Царственный военный генерал-губернатор был ангелом-хранителем всех несчастных и угнетенных и жил только для добра. Бывший при императоре Александре Павловиче камердинером Геслер рассказывал мне впоследствии, что он под своим именем нанимал две комнаты в трактире, имевшем название «Благопристойность» (на Гороховой, на углу, у Каменного моста, в доме, бывшем Калмыкова, где ныне зеленые лавки и русский трактир)²¹⁰. В этих комнатах царственный военный генерал-губернатор назначал свидание просителям, которых не хотел расспрашивать при свидетелях, утешал их, помогал им и ходатайствовал за них. Истинно ангельская душа!

[^^^]

Неточность Булгарина: пришедший к власти Павел I уже 7 ноября 1796 г. учредил должность первого военного генерал-губернатора, назначив на нее цесаревича Александра Павловича (исполнял обязанности до своего вступления на престол); вторым военным генерал-губернатором, на которого было возложено непосредственное управление столицей, был назначен Н. П. Архаров (ноябрь 1796 – июнь 1797 г.), за ним эту должность занимали: Ф. Ф. Буксгевден (июнь 1797 – сентябрь 1798 г.), П. А. Пален (сентябрь 1798 – август 1800 г.), Н. С. Свечин (август–октябрь 1800 г.) и вновь П. А. Пален (октябрь 1800 – июнь 1801 г.), но уже в апреле 1801 г. при Александре I обязанности петербургского генерал-губернатора временно начал исполнять М. И. Кутузов. Павел I в то же самое время (7 ноября 1796 г.) учредил должность коменданта Санкт-Петербурга, им был назначен бывший комендант Гатчины А. А. Аракчеев, которого в феврале 1798 г. сменил в этой должности генерал-майор кн. С. Н. Долгорукий. Положение

о комендатуре, именованной ордонансгаузом, было принято позже – в феврале 1797 г., по сути комендант был вторым после военного генерал-губернатора лицом в гарнизоне (см.: *Длуголенский Я. Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга – Петербурга. СПб., 2001. С. 60–72).

[^^^]

Ящик для прошений располагался под специально установленным окном в нижнем этаже дворца, Павел хранил у себя ключ от этой комнаты, каждое утро лично собирая прошения (см.: Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 29). Об этом нововведении Павла I А. М. Тургенев писал: «В продолжение существования ящика невероятно, какое существовало правосудие, во всех сословиях правдолюбие и правомерность. Откупщик не смел вливать в вино воду, купец – в муку, соляной пристав – в соль присыпать песок. Вес и мера были верные. Дозволяю себе смело и безбоязненно сказать, что в первый год царствования Павла I народ блаженствовал, находил суд и расправу без лихоимства, никто не осмеливался грабить, угнетать его, все власти предержащие страшились ящика» (цит. по: Буцинский П. Н. Отзывы о Павле I его современников. Харьков, 1901. С. 17). Ср.: «Между тем ящик наполнился, и Павел, найдя там, вопреки ожиданию, больше жалоб, чем доносов, возымел к ним

отвращение и испугался их количества. Все было вновь ввергнуто в первоначальный хаос, и секретари, на которых возложена обязанность просматривать эти бумаги, как и прежде, по своему произволу вершат дела несчастных, прибегнувших к своему господину» (*Массон Ш. Указ. соч. С. 98–99*).

[^^^]

Среди реформ Александра I, проводившихся при участии М. М. Сперанского, было создание 1 января 1810 г. в составе Государственного совета Комиссии по принятию прошений, приносимых на высочайшее имя. В Комиссии рассматривались жалобы на деятельность высших государственных учреждений, прошения о наградах, пенсиях, должностях, смягчении наказаний, о помощи в образовании детей, просьбы о субсидировании трудов ученых, писателей, музыкантов и т. п. В январе 1835 г. была преобразована в Комиссию прошений при императоре.

[^^^]

Речь идет о событиях, описанных в конце V главы, в связи с которыми была отдана под суд мать Булгарина, а его единоутробная сестра Антонина ездила с прошением в Петербург.

[^^^]

Салонные игры (*фр.*). Имеются в виду игры, где предлагают вопросы для ответа и «штрафы» для неответивших (фанты).

[^^^]

Виноградные столовые вина, пришедшие в русском быту на смену традиционным наливкам; первое – французское белое вино, второе – немецкое сухое из региона Франкония (на юго-востоке Германии).

[^^^]

Дача эта, находившаяся противу большой дачи Нарышкиных, «Левенталья», получила это прозвание от восклицания императрицы Екатерины II, удивившейся, что дача построена в такое короткое время и с таким вкусом. В ознаменование посещения государыни воздвигнут был перед левентальским домом памятник – мраморная колонна с вензелевым именем императрицы наверху. Не знаю, кому принадлежит теперь эта дача, но колонна уже не существует. Тогда на Петергофской дороге были аристократические летние жилища, принадлежащие теперь огородникам, трактирщикам, купцам и счастливым чиновникам.

[^^^]

Я. К. Грот в комментарии к посланию Г. Р. Державина «На рождение царицы Гремиславы. Л. А. Нарышкину» (1796) ссылается на «Воспоминания» Булгарина, уточняя его: «Прекрасный загородный дом Нарышкина находился на 6♦й версте петергофской дороги, на левой стороне, если ехать из Петербурга; против него, по правую сторону дороги, простирался до самого взморья большой, разведенный в английском вкусе сад, в который публика ежедневно не только была допускаема, но любезно приглашалась выставленною у входа надписью. Сад этот известен был под странным названием “Га! Га!”, данным ему будто бы от восклицания, которое вырвалось у императрицы, когда она в первый раз увидела сад, устроенный необыкновенно скоро и с удивительным вкусом (сад обер-шенка А. А. Нарышкина на 4♦й версте по той же дороге назывался “Ба! Ба!”). Самая дача Льва Александровича против его сада носила название “Левенталь” (по имени владельца Льва?). Перед домом у дороги поставлена была мрамор-

ная колонна в память посещения Екатерины II, для которой здесь в июне 1779 г. дан был великолепный праздник...» (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1, ч. I. С. 737).

[^^^]

Местность на Выборгской стороне, вблизи впадения Черной речки в Большую Невку, принадлежала графам Строгановым с середины XVIII в. А. С. Строганов превратил ее в английский парк, получивший название Строгановская дача. В создании парка в разные периоды принимали участие сначала А. Ринальди, построивший павильон, затем А. Н. Воронихин.

[^^^]

Собрание Строгановых, начало которому положил отец А. С. Строганова, барон Сергей Григорьевич Строганов (1707–1756), включало одну из самых значительных коллекций искусства, принадлежащих русской знати. Хранилищем коллекций, собираемых Строгановыми, стал построенный Растрелли дворец на Невском проспекте. Широкую известность приобрела картинная галерея А. С. Строганова, в подготовленном владельцем каталоге 1800 г. упоминаются 116 произведений 72 живописцев. Собрание включало работы итальянских, французских, голландских, фламандских и испанских мастеров, в дальнейшем там появились картины русских художников. В Минералогическом кабинете дворца хранилась коллекция минералов, найденных на территории России и Европы, а также множество окаменелостей: кораллов, моллюсков, рыб, черепах, растений. Собрание включало в себя нумизматику и вещи прикладного характера: мебель, табакерки, вазы из цветного камня с бронзой, шандалы и канделябры,

мелкую бронзовую пластику. Большую ценность представляла обширная библиотека, пополнявшаяся всеми владельцами дома. Строгановы собрали первую в мире коллекцию позднеантичных и восточных ранне-средневековых серебряных сосудов, по большей части настоящих шедевров. В 1925 г. почти вся она была передана в Государственный Эрмитаж. Строгановские коллекции в 1920–1930-е гг. были распределены по музеям, часть распродана на аукционе (см. подробнее: *Петров В.* Строгановы. Меценаты и коллекционеры // Меценат: интернет-журнал. URL:

http://www.maecenas.ru/doc/2003_9_5.html.) Книжное собрание Строгановых было подарено Императорскому Томскому университету в 1879 г., о его составе см.: *Шепель М. О.* Историческая коллекция в книжном собрании Строгановых (на материале научной библиотеки Томского государственного университета) // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 4 (8). С. 92–97. Коллекции, принадлежащие Нарышкиным, после 1917 г. также были переданы в Эрмитаж и

Русский музей.

[^^^]

С. Понятовский являлся официальным посланником саксонского курфюрста и правителя Польши Августа III в России с 1757 г., однако из-за любовной интриги с великой княгиней Екатериной Алексеевной (будущей императрицей) вынужден был покинуть Петербург в 1758 г.

[^^^]

Белоруссия была присоединена к России в результате разделов Речи Посполитой, см. примеч. 37.

[^^^]

Журнальный вариант дан в более сдержанной редакции: «некоторые польские вельможи... отказались от своих имений и удалились...» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 220).

[^^^]

И. А. Соллогуб, адъютант польского короля Станислава Августа, при переходе на русскую службу развелся с первой женой и в 1781 г. женился на Наталье Львовне Нарышкиной, ее сестра Анна Львовна стала женой князя А. Понинского, а третья сестра Мария Львовна в 1801 г. – князя Ф. К. Любомирского.

[^^^]

Булгарин ошибся именем: графиня С. Д. Матюшкина была дочерью Дмитрия Михайловича.

[^^^]

Имеется в виду А. И. Соллогуб.

[^^^]

Имеется в виду В. А. Соллогуб.

[^^^]

В журнальном варианте: «На первых порах, когда обуреваемая партиями Польша еще имела союзницами...» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 221).

[^^^]

В декабре 1763 г. Сенат был разделен на шесть департаментов. Третий департамент был учрежден в составе трех экспедиций, в его ведении были судебные и административные дела западных провинций, состоявших на особом положении (Малороссия, Лифляндия, Эстляндия, Выборгская губерния, позднее – и отошедшие России после разделов Польши провинции). В Литве и после ее присоединения к Российской империи действовал Литовский статут, многочисленные судебные дела, которые обжаловались польской шляхтой, обычно доходили до высшей судебной инстанции – Сената, который утверждал или отменял местные судебные решения. Сложность состояла в том, что существовали разночтения в изданиях Статута на западнорусском и польском языках. Для решения дел необходимо было знание польского языка, поэтому после третьего раздела Польши штат Третьего департамента был усилен чиновниками, знавшими польский язык, на русскую службу приняты и стали сенаторами Третьего

департамента известные польские государственные деятели и польские аристократы. Хотя никаким законодательным актом ранг сенаторов не был точно определен, «положение сенатора было, во всяком случае, очень высоким», «назначение в Сенат являлось всегда знаком личного благоволения императрицы» (История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 2. С. 428).

[^^^]

Немцевичу и Фишеру, бывшим адъютантам Костюшки, Закржевскому, бывшему президенту Варшавы, Игнатию Потоцкому, бывшему маршалу последнего сейма²²⁹, Мостовскому, бывшему каштеляну рационжскому²³⁰, Вавржецкому, главнокомандующему в Польше после Костюшки, Сокольниковскому (бывшему после генералом), Килинскому, полковнику варшавской народной гвардии, Капостасу и другим.

[^^^]

16 ноября 1796 г. Павел I в сопровождении цесаревича Александра посетил содержавшегося в заключении в Мраморном дворце Т. Костюшко и освободил его. При посещении пленного И. Потоцкого император упомянул о необходимости восстановления Польши (см.: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 319–320). 29 ноября вышел Указ «Об освобождении подпавших под наказание, заточение и ссылку, по случаю бывших в Польше замешательств», все пленные поляки были освобождены под присягу в верности и к началу декабря 1796 г. покинули Петербург. «Исключение было сделано только для графа Игнатия Потоцкого; прежде чем освободить его, потребовали ручательства за его поведение от всех поляков, находившихся в Петербурге» (Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. С. 121).

Ср. мнение А. С. Шишкова: «...Ильинский за день или за два до смерти императрицыной по какому-то счастливому для него предчувствию сказал Павлу о близкой ее кончине и скором его восшествии на престол, за что по событии сего пророчества был подарением ему деревень, составляющих знатное имение, щедро от него награжден» (Записки, мнения и переписка А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 54). Об Илинском, первым поздравившем Павла, см.: *Базылев Л.* Поляки в Петербурге. СПб., 2003. С. 49. Павел I благоволил к А. И. Илинскому, сделав его сенатором, кавалером орденов Александра Невского и Иоанна Иерусалимского

[^^^]

В журнальном варианте: «Он много делал добра полякам и при Александре Павловиче в начале его царствования» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 222).

[^^^]

Речь идет о графе Юзефе Потоцком.

[^^^]

Граф А. С. Ржевуский рассказывал мне, что он, возвращаясь домой из Петербурга, встретил на станции графа Северина Потоцкого, ехавшего в Петербург. Это было в начале Польской революции, в 1793 году. Они были приятели, и Ржевуский спросил его: зачем он едет в Петербург? «В Польше у меня ничего не осталось, – отвечал Потоцкий, – а теперь единственная пора, что человек с *именем* может все приобрести при русском дворе. Еду за *всем!*» – примолвил он, смеясь. Граф Северин Осипович служил отлично и приобрел от монарших щедрот значительное состояние.

[^^^]

Бывший студент Харьковского университета И. Н. Лобойко вспоминал: «[По субботам студенты должны были повторять пройденное по математике.] Мне досталось что-то из алгебры. В это время входит граф Потоцкий. Приблизился к доске и тотчас сказал: “Что это у вас? Пирамидальные числа?” Это нас всех изумило. Возможно ли, чтоб богатый знаменитый вельможа знал алгебру? Теперь это редкость». В другой раз Потоцкий застал Лобойко с приятелем за рисованием ландшафтов: «Граф Потоцкий, обходя комнаты, заметил нас. Этим мы обратили его внимание, но художниками мы делаться не хотели. Граф обещал нам дать на вакации денег, чтоб мы могли поехать на берега Дона и там снять несколько видов, и мы насладились этим удовольствием» (*Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата. М., 2013. С. 32, 34*).

В журнальном варианте: «...на Мойке в доме Варварина» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 222). Дом купца И. Ф. Варварина, где сдавались гостиничные номера, располагался на участке между Большой Мещанской улицей и Екатерининским каналом (современный адрес – ул. Казанская, д. 18 / наб. канала Грибоедова, д. 41).

[^^^]

Из трех сыновей его Генрих Адамович историческими и нравоописательными романами приобрел прозвание польского Вальтер-Скотта. Картины польских нравов XVIII века, под заглавием «Записки Соплицы»²³⁷, поистине chef-d'œuvre²³⁸. Адам Адамович служит генерал-майором в свите его императорского величества, а Эрнст Адамович исполняет обязанности по выборам дворянства. Дети, достойные отца!

[^^^]

Семья князей Чарторийских играла значительную роль в политической жизни Речи Посполитой. После раздела Польши в 1794 г. их имения были конфискованы, Екатерина II поставила условием возвращения секвестрированных имений присутствие молодых Чарторийских – братьев Адама и Константина – в Петербурге, куда они и прибыли в мае 1795 г.

[^^^]

Благополучная поначалу придворная служба братьев Чарторийских при Павле I была неожиданно прервана из-за подозрительности императора. В августе 1799 г. князь Адам получил высочайший приказ в течение недели (без права заехать по пути повидаться с родителями) отправиться в Италию в качестве посланника при Сардинском дворе, а его брат Константин был уволен со службы и получил разрешение вернуться к родным в Пулавы. В Петербург Адам Чарторийский вернулся после смерти Павла, вызванный письмом Александра I.

[^^^]

Цвет мундира членов Мальтийского ордена – духовно-рыцарского католического ордена Св. Иоанна Иерусалимского, основанного в XII в. как орден госпитальеров, – был ярко-красным; при Александре I вместо красного был введен темно-зеленый мундир нового покроя. Польские родовитые дворяне были мальтийскими рыцарями, владельцами командорств Мальтийского ордена. Резиденция ордена была перенесена в Петербург при Павле I, ставшем с 1798 г. Великим магистром ордена. А. Чарторийский писал: «С тех пор как маршал Понинский, опозоренный и изгнанный сеймом при Первом разделе, взял в свои руки дела этого ордена и торговал его имуществом, орден этот был у нас на плохом счету; но командорства ордена еще существовали в Польше, их разыскали и восстановили. Павел учредил их и в России, не стесняясь различием религии» (Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. С. 162–163).

[^^^]

Имеется в виду М. А. Огинский.

[^^^]

Полонез (от *фр.* polonais – польский) – имеющий польское происхождение торжественный танец, исполнявшийся обычно в начале бала. Один из самых известных полонезов, «Прощание с родиной» («Pożegnanie Ojczyzny»), написан М. А. Огинским, вынужденным покинуть родину в 1794 г., после подавления восстания Т. Костюшко, участником которого он был.

[^^^]

Здесь кстати заметить, что едва ли кто писал лучшие полонезы, как оба Огинские: сенатор и его дядя, великий кухмистер литовский, некогда владетель Слонима, в котором он имел очаровательный дворец и содержал огромный оркестр и итальянскую оперу. Рядом с ними стоит О. А. Козловский. Кто не знал в свое время его полонеза с хорами, сочиненного на торжество, данное князем Потемкиным в честь государыни в Таврическом дворце:

*Гром победы, раздавайся,
Веселися, храбрый росс! – и проч.?*

Говорили, что слова сочинял Державин. В этом полонезе есть стихи:

*Воды грозного Дуная
Уж в руках теперь у нас!
Славься сим, Екатерина... – и
проч.244*

Эти стихи тогда были только *предсказанием*, поэтому что *воды грозного Дуная* попали в наши руки уже при императоре Николае Пав-

ловиче, начертавшем пределы России по устью Дуная. О. А. Козловский сочинил также полонез «Александр, Елисавета, восхищаете вы нас!» и мн. др. Вообще в его полонезах настоящий дух этого рода музыки.

[^^^]

Имеется в виду К. А. Святополк-Четвертинская.

[^^^]

Булгарин ошибся: отчество Прасковьи Потемкиной – Андреевна.

[^^^]

Речь идет о фаворитке Александра I, урожденной княжне М. А. Святополк-Четвертинской. Ф. Ф. Вигель так вспоминал свою первую встречу с ней: «Кому в России не известно имя Марии Антоновны? Я помню, как, в первый год пребывания моего в Петербурге, разиня рот, стоял я перед ее ложей и преглупым образом дивился ее красоте, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно: в Петербурге, тогда изобиловавшем красавицами, она была гораздо лучше всех» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 2. С. 672).

[^^^]

Старинная верхняя одежда поляков, род каф-
тана, с длинными полами и рукавами, боль-
шим числом мелких пуговиц; носился под
кунтушом.

[^^^]

В 1732 г. императрица Анна Иоанновна (по предложению П. И. Ягужинского, взявшего за образец прусское учебно-военное заведение) учредила в Санкт-Петербурге «шляхетский корпус кадетов» для обучения дворянских детей, «как российских, так и эстляндских и лифляндских провинций». Открытие состоялось 17 февраля 1732 г. Заведение имело закрытый характер, чтобы «устранить влияние семьи», и давало не только военное, но и многостороннее светское образование, – как указывалось в указе, «понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, тако же и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение» (цит. по: *Лалаев [М. С.] Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700–1880. СПб., 1880. Ч. 1. С. 26*). При Елизавете Петровне, в 1743 г., корпус получил название Сухопутного кадетского корпуса, для отличия от Морского. Екатерина II переименовала корпус в Императорский Сухопутный шляхетный кадетский и приня-

ла его в свое непосредственное ведение. При Павле I корпус в 1800 г. был переименован в Первый кадетский. Размещался в здании Меншиковского дворца, к которому пристраивались новые здания.

Булгарин присутствовал на празднике, посвященном 125-летнему юбилею корпуса, и поместил об этом статью в своей газете: Стодвадцатипятилетний юбилей Первого кадетского корпуса, 15 и 16 февраля 1857 года (Письмо Ф. Б. к старому совоспитаннику и полковому товарищу) // Северная пчела. 1857. № 39. 20 февр.).

[^^^]

В журнальной редакции был дан менее острый вариант: «...наши фамильные заслуги и наше значение в прежнем нашем отечестве, вероятно, исчезнут! Теперь некоторые из нас возвысились...» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 227).

[^^^]

Дигнитарскою фамилиею почиталась та, в которой были члены, облеченные в высшие придворные и государственные звания, и кавалеры Белого Орла²⁵¹. (Dignitaire, dignitarz²⁵².)

[^^^]

Здесь: свободное от занятий время.

[^^^]

То есть упражнения (от *лат.* exercitio).

[^^^]

В краткой автобиографии, вписанной в 1821 г. в альбом П. И. Кепшена, Булгарин писал, что Ферзен определил его «в корпус в 1797 году, отдав на воспитание французскому учителю Массону, державшему пансион при корпусе» (цит. по: *Рейтблат А. И.* Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 43). Пансион Массона, существовавший в 1780-х гг., упоминается и в Записках Е. Ф. Комаровского (Исторический вестник. 1897. № 7. С. 29). Не ясно, о каком Массоне тут идет речь. Упомянувшийся выше Шарль Массон, автор «Секретных записок о России», был выслан из России 13 декабря 1796 г., т. е. до прибытия Булгарина в Петербург.

[^^^]

Приказ, «отданный его императорским высочеством» 13 ноября 1798 г., гласил: «Принимаются в корпус недоросли из дворян Маркович 1♦й, Маркович 2♦й и Булгарин, которых зачислить до прибытия в малолетное отделение» (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 39. Л. 53; опубликован в: *Алексеев Д. А.* Новые материалы о пребывании Ю. П. Лермонтова в Кадетском корпусе и Тульском ополчении 1812 г. // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. М.; Воронеж. 2008. № 3 (3). С. 148). Приказом от 17 ноября того же года предписывалось: «Из определенных в корпус в кадеты в малолетное отделение недоросля из дворян Булгарина зачислить в оное же отделение налицо» (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 40. Л. 76).

[^^^]

С 1766 по 1796 г. кадеты разделялись на пять возрастов, в каждом возрасте немногим более 100 кадетов. Первый возраст составляли кадеты от 5 до 9 лет, второй – от 9 до 12, третий – от 12 до 15, четвертый – от 15 до 18, пятый – от 18 до 21 года. В каждом возрасте кадет проводил около трех лет. В первом возрасте было десять отделений, у каждого своя воспитательница-гувернантка и инспектриса, осуществлявшая общее руководство, во втором – восемь отделений, в третьем – шесть, с воспитателями в каждом отделении и общим инспектором. Старшие возрасты включали два отдела: военный и гражданский; военный состоял из двух рот, которыми командовали капитаны и офицеры-воспитатели, а гражданским отделом – особый инспектор и воспитатели (см.: *Лалаев [М. С.] Указ. соч. С. 55–56; Данченко В. Г., Калашников Г. В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007. С. 421).*

Гимназисты сидели отдельно в классах и в столовой зале, имели особый угол в спальне, и когда весь корпус получил мундиры, они носили зеленые фраки и того же цвета камзолы и нижнее платье. Сперва они имели трехугольные шляпы, а потом картузы. Гимназистов выпускали из корпуса офицерскими чинами в статскую службу, а лучших определяли учителями в средние и нижние классы в кадетские корпуса.

[^^^]

Ф. Е. Ангальт служил в прусской армии, в 1778 г. вступил в саксонскую армию в чине генерал-лейтенанта, во время войны за баварское наследство (1778–1779) командовал саксонским корпусом; в 1783 г. по приглашению императрицы Екатерины II был принят на русскую службу с чином генерал-поручика и назначен генерал-адъютантом и шефом Финляндского егерского корпуса. С ноября 1786 г. – главный директор Сухопутного шляхетного корпуса. Последователь педагогических идей Руссо и Локка, Ангальт уделял большое внимание нравственному воспитанию кадетов. На собственные средства он увеличил библиотеку корпуса, физический кабинет и кабинет натуральной истории; по его просьбе Екатерина II, называвшая корпус «рассадником великих людей», подарила кадетам библиотеку генерала Якоба фон Эггерса, насчитывавшую 7000 томов. Ангальт ввел в употребление «сверхкомплектные тетради», в которых кадеты записывали воспоминания, выборки из других сочинений, и сам просматри-

вал эти тетради, делая в них пометы. В музее корпуса хранилось около 400 рукописных томов на русском, немецком и французском языках, большей частью состоящих из литературных упражнений кадетов старших возрастов. Ангальт приказал разрисовать стену, окружавшую корпусной сад, изображениями исторических лиц, стран, видов животных, птиц, эмблем, систем мира (Птолемея и Коперника), поместить на ней поучительные изречения на русском и иностранных языках, хронологию важнейших открытий и т. д. Подобным же образом были расписаны стены рекреационного зала, причем записи делали сами кадеты, – существовал ритуал обсуждения и помещения записей на специальные доски. Все эти накопленные за годы материалы были напечатаны двумя книжками, вручавшимися выпускникам корпуса – «моим добрым детям»: «La muraille parlante» («Говорящая стена», 1790) и «La salle de récréation» («Рекреационный зал», 1791) (см.: Искусство учиться, прогуливаясь, или Ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом, изданная Сергеем Глинкою. М.,

1829; Рекреационный зал Императорского сухопутного кадетского корпуса в исходе прошедшего столетия // Педагогический сборник. 1883. № 4. С. 143–278; «La muraille parlante» // Там же. № 6. С. 449–484). Традиция эта сохранилась и после смерти Ангальта, включая первое десятилетие XIX в., следовательно, Булгарин также получил книжки с наставлениями Ангальта.

[^^^]

В статье «Стодвадцатипятилетний юбилей Первого кадетского корпуса, 15 и 16 февраля 1857 года. (Письмо Ф. Б. к старому совоспитаннику и полковому товарищу)» Булгарин писал: «Ты помнишь корпусного капитана третьей мушкетерской роты Рагозина, доброго и ласкового человека, который любил с нами беседовать о блистательных временах графа Ангальта. Слова его запечатлелись в моем сердце и памяти!» (Северная пчела. 1857. № 39. 20 февр.).

[^^^]

Зал для игры в мяч (*фр.*); так назывался корпус для физических упражнений, построенный в 1771–1773 гг. (архитектор А. Ф. Кокорин). О связанных с ним кадетских легендах см.: Первый кадетский корпус в 1826–1833 гг. Воспоминания генерала от инфантерии М. Я. Ольшевского // Русская старина. 1886. № 1. С. 73–76.

[^^^]

При Павле I корпусу был придан статус сугубо военного учреждения. С января 1797 г. корпус вновь был разделен не на возрасты, а на роты: одну гренадерскую, четыре мушкетерских и малолетнее отделение, были уволены иностранные наставники младших кадетов – их заменили офицеры (см.: *Висковатов А.* Краткая история 1-го кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 74; *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. М., 1910. С. 45).

[^^^]

При Екатерине II корпус был реорганизован по проекту, составленному И. И. Бецким. Устав, утвержденный императрицей в сентябре 1766 г., преследовал цель «сделать человека здоровым и способным сносить воинские труды» и «украсить сердце и разум делами и науками, потребными гражданскому судье и воину», готовить не только «исправных офицеров», но и «знатных граждан». Для этого признавалось необходимым наличие общеобразовательных предметов (программа включала физику, математику, иностранные языки, историю, мифологию, риторику, логику, философию, живопись, танцы, верховую езду и фехтование). При этом акцент делался на практическом обучении, предполагавшем не только наглядные пособия, но и особые требования к наставникам кадетов. Устав требовал «всякие телесные наказания кадетам ныне отрешить», учитывать склонности воспитанников и развивать их (см.: *Лалаев* [М. С.] Указ. соч. С. 47–64). Вместе с тем в царствование Екатерины II сложилась традиция

поручать корпус военачальнику, имевшему «военную репутацию». В 1794–1797 гг. генерал-директором корпуса был М. И. Голенищев-Кутузов, который особое внимание стал уделять практическим военным наукам – фортификации, артиллерии, топографии, сам преподавал кадетам военную тактику.

[^^^]

Об этой эпохе в жизни корпуса служивший в нем Е. Ф. Комаровский писал: «Император Павел, желая увеличить число кадет, приказал составить новый штат и уничтожить все гимнастические классы, даже и танцевальный, оставив фехтовальный и манеж. Для составления сего штата назначены были генерал-майор Андреевский, служивший в корпусе, экономом оного барон Аш и я» (Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 44).

[^^^]

Запиской называлась в корпусе отметка учителя о ленивых или шалунах. Списав их имена, учитель передавал записку в малолетнем отделении дежурной надзирательнице, а в ротах дежурному офицеру, и по этой *записке* кадеты наказывались.

[^^^]

А. Н. Марин, брат С. Н. Марина и соученик Булгарина, вспоминал в 1873 г.: «...в одно время Булгарин хвастался, что, когда он выйдет из корпуса, то перейдет к полякам и будет резать русских; за это Булгарин был побит А. Н., а вслед за тем и другими товарищами». Впрочем, этот анекдот был рассказан им в оправдание перед журналистом, с удивлением обнаружившим у Марина, ветерана 1812 года, среди «святынь и дорогих портретов <...> при входе, в рамке портрет пресловутого Фаддея Венедиктовича Булгарина, литографированный в 1833 году, с не менее пресловутым факсимиле “Не поминайте лихом” (ошибка: с такой надписью известен только портрет Булгарина 1853 г., литографированный В. Ф. Тиммом по оригиналу И. П. Раулова. – Н. А.)» (см.: Ветеран 1812 года в г. Воронеже. Из семейного архива Мариных // Марин С. Н. Полн. собр. соч. / Ред. и коммент. Н. В. Арнольда. М., 1948. С. 516).

В журнальном варианте более сдержанный вариант: «Как родительское сердце может решиться на разлуку с малолетним дитятей!» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 232).

[^^^]

Программа для первого возраста включала «познание веры, поелику отроки постигнуть могут», русский и иностранный языки, чистописание и начала арифметики, рисование и танцы. В старших классах программа учебного курса была более насыщенной (см.: *Данченко В. Г., Калашников Г. В.* Указ. соч. С. 152–176). Так, в выписке из формуляра соученика Булгарина А. Н. Марина значится: «...по-российски и по-французски, по-немецки умеет, математику, артиллерию, фортификацию, алгебру, геометрию, физику, сетуацию, географию, историю и рисовать знает» (*Марин С. Н.* Указ. соч. С. 513).

[^^^]

Булгарин не был первым, в 1797 г. из корпуса были выпущены прапорщиками в Низовский мушкетерский полк князя Друцкие-Любецкие, один из них, Ксаверий Францевич (1778–1846), – в будущем министр финансов Царства Польского.

[^^^]

То есть мелкие височные косички.

[^^^]

Вержетом назывались передние волосы, поднятые вверх прическою.

[^^^]

То есть чистили и подновляли, покрывая охрой (вохрой) – естественной минеральной краской, по составу представляющей собой смесь гидрата окиси железа с глиной.

[^^^]

Где кадеты умывались.

[^^^]

Полковник К. А. Пурпур – сын бывшего генерал-директора А. Я. Пурпура. Булгарин был знаком с племянником полковника Пурпура (сыном его сестры Дарьи Андреевны, в замужестве Катениной) – известным литератором Павлом Александровичем Катениным.

[^^^]

Журнальный вариант фразы более краткий:
«Я был обыкновенною жертвою Пурпурова
розголюбия» (Библиотека для чтения. 1845. Т.
73. Раздел I. С. 235).

[^^^]

три смертных греха (*фр.*)

[^^^]

Предмет особой ненависти (дословно: черный зверь) (*фр.*).

[^^^]

В журнальном варианте: «...я почти окаменел сердцем!» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 236).

[^^^]

Ф. М. Клингер был сыном военного (каноника крепостных укреплений). Переводя «bürgerlicher Stand» (нем. мещанское сословие, буржуазия) как «среднее сословие», Булгарин слишком широко и неточно передает значение этого выражения.

[^^^]

Ф. М. Клиндер родился в семье мелкого военного служащего (канонира крепостных укреплений), рано потерял отца, окончил в 1772 г. гимназию и пытался скопить денег для поступления в университет. В апреле 1774 г. поступил на юридический факультет в Гиссенском университете (материальную поддержку ему оказывал Гёте), но бросил его спустя два года и отправился в Веймар, где произошел разрыв с Гёте: оскорбленный его холодностью, Клиндер покинул Веймар. Дружба была восстановлена спустя годы по инициативе Гёте, когда Клиндер уже жил в России.

[^^^]

«Близнецы» (1776), одна из наиболее известных трагедий Ф. Клингера, основана на бунтарском мотиве братоубийства. Образ младшего брата Гвельфо – воплощение характерных для направления «бури и натиска» представлений о сильной личности. «Шекспиризм» Клингера заключался главным образом в изображении сильных страстей, напряженном, аффектированном стиле; недоброжелательная критика назвала его «взбесившимся Шекспиром», однако драма Клингера нашла отклик в настроениях молодежи и оказала влияние на молодого Ф. Шиллера периода «Разбойников».

[^^^]

Название предромантического течения в немецкой литературе 1770-х гг. восходит к пьесе Ф. Клингера «Sturm und Drang» («Буря и натиск», 1776), его представителей называют «штюрмерами».

[^^^]

Речь идет о брате императрицы Марии Федоровны, принце Фридрихе Вильгельме Вюртембергском. В 1783 г. во время присоединения Крыма к России он в чине генерал-поручика командовал корпусом в районе Херсона.

[^^^]

Цикл из девяти социально-философских романов был создан в последний период творчества Ф. Клингера, в России. Его открывает отмеченный чертами антифеодальной сатиры и просветительского атеизма роман «Fausts Leben, Taten und Höllenfahrt» («Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад»), анонимно напечатанный в Лейпциге в 1791 г. (пер. А. Лютера на рус. яз. – М., 1913; см. также: СПб., 2005 (пер. А. Лютера, под ред. О. А. Смолян)). В Лейпциге вышел и последний роман Клингера «Der Weltmann und der Dichter» («Светский человек и поэт», 1798). Эти и другие названные Булгариным романы: «Geschichte Giafars, des Barmeciden» («История Джафара Бармекида», 1792–1794), «Geschichte Raphaels d'Aquilas» («История Рафаэля де Аквила», 1793), «Faust der Morgenländer» («Фауст стран Востока», 1797), «Reisen vor der Sündfluth» («Путешествие накануне потопа», 1797), «Geschichte eines Teutschen der neuesten Zeit» («История немца, нашего современника», 1798) – отличают острый социальный

критицизм и философская рефлексия, граничащая с мизантропией, поэтому, будучи на русской службе офицером и педагогом, Клингер вынужден был скрывать свое авторство, анонимно печатая свои сочинения в Германии, указывая на титульном листе имя вымышленного издателя и ложное место издания. Однако его творчество не было секретом: среди «сочинителей», живших в Санкт-Петербурге в 1793 г., упомянут «майор в Шляхетном Сухопутном кадетском корпусе» Клингер, автор театральных сочинений и романов, с указанием первых двух (*Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1794. Ч. 2. С. 557).

[^^^]

Характеристика Клингера содержится в мемуарной книге Гёте «Поэзия и правда» (кн. 14), где, вопреки утверждению Булгарина, сказано, что Клингер, возвысившись «до весьма значительных должностей, сумел удержаться на них и продолжал свою деятельность, пользуясь одобрением и милостями своих высоких покровителей. Но при этом он никогда не забывал ни своих старых друзей, ни пройденного им нелегкого пути. Более того, он стремился сохранить память о былом <...> не погнушался увековечить в своем гербе, украшенном орденовыми знаками, предметы, указывающие на его прежнее гражданское состояние» (Гёте И.-В. Из моей жизни: Поэзия и правда // Гёте И.-В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 3. С. 512).

[^^^]

Выделив курсивом слова «при жизни автора», Булгарин, скорее всего, дал понять, что Гёте, не желая повредить Клингеру, не стал давать характеристику позднему творчеству писателя, отмеченному едкой социальной сатирой и глубокой мизантропией. На это указывает в комментариях Н. Вильмонт: «Ко времени, когда Гёте работал над четырнадцатой книгой, Клингер служил (с 1780 г.) в России. Отозвавшись о Клингере как об энергичном и жизнеспособном человеке, Гёте ни словом не обмолвился о его произведениях, хотя тогда же перечитал старые и познакомился с некоторыми новыми его сочинениями» (*Гёте И.-В.* Указ. соч. С. 705–706). В целом булгаринская характеристика творчества Клингера не противоречит оценке авторитетных историков литературы, см., к примеру: *Жирмунский В. М.* Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972. С. 345–353.

Ср. версию М. И. Богдановича: «Весьма замечательно, что литератор, сделавшись педагогом и, вероятно, опасаясь влияния на молодежь своих сочинений, отличавшихся необузданной энергией и мрачным взглядом на жизнь, сам заботился о запрещении впуска их в Россию» (*Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 150*). После 1805 г. Клинггер ничего не печатал и завещал уничтожить свой архив после смерти, что и было исполнено его вдовой Елизаветой Александровной Алексеевой-Клинггер (см.: *Смолян О. А. Фридрих Максимилиан Клинггер и его роман «Фауст» // Клинггер Ф. М. Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад. М.; Л., 1961. С. 11*).

[^^^]

Поэт-вольнодумец И. Г. Зейме оказался на русской службе через посредничество своего ученика, которому давал частные уроки; с его дядей, генералом И. А. Игельстромом, поэт в качестве секретаря для ведения дипломатической переписки отправился в 1792 г. в Варшаву, получив благодаря хлопотам Игельстрома чин поручика. В Варшаве Зейме стал свидетелем польского восстания 1794 г., был взят в плен повстанцами (которым сочувствовал) и освобожден войсками Суворова. В Россию он больше не вернулся и был исключен из службы в 1797 г. при Павле I как не вернувшийся из отпуска. Вновь он побывал в России в 1805 г., описав путешествие в жанре путевого дневника: «Mein Sommer im J. 1805» («Мое лето в 1805 году», 1806), анонимно изданная книга была запрещена во Франции, Австрии и России. Политические суждения Зейме, получившего известность в качестве «специалиста по русским делам», скорее всего, отражали мнения Клингера, с которым Зейме встречался во время своего путешествия (см.:

Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. С. 458, 462). В этом случае утверждение Булгарина может иметь под собой основания (ср. с иной точкой зрения, согласно которой Зейме «отказался от службы в Дерптском университете, куда его приглашал Клингер» (*Неустроев В. П.* Немецкая литература эпохи Просвещения. М., 1958. С. 361)). К. И. Музеус, сын известного немецкого писателя и филолога И. К. А. Музеуса, некоторое время служил секретарем при Клингере, однако в 1819 г. оставил русскую службу и вернулся в Германию.

[^^^]

Нет оснований вслед за О. А. Смолян и другими причислять Булгарина к врагам Клингера, утверждая, что он оклеветал «писателя-вольнодумца», «пустив в ход ни на чем не основанную версию» о нелюбви Клингера к России (см.: *Смолян О. А. Фридрих Максимилиан Клингер и его роман «Фауст»*. С. 11–12). Свидетельство Булгарина о нелюбви Клингера к России подтверждается воспоминаниями других кадетов (см.: *Андреева О. С. Портрет директора глазами кадета. По воспоминаниям воспитанников Первого кадетского корпуса // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. СПб., 2006. Ч. 2. С. 5–7). Так, Н. А. Титов приводит любимую поговорку Клингера: «Русских надо менее учить и более бить» (Там же. С. 6). О России как царстве зла в творчестве Клингера см.: *Лагутина И. Н. Образ России в романе Ф. М. Клингера «Фауст» // Новые российские гуманитарные исследования: электронное периодическое издание*. 2007.

[^^^]

Речь идет о статуе Командора, являющейся на зов героя в финале известного сюжета о Дон Жуане, положенного в основу многочисленных литературных и музыкальных произведений, среди которых «Дон Жуан» Мольера (1665), одноименная опера Моцарта (1787), «Каменный гость» А. С. Пушкина (1830).

[^^^]

См. главу I второй части.

[^^^]

В трагедии Шекспира «Макбет» (1606) главному герою на пиру является призрак убитого по его приказу Банко.

[^^^]

В журнальном варианте: «...и холодный пот выступал на мне!..» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 242).

[^^^]

В журнальном варианте: «Являсь к майору Ра-
нефту...» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73.
С. 242).

[^^^]

Булгарин приводит первые строки популярной песни, публиковавшейся в песенниках начала XIX в., без указания автора, в разделе «песен любовных и нежных»: «Полно, полно, зяблик милый, / О неверной тосковать! / Пролетел твой век счастливый – / Ты престал ее пленять!» (см.: Новейший и полный российский общенародный песенник, содержащий в себе всеобщее собрание всех родов новейших и употребительнейших песен. М., 1810. С. 65–66; Избранный песенник для прекрасных девушек и любезных женщин, содержащий собрания лучших русских песен разных сочинителей: В 2 ч. М., 1816. Ч. 1. С. 56–57, и др.).

[^^^]

Он даже скончался в доме князя Михаила Семеновича Воронцова, где лет с двадцать имел квартиру, без всякой платы.

[^^^]

Г. В. Гераков был близок с семьями А. Л. Нарышкина и М. С. Воронцова. В письме к Г. Р. Державину от 19 апреля 1814 г. он писал: «Я живу в доме у друга моего редкого, Воронцова, в Малой Морской» (цит. по: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 290). Краткий некролог Геракову был помещен в «Сыне отечества» (1838. Т. 4. № 8. Отд. V. С. 108).

[^^^]

Речь идет об учрежденной в 1775 г. при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе для отправляемых в Россию греческих мальчиков Греческой гимназии (Корпусе для чужестранных единоверцев). В 1779 г. ее выпускникам было позволено поступать прямо в военную службу или в переводчики. В конце 1796 г. заведение было закрыто, а его воспитанники распределены между Сухопутным и Морским кадетскими корпусами.

[^^^]

Многочисленные сочинения Геракова историко-патриотического содержания не отличались талантом и иронически воспринимались современниками; см. о Геракове-литераторе: *Толстихина А. О. Гераков, Гераки Гавриил Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: биографич. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 539–540.* Тем не менее Булгарин написал сочувственную рецензию на его «Путевые записки» (Ч. 1–2. СПб., 1828–1830), отметив: «Везде видна теплая душа, сердце доброе, благородное, любовь к отечеству и человечеству» (Северная пчела. 1831. № 7. 10 янв.).

[^^^]

Книга сочинений и переводов Геракова «Для добрых» (СПб., 1801. Ч. 1–2), не имевшая литературных достоинств, вызвала множество эпиграмм (см.: *Толстихина А. О. Указ. соч. С. 539*).

[^^^]

С. Н. Марин сделал поэтический перевод трагедии Вольтера «Меропа» для актрисы Е. С. Семеновой, ее первое выступление в этой роли 30 октября 1811 г. имело большой успех. «О русской “Меропе” много говорили тогда в Петербурге, билеты для второго представления были взяты нарасхват, и трагедия эта была играна 1 ноября у императрицы Елизаветы Алексеевны» (Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 212). Булгарин напечатал отрывок из пьесы в своем альманахе «Русская Талия» (1825), однако рукопись, доставленную братом поэта, тому не возвратил, видимо потеряв, несмотря на его просьбы. Сохранилось двустихие А. Н. Марина, связанное с этим событием: «Фаддей, сознай свою вину, / Отдай “Меропу” Марину». В письме к Булгарину он писал: «Попробую еще стихами у тебя искать милости, дабы отдал бедную “Меропу”, которой уже душно лежать там, где ты ее спрятал. Поищи!

*Любезный друг Фаддей Булгарин,
Русско-немецко-польский барин,*

*С российской правдой подружись...
И с польским гонором простись.
Из бар честнейший будешь барин,
Утешь же всех, мой друг Булгарин,
Тебя все будут прославлять,
Что ты в "Пчеле" лихая матка,
Что хитро пишешь, вольно, сладко
И, быв поляк, не будешь лгать.
Напишешь целые ты стопы,
Мы все их будем покупать,
Неужли не отдашь Меропы.*

Пришлешь Меропу – будь здоров, ежели не пришлешь – нех тебе дьяболи возьми...» (Марин С. Н. Указ. соч. С. 420).

Булгарин пытался отыскать рукопись трагедии или сделать ее копию (см. об этом в письме Н. И. Греча к Булгарину от 4 марта 1833 г. (Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 356)). В 1937 г. Н. В. Арнольд нашел и опубликовал ее суфлерский экземпляр (Марин С. Н. Меропа. Трагедия в 5-ти действиях, перевод из Вольтера // Марин С.

Н. Указ. соч. С. 195–236).

[^^^]

Популярная, ходившая в списках в конце XVIII – начале XIX в. переделка «Оды, выбранной из Иова» М. В. Ломоносова – «О ты, что в горести напрасно / На службу ропщешь, офицер...» – представляла собой памфлет на военные порядки павловского времени (см.: *Марин С. Н.* Указ. соч. С. 176–177; впервые напечатана Герценом в «Историческом сборнике» (Лондон, 1861. Кн. 2)).

[^^^]

Речь идет о пародии С. Н. Марина на державинскую оду «На рождение в севере порфиородного отрока» (посвященную рождению Александра I), под названием «На рождение молодого грека» (*Марин С. Н.* Полн. собр. соч. С. 76–77). Посвященная Г. В. Геракову, как и многие другие эпиграммы, пародии, иронические надписи к портрету, написанные его другом Мариным, она вызвала подражания: ту же державинскую оду ко дню рождения Геракова спародировал приятель Марина – П. А. Нилов. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (т. III, ч. 2, гл. XXII) Кутузов накануне Бородинского сражения вспоминает эту ходившую во многих списках пародию Марина и просит А. С. Кайсарова, бывшего в 1812 г. директором полевой типографии, прочесть ее (ко времени работы Толстого над романом пародия была опубликована, см.: *Летописи русской литературы и древности.* М., 1863. Т. 5. С. 45). По словам Ф. Ф. Вигеля, Гераков – «бедный, свое нравный и самолюбивый грек», имевший в доме А. Л. Нарышкина «титул шута», чье

«тщеславие беспрестанно тревожили и кололи <...> Марин был его казнью» (*Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 568–569*). С другой стороны, характерна фраза А. Е. Измайлова по поводу смерти Марина в письме к Н. Ф. Грамматину от 10 февраля 1813 г.: «Вчерашний день умер здесь известный стихотворец Марин, а Герарков живет себе и веселится» (цит. по: *Поэты-сатирики конца XVIII – XIX в. Л., 1959. С. 644*).

[^^^]

Булгарин приводит по памяти один из вариантов пародии Марина, ср.:

*Родился и раскричался,
Голос столь ужасен был,
Что и к мертвым он домчался,
Древних греков встормошил.
Взбунтовались их души,
Видеть все дитя хотят,
Крылья подвязав под туши,
В русскую страну летят.*

(Марин С. Н. Полн. собр. соч. С. 76).

[^^^]

В стихотворении Марина пожелание новорожденному произносит один из семи мудрецов Древней Греции – Биас (Биант). Вариант, опубликованный Булгариным, приводит в своих мемуарах и Ф. Ф. Вигель (*Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 569*), ср. с другим вариантом:

*Будешь, будешь сочинитель,
Век писать ты будешь вздор;
Будешь в корпусе учитель,
А потом будешь майор!*

(Марин С. Н. *Полн. собр. соч. С. 77*).

[^^^]

Чесменский бой (26 июня 1770 г.) в бухте Чесма в Хиосском проливе Эгейского моря между русским и турецким флотами – одно из крупнейших морских сражений эпохи парусного флота. Командовавший эскадрой русского флота А. Г. Орлов за победу в Чесменском бою получил право присоединить к фамилии титул Чесменского. Во время боя лейтенант Д. С. Ильин вместе с мичманом В. Гагариным и английскими офицерами-добровольцами, капитан-лейтенантом Р. К. Дугдалем и лейтенантом Ф. Ф. Маккензи под сильным огнем противника, при помощи брандеров (начиненных порохом судов), смогли поджечь турецкий линейный корабль, который взлетел на воздух, – в результате начавшегося пожара был уничтожен турецкий флот, находившийся в Чесменской бухте. За этот подвиг Ильин был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В январе 1777 г. он был уволен от службы капитаном первого ранга и умер в Твери, в бедности. Г. В. Гераков описал подвиг Ильина в книжке «Твердость духа русских» (Пг.,

1813. Кн. 1. С. 49–68), снабдив краткий очерк обширным примечанием (с. 58–68), в котором рассказал мелодраматическую историю о том, как «дочь Ильина в слезах и бедности проводит дни свои», о своих тщетных хлопотах привлечь внимание к ней в уверенности, что «стоны ее достигнут престола Александра I». История завершилась благополучно: переданная через А. Н. Голицына тетрадь Геракова с очерком об Ильине и его дочери попала к императору, после чего последовали высочайшие указы от 9 марта 1805 г. Первым указом предписывалось «девице Катерине Ильиной... производить по смерти ее пенсии по 300 руб. на год <...> и сверх того внести единовременно в банк 5 тысяч рублей, определяя оные ей на приданое», вторым – Гераков за усердие награждался ежегодной прибавкой к жалованью в 400 рублей. Через несколько лет (в 1808 г.) Гераков выхлопотал 500 рублей годового пенсионера пожизненно и для овдовевшей к этому времени второй дочери Ильина – Александры Ушаковой (Там же. С. 66–67). Впоследствии имя Ильина носили в разное время корабли Балтийского и Черноморского фло-

TOB.

[^^^]

Позднее Булгарин вспоминал: «Помню я, как в детстве моем мой учитель истории, не знаменитый ученый с превратными теориями, но честный и благородный человек, знавший свое дело, Г. В. Гераков, шевелил наше детское сердце, заставляя произносить речь великого князя Святослава к своим воинам, пред сражением с греками. “Не посрадим земли Русския, но ляжем костьмы ту. Мертвые бо срама не имут. Аще ли побегнем, срам имамамы, но не имамамы убежати. Но станем крепко: аз же пред вами пойду, и аще глава моя ляжет, то и вы о своей промышляйте!” Речь эта осталась на всю жизнь в памяти моей и любезных моих товарищей – и часто как путеводительная звезда указывала нам нашу обязанность в пылу битв, когда земля дрожала и страшно выл воздух от смешанных пушечных и ружейных выстрелов» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1850. № 11. 14 янв.).

Древнегреческий философ Платон в 387 г. до н. э. в пригороде Афин, в саду, названном в честь героя Академа, основал свою знаменитую школу, ставшую местом научных диспутов.

[^^^]

Перевод воспитательного романа французского писателя Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699), написанного на античный сюжет для наследника престола герцога Бургундского (внука короля Людовика XIV), с наставлением о том, каким должен быть настоящий государь и как надо управлять государством, П. С. Железников сделал по предложению директора Ангальта и посвятил ему, см.: Приключения Телемака, сына Улисса, сочиненные Фенелоном, а с французского на русский язык переведенные кадетом Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса Петром Железниковым. СПб., 1788–1789. Ч. 1–2 (2^е издание вышло в 1804–1805 гг.).

[^^^]

Издание, напечатанное в типографии Шляхетного сухопутного кадетского корпуса, содержало указание: «В пользу одного корпуса», подтверждение сведений, приведенных Булгаринным, обнаружить не удалось.

[^^^]

Н. М. Карамзин в конце XVIII в. инициировал стилистическую реформу в отечественной литературе. Она была вызвана потребностью приспособить русский литературный язык к выражению современной европейской мысли, придав ему гибкость и естественность разговорной речи; за основу был взят язык французской изящной словесности. Проза Карамзина, противопоставившая абстрактно-логическому слову классицизма европейское эмоционально-лирическое слово, стала основой русского сентиментализма как определенного мироощущения и эстетического течения, его последователи и составили так называемую карамзинскую школу.

[^^^]

Н. И. Греч с 1801 по 1817 г. преподавал русский язык, ему принадлежат первое подробное грамматическое руководство в России «Практическая русская грамматика» (СПб., 1827; 2-е изд. – СПб., 1834), многократно переиздававшийся, вплоть до 1860-х гг., учебник «Начальные правила русской грамматики» (СПб., 1828), а также филологический труд «Пространная русская грамматика» (Т. 1. СПб., 1827; 2-е изд. – СПб., 1830). Он оказывал помощь Булгарину в овладении русским языком при его первых шагах на поприще русской литературы, за что Булгарин не раз публично благодарил Греча.

[^^^]

Речь идет о единоутробном брате Булгарина Иосифе Степановиче Менжинском, принятом в службу и определенном в Польский конный полк ротмистром в мае 1801 г., указом от 25 сентября того же года он был уволен в отпуск на 4 месяца (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 41. 14 мая; № 84. 11 окт.). Об отношениях между братьями свидетельствует письмо Булгарина к Менжинскому от 20 декабря 1835 г., см.: Автографы известных и замечательных людей (из архива С. Ю. Витте) // Старина и новизна. СПб., 1905. Кн. 9. С. 324–325. Польский конный полк, сформированный 26 июня 1797 г., был укомплектован уроженцами присоединенных от Речи Посполитой земель; с 1798 г. – Польский генерал-лейтенанта Домбровского полк; с 1799 г. – Конный генерал-майора князя Ратиева (Ивана Давидовича); с 1801 г. – Польский конный; с 1807 г. – Польский уланский; в 1833 г. расформирован.

Где ныне проезд на Певческий мост, между Главным штабом его императорского величества и экзерциргаузом.

[^^^]

Женившимся потом на дочери Демута, содержателя знаменитой гостиницы, которая и поныне существует.

[^^^]

Он был после командиром Лубенского гусарского полка.

[^^^]

Речь идет об А. П. Мелиссино.

[^^^]

Речь идет о П. И. Мелиссино.

[^^^]

Неточность или ошибка памяти: Станислав Август умер 12 февраля 1798 г. и не мог присутствовать на вахтпараде в Михайловском манеже, который строился в 1798–1800 гг.

[^^^]

Приглашенный Павлом I Станислав Август прибыл в столицу 6 (17) марта 1797 г., жил в предоставленных ему Мраморном, а летом Каменноостровском дворце, ему было увеличено содержание, а его ближайшим родственникам возвращены конфискованные староства. Вместе с тем положение короля при русском дворе было тягостным: «...с одной стороны, его досаждали родные и соотечественники, явившиеся за разными милостями, а с другой – несчастный король должен был опасаться подозрительного и изменчивого нрава императора, который в это время был встревожен разными слухами о заговорах в разных областях, перешедших к России по разделу Польши» (*Горяинов С. Павел Первый и Станислав Август. По неизданной рукописи // Русский архив. 1912. Кн. 1. Вып. 1. С. 44; см. об этом также: Письмо короля польского Станислава Понятовского к Валуеву. 1797 г. / Публ. и примеч. П. А. Муханова // Русская старина. 1870. № 9. С. 296–298; Головина В. Н. Мемуары. М., 2005. С. 188–189).*

[^^^]

О. М. Штакельберг был отправлен Екатериной II в Польшу по совету прусского короля и находился там в качестве посланника и полномочного министра. В сентябре 1772 г. вместе с прусским уполномоченным он представил правительству Речи Посполитой декларацию России, Пруссии и Австрии о разделе Речи Посполитой, добился признания декларации и утверждения относившегося к ней договора. Результатом его деятельности в Варшаве стало полное подчинение короля Станислава Августа интересам русского двора, что вызвало ненависть к нему польских патриотов. По словам самого короля, поначалу Штакельберг «заботился о том, чтобы как можно чаще проявлять принципы и чувства, дававшие основания предположить, что он сам огорчен тем, что должность посла вынуждает его делать в эту столь несчастливую и для Польши и для короля эпоху» (*Понятовский С. Мемуары / Пер. с фр. В. Савицкого. М., 1995. С. 313*). Однако донос Игнация Потоцкого, обвинившего Штакельберга в «пристрастной под-

держке короля» не в пользу России, заставил его изменить свое поведение: «Штакельберг доходил до того, что пытался контролировать короля при выборе им его собственных служащих, при оказании милостей иностранцам всех рангов, вплоть до заезжих артистов <...>. А так как он обладал бесконечными претензиями – и как баловень судьбы, и как литератор, и как знаток всего на свете, – иначе говоря, желал первенствовать повсюду и во всем и пользоваться репутацией и самого любезного, и самого могущественного одновременно, королю стало исключительно сложно и тягостно потакать самолюбию, воспроизводимому в стольких измерениях, и соответствовать многократным сменам ссор и примирений, которые Штакельберг вынуждал его переносить...» (Там же. С. 317, 320; см. об этом также: *Моравский С.* В Петербурге 1827–1838 // *Поляки в Петербурге в первой половине XIX века.* С. 587–589). Павел действительно назначил Штакельберга, к этому времени уже вышедшего в отставку, камергером двора польского короля, и тот, опасаясь гнева императора, явился к исполнению своей новой долж-

ности, но, по словам королевского пажа Яна Сагатыньского, остававшегося с ним до самой его смерти, король, не испытывая духа мести, никогда не использовал Штакельберга по назначению и обходился с ним самым вежливым образом (см.: Pamiętnik Jana Sagatyńskiego, byłego pазia króla Stanisława Poniatowskiego, przy którym zostawał aż do śmierci jego. Poznań, 1845. S. 83–84).

[^^^]

Мартинизм (по имени основателя Мартинеса де Паскуали; ок. 1810 – 1774) – мистическая, эзотерическая традиция, берущая свои истоки в Братстве розенкрейцеров, доктрина которых описывает падение первого человека из божественного в материальное, а также способы, методы и техники его возвращения в божественное с помощью духовного просветления и примирения с Богом, именуемого Абсолютом.

[^^^]

Библиотека Булгарина в Карлове включала рукописи и раритеты, среди которых и была, по-видимому, копия альбома. Анонимное описание библиотеки в Карлове, сделанное при жизни Булгарина, гласит: «...весь флигель, над фасадом которого находятся три башенки, занят библиотекою, которую я по справедливости должен назвать одною из лучших частных библиотек в России. Редких и драгоценных книг множество; есть также коллекции чрезвычайно замечательные, напр., собрание всех карт России, от изданной при Годунове до позднейшей; тут же все самые редкие сочинения, относящиеся до истории России и славянских народов вообще, от епископа Гельмольда до Карамзина. Собрание лексиконов на всех европейских языках не менее важно; вообще филологическая, историческая и статистическая части чрезвычайно богаты. По части словесности библиотека обладает всеми латинскими, немецкими, английскими и французскими классиками и вмещает в себе все лучшее, что было на-

печатано на русском языке. Русских старопечатных книг много; собрание рукописей и автографов не только обширное, но и весьма замечательное...» (Карлово // Иллюстрация. 1847. № 42. С. 282). Булгаринское собрание рукописей и автографов не сохранилось, о его библиотеке и ее судьбе см.: *Мацкевич Д.* Путевые заметки. II. Дерпт // Северная пчела. 1848. № 188. 23 авг.; *Воробьева Н. П.* О круге чтения Ф. В. Булгарина (по материалам его библиотеки) // Чтение в дореволюционной России / Сост. А. И. Рейтблат. М., 1995. Вып. 2. С. 79–90; *Салупере М.* Ф.В Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сб. статей. Таллинн, 2000. С. 146–161; *Рейтблат А. И.* Инскрипты на книгах из библиотеки Булгарина // Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 493–510.

[^^^]

Позднее Булгарин писал об этом несколько подробнее: «Все пожилые люди в Петербурге, вероятно, помнят графа Валицкого, жившего в начале нынешнего столетия в здешней столице, сперва в Большой Морской, в собственном доме, принадлежащем ныне отставному полковнику Норду, а потом в доме графа Браницкого (ныне князя Юсупова, на Мойке). В моих “Воспоминаниях” (т. 2) я уже говорил, что граф Валицкий вел секретным образом огромную торговлю драгоценными камнями во всей Европе и в Константинополе, чрез своих поверенных, и что главным поверенным его был француз Тремон, служивший прежде при кабинете последнего короля Польского Станислава Августа (Понятовского). Граф Валицкий подарил Тремону род альбома, в котором, между прочим, было описание всех драгоценных камней, находящихся у различных европейских государей, вес и цена этих драгоценных камней и их история. После смерти графа Валицкого Тремон подарил этот альбом г. Швендровскому, который

также служил в звании секретаря при покойном короле Польском Станиславе, а г. Швендровский, который был домашний друг зятя моего, Александра Михайловича Искрицкого, подарил этот альбом мне, в 1820 году. Сожалею, что не имею этого альбома теперь при себе, потому что он хранится в моей Карловской библиотеке. В этом альбоме находится рисунок огромного алмаза, означен вес его и цена, за которую купила этот алмаз у Лазарева императрица Екатерина II. Это самый большой алмаз из известных поныне во всем мире. В истории этого алмаза, писанной графом Валицким, сказано, что алмаз привезен Лазаревым из Восточной Индии. Величины алмаза, веса и цены не могу припомнить, но знаю, что он самый большой из всех известных алмазов» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1856. № 34. 11 февр.)

[^^^]

Станислав Август Король (*лат.*).

[^^^]

Вторая по значению после ордена Белого Орла государственная награда Речи Посполитой. Учрежден в 1765 г. королем Станиславом Августом Понятовским в память святого Станислава. С ликвидацией Речи Посполитой на некоторое время присуждение ордена прекратилось; восстановлен герцогом Варшавским Фридрихом-Августом I в 1809 г. после создания Герцогства Варшавского. По окончании наполеоновских войн, когда Варшавское герцогство как Царство Польское по решению Венского конгресса (1815) вошло в состав Российской империи, орден, разделенный на четыре степени, стал наградой для уроженцев Польши. В 1831 г., после подавления польского восстания, включен в Капитул российских орденов. В 1832 г. с него убрали изображение Св. Станислава, заменив его вензелями SS, польские орлы на орденском кресте были заменены двуглавыми орлами Российской империи. В 1839 г. был утвержден новый статут ордена, согласно которому он разделялся на три степени, теперь им мог быть награжден

любой подданный Российской империи и Царства Польского как за военные и гражданские отличия, так и за частные заслуги.

[^^^]

В нескольких скандалах эпохи Станислава Августа был замешан его камердинер Франтишек Рыкс (1732–1799), пользовавшийся неизменной любовью и полным доверием короля; в мае 1768 г. он получил шляхетство, а в 1774 г. староство Пясецкое. В 1797 г. Рыкс сопровождал Станислава Августа на пути из Гродно в Санкт-Петербург, был с ним на коронации Павла I в Москве, затем отправился в Варшаву для урегулирования финансовых дел короля и вернулся в Петербург в январе 1798 г., за несколько дней до смерти Станислава Августа. По словам мемуариста, умный и хитрый Рыкс имел большое влияние на короля, но, будучи добрым человеком, не делал никому вреда (см.: *Pamiętnik Jana Sagatyńskiego, byłego pazią króla Stanisława Poniatowskiego...* S. 61). Не удалось установить, о ком из бедных шляхтичей идет речь. На полях одного из экземпляров «Воспоминаний» Булгарина, хранящихся в РГБ, содержится запись, атрибутируемая П. В. Долгорукову, с комментарием к этому фрагменту: «Совер-

шенно справедливо. Это был Крейц, сын коего был генералом от кавалерии, женился на Офенберг и сплутовал себе, с помощью гр. Бенкендорфа, графство» (Сидоров И. Еще раз об анонимном «дипломе» и кн. П. В. Долгорукове // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 178). Имеется в виду выходец из курляндского баронского рода, родившийся в Минском воеводстве, Киприан Антонович (Циприан Гвальберг) Крейц. Службу он начал в Польше, был генерал-адъютантом при короле Станиславе Августе, в 1801 г. перешел в русскую службу полковником; впоследствии – генерал от кавалерии (1831); был женат на баронессе Каролине-Генриетте Оффенберг.

[^^^]

Станислав Август неожиданно умер 12 февраля 1798 г. (среди версий смерти была и версия об отравлении, см.: *Pamiętnik Jana Sagatyńskiego, byłego pазia króла Stanisława Poniatowskiego...* S. 88–90) и был похоронен с королевскими почестями в католическом храме Св. Екатерины. «На мертвого короля сам император надел корону, а в день его погребения ехал за гробом верхом до самого костела, с опущенной книзу шпагой» (*Карнович Е. П. Очерки и рассказы из старинного быта Польши.* СПб., 1873. С. 218). Описание церемонии см.: *Pamiętnik Jana Sagatyńskiego, byłego pазia króла Stanisława Poniatowskiego...* S. 91–94; *Ostatni rok życia króла Stanisława Augusta, czyli Dziennik prywatny opisujący jego pobyt w Rosyi objaśnieniami i historycznym wstępem opatrzył Lucyan Siemieński.* Kraków, 1862. S. 176–185. В 1938 г. останки Станислава Августа были переданы польскому правительству и перезахоронены в родовом поместье Понятовских под Брестом, после Второй мировой войны оказавшемся на территории СССР; в 1988 г. прах

последнего польского короля был передан Польше и находится в костеле Св. Иоанна в Варшаве. Историю поисков праха Понятовского см.: *Мілінкевіч А. У. Воўчынская гісторыя*. Гродна, 2004.

[^^^]

«Реквием» («Missa pro defunctis» ми-бемоль минор) для солистов, хора и оркестра, сочиненный на смерть польского короля Станислава Августа и впервые исполненный 28 февраля 1798 г. на церемонии его погребения в соборе Св. Екатерины, – одно из самых значимых произведений в наследии О. А. Козловского. Считается первым реквиемом в истории русской музыки.

[^^^]

А. В. Суворов умер 6 мая 1800 г. В очерке «Мысли о характере Суворова» Булгарин утверждал: «Ни один из российских героев не приобрел столь исполинской, всемирной славы, как Суворов. Он родился гением» (*Булгарин Ф. В. Сочинения. Изд. 2^е, испр. СПб., 1830. Ч. 1. С. 167*). В авторском обращении к читателю Булгарин писал, что был знаком с людьми, знавшими Суворова, «служил и был во многих битвах с суворовскими генералами, офицерами, солдатами», заявив: «В детстве моем я видал Суворова – и до сих пор еще помню черты его лица и всю его особу. Великий муж удостоил меня даже ласковым словом!.. Все это некоторым образом возлагало на меня обязанность составить очерк Суворова...» (*Булгарин Ф. В. Суворов. СПб., 1843. Ч. 1. С. 6*).

[^^^]

Перечислены победы русской армии под командованием А. В. Суворова во время итальянского и швейцарского походов (1799). За Швейцарскую кампанию Суворов получил звание генералиссимуса.

[^^^]

Независимая позиция А. В. Суворова, неприятие им насаждавшихся Павлом I прусских порядков в армии вызывали неизменный гнев императора. В феврале 1797 г. Суворов был уволен в отставку без права ношения мундира и жил в ссылке в своем новгородском имении. Из ссылки он был вызван после того, как Австрия обратилась к Павлу I с просьбой назначить Суворова командующим армией второй антифранцузской коалиции. После возвращения из знаменитых итальянского и швейцарского походов в ознаменование побед Суворов был пожалован «достоинством князя Российской империи с титулом Итальянского», с повелением «быть и писаться князем Итальянским графом Суворовым-Рымникским», в указе от 24 августа 1799 г. повелевалось «даже и в присутствии государя отдавать ему почести подобно отдаваемым особе его императорского величества» (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 67, 68. 23, 26 авг.), в Петербурге ему готовили торжественную встречу. Однако Суворов неожиданно

вновь попал в опалу, император отказался его принять. В Петербург он прибыл тяжелобольным и остановился на Крюковом канале, в доме Д. И. Хвостова (мужа своей племянницы), где и умер 6 (18) мая 1800 г. В «Санкт-Петербургских ведомостях» не было ни слова ни о кончине, ни о похоронах полководца, распоряжение Павла I «военные почести отдать покойному по чину фельдмаршала» лишь подтверждало опалу Суворова.

[^^^]

Речь идет о Михайловском замке.

[^^^]

Императорская публичная библиотека открылась в январе 1814 г., она разместилась в построенном для нее здании на углу Невского проспекта и Садовой улицы (архитектор Е. Т. Соколов, строительство длилось 15 лет), ее основой стала конфискованная после взятия Варшавы в 1794 г. библиотека братьев А. С. и Ю. А. Залуских, после их смерти ставшая национальной в 1780 г. и получившая название Библиотека Речи Посполитой имени Залуских.

[^^^]

Скорее всего, источником стали сведения, сообщенные со слов родственника А. В. Суворова, Д. И. Хвостова, которые Булгарин поместил в своем журнале (см.: А. Р. Последние дни жизни Суворова // Северный архив. 1822. Ч. 2. № 10. С. 256–263). Ср. отзывы других мемуаристов: «Князь Суворов на обратном пути заболел, и государь подверг его немилости самой несправедливой – печальное следствие его характера. <...> Гнев императора увеличил его болезнь и подвинул его к могиле. Он умер весной 1800 года и был похоронен в Александро-Невской лавре с военными почестями. Шествие проходило мимо моего дома. Никогда я не видела зрелища более трогательного. У всех военных было выражение самой глубокой скорби. По обе стороны улицы было много народа различных классов, и многие становились на колени. Государь следовал несколько минут за церемонией» (*Головина В. Н.* Указ. соч. С. 225); «Мы не могли добраться до его [Суворова] дома. Все улицы были загромождены экипажами и народом. Не

правительство, а Россия оплакивала Суворова <...> Я видел похороны Суворова из дома на Невском проспекте <...> За гробом шли три жалких гарнизонных баталиона... Гвардию не нарядили под предлогом усталости солдат после парада. Зато народ всех сословий наполнял все улицы, по которым везли его тело, и воздавал честь великому гению России» (*Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 172–174*).

[^^^]

О ласковом обращении Павла I с малолетними кадетами, которые «видели в нем не государя, а ласкового отца», вспоминают и соученики Булгарина – А. Н. Марин (*Марин С. Н. Указ. соч. С. 480–481*) и И. С. Жиркевич (*Жиркевич И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М., 2009. С. 18–19; см. также: Данченко В. Г., Калашников Г. В. Указ. соч. С. 222–224*).

[^^^]

В 1742 г. в Петербурге была учреждена Сенатская рота, 21 января 1764 г. переформирована в Сенатский батальон, который 27 января 1800 г. был переформирован в Сенатский полк из двух батальонов и вошел в состав армейской пехоты Санкт-Петербургской инспекции; с 28 января 1800 г. – мушкетерский генерал-майора Ушакова полк, с 29 марта 1801 г. – Литовский мушкетерский полк.

[^^^]

Известный русский прозаик, бывший при воспитании их императорских высочеств великих князей³³⁰.

[^^^]

Такого указа найти не удалось; возможно, эпизод носит характер исторического анекдота, однако фамилия Приказных связана с кадетским корпусом: с 1754 г. там учился Прокопий Приказный, см.: Алфавитный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря // Сборник Русского исторического общества. 1888. Т. 62. С. 183.

[^^^]

Переименование состоялось 10 марта 1800 г. Тогда же Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус стал Вторым кадетским корпусом.

[^^^]

Тогда кадеты присягали, потому что считались в службе.

[^^^]

Император Павел I был убит в Михайловском замке во время дворцового переворота в ночь на 12 марта 1801 г. См. воспоминания А. Н. Марина о присяге Александру I в корпусе: «В марте месяце, в Великом посту, в один день собрались мы в классы, но в 7 часов сделалась суматоха, явились в роты все наши офицеры и о чем-то тайно шептались, но вскоре тайна сделалась известною: государь Павел Петрович в эту ночь скончался. Нас тотчас вывели перед корпусом. Явились священники, принесли знамена. Нам объявили манифест, что государь скончался и взошел на престол старший его сын Александр Павлович. Мы тут же присягнули ему и весь тот день подписывались в данной нами присяге» (цит. по: *Марин С. Н. Указ. соч. С. 481*).

[^^^]

В журнальном варианте эта фраза отсутствует (Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. Раздел I. С. 252). П. А. Зубов был участником дворцового переворота.

[^^^]

Эта территория к западу от Летнего сада, на которой в XVIII в. проходили военные парады, в XIX в. стала называться Марсовым полем (от бога войны – Марса) по аналогии с Древним Римом и Парижем.

[^^^]

Наплавной мост через Неву в створе будущей Сенатской площади, соединявший центральную часть города с Васильевским островом, который получил название от расположенной рядом церкви Исаакия Далматского. После сооружения ниже по течению Невы постоянного Благовещенского моста был перемещен (в 1856 г.) выше по течению (к Зимнему дворцу) и стал называться Дворцовым.

[^^^]

Деревянный (наплавной в глубокой части русла) мост через Малую Неву в створе Малого проспекта Васильевского острова, соединявший Васильевский и Петровский острова. Перестроен в 1833–1835 гг. По одной версии, мост назван по имени подрядчика при его строительстве, купца А. Тучкова, по другой – инженера, строившего мост, А. В. Тучкова.

[^^^]

Гласис – земляная насыпь перед наружным рвом крепости, создаваемая для маскировки и защиты укрепления, а также для улучшения условий обстрела впереди лежащей местности.

[^^^]

Церемониал похорон был разработан Петром I по европейским стандартам, некоторые изменения были внесены Павлом I при переносе тела Петра III из Александро-Невской лавры в Петропавловский собор, с их учетом проводились похороны Александра I – первое официальное погребение в XIX в., так как похороны Павла I «прошли скоротечно», через 11 дней после смерти императора (см.: *Зимин И. В.* Царская работа, XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011. С. 138–143). Мемуаристы (Н. И. Греч, А. С. Шишков и др.) отмечали отсутствие печали и скорби у очевидцев; по словам А. Х. Бенкендорфа, «только одна императорская семья сохраняла ту грусть и то достоинство, которое должно сопровождать эту величавую церемонию» (цит. по: *Высочков Л. В.* Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. С. 262).

Гербовник (*польск.*)

[^^^]

То есть из числа потомков варяга, новгородского князя Рюрика (? – 879), и великого князя литовского с 1316 г. Гедимина (ок. 1275 – 1341).

[^^^]

Имеется в виду Ян II Казимир Ваза.

[^^^]

Имеется в виду Польско-шведская война
1600–1611 гг.

[^^^]

См. примеч. 251 на с. 284.

[^^^]

СМ.: *Niemcewicz J. U. Żywot Tadeusza Reytana*
// Sybilla Nadwiślańska: dziennik narodowy
polityce, historii, literaturze i rzeczom krajowym
poświęcony. 1821. T. 1. № 3. S. 185, 188.

[^^^]

Булгарин поместил в Приложении сокращенный и отредактированный текст газетной статьи (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1776. № 104. 27 дек. Прибавление). Он осовременил текст орфографически и стилистически, убрал громоздкие формулы вежливости, необходимые при описании событий, касающихся императорских особ.

[^^^]

«Любовные безумства» (*фр.*) – маскарадная буффонная комедия (1704) французского комедиографа Жана Франсуа Реньяра.

[^^^]

Актером-любителем, «отличившимся на придворной сцене в Санкт-Петербурге, при Екатерине II (1776)», считают графа Акселя Вильгельма Вахтмейстера (1701–1763), камергера и шталмейстера Петра III (см.: Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря // Сборник Русского исторического общества. 1887. Т. 60. С. 89). Однако в 1776 г. его уже не было в живых; скорее всего, участником спектакля был его сын Карл Фридрих – он указан наследником А. В. Вахтмейстера в официальном документе, подписанном императрицей Екатериной II 21 октября 1762 г. (см.: ПСЗРИ. Собр. I. СПб., 1830. Т. XXVI. 11.688).

[^^^]

Участник спектакля А. Н. Трубецкой приходился шурином хозяину праздника: А. А. Вяземский был женат на сестре Трубецкого, Елене Никитичне (1745–1832).

[^^^]

Княжна Екатерина Александровна Вяземская.

[^^^]

В доме князя А. А. Вяземского был разыгран одноактный балет на сюжет из «Метаморфоз» Овидия: композитор – граф Штенбок (Штенбок), балетмейстер – итальянец Д. М. Г. Анджолини. Главные роли исполняли артисты придворного театра: Галатея – В. М. Михайлова (в тексте допущена опечатка: вместо фамилии Михайлова – Михайловна), Пигмалион – Т. С. Бубликов.

[^^^]

В газетном варианте: «На конец представлена была Наталией Григорьевной и Марией Григорьевной Тепловыми и графом Вахмейстером опера комик в два акта, называемая “La Servante Maîtresse”». На празднике была сыграна французская версия оперы-интермеццо Дж.Б. Перголези «Служанка-госпожа» («La serva padrona», 1733), в которой предприимчивая горничная женит на себе своего господина; в 1752 г. опера была поставлена итальянской труппой в Париже как самостоятельное произведение, положив начало французской комической опере. В России получила популярность благодаря приглашенному Екатериной II придворному композитору Джованни Паизиелло (1741–1816), написавшему на известный сюжет оперу-буфф: по словам А. Н. Энгельгардта, «из всех театральных зрелищ» императрица «более всего жаловала итальянскую оперу-буфф» (цит. по: *Михневич В.* Очерк истории музыки в России. СПб., 1879. С. 187).

[^^^]

Музыкантом и актером-любителем «при дворе Екатерины II» называют как князя Петра Васильевича Хованского, камергера, сына шталмейстера В. П. Хованского (см.: *Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря // Сборник Русского исторического общества. 1888. Т. 62. С. 405*), так и князя Василия Алексеевича Хованского, капитана лейб-гвардии Семеновского полка, с 1775 г. флигель-адъютанта генерал-фельдмаршала А. М. Голицына. Кандидатура последнего представляется более убедительной: о его участии в подобных домашних концертах и спектаклях сохранилось свидетельство Алексея Б. Куракина (см.: *Восемнадцатый век: Ист. сб. М., 1904. Т. 1. С. 60–61*; см. о нем также: *Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. СПб., 2005. Т. 1. С. 257*); в пользу князя Василия Алексеевича говорит и возраст: в 1776 г. ему 21 год, в то время как

П. В. Хованскому уже 52.

[^^^]

В газетном оригинале: «...граф Штейнбок, который сочинил и музыку в антрактах и балете». Вероятнее всего, речь идет о графе Я. Ф. Стенбоке (Стейнбоке), принадлежавшем к древнему шведскому роду, композиторе-любителе, в середине 1770-х гг. – ротмистре Конной гвардии (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1777. СПб., 1777. С. 24), впоследствии отставном бригадире, родственнике Г. Р. Державина по его второй жене Дарье Алексеевне Дьяковой. Стенбок был женат вторым браком на ее старшей сестре Екатерине, ему адресовано державинское послание «Графу Стейнбоку» (1807). О своем знакомстве в Петербурге «с графом Штейнбоком, капитаном-кавалеристом, прекрасно играющим на клавесине и очень милым в обществе», пишет и М. Д. Буррэ де Корберон (*Буррэ де Корберон М. Д.*) Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1907. С. 33).

[^^^]

В газетной статье далее следовало подробное описание декораций, представлявших каждое время года.

[^^^]

Приложение представляет собой сокращенный и отредактированный материал газетной статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей» (1779. № 55. 9 июля). Статья была помещена на первых страницах номера и не имела названия, Булгарин взял из нее часть, посвященную прогулке императрицы.

[^^^]

В газетном варианте было: «...впереди никакого следа и привлекательного вида...».

[^^^]

Петергоф – императорская загородная резиденция, расположенная на берегу Финского залива, основана в 1711 г. Екатерина II не любила Петергоф, напоминая ей о годах жизни при царском дворе в бытность великой княгиней, супругой Петра III, однако заботилась о своей приморской резиденции.

[^^^]

Отдельное издание – СПб.: Д. М. Ольхин, 1846.
Цензурное разрешение 6 октября 1845 г., цензор А. Никитенко; журнальное издание: Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 1–112.
Цензурное разрешение 31 декабря 1845 г., цензоры: А. Никитенко, А. Фрейганг, А. Очкин.

[^^^]

В журнальном варианте фамилия дается в транскрипции де-Брольи (Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 1). Речь идет представителях известной аристократической семьи французских эмигрантов – принцах де Брольи-Ревель (Броглио – латинизированная форма фамилии, в России братьев обычно именовали князьями де Броглио). Из трех братьев, выпущенных из Сухопутного шляхетского (Первого) кадетского корпуса офицерами в гвардию, в антинаполеоновских войнах погибли двое: старший Август – под Аустерлицем, младший Шарль (в России использовалась и другая форма его имени – Карл) – под Кульмом. Во Францию в 1816 г. вернулся вместе с матерью средний брат Альфонс – георгиевский кавалер, участник почти всех знаменитых сражений с Наполеоном, в том числе под Бородино.

[^^^]

«Манифест о кончине императора Павла I и вступлении на престол императора Александра I» был обнародован 12 марта 1801 г., в нем сообщалось, что император Павел Петрович скончался «скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 число сего месяца»; Александр, принимая императорский всероссийский престол, вместе с ним принял на себя «обязанность управлять Богом <...> врученный народ, по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великия».

[^^^]

Поскольку речь идет о первом дне праздника, то имеется в виду главный христианский праздник – Пасха, или Светлое Воскресение Христово, за которым следует праздничная неделя, называемая Светлой седмицей.

[^^^]

Эсперанс (от *фр.* espérance – надежда) – одна из экстравагантных причесок, появившихся в период Директории.

[^^^]

Помощник санкт-петербургского второго (первым был великий князь Александр Павлович, см. примеч. 211 к первой части) военного генерал-губернатора П. А. Палена, участник антипавловского заговора, И. С. Горголи после восшествия на престол Александра I сделал стремительную карьеру: с 1801 г. – подполковник, с 1803 г. – полковник. Н. И. Греч называет его «образцом рыцаря и франта»: «...никто не одевался с таким вкусом, как он» (*Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 195*).

[^^^]

Палевый (от *фр.* paille – солома) – бледно-желтый, похожий на цвет соломы.

[^^^]

Буквально: собачьи уши (*фр.*); название мужской прически, при которой волосы зачесывались на уши, доходя до воротника.

[^^^]

Буквально: нелепый, несуразный (*фр.*); название стиля щеголей наполеоновского времени.

[^^^]

БЫВШИЙ ПОТОМ ПОПЕЧИТЕЛЕМ Казанского университета, человек, который войдет в историю России XIX века.

[^^^]

Парижский мирный договор был подписан
(26 сентября) 8 октября 1801 г.

[^^^]

По особенному случаю эта трость-палица досталась мне и хранится у меня.

[^^^]

Буквально: права человека (*фр.*); название тяжелой трости, вошедшей в моду в период Французской революции.

[^^^]

К. Ф. Герману принадлежат первые в отечественной науке опыты теоретической и практической статистики («Теория статистики» (1806); «Материалы для Российской статистики» (1806), «Описание Таврической губернии» (1806–1807), «Материалы для Российской статистики. Статистическое описание Ярославской губернии» (1808)); под его редакцией в 1806–1808 гг. издавался Академией наук «Статистический журнал» (первое на русском языке издание подобного рода); с 1811 г. он руководил статистическим отделением Министерства полиции, затем Министерства внутренних дел.

[^^^]

501

Помощник, заместитель, ассистент в учебных заведениях и в Академии наук.

[^^^]

Ламзаль – город в Лифляндской губернии, после 1917 г. – г. Лѳмбажи в Латвии.

[^^^]

В русской армии в период Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. было несколько генералов Кноррингов (в том числе Богдан Федорович фон Кнорринг (1746–1825) и его брат Отто Федорович фон Кнорринг (1759–1812)), однако они не были ее участниками. Можно предположить, что речь идет о полковнике Карле Богдановиче фон Кнорринге (1775–1817), командире Татарского уланского полка, который в 1809 г. участвовал в походе русских войск в Галицию, в генерал-майоры произведен в 1812 г.

[^^^]

«Вестник Европы» (Москва; 1802–1830) – журнал, созданный Н. М. Карамзиным и редактируемый им в 1802–1803 гг. На страницах литературного отдела увидели свет произведения Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского и проза самого Карамзина. Булгарин высоко ценил журнальную деятельность Карамзина, см. его очерк «Встреча с Карамзиным» в настоящем издании.

[^^^]

«Московский Меркурий» (Москва, 1803) – литературный журнал. Журнал отличался сентиментальным направлением, близким к журналам Карамзина.

[^^^]

А. П. Сумароков, с деятельностью которого связано становление русской драматургии, обучался в Сухопутном корпусе с 1732 по 1740 г. Начало русскому драматическому репертуару положила трагедия Сумарокова «Хорев», поставленная Ф. Г. Волковым и И. А. Дмитриевским сначала в Ярославле, а затем с большим успехом в 1749 г. в Сухопутном корпусе.

[^^^]

Созданная в Сухопутном шляхетском корпусе любительская труппа под руководством А. П. Сумарокова была лучшей непрофессиональной труппой, игравшей в 1740–1800-е гг., кроме кадетов и офицеров в нее вошли присланные из Ярославля актеры-разночинцы во главе с Ф. Г. Волковым. Спектакли ставились как в корпусе, так и при дворе. 30 августа 1756 г. был издан указ Елизаветы Петровны об учреждении постоянного публичного русского императорского театра «для представления трагедий и комедий», директором которого был назначен Сумароков.

[^^^]

Бывшего потом генерал-поручиком и директором 2-го Кадетского (прежнего Инженерного) корпуса.

[^^^]

Скончавшегося в чине действ[ительного] тайного советника и оказавшего большие услуги государству.

[^^^]

Бальные танцы входили в число изучаемых в корпусе изящных искусств, уроки танца проводились три раза в неделю по четыре часа. Танцмейстером в 1734 г. был приглашен француз Ж. Б. Ланде. Уровень танцевальной подготовки кадетов Шляхетского корпуса был так высок, что их приглашали выступать в танцах кордебалета итальянской оперно-балетной труппы Ф. Арайя и в придворных спектаклях. 4 мая 1738 г. императрица Анна Иоанновна подписала прошение Ланде об организации танцевальной школы.

[^^^]

Сатурн – в римской мифологии один из самых древних богов, отец Юпитера; с Сатурном связывалось представление о золотом веке.

[^^^]

Речь идет о победах российского оружия над турками в крупнейших сражениях XVIII в.: 21 июля (1 августа) 1770 г. на р. Кагул (приток Дуная) под командованием П. А. Румянцева-Задунайского и 11 (22) сентября 1789 г. на р. Рымник, когда 25-тысячный отряд под командованием А. В. Суворова одержал победу над 100-тысячной турецкой армией, а также о знаменитых битвах мировой истории: Фермопильском сражении (в сентябре 480 г. до н. э. в узком ущелье Фермопилы героически погибли 300 спартанцев, преградив путь персидскому войску царя Ксеркса I) и Марафонской битве (12 сентября 490 г. до н. э.), закончившейся победой греков над армией персидского царя Дария.

[^^^]

513

Из библейского псалма (Пс. 136: 1), повествующего о вавилонском пленении евреев; библейская песнь плененных и гонимых, рыдающих у чужих берегов и тоскующих о родине.

[^^^]

514

Книга Ветхого Завета, состоящая из 150 песен
(псалмов).

[^^^]

В басне А. Е. Измайлова «Слон и собаки» (1824) выведены «Брылан, задорный беглый пес» и «Брех, пудель сухощавый» (Греч) (см.: Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959. С. 353–354). Цензура не пропустила басню в печать (опубликована в «Литературной газете» лишь через несколько лет, 21 апреля 1831 г.), однако в «Московском телеграфе» был помещен очерк-памфлет «Медвежья травля», в котором фигурировали «славный польский пес» Брылан и его хозяин, «сухощавый немец» (Московский телеграф. 1825. № 21. С. 416–418). В других сатирических произведениях Измайлова Булгарин предстает как «Задорный пес Фаддей» («Песня», 1824; впервые: Русская старина. 1875. № 12. С. 753) и «польский задорный наш пес» («Сленина лавка», 1824; впервые: Русский архив. 1864. Вып. 7 и 8. С. 812), см.: Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. С. 376–378). Одно из самых известных сравнений подобного рода принадлежит А. Ф. Воейкову в его сатире «Дом сумасшедших»:

Тут кто? – «Плúтова собака
Забезжала вместе с ним».
Так, Флюгарин-забияка
С рыльцем мосичьим своим <...>
(Поэты 1790–1810♦х годов. Л.,
1971. С. 300).

[^^^]

Роман аббата Бартелеми (*Voyage de jeune Anacharsis en Grèce par l'Abbè Barthélemy*, Paris, 1788) в увлекательной форме рассказывал о жизни в Древней Греции. См. также примеч. 98 на с. 351.

[^^^]

Одну из взятых книг Булгарин попытался присвоить, о чем перед его выпуском из корпуса библиотекарь И. И. Фоларт докладывал начальству: «От всех, кроме от Булгарина я книги получил, у Булгарина осталась книга под названием “Древняя история” часть I-я». В итоге Булгарин книгу вернул (см.: *Рейтблат А. И. Инскрипты на книгах из библиотеки Булгарина // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы.* М., 2016. С. 493).

[^^^]

Почести меняют нравы (*лат.*). Крылатое выражение, восходящее к сочинению Плутарха «Жизнь Суллы», где рассказывается, как изменился мягкий и сострадательный Сулла, став диктатором.

[^^^]

В исторической повести Н. М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» (Вестник Европы. 1803. № 1–3) проявились новые, ранее не свойственные ему черты (историзм, пафос гражданственности), оказавшие влияние на его стиль.

[^^^]

Стихотворный роман «Гонсальв Кордовский» (1791) Ж. Флориана (русский перевод Г. Шиповского: Гонзалв Кордуанский, или Возвращенная Гренада. СПб., 1793).

[^^^]

Роман Ж. Ф. Мармонтеля (1777), отличавшийся, как и другие его произведения, изысканным и тяжеловесным языком (русский перевод М. В. Сушковой: Инки, или Разрушение Перуанской империи. М., 1778; переиздания: 1782, 1801 и 1819).

[^^^]

поэтическая или цветистая проза (*фр.*).

[^^^]

Дидактический роман М. М. Хераскова (Ч. 1–2. М., 1789).

[^^^]

Характеристике Булгарина, для которого выходы за пределы классической силлаботоники («безрифменные», по его словам, стихи) означали отказ от ритма и размера, отвечают драматические произведения М. П. Погодина («Марфа, посадница Новгородская» (М., 1830) и А. С. Хомякова («Ермак» (отд. изд. М., 1832) и «Димитрий Самозванец» (отд. изд. М., 1833)) – оба автора в название включили отмеченное Булгариным жанровое определение «трагедия в стихах». Однако после появления критической рецензии Н. А. Полевого на первые части «Воспоминаний» Булгарин в своем полемическом ответе заявил, что речь шла о пьесах Полевого, обидой последнего объяснив критический характер его отзыва (см. в приложении: «Полемика Н. А. Полевого и Ф. В. Булгарина по поводу булгаринских “Воспоминаний”»).

Речь идет о двух младших братьях – Альфонсе и Шарле Броглио.

[^^^]

Речь идет о Шарле Броглио.

[^^^]

Имеется в виду Е. А. Клингер.

[^^^]

528

Имеется в виду Август Броглио.

[^^^]

И. И. Дибич умер от холеры в Польше 29 мая
1831 г.

[^^^]

530

Имеется в виду Альфонс Броглио.

[^^^]

В XIX в. была создана рефлекторная теория нервной деятельности (Ч. Белл, Ф. Мажанди, И. Мюллер), с тех пор сравнение действия рецепторных нервов с клавишами пианино используется в науке. Булгарин интересовался современными трудами по физиологии и медицине (см.: *Малис Ю. Г.* Пирогов и Булгарин (Страница из биографии Пирогова). СПб., 1902). Можно предположить, что он читал книгу венского физиолога чешского происхождения Йиржи (Георге) Прохазки (Прохаски) (1749–1821), который дал определение нервной системы как аппарата, проводящего возбуждение, и первым распространил понятие о рефлексе на всю деятельность нервной системы. На русский язык был переведен Д. М. Велланским его учебник. Действие проводящей нервной силы («электрического напряжения») сравнивалось в нем с «музыкальными тонами»: «...сотрясения, производящие тоны, должны быть сходственны с сопряжениями электрического напряжения жизненных процессов» (*Прохаска Г.* Физиология, или Нау-

ка о естестве человеческом. СПб., 1822. С.
73–74).

[^^^]

Обвиненный в богохульстве и развращении юношества, Сократ был приговорен к смертной казни и принял яд.

[^^^]

Французский поэт Н.-Ж.-Л. Жильбер своими сатирическими произведениями приобрел многочисленных врагов, слухи приписывали ему самоубийство в припадке отчаяния.

[^^^]

Ошибочно приписанная И. И. Дмитриеву неточная цитата из вольного перевода последних строк басни Ж. Лафонтена «Кошка, превращенная в женщину» в очерке Н. М. Карамзина «Чувствительный и холодный. Два характера» (1803): «Мы вечно то, чем нам быть в свете суждено. / Гони природу в дверь: она влетит в окно».

[^^^]

Речь идет о трагедии Г. Э. Лессинга (1772) и драме Ф. Шиллера (1784).

[^^^]

Н. И. Гречу принадлежат несколько работ по русской грамматике: «Пространная русская грамматика» (Т. 1. СПб., 1827), «Практическая русская грамматика» (СПб, 1827) и выдержавший 11 переизданий в течение 30 лет учебник «Начальные правила русской грамматики» (СПб., 1828; с 1843 г. – под названием «Краткая русская грамматика»).

[^^^]

Речь идет о Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

[^^^]

Речь идет о сражении при Росбахе (Саксония)
5 ноября 1757 г.

[^^^]

Ошибка или опечатка: речь идет о В. А. Всеволожском.

[^^^]

540

Не удалось установить, о какой кантате идет речь.

[^^^]

Украинская народная свадебная песня, была популярна (в обработке О. А. Козловского) в конце XVIII в.

[^^^]

Положенное на музыку стихотворение Г. Р. Державина «Кружка» (1777).

[^^^]

Волжская Булгария, государство, существовавшее в X–XIII вв. в Среднем Поволжье и бассейне Камы, населенное тюркоязычными племенами.

[^^^]

В обыкновенном разговорном языке говорится: посвящение или рукоположение в архиерея.

[^^^]

545

Правильно: «От восток Солнца до запад
хвально имя Господне» (Пс. 112: 3).

[^^^]

Булгарин ошибся: в доме, перешедшем по наследству от И. П. Елагина его воспитаннице (возможно, внебрачной дочери) А. И. Байковой размещался трактир (гостиница) «Рим», в котором жило много иностранцев. Современный адрес: ул. Большая Морская, д. 38. Трактир «Гродно» находился на Новой Исаакиевской улице, в нем, судя по объявлениям об отъезжающих, останавливались выходцы из Польши и Литвы (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1800. № 104. 28 дек.).

[^^^]

Орден иезуитов, мужской монашеский орден Римско-католической церкви, основанный в 1534 г. Игнатием Лойолой, активно занимался образовательной и миссионерской деятельностью. В 1816 г. иезуиты были высланы из обеих столиц, а в 1820 г. – из России.

[^^^]

Первая рота, гренадерская, была самая *меньшая*. Из гренадерской роты переводили во вторую роту (которую тогда командовал подполковник Никита Васильевич Арсеньев) и в третью роту майора Ранефта. Из третьей роты переводили в пятую, а из второй в четвертую, которую командовал полковник Готовцев, а капитаном был Михайла Степанович Перский, бывший потом инспектором классов и директором корпуса. Впоследствии (уже без меня) четвертая рота названа первой и гренадерскою. Из четвертой и пятой роты выпускали в офицеры.

[^^^]

О честности А. П. Боброва ходили легенды, он вошел в число лесковских «праведников» (см.: *Лесков Н. С.* Один из трех праведников. (К портрету Андрея Петровича Боброва) // Исторический вестник. 1885. № 1. С. 80–85).

[^^^]

Орден Св. равноапостольного князя Владимира в 4 степенях за военные отличия и гражданские заслуги. Учрежден в 1782 г. Крест на шейной ленте указывал на 3-ю или 2-ю степень ордена; чин статского советника позволял А. П. Боброву быть награжденным орденом Св. Владимира 3-й степени.

[^^^]

сохранить лицо (*фр.*).

[^^^]

Неудачная попытка организовать полет воздушного шара была предпринята 16 октября 1802 г. итальянцем Черни, находившимся на службе в России. Полет не состоялся из-за поломки «газодобывательного аппарата».

[^^^]

Представление окончено (*ит.*).

[^^^]

Французский воздухоплаватель А.-Ж. Гарнерен вместе со своей женой совершил 20 июня 1803 г. удачный подъем на воздушном шаре «в присутствии императорской фамилии и великого стечения зрителей» ([Гарнерен А.-Ж.] Подробности трех воздушных путешествий, предпринятых г. Гарнеренем в России. М., 1803. С. 7). Шар опустился в лесу в районе Малой Охты.

[^^^]

В 1803 г. Гарнерен совершил еще два полета: один 18 июля в Петербурге и второй 20 сентября в Москве. При полете в Петербурге вместе с ним поднялся на воздушном шаре генерал С. Л. Львов.

[^^^]

Бонвиван, весельчак, человек, любящий пожить в свое удовольствие (*фр.*).

[^^^]

Так было во всех немецких войсках, и теперь в обыкновенном разговорном немецком языке и в шведском полковые музыканты называются *кларнетистами*.

[^^^]

Популярный в Германии вплоть до XX в. марш, названный в честь прославленного прусского полководца Леопольда Ангальт-Дессауского (1676–1747).

[^^^]

Книга для чтения, хрестоматия (нем.).

[^^^]

Речь идет о хрестоматии П. С. Железникова «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам Первого кадетского корпуса» (Ч. 1–4, СПб., 1800–1804). См. о ней: *Теплова В. А.* «Сокращенная библиотека» П. С. Железникова // Учен. зап. Горьковского ун-та. Сер. ист.-филол. 1966. Вып. 78. С. 403–413.

[^^^]

Н. И. Греч видел в хрестоматии П. С. Железникова источник либеральных идей, сформировавших мировоззрение К. Ф. Рылеева (выпускника корпуса): «Откуда залезли в его хамскую голову либеральные идеи? Прочие заговорщики воспитаны были за границую, читали иностранные книги и газеты, а этот неуч <...> откуда набрался этого вздору? Из книги: “Сокращенная библиотека”, составленной для чтения кадет учителем корпуса, даровитым, но пьяным Железниковым, который помещал в ней целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов. <...> Заманчивые идеи либерализма, свободы, равенства, республиканских доблестей ослепили молодого недообразованного человека!» (Греч Н. И. Указ. соч. С. 444–445).

[^^^]

В начале царствования Александр I демонстративно подчеркивал продолжение внутривполитического курса Екатерины II. В Манифесте о его вступлении на престол говорилось, в частности: «Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия, коей память нам и всему отечеству вечно пребудет любезна» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2. С. 6).

[^^^]

Л. А. Нарышкин приходился внуком Льву Кирилловичу Нарышкину, родному брату матери Петра I, царицы Натальи Кирилловны.

[^^^]

По расчетам С. М. Соловьева, свидание Петра III со свергнутым четвероюродным братом могло состояться 22 марта 1762 г. См.: *Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1994. Кн. 13. С. 74.*

[^^^]

Рассказ Нарышкина отчасти совпадает с рассказом видевшего Иоанна Антоновича Н. И. Панина английскому посланнику Дж. Кейту: «Тогда Ивану было больше двадцати лет, он был “очень белокур, даже рыж, роста среднего, очень бел лицом, с орлиным носом, имел большие глаза и заикался”» (цит. по: *Анисимов Е. В. Иоанн VI Антонович. М., 2008. С. 279*).

[^^^]

Н. И. Куракина была известна любовью к театру и музыке: она играла на арфе и сочиняла романсы. И. И. Дмитриев посвятил ей мадригал «К альбому кн. Н. И. Куракиной»:

*Что пред соперницей Эраты наше
пенье!*

*Она лишь голосом находит путь
к сердцам,*

*Я лиру положу Куракиной к ногам
И буду сам внимать в безмолв-
ном восхищенье.*

(Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 361).

[^^^]

Однако графиня Р. С. Эдлинг так вспоминала о С. В. Строгановой: «Будучи очаровательно умна, она постоянно давала чувствовать свое превосходство. Потребно много искусства, чтобы скрывать такое обилие прелестей и добродетелей» (Из записок графини Эдлинг // Русский архив. 1887. Кн. 1. С. 224).

[^^^]

Отношения России и Англии были осложнены захватом Англией в 1800 г. Мальты (Павел I был Великим магистром Мальтийского ордена) и нормализованы лишь после убийства императора Павла. Александр I видел в союзе с Англией возможность оказывать давление на Францию. Однако 8 октября 1801 г. по поручению императора российский посол граф А. И. Марков подписал с Ш.-М. Талейраном Парижский мирный договор, поскольку 1 октября, неделей ранее, в Лондоне был подписан прелиминарный договор между Англией и Францией.

[^^^]

Речь идет о «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 21 апреля 1785 г. Часть закрепленных в ней прав дворянского сословия была ограничена либо уничтожена при Павле I. Александр I восстановил ее действие в полной мере.

[^^^]

Тайная экспедиция при Сенате, осуществлявшая функции политического сыска, была ликвидирована высочайшим указом от 2 апреля 1801 г.

[^^^]

Речь идет о восстановлении действия Грамоты на права и выгоды городам Российской империи, изданной Екатериной II 21 апреля 1785 г.

[^^^]

Павел I указом от 26 декабря 1796 г. значительно ужесточил режим въезда и пребывания иностранцев на территории России, ранее установленный Екатериной II (в том числе в Манифесте от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах»).

[^^^]

При Александре I было основано пять университетов: Дерптский (1802), Виленский (1803), Харьковский и Казанский (1804), а также Педагогический институт в Петербурге (1804), преобразованный в 1819 г. в университет.

[^^^]

Российско-американская компания (1799–1867), получившая торгово-промышленную монополию на торговлю и промыслы в Русской Америке (Аляска), была учреждена еще при Павле I. В 1801 г. ее правление было переведено из Иркутска в Санкт-Петербург, а члены императорской фамилии, включая самого Александра I, вошли в число ее акционеров. Беломорская торговая рыбопромысловая компания была создана по указу Сената в 1803 г. и ликвидирована как убыточная в 1813 г.

[^^^]

Первое русское кругосветное плавание на шлюпах «Надежда» и «Нева» было совершено в 1803–1806 гг.

[^^^]

Речь идет о так называемых военных поселениях – попытках прикрепить регулярную армию к земле и сочетать военную службу с сельскохозяйственным трудом. Первая попытка их создания относится к 1810 г., однако в связи с войной 1812 г. расширение эксперимента было отложено до 1817 г. Военные поселения были упразднены лишь в 1857 г., при Александре II.

[^^^]

По результатам конституционного референдума, проведенного 10 мая 1802 г., Наполеон Бонапарт был провозглашен пожизненным консулом.

[^^^]

Речь идет о подписании 15 июля 1801 г. конкордата между правительством Франции и папой Пием VII.

[^^^]

Амьенский мирный договор 25 марта 1802 г. был заключен между Францией, Испанией и Батавской республикой (Нидерландами), с одной стороны, и Англией, с другой.

[^^^]

Русская придворная императорская труппа была создана указом Елизаветы Петровны в 1759 г., в 1803 г. от нее отделилась русская оперная труппа, однако это разделение в начале XIX в. было условным; спектакли шли на разных площадках: в Эрмитажном театре (для близкой ко Двору публики), на сценах Малого (Деревянного) театра и Большого (Каменного). Французская драматическая и оперная труппа существовала в Петербурге с середины XVIII в. до ноября 1812 г., ее выступления шли на сцене придворного Эрмитажного театра, затем (с 1803 г.) на сцене Малого (Деревянного) театра. Немецкая труппа, сформированная в 1798–1799 гг. антрепренером И. Мирре, составила Новый, или Немецкий, театр, который в 1799–1819 гг. помещался на Дворцовой площади в здании Главного штаба. В начале XIX в. театр, включающий оркестр, драматическую, оперную и балетную труппы, был присоединен к Театральной дирекции. Итальянскую оперу составляла труппа итальянского импресарио Антонио Казасси, ра-

ботавшего в России с 1780 г., труппа работала в Малом (Деревянном) театре, специально построенном для нее в 1801 г.; здание располагалось на месте современного Екатерининского сквера и было разрушено при строительстве Александринского театра. В 1803 г. труппа была принята в ведомство Дирекции императорских театров. Последние спектакли она дала в 1806 г.

[^^^]

С. П. Жихарев записал в дневник в 1805 г.: «Вот Маджорлетти так певица! тоже немолода и нехороша: зубы хуже зубов всякой московской купчихи, уголь углем, а заслушаешься» (*Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 35*).

[^^^]

«Яковлев! какое действие производил этот человек на публику – это непостижимо и невероятно! <...> одним стихом он умел выразить весь характер представляемого им героя, всю его душу и, может быть, свою собственную» (*Жихарев С. П. Указ. соч. С. 324–325*).

[^^^]

Булгарин писал в некрологе Е. С. Семеновой: «Незаметно померкла одна из блистательнейших звезд на артистическом горизонте первой четверти нашего XIX века. <...> умершая княгиня Гагарина – знаменитая Катерина Семеновна Семенова, первая русская трагическая актриса, которая навсегда останется незабвенною в истории русского театра, как памятни будут в истории французской сцены современницы ее, Жорж и Дюшенуа. Всех этих артисток видели мы в полном цвете их таланта, во всей их славе. Не бывало никогда, что Катерина Семеновна Семенова не приводила в восторг публики, не потрясала сердец своею игрою, не заставляла зрителей хлопаться единодушно. <...> Нельзя определить с точностью времени ее дебюта, потому что, находясь еще в Театральной школе, она играла небольшие роли во всех родах, даже в операх, как например в “Илье Богатыре” (соч. И. А. Крылова), в “Князе-невидимке” [опера К. А. Кавоса, текст Е. Лифанова] и т. п. Первая драматическая роль, обратившая на К. С. Семено-

ву внимание знатоков и истинных любителей сцены, особенно незабвенного Алексея Николаевича Оленина и драматического писателя князя Александра Александровича Шаховского, была роль в драме Сергея Николаевича Глинки “Наталья, боярская дочь”. После представления этой драмы князь А. А. Шаховской взялся обучать К. С. Семенову игре и декламации, т. е. тому, что внушает и чему обучает только природа. Но тогда имели другое понятие о природе. Тогда была природа настоящая и природа сценическая или условная, и артисту надлежало учиться выражать страсти движениями и голосом. Первое истинное торжество К. С. Семеновой было в появившейся в то же время трагедии Озерова “Эдип в Афинах”, представленной в первый раз 23 ноября 1804 года. Вся знать, все литераторы, все художники были на этом представлении, и К. С. Семенова увлекла всех, исторгла слезы, возбудила общий энтузиазм. В городе только и было толков, что о новой трагической актрисе. Все хотели ее видеть, и, увидев, признавали ее первенство на сцене. При превосходной игре она увлекала всех необычно-

венною своею красотою и голосом, проникавшим в душу. После роли Антигоны К. С. Семенову взялся обучать Н. И. Гнедич, литератор в душе, человек с дарованием и, по тогдашним понятиям, отличный чтец и декламатор. Тогда во всей Европе читали и декламировали стихи *нараспев*, а иногда даже со всхлипыванием. Натуры в этом чтении не было ни капли! Подражая Расину, Корнелю, Кребилиону, писатели воображали себе, что подражают древним грекам и римлянам, и потому артисты должны были, в подражание древним актерам, *кантировать* стихи, т. е. читать их нараспев. Но как ни старались исказить природное дарование К. С. Семеновой, оно побеждало ложную науку, когда артистка увлекалась ролей и действовала по вдохновению, а это случалось с нею в каждое представление, к великой досаде ее классических учителей. Лучшие роли ее были Медея и Клитемнестра. Во время пребывания в Петербурге знаменитой французской трагической актрисы госпожи Жорж, с 1809 года до начала несогласий с Франциею пред 1812 годом, К. С. Семенова соперничала с артисткою, которой удивлялась

и которую превозносила вся Европа. Иные находили, что К. С. Семенова переняла кое-что у г-жи Жорж, особенно в жестах. В последний раз К. С. Семенова играла 29 ноября 1826 года, в плохом переводе М. Е. Лобанова Расиновой “Федры”. После отставки К. С. Семенова вышла замуж за сенатора князя Ивана Алексеевича Гагарина и переселилась с ним в Москву. Года за три пред сим, по домашним делам (уже по кончине своего супруга) она переехала в Петербург и еще играла на домашнем театре истинного любителя и читателя народных дарований Александра Карловича Галлера. Мы бывали на этих представлениях и восхищались игрою К. С. Семеновой, особенно в роли Медеи. Бесспорно, что К. С. Семенова одарена была от природы высоким талантом, какие рождаются веками! В истории искусства она приобрела себе блистательное место» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1849. № 65. 25 марта).

[^^^]

Е. П. Бобров – «замечательный комик в свое время; особенно личности мольеровских простаков подходили к его простоватой фигуре и добродушной физиономии» (*Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 95*). «Рыкалова можно назвать актером par excellence. <...> Какая великолепная комическая фигур! Лицо, стан, походка, движения <...> Никаких натяжек, никакого преувеличения, ничего площадного» (*Жихарев С. П. Указ. соч. С. 485–486*). «Нечто чрезвычайно примечательное, нечто совершенное, это буфф в русском роде, Воробьев. Он смешил, когда он пел, когда он говорил, когда он стоял, смотрел, даже когда он только показывался на сцене» (*Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 264*).

[^^^]

В. М. Самойлов – «знаменитый тенор <...>, обладавший некогда таким необычайным голосом, что если б он обработал его достойным образом в Италии, то приобрел бы знаменитость европейскую» (*Каратыгина А. М. Воспоминания // Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Т. 2. С. 188*). И. Г. Гуляев был «доморощенный буф» смоленского губернатора С. С. Апраксина. «По смерти [Я. С.] Воробьева в конце 1808 г. был вызван на петербургскую сцену и занял его роли» (*Жихарев С. П. Указ. соч. С. 79*).

[^^^]

Е. С. Сандунова – «превосходная московская певица и актриса <...>: она была очень красивой наружности, с правильными чертами лица, с огненными черными глазами» (*Каратыгина А. М. Указ. соч. С. 184*).

[^^^]

Ф. Ф. Вигель писал об А. Филис: «Все, что только может заменить свежесть и красоту, все в ней находилось; все было пленительно, очаровательно: и взгляд ее, и поступь, и игра, и голос, когда она им говорила, и умение владеть им, когда она пела, и умение наряжаться со вкусом. Никто не влюблялся в нее как женщину, все обожали как певицу и актрису» (*Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 257*).

[^^^]

Известный балетмейстер А. П. Глушковский, сам некоторое время выступавший вместе с Дюпором, писал: «Явившись на петербургской сцене, он очаровал всех своим чудным талантом. Он пользовался в то время повсеместной европейской славой. Дюпор был в своем роде гений и ни в Париже, ни в Вене, ни в Берлине и Неаполе не находил себе соперников» (*Глушковский А. П. Воспоминание о великом хореографе К.-Л. Дидло и некоторые рассуждения о танцевальном искусстве // Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера. Л.; М., 1940. С. 175*). Л. Ф. Дюпор был характерной фигурой предвоенного быта российской столицы, что Л. Н. Толстой специально отметил в «Войне и мире» в сцене посещения Наташей Ростовою оперы: «Потом один мужчина стал в угол. В оркестре заиграли громче в цимбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко и семенить ногами. (Мужчина этот был Duport, получавший 60 тысяч в год за это искусство.)» (*Толстой Л. Н. Война и мир // Тол-*

стой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1938. Т. 10. С. 330).

[^^^]

«В балетах Дидло он [А. Л. Огюст] занимал главные пантомимные роли; в дивертисментах плясал великолепно по-русски. Это он облагородил казацкие, русские, цыганские, венгерские и польские мазурочные пляски. <...> Он долгое время был при императорском с[анкт]-петербургском дворе учителем танцев великих князей» (*Глушковский А. П. Указ. соч. С. 147*).

[^^^]

«Дидло был изумительный мастер давать балетам своим характер эпохи, колорит местности и, главное, простой осязательный смысл. Танцы его строго гармонировали с характерами лиц и с правилами искусства и изящества» (*Глушковский А. П. Указ. соч. С. 165*). А. С. Пушкин вложил в уста Онегина реплику «Дидло мне надоел» для того, чтобы подчеркнуть его пресыщенность (см.: *Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 14*).

[^^^]

Балетное искусство М. Тальони считалось верхом мастерства. «Она не отличалась особенною силою; ее прыжки и пируэты не достигали, быть может, высоты и быстроты других первостепенных балерин, но впервые мы увидели танец, оживленный душою. <...> мало-помалу, как бы бессознательно, зрители стали увлекаться ее превосходством. Многие говорили: она танцует не лучше, она не красивее и не грациознее других, но в ее танце есть “un je ne sais quoi” [нечто особенное, изюминка (*фр.*)]... Вот это-то “je ne sais quoi” и была та душа, которую она первая своим гением сумела воплотить в свое ремесло и тем возвысила его на степень изящного искусства» (*Пржецлавский О. А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 187*). Одна из героинь водевиля П. А. Каратыгина, дочь петербургского чиновника средней руки, возмущалась: «Это просто стыд, маменька: кого ни встретишь, все спрашивают про Тальони! Все видели Тальони... Одни мы такие несчастные: уж настоящие коло-

менские» (Каратыгин П. А. Ложа первого яруса на последний дебют Тальони // Каратыгин П. А. Комедии и водевили. СПб., 2014. С. 81).

[^^^]

С. П. Жихарев отмечал: «Колосова исполнена грации одушевленной и безыскусственной» (*Жихарев С. П. Записки современника. М., 1955. С. 285*). В Данилову «скоро влюбился весь Петербург», и она «была превыше всего, что в этом роде он дотоле видывал. Страсть к ней зрителей желая удовлетворить и деспотически распоряжаясь своими воспитанницами, дирекция беспрестанно заставляла ее показываться, не дав ей распуститься, убила ее во цвете, и она погибла, как бабочка, проблистав одно только лето» (*Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 544*). Вероятней всего, М. И. Данилова умерла от туберкулеза (чахотки). На смерть ее К. Н. Батюшков написал стихи:

*Вторую Душеньку или ещё пре-
красней,
Ещё, ещё опасней,
Меж Терпсихориных любимиц
усмотрев,
Венера не могла сокрыть жесто-
кий гнев:
С мольбою к паркам приступила*

И нас Даниловой лишила.

(*Батюшков К. Н. Стихи на смерть Даниловой, танцовщицы С.-Петербургского императорского театра // Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 121).*

М. Н. Иконина «была хороша собою, высока ростом, молода, стройна, неутомима и танцевала весьма правильно» (*Вигель Ф. Ф. Там же*). А. И. Истомина «не была красавицею в тесном смысле, но обладала тем, что называют “пикантностью” и что многие предпочитают правильной красоте; в хореическом же искусстве уступала немногим европейским знаменитостям» (*Пржецлавский О. А. Беглые очерки // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 227*). А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» описал танец Истоминой (Гл. I, строфа XX).

[^^^]

Музыкальное собрание (Новое музыкальное общество), учрежденное в 1778 г., было уже вторым (первое существовало в 1772–1777 гг.). Помещалось оно в здании, принадлежавшем вице-канцлеру А. Б. Куракину. Раз в неделю здесь устраивались концерты и балы. В 1806 г. дом приобрела семья купца А. И. Косиковского (современный адрес: Невский пр., д. 15). Булгарин писал, что в начале царствования Александра I балы Музыкального общества посещались членами семьи императора, «служили средоточием удовольствий лучшего общества и разливали веселость на всю столицу» (Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 4. С. 132).

[^^^]

Трактир «Мыс Доброй Надежды» располагался в деревянном доме на углу Большой Морской улицы и Кирпичного переуллка, в 1840-е гг. здесь находился зал с «физионотипом Соважа» (с 1841 г.) – механизмом для быстрого снятия восковых копий с объемных фигур (лиц). Дом был сломан в середине XIX в. В одном из фельетонов Булгарин вспоминал: «Не тот был Петербург за полвека пред сим, что теперь! Теперь это красавец-город, в полном смысле выражения. Другой был и Невский проспект, когда на нем не было таких огромных домов, каковы дома Чаплина, Коссиковского, Голландской церкви, и т. п.! К большому удивлению, одно место, самое бойкое в Большой Морской, <...> осталось пустым и не застроенным. На дворе стояли старые строения, хотя каменные, но почти истлевшие. Помним мы, что в одном из этих флигелей был лет за сорок с лишком немецкий трактир, в котором необыкновенно дюжая хозяйка, немка Анна Семеновна Вейхгаузен, кормила молодых офицеров и литераторов (в числе

прочих и товарища моего, Н. И. Греча, и Матвея Васильевича Крюковского, автора трагедии “Пожарский”). Трактир назывался “Мыс Доброй Надежды”, без богатого убранства, но чистый и во всех отношениях порядочный. За четыре кушанья, вкусно и опрятно приготовленные, с кружкой хорошего пива, платили пятьдесят копеек медью, т. е. $14 \frac{2}{7}$ копеек серебром! Та же цена была и в трактире Френкеля (на Невском проспекте, в доме графа Строгонова), в котором, впоследствии, по-счастливилось г. Клею» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1852. № 227. 11 окт.)

[^^^]

Демутов трактир – самый крупный и респектабельный ресторан Петербурга при гостинице. Был основан в 1779 г. виноторговцем из Страсбурга Филиппом-Якобом Демутом (1750–1802). После его смерти трактиром до 1809 г. владел земляк вдовы Демута француз Юге.

[^^^]

Тардиф – петербургский ресторатор, после разорения переехавший в Одессу, а оттуда в Кишинев. Упомянут А. С. Пушкиным в неоконченном стихотворении «Сегодня я поутру дома...»:

*Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура, —
Тардиф, который Коленкура
И откормил, и обокрал, —
Тардиф, полицией гонимый
За неуплатные долги.*

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 2, кн. 1. С. 286).

[^^^]

Дом Грефа располагался на углу Невского и Малой Морской.

[^^^]

Казовый конец (*устар.*) – лучшая часть, выигрышная сторона чего-либо.

[^^^]

Аргус – в греческой мифологии многоглазый великан, которого Гера, жена Юпитера, поставила стражем к своей превращенной в корову сопернице Ио.

[^^^]

Среди лиц, занимавших пост кравчего Великого княжества Литовского, Бучинский не значится. Возможно, речь идет об оршанском кравчем 1760–1780-е гг. Тадеуше Бучинском.

[^^^]

Ср. у П. А. Вяземского:

*«Umizgać się», глагол житейской;
Ему нас учит женский пол.
Он жемчуг польского наречья,
Его понятия без увечья
В другой язык не передашь,
Как в словарях других ни рыться.*

(Вяземский П. А. Станция // Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 178).

[^^^]

Речь идет о первом разделе Речи Посполитой 1772 г., в результате которого Россия получила Витебск, Полоцк, Мстиславль и прилегающие к ним земли.

[^^^]

Имеется в виду начало восстания 1794 г.

[^^^]

Время правления Людовика XIV (1643–1715) считалось периодом высшего могущества Франции, а сама Франция получила европейское признание как законодательница мод.

[^^^]

605

великолепный игрок (*фр.*).

[^^^]

«Против мошенника – полтора мошенника» (*фр.*); ср. с анекдотом, пересказанным О. А. Пржецлавским: «В своих вояжах он заметил, что за ним повсюду ездит целая компания шулеров. Они встречались в разных городах и играли с переменным счастьем. Наконец Валицкий назначил им свидание в Венеции для решительного сражения. Амадёры не преминули явиться. Валицкий сел метать обыкновенный фараон и, положив 40 000 червонцев в банк, выговорил себе, что может кончить игру после всякой выигранной или проигранной карты. Он сел на табурет, имея за спиною большое зеркало. Сказав: “Messieurs, faites vos jeux”, он положил две первые карты закрытыми, но так, что понтеры могли подглядеть и действительно подглядели в зеркале выигрывающую для них левую карту; это был валет. Тогда один из компании, думая играть наверно, провозгласил: “Банко!” – и спросил банкмета, держит ли он всю ставку? Валицкий, подумавши немного, отвечал: “Идет”. Понтер натурально поставил валета. БанкOMET спер-

ва открыл левую карту. “Банк ваш”, – прибавил. Но потом, когда открыл правую карту – то и тут оказался валет. Это составило плие, то есть выигрыш половины ставки для банка. Взяв 20 000 червонцев, Валицкий кончил игру» (*Пржецлавский О. А. Фаддей Бенедиктович Булгарин // Поляки в Петербурге первой половины XIX века. М., 2010. С. 459*).

[^^^]

Имеется в виду дворец Тизенгаузов–Фитингофов, расположенный ныне в Вильнюсе по адресу: ул. Вокечю, № 28/17. На рубеже XVIII–XIX вв. его владелицей была Теодора Фитингоф.

[^^^]

Имеется в виду Парижский мирный договор 18 (30) мая 1814 г. В октябре того же года М. Б. Барклай-де-Толли был назначен главнокомандующим 1^й армией, расквартированной в Польше.

[^^^]

Царство Польское согласно решениям Венского конгресса от 3 мая 1815 г. было создано на части исторических земель Речи Посполитой и включено в состав Российской империи на правах личной унии (император Всероссийский одновременно должен был короноваться как король Польский). Управлялось согласно собственной Конституции от 20 июня 1815 г.

[^^^]

Лемберг – название Львова во время пребывания его в составе Австрийской (потом – Австро-Венгерской) империи (1772–1918).

[^^^]

611

Имеется в виду А. М. Сапега.

[^^^]

Речь идет об имении Деречин (ныне поселок городского типа в Зельвенском районе Гродненской области Республики Беларусь).

[^^^]

Ср.: «Князь Франциск Сапега, генерал от артиллерии бывшей польской Речи Посполитой, переименованный из этого чина в российский тайные советники, <...> был воспитан в Англии и усвоил себе приемы тамошних аристократов до того, что все родное в нем изгладилось. В молодости он много путешествовал, даже посетил Америку, что между тогдашними литовскими помещиками составляло единственный пример. <...> собственник громадных имений в Литве, в Белоруссии и на Жмуди (до 40 000 душ)» (*Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 119–120*).

[^^^]

Персонаж романа Эжена Сю «Парижские тайны» (1842–1843) принц Родольф Герольштейнский инкогнито творит добрые дела, опускаясь на социальное дно и используя для наказания злодеев их пороки и страсти. Роман Сю пользовался огромной популярностью у современников. Булгарин опубликовал пародийную повесть «Петербургские нетайны (Небывальщина, в роде правды, из записок петербургского старожила)» (Северная пчела. 1843. № 266–294).

[^^^]

615

Лон-лакей – лакей, нанимаемый для сопровождения в путешествии.

[^^^]

616

Понтер – тот, кто в карточной игре выступает противником держателя банка.

[^^^]

В Речи Посполитой шляхта обладала равными юридическими правами, в том числе правом избирать короля и быть избранным королем. Существовала пословица, процитированная Булгариным в романе «Димитрий Самозванец»: «Шляхтич на огороде равен воеводе» (Булгарин Ф. В. Димитрий Самозванец. М., 1994. С. 365).

[^^^]

Имеется в виду граф Балинт Ласло Эстерхази де Галанта.

[^^^]

Лафайет после падения Бастилии был назначен командующим Национальной гвардией и мог содействовать смягчению положения королевской семьи, однако Людовик XVI не прислушался к его советам.

[^^^]

До Валицкого имение Озеры (ныне поселок Озеры Гродненского района Гродненской области Республики Беларусь) принадлежало семье Радзивилл. Валицкий построил в Озерах суконную (1807) и бумажную (1809) фабрики.

[^^^]

Дворец А. П. Шувалова был выкуплен в 1795 г. Екатериной II и подарен ею А. В. Браницкой. В 1830 г. дворец был куплен князем Б. Н. Юсуповым за 250 000 тысяч рублей. Адрес дворца – набережная реки Мойки, дом 94.

[^^^]

622

Дом располагается по адресу Большая Морская, 53.

[^^^]

Скорее всего, Булгарин имеет в виду Жана Петито (1607–1691), прозванного Рафаэлем миниатюры, а не его сына, Жана-Луи Петито (1653–1702), тоже известного миниатюриста.

[^^^]

Имеется в виду новелла популярной французской писательницы графини Жанлис «Жанна Французская» (1816).

[^^^]

Версаль – дворцово-парковый ансамбль, резиденция французских королей, созданная Людовиком XIV. После того как Людовик XVI подарил Марии Антуанетте дворец Малый Трианон, там проходили малые вечера королевы.

[^^^]

В настоящее время – геологический музей Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко.

[^^^]

фонд (польск.).

[^^^]

В результате Июльской революции 1830 г. королем Франции был провозглашен Луи-Филипп Орлеанский, который позиционировался как король-буржуа. Во Франции установился либеральный режим, ознаменовавший окончательное торжество буржуазии над земельной аристократией.

[^^^]

«Платье не делает монахом» (*фр.*), то есть внешний вид не всегда соответствует сущности.

[^^^]

Речь идет о сестре Антонине, вышедшей замуж за А. М. Искрицкого.

[^^^]

Свита его императорского величества по квартирмейстерской части была создана Павлом I в 1797 г. Это был постоянно действующий вспомогательный орган военного управления, в мирное время занимавшийся подготовкой к будущим войнам, прежде всего топографической съемкой в Эстляндии, Лифляндии и Финляндии, созданием маршрутных карт и т. п. В 1827 г. была переименована в Генеральный штаб.

[^^^]

Н. И. Греч передает со слов самого Булгарина следующий анекдот: «Однажды, с дежурства по эскадрону в Стрельне, он махнул, без спросу, в Петербург, чтоб потешиться в публичном маскараде; заехал к одному товарищу, адъютанту цесаревича, жившему в Мраморном дворце, нарядился амуром в трико, накинул на себя форменную шинель, надел уланскую шапку и спускался по задней лестнице. Вдруг увидел пред собою цесаревича.

– Булгарин?

– Точно так, ваше высочество.

– Ты, помнится, сегодня дежуришь, да что ты закрываешься? – вскричал великий князь, сбросил с него шинель и увидел амура с крыльшками и колчаном. – Хорош! мил! Ступай за мною.

Сошли с крыльца. Цесаревич посадил его к себе в карету и привез на бал к княгине Четвертинской, взял за руку и ввел в залу, наполненную бо-мондом.

– Полюбуйтесь! – сказал он хозяйке и гостям: – вот дежурный по караулам в Стрель-

не. Вон, мерзавец! Сию минуту отправляйся к полковому командиру под арест!

Амур, пристыженный, одураченный, удался при общем хохоте. Дело кончилось арестом, но последствия его не прекращались. Цесаревич при всяком случае напоминал шалуну его дерзость и взыскивал с него более, чем с других» (*Греч Н. И. Указ. соч. С. 670–671*).

[^^^]

Уланская шапка – особого образца кивер с четырехугольным верхом из плиссированного сукна, черным кожаным околышем и двумя козырьками: спереди и сзади. Шапка украшалась репейком (род кокарды), витишкетом и белым султаном.

[^^^]

Витишкет – золотой или серебряный шнур у кавалеристов.

[^^^]

Лядунка (от *польск.* ładunek – заряд) – у кавалеристов сумка на перевязи через плечо для патронов.

[^^^]

636

Плаке – накладное серебро или золото.

[^^^]

Ф. Ф. Вигель вспоминал: «Чье же имя может быть известнее, если не людей, прославившихся в ремеслах? Не все же пером да мечом; игла и шило также доставляли тогда славу. По одним преданиям и по стихам [И. И.] Дмитриева знаю только я Кроля. Швальная же знаменитость Занфтлебена, закройщика Зеленкова и особенно сапожника Брейтигама мне очень памятны: молодые франты моего времени ими только и клялись» (Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 2. С. 814).

[^^^]

Эней – герой поэмы «Энеида» Вергилия, троянский царевич, со своими спутниками возродивший троянскую цивилизацию на Апеннинском полуострове и ставший царем латинян; Агамемнон – один из центральных персонажей цикла мифов о Троянской войне, командующий объединенной греческой армией, царь Микен, герой «Илиады», трагедий Софокла, Еврипида и Сенеки.

[^^^]

В журнальной публикации: «Начало военных действий. – Знаменитая ретирада Кутузова из-под Кремса до Вишау» (Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 46).

[^^^]

Цитата из стихотворения Д. В. Давыдова «Песня старого гусара» (1817), впервые опубликованного в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1819. Ч. VI. № 4. С. 94–95) под названием «Старые гусары».

[^^^]

Цитата из стихотворения Д. В. Давыдова «Песня» (1815), впервые опубликованного в «Сыне отечества» (1820. Ч. 66. № 49. С. 127–128) под названием «Военная песня».

[^^^]

См. «Стихотворения Дениса Давыдова», Москва, 1832 года. Но лучшее в этом роде не напечатано и осталось в памяти старых воинов. Кто не знает, например, этих стихов:

*Гусары, братцы, удалцы,
Рубаки, – черт мою взял душу!
Я с вами, братцы, молодцы,
Я с вами черта не потрушу!
Лишь только дайте мне стакан,
Позвольте выпить по порядку,
Тогда лоханка – океан!
Француза по щеке, как... – и проч.
149*

[^^^]

643

Выражение, означающее широту души,
удаль.

[^^^]

Перефразированная пословица: «Жизнь – копейка, голова – наживное дело» (см.: *Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 547*).

[^^^]

Бурш – лихой немецкий студент, повеса и забияка.

[^^^]

Так в старину кавалеристы называли статских, или неслужащих, как говорят теперь: *фрачников*.

[^^^]

Немецкие студенты называют *филистерами* всех не принадлежащих к званию студентскому¹⁵². Слово «филистер» происходит от *филистимлян*, т. е. народа проклятого, преданного в жертву народу избранному.

[^^^]

Фланкировать (от *фр.* *flanquer*; *нем.* *flankieren*) – одно из значений военного термина: сражаться в стычках; здесь в переносном значении.

[^^^]

Широкое распространение дуэлей в конце XVIII – начале XIX в., по мнению Я. А. Гордина, было результатом «сокрушительного психологического перелома», связанного с новым, петербургским этапом российской истории, в многочисленных поединках «находили выход и смутное представление о своем дворянском достоинстве, и не менее смутное желание проявить себя как людей чести – при весьма туманных представлениях о чести, которая сливалась часто со вздорным самолюбием»; при этом, как свидетельствует историк, до конца XVIII в. «в России еще не стрелялись, но рубились и кололись», поскольку такая дуэль менее угрожала жизни противников, чем обмен выстрелами (см.: Гордин А. Я. Дуэли и дуэлянты. 2-е изд. СПб., 2002. С. 5, 23, 27).

[^^^]

Основным кавалерийским подразделением был эскадрон, в его штат входили: 7 офицеров (ротмистр, штабс-ротмистр, 2 поручика и 3 корнета), 13 унтер-офицеров, 3 трубача и 148 рядовых.

[^^^]

Гвардия, то есть отборная привилегированная часть войск, была создана в России при Петре I около 1700 г. и включала Преображенский и Семеновский полки; с 1721 г. стала именоваться Императорской российской гвардией. Включенное в наименование гвардейских формирований слово *лейб*– (от нем. *Leib* – тело) означало – состоящие при монархе. Лейб-гвардии Измайловский полк был сформирован в 1730 г. Сформированный еще в 1721 г. Кроншлотский драгунский полк стал первым полком гвардейской кавалерии, с 1730 г. преобразован в лейб-гвардии Конный полк. При Павле I в 1796 г. появились лейб-гвардии Егерский батальон, Лейб-гусарский полк и гвардейский Артиллерийский батальон (при Александре I в 1805 г. на его основе была создана лейб-гвардии Конная артиллерия), в 1798 г. – Лейб-казачий полк и лейб-гвардии Гарнизонный батальон. Из учрежденной в 1724 г. Петром I Кавалергардии, почетной стражи для царствующих особ, после ряда преобразований и переформирования

ний в 1800 г. Павлом I был создан Кавалергардский полк.

[^^^]

Лейб-гренадерский и Уланский его императорского высочества цесаревича Константина Павловича полки официально к гвардии не принадлежали: Лейб-гренадерский полк был причислен к гвардии в 1813 г. (за мужество и храбрость, проявленные в Отечественную войну 1812 г.), а лейб-гвардии Уланский полк был сформирован в 1809 г. из 1-го батальона и половины запасного эскадрона прежнего Уланского полка. Однако оба полка входили в состав войск Гвардейского корпуса и дислоцировались в местах расположения гвардии (см.: Российская гвардия. 1700–1918: справочник / Отв. сост. А. М. Валькович, А. П. Капитонов. М., 2005. С. 8–9, 67, 228; *Бобровский П. О.* История Лейб-гвардии Уланского ее величества государыни императрицы Александры Феодоровны полка. СПб., 1903. Т. 1. С. XXII).

[^^^]

В гвардию отбирали по внешним признакам: «...статных великорослых солдат, по возможности с приветливым выражением лица, придерживаясь позднее и некоторого установленного в каждом полку стандарта цвета глаз, волос и даже определенной формы носа» (Российская гвардия. 1700–1918. С. 7).

[^^^]

Ср. характеристику, которую дает герою частный пристав в повести Булгарина «Мудреные приключения квартального надзирателя»: «...нюня, мамля, хрипун, франт! <...> сущяя баба!», с авторским примечанием к ней: «Было время, что в армии называли хрипунами тех из молодых офицеров, которые говорили *между собою* по-французски, любили общества и щегольство. Это почти то же, что фанфарон!» (Булгарин Ф. В. Сочинения. СПб., 1836. Ч. 1. С. 169).

[^^^]

Казармы лейб-гвардии Измайловского полка располагались между левым берегом Фонтанки и Обводным каналом.

[^^^]

Мост через Фонтанку, соединяющий Вознесенский и Измайловский проспекты, сооружен по типовому в то время проекту для постоянных мостов через Фонтанку на месте прежнего деревянного моста в 1788 г., название дала слобода, в которой дислоцировался Измайловский полк.

[^^^]

657

Тогда не было мундирных сюртуков162.

[^^^]

Остров в дельте Невы, между Средней и Малой Невками, начиная с XVIII в. служивший местом отдыха горожан.

[^^^]

Парк на юго-западе Петербурга, появившийся в 1711 г. как одна из загородных резиденций Екатерины I; в XIX в. – место отдыха петербуржцев.

[^^^]

Популярный трактир на десятой версте Петергофской дороги, около реки Красной, известный еще со времен Петра I.

[^^^]

Старинная немецкая песня «Радуйтесь жизни».

[^^^]

«Сорви розу» (нем.).

[^^^]

Перечислены пригороды Петербурга, места дислокации гвардии.

[^^^]

См. отражение этих анекдотов у современников: *Панафидин П. И.* Письма морского офицера (1806–1809). Пг., 1916. С. 67–68, а также в очерке Б. Л. Модзалевского о Лукине в этом издании (с. 111–121). Рассказывая о Лукине, Булгарин опирался как на широко циркулировавшие устные рассказы, так и на опубликованные воспоминания о «русском Геркулесе» (*Свиньин П. П.* Воспоминания на флоте. СПб., 1818–1819. Ч. 1. С. 15–18; *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1818. Ч. 3. С. 114–116).

[^^^]

665

Город в Великобритании в графстве Кент.

[^^^]

666

Рядовой-артиллерист, обслуживавший корабельные пушки.

[^^^]

Д. А. Лукин был командиром линейного корабля «Рафаил», в годы Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. входившего в состав эскадры под командованием Д. Н. Сенявина. Во время Афонского сражения в Эгейском море 19 июня (1 июля) 1807 г. «Рафаил» атаковал турецкую эскадру: приблизившись к турецким кораблям почти вплотную и приняв на себя огонь противника, корабль Лукина позволил остальным русским кораблям занять выгодную позицию и выиграть сражение. Однако сам Лукин погиб в этом бою, разорванный турецким ядром.

[^^^]

И. И. Байков – дворовый человек Д. А. Лукина, отпущенный им на волю и ставший его приятелем; будучи лейб-кучером Александра I, ходатайствовал перед императором о семье погибшего друга. В итоге вдове Лукина была назначена пенсия, а его сыновья Константин и Николай приняты в Пажеский корпус, из которого вышли офицерами.

[^^^]

Персонажи древнегреческих мифов, являющиеся примером неразрывной дружбы.

[^^^]

Исследователи считают, что двойственность позиции Н. П. Резанова, неоднократное изменение распоряжений и нежелание брать на себя ответственность сыграли роковую роль не только в истории Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова, но и в судьбе захваченного японцами В. М. Головнина (см.: *Зайцев Д. М.* Инцидент Хвостова и Давыдова: взгляд из Японии // *Вестник Дальневосточного отделения РАН.* 2005. № 4. С. 39–47; *Климова О. В.* План экспедиции Н. П. Резанова на Сахалин 1806 г.: причины утверждения и отмены // *Японоведческие исследования – 2010. Материалы международной научной конференции (8–9 октября 2010 г., Санкт-Петербург).* СПб., 2010. Ч. 1. С. 130–133; *Комиссаров Б. Н.* История русско-японских отношений: Хвостов и Давыдов // Там же. С. 108–121).

[^^^]

Став в 1806 г. главным командиром Охотского порта, Бухарин повел себя как тиран. Он вымогал взятки, издевался над чиновниками, сажал их на гауптвахту, засекал людей до смерти и без суда отправлял провинившихся на каторжные работы варить соль и т. д. В 1808 г. по предписанию сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля Бухарин был арестован, отдан под суд и по повелению императора в 1811 г. привезен в Петербург. В 1818 г. «за разные упущения, злоупотребления, несправедливые донесения, притеснения и обиды подчиненным и другого звания людям, неисполнение предписаний начальства и неповиновение, оказанное недачею ответов следственной комиссии и палате уголовного суда» Бухарин был лишен чинов, дворянства и сослан на поселение в Тобольск. Только в 1830 г. ему разрешили выехать из Сибири. См.: *Болгурцев Б. Н.* Взлеты и падения командира Охотского порта: Конец XVIII – начало XIX в. // *Россия и АТР.* 2002. № 4 (38). С. 89–96; *Смирнов И. А.* Русские военные моряки

на Тихом океане. СПб., 2011. С. 40–45, а также материалы о злоупотреблениях Бухарина, хранящиеся в РГА ВМФ, в том числе: «О незаконной реквизиции капитаном 1♦го ранга Бухариным товаров Российско-Американской компании» (Ф. 33. Оп. 2. Д. 92); «О растрате капитаном 1♦го ранга Бухариным казенных денег» (Ф. 33. Оп. 2. Д. 97, 98, 99, 100, 101, 102); «Об обвинении капитана 1♦го ранга Бухарина во взяточничестве» (Ф. 33. Оп. 2. Д. 105, 106).

[^^^]

Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов были арестованы Бухариным, который отобрал у них не только груз, но и одежду и обувь, подвергал допросам и т. д. Два месяца до побега узники провели в тяжелых условиях.

[^^^]

Ситха (*англ.* Sitka) – главный город русских владений в Северной Америке (другое название в первой половине XIX в. – Новый Архангельск), основанный в 1799 г. Расположен на острове Баранова в штате Аляска.

[^^^]

Плашкоут (*гол.* Plaatschuit – плоская лодка) – плоскодонное несамоходное беспалубное судно, применявшееся в качестве опоры для наплавных мостов, а также для разводной части постоянного деревянного моста.

[^^^]

История Г. И. Давыдова и Н. А. Хвостова рассказана Булгариным на основе ходивших о них слухов и неточна в некоторых деталях. Так, инициированная Н. П. Резановым экспедиция на остров Сахалин и Курильские острова была не такой стремительной, как представлено в воспоминаниях Булгарина, и проходила в два этапа. Осенью 1806 г. Хвостов на бриге «Юнона» совершил набег на Сахалин; после зимовки, на следующий год, при поддержке тендера «Авось» под началом Давыдова была предпринята новая экспедиция – Хвостов и Давыдов сожгли японские селения на Курильских островах и захватили японские грузовые суда, после чего возвратились не в Петропавловский порт, а в Охотский, начальником которого и был арестовавший их капитан 2-го ранга И. Н. Бухарин. Встречу друзей с разбойниками по дороге из Якутска в Охотск 19 июля 1802 г. (см. о ней: *Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810. Ч. 1. С. 77–79*) Булгарин

приурочил к побегу офицеров из тюрьмы в 1807 г.

Еще более запутанной была дальнейшая история осуждения и помилования Давыдова и Хвостова. Об этом подробно рассказывает в своих «Записках» адмирал А. С. Шишков, которому (по его первой жене) Хвостов приходился племянником (см.: Записки, мнения и переписка А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 104–114). Прощенные императором за преступления против японцев офицеры были отправлены в действующую армию, однако несмотря на подвиги Давыдова и Хвостова во время Финляндской кампании (1808–1809), о которых сообщалось в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1808. № 72. 8 сент.), административная коллегия разжаловала их в матросы за дело против японцев, представлению к наградам также не был дан ход. Вернувшись в Петербург Хвостов и Давыдов «узнали о своем несчастье». 4 октября 1809 г., возвращаясь с дружеской пирушки на Васильевском острове, они погибли, пытаясь перепрыгнуть разводящийся через Неву мост, когда под ним пошла первая барка. Свидетелем несчастного

случая был провожавший их американский моряк Д. Вульф, знакомый с ними со времени путешествий в Русскую Америку. Тел не нашли, и дело закрыли. Булгаринскую версию о том, что обстоятельства гибели Хвостова и Давыдова узнали только через год, опровергают появившиеся уже в декабре того же года поэтические отклики А. А. Волковой и А. С. Шишкова на это событие, в которых нашли отражение обстоятельства гибели двух друзей (Русский вестник. 1809. № 12. С. 394–398), тогда же был написан поэтический отклик Г. Р. Державина «В память Давыдова и Хвостова» (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 30–36). Нетрудно заметить, что все поэтические эпиграфы вышли из одного круга, близкого к адмиралу Шишкову (в доме которого жил Давыдов), во всех стихотворениях воспроизводились детали, названные единственным свидетелем – американским приятелем Хвостова и Давыдова. Наконец, тот же Шишков многозначительно завершает рассказ о двух друзьях в своих воспоминаниях словами: «Но так ли оно в самом деле происходило, это оста-

лось во мраке неизвестности», сообщая затем о многочисленных слухах, согласно которым друзья вместе с Вульфом ушли в Америку, сменив имена; существовала даже версия, что «знаменитый Боливар никто иной как бежавший из России Хвостов» (Записки, мнения и переписка А. С. Шишкова. С. 113–114). Возможно, Булгарин знал об этой истории от самого Шишкова, в доме которого часто бывал (Шишков был женат вторым браком на Ю. О. Лобаржевской, урожденной Нарбут, покровительствовавшей полякам в Петербурге).

[^^^]

Головнин в чине лейтенанта командовал шлюпом «Диана» и совершил на нем плавание вокруг света. Рикорд, также лейтенант, находился под его начальством. По выступлении в море «Дианы» открылась война с Англией¹⁸¹, и «Диану» хотели задержать на мысе Доброй Надежды. Но Головнину удалось уйти. Это избавление принадлежит к блистательным подвигам нашего флота. Прибыв в Камчатку, Головнин должен был ожидать мира с Англиею для возвращения в Европу и, чтоб не терять напрасно времени, занялся описанием и измерением Курильских островов и по соседству зашел на японский остров Кунашир. Японские начальники притворились приятными и пригласили Головнина к обеду. Лишь только он вошел в ставку губернатора, Головнина и бывших с ним русских окружили, связали, повлекли в город и посадили в тюрьму. Это была месть за подвиги Хвостова и Давыдова. Головнин провел три года в тяжелой неволе¹⁸², пока наконец другу его, П. И. Рикорду, не удалось спасти его. Все

это описано в путешествии П. И. Рикорда. Прилагаю отрывки из письма Головнина к Рикорду из плена. Это сообщил мне почтенный и многолюбимый мною П. И. Рикорд. Головнину запрещено было писать в тюрьме. Он предложил написать «Русскую грамматику» для японцев, и ему дали бумагу и чернила. Чтоб скрыть от шпиона, находившегося с ним в тюрьме, что он пишет письма, Головнин на каждом листике надписывал части речи: *имя, местоимение* и т. д. См. прилож. № 2.

[^^^]

Не тому Домбровскому, который командовал польскими легионами во Франции.

[^^^]

Формирование полка проходило в 1797 г.

[^^^]

Вербунками назывались песни, в которых рисовалась веселая, беззаботная, счастливая жизнь солдат. С помощью этих песен вербовщики, ходившие по трактирам, по деревням, набирали в военную службу вольноопределяющихся. «Из окна моего вижу я проходящие мимо толпы улан с музыкою и пляскою; они дружелюбно приглашают всех молодых людей взять участие в их веселости. <...> Это называется вербунок!» (Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. М., 1962. С. 63).

[^^^]

«Конфедератка» – национальный польский головной убор с характерным четырехугольным верхом, популярный в период так называемой Барской конфедерации (1768–1772).

[^^^]

Конный Татарский Литовский полк был сформирован в июне 1797 г. из уроженцев присоединенных литовских территорий, его шефом стал генерал-майор Якуб Мустафа Барановский. С марта 1801 г. – Татарско-литовский конный полк, тогда же была присвоена новая форменная одежда, по образцу польских улан. В конце марта 1803 г. полк, в котором служили католики и мусульмане (литовские татары), был преобразован по национальному признаку в Литовский и Татарский конные полки. В ноябре 1807 г. оба полка, как и все конные, были переименованы в уланские.

[^^^]

В вооружение уланов входили пики, которые для различения отдельных полков увенчивались цветными флажками-флюгерами.

[^^^]

Сформирован 16 мая 1803 г.; с 11 сентября 1803 г. – Уланский его императорского высочества цесаревича Константина Павловича полк.

[^^^]

Знаменитая мраморная копия утраченной греческой бронзовой скульптуры бога Аполлона (вторая половина IV в. до н. э.); свое название получила от галереи Бельведер в Ватикане, где была выставлена.

[^^^]

Короткий застегивающийся на крючки мундир; одежда некоторых кавалерийских полков.

[^^^]

Тогда вся русская армия, кавалерия и пехота в мирное время разделена была на инспекции 191.

[^^^]

Дружбу Константина Павловича с генерал-лейтенантом К. Ф. Боуером современники связывали с кутежами и неприличными выходками. Самый известный из скандальных эпизодов – преступление, жертвой которого стала вдова иностранного негоцианта, госпожа Араужо: отказав притязаниям великого князя, она была обманом отвезена в Мраморный дворец, обеспечена конногвардейцами, после чего умерла. После расследования преступления Боуер был исключен из службы, но через полтора года возвращен (см. об этом: *Файбисович В.* «Министр наслаждений» // *Родина.* 2010. № 3. С. 66–71; *Кучерская М.* Константин Павлович. М., 2013. С. 86–88). Булгарин, безусловно, знал об этом. По воспоминаниям декабриста В. И. Штейнгеля, на слова одного из собравшихся во время обеда у директора Российско-американской компании 12 декабря 1825 г. о возможном появлении Константина, которому была принесена присяга, Булгарин вскричал: «Как ему явиться, тень мадам Араужо остановит его на заставе»

(Штейнгель В. И. Записки // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 220).

[^^^]

Ф. Ф. Винцингероде осенью 1805 г. в качестве камергера принца Фердинанда Прусского и генерал-адъютанта российского императора был уполномочен от имени царя вести переговоры о присоединении Пруссии к третьей антифранцузской коалиции; во время кампании 1805 г. он успешно действовал, будучи послан М. И. Кутузовым для переговоров с Мюратом.

[^^^]

Тверской драгунский полк (название с 31 июля 1801 г.) был сформирован 20 августа 1798 г. как кирасирский генерал-майора Цорна полк, с 31 марта 1801 г. – Тверской кирасирский полк. Е. И. Меллер-Закомельский стал его шефом в сентябре 1801 г.

[^^^]

Е. И. Меллер-Закомельский был назначен командиром Уланского цесаревича Константина Павловича полка в сентябре 1803 г.

[^^^]

Полковника графа Андрея Ивановича Гудовича (сына фельдмаршала)196 – командиром лейб-эскадрона; командирами других эскадронов – майора Мезенцова, полковника Перича, полковника графа Мантейфеля, полковника Будаева, полковника Бибикова, полковника Чаликова и майора Раутенфельда. Ротмистры Лорер (Александр Иванович), Ганнеман и Десимон назначены были командовать эскадронами: командирским, полковников Чаликова и графа Мантейфеля. Здесь я должен припомнить, что армейские полки легкой кавалерии состояли тогда из десяти действующих и одиннадцатого запасного эскадрона и что полк разделялся на два батальона. В гвардии все полки легкой и тяжелой конницы были в пять эскадронов действующих, с шестым запасным эскадронам.

[^^^]

Мундштук – железные удила с подъемной распоркой у нёба, применяемые для облегчения управления лошадью.

[^^^]

Речь идет В. А. Вуиче.

[^^^]

Речь идет об участвовавшем в швейцарском походе 1799 г. русском отряде под началом генерала А. М. Римского-Корсакова.

[^^^]

Это утверждение было оспорено Н. А. Полевым в рецензии на вторую часть «Воспоминаний» (Литературная газета. 1846. № 3, 5. 19 янв., 2 февр.). Возражения Полевого были частично справедливы. И. И. Герман не был отозван – его совместные с англичанами действия против французов в Голландии в августе–сентябре 1799 г. закончились неудачей, а сам Герман 8 (19) сентября в деле при Бергене вместе со своим штабом был взят в плен, за что разгневанный Павел I приказал исключить его из службы, отказавшись обменять на французских генералов. Суворов не был отозван из Италии – после итальянского и швейцарского походов в октябре 1799 г. он привел армию в Баварию, где и получил вызванный разрывом союза с Австрией приказ императора Павла I вести войска в Россию. Вместе с тем болгаринская оценка событий по существу находит поддержку у авторитетного военного историка: «Русская кровь лилась здесь за чужие интересы. Император Павел понял это, когда отозвал свою армию из

Швейцарии» (*Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 192*).

[^^^]

До Гаагской конвенции 1896 г. не было международных договоренностей о содержании пленнх, их обычно разменивали после окончания кампании или во время нее. Наполеон же в политических целях в июле 1800 г. обмундировал за счет французской казны и освободил русских пленнх, находившихся во Франции (около 6800 человек), без всякого размена.

[^^^]

Имеются в виду мирные переговоры Мюрата с Неаполем, начатые 24 января 1801 г. и завершившиеся предварительным мирным договором в Фолиньо 18 февраля 1801 г. Окончательный мир с неаполитанскими Бурбонами был подписан 29 марта 1801 г. во Флоренции.

[^^^]

Деятельность правительства революционной Французской республики (1795–1799), называвшегося Директорией (ее исполнительная власть была представлена пятью директорами), не смогла стабилизировать ситуацию в стране, о чем свидетельствовали экономический кризис и возобновившаяся гражданская война. В результате государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) потерявшая авторитет Директория была разогнана и заменена правительством из трех консулов во главе с Наполеоном Бонапартом.

[^^^]

Дюрок прибыл с дипломатической миссией в Петербург 13 (25) мая 1801 г. в качестве уполномоченного первого консула Франции и был хорошо принят русским двором, в особенности императором Александром I; покинул Петербург в начале сентября 1801 г.

[^^^]

700

Короткая стрижка с зачесанными наверх мелкими курчавыми завитками.

[^^^]

Булгарин упоминает знаменитые военные события, связанные с именем Наполеона: победу в Италии при Арколе (ноябрь 1796 г.), египетский поход (1798–1799) и битву при Маренго (июнь 1800 г.), в которых отличился Дюрок – со времени осады Тулона (1793) близкий друг и адъютант Наполеона.

[^^^]

Одним из пунктов переговоров, которые начались в Париже в марте 1801 г., было удовлетворение требования Павла I о возвращении ему Мальты. Взошедший на престол Александр I в августе 1801 г. отказался от титула Великого магистра Мальтийского ордена, в октябре того же года во избежание конфликта с Францией было принято решение отказаться от установления русского протектората над Мальтой. Александр предложил вернуть Мальту ордену, поскольку присутствие англичан или французов на острове грозило нарушением европейского равновесия. Соглашение, выработанное в результате переговоров по вопросу о Мальте между Россией, Англией и Неаполитанским королевством в декабре 1801 г., предусматривало возвращение ордена Св. Иоанна на Мальту и нейтралитет острова под сюзеренитетом Неаполя, окончательная договоренность между Англией и Францией о Мальте должна была быть гарантирована Россией.

[^^^]

С. А. Колычев находился в Париже с февраля 1801 г., где вел переговоры о заключении франко-русского союза, его антифранцузская позиция, вызванная подозрением в неискренности Наполеона и очевидном стремлении Франции к господству в Европе, стала причиной недовольства первого консула русским посланником. «Колычев был неприятен первому консулу и его министрам именно потому, что вел себя с достоинством, с ним надо было считаться <...> Талейран жаловался на резкий тон Колычева, который скоро был отозван...» (Соловьев С. Император Александр Первый. Политика – дипломатия. СПб., 1877. С. 27). В июне 1801 г. Колычев был отозван из Парижа, вместо него в сентябре этого года прибыл опытный А. И. Марков, содействовавший подписанию Версальского договора еще при Екатерине II. См. материалы о дипломатической миссии Колычева: Сборник императорского русского исторического общества. Т. 70. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. 1800–1802.

СПб., 1890 (по указ.).

[^^^]

Парижский мирный договор был подписан 8 октября (26 сентября) 1801 г. (Булгарин ошибся при определении принадлежности даты к юлианскому календарю и потому неверно перевел ее с одного стиля летоисчисления на другой).

[^^^]

В марте 1802 г. в г. Амьене был созван мирный конгресс. Договор о мире, подписанный 27 (а не 13, как указал Булгарин) марта Францией и ее союзниками, Испанией и Батавской республикой, с одной стороны, и Великобританией, с другой, завершил распад второй антифранцузской коалиции. Однако обе стороны не собирались выполнять взятые на себя обязательства, 22 мая 1803 г. Англия объявила войну Франции, что привело к созданию третьей антифранцузской коалиции.

[^^^]

Согласно Амьенскому договору Англия должна была очистить Мальту, но не выполнила этого условия, и Наполеон предложил русскому императору быть третейским судьей в споре о Мальте. Александр I не принял этого предложения, согласившись быть лишь посредником в англо-французских переговорах. Начавшиеся через русских посланников переговоры, в которых предлагалось занятие Мальты русским гарнизоном и очищение французами Ганновера, Голландии, Швейцарии, верхней и нижней Италии, оказались безрезультатными.

[^^^]

Независимое и резкое поведение А. И. Маркова вызывало раздражение Наполеона, в августе 1803 г. потребовавшего через французского посланника отозвать Маркова из Парижа. Александр I дал знать Наполеону, что не видит вины Маркова и отзывает своего посланника по его собственной просьбе, при этом он наградил Маркова орденом Св. Андрея Первозванного, в ноябре 1803 г. тот покинул Францию.

[^^^]

Герцог Энгиенский, младший отпрыск династии Бурбонов, был захвачен на территории герцогства Баденского из-за не имевшего оснований подозрения в причастности к антинаполеоновскому заговору Ж. Кадудалья и Ж.-Ш. Пишегрю и по приговору военного суда расстрелян 21 марта 1804 г. Это вызвало крайнее возмущение при европейских дворах.

[^^^]

Подавление роялистского заговора привело к решению оградить власть Наполеона от новых покушений: 18 апреля 1804 г. постановлением Сената первый консул получил титул наследственного императора французов, 2 декабря 1804 г. в соборе Парижской Богоматери прошла его торжественная коронация, затем 26 мая 1805 г. последовала коронация в Милане, принесящая Наполеону титул короля Италии.

[^^^]

Арест герцога Энгиенского произошел на территории Бадена, которым правил тесть русского императора. После убийства герцога Александр I направил Наполеону резкую ноту, а при русском дворе был объявлен семидневный траур.

[^^^]

711

Субсидии, дотации (*англ.*).

[^^^]

Максимилиан IV Иосиф.

[^^^]

Официально манифест Александра I о начале войны был объявлен в Москве 1 сентября 1805 г., но еще в августе Подольская армия под началом М. И. Кутузова выступила за границу для соединения с австрийской армией на Дунае. Местечко Радзивиллов находилось на границе Российской империи с Австрией, ныне г. Радивилов в Ровненской области Украины.

[^^^]

Армия под началом Наполеона (350 тысяч человек) обладала не столько количественным, сколько качественным превосходством, однако Наполеон с целью запугать Англию заявлял о численности французского войска в 500 000 человек. «Всего воинских сил, которые действительно могла выставить коалиция (а не на бумаге и в планах), насчитывалось примерно 380 тыс. бойцов» (*Безотосный В. М. Наполеоновские войны. М., 2010. С. 30*), им противостояла лучшая в Европе армия, которая «представляла очень мощную и мобильную силу, на голову превосходившую вооруженные силы феодальных государств Европы по опыту, организации и по применению новой тактики военных действий» (Там же. С. 32).

[^^^]

Номинально австрийской армией, вошедшей в Баварию, командовал эрцгерцог Фердинанд, фактически – начальник штаба генерал К. Мак, его бездарные действия и талантливо продуманный и четко исполненный план Наполеона под Ульмом привели к тому, что 16 октября 1805 г. основные силы австрийцев были окружены Наполеоном и через несколько дней (19 октября) капитулировали, в плен сдались 30 тыс. солдат и офицеров и 18 генералов вместе с самим Маком.

[^^^]

716

Браунау (*нем.* Braunau am Inn) – город в Австрии.

[^^^]

Речь идет об эпизоде военной истории, связанном с походом войска греческих наемников (около 13 000 человек) в Переднюю Азию в 401 г. до н. э. После того как войска под предводительством сатрапа Лидии, Фригии и Великой Каппадокии персидского царевича Кира Младшего в походе против его брата царя Персии Артаксеркса II были разбиты в битве при Кунаксе на подступах к Вавилону, а сам Кир убит, отступление уцелевших 10 000 греческих наемников возглавил афинянин Ксенофонт. Ему удалось провести свой отряд через вражескую территорию и привести в Пергам около 5000 солдат. Источником сведений об этих событиях является историческое сочинение Ксенофонта «Анабасис».

[^^^]

Оказавшись после разгрома австрийцев в сложном положении, спешивший на соединение с ними Кутузов решил сохранить армию и 17 (29) октября 1805 г. отдал приказ об отступлении по правому берегу Дуная через Ламбах к Кремсу, 26–27 октября (9–10 ноября) перейдя Дунай, он сжег за собой мост и смог избежать окружения. Воспользовавшись подписанным Мюратом и Винцингероде перемирием с 3 по 4 (15 по 16) ноября, Кутузов продолжил отступление, используя как заслон отряд П. И. Багратиона, и 7 (19) ноября у Вишау соединился с 27-тысячной армией Ф. Ф. Буксгевдена (до этого находившейся у Бреста на границе с Пруссией), после чего русско-австрийские силы отошли на квартиры к Ольмюцу.

[^^^]

30 октября (11 ноября) 1805 г. между австрийскими городами Кремс и Дюренштейн русско-австрийские силы под командованием М. И. Кутузова атаковали корпус маршала Э. Мортье, которому пришлось отступить, Кутузов удержал за собой левый берег Дуная и после этого смог продолжить отступление своей армии. Потери французов убитыми, ранеными и пленными составили от 3,5 до 5 тыс. человек, русских – около 2,5 тыс. Кутузов в рапорте представил Кремский бой как победу войск коалиции, эта оценка события сохранилась в русской историографии, французы придерживались иной точки зрения. Нравственное значение сражения под Кремсом для Европы заключалось в понимании того, что Наполеону можно противостоять. Император Франц прислал Кутузову орден Марии Терезии 1^й степени.

[^^^]

Генерал-майор П. И. Багратион командовал первой, авангардной колонной (из шести выступивших из России для соединения с австрийцами), состоявшей из трех пехотных полков и двух рот полевой артиллерии. Во время отступления к Кремсу Багратион командовал арьергардом армии, кавалерийским отрядом – П. Х. Витгенштейн (за арьергардный бой под Амштеттенем 24 октября (7 ноября), в котором он отбил несколько атак конницы Мюрата, был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени), артиллерией – подполковник А. П. Ермолов (отличился под Амштеттенем, командуя конной артиллерией), резервным отрядом – генерал-майор М. А. Милорадович (за сражения под Амштеттенем и Кремсом был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени и чина генерал-лейтенанта). После Кремса, для спасения основной армии, Багратион со своим отрядом принял неравный бой под Шёнграбеном, потеряв почти половину отряда; он нагнал армию Кутузова 6 (18) ноября. За свой подвиг Багратион был награжден

орденом Св. Георгия 2-й степени (минуя 4-ю и 3-ю) и чином генерал-лейтенанта.

[^^^]

Ольмюц (*нем.* Ollmütz) – город в Моравии, ныне г. Оломоуц в Чехии.

[^^^]

Булгарин приводит сведения из исторического труда А. И. Михайловского-Данилевского «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805-м году» (СПб., 1844. С. 146), на который он опирался в описании военных событий 1805 г.

[^^^]

Гвардия во главе с Константином Павловичем, совершив переход из Петербурга, прибыла в Ольмюц 13 (25) ноября 1805 г.

[^^^]

Речь идет о подкреплении, на которое рассчитывали силы третьей коалиции. Однако Булгарин допустил неточность: эрцгерцог Карл со своей армией (80 тыс. человек) успешно противостоял французам в Италии, после разгрома австрийцев при Ульме он, оставив гарнизон в Венеции, поспешил с основными силами на соединение с Кутузовым, из Тироля же ждали австрийский 30-тысячный отряд брата австрийского императора Франца, эрцгерцога Иоганна. Корпус И. Н. Эссена (50 тыс. человек) шел из-под Бреста, а корпус Л. Л. Беннигсена (48 тыс. человек) – из Гродно. После свидания Александра I с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и заключения 22 октября (3 ноября) Потсдамского мира, сопровождавшегося клятвой двух монархов у гроба Фридриха II, Россия надеялась на скорое вступление Пруссии в коалицию.

[^^^]

Решающее сражение между русско-австрийскими и французскими войсками 20 ноября (2 декабря) 1805 г. в районе Аустерлица (ныне г. Славков в Чехии), в котором Наполеон разгромил превосходящую численностью союзную армию.

[^^^]

С. Н. Глинка в своих мемуарах писал: «Булгарин справедливо заметил, что теперь можно откровенно говорить о первых наших неудачах. Неудачу Аустерлицкую, эту первую попытку русских против Наполеона, кажется, целые столетия отмежевали от нашего времени» (*Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 182*).

[^^^]

Измененная цитата военной присяги, составленной Петром I: «...в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах, и штурмах, и в прочих воинских случаях, каковы оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление <...>. От роты и знамя, где надлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучатца <...>. И во всем так поступать, как честному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит» (Инструкции и артикулы военные, при том же и краткие примечания. СПб., 1714).

[^^^]

Опорой в оценке событий Булгарину послужила работа А. И. Михайловского-Данилевского: описание визита П. П. Долгорукова к Наполеону он процитировал почти дословно (см.: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805* ♦ м году. С. 163–165). В результате его характеристика действий и намерений Наполеона неверна. На самом деле Наполеон стремился навязать русским генеральное сражение, которое решило бы исход кампании, он опасался, что осторожному Кутузову удастся уклониться от этой битвы. Дезинформация противника с намеренной демонстрацией собственной слабости была частью тактики Наполеона, оправдавшей себя. С этой же целью он отправил своего адъютанта Савари к Александру I с предложением перемирия и просьбой о личной встрече.

[^^^]

Некоторые французские писатели утверждают, что у Наполеона под Аустерлицем было только 42 000 человек. См. «Histoire des batailles, sièges et combats des Français, depuis 1792 jusqu'en 1815, par une société de militaires et de gens de lettres, et publiée par Pierre Blanchard». Paris, 1818. Обыкновенно число войска в рассказах о битвах или уменьшается, или увеличивается по обстоятельствам, и верить всему нельзя. Биньон (см. «Histoire de France depuis le 18 Brumaire jusqu'à la paix de Tilsit (1799–1807)») говорит, что у Наполеона было под Аустерлицем 65 000 человек. Кому верить?234

[^^^]

Скорее всего, Булгарин цитирует названный им выше труд Биньона (Т. 4. Р. 443).

[^^^]

Булгарин имеет в виду циркулировавшую тогда версию «австрийской измены», которую подпитывало отсутствие правдивой информации о происшедшем под Аустерлицем.

[^^^]

Булгарин цитирует книгу «Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне» Э. О. де Лас Каза – секретаря Наполеона в период изгнания, записавшего его мысли и воспоминания: *Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et par le comte de Las Cases.* Paris, 1828. Т. 2. Р. 210.

[^^^]

Булгарин приво­дит цитату из «Histoire de France, depuis le 18 Brumaire jusqu'à la paix de Tilsitt» Биньона (Paris, 1830. Т. 4. Р. 447).

[^^^]

Сижурс (*фр.* secours, *нем.* Sukkurs) – военная помощь, подкрепление.

[^^^]

В битве под Аустерлицем князь Лихтенштейна Иоганн командовал 5[♦]й союзной кавалерийской колонной (4600 человек). Уланский его высочества Константина Павловича полк (около 1300 человек) был единственным полком русской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта А. А. Эссена 2-го, входившим в колонну Лихтенштейна (остальные ее полки действовали в составе авангарда Багратиона) и шел в голове 5[♦]й колонны.

[^^^]

Уланский его высочества Константина Павловича полк в битве под Аустерлицем первым принял участие в ожесточенных кавалерийских атаках, понеся огромные потери.

[^^^]

А. Л. Ганеман умер от ран спустя два месяца после сражения. Банник – щетка, насаженная на древко; применялась для очистки канала орудия после выстрела, чтобы освободить его от порохового нагара и погасить искры, которые могли остаться.

[^^^]

См. «Histoire des batailles, sièges et combats, etc.». T. III, page 317.

[^^^]

См.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805-м году. С. 192. По другим сведениям, полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 28 офицеров и 680 человек рядовых, см.: *Гавловский С. Г.* История лейб-гвардии Уланского полка. СПб., 1866. Т. 2. С. 6.

[^^^]

Е. И. Меллер-Закомельский имел орден Св. Владимира 2-й степени, знаками ордена были звезда, носившаяся на левой стороне груди, и золотой покрытый красной эмалью крест, который носился на шейной ленте.

[^^^]

При отступлении союзных войск к Аустерлицу мост через реку Литава рухнул под тяжестью орудий, масса солдат под огнем французской артиллерии бросилась на тонкий лед озера, возникли сумятица и паника. Оказавшийся в сложной ситуации командир первой колонны генерал Д. С. Дохтуров смог вывести русские войска обходным путем, за сражение под Аустерлицем он был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени.

[^^^]

Булгарин имеет в виду труд А. В. Суворова «Наука побеждать» (1795), содержащий взгляды полководца на обучение солдат, тактику боя и другие вопросы военного искусства.

[^^^]

743

Ретирада (*фр.* *retirade*) – отступление.

[^^^]

В апреле 1806 г., пройдя через Гатчину, полк разделился для размещения на постоянных квартирах. Полковой штаб и два первых эскадрона 1-го батальона – в Стрельне, три эскадрона со штабом 1-го батальона – в Петергофе, два первых эскадрона 2-го батальона со штабом – в Гатчине, остальные три эскадрона – в Скворицах, Красном Селе и Ропше.

[^^^]

Серебряные трубы – коллективный знак отличия российской императорской армии. В кавалерии наградные трубы были длинными и прямыми, в пехоте – фигурными, несколько раз согнутыми. Количество труб определялось по числу трубачей в полку. Уланский полк за отличие под Аустерлицем получил 24 серебряные трубы с орлами.

[^^^]

Булгарин был выпущен из Первого кадетского корпуса в Уланский его императорского высочества цесаревича Константина Павловича полк корнетом 11 (23) октября 1806 г. (см.: Аттестат Булгарина / Публ. Н. А. Гастфрейнда // Литературный вестник. 1901. Т. 1. Кн. 4. С. 419).

[^^^]

9 (21) апреля 1806 г. русская гвардия, участвовавшая в сражениях, церемониальным маршем прошла от Московской заставы до Зимнего дворца, где были вручены награды.

[^^^]

Наибольшие потери в сражении при Аустерлице понес Кавалергардский полк, своей атакой прикрывавший отступление гвардейской пехоты: погибли 13 офицеров и 84 нижних чина (по другим данным, полк потерял убитыми и пропавшими без вести 154 строевых нижних чина, см.: *Панчулидзева С. А. История кавалергардов*. СПб., 1903. Т. 3. С. 32). Этот бой послужил источником описания атаки кавалергардов, увиденной глазами Николая Ростова, в «Войне и мире» Л. Н. Толстого (Т. 1, ч. 3. Гл. XVII).

[^^^]

Французские писатели, напротив, утверждают, что Питт руководствовался только ненавистью к Франции и имел одну цель – вредить ей. Даже умный Биньон в своей «Histoire de France, etc.» на стр. 528 говорит: «Ce système, tant préconisé, de Mr. Pitt, il faut le répéter pour la dernière fois, ne se composait que de l'idée la plus simple: abattre, ruiner la France, ne voir de grandeur possible pour l'Angleterre que dans la misère et l'humiliation de la France, voilà Mr. Pitt sous le rapport de la pensée politique». То есть «система Питта, столь выхваляемая, скажем, в последний раз, заключалась в самой простой идее – унижить, разорить Францию и почитать единственное средство к величию Англии в унижении и бедствии Франции, вот основная мысль политики Питта»²⁵³. При всем моем уважении к уму, познаниям и дипломатическим дарованиям Биньона, я не разделяю на этот счет его мнения, хотя и не одобряю всех поступков Питта, особенно его сношений с заговорщиками и интригантами. Почтенный г. Биньон

слишком увлекается народным чувством. Надо
быть справедливым и с неприятелем.

[^^^]

Последние слова Питта, на смертном одре, были: «Oh! what times! oh! my country!», т. е. «О, какие времена! о, мое отечество!»²⁵⁴. См. «Memoirs of the Lady Hester Stanhope as Related by Herself, in Conversation with her Physician»²⁵⁵.

[^^^]

С 1806 г. на русский язык переводились многочисленные антинаполеоновские книги, см.: Вот каковы Бонапарте и народ французский. Сочинено в Англии. СПб., 1807; Изображение нынешнего политического положения Франции: Писанное одним англичанином, жившим в столице сего государства. М., 1807, и др.

[^^^]

Булгарин не только подчеркивал свое восхищение Наполеоном, но и намекал в очерке «Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н. с.) 1813 года (Из записок польского офицера, находящихся еще в рукописи)» (Сын отечества. 1822. № 41. С. 13–20), что беседовал с французским императором. Среди поляков и знакомых Булгарина ходили слухи, что он в составе отряда польских улан обеспечивал переправу Наполеона через Березину, см.: Воспоминания генерала Хлаповского о войне 1812 года // Военский К. В. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб., [1912]. С. 64; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 675–676. Об отношении Булгарина к Наполеону см.: Рейтблат А. И. Булгарин и Наполеон // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. 242–249.

Скорее всего, Булгарин предполагал поместить эти сведения во французской части мемуаров, однако изданный текст завершается описанием его прибытия в Париж.

[^^^]

Мирный договор между Францией и Австрией, заключенный (14) 26 декабря 1805 г. в Пресбурге (ныне г. Братислава).

[^^^]

Согласно Пресбургскому договору Франции и ее союзникам отошли все австрийские владения в Германии, Тироль, Венеция, Истрия и Далмация. Его следствием стало и образование в июле 1806 г. Рейнского союза из шестнадцати германских государств под протекторатом Франции. Император Франц II в августе того же года отказался от не имевшего уже смысла титула императора Священной Римской империи германской нации (фактически прекратившей свое существование), оставшись императором австрийским – титул, который он принял в 1804 г. под именем Франца I. (Ср. с критикой Н. А. Полевого, утверждавшего, что римский император «никогда и не назывался “императором германским”» и что «его отречение от титула не было следствием Пресбургского трактата» (Литературная газета. 1846. № 5. 2 февр.).)

[^^^]

Король Неаполя Фердинанд IV, входивший в третью коалицию, после ее распада бежал на Сицилию под защиту английского флота. В марте 1806 г. Наполеон объявил королем Неаполя своего брата Жозефа.

[^^^]

Прусский министр граф Х. А. Гаугвиц, отправившийся к Наполеону с ультиматумом, не торопился, потратив 14 дней на дорогу из Берлина до Брюнна, оттуда он был отправлен Наполеоном в Вену к Талейрану, так и не предъявив своих требований и ожидая развития событий. Итоги Аустерлицкого сражения вынудили его во время следующей встречи в Вене поздравить французского императора с победой и подписать унижительный для Пруссии Шёнбруннский (по названию резиденции австрийских императоров, где он был подписан) союзный договор. Булгарин совместил оба события, указав местом действия Бринн (правильно – Брюнн, нем. Brünn, совр. чешский г. Брно).

[^^^]

В № 204 от 23 июля 1806 г. французской газеты «Gazette nationale ou le Moniteur Universel» (выходила в Париже в качестве официально-го правительственного органа с 1789 г.) было помещено сообщение о приказе морского министра Франции адмиралам, командирам портов и судов трактовать российские корабли как дружественные в связи с мирным договором Франции и России, подписанным в Париже 20 июля 1806 г. Текст договора не публиковался.

[^^^]

Уполномоченный вести переговоры с французской стороной П. Я. Убри под нажимом Талейрана 8 (20) июля 1806 г. подписал крайне невыгодный для России мирный договор. Александр I не ратифицировал договор и уволил Убри.

[^^^]

«Journal de Francfort» – газета на французском языке, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне.

[^^^]

Далмация (историческая область на островах и восточном побережье Адриатического моря), с 1797 г. принадлежавшая Австрии, согласно условиям Пресбургского мира перешла во владение Франции. Такая же судьба должна была постигнуть и находившуюся под протекторатом Австрии область Бока-ди-Каттаро на берегах Которского залива, обладание которой позволило бы Наполеону создать противовес русскому влиянию в этом регионе. Однако эти события совпали с приходом на остров Корфу (с 1800 г. входил в республику Семи Ионических островов, контролируемую Россией) русской эскадры под командованием адмирала Д. Н. Сенявина. При поддержке местного населения, большей частью православного, посланный Сенявиным отряд в феврале 1806 г. занял ряд городов области, не позволив австрийцам сдать ее подходившим французским войскам. Сенявин удерживал Бока-ди-Каттаро несмотря на поступавшие распоряжения Александра I о его сдаче. Однако после того как Александр не

утвердил мирного договора с Францией, Сенявину было приказано удерживать Бокка-ди-Каттаро, которая была отдана французам только после Тильзитского мира 1807 г.

[^^^]

В июле 1806 г. Александр I заключил тайный военный союз с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, а 30 августа (11 сентября) того же года вышел манифест «О предстоящей войне с Францией», подтверждавший верность прежней позиции России, стремящейся к восстановлению «общего спокойствия» в Европе, нарушаемого захватническими планами наполеоновской Франции.

[^^^]

Ч. Фокс, занимавший пост министра иностранных дел, умер 13 сентября 1806 г.

[^^^]

Фридрих Август III.

[^^^]

В сентябре 1806 г. была создана четвертая антифранцузская коалиция, в которую вошли Великобритания, Россия, Пруссия, Саксония и Швеция. Англия, как и раньше, участвовала деньгами, Россия – солдатами. Пруссия, занимавшая до этого позицию нейтралитета, начала активно вооружаться. 1 октября 1806 г. Наполеону был вручен ультиматум прусского короля Фридриха Вильгельма III с заведомо невыполнимыми условиями и требованием отвода французских войск от границ Пруссии не позднее 8 октября. В ответ Наполеон, назвавший поведение прусского кабинета «безумством», перешел границу Саксонии, началась война, известная в России как Русско-пруско-французская война (1806–1807).

[^^^]

Слово «характер» толковалось в немногочисленных русских лексиконах как «нрав, свойство» ([Соколов П. И.] Общий церковно-славяно-русский словарь. СПб., 1834. Т. 2. Стб. 1637); кроме этого, имело значения: «наружное достоинство, чин, сан, титул» ([Яновский Н. М.] Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины... СПб., 1806. Т. 3. Стб. 1082). Слово «темперамент» есть лишь в лексиконе Н. М. Яновского, который определяет его как «сложение, состояние тела животного, смесь мокрот в теле животного, а особливо человека», указывая при этом: «...качество и изобилие мокрот, составляют вообще *темперамент*, из которого, яко из источника, истекают все наши страсти» (Там же. Стб. 817–818).

Потофё (*фр.*) – традиционное горячее блюдо французской кухни: мясной бульон и сваренная в нем говядина с овощами и приправами.

[^^^]

Силезские войны (1740–1748), являвшиеся частью войны за Австрийское наследство, и Семилетняя война (1756–1763) Фридриха II с антипрусской коалицией (в составе Австрии, Франции, Швеции и России) не только заставили Австрию уступить Пруссии Силезию и графство Глац, но и прославили Фридриха как лучшего полководца своей эпохи, а Пруссию сделали сильной европейской державой. Битва при Росбахе (в Саксонии) 5 ноября 1757 г., в которой Фридрих благодаря молниеносной атаке разгромил почти вдвое превосходящую по численности франко-австрийскую армию, – одно из самых знаменитых сражений Семилетней войны. Иначе складывались обстоятельства в названных Булгариным битвах пруссаков с русскими: победу в кровопролитном сражении при Цорндорфе (на территории современной Польши) 14 (25) августа 1758 г. каждая из сторон считала своей, а в Кунерсдорфском сражении (в Силезии, на территории современной Польши) 1 (12) августа 1759 г. Пруссия потерпела сокрушительное

поражение. Полевой в рецензии указал на ошибки Булгарина в оценке этих событий, упрекнув в ненадежности источников, которыми тот пользовался.

[^^^]

Речь идет о неудачных действиях Пруссии против Франции в составе сил первой коалиции в августе–сентябре 1792 г.

[^^^]

Двойственность внешней политики Фридриха Вильгельма III, на которого влияли придворные группировки, привела Пруссию к политическому банкротству. Несмотря на нейтралитет Пруссии во время вторжения Франции в Австрию в 1805 г., Наполеон мало считался с ней: за полученный Пруссией в награду Ганновер он потребовал от Фридриха Вильгельма новых серьезных уступок. Н. А. Полевой в упомянутой выше рецензии справедливо пенял Булгарину на неточность в характеристике взаимоотношений Франции и Пруссии в этот период.

[^^^]

22 октября (3 ноября) 1805 г. в результате встречи Александра I с прусским королем между Россией и Пруссией в Потсдаме была подписана конвенция, согласно которой Пруссия выступала посредницей между государствами антифранцузской коалиции (Россией и Австрией) и Францией, обещая при необходимости вступить в коалицию. Однако, заключив с Францией после Аустерлица Шёнбруннский тайный союзный договор, Пруссия нарушила условия конвенции.

[^^^]

Пруссия попыталась объединить военные силы всех северогерманских государств: на ее стороне выступили герцог Веймарский Карл-Август и курфюрст Саксонский Фридрих Август III, начал мобилизацию армии и курфюрст Гессенский Вильгельм I, несмотря на объявление о своем нейтралитете.

[^^^]

Реакция Наполеона на ультиматум прусского короля от 1 октября 1806 г. была следующей: «Когда пруссаки потребовали от меня вывести свои войска из Германии в течение трех недель, в моем распоряжении было шестьсот тысяч солдат. Я думал, что все в их кабинете посходили с ума: успех оправдывает все, но безумие пруссаков было чистым бахвальством» (*Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены*. СПб., 2012. С. 97).

[^^^]

Речь идет о герцоге Брауншвейгском Карле Вильгельме Фердинанде.

[^^^]

Речь идет о дяде герцога Брауншвейгского Карла Вильгельма Фердинанда – принце Брауншвейгском Фердинанде, четвертом сыне герцога Фердинанда Альбрехта II Брауншвейгского.

[^^^]

Сражения Семилетней войны, в которых войска пруссаков и их союзников одержали победы над значительно превосходящими силами французов: битва при Крефельде 23 июня 1758 г. и Минденское сражение 1 августа 1759 г.

[^^^]

Нидерландские патриоты, противники правления дома Оранских, подняли восстание, и в 1785 г. наследственный штатгальтер (т. е. наместник, штатгудер – гол.) Нидерландов Вильгельм V, принц Оранский, женатый на племяннице прусского короля, вынужден был бежать из Гааги. Фридрих Великий в 1787 г. отправил к нему на помощь корпус во главе с герцогом Брауншвейгским, который очистил от патриотов Гаагу и восстановил права Вильгельма.

[^^^]

Возглавивший в 1792 г. выступившую против революционной Франции объединенную австро-прусскую армию герцог Брауншвейгский издал манифест, угрожавший расправой противникам Людовика XVI, чем вызвал противодействие, которое в итоге привело к свержению монархии. 20 сентября 1792 г. его армия потерпела поражение при Вальми, впоследствии герцог вынужден был сложить обязанности главнокомандующего.

[^^^]

Герцог Брауншвейгский прибыл в Петербург с чрезвычайным посольством в феврале 1806 г., он согласился на заключение союзного оборонительного договора.

[^^^]

Учрежденный Петром I высший орган военного управления. При учреждении министерств в 1802 г. Военная коллегия вошла в состав образованного Министерства военно-сухопутных сил. Располагалась в бывшем дворце Шуваловых на набережной р. Мойки.

[^^^]

Орган военного управления, в ведении которого находилось снабжение армии жалованьем, обмундированием, снаряжением и управление госпиталями; с июля 1805 г. подчинялся генерал-интенданту.

[^^^]

Речь идет о шведском короле Густаве II Адольфе.

[^^^]

Считается, что штык (охотничий кинжал, который вставлялся рукояткой в канал ствола) был изобретен в Байонне в 1641 г., почему и назывался «байонет» или «багинет».

[^^^]

В журнальной публикации: «...приезжали в Берлин любоваться и удивляться гвардии прусского короля» (Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 78).

[^^^]

Большой лейб-гвардии полк (*нем.*) – имеется в виду гренадерский лейб-гвардии полк, в который набирали солдат не ниже 1,88 м.

[^^^]

ПЛУТОНГ (через нем. *pluton*(g) от фр. *peloton*) –
ВЗВОД.

[^^^]

Военный церемониал при смене караула, на котором присутствует высокопоставленное лицо.

[^^^]

Роль партизанских отрядов выросла во время Семилетней войны, однако инициатором их создания была не Пруссия, а Австрия, вербовавшая воинов-партизан на окраинах империи (о чем Булгарин и пишет ниже). Убедившись в эффективности партизанских действий, Фридрих Великий последовал австрийскому примеру, усилив значение конницы и легких войск.

[^^^]

Против пруссаков на границах империи действовали отряды пандуров – иррегулярной пехоты, впервые появившейся в Венгрии и названной по имени венгерской деревни, они комплектовались из жителей горных районов и наемников: венгров, хорватов (кроатов) и др.

[^^^]

Булгарин ошибся, переводя дату: одно из самых знаменитых сражений Фридриха Великого при Росбахе (Саксония) произошло 5 ноября 1757 г. (25 октября по старому стилю).

[^^^]

В 216 г. до н. э. в битве при Каннах Ганнибал одержал победу над римлянами и занял город Капую. «В роскошной Капуе армия только изнежилась и обленилась. По крайней мере, так думали римляне: “как Ганнибал в Капуе” стало у них поговоркой» (*Гаспаров М. Л. Капитолийская волчица. Рим до цезарей. М., 2008. С. 109*).

[^^^]

Этот эпизод из заграничной студенческой жизни М. В. Ломоносова произошел в октябре 1740 г.: по дороге из Лейдена в Дюссельдорф в одной из гостиниц он был обманным путем завербован в прусскую королевскую кавалерию и отправлен в гарнизон, откуда бежал.

[^^^]

См. примеч. 65 на с. 306.

[^^^]

На страницах основанной и издававшейся им в 1803–1806 гг. в Берлине газеты «Der Freimüthige» («Прямодушный») Коцебу вел в основном литературную полемику, его активная деятельность как политического писателя, отличавшаяся резкой антинаполеоновской направленностью, развернулась после того, как он покинул Берлин, в сатирических изданиях «Die Biene» (Кёнигсберг, 1808–1809), «Geist aller Journale» (Рига, 1809) и др.

[^^^]

В журнальной публикации: «...и французы ~ теперь... шли навстречу смерти!» (Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 87).

[^^^]

Секретарь короля Прусского Ломбар (Lombart) написал в своих записках: «A Londres on n'eut pas sacrifié une hutte de nègres pour sauver des couronnes». Т. е. «В Лондоне не пожертвовали бы хижиною негра для спасения царских венцов»³⁰¹.

[^^^]

Город в Баварии.

[^^^]

Намек на королеву Луизу, жену Фридриха Вильгельма III, которую считали главой военно-патриотической партии в Пруссии, стремящейся к войне с Францией.

[^^^]

«Maréchal! On nous donne un rendez-vous d'honneur pour le 8; jamais un Français n'y a manqué; mais, comme on dit qu'il y a une belle reine qui veut être témoin des combats, soyons courtois, et marchons, sans nous coucher, pour la Saxe». БИНЪОН, стр. 588304.

[^^^]

Письмо было написано за день до решающего сражения, в нем «Наполеон говорил о бесполезности проливать кровь и о желании примирения, но говорил в выражениях надменных, делавших примирение невозможным...» (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846. С. 32). Сомнительное утверждение Булгарина о щедрых предложениях, сделанных в этом письме Наполеоном прусскому королю, вызвало критику в рецензии Н. А. Полевого.

[^^^]

8 октября 1806 г. французская армия вторглась на территорию прусского союзника – Саксонии. Три колонны (по разным оценкам, от 130 до 190 тыс. солдат) стремительно двигались через Франконский лес к Эльбе, в тыл прусской армии.

[^^^]

Саала, или Заале (*нем.* Saale) – река в Германии, левый приток Эльбы. Началом военных действий стало нападение французского авангарда на отряд прусских гусар. Под натиском кавалерии Мюрата пруссаки вынуждены были отступить из Саальсбурга к Шлейцу, где 9 октября произошло первое значительное сражение этой войны. Далее Булгарин верно передает основные моменты стремительной кампании Наполеона (ср.: *Орлов Н. А. Очерк трехнедельного похода Наполеона против Пруссии в 1806* ♦ м году. СПб., 1856).

[^^^]

803

Здесь (и далее во многих случаях) в значении:
склад.

[^^^]

Решающее двойное сражение (битва при Йене и Ауэрштедте) произошло 2 (14) октября 1806 г. В битве при Йене Наполеон с маршалами Неем, Ланном, Сультом, Ожеро и Мюратом, полагая, что имеет дело с основными силами противника, разбил армию князя Гогенлоэ.

[^^^]

В этот же день Даву одержал победу под Ауэрштедтом над превосходящим его по численности противником – главными силами пруссаков под началом герцога Брауншвейгского, с которым находились прусский король Фридрих и фельдмаршалы Моллендорф и Калькрейт. О «странном» поведении Бернадота в этот день пишут все военные историки – располагавший значительными силами, он не пришел на помощь ни Наполеону, ни Даву, за что получил выговор от Наполеона: «...указ о возбуждении против Бернадота уголовного следствия был уже подписан <...> Только внимание к жене маршала, свояченице брата его Иосифа, побудило императора в последнюю минуту разорвать этот указ» (*Леттов-Форбек О. История войны 1806 и 1807 гг. Варшава, 1895. Т. 1. С. 315*).

[^^^]

По свидетельству Н. И. Греча, в 1814 г. во Франции Булгарин был «взят в плен прусским партизаном Коломбом и отправлен в Пруссию» (*Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 676*). Один из своих ранних военных рассказов Булгарин начал словами: «Один офицер из отряда прусского партизана Коломба рассказывал мне в 1814 г. следующий анекдот» (*Ф. Б. [Булгарин Ф. В.] Невольное убийство: истинное происшествие: (Отрывок из моих записок) // Северная пчела. 1825. № 78. 30 июня*). Прусский кавалерийский офицер П. Коломб был женат на сестре генерала Г. Блюхера и служил под его началом, в 1813 г. он действовал как партизан в тылу французской армии. О «храбром» прусском майоре Коломбе, с которым довелось участвовать в совместных военных действиях в Голландии, пишет А. Х. Бенкендорф (*Бенкендорф А. Х. Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов / Сост., примеч. и сопровод. ст. П. Н. Грюнберга. М., 2001. С. 225, 266–267, 270–271*).

[^^^]

Бернадот разбил у Галле 15-тысячный резервный корпус принца Евгения Вюртембергского (пруссаки потеряли 113 офицеров и 5000 нижних чинов убитых, раненых и пленных). 28 октября 1806 г. под Пренцлау уходящие на север остатки прусской армии под началом князя Гогенлоэ, окруженные кавалерией Мюрата, вынуждены были капитулировать; среди сдавшихся на капитуляцию – 300 офицеров и около 9000 нижних чинов. Среди капитулировавших военные историки называют не герцога Мекленбург-Шверинского, а командовавшего лейб-кирасирами прусского генерал-майора графа Шверина (*Орлов Н. А. Указ. соч. С. 200; Леттов-Форбек О. История войны 1806 и 1807 гг. Варшава, 1896. Т. 2. С. 202*).

[^^^]

После разгрома прусской армии в сражении 14 октября 1806 г. французам сдались: Эрфурт, Шпандау, Штеттин, Кюстрин, Ченстохау, Гамельн, Плассенбург, Глогау, Бреславль. Самым красноречивым свидетельством деморализации Пруссии была сдача маршалу Нею Магдебурга – сильной крепости с хорошо вооруженным гарнизоном, большими запасами боеприпасов и продовольствия: «Ней нашел в Магдебурге 20 генералов, 800 штаб- и обер-офицеров, 22 тысячи нижних чинов, 700 орудий, миллион фунтов пороху, 80 тысяч снаряженных бомб, понтонный парк, 54 знамен и 5 штандартов» (Орлов Н. А. Указ. соч. С. 217).

[^^^]

25 октября 1806 г. в Берлин вошел маршал Даву, Наполеон же со своей свитой 24 октября остановился близ прусской столицы в Потсдаме, в замке Сан-Суси, посетив могилу Фридриха Великого, а 27-го торжественно вступил в Берлин.

[^^^]

После известия о разгроме пруссаков Александр I подтвердил верность союзническому долгу – 16 (28) октября 1807 г. в Гродно была подписана русско-прусская военная конвенция.

[^^^]

Речь идет о мерах, принятых после того, как наполеоновская армия оказалась в опасной близости от границ России. 16 (28) ноября 1806 г. император Александр I подписал манифест «О начатии войны с французами», 30 ноября (12 декабря) – «О составлении и образовании поместных временных ополчений или милиции». Милиция набиралась из государственных и помещичьих крестьян (офицеры – из дворян) и являлась резервом регулярной армии.

[^^^]

Булгарин неточно цитирует по памяти особое объявление Синода. Указом от 13 декабря 1806 г. (на основании данного ему 6 декабря именного указа) предписывалось читать это синодское послание каждое воскресенье и по праздничным дням «по окончании литургии при народном собрании в церквах». Объявление начиналось словами: «Неистовый враг мира и благословенныя тишины, Наполеон Бонапарте, самовластно присвоивший себе царственный венец Франции, и силою оружия, а более коварством распространивший власть свою <...> дерзает в исступлении злобы своей угрожать свыше покровительствуемой России вторжением в ея пределы <...> и потрясением православныя грекороссийския церкви, во всей чистоте ея и святости в империи сей процветающия». В нем сообщалось, что Наполеон со времен революции «отложился от христианской веры», «в Египте общился он гонителям церкви Христовой, проповедывал алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных по-

следователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение свое к пастырям святыя церкви Христовой. Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции иудейския синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на испровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона» (ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 39. № 22.394). Н. К. Шильдер писал: «...нельзя не удивляться искусству, с которым извращалась в этом объявлении историческая обстановка данной минуты» (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 2. С. 157).

[^^^]

Имеются в виду антифранцузские пропагандистские листовки, или «афишки», московского военного губернатора Ф. В. Ростопчина, написанные простонародным языком. См.: *Борсук Н. В. Ростопчинские афиши*. СПб., 1912.

[^^^]

814

Здесь в значении: учебное воинское подразделение.

[^^^]

22 октября (3 ноября) корпус Л. Л. Беннигсена перешел границу у Гродно. Назначенный под давлением общественного мнения главнокомандующим престарелый фельдмаршал М. Ф. Каменский (в 1806 г. ему было 68 лет) не чувствовал себя способным к исполнению обязанностей и посылал императору просьбы об отставке. Через неделю после прибытия Каменский покинул армию, сдав командование Ф. Ф. Буксгевдену.

[^^^]

В соответствии с положениями Ясского мира (1791) назначение и смещение правителей Молдавии и Валахии должны были происходить с согласия России. В августе 1806 г. турецкий султан Селим III отправил в отставку преданных России господарей Молдавии – Александра Мурузи и Валахии – Константина Ипсиланти, что послужило поводом к началу Русско-турецкой войны.

[^^^]

В журнальной публикации: «...14 ноября генерал Михельсон вступил в Яссы» (Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 94). Днестровская армия под командованием И. И. Михельсона 11 ноября 1806 г. переправилась через Днестр, а 16 ноября вступила в столицу Молдавии г. Яссы (сейчас – город в Румынии).

[^^^]

Желая подать пример дворянству, Александр I распорядился сформировать на средства императорской фамилии батальон из дворцовых и государственных крестьян.

[^^^]

Чухна – разговорное (иногда с оттенком пренебрежения) название представителей прибалтийско-финских народов.

[^^^]

Батальон милиции в составе пяти рот пехоты с одной полуротой артиллерии был создан в Стрельне в декабре 1806 г. из крестьян императорских вотчин (большой частью финнов). За военные отличия в войне 1807 г. был причислен к гвардии, в апреле 1808 г. назван лейб-гвардии Финляндским и в октябре 1811 г. переформирован в лейб-гвардии Финляндский полк.

[^^^]

Речь идет о колонии Соломинской, или Буксгевденской, основанной в 1828 г. под Петербургом на восточном берегу Ивановского ручья немецкими колонистами (ныне район ул. Добровольцев, д. 2–6), и о даче Павлино, принадлежавшей отставному полковнику графу Л. П. Виттенштейну.

[^^^]

Возможно, Булгарин ошибся, поскольку наиболее крупным строением в Стрельне в эти годы владел лейб-медик великого князя Константина Павловича Петр Иванович фон Линдстрем (1767–1841), его дача располагалась в восточной части Стрельны, здание сохранилось до конца XX в.; в 1992 г. оно было повреждено пожаром и разобрано (см.: *Горбатенко С. Б.* Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2001. С. 216). Среди нескольких примечательных дач Стрельны, отмеченных П. П. Свиным, названа также дача Линдстрема, но нет ни одной принадлежащей какому-либо англичанину (см.: *Свин П. П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1818. С. 96, 98).

[^^^]

Речь идет о сыне известного руководителя пророссийской Тарговицкой конфедерации Станислава Феликса Потоцкого Станиславе Станиславовиче Потоцком. В русской традиции отчество Станислава Потоцкого-младшего принято было давать по первому имени его отца, однако читатель-поляк обращал внимание на второе имя – Феликс, под которым и был более известен современникам Потоцкий-старший, отчего Булгарин и делает соответствующий акцент.

[^^^]

Одна из самых богатых дач в Стрельне с пейзажным и фруктовым садами, принадлежавшая стрельнинскому управляющему Г. И. Энгельману (участок приобретен в 1802 г., строилась в 1810-е гг.).

[^^^]

Императорская гранильная фабрика в Петергофе выполняла заказы для оформления Зимнего дворца и Исаакиевского собора. С 1819 г. рядом с ней начала работать Императорская бумажная фабрика.

[^^^]

Здесь: старинная азартная карточная игра фараон, в которой участвуют банкومت и понтеры, делающие ставки.

[^^^]

По просьбе француза, содержателя маскарадов Л. Фельета в 1801 г. император оставил за ним «исключительное право содержать маскарады на пять лет, с тем обязательством, чтобы он вносил подать тысячи по восьмисот рублей в опекунский совет воспитательного дома» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 213. Л. 3).

[^^^]

Трагедия Я. Б. Княжнина, с успехом постав-
ленная в 1784 г.

[^^^]

Трагедии В. А. Озерова пользовались огромным успехом у современников. По словам Д. П. Святополк-Мирского, «Озеров сохранил классические формы <...> но пытался влить в эти формы новую чувствительность. Эта атмосфера чувствительности и отделанности в соединении с карамзинской нежностью стиха и было то, что нравилось публике в озеровских трагедиях» (*Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2006. С. 124*).

[^^^]

Речь идет о первой трагедии В. А. Озерова, называвшейся «Ярополк и Олег» (1798).

[^^^]

Правильно: «to be, or not to be» (*англ.*). Приведенный Булгариным текст переводится как «пчела или не пчела», что дало возможность Н. А. Полевому в своей рецензии высмеять Булгарина (Литературная газета. 1846. № 5. 2 февр.), как в свое время сделал Булгарин в «Северной пчеле» (1825. № 116, 121, 126 и др.) из-за того, что плохо знавший французский язык Полевой написал о платьях «цветов голубого, розового и грипусье» (*фр.* «gris-roussièrre» – «пыльно-серый») (Московский телеграф. 1825. Прибавл. к № 14. С. 309), после чего получил от Булгарина прозвище Грипусье.

[^^^]

Впервые о них Булгарин рассказал в статье «Театральные воспоминания моей юности» (Пантеон русского и всех европейских театров. СПб., 1840. № 1. С. 90–91).

[^^^]

В. А. Озеров был выпущен из Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в ноябре 1787 г. в чине поручика и с награждением золотой медалью; участвовал в Русско-турецкой войне (1787–1791) в качестве адъютанта графа А. Б. де Бальмена, командира Отдельного Кавказского корпуса; осенью 1792 г. вернулся в корпус и был назначен адъютантом Ф. Е. Ангальта.

[^^^]

В. А. Озеров умер 5 (17) сентября 1816 г.

[^^^]

Измененная цитата из «Эпитафии» (1803) И. И. Дмитриева: «Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах / Вот жребий наш каков! / Живи, живи, умри – и только что в газетах / Осталось: *выехал в Ростов*» (Сочинения И. И. Дмитриева. Изд. 6^е. СПб., 1823. Ч. 1. С. 138).

[^^^]

К первой части следующих изданий сочинений В. А. Озерова прилагались его портреты, представлявшие собой три разных изображения одного и того же скульптурного бюста, нарисованные разными художниками: Сочинения В. А. Озерова. СПб., 1817 (под портретом: I. Ivanow); Сочинения Владислава Александровича Озерова. 4♦е изд. СПб., 1827 (под портретом: рисовал Г. Гиппиус, гравировал Н. Уткин); Сочинения Озерова. 5♦е изд., доп. и сверенное по рукописям автора. СПб., 1828 (под портретом: рисовал А. Нотбек, грав. Н. Уткин). Далее Булгарин цитирует стихотворение Озерова под названием «К В. В. Капнисту» по 5♦му изданию (Ч. 3. С. 121–126).

[^^^]

Свое обещание Булгарин не исполнил, так как не довел воспоминания до времени знакомства с А. Н. Олениным. В 1822 г. Булгарин собирался поступить на службу в Императорскую публичную библиотеку, директором которой тот был. А. Н. Оленин писал Ф. В. Булгарину 25 сентября 1822 г., что не может теперь исполнить его просьбу, но замечал: «...позвольте мне, однако же, твердо полагать, что вы ей (библиотеке. – Н. А.) уже принадлежите и что при первом моем воззвании вы вступите в должность с тою готовностью, которую вы ныне мне изъявили» (ОР РНБ. Ф. 865. Ед. хр. 137. Л. 4).

[^^^]

См.: Письма В. А. Озерова к А. Н. Оленину.
1808. 1809 / Сообщ. В. А. Олениной // Русский
архив. 1869. Вып. 1. Стб. 123–151.

[^^^]

Раннимое племя поэтов (*лат.*) – выражение Горация («Послания», II, 2, 102).

[^^^]

Вычурный, манерный, слащавый слог (*фр.*).

[^^^]

Обиженный незаслуженным, по его мнению, отношением начальства, В. А. Озеров подал в отставку и был уволен в 1809 г. от службы без причитавшейся ему прибавки к пенсиону. Такой же болезненный характер имел и его уход из литературы: Озеров оставил «стихотворство», потрясенный неудачей трагедии «Поликсена» (1809), которую считал своим лучшим произведением. Эти обстоятельства использовались в литературной полемике эпохи, что неблагоприятно повлияло на душевное здоровье и без того мнительного и ранимого драматурга.

[^^^]

Трагедия В. А. Озерова (1805) на сюжет поэмы «Фингал» (1762) шотландского поэта Дж. Макферсона.

[^^^]

Реплика Эдипа из трагедии В. А. Озерова
«Эдип в Афинах» (1804), действие 2, явление
первое.

[^^^]

См. Сочинения Озерова. Издание пятое. СПб.
1827 года. Стр. 126349.

[^^^]

Это послание было ответом на опубликованное в «Северном вестнике» (1805. № 5) послание В. В. Капниста «Владиславу Александровичу Озерову», бывшее откликом на анонимную эпиграмму (это послание помещалось в собраниях сочинений В. А. Озерова, сопровождая ответ последнего). Капнист писал:

Эдипа видел я, – и чувство состраданья

Поднесь в растроганной душе моей хранит

Гонимого слепца прискорбный, томный вид.

<...>

Теки ж, любимец муз. Во храме Мельпомены,

К которому взошел по скользкой ты горе,

Неувядаемый, рукой ее сплетенный,

Лавровый ждет тебя венок на алтаре.

Теки и, презря яд зоилов злоязычный,

В опасном поприще ты бег свой

простирай...

(Капнист В. В. Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 182).

[^^^]

Неточно приводится анонимная эпиграмма:
«Во храм бессмертия наш [Озеров] идет, / Но
как ему дойти? Слепой его ведет» (Русская
эпиграмма (XVIII – начало XIX века). 3^е изд.
Л., 1988. С. 341).

[^^^]

Имеются в виду А. А. Шаховской и С. Н. Марин.

[^^^]

Такой взгляд был характерен для арзамасцев В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и П. А. Вяземского, высоко оценивавших творчество Озерова и считавших его хулителей литературными староверами, что нашло отражение в статье Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (1817) и в упомянутом Булгаринным послании Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814):

*Увы! «Димитрия» творец
 Не отличил простых сердец
 От хитрых, полных вероломства.
 Зачем он свой сплетать венец
 Давал завистникам с друзьями?
 Пусть Дружба нежными перста-
 ми
 Из лавров сей венец свила —
 В них Зависть терния вплела;
 И торжествует: растерзали
 Их иглы славное чело...*

В значении фразеологизма «собачий нюх», то есть особого рода пронизательность.

[^^^]

В журнальной публикации: «На восемнадцатом году от рождения (именно в 1791)...» (Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 105). Скорее всего, опечатка при наборе текста «Воспоминаний», т. к. восемнадцатый год пошел А. С. Яковлеву в 1790 г.

[^^^]

Бывшим потом комическим актером; он особенно был хорош в роли Трише в «Модной лавке» И. А. Крылова³⁵⁶.

[^^^]

См. «Сочинения Алексея Яковлева, придворного российского актера», СПб., в типографии А. Смирдина. 1827, с портретом. Книгу эту издал А. Ф. Смирдин и подарил мне *рукопись* Яковлева, которая и теперь хранится у меня. Поэзии в этих сочинениях не много, но есть ум и благородные чувства. Весьма замечательные стихи под заглавием «Мрачные мысли», в которых Яковлев описывает свое сиротство и горечь жизни:

*Ах! я двух лет от рождения
 Был несом за гробом отческим;
 На осьмом за доброй матерью
 Шел покрыть ее сырой землей.
 Горько, горько сиротою жить,
 И рукою хладной, чуждою
 Быть возвращаему, питаему;
 И на лоне нежной матери
 Не слышать названий ласковых, –
 и проч.357*

Это не поэзия, но чувство, излившееся прямо из души!

[^^^]

Имеется в виду переведенная В. И. Лукиным комедия Ж.-Г. Кампистрона «Ревнивый, из заблуждения выведенный» («Le Jaloux désabusé», 1709).

[^^^]

Герой трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» (1750).

[^^^]

4 октября 1817 г. (за месяц до смерти) больной Яковлев «через силу» играл Тезея в трагедии «Эдип в Афинах», «это было его последнее появление на сцене» (*Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 256). Характер ошибки свидетельствует о том, что Булгарин, скорее всего, видел этот последний выход Яковлева (о том, что в начале февраля 1817 г. Булгарин был в Петербурге, см.: *Тургенев Н. И.* Дневники и письма. Пг., 1921. Т. 3. С. 26). Пьеса А. Коцебу «Испанцы в Перу, или Смерть Роллы» (1796) шла в Петербурге в 1817 г. только 17 января.

[^^^]

С упреком Пушкину в аристократизме с Булгариным были солидарны Н. И. Греч и братья Полевые (см.: *Полевой Н. А. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов* / Под ред. В. Орлова. Л., 1934. С. 230).

[^^^]

Напротив этих слов, подчеркнув их, П. В. Долгоруков написал: «Гнусная ложь: нельзя было держать себя благороднее Пушкина, который не имел нужды бегать ни за чьими похвалами, принадлежа сам к древнейшему роду боярскому» (*Сидоров И.* Еще раз об анонимном «дипломе» и кн. П. В. Долгорукове // *Вопросы литературы.* 1987. № 2. С. 179).

[^^^]

Молитва в православной церкви (по первым словам – «Иже Херувимы...»), поется на литургии.

[^^^]

Речь идет о князе Н. М. Голицыне.

[^^^]

Эта мысль впервые была высказана в «Театральных воспоминаниях моей юности», где Булгарин писал об отсутствии в репертуаре русского театра «русской трагедии в новом духе», равной по достоинству трагедиям Озерова, и о неудачных новых драмах, написанных «рублеными стихами» (Пантеон русского и всех европейских театров. СПб., 1840. № 1. С. 90–91).

[^^^]

22 октября (3 ноября) 1806 г. русские войска пересекли прусскую границу, театром войны стала сначала территория принадлежавшей Пруссии части Польши.

[^^^]

Речь идет о сражении под Пултуском 14 (26) декабря 1806 г., в котором русские войска под командой Л. Л. Беннигсена смогли успешно противостоять французам – корпусу маршала Ж. Ланна. Реляция, пришедшая в Петербург, была составлена как сообщение о долгожданной победе, в которой так нуждалось русское общество. Беннигсен был награжден орденом Св. Георгия 2-го класса и назначен главнокомандующим Заграничной армией.

[^^^]

Ставшая крылатой фраза древнегреческого физика и математика Архимеда, обычно переводимая как «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Ср.: «Между тем Архимед как-то раз написал царю Гиерону, с которым был в дружбе и родстве, что данною силою можно сдвинуть любой данный груз; как сообщают, увлеченный убедительностью собственных доказательств, он добавил сгоряча, что будь в его распоряжении другая земля, на которую можно было бы встать, он сдвинул бы с места нашу» (*Плутарх. Сравнительные жизнеописания* / Пер. С. П. Маркиша. М., 1994. Т. 1. С. 348).

[^^^]

Ноты находятся в приложениях к сей части.

[^^^]

Популярный военный марш возник на мелодической основе кантов в Петровскую эпоху и был известен под названием «Петровский марш». С. Н. Марин написал на музыку марша слова (см: Марш лейб-гвардии Преображенского полка, сочиненный в 1805 году поручиком того полка С. Мариным // Марин С. Н. Полн. собр. соч. / Ред. и коммент. Н. В. Арнольда. М., 1948. С. 183–184). С этим маршем русская армия вошла в 1814 г. в Париж, он исполнялся в русских войсках до начала XX в. и до сих пор остается одним из лучших образцов военно-прикладной музыки. Однако, как считают историки музыки, марш претерпевал изменения, его ранние варианты существенно отличались «от того варианта, который известен нам по маршевым сборникам XIX и XX веков» (Турунов В. И. История военной музыки России. М., 2005. С. 77). В журнальной публикации приложение с нотами отсутствует (Библиотека для чтения. 1846. Т. 74. Отд. I. С. 110).

[^^^]

В Полном собрании сочинений Марина последние строки 6♦й строфы даны в следующей редакции: «Зададим ему тревогу, / Как столицу будем брать», с указанием и болгаринского варианта (*Марин С. Н.* Полн. собр. соч. С. 184, 410).

[^^^]

Источник этого латинского выражения – сочинение Плутарха «Изречения лакедемонянок», где приводятся слова спартанки, обращенные к сыну, которого она провожала на битву с врагами (т. е. пожелание победить или погибнуть, не допуская мысли о плене).

[^^^]

Константин Павлович, главнокомандующий польской армией и наместник Царства Польского, во время Польского восстания 1830–1831 гг. бежал из Варшавы. 3 июня 1831 г. он прибыл в Витебск и поселился во дворце генерал-губернатора князя Н. Н. Хованского. Через полторы недели (15 июня) он умер там от холеры.

[^^^]

Письмо В. Я. Мызникова, который «знал и любил литературу и сам был немного писателем в прозе и стихах» (Воспоминания Г. И. Филиппсона. М., 1885. С. 33), было опубликовано в «Северной пчеле» 10 октября 1831 г. Следующая фраза в газетном тексте письма дана в редакции: «Эта книга была и *последним чтением* покойного цесаревича, которая с изъяснением *особенного* удовольствия была читана его императорским высочеством, *два раза*». Полный текст письма был опубликован Н. Ф. Дубровиным, см.: Из архива Ф. В. Булгарина (Письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. Т. 105. № 2. С. 406–407.

[^^^]

В. Я. Мызников имеет в виду Э. К. Фрерона, журналиста и писателя, известного противника любых литературных нововведений, прославившегося нападкамии на писателей-энциклопедистов, в особенности на Вольтера и Руссо.

[^^^]

Роман Булгарина «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831) был в то время литературной новинкой. Обращение к 1812 г. было обусловлено вновь пробудившимся интересом к Отечественной войне в связи с приближающимся юбилеем победы, в то же время Польское восстание 1830–1831 гг., как казалось тогда многим, угрожало опасностью нового европейского вторжения. Булгаринский «нравоописательный исторический роман XIX века» (таков авторский подзаголовок) основан преимущественно на частной жизни и любовной истории старшего сына Ивана Выжигина (главного героя одноименного романа Булгарина), оказывающегося в гуще исторических событий. Соотнося события 1812 г. и недавнего польского восстания, Булгарин ввел в роман польскую тему (семья Мориконских, помогающая Выжигину), рассказав о героях, принадлежащих к нации, потерявшей государственную независимость, и вынужденных служить разным государствам. Проблема национально-политического выбора поляков,

их судьбы окрашены в романе подлинным драматизмом.

[^^^]

Об инциденте см. выше примеч. 182. Письма В. М. Головнина П. И. Рикорду, искавшему способы вызволить русский экипаж из плена, написаны в период, предшествовавший освобождению Головнина и его спутников (весна–лето 1813). Головнин с товарищами был освобожден 7 октября 1813 г., проведя в плену более двух лет. Полная публикация писем Головнина осуществлена С. А. Козловым, см.: *Козлов С. А. Русские открывают Японию. Из рукописного наследия мореплавателей В. М. Головнина и А. И. Хлебникова 1810–1820* ♦ е гг. СПб., 2016. С. 240–292.

[^^^]

Булгарин был хорошо знаком с Рикордом: 24 апреля 1844 г. на обеде в честь 50-летия службы Рикорда он пел поздравительные куплеты собственного сочинения (см. об этом в комментариях А. И. Рейтблата: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 681). П. И. Рикорд печатался в «Северной пчеле»: его обширные примечания сопровождали статью К. Л. Чистякова «Плавание фрегата “Елисаветы” (Письмо к издателю С[еверной] пч[елы] с российской эскадры в Средиземном море, с замечаниями контр-адмирала П. И. Рикорда)» (Северная пчела. 1830. № 56, 57. 10, 13 мая); статью Булгарина «Юбилей пятидесятилетней службы вице-адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна» предваряла «Речь, произнесенная вице-адмиралом Петром Ивановичем Рикордом» (Северная пчела. 1839. № 23. 28 янв.).

В. М. Головнин был знаком с Булгариным, в его журнале «Северный архив» напечатал статьи «Известие из истории кораблекрушений» (1822. № 6. С. 518–522), «Крушение судна Святого Николая, принадлежавшего Российской Американской компании под начальством штурмана Булыгина...» (Там же. № 21. С. 219–253; № 22. С. 313–328).

[^^^]

Оригинал письма см.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 57–58 об. Впервые письмо со значительными купюрами было опубликовано П. И. Рикордом, см.: *Рикорд П. И.* Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. С. 83–85.

Письмо было написано В. М. Головниным во время ожидания вторичного прибытия к японским берегам шлюпа «Диана» в апреле 1813 г. Опасения, связанные с предательством одного из членов экипажа (Ф. Ф. Мура) и хитростью японцев, заставили его принять меры предосторожности: «...написать потихоньку пять одинакого содержания писем на имя г-на Рикорда и велеть матросам и Алексею зашить оные в свои фуфайки, чтобы на случай обыска японцы не могли найти. Сии записки приказано им от меня было отдать командиру того русского судна, на которое их отправят» (*Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск,

1972. С. 254). Письмо было получено Рикордом не позднее 7 июля при следующих обстоятельствах: во время переговоров Рикорда японцы позволили навестить «Диану» двум пленникам: одним был курилец-переводчик Алексей Максимович, а вторым – матрос Дмитрий Симонов. Симонов и доставил тайком зашитое в воротник письмо Головнина.

Булгарин восстановил купюры, имеющиеся в публикации Рикорда, но в его публикации есть разночтения с оригиналом. Характер правки позволяет предположить, что мы имеем дело или с автоцензурой, или с цензурной правкой, а возможно, с той и другой.

[^^^]

Насильственные действия офицеров Российско-Американской компании Хвостова и Давыдова на Курильских островах и южном Сахалине настроили японцев против русских, в том числе и против участников экспедиции на «Диане», к которым они отнеслись с недоверием. Об этом свидетельствует и запись в судовом журнале от 10 июля 1811 г., накануне захвата Головнина: встретившие русский экипаж японцы объясняли свою настороженность и недружелюбие тем, что «был у них недавно один случай, который подавал им причину думать о нас весьма с невыгодной стороны, командир российско-американской компании Хвостов прибыл на двух судах <...> выехал подобно нашему на берег на шлюпах, напал и пограбил их селения, а потому они и опасались, чтобы им того же не сделали, так как принадлежим той же нации» (РГАВМФ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 119).

В оригинале письма: «...бездельнические поступки голландцев...» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 58 об.).

[^^^]

Myp (Moore)382.

[^^^]

В оригинале: «...Хвостов, распутный, пьяный человек...» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 58 об.).

[^^^]

В оригинале: «...государь согласно его и нашим законам повелел...» (Там же).

[^^^]

В оригинале: «...они в больших опасностях себя отличили и, не получив награды, предались пьянству и пьяные или нет утонули...» (Там же).

[^^^]

В оригинале письма В. М. Головнин не называет мыс (Там же), Булгарин при публикации добавил название. 20 апреля 1808 г. «Диана» пришла в порт Саймонстаун на мысе Доброй Надежды, принадлежащий англичанам, и была задержана для получения специального разрешения английского правительства из-за изменившихся политических условий, согласно которым Россия находилась в состоянии войны с Англией. Более чем через год, 16 мая 1809 г., во время шторма Головнину удалось увести из порта корабль, взяв курс на Камчатку, куда шлюп прибыл 25 сентября. В мае следующего года «Диана» отправилась в экспедицию к берегам Аляски.

[^^^]

Остров южной группы Большой гряды Курильских островов.

[^^^]

Тихоокеанское материковое побережье России, западный берег Татарского пролива.

[^^^]

Старое название порта Гуанчжоу на юге Китая.

[^^^]

В оригинале письма: «...описывая свои острова...» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 58 об.).

[^^^]

На севере Итурупа, одного из островов Южной группы Большой Курильской гряды, куда за продовольствием и пресной водой зашла «Диана», русский экипаж встретил не только местных жителей, айнов, но и японцев, устроивших здесь свои фактории. Японский начальник Исидзака Такэхейма дал Головнину письмо к начальству селения на западном побережье Итурупа, где можно было получить помощь. На Итурупе к экипажу присоединился переводчик из местных жителей – А. М. Чекин с острова Расшуа.

[^^^]

В оригинале письма: «...от бешеного нрава и безрассудности г. Резанова» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 58 об.).

[^^^]

Есть ли что выше в летописях Древней Греции и Древнего Рима! Вот истинное самоотвержение, т. е. геройство!

[^^^]

В оригинале: «Узнавши точно...» (Там же. Л. 57).

[^^^]

В оригинале: «...в разных видах; итак, будучи совершенно свободен от предрассудков, я не боюсь самоубийства, еще прошу тебя...»
(Там же).

[^^^]

Распоряжение о вознаграждении «посланного матроса» относилось не к Симонову, передавшему письмо, а к тому, кому доведется доставить это письмо по назначению, поэтому имени матроса в письме нет – Головнин в апреле еще не знал, кто это будет.

[^^^]

В публикации П. И. Рикорда и последующих переизданиях письмо ошибочно датировано 10 апреля. Булгарин привел правильную дату по оригиналу письма.

[^^^]

Здесь идет речь об одном иностранце, употреблявшем все усилия, чтоб погубить русских, находившихся в японском плену. Он давным-давно умер, но я не хочу называть его, чтоб не навлечь стыда на его фамилию.

[^^^]

В оригинале: «...о поступках г. Мура...» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 57). Здесь и далее имеется в виду мичман Ф. Ф. Мур: не выдержав испытаний плена, он начал сотрудничать с японцами, шпионить за своими товарищами и после возвращения на Камчатку застрелился.

[^^^]

Этой фразе будет объяснение во втором письме.

[^^^]

В оригинале: «...от злодейских умыслов своего соотечественника» (Там же).

[^^^]

Оригинал письма см.: Там же. Л. 52, 59, 53–56 об. Письмо было написано В. М. Головниным в сходных с первым обстоятельствах, в августе 1813 г.: до 30 августа Головнин и его товарищи находились в г. Матсмае и ожидали возвращения «Дианы», которая ушла в Охотск за официальными бумагами, подтверждающими невиновность пленников; все опасения были связаны с поведением Ф. Ф. Мура, которое могло помешать освобождению. В сентябре пленники были уже в г. Хакодате, где их содержали с уважением и комфортом, 28 сентября в гавань вошла «Диана».

Это письмо не было опубликовано П. И. Рикордом, не публиковалось и после, вплоть до 2016 г. (см. публикацию С. А. Козлова), скорее всего, по следующим причинам: во-первых, речь в нем идет в основном о предательском поведении Ф. Ф. Мура, чье последующее раскаяние и самоубийство были болезненно восприняты Головниным и Рикордом и спустя три года все еще были слишком свежи в памяти; негативные оценки Головнина могли

восприниматься как серьезное основание для трагического поступка Мура; во-вторых, письмо содержит характеристику японцев и советы, как обмануть не только Мура, но и тех, кто будет перлюстрировать письмо. Кроме того, Головнин и Рикорд впоследствии всячески способствовали установлению дружеских отношений с Японией, в своих «Записках» Головнин не раз высказывает опасения, что проявления неискренности и хитрости со стороны русских могут нанести вред русско-японским отношениям. Во второй половине 1840-х гг. эта причина потеряла свою остроту, и Рикорд позволил Булгарину опубликовать письмо, убрав негативные упоминания Мура. Оба мореплавателя в своих записках оставили теплые отзывы об этом офицере, красноречивым свидетельством стала эпитафия, помещенная ими на его памятнике: «В Японии оставил его провождавший на пути сей жизни ангел-хранитель. Отчаяние ввергло его в заблуждения. Жестокое раскаяние их загладило, а смерть успокоила несчастного» (Головнин В. М. Записки флота капитана Головина... 1972. С. 295).

[^^^]

Матрос, возивший к П. И. Рикорду первое письмо, зашитое в воротник мундира.

[^^^]

В оригинале письма: «...об наших делах, которые не может к чести нашей послужить» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 52).

[^^^]

В оригинале: «Ах! любезный друг Петр Иванович...» (Там же).

[^^^]

«Дианским» Головнин называет в своих письмах все относящееся к шлюпу «Диана».

[^^^]

В оригинале: «...то останется в России и нас погубит...» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 59).

[^^^]

См. первое письмо.

[^^^]

В этом предложении курсив В. М. Головнина.

[^^^]

В оригинале: «...об Андрее Ильиче тоже говорит, что он близок де Лаланда» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 53). Речь идет о том, что Ф. Ф. Мур сравнивает своего сослуживца А. И. Хлебникова с французским математиком и астрономом Ж. де Лаландом.

[^^^]

Нового чина Рикорд в этот период не получал: в капитан-лейтенанты он был произведен, как и Головнин, во время экспедиции – 26 февраля 1810 г., в следующий чин капитана 2♦го ранга они оба были произведены 4 июля 1814 г. В «Записках» Рикорд говорит о своем новом статусе следующее: в апреле 1813 г., занимаясь подготовкой к новому походу к японским берегам для вызволения из плена Головнина, он «получил от иркутского губернатора поручение привести в исполнение в звании камчатского начальника высочайше утвержденное новое образование Камчатки» (*Рикорд П. И.* Указ. соч. С. 56). Однако своему биографу В. П. Мельницкому Рикорд сообщил, что «за неполучением официального письма от иркутского губернатора к губернатору Кунашира, в письме своем решился выдать себя за военного губернатора Камчатки» (*Мельницкий В.* Адмирал Петр Иванович Рикорд и его современники. СПб., 1856. Ч. 1. С. 183), эта версия подтверждается и в официальном письме Рикорда в Морское министер-

ство (1850), где он писал: «Одною из главнейших причин, которые имели влияние на успех освобождения Головнина и других, бывших с ним наших соотечественников, была решимость моя выдать себя в глазах японцев за военного губернатора Камчатки, что подействовало на умы их и польстило их честолюбию» (Письмо П. И. Рикорда в Морское министерство о посылке экспедиции в Японию с целью установления торговых отношений // Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина... 1972. С. 496). Начальником Камчатки Рикорд стал лишь в 1817 г., с производством в капитаны 1го ранга, и занимал этот пост до 1822 г. (см.: *Греч Н. И.* Биография адмирала Петра Ивановича Рикорда // *Морской сборник.* 1855. № 11. Отд. IV. С. 11).

[^^^]

В оригинале: «...простаков, подобных мне
ослу...» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 53).

[^^^]

909

Истинное величие!

[^^^]

Курсив В. М. Головнина. В оригинале: «*напиши ко мне письмецо...*» (Там же). Выделенные Головниным слова указывают на особый характер переписки, с шифруемой при помощи подчеркиваний информацией.

[^^^]

Курсив В. М. Головнина.

[^^^]

Речь идет о штурмане А. И. Хлебникове, также оставившем воспоминания о японском плене, см.: *Хлебников А. И. Записка о японском плене семи россиян в 1811–1813 гг. // Козлов С. А. Русские открывают Японию. С. 293–468. Условия плена были таковы, что приходилось опасаться не только за физическое, но и за психическое здоровье пленников – в официальном донесении после своего освобождения Головнин среди прочего писал о том, что Хлебников был убежден, что его отравили особым ядом, «который действует только при восточных ветрах и в ясную погоду» (цит. по: *Мельницкий В. Указ. соч. С. 213*).*

[^^^]

В оригинале: «...да он и сам не отпирается и говорит: “если я возвращусь в Россию то должен быть варнаком, а здесь меня не принимают, то что же мне делать”» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 53).

[^^^]

В оригинале: «...глупости, которые мы в веселые и пьяные часы делали в Ситхе, хоть сам и не видал их, но что слышал: ссоры наши смешные, пьянство и проч.» (Там же. Л. 54).

[^^^]

Лейтенант И. Д. Рудаков, сослуживец и приятель Ф. Ф. Мура; в апреле 1813 г. П. И. Рикорд, отправившийся к берегам Японии, оставил Рудакова в Камчатском порту временно исполняющим обязанности начальника.

[^^^]

В оригинале: «...а на вопрос, в чем виноват, отвечает: когда мы ушли...» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1654. Л. 54).

[^^^]

В оригинале: «...должен будет пострадать в России за его усердие к здешнему народу» (Там же. Л. 55).

[^^^]

В оригинале: «...его против нас и своего отечества преступления...» (Там же).

[^^^]

В оригинале: «...и вас всех нимало не щадит. Как его на “Диане” не стало, то все там дураки и хитрецы; дай бог...» (Там же).

[^^^]

В оригинале: «Потому что Мур твердит им, если бы он был на твоём месте, то оставил бы им дианское оружие вместо трофеев, за похищенное оружие Хвостовым, и что такие трофеи для чести Японии им нужно иметь; однако ж они смеются и говорят, что этого японское правительство не хочет...» (Там же).

[^^^]

В оригинале: «...каково нам это слушать? Ты уполномочен на важное дело, от коего спасение наше зависит, и о тебе офицер твой так говорит здесь; благодаря бога...» (Там же. Л. 56 об.).

[^^^]

Японец, избавленный русскими от кораблекрушения⁴²⁰. См. «Путешествие П. И. Рикорда».

[^^^]

Курсив В. М. Головнина.

[^^^]

Е. И. Меллер-Закомельский – сын генерал-аншефа от артиллерии Ивана Ивановича Меллера, возведенного в баронское достоинство Российской империи в 1789 г. с наименованием с 1790 г. Меллер-Закомельским по названию пожалованных ему земель в Закомельской волости Полоцкой губернии.

[^^^]

В сражении при Аустерлице Е. И. Меллер-Закомельский возглавил кавалерийскую атаку своего полка, во время контратаки французской кавалерии был тяжело ранен и взят в плен. После подписания Тильзитского мира вернулся в Россию и в ноябре 1807 г. был назначен шефом Мариупольского гусарского полка (полк сформирован в 1783 г. под названием Мариупольский легкоконный полк, в ноябре 1796 г. преобразован в гусарский).

[^^^]

Производство в генерал-лейтенанты состоялось в июне 1813 г.

[^^^]

Меллер-Закомельский, сменивший в сентябре 1812 г. Ф. П. Уварова на посту командира 1-го кавалерийского корпуса, успешно действовал 3–6 ноября 1812 г. в сражении с отступающими французами под Красным (ныне поселок в Смоленской обл.), которое завершилось победой русской армии.

[^^^]

Е. И. Меллер-Закомельский умер в 1830 г.

[^^^]

Отдельное издание М. Д. Ольхина. СПб., 1847. Цензурное разрешение от 28 сентября 1846 г., цензор А. Очкин. Журнальное издание вышло с перерывом: Библиотека для чтения. 1848. Т. 86. Отд. I. С. 165–258; цензурное разрешение от 5 января 1848 г., цензоры: А. Никитенко, И. Срезневский. В примечании редактора на с. 165: «БдЧ (так! – Н. А.) приобрела от знаменитого автора все десять частей его “Воспоминаний”, которых две первые части были уже помещены в этом журнале. Третья часть, отпечатанная за несколько времени отдельно, не продается более отдельно: она здесь необходима для связи и полноты рассказа, и вслед за нею будут здесь напечатаны четвертая и пятая части». Публикация третьей части была продолжена в: Т. 87. Отд. I. С. 9–58. Цензурное разрешение от 1 марта 1848 г., цензоры: А. Никитенко, И. Срезневский. Третья часть публиковалась без разбивки на главы (т. к. текст, разбитый на две части для публикации, не соответствовал разбивке на главы) и, соответственно, без аннотированной росписи их со-

держания в начале глав.

В отделе рукописей и редких книг Тартуского университета сохранился один лист из чернового варианта «Воспоминаний» (F. 48. S. 41; автограф) со следующим текстом: «Предоставляю военным историкам описывать все маневрирования нашей армии и все сражения различных корпусов при движении от Гейльсберга к Пассарге. Теперь это легко по реляциям и множеству книг, написанных немцами и французами об этой войне. Это не мое дело. Я вспоминаю прошлое и пишу, будто в то время, на биваке. Мы ничего не понимали из наших маршей и контрмаршей – готовились к сражению и, слыша отдаленный гром пушек, досадовали, что нас не пускают в дело.

Беннигсену не удалось его предположение отрезать Нею от Пассарги и разбить отдельно корпуса маршалов Даву, Сульта и Бернадота прежде чем они успеют соединиться.

Знаменитый военный писатель барон Жюмини утверждает, что если бы русские напирали сильнее и быстрее, то русский корпус, следовавший до Вольфсдорфа, отрезал бы Нею

ретираду от Гутштадта к Пассарге. От Вольфсдорфа шла главная армия под начальством самого Беннигсена, следовательно, если главнокомандующий не исполнил этого движения, вероятно, он находил в этом какое-либо препятствие. Между тем корпус Нея был сильно атакован и опрокинут. Две французские дивизии разбиты были наголову и лишились всей своей артиллерии. Ней поспешно отступил к Пассарге, чтоб успеть переправиться чрез нее, и остановился на берегу. Тут началась решительная битва, пополудни, 25 мая. Из резерва, состоявшего под начальством его высочества цесаревича, потребовали помощи и [на этом лист кончается]». Сравнение с печатным текстом (т. 1, с. 311) показывает, что при подготовке к печати Булгарин подверг предшествующую редакцию существенной переработке, расширив ее и сделав более официальной.

[^^^]

Имеется в виду следующий пассаж из рецензии: «Содержание книги чрезвычайно интересное, а какво изложение? Самое приличное предмету, простое, незатейливое, натуральное, до крайности живое и увлекательное. Это не сочинение письменное, а импровизация, положенная на бумагу проворным скорописцем (стенографом)» (*Греч Н. И.* Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Две части. С.Петербург, 1846 // Северная пчела. 1846. № 147. 4 июля).

[^^^]

См.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. СПб., 1846.

[^^^]

Упомянуты сражения под Пултуском (ныне город в Мазовецком воеводстве Польши; 14 (26) декабря 1806 г.), при Прейсиш-Эйлау (ныне районный центр Багратионовск Калининградской области; 26–27 января (7–8 февраля) 1807 г.), при Голымыне (14 (26) декабря 1806 г.), при Морунгене (ныне г. Моронг в Польше; 13 (25) января 1807 г.), при Лопачине (ныне в Польше; 13 (25) декабря 1806 г.), при Насельске (ныне в Мазовецком воеводстве Польши; 12 (24) декабря 1806 г.).

[^^^]

Л. Л. Беннигсен вспоминал: «Чем более я старался во все продолжение войны получать верные и точные сведения о действительных потерях, понесенных неприятелем в том или другом сражении, тем более изумлялся я при чтении различных французских сообщений (бюллетеней армии) о самых главных сражениях, бывших не только во время командования мною армией, но и гораздо ранее этого. <...> Во все времена главные начальники войск, конечно, всегда или очень часто в своих донесениях уменьшали потери, понесенные ими в сражениях, но никогда не достигали тех преувеличений, которые делали их сообщения вполне невероятными и даже невозможными. <...> Поэтому за этими бюллетенями, распространенными французами по всему свету с целью присвоить себе честь победы при Прейсиш-Эйлау, скоро последовали точные и правдивые описания этого сражения, а последствия оно открыли скоро всю неверность и преувеличенность известий, сообщенных в бюллетенях. Никто, даже в самой

Франции, не верил им...» (*Беннигсен Л. Л. Записки о войне с Наполеоном 1807 года. М., 2012. С. 266–269*).

[^^^]

Это сказал мне его превосходительство А. И. Михайловский-Данилевский, который уже написал историю войны 1806 и 1807 годов, по *официальным документам*, до сих пор хранившимся втайне в архивах. Здесь должно заметить, что между *счетом по спискам* и *счетом налицо* – большая разница. При ускоренных маршах, в позднюю осень, верно из 159 000 *по спискам* 15 000 человек не было *налицо* во фронте.

[^^^]

Императорская военная академия была создана в Петербурге в 1832 г.

[^^^]

Имеется в виду П. С. Салтыков.

[^^^]

Мирный договор между Россией и Пруссией
был заключен в Петербурге 5 мая 1762 г.

[^^^]

Екатерина II вступила на престол в результате переворота 28 июня 1762 г.

[^^^]

В это время ирокойцы и другие дикие племена американские вели жестокую и беспощадную войну с европейскими поселенцами в Канаде.

[^^^]

Екатерина II рассматривала сына как потенциального соперника, поэтому контакты с ним придворных вызывали у императрицы подозрения, если не были санкционированы ею самой. «Она старалась сделать Павла недоверчивым и подозрительным, дабы его уединить, будучи уверена, что сам по себе он не был способен ни восстать противу нея, ни оказать ей какое-либо противодействие» (Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1887. С. 114).

[^^^]

Имеется в виду А. М. Голицын.

[^^^]

Каменский командовал 4-й бригадой 1-й армии.

[^^^]

Имеются в виду крымский хан Девлет IV Герай и турецкий великий визирь Молдованджы Али-паша.

[^^^]

Турецкая крепость Хотин на берегу Днестра
была взята 9 сентября 1769 г.

[^^^]

Имеется в виду П. А. Румянцев.

[^^^]

Кючук-Кайнарджийский мир между Россией и Турцией был заключен 10 (21) июля 1774 г. в лагере при деревне Кючук-Кайнарджи.

[^^^]

Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия – высшая военная награда Российской империи. Был учрежден в 1769 г. и имел четыре степени отличия. Георгия 2-й степени Каменский получил в 1775 г.

[^^^]

Имеются в виду орден Св. благоверного князя Александра Невского и орден Св. Анны. Первый был учрежден в 1725 г., а второй в 1735 г. как награда герцогства Гольштейн-Готторпского, после усыновления Екатериной II в 1742 г. гольштейн-готторпского герцога Карла Петера Ульриха его присваивали и в России, а 5 апреля 1797 г. он был введен в наградную систему Российской империи и имел тогда три степени, с 1815 г. – четыре. Орден Св. Александра Невского и первые две степени ордена Св. Анны носили на лентах. Орден Св. Александра Невского Каменский получил в 1769 г., орден Св. Анны 2^й степени – в 1775 г.

[^^^]

949

Имеется в виду Шахбаз Герай.

[^^^]

Ф. Ф. Вигель пишет о М. Ф. Каменском: «Он прославился при Екатерине в обеих войнах с турками, но она никогда его не любила за крутой и вместе вспльчивый его нрав и за его жестокость. <...> все признавали в нем ученого тактика, неустрашимого в боях» (*Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 418*).

[^^^]

Л. Н. Энгельгардт вспоминал: «Как все генералы тогда были в Яссах, не имея никакого начальства, а полками распоряжалось главное дежурство, то Каменский потребовал, чтобы генералы дали о себе сведения, кто чем командует. <...> После смерти светлейшего князя чрез два дня приехал и Каховский и отдал приказ, что по ордеру покойного главнокомандующего вступает в командование армией. Тут началась у них [с Каменским] брань: оба делали приказания и распоряжения, противные один другому.

Каменский, видя, что большею частью склонялись более к Каховскому, созвал на совет всех генералов и предложил им: кому из них двух командовать армией? Артиллерии генерал-майор И. М. Толстой сказал: «Ежели бы они знали, что созваны для избрания себе командира, то, конечно бы, из них никто не приехал; ибо, быв в самодержавном правительстве, должно повиноваться властям, поставленным от императрицы, а не выбирать себе начальника». Кн. Г. С. [Волконский] ска-

зал, что он “повинуется повелению покойного светлейшего князя, которому известна была воля государыни, ибо как ваше высокопревосходительство были лично в Яссах, то князь и мог бы поручить вам командование армиею, и не было надобности для того послать за М. В. Каховским”. Все почти приняли сторону Волконского. “Итак, – сказал Каменский, – вы отрекаетесь мне повиноваться – быть по сему”» (*Энгельгардт Л. Н. Записки.* М., 1997. С. 97).

[^^^]

Орден Св. апостола Андрея Первозванного, учрежденный в 1698 г., присваивался чиновникам высокого ранга и являлся высшим орденом Русского царства и Российской империи.

[^^^]

Имеется в виду следующий пассаж:

*Оставший меч Екатерины,
Булат, обдержанный в боях,
Каменский! ты полки орлины
Ведешь на брань – и Галлу страх.*

(Державин Г. Р. На отправление в армию фельдмаршала графа Каменского // Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 2002. С. 367). Строки Державина вызвали иронический комментарий Ф. Ф. Вигеля: «Граф Каменский, последний меч Екатерины, видно, слишком долго лежал в ножнах, и от того позаржавел» (Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 421).

[^^^]

Булгарин имеет в виду одну из главных святынь мусульманского мира, «Санджак-Шериф» («Святое знамя») – знамя пророка, которое никогда не выносили из храма. Лишь в случае, когда исламу угрожала крайняя опасность или же султан Турции лично отправлялся на войну, «Санджак-Шериф» сопровождал действующую армию.

[^^^]

Речь идет о взятии крепости Измаил 11 (22) декабря 1790 г. в ходе Русско-турецкой войны.

[^^^]

В рапорте А. В. Суворова главнокомандующему Г. А. Потемкину от 21 декабря 1790 г. дается высокая оценка личному мужеству М. И. Кутузова, однако приводимых Булгариным слов нет (см.: А. В. Суворов. Сборник документов. М., 1951. Т. 2. С. 543–577).

[^^^]

Беннигсен был тогда бароном. В графское достоинство возведен он императором Александром Павловичем, после Лейпцигского сражения, в 1813 году²⁷.

[^^^]

А. П. Ермолов считал, что Беннигсен – «из современных военачальников наших неоспоримо опытнейший, обладающий знанием военного ремесла, изученного на основании глубокой теории» (Записки А. П. Ермолова, 1798–1826. М., 1991. С. 186).

[^^^]

Штурм Очакова состоялся 6 (17) декабря 1788 г. после пятимесячной осады крепости.

[^^^]

Бригадир – воинский чин в русской армии, промежуточный между чинами полковника и генерал-майора. Был введен Петром I и упразднен Павлом I.

[^^^]

961

Имеется в виду В. А. Зубов.

[^^^]

Взятие г. Дербента 10 (21) мая 1796 г. сыграло ключевую роль в Русско-персидской войне 1796 г.

[^^^]

Речь идет о записке Л. Л. Беннигсена «Deux plans d'operations l'annae 1811 et 1812» [«Два плана операций в 1811 и 1812 гг.» (*фр.*)], представленной им императору в 1811 г. и обнаруженной после его смерти в архиве генерала (сейчас хранится в РГВИА: Ф. 846. Оп. 16. Д. 3523).

[^^^]

Булгарин ошибся, А. Б. Фок не имел чина генерала от артиллерии.

[^^^]

Федор Федорович Буксгевден (Vuxhöwden), из старинной лифляндской дворянской фамилии, возведен в графское достоинство прусским королем Фридрихом Вильгельмом (18 декабря 1795 года), а 5 апреля 1797 года император Павел Петрович высочайше повелел внести род графа Федора Федоровича Буксгевдена в список графов Российской империи.

[^^^]

Генерал-фельдцейхмейстер – воинское звание, чин и должность (главного начальника артиллерии).

[^^^]

Ф. Ф. Буксгевден с 1772 г. был адъютантом Г. Г. Орлова и позднее был женат на его внебрачной дочери, Наталье Алексеевой. В 1775 г. он сопровождал Г. Г. Орлова в путешествии, когда тот был отпущен за границу для поправки здоровья.

[^^^]

Имеется в виду 4-я степень ордена Св. Велико-мученика и Победоносца Георгия.

[^^^]

При штурме Праги (предместья Варшавы) 4 (15) ноября 1794 г. Ф. Ф. Буксгевден командовал 4-й штурмовой колонной. Посты коменданта Варшавы и губернатора Польши он занимал в 1794–1796 гг.

[^^^]

Ср.: «...он [Буксгевден] не приобрел привязанности войск. Может быть немногие знали и ум и способности ограниченные сего начальника, но гордость несносная и грубости слишком чувствительны были каждому» (Записки А. П. Ермолова... С. 70–71).

[^^^]

Ныне г. Торунь (Польша)

[^^^]

Ср.: «Граф Каменский отправился сам к авангарду, состоящему под командою генерал-майора Барклая де Толли, и, не доехав до него, встретил расстроенные уже части передовых войск наших от сильного натиска неприятеля, так потерял голову, что, тотчас воротившись в Пултуск, разъяренный и почти помешанный, объявил графу Беннигсену, что не может поправить испорченного предместником его дела и потому, поручая ему действовать по обстоятельствам, сам отправляется ту же ночь в Гродно для приготовления и принятия новых военных мер» (*Щербатов А. Г. Мои воспоминания. СПб., 2006. С. 45*). По мнению А. П. Ермолова, «сделал он непростительный поступок: ибо присутствие его при армии тем необходимее было, что он не полагал возможным кончить с выгодною сражением при Пултуске, а по отъезде его и малейшая неудача, при несогласии начальников, могла бы иметь бедственные последствия. Армия сожалела об его отъезде, ибо на опытность его и прежнюю знаменитость по-

лагала большие надежды. Между начальниками были рассуждения, что ни к чему доброму не поведет известная вражда командующих армиями. <...> Император с неудовольствием получил известие об отъезде фельдмаршала из армии <...> Фельдмаршалу впредь до повеления назначено пребывание в городе Гродно» (Записки А. П. Ермолова... С. 69–70).

[^^^]

В битвах при Арколе (Италия; 15–17 ноября 1796 г.) и при Маренго (Италия; 14 июня 1800 г.) была разгромлена австрийская армия.

[^^^]

После знаменитой ретирады из-под Кремса, в 1805 году, ходили в Петербурге по рукам следующие стихи в честь Багратиона:

*Дунул ветер бурный, рушил препо-
ну.*

*Рвет все преграды на поле он (т. е.
Наполеон).*

*Русский поставил грудь в оборону:
Кто ж сей могучий? – Бог-рати-он
(т. е. Багратион, или Богратион).*

Другие стихи в том же роде.

*О как велик на поле он (т. е. Напо-
леон).*

*Могуч, и тверд, и храбр во брани;
Но дрогнул, лишь устави длани
К нему с штыком Бог-рати-он (т.
е. Багратион).*

Первые стихи приписывали Державину, вторые Капнисту. Не помню, были ли эти стихи напечатаны, и не хочу справляться. Я удержал их в памяти и привожу не в истории, а в своих собственных «Воспоминаниях»⁴³.

[^^^]

975

Имеется в виду Н. А. Тучков.

[^^^]

Между прочим, он ворвался ночью, с тремя эскадронами, в главную квартиру маршала Бернадота, в Морунген, перебил прикрытие и взял весь обоз маршала.

[^^^]

В книге опечатка, речь идет о 1-м Егерском полке.

[^^^]

Ошибка, Г. Н. Фролов был командиром этого полка, а не шефом.

[^^^]

Неточность, тогда К. Б. Кнорринг был командиром полка и лишь в 1812 г. стал его шефом.

[^^^]

Имеется в виду Л. А. Нарышкин (младший).

[^^^]

Василий Васильевич, ныне граф, генерал от кавалерии, член Государственного совета, председатель Комитета государственного коннозаводства и бывший незабвенный генерал-губернатор киевский, подольский и волынский.

[^^^]

Флигель-адъютантами были только первые четверо из списка Булгарина. Корнет Волконский в списке офицеров полка, приведенном в книге «История кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка, с 1724 по 1 \blacklozenge е июля 1851 года» (СПб., 1851), не значится, там есть (на с. XLV) только поручик князь Сергей Григорьевич Волконский (1788–1865), будущий декабрист и генерал-майор, начавший службу в полку 28 декабря 1805 г. и прослуживший там по 1813 г.

[^^^]

Великое герцогство Варшавское – государство, созданное в 1807 г. на основе тех частей Польши, которые в ходе разделов Польши отошли к Австрийской империи и Пруссии. Оно существовало под протекторатом Франции по 1813 г., когда по решению Венского конгресса большая часть герцогства отошла к России и на его землях было создано Царство Польское.

[^^^]

Кенигсберг – с 1946 г. г. Калининград, областной центр Российской Федерации.

[^^^]

Ныне польские города Грудзёндз, Колобжег и Гданьск.

[^^^]

Мемель – ныне г. Клайпеда в Литве.

[^^^]

Янков – населенный пункт в Восточной Пруссии (также Ионково, Йенкендорф).

[^^^]

Ландсберг-ан-дер-Варте – с 1945 г. польский г.
Гожув-Велькопольски.

[^^^]

L'issue de cette bataille avait trompé les calculs des deux chefs opposés, ceux de Napoléon qui avait espéré rejeter l'armée Russe sur la rive droite de la Prégel, et s'emparer de Königsberg; ceux de Bennigsen qui s'était flatté de renvoyer l'armée française sur la rive gauche de la Vistule, et de débloquer les places de Dantzig, Graudentz et Colberg. *Bignon*. Histoire de France, etc. Chap. LXVII, page 63456.

[^^^]

L'indécision de la bataille d'Eylau avait jeté dans Paris une consternation incroyable: l'envie se vengeait des fatigues de l'admiration; le parti ennemi de l'Empire déguisait, sous une feinte douleur la joie que lui causait un désastre public. Une baisse sensible s'était opérée dans les fonds. L'Empereur ne s'abusait point sur sa situation. Биньон, там же. Chap. LXVII, page 637. Следовательно, русские имели полное право торжествовать Эйлауское сражение⁵⁷.

[^^^]

Битвы под прусскими городами Иеной и Ауерштедтом прошли в один день – 14 октября 1806 г. В ходе этого двойного сражения Пруссия потеряла 20 000 солдат убитыми, около 18 000 было взято в плен, в том числе убито, ранено и пленено было 20 прусских генералов. В руки французов попала также значительная часть прусской артиллерии.

[^^^]

Имеется в виду используемый для награждения нижних чинов Знак отличия Военного ордена, в быту называемый Георгиевским крестом.

[^^^]

Пассарге – река, ныне на территории Польши и переименована в Пасленку.

[^^^]

Остероде – ныне г. Оструда на севере Польши.

[^^^]

Дворец Финкенштейн в Западной Пруссии, в 7 км северо-восточнее нынешнего польского города Суш. Не сохранился.

[^^^]

Бартенштейн – ныне г. Бартошице на севере
Польши.

[^^^]

Ныне соответственно польские города Вроцлав, Глогув, Бжег и Свидница.

[^^^]

Ныне польский г. Лидзбарк-Варминьский.

[^^^]

31 августа 1807 г. Александр I учредил крест (наградной знак), вручавшийся офицерам, участвовавшим в битве при Прейсиш-Эйлау. Вручение креста давало три дополнительных года к выслуге лет для получения пенсии.

[^^^]

1000

То есть запасную.

[^^^]

1001

Сáква – небольшой мешок цилиндрической формы, приторачиваемый к седлу.

[^^^]

1002

Манерка – походная металлическая фляжка с закручивающейся крышкой в виде стакана.

[^^^]

1003

Кэньги (*швед.* kangok) – меховая или войлочная обувь, надеваемая поверх прочей обуви.

[^^^]

1004

Здесь: небольшая полоска меха.

[^^^]

1005

То есть набросив на плечи, не вдевая руки в рукава.

[^^^]

Замечательно, что песельниками управлял и обучал их корнет Драголевский, родом поляк, служивший под знаменами Костюшки. Драголевскому было тогда около пятидесяти лет от роду, но он был молодец собою и отличный кавалерист. Во всякую поездку свою его высочество привозил по несколько человек в уланы или в конную гвардию, из охотников. Драголевского взял он в Галиции, возвращаясь из Италийского похода⁷³, и определил унтер-офицером в конную гвардию, а потом произвел в офицеры в Уланский полк, обмундировал и содержал на свой счет. О Драголевском я буду говорить после. Он был не последний чудак между нами!

[^^^]

1007

То есть не стеснялись (от *фр.* gêner – стеснять-ся, смущаться).

[^^^]

Так именовали часть Финляндии, присоединенную к России после Русско-шведской войны 1807 г. (в отличие от финляндских земель, вошедших в состав России до этого и называемых Старой Финляндией).

[^^^]

Императорское вольное экономическое общество, ставившее своей задачей повышение эффективности сельскохозяйственного производства в России, действовало в 1765–1919 гг.

[^^^]

1010

Сейчас деревня в Волосовском районе Ленинградской области.

[^^^]

1011

Киргизами тогда называли казахов.

[^^^]

1012

Рига – большой сарай для сушки снопов хлеба с местом для обмолота.

[^^^]

1013

Имеются в виду свиньи.

[^^^]

Весьма замечательно, что когда, поселившись в Карлове, хотел я улучшить положение рабочих людей на мызе (пастухов, садовых работников и т. п.) и стал их кормить хорошим хлебом, говядиной, щами и кашею, чухны пожаловались на меня в суд, что я *морю их голодом*, и я должен был по-прежнему кормить их пудрою, сельдями и кислым молоком. Вот что называется: не ходи в чужой монастырь с своим уставом! Добро то, что по нраву человеку!

[^^^]

Бастелями называется обувь из сырой, т. е. невыделанной, шкуры, воловьей или коровьей, или из куска сыромятной кожи, без подошв. Куском шкуры или кожи обвертывают ноги по онуче⁸¹ и прикрепляют бечевкою или ремнем.

[^^^]

Мыза Газелау (ныне Хааслава, Эстонская Республика) известна с XIII в., получила свое название в 1429 г. от фамилии вассала дерптского епископа Ф. Хазелау. В 1704 г. имение было пожаловано генералу-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Булгарин имел в виду Н. П. Шереметева (1751–1809) или его сына Д. Н. Шереметева (1803–1871). Оба были большими филантропами, и каждый из них мог выстроить дома для крестьян. Никто из Шереметевых в имении лично не проживал (справка Т. К. Шор).

[^^^]

После победы в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. и создания на присоединенной территории Финляндии Великого княжества Финляндского в составе Российской империи Старой Финляндией стали называть территорию Выборгской и Кексгольмской губерний, отошедшую к России ранее, по Ништадскому (1721) и Абоскому миру (1743). Манифестом от 11 (23) декабря 1811 г. Старая Финляндия была присоединена к Великому княжеству Финляндскому.

[^^^]

1018

С 1922 г. Кингисепп, районный центр Ленинградской области.

[^^^]

1019

Скорее всего, имеется в виду Вальдемар II Победоносный.

[^^^]

Объединение всех этих имен в одном тексте вызвано, скорее всего, связью их полководческой деятельности с землями Ливонии и Эстляндии, которые названные государи в разное время пытались завоевать.

[^^^]

1021

Колет – мужская короткая приталенная куртка без рукавов.

[^^^]

1022

Речь идет о Карле Отто Лёвенштерне. Его дом сохранился и располагается по адресу: Тарту, Ратушная площадь, д. 3.

[^^^]

1023

Имеется в виду София де Бре (урожд. фон Лёвенштерн).

[^^^]

1024

Имеется в виду Андреас Магнус Отто Лёвенштерн (указано Т. Шор).

[^^^]

Имение Карлово принадлежало в 1794–1827 гг. коллежскому асессору Карлу Густаву фон Крюденеру. В 1827 г. его унаследовал сын Карла Густава, Отто фон Крюденер, у которого Булгарин купил это имение. См.: *Шор Т. К.* «Нелитературное» Карлово и его обитатели // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 (129). С. 175–191.

[^^^]

Имеются в виду Отто Густав, Грегор Густав, Карл Рейнгольд и Соломон Мориц фон Крюденеры.

[^^^]

1027

Сильфиды – женские особи духов воздуха (сильфов).

[^^^]

Возможно, речь идет о сестрах Кристине Шарлотте Марии и Анне Вильгельмине Элизабет Лилиенфельд.

[^^^]

Бахус (Вакх) – бог виноделия и винопития, Афродита – богиня любви в Древней Греции.

[^^^]

«Ничего не поделаешь; нужно оставаться!» (*нем.*).

[^^^]

Современные филологи возводят оба языка к прабалтийскому (протобалтийскому, балтийскому) языку (см.: *Дини П. Балтийские языки.* М., 2002).

[^^^]

В познавательной и воспитательной книге Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» (1788; рус. перевод: Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до Рождества Христова / Пер. с фр. П. Страхова, А. Рудольского: В 9 т. М., 1803–1819) молодой скиф совершает путешествие из Азии в Грецию, чтобы постичь принципы свободы.

[^^^]

1033

Форштадт (от *нем.* Vorstadt – «пригород») – поселение вне города, предместье.

[^^^]

1034

Содом – библейский город, уничтоженный Богом за грехи жителей.

[^^^]

«Черноголовые» (от нем. Schwarzhaupter) – духовно-рыцарские молодежные братства в городах Европы, создававшиеся для защиты городов. В частности, в Риге такое братство состояло из молодых людей из старых купеческих родов, живших по общежитийному уставу, во многом напоминавшему монастырский, в особом «Доме черноголовых», имевших привилегию носить рыцарские шлемы и латы и составлявших в военное время отдельный отряд ополчения рижских бюргеров, сражавшийся под собственным знаменем. Позднее такие братства в прибалтийских губерниях Российской империи превратились в подобие общественных объединений.

[^^^]

1036

Лансада – крутой и высокий прыжок верховой лошади.

[^^^]

Это утверждение Булгарина непонятно, поскольку Курляндская губерния входила в число остзейских губерний (наряду с Лифляндской и Эстляндской).

[^^^]

Великая хартия вольностей (Magna Charta Libertatum) – утвержденный королем Иоанном Безземельным в 1215 г. политико-правовой документ, составленный английской знатью, который регулировал порядок налогообложения, судеустройство, наследственное право и право опеки.

[^^^]

Этому положено благое начало в нынешнее царствование.

[^^^]

Царским указом 13 ноября 1844 г. в России был утвержден план устройства казенных еврейских училищ. Первые училища были открыты в 1847 г. в Вильне и Житомире.

[^^^]

У В. Гюго подобное выражение найти не удалось, во французской прессе оборот «французы Моисеева закона» появляется в 1860-х гг. (справка К. В. Душенко).

[^^^]

1042

Митава – столица Курляндии; ныне г. Елгава в Латвии.

[^^^]

Фактор – «комиссионер, исполнитель частных поручений» (В. Даль). Факторством на землях бывшей Речи Посполитой занимались преимущественно евреи.

[^^^]

Шавли – ныне Шауляй, административный центр в Литве.

[^^^]

Имеется в виду Норберт Булгарин (1757, по др. сведениям 1761 – ?) – ксендз, приор Россиенского доминиканского монастыря (в том числе в 1807), Паланечского доминиканского монастыря (с 1816), глава польских доминиканцев с 1818 г. Благодарим за справку сотрудника исторического архива доминиканского ордена Уильяма Стефана Дочи и профессора Миланского университета Дамиано Ребеккини. Н. Булгарин был не дядей, а двоюродным братом Ф. Булгарина, но по возрасту годился ему в дяди, поскольку был старше больше чем на четверть века.

[^^^]

1046

Приор – настоятель мужского католического монастыря.

[^^^]

Доминиканский орден – католический монашеский орден проповедников, основанный в 1214 г. Доминго де Гузманом. Россиены – город в Ковенской губернии, ныне г. Расейняй в Литве.

[^^^]

Речь идет о Марке Порции Катоне Младшем,
или Утическом.

[^^^]

Поляки верили, что без жидов невозможно обойтись в жизни. Существует старинная поговорка: «Kiedy trwoga, wtedy do Boga, a kiedy bieda wtedy do Żyda», т. е. «В тревогу, прибегают к Богу, а в беду к жидам». Здесь должно заметить, что trwoga, тревога, означает *несчастье*, а bieda (произноси *бида*), т. е. беда, — *нужда*. Жид всегда поможет человеку в нужде, если надеется, что получит хотя отдаленную выгоду.

[^^^]

См. об этом: 1812 год. Россия и евреи: русско-еврейские историки о войне 1812 года. М.; Иерусалим, 2012.

[^^^]

Министерство народного просвещения было создано в 1802 г., а в 1803 г. Главная Виленская школа была преобразована в Императорский Виленский университет. В том же году было издано новое положение об устройстве учебных заведений, по которому в каждом уездном городе должны были быть созданы трехклассные уездные училища, а в губернских городах – четырехлетние гимназии.

[^^^]

Католический орден иезуитов был за прозелитизм изгнан из России по указу от 13 марта 1820 г., а его имущество конфисковано.

[^^^]

Скорее всего, речь идет о картезианском монастыре в местечке Береза (ныне Картуз-Береза, Республика Беларусь), однако после его закрытия в 1836 г. собственность монастыря перешла в распоряжение государства и частично была передана Полоцкому кадетскому корпусу.

[^^^]

Провинциалом у доминиканцев называется не глава ордена, а глава отделения ордена в той или иной стране.

[^^^]

1055

То есть вербовки, см. примеч. 184 ко второй части.

[^^^]

1056

Возможно, речь идет об одном из помещиков Пшецишевских (Пржечишевских – в русской традиции) – Адаме или Игнатию. Адам занимал пост маршалка шляхты (предводителя дворянства) Россиенского повета в 1814–1817 гг., Игнатий – в 1809–1811 гг.

[^^^]

Имеется в виду так называемый «Марш Домбровского», написанный в 1797 г. (предположительно Ю. Выбицким), тогда называвшийся «Песней польских легионов в Италии». Позднее стал гимном Польского восстания 1830–1831 гг., а с 1927 г. – официальным гимном Польши.

[^^^]

1058

Ныне г. Юрбаркас, районный центр в Литве.

[^^^]

Барон Беннигсен был женат на польке Андрожейковичевой. Фамилия наша издавна находилась в близких сношениях с Андрожейковичами, и даже теперь один мой родственник женат на Андрожейковичевой, из той же фамилии.

[^^^]

1060

Имеется в виду Русско-польская война 1792 г.

[^^^]

1061

То есть отточить.

[^^^]

1062

Шипенбейль – ныне г. Семпополь в Польше.

[^^^]

Гражданское жильё для войск в мирное время (от *фр.* canton (округ) и quartier (квартира)).

[^^^]

Фактически Булгарин обосновывает захват российской армией в ходе Семилетней войны части Королевства Пруссии и оккупацию ее в 1758–1762 гг. тем, что католический духовно-рыцарский орден меченосцев ранее захватил прибалтийские земли в начале XIII в.

[^^^]

Жмудины – этническая группа литовцев Западной Литвы, жители исторической области Жемайтия.

[^^^]

1066

Тильзит – ныне г. Советск в Калининградской области Российской Федерации.

[^^^]

1067

Имеется в виду распространенная в Финляндии порода финок, финских лошадей, используемых в качестве как верховых, так и упряжных.

[^^^]

По окончании войны в Кенигсберге учреждена была Ликвидационная комиссия, и по всем форменным квитанциям уплачено наличными деньгами.

[^^^]

Фурлейт – солдат, служащий в специальном подразделении в составе воинского формирования, занимающегося организацией перевозки припасов и оборудования.

[^^^]

Шульц – в Германии выборный общинный староста.

[^^^]

1071

Ныне польский г. Добре-Място.

[^^^]

1072

Ныне польский г. Биштынек.

[^^^]

1073

Правильно Зенсбург, ныне польский г. Мронгово.

[^^^]

1074

Передовые посты конного войска (от *фр.*
vedette – стража).

[^^^]

Булгарин продал И. Т. Лисенкову право на издание своих Сочинений в четырех томах (СПб., 1836–1843), однако роман для 4-го тома долго не представлял, что вызвало судебное разбирательство. См.: *Рейтблат А. И.* Как Иван Тимофеевич Лисенков с Фаддеем Венедиктовичем Булгариным судился // *Рейтблат А. И.* Классика, скандал, Булгарин... М., 2020. С. 200–225. Первая публикация рассказа: Первая любовь: Рассказ старого воина, в обществе молодых людей, столичных жителей // *Библиотека для чтения.* 1834. Т. 1. С. 115–148.

[^^^]

Эти французские солдаты отосланы были в Стрельну и по возвращении его высочества из похода стояли биваком в стрельненском саду. Многие из жителей Петербурга, особенно дамы, приезжали смотреть наполеоновских солдат, одетых и вооруженных по французской форме.

[^^^]

1077

То есть зимних (от *нем.* Winter – зима) квартирах.

[^^^]

Во дворце Финкенштейн графов Дона (Восточная Пруссия, ныне Польша) 4 мая 1807 г. был подписан союзный договор между Францией и Персией, направленный против России и Англии.

[^^^]

1079

Имеется в виду Анастазий Валевский.

[^^^]

1080

Имеется в виду Д. И. Лобанов-Ростовский.

[^^^]

1081

Ныне г. Правдинск в Калининградской области Российской Федерации.

[^^^]

1082

Имеется в виду Андрей И. Горчаков.

[^^^]

1083

Имеется в виду О. Ф. фон Кнорринг.

[^^^]

1084

Хлебное вино – разновидность самогона, изготовленного из зерна ржи, овса или пшеницы.

[^^^]

1085

Цитируется песня Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох! Тошно мне / На чужой стороне...» (1791).

[^^^]

В 1809 г. за драки, попытку изнасилования малолетней и т. д. Ф. И. Подгоричани был посажен в Динабургскую крепость и лишь в 1812 г. по просьбе матери императору был отправлен рядовым в действующую армию, где и погиб от ран, полученных в сражении. См.: Ульянов И. Э. Гусарские «шалости». Фарс и трагедия графа Подгоричани // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2018. С. 382–389.

[^^^]

Нынешние офицеры Генерального штаба его императорского величества назывались тогда *свитскими*. Генеральный штаб назывался свитою его императорского величества.

[^^^]

П. И. Багратион был шефом лейб-гвардии Егерского полка (1806–1812).

[^^^]

Собственные слова князя Багратиона.

[^^^]

1090

Имеется в виду К. Б. фон Кнорринг.

[^^^]

Этот Тортус, отличный коновал и горький пьяница, был тогда лет шестидесяти и играл в полку роль Диогена, говоря правду в лицо всем, даже его высочеству, своим ломаным русским языком и называя всех *ты*. Тортус любил говорить афоризмами, а иногда и в рифму. Его высочество забавлялся шутками Тортуса. Когда ему показывали больную лошадь, которую он почитал неизлечимую, он, махнув рукой, говорил: «Собакам мясо!» – и уходил без всяких дальнейших объяснений. Однажды его высочество, приехав к нам на биваки, спросил Тортуса: «Хорошо ли ему при полку?» Голодный Тортус, махнув рукою, отвечал: «В твоём пóлку (произнося с ударением на букву *о*) нет толку!» В другой раз его высочество похвалил Тортуса за отличную операцию над хромою лошадыю. «Поменьше хвали, а получше корми!» – отвечал Тортус, и царевич велел его накормить досыта и напоить допьяна, в своей квартире. Когда его высочество постращал однажды Тортуса палками, он отвечал: «Будешь бить коновала пал-

ками, так станешь ездить на палочке». Его высочество никогда не сердился на оригинального старика. Черта замечательная!

[^^^]

1092

Ланд-юнкер (*нем.*) – дворянин-землевладелец, помещик, прежде всего в восточнонемецких провинциях (к востоку от Эльбы).

[^^^]

Впоследствии генерал-адъютант.

[^^^]

1094

Имеется в виду А. П. Строганов.

[^^^]

В. А. Жуковский включил А. П. Строганова в число героев сражения при Бородине, воспевших им в «Певце во стане русских воинов»:

*Наш смелый Строгонов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...*

(Жуковский В. А. Певец во стане русских воинов // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1999. Т. 1. С. 232).

[^^^]

Цитируется ода Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» (1789).

[^^^]

Тут у Булгарина, по-видимому, описка или опечатка: Иловайский 4♦й (Иван Дмитриевич) был в это время не майором, а генерал-майором.

[^^^]

Я. П. Кульнев был известен своей отчаянной храбростью. «Смело можно сказать, что Кульнев был последним чистого русского свойства воином, как Брут – последним римлянином. Другие, не менее его храбрые, не менее его предприимчивые, не менее его алчные к военным приключениям воины оказывались рядом с ним, а некоторые еще, от благоприятных обстоятельств, и с бóльшим блеском; но все они по круговращению чувств и мыслей своих принадлежат столько же нашему, сколько чужому небу. Кульнев был нашею родной, нашей неподвижно-русскою звездою, как звезда Полярная. Он был таким, каким мы представляли себе россиян того времени, когда все их сделки, все обещания, все клятвы их скреплялись одним словом: “Да будет мне стыдно” и соблюдались не от страха законов, а от страха упреков собственной совести; когда любовь к отечеству и любовь к престолу сливались в одну струю и были одним и тем же чувством <...>. Таков был Кульнев как человек, как гражданин» (Давыдов Д. В. Воспо-

минание о Кульневе в Финляндии [1808] // Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 119–120).

[^^^]

См. «Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même, au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric»¹⁵⁶. Я никаким образом не могу постигнуть, как генерал барон Жомини решился говорить от имени Наполеона! Как можно было взять на себя объяснение всех предначертаний и помыслов величайшего из гениев!!! Разумеется, что все мнения, изложенные в этом сочинении, должно приписывать автору, генералу Жомини, а не Наполеону. События в книге генерала Жомини могут быть верны, но ум и душа Наполеона только в тех сочинениях, которые он сам диктовал, в заточении своем на острове Св. Елены.

[^^^]

1100

Точнее, Вонсдорф, ныне поселок Курортное в Калининградской области Российской Федерации.

[^^^]

1101

Правильно – Либштадт, ныне польский г. Милаково.

[^^^]

1102

То есть натирает, обдирает кожу.

[^^^]

1103

Штуцер (от *нем.* Stutzen) – нарезное дульнозарядное ружье, бывшее на вооружении легкой пехоты, позволяло вести прицельный огонь на дальние расстояния.

[^^^]

1104

Имеется в виду З. Д. Олсуфьев.

[^^^]

1105

Ныне г. Знаменск в Калининградской области
Российской Федерации.

[^^^]

1106

Домнау и Крейцберг – ныне города Домново и Славское в Калининградской области Российской Федерации.

[^^^]

Сформированный в 1709 г. как Драгунский гренадерский Христофора фон дер Роппа полк, с 1774 г. – Кирасирский военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия полк (укомплектован штаб- и обер-офицерами, кавалерами ордена Св. Георгия Победоносца), с 1801 г. – Орденский кирасирский полк.

[^^^]

Публий Горацій Коклес и два других солдата в конце VI в. до н. э. с риском для жизни защищали подступы к мосту от большого отряда этрусков до тех пор, пока римляне не разрушили его с другого конца.

[^^^]

Я расстался с Старжинским в 1809 году и с тех пор не видал его, но слышал, что он занимает почетное звание уездного дворянского предводителя в Подольской губернии и пользуется общим уважением и любовью. Пусть эти строки напомнят ему нашу молодость!

[^^^]

См. примеч. 153 на с. 316.

[^^^]

Vie politique et militaire de Napoléon, etc. Tome 2, page 412.

[^^^]

1112

Krank (*нем.*) – больной, ослабевший.

[^^^]

См.: Приключения уланского корнета под Фридландом, 2 июня 1807 года (Быль) // Сочинения Фаддея Булгарина. Изд. 2^е, испр. СПб., 1830. Ч. 2. С. 187–211.

[^^^]

Сдайся, офицер! (*фр.*).

[^^^]

1115

Убейте его! (*фр.*).

[^^^]

вперед (*φρ.*).

[^^^]

1117

См. примеч. 131 на с. 269.

[^^^]

См. примеч. 128 на с. 269.

[^^^]

1119

на основе опыта (*лат.*).

[^^^]

Генерал Беннигсен в донесении своем государю императору говорит об этом кавалерийском деле: «Сражение продолжалось несколько времени с равною с обеих сторон *жестокостью* и *отчаяньем*, однако ж успех был еще не решителен!» Совершенно справедливо. Наши уланы и гусары отчаянно врубались в средину французов и скакали вместе с ними, нанося удары на все стороны. Я также увлечен был в средину французских кирасиров.

[^^^]

1121

Брандскугель – артиллерийский зажигательный снаряд, пустотелое ядро с отверстиями, начиненное зажигательной смесью.

[^^^]

1122

Победа! Вперед! Да здравствует император! (*фр.*).

[^^^]

1123

Фухтель – плоская сторона клинка холодного оружия (сабли, палаша).

[^^^]

ГОЛЫШОМ (*лат.*).

[^^^]

Султан Селим III пытался провести ряд социальных и военных реформ, но в 1807 г. был свергнут с престола и убит.

[^^^]

1126

Описанная встреча происходила 13 (25) июня
1807 г.

[^^^]

Матросы французского Гвардейского экипажа одеты были в синие куртки, с красными гусарскими шнурками наперед, и в синие шаровары. Они имели кивера. Этот экипаж подал мысль к учреждению в России гвардейского экипажа¹⁸¹.

[^^^]

«По его [Д. И. Лобанова-Ростовского] проворству поручено ему было сформировать наскоро совсем новую пехотную дивизию; она поспела весной, и он привел ее к Неману в самое то время, как на берегах реки сей победа остановлена была миром. Двоюродный брат его, князь Александр Борисович Куракин, бывший вице-канцлер, назначенный послом в Вену, на пути туда, случился тут также проездом и предложил его в число уполномоченных. Тогда они втроем с Будбергом имели славу подписать знаменитый Тильзитский трактат, за что Лобанов произведен был полным генералом. Не знаю, почему именно он, а не другие, этим огадил всем и, в насмешку над кривлявою заносчивостью своею, получил прозвание Князя Мира. Никогда еще ничтожество не бывало самолюбивее и злее, как в этом сокращенном человеке, в этом сердитом карле, у которого на маленькой калмыцкой харе резко было начертано грехопадение, не знаю, матери или бабки его» (*Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 447*).

[^^^]

Участие Ф. П. Уварова во встрече императоров выглядело до некоторой степени издевательским: он был известен очень плохим знанием французского языка. П. А. Вяземский цитирует графа А. Ф. Ланжерона (француза по происхождению): «...ответ его государю Александру на вопрос, о чем говорят Милорадович и Уваров: “Pardon, Sire, ces M.Mrs. parlent français. Je ne les comprends pass”» («Простите, Государь, эти господа говорят по-французски, я их не понимаю») (*Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848)*. М., 1963. С. 185–186).

[^^^]

Д. В. Давыдов, наблюдавший в этот момент с берега за российским императором, вспоминал: «О, как явственно, – невзирая на мою молодость, – как явственно поняла душа моя глубокое, но немое горе этого истинного отца своего народа, этого добродетельнейшей жизни человека! С какими полными глазами слез, но и с каким восторгом глядел я на монарха, сохранившего все наружное безмятежие, все достоинство сана своего, при гибели, казалось, неотразимой и окончательной!» (*Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 95*).

[^^^]

1131

Имеется в виду Фридрих Вильгельм III.

[^^^]

Тильзитский мир был заключен в результате переговоров, которые шли с 13 (25) июня по 25 июня (7 июля) 1807 г.

[^^^]

Генеральские помпоны (вместо кокарды) были из канители, штаб-офицерские из блесток, а обер-офицерские из серебряных снурков.

[^^^]

Ныне соответственно города Каунас и Вильнюс в Литве и Новогрудок в Беларуси.

[^^^]

1135

В первой части Булгарин писал, что его род идет от албанца Скандербека.

[^^^]

Шáббат – у иудаистов седьмой день недели (суббота), в который бог предписал почитать его, а не работать.

[^^^]

Люстрами, по-видимому, Булгарин называет традиционные подсвечники, предназначенные для празднования шаббата.

[^^^]

1138

боже мой! (*идиш*).

[^^^]

Речь идет о Д. А. Искрицком.

[^^^]

Во второй половине XVIII века часы работы Нортона славились столько же, как теперь часы Брегета. Нортон не делал никогда золотых часов, но всегда в серебряной оправе. Об этих часах будет еще упомянуто: они были мне полезны в важном случае.

[^^^]

Булгарин неправильно воспроизводит название книги, нужно: *Gorani J. Mémoires secrets et critiques des cours, des gouvernemens et des mœurs des principaux États d'Italie* [Секретные и критические записки о дворах, правлении и нравах ведущих государств Италии]. Paris, 1793. 3 vols.

[^^^]

1142

Грицевичи – ныне агрогородок в Клецком районе Минской области Беларуси.

[^^^]

Доминик Радзивилл унаследовал в 1790 г. латифундию своего дяди, князя Кароля Станислава Радзивилла. Он был последним мужским представителем несвижской ветви Радзивиллов. После него имущество отошло его дочери Стефании, вышедшей замуж за князя Л. П. Витгенштейна, сына фельдмаршала П. Х. Витгенштейна.

[^^^]

Согласно фамильному преданию, Радзивиллы происходили от языческого жреца Лиздейки, жившего во времена великого князя литовского Гедимина.

[^^^]

1145

Христианизация Литвы была завершена в 1389 г., когда папа римский Урбан VI признал статус Литвы как католического государства.

[^^^]

Аугсбургский сейм 1518 г. был созван Максимилианом I для получения от германских князей субсидий на войну с турками.

[^^^]

Николай Радзивилл получил звание князя гондондзского и медельского. По просьбе польского короля Сигизмунда Августа I199, женатого на Варваре Радзивилловой, император Карл V пожаловал княжеское достоинство Биржанской линии в 1549 году. Биржанская линия приняла потом прозвание Несвижской 200.

[^^^]

Староство являлось казенным имением, передаваемым королем и сеймом в аренду (обычно пожизненно) частным лицам. Старосты выплачивали четверть доходов в казну на нужды войска.

[^^^]

Брак каштеляна Виленского Януша Радзивилла с Софьей Агнешкой, княжной Слуцкой (1585–1612) состоялся в 1600 г. после конфликта с опекунами княжны, магнатами Ходкевичами. В урегулировании конфликта в качестве посредника выступал Сигизмунд III.

[^^^]

Ошибка. Первым мужем Людовики Каролины Радзивилл был маркграф бранденбургский Людвиг (1667–1687).

[^^^]

Князь Иероним Радзивилл был чрезвычайно похож, как две капли воды, на императора Петра Великого. Князь Иероним родился вскоре после пребывания Петра Великого в Слуцке, о чем я говорил в I части моих «Воспоминаний». Польские писатели говорят, что, вероятно, мать князя Иеронима засмотрелась на Петра Великого в первый месяц своей беременности.

[^^^]

1152

Мать Иеронима Радзивилла – Анна Катажина
Радзивилл (урожд. Сангушко).

[^^^]

Современники часто использовали при именах Радзивиллов их прозвища, чтобы различать родственников, бывших тезками. Так, Кароль Станислав Радзивилл получил прозвище Пана Коханку за привычку обращаться таким образом к собеседнику.

[^^^]

Имеются в виду Катерина Каролина Радзивилл и Станислав Фердинанд Ржевуский.

[^^^]

1155

Имеется в виду Теофилия Констанция Радзивилл.

[^^^]

Имеются в виду соответственно дочери М. К. Радзивилла Мария Виктория Майя, Вероника Иоанна и Жозефина.

[^^^]

1157

Имеется в виду С. Ф. Д. Г. Радзивилл.

[^^^]

Булгарин неточно излагает матримониальную историю К. С. Радзивилла: в первый раз он был женат на М. К. Любомирской (в 1753–1760). Т. К. Ржевусская была его второй женой.

[^^^]

1159

Князь Иероним Радзивилл умер в 1787 году, не дожив до тридцатилетнего возраста.

[^^^]

1160

М. К. Радзивилл умер в 1762 г.

[^^^]

Ландвэр (от нем. Land – страна и Wehr – защита) – народная милиция в Германии в XIX – начале XX в.

[^^^]

Пушек на замковом валу и в арсенале было более пятидесяти.

[^^^]

1163

Лошадей на конюшне князя было около 300.

[^^^]

По смерти князя Карла Радзивилла продали с публичного торго гардероб его, состоявший из 300 пар полной богатой одежды и 80 золотых и серебряных поясов.

[^^^]

При бывшем польском королевском дворе дворянин (dworzanin) значил то же, что ныне камер-юнкер или что при высоких сановниках чиновник для особых поручений.

[^^^]

В XVII и даже в начале XVIII века во всей Западной Европе дворяне хороших фамилий и даже достаточные начинали обыкновенно свое светское поприще надворною службою у вельмож, пользовавшихся сильным влиянием в государстве. Служба эта не почиталась постыдною. В Польше этот обычай оставался до тех пор, пока были вельможи.

[^^^]

Когда последний король Польский Станислав Август (Понятовский) посетил Несвиж, в 1785 году, между прочими пьесами даны были Моцартов «Дон-Жуан» и славившийся тогда в Париже балет «Орфей». Этих пьес нельзя было бы исполнить, если б в труппах не было талантов. Известно, что король и вся его свита были очень довольны представлениями.

[^^^]

Речь идет о светской школе, открытой в Несвиже в 1773 г. после упразднения ордена иезуитов на месте существовавшего с 1584 г. иезуитского коллегиума.

[^^^]

Несвижский кадетский корпус существовал в 1747–1755 гг. и был основан Михалом Казимиром Радзивиллом. Кароль Станислав Радзивилл возобновил его деятельность в 1767 г.

[^^^]

1170

На одном фейерверке он лишился глаза, а за десять лет до смерти ослеп на другой глаз.

[^^^]

Создание Радомской конфедерации, маршалком которой был единогласно избран Кароль Станислав Радзивилл, было инспирировано российским послом в Польше Н. В. Репниным для давления на Станислава Августа с целью добиться уступок верующим не католических конфессий и тем самым укрепить в Речи Посполитой позиции православной церкви.

[^^^]

Барская конфедерация была создана в 1768 г. в крепости Бар в Подолии для сохранения прав и привилегий римско-католической шляхты и сопротивления русской партии, стремившейся обеспечить равноправие православным и греко-католикам. В ходе военных действий в 1768–1772 гг. была разгромлена русскими войсками.

[^^^]

1173

Но, кажется, имел более в виду досадить государыне прокламаціями.

[^^^]

О роли К. С. Радзивилла в истории княжны Таракановой см., например: *Мельников П. И.* Княжна Тараканова и принцесса Владимирская // Мельников П. И. Собр. соч. М., 1976. Т. 8. С. 243–427; *Курукин И.* Княжна Тараканова. М., 2011.

[^^^]

Путешествие князя Карла Радзивилла в Париж и в Италию наделало в свое время много шума. Он разъезжал с многочисленной свитой. В Париже свита его и лошади заняли целую улицу, получившую с тех пор название *quai Radzivil*²¹⁸.

[^^^]

Анекдот этот напечатан в польском журнале «Atheneum», издаваемом одним из первых польских литераторов, Крашевским. См. 1845 год, отделение V, тетрадь VI, стр. 215–217. Впрочем, статья, из которой я заимствовал этот фамильный анекдот, хотя весьма любопытна, но написана в духе неприязненного князю Карлу Радзивиллу, содержит в себе много неверного насчет характера его и во многом не согласна с историей и преданиями 219.

[^^^]

1177

Часовня, построенная в 1747 г. итальянским архитектором Маурицио Педетти, сохранилась до наших дней.

[^^^]

См. Воспоминания, часть I, пояснение 3.

[^^^]

Матей Радзивилл выполнял обязанности опекуна с 1790 г. по 1796 г., когда указом Павла I опекунство было передано Михалу Иерониму Радзивиллу, брату по матери Доминика Радзивилла.

[^^^]

Строительство Несвижского замка было начато в 1583 г. и завершено к началу XVII в. На этом этапе участие в работе принимал итальянский архитектор Джованни Бернардини. Сейчас замок является историко-культурным музеем-заповедником, с 2005 г. вместе с несвижским костелом внесен в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

[^^^]

1181

То есть дворецкий, управляющий княжеским хозяйством.

[^^^]

Знаком Мальтийского ордена (ордена Св. Иоанна Иерусалимского) был восьмиконечный белый крест. Звезда Виртембергского ордена Св. Губерта – золотой восьмиконечный крест, в центре которого помещена сцена явления белого оленя святому Губерту.

[^^^]

Брак Д. Радзивилла с Э. Мнишек был заключен в 1807 г., однако в том же году Д. Радзивилл фактически разъехался с женой, чтобы начать бракоразводный процесс, который завершился в 1809 г.

[^^^]

Булгарин ошибся, Теофилия Моравская была не кузиной Д. Радзивилла, а двоюродной племянницей, дочерью его кузена Кароля Моравского.

[^^^]

1185

Господин назойливый (нем.).

[^^^]

последний из римлян (*фр.*). Историк Прокопий Кесарийский в «Войне с вандалами» называет «последним римлянином» трехкратного консула, полководца Флавия Аэция, сумевшего победить Аттилу в 451 г. Аэций был убит в 454 г. по приказу императора Западной Римской империи Валентиниана III, и через год после этого Рим был разграблен вандалами.

[^^^]

Магарыч (слово цыганское) и *литки* употребляются в России, а по-польски *поренкавичне*, т. е. рукавичное, называют тот подарок, который купивший какую-либо вещь или именье обязан дать тому, кто был посредником при покупке.

[^^^]

А. Г. Тартаковский отмечает «усилия пропагандистского аппарата Наполеона в отношении тех стран, с которыми шла война или которые предстояло еще завоевать. <...> По его же приказу соседние страны наводнялись тысячами памфлетов, брошюр, прокламаций, а в “Великой армии” в каждую кампанию регулярно издавались распространявшиеся повсюду официальные бюллетени – первоисточники военно-политической информации» (*Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967. С. 29–30*).

[^^^]

1189

По-видимому, имеется в виду Михал Рейтан.

[^^^]

1190

Превосходная древняя польская пословица, означающая врожденное славянскому племени гостеприимство.

[^^^]

Знаменитая польская поговорка, – т. е. будем дружны, возлюбим друг друга, – повторяемая при тостах.

[^^^]

1192

Уездный город Харьковской губернии, ныне районный центр Харьковской области Украины.

[^^^]

1193

Ныне г. Вы́ру, районный центр в Эстонии.

[^^^]

Континентальная система – экономические и политические меры (включавшие экономическую блокаду), предпринятые Наполеоном в 1806–1814 гг. по отношению к Великобритании; по условиям Тильзитского мира Россия была обязана поддерживать их.

[^^^]

Канал Огінського между реками Ясельда (бассейн Припяти) и Щара (бассейн Немана), построенный в 1767–1783 гг., соединяет Черное и Балтийское моря. Назван в честь инициатора строительства М. К. Огинского.

[^^^]

1196

Тейлиц – мыза и почтовая станция недалеко от Дерпта. Ныне – Телисте, населенный пункт в Эстонии.

[^^^]

По-видимому, упоминаемый далее А. С. Шульгин.

[^^^]

Это произошло 24 августа 1807 г. (см.: *Бобровский П. О. История лейб-гвардии Уланского ея величества императрицы Александры Федоровны полка: В 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 98).*

[^^^]

1199

Имеется в виду А. М. Искрицкий.

[^^^]

Имеется в виду Государственный заемный банк, созданный в 1786 г. на основе Дворянского заемного банка и ликвидированный в 1860 г. Располагался в Демидовом переулке (сейчас переулок Гривцова).

[^^^]

Обычно ребенка крестили на 8^м или 40^м день после рождения. Действие происходит осенью 1807 г., а биографические справочники указывают, что А. А. Искрицкий родился в 1806 г. (см., например: Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. Ибак–Ключарев. С. 149). Таким образом, либо ошибается Булгарин, что маловероятно, либо неточность содержится в биографических источниках.

[^^^]

1202

Имеется в виду П. В. Завадовский.

[^^^]

Ср.: «На Петербург, даже на Москву и на все те места в России, коих просвещение более коснулось, Тильзитский мир произвел самое грустное впечатление: там знали, что союз с Наполеоном не что иное может быть, как порабощение ему, как признание его над собою власти. И вот эпоха, в которую нежнейшая любовь, какую могут только иметь подданные к своему государю, превратилась вдруг в нечто хуже вражды, в чувство какого-то омерзения» (*Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 428*).

[^^^]

Имеются в виду Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Русско-персидская война 1804–1813 гг.

[^^^]

Замечательно, что французские политические писатели и до сего времени не могут растолковать, почему Наполеон отдал и почему император Александр взял Белостокскую область. Дело ясное. Это была охрана или поручительство (garantie) в неприкосновенности русских владений.

[^^^]

В 1797 г. в ходе третьего раздела Речи Посполитой Белостокская область была захвачена Пруссией. Таким образом, бывшие польские земли были от Пруссии переданы России.

[^^^]

В 1808 г. Наполеон захватил Мадрид и назначил королем Испании своего старшего брата Жерома Бонапарта, что вызвало рост мощного национально-освободительного движения в стране. Булгарину, воевавшему в Испании на стороне французов, принадлежит одно из первых описаний этих событий на русском языке – «Воспоминания об Испании» (СПб., 1823).

[^^^]

Финляндия стала независимой 18 декабря 1917 г., вскоре после Октябрьской революции в России. Это произошло через 70 лет после выхода данного тома «Воспоминаний» Булгарина.

[^^^]

Общественное мнение обвиняло в причастности к убийству герцога Энгийенского ряд высокопоставленных особ из ближайшего окружения Наполеона, в частности министра полиции Ж. Фуше, министра иностранных дел Ш.-М. Талейрана и А. Савари.

[^^^]

1210

Речь идет о символическом характере визитов: гость приезжал к хозяину, но не посещал его, а оставлял свою визитную карточку.

[^^^]

Если г. Ваксель жив еще, то должен быть уже весьма не молод, и анекдоты, оставшиеся в памяти его современников о его молодости, не могут оскорбить его, потому что в них нет ничего противного чести. Рассказывают, что в царствование императора Павла Петровича Ваксель побился об заклад, что на вахтпараде дернет за косу одно весьма важное лицо. Ему не хотели верить и побились об заклад для шутки. В первый вахтпарад Ваксель вышел из офицерского строя и, подбежав быстро к важному лицу, дернул его легонько за косу. Важное лицо оглянулось – Ваксель, снял шляпу и, поклонившись (как требовала тогда форма), сказал тихо: «Коса лежала криво, и я дерзнул поправить, чтоб молодые офицеры не заметили...» – «Спасибо, братец!» – сказала важное лицо, и Ваксель возвратился в торжестве на свое место. Рассказывали также, что император Павел Петрович, прогуливаясь верхом по городу, увидел большую толпу народа, стоявшего на Казанском мосте и по набережной канала. Люди с любопытством

смотрели в воду и чего-то ждали. «Что это такое?» – спросил государь у одного из зевак. «Говорят, ваше величество, что под мост зашла кит-рыба», – отвечал легковерный зритель. «Верно здесь Ваксель!» – сказал государь громко. «Здесь, ваше величество!» – воскликнул он из толпы. «Это твоя штука?» – «Моя, ваше величество!» – «Ступай же домой и не дурачься», – примолвил государь, улыбаясь²⁴⁹. Г. Ваксель знал хорошо службу, служил отлично и превосходно ездил верхом, – за это спускали ему много проказ.

[^^^]

Известна записка А. Чарторижского, поданная Александру I 26 июня 1807 г. (см.: Сборник РИО. 1871. Т. 6. С. 373–386). Переговоры о мире шли в Тильзите с 25 июня по 7 июля 1807 г. (по старому стилю). Если дата на записке представлена по старому стилю, то она была написана в самом начале переговоров. Содержание ее во многом, но не во всем соответствует пересказу Булгарина, но он излагал записку по памяти и мог исказить детали.

[^^^]

1213

Согласно преданию, чрезвычайно сложный и запутанный узел, завязанный фригийским царем Гордием и разрубленный Александром Македонским в знак того, что всегда есть простой выход из сложной ситуации.

[^^^]

Записку князя Чарторийского давал мне прочесть и пересказал слова графа Кочубея покойный друг мой М. Я. ф. Ф-к252, служивший прежде при графе Румянцеве, а потом при графе Кочубее и пользовавшийся их милостью и доверенностью.

[^^^]

1215

Имеются в виду братья Александр Борисович
и Алексей Борисович Куракины.

[^^^]

Имеются в виду П. А. Строганов и П. П. Долго-
руков.

[^^^]

1217

Кавалер посольства – дворянин, входящий в свиту посла для соблюдения престижа страны.

[^^^]

См.: *Бенкендорф А. Х. Воспоминания (1802–1837)*. М., 2012. С. 146–153, 156–159.

[^^^]

Сеид – раб Магомета, одним из первых уверовавший в его учение. В трагедии Вольтера «Фанатизм, или Пророк Магомет» (1741) Сеид изображен человеком, слепо преданным Магомету и даже готовым из преданности пророку убить собственного отца.

[^^^]

С 1810 г. на разведку выделялось от 3 до 5 миллионов франков. В 1811 г. для анализа поступавшей информации при Министерстве иностранных дел Франции был создан специальный отдел во главе с Лелорнь д'Идевилем, разведчиком, хорошо владевшим немецким и русским языками.

[^^^]

1221

Имеется в виду дом придворного музыканта А. Лепена (принадлежал Лепену с 1810 г.); в 1846 г. принадлежал Генриху Якобу Лепену (1804–1867), его сыну, содержателю винного погреба, ныне ул. Малая Морская, д. 17.

[^^^]

Балет «Зефир и Флора» был впервые поставлен Ш. Дидло в 1796 г. в Лондоне на музыку Ч. Росси. В России Дидло поставил его в 1808 г., партию Зефира танцевал Л.-А. Дюпор, партию Флоры – М. И. Данилова.

[^^^]

Калипсо – в древнегреческой мифологии нимфа острова Огигия, у которой семь лет в забвении провел Одиссей. Цирцея (Кирка) – в древнегреческой мифологии дочь бога солнца Гелиоса и океаниды Персы. Превратила часть спутников Одиссея в свиней. Сирены – в древнегреческой мифологии морские существа, полуптицы-полуженщины, обладавшие дивным голосом и завлекавшие своим пением корабли на скалы.

[^^^]

А. И. Перец разорился из-за невыполнения правительством обязательств по оплате поставок для армии в ходе антинаполеоновских войн: имущество Переца было продано за полтора миллиона рублей, в то время как его претензии к армии составляли четыре миллиона. А. И. Раль разорился к 1817 г.; после его смерти Николай I распорядился оставить его вдове в пожизненное владение дом на Английской набережной, с тем чтобы после ее смерти дом в равной степени был разделен между их детьми – из уважения к заслугам Раля во время войны 1812 г.

[^^^]

Речь идет о крахе сахарозаводческой фирмы «Молво с сыном», владельцами которой были петербургский городской голова коммерции советник Я. Н. Молво и его сын Н. Я. Молво, при котором в 1834 г. фирма была вынуждена объявить себя банкротом. Братья П. И. и А. И. Северины после войны 1812 г., как и многие другие поставщики, работавшие по армейским подрядам, были вынуждены постепенно свернуть свою деятельность.

[^^^]

Девальвация российских ассигнаций была предпринята правительством, чтобы не допустить бесконтрольного падения рубля накануне надвигавшейся войны. В соответствии с Манифестом от 2 февраля 1810 г. все ассигнации переводились в разряд государственного долга и подлежали постепенной замене металлическими деньгами, причем выпуск новых ассигнаций прекращался. Был выпущен внутренний заем в 100 миллионов рублей ассигнациями. Манифестом 20 июня 1810 г. устанавливалось, что единственной валютой в России является серебряный рубль. Война и связанный с ней выпуск фальшивых российских ассигнаций Францией привели к падению курса. Исправить ситуацию удалось лишь после урегулирования проблемы внешнего долга России, накопившегося во время войны, и благодаря реформам 1839–1843 гг. министра финансов Е. Ф. Канкрин.

Он все еще был поручиком Конной гвардии и непомерно толст. Под конец жизни он лишился своей необыкновенной тучности.

[^^^]

Речь идет о сыне Станислава-Феликса Потоцкого Станиславе Станиславовиче Потоцком. См. примеч. 328 на с. 335.

[^^^]

Луций Лициний Лукулл прославился любовью к гастрономическим изыскам.

[^^^]

1230

См.: Граф Александр Христофорович Бенкендорф // Северная пчела. 1844. № 218. 26 сент.
Без подп.

[^^^]

Бенкендорф вспоминал: «Я использовал все свои возможности, чтобы понравиться ей; я подкупил ее горничную, я мечтал только о том, чтобы предупредить все ее желания; я побывал у ее матери, у ее дяди, у всех членов семьи. Моя страсть, вернее, удивительная красота мадемуазель Жорж, ее великая репутация полностью ослепили меня, и я нежно любил актрису, любовницу Наполеона, который теперь для нее больше, чем любовник. Я стал глупым, как всякий влюбленный; наконец, мое усердие и представление о том, что в Париже адъютант императора России должен быть богатым, завоевали мне расположение этой несравненной красавицы. Я был сам не свой от радости и счастья и забыл все, даже чувство долга ради того, чтобы заниматься только своей любовью. <...> Сначала она делала тайну из нашей связи, показывала наше знакомство только в виде любезности; мало помалу она перестала прятать наши отношения и в конце концов о них стало известно» (Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 150–151).

[^^^]

1232

Речь идет об А. М. Искрицком.

[^^^]

В романе А. Дюма «Учитель фехтования» (1840), написанном по рассказам свидетеля событий О.-Ф. Гризье, именно здесь произошла первая встреча матери и сестер декабриста И. А. Анненкова с его будущей женой: «...их первый визит был к мадам Ксавье, которая считалась законодательницей мод. Женщины их круга просто не могли обойтись без помощи мадам Ксавье» (Дюма А. Учитель фехтования // Дюма А. Учитель фехтования. Черный тюльпан. Новеллы. М., 1981. С. 58).

[^^^]

1234

Один из комитетов Конвента, сосредоточивший к осени 1793 г. основную власть в революционной Франции.

[^^^]

1235

В ходе торжеств в честь Разума, призванного заменить в революционной религии место бога, во время «Фестиваля свободы» 10 ноября (20 брюмера) 1793 г. роль богини Разума исполняла артистка Французской оперы Тереза-Анжелика Обри.

[^^^]

Мраморный дворец – дворец на 1-м Адмиралтейском острове в Петербурге (ныне по адресу ул. Миллионная, 5/1), построенный в 1768–1785 гг. по проекту архитектора А. Ринальди. В 1796 г. был пожалован Екатериной II великому князю Константину Павловичу по случаю его бракосочетания с принцессой Саксен-Кобург-Заальфельдской Юлианной Генриеттой Ульрикой.

[^^^]

Офицерам позволено было костюмироваться в маскараде, но они должны были не снимать маски и приезжать в маскарад уже замаскированные. Разъезжать же по городу в костюме значило нарушение формы.

[^^^]

В Стрельне и Петергофе на гауптвахтах были книги, в которые записывались все необыкновенные происшествия. Этот журнал был весьма полезен во многих случаях.

[^^^]

В доме В. В. Энгельгардта, расположенном на Невском проспекте (ныне д. 30), проводились роскошные балы и публичные концерты, на которых бывали и представители императорской фамилии. Велась там и игра в карты. В «Маскераде» М. Ю. Лермонтова Арбенин предлагает князю Звездичу:

*Рассеяться б и вам и мне не худо.
Ведь нынче праздники и, верно,
маскерад
У Энгельгардта...
<...> Поедемте.*

(Лермонтов М. Ю. Маскерад // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. СПб., 2014. Т. 3. С. 248).

[^^^]

1240

приятное времяпрепровождение (*фр.*).

[^^^]

1241

Эльдорадо – легендарная южноамериканская страна, где якобы было множество золота и драгоценных камней.

[^^^]

В Иркутске в начале XIX в. не было полицмейстера, скорее всего, речь идет об иркутском городничем в 1807–1813 гг. Дементии Петровиче Карташове. Косвенно его участие в подобном громком деле подтверждается награждением его в 1809 г. орденом Св. Владимира 4-й степени (указано Н. Г. Охотиным).

[^^^]

Мировые судьи – судьи первой инстанции судов общей юрисдикции, как правило избираемые населением. В Англии мировой суд существовал с XIV в., во Франции – с конца XVIII в. до 1959 г. Но шериф отнюдь не выполняет функции мирового судьи и не избирается населением, он является представителем государственной власти.

[^^^]

См. примеч. 95 к первой части.

[^^^]

Русско-шведская война 1808–1809 гг. стала результатом Тильзитского мира с Францией: Швеция находилась в союзнических отношениях с Англией, которая захватила военный флот Дании, союзницы России. Россия, обратившаяся к Швеции за посредничеством и получившая отказ, начала военные действия против Швеции. Наполеон поддержал Россию, выразив согласие на оккупацию ею всей территории королевства и захвата любых земель, а Англия обязалась поддерживать Швецию финансово, выплачивая ей по миллиону фунтов стерлингов в месяц на протяжении всей войны с Россией.

[^^^]

Отдельные издания четвертой и пятой частей (СПб.: В типографии Карла Крайя, 1848. Цензурное разрешение от 7 октября 1847 г., цензор А. Очкин) вышли 4 октября 1848 г. (см. объявление о продаже в магазине В. П. Печаткина: Северная пчела. 1848. № 221. 4 окт.). Четвертая часть сопровождалась тем же эпиграфом («Отцы и братие! <...> чтите, исправливая Бога для, а не кляните!»), но с новым указанием источника: «Послесловие в древней летописи». Журнальная публикация: Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 87–174 (главы I–IV; цензурное разрешение от 1 марта 1848 г., цензоры: А. Никитенко, И. Срезневский); Т. 88. Отд. I. С. 5–54 (главы V–VI). Здесь же была опубликована и пятая часть.

Булгарину пришлось объяснять публике, почему анонсированные им ранее четвертая и пятая части «Воспоминаний» «не выходят в свет, когда они уже отпечатаны» (Северная пчела. 1848. № 69. 27 марта). Он сообщал, что сочинение приобрел у него «1♦й гильдии купец П. А. Печаткин, вступивший в право М. Д.

Ольхина по хозяйственной части в журнале “Библиотека для чтения”, и, не имея журнального и книгоиздательского опыта, последовал совету сначала напечатать эти тома в журнале, а затем «пустить в ход напечатанные экземпляры». «По нашему мнению, – замечал Булгарин, – лучше было бы сделать это со следующими частями, а отпечатанные теперь экземпляры пустить немедленно в ход». Булгарину пришлось выполнить требование Печаткина.

[^^^]

Финляндская война – одно из названий Русско-шведской войны 1808–1809 гг., которую Россия при поддержке Франции и Дании вела со Швецией на территории Финляндии. В результате победы России в этой войне Финляндия, находившаяся до этого в составе Швеции, вошла в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское.

Булгарин впервые обратился к воспоминаниям о Финляндской войне в очерке «Завоевание Финляндии корпусом графа Николая Михайловича Каменского в 1808 году» (*Булгарин Ф. В. Сочинения: В 12 ч. Изд. 2-е, испр. СПб., 1830. Ч. 12. С. 81–167*), где указал, что опирался на труд П. П. Сухтелена «*Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède*» (Spb., 1827). Очерк послужил источником значительной части V главы четвертой части «Воспоминаний». Возможно, на характер изложения событий повлияли и военные мемуары Д. В. Давыдова, в частности его «Воспоминание о Кульневе в Финляндии».

(Из военных моих записок) 1808♦й год» (Сын отечества. 1838. Т. 3. Отд. III. С. 165–194), ранее Булгарин назвал лучшей публикацией в первой части альманаха «Мнемозина» мемуарную статью «Извлечение из записок генерал-майора Д. В. Давыдова. Финляндская кампания 1808 года», сожалея о ее краткости и высказав надежду на продолжение (Литературные листки. 1824. № 5. С. 183).

[^^^]

См.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841.

[^^^]

За мужество и отвагу в сражении под Фридландом 2 июня 1807 г. Булгарин был награжден орденом Св. Анны III степени, который предназначался для награждения младших офицеров (до капитана включительно) за боевые заслуги. Орден (красный эмалевый крест на золотом поле, заключенный в залитую красной финифтью окружность) носили на эфесе сабли и других видов холодного оружия, в зависимости от рода войск, к которым принадлежал награжденный. С 1828 г. было постановлено помещать на эфесе Аннинского оружия надпись «За храбрость», а сама награда стала официально называться орден Св. Анны IV степени.

[^^^]

В журнальной публикации фразы: «Не знаю, чему бы я теперь так обрадовался. Тогда орденна были весьма редки и давались только за отличие. Покровителей у меня не было. Сам государь подписывал все рескрипты...» были опущены (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 87).

[^^^]

Т. Л. Старжинский был в 1807 г. не поручиком, а корнетом, как и Булгарин (см. список награжденных: *Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Уланского ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. СПб., 1903. Приложения к Т. 1. С. 242, 246). Булгарин рассказал о подвиге Старжинского в биографии-некрологе А. И. Лорера (Литературные листки. 1824. № 5. С. 179) и очерке «Беседы у больного литератора. Вечер второй. Продолжение» (Северная пчела. 1825. № 86. 18 июля). Бант из орденой ленты – введенное при Екатерине II дополнительное видимое отличие для знака IV степени ордена Св. равноапостольного князя Владимира, получаемого за военные подвиги.

[^^^]

История Финляндской кампании, изданная в Санкт-Петербурге на французском языке в 1827 г. («Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède par le L.-G. C. P. de S***») (экземпляр, хранящийся в РНБ, содержит письменную расшифровку автора: «lieutenant-général Conte Paul de Suchtelen»)), переиздавалась с указанием авторства графа Павла Сухтелена на шведском (Стокгольм, 1835 и 1836) и английском (Лондон, 1854) языках. Однако при издании на русском языке автором был указан его отец, см.: *Сухтелен П. К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швециею в 1808 и 1809 годах / Пер. с фр. СПб., 1832. Большинство исследователей с тех пор ошибочно приписывают авторство П. К. Сухтелену.

[^^^]

П. П. Сухтелен во время Русско-шведской войны состоял при отце, войну он начал волонтером, участвовал в переговорах о сдаче крепостей Свеаборг и Свартгольм, за что в марте 1808 г. был пожалован во флигель-адъютанты, затем принимал участие в военных действиях в Карелии, Саволаксе, в делах при Иденсальми, Куопио и Лапфиорде, при захвате Аландских островов, в 1809 г. совершил переход по льду Ботнического залива на шведский берег.

[^^^]

Перевод на русский язык труда П. П. Сухтеле-на вышел через два года после издания очерка Булгарина.

[^^^]

А. А. Закревскому был посвящен не только названный выше очерк военных событий, но и очерк «Переход русских через Кваркен в 1809 году» (*Булгарин Ф. В.* Сочинения: В 10 ч. СПб., 1827–1828. Ч. I. С. 163–181), в форме письма к нему было написано и предисловие к первому роману Булгарина «Иван Выжигин» (1829). Булгарин напомнил об этом, описывая свое посещение Закревского в январе 1854 г. в Москве, где тот был военным генерал-губернатором (см.: Дорожные впечатления Ф. Б. // Северная пчела. 1854. № 47. 27 февр.).

[^^^]

Согласно подписанному в Тильзите трактату о наступательном и оборонительном союзе (1807) Россия и Франция обязывались вести совместные действия во всякой войне и против всякой державы; предусматривалось, что если Англия не примет посредничества России или не согласится до 1 сентября 1807 г. заключить мир, то Россия должна разорвать с нею дипломатические отношения и отозвать своего посла. Россия, ставшая союзником Наполеона, должна была заставить Швецию разорвать отношения с Англией и примкнуть к континентальной блокаде – условия, на которые не мог пойти шведский король, известный своей непримиримой антинаполеоновской позицией. Тильзитский мир, таким образом, предрешил отторжение Финляндии от Швеции (находившейся в состоянии войны с Францией) и присоединение ее к России.

[^^^]

Речь идет о декларации «О разрыве мира со Швециею», изданной Министерством иностранных дел России 16 (28) марта 1808 г. как манифест от имени царя, которая и стала официальным объявлением войны: «Его Императорское Величество возвещает всем державам европейским, что отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась шведскою и которую войска российские не иначе могли занять, как выдержав разные сражения, признается областью, российским оружием покоренною, и присоединяется навсегда к Российской империи» (ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 30. 1808–1809. № 22.899. С. 129–130). Затем 20 марта (1 апреля) 1808 г. последовал манифест к населению России «О покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» (Там же. № 22.911. С. 146).

[^^^]

Залив в северной части Балтийского моря между западным побережьем Финляндии и Швецией.

[^^^]

1259

Крепость, расположенная на семи скалистых островах для защиты Гельсингфорса с моря; название переводится на русский язык как «Шведская крепость», ныне Суоменлинна («Финская крепость»).

[^^^]

Речь идет о Русско-шведской войне (1788–1790), начатой Швецией при поддержке Англии, Голландии и Пруссии с целью возвращения территорий, утраченных в войнах с Россией. Завершилась подписанием Верельского мирного договора 3 (14) августа 1790 г. с сохранением довоенных границ.

[^^^]

Кексгольм – шведское название города-крепости Корела в 1580–1595, 1611–1918 гг., с 1948 г. – г. Приозерск Ленинградской области. Нейшлот – город-крепость, отошедший России в результате Абоского мира (1743), в июле 1788 г. выдержал осаду шведской армии; ныне г. Савонлинна в Финляндии. Вильманstrand – шведское название города-крепости, отошедшего России в результате Абоского мира (1743), ныне г. Лаппеенранта в Финляндии.

[^^^]

Речь идет о возникшем летом 1788 г., в разгар Русско-шведской войны (1788–1790), политическом заговоре находившихся в Финляндии офицеров шведской армии, составивших так называемый Аньяльский союз (от названия местечка Аньяла в Южной Финляндии) против короля Густава III. Среди их требований было и прекращение войны с Россией. В начале 1789 г. участники заговора были арестованы и осуждены.

[^^^]

По Абоскому мирному договору граница между Россией и Швецией проходила у местечка Аборфорс по реке Кюмень (Кюмийоки, Малый Аборфорс – ее рукав), посередине которой находился небольшой остров, соединенный мостом со шведским берегом. Булгарин ошибся, назвав «шведским цветом» не сине-желтый, а серый. Н. И. Греч вспоминал об этом инциденте: «В начале царствования Александра (1802) шведский король Густав IV, приказав выкрасить русскую половину моста на пограничной реке Кюмене шведскими красками (синею и желтою), нарушил тем одну статью Версальского трактата и на жалобы России отвечал высокомерно. Наша армия двинулась к границе, и судьба Финляндии была бы решена тогда же, если б Англия не употребила всех своих средств для примирения враждующих» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 340–342). Этот инцидент привел к тому, что в 1802–1803 гг. посланники покинули столицы конфликтующих государств, к границе были стянуты войска, в связи с чем гра-

фу С. Р. Воронцову его племянник Д. П. Татищев писал: «Вот было бы хорошо, если бы этот тщедушный мостик мог довести нашу границу до Ботнического залива! дай Бог, чтобы расстроенный рассудок короля шведского побудил его не избегать борьбы! Судя по одушевлению наших воинов, достаточно было бы одной кампании» (цит. по: *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890. С. 315–316).

[^^^]

Российская крепость на острове в устье реки Кюмень, с присоединением Финляндии утратила военное значение и официально была упразднена в 1835 г.; как исторический объект крепость Кюминлинна сохранилась до наших дней в г. Котка в Финляндии.

[^^^]

См. отличающийся незначительными деталями вариант этого анекдота в изложении Н. И. Греча: *Греч Н. И. Записки о моей жизни...* С. 340–341.

[^^^]

Торнео (ныне г. Торнио) находится в Лапландии, на северо-западе Финляндии; то есть П. К. Сухтелен предложил провести границу, включив в состав России почти всю Финляндию, за исключением слабозаселенных северных территорий. При присоединения Финляндии к России по настоянию Александра I Торнео был оставлен на российской стороне границы.

[^^^]

Густав IV был женат на младшей сестре русской императрицы Елизаветы Алексеевны, Фредерике Доротее Вильгельмине Баденской (1781–1826).

[^^^]

Сложившийся в XVII–XVIII вв. политический принцип, основанный на стремлении крупнейших европейских держав не допустить усиления одной или нескольких из них, которое могло бы угрожать другим.

[^^^]

государственные интересы (*фр.*).

[^^^]

Сомнения Петра I в способности наследника престола Алексея Петровича продолжить политику реформ получили подтверждение после побега Алексея за границу и поисков поддержки у европейских правителей. Суд над царевичем Алексеем Петровичем после его возвращения в Россию и лишения права на престолонаследие счел его изменником – противником дела отца, способным для захвата власти использовать австрийскую армию, и вынес смертный приговор. Официальная версия была представлена в «Объявлении розыскного дела и суда, по указу его царского Величества на царевича Алексея Петровича, в Санкт Петербург отправленном и по указу Его Величества в печать, для известия всенародного сего июня в 25 день 1718 выданном» (СПб., 1718). Неофициальная питалась народной молвой, которая видела в царевиче Алексее надежду на освобождение из-под гнета Петровских реформ.

Названные Булгариным территории были присоединены в период правления Екатерины II.

[^^^]

1272

Архипелаг у входа в Ботнический залив.

[^^^]

Граф Каменский был в отпуску за болезнью, и дивизию командовал князь Горчаков 1-й.

[^^^]

1274

Имеется в виду генерал-лейтенант Н. М. Каменский.

[^^^]

1275

Русские войска перешли границу 8 (20) февраля 1808 г.

[^^^]

Донские казачьи полки назывались по имени своего командира.

[^^^]

Александр I ошибочно полагал, что война по захвату Финляндии не потребует значительных усилий.

[^^^]

Фридрихсгам – шведское название города на берегу Финского залива, ныне г. Хамина в Финляндии.

[^^^]

В журнальной публикации: «Через Петербург полки проходили ночью. Вслед за полками...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 95).

[^^^]

В журнальной публикации: «главное начальство над армией... утверждено было за Беннигсеном. Граф Буксевден был тогда...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 95).

[^^^]

В журнальной публикации: «...храбрость и распорядительность графа Буксгевдена... не подлежали никакому сомнению. Это был...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 96).

[^^^]

1282

Улеаборг – шведское название губернского города на северо-западе Финляндии, при впадении реки Улео в Ботнический залив, ныне г. Оулу.

[^^^]

Або – шведское название города-порта Турку, с начала XVII в. бывшего административным центром Финляндии, входившей в состав Швеции; статус столицы Великого княжества Финляндского Або сохранял с 1809 по 1812 г., затем указом Александра I столица была перенесена в Гельсингфорс.

[^^^]

Брагештадт – шведское название расположенного на берегу Ботнического залива города в Улеаборгской губернии, ныне г. Раахе в Финляндии.

[^^^]

1285

Кирка – лютеранская церковь.

[^^^]

Кистер – смотритель церковных зданий у протестантов.

[^^^]

Здесь мимоходом припоминаю изыскателям происхождения варягов, что это скандинавское прозвание *вольных воинов* и поныне существует в Швеции.

[^^^]

Свартгольм (Свартхольм) – морская крепость в Финляндии, построенная шведами на острове при входе в Ловисский залив, неподалеку от Ловизы.

[^^^]

Пост шведского посланника в Петербурге занимал граф К. Б. Л. К. фон Стединг.

[^^^]

1290

Тавастгуз (Тавастгус) – город-крепость в Финляндии (ныне г. Хямеенлинна).

[^^^]

Шведский король, узнав о переходе границы русскими войсками, 20 февраля (3 марта) 1808 г. приказал арестовать всех членов русского посольства в Стокгольме. После этого манифестом от 16 (28) марта 1808 г. было провозглашено присоединение Финляндии к Российской империи, что и стало официальным объявлением войны.

[^^^]

Гельсингфорс – основанный шведами в 1550 г. город-порт на берегу Финского залива, с апреля 1812 г. – столица Финляндии, ныне г. Хельсинки.

[^^^]

1293

Куопио – город в северной части провинции Саволакс на озере Каллавеси.

[^^^]

Иденсальми – местечко в провинции Саво-
лакс, современное название – Ийсальми.

[^^^]

Имеется в виду генерал-майор Н. Н. Раевский, в апреле 1808 г. за действия в Финляндии он был награжден чином генерал-лейтенанта.

[^^^]

1296

Ваза – город на западе Финляндии на берегу Ботнического залива, современное название – Вааса.

[^^^]

В январе 1797 г. Павел I создал Свиту его императорского величества по квартирмейстерской части, в которой и служил П. И. Нейдгардт с момента ее создания. Будучи майором по квартирмейстерской части в 21-й дивизии П. И. Багратиона, Нейдгардт был откомандирован в отряд полковника Н. В. Вуича и участвовал в экспедиции по захвату Аландских островов. Получив приказ не допустить высадки шведов, он занял остров Большой Аланд, принудив местных жителей сдать оружие и помочь уничтожить сигнальные знаки на островах и фарватерах. Однако, отрезанный от своих, после упорного сопротивления высадившемуся шведскому десанту был вынужден сдаться в плен. Возвратился из плена после заключения мира со Швецией.

[^^^]

Имеется в виду полковник Н. В. Вуич, шеф
25-го Егерского полка.

[^^^]

Два батальона Пермского, один батальон Могилевского мушкетерских полков, два взвода гродненских гусар, 50 казаков и 3 орудия.

[^^^]

После того как не удалось отрезать путь к отступлению Саволакской бригаде, отряду М. Л. Булатова было приказано двигаться на Улеаборг, чтобы зайти в тыл отступавшим шведам. Соединившись, Н. А. Тучков и Н. Н. Раевский должны были продвигаться по прибрежной дороге и атаковать шведов при встрече. Однако «главнокомандующий упустил из виду, что по мере отступления к Улеаборгу, ключу, так сказать, застёжке дорог в северной Финляндии, граф Клингспор все более и более усиливался войсками, расположенными вдоль Ботники и приходившими к нему из Швеции и Саволакской области» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 80*).

[^^^]

1301

Револакс (Револахти) – местечко на реке Сика-иоки неподалеку от Улеаборга.

[^^^]

Шведское название (*финск.* Лиминка) местечка на побережье Ботнического залива в Финляндии, южнее г. Улеборга (Оулу).

[^^^]

1303

Шведское название города-порта в Финляндии на побережье Ботнического залива, ныне г. Коккола.

[^^^]

Отряд Я. П. Кульнева преследовал шведов, двигаясь на север вдоль берега Ботнического залива. Под деревней Пикайоки (Пюхяйоки) 4 (16) апреля 1808 г. произошло столкновение со шведским отрядом под командованием начальника штаба армии графа Г. Лёвенгельма. Во время сражения, развернувшегося на льду Ботнического залива, было взято в плен около 70 шведов во главе с Лёвенгельмом.

[^^^]

В 1808 г. Клингспору было 64 года. Ср. с утверждением А. И. Михайловского-Данилевского, что на место Лёвенгельма «поступил один из самых лучших шведских офицеров, полковник Адлеркрейц, который тотчас возымел великое влияние на графа Клингспора, сделался душою всех распоряжений, или, справедливее, настоящим главнокомандующим, и дал походу другой оборот» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны...* С. 82).

[^^^]

1306

Речь идет о сражении при Сикайоки 6 (18) апреля 1808 г., в котором отряду Я. П. Кульнева в 2200 человек противостояли 6300 шведов.

[^^^]

Этот батальон, который осуждали современники и осуждают историки и который в свое время был наказан лишением различных преимуществ военного звания, в существе провинился не трусостью, а неосмотрительностью и торопливостью командира⁵⁹. Булатов слишком растянул свой слабый отряд, и когда шведы, втрое сильнее, напали на Пермский батальон, стоявший отдельно, была такая сильная метель, что нельзя было видеть на три шага перед собою. Батальон отступил наудачу, и шведы отрезали ему путь к Булатову. Так рассказывали мне офицеры этого батальона, бывшего потом в одном отряде с нашим эскадроном.

[^^^]

М.Л Булатов получил три огнестрельных ранения (одна из пуль прошла рядом с сердцем). Попав в плен, он перенес сложную операцию в Стокгольме. Возвратившись из плена в марте 1809 г., Булатов был оправдан военным судом по поводу поведения во время Револакского поражения.

[^^^]

1309

20 апреля (2 мая) 1808 г. под Пулхило (Пулк-килла) отряд полковника Обухова (3 роты Могилевского полка, около 20 казаков и 3 орудия) был окружен и атакован шведами.

[^^^]

За спасение порученной ему команды и двух орудий К. С. Сербин в августе 1808 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

[^^^]

1311

Таммерфорс – шведское название города на юге Финляндии (ныне г. Тампере).

[^^^]

1312

Ландман (*шведск.* landsman), здесь: представитель местной административно-полицейской власти.

[^^^]

1313

После двухнедельной осады и бомбардировок 6 (18) марта 1808 г. морская крепость Свартгольм с гарнизоном из 688 человек капитулировала.

[^^^]

1314

Здесь в значении: склады, специально оборудованные хранилища для запасов.

[^^^]

1315

Варкгауз (Варкаус) – город в восточной части Финляндии, расположенный на перешейке между двумя частями озера Сайма.

[^^^]

Сент-Михель (Сант-Михель) – посёлок в восточной части Финляндии, ныне г. Миккели.

[^^^]

1317

Свеаборг сдался на капитуляцию 22 апреля (4 мая) 1808 г.

[^^^]

«Описание Финляндской войны в 1808 и 1809 годах», соч. ген[ерал]-лейт[енанта] Михайловского-Данилевского, стр. 109.

[^^^]

Военная добыча в Свеаборге была огромная. Кроме 7 503 человек пленных, взято 58 медных пушек, 1 975 чугунных, зарядов в картузах 9 535, бочек пороха 3 000, ядер, бомб и гранат 340 000, ружей, карабинов и мушкетов 8 650 и множество белого оружия, амуниции и запасов продовольствия; военных судов, большею частью принадлежавших к гребному флоту, 110. С этими средствами русские оборонялись бы до последнего человека по крайней мере год! Осаждавших было не более осажденных.

[^^^]

После сдачи крепости К. Кронштедт был предан военному суду как предатель, однако обвинение не было вынесено из-за вмешательства Александра I. После войны Кронштедт принял российское подданство и жил в своем финском имении. А. А. Аракчеев в письме к Ф. Ф. Буксгевдену назвал суммы, потраченные с целью склонить коменданта крепости к сдаче, «золотым порохом» (цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны...* С. 50). По мнению военного историка П. А. Ниве, «золотой порох» сыграл роль в падении крепости, но не носил характера подкупа его коменданта, который «если и повинен, то только в слабости, нерешительности, в неумении совладать с мятежными течениями в своем гарнизоне; притом, как моряк, он совершенно не мог и не умел руководить сухопутною обороной, каковую приходилось вести в Свеаборге в зимнее время», его вина состояла в том, что «он только проникся, еще до войны, сознанием невозможности серьезно сопротивляться России и

успешно отстоять Свеаборг»; значительная часть «золотого пороха» ушла, «всего вероятнее, на тех представителей низшего персонала крепости, которых нужно было склонить к агитации в пользу сдачи» (*Ниве П. А. Указ. соч. С. 94–96*).

[^^^]

Торжество состоялось 27 апреля 1808 г. (присутствовали члены императорской фамилии, Двор и послы иностранных государств).

[^^^]

1322

Кумлинг (Кумлинге) – один из Аландских островов.

[^^^]

Всего сдалось на Кумлинге 20 офицеров, 38 унтер-офицеров и около 400 рядовых (*Ниве П. А. Указ. соч. С. 115*).

[^^^]

Никто не хотел брать на себя ответственность за утрату Аландских островов: командующий Ф. Ф. Буксгевден обвинил П. И. Багратиона, тот сослался на генерал-майора Д. Д. Шепелева, в итоге Н. В. Вуича обвинили «в самонадеянности и излишней отваге и по возвращении из плена отдали под суд, который, однако ж, не нашел его виновным» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 100*).

[^^^]

За сдачу острова Готланда контр-адмирал Н. А. Бодиско решением военного суда был отставлен от службы, лишен ордена Св. Анны 1^й степени, пожалованного ему за взятие Готланда, и сослан на жительство в Вологду. Он «оказался жертвой взаимной вражды» военного министра Аракчеева и морского министра Чичагова, которые, «желая каждый оправдать себя в потере Готланда, обвиняли в том друг друга» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 104*). В октябре 1811 г. Бодиско был всемилостивейше прощен и возвращен на службу, в июле 1814 г. он был вновь награжден орденом Св. Анны 1^й степени.

[^^^]

1326

Гангоуд (Гангут) – крепость на одноименном полуострове на северном берегу Финского залива, у входа в Балтийское море; финское название – Ханко. Была взорвана во время Крымской войны в августе 1854 г.

[^^^]

Булгарин в описании событий апреля–мая 1808 г., следуя за Михайловским-Данилевским, в данном случае нарушил его логику, совместив сведения о прибывших по требованию главнокомандующего казачьих полках и описание структуры корпуса под началом Барклая-де-Толли, к которому наряду с пехотой и кавалерией были прикомандированы 300 донских казаков (см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Финляндской войны... С. 112–113). Кроме действовавших в Финляндии с начала военных действий двух эскадронов Лейб-казачьего генерал-майора графа В. В. Орлова-Денисова полка, весной и летом 1808 г. в Финляндию прибыли и были распределены сотнями и командами между различными отрядами действующей армии донские казачьи полки Д. М. Киселева и И. Н. Лащилина, а в конце июля 1808 г. – И. И. Исаева.

[^^^]

Эти солдаты должны были пополнить дивизии Н. М. Каменского и П. И. Багратиона, в задачу которых входила оборона финской береговой линии от возможной высадки шведов. По договоренности между императорами России и Франции все российские военнопленные, находившиеся во Франции, должны были быть одеты и вооружены французским правительством.

[^^^]

1329

Имеется в виду А. И. Гудович.

[^^^]

1330

Речь идет о сестре Булгарина Антонине.

[^^^]

Первым из Стрельны 8 (20) апреля 1808 г. выступил эскадрон майора Лорера, остальные (в их числе находился и Булгарин) под общей командой полковника А. И. Гудовича отправились в поход 7 (19) мая.

[^^^]

1332

Плашкоут (*гол.* plaatschuit) – устройство для наплавных мостов.

[^^^]

П. О. Бобровский, ссылаясь на документы, утверждает, что эскадрон Радуловича все время Финляндской кампании находился в Стрельне, см.: *Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Уланского ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. Т. 1. С. 100.

[^^^]

Речь идет об итальянце или чехе, музыканте Франце Керцели. В формулярном списке Керцели указано, что он «немецкой нации из Венны» (Там же. Приложения к Т. 1. С. 138).

[^^^]

П. О. Бобровский в числе офицеров эскадрона называет также корнетов Пенхержевского и Францкевича и батальонного адъютанта Яковлева (Там же).

[^^^]

Фельдъегерский корпус – специальное формирование для несения военно-курьерской службы и выполнения специальных поручений императора, созданное при Павле I в декабре 1796 г.; фельдъегеря назначались для доставления важнейших документов, перевозки посылок, больших сумм денег и т. п. как внутри империи, так и за границей, сопровождения во время путешествий членов императорской фамилии и других высокопоставленных лиц.

[^^^]

1337

Имеется в виду Прасковья Яковлева, на которой Кеттерман женился в 1803 г.

[^^^]

Имеется в виду Андрей Васильевич Гудович, генерал-адъютант и любимец императора Петра III; во время переворота 1762 г. он был арестован вместе с императором, отказался от предложения Екатерины II вступить в службу, вышел в отставку и жил в своем имении. Павел I произвел его в генерал-аншефы и наградил орденом Св. Александра Невского.

[^^^]

В журнальной публикации: «...обходился с графом Гудовичем весьма благосклонно...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 112).

[^^^]

Булгарин в конце жизни, в январе 1854 г., все-таки посетил А. И. Гудовича в Москве и описал эту встречу, см.: Дорожные впечатления Ф. Б. // Северная пчела. 1854. № 47. 27 февр.

[^^^]

Булгарин написал некролог А. И. Лореру (см.: Ф. Б. Александр Иванович Лорер // Литературные листки. 1824. № 5. С. 176–182; под названием «Воспоминания об Александре Ивановиче Лорере» перепечатан в: *Булгарин Ф. В.* Полн. собр. соч.: В 7 т. СПб., 1843. Т. 5. С. 29–32), это обстоятельство отметил в своих мемуарах брат Лорера – декабрист Н. И. Лорер: «...товарищ его по службе Булгарин, бывший у брата в эскадроне корнетом, написал его некролог» (*Лорер Н. И.* Записки моего времени. Воспоминания о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 317).

[^^^]

Она помещена в полном собрании моих сочинений.

[^^^]

Супруга Александра Ивановича Лорера, урожденная Корсакова (Мария Ивановна), родная сестра графини Коновницыной, одна из добродетельнейших женщин, какие только могут быть, после смерти своего мужа подарила мне его стол и чернильницу.

[^^^]

Офицеры эскадрона полковника графа А. И. Гудовича, под командой ротмистра Л. В. Климовского.

[^^^]

Поручик Я. Б. Лопатинский 16 (28) июня 1808 г. был послан из Куопио с взводом улан для разведки обстановки у Тайволы. Расположившись в финской деревне, он не принял мер предосторожности, был окружен саволакскими партизанами и погиб, вступив в неравный бой. Булгарин поместил мемуарный очерк «Смерть Лопатинского (Эпизод войны в Финляндии 1808 г.)» с посвящением гр. Павлу Петровичу Сухтелену в «Сыне отечества» (1823. № 30. С. 151–162), позднее очерк входил в собрания сочинений Булгарина (см.: *Булгарин Ф. В. Сочинения*: В 10 ч. СПб., 1827. Ч. 1. С. 133–145). В жанровом отношении очерк представлял собой рассказ в романтическом духе: события разворачиваются на фоне бурного грозового пейзажа, Лопатинский полон мрачных предчувствий, на призыв шведского офицера сдаться он отвечает: «Нет! ... Кому не удалось сохранить свободы оружием, тот умирай!» – и умирает со словами «Прости, Россия!» (Там же. С. 143–144). По версии Булгарина, Лопатинский вступил в бой с превосхо-

дящим его противником и смог поразить многих врагов. Опубликованный в Финляндии, очерк (*Bulgarin. Lopatinskys död // Vasa Tidning. 1839. № 4*) вызвал критические замечания финского рецензента, в статье «Булгарин и история войны в Финляндии» (*Bulgarin och finska krigshistorien // Borgå Tidning. 1839. № 34, 37, 39*) отметившего неточности в описании событий. Финский рецензент писал, «что Лопатинский не имел возможности убить кого-либо; что отряд его не был изрублен, а взят в плен и что, вообще, только два человека пали в ту ночь, которую Булгарин описывает столь кровавой» (ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 108. Л. 8–9. Цит. рукописный перевод статьи на русский язык).

[^^^]

По-видимому, речь идет о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.

[^^^]

1347

Имеется в виду А. А. Яковлев.

[^^^]

1348

Имеется в виду П. И. Воейков.

[^^^]

Речь идет о П. Т. Ильине.

[^^^]

1350

Имеется в виду питье, которое дают Иисусу, распятому на кресте (Матф. 27: 34).

[^^^]

В Финляндской кампании принял участие второй батальон лейб-гвардии Егерского полка под командой полковника Я. А. Потемкина, к нему была прикомандирована рота лейб-гвардии Артиллерийского батальона.

[^^^]

Знаю, что пишу неправильно, но должен следовать за нашими историками. *Веси* по-фински значит «большая масса воды», то же, что *ярви*, озеро, следовательно, везде, где прозвание соединено с *веси* и *ярви*, надобно пропускать их и писать *озеро*, присовокупляя его прозвание.

[^^^]

1353

Борго – шведское название города на берегу Финского залива, ныне г. Порвоо в Финляндии.

[^^^]

1354

Шанцы (*нем.* Schanze) – окопы, траншеи.

[^^^]

В дульнозарядных пушках в верхней части трубы, у казенника, было небольшое отверстие для запала. При необходимости вывести пушку из строя в это отверстие вгонялся подходящий по диаметру гвоздь. Загвозженную пушку было практически невозможно отремонтировать в полевых условиях.

[^^^]

При завоевании Испании войска Наполеона столкнулись с отчаянным сопротивлением испанцев: по всей стране вспыхивали народные восстания, развернулась партизанская война. Булгарин рассказал об этом в своей книге «Воспоминания об Испании» (СПб., 1823).

[^^^]

7 (19) июня в 3 часа утра Куопио был занят передовым отрядом, состоящим из лейб-егерей, команды минеров, командирского эскадрона улан, в котором был Булгарин, и тридцати казаков. Следом в город вошла пехотная дивизия генерал-майора В. С. Рахманова.

[^^^]

Речь идет о А. В. Воейкове.

[^^^]

Речь идет о Н. М. Голицыне.

[^^^]

К. Н. Батюшков и И. А. Петин в составе 2-го батальона лейб-гвардии Егерского полка участвовали в Финляндской кампании. Их дружба – известный факт в истории литературы: Батюшков посвятил Петину послание «К П[ети]ну» (1810), в котором вспоминал бой под Иденсальми, где Петин был ранен, а после его гибели под Лейпцигом – знаменитую элегию «Тень друга» (1814) и прозаические очерки «Воспоминание мест сражений и путешествий» и «Воспоминание о Петине» (оба – 1815 г.). Конец 1807 – первую половину 1808 г. Батюшков, будучи в отпуске сначала по болезни, затем для решения семейных дел по принятию наследства, находился в Вологде и доставшейся в наследство от матери деревне Хантоново Новгородской губернии, лишь осенью 1808 г. он возвратился в Петербург, чтобы отправиться в лейб-гвардии Егерский полк (см.: Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 72–79; Сандомирская В. Б. Батюшков // Русские писатели. 1800–1917: Биографич. словарь. М., 1989.

Т. 1. С. 175–176). В батальоне Батюшков находился с начала октября 1808 г. по май 1809-го, следовательно, не мог принимать участия в описанной Булгариным офицерской жизни в Куопио в июне–июле 1808 г.; воспоминание о нем, скорее всего, относится ко времени кампании в целом.

[^^^]

1361

Имеется в виду А. Г. О. фон Штакельберг.

[^^^]

Глювейн (от *нем.* Gluhwein) – то же, что глинтвейн. Сабайон (*фр.* sabayon) – десерт, готовящийся из взбитого яичного крема с добавлением крепких вин.

[^^^]

1363

Обед и ужин, пунш, сабайон, вина и ликеры
для хороших друзей (*фр.*).

[^^^]

В охранявший Вазу отряд под началом генерал-майора Н. И. Демидова входили батальон Петровского мушкетерского полка, шефом которого он был, и Белозерский мушкетерский полк.

[^^^]

Нюкарлеби – шведское название небольшого городка в Западной Финляндии (финское – Усикаарлепюю).

[^^^]

А. И. Михайловский-Данилевский указывает, что занять Ньюкарлеби Раевский поручил отряду под начальством генерал-майора И. Ф. Янковича, в который входили «остатки спасшихся из-под Револакса полков Могилевского и Пермского, 23[◆]й Егерский и 50 казаков», Севский же полк в составе отряда генерал-майора К. Ф. Казачковского был послан в Лаппо (см.: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 153*).

[^^^]

Христиненштадт (Кристинеста́д) был основан в 1649 г. как город Ко́пшёстад, в 1651 г. переименован в честь правившей тогда шведской королевы Кристины, ныне небольшой город Кристи́йнанкау́пунки в Западной Финляндии.

[^^^]

Лиль-Кирка (Лилькиро, Лилькюро) – населенный пункт, церковный приход (называемый в Финляндии киркой), примерно в 18 км восточнее Вазы.

[^^^]

Речь идет о высадках шведского десанта на финский берег. 7 (19) июня 1808 г. у селения Лемо близ Або высадился отряд во главе с генералом Фегезаком. Нападение было отражено, но шведам удалось под прикрытием огня корабельных орудий погрузиться на суда и уйти. 12 (25) июня 1808 г. шведы, прибыв из Умео под начальством генерала Ю. Бергенстрале, высадились на берег Ботнического залива севернее, у Вазы. На следующий день обходным маневром части своих сил они выманили почти весь охранявший город отряд во главе с генералом Демидовым, после чего высадившийся с моря шведский десант занял город. Демидову пришлось брать Вазу штурмом с большими потерями, за это сражение он получил орден Св. Георгия 3-го класса. Булгарин рассказывает об этом эпизоде ниже.

[^^^]

Высадка под Або произошла 8 июня, пятью днями ранее вазовской высадки. Шведский генерал Фегезак с 4 000 шведов вышел на берег и устремился прямо на город, надеясь на помощь жителей. По счастью, главнокомандующий отменил долженствовавшую быть в этот день ярмарку. Силы были равные, но героическое мужество наших солдат, ободренных примером генералов и офицеров, склонило победу на нашу сторону. Более всех отличился Невский мушкетерский полк, ударив в штыки на неприятеля. Шеф полка, генерал-майор Чоглоков, был впереди; генералы Багговут и Тучков 1♦й (бывший под следствием) сами шли в стрелковой цепи¹¹⁷. Офицеры везде были первые, и соревнование было так велико, что даже раненые солдаты после перевязки добровольно возвращались в битву. Войско было чудное, и потому-то оно внушало такую самонадеянность главнокомандующему.

За отличия в кампании против шведов, в том числе и за бой при Линдулаксе (село в центральной Финляндии на берегу озера Кююярви примерно в 120 км к юго-востоку от Гамле-Карлебе), полковник Е. И. Властов в августе 1808 г. был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

[^^^]

Лаппо-Кирка (Лаппо) – населенный пункт восточнее Вазы по направлению к Куопио, лежавший на пересечении четырех дорог. Ныне г. Лапуа в области Южная Остроботния в Финляндии.

[^^^]

Скорее всего, описка или опечатка – речь идет о сражении при Лаппо 2 (14) не июня, а июля 1808 г., в котором шведы, полагавшие победу за собой, потеряли 162 человека, а русские – около 200.

[^^^]

В журнальной публикации ошибочно: «Двадцатого июня...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 125).

[^^^]

Сведбю (правильно: Смедсбю) – деревня, лежавшая на пути от места высадки шведов к Вазе. По направлению к деревне была отправлена шведами небольшая демонстративная колонна для отвлекающего маневра, она вступила в бой с русским пикетом, в то время как основные силы шведского десанта двинулись по другой дороге.

[^^^]

В журнальной публикации отсутствует часть фразы: «...подняли город на царя, как говорили в старину...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 126).

[^^^]

Речь идет о штурме предместья Варшавы Прага русскими войсками под командованием А. В. Суворова в ноябре 1794 г., который сопровождался истреблением повстанцев.

[^^^]

1378

Биернеборг (Бьёрнеборг) – город на западном побережье Финляндии, ныне г. Пори.

[^^^]

Такое же число казаков указывает и Михайловский-Данилевский (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны...* С. 164). В журнальной публикации ошибочно: «...с <...> четырьмя эскадронами нашего полка и пятьюдесятью казаками» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I. С. 128).

[^^^]

Тайвола – финская деревня на берегу озера Каллавеси, откуда шведы совершали набеги на Куопио.

[^^^]

Речь идет о канонерках, крупных парусно-гребных шлюпках (на 7–15 пар весел) с артиллерийским вооружением, предназначенных для боевых действий на реках, озерах и в прибрежных морских районах. На русских канонерках были фальконеты и от одного до трех крупнокалиберных орудий.

[^^^]

Французский департамент Вандея был центром роялистских мятежей в период Великой французской революции и Директории.

[^^^]

1383

В сентябре 480 г. до н. э. спартанский царь Леонид с отрядом из 300 спартанцев и шеститысячным греческим войском погиб в бою с превосходящими силами персов, защищая Фермопильский проход.

[^^^]

Заломами называются скопления в русле реки деревьев, вымытых и снесенных течением, образующих в узких местах реки плотины в виде беспорядочно наваленных друг на друга стволов.

[^^^]

Должно заметить, что шведы также кричат «ура», и не в подражание русским. Это древний воинский крик скандинавов.

[^^^]

В Карелии было 2 000, в Свеаборге 3 500, у Або 4 000, на флотилии 2 000, в центре Финляндии, у Раевского, 6 000, в Куопио, у Барк-лая-де-Толли (потом у Тучкова), 6 000, на берегу морском, между Або и Христиненштадтом, 1 000, и для прикрытия транспортов, хлебопечков и содержания отдельных постов 1 500 человек.

[^^^]

Впоследствии их было пятнадцать, а может быть, и более.

[^^^]

В записке в III отделение Булгарин дал выразительную характеристику Паулуччи, занимавшему в 1821–1829 гг. пост генерал-губернатора остзейских провинций, причислив его к «высшим чиновникам, недовольным правительством из оскорбленного самолюбия или неудовлетворенного честолюбия»: «К сему числу принадлежит в первом разряде сам генерал-губернатор маркиз Паулуччи, друг графа Аракчеева. Влияние его весьма важно. Он беспрестанно жалуется встречному и поперечному на совершенное расстройство в течении дел, критикует все постановления, ослабляет должное уважение к лицам остроумными насмешками и порицаниями. Скажу один пример: в самый тот день, когда жена его получила орденские знаки Св. Екатерины, депутаты города Гольдингена на публичной аудиенции просили Паулуччи избавить их от слишком тягостного квартирования войск по причине работы на Виндавском канале. Паулуччи публично сказал депутатам: “Вы правы, но ныне я не могу помочь вам; ныне гене-

рал-губернатор представляет чёрта на земли. Я могу вам делать зло – но добра не могу”. Идея сия сделалась любимую Паулуччи, и он всякому повторяет ее. Он говорит всем, что писал к государю, прося отставки, ибо ныне служить невозможно, потому что нельзя делать добра» (Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 178–179). Булгарин написал некролог Паулуччи (Северная пчела. 1849. № 67. 26 марта).

[^^^]

Булгарин сделал это в V главе четвертой части.

[^^^]

Н. А. Тучков прибыл в Куопио 30 июня (12 июля) 1808 г.

[^^^]

Монумент, посвященный победам П. А. Румянцева-Задунайского, созданный по проекту В. Бренны (1799), первоначально установлен в Санкт-Петербурге на Марсовом поле близ реки Мойки, однако в связи с установкой на этом месте в 1801 г. памятника А. В. Суворову (скульптор М. И. Козловский) перенесен к Мраморному дворцу. В 1818 г. памятник Суворову решением Александра I был перенесен в другую часть Марсова поля, напротив Троицкого моста, а обелиск «Румянцева победам» обрел свое постоянное место на Васильевском острове между Академией художеств и Меншиковским дворцом, поскольку в нем располагался Первый кадетский корпус, который окончил Румянцев. Памятники М. Б. Барклаю-де-Толли и М. И. Кутузову установлены в столице в 1837 г. перед Казанским собором, скульптор Б. И. Орловский.

[^^^]

См. статью Булгарина «Правда о 1812-м годе, служащая к исправлению исторической ошибки, вкравшейся в мнение современников», где, отдавая должное Пушкину, посвятившему Барклаю своего «Полководца», Булгарин писал: «Он первый доказал, что Барклай-де-Толли есть великий предмет для русской лиры!» (Северная пчела. 1837. № 7. 11 янв.).

[^^^]

Историю рода, восходящего к шотландским корням, см.: *Нечаев С. Ю.* Барклай-де-Толли. М., 2011. С. 9–11.

[^^^]

Речь идет о Питере Барклае-де-Толли (точнее, Баркли из ветви Тоуи), который оставил Шотландию и поселился в Ростоке. Затем семья переехала в Ригу (Там же. С. 10–11).

[^^^]

Ревель – с 1918 г. город, ставший столицей независимой Эстонии, получил название Таллин. Пернов в 1919 г. был переименован в Пярну.

[^^^]

Губернский предводитель дворянства в остзейских (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) губерниях.

[^^^]

1397

В.-Г. Барклай-де-Толли умер в 1781 г.

[^^^]

Это утверждение справедливо лишь в отношении младшего брата, Андрея Богдановича, старший, Иван Богданович, пережил своих братьев.

[^^^]

Долгое время годом рождения М. Б. Барклай-де-Толли считали 1761 г., лишь сравнительно недавние разыскания утвердили более раннюю дату – 1757 г. (см.: *Нечаев С. Ю.* Барклай-де-Толли. С. 6–7).

[^^^]

1400

Имеется в виду М. Е. Барклай-де-Толли.

[^^^]

Небольшая неточность Булгарина: М. Б. Барклай-де-Толли еще при производстве в 1788 г. в секунд-майоры с переводом в Изюмский легкоконный полк был оставлен при принце В. А. Ангальт-Бернбургском в должности дежурного майора; в Изюмском полку он воевал с турками под начальством Л. Л. Беннигсена с июля 1788♦го по май 1790 г.; после этого в 1790 г. вместе с принцем он был переведен в Финляндскую армию и принял участие в Русско-шведской войне 1788–1790 гг. Должность дежурного офицера предполагала передачу поручений и распоряжений начальника; в этой должности находились личные адъютанты некоторых высших начальников. Поскольку Барклай-де-Толли имел чин секунд-майора и состоял адъютантом при принце, то он был дежурным майором при нем.

[^^^]

Ошибка в дате: сражение произошло 18 (29) апреля 1790 г.; в этом сражении принц Ангальт-Бернбургский был смертельно ранен. Пардакоски – село в бассейне Сайменского озера в 40 км от Вильманстранда (Лаппеенранты) в направлении на северо-запад в Сент-Михель (Миккели); ныне г. Партакоски в Финляндии.

[^^^]

1403

Назначение состоялось в марте 1798 г. с производством в полковники.

[^^^]

Это утверждение вызвало критику рецензента «Отечественных записок», послужив одним из главных аргументов для обвинения Булгарина в незнании военной истории: по мнению рецензента, Барклай не участвовал в «знаменитом сражении» 27 января 1807 г., поскольку был ранен в сражении накануне (Отечественные записки. 1848. Т. 57. Отд. VI. С. 108). В рецензии «Военного журнала» выражение мемуариста, касающееся непосредственного участия Баркляя-де-Толли в сражении, рассматривается лишь как неточность (Военный журнал. 1848. № 6. С. 163), поскольку при отступлении к Прейсиш-Эйлау отряд Баркляя-де-Толли принял участие в тяжелых арьергардных боях, а сам Барклай был тяжело ранен в сражении под Эйлау 26 января.

[^^^]

Учрежденный в 1792 г. рыцарский орден королевства Пруссии, которым награждали за храбрость в бою, выдающееся командование войсками, долгу и верную службу королевству и другие заслуги. М. Б. Барклай-де-Толли награжден орденом 9 (21) апреля 1807 г.

[^^^]

Имеется в виду война четвертой антинаполеоновской коалиции с Францией 1806–1807 гг., в ходе которой военные действия шли на территории Пруссии.

[^^^]

Представление о мужестве Барклая-де-Толли Багратион мог получить во время военных действий четвертой коалиции. В сражении под Пултуском русским войскам удалось впервые устоять против Наполеона. При отступлении к Прейсиш-Эйлау Багратион командовал арьергардом, в который входил и отряд Барклая-де-Толли. Однако отношения двух полководцев не оставались неизменными, известно, что они приобрели резко конфликтный характер во время другого драматического для русского оружия отступления – летом 1812 г. (см. об этом: *Анисимов Е. В.* Генерал Багратион. Жизнь и война. Изд. 2-е. М., 2011. С. 611–665).

[^^^]

1408

Барклаю-де-Толли в 1808 г. был 51 год.

[^^^]

М. Б. Барклай-де-Толли конфессионально принадлежал к одной из ветвей протестантизма – лютеранству. Квакеры – последователи более позднего протестантского движения, возникшего в Англии в XVII в. в среде радикальных пуритан; для них характерна вера в существование в каждом человеке некой сущности (обозначаемой как Свет, Дух Божий, внутренний Христос), через которую возможно непосредственное общение с Богом; исповедуют принципы равенства людей перед Богом, честности и аскетизма.

[^^^]

Н. М. Каменский прибыл к месту нового назначения 12 (24) июля 1808 г.

[^^^]

8 (20) июля отряд под командованием Сабане-ева выступил из Куопио в западном направлении на Рауталамби (Рауталампи), что находится в 53 км юго-западнее Куопио. Булгарину, по всей видимости, изменила память, когда он, указывая направление следования отряда, назвал Койвисто (ныне г. Приморск в Выборгском районе Ленинградской области), который не мог находиться на пути отряда. Справиться у П. П. Сухтелена или А. И. Михайловского-Данилевского Булгарин не мог, так как они не описывали этого похода. Скорее всего, он имел в виду местечко Конневеси, находившееся западнее Рауталамби, в 77 км от Куопио на пути движения отряда. Воспоминания об этом походе включены в путевые заметки Булгарина о поездке в Финляндию в 1840 г., см.: Ф. Б. Путевые заметки и впечатления // Северная пчела. 1840. № 213. 21 сент.

[^^^]

1412

Сариярви (Саариярви) – город в Центральной Финляндии, примерно в 120 км западнее Куопио.

[^^^]

См. «Россия в истор[ическом], статист[ическом], географ[ическом] и литерат[урном] отношениях»¹⁵⁷.

[^^^]

Впервые Булгарин писал о финских племенах в «Прогулке по Ливонии» (Северная пчела. 1827. № 59, 60. 17, 19 мая), где ссылался на историков, которые считают происхождение этих племен тюркским. Сведения о близости строения черепов финнов к монголоидным были почерпнуты Булгариным в публикациях профессора И. Ф. Гука, который в 1833–1842 гг. заведовал кафедрой анатомии в Дерптском университете (см. ссылку на его работу в: *Булгарин Ф. В.* Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Истории ч. 1. С. 138–139). Современная наука из-за недостатка археологических подтверждений подвергает сомнению теорию о том, что ранняя группа поселенцев мигрировала в Европу из Сибири, возникшую на основании двух различных типов черепов (европеоидного и монголоидного), обнаруженных при раскопках мезолитических захоронений в северо-восточной Европе. Взгляд Булгарина на гуннов соответствует историографии его времени, считавшей гуннов мон-

голами (впервые эту точку зрения высказал П. С. Паллас). В настоящее время этническая принадлежность гуннов считается не установленной. Угры – обобщающее имя родственников по языку народов: манси, хантов и венгров, как и финны принадлежащих к уральской языковой семье.

[^^^]

См. там же.

[^^^]

Лопари – устаревшее русское наименование малочисленного финно-угорского народа; современное название – саамы.

[^^^]

То же самое, что и лопари, от наименования которых произошло название Лапландия («земля лопарей»).

[^^^]

1418

Устаревшее русское наименование финно-угорского народа; современное название – марийцы.

[^^^]

Устаревшие русские наименования финно-угорских народов; современные названия зырян, вогуличей, вотяков и остяков – соответственно коми, манси, удмурты и ханты.

[^^^]

1420

Покорение началось с 1157 года, при шведском короле Эрике IX или Святом¹⁶³, в цели утверждения христианской веры в Финляндии.

[^^^]

1421

В отечественной историографии датой основания считается год первого упоминания Выборга в летописных источниках – 1293♦й.

[^^^]

1422

Поселение Або известно с XIII в., статус города получило в XIV в.

[^^^]

1423

Шведское название города Каяани в центральной части Финляндии.

[^^^]

1424

Шведское название финского города Пиетарсаари на побережье Ботнического залива.

[^^^]

1425

Нюштадт (Ништадт) – шведское название города в Финляндии на берегу Ботнического залива (финское – Уусикаупунки); в 1721 г. здесь был подписан Ништадтский мирный договор между Швецией и Россией.

[^^^]

Ловиза (*финск.* Ловийса) – город на побережье Финского залива восточнее Гельсингфорса (Хельсинки), свое название получил в честь шведской королевы Ловисы Ульрики Прусской.

[^^^]

Шведское название губернии, занимавшей самую южную материковую часть Финляндии (с 1917 г. называлась Уусимаа, в 1997 г. вошла в губернию Южная Финляндия, в 2010 г. упразднена, как и другие губернии Финляндии).

[^^^]

Шведское название исторической провинции в Финляндии (финское – Похьянмаа); расположена на восточном побережье Ботнического залива.

[^^^]

Королевская академия была основана в Або в 1640 г., в 1808 г. переименована в Абоскую императорскую академию, после пожара 1827 г. переведена в Гельсингфорс и преобразована в Императорский Александровский университет. Ныне Хельсинкский университет.

[^^^]

Ни одно из четырех периодических изданий на финском языке во время шведского правления не просуществовало более года. В 1808 г. в Финляндии выходила лишь одна официальная газета «Tidningar Utgifne Af et Sällskap i Abo» («Ведомости общества в Або»), издавалась она на шведском языке.

[^^^]

Я говорил неоднократно в «Северной пчеле» и в отдельных моих сочинениях о редуccionной комиссии¹⁷⁴. Карл X выдумал, а Карл XI начал приводить в исполнение меру, принятую для обогащения обедневшей казны отнятием недвижимых имений у владельцев, которые не могли доказать формальными актами прав своих на независимое от казны владение поместьями. Купчие крепости не принимались в уважение. Даже жалованные властителями страны имения были отнимаемы, если не было ясных доказательств на вечное право. В Лифляндии и Эстляндии это произвело¹⁷⁵ страшное замешательство, потому что многие имения были приобретены правом завоевания первыми рыцарями и перешли в со-тые руки. Это было главною причиною восстания Паткуля противу Швеции¹⁷⁶. В Финляндии многие имения были даны шведским чиновникам в древности для водворения между дикими финнами христианства и шведского порядка. И после нескольких веков стали рассматривать права собственности!

[^^^]

1432

Подкоски, подпорки, стойки.

[^^^]

Речь идет о депутатах, избираемых в риксдаг (шведский парламент), который в России именовали сеймом.

[^^^]

Имеются в виду олигархические политические партии в Швеции. Одна получила название «шляпы» в насмешку над королем Фридрихом I, вторая – «шапки» (как символ свободы). На протяжении XVIII в. власть в Швеции несколько раз переходила от одной партии к другой, при этом обе партии отличались продажностью. Деятельность коррумпированных партий была прекращена в период правления Густава III.

[^^^]

Когда в 1788 г. Густав III начал войну с Россией, не заручившись согласием риксдага, ответом стал Аньяльский заговор финских офицеров, сопровождавшийся обращением к Екатерине II за помощью в отделении Финляндии. После подавления заговора некоторым его участникам удалось бежать в Россию.

[^^^]

1436

Селение на берегу Ботнического залива в Финляндии по дороге в Улеаборг.

[^^^]

1437

Началом военного противостояния стала борьба новгородцев и шведов за побережье Финского залива в XIII–XIV вв. Оно продолжилось и после присоединения Новгорода к Москве, русско-шведские войны велись в 1479–1482, 1495–1497, 1554–1557, 1570–1582, 1590–1595, 1610–1613, 1614–1617, 1656–1658 гг. В XVIII в. их было три: 1700–1721 гг., 1741–1743 гг., 1788–1790 гг.

[^^^]

1438

Это ужасно (нем.).

[^^^]

Одно из народных названий княженики обыкновенной, или малины арктической (*Rúbus árticus*, *финск.* Mesimarja), растения из семейства розовых, распространенного в холодном и умеренном климате; содержащиеся в плодах эфирные масла придают ягодам вкус ананаса.

[^^^]

Хилус (*позднелат.*, от *греч.* chylos – сок) – млечный сок, жидкость в лимфатических сосудах кишечника, содержащая кроме лимфы капельки жиров. Булгарин, скорее всего, использует это слово по аналогии, говоря о пищевой ценности грибов.

[^^^]

О ретираде генерала Раевского мы не знали, однако ж, ничего верного, но жители знали и преувеличивали события.

[^^^]

Перльберг содержал тогда трактир и лавку в Гамлекарлеби, и когда мы там были, он подтвердил мне показания старика.

[^^^]

В финно-угорской мифологии общее наименование божества, после христианизации у прибалтийских народов стало обозначать христианского бога.

[^^^]

1444

То есть замыкающим.

[^^^]

С 1536 г. Норвегия, утратившая свою независимость, была провинцией Дании, при этом Швеции, имевшей свой территориальный интерес в Норвегии, удалось в XVII в. захватить три ее приграничные области. После Тильзитского мира Дания стала союзницей Франции и присоединилась к континентальной блокаде, а Швеция сохранила верность союзу с Англией, которая обещала ей финансовую поддержку в случае войны. В апреле 1808 г. Швеция вторглась в Норвегию: таким образом, часть ее военных сил была занята на западном фронте. В мае 1808 г. на помощь Швеции к ее западному побережью прибыл британский флот с экспедиционным корпусом под командованием Д. Мура, однако шведский король Густав IV не смог договориться с ним о совместных действиях, и корпус союзников был отозван. Шведские притязания на присоединение Норвегии осуществились лишь в 1814 г. в результате Кильского договора.

[^^^]

1446

В войне со Швецией Россия была поддержана Данией (ее союзником по условиям Тильзитского мира), которая объявила войну Швеции.

[^^^]

В журнальной публикации было ошибочно:
«...сделав двадцать пять верст в полуторы сут-
ки» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. Отд. I.
С. 166).

[^^^]

Шведский историк А. И. Арвидссон противился русификации Финляндии и стремился поднять статус финского языка, вследствие чего в 1822 г. был выслан в Швецию, где получил пост библиотекаря в Королевской библиотеке в Стокгольме, в 1843 г. стал ее директором (см. о нем: *Клингс М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 82–83; *Юссила О.* Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 166–167). О теплой встрече с Арвидссоном при посещении Королевской библиотеки во время поездки в Швецию в 1838 г. Булгарин рассказал в книге «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году» (СПб., 1839. Ч. 2. С. 111–113). В память об этой встрече Арвидссон подарил Булгарину книгу – собрание древнешведских народных песен «Svenska Fornsånger» (Stockholm, 1834) с надписью: «Русскому Вальтеру Скотту. Молодые люди 1808 г. в Луккасе, встретились зрелыми мужчинами в Стокгольме в 1838 г. Знаменитый муж не должен, надеюсь, отказываться принять это доказательство величайшего уваже-

ния» (перевод со шведского цит. по: *Рейтблат А. И.* Инскрипты на книгах из библиотеки Булгарина // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М., 2016. С. 507).

[^^^]

Для содействия Н. М. Каменскому из Куопио 8 (20) июля 1808 г. выступил отряд под начальством полковника Сабанеева (4 батальона и 2 эскадрона улан цесаревича – князя Манвелова и ротмистра Кирцели), который должен был идти на Рауталамби и Койвисто и соединиться с Властовым, составлявшим авангард бывшего отряда Раевского (см.: *Бобровский П. О. История лейб-гвардии Уланского ее величества императрицы Александры Федоровны полка. Т. 1. С. 105–106*).

[^^^]

Арвидссон был сыном пастора, служившего в эти годы в местечке Лаукаас, западнее Рауталамби.

[^^^]

Речь идет об уходе русских из Финляндии, а не о надеждах на то, что они очистят Финляндию от шведов.

[^^^]

В июне 1808 г. положение отряда Н. Н. Раевского было критическим, развернувшееся партизанское движение отрезало ему пути для доставки снабжения и сообщения с главнокомандующим, лишив возможности получать сведения о происходящем вокруг него. В то же самое время он в любую минуту мог ожидать наступления всех направленных против него сил графа Клингспора.

[^^^]

Речь идет о поручике А. Г. Штакельберге.

[^^^]

Директор канцелярии финляндского генерал-губернатора, действительный статский советник Эрнст Бернгард Витте, чей отец владел имением Клейн-Камби в Дерптском уезде, в 1839 г. получил фамилию фон Вейсенберг Финляндского рыцарского дома.

[^^^]

1455

Так уж устроен мир! (*фр.*).

[^^^]

См.: Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: В 6 т. СПб., 1845. Т. 2.

[^^^]

1457

Из латинской пословицы: «Honores mutant mores, sed raro in meliores» («Почести меняют нравы, но редко к лучшему»).

[^^^]

Неточность: после увольнения из армии из-за ранения в 1805 г. И. В. Сабанеев был вновь принят на службу 5 января 1807 г. в 3-й Егерский полк полковником.

[^^^]

К челнокам мы подвязывали по бокам пуки хвороста или камыша, чтоб челнок не перевернулся. Лошадей мы перегоняли обыкновенно вплавь. Когда не доставало лодок, мы делали плоты, связывая бревна лозою.

[^^^]

С отрядом Эриксона остался эскадрон князя Манвелова, а командирский эскадрон улан, в котором находился Булгарин, двинулся на юго-запад, на соединение с главными силами Каменского (см.: *Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Уланского ее величества государственной императрицы Александры Федоровны полка. Т. 1. С. 107).

[^^^]

Речь идет о сражении в районе Рилакс-фьорда у острова Сандо, в котором отряд русских судов, направлявшихся к Або, в ночь с 19 на 20 июля 1808 г. вступил в бой с преградившей путь шведской флотилией и одержал победу, открыв путь к Або. Историю о том, как русское командование чуть не попало в плен, Булгарин рассказал и в «Летней прогулке по Финляндии и Швеции в 1838 году» (Ч. 1. С. 154–158), опираясь на книгу Сухтелена (см.: *Сухтелен П. К.* Указ. соч. С. 115–118), чем вызвал упреки финского рецензента, что, следуя за Сухтеленом, он «не вник в существо дела». По существу рецензент опроверг в рассказе Булгарина только то, что в битве при Сандо пехотные солдаты, шведы и русские, бились вплавь, заявив, что это была лишь битва на мелководье (см.: ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 108. Л. 7–7 об.).

[^^^]

См.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 184–197.

[^^^]

Речь идет о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., из-за которой Россия, несмотря на перемирие с Турцией с августа 1807 г. по март 1809-го, вынуждена была держать армию на южных рубежах.

[^^^]

После многократных просьб главнокомандующего графа Ф. Ф. Буксгевдена о присылке подкреплений в Финляндию в середине августа 1808 г. были переброшены соединенный отряд из третьих батальонов полков, действовавших в Финляндии, под начальством графа П. Х. Витгенштейна и 4-я пехотная дивизия князя Д. В. Голицына. В конце августа войска, находившиеся в Финляндии, были переименованы из корпуса в армию, состоявшую из 5 корпусов: 1-й – Тучкова 1-го, 2-й – графа Каменского, 3-й – князя Голицына, 4-й – князя Багратиона, 5-й – Витгенштейна.

[^^^]

См. «Описание Финляндской войны 1808 и 1809 годов», соч[инение] генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского, стр. 204.

[^^^]

Важность, требуемая от истории, не позволила почтенному Александру Ивановичу внести этот анекдот в свое описание войны.

[^^^]

См. брошюру, изданную графом С. С. Уваровым207.

[^^^]

Булгарин употреблял термин «первообраз» в значении «имеющий характерные или типические черты». Гвельфы и гиббелины – враждовавшие политические группировки в Италии XII–XV вв.

[^^^]

1469

То есть южный берег.

[^^^]

Ошибка Булгарина: речь идет о младшем брате П. П. Долгорукова – Михаиле Петровиче. Выступивший 4 (16) июля 1808 г. из Сердоболя в Куопио на соединение с Тучковым отряд под командованием генерал-майора И. И. Алексеева из-за развернувшегося партизанского движения вынужден был в конце июля вернуться в Сердоболь. Неудачные действия отряда повлекли за собой назначение нового командира – генерал-адъютанта князя М. П. Долгорукова. 1 (13) августа он прибыл к отряду.

[^^^]

1471

Придворный военный совет Священной Римской империи германской нации, заседавший в Вене с 1556 г.

[^^^]

Н. М. Каменский участвовал в итальянском походе Суворова, будучи уже генерал-майором (с 1799 г.), шефом мушкетерского своего имени полка (с марта 1801 г. Архангелогородского мушкетерского).

[^^^]

После успехов в Финляндской кампании Н. М. Каменский в феврале 1810 г. был назначен главнокомандующим молдавской армией вместо князя П. И. Багратиона. Александр I надеялся, что ему удастся успешно кончить войну с турками. После одержанных в этой кампании побед (взятие Силистрии, Разграда и Базарджика) удача изменила Каменскому при осаде Шумлы и штурме Рущука. Хотя за блистательную победу при Батине (август 1810 г.) Каменский был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, завершение кампании этого года далось ценой больших потерь; кроме того, не удалось в полной мере наступательные операции против обессиленного противника. Изнуренный неудачами и болезнью, Каменский в марте 1811 г. попросил об увольнении и в мае этого года скончался.

[^^^]

Ср. с суждением Н. И. Греча: «Кончина молодого блистательного полководца опечалила всю Россию, но нельзя не видеть в этом грустном обстоятельстве милосердия божия. Если б Каменский кончил удачно кампанию с турками, он непременно был бы назначен главнокомандующим армиею против французов (в 1812 году), никак не согласился бы на выжидательные и отступательные действия, пошел бы прямо на Наполеона, был бы разбит непременно – и вся новая история России и Европы приняла бы иной вид, а какой – легко можно сказать теперь, по исходе полувека. Темны и неисповедимы пути божии! От нетерпения молодого русского генерала на берегах Дуная в 1810 году зависела судьба царств и народов!» (Греч Н. И. Записки о моей жизни... С. 343–344).

[^^^]

Отступая на юг, по направлению к местам, где находились военные склады, корпус во главе с Н. М. Каменским занял позицию на высоте Таммерфорса, между озерами Ланге (Лянгелмявеси) и Паяна (Пяйянне) – правым крылом у Кумоиса (Кухмойс), на западном берегу озера Пяйянне, левым у Кумялакса (Кумалакса) (см.: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны...* С. 214).

[^^^]

Здесь и далее речь идет о действиях Каменского в Центральной Финляндии. Воспользовавшись бездействием шведов, за две недели во второй половине июля он подготовил свой корпус к выступлению, пополнив его и снабдив запасами и продовольствием. В первые дни августа Каменский начал наступательные действия: авангард под начальством Властова выдвинулся на северо-запад по направлению к Саариярви, а отряды Сабанеева и Эриксона двигались южнее, отвлекая на себя внимание шведов. План Каменского заключался в том, чтобы, обманув этим маневром внимание шведов, самому с главными силами устремиться на Саариярви – Линдулакс и атаковать шведов близ Сальми с обходом их левого фланга и угрозой их сообщениям с Вазой и Гамле-Карлеби.

[^^^]

Ивескиль – населенный пункт в Центральной Финляндии близ озера Пяйянне (ныне г. Ювяскюля).

[^^^]

Два батальона 24-го егерского полка, один гренадерский и один мушкетерский батальон Севского мушкетерского, один гренадерский и один мушкетерский Белозерского мушкетерского, один мушкетерский батальон Низовского, один эскадрон Гродненского гусарского и один эскадрон Финляндского драгунского полков.

[^^^]

1479

Сражение при Карстуле (населенный пункт в Центральной Финляндии, примерно в 110 км западнее Куопио) произошло 9 (21) августа 1808 г.

[^^^]

1480

Речь идет о В. П. Алексееве.

[^^^]

1481

В этот достопамятный день неприятель потерял убитыми и ранеными 700 человек. С нашей стороны убиты два офицера и 46 солдат. Ранено офицеров 13, нижних чинов 182.

[^^^]

1482

Полковник Е. И. Властов 30 августа 1808 г. был награжден орденом Св. Георгия 3го класса.

[^^^]

1483

Алаво (Алавус) – город на северо-западе центральной части Финляндии, примерно в 190 км северо-западнее г. Ювяскюля, где были сосредоточены основные силы Каменского.

[^^^]

1484

Тейс – населенный пункт рядом с Алаво, в восточном направлении.

[^^^]

В сражении при Алаво урон с нашей стороны был следующий: убито два офицера, нижних чинов 75; ранено два штаб-офицера, 9 обер-офицеров, нижних чинов 226. Из сего числа один офицер и 67 человек, тяжелораненые, остались на месте сражения²²⁴. Отличились все офицеры и солдаты этого отряда, а особенно 28^й и 3^й егерские полки²²⁵. Шведы, по собственному сознанию, потеряли около 600 человек убитыми и ранеными; в числе последних находился генерал граф Кронстедт²²⁶.

[^^^]

1486

Имеется в виду Н. А. Тучков.

[^^^]

Речь идет о событиях, развернувшихся на правом фланге шведов, на побережье Ботники, где русский отряд (в его состав входили 3 эскадрона Гродненского гусарского полка) под командованием генерал-майора Д. Д. Шепелева, сменившего во главе отряда заболевшего графа В. В. Орлова-Денисова, с переменным успехом действовал против шведов. 1 (13) августа заболевший Шепелев передал командование отрядом командиру Гродненского полка полковнику С. М. Бибикову. Стремясь не дать шведам утвердиться на берегах Ботнического залива, Бибиков решил развить наступление, выслав вперед гусар под начальством полковника Я. И. Ансельма-де-Жибори, которому удалось занять несколько населенных пунктов. Однако к этому времени шведы получили значительное подкрепление, высадившееся под Христиненштадтом, и 17 (29) августа русский отряд атаковал значительно превосходящие его соединенные силы противника. Булгарин следует в описании событий за П. П. Сухтеленем: «Атака сия кончи-

лась неудачно; бесполезно потеряно 300 человек и 16 офицеров. Вегезак и Дёбельн преследовали их три или четыре перехода в направлении к Биорнеборгу. Таким образом, правое шведское крыло растянулось к югу, тогда как Каменский только что начал наступательное движение на севере» (Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швециею в 1808 и 1809 годах. С. 144–145). По другой версии, гусары отряда Бибикова «мало пострадали» в описанных столкновениях: «...урон ограничился 6 убитыми и несколькими ранеными, в числе которых был полковник Ансельм и корнет Бибилов 2♦й. Лошадей убито 11. Командир полка Бибилов за дела при Эмосе и Ланферте получил орден Св. Анны 2 ст., полковник Ансельм – орден Св. Георгия 4 ст., поручик Бибилов 2♦й – Владимира 4 ст.» (Таланов А. И., Юшко В. Л. Клястицкие гусары. По страницам полковой летописи. М., 2001. С. 50).

[^^^]

Граф Каменский выступил из Ивескиля с Петровским и Калужским полками, одним бат[альоном] Азовского, одним бат[альоном] Великолуцкого мушкетерского полка, двумя эскадронами Гродненского гусарского, одним эскадроном Уланского его высочества, т. е. нашим командирским, и несколькими орудиями. Три батальона пришли из отряда Властова и соединились с нами в пути.

[^^^]

Шведское название населенного пункта в Северо-Западной Финляндии, неподалеку от Алаво (ныне г. Эхтяри).

[^^^]

1490

Куртане (Куортане) – населенный пункт у одноименного озера на северо-западе центральной части Финляндии, севернее Алаво.

[^^^]

Отряд этот состоял из Литовского и Могилевского мушкетерских полков, 25-го егерского и эскадрона нашего полка, князя Манвелова.

[^^^]

1492

Кухайоки (Каухайоки) – город на северо-западе Финляндии, в 90 км западнее Алаво.

[^^^]

У Властова, действовавшего на правом фланге, была задача преследовать партизанские отряды О. Фияндта, собиравшего свои силы под Линдулаксом, северо-восточнее Алаво.

[^^^]

В июле Алаво был временно занят отрядом Н. Н. Раевского, который после уже описанного Булгариным военного совета из-за тяжелого положения оставил его и отступил к Тавастгусу. Вторично Алаво был занят отрядом полковника И. М. Эриксона 28 июля (9 августа), но, атакованный значительными силами шведов 5 (17) августа, русский отряд вынужден был отступить, что заставило Н. М. Каменского вместе со своим главным корпусом двинуться к Алаво, который он и занял 13 (25) августа. Будучи вместе со своим эскадроном участником этого броска, Булгарин точно указал последовательность событий, в отличие от военных историков, повторивших ошибку, вкравшуюся в работу А. И. Михайловского-Данилевского, где сообщалось, что Каменский занял Алаво 13 (25) июля 1808 г. (см.: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны...* С. 223), в то время как 12 (24) июля он только прибыл в действующую в Финляндии армию. Изложение событий у Булгарина согласуется с их описанием у Сух-

телена (см.: Сухтелен П. К. Указ. соч. С. 140–142).

[^^^]

Я был послан в разъезд около Этсари и заезжал в дома пастора и одного помещика. Когда я возвратился, то был позван к графу Каменскому. «Что говорят шведы?» – спросил граф. «Они говорят, что мы идем на свои похороны», – отвечал я. «А ты что думаешь?» – сказал граф. «Я думаю, что мы побьем шведов». – «В добрый час! – промолвил граф, улыбаясь, – предсказание твое сбудется!»

[^^^]

Весь корпус графа Каменского в это время состоял: из 3-го, 23-го и 26-го егерских полков, Петровского, Белозерского и Азовского мушкетерских, одного бат[альона] Калужского и одного бат[альона] Великолуцкого, двух эскадронов Уланского его высочества – командирского и эскадрона майора князя Манвелова, трех эскадронов Гродненского гусарского полка, двухсот казаков и до 20-ти пушек. 20 числа пришел Пермский мушкетерский полк.

[^^^]

В авангарде были: 3^й егерский полк, три роты Петровского мушкетерского полка, два эскадрона Гродненского гусарского и сотня казаков.

[^^^]

Отряд генерала Эриксона состоял из 23-го и 26-го егерских полков, трех рот Азовского мушкетерского, одного эскадрона Гродненского гусарского, одного эскадрона Уланского его высочества – князя Манвелова – и части казаков.

[^^^]

Каухаламби (Кухалампи) – деревня близ Куортане, в которой отряд Я. П. Кульнева встретился с неприятельским арьергардом: шведским батальоном с двумя орудиями и эскадроном драгун (*Ниве П. А. Указ. соч. С. 251*).

[^^^]

В «Воспоминаниях» Булгарин повторил характеристику Я. П. Кульнева, содержащуюся в его очерке «Завоевание Финляндии корпусом графа Николая Михайловича Каменского в 1808 году». К воспоминаниям о Кульневе он обращался и в путевом очерке «Путевые записки в поездку из Дерпта в Белоруссию весной 1835 года». Описывая посещение белорусского города Люцина, где родился Кульнев, и Клястиц, где он погиб, Булгарин утверждал, что знал Кульнева лично в Финляндскую кампанию. Рисуя портрет Кульнева, Булгарин кроме прочего писал: «Он носил длинную гусарскую куртку, с черными шнурами и широкие казацкие шаровары. На плечах у него была бурка, а на голове вместо фуражки красный шерстяной колпак, какие носят финские крестьяне» (Северная пчела. 1835. № 189. 24 авг.). Возможно, булгаринский очерк послужил поводом к написанию Д. В. Давыдовым, близко знавшим Кульнева, мемуарного очерка «Воспоминание о Кульневе в Финляндии. (Из военных моих записок) 1808-й год» (Сын

отечества. 1838. Т. 3. Разд. III. С. 165–194). Давыдов, возражая некоему не названному мемуаристу, писал, что Кульнев не носил казацких шаровар, а носил одежду форменную, но не офицерскую, а рядового гусара. Но на голове любил носить что-нибудь странное: финский колпак, скуфью, ермолку; «однажды он надел на голову и носил до износа подаренный ему мною табачный кисет, сафьянный, шитый золотом» (Там же. С. 187).

[^^^]

Имеется в виду правление в X в. прославившегося в качестве полководца князя новгородского и великого князя киевского Святослава Игоревича.

[^^^]

1502

Гусарский мундир, короткая однобортная куртка со стоячим воротником, расшитая шнурами, поверх которой надевался ментик.

[^^^]

Корпус фельдмаршала Клингспора составляли: Абовский пехотный полк в 1 800 человек, Ниландский в 1 400 челов[ек], Остерботенский в 1 000 челов[ек], Остерботенских егерей 300, батальон Упландского полка, 500 челов[ек], батальон Саволакского, 500 челов[ек], батальон Эмскапского полка, 300 челов[ек]; кавалерии, и в том числе три эскадрона конной гвардии, всего 600 челов[ек]; артиллерии 30 орудий. Всего регулярных войск было 7 000 человек. Вооруженных крестьян, устроенных полками и разделенных на три бригады, всего до 6 000 человек. С 1 августа 1808 года крестьяне поступили на жалованье короля.

[^^^]

Генерал Янкович остался с одним Белозерским полком и двумя орудиями при поручике Бендерском.

[^^^]

Ошибка: Костромской мушкетерский полк не принимал участия в Финляндской кампании, в помощь Раевскому вместе с егерями были отправлены 5 рот Петровского мушкетерского полка, см. описание сражения: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Финляндской войны... С. 233.

[^^^]

А. М. Михайловский-Данилевский в своем «Описании Финляндской войны» говорит на стр. 235: «Успеху Казачковского содействовал особенно находившийся в его отряде эскадрон уланов». Весьма справедливо; мы работали и за себя и за пехоту!

[^^^]

Авангард состоял из Севского мушкетерского и 3-го егерского полков, батальона Пермского, 2-х рот Петровского мушкетерского полков, 2-х эскадронов Гродненского гусарского и партии казаков. Начальствовал авангардом Кульнев.

[^^^]

1508

Победа над шведами в боях при Куортане и Сальми 20 и 21 августа (1 и 2 сентября) 1808 г., достигнутая с немалыми потерями, имела большое влияние на ход кампании: инициатива вновь перешла к русской армии, а народное восстание на территории Финляндии вскоре прекратилось.

[^^^]

В том числе нынешний генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, бывший в то время поручиком и бригадным адъютантом при храбром полковнике Эрикссоне²⁴⁰.

[^^^]

В отличие от Булгарина, Сухтелен сообщает, что «урон с обеих сторон был равный» (*Сухтелен П. К. Указ соч. С. 148*), Михайловский-Данилевский пишет: «...потеря неприятеля осталась неизвестною, по необнародованию об ней сведений шведским правительством» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 239*).

[^^^]

1511

Населенный пункт в Финляндии близ Вазы, юго-восточнее кирки Оровайс.

[^^^]

1512

Населенный пункт в Финляндии близ Вазы, ныне г. Юлистаро в Южной Остроботнии.

[^^^]

1513

То есть растянуть боевую линию так, чтобы охватить расположение противника с флангов (от *фр.* déborder, bord – край).

[^^^]

1514

Населенный пункт (ныне город) в Западной Финляндии.

[^^^]

1515

В авангарде были: Севский мушкетерский и 3-й егерский полки, два эскадрона гродненских гусар и казаки.

[^^^]

1516

Пермский и Петровский мушкетерские полки.

[^^^]

1517

Полки Литовский и Могилевский, батальон 25-го егерского, полуэскадрон гродненских гусар и казаки.

[^^^]

Шведские полки: Упландский, Гельзингский, Вестманландский и Вестерботенский; финские: Остроботенский, Саволакский, Биернеборгский и часть карельских егерей. Два эскадрона Конной гвардии и часть упландских драгун. Кроме орудий тяжелых батарейных и бывших на флотилии, шведы имели 21 пушку в деле.

[^^^]

Об этом храбром офицере упоминается здесь часто. Он лишился ноги в Отечественную войну и был после того комендантом в Вильне. Не знаю, жив ли он, но во всяком случае дети должны гордиться заслугами родителя. Кроме того что Бендерский был храбр, он был также добрый человек и отличный товарищ.

[^^^]

Ныне в отставке генерал от инфантерии, бывший генерал-адъютант и министр внутренних дел, граф Великого княжества Финляндского.

[^^^]

Закревский стал адъютантом графа Каменского после того, как спас ему жизнь в сражении при Аустерлице. Булгарин неизменно давал высокую оценку личности Закревского.

[^^^]

Речь идет об отличившихся в сражении при Оровайсе шефе Могилевского мушкетерского полка полковнике А. В. Сибирском и полковнике А. И. Бистроме, командире Литовского мушкетерского полка, за это сражение награжденном золотой шпагой «За храбрость»

[^^^]

Сражение возле кирки Оровайс (ныне г. Оравайнен) 2 (14) сентября 1808 г., в котором каждая из сторон потеряла более 1000 человек, завершилось поражением шведов и стало переломным в Финляндской кампании. В описании сражения, поведения графа Каменского во время битвы, в особенности его обращения к уставшим бойцам после боя А. И. Михайловский-Данилевский следовал за упоминавшимся очерком Булгарина, который первым описал это сражение, хотя сам не был его участником, находясь в это время в отряде Казачковского (см.: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 248–255*). Однако Булгарин указал более высокое число потерь у шведов и меньшее у русских.

[^^^]

В журнальной публикации было ошибочно:
«2 сентября прибыл к корпусу графа Камен-
ского главнокомандующий... граф Буксгев-
ден...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88.
Отд. I. С. 43).

[^^^]

Имеются в виду отряды Н. А. Тучкова и князя М. П. Долгорукова.

[^^^]

Заключенное командующими русской и шведской армиями (по предложению шведов) соглашение о полевом перемирии 17 (29) сентября 1808 г. не было утверждено Александром I, назвавшем его «непростительной ошибкой», поскольку оно приостановило успешное наступление армии Каменского, дав выгоды шведам. Боевые действия было приказано продолжить, они возобновились в середине октября 1808 г.

[^^^]

Речь идет о возвращении на родину никогда не расстававшейся с мужем, еще недавно счастливой матери семейства, жены внезапно умершего (как полагали, отравленного) популярного римского консула Германика. «Когда же, сойдя на берег вместе с двумя детьми и погребальной урной в руках, Агриппина вперила взор в землю, раздался общий стон, и нельзя было отличить, исходят ли эти стенания от близких или посторонних, от мужчин или женщин; но встречающие превосходили в выражении своего еще свежего горя измученных длительной скорбью спутников Агриппины» (*Корнелий Тацит. Анналы. Кн. III. Пер. А. С. Бобовича*).

[^^^]

История о том, как, посланный арестовать шведского пастора, он из сострадания нарушил приказ, была положена Булгариным в основу военного рассказа «Прав или виноват?» (Северная пчела. 1840. № 81, 82. 10, 11 апр.). Художественная структура рассказа основана на беллетристических штампах: герои – великодушный русский офицер, жена пастора-врага (необыкновенная красавица и страстная патриотка) и донесший на ее мужа, некогда отвергнутый ею «рыжий и косой» злодей. Покоренный самоотверженностью красавицы благородный русский офицер требует от нее обещания, что ее муж покинет страну и никогда не будет воевать против русских, а затем признается во всем генералу со словами: «Я солдат... но я человек!» Н. И. Греч подтверждал правдивость этой истории в своих мемуарах: «По заключении мира явилась в Стокгольме гравюра с изображением этого случая и с надписью: “Великодушные русского офицера”», добавляя: «Этот анекдот слышал я от Булгарина и от некоторых финлянд-

цев» (Греч Н. И. Фаддей Булгарин // Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 674).

[^^^]

В журнальной публикации: «...выдуманы в судах...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 44).

[^^^]

Спаси, Господи! (*лат.*).

[^^^]

В журнальной публикации этот фрагмент сокращен: «...а кавалерии было мало. “Господа, кто на очереди...”» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 45).

[^^^]

1532

Геймат (от *шведск.* hemman) – крестьянская ферма.

[^^^]

1533

Булгарину летом 1808 г. исполнилось 19 лет.

[^^^]

Ландсман (правильно: ленсман; *шведск. länsman*) – здесь: представитель местной административно-полицейской власти, капитан-исправник.

[^^^]

1535

Здесь в значении: ветеран.

[^^^]

Летом 1838 г. Булгарин совершил путешествие, которое описал в книге «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году» (В 2 ч. СПб., 1839).

[^^^]

Это был «молодой Гассе из Лифляндии» (см.: Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. Ч. 2. С. 250. Возможно, речь идет о сыне хорошего дерптского знакомого Булгарина Федора Гассе Александре, которого опекал Булгарин; см. о нем: *Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: ст. и материалы.* М., 2016. С. 272).

[^^^]

1538

Имеется в виду И. А. фон Бринен.

[^^^]

О приезде офицера швед узнал из газет.

[^^^]

Неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа» (1794): «Мне миг покоя моего / Приятней, чем в исторьи веки...»

[^^^]

На основе рассказа Булгарина «Прав или виноват?» Н. А. Полевой создал пьесу «Солдатское сердце», см.: *Полевой Н. А. Солдатское сердце, или Бивуак в Саволаксе. Военный анекдот из Финляндской кампании, в двух действиях, с эпилогом. Посвящено Ф. В. Булгарину // Репертуар русского театра. 1840. Т. 2. № 8. С. 1–24. Премьера состоялась в Александринском театре 9 июля 1840 г.*

[^^^]

Знакомство Булгарина и Н. А. Полевого состоялось в 1821 г. С началом издания Полевым «Московского телеграфа» их отношения приобрели характер соперничества: критические баталии периодически сменялись примирениями. Характер отношений не изменился и после закрытия «Московского телеграфа» и переезда Полевого в Петербург. В 1845 г. Булгарин и Полевой начали печатать в «Библиотеке для чтения» совместный роман «Счастье лучше богатства» (1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80–82), который не был завершен из-за смерти Полевого. (Подробнее о взаимоотношениях Булгарина и Полевого см.: Полевой К. Записки. СПб., 1888; Полевой Н. А. Дневник // Исторический вестник. 1888. Т. 31. № 3. С. 658–664, 668–669; Т. 32. № 4. С. 164–182; Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934 (по указ.); Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Комментар. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 675–676; Акимова Н. Н. Счастье или бога-

тырство? Об одном полемическом отклике на гоголевскую поэму // Гоголевский сборник. СПб.; Самара, 2005. Вып. 2 (4). С. 180–199; Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах // Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик. М., 2019. С. 294–312.)

[^^^]

Отдельное издание: СПб., 1848. Цензурное разрешение от 2 сентября 1847 г., цензор А. Очкин. Журнальное издание: Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. Главы I–II. С. 55–100 (отсутствуют эпиграф, разбивка на главы и краткое содержание глав; с. 100 следует за с. 93 из-за значительных, по всей видимости цензурных, купюр; цензурное разрешение от 1 мая 1848 г., цензоры: А. Никитенко, С. Куторга); Главы III–V. С. 127–198 (с разбивкой на главы).

[^^^]

Булгарин упоминает об этом в I и V главах четвертой части.

[^^^]

«Солдаты эти изнежились во Франции и, как говорили старые служивые других полков, развольничались. <...> и за то другие солдаты прозвали их мусье...» – этот фрагмент был исключен в журнальной публикации (см.: Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 56).

[^^^]

Античный мифологический сюжет о сыне троянского царя Парисе: с помощью Афродиты, которой он отдал первенство в споре богинь, Парис похитил прекрасную Елену, жену спартанского царя Менелая, что стало причиной Троянской войны.

[^^^]

В деле об увольнении М. С. Драголевского с военной службы об этой истории говорится следующее: «По конфирмации начальствующего финляндскою армиею генерала от инфантерии Баркляя де Толли, что, будучи в нетрезвом виде, покусился насиловать в городе Брагенштате девку, коему вменен суд в наказание 8-ми месячное содержание под арестом, и по причине означенного деяния к дальнейшему производству впредь до рассмотрения начальства не аттестовался» (РГИА. Ф. 395. Оп. 173. 4 отд. 1812. Св. 9. Д. 256).

[^^^]

В 1809 г. М. С. Драголевский, как и Булгарин, в наказание был переведен в Кронштадтский гарнизонный полк. 24 декабря 1811 г. по болезни уволен от службы. Императорский указ датирован 20 апреля 1812 г. (Там же).

[^^^]

Кульнев родился в Витебской губернии в городе Люцине⁷. Проезжая чрез этот город в 1835 году, я видел дом, принадлежавший родителям Кульнева. Дом деревянный, красивой постройки, над водою, с садом.

[^^^]

Приведенный далее эпизод из биографии И. М. Эриксона впервые был изложен в очерке Булгарина «Несколько слов в защиту чуди белоглазой (Письмо к Гречу)» (Северная пчела. 1833. № 188. 22 авг.).

[^^^]

1551

Имеется в виду П. К. Сухтелен, которому было тогда 57 лет.

[^^^]

Можно предположить, что Булгарин уподобляет П. К. Сухтелена Нестору-летописцу, поскольку под его именем была опубликована на русском языке история Финляндской войны. Однако, скорее всего, это не так. Во-первых, Булгарин говорит об авторитете П. К. Сухтелена как мудрого военного, как и все ставя ему в заслугу завоевание крепостей без выстрела; во-вторых, он посчитал нужным указать, что автором истории войны был П. П. Сухтелен, а не его отец, поэтому не было оснований сравнивать его с летописцем. Как представляется, Булгарин использует привычное для его манеры сравнение с античным героем – старейшим среди греческих героев, осаждавших Трои, пользовавшимся всеобщим уважением за мудрость и справедливость (ср. о роли Н. М. Каменского в Финляндской войне: «Он был Ахиллесом этой войны» (*Булгарин Ф. В. Завоевание Финляндии корпусом графа Николая Михайловича Каменского в 1808 году // Булгарин Ф. В. Сочинения: В 12 ч. СПб., 1830. Ч. 12. С. 83–84*) или о Суворове: «Су-

воров, как новый Прометей, образовал новых людей на свой образец» (*Булгарин Ф. В. Мысли о характере Суворова // Там же. Ч. 1. С. 171*)).

[^^^]

1553

Речь идет о штаб-ротмистре Г. Ф. Кирцели.

[^^^]

1554

Родом лифляндец, храбрый, умный, благовоспитанный офицер. Он дослужился до генеральского чина, был комендантом в Варне, в войну 1828–1829 гг., и умер там от чумы¹².

[^^^]

Приключение, о котором далее идет речь, стало источником болгаринского рассказа «Ужасная ночь (Отрывок из рукописи “Военные рассказы и воспоминания”» (Северная пчела. 1826. № 7, 8. 16, 19 янв.; с подзаголовком «Из воспоминаний военного человека» перепечатан в: *Булгарин Ф. В. Сочинения*: В 10 ч. СПб., 1827. Ч. 2. С. 60–78). Однако беллетристическая интерпретация событий отличается от мемуарной. В рассказе русский корнет попадает не к шведам, а к легковерным финнам, перед которыми разыгрывает сцену из комедии Мольера «Лекарь поневоле», выдав себя за шведского врача. В результате ему удается провести медицинский осмотр жены поселянина и даже получить за это гонорар.

[^^^]

Булгарин рассказал об этом в IV главе четвертой части.

[^^^]

1557

Книксен (*нем.* Knicks) – короткое неглубокое приседание с поклоном, форма женского почтительного приветствия.

[^^^]

В моей «Прогулке по Финляндии и Швеции в 1838 году» я говорил уже, что у шведов ja so (т. е. да-да) означает *все* и что смысл зависит от тона, которым произносятся эти слова. Ja so означает и *утвердительное* и *отрицательное*, и гнев и любовь.

[^^^]

См. примеч. 44 на с. 305.

[^^^]

После узнал я, что селение, в которое я заехал, освобождено было от постоя, потому что доставило фураж и провиант натурою в городской магазин для главной квартиры.

[^^^]

1561

Легкий двухколесный экипаж с одной осью.

[^^^]

1562

Недоуздок – конская уздечка без удил и с одним поводом.

[^^^]

Червонцами в России называли иностранные золотые монеты, имевшие вес дуката. Здесь имеется в виду венгерский дукат с изображением на реверсе Девы Марии, покровительницы страны, имевший хождение с середины XV в. до 1848 г. (см.: *Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В.* Словарь нумизмата / Пер. с нем. М., 1993. С. 170, 206).

[^^^]

Речь идет об Эрфуртском конгрессе, проходившем с 15 (27) сентября по 2 (14) октября 1808 г. Город Эрфурт принадлежал Пруссии, но был оккупирован французской армией. Кроме Александра и Наполеона в конгрессе приняли участие принц Вильгельм Прусский, короли саксонский, баварский, вюртембергский и вестфальский. На конгрессе были подтверждены Тильзитские договоренности. За отказ от вмешательства в европейскую политику Россия получила согласие Наполеона на присоединение Финляндии и дунайских княжеств. Императоры России и Франции подписали союзный договор.

[^^^]

31 августа 1808 г. в связи с поездкой на Эрфуртский конгресс Александр I дал Комитету министров, наделенному особыми полномочиями на время отсутствия императора в столице, правила по осуществлению деятельности Комитета. Комитет должен был собираться два раза в неделю по вторникам и пятницам для рассмотрения текущих дел, при необходимости он был уполномочен созывать чрезвычайные собрания и принимать экстренные решения, доложив об этом немедленно императору (см.: ПСЗРИ. Собр. I. СПб., 1830. Т. 30. 23.262. С. 568–570). Александр I отсутствовал в столице со 2 (14) сентября по 16 (24) октября.

[^^^]

1566

Имеется в виду Б. Ф. фон Кнорринг.

[^^^]

1567

Речь идет о Русско-шведской войне 1788–1790 гг.

[^^^]

1568

Имеется в виду Н. А. Тучков.

[^^^]

Фраза «Кто был прав, кто виноват?» была исключена в журнальной публикации, см.: Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 68.

[^^^]

«Следовательно, и комитет министров, и граф Буксгевден имели основательные причины придерживаться своего мнения...» – этот фрагмент был исключен в журнальной публикации, см.: Там же.

[^^^]

Приезд военного министра А. А. Аракчеева в Финляндию сыграл решающую роль в Русско-шведской войне: он стал инициатором перехода русских войск через Ботнический залив с захватом Аландских островов. Непосредственного участия в военных действиях Аракчеев не принимал и потому отказался от пожалованной ему награды. Булгарин посетил Аракчеева в его имении, возможно, с просьбой об издании «Северной пчелы», и опубликовал позднее воспоминания «Поездка в Грузино в 1824 году», которые включены в настоящее издание.

[^^^]

Наполеон в 1804 г. стал императором французов, в 1805 г. – королем Итальянского королевства, в том же году он победил в войне против коалиции Англии, Австрии, России, Швеции и Неаполитанского королевства, а в 1807 г. успешно вел боевые действия с прусскими и русскими войсками, закончившиеся невыгодным для этих стран Тильзитским миром. В 1806 г. Жозеф Бонапарт стал неаполитанским королем, а Людовик Бонапарт – королем Голландии, в 1807 г. Жером Бонапарт – королем Вестфальского королевства, созданного из земель ряда германских государств, в 1808 г. Жером Бонапарт перешел на испанский престол, а его место занял маршал Иоахим Мюрат.

[^^^]

1573

Династия Брага́нца (Браганса) – королевский род, правивший в Португалии в 1640–1853 гг.

[^^^]

7 июля 1808 г. в Байонне в обстановке «дружественного давления» на короля Карла IV, вынужденного отречься от престола, была принята конституция Испании, согласно которой Наполеону предоставлялось право назначить нового короля Испании, а противостоявшие ему Бурбоны и герцог М. Годой получали ряд гарантий личной и имущественной безопасности для себя и своих сторонников. Присягал на Конституции 8 июля новый король Испании Хосе I Наполеон (Жозеф Бонапарт).

[^^^]

1575

Вероятно, имеется в виду финал пьесы Ж.-Б. Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость» (1665), в котором заглавного героя поглощает разверзнувшаяся земля и он попадает в ад.

[^^^]

1576

Супруга (с 1790) наследного принца португальского Жуана де Брагансы, будущего короля Португалии Жуана VI.

[^^^]

1577

Королевство Этрурия – государство, созданное из земель Великого герцогства Тосканского согласно Аранжуэсскому договору (1801) и существовавшее в 1801–1807 гг.

[^^^]

1578

Имеется в виду Франческо, герцог Калабрийский, с 1825 г. Франциск I, король Королевства обеих Сицилий.

[^^^]

Кастильский совет – орган, занимавшийся в то время административными и судебными вопросами Испании (в отличие от других советов, занимавшихся различными зарубежными владениями).

[^^^]

1580

Титул был дан М. Годою в честь заключения в 1795 г. Базельского мирного договора с Францией.

[^^^]

1581

В правление короля Карла III был проведен ряд серьезных экономических реформ, следствием которых стало увеличение государственных доходов и существенный рост численности населения Испании.

[^^^]

1582

В марте 1806 г. Наполеон своим декретом низложил неаполитанских Бурбонов.

[^^^]

1583

Имеется в виду Г. А. Строганов.

[^^^]

Посланник Джон Гукхем Фрер был отозван правительством Англии после разгрома воевавшей в Испании с французами армии генерала Дж. Мура: общественное мнение Испании возлагало на Фрера ответственность за катастрофу, и больше оставаться в стране он не мог. Его сменил маркиз Ричард Уэлсли.

[^^^]

Ошибка: Ж. А. Жюно не был маршалом Франции.

[^^^]

1586

В 1807 г., когда Дания собиралась присоединиться к континентальной блокаде, Великобритания напала на нее без объявления войны, осуществив 1 сентября 1807 г. сильную бомбардировку Копенгагена и захватив большую часть датского флота.

[^^^]

1587

Имеется в виду Жуан де Браганса, который в 1792 г. стал регентом, поскольку его мать страдала душевной болезнью.

[^^^]

Газета «Gazette nationale, ou Le Moniteur universel» выходила с 1789 г. по 1901 г.

[^^^]

27 октября 1807 г. во дворце Фонтенбло был подписан договор между Францией и Испанией о разделе Португалии, причем предполагалось выделение земель в провинции Лузитания в пользу королевы Этрурии Марии-Луизы-Жозефины. Однако этот договор выполнен не был, поскольку Испания начала вести переговоры с Англией о возможном союзе.

[^^^]

1590

В журнальном варианте: 1809 (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 76).

[^^^]

1591

ухажер (*исп.*).

[^^^]

1592

Кортесы – испанский парламент.

[^^^]

Имеется в виду правительственный консультационный орган. Юнта, точнее хунта, – испанский термин, обозначающий совещательное собрание (в особенности избранное).

[^^^]

CM.: *Pradt D. de. Mémoires historiques sur la révolution d'Espagne. Paris, 1816. P. 136–139.*

[^^^]

Фразу «Нет больше Пиренеев!» приписал Людовику XIV Вольтер. На самом деле ее произнес испанский посланник во Франции Кастиель Дос Риос во время аудиенции у короля (см.: *Душенко К. Цитаты из всемирной истории: справочник.* М., 2006. С. 243).

[^^^]

Неточность Булгарина: графское достоинство было пожаловано бывшему денщику Петра I сенатору и генерал-аншефу Григорию Петровичу Чернышеву и его сыну Захару Григорьевичу (будущему генерал-фельдмаршалу и президенту военной коллегии) при коронации Елизаветы Петровны.

[^^^]

Имеются в виду Мавра и Екатерина Чернышевы.

[^^^]

Экосез – шотландский народный танец, разновидность контрданса, особо популярный в Европе в первой трети XIX в.

[^^^]

Ошибка: И. В. Ламб занимал пост вице-президента Военной коллегии.

[^^^]

1600

Имеется в виду Ф. П. Уваров.

[^^^]

За мужество, проявленное в битве при Аустерлице, М. А. Милорадович 12 января 1806 г. был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и в тот же день произведен в генерал-лейтенанты.

[^^^]

См. описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, соч. г[енерал]-л[ейтенанта] Михайловского-Данилевского⁵⁸.

[^^^]

См. там же.

[^^^]

1604

Имеется в виду Луиза Августа Вильгельмина
Амалия – супруга прусского короля Фридриха
Вильгельма III.

[^^^]

красавчик русский (*фр.*). Н. Н. Шильдер писал: «Несмотря на видимое охлаждение к России, распространившееся и на тюльерийские придворные сферы, по отношению к русским вообще, Чернышев был осыпан ласками даже со стороны Наполеона; только на нем не отразилась совершившаяся политическая перемена. Чернышев бывал также у любимой сестры Наполеона, принцессы Боргезе и у королевы Неаполитанской, вращаясь, таким образом, в самом тесном домашнем кругу» (*Шильдер Н. Н.* Светлейший князь Александр Иванович Чернышев. Биографический очерк // Военный сборник. 1902. № 2. С. 32).

[^^^]

1606

Асперн-Эслингская битва, в которой Наполеон потерпел поражение, состоялась 21–22 мая 1809 г. Однако французская армия смогла разгромить австрийскую армию при Ваграме 5–6 июля.

[^^^]

Орден Почетного легиона был учрежден первым консулом Наполеоном Бонапартом 19 мая 1802 г. по образцу рыцарских орденов. «Золотой крест» – знак отличия первой степени ордена.

[^^^]

Булгарин приводил эту фразу и ранее: «Говорят, что когда при Наполеоне говорили о том, что бóльшую часть побед должно отнести на счет счастья полководцев, он отвечал: “Правда; но это счастье приходит только к умным людям”. – Суворов отвечал точно так же по сему предмету: “Сего дня счастье, завтра счастье; помилуй, братец! надобно сколько-нибудь и ума”» (*Булгарин Ф. Мысли о характере Суворова // Булгарин Ф. Сочинения. СПб., 1827. Т. 1, ч. 1. С. 159*). Источник фразы обнаружить не удалось.

[^^^]

В журнальном варианте большой фрагмент текста «Место, занимаемое князем <...> я бы молчал», посвященный А. И. Чернышеву, отсутствует (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 84).

[^^^]

«Дом Бурбонов (или дом Браганцкий) перестал править» (фр.).

[^^^]

1611

В ходе битвы при Медина дель Рио-Секко, состоявшейся 14 июня 1808 г., французский корпус под командованием маршала Ж.-Б. Бессьера, насчитывавший около 12 тысяч человек, разбил противостоявшую ему сорокатысячную испанскую армию.

[^^^]

1612

Сражение при Байлене, в конце которого П.-А. Дюпон вынужден был капитулировать, состоялось 16–23 июля 1808 г.

[^^^]

21 августа 1808 г. французская армия потерпела в Вимейре поражение от англо-португальских войск и оказалась почти отрезанной от путей отступления. Однако английское командование не довело до конца разгром французской армии и подписало 30 августа в г. Синтра конвенцию, согласно которой британский флот вывез французских военных во Францию со всем своим снаряжением.

[^^^]

Чтоб дать понятие читателям, как сильно Англия помогала Испании, прилагаю список вещей, доставленных Англиею в Испанию от мая до конца 1808 года. Деньгами 76 000 000 франков, пушек 98, пушечных зарядов с ядрами 31 000, единорогов 38, зарядов к ним 7 200, каронад 69 80, зарядов каронадных 40 000, ружей 200 177, штуцеров 220, сабель 61 300, пик 79 000, ружейных патронов 23 477 000, пуль 600 000, бочек пороха 15 400, полной одежды для пехоты 39 000, палаток 40 000, военных повозок 10 000 оков (мера около полутора аршина), холста 113 000, сукна 125 000, бумажных тканей 82 000, кусков сукна 4 000, кусков стамеда 70 6 400, готовых шинелей 50 000, готового платья 92 000 пар, рубах 35 000, ситца кусков 22 000, башмаков 82 000 пар, подошв 15 000, малых аптечных ящичков 50 000, ранцев 34 000, шляп и шапок 16 000, подкладочной ткани кусков 760.

1615

Согласно мифу, переданному римским писателем Гигином, мать героя Ахиллеса, нимфа Фетида, искупала его младенцем в водах реки Стикс в подземном царстве, желая сделать неуязвимым. Единственным местом, куда могло поразить Ахиллеса оружие, осталась пятка, за которую мать держала его во время купания.

[^^^]

1616

Восточная Фризия – ныне часть федеральной земли Нижняя Саксония (ФРГ).

[^^^]

А. фон Коцебу редактировал журнал «Der Freimüthige oder Berlinisches Unterhaltungsblatt für gebildete, unbefangene Leser Literarischer und artistischer Anzeiger zum Freimüthigen» (1804–1807) совместно с Г. Меркелем.

[^^^]

1618

CM.: Der Storch und seine Familie. Eine Tragödie in 3 Aufzügen, nebst einer Zugabe. Greifswald, 1804; Geist der Zeit. T. 1. Altona, 1806; T. 2. Stockholm, 1809; T. 3. Berlin, 1814; T. 4. Berlin, 1818.

[^^^]

В журнальном варианте: «основали союз, которого цель...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 89).

[^^^]

«Тугенбунд» – тайное общество, созданное в ряде германских государств, в том числе Пруссии и Австрии, с целью противостояния французской экспансии. Существовало в 1808–1810 гг. Упомянутые Булгариным деятели относились к «Тугенбунду» сочувственно, но членами его не являлись и формально с ним не сотрудничали.

[^^^]

Карбонарии (от *итал.* «carbonaго» – угольщики) – члены конспиративной организации, действовавшей в Италии в 1807–1830 гг. Первоначально целью карбонариев было освобождение Италии от власти французов, однако после 1815 г. организация не распалась, продолжая поддерживать повстанцев в различных итальянских государствах.

[^^^]

В журнальном варианте отсутствует фрагмент: «Все государи Германии <...> никаких следов добра» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 89).

[^^^]

Имеются в виду соответственно Фридрих Август I, Фридрих I, Максимилиан I и Жером Бонапарт.

[^^^]

Ш.-М. Талейран вспоминал, что Наполеон «был окружен владетельными князьями, у которых он уничтожил армии, отторгнул владения или которых он просто принизил. Среди них не нашлось никого, кто бы решился обратиться к нему с какой-либо просьбой; каждый желал только, чтобы Наполеон его заметил и притом заметил последним, чтобы сохраниться в его памяти. Вся эта откровенная низость осталась без вознаграждения» (*Талейран Ш.-М. Мемуары. М., 1959. С. 214*).

[^^^]

1625

Имеется в виду великий князь Константин Павлович.

[^^^]

1626

Имеется в виду театр «Комеди Франсез», основанный в 1680 г.

[^^^]

Дворец Тюильри, резиденция Людовика XVI, при Наполеоне вновь получил статус главной резиденции правителя.

[^^^]

Наполеон в 1809–1810 гг. сватался к сестре Александра I, 14-летней великой княжне Анне Павловне, однако получил отказ (см.: Тайная переписка о предполагавшемся браке Наполеона с великою княжною Анной Павловной (Император Александр Павлович и Наполеон, Шампаньи и Коленкур). 1809–1810 гг. / С предисл. и объяснениями С. С. Татищева // Русский архив. 1890. Вып. 9. С. 5–40; Пономарев М. В. Несостоявшийся «русский брак» Наполеона Бонапарта // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 234–240). Наполеон знал об антифранцузских настроениях вдовы Павла I, о чем его уведомлял в письмах французский посланник А. Савари (см.: Бюлер Ф. А. Императрица Мария Феодоровна, 1807 г. // Русская старина. 1890. № 10. С. 215–219).

[^^^]

Ср.: «Собственные его [Сперанского] выезды, сверх заседаний в Государственном совете и разных комитетах, докладов у государя, некоторых необходимых визитов, ограничивались довольно редким появлением в большом свете и постоянным на обедах, по пятницам, у старинного его приятеля, известного заводчика и богача Алексея Ивановича Яковлева» (*Корф М. А. Жизнь графа Сперанского.* М., 2014. С. 457).

[^^^]

Булгарин в 1819 г. приехал в Петербург, чтобы по доверенности родственника вести процесс по поводу спорного имени. Процесс затянулся, и окончательное судебное решение Государственного совета в пользу родственника Булгарина последовало только в 1826 г.

[^^^]

Ссылаюсь на этого почтенного человека потому, что непримиримые и ожесточенные литературные враги мои, употребляя все средства к унижению меня в глазах публики, печатали, будто я *хвастаю* (!) связями с умершими!!! Я уже отвечал на это в предисловии к I части моих «Воспоминаний» и потому не повторяю теперь моего опровержения на *подобные обвинения*; но для улики моих врагов буду или ссылаться на живых людей, или прилагать документы. Злоба ослепляет! Ужели враги мои хотят, чтоб я рассказывал анекдоты *о живых людях* и говорил о моих к ним отношениях? Бессмыслие – и только!

[^^^]

Имеется в виду правитель канцелярии М. М. Сперанского, К. Г. Репинский. Однако М. А. Корф опровергал факт близости Булгарина к Сперанскому, приводя цитату из характеристики, данной воспоминаниям Булгарина дочерью Сперанского, Е. М. Фроловой-Багреевой: «“Не могу достаточно, – писала нам г-жа Багреева еще в 1848 году, – натвердить всем друзьям и недругам, что батюшка никаких сношений не имел с Булгариным, считал его пустым и даже опасным человеком, виделся с ним как можно реже, не представлял его мне, т. е. не считал достойным быть принятым в нашем кругу, и тяжело вздыхал о преследовании себя на прогулках, где Булгарин иногда его поджидал, чтобы входить в длинные и, по словам батюшки, немилосердные разговоры и рассуждения”. <...> Г. Репинский, который <...> не только неотлучно находился при Сперанском многие годы, но и очень долго жил у него в доме, говорит, что видел тут Булгарина всего только три раза, просителем по какому-то тяжёбному делу, и более никогда не

встречал его ни в доме, ни на прогулках Сперанского» (*Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. М., 2014. С. 91–92*).

[^^^]

Накануне нашествия Наполеона в марте 1812 г. М. М. Сперанский был сослан в Нижний Новгород под строгий надзор полиции. В 1819 г. после снятия опалы был назначен генерал-губернатором Сибири и сумел добиться улучшений в управлении этим обширным регионом страны – император в указах по Сибири (1822) принял почти все его предложения по реорганизации управления Сибирью.

[^^^]

Указ Екатерины II «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. определял новое административно-территориальное деление России, предпринятое с целью усиления централизации власти.

[^^^]

Е. М. Фролова-Багреева по поводу этих высказываний Булгарина писала Корфу: «“Рассказ Булгарина я решительно считаю его выдуманною, ибо в частых разговорах моих с батюшкою об Эрфурте невозможно было бы ему не упомянуть об этом. Напротив, он рассказывал, как странность, что Наполеон ни с кем из окружавших Александра Павловича в Эрфурте не сблизился, тщательно избегая, между прочим, и его (т. е. Сперанского). Батюшка приписывал это знанию характера нашего государя, несколько недоверчивого, и желанию Наполеона убедить Александра Павловича, что всю свою дружбу и доверенность он относит единственно к его лицу, отстраняя всяких посредников”» (*Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. М., 2014. С. 91*). Тем не менее известно, что Наполеон преподнес в дар Сперанскому богато убранный бриллиантами табакерку со своим портретом, которая была продана в 1920 г. супругой праправнука Сперанского Е. К. Кантакузен-Сперанской, а в 1838 г., когда опала была позади, М. М. Сперанский благо-

дарил Н. И. Греча за приведенные лестные воспоминания о нем Талейрана и с удовольствием вспоминал Эрфурт (см. об этом: *Томсинов В. А. Сперанский*. М., 2006. С. 149, 405, 428).

[^^^]

В журнальном варианте фрагмент текста «Во время прогулки <...> Это я испытал на себе» о встречах со Сперанским отсутствует, следующий абзац начинается фразой: «Не могу умолчать об одном анекдоте...» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 92).

[^^^]

«Золотой буллой» (Bulla Aurea) назывался законодательный акт, принятый в 1356 г. имперским рейхстагом и подписанный императором Карлом IV Люксембургским, согласно которому за князьями Священной Римской империи утверждался полный суверенитет в их владениях, а также определялся порядок избрания императора.

[^^^]

1638

Князь-примас (*нем.* Fürstprimas), с 1806 г. титул последнего курфюрста Майнцского и эрцканцлера, имперского барона К.-Т. фон Дальберга.

[^^^]

Речь идет об Эльзасе.

[^^^]

В журнальном варианте фрагмент текста «Вероятно, он надеялся <...> не имела своей истории» отсутствует (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 93).

[^^^]

Ф. Ф. Буксгевден получил указ об увольнении в Або 8 (20) декабря 1808 г. и передал командование Б. Ф. Кноррингу. По мнению военных историков, причиной увольнения Буксгевдена были интриги и доносы, враждебное отношение к нему военного министра Аракчеева и в конечном итоге немилость Александра I (см. об этом: *Ордин К. Ф.* Покорение Финляндии. СПб., 1889. Т. 1. С. 402–414; *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910. С. 297–302).

[^^^]

Финляндский корпус с 25 августа был переименован в армию, в его состав вошли 5 корпусов, Н. А. Тучков возглавил корпус правого фланга, под его главное начальство (по его просьбе) поступил также отдельный Сердобольский отряд.

[^^^]

Речь идет о П. А. Строганове.

[^^^]

Среди пришедших на подкрепление Финляндской армии к осени 1808 г. – Вильманstrandский мушкетерский и Брестский мушкетерский полки. Они составили сводный отряд (названный Булгариным бригадой) под командованием П. А. Тучкова.

[^^^]

Сердобольский отряд во главе с прибывшим 1 (13) августа 1808 г. новым командиром, генерал-адъютантом князем М. П. Долгоруковым, 6 (18) августа выступил по направлению к Купо, выполняя поставленную Тучковым задачу – зайти в тыл противника у Тайволы, чтобы затем совместно атаковать шведов. Однако соединиться Долгорукову и Тучкову, между которыми возникли серьезные разногласия, удалось только 18 (30) сентября, после отступления Сандельса, узнавшего об успехах графа Каменского. С этого времени Сердобольский отряд перестал существовать, влившись в корпус Тучкова.

[^^^]

1646

Сражение при Иденсальми состоялось 15 (27)
октября 1808 г.

[^^^]

Во время боя под Иденсальми был убит ядром князь Михаил Петрович Долгоруков (см. об этом: Из записок И. П. Липранди (По поводу воспоминаний Вигеля) // Русский архив. Изд. 2-е. М., 1871. Стб. 344–348), которого Булгарин перепутал со старшим братом князя – Петром Петровичем. Далее в своем рассказе о Долгорукове Булгарин смешивает биографические сведения о старшем брате, умершем от скоротечной тифозной горячки в 1806 г., и младшем, погибшем под Иденсальми. Неверно и то, что Долгоруков воспитывался вместе с императором – оба брата получили хорошее домашнее воспитание. На ошибку Булгарина в письме к нему от 18 октября 1848 г. указал племянник Петра и Михаила Долгоруковых Петр Владимирович Долгоруков, специалист по русской генеалогии. В то же время он высоко оценил мемуары Булгарина: «Чтение Воспоминаний ваших доставило мне истинное наслаждение. <...> Я поражен был истинною, которою проникнуты у Вас события и характеры. Читая книгу Вашу, можно забытья:

кажется, живешь в ту эпоху, видишь деятелей времени и беседуешь с ними всеми» (РГА-ЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 270. Сообщено А. И. Рейтблатом).

[^^^]

Через два дня после гибели М. П. Долгорукова прибыл приказ о производстве его в генерал-лейтенанты, награждении орденом Св. Александра Невского и о назначении командиром корпуса.

[^^^]

1649

Погибшему М. П. Долгорукову было 27 лет.

[^^^]

1650

Город на побережье Ботнического залива, ныне г. Химанка в Финляндии.

[^^^]

Он был тогда ротмистром, а ныне генерал от кавалерии и член Государственного совета, бывший генерал-губернатор лифляндский, эстляндский и курляндский, оставивший после себя благословенную память в этих губерниях.

[^^^]

В этом бою 30 октября (11 ноября) 1808 г. неподалеку от Иденсальми был тяжело ранен поручик лейб-гвардии Егерского полка И. А. Петин, его друг К. Н. Батюшков писал о событиях этой ночи в послании «К Петину»: «Помнишь ли, питомец славы, // Индесальми страшну ночь?» (*Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 280*).

[^^^]

1653

За проявленные мужество и храбрость в сражениях 15 и 30 октября 1808 г. барон М. И. фон дер Пален был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

[^^^]

1654

То есть по направлению на север вдоль берега Ботнического залива. Сигайоки – кирка в устье одноименной реки на севере Финляндии, ныне город Сиикайоки.

[^^^]

Н. М. Каменский, получив во время переговоров, начавшихся по инициативе шведской стороны, предложение о прекращении военных действий, 5 (17) ноября отправил на утверждение главнокомандующего условия перемирия. В итоге 7 (19) ноября 1808 г. (а не 23-го, как ошибочно указал Булгарин, при этом через несколько страниц он назвал верную дату) в Олькиоки близ Брагештадта им и шведским генералом К. Н. Клеркером от имени командующих русской и шведской армий было подписано временное соглашение о перемирии сроком до 7 (19) декабря 1808 г. (затем было продлено до 6 (18) марта 1809 г.). По условиям Олькиокской конвенции шведская армия очистила всю Остерботнию, отступив далеко на север.

[^^^]

1656

Н. М. Каменский, уезжая из армии в ноябре 1808 г., сдал корпус генерал-лейтенанту Н. А. Тучкову.

[^^^]

Булгарин писал об этом в I главе третьей части.

[^^^]

1658

Французское красное сухое вино винодельческого региона Медок, являющегося частью региона Бордо.

[^^^]

1659

Результат окисления меди, ядовитая соль зеленого цвета.

[^^^]

1660

Полуда – употребляемый для лужения сплав олова со свинцом с целью предохранения изделий от окисления.

[^^^]

1661

То есть умерли. «Авраамово лоно» – загробное местопребывание праведных, ср. в притче о богатом муже и нищем Лазаре: если умерший богатый попадает в ад, то нищий Лазарь после смерти «отнесен был ангелами на лоно Авраамле» (Лк. 16:22–23).

[^^^]

1662

Кеми (Кемийоки) – самая длинная река в Финляндии, впадает в Ботнический залив.

[^^^]

Я. Б. Лопатинский погиб под Куопио за 5 месяцев до этого. Очерк «Смерть Лопатинского» (1823) Булгарин перепечатывал несколько раз, в том числе в: Полн. собр. соч. СПб., 1843. Т. 5. С. 41–44.

[^^^]

У А. И. Михайловского-Данилевского указано, что русская армия вошла в Улеаборг 20 ноября 1808 г. (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... СПб., 1841. С. 342*).

[^^^]

1665

То есть русской армии, воюющей на территории Финляндии.

[^^^]

В переводе на шведский язык вышли романы Булгарина «Иван Выжигин» и «Димитрий Самозванец» (см. примеч. 22 на с. 257–258) и его очерки, посвященные событиям Русско-шведской войны 1808–1809 гг. и путешествию в Финляндию и Швецию, – в периодике печатались «Опасная ночь в лесу», «Смерть Лопатинского», «Переход русской армии через Кваркен в 1809 г.» и отрывки из «Летней прогулки по Финляндии и Швеции в 1838 г.». О переводах произведений Булгарина на шведский и рецепции в Швеции его произведений см.: *Клеберг Л.* Поездка Фаддея Булгарина в Швецию в 1838 году // Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик. М., 2019. С. 249–270; о полемике в Финляндии вокруг сочинений Булгарина см.: *Карху Э. Г.* Финляндская литература и Россия. 1800–1850. Таллин, 1962. С. 199–211.

1667

Фальконет – мелкокалиберная пушка (45–65 мм).

[^^^]

1668

П. В. Вильбоа был женат на Марии фон Шта-
кельберг.

[^^^]

Здесь в значении мгновенной смерти, т. к. карточный термин «соника» означал выигрыш с первой же ставки, принесенный первой открывшейся картой.

[^^^]

У меня остался в памяти один куплет, и по прошествии сорока лет можно привести его:

*Пришли к Фридланду мы, местечку,
Тут, к несчастью и с стыдом,
Побросали пушки в речку,
Сами сделали весь-гом¹²⁴.*

Господа поэты стоили наказания, потому что сказали *неправду*. Стыда тут не было: по сознанию самого Наполеона, русские дрались превосходно под Фридландом. В этом роде были все куплеты, и каждый кончался словом *весь-гом*.

[^^^]

Фрагмент «В корпус графа Каменского присланы были из Петербурга военным министром <...> до окончания кампании, отличаясь во всех сражениях» был исключен в журнальной публикации, см.: Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 144.

[^^^]

В греческой мифологии Медея – дочь царя Колхиды, волшебница. Полюбив Ясона, она помогла аргонавтам добыть золотое руно и бежала с ними в Грецию. Решение Ясона жениться на дочери царя Коринфа вызвало месть Медеи: она погубила соперницу и убила своих детей от Ясона.

[^^^]

Булгарин называет трагических актрис первой половины XIX в., исполнительниц роли Медеи.

[^^^]

1674

Здесь: приспособление для носки воды.

[^^^]

1675

Четыре эскадрона улан прибыли в Стрельну 26 января 1809 г. и расположились: «...генерал-майора Чаликова – в мызе Стрельне, майора Лорера, князя Манвелова и полковника князя Гудовича – в Петергофе» (*Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Уланского ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. СПб., 1903. Т. 1. С. 111*).

[^^^]

Речь идет о Ф. И. Толстом, который был известен как отчаянный игрок, дуэлянт (по его словам, им было убито на дуэлях 11 человек), бретер.

[^^^]

В августе 1808 г. Ф. И. Толстой был прикомандирован к отряду М. П. Долгорукова в качестве его адъютанта. Долгоруков погиб на его глазах в битве под Иденсальми. Толстой «находился в свите, сопровождавшей его тело; но как воспрещение въезжать в столицу снято с него не было, то опять остановили его на заставе. Ему велено было только присутствовать при церемонии погребения и тот же час опять выехать из Петербурга, только уже к Преображенскому батальону, находившемуся в Абове, куда перевели его в память Долгорукова» (*Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 472*). 31 октября 1808 г. Толстой был возвращен поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк (в котором начинал службу), в воевавший в Финляндии 4[♦]й батальон, принял участие в покорении Аландских островов и был удостоен «монаршего благоволения».

Сведений о полете Ф. И. Толстого на воздушном шаре нет (известно лишь о его желании совершить этот полет), подробно описавший свои полеты на воздушном шаре в России и их участников Гарнерен не называет Толстого в числе таковых (см.: [Гарнерен А.-Ж.] Подробности трех воздушных путешествий, предпринятых г. Гарнереном в России / Пер. с фр. М., [1803]); не упоминает об этом факте и сам Булгарин во второй части «Воспоминаний» – говоря о полетах с Гарнереном, он называет лишь С. Л. Львова.

[^^^]

Ф. И. Толстой вмешался в спор И. Ф. Крузенштерна с Н. П. Резановым, а не Лисянским. Встав на сторону Крузенштерна, он вызвал неудовольствие Резанова – своего непосредственного начальника в экспедиции. В результате, по прибытии «Надежды» на Камчатку, летом 1804 г. Толстой был отправлен Резановым, принявшим во внимание покаянное письмо Толстого, сухим путем в Петербург. Вряд ли Толстой мог нарушить приказ еще раз и самовольно отправиться в Северную Америку или на Алеутские острова. Летом 1805 г. он уже был в Петербурге. В Америке он побывал, но не в Северной, а в Южной (среди диких племен, о которых рассказывал), в составе экспедиции (см. об этом: *Петрицкий В. В., Сутов Л. А.* К истории одного прозвища (Ф. И. Толстой-«Американец») // *Русская литература.* 1987. № 2. С. 99–103). Булгарин в мемуарах не только передал типичное для своего времени восприятие личности Толстого-Американца, но и вслед за А. С. Грибоедовым и другими современниками внес свою лепту в

мифологизацию его жизни.

[^^^]

Искаженное колоши (или колюжи) – русское название индейского племени, живущего на юго-востоке Аляски; самоназвание племени – тлинкит, или клинкитс.

[^^^]

В некрологе Сивербрику Булгарин писал: «...Иван Ефимович Сивербрик был главным преподавателем фехтования во всех учебных заведениях, и не только воспитанники военно-учебных заведений, но и большая часть дворян, которые, следуя преданиям благородной старины, почитают обязанностью умение владеть шпагою, обучались фехтовальному искусству у И. Е. Сивербрика. Скромность, снисхождение и благородство его характера снискали ему повсюду всеобщее уважение и начальников, и учеников, которые были привязаны к нему, как к родному. Появление Ивана Ефимовича в учебном заведении почиталось праздником! <...> Сам знаменитый парижский фехтмейстер Гризие, бывший в Петербурге, помнится, в 1825 и 1826 году, сознавался искренно пред нами, что ему здесь нечего делать, когда у нас есть такой фехтмейстер, как И. Е. Сивербрик» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 43. 23 февр.).

[^^^]

Речь идет об азартных карточных играх, которые, в отличие от коммерческих, были запрещены в России. «В коммерческих играх задача партнера состоит в разгадывании стратегии противника... <...> Азартные игры строятся так, что игрок вынужден принимать решения, фактически не имея никакой (или почти никакой) информации» (*Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. 2-е изд. СПб., 2002. С. 139, 141).

[^^^]

Ф. И. Толстого не разжаловали в солдаты, но за проступки дважды переводили из лейб-гвардии Преображенского полка в армейские части тем же чином, т. е. на два чина ниже, поскольку по табели о рангах то же звание в гвардии было на два чина выше. До полковничьего чина он дослужился в 1815 г. и в этом чине вышел в отставку.

[^^^]

Ф. И. Толстой был женат на Авдотье Максимовне Тугаевой и прожил с ней 30 лет.

[^^^]

«...когда люди жили не по календарю, говорили не под диктовку и ходили не по стрункам, т. е. когда какая-то рыцарская необузданность подчиняла себе и этикет, и образованность». – Этот фрагмент был исключен в журнальной публикации, см.: Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 151.

[^^^]

Один из трех дачных поселков (Ближнее, Малое и Большое Парголово) Парголовской мызы, принадлежавшей графам Шуваловым, близ Петербурга на Выборгском направлении; ныне поселок Парголово вблизи одноименной железнодорожной станции.

[^^^]

Речь идет о прапорщике лейб-гвардии Егерского полка Александре Ивановиче Нарышкине, сыне обер-церемониймейстера И. А. Нарышкина. По другим сведениям, дуэль произошла не в Парголове, а в Або, подробнее об обстоятельствах дуэли см.: *Филин М. Д.* Толстой-американец. М., 2010. С. 91–95.

[^^^]

Ф. И. Толстой был посажен на гауптвахту в Выборгскую крепость.

[^^^]

Предположение графа Буксгевдена, не основанное, однако ж, ни на каких данных.

[^^^]

1690

Наверное: здесь в значении «точно». Булгарин справедливо усомнился в достоверности приведенных Ф. Ф. Букстевденом сведений. Источники указывают потери за всю войну 1808–1809 гг.: русских от 5500 до 8000 человек, противника – до 7000 убитыми.

[^^^]

1691

12 (23) декабря – день рождения императора Александра I.

[^^^]

Александр I писал Буксгевдену: «Не могу я признать, чтобы конвенция, с остатками шведских войск заключенная, удовлетворяла в полной мере моим желанием и цели вверенного вам начальства. Войско неприятеля, не более как из восьми тысяч состоящее, болезнями и недостатком продовольствия изнуренное и теснимое, каким образом могло бы противостоять силам нашим, в три краты его превосходящим? Быв преследуемо продолжением военных наших действий, каким образом могло бы оно избежать конечного расторжения? Большая его часть рассеялась бы, не достигнув Улеборга; остальная, если б и спаслась, то в расстроеном, изнуренном и ничтожном положении. Конвенция, вами заключенная, исхитила у нас сии надежды» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 343–344*). Далее в описании событий, предшествовавших зимней экспедиции в Швецию, Булгарин следует за А. И. Михайловским-Данилевским.

[^^^]

Есть свидетельства, что инициатива перехода русских войск в Швецию исходила от союзной Франции (см.: *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 191–194). Свои предложения об организации экспедиции, легшие в основу будущего операционного плана, подал в рапорте Александру I Н. М. Каменский, отклонив, однако, возможность собственного руководства этой экспедицией из-за нездоровья. При этом он предупреждал императора о сомнительности задуманного предприятия (см.: *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910. С. 318–319).

[^^^]

Историческая провинция Швеции, расположенная вдоль западного берега северной части Ботнического залива до реки Кеми.

[^^^]

Речь идет о генерал-лейтенанте Д. В. Голицыне.

[^^^]

Речь идет о генерал-лейтенанте П. Х. Витгенштейне.

[^^^]

Фамилия генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута действительно звучит иначе: Baggohufvudt – Баггехуфвудт.

[^^^]

Усеянный скалистыми островами и замерзающий зимой пролив в Балтийском море, который соединяет шведский и финский берега Ботнического залива, между городами Ваза в Финляндии и Умео в Швеции; ширина – 75 км; современное название Норра-Кваркен (Северный Кваркен).

[^^^]

Фрагмент «Вот второй главнокомандующий оставляет службу, почитая себя не в силах исполнить высочайшую волю! <...> не входя лично в исследование всех донесений» был исключен в журнальной публикации, см.: Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 155.

[^^^]

По некоторым свидетельствам, Александр I прибег к этой мере по совету французского посла А. О. Коленкура. Аракчеев прибыл в Або с высочайшим указом, предоставляющим ему в Финляндии неограниченную власть, и менее чем в две недели сумел добиться исполнения высочайшей воли (см.: *Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I*. С. 195).

[^^^]

А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Кнорринг просил об отставке; Барклай-де-Толли писал, что решительно идти нельзя; граф Шувалов говорил, что люди пропадут с голода. Все выставленные ими затруднения были устранены графом Аракчеевым, следственно ему принадлежит слава приведения в действие великой мысли Александра о перенесении русских знамен на шведский берег. Без его понуждений и принятых мер переход бы не состоялся» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны...* С. 362).

[^^^]

См. очерк Булгарина «Переход русских через Кваркен в 1809 году» (*Булгарин Ф. В. Сочинения*. СПб., 1827–1828. Ч. 1. С. 163–181).

[^^^]

1703

Здесь в значении: «неожиданно для неприятеля».

[^^^]

За успешные действия во время перехода через Кваркен П. А. Филисов, захвативший со своим отрядом остров Гольмин и отбивший транспорт с продовольствием и оружием, был произведен в генерал-майоры.

[^^^]

Местом стоянки называет этот остров и Сухтелен (см.: *Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швециею в 1808 и 1809 годах.* С. 189); а Михайловский-Данилевский – остров Вальсгорн (см.: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны...* С. 399–400).

[^^^]

1706

Облой – наледь, обливной снежный наст.

[^^^]

А. И. Михайловский-Данилевский указывает, что Киселев «с 50-ю казаками и 40 отборными стрелками Полоцкого полка напал на шведский пикет и по упорном сопротивлении рассеял его, но не смог однако же взять в плен всего пикета, отчего несколько солдат спаслись на шведский берег и известили тамошнее начальство о появлении русских на Гаддене и Гольме» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны... С. 401*).

[^^^]

1708

Имеется в виду генерал-лейтенант Ю. А. Кронштедт.

[^^^]

Причиной государственного переворота стала непопулярная внешняя политика шведского короля Густава IV Адольфа: его союз с Англией в противостоянии Наполеону и военные неудачи в Финляндии. Война на два фронта, против России и Дании, потребовала от Швеции больших затрат, и король, отказываясь от заключения мира и созыва риксдага, ввел новый военный налог. Во всех слоях шведского общества были сильны пораженческие настроения. 1 (13) марта 1809 г. в Стокгольме военные арестовали короля, назначив регентом его престарелого дядю герцога Карла Зюдерманландского, в июне того же года он был избран королем Швеции под именем Карла XIII.

[^^^]

Первое соглашение после вступления русских войск в Умео о заключении перемирия было подписано там же 10 (22) марта 1809 г. командующим русским экспедиционным корпусом в провинции Вестерботтен генерал-аншефом М. Б. Барклаем-де-Толли и командующим группой войск в Умео генерал-лейтенантом Ю. А. Кронштедтом. По его условиям шведы оставляли русским войскам г. Умео и отступали на 200 верст к югу. В преддверии ожидавшихся переговоров о мире 12 (24) марта Барклай и Кронштедт подписали там же второе соглашение, по условиям которого русские войска отводились из Умео, оставляя военные трофеи и продовольственные магазины нетронутыми. Однако прибывший в Финляндию Александр I разорвал перемирие (9 (21) апреля 1809 г. в г. Борго) и отдал приказ русскому корпусу генерала П. А. Шувалова вновь вступить на территорию Швеции – 20 мая (1 июня) 1809 г. Умео был вновь взят русскими войсками.

[^^^]

Генерал Барклай-де-Толли признал отличившимися особенно в общем отличии: генерал-майора Берга и полковника Филисова, начальствовавших особыми отделениями; полковника Лялина (Навагинского мушкетерского полка), подполковника Шевнина, майоров Албрехта и Воейкова (Лейб-гренадерского), майора Тюревникова (Тульского мушкетерского), артиллерии майора Андерса, и более прочих войскового старшину Киселева 2-го.

[^^^]

5 (17) сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был подписан мирный договор, по которому Швеция уступала России всю Финляндию, Аландские острова и Лапландию до рек Торниойоки и Муониозэльс и разрывала союз с Великобританией. Ф. Ф. Вигель писал о настроениях в русском обществе по заключении мира: «Ничего не могло быть удивительнее мнения публики, когда пушечные выстрелы с Петропавловской крепости 8 сентября возвестили о заключении мира, и двор из Зимнего дворца парадом отправился в Таврический для совершения молебствия. Все спрашивали друг у друга, в чем состоят условия. Неужели большая часть Финляндии отходит к России? Нет, вся Финляндия присоединяется к ней. Неужели по Торнео? Даже и Торнео с частью Лапландии. Неужели и Аландские острова? И Аландские острова. О, Боже мой! О, бедная Швеция! О, бедная Швеция! Вот что было слышно со всех сторон. Пусть отыщут другой народ, в коем бы было сильное чувство справедливости, англичане не захотят тому пове-

ритель. Русские видели в новом завоевании своем одно только незаконное, постыдное насилие. Во всей России, дотоле славной и без потерь владений униженной все более и более, господствовала одна мысль, что у нее... есть на Западе страшный соперник... С самого Тильзитского мира смотрела она на приобретения свои с омерзением, как на подачки Наполеона» (*Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 491–492*).

[^^^]

Булгарин перечисляет важнейшие события Финляндской кампании 1809 г., завершившиеся победой над Швецией, в которых его полк уже не принимал участия. В начале марта, почти одновременно с экспедицией в Швецию через Кваркен, корпус под командованием П. И. Багратиона совершил бросок на Стокгольм через Аландские острова по льду Ботнического залива, овладел ими, заставив шведские войска отойти на материк и просить перемирия. Вслед за этим 7 (19) марта небольшой конный отряд Я. П. Кульнева достиг материка и занял шведскую деревню Гриссельгам неподалеку от Стокгольма, вызвав панику в столице. После этого шведы заявили о желании заключить мир с условием, чтобы русские войска не переходили на шведский берег. Русское командование согласилось на приостановку военных действий. Между тем корпус П. А. Шувалова взял без боя Торнио, принудив к капитуляции северную группировку противника под командованием генерала Грипенберга. После прибытия в Або

императора Александра I перемирие было разорвано, возобновившиеся военные действия закончились победой русских войск. В июне командиром Улеборгского корпуса был назначен Н. М. Каменский, его действия на территории Швеции сыграли значительную роль в окончательном завоевании Аландских островов.

[^^^]

Булгарин рассказал об этом в «Летней прогулке по Финляндии и Швеции в 1838 году», в том числе об обеде, данном финской общественностью 26 июля 1838 г. в его честь в Гельсингфорсе (см.: *Булгарин Ф. В. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 384–386). Подробное описание Булгариным посещений шведских библиотек и архивов позволило нынешним историкам отыскать несколько сот новых документов эпохи Смуты XVII в. из бумаг Яна Сапеги (см.: *Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия.* Волгоград, 1999. С. 25, 33–36).

[^^^]

1715

В 1808–1810 гг. М. М. Сперанский по поручению императора разрабатывал план политической реформы, но реально были введены только очень частные и малозначимые меры, в частности в 1809 г. прекращено присвоение чинов камер-юнкера и камергера и введены экзамены на чин, о чем Булгарин говорит ниже.

[^^^]

1716

Министерство народного просвещения было создано манифестом от 2 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств», а 24 января 1803 г. в нем было образовано Главное правление училищ.

[^^^]

«Komisja nad Edukacją Młodzi Szlacheckiej Dozór Mająca» или «Komisja Edukacji Narodowej» была создана в Речи Посполитой в 1773 г. для осуществления реформ в сфере светского государственного образования. Она осуществила секуляризацию образования, организовав подготовку светских педагогических кадров и учебников. До нее образованием руководили католические ордена пиаров и иезуитов.

[^^^]

1718

Дерптский университет начал действовать в 1802 г., Казанский и Харьковский – в 1805 г.

[^^^]

Именной указ от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ», данный Сенату, включал «Предварительные правила народного просвещения», в которых говорилось, что в учебных округах «учреждаются университеты для преподавания наук в высшей степени». В §14 «Правил...» были названы города, в которых предполагается учредить университеты: «...Киев, Tobольск, Устюг Великий и другие по мере способов, какие найдены будут к тому удобными» (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2^е изд. СПб., 1875. Т. 1. С. 15). У Булгарина ошибка или опечатка: вместо Устюга Великого назван Устилуг – местечко во Владимиро-Волынском уезде Волынской губернии.

[^^^]

Так называли тогда в России русинов – группу восточнославянского населения, компактно проживающую в Закарпатье (на территории Австрийской империи) и этнически близкую к украинцам. Среди педагогов того времени, приглашенных из числа русинов, были такие известные деятели, как В. Г. Кукольник, М. А. Балугьянский, И. С. Орлай.

[^^^]

Институт инженеров путей сообщения был создан в 1809 г., преподавание началось в 1810 г.; Таганрогская коммерческая мужская гимназия была основана в 1806 г.

[^^^]

1722

Комиссия духовных училищ при Святейшем Синоде, в ведении которой находились все духовно-учебные заведения, была создана 26 августа 1808 г.

[^^^]

Гимназия высших наук князя Безбородко была учреждена по инициативе И. А. Безбородко, пожертвовавшего для этого капитал. Открылась в 1820 г., в 1832 г. была преобразована в лицей, ныне Нежинский государственный университет имени Н. В. Гоголя.

[^^^]

Ярославское училище высших наук было основано в 1803 г., статус лицея получило в 1834 г.

[^^^]

1725

Московское коммерческое училище было создано в 1803 г.

[^^^]

Кременецкая гимназия (с 1819 г. Волынский лицей) была основана в 1805 г. по инициативе Т. Чацкого. В 1831 г. после подавления польского восстания 1830–1831 гг. лицей был закрыт, его библиотека и учебная база были использованы при открытии в 1833 г. Киевского университета Св. Владимира.

[^^^]

Тульский кадетский корпус был создан в 1830 г. на базе Тульского Александровского дворянского училища, основанного в 1801 г. по решению дворянского губернского съезда.

[^^^]

Оренбургское неплюевское военное училище было открыто в 1825 г. и названо в честь первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Часть средств на училище пожертвовал внук И. И. Неплюева, И. Н. Неплюев.

[^^^]

Знакомство Петра I и Г. В. Лейбница состоялось в 1697 г. Часть предложений ученого императору, в частности учреждение Академии наук и переход от приказов к более мобильным коллегиям, были реализованы на практике.

[^^^]

1730

В эмиграции братья Людовика XVI вначале находились в Кобленце (1791–1793), однако после создания первой антифранцузской коалиции и начала военных действий оба были вынуждены покинуть город, находившийся слишком близко к французской границе.

[^^^]

Вспомогательный банк для дворянства действовал в 1798–1799 гг., выдавая ссуды помещикам, чтобы они выплатили долги. Ссуды выдавались банковскими пятипроцентными билетами, выпущенными специально для этого случая и погашавшимися в течение 25 лет.

[^^^]

В журнальной публикации отсутствует фрагмент о коррупции: «Насчет высших чиновников Коммерц-коллегии <...> преданных ему людей, усердных на службе, и дельцов» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 169).

[^^^]

Слова «начиная от государя» в журнальной публикации отсутствуют (Там же).

[^^^]

Н. П. Румянцев в большом объеме финансировал соби́рание старых рукописей и книг и их публикацию. Вокруг него в 1810–1820-х гг. сложился т. н. Румянцевский кружок, объединявший несколько десятков историков, археографов, архивистов и филологов (в т. ч. Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, П. П. Кеппен, А. Х. Востоков), которые и вели эту работу. См.: *Козлов В. П. Колумбы российских древностей*. 2-е изд. М., 1985.

[^^^]

Н. П. Румянцев собрал обширную коллекцию старинных рукописей, книг, списков с летописей, старопечатных книг, медалей и монет. После его смерти в 1826 г. по его завещанию коллекция была передана Министерству народного просвещения. На ее основе был создан Румянцевский музей, который в 1831 г. был открыт в особняке Румянцева на Английской набережной.

[^^^]

1736

Имеется в виду монумент, созданный по проекту Винченцо Бренны, который был установлен в 1799 г. на Марсовом поле, а в 1818 г. перенесен на Васильевский остров и поставлен между Академией художеств и Меншиковским дворцом.

[^^^]

Министр уделов не назывался государственным министром, как все прочие министры.

[^^^]

Имеется в виду процесс А. Булгариной, связанный с попыткой помещика Ю. Дашкевича захватить принадлежащее ей имение, о чем Булгарин подробно писал в первой части.

[^^^]

1739

Комиссия составления законов существовала с 1796 по 1826 г.; при Николае I была преобразована во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, которому и была поручена кодификация законодательства.

[^^^]

1740

Референдарий – лицо, уполномоченное докладывать государю от имени коллегиального органа.

[^^^]

Отчество Старынкевича – Александрович, а не Андреевич, и сенатором был не он, а его брат Николай.

[^^^]

Фраза «Н. И. Греч еще застал конец старых злоупотреблений» в журнальной публикации отсутствует (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 173).

[^^^]

1743

Ремонтер – уполномоченный от кавалерийского подразделения, отвечающий за подбор коней взамен негодных или погибших.

[^^^]

8 июня 1831 г. К. Я. Булгаков писал брату: «Генерал Костенецкий умер, тот, что влюблялся во всех невест. Был хороший генерал, но в общении большой оригинал» (Русский архив. 1903. Вып. 12. С. 566). В. Г. Костенецкий отличался своей силой (мог поднять пушку, ломал подковы) и спартанским образом жизни. Кроме того, он увлекался «корнесловием» – этимологией в духе филологических разысканий А. С. Шишкова. П. А. Вяземский писал: «Генерал Костенецкий почитает русский язык родоначальником всех европейских языков, особенно французского. Например, “domestique” явно происходит от русского выражения “дом мести”. “Кабинет” не означает ли “как бы нет”: человек запрется в комнату свою, и кто ни пришел бы, хозяина как бы нет дома. И так далее» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 129).

Генерал-майор М. Ф. Орлов после волнений 1822 г. в 16-й дивизии, которой он командовал, попал в опалу, после подавления восстания декабристов был арестован и избежал более сурового наказания за участие в тайных обществах лишь благодаря заступничеству брата А. Ф. Орлова. Булгарин называет его «известным писателем», но его основной труд «О государственном кредите» (М., 1833) был опубликован анонимно и о его авторстве было известно лишь в узких кругах.

[^^^]

1746

Pour le Mérite (За заслуги (*фр.*)) – орден, учрежденный в 1740 г., высшая военная награда Пруссии.

[^^^]

У Булгарина неточности: отчество Тимана – Адамович, а Изюмским гусарским полком он командовал не во время Отечественной войны, а в 1815–1816 гг.

[^^^]

Н. С. Краснопольский опубликовал переводы свыше 20 пьес А. фон Коцебу. Ему принадлежит также переделка оперы «Дунайская нимфа» К. Ф. Генслера (либретто 4-й части перевел А. А. Шаховской), с успехом шедшая в 1803–1805 гг. под названием «Леста. Днепровская русалка».

[^^^]

1749

Булгарин ошибся в счете, он называет 18 писателей.

[^^^]

1750

Неточность: в русской традиции Александр
Николаас Шерер именовался Александром
Ивановичем.

[^^^]

Булгарин ошибается, имя и отчество статистика Германа, тоже академика, – Карл Федорович; Иван Филиппович Герман – минералог.

[^^^]

В этом институте воспитывались К. И. Арсеньев, А. П. Куницын, М. Г. Плисов, Н. И. Бутырский, И. К. Кайданов, В. Н. Клоков²⁰³ и другие русские профессора, оказавшие услуги русскому просвещению.

[^^^]

1753

А. Б. Куракин уехал из Вены в ноябре 1808 г.

[^^^]

1754

Имеется в виду В. П. Орлов.

[^^^]

См.: «Он любил русскую литературу, и кто-нибудь из окружающих его читал ему все достойное внимания по части русской словесности. Особенное внимание Карл Иванович обращал на сочинения, писанные в духе народном. Любимыми авторами его были: Карамзин, Жуковский, Пушкин, Крылов, Грибоедов, Марлинский, Греч, Булгарин, Загоскин, Лажечников, Гоголь, Масальский и другие <...> Он восхищался характерами Полуботка и Палея (изображенными в романе Булгарина “Мазепа”), как людей, которых поступки сообразны были с чувствованиями его собственного сердца, не страшившегося говорить правду перед лицом Великого Монарха» (Лукьянович Н. А. Биография генерал-адъютанта Бистрома. СПб., 1841. С. 122).

[^^^]

В 1840-х гг. выросло число пьес отечественных авторов на императорской сцене (Н. А. Полевого, Н. В. Кукольника и др.), но это было связано с изменением зрительских интересов, а отнюдь не с предпочтениями А. М. Гедеонова. Но Булгарин зависел от Гедеонова, поскольку театральные рецензии помимо обычной цензуры цензурировались и театральной дирекцией, и поэтому льстил ему.

[^^^]

1757

«Об умерших либо хорошо, либо ничего» (лат.
.).

[^^^]

1758

См. Описание войн 1806, 1807, 1809 и 1810, соч.
А. И. Михайловского-Данилевского209.

[^^^]

Ср. с записью сенатора П. Г. Дивова в дневнике 3 апреля 1829 г.: «Вышел роман “Выжигин” сочинения Булгарина, редактора “Пчелы”. В этом романе, который написан хорошим слогом, правдиво изображены злоупотребления мелких чиновников судебного ведомства и полиции. Первое издание разошлось в 8 дней, и государь пожаловал автору награду. Стремление покупать это сочинение (хотя оно того стоит) огорчает меня, так как это доказывает склонность публики критиковать действия правительства» (*Дивов П. Г.* Из дневника // *Русская старина.* 1898. № 12. С. 619).

[^^^]

Это высказывание вызвало резкую критику «Отечественных записок» (Отечественные записки. 1848. Т. 57. Отд. VI. С. 114).

[^^^]

Булгарин имеет в виду «Отечественные записки», «Современник» и «Библиотеку для чтения»

[^^^]

Речь идет о следующих книгах: *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803; *Востоков А. Х.* Русская грамматика. СПб., 1831; *Соколов П. И.* Начальные основания российской грамматики. СПб., 1788 (5-е изд. – 1808); *Борн И. М.* Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808; *Никольский А. С.* Основания российской словесности. СПб., 1792 (7-е изд. – 1830); *Мерзляков А. Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности, ч. 1–2. М., 1822.

[^^^]

1763

Булгарин неточен: в 1808 г. Жуковский издавал «Вестник Европы» один, а Каченовский присоединился к нему только в конце 1809 г.

[^^^]

Упомянуты действовавшие в Петербурге «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» (1801–1825; официально утверждено в 1803) и «Беседа любителей русского слова» (1811–1816). Первоначально Общество собиралось в доме А. С. Шишкова, с 1811 г. публичные чтения и торжественные заседания проходили в Большой зале особняка Державина на Фонтанке (ныне Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени, наб. Фонтанки, д. 118).

[^^^]

Булгарин имеет в виду «Общество истории и древностей российских» (1803–1929) и «Общество любителей российской словесности» при Московском университете (1811–1930, с перерывом в 1837–1857), «Общество любителей отечественной словесности» при Казанском университете (1806–1853), «Общество наук» при Харьковском университете (1812 – нач. 1830♦х), имевшее наряду с отделением естественных наук и словесное отделение.

[^^^]

Сперанский родился 1 (12) января 1772 г., однако в последние годы он сам указывал своим годом рождения 1771♦й (см. об этом публикацию «Критика М. А. Корфом воспоминаний Ф. В. Булгарина о М. М. Сперанском и ответ Булгарина» в приложении).

[^^^]

Достоверно известно, что отца Сперанского звали Михаил Васильевич. Многие мемуаристы писали, что его фамилия – Грамотин (см.: М. М. [Магницкий М. Л.] Дума на гробе графа Сперанского // Москвитянин. 1843. Ч. II. № 4. С. 480; Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 196). Скорее всего, фамилия как родовое имя отсутствовала, что не являлось редкостью для недворянского сословия.

[^^^]

1768

Сперанский в Александро-Невской главной семинарии имел звание учителя, а не профессора.

[^^^]

1769

Сперанский поступил к А. Б. Куракину в качестве домашнего секретаря в 1795 г., совмещая эту должность с уроками, которые давал сыну Куракина и его племяннику С. С. Уварову.

[^^^]

Сперанский в июле 1801 г. стал действительным статским советником. Под началом В. П. Кочубея он участвовал в разработке министерской реформы, затем в 1802 г. возглавил в Министерстве внутренних дел отдел, который должен был готовить проекты государственных преобразований.

[^^^]

«Санкт-Петербургский журнал» – ежемесячное издание Министерства внутренних дел, выходившее в Петербурге в 1804–1809 гг.; кроме высочайших указов в нем печатались ежегодные отчеты министра внутренних дел, официальные документы и статьи, касающиеся вопросов управления, написанные преимущественно Сперанским.

[^^^]

Имеется в виду выходивший в Петербурге и Лейпциге в 1803–1808 гг. под редакцией А. К. Шторха исторический журнал «Russland unter Alexander dem ersten» (27 выпусков в 9 томах), в котором большая часть материалов была написана Шторхом.

[^^^]

По поручению императора Сперанский составил в 1803 г. «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», которая не получила практической реализации, но ее составитель был награжден.

[^^^]

Личное знакомство Сперанского с Александром I произошло в 1806 г., в этом же году он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, через 4 месяца – орденом Св. Анны 1-й степени. С октября 1807 г. Сперанский – статс-секретарь императора, с 1808 г. член Комиссии составления законов, товарищ министра юстиции. В 1809 г. по поручению Александра I подготовил план государственных преобразований «Введение к уложению государственных законов».

[^^^]

1775

В связи с тяжелым положением государственных финансов в ноябре 1809 г. Александр I поручил Сперанскому «составить определенный и твердый план финансов». В январе 1810 г. император внес план, разработанный Сперанским (вместе с М. А. Балугьянским, Н. С. Мордвиновым, В. П. Кочубеем, Б. Б. Кампенгаузенем и Д. А. Гурьевым), в Государственный совет, в феврале план был утвержден и обнародован.

[^^^]

1776

То есть был удостоен ордена Св. апостола Андрея Первозванного – высшего ордена Российской империи.

[^^^]

Сперанский был выслан из столицы после двухчасовой аудиенции у императора 17 (29) марта 1812 г. Его опала стала результатом недовольства проводимыми и готовящимися реформами, идеологом и разработчиком которых он являлся, и сложной придворной интриги. Существенную роль в этих событиях сыграли «патриотический» круг великой княгини Екатерины Павловны, сестры императора, и написанная по ее просьбе для Александра I «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина, а также интрига барона Г. М. Армфельта, в 1811 г. назначенного председателем финляндской комиссии, и министра полиции А. Д. Балашова (см.: *Семевский В. И.* Падение Сперанского // *Отечественная война и русское общество. 1812–1912: В 7 т. М., 1911. Т. 2. С. 221–246*). Существует точка зрения, согласно которой за всем этим стоял сам император, считавший неудобным дальнейшее пребывание у власти сановника, дискредитированного в общественном мнении (см.: *Нольде А. Э. М. М. Сперанский: Биография. М.,*

2004. C. 124–125).

[^^^]

Имеется в виду предсказание призрака из трагедии В. Шекспира «Макбет», сделанное главному герою (IV действие, сцена 1) в известном Булгарину переводе А. И. Кронеберга: «Будь смел и тверд; судьба тебя хранит; // Рожденный женщиной тебе не повредит» (Петербургский сборник. СПб., 1847. С. 339).

[^^^]

В журнальной публикации отсутствует фрагмент: «Всю эту хитросплетенную клевету <...> и одним подданным!..» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. Отд. I. С. 190).

[^^^]

Виновниками ссылки Сперанского его биограф С. А. Чибирев называет А. Д. Балашова, Г. А. Розенкампа, Ф. В. Ростопчина, Я. И. де Санглена. Ко времени выхода пятой части воспоминаний все они (кроме де Санглена) уже умерли.

[^^^]

М. М. Сперанский женат был на англичанке, девице Стюэнс (Stewenss), которой мать была воспитательницею детей графа Андрея Петровича и Катерины Петровны Шуваловых. Одна из питомиц ее, графиня Прасковья Андреевна, вышла замуж за князя Михаила Андреевича Голицына, а другая, графиня Александра Андреевна, за князя Франциска Дитрихштейна. Дети княгини П. А. Голицыной, урожденной графини Шуваловой, служат с честью в генеральских чинах, пользуясь общей любовью и уважением. Князь Андрей Михайлович Голицын, генерал-лейтенант, облечен ныне в важное звание витебского, могилевского и смоленского военного губернатора, а князь Михаил Михайлович Голицын, генерал-майор Главного штаба его императорского величества, обер-квартирмейстер Отдельного корпуса внутренней стражи. Супруга М. М. Сперанского, воспитанная в семействе, отличавшемся всеми похвальными качествами души и ума, была образцом кротости, ласковости и всех христианских добродетелей, но жила

недолго. М. М. Сперанский никогда не мог утешиться в этой невозвратной потере, и, хотя ему впоследствии предлагали многие выгодные партии, он из уважения к памяти покойной жены и из любви к дочери остался вдовцом.

[^^^]

Елисаветою Михайловною, бывшею в замужестве за сенатором, тайн[ым] советн[иком] Александром Васильевичем Фроловым-Багревым²³².

[^^^]

Имеется в виду написанное в январе 1813 г. письмо М. М. Сперанского к императору, заканчивавшееся просьбой: «В награду всех горестей, мною претерпенных, в возмездие всех тяжких трудов, в угождение Вам, к славе Вашей и к благу государства подъятых, в признание чистоты и непорочности всего поведения моего в службе и наконец в воспоминание тех милостивых и лестных мне частых сношений, в коих один Бог был и будет свидетелем между Вами и мною, прошу единой милости: дозволить мне с семейством моим, в маленькой моей деревне, провести остаток жизни, поистине одними трудами и горестями преизобильной» (цит. по: *Томсинов В. А. Сперанский*. М., 2006. С. 259). Разрешение переселиться в Великополье последовало лишь 31 августа 1814 г., одновременно с манифестом об окончании войны с Наполеоном.

[^^^]

См.: О подражании Христу, четыре книги Фомы Кемпийского: с присовокуплением избранных мест из других его творений / Пер. с лат. [и предисл. М. Сперанского]. СПб., 1819.

[^^^]

Приехав в Сибирь в 1819 г., Сперанский начал ревизию. По ее итогам Н. И. Трескин был уволен со службы и предан суду Сената, который установил, что он нанес ущерб государству в 4–5 млн рублей ассигнациями, и лишил его чинов и права въезда в столицы. Тем не менее Трескин имел и заслуги: «В первый самый год он очистил Иркутск от всех празднующихся, поставил полицию на самую лучшую ногу. <...> В Иркутске Трескин завел вновь почти все заведения приказа общественного призрения; особенно прекрасно учрежденный рабочий дом и городовую больницу; самый город вычистил, выхолил. <...> Запасные хлебные магазины держал в исправности. К минеральным Туркинским водам велел проложить дорогу и выстроить потребные для больных здания; определил смотрителя и медицинского чиновника. <...> Одним словом, ни одна часть не осталась у него без внимания, и он крепко держал бразды правления в своей губернии» (Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск,

1992. T. 2. C. 198–199).

[^^^]

1786

Свод законов Российской империи был впервые издан в 1832 г. в составе 15 томов и вступил в силу с 1835 г.

[^^^]

1787

Сперанский умер 11 (23) февраля 1839 г.

[^^^]

См.: *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников: конец XVII – первая половина XIX веков. М., 2009.

[^^^]

1789

Книга неоднократно переиздавалась, Булгарин не указал третье издание 1835 г., четвертое издание вышло в 1845 г.

[^^^]

Булгарин цитирует сочинение Публия Корнелия Тацита «О жизни и характере Юлия Агриколы» (98 г.), которое он переводил во время учебных занятий в кадетском корпусе и потом не раз цитировал в письмах (см., например, в этом томе с. 130, 138).

[^^^]

А. И. Тургенев относился к «Северному архиву» с интересом и рекомендовал П. А. Вяземскому в письме от 6 января 1822 г.: «Подпишись на журнал Булгарина “Северный архив”. Много интересных актов будет» (Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1899. Т. 2. С. 237).

[^^^]

1792

Сперанский стал опекуном сыновей П. А. Шувалова Андрея и Петра после смерти их отца в 1823 г.

[^^^]

1793

Упомянут К. Г. Репинский.

[^^^]

См.: *Булгарин Ф.* Петр Иванович Выжигин: нравоописательный исторический роман 19 века: В 4 ч. СПб., 1831. Слова «якорь из обручального кольца» там в III главе произносит полковой доктор Лебедеенко, он приводит в пример поступок Наполеона, основавшего династию: «Тот, по мановению которого движутся миллионы войска и падают царства, признал необходимостью бросить якорь из обручального кольца в бурном политическом море, чтоб удержаться на месте!» (*Булгарин Ф. В.* Петр Иванович Выжигин. Ч. I. С. 85). Этот пассаж «Воспоминаний» вызвал особое неудовольствие императора Николая I. Председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета М. Мусин-Пушкин, объявляя Булгарину «по высочайшему повелению» строгий выговор за публикацию мемуарного фрагмента о Сперанском в июньском номере «Библиотеки для чтения» (1848), сообщал: «Государь император изволил при этом изложении заметить, что если слова сии *и были точно сказаны* в минуту откровенной и не совсем, мо-

жет быть, осторожной беседы, то, верно уже, не для оглашения их перед современною публикою» (см.: Цензура и Булгарин. 1848–1851 // Русская старина. 1871. № 11. С. 521–522; ср. в настоящем издании с. 209). Сперанский послужил прототипом благородного и мудрого Виртутина в романе Булгарина «Иван Выжигин» (1829).

[^^^]

Ср. с панегирической характеристикой М. М. Сперанского, которую Булгарин представил в III отделение в 1827 г.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подготовил А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 236–237.

[^^^]

М. А. Корф опубликовал статью «О воспоминаниях Булгарина касательно графа М. М. Сперанского» (Русский инвалид. 1848. № 138), в которой отметил ряд неточностей и ошибок автора и, пользуясь своим служебным положением, инспирировал вынесение Николаем I строгого выговора Булгарину за фрагмент его «Воспоминаний», посвященный М. Сперанскому. Подробнее см. в приложении в публикации «Критика М. А. Корфом воспоминаний Ф. В. Булгарина о М. М. Сперанском и ответ Булгарина».

[^^^]

Отдельное издание шестой части (СПб.: В типографии Карла Крайя, 1849. Цензурное разрешение от 2 мая 1849 г., цензор И. Срезневский) вышло значительно позже журнального, в конце января 1850 г., см. объявления в «Северной пчеле» (1850. № 25, 26. 31 янв., 1 февр.). Журнальная публикация (цензоры И. Срезневский и В. Лангер): Гл. I–IV: Библиотека для чтения. 1849. Т. 93. Отд. I. С. 141–196. Цензурное разрешение от 6 февраля 1849 г. (объявление о выходе февральской книжки «Библиотеки для чтения»: Северная пчела. 1849. № 57. 14 марта); Гл. V: 1849. Т. 95. Отд. I. С. 57–90. Цензурное разрешение от 2 мая 1849 г. (объявление о выходе майской книжки «Библиотеки для чтения»: Северная пчела. 1849. № 101. 9 мая). Журнальная публикация кончалась раньше, чем текст отдельного издания, завершаясь словами: «...с этой минуты начинаются мои странствования».

Булгарин в «Северной пчеле» сообщал читателям: «А. В. Старчевский, не дожидаясь корректуры автора последних двух форм в

гранках и не прислав автору сводки первых форм, изволил тиснуть начисто и выпустил в свет книжку с опечатками, искажениями смысла и собственных имен» (1849. № 103. 11 мая).

Рукопись (с авторской правкой) фрагмента, не вошедшего в журнальную публикацию, сохранилась в фонде И. И. Срезневского: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 216. Оп. 3. Д. 1554.

[^^^]

Из басни И. А. Крылова «Гуси» (1811): «Баснь эту можно бы и боле пояснить – / Да чтоб гусей не раздражить».

[^^^]

1799

Каменный метеорит (*устар.*), «камень, упавший из воздуха» (В. И. Даль).

[^^^]

1800

Причины крушения военной карьеры Булгарина точно не установлены. В автобиографии он указал, что «писал дурные стихи и за то сидел в Кронштадте» (цит. по публикации А. И. Рейтבלата // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 103). По свидетельству мемуариста, речь идет о сатирических стихах, направленных против шефа полка – великого князя Константина Павловича (см.: Греч Н. И. Фаддей Булгарин // Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 671). В аттестате Булгарина значится, что он «по неспособности к кавалерийской службе переведен в Кронштадтский гарнизонный полк» 25 февраля 1809 г. (Аттестат Булгарина // Литературный вестник. 1901. Т. 1, кн. 4. С. 419; публ. Н. А. Гастфрейнда). Комплектование гарнизонных войск производилось в том числе и за счет перевода туда людей, неспособных к полевой службе. Булгарин был переведен почти сразу по возвращении из Финляндии воинских подразделений, участвовавших в кампании.

[^^^]

1801

Крепостные ворота в северной части Кронштадтской крепости.

[^^^]

1802

Бог виноделия в древнеримской мифологии.

[^^^]

1803

Скорее всего, Булгарин имеет в виду Н. А. Бестужева, служившего в 1810–1820♦е гг. в Кронштадте, который вспоминал о своем знакомстве с Булгариным в письме к брату Павлу от 6 февраля 1840 г.: «Булгарина я любил, как собеседника; часто с ним бранивался за дурные его наклонности в журналистике и некоторых частных сношениях с людьми; некоторые статейки его хвалил, но, вообще, дух его сочинений решительно мне не нравился...» (цит по: Воспоминания Бестужевых / Ред. и коммент. М.К Азадовского. М.; Л., 1951. С. 759). Но не исключено, что имеется в виду Н. В. Давыдов, печатавший в «Северной пчеле» и «Сыне Отечества» морские очерки и рассказы, его книгу «Сцены на море» Булгарин с похвалой отрецензировал в «Северной пчеле» (1835. № 46. 27 февр.).

[^^^]

1804

приличие, манеры, хороший тон (*фр.*).

[^^^]

1805

В современном французском языке это слово обозначает неестественность, притворство, но во времена Булгарина его основным значением было «принужденность».

[^^^]

1806

В то время офицеры морской артиллерии были в том же разряде, что комиссары и шкипера, и почитались ниже флотских офицеров.

[^^^]

1807

Жены констапелей (прапорщиков в морской артиллерии).

[^^^]

1808

Речь идет об острове Таити – главном и самом крупном в архипелаге островов Общества (или Дружества) и всей Французской Полинезии, имевшем репутацию места «свободной любви».

[^^^]

Цитера – остров в Средиземном море, центр культа богини любви Афродиты; в переносном смысле – «царство любви».

[^^^]

1810

цвет лица (*фр.*).

[^^^]

1811

нечто редкостное (*ит.*).

[^^^]

Цитата из стихотворной сатирической сказки И. И. Дмитриева «Модная жена» (1791), в значении «пожилые».

[^^^]

1813

Речь идет о популярных карточных играх. Самая простая из них – три листика (она совмещала черты коммерческой и азартной игры и была популярна среди простолюдинов), бостон – более сложная коммерческая игра.

[^^^]

Крузенштерн в своем «Путешествии» неправильно называет его Кабрит или Лекабрит. Одичалый француз назывался Кабри.

[^^^]

1815

И. Ф. Крузенштерн в книге «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на кораблях “Надежда” и “Нева”, под начальством капитан-лейтенанта Крузенштерна» (СПб., 1809. Ч. 1) рассказывает о встреченном им на острове Нукагива «диком французе», называя его то Иозеф Кабрит, то Ле-Кабрит, и говорит о его дурном нраве, лживости и злобности. По словам Крузенштерна, в отличие от попавшего на остров не по своей воле англичанина Робертса, Кабри не пользовался уважением у островитян (см.: *Крузенштерн И. Ф. Первое российское плавание вокруг света.* М., 2010. С. 81–82, 90, 111, 116, 121, 132). Рассказ Булгарина о Кабри соответствует характеристике Крузенштерна, фактическая его достоверность подтверждается и пометами-маргиналиями, сохранившимися в томе «Библиотеки для чтения» (1849. Т. 93) в Российской государственной библиотеке, где был напечатан отрывок из «Воспоминаний» Булгарина. При этом автор маргиналий, бывший морской офицер (как установил И. Я. Лосиевский),

знавший Кабри в Кронштадте, не соглашаясь с Булгариным, пишет, что Кабри не был столь свиреп, и сомневается в том, что тот при отъезде мог поручить свою жену Булгарину (см.: *Лосиевский И. Я.* Похождения «дикого француза» Жозефа Кабри, или О чем рассказали маргиналии // *Библиотекосведение.* 2010. № 2. С. 70–74).

[^^^]

1816

Нукагива (Нуку-Хива) – самый большой из Маркизских островов (архипелаг на северо-востоке Французской Полинезии).

[^^^]

1817

Современное название острова – Гавайи, он входит в архипелаг Гавайские острова.

[^^^]

1818

Эти сведения находят подтверждение в воспоминаниях И. Ф. Крузенштерна (см.: *Крузенштерн И. Ф. Первое российское плавание во-
круг света*. М., 2010. С. 143–144).

[^^^]

1819

Иван Кабри указан как чиновник 14го класса, учитель в 1808–1810 гг. в штурманском училище, в «Месяцесловах с росписью чиновных особ <...> Российской империи...» (СПб., 1808. Ч. 1. С. 224; СПб., 1809. Ч. 1. С. 224; СПб., 1810. Ч. 1. С. 222).

[^^^]

1820

Описания путешествий Джемса Кука были изданы в Англии: *An Account of a Voyage round the World in the Years 1768–1771*. London, 1773; *A Voyage towards the South Pole and round the World*. London, 1777; *A Voyage to the Pacific ocean*. London, 1784. Vol. 1–3; русские издания: [Киппис, Эндрю] Подробное и достоверное описание жизни и всех путешествий славнейшего аглинского мореходца капитана Кука. СПб., 1790. Ч. 1–2; Путешествие к южному полюсу. СПб., 1780; Путешествие в южной половине земного шара и вокруг оногo в 1772–1775 гг. СПб., 1797; Путешествие в Северный Тихий океан с 1776 по 1780. СПб., 1805. Экспедиция участника двух последних путешествий Кука Джорджа Ванкувера описана в издании: *A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean and round the World in the Years 1790–1795 in the Discovery Sloop of War and Armed Tender Chatham under the Command of Captain George Vancouver*. London, 1798. Vol. 1–3; рус. перевод: Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совер-

шенное в 1791, 1792, 1793, 1794 и 1795 гг. капитаном Георгием Ванкувером. СПб., 1827–1838. Ч. 1–6.

[^^^]

1821

Иезуиты, бывшие тогда в Петербурге, обучали Кабри забытой им христианской вере, но Кабри ничего не понял и сознался мне, что остался при прежнем мнении.

[^^^]

1822

Имеется в виду дядя отца Булгарина – Михаил Булгарин.

[^^^]

1823

двоюродный дед (нем.).

[^^^]

Речь идет об участии М. Булгарина в событиях 1773 г., когда на сейме Речи Посполитой в Варшаве депутаты от воеводств Великого княжества Литовского попытались воспрепятствовать подписанию акта, закреплявшего первый раздел Польши. Самой яркой фигурой этих событий был Тадеуш Рейтан, депутат от Новогрудского воеводства. Поддержанный Самуэлем Корсаком (1745–1794) и Станиславом Богушевичем, Рейтан попытался сорвать работу сейма; он лег перед выходом со словами: «Убейте меня, не убивайте Отчизну!». См.: *Michalski J.* Tadeusz Reytan // *Polski słownik biograficzny*. Kraków, 1988. Т. 31. S. 231–237; *Chojecki R.* Patriotyczna opozycja na sejmie 1773 r.: uwagi na marginesie działalności w sejmie i w delegacji 19.IV – 28.IX // *Kwartalnik Historyczny*. 1972. R. 79. № 3. S. 545–562.

[^^^]

1825

меньшинство (*фр.*).

[^^^]

1826

Но мы должны соблюсти приличия (*фр.*).

[^^^]

В Кронштадте был тогда только один порядочный трактир, который содержали два брата – итальянцы Делапорта. Кроме того, они торговали разными мелочными товарами. Старший брат был женат. Это были люди добрые и услужливые.

[^^^]

1828

Цитата из послания св. апостола Павла к ефесянам (Еф. 5: 18).

[^^^]

Начало православной молитвы животворящему Кресту.

[^^^]

1830

Вышка – здесь: верхняя, пристроенная наверху часть здания.

[^^^]

1831

Гинекей – женская половина дома у древних греков.

[^^^]

1832

Зоря – народное название пряно-ароматического травянистого растения любисток.

[^^^]

1833

Золотарь (*устар.*) – работник, занимающийся очисткой выгребных ям, уборных и вывозом городских нечистот.

[^^^]

1834

Гичка – узкая и легкая быстроходная парусно-гребная шлюпка с острым носом и низким бортом.

[^^^]

1835

фальсифицированное вино (*фр.*).

[^^^]

1836

Выражение непереваемое, почти то же, что *опростонародиться*.

[^^^]

Первые планы постройки парохода были предложены Р. Фултоном правительствам США и Великобритании в 1793 г. Перебравшись с 1797 г. во Францию, он представил Наполеону проект первой подводной лодки, Наполеон не стал дожидаться доработки проекта и приказал прекратить отпуск средств на производство опытов; Фултон тем не менее провел на Сене испытания первого парового судна, но в первое плавание его пароход отправился в Америке по реке Гудзон, от Нью-Йорка до Олбани, в августе 1807 г. Корпус парохода был построен на верфи американца Ч. Броуна. Булгарин опубликовал переведенную из «*Journal des Voyages*» статью «Известие о жизни Р. Фультона» (Северный архив. 1825. Ч. 16. № 15. С. 234–242).

[^^^]

1838

В июне 1813 г. П. П. Свињин сопровождал Ж. В. Моро из Филадельфии в Европу, куда тот возвращался по приглашению Александра I, чтобы возглавить армию союзников, сражавшихся с Наполеоном. После гибели Моро Свињин был отправлен в Лондон с высочайшими соболезнованиями семье покойного и вернулся в Россию в конце этого года. Среди его публикаций, посвященных американским впечатлениям, статья «Наблюдения русского в Америке. Описание стимбота (парового судна)» (Сын отечества. 1814. № 36. С. 135–144; № 37. С. 175–182), в которой он выступал за строительство российского парового судна: «Совершенно убедившись, что введением его в Россию мог бы я оказать услугу своему Отечеству, я употребил все время свое, все возможные способы, не щадил ни трудов, ни денег для узнания таинственного устройства стимбота. <...> достав планы и модели всех частей машины, я представил его сиятельству г. государственному канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцову проект этого удивительно-

го изобретения» (Там же. № 36. С. 137–138).

[^^^]

Чарльз Берд заключил контракт на постройку пароходов, так как получивший у русского императора монополию на эксплуатацию паровых судов Р. Фултон не смог воспользоваться своим правом. Первый пароход «Елизавета» был построен Бердом на его заводе в Петербурге в 1815 г., он ходил по Неве и был доступен для осмотра публикой. 3 ноября 1815 г. он отправился в свой первый рейс в Кронштадт, затратив на переход 3 ч 15 мин (см. описание путешествия на пароходе Берда в 1815 г.: *Вигель Ф. Ф. Записки*. М., 2003. Кн. 2. С. 928–929).

[^^^]

Ничто так не нравилось Голяшкину, как церковный язык, – несколькими фразами славянскими можно было побудить его ко всему.

[^^^]

1841

если ты человек доблестный (храбрый) (*старосл.*).

[^^^]

1842

Курс движения парусного судна при встречно-боковом ветре, когда ветер дует под углом от 0 до 90°.

[^^^]

Возможно, литературным источником этого эпизода послужило знакомое Булгарину с детства произведение – «Приключения Телемака» Ф. Фенелона: срубленная Ментором мачта позволяет им с Телемаком спастись от гибели при кораблекрушении, вызванном ужасной бурей у острова Калипсо.

[^^^]

Автором 27-томного сочинения «Le voyageur françois, ou la connoissance de l'ancien et du nouveau monde» («Французский путешественник, или Познание древнего и нового мира») был другой французский писатель-аббат – Жозеф де Ла Порта (1713–1779); на русском языке вышло два издания его сочинения (1♦е, 1778–1794; 2♦е, 1803–1816) в переводе Я. И. Булгакова под названием «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового света, то есть описание всех по сие время известных земель в четырех частях света...».

[^^^]

1845

Галиот – небольшое парусное двухмачтовое судно, использовалось для перевозки грузов.

[^^^]

1846

В Итальянскую кампанию 1799 года князю Багратиону было тридцать четыре года от рождения (род. в 1765 году), а Милорадовичу двадцать девять лет (род. в 1770 году).

[^^^]

1847

Имеется в виду сражение между русской и французской армиями 14 и 15 сентября 1799 г. под Цюрихом, в котором русская армия потерпела жестокое поражение.

[^^^]

1848

Корпус И. И. Германа в сражении у деревни Берген 8 сентября 1799 г. был разбит французами, а сам он взят в плен.

[^^^]

1849

Это доказано теперь собственноручными письмами Суворова к разным лицам, отчасти напечатанными, и свидетельством Фукса в его анекдотах о Суворове⁴⁶.

[^^^]

См. т. 1, с. 418.

[^^^]

Имеются в виду такие сатиры А. С. Нарушевича, как «Испорченный век», «Маскарады», «Худой литератор» и др., в которых он клеймил пороки польской шляхты и польских интеллектуалов. Булгарин высоко ценил творчество Нарушевича. В своей первой публикации на русском языке он утверждал, что Нарушевич «писал прекрасные басни и сатиры во вкусе Ювенала; хотя в оных не находим нежности [И.] Красицкого, однако ж порок изобличен и преследуем сильно, красноречиво и без пощады <...>» (Булгарин Ф. Краткое обозрение польской словесности // *Сын Отечества*. 1820. № 31. С. 203).

[^^^]

1852

коррупция, взяточничество (*фр.*).

[^^^]

«Уважение к несчастью – один из самых благородных инстинктов человека» (*фр.*) – цитата из сочинения Ж.-Б. Капфига «Граф де Сент-Олер» (см.: *Capefigue J. B. Les diplomates et hommes d'état européens. Quatrième série. Bruxelles, 1848. P. 319.*)

[^^^]

свободное вето (*лат.*).

[^^^]

1855

не разрешаю (*польск.*).

[^^^]

1856

А. И. Замоиский в 1778 г. опубликовал проект «Сборник судебных прав по конституции», который в случае принятия на сейме облегчал браки между шляхтой и мещанами, устанавливал общие для всех сословий суды, отменял право вето, по которому любой делегат сейма мог воспрепятствовать принятию решения, а также вводил ряд других норм, которые воспринимались как ограничение шляхетских вольностей. Проект вызвал резкое сопротивление делегатов сейма.

[^^^]

1857

популярности (*фр.*).

[^^^]

1858

свобода, равенство, братство (*фр.*).

[^^^]

1859

Булгарин не точен: Станислав Булгарин приходился ему не двоюродным дядей, а четвероюродным братом.

[^^^]

Ялово – деревня в Волковыском повете Новогрудского воеводства Великого княжества Литовского (ныне в Пружанском районе Брестской области Беларуси). Староство Яловское было отдано во владение отцу Станислава Булгарина, Михалу Булгарину, депутату Четырехлетнего сейма (1788–1792) Речи Посполитой.

[^^^]

1861

Булгарин ошибается: графиня Гонората Залуская была дочерью воеводы киевского Юзефа Габриэля Стемпковского.

[^^^]

1862

Во время пребывания в Петербурге в конце 1827 – начале 1828 г. сблизился с Булгариным, часто встречался с ним, несколько раз бывал у него дома. Булгарин принимал активное участие в издании «Конрада Валленрода». После отъезда из России Мицкевич в мае 1829 г. дважды писал Булгарину, называя его «истинным другом» и уверяя: «...свидетельства твоей дружбы глубоко запечатлелись в моем сердце» (*Mickiewicz A. Dzieła. Warszawa, 1955. T. 14. S. 487, 493–494*).

[^^^]

Булгарин перевел прозой балладу «Три Будрыса» (Сын Отечества и Северный архив. 1829. Т. 5. С. 113–115), что способствовало созданию А. С. Пушкиным поэтического перевода «Будрыс и его сыновья» (см.: Федута А. И. Три «Будрыса»: авторский текст – подстрочник – поэтический перевод // Федута А. И. Письма прошедшего времени. Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск, 2009. С. 125–135). У Булгарина этот пассаж переведен так:

*Всех невольниц милее ляшские
красотки,
Веселенькие, как молодые кошеч-
ки;
Лица белее молока, ресницы чер-
ные,
А глазки блестят, как звездочки.*

Библейский герой Самсон влюбился в филистимлянку Далилу, которая остригла его, лишив силы, скрывавшейся в волосах, и выдала врагам, ослепившим его (Книга Судей); в греческой мифологии дочь калидонского царя Деянира, пропитав кровью кентавра Несса тунику любившего ее сына Зевса Геракла, нечаянно убила его. В книге было напечатано «Леила», Булгарин по этому поводу писал в «Северной пчеле»: «...как господин корректор типографии К. К. Края мог вместо *Делилы* поставить *Леилу*??! Что за Леила? Ученик последнего класса гимназии знает, что филистимлянка, остригшая волосы Самсону и предавшая его врагам, называлась Делилою!» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1850. № 20. 25 янв.)

[^^^]

1865

Булгарин неправильно переводит даты с нового стиля на старый. Восстание началось 17 апреля по новому стилю. Но разница в датировке по старому и новому стилю в XVIII в. составляла 11 дней, т. е. в этот день по старому стилю было 6 апреля, а не 5♦е. Соответственно и верная дата в предыдущем предложении – это не 6♦е, а 7 апреля по старому стилю. Эту же ошибку он повторяет и далее.

[^^^]

1866

Булгарин ошибся: генерал-майор Н. Д. Арсеньев был взят восставшими в плен вместе с 60 офицерами и 600 рядовыми и оставался в плену с 9 апреля по 1 сентября 1794 г. Умер он спустя два года от ран, полученных еще при взятии Измаила.

[^^^]

Речь идет о событиях 9 мая 1794 г. Один из руководителей варшавского восстания 1794 г., Ян Килинский, в своих воспоминаниях передает слова президента городского совета И. В. Закржевского, отказавшегося осудить польских аристократов, которых восставшие считали изменниками: «Хотя народ желает и просит, и приказывает, чтобы первые люди после короля были повешены, я пойти на это не могу, поскольку для этого нужно решение командующего национальными вооруженными силами Тадеуша Костюшко, а до этого нужна хотя бы неделя, чтобы он позволил избрать уголовный суд, который нами создан быть не может». То же решение принял и городской совет Варшавы (см.: *Kiliński J. Pamiętniki. Warszawa, 1958. S. 107*). Однако по решению Килинского был создан суд из числа восставших, приговоривший четверых заключенных, обвиненных в государственной измене (великого гетмана коронного Петра Ожаровского, каштеляна сандомерского Юзефа Анквича, гетмана польного литовского

Юзефа Забелло, а также епископа инфлянтского и коадьютора виленского Юзефа Казимира Коссаковского), к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение.

[^^^]

1868

Имеется в виду Игнацы Массальский, который был казнен в Вильне 28 апреля 1794 г.

[^^^]

Фашины – связки хвороста, прутьев, которыми заваливают рвы при штурме.

[^^^]

1870

То есть одним духом, сразу.

[^^^]

По словам Н. И. Греча, этими словами начиналась сатира на великого князя Константина Павловича, которую Булгарин написал, «измученный преследованиями» своего начальника: «Трепещет Стрельна вся, повсюду ужас, страх. / Неужели землетрясенье? / Нет! нет! великий князь ведет нас на ученье» (*Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 673. См. также примеч. 4 на с. 406–407).*

[^^^]

1872

Я удержал в памяти несколько куплетов и не из авторского самолюбия, но чтоб показать дух тогдашнего времени, сообщаю здесь начало песни:

*Сильный верой и присягой,
Добрый русский наш народ
Кровь свою прольет с отвагой
За священный царский род.*

*Жизнь солдата в царской воле,
Все умрем мы за царя!
Рады драться в чистом поле,
И не страшны нам моря! – и прочее.*

[^^^]

1873

П. С. Ширков, заслуженный генерал, пользовался в Кронштадте всеобщим уважением. Четырнадцатилетним юношей он вступил из польской службы ротмистром в Кирасирский военного ордена полк, был участником военных действий, получил тяжелое ранение при штурме Измаила, при подавлении польского восстания вместе с Суворовым штурмовал Прагу (предместье Варшавы); в 1799 г. он уже полковник, а в 1803♦м – генерал-майор, с назначением шефом Первого морского полка и инспектором первых трех морских полков, кавалер орденов Св. Георгия 4♦го класса, Св. Владимира 3♦й степени и Св. Анны 1♦го класса. 29 октября 1811 г. он был отставлен от службы «за неисправности в морских полках». В январе 1816 г. по результатам ревизии генерал-майор П. С. Ширков был обвинен в «умышленном удержании у себя» суммы более 300 тысяч руб. и предан военному суду. Материалы начатого против него дела свидетельствуют, что члены назначенной для расследования и предания его военному суду ко-

миссии во главе с контр-адмиралом К. Г. Михаловским поначалу отказывались верить в виновность Ширкова и просили чиновников-ревизоров «доставить комиссии подробную и ясную ведомость, из коей составился общий счет начета на г. генерал-майора Ширкова означенной суммы всего более трехсот тысяч рублей», с показаниями по каждой полученной им сумме, на что она была употреблена «и по каким резонам не принимается она на счет законной издержки» (Об инспекторе морских полков генерал-майоре П. С. Ширкове, обвиняемом в растрате // РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 2. Д. 624. Л. 27). В марте 1818 г. было получено распоряжение, чтобы по высочайшему повелению суд «произведен был немедленно» (Там же. Д. 627. Л. 1). 14 февраля 1819 г. военный суд вынес решение, по которому Ширков был признан виновным в «удержании и утрате полковых казенных и служительных сумм», по закону его вина требовала сурового наказания «лишением живота», но, учитывая прежние его заслуги, суд ограничился лишением чинов, орденов и знаков отличия и разжалованием в рядовые. Больному

Ширкову приговор был объявлен у него на квартире, к нему был приставлен караул (Там же. Л. 7–8). Решение суда не было утверждено, дело вернулось на следствие с целью отыскать и вернуть в казну похищенные Ширковым и его сообщниками суммы. В итоге денег, как и купленных на них имений, у Ширкова не нашлось, в списке «прикосновенных к делу», с которых было принято решение удерживать разные суммы в казну, оказалось 119 человек (причем большинство вошедших в него военных были к этому времени или мертвы, или в отставке, платить пришлось чиновникам, принадлежавшим к ведомству, инициировавшему судебное дело против Ширкова, что вызвало волну чиновничьих жалоб в высочайшие инстанции). Под домашним арестом генерал Ширков находился более 7 лет, до высочайшей конфирмации приговора, которая последовала лишь в следующее царствование, 13 октября 1826 г.: прежний приговор в отношении Ширкова был оставлен без изменений, чиновники же, привлеченные по делу, в согласии с царским манифестом от 22 августа 1826 г. были прощен-

НЫ И ОСВОБОЖДЕНЫ ОТ УПЛАТЫ ДЕНЕГ В КАЗНУ
(Там же. Д. 624–630).

[^^^]

В Кронштадтской таможне такой чиновник в эти годы в адрес-календарях не значится. Возможно, имеется в виду подполковник Яков Тимофеевич Матушинский, который в 1810 г. служил в Главном управлении водных и сухопутных сообщений, которое входило в то же министерство, что и таможенное ведомство.

[^^^]

1875

Замечательно, что Мария Петровна была несколько лет домоправительницею, или хозяйкою у Ивана Андреевича Крылова до его всемирной известности и знаменитости, т. е. до того времени, как он начал писать басни. Мария Петровна даже не подозревала, что Крылов – человек гениальный, и называла его просто *чиновником* и *сочинителем*. Когда я в наше знакомство с Крыловым вспомнил о Марье Петровне, он сказал: «Славная женщина! она раскормила меня!»

[^^^]

1876

Здесь в значении: пансионеров, лиц, пользующихся пансионом.

[^^^]

1877

Из офицеров-артиллеристов этого периода отвечает названным характеристикам скончавшийся в 1828 г. в чине генерал-майора Федор Степанович Челяев, который в 1809 г. служил майором при Санкт-Петербургской лаборатории Арсенала (см.: Месяцеслов... на 1811 год. Ч. 1. С. 188; Список штаб-офицерам по старшинству... СПб., 1809. С. 235).

[^^^]

1878

Для этого в русском торговом языке существует особое название: *кустарные произведения*. Это то же, что *дюзинная работа*.

[^^^]

1879

Цифры взяты из современных официальных известий.

[^^^]

1880

Мыс на берегу Финского залива близ Ораниенбаума, на котором еще при Петре I в 1710 г. был оборудован сторожевой пост и возведен маяк.

[^^^]

Маяк, установленный по приказу Петра I в 1719 г. на искусственном островке неподалеку от западной оконечности о. Котлин, на котором расположен Кронштадт; первоначально носил название Котлинский, в 1836 г. переименован в честь первого коменданта Кронштадта полковника Ф. С. Толбухина.

[^^^]

1882

Малотоннажные плавучие средства: баржи, плашкоуты, катера.

[^^^]

льгота, привилегия (*фр.*).

[^^^]

Ганзеатические города – крупные торговые города Северной Европы (Гамбург, Любек, Бремен), имевшие отношение к Ганзейскому союзу (от нем. Hanse – товарищество, союз), осуществлявшему посредническую торговлю между Западной, Северной и Восточной Европой.

[^^^]

Страница указана ошибочно: на ней косвенно и в ином контексте упомянут только министр народного просвещения граф Петр Васильевич Завадовский, Булгарин вряд ли имел в виду его. О злоупотреблениях провинциальных чиновников, наживающихся на войне, с упоминанием без имени одного из таких знакомых ему комиссионеров, Булгарин говорит во 2-й главе этой части (см.: т. 1, с. 305–306).

[^^^]

1886

дама сердца (*фр. шутл.*).

[^^^]

1887

См. в пятой части (т. 1, с. 576).

[^^^]

1888

Ткани, текстильные изделия (*устар.*).

[^^^]

1889

Пенелопа – верная жена Одиссея, которая ожидала его возвращения 20 лет, символ супружеской верности; здесь в ироническом значении.

[^^^]

1890

То же, что в Италии cavaliere servente⁸³.

[^^^]

1891

Из стансов к Н. М. Карамзину.

[^^^]

Начальные строфы из «Стансов к Н... М... К***» (Н. М. Карамзину) И. И. Дмитриева, впервые опубликованных в его сборнике «И мои безделки» (СПб., 1795. С. 119).

[^^^]

Выражением «десятая муза» обозначают какую-либо новую, не входящую в число принадлежащих известным девяти музам область искусства; возможно, что Булгарин под ней подразумевает сатирическую поэзию, предшественницу «натуральной школы», характеристику которой и дает ниже.

[^^^]

Булгарин отрицательно относился к Н. В. Гоголю и той группе писателей, которую В. Г. Белинский связывал с именем Гоголя. Отказав этой литературной школе в художественности, Булгарин дал ей название «натуральной школы» (Северная пчела. 1846. № 22. 26 янв.) и на протяжении долгих лет вел с ней борьбу на страницах своей газеты. Он писал: «Образовалась *новая школа*, названная в шутку *натуральною*, которая, будто снимая верные копии с природы, представляет в дагеротипных описаниях только то, что безобразно, отвратительно и гнусно в природе, придерживаясь одной пластики, или вещественных форм, отвергая все высокое и изящное в физическом и нравственном мире. В этой школе переданный верно разговор мужиков в питейном доме или описание наряда и квартиры бедного чиновника гораздо важнее философического взгляда на нравственную природу человека!» (Ф. Б. Заключение писем из Москвы // Северная пчела. 1854. № 158. 17 июля).

[^^^]

1895

А. Ф. Кротов скончался в 1817 году.

[^^^]

1896

Журнал «Демокрит» был задуман как сатирическое издание, издавался А. Ф. Кропотковым в 1815 г. (вышло всего 6 номеров) и заполнялся преимущественно сочинениями самого издателя.

[^^^]

1897

Неточная цитата из стихотворения А. Ф. Кротова «Разговор с чердака...»: «О, Фортуна!
/ Но ни слова, / С чердака мово сквознова / Те-
бе фигу я кажу...» (Демокрит. 1815. Кн. 2. С. 97).

[^^^]

Любопытно было бы исследовать, с которого времени слово «каторга» вошло в русский язык. В новогреческом языке *катергон* означает *галеру*. На древнем греческом языке «ката» значит предлог *в, по* (*selon, suivant*), а *эргон* означает труд. По-турецки *кадирга* означает галеру. От турков или греков заимствовали мы это?89

[^^^]

Арестантские роты появились при Николае I в 1825 г., положение о подчинении каторжных арестантов военной дисциплине было принято 26 сентября 1826 г.

[^^^]

1900

Изысканность, утонченность (*фр.*).

[^^^]

1901

Говоря о юношеских литературных пристрастиях, Булгарин иронизирует над своей готовностью отождествлять литературу и жизнь, перечисляя «книжных» благородных разбойников – «прямых потомков», по словам В. Э. Вацуро, шиллеровского Карла Моора из драмы «Разбойники» (1781), но «характерологически упрощенных и адаптированных для массового чтения» (Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 321). «Виктор, или Дитя в лесу» (1796; рус. перевод в 4 ч. М., 1799–1800) – роман французского писателя Ф. Г. Дюкре-Дюмениля; Ринальдо Ринальдини – герой одноименного популярного романа (1798; рус. перевод в 8 т. М., 1802–1804) немецкого писателя К. А. Вульпиуса.

[^^^]

1902

Багрить рыбу значит на Урале бить под льдом баграми чрез проруби.

[^^^]

1903

В литературе о восстании Е. И. Пугачева существовала версия о том, что он вместе с другими беглыми казаками был работником на хуторе Данилы Шелудякова и при его поддержке начал собирать своих приверженцев; в ноябре 1773 г., во время осады Оренбурга, Шелудяков был взят в плен, Пугачев предлагал за него большой выкуп, но через несколько дней после страшных пыток Шелудяков умер в плену. Булгарин мог ознакомиться с этой версией у А. С. Пушкина, который почерпнул сведения о Шелудякове из рукописи П. И. Рычкова «Описание осады Оренбурга», включив выдержки из нее в качестве приложений (см.: *Пушкин А. С. История Пугачевского бунта*. СПб., 1834. Ч. 1. С. 15; Ч. 2. С. 79, 146–147), и в «Словаре достопамятных людей Русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (М., 1836. Ч. 5. С. 298–300). Современные историки считают эту версию легендарной, поскольку документальные свидетельства, указывающие на знакомство Пугачева с Шелудяковым и на службу этого казака в пугачевском войске, отсутству-

ют, напротив, согласно архивному документу, составленному в марте 1776 г., Д. Шелудяков в это время служил в Уральском войске (см.: Оренбургская пушкинская энциклопедия / Авт.-сост. Р. В. Овчинников, Л. Н. Большаков. Оренбург, 1997. С. 488–489).

Идентифицировать племянника Д. Шелудякова не удалось. По возрасту, указанному Булгариным, и по фамилии (хотя племянник не обязательно носил ту же фамилию) им мог быть яицкий казак, сподвижник и свояк Е. И. Пугачева Семен Михайлович Шелудяков, вместе с женой привлеченный к суду за родственную связь с Пугачевым. Однако, как указывает Р. В. Овчинников, «в повстанческом движении Шелудяков не участвовал и, более того, тайно информировал командование осажденной в городе крепости о положении в пугачевском лагере, сообщал о наступлениях правительственных войск к Оренбургу. <...> По судебному приговору его отнесли к группе казаков, которых формально решено было “от всякого наказания освободить”; фактически же они, в соответствии с предписанием генерал-прокурора Сената А. А. Вяземского, подле-

жали ссылке на пожизненное поселение в Рижскую губернию. Благодаря ходатайству атамана Уральского казачьего войска полковника М. М. Бородина, Шелудяковым удалось избежать ссылки в Прибалтику. 11 марта 1775 Тайная экспедиция Сената вынесла определение об освобождении их из заключения и разрешении возвратиться к месту постоянного проживания» (Там же. С. 489–490). См. также: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995. С. 99, 171, 208–210, 213, 261.

[^^^]

1904

В России в 1769–1849 гг. существовал отдельный учет денежных сумм на рубли серебром и рубли ассигнациями, которые различались по стоимости. В 1809 г. рубль ассигнациями соответствовал 43 копейкам серебром, а в конце 1810 г. – 19 копейкам (*Катыхова Л. А. От рубля бумажного к рублю серебряному // Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. / Ред. Н. П. Зимарина. М., 1994. С. 16–17*).

[^^^]

1905

Ариадна – героиня древнегреческой мифологии, дочь критского царя Миноса. Она помогла Тесею найти выход из лабиринта и убить Минотавра; в произведениях искусства зачастую изображена в момент отчаяния, покинутая Тесеем на о. Наксос.

[^^^]

1906

Из Кронштадта Булгарин был переведен в Ямбургский драгунский полк 23 августа 1810 г. (см.: Аттестат Булгарина. С. 419). О жизни Булгарина в этот период сведений очень мало. Более всего известно письмо П. В. Нащокина к С. Д. Полторацкому (сообщенное последним в 1880 г. и напечатанное после его смерти), в котором Нащокин вспоминает об обстоятельствах появления пушкинского памфлета «Новый Выжигин»: одним из источников якобы послужил рассказ полковника Д. М. Спичинского, который знал Булгарин в Ревеле «разжалованным в солдаты», находившимся «не во фронте, а в канцелярии», предававшимся запою и опустившимся до такой степени, что просил милостыню в стихах и украл шинель у камердинера Спичинского (см.: О Булгарине. Письмо П. В. Нащокина к С. Д. Полторацкому // Русский архив. 1884. № 6. С. 352–353). Однако военный аттестат Булгарина не содержит сведений о разжаловании в солдаты и службе в канцелярии, напротив, в нем указывается, что 8 ноября 1810 г. Булгарин был про-

изведен в подпоручики. Нужно учесть, что эта информация появилась в период резко обострившейся полемики с Булгариным литераторов пушкинского круга (не случайно Нащокин просил Спичинского повторить свой рассказ в присутствии Пушкина, а тот творчески трансформировал эту историю в элемент литературной биографии Булгарина). Пушкинисты называют источником приведенной выше информации о Булгарине Владимира Николаевича Спечинского (так! – Н. А.) (1788, по другим данным, 1785 – 1855), см. комментарий Б. В. Томашевского в: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4♦е изд. Л., 1978. Т. 7. С. 490; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2♦е, доп. и перераб., Л., 1989. С. 417. Однако Спечинский не служил в одном полку с Булгариным: он был переведен из Тамбовского мушкетерского полка в Уланский цесаревича Константина Павловича полк подпоручиком 23 апреля 1809 г., Булгарин же в феврале того же года был переведен в Кронштадтский гарнизонный полк, т. е. одновременно в полку они не служили. Очевидцем событий в Ревеле он также не мог быть, так как его Лейб-

гвардии Уланский полк с 1809 по март 1812 г. дислоцировался в Стрельне, отлучаясь на маневры в Петергоф (см.: *Бобровский П. О.* История Лейб-гвардии Уланского ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. СПб., 1903. Т. 1. С. 124–129), формуляр же Спечинского (Там же. С. 146, 147) не содержит сведений о его отпуске в это время. Следовательно, рассказ о пьянствующем Булгарине был сочинен Спечинским или передан с чьих-то слов для развлечения пушкинского окружения (подробнее см.: *Акимова Н.* Чью шинель украл Булгарин?: Об одном из источников пушкинского текста // Вопросы литературы. 2017. Вып. 3. С. 159–172).

[^^^]

1907

тонкость, деликатность (*фр.*).

[^^^]

1908

Гермейстер (*нем.*) – глава соединенных орденов Тевтонского и Меченосцев в Ливонии.

[^^^]

1909

Имеется в виду «Молодая Германия» – литературное движение, связанное с отмеченной социальным критицизмом деятельностью немецких писателей (Л. Бёрне, Л. Винбарг, К. Гуцков, Т. Мундт, Г. Кюне), объединившихся в начале 1830-х гг. на либеральной основе и выступавших с критикой традиций немецкого классицизма и романтизма.

[^^^]

1910

Орган власти в Древних Афинах; здесь: собрание авторитетных лиц.

[^^^]

1911

В прибалтийских губерниях крепостное право было отменено (без предоставления земли крестьянам) в первой четверти XIX в.: в Эстляндии – в 1816 г., в Курляндии – в 1817 г., в Лифляндии – в 1819 г.

[^^^]

1912

История Дерптского университета, основанного в 1632 г. шведским королем Густавом II Адольфом как Academia Gustaviana, прерывалась, начиная с 1656 г., в связи с русско-шведскими войнами, и в 1710 г. после присоединения Эстляндии к России университет перестал существовать. В мае 1799 г. Павел I утвердил статут и штаты Дерптского университета, который должен был остаться на попечении дворянств Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, однако это намерение ему не удалось осуществить. Новый университет открыл Александр I в день своего 25-летия – указ об учреждении Императорского Дерптского университета был подписан им 12 декабря 1802 г. Преподавание велось на немецком языке, все профессора, кроме преподавателей русского языка и литературы, были в основном выходцами из Германии. Ныне – Тартуский университет в Эстонии.

1913

В первой половине XIX в. в прибалтийских губерниях были основаны: Курляндское общество словесности и художеств (Митава, 1816), Аренбургское литературное общество (1817), Латышское литературное общество (Рига, 1827), Общество истории и древностей трех Остзейских губерний (Рига, 1834), Общество словесности и практики (Рига, 1834), Эстляндское литературное общество (Ревель, 1842) и др.

[^^^]

На страницах редактируемых им периодических изданий, в особенности журнала «Эконом, хозяйственная общепользная библиотека», Булгарин пропагандировал рациональное ведение хозяйства, «в котором каждое дело основано на выводах из опытов и умозаключений и в котором естественные науки входят в неперемное условие» (Ф. Б. О полевых рвах // Эконом. 1841. Т. 1. Тетр. 16. С. 130). Образцом, по его мнению, служило немецкое хозяйство, опиравшееся на научный подход в различных отраслях, от агрономии до бухгалтерии: «...в полеводстве, лесоводстве и скотоводстве, а кроме того <...> в математике, химии, физике, технологии» и систематический строгий учет и контроль (Ф. Б. Управление имением // Там же. Тетр. 11. С. 90–91). Он приводил слова владельца такого поместья, белорусского помещика Д. О. Лаппа, от которого получил «первые уроки практического хозяйства»: «Тут надобно немца <...> и для этого я послал двух моих сыновей в Дерптский университет. Без немецкого терпения, немецкого

постоянства нельзя победить трудностей, а немецкий язык введет детей моих в область немецких усовершенствований» (Ф. Б. Об осушении почвы // Там же. Т. 2. Тетр. 32. С. 254–255).

[^^^]

1915

Речь идет об указе Александра I от 20 февраля 1803 г. об отпуске помещиками своих крестьян на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных, известном как указ о вольных хлебопашцах. Помещики получали право освобождать крепостных крестьян поодиночке и селениями, с обязательным наделением землей за выкуп, однако число воспользовавшихся указом было невелико. В 1840-х гг. в помещичьих деревнях в Западном крае (Правобережной Украине, Белоруссии и Литве) были введены обязательные инвентари, а в 1837–1841 гг. по инициативе министра государственных имуществ П. Д. Киселева проведена реформа управления государственными крестьянами, несколько улучшившие положение крестьян.

[^^^]

1916

Ныне г. Таллин, столица Эстонии.

[^^^]

1917

Предместье г. Ревеля.

[^^^]

Речь идет об одной из азартных игр (см. примеч. 136 на с. 396). Порядок игры таков: один из игроков (банкомет) ставит определенную сумму денег (банк), понтер (понтировать могли как один, так и несколько игроков одновременно) объявляет, на какую сумму (или на весь банк – «ва-банк») он играет и карту, на которую ставит. После чего банкомет «мечет банк», раскладывая открытые карты из колоды поочередно направо и налево. Как правило, банкомет и понтеры располагались по разные стороны прямоугольного стола, покрытого зеленым сукном, которое служило для записи мелом ставок и долгов. Понтер выигрывал в том случае, если карта, названная им, ложилась налево от банкомета, в противном случае выигрывал банкомет. Несмотря на формальный запрет азартных игр в России 215♦й статьей Устава Благочиния, утвержденного Екатериной II 8 апреля 1782 г. (ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. XXI. № 15.379. С. 479), и именными указами Александра I «О истреблении непозволенных кар-

точных игр», данным Санкт-Петербургскому военному губернатору 11 июля 1801 г., и «О принятии точных мер к открытию и пресечению азартной карточной игры», данным Московскому военному губернатору 28 апреля 1806 г. (Там же. Т. XXVI. № 19.938. С. 713–714; Т. XXIX. № 22.107. С. 207), в начале XIX в. они были распространены повсеместно (см.: *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 142–146, 154–155).*

[^^^]

1919

Согласно аттестату, Булгарин был «по худой аттестации в кондукитных списках отставлен от службы» 10 мая 1811 г. (см.: Аттестат Булгарина. С. 419). Во французском же аттестате Булгарин указано, что он вступил подпоручиком в 3^й легион французских улан в августе 1810 г. (см.: *Рейтблат А. И.* Видок Фиглярин: (История одной литературной репутации) // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 81). Указанные Булгариным в следующей главе год рождения и возраст Ю. Понятовского позволяют отнести описанные события к 1810 г. и дают основание предположить, что Булгарин оставил службу в первой половине этого года, но лишь через год, из-за медленной работы бюрократического аппарата, был исключен из списков. Причины, по которым Булгарин вынужден был оставить службу, неизвестны.

[^^^]

1920

У Булгарина было четыре сына: Болеслав, Владислав, Мечислав, Святослав и дочь Елена, в замужестве фон Александрович.

[^^^]

1921

Венден – ныне г. Цесис в Латвии.

[^^^]

1922

В армии Герцогства Варшавского было два гусарских полка. Они отличались соответственно золотыми (1-й гусарский полк) и серебряными (2-й гусарский полк) аксесуарами.

[^^^]

1923

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР (*фр.*).

[^^^]

1924

Ныне г. Кедайнай, административный центр района в Литве.

[^^^]

Английский король Яков I активно боролся как с католицизмом, так и с радикальным протестантизмом. В 1600 г. лидеры шотландских ультрапротестантов были изгнаны из страны. Часть из них в середине XVII в. осела в Великом княжестве Литовском, где им покровительствовал великий гетман Литовский Януш Радзивилл, активно содействовавший переходу литовско-белорусской аристократии в кальвинизм и получению молодыми соотечественниками образования в протестантских университетах Европы.

[^^^]

1926

По религиозным установлениям иудаизма одни виды пищи (кошерные) дозволены к употреблению, другие (трефные) запрещены.

[^^^]

1927

Нотариус Жак Ферран, персонаж романа «Парижские тайны», имеет репутацию добродетельного человека, однако является негодяем: он обвиняет жертву своих домогательств, Луизу, в убийстве рожденного ею ребенка (на самом деле родившегося мертвым), своего служащего Франсуа Жермена – в краже большой суммы денег, и т. д.

[^^^]

1928

Дормез – большая карета для длительных поездок со спальными местами.

[^^^]

1929

То есть представитель одного из старообрядческих толков – филипповцев.

[^^^]

1930

окрестности (польск.).

[^^^]

1931

В Могилевской губернии только один дворянский род, начинавшийся на букву «с», кончался на букву «н» – Синицин. См.: Алфавитный список дворянских родов, внесённых в родословные дворянские книги Могилевской губернии. Могилев, 1909.

[^^^]

Село Лысково принадлежало князю Г. А. Грузинскому (1762–1852), имевшему прозвище Волжский царь. Князь И. М. Долгорукий писал про него: «...человек отважный, что называется буян, занимая должность губернского предводителя <...> он вмешивается в дела каждого, судит и рядит по произволу, разбирает крестьян и дворянских и коронных в обыкновенных их распрях <...> он доказывает каждому вину его и правость коренными русскими аргументами, т. е. кулаками; кому глаз подобьет, кому бороду выдерет. Такова юстиция его светлости, и он такое взял над всеми жителями губернии преобладание, что никто не смел на него пожаловаться: все запуганы пышным именем князя Грузинского, и одна угроза поселянина, что он пойдет к его светлости, гонит всякого прочь безответно. <...> богат, а пуще всего дерзок, и все с рук сходит. Кого не купит деньгами, того силой прищипит. Селение его наполнено беглыми: они у него пристают, выдворяются, торгуют, платят ему оброк, и никто пошевелить их не смеет.

Правительство местное все про это знает, но молчит, потому что князь Грузинский, по связям своим с Двором, всегда надует такие тучи, от которых никто не спасется» (*Долгорукий И. М. Журнал путешествия в Нижний в 1813 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1870. Кн. 1. С. 21–22*). Г. А. Грузинскому даже приписывали организацию разбойничьих шаек, нападавших на Волге на купеческие суда, что, скорее всего, неправда.

Булгарин пишет, что помещик, о котором идет речь, «покоится теперь в могиле», а в 1849 г., когда вышла шестая часть «Воспоминаний» Булгарина, Грузинский был еще жив. Скорее всего, Булгарин просто не допускал, что он прожил 87 лет, весьма солидный срок для того времени. Впрочем, Грузинский к тому времени уже «побывал в могиле». В 1798 г., когда по его приказанию был выпорот уездный исправник, нижегородский губернатор добился, чтобы суд вынес ему обвинительный приговор. Чтобы избежать наказания, Грузинский подкупил чиновников, и его записали умершим. Лишь через три года, после гибели Павла I, когда на престоле был новый

император, он «воскрес».

[^^^]

1933

Аббревиатура от *Xiążę Dominik Radziwiłł*
(князь Доминик Радзивилл).

[^^^]

1934

Слово чести должно быть твердым (*лат.*).

[^^^]

1935

Фурман – кучер, извозчик.

[^^^]

1936

Ныне город в Минской области Беларуси.

[^^^]

1937

Видоизмененная цитата из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811). В источнике: «Буянов, не стерпя приветствия такого, / Задел дьячка в лицо, не говоря ни слова».

[^^^]

1938

Так жи́ды произносили мою фамилию. Шалё-
ный (по-польски Szalony), но по жидовскому
произношению салёный.

[^^^]

Булгарин имеет в виду петербургского книгопродавца и издателя Матвея Дмитриевича Ольхина, который с самого открытия своего магазина (в 1842 г.) был тесно связан с ним: у него находилась контора «Северной пчелы», журналов «Репертуар русского и пантеон всех европейских театров» (Булгарин редактировал его в 1842 г.) и «Эконом» (выходил под редакцией Булгарина в 1841–1844 гг.). Ольхин выпустил ряд книг Булгарина: «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого», «Суворов» (обе – СПб., 1843), Полное собрание сочинений (СПб., 1843–1844. Т. 3–7), «Воспоминания» (Ч. 1–3. СПб., 1846–1847). Булгарин постоянно рекламировал Ольхина в «Северной пчеле». Издание книг Булгарина способствовало разорению Ольхина, в январе 1848 г. он прекратил торговлю и был объявлен несостоятельным должником, но и Булгарин при этом потерял значительную сумму денег.

1940

Ныне г. Свислочь Гродненской области Беларуси.

[^^^]

1941

По-польски родство *по мечу* значит *по мужескому колену*, а родство *по кудели* (po kądzieli) родство *по женскому колену*. Очевидно, что в древности жены и дочери дворян в Польше, как и везде, занимались пряжею, и от этого названия *родство по кудели* осталось в языке и в законах.

[^^^]

1942

Басон (от *фр.* passement – позумент) – здесь:
тесьма.

[^^^]

1943

О старосте Яловском говорено было в прежних частях «Воспоминаний».

[^^^]

1944

Ныне деревня Ялувка в Белостокском повяте
Подляского воеводства Польши.

[^^^]

1945

В польских домах когда много гостей, то не только молодые люди, но даже женщины спят на соломе, постланной на полу, разумеется в особых отделениях дома. Настиляется солома, покрывается коврами и простынями, кладутся подушки, и все ложатся в ряд, как солдаты в палатках. Это называется по-польски *sprać pokotem*.

[^^^]

1946

Имеется в виду книга Дж. Казановы «История моей жизни» («Histoire de ma vie»). Впервые мемуары Казановы, написанные по-французски, были изданы в переводе на немецкий язык в 1822–1828 гг. в 12 томах (Aus den Memoiren des Venetianers Jacob Casanova de Seingalt, oder sein Leben, wie er es zu Dux in Böhmen niederschrieb. Nach dem Original-Manuscript bearbeitet von Wilhelm von Schütz), с немецкого они были переведены на французский и изданы в 1825–1829 гг. в 14 томах (Mémoires du Vénitien J. Casanova de Seingalt, extraits de ses manuscrits originaux publiés en Allemagne par G. de Schütz), а в 1826–1838 гг. вышло французское издание, воспроизводящее (с некоторыми сокращениями) оригинальный текст: Mémoires de J. Casanova de Seingalt écrits par lui-même. Leipzig; Paris, 1826–1838 (подробнее см.: *Рейсер С. А.* Пушкин и мемуары Казановы // *Временник Пушкинской комиссии*, 1976. Л., 1979. С. 125–130). Судя по форме, в какой Булгарин воспроизводит название книги, он знакомился с ней по изда-

нию 1826–1838 гг. В полном виде на русский язык не переводились. Первый рус. перевод фрагментов: Мемуары. СПб., 1887, позднее выходили и другие издания избранных мест, наиболее полное: История моей жизни / Пер. И. К. Стаф, А. Ф. Строева. М., 1990.

[^^^]

1947

Имеется в виду граф Йозеф Карл фон Вальдштейн, в замке Дукс которого (в Богемии) Казанова жил с 1785 г. до смерти в 1798 г.

[^^^]

1948

Речь идет о романе Ж.-Б. Лувре де Кувре «Приключения кавалера де Фобласа» (1787–1790), первый рус. перевод: Приключения шеваляе де Фобласа. СПб., 1792–1796. Ч. 1–13.

[^^^]

1949

Документального подтверждения визита Казановы в Свислочь нет.

[^^^]

1950

По-гречески symphoneo значит assorti, подобранный, приличный, то же что covenant. Слово symphoneo происходит от греческого же слова: symphoneo, pacte, союз, contentement, удовольствие, consentement, согласие.

[^^^]

1951

Армида – героиня поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1559–1581), волшебница, хозяйка волшебных садов, в которых рыцари-крестоносцы забывали о своих обетах ради любви к ней.

[^^^]

1952

Имеется в виду Фридрих Август I.

[^^^]

1953

Лигурийская республика была создана в 1797 г. на оккупированной Францией территории Генуэзской республики как французский протекторат. Существовала в таком качестве до 1805 г., после чего была присоединена к Франции в качестве департамента.

[^^^]

1954

Речь идет о созданном в 1797 г. в Италии на основе соглашения, заключенного находившимся в эмиграции польским генералом Я. Х. Домбровским с правительством Цизальпинской республики, добровольческом воинском формировании. Два сформированных легиона использовались на территории Италии, в том числе во время войны Франции против 2-й коалиции в боевых действиях против русско-австрийских войск (1799–1800 гг.). В 1801 г. польские легионы были реорганизованы Наполеоном в три полубригады и уланский полк. 2-я и 3-я полубригады были отправлены на о. Сан-Доминго (название западной части о. Гаити, бывшей до 1804 г. французской колонией) для подавления антифранцузского восстания. 1-я полубригада и уланский полк остались в Италии и в 1805–1807 гг. участвовали в войне Франции с 3-й и 4-й коалициями. Всего до 1808 г. через польские легионы прошло около 35 000 человек, часть которых составила основу польской армии герцогства Варшавского, а часть осталась на

французской службе в так называемом польско-итальянском легионе.

[^^^]

1955

Славония – историческая область на востоке Хорватии, с XVI в. входившей в состав Габсбургской империи.

[^^^]

Ш. Леклерк командовал экспедиционным корпусом, подавившим восстание на о. Сан-Доминго под руководством Туссена Лувертюра (1801–1802).

[^^^]

1957

Пущено было в оборот: 700 000 билетов по талеру, 250 000 билетов в два талера, 60 000 билетов по пяти талеров.

[^^^]

1958

Дворец Красинских был построен в Варшаве в 1677–1683 гг. для воеводы плоцкого Яна Доброгоста Красинского по проекту архитектора Тильмана ван Гамерена. Был окружен садом, доступным для публики с 1768 г.

[^^^]

1959

Дворец в стиле барокко, изначально построенный после 1661 г. по заказу великого подскарбия коронного Яна Анджея Морштына, был приобретен в 1713 г. королем Августом II Сильным и перестроен по проекту архитекторов К. Ф. Попельмана и Д. Рауха. С 1724 г. был королевской резиденцией. Разрушен в годы Второй мировой войны.

[^^^]

1960

Кабриолет (*фр.* *cabriolet*) – легкая (обычно двухколесная) конная повозка, в которую запрягалась одна лошадь.

[^^^]

1961

Театр Народовы располагался в здании на площади Красинских с 1779 г. по 1833 г.

[^^^]

1962

Л. А. Дмушевский не был основателем газеты «Курьер Варшавский», он купил ее в 1821 г. у Б. Кицинского и редактировал с 1822 г. до смерти. Газета выходила до 1939 г.

[^^^]

1963

А. Жулковский выпускал рукописный (с 1811), затем печатный (1822) театральный вестник «Момус», который был очень популярен у варшавян.

[^^^]

1964

Пьеса «Краковяки и горцы» первый раз была поставлена в 1794 г.

[^^^]

1965

Сведения о любви короля Казимира Великого к Эстер Малах содержатся в хронике Яна Длугоша «*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*» («Анналы или Хроники знаменитого Царства Польского»), написанной в 1455–1480 гг. и изданной в 1614 г. Других источников, содержащих сведения о ней, нет. На этот сюжет Булгарин написал повесть «Эстерка».

[^^^]

1966

Речь идет о Польско-австрийской войне 1809 г., которая была частью войны Наполеона с пятой коалицией, но велась только польскими войсками. Военные действия шли с апреля по июль и завершились победой поляков. В результате по Шёнбруннскому мирному договору 14 октября 1809 г. к Варшавскому княжеству были присоединены Новая Галиция и Замостье, территория княжества увеличилась в полтора раза, а численность населения выросла с 2,6 до 4,3 млн человек.

[^^^]

1967

Имеются в виду римский полководец и император Тит Флавий Веспасиан, правивший в 69–79 гг. и именуемый обычно Веспасианом, и его сын Тит Флавий Веспасиан, правивший в 79–81 гг. и именуемый обычно Титом. Веспасиан руководил армией, которая должна была подавить восстание в Иудее (Первая иудейская война, 66–71), а Тит воевал под его началом. В 69 г. Веспасиан отправился в Рим и стал императором, а Тит остался в Иудее в качестве командующего войсками, взял Иерусалим и изгнал евреев из страны.

[^^^]

1968

Иудаистам разрешено есть мясо только тех животных, которые одновременно являются жвачными и парнокопытными (например, коз, коров и овец), поэтому нельзя употреблять в пищу свиней, верблюдов и кроликов.

[^^^]

1969

То есть вакансий.

[^^^]

1970

Ни в польской, ни во французской службе не было чина прапорщика, и первый чин был подпоручика.

[^^^]

1971

Имеется в виду г. Равич.

[^^^]

1972

То есть языком лужичан – малочисленного славянского народа.

[^^^]

1973

Название кроатов и хробатов, без всякого сомнения, происходит от названия Карпатских гор, или Кремпаков (Kęракów), т. е. твердых, крепких.

[^^^]

1974

Это произошло не в 1525 г., а в 1526 г.

[^^^]

1975

Искаженная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (реплика Фамусова, действие 2, явление 5).

[^^^]

1976

Поговорка: «Лежачего не бьют».

[^^^]

1977

Далее в рукописи: «при достатке предаются
излишеству,».

[^^^]

1978

Далее в рукописи: «Но они отличные солдаты и дерутся храбро только тогда, когда собраны в особые дружины и когда повинуются начальникам славянской крови. В немецких полках славяне служат и дерутся неохотно.».

[^^^]

1979

Далее в рукописи: «Слабый и недостаточный перевод.».

[^^^]

1980

Булгарин имеет в виду персонажей повести И. В. Гёте «Страдания юного Вертера», главный герой которой покончил жизнь самоубийством из любви к Шарлотте, вышедшей замуж за его друга.

[^^^]

1981

Сочинение написано по-французски, переведено на русский язык профессором русской словесности в Дерптском университете М. П. Розбергом, напечатано в Дерпте в 1807 году 162 и потом перепечатано в журналах.

[^^^]

1982

Ошибка Булгарина. Имеется в виду Л. Уланд.

[^^^]

1983

Имеется в виду революция в Германии в 1848–1849 гг.

[^^^]

В Семилетнюю войну во всей прусской армии играли Дессауский марш, сочиненный, как гласит предание, герцогиней Дессаускою¹⁶⁵. Этот марш играли и в русской армии при Петре III и при императоре Павле Петровиче.

[^^^]

1985

Ф.-Л. Ян был членом германского парламента
с 1848 г.

[^^^]

1986

В рукописи: «общественная нравственность».

[^^^]

1987

Венский конгресс проходил с сентября 1814 г. по июнь 1815 г. На нем были зафиксированы территориальные приобретения стран-победительниц и создан Священный союз, имевший целью обеспечить безопасность европейских монархических государств.

[^^^]

1988

Этой фразы нельзя перевести буквально. Она означает, что все должно делать для блага народа, но не должно допускать, чтоб народ сам, противу воли правительства, действовал в той же цели, потому что он всегда будет обманут хитрецами и пройдохами и вместо добра найдет зло. Теперь это ясно доказано.

[^^^]

1989

Имеется в виду Фридрих Вильгельм III.

[^^^]

1990

Так называли французскую республику, созданную 23 февраля 1848 г. после отречения короля Луи-Филиппа. Этот режим просуществовал до июня, когда начался период реакции.

[^^^]

1991

Берлинский университет был основан 16 августа 1809 г.

[^^^]

1992

См. примеч. 259 на с. 328.

[^^^]

1993

Далее в рукописи: «Я согласился на предложение пруссака.».

[^^^]

1994

Черес – кожаный пояс для денег.

[^^^]

1995

объявление о розыске (нем.).

[^^^]

1996

См. примеч. 166 на с. 317.

[^^^]

1997

Юнгфернштиг (*нем.* Jungfernstieg) – одна из самых старых улиц Гамбурга.

[^^^]

1998

В «Воспоминаниях» Булгарина нет других упоминаний этого кафе (в т. ч. и во второй части).

[^^^]

Ю. М. Лотман, исследовавший модель взаимоотношений банкомета и понтера, писал о том, что роль банкомета давала возможность психологически подавлять другую личность: насыщая романтическую жажду власти, «опытный хладнокровный банкомет превращался для взволнованного и неосторожного понтера в воплощенный образ судьбы», все это позволяло банкомету создавать вокруг себя «ореол романтического демонизма», «позиция банкомета фаталистична, позиция понтера – рискованна» (Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 149–150, 152). В таком случае, приписывая себе роль «страшного» понтера, Булгарин указывал на свое умение держать удары судьбы, не пасовать, а, рискуя, идти ей навстречу.

[^^^]

2000

В данном случае талией назван круг игры до окончания колоды у банкмета или до срыва банка, а кушем – ставка в игре.

[^^^]

2001

Где ныне огромное здание, принадлежащее
Голландской церкви.

[^^^]

2002

Банкиров тогда в России было очень мало.
Тут, по-видимому, имеются в виду Я. Н. Молво
и его жена Кристина.

[^^^]

2003

не смущайтесь (*фр.*).

[^^^]

2004

Наполеондор (napoleon d'or (*фр.*) – золотой наполеон) – французская золотая монета в 20 франков весом 6,45 г при содержании чистого золота в 5,8 г, чеканилась с 1803 по 1914 г. Название происходит от изображения на монете Наполеона I и Наполеона III.

[^^^]